

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА.

ВЪ

РОССИИ

ПРИ

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

П. ПЕКАРСКАГО.

Удостоено отъ Академіи Наукъ полной денидовской преміи.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

1862.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

ИСТОРИЮ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ

РОССІИ

XVIII СТОЛѢТІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. ПЕКАРЕВАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Товарищества «Общественныя Печати».

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Сентября 4 дня 1861 года.

Исправляющій должность директора *С. Загбениль*.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Предисловіе, стр. I—VI.

I.

Значеніе Польши для кіевской академіи. Кіевскіе ученые въ Москвѣ. Причины неудачъ ихъ тамъ до совершенновѣтія Петра Великаго. Вліяніе Кіева на русское просвѣщеніе начала XVIII вѣка, стр. 1—6.

II.

Знакомство Петра Великаго съ учеными въ Голландіи, стр. 6—10. Русскія типографіи въ Амстердамѣ, стр. 10—13. Илья Копіевскій переводчикъ, составитель учебниковъ и стихотворецъ, стр. 13—25.

X III.

Сношенія Петра Великаго съ Лейбницемъ. Проекты послѣдняго о введеніи наукъ въ Россіи, стр. 25—33. Вольфъ: приглашенія ему переселиться въ Россію; заслуги его русскому просвѣщенію, стр. 33—39. Знакомство царя съ французскими учеными въ Парижѣ въ 1717 г. Замыслы французскихъ богослововъ, стр. 39—43. Размѣвъ учтивоостей съ парижскою академіею наукъ, стр. 44—45.

IV.

Учрежденіе бібліотеки въ Петербургѣ, стр. 46—48. Библіотекаръ Шумахеръ и его отчетъ царю о заграничной поѣздкѣ съ учеными цѣлями, стр. 48—52. Куность-камера съ ея монстрами и раритетами, стр. 53—59. Предварительныя распоряженія объ открытіи академіи наукъ въ Петербургѣ, стр. 59—63.

V.

Первый наставникъ царевича Алексѣя Нейгебауеръ. Удаленіе его изъ Россіи, стр. 64—65. Полемическія брошюры противъ русскаго двора. Преслѣдованіе и защищеніе ихъ, стр. 65—90. Мѣры Петра Великаго для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія въ Европѣ при помощи типографскаго станка. Баронъ Гюйссенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія, 90—107.

VI.

Состояніе духовныхъ училищъ въ началѣ XVIII вѣка, стр. 107 — 121. Навигаторская школа въ Москвѣ, морская академія въ Петербургѣ, стр. 122 — 124. Пифирныя школы, стр. 124 — 126. Глюкъ и его гимназія въ Москвѣ, стр. 126—132. Свидѣтельство доктора Бидлоо о первомъ гошпиталѣ въ Россіи, стр. 132—133. Школа шведскихъ плѣнныхъ въ Тобольскѣ, стр. 133—134. Современные иностранныя извѣстія о состояніи просвѣщенія въ тогдашней Россіи, стр. 135—139.

VII.

Русскіе петровскихъ временъ заграничей, стр. 139 — 144. Современные описанія путешествій, стр. 144—155. Заграничныя письма русскихъ въ началѣ XVIII столѣтія, стр. 155—167.

VIII.

Старинныя учебники для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ. Отношеніе ихъ къ букварямъ Петра Великаго, стр. 167—182. Понятія о грамматикѣ въ старину, стр. 182—183. Заимствованія изъ грамматики Смотрицкаго (1619 г.) въ началѣ XVIII вѣка, стр. 183—186.

IX.

Состоянія языкознанія въ Россіи XVII вѣка, стр. 186 — 190. Учебныя руководства и пособія въ началѣ XVIII столѣтія. Свидѣтельство современника объ этомъ предметѣ: Иванъ Максимовичъ и его предисловіе къ латинскому лексикону, стр. 190—197. Переводчики: посольскаго приказа, стр. 197 — 210; изъ лицъ духовнаго сословія. Собственноручныя наставленія Петра Великаго для перевода книгъ, стр. 210—220. Переводчики, получившіе образованіе за границей, стр. 220—248. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, покровитель переводчиковъ и ученыхъ. Значеніе его въ политическихъ событіяхъ 1730 года, стр. 248—263.

X.

Математика. Математическое руководство XVII вѣка, стр. 263—264. Введеніе арабскихъ цифръ 268—269. Печатныя математическія книги временъ Петра Великаго, стр. 269—277. Астрологія; успѣхи ея въ Россіи въ старину, стр. 277—281. Астрономія; любовь государя къ этой наукѣ; первое печатное объявленіе о затмѣніяхъ, стр. 281 — 283. Календари. Мѣсяцословъ царя Алексѣя Михайловича съ собственноручными замѣтками Петра Великаго, стр. 283—285. Рукописныя и печатныя календари конца XVII и начала XVIII вѣка, стр. 285—289. Брюсъ и его труды на пользу русскаго просвѣщенія вообще, стр. 289—303. Календарь, извѣстный подъ невѣрнымъ названіемъ Брюсова, стр. 304 — 313. Календарь Изволова, составленный согласно требованіямъ науки, стр. 313—315.

XI.

Исторія; печатныя руководства къ изученію русской исторіи, стр. 315—317. Заботы царя о составленіи русской исторіи и его взглядъ на древній періодъ ея. Распоряженія Петра Великаго о сохраненіи въ памяти потомства его царствованія, стр. 317—323. О переводахъ и изданіи въ свѣтъ иностранныхъ историческихъ произведеній. Вліяніе католицизма и протестантизма на труды западныхъ историковъ и значеніе этого вліянія въ русскихъ переводахъ петровскихъ временъ, стр. 323—332.

XII.

Русскіе переводы географическихъ сочиненій въ XVII вѣкѣ, стр. 333—340. Описаніе на русскомъ языкѣ Китая—Спафарія, стр. 340—343. Печатныя географіи при Петрѣ Великомъ; заботы его о составленіи и печатаніи картъ, стр. 343—346. Вліяніе французской академіи наукъ по части изслѣдованій разныхъ краевъ Россіи, стр. 346—350. Первое ученое путешествіе по Сибіри доктора Мессершмидта, 350—362.

XIII.

Рукописныя стихи и похвальныя слова, хранящіеся въ кабинетѣ Петра Великаго, стр. 362—363. Панегирикъ братьевъ Лихудовъ, стр. 363—364. Прозанческія и стихотворныя произведенія по случаю полтавской победы, стр. 365—368. Стихотвореніе Михаила, валдайскаго пастушка, 1718 года, стр. 368—370. Слово Софронія Лихуды, стр. 370—371. Кантата Михаила Ширяева, стр. 371—372.

XIV

Средневѣковыя мистеріи и отношеніе ихъ къ стариннымъ театральнымъ зрѣлищамъ въ Россіи, стр. 372—380. Мистеріи въ Малороссіи, 380—387. Обрядъ пещнаго дѣйствія въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, стр. 387—391. Переходъ польской и малорусской мистеріи въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стр. 391—421. Извѣстія современниковъ о театрѣ и актерехъ петровскихъ временъ, стр. 421—437. Тогдашнія русскія пьесы съ намеками на современныя событія и лица, стр. 437—459. Переводы европейскихъ драматическихъ произведеній, стр. 459—478.

XV.

Связь литературныхъ произведеній петровскихъ временъ съ новою русскою литературою. Феоданъ Прокоповичъ, какъ писатель, выразившій въ своихъ трудахъ стремленія, которыя вызваны въ Россіи реформою Петра. Отношенія Прокоповича къ Антиоху Кантемиру и Ломоносову, стр. 478—494. Представители отсталости и застоя въ русской жизни—первые враги Прокоповича, стр. 494—495. Литературные доносы, стр. 495—498. Ученая полемика, кончавшаяся застынкомъ тайной канцеляріи, стр. 498—514.

Приложенія.

- I.—Письма бургомистра Витзена къ Петру Великому, стр. 517—520.
- II.—Письмо доктора Рюйша къ Петру Великому, стр. 520—521.
- III.—Прошенія Иліи Копіевского и Яна Юнга, стр. 521—529.
- IV.—Письма аббата Биньона и Фонтенелла къ Петру Великому, и отвѣтъ его французской академіи наукъ, стр. 529—533.
- V.—Отчетъ о заграничномъ путешествіи бібліотекаря Шумахера, стр. 533—558.
- VI.—Описаніе собранія рѣдкостей Алберта Себа, пріобретенныхъ Петромъ Великимъ, стр. 558—561.
- VII.—а) Проектъ объ учрежденіи семинаріи въ Петербургъ Θεοφана Прокоповича, стр. 561—567.
б) Вѣдвіе о торговлѣ русской, составленное кн. Иваномъ Щербатовымъ, стр. 564—567.
- VIII.—Переписка о книгѣ Система магометанской религіи, соч. кн. Дмитрія Кантемира, стр. 567—570.
- IX.—Прошенія и письма кн. Дмитрія Кантемира и сына его Антіоха, стр. 570—578.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ XVIII столѣтія, книгопечатаніе въ Россіи получило большее развитіе, затруднительная переписка разныхъ сочиненій и переводовъ начинаетъ прекращаться, по разнымъ отраслямъ наукъ появляются печатные учебники, трактаты, цѣлыя сочиненія и т. д.; но всѣ эти произведенія добраго стараго времени сдѣлались въ настоящую пору рѣдкими, и пріобрѣтеніе и пользованіе ими сопряжено съ немалыми затрудненіями.

Различны причины такой рѣдкости: нѣкоторыя сочиненія печатались въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, но потомъ, по соображеніямъ политическимъ или религіознымъ, извлекались изъ обращенія въ публикѣ и, такимъ образомъ, оставались въ рукахъ немногихъ. Случалось и такъ, что книга издавалась въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, отчего при самомъ появленіи въ свѣтъ дѣлалась уже рѣдкостью. Но главнѣйшею причиною трудности доставать нынѣ петровскія книги должно считать тогдашнее состояніе русскаго общества: во времена Петра Великаго, кругъ читателей былъ такъ незначителенъ, потребность въ чтеніи такъ ничтожна, что даже не многія, печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта и, съ теченіемъ времени, по необходимости, какъ ненужныя, предавались уничтоженію. Еще въ 1703 г., одинъ голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, печатанными, по волѣ царя, въ Амстердамѣ, писалъ къ Петру Великому, что онъ въ убыткѣ отъ этой торговли, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало.» Пишущій эти строки имѣлъ случай еще болѣе убѣдиться въ томъ, просматривая старинныя типографскія дѣла синодальнаго архива. Изъ нихъ, напримѣръ, видно, что въ 1752 г. въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій, выходявшихъ изъ московской и упраздненной въ 1727 г. петербургской типографій, такое множество, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на бумажныя фабрики, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ. Последняя мѣра была

нѣсколько разъ приводима въ исполненіе, именно: въ 1752, 1769 и 1779 годахъ. Изъ описей, составленныхъ по этому случаю, оказывается, что бѣльшая часть нынѣ особенно рѣдкихъ изданій сказанной эпохи лежали въ складахъ конторы десятки лѣтъ, только напрасно занимая мѣсто. По этому—то разрѣшено было употреблять на обертки: 11 тысячъ экземпляровъ въдомостей разныхъ годовъ и форматъ, и между ними 3,462 экз. Юрнала о взятіи Нотебурга, нынѣ извѣстнаго только въ трехъ экземплярахъ, изъ которыхъ два корректурные; въдомостей же за 1722 и 23 годы—2,498 и 1,455 экз.; указовъ—около 8,000 экз.; календарей—4,552, въ числѣ ихъ 1,812 экз. календаря на 1709 г., который библиографамъ извѣстенъ нынѣ въ одномъ экземплярѣ, уцѣлѣвшемъ въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Книгъ ученаго содержанія, теперь встрѣчающихся только въ немногихъ библиотекахъ и рѣдко—рѣдко у букинистовъ, значится въ помянутыхъ описяхъ по 100, 200, 300, а иногда и болѣе экземпляровъ. Такимъ образомъ, по неважности, пошло петровскихъ изданій на обертку на значительную по тому времени сумму—7,412 р. 48 коп., по оцѣнкѣ, во сколько обошлось казнѣ первоначальное печатаніе книгъ.

Это обстоятельство объясняетъ, почему нынѣ невозможно почти собрать всѣхъ печатныхъ русскихъ книгъ начала XVIII вѣка, а потому, для осуществленія намѣренія привести въ извѣстность и описать ихъ, недостаточно одной доброй воли изслѣдователя, но необходимо было пособіе учреждений и лицъ, отъ которыхъ по бѣльшей части зависить успѣхъ библиографическихъ поисковъ.

Пекарскій считаетъ, прежде всего, обязанностью сказать о средствахъ, которыя были ему предоставлены въ продолженіи его работы.

Въ 1855 г., въ IV томѣ извѣстій академіи наукъ по II отдѣленію, была напечатана записка о планѣ настоящаго труда. Г. директоръ публичной библиотеки, обративъ на нее вниманіе, поручалъ г. Бычкову рассмотреть и сдѣлать оцѣнку ея. Письмо по этому случаю барона М. А. Корфа, вмѣстѣ съ замѣчаніями г. Бычкова на неполноты и промахи образчиковъ описаній книгъ, помѣщены въ томъ же томѣ помянутыхъ извѣстій.

Увѣренный въ сочувствіи г. директора публичной библиотеки, изслѣдователь просилъ его о дозволеніи пользоваться въ публичной библиотекѣ собраніемъ петровскихъ книгъ, на которыя тамъ было обращено особенное вниманіе съ самаго вступленія барона М. А. Корфа въ управленіе нашимъ государственнымъ книгохранилищемъ. Г. директоръ не только изъявилъ на то согласіе—оно, какъ извѣстно, дается въ Петербургѣ каждому, имѣющему охоту и досугъ заниматься въ публичной библиотекѣ,—но предложилъ работать въ отдѣленіяхъ библиотеки и разрѣшилъ справляться съ библиотечными каталогами и

обращаться, въ случаѣ надобности, къ бібліотекарямъ за разъясненіями и справками.

Дозволеніе пользоваться въ такихъ размѣрахъ собраніями публичной бібліотеки доставило возможность изслѣдователю ознакомиться съ болѣею частью, какъ печатныхъ при Петрѣ книгъ, такъ и съ значительнымъ количествомъ рукописей и иностранныхъ источниковъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ той эпохѣ. 1855, 56, 57, 58 и половина 59 года посвящены были работѣ въ публичной бібліотекѣ и, должно сказать безъ преувеличенія, Пекарскій могъ выполнить свой трудъ въ теперешнихъ его размѣрахъ, только благодаря доступности и легкости, съ которыми нынѣ можно въ Петербургѣ пользоваться общественнымъ книгохранилищемъ. Читатель можетъ судить о томъ самъ, когда возьметъ на себя трудъ просмотрѣть настоящее изслѣдованіе: всѣми, здѣсь описанными книгами и рукописями, а также русскими и иностранными сочиненіями, встрѣчаемыми въ цитатахъ и при которыхъ не сдѣлано указаній, гдѣ они находятся, изслѣдователь пользовался въ публичной бібліотекѣ.

Добытые здѣсь матеріалы Пекарскій старался дополнять и провѣрять работами въ другихъ бібліотекахъ. Съ этою цѣлью, онъ, въ 1857 году, получилъ чрезъ г. оберъ-гофмаршала Двора Его Императорскаго Величества, графа Шувалова, разрѣшеніе г. министра Императорскаго Двора просмотрѣть книги и гравюры въ такъ называемой галереѣ Петра Великаго при Императорскомъ эрмитажѣ. Съ помощію превосходно составленнаго каталога, изслѣдователь скоро узналъ собраніе, дорогое особенно потому, что принадлежало самому Петру и въ каждой мелочи напоминало его могучую личность. Во время занятій Пекарскаго въ эрмитажѣ, завѣдывалъ этою галереєю покойный Нуммерсъ, и, для пользы науки, надобно желать намъ, чтобы изслѣдователи чаще встрѣчали такихъ хранителей памятниковъ наукъ и искусствъ, каковыми былъ этотъ почтенный человекъ.

Въ томъ же 1857 г., представился случай Пекарскому, въ бытность его въ Москвѣ, воспользоваться содѣйствіемъ князя М. А. Оболенскаго. Дозволивъ просмотрѣть находящіяся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ книги и рукописи, князь Михаилъ Андреевичъ, какъ любитель старины, самъ взялъ на себя трудъ указать рѣдкія изданія и сообщилъ нѣкоторыя извѣстія о лицахъ, занимавшихся при посольскомъ приказѣ переводами иноязычныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія.

Изслѣдователь былъ въ Москвѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда бібліотека московскаго общества исторіи и древностей обыкновенно бываетъ закрыта; несмотря на то, хранитель ея В. М. Ундольскій съ величайшею готовностью доставилъ Пекарскому возможность ознако-

миться съ петровскими издаваніями, которыя есть въ означенномъ собраніи.

Разрѣшеніе пользоваться книгами и типографскими дѣлами архива святѣйшаго правительствующаго синода, разрѣшеніе, которымъ изслѣдователь обязанъ г. оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому, было однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при составленіи настоящаго труда. Въ подтвержденіе тому, достаточно только напомнить, что почти всѣ средства къ распространенію просвѣщенія въ Россіи при Петрѣ, находились въ рукахъ духовенства; съ учрежденіемъ синода, дѣятельность этого рода тамъ еще болѣе усилилась, и потому все, что ни происходило важнѣйшаго въ исторіи русскаго просвѣщенія до учрежденія академіи наукъ въ Петербургъ и университета въ Москвѣ, не могло пройти безслѣднымъ въ дѣлахъ синода: отъ него зависѣли тогдашнія школы, ему были подчинены современныя типографіи, многіе изъ переводчиковъ, цензура книгъ и т. п.

Въ библиотекахъ академіи наукъ—русской и иностранной Пекарскій дополнялъ свѣдѣнія, добытыя имъ въ другихъ собраніяхъ. Здѣсь успѣху работъ много содѣйствовала предупредительная внимательность завѣдующихъ этими библиотеками академиковъ гг. Куника и Шишнера. Изслѣдователь не можетъ также не выразить своей благодарности служащему въ русской академической библиотекѣ, П. П. Ламбину, которому не рѣдко приходилось удовлетворять требованія Пекарскаго объ отысканіи и выдачѣ то огромныхъ фоліантовъ, то едва примѣтныхъ на полкахъ брошюръ и листовъ.

Изъ частныхъ лицъ Пекарскому содѣйствовали Д. В. Полъновъ и И. П. Каратаевъ. Первый всегда съ величайшею готовностью предоставлялъ изслѣдователю пользованіе его библиотekoю, радушно дѣлился съ нимъ свѣдѣніями своими по библиографіи и, наконецъ, узнавъ, что Пекарскому, при предстоявшемъ чтеніи корректуръ, важно имѣть подъ руками описываемыя имъ сочиненія, великодушно передалъ ему, на все время печатанія изслѣдованія, свое собраніе петровскихъ книгъ. И. П. Каратаевъ владѣлъ едва-ли не лучшимъ въ цѣлой Россіи частнымъ собраніемъ церковнославянскихъ книгъ; вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему же перешла и библиотека петровскихъ книгъ гражданской печати П. С. Шишкина (который пріобрѣлъ ее у извѣстнаго собирателя старопечатныхъ книгъ, покойнаго А. И. Кастерина). Какъ только узналъ г. Каратаевъ, что Пекарскому чрезвычайно важно ознакомиться съ его собраніемъ, то немедленно вызвался самъ показать ему всѣ вужныя для изслѣдованія изданія, и потомъ постоянно слѣдилъ за работою изслѣдователя, не оставляя при многихъ случаяхъ дѣлать свои замѣчанія въ высшей степени полезныя, такъ какъ г. Каратаевъ, собирая самъ втеченіи 20 лѣтъ свою библиотеку, зналъ превосходно каждый экземпляръ ея. Въ маѣ 1861 года, собраніе это поступило въ составъ публичной библиотеки; но въ настоящемъ изслѣдованіи, оконченномъ

до этого событія, при ссылкахъ на книги изъ бывшей каратаевской бібліотеки, сохранено имя прежняго владѣльца ихъ, которому Пекарскій считаетъ себя такъ много обязаннымъ.

При помощи такихъ-то средствъ и при содѣйствіи названныхъ лицъ, Пекарскій окончилъ свое изслѣдованіе въ 1859 году. Въ іюнь того же года, оно поступило, по установленному порядку, на разсмотрѣніе духовной и свѣтской ценсуръ, по окончаніи чего (въ мартѣ 1860 года), было представлено въ академію наукъ, которая возвратила рукопись автору въ маѣ 1861 года. Въ этотъ промежутокъ времени, Пекарскій продолжалъ собирать новые матеріалы для пополненія и исправленія своего труда. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію и указаніямъ Е. Е. Беркгольца, Пекарскій воспользовался болѣею частью тѣхъ приобрѣтеній, которыми почти ежедневно увеличиваетъ публичная бібліотека свой богатый отдѣлъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи.—Академикъ Куникъ предоставилъ изслѣдователю сборникъ академическихъ бумагъ 1719—26 годовъ, въ которыхъ заключались еще неизвѣстныя подробности о приготовительныхъ мѣрахъ къ открытію академіи наукъ въ Петербургѣ, а также о первыхъ годахъ существованія кунсткамеры въ Петербургѣ и старѣйшей въ Россіи общественной бібліотекѣ (нынѣ академической).—В. И. Ламанскій сообщилъ въ распоряженіе Пекарскаго собранныя имъ извѣстія о бывшемъ директорѣ петербургской типографіи Аврамовѣ—лицѣ любопытномъ въ томъ отношеніи, что онъ въ своихъ писаніяхъ защищалъ до-петровскую старину, но такъ, что самъ же высказывалъ всю несостоятельность ея.

Наконецъ, по благосклонному предстательству графа Д. Н. Блудова, г. министръ иностранныхъ дѣлъ разрѣшилъ Пекарскому заниматься въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся такъ называемыя кабинетныя бумаги Петра Великаго. О важности и значеніи ихъ для русской исторіи XVIII столѣтія, читатель уже знаетъ изъ труда академика Устрялова: онъ далъ возможность Пекарскому въ I части его изслѣдованія переработать вновь четыре главы и дополнить почти всѣ остальные, а во II части помѣстить до 100 разныхъ печатныхъ листковъ (по болѣею части современныхъ указовъ) и брошюръ, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ бібліотекахъ. Въ числѣ подобныхъ произведеній не мало нашлось и такихъ, которыя или всѣ отъ начала до конца составлялись Петромъ Великимъ, или же правлены имъ самимъ. Говоря о занятіяхъ своихъ въ государственномъ архивѣ, Пекарскій обязанностью считаетъ выразить глубокую признательность управляющему этимъ учрежденіемъ Ѳ. И. Гильфердингу, котораго желаніе и готовность быть полезнымъ каждому изслѣдователю, оценены всѣми, кто только имѣлъ случай работать въ государственномъ архивѣ.

Въ заключеніе, необходимо сказать нѣсколько словъ о планѣ на-

стоящаго изслѣдованія: собирая извѣстія о печатныхъ книгахъ начала XVIII столѣтія, Пекарскій видѣлъ, что даже и при бѣльшей подробности, библиографическія описанія составляютъ лишь второстепенный матеріалъ для исторіи просвѣщенія вообще. Чтобы пополнить пробѣлы, которые были бы неизбежны, еслибы изслѣдователь ограничивался только одними печатными памятниками эпохи, когда Россія еще не была богата типографіями, онъ собиралъ всѣ свѣдѣнія, какія только были ему доступны, о школахъ, о состояніи наукъ вообще, также о степени вліянія европейскаго образованія, противодѣйствіи при томъ старинны и т. п. Всѣ подобныя свѣдѣнія изложены въ I части, заключающей въ себѣ введеніе въ исторію русскаго просвѣщенія начала XVIII столѣтія. II часть посвящена изслѣдованію о тогдашнихъ русскихъ типографіяхъ и описанію произведеній, тамъ печатанныхъ со времени перваго путешествія Петра Великаго по Европѣ до его кончины, т. е. съ 1698 по 1725 годъ.

5 августа 1861 года.

I.

Значеніе Польши для кievской академіи въ XVII вѣкѣ. Кievскіе ученые въ Москвѣ. Причины неудачъ ихъ тамъ до совершенновѣтія Петра Великаго. Вліяніе Кіева на русское просвѣщеніе начала XVIII вѣка.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтій два событія останавливаютъ, въ особенноти, вниманіе изолодателя — это заведеніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія — одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ — эпохѣ, не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформациі, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщенія другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространявшагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ оружіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духъ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападковъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературы, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ — полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только, по своимъ знаніямъ и способностямъ, выходили изъ ряду обыкновенныхъ ученыхъ тружениковъ, растрчивали свои дарованія на полемику или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ приемовъ школьной польской учености одѣлали то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ, не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону, именно, съ помощію ея, въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старалась систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являются въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьму ошибокъ, не повредивъ самаго простаго смысла текста, а въ заключеніи не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ....

Наконецъ, отъ грековъ, набѣжавшихъ въ Россію за подаяніями, на Востокъ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границей, и вотъ по этому случаю, въ 1686 г., іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ къ царю: «нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитають неподобная мудрованія въ монастырехъ.... довольна бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ философію и суетную прелесть.... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣють нравы, ихъ же не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ»....¹⁾

Впрочемъ и безъ этого посланія, малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные расчеты: ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ, способствовали умноженію

¹⁾ Святій Дмитрій, митрополитъ Ростовскій. Москва, 1649 г., стр. 23 и 24.

недовѣрія къ принальцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоаннъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, впрочемъ, и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣдующему которому можно было оставаться православнымъ и въ тоже время не гнушаться знаніями, добытыми послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій.

Какъ неблагоклонно смотрѣли на иноземцовъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру¹⁾, чтобы не держатъ иностранцевъ въ русской службѣ: «православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они снѣтъ, еретики, и свои шоржія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, воячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ.... христіане постятся, еретики же никогда — ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево.... Паки вспоминаю, еже бы иновѣрцомъ еретикомъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно надавати отронти нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платѣ перемѣнъ не вводити, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать прострачати и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне.... Здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ кленуть и лають, и вѣру укоряють, и иконы святыя попирають»....

Послѣ такихъ мнѣній о европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторыя исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказательствомъ служитъ размноженіе рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знанія, какъ на еретичество, какъ на нѣчто, несовмѣстное съ православіемъ: «братіе, не высокоумствуйте, учили въ тѣ времена, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумывайте. Аще кто ти речеть: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ — учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ»²⁾.

Въ этихъ словахъ, столь, по видимому, смиренныхъ, слышится презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочув-

1) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова II, стр. 474 и 477.

2) Изъ рукописной прописи 1643 года, въ Рум. муз. NCCCXXVI.

ствовавшего просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси), и подтверждавшего, что сейчасъ приведенное нравоученіе имѣло приверженцовъ въ тогдашней Россіи: «Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимся быти учителями, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи во оной русской землѣ подѣ державою московскаго царя; глаголють бо они, прельщающе ювошѣ тщаливыхъ, къ науцѣ хотящихъ навикати писанія, понеже во оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущесе о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ, глаголюще: не читайте книгъ многыхъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ: и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашолся, а онъ сица въ ересь вналъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются — сіе они оружіе отъемаютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарищуютъ!»¹⁾

Въ 1690 г., бѣльшая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подверглась опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кievской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты и, предъ смертною казнью, ему напомнили, что онъ прельщался «кievскими новотворными книгами»... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не долго продолжалась реакція: какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего, между иными средствами, избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кievскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образованія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кievской академіи, было болѣе подготовленъ къ воспріятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недоувѣріе къ наукамъ, которое, изъ разныхъ, чisto личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть, на первый разъ, только тѣ изъ русскихъ, которые чему вибудъ учились и что вибудъ знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей кievскихъ ученыхъ не согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей Петра: его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кievскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Феоданъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, но тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ

¹⁾ Въ рукоп. сборникѣ XVII вѣка Румян. муз. NCCCL: XVI.

людяхъ, и кіевляне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, большая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы — все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и носили на себѣ несомнѣнные слѣды малороссійскаго происхожденія.

Знакомство Россіи съ науками европейскими изъ первыхъ рукъ началось при Петрѣ и черезъ посредство русскихъ, учившихся за границей; но краткость времени, новостъ дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мѣвнѣй сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали явственными только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка, лица успѣвшія побывать за границей и узнать на-скоро кое что, употреблялись по большей части для переводовъ разныхъ сочиненій, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ какимъ нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки — лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія (чему и въ нашей исторіи есть примѣры), но не въ силахъ воля, даже и незнающая себѣ предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій — кіевской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей.

Мы будемъ не разъ имѣть случай встрѣчаться въ настоящемъ трудѣ съ кіевскими учеными, то учредителями школъ, то наставниками въ нихъ, то сочинителями, то переводчиками — теперь же обратимся къ тѣмъ событіямъ, которыя подали поводъ къ сближенію Россіи съ Европою при помощи просвѣщенія.

Впрочемъ, приступая къ изложенію состоянія наукъ и просвѣщенія въ Россіи начала XVIII вѣка, авторъ считаетъ обязанностью предварить читателя, что всѣ розысканія въ настоящемъ трудѣ на-

правлены къ разьясненію уютвенной дѣятельности въ сферѣ наукъ и свѣтской литературы. О предметахъ же, касающихся исторіи духовной литературы, какъ напримѣръ богословіи, духовномъ витійствѣ, также о знаменитыхъ представителяхъ изъ нашего духовенства той эпохи, говорится здѣсь только и единственно по отношенію ихъ къ просвѣщенію вообще. Каждому просвѣщенному русокому знакомы имена отечественныхъ духовныхъ писателей и іерарховъ, которые съ самыхъ отдаленныхъ временъ блистали своими высокими талантами и подвигами, воегда и вездѣ крѣпко защищая православіе и озаряя свѣтомъ истинной вѣры мракъ невѣжества и заблужденій. Авторъ настоящаго труда не сознаетъ еъ себѣ достаточно знаній и таланта, безъ которыхъ невозможно описать достойно доблестные труды этихъ лицъ; при томъ же это относится къ области исторіи духовной словесности, разрабатываемой у насъ съ такимъ успѣхомъ духовными писателями, имена которыхъ известны ученому міру.

II.

Знакомство Петра Великаго съ учеными въ Голландіи. Русскія типографіи въ Амстердамі. Илья Кошівскій — переводчикъ, составитель учебниковъ и стихотворецъ.

«18 прошедшаго августа, въ 8 часовъ утра, царь и великій князь московскій, Петръ Алексѣевичъ тайно пріѣхалъ сюда, въ Сардамъ, на небольшой лодкѣ въ сопровожденіи шести москвитянъ. Онъ прожилъ въ Кримпенбургѣ у одного кузнеца 8 дней и возвратился на лодкѣ въ Амстердамъ, куда прибыло его великое посольство. Ростомъ онъ 6 футовъ, носитъ платье сардамскаго крестьянина, работаетъ съ плотниками на адмиральтейской верфѣ — говорятъ, что онъ большой охотникъ до мореплаванія».

Такову отмѣтку сдѣлалъ сардамскій пасторъ въ приходской книгѣ 1697 г., о событіи, которое избрано исходною точкою въ настоящемъ изслѣдованіи. Впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь цѣлью слѣдить за подробностями о всемъ происходившемъ, какъ въ первое пребываніе царя за границей, такъ и въ послѣдующія поѣздки его по Европѣ — наша задача состоитъ собственно въ указаніи того только, что въ этихъ путешествіяхъ имѣетъ какую нибудь связь съ исторіею наукъ и литературы въ Россіи.

Въ бытность царя въ Голландіи, жилъ въ Амстердамѣ бургомистръ Николай Витзень (Nicolaas Witsen). Знатный по рожденію, богачъ по состоянію, благородной наружности, этотъ человекъ не за-

ботилоя ни о свѣтскихъ удовольствіяхъ, ни о честолюбивыхъ исканіяхъ: съ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ путешествіямъ, занимался науками, поощрялъ ученія предпріятія. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ побывалъ, съ посольствомъ, въ малознаемой Московіи, посѣтилъ даже берега Каспійскаго моря и, по возвращеніи въ Голландію, рѣшилъ сдѣлать описаніе восточной и южной Россіи. Но для осуществленія такого намѣренія, Витзенъ, прежде всего, приступилъ къ собранію свѣдѣній о тѣхъ странахъ, провѣрялъ сказанія о нихъ своихъ единоземцовъ, разспрашивалъ людей, тамъ бывалыхъ. Какъ добросовѣстно Витзенъ исполнилъ свой трудъ, можно судить по тому, что только 20 лѣтъ спустя, именно въ 1687 г., ему удалось издать географическую карту восточной и южной части Европы и Азіи, отъ Новой Зеландіи до Китая. Въ 1692 г., онъ же издалъ: «Татарія восточная и южная». Оба эти труда были посвящены царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, которые благоклонно приняли посвященіе и послали Витзену благодарственную грамоту за государственною печатью. Между тѣмъ, нѣкоторое время спустя, Эвертъ Избрансонъ Идесъ (Evert Ysbrandszoon Ides), бывшій въ Китаѣ по порученію русскаго правительства, сообщилъ бургомистру подробности о своемъ путешествіи и тотъ нашелъ ихъ достойными къ изданію въ свѣтъ. И это сочиненіе было посвящено также Петру.

Кромѣ путешествій, Витзена занималъ и тотъ предметъ, которому такъ страстно былъ преданъ царь — это мореплаваніе. Бургомистръ извѣстенъ былъ ученымъ изслѣдованіемъ о древней и новой постройкѣ кораблей и объ искусствѣ управлять ими. Ему же голландское законодательство обязано большею частью постановленій о кормищикахъ, аваріяхъ, береговомъ правѣ. Наконецъ, Витзенъ владелъ полною коллекціею машинъ и инструментовъ для кораблестроенія.

Голландское правительство, заботясь о приѣмѣ русскаго великаго посольства, обращалось къ Витзену то за разрѣшеніемъ недоумѣній, то съ просьбою о присканіи необходимыхъ переводчиковъ. Послѣ всего этого неудивительно, что царь, во время пребыванія своего въ Голландіи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ бургомистромъ и лицо это, дѣйствительно, встрѣчается при каждомъ сколько нибудь замѣчательномъ случаѣ изъ путешествія Петра, какъ совѣтникъ и руководитель.

По возвращеніи въ Россію, государь велъ переписку съ ученымъ бургомистромъ: памятникомъ ей служатъ четыре письма Витзена, которыя читатель найдетъ въ приложеніи I. Одно изъ нихъ сохранился и подлинникъ на голландскомъ языкѣ, а прочія дошли въ современномъ русскомъ переводѣ.

Царь пожелалъ брать уроки мореплаванія и навигаціи, также учиться черченію кораблей, и Витзенъ выбиралъ для него препода-

вателей. Альбертсонъ ванъ Дамъ (I. Albertzoon van Dam) пользовался тогда известностью опытнаго математика и знатока науки мореплаванія, а потому и преподавалъ царю эти предметы. Адамъ Сило (Adam Silo), одаренный самыми разнообразными способностями (онъ былъ сатирикъ и живописецъ, строитель кораблей и фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ и проч.), давалъ царю уроки въ черченіи.

Библіотекаръ основанной въ Петербургѣ бібліотеки (нынѣ академической) Шумахеръ, представляя, въ 1722 г., Петру Великому отчетъ объ осмотрѣнныхъ имъ кабинетахъ Натуральной Исторіи и рѣдкостей въ Европѣ, замѣтилъ при томъ, что считаетъ излишнимъ входить въ подробности о нихъ, такъ какъ мало сыщется въ Германіи, Голландіи, Англіи и Франціи подобныхъ учрежденій, которыхъ бы не зналъ и не видалъ самъ царь (ср. прилож. V). И, дѣйствительно, Петръ Великій, какъ это видно и изъ его поденныхъ журналовъ, не оставлялъ безъ внимательнаго осмотра до самыхъ мелочей ни одного достопримѣчательнаго собранія натуральной исторіи и рѣдкостей, которыя ему представлялась возможность посѣщать во время его заграничныхъ поѣздокъ.

Въ первое свое пребываніе въ Амстердамѣ, Петръ не упустилъ случая побывать въ музей Якова Вильде (Jacob de Wilde), славившемся въ особенности полнотою и сохранностью коллекцій древнихъ египетскихъ, греческихъ, македонскихъ и римскихъ монетъ, также собраніемъ языческихъ идоловъ, древнихъ статуй, наконецъ — камеевъ и разнаго рода антиковъ. Вильде издавалъ нѣсколько разъ описанія своихъ коллекцій, а гравюры къ нимъ рѣзалъ голландскій граверъ Адріанъ Шхонебекъ, переселившійся потомъ, по приглашенію Петра, въ Россію и работавшій здѣсь не мало гравюръ по повелѣнію царя. Для насъ въ особенности любопытно изданное въ 1700 году «*Signa antiqua e museo Jacobi de Wilde veterum poetorum carminibus illustrata*». Здѣсь виньетта на заглавномъ листѣ съ подписью Шхонебека, но всѣ остальные гравюры въ изданіи рѣзаны 17-ти лѣтнею дочерью владѣльца музея, Маріею Вильде, которая, околько можно судить по ея работамъ, едва ли не была ученицею Шхонебека¹⁾. После ея портрета и латинскихъ и голландскихъ стиховъ въ честь артистки, слѣдуетъ гравюра съ изображеніемъ зала, въ которомъ помещался музей Вильде съ его древностями, глобусами и книгами; по срединѣ столъ, за которымъ сидятъ два человѣка: по правую сторону Яковъ Вильде въ современной европейской одеждѣ и парикѣ; въ одной рукѣ у него статуэтка, другою показываетъ монету. На лѣвой — молодой человѣкъ въ шапкѣ, опушенной мѣхомъ, кастанъ съ узкими у кисти рукавами, высокіе сапоги, на боку сабля; онъ рассматри-

¹⁾ Указаніемъ упоминаемаго здѣсь изданія, а также объясненіями гравюры пишущій эти строки обязанъ В. В. Стасову.

васть статуэтки и вещи, разложенныя предъ нимъ на столѣ. Этотъ молодой человекъ — самъ царь, въ чемъ удостовѣряетъ двуглавый русскій орелъ, изображенный у подножья его. Любопытную гравюру эту, вѣроятно, знаютъ осматривавшіе нашу Публичную бібліотеку — она выставлена тамъ въ одной изъ витринъ ея.

Упомянувъ выше о Шхонебекѣ, замѣтимъ кромѣ того, что недавно стало извѣстно у насъ, что Петръ Великій, будучи въ Амстердамѣ, пробовалъ, подъ руководствомъ этого художника, гравировать самъ, и памятникъ тому можно видѣть также въ Публичной бібліотекѣ. Въ 1860 г., приобретенъ ею факсимиле гравюры, сдѣланной Петромъ Великимъ: «она представляетъ, въ овальной рамкѣ, торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, выраженное посредствомъ фигуры ангела, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, поспирающаго полулуніе и турецкіе бунчуки. Оригинальный оттискъ, единственный доселѣ извѣстный, хранится въ амстердамскомъ музеѣ, и современная на немъ надпись, на голландскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующее извѣстіе: «Петръ Алексѣевичъ, великій царь русскій, награвировалъ это иглою и крѣпкою водкою, подъ смотрѣніемъ Адріана Шхонебека, въ Амстердамѣ, въ 1698 г., въ спальнѣ своей квартиры, на вершѣ остъ-индской компаніи». На гравюрѣ можно примѣтить и поправки, сдѣланныя Шхонебекомъ ¹⁾.

Съ помощію Витзена, царь знакомился съ тогдашними учеными знаменитостями Голландіи. Такъ бургомистръ доставилъ ему случай узнать извѣстнаго профессора анатоміи Рюйша (Frederic Ruysch). Рассказываютъ, что царь былъ изумленъ, когда увидѣлъ въ первый разъ знаменитый анатомическій театръ этого ученаго. Особенно, онъ пораженъ былъ при видѣ трупа ребенка, который былъ такъ хорошо сохрѣненъ, что казался живымъ и съ улыбкой на устахъ — царь не могъ воздержаться, чтобы не поцѣловать его. Съ трудомъ Петръ рѣшился выдти изъ кабинета ученаго: много разъ потомъ возвращался къ нему, за-просто обѣдалъ съ нимъ и присутствовалъ на лекціяхъ Рюйша — онъ ходилъ съ нимъ даже въ госпиталь Св. Петра, гдѣ для этого была продѣлана особенная дверь, чтобы избавить царя отъ взглядовъ любопытной толпы; слѣды этой двери остались и донынѣ.

Замѣчательно то, что Петръ Великій вспоминалъ о Рюйшѣ въ тѣ времена, когда казалось бы ему надобно было только думать о войнѣ извнѣ, объ укрощеніяхъ смуть внутри государства. Около 1701 г., онъ послалъ Витзену нѣсколько экземпляровъ ящерицъ и червей, съ условіемъ, чтобы половина изъ нихъ была отдана Рюйшу. Послѣдній написалъ благодарственное письмо, въ которомъ, какъ страстный охотникъ до рѣдкостей, не преминулъ надавать царю са-

¹⁾ Отчетъ Импер. Публичной бібліотеки за 1860 г., стр. 11—12, и *Essai d'une Bibliographie neerlandaise russe* par. F. Muller, pag. 164—165.

мыкъ мелочныхъ воставленій, какъ червяковъ корнѣть лиотьями, какъ прокалывать бабочекъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ, напр. о присылкѣ рѣдкихъ звѣрковъ и рыбокъ изъ подъ Азова и т. п. Ср. приложение II.

Бывши въ Лейденѣ, Петръ не преминулъ посѣтить другую медицинскую знаменитость того времени — доктора Бэргавена (Boerhaven) и осматривалъ также анатомическій театръ. Сохранилось извѣстie, что тамъ царь долго оставался передъ трупомъ, у котораго мускулы были раскрыты для насыщенія ихъ терпентиномъ. Петръ, замѣтивъ при томъ отвращеніе въ нѣкоторыхъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, заставлялъ ихъ разрывать мускулы трупа зубами.

У архитектора Симона Шейнфойта (Simon Schynvoet) царь разсматривалъ коллекцію для изученія натуральной исторіи, при чемъ долго разговаривалъ съ хозяиномъ объ архитектурѣ. Полагаютъ, что у этого архитектора или учились русскіе, или же онъ посылалъ въ Россію своихъ учениковъ: по крайней мѣрѣ въ дворцахъ и загородныхъ домахъ, отстроенныхъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка, проглядывается тяжелый и обремененный украшеніями стиль Шейнфойта.

✦ Не забыты были въ экскурсіяхъ царя и машинисты фанъ деръ Гейденъ (Van der Heyden), изобрѣтатели пожарныхъ трубъ: въ ихъ мастерской Петръ проводилъ цѣлыя часы, удивляясь ловкости и изобрѣтательности этихъ людей.

Царь также лично зналъ инженера и военнаго писателя, барона фанъ Кэгорна (Meppel baron van Coehoorn), котораго современники звали голландскимъ Вобаномъ. Петръ приглашалъ его въ русскую службу, но Кэгорнъ отказался, и тогда было сдѣлано предложеніе о томъ его сыну Генриху-Казимиру, но и этотъ не принялъ его. Какъ бы то ни было, Кэгорнъ рекомендовалъ Петру многихъ изъ голландскихъ инженеровъ; у него же подъ надзоромъ служили нѣкоторые изъ русскихъ во время войны за испанское наслѣдство. При Петрѣ переведено на русскій одно изъ произведеній Кэгорна. Но изъ всѣхъ этихъ сношеній, для насъ важнѣе знакомство Петра съ однимъ изъ первыхъ негоціантовъ въ Амстердамѣ, Тессингомъ (Thessing). По семейнымъ преданіямъ этой фамилии, Янъ Тессингъ зналъ царя еще въ Москвѣ, или Архангельскѣ; по прибытіи Петра въ Голландію, этотъ негоціантъ первый узналъ его и тотъ просилъ не разглашать тайны; во все пребываніе въ Голландіи, царь часто бывалъ въ семействѣ Тессинга и съ нимъ обходились тамъ, какъ съ семейникомъ. Что царь бывалъ въ гостяхъ у Тессинга, о томъ сохранилось его собственное свидѣтельство въ предисловіи къ Морскому регламенту, гдѣ говорится о причинахъ, побудившихъ его отправиться въ Англію доучиваться кораблестроенію, такъ какъ въ Голландіи были въ этомъ искусствѣ «точію нѣкоторые принципіи, прочее же съ долговременной практики»: «прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ Яна Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо же ве-

сель ради вышесказанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, ольпша сія, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно»....

Было три брата Тессинговъ: одинъ, Эгбертъ, управлялъ значительнымъ торговымъ доможъ и имѣлъ дѣла съ Россією; другой, Фридрихъ, жилъ на Вологдѣ и торговалъ преимущественно пенькою; третій, вышеупомянутый Ягъ, завелъ, по желанію царя, русскую типографію въ Амстердамъ. У одного изъ потомковъ негоціанта, Генрата Тессинга, сохранился подлинникъ грамоты, пожалованной царемъ его предку Яну: она роскошно напечатана (?) на пергаментѣ, по краямъ коймы, разрисованныя золотомъ, серебромъ и яркими красками; въ заглавіи русскій гербъ съ 25 другими гербами областей, подвластныхъ царю; государственная печать пригнѣстана на золотомъ шнуру и вся грамота обложена въ шелковую ткань и красное сукно. Рассказываютъ, что въ подтвержденіе близкихъ сношеній^с царя съ Тессингомъ, существовали и другія письменныя свидѣтельства, но все они погибли, кромѣ этой грамоты и одного экземпляра басенъ Бзона, вышедшихъ изъ тессинговой типографіи: онѣ и донныя заботливо хранятся у потомковъ Тессинга ¹⁾.

Изъ грамоты Тессингу, подписанной въ 1700 году, видно, что дана она была, по его просьбѣ, «за учиненныя имъ великому посольству (русскому) службы» съ тѣмъ, чтобы Тессингъ завелъ типографію и печаталъ въ ней «земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и городостроительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянокомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и ославянскомъ и голландскимъ языкомъ по особну, отъ чего-бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получить и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ». При этомъ сдѣлано исключеніе для церковныхъ книгъ, потому что «книги церковныя, ославянскія и греческія, со исправленіемъ православнаго устава восточныя церкви, печатаются въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ....»

Напечатанныя Тессингомъ чертежи и книги дозволялось ему, или его приказчику привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежомъ указанныхъ пошлинъ, на уроченное время съ настоящаго (1700) года впредь на 15 лѣтъ». Въ Архангельскѣ, пошлины съ книгъ должны были взиматься съ продажной цѣны по 8 денегъ съ рубля, въ другихъ же городахъ

¹⁾ Все эти подробности о пребываніи Петра въ Голландіи заимствованы изъ *Andécotes historiques sur Pierre le Grand, par J. Scheltma*. Грамота же Тессингу, кромѣ отрывковъ и переводовъ въ трудахъ м. Евгения и Соикова, въ Полн. Соб. Закон. IV, № 1751.

пешинны не полагалось. Въ Москвѣ, съ привозимыми изъ Амстердама книгами надлежало являться въ государственный посольскій приказъ, послѣ чего онѣ продавались уже свободно. Если бы явились продавцы книгъ изъ другихъ типографій внѣ Россіи, то такія книги подлежали конфискаціи, а на продавцовъ налагалась пеня въ 3000 сѣмковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга. Для отличія своихъ изданій, онъ обязанъ былъ прилагать къ нимъ свой штемпель и подпись, что и дѣйствительно дѣлалось на изданіяхъ этого типографщика. Въ той же грамотѣ упомянуто, что подобное дозволеніе печатать въ Голландіи и продавать въ Россіи книги дано «голстеницу Елизарью Избранту» (Evert Ysbrandtszoon Ides?), еще прежде ходатайства о томъ же Тессинга.

Любопытно и для нашего времени то мѣсто въ грамотѣ, гдѣ указывается типографщику духъ и направленіе, въ которомъ должны были издаваться печатаемыя у него книги. Приводимъ это мѣсто словами подлинника: «И видя ему, Ивану Тессингу, къ себѣ нашу, царскаго величества, премоную милость и жалованье въ печатаньи тѣхъ чертежей и книгъ, показать намъ, великому государю, нашему царскому величеству, службу свою и прилежное радѣніе, чтобы въ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славъ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества прывысокому имени и всему нашему російскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтущей, навящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибутку, и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья бѣ нашего царскаго величества прывысокой чести и государства нашихъ въ славъ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было...»

Уже въ іюль 1699 г., Адамъ Вейде писалъ къ царю: «сея вложенный листокъ (какой именно — неизвѣстно) присланъ изъ Амстердама отъ Тессинга къ Бранту и будутъ такихъ книгъ на русскомъ языкѣ 600 къ Архангельску присланы...» Но несмотря на такое скорое осуществленіе предпріятія Тессинга, оно не могло, конечно, не встрѣтить препятствій, какъ по новости дѣла, такъ и потому, что требовало знаній, которыхъ не имѣлъ амстердамскій негоціантъ. Современники тогда же предвидѣли неудачу, и въ письмахъ къ Спарфвенсальду (Sparfvenfeld), Бло и Петцольдъ (Bleau et Petzold) такъ отзывались о заведенной въ Амстердамъ русской типографіи — первый, отъ 10 апрѣля 1700 г.: «я узналъ о намѣреніи Тессинга дѣйствовать по силѣ прывыщества и прывилегіи, данныхъ ему царемъ; но онъ еще ничего не сдѣлалъ, да и недумаю я, чтобы онъ что нибудь сдѣлалъ, развѣ захочетъ человекъ, болѣе ученый, вмѣшаться въ это дѣло и сдѣлаться товарищемъ по предпріятію, что очень бы хотѣлось Тессингу; но трудно ему будетъ сыскать такого человека. Притомъ же москвитяне, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду

царю, а умри онъ — прощай наука! Петцольдъ, 9 апрѣля того же года: «у Тессинга привилегія на 15 лѣтъ, но онъ очень еще мало сдѣлалъ, да и нѣтъ у него къ тому способностей»¹⁾).

Около 1708 г., мастеръ, печатавшій книги въ типографіи Тессинга, неимѣя никакихъ средствъ къ своему существованію послѣ смерти этого негоціанта (въ 1701 г.), отправился съ славянокою типографіею въ Россію, но на дорогѣ, именно въ Данцигѣ, шведы завладѣли всеми типографскими принадлежностями, и начали печатать славянскимъ шрифтомъ разныя воззванія къ народу, для распространенія ихъ въ русскихъ предѣлахъ. По этому случаю, наше правительство вынужденнымъ нашлось сдѣлать такое распоряженіе: «буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя славянскими (т. е. русскими) словами и складомъ славянокимъ же, къ возмущенію народа, или хотя подъ какимъ ни на есть лестнымъ образомъ, приводя къ тому жъ, чтобъ тѣмъ народъ обманомъ привести въ возмущеніе, — и такимъ письмамъ отнюдь не вѣрять и у себя не держать, хотя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ печатаны, а гдѣ и у кого такія письма явятся, и такихъ людей ловить и спрашивать, гдѣ кто такія письма взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ, а за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщеть, будетъ имъ его, государева милость»²⁾. Изъ дальнѣйшихъ постановленій на этотъ предметъ видно, что шведы дѣйствительно напечатали въ Данцигѣ прокламаціи и универсалъ къ малороссійскому народу, о содержаніи которыхъ см. 2 ч. настоящаго труда въ примѣчаніяхъ подъ 1708 годомъ.

Дальнѣйшая судьба типографіи Тессинга неизвѣстна, а такъ-какъ за границей и послѣ являлись книги, печатанныя славянскимъ шрифтомъ, то Тредьяковскій, м. Евгенийъ и Соинковъ полагали, что эти книги набирались буквами, уцѣлѣвшими отъ типографіи амстердамскаго негоціанта; но это не совозмъ вѣрно.

Изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Тессинга, можно видѣть, что у него составленіемъ и изданіемъ ихъ занимался Илья Федоровичъ Копіевскій или Копіевичъ (онъ самъ писался то Koriowski, то Korievitz). Въ привилегіи, данной ему потомъ на печатаніе русскихъ книгъ отъ голландской республики, онъ названъ полякомъ, жившимъ въ то время въ Амстердамѣ — *polonus in praesentia agum habitans Amstelodami*. Написанныя имъ книги и въ особенности прошенія его, уцѣлѣвшія до нашего времени, свидѣтельствуютъ, что онъ владѣлъ довольно славянорусскимъ языкомъ, а встрѣчаемыя у него полонизмы, были, какъ извѣстно, въ ходу у всѣхъ малорусскихъ

¹⁾ *Exercitatio historico theologica de statu eccl. et relig. moscoviticae* — Nic. Bergii (1709) стр. 157.

²⁾ Полн. Соб. Зак. IV, № 2188.

ученыхъ XVII и начала XVIII столѣтій. Это знаніе русскаго языка, конечно, и было причиною, что Петръ Великій, въ бытность свою въ Амстердамъ, тотчасъ же придумалъ для Копіевскаго родъ дѣятельности, которая не могла не принести пользы Россіи. Въ прошеніяхъ Копіевскаго къ царю (см. прилож. III) сохранились нѣкоторыя любопытныя подробности о случаяхъ, бывавшихъ съ нимъ въ продолженіи его сношеній съ русскими въ Амстердамъ.

Въ 1698 г., Копіевскій составилъ, по приказанію царя, «Краткое собраніе Льва миротворца, августѣйшаго греческаго кесаря, показующее дѣль воинскихъ обученіе» (ср. II ч. подъ 1700 годомъ), и представилъ оной трудъ боярину Федору Алексѣевичу Головину, хотя въ немъ по скорости и не было приложено ясныхъ толкованій, такъ какъ французъ, общавшій Копіевскому сдѣлать ихъ, уѣхалъ въ Брюссель. У Головина, подъячій Михайла Ларионовъ возвратилъ автору его твореніе, «какъ бездѣлицу какую», и привелъ его въ поварню, предъ всѣми ругался надъ нимъ, говоря: «у насъ де промышленныхъ людей на Москвѣ стѣгаютъ!» Копіевскій оглашался, что это дѣло возможное для тѣхъ, кто заботится только о томъ, чтобы взять съ царя жалованье, а онъ работаетъ единственно въ видахъ умноженія и расширенія славы государя, для чего даже не согласился на предложеніе переѣхать въ Берлинъ и остался въ Амстердамъ вовсе не для Тессинга, который не въ состояніи вознаграждать достаточно его великіе труды.

Копіевскій, кромѣ изданія книгъ, давалъ уроки русскимъ князьямъ и боярамъ, бывавшимъ въ Амстердамъ, по повелѣнію царя. Ученики, впрочемъ, разѣхались потомъ, не сказавъ и спасибо своему первому наставнику; двое же изъ нихъ — кн. Осипъ Ивановичъ Щербатовъ¹⁾ и Семенъ Андреевичъ Салтыковъ увезли у Копіевскаго, не заплатя денегъ, четыре глобуса (прилож. III, а).

Особенно жаловался Копіевскій на бывшихъ въ Амстердамъ русскихъ прикащиковъ Василья и Алексѣя Филатьевыхъ: они упросили его взять къ себѣ и учить одного молодого русскаго²⁾; потомъ,

¹⁾ Кн. Щербатовъ изъ Амстердама отправился въ Берлинъ и, 20 января 1700 года, писалъ оттуда къ царю: «что до нашей науки надлежитъ, только языкъ намъ немного задерживаетъ, а что до геометріи надлежитъ, то мы ее нѣсколько разовъ прошли, а теперь въ Божію волю полагаемся», и 6 февраля: «воспріялъ вольность еще единожды моего милостивѣйшаго государя отгачати, моли всеподданнѣйше мнѣ милость показать и по прошенію моему мнѣ всемилостивно въ Кенигсбергъ въ Пруссѣ ѣхать, и тамо свидѣтельство мое учинить и тамо нѣсколько мѣдѣль на высокой школѣ побыть — милостивѣйше позволить. Прошу не изволь мнѣ въ томъ отказать, дабы кто не подумалъ, что мы будто украдкой наши хитрости у приватнаго человѣка выучили..» (Каб. дѣла II, Ж I, л. 214, 215).

²⁾ Копіевскій называетъ его «парень — татарчюкъ», если послѣднее читать татарчюкъ, т. е. сынъ татарина, то можетъ быть молодой человѣкъ былъ Арчила царевичъ имеритійскій, привезенный въ Амстердамъ Петромъ Великимъ въ первое путешествіе по Европѣ. Арчила считали въ Голландіи татарскимъ княземъ, такъ какъ онъ являлся иногда въ великолѣпной восточной одеждѣ. Schellma, Anecd. sur P. le Gr. 72, 73.

когда Копіевскій оталъ за это требовать денегъ, Филатьевы взяли отъ него ученика, и «прибравъ въ драгоценное платье», отдали его въ ученье другому, не заплатя ничего прежнему учителю. Тѣ же Филатьевы просили Копіевскаго составить и напечатать по русски въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ какую нибудь полезную книгу. Полякъ напечаталъ Арифметику съ притчами (о ней см. ниже) въ числѣ 3350 экз., но Филатьевы и отъ книгъ отказались, хотя цѣна была назначена не высокая — всею по 2 алтына за экземпляръ. Копіевскій принужденъ былъ, по совѣту Тессинга и Ивана Іевлева Молодаго (Янъ Юнгъ), Арифметику отослать въ Москву (ср. прил. III б.).

Въ декабрѣ 1699 г., Копіевскій представлялъ царю реестръ книгъ, которыя успѣлъ онъ напечатать или составить въ продолженіи 17 мѣсяцевъ: изъ нихъ 4 уже были напечатаны, 13 приготовлены къ печати и 4 еще не окончены.

Не долго Копіевскій прожилъ въ мирѣ съ Тессингомъ: въ предисловіи къ латинской грамматикѣ 1700 года есть уже извѣстіе, что нашъ полякъ завелъ свою отдѣльную типографію: «своими деньгами сооружилъ типографію на печатование самое точію грамматyki и во единомъ мѣсяцѣ избыточнымъ тщаніемъ, помощію же божіею, сицевое дѣло имуще послѣдними караванами послати, совершихъ. И тако явъ есть всѣмъ премудрымъ, всякъ удобѣе узрѣть, колико азъ повеслъ трудовъ въ совершеніи сиецева дѣла — не поразитъ мя жестокимъ каменемъ зависть! Умолю же нынѣ о неразумившихъ типографахъ, которыхъ учти нужда бысть мнѣ самому и, ихъ ради неумѣлости, во мнозѣ прегорчихъ душу мою и во мнозѣ отщетихъ (*et multa damna tuli*).

Для огражденія своего права собственности на грамматiku въ Голландіи, Копіевскій исходатайствовалъ привилегію на исключительное печатаніе этой книги въ продолженіи 15 лѣтъ. Шрифтъ типографіи Копіевскаго кажется одинаковымъ съ Тессинговымъ, но по внимательномъ разсмотрѣніи легко замѣтить, что первый тоньше и очертаніе нѣкоторыхъ буквъ отлично, особенно к, ѿ, ы.

Въ августѣ 1700 г., вышепомянутый Иванъ Іевлевъ Молодой (ср. прил. II, в) послалъ написанное все рукою Копіевскаго прошеніе къ царю: при немъ приложена была сказанная грамматика, съ объясненіемъ, что она издана самимъ сочинителемъ ея; что онъ составилъ много книгъ, но не смѣетъ печатать ихъ самъ, такъ какъ Петръ далъ Тессингу грамоту на изданіе русокихъ сочиненій въ Голландіи; и что, наконецъ, латинская грамматика издана потому, что въ Тессинговой привилегіи не говорилось ничего о печатаніи латинскихъ книгъ. Въ заключеніе, Иванъ Молодой просилъ царя о дозволеніи печатать ему латинскія книги съ русскимъ толкованіемъ и потомъ посылать ихъ на продажу въ Россію.

Прошеніе это подписалъ: Иванъ Іевлевъ Молодой, anders Jean de

Junge. Изъ этой подписи видно, что Копіевскій переводилъ на русской языкъ и имя, и фамилію голландца Яна Юнга. Отъ послѣдняго сохранилось одного письмо къ царю (въ русскомъ переводѣ), въ которомъ онъ названъ Янъ де Юнгъ Эвоутсоръ. Здѣсь послѣднее прозваніе искажено и должно читать Вуттеръ. Семейство голландскихъ негоціантовъ — Woutter de Jongh вело торговлю съ Россіею и нѣкоторые изъ членовъ его жили въ Архангельскѣ. Когда Петръ Великій прибылъ въ первый разъ въ Саардамъ, то бывавшіе въ Россіи купцы Гутманъ и Вуттеръ Юнгъ явились къ нему и выражали свое изумленіе при встрѣчѣ съ нимъ въ Голландіи. Царь коротко отвѣчалъ имъ: «вы видите»¹⁾!

Въ 1701 г., напечатана въ типографіи Копіевского «Книга, учащая морскаго плаванія»; на заглавномъ листѣ ея значится, что она переведена имъ «вторицею совершеннѣе первыя», а печатана у Авраама Бремана. Посвященіе здѣсь боярину Федору Головину подписано Иваномъ Іевлевымъ Молодымъ и Копіевскимъ.

Въ предисловіи, благочестивому читателю объяснялось, что творецъ «Книги, учащей морскаго плаванія» есть Деграфъ «славнѣйшій во всей Европѣ математикъ»: самъ всѣхъ ихъ (шкиперовъ и штурмановъ) учить и свидѣтельствуешь, а потомъ имъ корабли вручаешь. И я (продолжаетъ Копіевскій), усмотря такое преславное дѣло, потщихся скоро написать и со всякимъ высочайшимъ почитаніемъ поднеслъ ю я въ то время свѣтлѣйшему и изяснѣйшему боярину Федору Алексѣевичу, государю моему премилостивѣйшему, здѣ въ Амстеродамѣ. Въ тожь время данъ мнѣ былъ указъ великаго государя на печатованіе сея книги, а вторыя лѣтописія; но понеже еще литеръ словенороссійскихъ здѣ никакихъ не было и моя друкарня не была уготована; къ тому здѣшній житель амстеродамскій препятіе великое содѣлалъ: и самъ книгъ не печаталъ и хотящимъ запрещалъ, даже и самъ издше. Нынѣ же присланъ есть указъ великаго государя на печатованіе неточію сея книги, но и всякихъ разныхъ свободныхъ наукъ. И такъ я, по указу великаго государя сію книгу типу предалъ... Далѣе, Копіевскій оставилъ извѣстіе, что, по незнанію работниковъ его русскаго языка, онъ былъ не только сочинителемъ, но и типографщикомъ и что «избыточныхъ ради трудовъ преогорчихъ душу мою, самъ единъ труждася и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ»...

Въ 1702 г., Копіевскій вступалъ въ переговоры съ берлинскою академіею наукъ объ уступкѣ ей своей типографіи, но безъ успѣха²⁾. При этомъ случаѣ, въ Германіи возникли толки о славянскомъ шрифтѣ. «Что касается до славянской азбуки, писалъ Либпертъ къ

¹⁾ Scheltma, Anecd. sur P. le Gr. 91, 92.

²⁾ N. Bergii, Exercitatio etc. гдѣ приведено объ этомъ извѣстіе изъ Historische Remarques der neuesten Sachen in Europa, 23 Mai 1703 J.

Нёллеру, то я не могу вамъ сообщить о ней ничего вѣрнаго — говорить много, но ни на чемъ еще не остановились. Буквы греческія, но изъ нихъ 8 или 10 другаго вида. Надобно было приступить къ вырѣзыванію ихъ, но тутъ—то и вышло разногласіе — одни утверждали, что они знаютъ въ совершенствѣ русскій языкъ, а другіе имъ возражали, что тѣ его вовсе не знаютъ. Итакъ, дѣло на этомъ и остановилось, и до сихъ поръ еще ничего не рѣшено»...

Между тѣмъ, въ іюль 1703 г., Янъ де Юнгъ Вуттеръ послалъ къ царю письмо изъ Амстердама. Здѣсь сообщалось, что онъ, согласно своему обѣщанію, отправилъ Петру 12 ящичковъ съ наобкомными и разными предметами изъ Остѣ и Вестѣ-Индіи, также модель палеомоскопіума («сей инструментъ толь долготъ возможно сдѣлать, какова высота башни»). Янъ де Юнгъ, выражая свое удовольствіе, что и прежде посланныя имъ съ племянникомъ къ Москвѣ «остѣ и вестѣ-индскія диковинки» были пріятны царю, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ принудить его брата, Владимира, отдать ему, Яну, наслѣдство умершаго брата ихъ Корнелія. «Я, прибавляя Янъ, пребываю тако въ надеждѣ, что получу удовольствіе, ибо я печатаніемъ книгъ и похвальныхъ виршей къ пользѣ вашего царскаго величества подданныхъ много убытку имѣю, понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало. Я уповаю книгу о хитрости штурманской (т. е. вышеописанная «Книга, учащая морскаго плаванія»), на славянскомъ языкѣ напечатанную, такожь вскорѣ въ совершенство приведенну получить. Обманщикъ Илья Копіевскій и сей изрядной книги четыре листа или 32 страницы съ фигурами съ собою взялъ и меня тѣмъ ограбилъ, и держится нынѣ въ Польшѣ, или въ Пруссакъ, но его краденое и мои помянутые листы взялъ я здѣсь за арестъ въ надеждѣ, что ихъ вскорѣ получу и возмогу въ ваше царскаго величества московское государство выслать»¹⁾.

Въ 1705 г., типографія Копіевскаго находилась еще въ Амстердамѣ, по крайней мѣрѣ шрифтомъ ея набрана вышедшая тамъ того года книга «Символы и Эмблемата» у Генриха Ветстенія. Потомъ, въ слѣдующемъ 1706 г., тѣмъ же шрифтомъ напечатано «Руководеніе въ грамматику во славенороссійскую», но уже въ Штольценбергѣ, у Христіана Филиппа Гольца. Предисловіе подписано Копіевскимъ 20 марта 1706 г., въ Данцигѣ. Кому досталась именно типографія Копіевскаго послѣ 1710 г., когда шрифтомъ ея напечатанъ былъ «Театръ или зеркало монарховъ» въ Амстердамѣ у Генриха Бройна²⁾,

¹⁾ Кабинетскія дѣла II, № 2 л: 492—494. Здѣсь Jan de Jongh Woutter названъ Яномъ де Юнгомъ Эвоутсоромъ. Подлинника этого письма нѣтъ, а только современный русскій переводъ.

²⁾ Замѣтимъ здѣсь, что въ «Символахъ» буква Ѡ имѣетъ на верху знакъ, не встрѣчающійся въ шрифтахъ Тессинга и Копіевскаго; «Театръ» же напечатанъ безъ силъ, Ѡ съ тѣмъ же знавомъ, какъ и въ «Символахъ».

неизвѣстно, только 17 лѣтъ спустя, этимъ же самымъ шрифтомъ напечатанъ въ Кѣнигсбергѣ русскій календарь на 1727 годъ. Авторъ его, Василій Корвинъ Квасовскій подписался здѣсь: «его королевскаго прусскаго величества тайный секретарь, присяжный трансляторъ, управлеованный русскій польскій типографъ», и обозначилъ, что этотъ календарь вышелъ изъ его «власной» (т. е. собственной) типографіи. Другой подобный календарь Квасовскій издалъ въ Кѣнигсбергѣ же на 1730 г. Въ 1735 г., шрифтомъ типографіи Копіевского напечатаны въ Галлѣ нѣсколько русскихъ книгъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго Симономъ Тодорскимъ¹⁾.

Что же касается до самаго Копіевского, то около 1707 года онъ является въ Россіи. Въ этомъ году, изъ царской канцеляріи ему дано было 50 ефимковъ для покупки книгъ въ Данцигѣ, но онъ успѣлъ купить тамъ только одну — «Артиллерію» Брауна. Возвращаясь въ Россію съ дочерью и пожитками, Копіевскій, по его словамъ, на дорогѣ былъ ограбленъ казаками. По пріѣздѣ его въ Варшаву, Петръ велѣлъ ему быть «въ полкахъ» при Яковѣ Вилимовичѣ Брюсѣ. Копіевскому нисколько не нравилась жизнь въ походахъ съ дочерью, и онъ просилъ царя, въ маѣ 1708 г., дать ему какое нибудь другое назначеніе, а также и жалованье (ср. прил. II г.). Въ то же время, Брюсъ писалъ къ Петру, что Копіевскій живетъ у него безъ всякаго дѣла, такъ какъ онъ въ нѣмецкомъ языкѣ неискусенъ, а лучше бы ему переводить польскія книги лѣтописныя или геометрическую: «того ради, не лучше ли его отослать къ Гаврилу Ивановичу (Головкину, начальнику посольской канцеляріи), понеже мнѣ не надобенъ»...

Дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ Копіевского въ Россіи еще не отыскалось²⁾.

Списки книгамъ, которыя издалъ, приготавливалъ или еще только сочинялъ Копіевскій въ 1699, 1700 и 1706 годахъ, читатель найдетъ въ III приложеніи, подъ буквою *a*. Отсюда можно видѣть, что Копіевскій успѣлъ написать и издать довольно книгъ и притомъ самаго разнообразнаго содержанія; впрочемъ, всѣ онѣ въ научномъ отношеніи не имѣютъ большихъ достоинствъ и замѣчательны лишь для своего времени.

Любопытно то обстоятельство, что Копіевскій старался буквально поддѣлаться къ помѣщенному въ привилегіи Тессинга условію — прославлять русскаго царя и народъ его. Такъ напр., въ первой же, напечатанной въ Амстердамѣ книгѣ: «Введеніе краткое во всякую исторію», составителемъ ея сдѣлано такое обращеніе: «вѣждь, православный читателю, яко бы не имѣяхомъ дерзновенія писати

¹⁾ О русскихъ галльскихъ изданіяхъ см. Библиогр. записки 1861 г. № 2, стр. 35—46.

²⁾ М. Евгеній, а за нимъ и Сопиковъ полагали, что Копіевскій умеръ въ 1701 году.

варварскому какому народу; но славянороссійскій народъ славно прославися, паче всѣхъ народовъ, своимъ благоразуміемъ: прочіе народы и порубежнаго не разумѣютъ языка; славянороссійскій же народъ сіе дарованіе Божіе имѣеть, яко едва не всю Европу о своемъ языкѣ перейдетъ... Славніи италіане, французы, по точію въ своей землѣ, за рубежемъ—варвары тщеславніи. Славяно же россійскій народъ славный, не тщеславный, смиренномудренно держится, аще же паче всѣхъ тѣхъ языкъ родоязычіе имѣеть...

«Введеніе краткое во всякую исторію» начинается опредѣленіемъ науки: исторія утверждаетъ память и описываетъ дѣла прошедшія и настоящія, «да познаетъ и не забываетъ ни одинъ родъ». Она приноситъ пользу и утѣшеніе; чтеніе ея удивительно исполняетъ болѣзнь тѣла и духа: Фердинандъ, владѣтель сицилійскій, и Альфонсъ испанскій, будучи такъ больны, что отъ нихъ отказались всѣ доктора, заставили читать себя — одинъ Тита Ливія, другой — Квинта Курція, и оба получили отъ того облегченіе: такой же случай разсказанъ и о Лаврентіи Медяци. Сверхъ того, примѣры великихъ мужей въ исторіи возбуждаютъ охоту къ подражанію имъ, такъ Салиманъ турецкій велѣлъ перевести Юлія Кесаря и побѣдилъ многіе народы Европы и Азіи».

Послѣ такихъ неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу науки, въ «Введеніи» исчислены событія изъ священной исторіи, далѣе слѣдуетъ перечень государей халдейскихъ, вавилонскихъ, персидскихъ, македонскихъ, римскихъ, съ показаніемъ годовъ царствованія, и, наконецъ, объяснены время, эпохи и синхронизмы.

За исторіею помѣщена географія, состоящая въ описаніи морей, озеръ и рѣкъ, острововъ и горъ, также различныхъ единицъ для измѣренія земли. Какъ здѣсь описаны мѣста русской земли — можно имѣть понятіе изъ слѣдующаго отрывка о Москвѣ рѣкѣ: «она паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца россійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха».... И далѣе: «здѣ удивитесь! прійдите всѣ боящіеся, прійдите и видите дѣла Божія, яко Господь ограда люди свои на востокъ отъ запада и отъ полуденныя страны тремя великими и славными рѣками (между ними и Москва рѣка); даде Господь Богъ я пастыря единого всѣмъ, возлюбленнаго помазанника своего, пресвѣтлѣйшаго и великаго государя, его же величество вознесе даже до небесе съ высокаго на высочайшей степени, паче всѣхъ царей земныхъ».

Изъ учебниковъ, составленныхъ Копіевскимъ для ознакомленія съ ипострашными языками, извѣстны: славянская и латинская грамматикки и вокабулы. Въ первой помѣщено весьма краткое извлеченіе изъ грамматикки Смотрицкаго, а въ концѣ приложены «Изображенія разговоровъ къ удобнѣйшему познанію языковъ» (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго), гдѣ находимъ: «поздравленіе утрен-

нее (добрый день, bonus dies, ein guter tag и т. д.), полуденное, вечернее, егда смеркнетъ (буди тебѣ сія ночь счастлива, sit tibi haecnox felix, Dir sey die Nacht glücklichselig), егда идутъ спать, егда отъ сна встаютъ (гдѣ между прочимъ такой вопросъ: «чево оорометися, cujus me pudet, was soll ich mich schämen?»); когда столъ покрываютъ». Въ каждомъ отдѣлѣ поименованы и разговаривающія лица, такъ въ 1-мъ Андрей и Валтазаръ, во 2-мъ — Децій и Евстахій и т. д. Въ концѣ есть правило о русскомъ произношеніи буквы г¹).

Латинская грамматика составлена толковѣе: хотя и въ ней правила изложены кратко, однако много примѣровъ, изъ которыхъ ученику видѣе свойства языка. Въ предисловіи Копіевскій говоритъ, что онъ уже издалъ 7 книгъ, а 12 приготовилъ къ печати, но увидалъ «яко тщетный есть всякъ трудъ безъ грамматикки, и тую преукрасихъ, кромѣ терніева толкованія, колико мощно было, ученій, краткость въ чину, изъясненіе въ прикладахъ, или образахъ, пользу во всяческихъ.... Сяцевымъ чиномъ чрезъ всѣ части Етымологіи во единѣмъ часѣ совершеннѣ всякъ юноша разрѣшити всякое имя и слово возможетъ, аще сія вся получихъ — у иныхъ благоразуміе буди. Геркулевымъ убо дерзновеніемъ воспряхъ сіе дѣло во имя Господне и запотихся во истинно не безъ тщеты иныхъ дѣла совершенія и имѣнія моего».

Что касается до вокабулъ, гдѣ подъ разными отдѣлами собраны различныя слова, чаще встрѣчающіяся въ разговорахъ, то несмотря на краткость ихъ, они потомъ были заимствованы и въ русскомъ изданіи Букваря Полицарпова.

«Руководеніе во аритметику» напечатано на 16 небольшихъ страницахъ и состоитъ въ изложеніи первыхъ четырехъ ариметическихъ правилъ; въ концѣ же обѣщано: «аще благоугодна сія будетъ православнымъ читателемъ, совершеннѣе помощію Божіею на желаніе напишется (sic) вскорѣ». Здѣсь ариметика раздѣлена на 5 частей: числа, придача, изъятіе (убавка), умноженіе и раздѣленіе. Въ опредѣленіи чиселъ нуль названъ оникомъ; въ числахъ различаются «персть и артыкулъ или суставъ:

«1 персть.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	0.
ЕДИНЬ	ДВА	ТРИ	ЧЕТЫРЕ	ПЯТЬ	ШЕСТЬ	СЕМЬ	ВОСЕМЬ	ДВЕНЬ	НИЧЕГО

Увѣщаніе. Всякое число по одному персту знаменуетъ, оникъ съ первымъ десятой персть изобразуетъ.

¹) Изъ втораго списка амстердамскихъ изданій видно, что Копіевскій приготовлялъ къ печати другую русскую грамматику въ 4° (здѣсь описываемая въ 8°).

10.	20.	30.	40.	50.	60.	70.	80.	90.	100.	200.
Десятъ	Двадцать	Тридцать	сорокъ	пятьдесятъ	шестьдесятъ	семьдесятъ	охладесть	девяносто.	сто	двѣсти

Сіе имя артыкуль зовется, понеже всегда съ десятками соединяется»....

За тѣмъ, показано очертаніе чисель арабскими, славянскими и римскими цифрами. 1.000.000.000 названъ «тьмою»; далѣе—краткое объясненіе ариметическихъ правилъ: адыщія, субтракція, мультипликація и дивизія. Вотъ, напр., опредѣленіе вычитанія: «субтракція, или убавленіе, си есть убавка. Убавляющее число есть огда малый отъ великаго производится и подъ нимъ пишется; на прикладъ: убавь 57 отъ 89 и сотвори, яко послѣдуетъ, поставь 57 подъ 89 возми 7 отъ 9—останется 2, два поставь подъ линію 7; убавь же 5 отъ 8—останется 3 и тако будетъ 32». Повѣрка названа искушеніемъ. При умноженіи «подается лѣствица умноженія перстовъ, или способъ Пятагоревъ, иже содѣла по девяти перотовъ въ длину и въ ширину, сице же употребляются дважды два суть четыре»... и т. д.

Въ концѣ ариметики припечатаны «сентенціи, или притчи, ко благочестію и благимъ обычаемъ служащія», гдѣ въ началѣ помѣщены правоученія въ родѣ такихъ: *Deum time*—Бога бойтеса, *Regem honorate*—царя чтите, а потомъ римованныя двоестроція съ латинскимъ подлинникомъ, напр.:

*Si Deus est animus nobis ut Carmina dicunt,
Nec tibi praecipue sit pura mente calendus.
Понеже Богъ есть духъ, писаніе намъ ставить,
Долженъ ты его чистымъ сердцемъ всегда славить.
Male agitur cum Domino, quem vellicus docet,
Пропало дѣло того господина,
Коего учитъ его же слуговина.*

Послѣ такихъ сентенцій помѣщено 17 притчъ на одномъ русскомъ языкѣ. Эта самая книга, какъ видѣли выше, была заказана Копіевскому приказчикамъ Филатьевымъ, которые потомъ отъ нея отказались.

Сочиненіе «О дѣлѣ воинскомъ» состоитъ изъ перевода наставлений Льва кесаря Миротворца и разсужденій изъ польскаго писателя Симона Старовольскаго ¹⁾ — все это не болѣе, какъ общія мѣста о качествахъ полководцевъ, о веденіи войны и т. п. Въ заключеніи, быть можетъ предѣланномъ съ намѣреніемъ самимъ Копіев-

¹⁾ Сочиненіе Старовольскаго издано въ Краковѣ 1640 г. подъ заглавіемъ *Institutionum rei militaris*.

скими, преподаны совѣты, что военному человеку надобно знать науки: «Ничто же полезнѣйшее есть въ семь житіи, какъ познаніе и умѣлость письменъ. Сіе приношаетъ величество и славу, сіе неизреченную красоту воздаетъ, сіе государства великія укрѣпляетъ, и расширяетъ и прославляетъ — всякому человеку во всякомъ чину полезно. Письмена разумъ исправляютъ, и обучаютъ, и утѣшаютъ, откуда храбрость и добродѣтели въ первоначальникахъ зъ наученія и читанія письменъ. Не токмо бо красотой и славою возвеличаются, но цвѣтъ точію имѣющій величества своего отъ письменъ покровъ, благородіе и силу: ими же своимъ любезнѣйши суть, супастатомъ же — страшнѣйши. Сіе же есть юнѣйшимъ во емъ, воинственнаго ради обученія списано».

Это увѣщаніе о пользѣ наукъ теперь кажется общимъ мѣстомъ, но при Петрѣ писались длинныя предисловія на эту тему: самъ царь, по свидѣтельству Вебера (*Das veränderte Russland*), любилъ заводить съ своими придворными разговоры объ этомъ предметѣ и тогда, разумѣется, не слыхалъ возраженій.

«Книга, учащая морскаго плаванія» есть переводъ голландскаго учебника Авраама де Графа, и Копіевскій рекомендовалъ его русскимъ читателямъ въ такихъ выраженіяхъ: «Въждь же о семъ всякій, православный читателю, яко сія книга полезна есть къ обученію и желаемому благоискусству, не точію хотящимъ учиться морскаго плаванія, но и всякаго чина людямъ въ дому сущимъ и путешествующимъ воинскимъ и торговымъ людямъ. Морскаго плаванія вкратцѣ и совершенно обучаетъ сія книга рядовымъ числомъ, обаче Математика, Космографія, Геометрія и Географія не умолкнша. Здѣ всякъ обрящетъ ищущій премудрости много зѣло полезная».

Копіевскому принадлежитъ честь быть первымъ издателемъ русскаго перевода древнихъ писателей: въ спискахъ его видно, что онъ приготовлялъ къ печати «о добродѣтели» Горація, но успѣлъ издать только басни Езопа, собранныя Авіеніемъ. О до-петровскихъ русскихъ переводахъ произведеній, приписываемыхъ Езопу, говорится во 2 ч. настоящаго труда подъ № 28. Изданіе Копіевскаго сдѣлано на русскомъ и латинскомъ языкахъ и напоминаетъ рассказы Вебера, какъ Петръ хорошо зналъ эти басни и кстати ссылался на нихъ.

Въ турецкой походъ къ Пруту, надежда царя на вспоможеніе одной державы не осуществилась, русскіе проиграли кампанію, заключили невыгодный миръ, и тогда прибылъ посланникъ той державы съ поздравленіемъ отъ имени своего государя, что Петръ, своею мудростью и божескимъ заступленіемъ, избѣжалъ великой опасности. Выслушавъ хладнокровно рѣчь дипломата, царь, вмѣсто отвѣта, спросилъ его: знаетъ ли онъ по латинѣ? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вынесъ изъ кабинета экземпляръ басенъ Езопа, нашелъ въ нихъ басню «Козель и Лиса» (которые оба попали въ колодець, но лиса вы-

бралась оттуда по рогамъ козла и стала надъ нимъ же смѣяться) и, указавъ это посланнику, покинулъ его съ словами: «желаю вамъ покойной ночи!» Я слышалъ, прибавляетъ Веберъ, этотъ расказъ отъ самого посланника, еще и теперь здравствующаго и одѣлавшагося известнымъ министромъ¹⁾.

Въ другой разъ, одинъ иностранный генералъ въ русской службѣ хотѣлъ успокоить царя на счетъ непріятельскаго нападенія и увѣрялъ, что онъ съ своимъ отрядомъ отмстилъ бы за нападеніе и возвратилъ бы потерянное. — Не храбритесь, возразилъ Петръ: если непріятель далеко, то воображайте его словомъ, а въ рукопашной схваткѣ считайте его не болѣе мухи: учитесь изъ басенъ Эзопа, что прежде надо убить медвѣдя, а уже потомъ дѣлать его шкуру²⁾.

«Поверстаніе круговъ небесныхъ» состоитъ изъ краткихъ задачъ о склоненіи солнца и т. п.; при томъ есть карта съ изображеніемъ небснаго глобуса, описанная подъ 1699 годомъ во 2-й части.

Ревность Копіевскаго была такъ велика, что онъ, не ограничиваясь переводами и составленіемъ учебниковъ, напечаталъ на взятіе Азова произведеніе «стихами поетыцкими», въ которыхъ, чтобы возвысить побѣду русскихъ, такъ описывается могущество Турціи:

Страшно было еже впасть азійскаго змія
Въ руцъ, яко и сама европская выя
Жестокія ярости его убояся;
Сътовашу весь страны въ едину сходяся,
Совътоваша купно, но не премогаша —
Злочестивыя силы зело превзыдоша.
Нощная же луна ихъ нача помрачати
И всю подсолнечную тьмою наполнати.
Ново-мѣсячниковъ лунныхъ много сотвори,
Благочестіе, и любовь, вѣру разори
Православную: въ мѣсто жъ ея, Махомета
Невѣріе приведе мрачная планета....

Любопытная гравюра, приложенная къ этому произведенію, описана во 2-й ч. подъ 1700 г. Видѣли выше изъ письма Юнга Вуттера къ царю, что эти похвальбыя вирши, подобно другимъ русско-амстердамскимъ изданіямъ, мало находили себѣ покупщиковъ въ Россіи.

Одинъ экземпляръ календаря, изданнаго въ Амстердамѣ, я видѣлъ не полный: въ немъ только святцы, гдѣ имена святыхъ и названія праздниковъ напечатаны по-русски и нѣмецки.

Въ типографіи Тессинга была напечатана также, безъ означенія года, карта съ изображеніемъ странъ между Дономъ и Днѣпромъ. По свидѣтельству Миллера³⁾, она неимѣетъ заглавія, вмѣсто котораго

¹⁾ Das veränderte Russland Th. II, 22, 23.

²⁾ Ibid. стр. 23.

³⁾ Ежемѣсячныя сочиненія 1761 г. ноябрь, стр. 424 и 425.

такое посвященіе: «Inviolissimo atque augustissimo imperatori, serenissimo ac potentissimo principi Petro Alexiewicio, utriusque Russiae absoluto domino, in laudem et immortalem gloriam serenissimae ejus tzareae majestatis, honoris ergo, Tabulam hanc, ut animi grati documentum, qua pars majoris et minoris Russiae, Poloniae, Tartariae, Ponti euxini ac Natio- liae continetur, offert, dedicat et consecrat humilissimus Johannes Thes- sing, amstelodamensis. Cum privilegio S. Tz. M.»

Наконецъ, известна въ библиотекѣ И. П. Каратаева гравюра съ русскими стихами и объясненіями, и на ней подпись: Amstelodami, Tessing excudit fecit. Она сдѣлана довольно затѣйливо — листъ сложенъ въсколько разъ въ видѣ конверта: раскрывая первые згибы, махондимъ стихи:

Тебѣ и мнѣ скоро да вручится
Пунктъ не великъ — прими со желаніемъ,
Смотри жизнь свою со вниманіемъ:
Внутрь сей грамоты приложъ на меня,
Осмотришь тажъ радость идетъ на тебя,
И всякъ мѣсто ту, гдѣ она надлежитъ,
Когда душа отъ тѣла скоро отбѣжитъ.

На оборотѣ представлено древо познанія добра и зла:

Се весьма въ свѣдѣ приятно:
Рождшався дѣтемъ страстно.

подъ деревомъ Ева:

Се сотворенъ едина азъ отъ земли,
Но всякъ себя внемаи.

Потомъ раскрываются другіе сгибы, гдѣ изображенъ змѣй, искушающій у древа Адама и Еву, на вершинѣ дерева распятіе, кругомъ объяснительные стихи, а внизу:

Вы, смерти подлежащіе, помышляйте прешедшее,
Каково было славно мое счастье мимошедшее;
Но что потомъ будетъ содѣлаться,
Можетъ вамъ съ болѣзнію скоро узрѣться.

На оборотѣ изображены мужчина и женщина въ нѣмецкихъ платьяхъ:

Ахъ, ахъ, міръ о вѣчномъ благому не помышляетъ,
Ходятъ въ суетномъ убранствѣ и симъ ся украшаютъ,
Въ любодѣйствѣ ищеть себя удоволити,
Черезъ пріятность нѣчто тайно сотворити!

Потомъ, около губъ женщины:

Аще хоцеша, то сотворимъ нынѣ тайно со мною?

и около мужчины:

Ахъ, ахъ, не вѣмъ, что сотвориши имамъ съ тобою!

Наконецъ, развертывается весь листъ — вверху изображенія съ подписями:

Симъ молитву дѣвѣ,
Хамъ пшеницу сѣетъ,
Фетъ власть имѣетъ,
Смерть всѣми владѣетъ.

По срединѣ, смерть съ своими атрибутами и грѣшникъ въ мукахъ ада; кругомъ стихи нравоучительные, въ родѣ такихъ:

О человѣче, здѣ красясь въ зеркало смотрися,
Въ сей гробъ зѣ дѣлы свои готовися.
И что еси ты — себѣ помышляй непрестанно,
Да увидеши въ первую сладость невозбранно....

Въ Россіи явились потомъ подражанія этому амстердамскому произведенію — только на нихъ уже не находится помянутой выше латинской подлинной.

III.

Сношенія Петра Великаго съ Лейбницомъ. Проекты послѣдняго о введеніи наукъ въ Россію. Вольфъ: приглашенія ему переселиться въ Россію. Заслуги его русскому просвѣщенію. Знакомства царя съ французскими учеными въ Парижѣ, въ 1717 г. Замыслы французскихъ богослововъ. Разрывъ учтивостей съ парижскою академіею наукъ.

Въ сношеніяхъ Петра Великаго съ Лейбницомъ поражаетъ, прежде всего, внимательность государя къ наукѣ и ученому сословію: царь ведетъ ожесточенную войну, усмиряетъ безпрестанно возстанія, занимается управленіемъ такъ, что ни малѣйшее распоряженіе въ государствѣ не дѣлается безъ его вѣдома, и при всемъ томъ онъ, однако, находитъ время узнать, что въ Германіи живетъ Лейбницъ, не знаменитый ни своимъ родомъ, ни должностью при какомъ нибудь государственномъ дворѣ, но только ученый, котораго знанія и открытія въ наукахъ сдѣлали извѣстнымъ Европѣ. Въ знакомствѣ съ Лейбницомъ Петра видна дань уваженія къ наукѣ и общественному мнѣнію, которое признавало германскаго мыслителя первымъ ученымъ своего времени.

Извѣстна многосторонняя дѣятельность Лейбница: знаменитый въ исторіи философіи своею менадологіею, онъ успѣлъ въ математикѣ сдѣлать открытіе о величинахъ бесконечно малыхъ (индиференціальныя вычисленія), собралъ кодексъ дипломатическихъ актовъ, писалъ исторію брауншвейгскаго дома, сочинялъ трактаты о происхожденіи франковъ, о тайнствѣ евхаристіи и т. п. Еще прежде личнаго свиданія съ царемъ, Лейбницъ желалъ имѣть образцы нарѣчій и языковъ, которыми говорятъ разные народы въ Россіи, и интересовался лѣтописью Нестора, найденною царемъ въ Кенигсбергѣ. Въ 1711 г., когда Петръ былъ въ Торгау, Лейбницъ, чрезъ барона Гюйссена, получилъ туда приглашеніе, видѣлся съ царемъ и былъ пожалованъ отъ него званіемъ тайнаго совѣтника.

Въ грамотѣ, данной по этому случаю (1 ноября 1712 г.), сказано, что такое званіе дапо Лейбницу «во уваженіе извѣстныхъ царю и имъ испытанныхъ добрыхъ качествъ ученаго, который можетъ способствовать развитію математическихъ знаній, историческихъ розысканій и другихъ наукъ, такъ какъ имѣеть сношенія со многими учеными». Царь, для осуществленія намѣренія — содѣлать цвѣтущими науки и искусства въ своемъ государствѣ — общался въ грамотѣ присылать Лейбницу изъ Россіи требуемыя имъ овѣдѣнія, а также принимать въ особенное вниманіе предложенія и проекты этого ученаго, который за то имѣлъ получать жалованье по 1000 рейхсталеровъ въ годъ.

Изъ представленныхъ, вслѣдствіе этого, Лейбницомъ предложеній извѣстны: 1) О необходимости магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіями о положеніи и природѣ страны; въ концѣ прибавлено, что англійскій парламентъ принялъ уже нѣкоторыя мѣры касательно этого предмета, а потому слѣдуетъ, при посредствѣ статсъ-секретаря Стенгопа (Stanhope) и Лейбница, войти о томъ въ переговоры съ британскимъ правительствомъ. 2) Письмо къ русскому послу, кн. Куракину, гдѣ Лейбницъ сначала пишетъ, что онъ съ восторгомъ готовъ содѣйствовать царю въ намѣренія — заставить цвѣсти науки и искусства въ огромной имперіи его; но это невозможно исполнить, когда продолжается война. Введеніе наукъ въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, вещь не легкая, и потому необходимо торопиться, особенно если царь хочетъ при жизни своей видѣть плоды своихъ трудовъ. Прежде всего, надобно составить планъ и подумать о средствахъ къ осуществленію его. Ученые, предназначаемые для распространенія наукъ въ Россіи, должны быть выбраны изъ способныхъ къ тому людей: большая часть ихъ будетъ жить въ Россіи, другіе же останутся за границей, чтобы поддерживать сношенія и сообщать обо всемъ томъ, что будетъ тамъ происходить достойнаго вниманія. Въ числѣ необходимыхъ предметовъ поименованы: зданія, сады, бібліотеки, кабинеты,

обсерваторіи, лабораторіи, снабженныя растеніями, инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и проч. Но, приступая къ осуществленію всего этого, необходимо подумать о постановленіяхъ и статутахъ для новыхъ учреждений, дабы, при образованіи молодежи, избѣгнуть тѣхъ злоупотребленій, которыми полны учебныя заведенія на Западѣ. Расходы при введеніи наукъ должны быть умѣренны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обезпечивали существованіе ученыхъ; необходимыя при томъ деньги можно достать внѣ Россіи и такимъ образомъ, что царь отъ того скорѣе выиграетъ, нежели потеряетъ. Болѣе же подробный планъ можно составить только тогда, когда будутъ вѣрно извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, а главное намѣренія на этотъ счетъ царя. Для учрежденія академій, университетовъ и школъ заслуживаютъ вниманія города: Москва, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ.

Вообще въ такомъ важномъ и нескоро осуществляемомъ дѣлѣ необходимо обстоятельно обдумать общую идею и потомъ постепенно, по частямъ и при случаѣ, приводить ее въ исполненіе, подобно тому, какъ при возведеніи значительнаго зданія, лучше составить напередъ планъ или модель его. О сокращеніи издержекъ Лейбницъ общался изыскать средства въ бытность свою въ Берлинѣ.

Далѣе онъ пишетъ, что ему говорили объ особенномъ желаніи царя — споспѣшествовать нѣкоторымъ учрежденіямъ *circa studio* въ Петербургѣ, и что если бы получить о томъ свѣдѣнія, то можно бы помочь и въ этомъ дѣлѣ.

Лейбницъ просилъ представить царю его предположенія въ переводѣ и передать поклонны Брюсу, Гюйссену, гр. Головкину и кн. Меньшикову, хотя послѣднихъ двухъ онъ не зналъ лично. Кромѣ того, ходатайствовалъ о присылкѣ ему для справокъ лексикона и грамматикъ славянскаго языка.

Сохранились также двѣ записки, которыя касаются дипломатическихъ переговоровъ Лейбница, по порученію Петра, съ австрійскимъ дворомъ.

За тѣмъ извѣстны три письма Лейбница къ царю, касательно введенія наукъ въ Россію.

Въ началѣ перваго онъ говоритъ, что цари есть земные боги, а потому, чтобы наслаждаться плодами трудовъ своихъ, они должны подражать божескому управленію вселенной. Послѣ похвалъ Петру, Лейбницъ утверждаетъ, что тамъ только можетъ быть хорошее правленіе, гдѣ учреждены коллегіи, внутреннее устройство которыхъ похоже на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно другъ друга приводятъ въ движеніе. Для Россіи германскій философъ считалъ необходимыми 9 коллегій: государственную, военную, финансовую, полицейскую, юстицкую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и уче-

ную ¹⁾. О послѣдней Лейбницъ говоритъ подробно; писать о составѣ другихъ предлагалъ также свои услуги, за исключеніемъ только государственной и военной.

Для ученой коллегіи нужно выбирать людей, основательно знакомыхъ съ науками, а не полуневѣждъ, отъ которыхъ государство ничего не выигрываетъ. Обязанности избранныхъ въ коллегію состоятъ: а) излагать каждому свою науку по усовершенствованной методѣ и притомъ стараться слѣдить за открытіями и улучшениями; б) наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки; в) испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу, и потомъ представлять о нихъ царю для наблюденія за границей, чтобы тамъ каждый изъ посылаемыхъ юношей учился тому, къ чему найденъ способнымъ по испытанію. Такими способами Лейбницъ ожидалъ: 1) что незамѣтно невѣжество будетъ изгнано изъ Россіи; 2) что въ сомнительныхъ случаяхъ можно будетъ обращаться къ ученой коллегіи за совѣтами; 3) что иностранцы станутъ путешествовать по всѣмъ странамъ, гдѣ много будетъ находиться образованныхъ людей; 4) что молодежь, возвращаясь домой, принесетъ пользу государству и охранитъ правительство отъ многихъ издержекъ, и 5) что въ службѣ царя будутъ такіе же образованные люди, какъ въ Европѣ, и даже лучше, изъ своего народа.

Для обученія юношества въ Россіи, необходимо учредить академію ²⁾, которая должна помѣщаться въ удобномъ для того домѣ, имѣть хорошую библіотеку и типографію.

Предметы преподаванія:

Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе — для достиженія этого, слѣдуетъ руководствоваться божественнымъ свѣтомъ, переданнымъ намъ по откровенію въ св. писаніи, а потому преподается Богословіе, которое, впрочемъ, должно заключаться не въ безплодныхъ диспутахъ объ обрядахъ, но въ истинной любви къ Богу и ближнему.

Творенія бываютъ или духовныя, о которыхъ научаетъ пневматика, или духовно-тѣлесныя — я самъ или другіе люди. Я осознаю себя по тѣлу и душѣ. Душа имѣетъ двѣ главныя способности: разумъ (Verstand) и волю (Willen). Чтѣ такое разумъ, въ чемъ состоятъ его

¹⁾ Известно, что Петръ учредилъ коллегію указомъ 12 декабря 1718 г.; онъ назывались: коллегіи чужестранныхъ дѣлъ, каморъ или казенныхъ сборовъ, юстиціи, ревизіонъ, воинская; адмиралтейская, комерцъ, штатъ контора, бергъ и мануфактуръ.

²⁾ Ясно, что здѣсь Лейбницъ даетъ названіе академіи высшему учебному заведенію. Въ указѣ объ учрежденіи петербургской академіи наукъ, Петръ хотѣлъ, чтобы она имѣла двойное назначеніе: дѣлать открытія и усовершенствованія въ наукахъ и въ то же время обучать юношество.

зablужденія, какъ онъ можетъ быть усовершенствованъ, какъ я долженъ искать истину и ее сообщать другимъ — учить Логика.

Дурныя стороны и наклонности воли, исправленіе ихъ — предметъ Ээтики.

Узнать мое тѣло по его темпераменту, устройство и сохраненіе его — учить Медицина и Хирургія.

Другіе люди или въ-живыхъ, или умерли. Познаніе о послѣднихъ и ихъ жизни — преподаетъ Исторія.

Познанія о живыхъ людяхъ состоятъ въ томъ, чтобы я воздавалъ каждому свое и учился разумно обходиться съ ними — предметъ права естественнаго и государственнаго.

Творенія видимыя находятся или надо мною — о нихъ научаетъ Астрономія, или вокругъ меня — чтобы узнать послѣднія, существуетъ Географія.

Строятъ корабли, дома, крѣпости — научаетъ архитектура; ихъ измѣривать — Геометрія, Архаметика.

Чтобы пользоваться всѣми удобствами на сушѣ и на водѣ — способствуетъ Механика.

Чтобы узнать все существующее на землѣ, въ водахъ и воздухѣ, свойства, качество и природу его — есть Физика. Разложеніе его — учатъ Химія. При изнеможеніи отъ непрерывныхъ работъ, человекъ находитъ отдохновеніе въ Музыкѣ.

Кто желаетъ передавать другимъ приобретенныя имъ знанія, тотъ долженъ знать нѣсколько языковъ, выучиться которымъ, при хорошей методѣ, можно въ короткое время.

Въ заключеніе, Лейбницъ и здѣсь упоминаетъ объ издержкахъ и о томъ, что у него есть средство къ покрытію ихъ. Вообще, если царь поручитъ дѣло образованія умнымъ и способнымъ директорамъ, то въ нѣсколько лѣтъ отъ введенія наукъ будетъ государству такая польза, которой перо описать не въ состояніи.

Въ письмѣ къ царю, отъ 12 декабря 1712 г., Лейбницъ, сообщая изъ Вѣны о тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ, въ концѣ прибавляетъ, что послалъ чрезъ Брюса письмо къ епископу рязанскому (т. е. Стефану Яворскому), о необходимости, для распространенія христіанства, перевода на языки живущихъ въ Россіи инородцевъ десяти заповѣдей, Отче нашъ и Символа вѣры, или же оставить для каждаго племени небольшой лексиконъ ихъ языка. Далѣе, сохранился реестръ, въ которомъ Лейбницъ требовалъ: а) каталогъ изданныхъ въ Россіи книгъ, какъ обращающихся въ продажѣ, такъ и другихъ; б) свѣдѣнія о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и иныхъ мѣстахъ; в) списокъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, находящихся на службѣ царской; г) свѣдѣніе о японцѣ, котораго бурей прибило къ берегамъ Камчатки и о которомъ будто бы г. Виниусъ знаетъ обстоятельно (ежели японецъ еще живъ, то можно

бы распросить его самого); е) известія о сибирякахъ, побывавшихъ далеко на Сѣверъ и будто бы открывшихъ тамъ теплыя страны; ф) доставленіе образцовъ языковъ народовъ русскаго царства и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ, каковыя образцы могутъ состоять изъ переводовъ Отче нашъ, Символа вѣры и заповѣдей съ русскимъ подстрочнымъ текстомъ, или же изъ краткаго словаря именъ, глаголовъ и чиселъ; г) русской лексиконъ или вокабулы; і) славянскую грамматику; к) всѣ русскія историческія книги; л) книгу, называемую Патерикомъ; м) русскую Библию, въ-особенности Новый заветъ послѣдняго изданія; н) божественную службу по-русски и о) русскій катихизисъ.

Въ письмѣ къ царю, отъ 26 октября 1713 г., изъ Вѣны, напоминаетъ Лейбницъ, что послѣ вступленія его въ русскую службу, онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ былъ очень хорошо принятъ императоромъ, въ чемъ, вѣроятно, способствовалъ примѣръ, поданный его царскимъ величествомъ. Впродолженіи этого времени, Лейбницъ старался доказать вѣрность свою и усердіе къ царю, что засвидѣтельствуетъ русскій посланникъ Матвѣевъ. Для выполненія желанія царя, чтобы Лейбницъ способствовалъ ему въ изданіи и утвержденіи добрыхъ законовъ въ государствѣ, а также въ распространеніи наукъ и искусствъ — германскій ученый познакомился съ постановленіями царя Алексѣя Михайловича и придумывалъ, что нужно было бы ввести въ государствѣ новаго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда въ Россіи распространяется свѣтъ и царь желаетъ видѣть въ подданныхъ своихъ улучшенія нравовъ и бѣльшей кротости. Для достиженія этого, по мнѣнію Лейбница, необходимо воспитаніе юношества въ страхъ Божіею, добродѣтеляхъ и наукахъ. За тѣмъ перечислены снова всѣ мѣры, которыя предлагалъ при томъ Лейбницъ письменно и изустно, а именно: учрежденіе магнитныхъ наблюденій, разысканіе — соединены ли американскій материкъ съ азіатскимъ, устройство сообщенія между Россіею и Китаемъ черезъ Россію съ тѣмъ, чтобы не ограничиваться мѣною однихъ товаровъ, но также знаній и искусствъ; собраніе и сохраненіе древнихъ памятниковъ греческой Церкви, постановленій вселенскихъ соборовъ, наконецъ, составленіе словарей языковъ инородцевъ, зависящихъ отъ Россіи и т. д. Лейбницъ также упоминаетъ о рекомендаціи доктору Арескину одного знающаго медика и брата его, известнаго физика и математика (Бернулли), а наконецъ ходатайствуетъ о продолженіи выдачи ему 1000 талеровъ, которые упоминались въ дипломѣ. Такое заключеніе объясняетъ, почему Лейбницъ въ письмѣ къ царю считалъ за нужное повторить все сказанное или написанное имъ въ видахъ распространенія просвѣщенія въ Россіи.

Лейбницъ написалъ также «Общія разсужденія о порядкѣ и экономіи финансовъ въ Россіи и объ улучшеніи ихъ», которыя (разсужденія)

состоятъ изъ общихъ мѣстъ и, какъ кажется, въ нашемъ законодательствѣ примѣнены никогда не были. Инструкція о конфискаціонной канцеляріи составлена также этимъ ученымъ для Россіи и, по свидѣтельству г. Посселята, изданная въ 1730 г. инструкція объ этой канцеляріи (Полн. собр. зак. VIII, № 5601) распространена и обработана изъ труда Лейбница.

За пять мѣсяцевъ до своей смерти, 22 іюня 1716 г., Лейбницъ напоминалъ Шафирову, что въ 1711 году онъ принятъ на службу къ царю, а 1712, получилъ за первый годъ слѣдующее жалованье, 500 дукатовъ; что потомъ онъ хлопоталъ по русскимъ дипломатическимъ дѣламъ и посылалъ нѣсколько писемъ ко двору съ вопросами, чѣмъ онъ можетъ инымъ быть полезенъ; что, кромѣ того, отослалъ въ Россію нѣкоторыя, имъ сдѣланныя, открытія въ греческихъ памятникахъ, и могъ бы судить о происхожденіи скиѣскихъ народовъ, когда бы доставлены были просимыя имъ образцы разныхъ языковъ, которыми говорятъ въ Россіи и на границахъ ея.

Царь желалъ воспользоваться его совѣтами при введеніи порядка въ правосудіи, а потому Лейбницъ (по его свидѣтельству, въ письмѣ къ Шафирову) вогатривался въ европейское судопроизводство и дошелъ до убѣжденія, что въ Россіи правосудіе должно быть отправляемо такимъ образомъ, чтобы въ постановленіяхъ по этому предмету сохранялась средина между разорительными, по длиннотѣ своей, европейскими процессами и азиатскимъ опрометчивымъ произволомъ. Въ отношеніи русскаго просвѣщенія, Лейбницъ считалъ себя полезнымъ, потому-что могъ указать на ошибки и злоупотребленія, вкравшіяся въ европейскіе университеты, школы и академіи. Въ концѣ Лейбницъ ожидаетъ новыхъ приказаній, чѣмъ именно онъ можетъ служить царю и опять даетъ тѣ же совѣты о наблюденіяхъ надъ магнитною стрѣлкою и о прочемъ, какъ въ предыдущихъ письмахъ ¹⁾.

Мы съ намѣреніемъ изложили подробно всю извѣстную донинѣ переписку Лейбница о распространеніи наукъ въ Россіи. Г. Посселятъ говоритъ, что были, вѣроятно, и другія бумаги, писанныя Лейбницомъ по порученію Петра (напр. табель о введеніи чиновъ въ Россіи) и что со временемъ онѣ, быть можетъ, отыщутся. Впрочемъ, и до тѣхъ поръ можно судить о значеніи Лейбница въ исторіи просвѣщенія Россіи, такъ какъ онъ самъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, въ письмѣ къ Шафирову повторяетъ тѣ же предложенія и проекты, которые онъ представлялъ за 4 года передъ тѣмъ.

Разсматривая безпристрастно все, писанное германскимъ философомъ о средствахъ къ просвѣщенію Россіи, и сравнивая его проекты

¹⁾ О письмахъ и статьяхъ Лейбница, касающихся Россіи, см. въ предисловіи г. академика Куниха къ изданію *Briefe von Christian Wolff*, Спб., 1860 г., стр. IX — XI.

съ тѣмъ, что происходило дѣйствительно у насъ надѣль, нельзя согласиться, чтобы софты Лейбница имѣли для Россіи то значеніе, которое имъ обыкновенно приписываютъ біографы этого ученаго ¹⁾.

Лейбницъ не былъ похожъ на современныхъ ему германскихъ ученыхъ: предаваясь изученію наукъ, дѣлая открытія въ нихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ придворную атмосферу и успѣвалъ имѣть доступъ къ ней. Въ то же время, по отзыву всѣхъ его біографовъ и даже медоточиваго и изысканнаго Фонтенелля, нашъ философъ былъ не чуждъ страсти къ стяжаніямъ и деньгамъ. Быть можетъ, подъ влияніемъ этихъ наклонностей, онъ такъ легко обнадеживалъ, что съ приведеніемъ въ дѣйствіе его предположеній зацвѣтутъ науки и искусства въ Россіи. Невозможно представить себѣ, чтобы геніальный ученый не вѣдалъ, что просвѣщеніе, если думать серьезно о распространеніи его, никогда не можетъ явиться у народа въ томъ видѣ и такнхъ предѣлахъ, въ какихъ бы желали видѣть его отдѣльныя лица. Это происходитъ не отъ того, что просвѣщеніе, какъ иные думаютъ, тогда только прочно, когда вырабатывается постепенно и безъ скачковъ изъ какихъ-то своихъ, впрочемъ еще никѣмъ необъясненныхъ началъ, но потому единственно, что вообще успѣхъ наукъ и литературы въ цѣломъ народѣ всегда обусловливается благоприятными обстоятельствами во внутренней жизни народа, каковы напр. развитіе политическихъ правъ народа, участіе его въ общественныхъ дѣлахъ, подавленіе личнаго произвола, слѣд. искорененіе рабства и т. п. Если таковыхъ благоприятныхъ обстоятельствъ не существуетъ и объ нихъ даже нѣтъ и поминка, тогда никакія желанія и заботы одного или нѣсколькихъ лицъ, даже подкрѣпляемыя насильственными мѣрами, не въ силахъ подвинуть впередъ образованія страны. Правда, бывають примѣры, что и въ такомъ положеніи въ народѣ встрѣчаются замѣчательныя личности, являются благородные порывы и стремленія — но масса всегда останется холодною къ подобнаго рода проявленіямъ и не извлечетъ изъ нихъ никакой для себя пользы.

У насъ до сихъ поръ для многихъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ: почему въ Россіи, при Екатеринѣ II, вдругъ явилось значи-

¹⁾ Фонтенелль, напр. въ своемъ похвальномъ словѣ Лейбницу, писалъ: «Le czar qui avoit conçu la plus grande et la plus noble pensée qui puisse tomber dans l'esprit d'un souverain, celle de tirer ses peuples de la barbarie et d'introduire chez eux les sciences et les arts, alla à Torgau... et y vit et consulta beaucoup M. Leibnitz sur son projet. Le sage étoit précisément tel que le monarque méritoit de le trouver. Le czar fit à M. Leibnitz un magnifique présent et lui donna le titre de son conseiller privé de justice avec une pension considérable. Mais ce qui est encor plus glorieux pour lui, l'histoire de l'établissement des sciences en Moscovie ne pourra jamais l'oublier et son nom y marchera à la suite de celui du czar. C'est un bonheur rare pour un sage moderne qu'une occasion d'être législateur de barbares; ceux qui l'ont été dans les premiers temps, sont ces chantres miraculeux qui attiroient les rochers et bâtissoient des villes avec la lyre, et M. Leibnitz eût été travesti par la fable en Orphée ou en Amphion...»

тельное число (сравнительно съ прежнею эпохой) даровитыхъ писателей и просвѣщеныхъ людей, которые были дѣйствительно перекладчиками не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ? Между-тѣмъ разгадка не трудна: стоитъ перелистать Полное собраніе законовъ времени царствованія этой императрицы, и тамъ мы встрѣтимъ, что тогда дарованы права дворянству, по которымъ они могли служить не всю жизнь, а только тогда, когда имъ хотѣлось; сверхъ того, они были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Въ 1766 году созвана коммиссія для составленія новаго уложенія, а въ руководство ей данъ Наказъ, извлеченный чуть не цѣликомъ изъ Монтескье и пр. Безъ сомнѣнія подобныя постановленія въ тысячу разъ лучше дѣйствовали, нежели напыщенные проекты, никогда и неосуществившіеся потому, фразѣра Бедкаго.

Отъ Лейбница требовали проектовъ, спрашивали совѣтовъ—онъ и писалъ, что для распространенія свѣта въ отдаленной Московіи необходимо дѣлать магнитныя наблюденія, собирать образцы языковъ, которыми говорятъ инородцы и т. п. Само собою разумѣется, что для науки все это было полезно; быть можетъ, по милости Лейбница, у Петра явилась мысль основать академію въ Петербургѣ, учредить коллегіи, послать Беринга для открытія пролива между Азією и Америкой, снарядить посольство въ Китай съ Саввою Рагузинскимъ и т. д., но народъ русскій не сталъ просвѣщеннѣе отъ всего этого, а въ выспихъ сословіяхъ явилось только стремленіе усвоить себѣ вѣншіи лоскъ европейскаго общежитія, но не просвѣщенія, которое, если говорить откровенно, было бы и излишнею тяжестью при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія встарину.

Изданныя въ 1860 г. нашею академією наукъ *Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719 — 1753* дали возможность узнать ближе о сношеніяхъ Петра Великаго съ другою германскою знаменитостью современнаго ученаго міра—Христіаномъ Вольфомъ. Сношенія эти имѣютъ значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, такъ какъ Вольфъ принималъ дѣятельное участіе въ приглашеніяхъ и рекомендаціяхъ разныхъ ученыхъ въ основанную въ Петербургѣ академію наукъ и, что еще важнѣе, былъ наставникомъ и руководителемъ Ломоносова, во время пребыванія его въ марбургскомъ университетѣ.

Вольфъ (р. 1679—1754 г.), въ началѣ своей ученой дѣятельности, приобрѣлъ извѣстность сочиненіями по части математики. Въ 1706 г., когда Карлъ XII вступилъ съ войсками въ Саксонію, онъ

принужденъ былъ покинуть лейпцигскій университетъ, а въ 1707 г., по рекомендаціи Лейбница, получилъ мѣсто профессора математики и естественныхъ наукъ въ галльскомъ университетѣ. Особенная ясность и опредѣлительность въ изложеніи математическихъ началъ и переработка философіи по математическому методу, доставили въ это время Вольфу громадную извѣстность и множество полюбителей. Въ бытность въ Галлѣ, у Вольфа начались сношенія съ Петромъ Великимъ. Въ 1715 г., вѣскій Орфиреусъ распустилъ слухъ, что ему удалось открыть *perpetuum mobile*. Петра Великаго сильно заинтересовало это открытіе и онъ, какъ будетъ показано еще въ слѣдующей главѣ, думалъ до самой кончины, какъ бы воспользо­ваться имъ. Лейбъ-медикъ царя, Арескинъ переписывался о машинѣ Орфиреуса съ Лейбницемъ. Замѣчательно, что осмотрѣть ее поручалось знаменитому впоследствии дипломату нашему, Андрею Ивановичу Остерману и онъ, 13 іюля 1716 г., писалъ къ Петру Великому: «государственный подканцлеръ баронъ Шафировъ вашему царскому величеству всепокорнѣйше донесеть, въ какомъ состояніи я здѣсь дѣло о perpetuum-mobile нашель. Нынѣ, я отъѣзжаю въ Регенсбургъ для подлиннаго осмотра и буду по всей моей возможности стараться, чтобъ вашего царскаго величества желанію удовольство чинить и въ состояніи быть такожде и объ оной инвенціи подлинную реляцію учинить...¹⁾»).

Въ 1718 г., объ открытіи Орфиреуса было снова напечатано извѣстіе въ лейпцигскомъ ученomъ журналѣ *Acta eruditorum*, а въ январѣ слѣдующаго года преемникъ Арескина, Блюментростъ, по желанію государя, обратился съ просьбою къ Вольфу сообщить вѣрныя извѣстія о машинѣ Орфиреуса. Галльскій профессоръ отвѣчалъ уклончиво, высказавъ только предположеніе, что еслибы открытіе перешло въ руки разумныхъ математиковъ, то его можно было бы усовершенствовать. Тогда Блюментростъ, отъ имени Петра Великаго, предложилъ Вольфу вступить въ русскую службу, на какихъ угодно ему условіяхъ, лишь бы только усовершенствовалъ изобрѣтеніе Орфиреуса. Съ тѣхъ поръ до 1725 г., Вольфъ безпрестанно и убѣдительно былъ приглашаемъ въ Россію для осуществленія словомъ и дѣломъ мысли Петра — основать въ Петербургѣ академію наукъ. Однако, ученый не рѣшился покинуть Германію и старался отдѣлываться отъ приглашеній въ Россію разными отговорками.

«У меня нѣтъ недостатка, писалъ Вольфъ къ Шумахеру 3 іюля 1722 г., въ желаніи осуществить, на сколько это отъ меня зависитъ, достославное намѣреніе его императорскаго величества касательно водворенія наукъ въ его областяхъ, еслибы только нѣкоторыя обстоятельства могли тому способствовать. Величайшее затруд-

¹⁾ Каб. дѣла II кв. № 29.

неніе представляется, могу ли я перенести суровый климатъ безъ вреда моему здоровью, или, что еще опаснѣе, буду ли въ состояніи привыкнутьъ къ пищѣ и питью, совершенно инымъ, нежели къ какимъ я теперь привыкъ? Кроме того, еще одинъ главный вопросъ: долженъ ли я приниматься за осуществленіе моихъ идей о просвѣщеніи только въ той степени, въ какой будетъ это угодно современнымъ русскимъ? Въ такомъ случаѣ, я можетъ-быть буду вынужденъ не осуществить того, что здѣсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, осуществилъ бы, а между-тѣмъ другой на моемъ мѣстѣ не можетъ продолжать здѣсь мною покидаемаго...

Шумахеръ, бывшій тогда за границей и имѣвшій, какъ увидимъ далѣе, порученіе отъ царя стараться всѣми мѣрами уговоривать Вольфа ѣхать въ Россію, отвѣчалъ на послѣднее письмо: «высокое намѣреніе его императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобы учредить въ Петербургѣ общество ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ. Такъ какъ его императорское величество совершенно убѣжденъ въ великихъ достоинствахъ вашего высокородія, то и былъ бы онъ весьма доволенъ, когда бы вы учредили это общество, имъ управляли и придавали ему блескъ. Еслибы потомъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, основался университетъ, — и еслибы вашему высокородію угодно было взять на себя тѣ же занятія, какія имѣете нынѣ, то тѣмъ большее бы доставили удовольствіе его величеству. Въ случаѣ согласія вашего высокородія на пріятіе такого почетнаго званія и службы столь великому монарху и любителю наукъ, то соблагодолите только предложить условія, которыя могли бы быть приняты съ обихъ сторонъ. Его величество назначаетъ вице-президенту 2,400 руб., которые составляютъ 3,200 рейхсталеровъ — я полагаю, что вамъ дадутъ не менѣе».

«Ваше высокородіе неосновательно страшитесь, что ваши идеи могутъ не понравиться русскимъ. Могу завѣрить васъ въ противномъ, да и всякой можетъ въ томъ убѣдиться, когда выикнетъ, что мой всемилостивѣйшій государь посылаетъ за границу, съ такими огромными издержками, своихъ подданныхъ изучать то же самое, что вы преподаете въ Галлѣ. Петербургскій климатъ нѣсколько суровъ, но при томъ очень здоровъ: о зловредныхъ лихорадкахъ и заразительныхъ болѣзняхъ здѣсь мало, или даже вовсе не слышно. Пища и питье также изысканны и здоровы, какъ и во всякой сухой странѣ. Върноповѣданіе свободно и гг. лютеране предъ всѣми прочими имѣютъ прекрасный приходъ, посѣщаемый адмиралами, генералами и тайными совѣтниками. Петербургъ такъ просвѣщенъ и цивилизованъ, что не уступитъ ни одному германскому городу. Высокоуважаемый г. надворный совѣтникъ! еслибы я въ душѣ не убѣжденъ былъ, что всемилостивѣйшія предложенія его императорскаго величества кло-

нятся къ вашей пользѣ и къ распространенію славы, приобретенной званіями вашего высокородія, то я бы не произнесъ ни одного слова, а тѣмъ менѣе не передавалъ бы чего нибудь такого, что не существуетъ въ дѣйствительности. Я не вижу ничего, что бы могло убѣдить въ противномъ васъ и госпожу надворную совѣтницу. Пусть знаетъ послѣдняя, что въ Петербургѣ собирается пріятнѣйшее дамское общество, которое сочтетъ за удовольствіе пользоваться ея знакомствомъ. Сверхъ того, вы можете располагать мною и моимъ семействомъ»...

На это убѣдительное письмо Шумахера, Вольфъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы напередъ знать условія, на которыхъ Петръ Великій желаетъ видѣть его въ Россіи и что именно тамъ потребуютъ отъ него. Возвращаясь снова къ суровости климата, онъ общался только на кратковременный пріѣздъ въ Петербургъ. Въ ноябрѣ 1722 года, Вольфъ просилъ Шумахера прислать ему полный титулъ императора, такъ какъ для выраженія къ нему своего уваженія, онъ посвятилъ ему свой трудъ *Vernünftige Gedanken von den Würckungen der Natur*. Здѣсь въ посвященіи (отъ 23 марта 1723 г.), Петръ Великій особенно прославляется за введеніе наукъ и старанія свои о процвѣтаніи ихъ въ Россіи, почему и сравненъ съ Александромъ Великимъ, который, дѣлая завоеванія, одерживая побѣды, въ то же время любилъ бесѣдовать и имѣть около себя величайшаго изъ современныхъ философовъ, Аристотеля. Впрочемъ это посвященіе нисколько не подвинуло впередъ дѣла о переселеніи Вольфа въ Россію: чѣмъ убѣдительнѣе писалъ къ нему о томъ Блюментростъ, тѣмъ болѣе галльскій профессоръ находилъ разныя препятствія и затрудненія — изъ его писемъ легко замѣтить, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія окончательно переселиться въ Петербургъ, а потому и представлялъ, то семейныя затрудненія, то денежные расчеты. Замѣчательно одно письмо Вольфа (26 июня 1723 г.), гдѣ онъ, повторяя доводы, вслѣдствіе которыхъ онъ и другіе германскіе ученые затруднялись ѣхать въ Петербургъ, высказываетъ мнѣніе, что для Россіи было бы полезнѣе, вмѣсто академіи наукъ, учредить университетъ и что въ такомъ случаѣ легче было бы приискать нужныхъ людей изъ такихъ ученыхъ, которые еще не имѣютъ должностей, но тѣмъ не менѣе представили уже достаточные образчики своихъ познаній. Если же хотятъ непремѣнно академіи наукъ, то можетъ случиться то же, что въ Берлинѣ: тамъ это учрежденіе по имени извѣстно всему свѣту, но изъ этого еще ничего не вышло: «Ваше высокородіе, кончалъ Вольфъ къ Блюментросту, извольте обратить вниманіе, что обыкновенный университетъ, гдѣ ученые будутъ преподавать то, что распространить науки между русскими, не только полезнѣе для страны академіи наукъ, которая *ad plausum exteгиогш* должна держаться, а подобныя вещи не многіе поймутъ, но также къ тому поведетъ, что въ нѣсколько лѣтъ академія

наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые потомъ настоящую славу доставятъ своему государству»...

Извѣстно, что въ уставѣ нашей академіи наукъ Петръ Великій именно предполагалъ, что она будетъ состоять собственно изъ общества ученыхъ людей, обязанныхъ стараться объ успѣхахъ наукъ вообще, и изъ университета и гимназій. Къ сожалѣнію, петровскій академическій уставъ никогда не былъ осуществленъ по причинамъ, о которыхъ пишущій эти строки не распространяется, такъ какъ это уже касается позднѣйшей эпохи.

Между-тѣмъ какъ происходила эта переписка, на Вольфа возстало въ Галлѣ сильное гоненіе отъ тамошнихъ лютеранскихъ ханжей, извѣстныхъ подъ именемъ піэтистовъ. Они провозглашали ендософское ученіе Вольфа антирелигіознымъ и, не будучи въ состояніи бороться съ своимъ противникомъ честнымъ образомъ, одѣлали на него доносъ прусскому правительству. Последнее средство, какъ водится, подѣйствовало отлично: прусскій король, безъ всякаго суда и расправы, приказалъ, чтобъ Вольфа въ 48 часовъ не было въ Галлѣ. Изгнанный такимъ образомъ, ученый нашелъ тотчасъ же покровительство у гессенскаго ландграфа, который далъ ему профессорскую кафедру въ марбургскомъ университетѣ. Какъ только узналъ о томъ Блюментростъ, то снова предложилъ Вольфу ѣхать въ Россію, говоря, что онъ удивляется, почему ученый предпочелъ профессуру въ Марбургѣ мѣсту, предложенному ему отъ царя и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣйшему предъ другими. Не получивъ еще этого письма, Вольфъ сообщалъ Блюментросту (въ мартѣ 1724 г.) о преслѣдованіяхъ на него піэтистовъ и о намѣреніи своемъ опровергнуть публично взведенныя на него клеветы. «Я не сомнѣваюсь, прибавлялъ Вольфъ, что г. профессоръ Франке, состоящій въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ русскихъ епископовъ, написалъ имъ такія же клеветы, какія имъ сообщены въ Вѣну и Англію; но тамъ онѣ остались безъ послѣдствій; у васъ же строго преслѣдуютъ еретиковъ, потому я не безъ основанія озабоченъ тѣмъ, что не могутъ ли мнѣ повредить тамъ (т. е. въ Россіи) клеветы Франке, такъ какъ здѣсь онъ не можетъ ни къ чему придратъся? Я осмѣливаюсь испрашивать нѣкоторыхъ объясненій по этому предмету, а по полученіи ихъ, не премину сообщитъ о моемъ окончательномъ рѣшеніи (касательно прибытія въ Россію)»...

Блюментростъ писалъ по этому случаю къ Шумахеру: «господинъ Вольфъ желаетъ пріѣхать (въ Россію), только онъ прежде требуетъ разъясненія касательно здѣшняго духовенства, предъ которымъ, по его мнѣнію, онъ оклеветанъ профессоромъ Франке. Я уже ему отвѣчалъ (отвѣтъ Блюментроста не отыскавъ), что здѣшнее духовенство не имѣетъ такой власти, какую воображаетъ Вольфъ, и до него ему не будетъ никакого дѣла. Въ Россіи самъ императоръ есть

supremus pontifex и онъ управляетъ не такъ, какъ угодно духовенству, которое обязано повиноваться ему... Шумахеръ отвѣчалъ Вольфу: «г. лейбмедикъ сообщалъ мнѣ письмо вашего высокородія отъ 1-го марта, изъ котораго видны недоброхотные поступки піэтистовъ противъ вашей особы. Мы тѣмъ болѣе приняли это къ сердцу, что убѣждены въ грубой клеветѣ такихъ обвиненій, а она никогда не будетъ имѣть успѣха у честныхъ людей. Мы можемъ положительно обнадежить ваше высокородіе, что еслибы г. Франке рѣшился писать къ здѣшнему духовенству, то оно, сильно занятое нынѣ работами надъ приведеніемъ церковныхъ дѣлъ въ разумные предѣлы, дурно приняло бы это, тѣмъ болѣе въ такое время, когда прежнее вліяніе его, при помощи извѣстныхъ мѣръ, уже въ упадкѣ. Напротивъ того, остроумная ученость вашего высокородія въ великомъ почтеніи у здѣшнихъ духовныхъ. Что это сообщено не напрасно, то свидѣтельствуешь ихъ собственное сознаніе: такъ, когда всемилостивѣйшій императоръ на одной ассамблеи приказалъ публично прочесть посвященіе вашего высокородія (о немъ см. выше) и сказалъ, что авторъ его пріѣдетъ сюда, то духовенство открыто выражало о томъ свое удовольствіе. Несомнѣнно, что это дѣлалось не изъ угожденія лишь императору, но по собственному побужденію, потому—что архіепископъ псковскій (Феофанъ Прокоповичъ), которому мы обязаны добрыми распоряженіями въ синодѣ и разными церковными постановленіями, часто *privatim* говоритъ о вашей особѣ и, вмѣстѣ съ другими, сильно желаетъ вашего прибытія сюда. Такимъ образомъ я полагаю, что въ этомъ отношеніи вы можете быть спокойны и безопасны».

Наконецъ въ переговоры съ Вольфомъ поручено было вступить русскому дипломату гр. Головкину. Галльскій профессоръ потребовалъ ежегоднаго жалованья по 2000 р., и срокъ службы въ Россіи назначалъ пятилѣтній, по истеченіи котораго онъ имѣлъ получить единовременно 20,000 р. Сообщая объ этомъ, 12-го ноября 1724 г., Блюментросту, Вольфъ присовокупилъ: «это немного, если принять во вниманіе, что король Альфонсъ пожаловалъ еврею Газану за составленіе альфонсовыхъ астрономическихъ таблицъ; Александръ Великій Аристотелю — за сочиненіе *Historiae animalium* и покойный король Людовикъ Великій — Винцентію Вивіани, математику великаго герцога флорентійскаго, за возстановленіе утраченной книги изъ высшей геометріи. Не говоря объ огромныхъ суммахъ, полученныхъ Аристотелемъ отъ Александра Великаго, всѣмъ извѣстно, что еврей Газанъ имѣлъ отъ Альфонса 400 т. дукатовъ, а Вивіани отъ Людовика Великаго такую сумму, на которую онъ выстроилъ во Флоренціи огромный палатцо, выгравированный при его геометрической книгѣ— что же все сдѣланное этими людьми въ сравненіи съ осуществленіемъ исполнскаго замысла его императорскаго величества? Для того тре—

буется мужъ опытный во всѣхъ философскихъ и математическихъ наукахъ. Въ боѣ почившій прусскій король пожаловалъ Лейбницу гораздо болѣе, нежели сколько я требую, за то, что онъ заботился заочно о берлинской академіи...

Блюментростъ отвѣчалъ (меньше нежели за два мѣсяца до кончины царя): «что касается 20 т. р., то если мы даже предположимъ, что нашъ всемогущійшій монархъ превосходить Александра Великаго, Альфонса и Людовика Великаго въ великодушіи и любви къ искусствамъ и наукамъ, а ваше высококородіе, по своей учености и услугамъ, оказаннымъ ученому міру вашими мудрыми сочиненіями, выше Аристотеля, Газана и Вивіани, все-таки это такая сумма, о которой императору слѣдуетъ представить съ осмотрительностью. Я имѣю надежду и думаю привеести это дѣло въ исполненіе, если ваше высококородіе приступите къ окончательному рѣшенію»...

Послѣ кончины Петра Великаго, академія наукъ была открыта въ Петербургѣ и Вольфъ получалъ званіе ея почетнаго члена съ ежегоднымъ пенсіономъ въ 300 рейхсталеровъ. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что германскій ученый заслужилъ его отъ Россіи: лучшіе изъ первыхъ членовъ нашей академіи — Бернулли, Бюльфингеръ, Мартини и нѣкоторые другіе пріѣхали въ Петербургъ по его рекомендаціи и представительству. Графъ Головкинъ свидѣтельствуесть въ одномъ письмѣ къ Блюментросту, что Вольфъ съ чрезвычайною осмотрительностью рекомендовалъ ученыхъ въ нашу академію. Наконецъ германскій философъ послужилъ еще съ болѣею пользою русскому просвѣщенію впоследствии: въ Марбургѣ у него слушалъ лекціи Ломоносовъ, всегда вспоминавшій съ благоговѣніемъ о своемъ наставникѣ, который не щадилъ ни времени, ни трудовъ, чтобы русскіе студенты въ Марбургѣ, порученные его надзору, оправдали надежды на нихъ академіи наукъ.

Въ 1717 году, Петръ Великій, путешествуя во второй разъ по Европѣ, былъ во Франціи. Среди утонченныхъ развлеченій и изысканныхъ любезностей, которыя старался доставить тогдашній регентъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, царь не забылъ однако посѣтить всѣ замѣчательныя ученныя учрежденія, повѣдаться со всѣми знаменитостями науки, которыми славилась Парижъ.

14 іюня (нов. ст.), Петръ Великій отправился въ сорбонну, гдѣ тогдашній богословскій факультетъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими спорами о буллѣ Unigenitus и закрытіемъ, по распоряженію правительства, факультетскихъ засѣданій. Членъ сорбонны Бурсье (Bourg-

stieg) первый встрѣтил тамъ царя, показывалъ ему церковь, потомъ библіотеку. Въ это-то время, Бурсье, какъ видно охотнику до пропаганды, пришла мысль воспользоваться случаемъ и похлопотать о соединеніи восточной и западной Церквей. Но требовалось выбрать удобную минуту, а это было не легко: по живости характера, царь не останавливался нигдѣ и быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому. Наконецъ ему попались славянскія рукописи и онъ сталъ внимательно разсматривать ихъ. Бурсье, не теряя времени, приступилъ къ Петру съ рѣчью о соединеніи Церквей, не забывая при томъ напомнить о славіи и легкости такого предпріятія и т. п. Государь, въ отвѣтъ, покачалъ головой и, смѣясь, сказалъ чрезъ переводчика, что онъ солдатъ и въ богословію не мѣшается. Бурсье этимъ не удовольствовался и возразилъ, что царь московскій герой и, какъ повелитель страны, есть и защитникъ ея. — Это соединеніе вещь не легкая, отвѣчалъ Петръ: три обстоятельство мѣшаютъ тому: папа, происхожденіе св. Духа и.... Третій пунктъ онъ забылъ и Бурсье подсказалъ — опрѣсноки и вино для св. таинства причащенія. При этомъ французскіе теологи начали доказывать, что греческая Церковь и послѣ соединенія можетъ не принять употребленія опрѣсноковъ; что споръ о происхожденіи св. Духа ни что иное, какъ споръ о словахъ, и что, признавъ власть папы, Россія вольна ничего не измѣнить въ управленіи Церковью и въ этомъ случаѣ держаться тѣхъ же началъ, которымъ слѣдуетъ галликанская Церковь. — Составьте объ этомъ записку, сказалъ тогда царь, только торопитесь, потому-что я скоро отсюда уѣзжаю. Общаю вамъ, что она будетъ передана моимъ епископамъ, и я заставлю ихъ отвѣчать вамъ!...

Вообще Петръ Великій остался доволенъ сорбонною и цѣлый день говорилъ о ней. Между-тѣмъ французскіе богословы тотчасъ же занялись составленіемъ записки, которая и была окончена въ 24 часа. Статьи для нея сочиняли разные лица: одинъ писалъ о папѣ, другой о св. Духѣ и т. д. Бурсье сводилъ все это въ одно цѣлое и занимался редакціею. Записка составлена была очень ловко: сначала приводятся свидѣтельства св. писанія и отцевъ Церкви о необходимости единой Церкви, потомъ слѣдуетъ изложеніе догматовъ, принимаемыхъ одинаково обѣими Церквами, а въ концѣ изъяснены причины несогласія ихъ между собою. Здѣсь члены сорбонны показали себя весьма неприязнительными ни въ отношеніи ученія о св. Духѣ, ни касательно совершенія таинства причащенія, но зато сильно настаивали о необходимости признанія власти папы.

По возвращеніи въ Россію, Петръ дѣйствительно передалъ эту записку русскимъ епископамъ, и въ отвѣтъ на нее составлено было посланіе двухъ различныхъ редакцій: сущность обѣихъ, впрочемъ, была одинакова, именно, что русскіе епископы не считаютъ себя въ правѣ рѣшить вопросъ о соединеніи Церквей сами собою, безъ уча-

стія духовенства другихъ народовъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, а главное, безъ вѣдома четырехъ восточныхъ патріарховъ. Но въ одной редакціи посланіе наложено риторическими похвалами мудрости и благоразумію сорбонны, въ другой — есть также похвалы и въжливости, но болѣе умеренныя и при томъ проглядываетъ отъѣнокъ ироніи, какъ и въ большей части всего, что выходило изъ подъ пера Феофана Прокоповича. Въ началѣ говорится тамъ, что Петръ, возвратясь изъ-за границы сообщилъ своему духовенству бесѣду его съ учителями сорбонны и записку, оставленную ими. «Приняли мы тое, сказано въ посланіи, съ великою радостью не для того, чтобы въ немъ новое ичѣто любонитѣвъ усмотрѣть (понеже что либо въ той контроверсіи важное есть, не тайно есть богословцамъ); но что достохвальное ваше желаніе, о яковомъ изъ повѣсти самодержца нашего разумѣть можно было, желали мы и въ писаніи вашемъ прочесть и, аки бы очима, увидѣть».... Послѣ похвалъ желанію о соединеніи: «а что вы отъ Апостола о единствѣ вѣры и о противныхъ оному вредахъ, раздорахъ и ересяхъ предложили, въ томъ всегдашнее наше есть и ученіе, и желаніе: сія и вамъ, и намъ, и всѣмъ (аще не притворный видъ являютъ) общая суть. Прочее, какъ бы долговременный сей раздоръ церковный узрѣвать, хотя и не такъ трудное дѣло, то есть, яковое показали мимошедшіе вѣки отъ времени вашаче Иннокентія III папы, даже до нашихъ лѣтъ; однако и не такъ скоро и удобно статья то можетъ, какъ вы можете быть думаете, яко же отъ писанія вашего догадуемся»....¹⁾

Отвѣтъ въ этой послѣдней редакціи былъ отправленъ въ Парижъ 15 іюня 1718 г. Въ сорбоннѣ, само собою разумѣется, оставль имъ недовольны и всю неудачу приписали Феофану Прокоповичу, извѣстному недоброжелателю Рима, папы и вообще католичества. Католики выдумали при этомъ, что Прокоповичъ не хотѣлъ соединенія Церквей потому болѣе, что за упраздненіемъ патріаршества, онъ стоялъ въ главѣ русскаго духовенства; но такое мнѣніе было ложно: когда писался отвѣтъ, Феофанъ былъ моложе и Стефана Яворскаго, и Теодосія, епископа новгородскаго. Въ сорбоннѣ съ горечью припоминали, что Прокоповичъ питаетъ непріязненное чувство къ западной церкви, а между-тѣмъ ей обязанъ и своимъ воспитаніемъ (Феофанъ точно изучалъ науки въ самой столицѣ католичества — Римѣ), и услѣхами на жизненномъ поприщѣ. Въ 1719 г., явилось, подъ именемъ Буддея, сочиненіе *Ecclesia romana cum ruthenica irreconciliabilis* и на нѣмец. яз. *Erörterung der Frage — ob eine Vereinigung der Römisch Katholischen und Russischen Kirchen zu hoffen sei*, направленное противъ объясненной записки сорбонскихъ богослововъ, и эти послѣдніе не

¹⁾ Посланіе въ обѣихъ редакціяхъ въ Журналъ или Поден. зап. Петра Великаго, ч. II, стр. 436 и слѣд.; также въ собраніяхъ сочиненій Яворскаго и Прокоповича.

усумнились признать, что оно написано не Буддеемъ, который умеръ до выхода въ свѣтъ трактата, а Феоданомъ, и имѣло съ цѣлью оклеветать мнѣнія Стефана Яворскаго, будто бы наклоннаго къ католицизму. Между-тѣмъ, до Париза дошелъ слухъ о другой редакціи отвѣта и это подало въ сорбоннѣ поводъ предполагать, что эта, другая редакція написана въ болѣе примирительномъ духѣ, но что ей не даль хода опять Феоданъ же.

Вообще посѣщеніе сорбонны Петромъ Великимъ въ томъ отношеніи любопытно, что породило во французскихъ богословахъ неосновательную надежду обратить Россію къ латинству, хотя самъ царь, въ бытность въ сорбоннѣ, велъ себя такъ, что изъ разказа и самого Бурсье нельзя видѣть и тѣни къ такой надеждѣ. Какъ бы то ни было, сорбонна, не унывая отъ уклончиваго отвѣта русскихъ богослововъ, продолжала хлопотать о русской Церкви даже послѣ смерти Петра и показала себя искусницей ловить рыбу въ мутной водѣ: жена кн. Сергѣя Долгорукова, Ирина, была въ 1726 г. за границей и обратилась въ католичество. Тамошніе духовные, чтобы она, по возвращеніи въ Россію, не покинула новой религіи, приставили къ ней компаньонку, отчаянную католичку, и аббата, именемъ Жюбѣ (Jubé). Последняго сорбонна, оверхъ того, признала способнымъ хлопотать въ Россіи о соединеніи Церквей. Бурсье вошелъ какимъ-то образомъ въ сношенія съ кн. Куракинъ, бывшимъ тогда русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и нашелъ случай писать къ нему объ отправленіи Жюбѣ въ Россію. Замѣчательно, что князь отвѣчалъ на это, что у него въ Парижѣ есть агентъ — Третьяковскій¹⁾, обязанный согласоваться съ порученіями, которыя Бурсье будетъ ему давать — «это единственное средство, прибавлялъ Куракинъ, одѣлать мнѣ пріятное, и я васъ прошу одѣлать Тредьяковскому честь вашими порученіями». Жюбѣ пріѣхалъ въ Россію въ 1728 г. и, вѣрный своему назначенію, началъ тайныя происки въ пользу католичества: по его словамъ, нѣкоторые изъ русскаго духовенства, особенно Феодилъ Лопатинскій и Афанасій Кондонди, были согласны и даже готовы на соединеніе. Въ Россіи нашелся помощникъ и сильный покровитель Жюбѣ — тогдашній испанскій посолъ въ Петербургѣ дюкъ де Лирія, и они вмѣстѣ подбивали придворныхъ и подлащались къ знатымъ. Чтобы имѣть понятіе, какимъ образомъ они дѣйствовали, достаточно сказать только, что напр. кн. Василью Лукичу Долгорукому, для склоненія его на свою сторону, обѣщали племянника его сдѣлать патриархомъ, отчего имя его прогремѣло по всей Европѣ. Кроме того, Жюбѣ наивно сознается, что для прославленія и пользы католичества, онъ подговорилъ одного монаха написать доносъ на катихизисъ, соста-

¹⁾ Первое изданіе своего перевода «Поѣздка на островъ любинъ» Тредьяковскій посвятилъ этому Куракину.

вложенный Θεοφаномъ Прокоповичемъ и заключающій будто бы въ себѣ протестантскія сужденія¹⁾. По свидѣтельству того же аббата, католики — пропагандисты только въ двухъ лицахъ изъ русскихъ придворныхъ боялись встрѣтить серьезное противодѣйствіе — это въ Θεοφанъ Прокоповичъ и Остерманъ. Въ этомъ же дѣлѣ замѣшалось имя и другаго русскаго писателя — кн. Антиоха Кантемира: дюкъ де-Лирія писалъ къ Жюбѣ объ исполненіи какого-то порученія, прибавляя, что его привести въ исполненіе не въ состояніи Кантемиръ, а потому онъ самъ (Лирія) отправляется къ О. (стерману?). Жюбѣ пишетъ при томъ, что Кантемиръ былъ единственный ученый изъ тогдашнихъ русскихъ вельможъ, и что онъ занимался переводами благочестивыхъ сочиненій на русскій языкъ, по порученію Жюбѣ, для распространенія ихъ потомъ между русскими читателями.

Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны и при владычествахъ Бирона, въ Россіи не возло католичество: Жюбѣ выюлали за границу, компаньонка кн. Долгорукой попала въ тѣсную тюрьму, а сама княгиня должна была торжественно отречься отъ принятаго ею католичества; паписты утѣшаютъ себя тѣмъ, что Долгорукая произнесла отреченіе по латини не отъ католичества, а отъ протестантства²⁾.

15 іюня, Петръ осматривалъ королевскую типографію (Imprimerie royale), гдѣ въ присутствіи его отпечатано множество пробныхъ оттисковъ; посѣтилъ коллегіумъ, основанный Мазариномъ (Collège des quatre nations) и, имѣя намѣреніе учредить въ Россіи подобную же школу, спрашивалъ объ издержкахъ, что можетъ стоить подобное заведеніе; тамъ же подружился съ извѣстнымъ тогда во Франціи геометромъ Вариньеномъ (Varignon); изъ коллегіума отправился къ Пижону (Pigeon), изобрѣтателю движущагося глобуса по системѣ Коперника. Глобусъ былъ найденъ сработаннымъ превосходно и такъ понравился царю, что онъ приказалъ приобрести его для себя за 2 т. экю.

18-го числа, Петръ Великій, пригласивъ къ себѣ географа Делиля (Delisle), долго бесѣдовалъ съ нимъ чрезъ переводчика о пространствахъ своихъ владѣній и, чтобы дать ученому болѣе точное понятіе о нихъ, велѣлъ подать двѣ, сдѣланныя по его приказанію, рукописныя карты части Россіи; здѣсь указалъ Делилю мѣсто въ Татаріи, гдѣ построена имъ новая крѣпость, и сообщилъ о новыхъ приобретеніяхъ Россіи, по случаю вступленія въ русское подданство татарскаго хана и присоединенія 100 тыс. калмыковъ. Потомъ царь ѣздилъ смотрѣть химическіе опыты, которые производилъ Жофруа (Geofroi).

¹⁾ Ср. въ послѣдней главѣ настоящаго сочиненія о Маркеллѣ Родышевскомъ.

²⁾ Всѣ эти свидѣнія изъ личныхъ воспоминаній Бурсье и записокъ Жюбѣ сохранины въ сочиненіи перваго изъ нихъ Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu.... Т. III, р. 277 et sq.

Того же числа, государь хотѣлъ видѣть глазную операцію, а потому поручилъ своему медику Арескину найти искуснаго глазнаго оператора. Профессоръ Анатоміи дю-Верне (du Verney), наставникъ бывшаго потомъ при Петрѣ придворнаго медика Лаврентія Блюментроота, рекомендовалъ для этой цѣли англійскаго джентльмена Уайльгоза (Woolhouse), который при царѣ и сдѣлалъ операцію одному 65-лѣтнему и при томъ уже слѣпому инвалиду. Когда операторъ коснулся иглою глаза больнаго, Петръ невольно отворотился, но потомъ любопытство превозмогло и онъ внимательно слѣдилъ за снятіемъ катаракты. Петръ удостоовѣрился самъ въ успѣхъ операціи, потому что инвалидъ могъ уже видѣть руку, когда царь ему показывалъ ее. Довольный опытомъ, онъ просилъ доктора взять для обученія русскаго ученика.

Государь изъявилъ также желаніе быть во французской академіи наукъ и по этому случаю, 19 іюня, тамъ было чрезвычайное засѣданіе, подѣ председательствомъ аббата Биньона (Bignon). По словамъ непремѣннаго секретаря академіи Фонтенелля, ученое сословіе старалось показать царю все, что было новаго и примѣчательнаго по части опытныхъ наукъ: де ла Фэ (de la Faye) объяснялъ построенную съ соблюденіемъ труднѣйшихъ геометрическихъ правилъ модель машины, которая была изобрѣтена для легчайшаго подъема вверхъ воды. Петръ, разсмотрѣвъ ее, своимъ одобреніемъ подтвердилъ приговоръ публики и академіи. Лемори (Lemery) показывалъ опыты надъ двумя любопытными химическими составами; Реомюръ (Reaumur) — приготовленные къ печати рисунки къ изданію исторіи искусствъ; Далемиъ (Dalesme) — дѣйствіе новой подъемной машины (cric à Grotta-maillere), которая при меньшей силѣ дѣйствовала успѣшнѣе, нежели обыкновенныя подъемныя машины. Царь просилъ академикомъ сидѣть въ его присутствіи, на все обращалъ величайшее вниманіе и вообще остался чрезвычайно доволенъ академіею.

По возвращеніи въ Россію, докторъ Арескинъ писалъ къ Биньону: «Sa majesté est très satisfaite de ce que votre illustre corps veut bien la mettre au nombre de ceux qui le composent, en lui offrant ces nobles travaux depuis l'année 1699, comme un tribut appartenant de droit à chaque académicien»... Далѣе Арескинъ говорилъ въ письмѣ, что царь совершенно раздѣляетъ мнѣніе Биньона о значеніи въ наукѣ не знатности, а генія и таланта, и потому государь разысканіями достопримѣчательностей и открытіями, а равно сообщеніемъ всего этого французской академіи, постарается заслужить имя полезнаго члена ея. Фонтенелль, въ качествѣ секретаря академіи, написалъ благодарственный отвѣтъ — блестящій, изысканный... но только читать его надобно по французски, такъ какъ на всякомъ другомъ языкѣ покажутся странными фразы въ родѣ, что преобразованія Петра возбуждаютъ рукоплесканія вселенной, и что академія при этомъ случаѣ

должна присоединить и свои и т. п. До-сихъ—поръ были известны французскіе подлинники и поздвѣйшіе русскіе переводы съ этихъ писемъ; современный же переводъ ихъ для Петра Великаго хранится въ кабинетныхъ его бумагахъ и помѣщенъ въ приложеніи IV, а. Тамъ же читатель найдетъ (подъ буквою б) письмо Биньона о Нартовѣ, бывшемъ въ Парижѣ въ 1720 г. и просившемъ французскую академію наукъ, чтобы она дала царю свой отзывъ объ искусствѣ его въ токарномъ дѣлѣ, столь любимомъ Петромъ Великимъ.

Въ 1721 г., Петръ, отправивъ за границу бібліотекаря основанной имъ въ Петербургѣ бібліотеки Шумахера, поручалъ ему передать академіи благодарственное письмо за избраніе его въ члены. Петръ Великій писалъ, что онъ съ величайшею радостью и благодарностью принимаетъ званіе академика и постарается одѣлаться достойнымъ ея членомъ, распространяя науки въ своемъ государствѣ. До нынѣ въ кабинетныхъ бумагахъ Петра хранится черновой отпускъ съ этого письма на русскомъ языкѣ, замѣчательный тѣмъ, что онъ исправлялся рукою самого царя (ср. приложеніе IV в). Блюментростъ, преемникъ Арескина, также послалъ отъ себя письмо академіи, въ которомъ говорилось въ заключеніи: «La seule grâce, messieurs, que nous demandons, est que vous ayez la bonté de nous honorer de vos ordres et de vos instructions, car nous faisons gloire de travailler sous la direction d'un si illustre corps qui surpasse tout ce qu'on a vu jusqu'ici dans ce genre et vos lumières ne peuvent être que très essentielles»...

Скоро по возвращеніи изъ—за границы¹⁾, Петръ написалъ на меморіалѣ иноземца Фика «о нетрудномъ изученіи и воспитаніи россійскихъ младыхъ дѣтей» такую резолюцію (11 іюня 1718 г.): «сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ; также начать переводить книги, юриспруденціи и прочія, кто сіе учинитъ сего года начало» (?)²⁾. Впрочемъ, должно замѣтить, что слухи объ учрежденіи въ Петербургѣ академіи носились и прежде вторичнаго путешествія государя за границу: такъ въ нѣмецкомъ журналѣ Welt Spiegel за 1714 годъ³⁾, находимъ слѣдующую новость: «говорятъ, что его царское величество намѣренъ учредить въ Петербургѣ академію. Если это правда, то современемъ этотъ городъ сдѣлается и замѣчательнымъ, и громаднымъ, такъ какъ и теперѣ уже онъ довольно обширенъ».

¹⁾ О пребываніи Петра во Франціи можно читать въ *Abregé de l'histoire du czar Peter Alexiowitz*... Paris, 1717; я же пользовался стѣпкою въ *Le nouveau Mercure*, Juin 1717, стр. 191 и слѣд.; объ отношеніяхъ царя къ академіи въ *Histoire de l'académie. Année MDCCXX*, стр. 125—131, также въ *Beiträge zu der Lebens Geschichte danckwürdiger Personen von A. F. Büsching*, Th. III; 6, 7, 19, 20 стр.

²⁾ Полное собр. закон. V, № 3306.

³⁾ Th. 66, S. 614.

IV.

Учрежденіе библіотеки въ Петербургѣ. Библіотекаръ Шумахеръ и его отчетъ царю о заграничной поѣздкѣ съ учеными цѣлями. Кунсть-камера съ ея монстрами и раритетами. Предварительныя распоряженія объ открытіи академіи наукъ въ Петербургѣ.

Нынѣшняя библіотека при академіи наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось (съ 25 октября 1728 г.) доступнымъ для общественнаго пользованія. Появленіе въ Петербургѣ и распространеніе этой библіотеки въ первые годы ея существованія было дѣломъ случая: во время занятія нашими войсками, въ началѣ XVIII столѣтія, городовъ въ остзейскихъ провинціяхъ, отбирали находимыя тамъ книги (въ Митавѣ, напримѣръ, такимъ образомъ приобрѣтено до 2,500 томовъ сочиненій по большей части философскихъ и богословскихъ) и пересылали ихъ въ Петербургъ. Онѣ складывались здѣсь во дворцѣ въ Лѣтнемъ саду, и потомъ къ нимъ присоединены привезенныя изъ Москвы сочиненія по части химіи и медицины, которыми до того времени, вѣроятно, пользовалась московская аптека ¹⁾.

Съ 1718 г., петербургская библіотека значительно стала увеличиваться поступившими въ нее разными частными собраніями. Принадлежавшее царевичу Алексѣю, сыну Петра, замѣчательно по своему прежнему владѣльцу. Изъ всѣхъ извѣстій о царевичѣ можно легко замѣтить, что въ немъ, какъ обожатель Россіи до-петровской, сильно отражалось направленіе старинной нашей грамотности, выразившееся въ исключительномъ стремленіи къ религіознымъ вопросамъ, къ предметамъ касающимся вѣры. Гюйссенъ о пятнадцатилѣтнемъ Алексѣѣ писалъ уже, что онъ, изъ благочестія и по собственному побужденію, прочиталъ пять разъ славянскую библію и одинъ разъ на нѣмецкомъ языкѣ, также прилежно занимался твореніями св. отцовъ и пр. ²⁾. Это направленіе отразилось и въ выборѣ иностранныхъ книгъ библіотеки царевича: она вся заключалась въ 265 томахъ, изъ которыхъ самое малое число относится до математики, военнаго искусства и исторіи; все же прочее состоитъ изъ со-

¹⁾ Сообщаемыя здѣсь извѣстія о библіотекѣ и кунсткамерѣ въ Петербургѣ, петровскихъ временъ заимствованы изъ архивской рукописи академіи наукъ, въ 1^о, съ заглавіемъ на корешкѣ: «1719—1728 общія» (то есть бумаги); также изъ старинныхъ академическихъ каталоговъ и, наконецъ, изъ сочиненія Бакмейстера: *Essai sur la bibliothèque et le cabinet de l'académie des sciences à St. Pétersbourg.*

²⁾ *Europäische Fama*, Th. XXXV, S. 767 sq.

чиненій по части богословія. Такъ встрѣчаются разныя изданія Библии и Новаго Завѣта, творенія (на латинскомъ языкѣ) Иеронима, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина, Исидора Пелусіота и др.; далѣе, на нѣмецкомъ языкѣ жизнеописанія мучениковъ, святыхъ, трактаты церковной исторіи (Lud. Rabi, Martyrbuch, 1571; Leben der Heiligen, 1712; Evangelica historia, 1641; Apostel Geschichte, 1712; Keller — Catolisches Pabstum, 1614); также сочиненія въ родѣ: Heinescii, Abbildung der griechischen Kirche, 1711; Fordenbach, Katolische Predigten; Penzinger, Ausbildung der Cat. Kirche Ceremonien, 1677; Hanike, Catolische Catechismus, и т. п. Были книги у царевича и на польскомъ языкѣ, какъ напр.: Kazania, 1698; Piotra Skargi, Żywota swiętych, Fortuna albo szczęscie, 1690, Apologia przeciwko Lateranom 1605, Praktyka żywey wiary, 1705 г., и т. п.

Въ 1718 же году, принято въ описываемую бібліотеку собраніе книгъ Андрея Виніуса, о которомъ говорится въ главѣ IX.

Поступившее въ бібліотеку, въ 1718 г., собраніе книгъ Питкарна замѣчательно обиліемъ сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ, а также по части древностей. У Питкарна были и сочиненія математическія и медицинскія. Въ 1719 г., туда же перешла небольшая бібліотека Пальмстрика, гдѣ были собраны сочиненія, довольно разнородныя по содержанию. Самое же значительное по качеству, выбору и красотѣ экземпляровъ собраніе досталось петербургской бібліотекѣ въ 1719 г. послѣ архіатера Арескина (всего 4,200 томовъ). Этотъ медикъ былъ образованнѣйшимъ изъ придворныхъ Петра Великаго, почему послѣдній и возложилъ на него ученую переписку свою съ французскою академіею. Арескина особенно не жаловалъ царевичъ Алексѣй и говорилъ въ Вѣнѣ, что онъ, да Меншиковъ направляютъ царя на все дурное. По завѣщанію Арескина, его бібліотека и кабинетъ рѣдкихъ минераловъ, раковинъ и медалей слѣдовало продать, и вырученныя деньги выдать его матери и сестрамъ, а также госпиталю для бѣдныхъ въ Единбургѣ. Отдѣлъ книгъ медицинскихъ у Арескина былъ самый богатый, затѣмъ слѣдовали сочиненія историческія, философскія, филологическія и, наконецъ, богословскія.

Въ 1719 г., бібліотека уже не могла вмѣщаться въ лѣтнемъ дворцѣ, почему и была перенесена въ домъ, описанный въ казну у любимца царевича Алексѣя, Александра Кикина ¹⁾. Домъ этотъ находился на бывшей Московскою сторонѣ (нынѣ Литейная часть), близъ Смольнаго двора, на берегу Невы, прямо противъ охтенскихъ слободъ. Библіотека здѣсь помѣщалась до 1728 г.: съ открытіемъ академіи наукъ, ей оставаться на Московскою сторонѣ было уже не-

¹⁾ Другой домъ Кикина находился на нынѣшней площади зимняго дворца — въ немъ помѣщалась морская академія.

удобно, такъ какъ отъ шафировскаго дома (на Петербургской сторонѣ), гдѣ сначала жили академическіе профессора, упомянутыя киккискія палаты отстояли на 4 версты; кромѣ того, и самое зданіе для библіотеки уже оказывалось малымъ, почему въ 1728 г. она переведена на Васильевскій островъ въ особое зданіе, въ которомъ находится и донынѣ. Въ киккискихъ же палатахъ послѣ помѣщално долгое время церковь и канцелярія лейбъ-гвардіи коннаго полка. Когда же для этого полка выстроены были нынѣшнія казармы, то въ старыи домъ переведена канцелярія петербургскаго гарнизоннаго батальона.

Въ 1721 г., Петръ Великій нарочно посылалъ Шумахера въ Голландію, Англію и Францію, между прочимъ, для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій для петербургской библіотеки. Шумахеръ привезъ съ собою изъ-за границы 517 названій книгъ, довольно разнородныхъ по содержанію и закупленныхъ, какъ кажется, безъ обдуманной цѣли. Здѣсь находимъ сочиненія по части исторіи, древностей, генеалогіи, богословія, военныхъ наукъ; нѣсколько дорогихъ сочиненій съ гравюрами. Были куплены тогда и такія книги, которыя не соответствовали серьёзному назначенію библіотеки, какъ напр. *Satyres amouzeuses et galantes*, *Entretiens des ombres*, *Académie de jeux* и т. п.

Въ 1723 г., вице-канцлеръ Шафировъ отданъ былъ подѣ судѣ, а имущество его конфисковано. Тогда изъ канцелярія вышняго суда было сообщено Лаврентію Блюментросту: «въ санктъ-петербургскомъ Петра Шафирова домѣ между отписными пожитками имѣются на иностранныхъ языкахъ книги и экземпляры подѣ титломъ — Законныхъ причинъ, за что его императорское величество съ Швеціею войну начать имѣлъ, которыхъ книгъ цѣновщики русскіе и иностранцы цѣнить не умѣютъ... и, по его императорскаго величества указу, вышій судъ приказали: вышеписанныя книги отослать къ тебѣ, понеже библіотека имѣется въ твоёмъ вѣдѣніи; и которыя изъ оныхъ книгъ потребны будутъ къ библіотекѣ, и тѣ отдать по оцѣнкѣ, а прочія возвратить къ отписнымъ Шафирова пожиткамъ».

Библіотека Шафирова, какъ видно изъ каталога ея, составлялася безъ системы, случайно. Въ ней находилось нѣсколько пособій для переводовъ съ иностранныхъ языковъ, небольшое количество сочиненій по части международнаго права, панегирики Петру и книги въ родѣ: *Les sciences de la cour*; *Le philosophe amouzeux*; *Lettre d'amour d'une religieuse portugaise*, и проч. Кромѣ книгъ нѣмецкихъ и французскихъ, были итальянскія. Шафировское собраніе было послѣднимъ при Петрѣ Великомъ пріобрѣтеніемъ петербургской библіотеки.

Сначала библіотеку государь поручилъ надзору своего лейбъ-медика и архіатера, Арескина; а онъ, въ 1714 г., велѣлъ привести ее въ порядокъ секретарю медицинскій канцеляріи по иностранной це-

репискѣ, Іоанну Данилу Шумахеру. Послѣдній (род. въ 1690 г.) былъ родомъ изъ Кольмара въ Эльзасѣ и, по окончаніи курса наукъ въ стразбургскомъ университетѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1714 г. Это лицо играетъ немаловажную роль въ исторіи нашей академіи наукъ, такъ какъ на него сваливають большую долю плачевнаго состоянія ея въ первыя десятилѣтія своего существованія. Арескинъ держалъ у себя Шумахера въ милости, такъ что даже отказалъ ему по завѣщанію, вмѣстѣ съ своимъ камердинеромъ Кравингомъ, часть своего движимаго имущества ¹⁾. Преемникъ Арескина, Лаврентій Блюментростъ также благоволилъ къ Шумахеру и, по его представленію, онъ, тотчасъ же послѣ утвержденія проекта академіи наукъ, назначенъ былъ секретаремъ ея. Впослѣдствіи онъ былъ тамъ совѣтникомъ и директоромъ, завѣдывалъ хозяйственною частью и пользовался влияніемъ на дѣла, по большей части во вредъ академіи. Бюшингъ ²⁾ объясняетъ причину особеннаго возвышенія и значенія Шумахера тѣмъ, что онъ былъ женатъ на дочери придворнаго кухмистра Фельтена, котораго любили Петръ и Екатерина. Изъ описанія свадьбы Шумахера Беркгольцомъ (30 апрѣля 1723 года) оказывается, что тогда посаженымъ отцомъ у жениха былъ императоръ, а у невѣсты посаженою матерью — императрица; кромѣ того, на свадьбѣ присутствовали и принимали участіе, какъ поѣзжане, великія княжны и всѣ знатныя ³⁾. Бюшингъ же оставилъ замѣтку о Шумахерѣ, что въ расположеніи книгъ бібліотеки онъ любилъ единственно казовый конецъ (что, къ сожалѣнію, не вывелось у насъ и донинѣ, въ ущербъ существенному назначенію бібліотекъ) и разставлялъ, напримѣръ, книги на полкахъ не по отдѣламъ наукъ, а по переплетамъ, такъ что хорошо переплетенныя книги становились впереди на видномъ мѣстѣ, а которыя похуже — назадъ.

Въ началѣ 1721 г., Петръ Великій отправилъ Шумахера за границу съ разными порученіями, касавшимися болѣе ученыхъ и наукъ. Такъ бібліотекаръ обязывался представить французской академіи наукъ составленную по указанію и распоряженію царя карту Каспійскаго моря и орнитологическія описанія, сдѣланныя первымъ ученымъ путешественникомъ по Сибири, докторомъ Мессершмидтомъ. Далѣе, Шумахеръ долженъ былъ стараться о приглашеніи въ Россію разныхъ ученыхъ и въ томъ числѣ знаменитаго Вольфа и войти съ ними въ сношенія объ учрежденіи въ Петербургѣ академіи наукъ, по при-

¹⁾ Исторія медицины, Рихтера. III, 127.

²⁾ Beiträge zu der Lebens-Geschichte denckwürdiger Personen, VI, 166.

³⁾ Разумѣется, если мы дождемся когда нибудь правдивой и немелочливой исторіи нашей академіи наукъ, то объяснится, что влияние Шумахера на дѣла академіи, потому что онъ состоялъ родственникомъ придворнаго кухмистра, было слѣдствіемъ, а не причиною плохаго состоянія этого учрежденія.

иѣру существовавшихъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Въ инструкціи не была забыта и машина перпетуумъ мобиле, которая, какъ по всему видно, чрезвычайно занимала Петра Великаго: не будучи специалистомъ математикомъ, чтобы понять съ перваго раза тщету попытокъ къ открытію вѣчнаго движенія, онъ соблазнялся только тою громадною пользою, которую можно было бы извлечь изъ подобнаго открытія въ примѣненіи его къ промышленнымъ предпріятіямъ. Замѣтимъ также, что мысль о перпетуумъ мобиле занимала, въ началѣ XVIII ст., не одного Петра Великаго: въ Европѣ многіе физики и математики также увлекались ею, такъ что объ открытіи Орфиреуса, напр., кричали во всей ученой Германіи.

По возвращеніи въ Россію, Шумахеръ представилъ отчетъ о своей поѣздкѣ — отчетъ замѣчательный именно въ томъ отношеніи, что знакомитъ со взглядомъ самого царя на науки и просвѣщеніе, такъ какъ Шумахеръ не преминулъ, конечно, говорить въ своемъ донесеніи болѣе о томъ, чѣмъ могъ угодить царю. Съ другой стороны, отчетъ показываетъ, что Шумахеръ былъ человѣкъ способный, сметливый и расторопный. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы наша академія основалась при жизни Петра Великаго, то послѣдній счумѣлъ бы воспользоваться способностями Шумахера, не допуская его до тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыми прославился бывшій бібліотекаръ въ свое управленіе хозяйственною частію нашего высшаго ученаго учрежденія.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Шумахеръ прежде всего явился къ тогдашнему президенту академіи наукъ, аббату Биньону, вручилъ ему письмо Блюментроста (ср. предъидущую главу) и сообщилъ о цѣли своего прібытія. Биньонъ принялъ Шумахера съ распростертыми объятіями и тотчасъ же просилъ передать ему присланныя отъ царя письмо и карту. Шумахеръ отвѣчалъ, что онъ обязанъ вручить ихъ академіи въ публичномъ засѣданіи. Оно и было назначено на слѣдующій день. Королевскій географъ Делиль былъ посланъ отъ лица всей академіи просить Шумахера въ засѣданіе, имѣвшее быть въ Луврѣ въ 3 часа по полудни. Шумахеръ передалъ тамъ президенту царское письмо «съ обычнымъ комплиментомъ», сказавъ, что онъ считаетъ для себя величайшимъ счастіемъ быть въ настоящемъ случаѣ исполнителемъ воли великаго монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ славными учеными, бесѣда съ которыми не могла не быть для него наставительною. Почтительно было выслушано сообщеніемъ чтеніе письма Петра Великаго, написаннаго съ такою простотою и уваженіемъ къ представителямъ ученаго міра. По окончаніи чтенія, маркизь де Торси выразилъ признательность къ государю, которому славные подвиги не помѣшали спизойти, изъ любви къ наукѣ, до пріятія званія сочлена въ ученомъ обществѣ. Послѣ

письма Блюментроста, академика рассматривали орнитологическія описанія доктора Мессершмидта и выразили желаніе имѣть такія же мастерскія описанія и изображенія красками изъ всѣхъ областей Россіи. Карта Каспійскаго моря возбудила также всеобщее вниманіе: на ней это море было представлено совершенно иначе, нежели какимъ его воображали себѣ до тѣхъ поръ тогдашніе европейскіе географы. На замѣчаніе кардинала Полиньяка: вся ли ситуація вѣрно означена на картѣ, такъ какъ говорятъ, что страна отъ Астрахани до Фарабата не вся еще объѣзжена, — Шумахеръ отвѣчалъ положительно, что вся эта страна изслѣдована, но государь о томъ не извѣщаетъ «ради нѣкоторыхъ штатсъ-резоновъ», о которыхъ въ свое время будетъ однако сообщено академіи. Шумахеръ очень дорожилъ этимъ своимъ отвѣтомъ и замѣтилъ, что «егда бы прежде къ оному не приготовился, весьма трудно было (бы) отвѣчать».

Вообще Шумахеръ былъ очень доволенъ обхожденіемъ съ нимъ французскихъ ученыхъ и жалѣлъ только, что они принимали его за императорскаго бібліотекаря, слѣдовательно, за особу весьма важную, почему и принужденъ онъ былъ, «ради сохраненія респекта своего государя, весьма другой экипажъ имѣти». Кромѣ того, имѣлъ онъ неприятели отъ анатома Дюверье, который обязался сдѣлать для царя анатомическіе препараты изъ воску, но впоследствии отъ того сталъ отказываться. «Съ великими трудами и всяческими финессами», Шумахеру наконецъ удалось взять отъ французскаго анатома «церебрумъ въ кранѣ (черепной мозгъ)».

Шумахеръ былъ представляемъ несовершеннолѣтнему королю наставникомъ его, аббатомъ Фриже, причѣмъ маршалъ Виллерау примолвилъ о Петрѣ: «во истину великій монархъ, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образецъ имѣть могутъ!»

Шумахеръ въ своемъ отчетѣ положительно утверждалъ, что ему удалось уговорить германскаго философа Вольфа отправиться въ Россію. Изъ предъидущей главы (стр. 36) видѣли, что этотъ ученый былъ далекъ отъ исполненія на дѣлѣ такого предложенія и старался отдѣлываться вѣжливостями и любезностями, а ихъ нашъ бібліотекарь принималъ за согласіе Вольфа перенести свою ученую дѣятельность въ Петербургъ.

Любопытны разказы Шумахера о своихъ переговорахъ съ Орфиреусомъ, прословутымъ изобрѣтателемъ машины съ вѣчнымъ движеніемъ. Шумахеръ предлагалъ ему оригинальный способъ испытанія его машины прежде пріобрѣтенія ея, а именно: пригласить двухъ извѣстныхъ математиковъ, привести потомъ ихъ къ присягѣ, что они не откроютъ никому тайны механизма, изобрѣтеннаго Орфиреусомъ, и затѣмъ уже допустить къ осмотру машины, для произнесенія о ней приговора. Орфиреусъ не хотѣлъ и слышать объ испытаніи, твердя: «на одной

сторонѣ положите 100 т. ефимковъ, а на другой я положу машину ¹⁾!»

Взавѣвъ желанной машины, Шумахеръ приложилъ къ своему отчету разсужденіе о ней Вольфа, который высказалъ здѣсь сомнѣніе въ успѣхъ изобрѣтенія Орфиреуса.

Въ бытность свою въ Англіи, Шумахеръ вздумалъ—было сначала «содержать себя инкогнито» на томъ основаніи, что въ то время британское правительство было почти въ открытой враждѣ съ русскимъ, но потомъ замѣтилъ, что это совершенно излишне въ такой землѣ, какъ Англія, тѣмъ болѣе, что тамъ между учеными нашлось много почитателей Петра Великаго за его любовь къ наукамъ и стараніе о просвѣщеніи Россіи. Когда Шумахеръ разсказывалъ въ королевскомъ обществѣ наукъ (Royal-society) о картѣ Каспійскаго моря и о намѣреніяхъ царя касательно введенія просвѣщенія въ своемъ государствѣ, тогда докторъ Водвардъ сказалъ: «когда бы Богъ намъ далъ короля съ такою душою, то можно было бы намъ порадоваться и надѣяться на лучшее поощреніе».

Въ заключеніи Шумахеръ называетъ тѣхъ ученыхъ, которые бы могли слѣдить за разными заграничными аукціонами для приобрѣтенія нужныхъ книгъ и предметовъ въ бібліотеку и кунстъ-камеру въ Петербургъ и вообще способствовать этимъ учрежденіямъ. По словамъ бібліотекаря, онъ самъ покупалъ за границей только необходимыя изданія, но одно приобрѣлъ ради бібліографическаго его значенія—это *Speculum salutis*, на которомъ обозначено, что оно напечатано въ Гарлемѣ. Шумахеръ объяснялъ, что книга эта любопытна, такъ какъ положительно рѣшаетъ споръ между городами Майнцомъ и Гарлемомъ, о первенствѣ учрежденія тамъ типографіи, въ пользу втораго изъ нихъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ отчетѣ Шумахера (читатель найдетъ его вполнѣ въ прилож. V) высказана о внѣшнемъ распорядкѣ бібліотеки мысль, подтверждающая приведенный выше отзывъ о немъ Бюшпига: «Порядокъ въ бібліотекахъ разный есть: каждый бібліотекаріусъ слѣдуетъ своему нраву; однакожь обычайнѣйшій и удобнѣйшій, когда книги по матеріи и величинѣ своей разставлены суть. Но азъ мню, что не весьма надлежитъ слѣдовать матеріи книгъ, дабы красота, которая въ публичной бібліотекѣ требуется, не утрачилась и, сверхъ того, одна книга къ разнымъ факультетамъ причитаться можетъ. Азъ тщится буду въ вашего императорскаго величества бібліотекѣ оное сберегать. Строеніе къ тому изрядно и удобно есть, только недостатокъ имѣемъ въ добрыхъ и избранныхъ книгахъ».

¹⁾ Вслѣдствіи Орфиреусъ продолжалъ предлагать свою машину Петру Великому. Такъ, въ январь 1725 г., можетъ быть за нѣсколько дней до смерти его, князь Долгоруковъ въ Петербургѣ высылался ѣхать въ Германію на свой счетъ за перпетуумъ мобиле Орфиреуса, который обѣщалъ ему сказать изустно о послѣдней цѣнѣ за свое изобрѣтеніе (Каб. дѣла I, № 53, л. 655).

Еще въ первое путешествіе свое по Европѣ, Петръ приобрѣлъ нѣсколько экземпляровъ птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ. Во II главѣ говорено было о подобныхъ присылкахъ къ нему въ Москву отъ Рюйша и Яна Юнга Вуттера. Составившееся такимъ образомъ собраніе, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами московской большой аптеки, помѣщалось сначала въ Москвѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ въ лѣтній дворецъ. Въ 1714 г., царь прислалъ на кораблѣ изъ Копенгагена «всякіе раритеты», которые принять и сохранять поручено было Шумахеру. Послѣдній по этому случаю просилъ кн. Меншикова «отвести двѣ каморки, гдѣ оныя вещи убрать, и къ нимъ для береженья, крѣпкаго вина 40 ведръ, понеже тѣ вещи безъ вина состоять не могутъ».

Во второе заграничное путешествіе, именно въ 1716 г., царь сдѣлалъ нѣсколько серьёзныхъ приобретеній для своего собранія: въ Данцигѣ, онъ купилъ у доктора Готвальда коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, а въ Амстердамѣ приобрѣлъ, за 15 т. голландскихъ флориновъ, у аптекаря Себы извѣстное въ свое время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, сохранившихся въ спиртѣ. Описаніе, сдѣланное Себою для Петра Великаго своего кабинета и сохранившееся въ современномъ русскомъ переводѣ, помѣщено нами въ прилож. VI.

Тогда же и тамъ же старикъ Рюйшъ являлся засвидѣтельствовать царю свое почтеніе. Тотъ принялъ его ласково и, пожавъ ему руку, сказалъ: «вы еще мой старинный наставникъ». Послѣ разныхъ переговоровъ, въ 1717 г., Петръ купилъ знаменитый анатомическій кабинетъ этого ученаго за 50 т. флориновъ. Рюйшъ хотѣлъ было сначала продать свой удивительный способъ бальзамированія труповъ Арескину за 50 т. флориновъ. «Не думайте, говорилъ при этомъ Рюйшъ, чтобы мнѣ было легко дойти до открытія моего способа: ежедневно вставалъ я въ четыре часа утра, тратилъ все, что получалъ, и перебралъ до тысячи труповъ не только людей, недавно умершихъ, но и такихъ, которые были уже покрыты червями, отчего могъ схватить опасную болѣзнь». Неизвѣстно, на какихъ условіяхъ, только Рюйшъ сообщилъ Петру Великому о своемъ способѣ съ тѣмъ, чтобы никому не открывать его. Однако царь передалъ секретъ Лаврентію Блюментросту, тотъ Шумахеру, который, въ видахъ подслужиться лейб-медику Ригеру, рассказалъ ему о способѣ Рюйша. Ригеръ, покинувъ Россію, опубликовалъ его въ «Notitia rerum naturalium», статья Animal.

Возвратясь въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія, Петръ посѣтилъ свое собраніе рѣдкостей, называвшееся тогда кунстъ-камерою, и привезъ туда полученную имъ въ Копенгагенѣ половину окаменѣлаго хлѣба, котораго другая половина осталась тамъ, и родъ де-

ревянной обуви, которую носили лапландцы. Взамѣнъ ихъ, царь просилъ хранить въ копенгагенскомъ музеѣ русокія лапти.

13 февраля 1718 г., состоялся любопытный указъ о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр.

«Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что рождаются монстра, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оныя, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о двухъ головахъ, два которые срослись тѣлами. Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды рождаются отъ дѣйства дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не діаволь, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матеряго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бывають; также, когда ушибется или больна будетъ, и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриныя и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р. — за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ рождаются, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать — чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенныя, кости человѣческія или скотскія, рыбы или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или я такія, да зѣло велики или малы передъ обыкновеннымъ; также, какія старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно — такожъ бы приносили, за что будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не выдавъ, положить нельзя цѣны. Вышереченныя уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо...

Въ 1718 г. декабря 27, Лаврентій Блюментростъ докладывалъ царю: «понеже, по всемилостивѣйшему вашего величества указу, порученной мнѣ въ смотрѣніе библіотеки и собраннѣмъ натуральнымъ и прочимъ раритетомъ надлежитъ быть для смотрѣнія служителемъ, которые при томъ уже и обрѣтаются: библіотекаръ Яганъ Даніель Шумахеръ и надсмотритель всякихъ раритетовъ и натуралей; аптекарскій гезель Балтазаръ Шталь для смотрѣнія и перемѣнъ духу виннаго и натуральныхъ вещей; переплетчикъ Христофоръ Битнеръ съ подмастерьемъ. Да вновь принадлежитъ принять: столяра для всякихъ подѣлокъ; четырехъ человекъ работниковъ, которые будутъ печи топить и въ палатахъ чистить. Къ тому припасовъ въ годъ: 200 сажень дровъ для топки палатъ, 300 фунтовъ свѣчъ сальныхъ, 2,000 пузырей говяжьихъ для повязки склянокъ, 1,000 ведръ вина простаго, изъ котораго будутъ духъ винный сидѣть и употреблять на перемѣну натуралей, 20 фунтовъ корки на затычки, 20 фунтовъ нитокъ повязочныхъ разныхъ рукъ. Переплетчику къ переплету книгъ кожи и другіе припасы. На корреспонденцію и другія мелочныя издержки. 300 склянокъ разныхъ рукъ, по образцу ябургскихъ, всегда въ запасѣ быти для утраченія, понеже иная съ натуральными вещами треснетъ или попортится. И буде при вышеписанной библіотекѣ помянутыхъ служителей содержать и онымъ вашего величества денежное жалованье получать и вышеписанные припасы покупать и на другія издержки — ваше величество откуда повелитъ, въ чемъ ожидаю милостиваго услышанія. Вашего величества нижайшій рабъ L. Blumentrost».

Въ мартѣ 1719 г., Блюментростъ представлялъ подобный же докладъ съ такимъ добавленіемъ: «окромѣ того, надобно корреспонденцію имѣть въ чужіе края съ учеными людьми, также книги покупать, которыя въ разныхъ государствахъ вновь выдаются и на оныя надобно будетъ такожъ нѣсколько денегъ по разсужденію»...

Во время похода въ Персію, Петръ не забывалъ своей кунштъ-камеры и, 22 декабря 1722 года, послалъ изъ Астрахани слѣдующее собственноручное письмо къ оберъ-директору надъ строеніями въ Петербургъ, Ульяну Якимовичу Синявину: «господинъ директоръ. Кунштъ-камеръ каменемъ отдѣлать, чаю и покрыть. А ш(к)афы на вещи не починованы дѣлать, того для, по полученіи сего, призови Шумахера, которому кабинетъ врученъ, чтобъ тебѣ далъ роспись и показалъ мѣста, гдѣ что дѣлать, и по оному дѣлай немедленно, дабы въ будущее лѣто оной кунштъ-камеръ видѣть готовымъ. Петръ. Изъ Астрахани въ 22 день октября 1722¹⁾».

¹⁾ Отсюда видно, что владіе для кунштъ-камеры передѣлывалось, но это не мѣшало видѣть ее любопытнымъ: въ 1721 г., ее осматривалъ Беркгольцъ, о чемъ подробно и записано въ его запискахъ.

Изъ того же похода, кабинетъ-секретарь Макаровъ, будучи въ Дербентѣ, писалъ, что царь «указалъ отослать въ кунштъ-камеру для куріозите» деревянное блюдо съ серебрянымъ ключомъ города Дербента и одно изъ мѣдныхъ ядеръ, которыми стрѣляли въ русскихъ козылбаши. Чтобъ угодить царю, частныя лица начали дѣлать разныя приношенія въ кунштъ-камеру. Такъ, въ 1723 г., архіепископъ новгородскій Θεодосій пожертвовалъ туда пять ящиковъ съ морскими пауками, «что причитаются, писалъ Макаровъ же, куріозите», а Θεосанъ Прокоповичъ модель іерусалимской церкви. Генераль Аллартъ подарилъ 150 серебряныхъ позолоченныхъ медалей работы Лауферта, инспектора монетнаго двора въ Майнцѣ, съ изображеніемъ всѣхъ римскихъ папъ, начиная съ апостола Петра (sic) до Иннокентія XI. Петръ Великій выкупилъ для своего собранія за 5 тысячъ экю заложенную у жидовъ коллекцію древнихъ золотыхъ медалей изъ кабинета Людерса. У извѣстнаго Мушенброка пріобрѣтены были физико-математическіе инструменты.

Обычай отсылать въ кунштъ-камеру все достопримѣчательное, или считавшееся таковымъ, существовалъ и послѣ Петра. Такъ черезъ нѣсколько дней послѣ его кончины, императрица Екатерина I приказала: «изъ пожитковъ бывшаго камергера Монса статую Марсову золотую съ камня отослать въ кунштъ-камеру». Иногда такія присылки сопровождались болѣе подробными описаніями: 3 сентября 1725 г., Макаровъ писалъ къ Блюментросту: «Благородный господинъ лейбъ-медикусъ! Въ прошломъ 1716 г., его императорскому величеству блаженной и вѣчно достойной памяти бывшій тогдашній сибирскій губернаторъ князь Матвѣй Гагаринъ объявилъ самороднаго песочнаго золота въ десяти мѣстахъ въ кожахъ завязано 200 ланъ, а русскаго вѣса въ ланѣ 9 золотниковъ, и доносилъ, что то золото берется въ Китайскомъ государствѣ, для чего онъ посылалъ въ 1713 г. тобольскаго жителя Федора Трушникава, который, по пріѣздѣ оттуда, объявилъ, что то золото покупалъ онъ у китайцевъ и у калмыковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ промышляютъ, а именно: первое, недозжая китайскаго города Селима, ѣздою за двѣ недѣли, который построенъ за стѣною, зовомою Калганомъ, близъ озера Коконуръ, у котораго кочуютъ калмыки, называемые Кошеуты. И то золото промышляютъ у рѣчекъ и возлѣ ключей, которые текутъ съ горъ. И у нихъ купилъ онъ, Трушниковъ, того золота лану по 7 рублевъ и видѣлъ на промыслу людей, которые близъ дороги, 150 человекъ. А сказывали ему тѣхъ промысловъ копальщики, что одинъ человекъ въ лѣто найдетъ такого золота ланъ по 20, и по 30, и по 100. Да еще отъ того жъ озера въ правой сторонѣ тѣ тайши и еще особый народъ, называемые Тунгуты, копаютъ золото по рѣкѣ Алтай Голмѣ и по малымъ рѣчкамъ. А за вышеписанною стѣною, при городахъ китайскихъ — Дабѣ, который отъ стѣны въ трехъ верстахъ, и Селимѣ,

который отъ стѣны въ 20 верстахъ, при рѣкахъ золото самородное копаютъ же. И видѣлъ онъ такіе промыслы въ двухъ мѣстахъ: на рѣкахъ ищутъ китайцы, и купилъ онъ у нихъ того золота по 7 рублей кову. А тѣ промышленники даютъ въ ханскую казну золота по золотнику съ человѣка на лѣто. А въ нынѣшнемъ 1725 г. февраля въ 5 день, по указу ея императорскаго величества, помянутое золото слито и употреблено въ дѣло. Только оставлено на память 2 фунта 25 зол. Того для помянутое оставленное золото на память посылается при семь въ кунштъ-камеру, которое прикажете принять и дать росписку, и велите оное для куріозите имѣть во охраненіи такъ, какъ и прочія куріозныя или раритетныя вещи хранятся. Слуга вашъ Алексѣй Макаровъ.

Беркгольцъ, при осмотрѣ кунштъ-камеры, видѣлъ тамъ нѣсколько живыхъ уродовъ. Изъ денежныхъ отчетовъ ея 1719 — 23 годовъ видно, что тамъ выходило «на монструмовъ живыхъ»: Якова, Степана и Оому по рублю въ мѣсяцъ на каждаго. Первому изъ нихъ, неизвѣстно почему, выдавалось сначала по 2 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1724 г., Лаврентій Блюментростъ отказался, однако, принять одного такого монструма. «Благородный господинъ архіатеръ, писалъ онъ къ брату своему Ивану Блюментросту, сего іюля 30 дня, въ письмѣ вашего благородія ко мнѣ написано, чтобъ живаго монструма Сампсона Филипова принять мнѣ въ кунштъ-камеру и содержать противъ живыхъ монстровъ. И на оное вашему превосходительству объявляю: во оной кунштъ-каморѣ содержатся только мертвые монструмы, а живымъ монструмамъ во оной кунштъ-каморѣ мѣста не имѣется. Того ради благоволите онаго монструма содержать по прежнему, какъ его императорскаго величества указъ повелѣваетъ; впрочемъ пребываю благороднаго господина архіатера охотнѣйшій слуга».

Сохранилась роспись предметовъ, которые, на основаніи приведеннаго выше указа о монстрахъ, были, 8 марта 1725 г., доставлены въ кунштъ-камеру изъ провинцій, а именно: «№ 1 — барашекъ, у него 8 ногъ; у другога три глаза, два туловища, 6 ногъ; присланы изъ Тобольска отъ кн. Козловскаго. № 2 — младенецъ, у него три ноги; изъ Нижняго-Новгорода отъ губернатора Ржевскаго. № 3 — теленокъ, у него 2 монструозныя ноги; изъ Уфы отъ коменданта Бахметова. № 4 — младенецъ съ двумя головами, — отъ него же, Бахметова. № 5 — одинъ младенецъ, глаза подъ носомъ и уши подъ шею; изъ Итжина. № 6 — два младенца, грудьми и животомъ срослися, — изъ Ахтырокъ отъ кн. Михаила Голицына; руки, ноги и головы ordinarily. № 7 — младенецъ, у него рыбій хвостъ; родился въ Москвѣ на Тверской. № 8 — двѣ собачки, которыя родились отъ дѣвки 60-ти лѣтъ (sic); изъ Ахтырокъ отъ кн. Голицына. № 9 — младенецъ, у него двѣ головы, 4 руки, 3 ноги; изъ Уфы отъ коменданта Бахметова».

При царскомъ дворѣ состоялъ французъ великанъ Буржуа, ко-

тораго царь, за огромный ростъ, принялъ къ себѣ на службу въ бытность свою во Франціи. Въ 1724 г. онъ умеръ, и трупъ его отослали для сохраненія въ кунштъ-камеру. По этому случаю, тамъ возникло оригинальное дѣло, сущность котораго видна изъ слѣдующей промеморіи:

«Въ прошломъ 1724 г. мая 17 дня, скорвяжнаго дѣла мастеру, иноземцу Еншау отдалъ библіотекаръ Шумахеръ великана Буржуа снятую кожу выдѣлать, съ общаніемъ денежнаго награжденія за его работу безъ договору, понеже — какъ сказывалъ — такая вещь ему необычайна и такой ему не случалось работы. А мѣсяца іюля того жъ 1724 г., когда онъ ту кожу отдѣлалъ, и посылаю было къ оному иноземцу Еншау для отдачи оныя кожи и взятыя денегъ за работу. Который сказывалъ, что еще не готова, хотя намъ и подлинно было вѣдомо, что она уже отдѣлана. Въ послѣднихъ числахъ августа, библіотекаръ Шумахеръ приходилъ къ нему самъ и просилъ, чтобъ какова ни есть кожа отдалъ, однакожь и такъ не отдалъ; и слѣдующій мѣсяць посылками нашими для отдачи ничего не успѣли. Потомъ, ноября 28 дня, былъ блаженный и вѣчностойныя памяти его императорское величество для разсмотрѣнія куріозныхъ вещей въ кунштъ-каморѣ и, смотря на выдѣлки изъ онаго великана, востребовалъ видѣть ту кожу. Тогда посылали къ нему (то есть къ Еншау) солдатъ, чтобъ вышепомянутую кожу принесъ, и онъ не только не отдалъ, но и безчинно отказывалъ, что де такой кожи весьма не отдасть безъ присылки денегъ въ его домъ и безъ росписки взятыя кожи. И когда въ семь дѣлъ не могли конца имѣть, велѣли подать ему счетъ, по которому мы готовы были заплатить. И въ томъ шесть мѣсяцевъ прошло, какъ онъ, отбывая, такова послушанія не хотѣлъ учинить. А сего 1725 г. мая 4 дня, подалъ челобитную съ счетомъ, въ которой просить, чтобъ кожу взять, и ему, по поданному счету, еще 60 р. 75 коп., къ четыремъ рублямъ, уже даннымъ, доплатить. Но понеже неслыханною своевольностью и злобою такъ долго кожу задержалъ и еще держитъ, и сверхъ того, въ поданномъ счетѣ отъ него имѣется подозрѣніе, ибо печи и хоромное строеніе, о которыхъ онъ поминаетъ въ своей челобитной, будто нарочно для оной кожи сдѣланы, и оныя не прежде, но послѣ выдѣлки кожи построены. Того ради прошу главнаго магистрата, дабы помянутаго мастера Еншау въ поданномъ счетѣ подлинно допросить, чтобъ императорскаго величества денежная казна въ томъ напрасно не тратилась, и за такое преслушаніе и злобу его по указу императорскаго величества государыни и царицы по регламенту главнаго магистрата учиненъ бы былъ штрафъ. Впрочемъ главнаго магистрата по разсужденію, академія наукъ готова платить оному Еншау за такую работу (1725 г. мая 15 дня)».

Это дѣло доходило, наконецъ, до императрицы, которая велѣла

кожу у Еншау взять, а ему заплатить, что́ будет причитаться за работу. Въ октябрѣ 1725 г., Еншау получилъ 100 р., и прѣ томъ сдѣлано распоряженіе: «по указу ея императорскаго величества надлежитъ тебѣ (Еншау) ногти отъ кожи французскаго великана вставить и оную кожу привесть въ совершенство».

Извѣстно, что уставъ академіи наукъ въ Петербургѣ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ январѣ 1724 года и онъ помѣщенъ въ Полномъ собраніи законовъ. Въ кабинетныхъ бумагахъ государя сохранились двѣ бумаги, очевидно написанныя до составленія устава и любопытныя въ томъ отношеніи, что могутъ служить объясненіемъ тѣхъ предположеній, съ которыми основывалось у насъ наше высшее ученое учрежденіе. Первая изъ этихъ бумагъ безъ года, съ краткимъ обозначеніемъ, что она «руки Петра Алѣксѣева Курбатова»¹⁾:

«Въ установленіи академіи подобаетъ слѣдующіе пункты примѣчать:

I. Сумма, которая надобна къ установленію и содержанію академіи, такая да будетъ, чтобъ его императорскаго величества казнѣ убытку не было, ниже бы государству какова отягощенія принесла. Та сумма пребываетъ непоколебимо при академіи, и сіе да будетъ за фундаментъ высокой его императорскаго величества милости академіи, дабы никто не дерзалъ оную сумму, подъ какимъ бы видомъ ни было, на нынѣшныя вещи издержать.

II. Мѣсто, идеже установлена будетъ академія, было бы такое, чтобъ былъ тамъ здравый воздухъ и добрая вода, и положеніе того мѣста было бы удобно, чтобъ отъ всѣхъ странъ можно было надежно приходять, такожде и съѣстное бы было въ довольности.

III. Строенію подобаетъ быть тако учреждену, дабы принадлежащія къ академіи люди свободно могли тамо жить и имѣло бы то строеніе привилію или увольненіе, да никто дерзнетъ тамо какое усильство учинить, но егда кто въ какое прегрѣшеніе тамо впадетъ, то определенныя отъ его императорскаго величества на управленіе академіи персоны его судили бы и обвиняли. И тако, дабы академія прямо подъ его императорскаго величества властію, а ни подъ какою бы коллегіею была.

IV. Персоны къ управленію академіи да будутъ слѣдующія: 1) президентъ, 2) вице-президенты, 3) инспекторъ.

V. Управленіе вышеупомянутыхъ персонъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Оная сумма денегъ обрѣтается подъ управленіемъ вышеупомянутыхъ персонъ и тратятъ онѣ тѣ деньги, гдѣ нужда будетъ. 2. Президентъ и вице-президенты стараются о наукахъ, а инспекторъ управляетъ домостроительство. 3. Держать они по вся недѣлю конференцію съ учителями для познанія, которые ученики прилѣжно

¹⁾ Кабинет. дѣла, II, № 68, л. 489—490.

и которые лѣнливо учатся, какая въ чемъ скудость учинилась, и какъ оную исправить? И что въ такой конференціи учинено, надобно въ протоколъ записать и по вся мѣсяцы о томъ экстрактъ президенту подавать, дабы онъ всегда могъ, егда его императорское величество о состояніи академіи изволить спросить, о томъ всенжайше отвѣтъ дать. 4. Вице-президенты смотрятъ прилжно надъ профессорами, вѣрно ли они свою службу исправляютъ. 5. Испытуютъ они юныхъ сердца и склонности, къ чему охоту имѣютъ и потому учреждаютъ они имъ и ученія. 6. Такжеже смотрятъ они, чтобъ во всей академіи единъ образъ былъ языку и ученію.

VI. Штуденты могутъ быть разнаго чину, но надобно слѣдующія вещи между ими хранить: 1. Надо ученикамъ, или студентамъ объявить, что ученіе ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бъ они сіе за милость его императорскаго величества, и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть. 2. Надобно онымъ уреченные годы въ академіи пребыть. 3. И когда они свои ученія окончали, надобно президенту и вице-президентамъ старатися, дабы они иностранныя земли съ пользою увидѣли и даютъ они имъ инструкціи, какъ имъ содержать себя на пути, и добрую рекомендацію къ ученымъ людямъ, а паче всего не надобно допускать, чтобъ они въ иностранныя земли поѣхали, а языку того, куда поѣдутъ, не знали бъ, ибо чрезъ сіе въ той землѣ въ 4 недѣли больше можно познать, нежели кто незнающій того языка въ нѣсколькихъ (sic) лѣта.

VII. Прибыль, которая изъ сей академіи будетъ, есть слѣдующая: 1. Что его императорское величество изъ своихъ подданныхъ ученые люди получить. 2. По сему иноземцы будутъ пріѣзжать въ академію для обученія и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3. Оныя, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ.

Сіе токмо генерально предложено, по если его императорское величество милостивно повелить, то можно пространнѣе и подробнѣе описать и что больше еще надобно усмотрѣть съ предложеніемъ (какимъ образомъ оную сумму получить) его императорскому величеству, токмо чтобъ надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивеніе будетъ употребляема.

Вторая бумага помѣщена рядомъ съ указомъ о переводчикахъ, состоявшимся 23 января 1724 г. ¹⁾ и сообщеннымъ въ настоящемъ трудѣ въ гл. IX. Она также безъ обозначенія года, помѣчена лишь январемъ: «сообщено изъ сената» ²⁾.

¹⁾ П. собран. закон. VII, № 4436.

²⁾ Каб. дѣла II, № 68, л. 50.

«Въ установленной академіи будутъ обучаться студенты во всякихъ наукахъ, кромѣ богословія, юриспруденціи собственно таковой, и такъ до перваго степени членовъ надлежаще студенты, смотря по ихъ натуральному наклоненію, будутъ обученіе имѣть (отъ) учителей: 1) Арифметикъ; 2) Геометріи; 3) Астрономіи; 4) Географіи; 5) Навигация; 6) Механикъ; 7) Оптикъ; 8) Архитектуръ гражданской и воинской; 9) Физикъ теоретикъ и экспериментальной; 10) Институціи медицинской, анатомической и хирургической; 11) Химіи; 12) Исторіи натуральной; 13) языкамъ, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому; 14) Реторикъ и Ораторіи; 15) Исторіи древней и нынѣшней; 16) Логикъ; 17) Метафизикъ; 18) Этикъ; 19) Политикъ; 20) Юсъ публикъ натуръ и народовъ».

По утвержденіи Петромъ Великимъ помянутаго выше устава академіи наукъ, Блюментростъ назначенный президентомъ ея, заключилъ съ Шумахеромъ слѣдующій контрактъ:

«Обязуется оный библіотекаръ Данило Шумахеръ библіотеку и кунштъ — камору въ своемъ правленіи имѣть. Какъ библіотекъ, такъ и кунштъ — каморъ все порядочно содержать: въ библіотекъ кнѣгамъ, а въ кунштъ — каморъ обрѣтающимся разнымъ вещамъ каталоги учредить. Такжеже, дондеже академія размножится, при оной секретарское дѣло править»¹⁾.

Кромѣ того, Шумахеру были даны пункты:

«1) Надлежитъ съ членами академіи корреспонденцію имѣть и ради прибытія ихъ сюда на дорожные имъ расходы деньги посылать, а которые при академіи, кунштъ — каморъ и библіотекъ обрѣтаются, тѣмъ въ жалованье и прочемъ содержать. 2) Потребныхъ къ академіи копеецъ и переводчиковъ прискивать и въ службу принимать, и о семъ мнѣ репортовать. 3) Такжеже двухъ мальчиковъ прискивать и отдать ихъ малярницѣ²⁾, ради обученія рисованію, которымъ жалованья по 3 руб. на мѣсяць давать. 4) Краски, пензели, бумагу и пергаментъ, которые малярница доношеніемъ требовала, также и станнумъ «олиатумъ» (то есть листовое олово) ко украшенію вещей, въ кунштъ — каморъ обрѣтающихся, промышлять за деньги, данныя на академію. 5) Ящики на медальный кабинетъ по надлежащему сдѣлать. 6) Книги, въ прошломъ году купленныя, переплести; а какія нынѣ ко академіи потребны имѣютъ быть, покупать надлежитъ. 7) За антлею

¹⁾ 18 Февраля 1724 г., Шумахеръ былъ уволенъ изъ медицинской канцеляріи по множеству дѣлъ въ новой должности. Въ академію ему было назначено жалованья 800 р. въ годъ, квартира, отопленіе и освѣщеніе.

²⁾ Въ книгѣ «Палаты санктпетербургской императорской академіи наукъ» (Спб. 1741 г.) значилась состоящая при библіотекѣ и кунштъ — камерѣ: «вдова живописца Гезеля, которая списываетъ травы и цвѣты (Gselin, Bluhmen Mahlerin).» Она была дочь известной въ свое время живописицы Маріи Сибиллы Маріанъ и вышла замужъ за швейцарскаго живописца Кселя (Xsell), который былъ вызванъ Петромъ въ Россію послѣ 1717 года. Вдова Кселя умерла при Елизаветѣ въ глубокой старости.

пневматику съ принадлежащими машинами, сочиненную отъ Мушен-брока, надлежитъ заплатитъ».

Въ июль 1724 г., государь велѣлъ «въ самой скорости» достроить на Васильевскомъ островѣ помѣщеніе для кунсть-камеры и библіотеки; а «для квартиры академическимъ учителямъ, такожде и для обученія студентовъ», отданъ былъ тогда отписной въ казну каменный домъ Шафирова, находившійся на петербургской сторонѣ ¹⁾.

Изъ разсказовъ Шумахера Штелину видно, что Петръ Великій часто посѣщала кунсть-камеру и разъ даже давалъ тамъ торжественную аудіенцію послу римскаго императора, несмотря на представленіе нашего вице-канцлера, что это было бы лучше сдѣлать во дворцѣ. Извѣстно, что царь былъ врагъ всякихъ придворныхъ этикетовъ, а потому отвѣтъ его, передаваемый Штелинымъ, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія; «пускай посоль сюда придетъ: для него все равно, гдѣ бы я ни принялъ его въ первый разъ. Вѣдь онъ ко мнѣ присланъ, а не въ тотъ или другой домъ. Если онъ имѣетъ что сказать мнѣ, то можетъ сказать гдѣ бы я ни былъ.» Однажды Петру совѣтовалъ Ягужинскій наложить плату за посѣщеніе кунсть-камеры: но царь замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому, напротивъ, опредѣлилъ особенную сумму для угощенія посѣтителей. Шумахеру, сверхъ жалованья, отпускалось на то 400 руб., и Штелинъ, и при Аннѣ Іоанновнѣ, былъ часто свидѣтелемъ подобныхъ угощеній въ кунсть-камерѣ.

Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ кончины Петра Великаго, Блюментростъ, между прочимъ, докладывалъ императрицѣ Екатеринѣ I: «чтобъ святѣйшему правительствующему синоду опростать мѣсто на заводъ семинаріи, которое подъ библіотеку и кунсть-камеру занято, также книги и куріозныя наши вещи распорядить пристойно, надлежалобъ строеніе, которое на Васильевскомъ острову подъ академію и библіотеку приобрѣтено, довершить. — Блаженные и вѣчно достойныя памяти его императорское величество именно приказалъ, чтобъ домъ академической домашними потребами удостачить и академикомъ недѣли съ три или съ мѣсяць, не взачетъ, кушаньемъ довольствоваться, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи эконома, кормить въ томъ же домѣ, дабы ходя въ трактиры и другіе мелкіе дома, съ непотребными обращающись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно; понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли, учинили.... Часто блаженные и вѣчнодостойныя памяти отъ

¹⁾ 19 августа 1728 года, Петръ II приказалъ этотъ домъ возвратитъ снова Шафирову. Изъ академическихъ бумагъ оказывается, что зданіе примыкало съ одной стороны къ дому князя папы Зотова, а съ другой къ синодскимъ палатамъ (бывшему дому Брюса).

императорскаго величества слыхаль, что блаженныя памяти царицы Прасковьи Федоровны домъ, близъ библіотеки, до академіи придать, какъ меня и рисунки архитектора Трезина въ семь мѣнѣи подтверждаютъ. Того ради весьма необходимо, чтобъ сіе дѣло опредѣлить и помянутый домъ довершить и что еще надлежитъ, пристроить; и весьма по истинѣ библіотекъ не можно въ разстояніи быть отъ академіи, понеже учительнымъ не меньше нужды въ книгахъ, какъ мастеровымъ въ инструментахъ».

Докладъ Блюментроста былъ утвержденъ вполнѣ: 25 мая 1725 года, онъ объявилъ сенату повелѣніе императрицы о содержаніи профессоровъ согласно докладу; въ іюлѣ того же года, домъ Шафирова переданъ окончательно въ распоряженіе академическаго начальства, въ вѣдѣніе котораго поступили также палаты царицы Прасковьи Федоровны (въ нихъ и до нынѣ помѣщается академія). Кромѣ того, Блюментростъ нанялъ тогда же нѣсколько домовъ у частныхъ владѣльцевъ. Такъ бывшія палаты князя папы Зотова, пожалованныя послѣ его смерти петербургскому воеводѣ Ивану Петровичу Строеву, наняты у послѣдняго для житія академическихъ служителей за 250 руб. въ годъ. Для квартиры академическимъ членамъ отведенъ былъ также домъ генераль-лейтенанта Матюшкина, изъ семи свѣтлицъ, на Московской сторонѣ, вверхъ по Невѣ рѣкѣ, противъ Канецъ, съ платою по 10 руб. въ мѣсяцъ. Дворъ криксъ-цалмейстера Самарина (неизвѣстно — въ какой мѣстности) служилъ для помѣщенія академическихъ служителей.

Въ домѣ Шафирова происходили первыя публичныя засѣданія академіи наукъ и здѣсь то произносились риторскія торжественныя слова новопривывшихъ ученыхъ. Обо всемъ этомъ тѣмъ же риторскимъ слогомъ извѣщали иностранныя газеты; а нашъ сатирикъ, Автѣохъ Кантемиръ, въ тяжелыхъ силабахъ на русскомъ языкѣ, оставилъ потомству такія назидательныя о томъ извѣстія:

«Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коптомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именовемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ). Пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки начнутся,
«Вотъ ужъ и учителя заморски сберутся:
«Пусть какъ можно всякъ окоро о себѣ радзеть
«Кто оныхъ обучаться охоту имзеть.»
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплементовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бывало!
А деньги хоть точатся тутъ непрерывно,
Такъ комплементовъ много съ ними, то и не дивно ¹⁾!

¹⁾ Библіографическія Записки, 1858 г., № 3, стр. 72, 73.

V.

Первый наставник царевича Алексѣя Нейгебауеръ. Удаленіе его изъ Россіи. Полемическія брошюры противъ русскаго двора. Преслѣдованія и защищеніе ихъ.— Мѣры Петра Великаго для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія въ Европѣ при помощи типографскаго станка. Баронъ Гюйссенъ учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія.

Въ 1699 году, пріѣзжалъ въ Москву для переговоровъ отъ саксонскаго курюрста генераль Карловичъ, съ которымъ Петръ хотѣлъ было отправить за границу учиться сына своего, царевича Алексѣя. Извѣстно, что предположеніе это не сбылось за смертью Карловича. Въ свитѣ его находился сынъ одного данцигскаго бюргера Нейгебауеръ: онъ учился сначала въ родномъ городѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ преимущественно изучалъ латинскій языкъ, юриспруденцію и исторію. По отзыву одного лица, которое говорило, что «персона Нейгебауера, сначала прибытія его въ Россію, ему зѣло знакома», этотъ иноземецъ «являлся нарочитой быть остроты», и, по собственной своей просьбѣ, былъ опредѣленъ Карловичемъ чрезъ Меншикова учителемъ къ царевичу Алексѣю. По извѣстіямъ же, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, выходитъ, что Карловичъ самъ пригласилъ Нейгебауера въ Москву, говоря, что для воспитанія наследнаго принца нуженъ образованный нѣмецъ, который могъ бы состоять при немъ въ должности гофмейстера. Нейгебауеръ согласился на это приглашеніе и пріѣхалъ въ Россію; но смерть Карловича значительно замедлила его опредѣленіе и только въ іюнѣ 1701 года, послѣ нѣсколькихъ ходатайствъ, Нейгебауеру удалось получить мѣсто при царевичѣ, для наставленія «въ наукахъ и правоученіи».

Уже въ концѣ того же 1701 года, обнаружались неудовольствія между Нейгебауеромъ и русскими, состоявшими при царевичѣ. Иноземецъ настаивалъ, чтобъ ему подчинили этихъ лицъ, «понеже если всякой изъ нихъ будетъ дѣлать, что хочетъ, то невозможно царевича поряднымъ нравамъ и порядочному житію научить, зане нѣкоторые отъ злости всѣ его труды портить будутъ». Далѣе, онъ просилъ удалить прежнихъ лицъ, окружавшихъ царевича, и въ томъ числѣ русскаго учителя его, Никифора Вяземскаго, а на мѣсто ихъ опредѣлять знающихъ иностранные языки и обычаи, «зане вышеписанные люди (Вяземскій и другіе) неудобны быть у младаго царевича, котораго изрядно воздержатя надлежитъ».

Жалобы и просьбы Нейгебауера оставались безъ послѣдствій, и

23-го мая 1702 года, въ Архангельскѣ, за обѣдомъ у царевича, произошла ссора между учителями нѣмцемъ и русскимъ. Первый, прежде всего, выведенъ былъ изъ себя тѣмъ, что Вяземскій и Нарышкинъ говорили тихо и смѣялись съ царевичемъ, который, какъ увидимъ ниже, терпѣть не могъ Нейгебауера. Учитель замѣтилъ, что царевичу менпримично говорить при постороннихъ тихо съ своими приближенными. Нарышкинъ и Вяземскій оспаривали это замѣчаніе съ насмѣшками. Вскорѣ Алексѣй Петровичъ, по совѣту Вяземскаго, положилъ было на блюдо обглоданную кость. Нейгебауеръ снова замѣтилъ, что обглоданныя кости оставляются на тарелкѣ, а класть ихъ на блюдо, съ котораго берутъ другіе — невѣжливо. По этому случаю учителя начали между собою сильный споръ, кончившійся бранью: Вяземскій обзывалъ Нейгебауера собакою, а этотъ чествовалъ своихъ противниковъ названіями собакъ и варваровъ. Объ этой ссорѣ былъ розыскъ, кончившійся удаленіемъ Нейгебауера отъ должности учителя царевича. Изъ бумагъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ видно, что Меншиковъ былъ противъ Нейгебауера, а послѣдній жаловался, что онъ обращался съ нимъ хуже, нежели съ царемъ. Это обстоятельство, должно полагать, было главнѣйшею причиною, что въ ссорѣ учитель нѣмецъ признанъ былъ виноватымъ. Въ июль 1702 года состоялся указъ: «иноземцу Нейгебауеру за многія его неистовства, что писался гофмейстеромъ его высочества и ближнихъ людей, которые живутъ при царевичѣ, бранилъ и называлъ варварами, отъ службы отказать и ѣхать ему безъ отпуску, куда хочетъ ¹⁾». Однако Нейгебауеръ оставался въ Москвѣ до 1704 года: сначала его опасались отправить за границу, чтобъ онъ не передалъ какихъ нибудь извѣстій о Россіи, бывшей тогда въ войнѣ съ Швеціею; потомъ самъ Нейгебауеръ искалъ мѣста въ русской службѣ и даже соглашался ѣхать при посольствѣ въ Китай. Наконецъ въ навигацію 1704 года, его, почти подъ карауломъ, отправили изъ Москвы въ Архангельскъ, откуда на гамбургскомъ кораблѣ онъ и возвратился на родину.

Въ томъ же 1704 году, въ Германіи явилась брошюра, изданная безъ означенія типографіи, въ формѣ письма знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о дурномъ обращеніи съ иноземными офицерами, которыхъ вызываютъ къ себѣ на службу москвитяне ²⁾.

Въ этой брошюрѣ читаемъ:

«Высокородный господинъ, высокоуважаемый тайный совѣтникъ

¹⁾ «Библиографическія записки» 1858 г. № 20, стр. 642—646.

«Schreiben eines vornehmen deutschen Officirirs an einem Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handtierung den frembden Officirer so die Moscovitter in ihre Dienste locken».

Я тотчасъ же долженъ былъ исполнить желаніе ваше, выраженное въ письмѣ отъ 20-го прошлаго января, узнать отъ меня, обходятся ли въ Москвѣ съ нѣмцами, какъ то обѣщано въ опубликованномъ г. Паткулемъ патентъ ¹⁾, и посоветую ли я г. майору, вашему родственнику, и другимъ офицерамъ опредѣлиться въ службу къ царю; однако, необходимость принудила меня выждать, такъ какъ отвѣчать на письмѣ на подобные вопросы было опасно до тѣхъ поръ, пока Господь не вынесетъ меня изъ варварской страны. Въ настоящее время, я могу безъ опасенія извѣстить ваше превосходительство, что помянутый патентъ вовсе не исполняется и многіе честные люди, отправившіеся въ Москву, положившись на этотъ патентъ, обмануты: царь и приближенные его обходятся съ честнѣйшими и храбрѣйшими офицерами, какъ со щенками (Hundjungens), при содѣйствіи пощечинъ, палочныхъ ударовъ, кнута и тысячи другихъ подобныхъ поруганій. Чтобъ вашему превосходительству осязательнѣе и точнѣе изобразить такіе варварскіе поступки, хочу я здѣсь кратко изложить нѣкоторые случаи, бывшіе частью съ нѣкоторыми иностранными министрами, частью же съ офицерами, и беру на свою душу, что все, здѣсь передаваемое мною, есть суцая правда.

«1699 года, были арестованы шведскіе посланники за то, что маршалъ ихъ посольства, г. фонъ Ранкъ, имѣлъ столкновеніе съ бренденбургскимъ посломъ и скрывался отъ царя, который говорилъ: «если сказаннымъ посланникамъ голова ихъ маршала дороже собственныхъ головъ, то пускай его не представляютъ — расплатятся своими головами!» Шведовъ держали до тѣхъ поръ подъ арестомъ, пока комиссаръ ихъ, Книперкронъ, не представилъ маршала, которого и заключили въ оковы и въ тюрьму.

«1700 года, генераль и посланникъ польскій, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами и пр. и пр. за то, что онъ не позволялъ надъ собою шутить царскому любимцу, нѣкому персннику (Bäcker jungen), по имени Александру Даниловичу Меншенкоффу (Menschenkopff) ²⁾. Въ тотъ же годъ, генераль-майоръ Брюстъ (Brust, т. е. Брюсъ) долженъ былъ брать приступомъ Нарву безъ артиллеріи, пороха и ядеръ. Когда же ему это не удалось, то посадили этого способнаго артиллериста на пять мѣсяцевъ въ оковы, а жена его раздѣляла ложе съ Александромъ Даниловичемъ Меншенкоффомъ, и только чрезъ это Брюсъ снова вошелъ въ милость.

«Въ 1700 и 1701 годахъ, датскій посланникъ долженъ былъ много вынести за то, что его король заключилъ миръ со шведами. Невѣроятно, сколько комиссаръ Огинскаго, Бялосоръ въ 1702, 1703 и 1704 годахъ получилъ пощечинъ отъ его царскаго величества. Со-

¹⁾ Такъ было названо распубликованное въ Германіи отъ Паткуля приглашеніе и условія о вступленіи иностранцевъ въ русскую службу.

²⁾ Въ брошюрѣ, въ насмѣшку, перечислены такіе образцы фамилій.

держаніе жены шведскаго резидента Книперкрона, а также и прочихъ шведскихъ служащихъ и плѣнныхъ таково, что о томъ можно болѣе соболѣзновать, нежели рассказывать. У французскаго посланника, когда тотъ уѣзжалъ, удержано царемъ изъ содержанія 1300 рублей.

«Полковнику Бодевину, по царскому повелѣнію, отрублена голова, а тѣло впродолженіи четырехъ недѣль валялось, къ посрамленію вѣмедкой націи, въ грязи до тѣхъ поръ, пока не съѣли его вороны и собаки, и все это за то, что его слуга закололъ фельдшера царскаго любимца. Поручикъ Крассауенъ такъ же долго оставался на вистѣлицѣ, съ которой потомъ брошенъ въ живодерню. О нихъ я донесу вашему превосходительству словесно, такъ какъ рассказывать объ этомъ здѣсь было бы очень долго. Случилось это въ 1703 году, тогда же, когда капитанъ Сакое долженъ былъ получить пощечину отъ палача и лишиться головы; однако послѣ онъ былъ только въ немилости и сосланъ въ Сибирь.

«У шведскаго посольства удержано 3000 р.; у прусскаго посланника недавно отнято 1600 талеровъ. Персидскаго посланника держали два года подъ арестомъ и взяли у него все, что онъ имѣлъ. Турецкаго посла, бывшаго въ настоящемъ (1704) году, принимали на аудіенціи какъ слугу, а впереди онъ имѣеть терпѣть еще горшее.

«Какъ поступилъ царь съ дѣвицею Монсъ, своею возлюбленною, когда къ ней сталъ вѣсколько близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ. Польскій воевода долженъ былъ получить 40,000 долгу; и хотя ему съ клятвами и несомнѣнными ручательствами обѣщана была уплата, однако онъ кончилъ жизнь въ Сибири.

«Наставникъ наслѣднаго принца, по имени Нейбауеръ (Neubauer), долженъ былъ потерять голову за то, что просилъ принца, чтобъ онъ не клалъ обглоданныя кости на блюдо, съ котораго онъ съ прочими ѣлъ. Наконецъ, послѣ долгаго и тяжкаго заключенія, Нейбауеръ хотя избавился отъ смертной казни, однако заплатился всѣмъ, что имѣлъ, и потомъ принужденъ идти просить милостыню, а между тѣмъ онъ былъ рекомендованъ польскимъ королемъ и ничего дурнаго не сдѣлалъ.

«Полковникъ Штраобергъ наказанъ воеводою города, гдѣ онъ стоялъ въ гарнизонѣ, батогами единственно потому, что не хотѣлъ дѣйствовать вопреки царскаго указа. Батогами называются небольшія жидкія палки длиною съ аршинъ. Ихъ берутъ служители въ руки и садятся на голову и ноги раздѣтаго чловѣка и бьютъ его палками до тѣхъ поръ, пока двадцать или тридцать изъ нихъ не изломаются; потомъ, наказываемаго переворачиваютъ и бьютъ по животу, наконецъ—по бедрамъ и икрамъ.

«Майоръ Кирхенъ, капитаны Лигницъ, Горшеръ и Сибургъ были неожиданно призваны въ Blot prikase (?), гдѣ и были посажены на

нѣсколько дней между грабителями, мошенниками и ворами, и были бы до смерти замучены, когда бы датскій посланникъ съ прусскимъ министромъ Принцемъ не вступились за этихъ невинныхъ. Причиною такого съ ними обхожденія было то, что слуга ихъ донесъ, что они посылають изъ Россіи письма подъ кувертами польскаго и датскаго пословъ. Когда умеръ польскій посланникъ и его братъ пріѣхалъ за наслѣдствомъ, то ему ничего не отдали, кромѣ одежды, двухъ стѣнныхъ часовъ и нѣсколькихъ сѣделъ; трехлѣтнее содержаніе и имущество покойнаго удержано.

«Майора Кирхена царь въ Архангельскѣ, передъ полкомъ, въ присутствіи голландскихъ и англійскихъ купцовъ, также морскихъ офицеровъ, назвалъ е... м... (Hugen Sohn) и, плюнувъ ему въ глаза, выхватилъ у него шпагу и бросилъ ее къ ногамъ, говоря: «Ты, е... м..., хочешь быть майоромъ, а не стоишь быть мушкетеромъ!» И это за то, что Кирхенъ, прослуживъ цѣлый годъ майоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному русскому. Подполковникъ артиллеріи Гунтеръ, человекъ подобнаго которому царь не имѣетъ, сидѣлъ семнадцать недѣль въ жестокомъ заключеніи за споръ о рангѣ съ пѣхотнымъ полковникомъ, и до сихъ поръ находится въ большой опасности, несмотря на оказанныя имъ услуги. Капитанъ Лудвигъ, прибывъ волонтеромъ къ осадѣ Нотебурга — а такимъ волонтерамъ царь обѣщалъ по 300 рублей и майорскій чинъ — потерялъ потомъ майорское жалованье и 100 рублей и получилъ отъ царскаго величества собственноручную пощечину во время входа въ Москву за то, что онъ, для правильнѣйшаго расположенія орудій, положилъ въ одну яму дерево, которому царь хотѣлъ дать иное назначеніе. Капитаны: Николаи, Лагерманъ, Вагнеръ и другіе не получили частью майорскаго содержанія, частью награжденія. У полковника Жиронжа, который очень хорошо себя велъ, было удержано 300 р. Нынѣ его вовсе исключили, и онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ инженеромъ Ла Мотомъ и генераломъ Корренбергомъ, изъ Россіи возвратиться моремъ. Для этого они отправились въ Архангельскъ, однако тамъ было повелѣніе у воеводы задержать ихъ всѣхъ, такъ какъ изъ Россіи нелегко отпускаютъ офицеровъ, изъ опасенія, чтобъ они потомъ не рассказывали о происходящемъ тамъ. Поэтому я самъ долженъ былъ подъ страхомъ смерти выбраться изъ страны; однако, я не обращалъ на это вниманія, въ надеждѣ получить себѣ свободу и не будучи въ состояніи быть долѣ свидѣтелемъ страданій и позора моихъ соотечественниковъ, а тѣмъ менѣе самъ переносить ихъ.

«Помянутый генералъ фонъ Корренбергъ прибылъ въ Россію въ 1703 году, привезъ съ собою на свой счетъ восемь офицеровъ и растратилъ притомъ очень много денегъ. Впоследствии хотя онъ былъ сдѣланъ царемъ генералъ лейтенантомъ, однако два мѣсяца спустя, въ Петербургѣ, царь въ собственной палаткѣ приказалъ слугѣ Пат-

куля накажутъ его, а потомъ тотчасъ отослалъ въ Москву, гдѣ Корренбергъ совѣтъ издержался и, наконецъ, просилъ почти милостыню, а между тѣмъ царь ему остался долженъ 1000 рейхсталеровъ. Изъ Россіи выпустить Корренбергера не хотѣли, денегъ онъ не получалъ, наконецъ, послали его съ полковникомъ Жиронжемъ въ Архангельскъ, а въ настоящее время они, можетъ быть, въ Сибири. Офицерамъ, которыхъ онъ съ собою привезъ, не дали ни денегъ, ни завятій, и они уже изъ нужды должны были принять то, что могли имъ предложить.

•Неблагодарность противъ людей и жестокость этого государя невѣроятны. Величайшій его любимецъ (mignon), генеръ Лефортъ, оказавшій царю большія и важныя услуги, едва только умеръ, какъ велѣно было отобрать отъ семейства его не только деревни, дома, золото, серебро, мебель, вино въ погребахъ, но даже платье и бѣлье покойнаго; а долги, однако, должны были уплатить оставшіеся наслѣдники и друзья, хотя имъ было такъ мало оставлено, что на то едва могли кормить и одѣвать себя. Одинъ курьеръ шведскаго короля, по имени Баронъ, былъ наказанъ въ 1700 году, въ Новгородѣ, кнутомъ. Барона потомъ послали къ Нарвѣ, и здѣсь онъ былъ вымѣненъ при помощи пораженія, которое шведы нанесли русскимъ. Капитана Гуммера царь послалъ въ Нарву, гдѣ тотъ былъ узнанъ и повѣшенъ. Послѣ того, у его жены и дѣтей отняли прекрасный домъ и все имущество, а платье и бѣлье раздѣлено между нѣкоторыми русскими дворянами. Кто изъ нѣмцевъ имѣетъ хорошій домъ, тотъ въ ежедневной опасности, что у него возьмутъ его и надѣлятъ другимъ. Подобное случилось съ купцомъ Мейеромъ, также съ однимъ капитаномъ, котораго домъ достался военачальнику Шереметеву, и со многими другими.

•Капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шпицрутенами изъ шомноловъ, а передъ тѣмъ генералъ изъ русскихъ, переломивъ собственноручно его шпагу и сказавъ: «теперь я хочу тебя ошельмовать» — далъ ему пощечину.

•Я бы могъ сообщить вашему превосходительству тысячу подобныхъ милыхъ исторій, еслибъ не боялся распространить тѣмъ мое письмо, которое и безъ того выходитъ длиннымъ. При всемъ томъ, я писалъ его съ намѣреніемъ просить ваше превосходительство издать его въ свѣтъ, какъ полезное объявленіе и предостереженіе нашему народу и всѣмъ честнымъ людямъ, особенно нѣмецкимъ офицерамъ, которые должны беречься Россіи. Сверхъ того, да будетъ извѣстно, что если нѣмцы въ русской службѣ попадаютъ въ плѣнъ къ туркамъ или шведамъ, то ихъ никогда не выкупаютъ, почему въ плѣну съ ними обходятся дурно. Шведы, впрочемъ, поступаютъ съ плѣнными болѣе по христіански, нежели русскіе. И при всемъ томъ послѣдніе думаютъ, что они только христіане, а шведы, и въ особенности всѣ нѣмцы, не болѣе, какъ бусурманы и язычники.

«Какъ скоро Господь поможетъ мнѣ счастливо возвратиться къ вашему превосходительству, я займусь изданіемъ въ свѣтъ описанія нравовъ этого государства, тамошнихъ обмановъ, идолопоклонничества, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти противъ иностранцевъ, неспособности, лѣности, волшебства (!), не-вѣрности, похищенія нѣмецкихъ женъ и дѣтей (какъ напримѣръ, Шереметевымъ изъ Вѣны, другими изъ Силезіи, Пруссіи, и Польши), все это съ подробнымъ прибавленіемъ объ ужасномъ и жестокомъ убійствѣ полковника Бодевина и тяжеломъ процессѣ надъ поручикомъ Крассау и капитаномъ Саксеномъ. Тогда сдѣлаются известными всѣ пороки русскихъ. Я дамъ этому описанію заглавіе «Новополярное русское зеркало» и намѣренъ приподнести его въ подарокъ этимъ милымъ людямъ на новый годъ. Въ особенности тамъ будутъ опубликованы злостные поступки и насилія сказаннаго царскаго любимица съ нѣмками и потомъ навязываніе ихъ нѣмецкимъ офицерамъ, какъ это уже было съ нѣсколькими честными людьми. Полковникъ Реннъ давно былъ бы наказанъ кнутомъ, когда бы жена его благоразумно не вмѣшалась въ дѣло. Чтò голландскій резидентъ въ послѣднее вшествіе царскаго величества былъ побитъ на улицѣ—о томъ, быть можетъ, уже извѣстно. Въ заключеніе, повторяю вашему превосходительству мое ходатайство споспѣшествовать преданію печати настоящаго письма... Пусть всѣ вздыхающіе нѣмцы будутъ утѣшены тѣмъ, что ихъ соотечественники еще думаютъ о нихъ и обрекаютъ обманувшихъ ихъ заслуженному наказанію. За тѣмъ, почтительнѣйше предавая себя въ распоряженіе вашего превосходительства, остаюсь покорнѣйшимъ слугою N N.

Это сочиненіе Нейгебауера потомъ перепечатывалось много разъ съ новыми добавленіями ¹⁾, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть

¹⁾ Въ Публичной Библиотекѣ, кромѣ переведеннаго нами, есть слѣдующія изданія брошюры Нейгебауера: 1) Schreiben eines vornehmen Teutschen Officirers an einen Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken; jetzo zum achtenmahl nachgedrückt und mit unterschiedenen neuen Historien und Anmerkungen vermehret. Anno 1705 (4°, 32 нум. листа); 2) Schreiben... также, какъ въ предыдущемъ, съ измѣненіемъ только словъ: Jetzo zum neunten mahl... 1705 (4°, 20 нем. л.); 3) Vertrautes Schreiben eines vornehmen Teutschen Officirs an eines gewissen hohen Potentatens Geheimen Rath von der jetzigen Conjecturen in Moscau, sonderlich den sehr harten Verfahren Sr. Czaaris. Maj. an denen frembden Teutschen Ministern und Officirern. Im Jahr 1705 (4°, 44 нум. стр.); 4) Сначала тоже заглавіе, что въ двухъ первыхъ, съ прибавленіемъ въ концѣ: «Jetzo über die vielfältig gedruckten Exemplarien richtig nachgedruckt und verbessert, wie auch mit unterschiedenen neuen Historien und Anmerkungen vermehret. Anno 1705 (4°, 52 нум. стр. экзем. неполный). Первые два изъ приведенныхъ здѣсь изданій одинаковы между собою; въ третьемъ добавлено (стр. 30—32) письмо на франц. и нѣм. языкахъ полковника Жиронжа, подтверждающее рассказы Нейгебауера о русскомъ дворѣ; на стр. 40—43, вставлены новые анекдоты о жестокостяхъ съ шведскими пѣнными и нѣмецкими офицерами Бутурлина и Оловескаго. Четвертое сходно съ третьимъ, но письмо Жиронжа на одномъ французскомъ языкѣ.

полезны для справокъ нашимъ изслѣдователямъ. Такъ напр., о дѣвицѣ Монсъ находимъ слѣдующія новыя подробности:

«Бго царское величество отнялъ у нея всё драгоценныя камни, портреты, домъ и деревни, такъ что у нея ничего не осталось, кромѣ того, что успѣла тайно передать въ домъ прусскаго посланника. Сверхъ того, Монсъ должна ежедневно ожидать ссылки или въ монастырь, или въ Сибирь и не смѣетъ никуда показаться въ общество. Причина такого обращенія съ ней слѣдующая: дѣвица эта, съ согласія царскаго величества, была помолвлена съ саксонскимъ посланникомъ Кёнигсъекомъ, который года два тому назадъ, напившись у царя, утонулъ. Тогда за Монсъ сталъ ухаживать прусскій посланникъ и просилъ содѣйствія министра Меншенкота (новая передѣлка, въ насмѣшку, фамилии Меншикова — Menschen Koth), такъ какъ Кёнигсъекъ уже умеръ, и была надежда, что царь будетъ столько же милостивъ къ прусскому посланнику, какъ и къ первому претенденту на руку Монсъ. Меншенкотъ обещался ходатайствовать о томъ передъ царемъ, на дѣль же такъ вооружилъ послѣдняго противъ бѣдной Монсъ, что скоро и она, и посланникъ подверглись большой опасности. Почему Меншенкотъ поступилъ такимъ образомъ, то можетъ догадаться всякой, пробывшій въ Россіи лѣтъ двадцать. Между царскимъ величествомъ и дѣвицею Монсъ иногда происходили, въ присутствіи сестры царя, Натальи Алексѣевны, въ домѣ Фаденбрехта, такіе разговоры, которые слѣдуетъ проходить молчаніемъ изъ скромности. Дѣтей, которыхъ Монсъ рождала въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, роздала по крестьянамъ и они держутся и воспитываются, какъ крестьянскіе дѣти. Царь не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, что по крайней мѣрѣ даетъ возможность матери болѣе помогать имъ».

Къ краткому извѣстію въ первомъ изданіи брошюры о Нейгебауерѣ, въ слѣдующихъ отдѣлахъ также добавленіе, гдѣ рассказано, что его сначала задерживали подъ разными предлогами въ Россіи, а потомъ вдругъ прислали къ нему на дворъ подводы, чтобы немедленно отправляться изъ Москвы въ Архангельскъ, отчего Нейгебауеръ былъ принужденъ покинуть своихъ лошадей и вещи. Къ Архангельску его везли подъ присмотромъ приставовъ, а тамъ снова не хотѣли выпускать за море, такъ что ему стоило много трудностей наконецъ спастись съ однимъ копенгагенскимъ бюргеромъ.

Не прошло года послѣ появленія этого жолчнаго пасквиля, какъ въ Пруссіи состоялось о немъ такое постановленіе:

«Фридрихъ, король прусскій и проч. Понеже мы съ особливимъ неудовольствіемъ узнали, что съ нѣкотораго времени, тамъ сямъ появляются и печатаются различныя сочиненія, клонящіяся къ немалому омраченію славы царя, его министровъ и вообще московскаго народа, и какъ мы не желаемъ и не можемъ допустить, чтобы въ нашемъ королевствѣ и провинціяхъ распространялись неразумными и

злостными людьми сочиненія противъ столь великаго монарха, нашего вѣрнаго друга и брата, то симъ всемялостивѣйше и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строжайше повелѣваемъ: имѣть крѣпкій надзоръ, чтобы подобныя сочиненія, и въ особенности нѣкоторое описаніе, озаглавленное «Письмо» знатнаго офицера къ тайному совѣтнику, нигдѣ не раздавались, не продавались и не выставлялись. Если бы таковыя у кого нибудь нашлись, или попались, то принимать владѣтеля за пасквилянта (могутъ имѣть подобныя сочиненія только тѣ, кто ихъ желаетъ) и строжайше взыскивать лично, или на имущество его, смотря по мѣрѣ преступленія. Впрочемъ же, все подобныя скандалезныя противъ царя сочиненія сжигать чрезъ палача.

Эдиктъ такого же точно содержанія послѣдствовало издать и саксонское правительство, что, впрочемъ, не помѣшало ему вскорѣ измѣнить Петру и передаться постыдливѣйшимъ образомъ на сторону нашего тогдашняго врага, Карла XII. Разумѣется, подобный образъ дѣйствія саксонскаго правительства, готоваго преслѣдовать брошюру противъ Россіи оскорбленнаго нѣмца и въ то же почти время рѣшившагося измѣнить союзу съ той же Россією, не могъ принести существенной пользы нашему отечеству.

Кромѣ юридическихъ преслѣдованій, брошюра подала поводъ и къ печатнымъ разувѣреніямъ, обращеннымъ къ нѣмецкой публикѣ. Въ августѣ 1705 г., напечатано объявленіе (на нѣмецкомъ языкѣ) отъ имени нѣкоего Симона Петерсена, изъ Альтоны, что письмо нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику направлено къ оскорбленію величества царя, что объявляющій восемь лѣтъ служить въ русской службѣ и находитъ писанное въ брошюрѣ все подъ рядъ ложнымъ, почему проситъ читателей не вѣрить сочинителю пасквиля. Въ концѣ сдѣлано воззваніе къ государямъ объ оскорбленіи сочинителемъ величества, что можетъ, по мнѣнію Петерсена, подать, если не принять надлежащихъ мѣръ, поводъ къ нарушенію спокойствія даже цѣлыхъ королевствъ.

Однако, все это казалось недостаточнымъ для сокрушенія помянутаго письма и противъ него, въ 1706 году, явилось на нѣмецкомъ языкѣ опроверженіе съ такимъ замысловатымъ заглавіемъ: «Пространное обличеніе преступнаго и клеветана наполненнаго пасквиля, который за нѣсколько времени передъ симъ былъ изданъ въ свѣтъ подъ титуломъ: «Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера» и проч.; въ каковомъ обличеніи преподаны справедливыя свидѣнія объ обхожденіи въ Москвѣ съ иностранцами вообще и съ шведскими пленными въ особенности, также о московскомъ дворѣ и военномъ управленіи. Все изъяснено любопытными примѣчаніями, историческими, политическими и литературными. Напечатано съ экземпляра, вышедшаго въ Нарвѣ въ 1705 году».

Изъ уцѣлѣвшей автобіографіи барона Гюйсена (см. ниже) узнаемъ,

что это обличеніе написано было ямъ.... «Сія книга (говорить онъ) отъ государева двора въ двухъ грамотахъ апробована и похвалена была, да тысячу рублевъ за почестъ и трудъ общаю, а еще ничего не заплачено. Идъ ежели какой адвокатъ (правдословъ), во благо собственного лица, такую десеписю, или заступительную книгу, изготавлють, какъ оя моя книга съ радостяымъ похваленіемъ принята была, то бы онъ больше того за награжденіе обыкновенно проситъ и получить могъ, якоже то многими прикладами, въ чужестранныхъ земляхъ случившиися, показать можно....»

Въ обличеніи Гюйбена прежде всего цитуются сочиненія, въ которыхъ говорилось съ похвалою о царѣ и которыя написаны были, какъ самъ баронъ повѣдалъ послѣ въ своей автобіографіи, подъ его собственнымъ же руководствомъ. «Поэтому не несправедливо изумился я (продолжаетъ онъ въ печатномъ обличеніи), когда, за нѣсколько времени предъ оимъ, увидалъ нѣкоторый пасквиль, подъ заглавіемъ «Письмо знатнаго нѣмецкаго офицера» и проч. Съ любопытствомъ прочитавъ его, я не мало горевалъ объ одномъ добромъ пріятелѣ, который живетъ въ Москвѣ, и во мнѣ постепенно возникало сомнѣніе, долженъ ли я исполнить желаніе его рекомендовать въ Россію нѣкоторыхъ изъ моихъ знакомыхъ? Нельзя не сознаться, что это ядовитое сочиненіе по обстоятельствамъ, времени, мѣсту, по приведеннымъ тамъ ссылкамъ на множество живыхъ и извѣстныхъ лицъ, наконецъ по изложенію яснымъ и увѣрительнымъ тономъ, не можетъ не ослѣпить своею лживою наружностью тѣхъ, которымъ неизвѣстно настоящее положеніе страны, и до такой степени, что если вѣрить половинѣ того, что тамъ сообщено, то этого уже было бы достаточно возбудить въ каждомъ ужасъ, омерзѣніе и отвращеніе къ той странѣ. Особенно это сочиненіе наило себѣ столь большую вѣру и такое одобреніе у одной соседственной націи, что она выдаетъ его за величайшую въ мірѣ истину и разсылаетъ даже экземпляры въ Гамбургъ и другіе большіе города, а при дворахъ распространяетъ чрезъ посланническихъ проповѣдниковъ и служителей.»

Затѣмъ говорится, что о Россіи стараются только распространять дурные слухи, умалчивая о хорошемъ, съ цѣлью отвлеченія иностранцевъ поступать въ русскую службу, и что много выходитъ разныхъ сочиненій противъ разныхъ правительствъ и государствъ, но ни одно такъ не грубо, не безстыдно и недостойно руки палача, какъ упомянутое письмо, написанное съ неслыханною дерзостью. Послѣ того, авторъ обличенія старается увѣрить читателей, что нѣкоторый владѣтельный князь, читая описанія путешествій, уважалъ славные подвиги Петра; но когда прочелъ письмо нѣмецкаго офицера, то сталъ колебаться въ своемъ мнѣніи и послалъ автора обличенія въ Россію изслѣдовать обстоятельно и на мѣстѣ справедливость взве-

денныхъ на нея обвиненій. Во исполненіе будто бы этого-то порученія и явилось въ свѣтъ обличеніе.

Авторъ пасквиля (пишетъ Гюссентъ) съ цѣлью, чтобъ дали болѣе вѣры ему и его легендѣ тѣ, которые будутъ ее читать, не боится pro caritate benevolenciae, вмѣсто клятвы, выразить такое утверженіе: я беру на свою душу, что весь мой рассказъ справедливъ. Однако, кому извѣстны отъ юности его жизнь и дѣянія, а также всякому разумному человѣку, который внимательно и безпристрастно прочтетъ его книгу, будетъ казаться душа автора жестокою, безбожною и мстительною, но никакъ не разумною, христіанскою душою, и вообще легко усмотрѣть, что автора mala mens et anima pessima воодушевляли, диктовали его перу грубыя лжи и подбили его къ изданію ихъ въ свѣтъ. Еслибъ кто и не зналъ, что онъ уже три года обдумывалъ это сочиненіе, то все таки долженъ сказать, что авторъ приобрѣлъ habitum infuzum mendicandi и сильную склонность ко лжи отъ того, который изначала называется отцемъ лжи. Что можетъ ощущать душа этого безбожнаго поносителя чести, когда онъ всю свою жизнь говорилъ противное истинѣ, оспаривалъ любовь къ ближнему, находилъ удовольствіе и охоту только въ стравливаніи людей между собою, въ одѣлываніи ихъ несчастными или недовольными; когда онъ не ходилъ ни въ какую церковь, святыхъ таянъ не читалъ, принималъ сегодня одну, завтра другую религію, смотря по выгодамъ, которыя изъ того надѣялся извлечь; когда часто, мучимый черною жолчью, себя самого или другихъ покушался умертвить?...

«Что генералъ и посланникъ польскій, баронъ Ланге, въ Москвѣ былъ худо принимаемъ — это безстыдная ложь. Самъ баронъ, какъ скоро освободился изъ шведскаго плѣна, всюду открыто высказывалъ и готовъ былъ письменно объявить, что будетъ опровергнуто все, что написалъ архи-шельма (Erz-Schelm), похититель чести и клеветникъ въ своемъ пасквилѣ какъ о немъ, такъ и о многихъ другихъ знакомыхъ ему лицахъ и извѣстныхъ событіяхъ въ нарушеніе всякой истины. Расскажемъ откровенно то, что случилось при одномъ празднествѣ и что безстыдный пасквилянтъ, по своему обыкновенію, описалъ черными красками. На этомъ праздникѣ, по старинному нѣмецкому обычаю, въ Москвѣ напился очень сильно и стражъ было приказано не выпускать никого изъ приглашенныхъ гостей безъ высочайшаго повелѣнія. Когда, поэтому, барона Ланге нескоро хотѣли пропустить, то онъ, ударивъ кулакомъ въ лицо караульнаго, который было загородилъ ему дорогу, сталъ его таскать за волосы и повалилъ на землю. Князь Александръ Даниловичъ, бывшій хорошимъ пріятелемъ посланнику, пришелъ на шумъ и кротко уговаривалъ барона, дружески внушая ему притомъ, что караульный, дѣйствуя по давнему приказанію и не зная лицъ, не заслуживаетъ такого обхожденія съ нимъ. Баронъ, будучи въ опьяненіи, отвѣчалъ громко и съ

историческими телодвижениями, что онъ, когда бы это было въ нѣмъ мѣстѣ, хотѣлъ бы другихъ доказательствъ, и тѣмъ далъ почувствовать, что желаетъ вызвать на дуэль. Когда его царское величество подошелъ также и узналъ о происшедшемъ, то сказалъ только шутя Ланге: «*Mun heeg, vveel dy fechten, kam fest een reis met mi*», такъ какъ это онъ отдалъ приказаніе стражѣ не выпускать никого изъ комнатъ безъ его дозволенія. Потомъ все и все скоро было забыто, добродушно покончено и на другой день обращено въ смѣхъ и написано все ввину. Происходить ли часто подобныя *gensontres inter rosia* при другихъ дворахъ — то знаютъ лучше придворные, особенно если они принимаютъ тамъ участіе въ короткихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, если было бы оправдливо, что въ Москвѣ такъ или иначе дурно обращаются съ иностранными министрами, то, во-первыхъ, было бы это извѣстно изъ газетъ или публичныхъ актовъ, наконецъ, по слухамъ отъ достойныхъ лицъ, заслуживающихъ вѣрностія. Невозможно предположить, чтобъ государи и владѣтели не отплатили за подобныя оскорбленія своихъ министровъ и представителей, или же упустили бы случай воздать московскимъ министрамъ, посылаемымъ къ иностраннымъ дворамъ, равномѣрное возмездіе тѣмъ или другимъ какимъ способомъ.

«Во-вторыхъ, ни одинъ министръ не хотѣлъ бы вернуться въ Москву, такъ какъ ихъ званіе тамъ унижается и не считается неприкосновеннымъ, какъ при другихъ дворахъ. Хотя бывали примѣры, что нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ, возвратясь изъ Москвы, ругали Россію и не мало жаловались, что въ бытность ихъ тамъ, особенно на праздникахъ, сильно терпѣли отъ пьянства даже во вредъ своему здоровью; однако замѣчено, что это говорилось или для того, чтобъ выказать особенныя заслуги свои предъ своими государями, изъ приверженности къ которымъ и на служеніе имъ они столько претерпѣвали, или чтобъ отбить у другихъ охоту ѣхать посланникомъ въ Москву и такимъ образомъ удержать за собою монополію московскихъ дѣлъ. Можно даже назвать нѣсколькихъ, которые публично жалуются на посольство въ Москву, а подъ рукою употребляютъ воѣ усилія, чтобъ имъ было оно снова поручено».

Любопытны опроверженія Гюйсена, когда дѣло доходитъ до Меншикова. Ругнувъ порядкомъ автора брошюры за неуваженіе, съ которымъ онъ отзывается о «знаменитомъ родовомъ прозваніи» всецѣльнаго любимца, онъ утверждаетъ, что Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи на Литвѣ и что отецъ его былъ оберъ офицеромъ оменовскаго полка. Само собою разумѣется, что доказательствъ тому Гюйсенъ никакихъ не могъ привести, но за то съ избыткомъ хвалилъ (что гораздо легче) личныя качества своего патрона. Притомъ, онъ говоритъ, что, во уваженіе блестящихъ качествъ Меншикова, римскій императоръ «по собственному побужде-

нию возвелъ его въ достоинство имперскаго князя. Это обстоятельство Гюйссенъ самъ опровергъ послѣ въ своей автобіографіи, рассказывая, что онъ нарочно ѣздилъ въ Вѣну съ цѣлью выхлопотать княжескій титулъ Меншикову, который уже давно добивался его.

Вопросъ о родѣ Меншикова можетъ имѣть значеніе для серьезнаго историка лишь въ томъ отношеніи, когда происхожденіе его изъ народа можетъ служить подтвержденіемъ того замѣчательнаго явленія, что Петръ Великій, замислуя, между прочимъ, у европейскихъ народовъ не мало феодальнаго хлама, никогда неимѣвшаго значенія въ Россіи, въ то же время въ своемъ характерѣ и направленіи имѣлъ много демократическаго: для него не существовало сословныхъ предразсудковъ и онъ выбиралъ въ приближенные къ себѣ и возвышалъ людей вѣкъ сословій, кто ему только казался способнымъ исполнить его замыслы; отъ этого у него близкими людьми и даже любимцами были изъ сыновей историковъ, перекрещенныхъ жидовъ, даже изъ каютныхъ слугъ и т. д. (Ягужинскій, Шафировъ, Девіеръ и мн. др.) Обстоятельство, былъ ли Меншиковъ дворяниномъ, и доказательства тому важны только для тѣхъ, кто не понимаетъ исторіи иначе, какъ сборникомъ дипломовъ и официальныхъ грамотъ.

Расхваливъ Меншикова, Гюйссенъ въ своемъ описаніи переходитъ къ Брюсу: «господинъ Брюсъ, артиллерійскій генералъ-майоръ, человекъ умный и прилежный, котораго его царское величество, за его вѣрныя службы и знанія въ математикѣ, артиллеріи и военномъ искусствѣ, назначилъ новгородскимъ губернаторомъ и предсѣдательствующимъ въ пушкарскомъ приказѣ, гдѣ производятся дѣла, относящаяся до артиллеріи и всякаго рода оружія. Онъ происходитъ изъ древней шотландской фамиліи, изъ которой вышло нѣсколько королей и въ особенности известный Робертъ Брюсъ или, по латини, Брусціусъ; что можно найти у шотландскаго историка Буканана и у многихъ другихъ. Его отецъ былъ заслуженный полковникъ, стоявшій съ полкомъ 12 лѣтъ въ Поковѣ и, наконецъ, произведенный царемъ въ генералъ-майоры.

«Въ 1701 году, генерала Брюса (сына) послали на скоро обсаждать Нарву, а также онъ долженъ былъ доставить туда изъ Новгорода нужные военные припасы для войскъ, которыя за нимъ слѣдовали изъ разныхъ мѣстъ. Это повелѣніе онъ не исполнилъ съ надлежащею быстротою, почему многіе подвѣдомственные ему артиллерійскіе служители, вопреки желанію и указу царя, остались позади. Это обстоятельство и было сначала поводомъ къ обвиненію генерала: его арестовали и отдали при Нарвѣ подъ военный судъ. Однако, по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда были выслушаны оправданія Брюса и когда они найдены основательными, его освободили съ возвращеніемъ прежняго званія и допущеніемъ къ исправленію высшихъ должностей. Какимъ же образомъ его уважаемая супруга могла сно-

соботствовать къ освобожденію мужа у князя Александра Давыловича, то нѣкимъ образомъ представить себѣ невозможно. Въ то время она находилась въ Москвѣ и, слѣдовательно, за 130 миль отъ Нарвы, гдѣ былъ князь Александръ Давыловичъ. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, мало думали о дамахъ, а между тѣмъ Брюсъ былъ освобожденъ гораздо прежде прибытія въ Москву Мемшикова. Вызвать съ тѣмъ извѣстно, что эта самая дама, имѣла достойная любви и уваженія, довольно полна, извѣстныхъ лѣтъ, прекрасной репутаціи, совершенно христіанскою жизни и поведенія, и болѣе всего занята заботами о своемъ хозяйствѣ, нежели галантными похождениями.

Нѣсколько словъ, оказанныхъ мимоходомъ въ брошюрѣ о дѣвцѣ Монсъ, подали поводъ Гюйссену къ нѣкоторымъ подробностямъ, заслуживающимъ пменно по тому вниманію, что онѣ изложены лицомъ, близко знавшимъ, конечно, всѣ обстоятельства дѣла и, вслѣдствіе того, обходившимъ осторожно самую сущность дѣла.

Прежде всего надобно замѣтить, что отецъ Монсовъ (Mons de la Croix), родомъ изъ Франціи, былъ сынъ содержателя таверны (Weinschenke), который сначала поселился въ Ригѣ, а оттуда перешелъ въ Москву и жилъ тамъ въ Нѣмецкой слободѣ. Старшая дочь Монса, кромѣ красоты, которою были одарены всѣ Монсы, имѣла привлекательный характеръ, много ума и доброты. Часто бывая въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ сильно полюбилъ ее ¹⁾ и не щадилъ ничего, чтобы ей понравиться; но Монсъ чувствовала рѣшительную склонность къ прусскому посланнику Кейзерлингу и тайно была обручена съ нимъ. Царю, наконецъ, попалось письмо ея, изъ котораго видно было, что она любитъ Кейзерлинга и это было первою причиною несчастья Монсовъ. Впрочемъ, она, несмотря ни на что, вышла скорѣе замужъ за Кейзерлинга. Младшій братъ ея, красавецъ Монсъ де ла Круа, былъ любимымъ камергеромъ Екатерины I. и за то погибъ на плахѣ въ 1724 году, не задолго до кончины Петра. Другая сестра его, бывшая замужемъ за Балкомъ, носила послѣ званіе оберъ-госмейстерины герцогини мекленбургской, Екатерины Іоанновны. Привлеченная къ дѣлу о ея братѣ, Балкъ была тогда наказана кнутомъ и сослана въ Сибирь; но, по вступленіи на престолъ Екатерины I, тотчасъ же возвращена и принята непрежнему ко двору. Вотъ что находимъ у Гюйссена касательно семейства Монсовъ по случаю первой немилости ихъ при дворѣ:

«Покойный генералъ Лесортъ, вонорѣ по прибытіи въ Москву, по-

¹⁾ Гваріентъ, при оцѣнѣ возвращенія царя изъ за границы, доложилъ (12 сентября, 1698 года): «Man hat aber mit Verwunderung ansehen müssen, dass der Czar wieder alles besseres Vermüethen nach so langer Abwesenheit annoch von der alten uerloschener passion regiert und gleich bei dero Ankuft einem ganz gemeinen lutherischen Menschen der Mon-sischen Tochter (dero Vater ein Weinhandler gewesen) als seiner und des LeFortte öffentlicher Publerin die erste visite abgelegt... Исторія П. В., Устрелова, II, 621.

сѣнцаль Монсовъ, которые принимали его очень гостеприимно. Потомъ, когда Лесортъ имѣлъ случай выказать при стрѣльцкомъ возмущеніи, въ 1686 году, свою приверженность къ царю и былъ награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ, изъ похвальнаго великодушія, остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья. По этому—то самому, онъ въ свою послѣднюю болѣзнь ходатайствовалъ усильнѣннѣмъ образомъ у его царскаго величества милости и покровительства Монсамъ. Исполняя всемилоствѣннѣшія обѣщанія, данныя умирающему, государь щедро осыпалъ милостями, благодѣяніями и подарками всѣхъ Монсовъ. Такимъ образомъ имъ не только пожалованы были имѣнія и разныя угодья, но и дарованъ ежегодный значительный пенсіонъ, а также построены на счетъ царской казны огромный каменный палаццо въ слободѣ (Нѣмецкой), близъ лютеранской новой кирки. Даже въ присутственныхъ мѣстахъ принято было за правило: если *madame* и *mademoiselle* Монса не имѣли дѣла и тяжбы собственныя или друзей своихъ, то о томъ дѣлалась особенная *reflexion salva justitia*, и вообще Монсамъ въ дѣлахъ до нихъ имѣній должно было оказывать всякое содѣйствіе.

«Они этимъ снохожденіемъ такъ широко воспользовались, что принялись за ходатайства по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того нанятыхъ стряпчихъ (такъ называются въ московскихъ судахъ и канцеляріяхъ адвокаты и ходатаи по дѣламъ). Можно легко догадаться и даже разсчитать, сколько стекалось въ это семейство подарковъ и драгоценностей отъ ихъ кліентовъ. Столь великое и не ожиданное счастье сдѣлало Монсовъ высокоумными, и невозможно довольно надивиться, съ какою неблагодарностью они злоупотребляли этими милостями, особенно когда пользовались запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ охранить къ ихъ семейству милости царскаго величества. Во всемъ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдственныхъ бумагъ и показаній свидѣтелей. Хотя за подобныя поступки въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако, его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ, чтобъ этотъ процессъ былъ совершенно прекращенъ, но *ex caritate ingratiitudinis* отъ Монсовъ отобраны деревня и каменный палаццо. Послѣдній потомъ былъ предназначенъ для анатомическаго театра. Драгоценности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за заключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами, и никогда Монсамъ недареннаго, а попавшаго въ ихъ домъ случайно, *per accidens*. Полковникъ Балкъ, женатый на старшей дочери Монса, сдѣланъ въ Дерптѣ *ex post facto* комендантомъ, а остальные члены семейства живутъ свободно, но уже не могутъ разсчитывать и не

имѣютъ права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена ¹⁾.)

Въ настоящее время, при появленіи различныхъ статей изъ русской исторіи начала XVIII столѣтія, читатель нерѣдко бываетъ пораженъ разсказами о разныхъ жестокостяхъ, совершавшихся въ тѣ времена почти на каждомъ шагѣ, и бывшихъ въ такомъ употребленіи, что казалось такъ, а не иначе, можно было поступать при преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ провинившихся. Въ этомъ отношеніи не могутъ не быть любопытны для насъ доводы, при помощи которыхъ Гюйссенъ пробовалъ опровергнуть извѣстія о суровостяхъ русскихъ тогдашнихъ наказаній и о жестокомъ преслѣдованіи преступниковъ. Выше видѣли, что въ «Письмѣ оенцера» описывался способъ наказанія батогами. Гюйссенъ, непроходившій молчаніемъ ни одного обстоятельства въ сказанномъ письмѣ, не нашелъ здѣсь другаго довода къ опроверженію, кромѣ намѣтки надъ авторомъ:

«Батоги, кнутъ и другія наказанія (пишетъ Гюйссенъ) такъ подробно и обстоятельно описаны имъ, что можно думать, что авторъ часто имѣлъ все это предъ глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. Но всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду, всѣмъ насквиллянтамъ, особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ, на власть и честь ихъ вѣрныхъ министровъ, что сдѣлано въ настоящей постыдной брошюрѣ».

Далѣе Гюйссенъ говоритъ касательно обхожденія при дворѣ съ царевичемъ Алексѣемъ, что Меншиковъ и министры къ нему чрезвычайно почтительны, но его величество приказываетъ самъ, чтобъ сына его въ юности не баловали слинникомъ неумѣреннымъ ласкательствомъ; причемъ сдѣлана ссылка на «Burgärische Fama», 35 часть, стр. 795 (гдѣ опять таки статья того же Гюйссена), и перечислены всѣ должности и ордена Меншикова.

«Хотя самъ генералъ Лесортъ (замѣчаетъ потомъ Гюйссенъ), уже умеръ, однако вдова до сихъ поръ владѣетъ его деревнями и имѣніями; въ ея власти до 500 подданныхъ и она живетъ въ домѣ, вы-

¹⁾ Знаю отношенія Гюйссена къ русскому двору, можно дать вѣру его разсказу о слѣдствіяхъ немилости царя къ Монсамъ. Между тѣмъ, не прошло и тридцати лѣтъ, какъ исторія съ дѣвицею Монсъ превратилась въ совершенно иную легенду, въ которой Петра заставляютъ говорить дѣвицѣ Монсъ: «забываю все; я также имѣю слабости; я васъ не могу ненавидѣть и обвиняю только собственную доверчивость. Продолжать мою любовь съ вами, значитъ — унижать себя. Прочь! я умѣю примирить страсти съ рассудкомъ. Вы ни въ чемъ не будете нуждаться, но я съ этихъ поръ васъ уже не увижу...» Онъ сдержалъ слово; скоро она выдана за одного чиновника, которому дана должность въ отдаленной провинціи; монархъ заботился о ихъ счастьи и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь... Такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ леди Рондо, и эта легенда только служитъ доказательствомъ, какъ осторожно надобно пользоваться разсказами даже современниковъ.

строенномъ царскимъ величествѣмъ. У нея ничего не отнято изъ золота, серебра, денегъ или мебели, почему она имѣетъ хорошій достатокъ, и дѣлаетъ нуждающимся, особенно изъ своихъ одновѣрцевъ, очень много добра, а между тѣмъ ни она, ни ея покойный мужъ отъ предковъ своихъ наслѣдства не получили и въ Россію съ собою ничего не привозила. Близлежащій большой каменный домъ былъ выстроенъ на счетъ же царя изъ собственныхъ его суммъ, равно кухня и погребъ, и тамъ отправлялись, омытъ—таки на царскія деньги, большія празднества. Это обширное зданіе было бы слишкомъ велико для вдовы Лесорта, да и никогда не передавалооь въ собственность ея мужа, почему послѣ смерти послѣдняго было очищено и теперь служить помѣщеніемъ для прѣзжихъ иностранныхъ посланниковъ или генераловъ. Долги, оставшіеся послѣ Лесорта, были все, безъ разсчета, уплачены царемъ.

«Кто обвиняетъ царя въ какой либо неблагодарности, тотъ унижаетъ величайшую несправедливость въ отношеніи и къ Богу, и ко всему свѣту, такъ какъ не только москвитяне, но и все другія націи признають и прославляютъ великодушіе царя въ награжденіи услугъ, оказанныхъ государству Лесортомъ и другими иноземцами. Одинъ знатный министръ, имени котораго теперь не хочу назвать (кн. Василій Голицынъ?), бывъ уличенъ за нѣсколько лѣтъ предъ снмъ въ *crimen perduellionis* и въ оскорбленіи величества въ вышней степени, безспорно, по законамъ всехъ народовъ, заслуживалъ бы смертнот казни; но его царское величество отмѣнилъ это совершенно справедливое наказаніе и только сослалъ его въ заточеніе, гдѣ, впрочемъ, онъ пользуется свободою, и все это единственно въ воспоминаніе и уваженіе нѣкоторыхъ добрыхъ услугъ, которыя тотъ министръ оказалъ его величеству въ юности.

«Легко ли встрѣтить примѣръ подобнаго чувства признательности у другихъ народовъ? При многихъ дворахъ часто говорятъ: если разъ сдѣлалъ проступокъ, то не вспоминать болѣе о прежней правотѣ и вѣрныхъ службахъ; въ противномъ случаѣ, измѣнники, возмутители, посягающіе на жизнь государей, будутъ нарушать спокойствіе государства и такимъ образомъ испровергнуть совредемъ и опасностью существующій тамъ порядокъ. Таковыя, говорю я, наказываются почти *sine strepitu iudicii*, короткою расправою и строгаишимъ образомъ, что въ обычаѣ у всехъ новѣйшихъ народовъ... Убийцы и грабители наказываются въ Москвѣ, какъ я повсюду, лишеніемъ живота: это не только справедливо, но особенно *strescentibus delictis* необходимо, истинно, желательно. Любящіе справедливость и право, которымъ дорого ихъ собственное и согражданъ благоденствіе, никогда не будутъ считать подобныя, совершенно заслуженныя наказанія за жестокость... Много очень говорятъ и пишутъ о строгой юстиціи въ Москвѣ; однако тамъ не бывало примѣра, чтобы воръ, если притомъ онъ не совер-

шляхъ убійства или другаго подобнаго преступленія, наказывался смертию, что было бы несообразно съ законами страны. Впрочемъ, полагается только *restitutio ablati roena corporis afflictiva*, какъ *fustigatio* (кнутъ); если же воровство совершено въ другой разъ, то, по обстоятельству винны, *amputatio auris*. Такой взглядъ русскаго законодательства оправдывается слѣдующими причинами: 1) между украденнымъ имуществомъ и человѣческою жизнью нѣтъ никакой соразимости; 2) попечительный хозяинъ обязанъ смотрѣть за своимъ имуществомъ и можетъ, и долженъ беречься козней воровъ и 3) наказаніе кражи смертию противно божественнымъ законамъ въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣхъ, и т. д.

Стараясь опровергнуть извѣстія брошюры, Гюйссенъ въ то же время не щадилъ личности автора ея.

«Если пріѣзжали въ Москву (говорить возражатель) иностранннй министръ, офицеръ или другія какія лица, то онъ, какъ-бы имѣя своимъ девизомъ *calumniare audacter, semper aliquid haeret*, не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не передавалъ имъ всѣ милыя исторіи, бывшія у него тогда въ головѣ, а вышѣ преданныя имъ тисненію, лишь бы только возбудить недовѣріе и возстановить противъ государя и его народа, что ему, къ величайшему его удовольствію, и удавалось у многихъ легкомысленныхъ людей. Однажды онъ велѣлъ доложить Балюзу (французскому посланнику), что, имѣя сообщить ему нѣчто особенное для свѣдѣнія, желаетъ видѣться съ нимъ или въ ночное время, или въ одномъ сосѣдственномъ саду. Балюзъ доступенъ былъ всякому честному человѣку, и для него ничего не было пріятнѣе, какъ бесѣда и пріемъ у себя умныхъ людей. При всемъ томъ, онъ велъ себя осторожно, а потому, какъ при помянутомъ докладѣ употреблено было много тайнъ и предосторожностей, то показалось это Балюзу подозрительнымъ и онъ распросилъ у нѣмецкихъ патеровъ, что это за новый крестьянинъ былъ (игра словъ съ намекомъ на фамилію Нейбауера—*was diser für ein neuer Bauer wäre?*) и когда тѣ описали эту достойную особу, то посланникъ потерялъ всякую охоту говорить съ нимъ. Разумный К. В. А. Г. (князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ?), который ему (то есть Нейгебауеру) объявилъ, что онъ не можетъ его допустить къ французскому посланнику, зналъ очень хорошо г. N, еговольный, злой языкъ и ненависть ко двору и ко всему народу; зналъ также прежде, что господинъ посланникъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, а потому тѣмъ съ большимъ основаніемъ могъ дать ему (Нейгебауеру) предостереженіе».

Далѣе Гюйссенъ сообщаетъ, что Нейгебауера терпѣть не могъ царевичъ Алексѣй.

Въ этихъ отзывахъ еще не говорилось прямо о Нейгебауерѣ, но

наконецъ дошло дѣло до перваго наставника царевича и Гюйссенъ счелъ необходимымъ распространиться о немъ такимъ образомъ:

Гюйссенъ кронъ-принца заслуживаетъ чести быть подробно описаннымъ съ безпристрастнымъ показаніемъ его способностей, заслугъ и поведенія. Окончивъ ученіе въ Дандигъ, своемъ родномъ городѣ, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми изъ Силезіи, былъ одно время въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ велъ развратную жизнь (что доказываетъ протоколъ лейпцигскаго университета 1698 года). Повсюду неблагодарный и съ дурною репутаціею, онъ, послѣ разныхъ непріятностей, особенно въ Силезіи, долженъ былъ удалиться и были довольны, когда могли отдѣлаться отъ этой безпокойной головы. Ему уже ничего болѣе не оставалось дѣлать, всякое довѣріе къ нему было утрачено и тогда-то онъ поступилъ къ отправлявшемуся въ Москву генералу Карловичу—въ какомъ званіи, на какихъ условіяхъ и доволенъ ли былъ Карловичъ его поведеніемъ—о томъ послѣдняго спрашивать невозможно, за смертью его. Вѣрно только то, что Карловичъ, уѣзжая изъ Москвы, не хотѣлъ взять съ собою этого N, но оставилъ его здѣсь à sa bonne ou mauvaise destinée. Евангелическій пасторъ въ Москвѣ А*** принялъ изъ милости земляка въ свой домъ на хлѣбы, чтобы онъ воспользовался временемъ сознать заблужденія своей молодости, размыслить о своемъ поведеніи и принялся за что нибудь лучшее. Послѣ того, какъ повторилъ науки и занялся ариметикою, геометріею и проч., N сочинилъ и представилъ нѣсколько нѣмецкихъ стиховъ на разные случаи. Потомъ, по рекомендаціи одного лица, былъ принятъ какъ для обученія царевича, такъ и наблюденія за нимъ, однако только временно, до тѣхъ поръ, пока не найдется другой наставникъ, такъ-какъ онъ никогда не путешествовалъ, не былъ ни при какомъ дворѣ и, кромѣ латинскаго и нѣмецкаго, другихъ языковъ не зналъ и никакимъ упражненіямъ научить не могъ. Что онъ былъ представленъ или рекомендованъ къ этой должности польскимъ королемъ, какъ вездѣ и всѣхъ людей онъ хотѣлъ увѣрить, то несправедливость этого не разъ доказывали ему въ лицо.

«Какъ скоро онъ вступилъ въ должность наставника, то совершенно опьянѣлъ отъ счастья и сталъ много думать о себѣ. Прежнее свое порядочное поведеніе и почти скромные поступки онъ измѣнилъ въ надутую крестьянскую гордость и нестерпимое высокомеріе. Онъ былъ въ твердомъ убѣжденіи, что сталъ, или скоро будетъ Монтансье, или по крайней мѣрѣ герцогомъ де-Бовилье; въ головѣ его явилось множество химеръ изъ геройской исторіи Донъ-Кихота Ламанчскаго, и воображалъ уже, что онъ владѣтель обширнѣйшаго острова и что въ рукахъ его знаменитѣйшая изъ дульциней. Нѣкоторые офицеры, останавливавшіеся въ Берлинѣ, не мало тому способствовали: они рассказывали ему, что графъ Донау, оберъ-гюйссенъ

его королевскаго высочества наследнаго принца прусскаго, окруженъ такими почестями, значеніемъ и властью, что имѣетъ собственный придворный штатъ. Эти рассказы внушили ему (то есть учителю царевича) мысль, что онъ въ Москвѣ можетъ на то же рассчитывать и поставить себя на такую же ногу, хотя этотъ чудакъ не имѣлъ ни на крошку ума названнаго выше превосходнаго кавалера. Пріятели и друзья, льстя его суетности, усиливали ее, почему онъ окружалъ себя только тѣми, кто обходился съ нимъ почтительно. Такимъ образомъ не хотѣлъ, чтобъ царевичъ обѣдалъ безъ него, чтобъ камерюнкеры уходили безъ дозволенія и вообще, чтобъ безъ него ничего не предпринималось. Не допускалъ ни въ ученьи, ни въ столѣ, ни въ прогулкахъ, ни въ экзерциціяхъ правильно назначенныхъ часовъ и даже въ ничтожныхъ мелочахъ не отступалъ отъ своей grandezza, власти или, лучше сказать, своенравія — напротивъ, все непременно должно было преклоняться предъ его деспотическою властью. Повсюду желая быть впереди, сидѣть выше всѣхъ, споря съ каждымъ о рангѣ, придавая себѣ надменный видъ, обращаясь чрезвычайно гордо и непротупно со всѣми, даже съ знатнѣйшими лицами въ государствѣ, онъ въ то же время безпрестанно подавалъ царю жалобы и прошенія и надобѣдалъ въ нихъ по большей части объясненія, что въ такомъ-то мѣстѣ ему недостаточно оказали почестей и уваженія, что какой нибудь служитель не отдалъ ему должнаго почтенія и проч. Однажды царь, которому уже надобно все это, разумно и милостиво далъ ему слѣдующее наставленіе: «Ты говоришь только о почтеніи къ себѣ и рангѣ, и выказываешь въ поступкахъ своихъ grandezza, которая нейдетъ мужчинѣ. Самъ я веду себя какъ другіе владѣтели, однако при этомъ вовсе не надмененъ, а потому можно бы слѣдовать моему примѣру».

«Объ успѣхахъ царевича онъ не дѣлалъ никакихъ отмѣтокъ въ меморіяхъ, да и мало заботился о томъ. Главнѣйшими занятіями его были подача за другихъ прошеній и ходатайства за самого себя, отчего часто не выполнялъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ царевичу. Къ послѣднему допускалъ только однихъ нѣмецкихъ офицеровъ, напротивъ московскіе знатные люди были исключены. Господина Л., который пришелъ представиться царевичу, по приказанію или съ дозволенія его царскаго величества, принялъ съ буйствомъ: схватилъ его за рукавъ и вытолкалъ вонъ за то, что тотъ не велѣлъ ему сначала о себѣ доложить. Для него величайшимъ удовольствіемъ было, когда могъ поселять, при помощи разнорѣчивыхъ извѣстій, ложныхъ конфеиденцій и подслушываній, раздоры и непріязнь между царскими и иностранными министрами. Однако это не продолжалось долго, такъ какъ, къ величайшему его неудовольствію, партія *post aliquod frigusculum*, подувшись нѣкоторое время другъ на друга неизвѣстно за что, сходилось и дѣло объяснялось. Вопреки здраваго

смысла и простаго благоразумія, онъ хотѣлъ всегда плыть противъ теченія и составлялъ съ людьми, въ скромности которыхъ не былъ увѣренъ, разнаго рода интриги и машиняціи противъ знатныхъ придворныхъ. Хотя князь Александръ (Меншиковъ) не слушалъ наукъ въ высшихъ и низшихъ школахъ, однако для него книгами былъ — міръ, дворъ, путешествія, походы, дѣла. Изъ нихъ—то онъ научился здраво судить, понимать и говорить о предметахъ; природный разумъ у него соединенъ съ практическимъ смысломъ, такъ что при всякомъ случаѣ онъ умѣетъ произнести вѣрное и разумное сужденіе и, ех агена, скоро или вовсе не откладывая, дать добрый совѣтъ. Когда Меншиковъ, какъ первый министръ и гофмейстеръ царевича, котораго способности и наклонности онъ могъ знать лучше, чѣмъ кто либо, дружески напоминалъ о чемъ либо касательно воспитанія, то г. N., считая себя неподчиненнымъ Меншикову и думая о себѣ, что онъ, въ качествѣ стариннаго бурша нѣмецкаго университета, самъ все лучше знаетъ, дѣйствовалъ вопреки тому, что Меншиковъ находилъ хорошимъ. Возможно ли было, поступая такъ глупо и сумасбродно, долго устоять, найти себѣ друзей и, особенно, удержаться въ чужомъ государствѣ? Ступай, куда хочешь, оказывай сколько угодно услугъ, даже будь необходимъ, однако все—таки несбыточно, чтобъ человѣкъ съ такимъ характеромъ могъ гдѣ нибудь долго процвѣтать или держаться продолжительное время. И у г. N. струна была такъ сильно натянута, что наконецъ она лопнула».

«Царевичъ, по привычкѣ и слѣдуя желанію своему, хотѣлъ объѣдать нѣсколько ранѣе 11—ти часовъ, а между тѣмъ г. N, хотя и ничего другаго не дѣлалъ, какъ распивалъ у себя на квартирѣ чай и водку съ офицерами, однако требовалъ, чтобъ его ожидали къ столу и считалъ недовольнымъ для себя, когда царевичъ отобѣдаетъ одинъ, а передъ нимъ (то есть Нейгебауеромъ) поставятъ снова цѣлый обѣдъ. Однажды г. N. поспѣшно вернулся изъ общества богатыхъ купцовъ, быть можетъ по тому, что тѣ мало ему кланялись и не говорили комплиментовъ; между тѣмъ, царевичъ уже сѣлъ за столъ, не дожидаясь его, а онъ за то началъ брюзжать и укорять, для чего не дожидаясь его особы, какъ это въ обыкновеніи при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ. Кавалерамъ царевича надоѣло, наконецъ, всегдашнее его фырканье и они начали свободно и разсудительно возражать и указывать ему, что онъ уже слишкомъ натянулъ лукъ и черезчуръ требуетъ себѣ отъ нихъ подчиненности. Эти противорѣчія и упреки такъ разсердили г. N, что онъ непристойно разбранилъ кавалеровъ и, увлекаемый гнѣвомъ и буйствомъ, бросилъ отъ себя ножи и вилки съ такою силою, что они упали на царевича. При этомъ онъ былъ такъ несчастливъ, что, во время вспышки, его шпага, какъ онъ и самъ сознался, выпала изъ ноженъ около царевича. Такъ какъ онъ кавалерамъ при царевичѣ давно уже былъ непріятель, то они всѣ едино—

гласно донесли его царокому величеству, что этот иноземець, или по безумію и сумасбродству, или же по дерзостной злобѣ, кинулъ въ царевича ножикъ и вилки и схватился за шпагу. Когда многіе свидѣтели подтвердили такое дикое преступленіе, то г. N. только отлучили отъ царевича и отдали къ кн. Алексѣю Борисовичу Голицыну, гвардіи майору, а нынѣ подполковнику, подъ почетный арестъ до тѣхъ поръ, пока не окончится слѣдствіе, и здѣсь, по собственному сознанію г. N, онъ пользовался настоящимъ княжескимъ столомъ и всеми необходимыми, даже излишними удобствами и свободою.

«Въ другихъ государствахъ его засадили бы въ бастилію или другую какую крѣпость на многіе годы, не спрашивая, что онъ сдѣлалъ дурнаго, какъ это дѣлается и съ высокими министрами, которые, несмотря на прежнія свои вѣрныя службы, не имѣли счастья понравиться государю или ихъ приближеннымъ. Однако о г. N. производился формальный процессъ, который одобрить каждый безпристрастный человекъ. Послѣ четырнадцатидневнаго ареста, въ присутствіи бывшихъ тогда на лицо иностранныхъ министровъ, былъ прочтенъ и опубликованъ состоявшійся по дѣлу приговоръ, въ которомъ не определено было г. N. внаго наказанія, какъ удаленіе его, по вышеприведеннымъ причинамъ, отъ должности. Какъ только былъ онъ освобожденъ изъ подъ ареста и получилъ свободу, то все его вещи были ему возвращены. По случаю продолжавшейся тогда войны, найдено было неудобнымъ отпустить его изъ Россіи вскорѣ послѣ полученія имъ свободы, да и самъ онъ не тотчасъ о томъ присялъ, почему изъ посольскаго приказа ему было выдано на прожитокъ 400 рублей. Этимъ онъ бы долженъ былъ остаться довольнымъ, жить въ тишинѣ, во благо употребляя свое время, или стараться о вступленіи современемъ на службу ввнутри или внѣ Россіи. Советовали ему также друзья, чтобъ онъ занялся преподаваніемъ наукъ молодымъ знатымъ господамъ, или же составленіемъ записокъ для офицеровъ и ходатайствующихъ при дворѣ, тѣмъ вновь могъ бы онискать къ себѣ расположеніе. Однако, по удаленіи отъ двора и за немѣнимъ случая мѣшаться въ тамошнія дѣла, ему казалась частная жизнь тѣмъ далѣе, тѣмъ несноснѣе, и онъ перешелъ изъ одной крайности въ другую и скоро изъ прежняго высокомерія впалъ въ унижительную подлость. Однажды кн. Александръ обѣдалъ съ иностранными министрами и разными вѣмецкими генералами и офицерами; тогда N. пришелъ къ столу, упалъ въ ноги Меншикову и, ползая, со смиреніемъ просилъ прощенія и возвращенія къ прежней должности, обѣщая довольствоваться въ жалованьи, содержаніи и во всемъ прочемъ тѣмъ, что ему положить. То же самое и въ униженныхъ выраженіяхъ повторялъ онъ во многихъ письмахъ къ Меншикову; но, неомотря на всѣ просьбы и прошенія, съ нимъ не хо-

тѣмъ имѣть дѣла, такъ какъ онъ хорошо былъ извѣстенъ. Вслѣдствіе того, г. N. сталъ хлопотать о паспортѣ на выѣздъ ему изъ Россіи, который и былъ ему выданъ, такъ какъ его царское величество велѣлъ публиковать, что никто противъ воли не будетъ удерживаемъ въ его государствѣ или службѣ. Однако, г. N. впродолженіи цѣлаго года оставлялъ свой паспортъ лежать въ канцеляріи; а между тѣмъ сталъ вести почти развратную жизнь и посѣщалъ всевозможныя общества. Его домъ, всегда полный людей, былъ сборищемъ и открытымъ для недовольныхъ шведскихъ офицеровъ и другихъ тунедцевъ, и здѣсь—то сочинялись исторіи, которыя нынѣ преданы тисненію. Кто доставлялъ лучшія выдумки и сатиры противъ двора и московскаго народа, кто могъ обращать въ смѣшное обычаи его, тотъ сейчасъ же принимался въ это братство. Напротивъ, тѣ, которые въ совѣтъ ихъ не ходили, клеветамъ ихъ не вѣрили и не сидѣлись у него ежедневно на лавкѣ насмѣшниковъ, тѣхъ онъ тотчасъ же записывалъ въ своей черной реестръ. При помощи ложныхъ рассказовъ и клеветы, пятналъ ихъ постыднымъ образомъ, причемъ много разъ не щадилъ чести даже знатныхъ дамъ. Едва только пріѣзжалъ какой нибудь иностранный министръ, генераль или офицеръ, то не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не побывалъ у пріѣзжаго и не успѣвалъ передать всѣхъ своихъ выдуманныхъ исторій и клеветъ о дурномъ и опасномъ положеніи двора и арміи. Этими рассказами ему удавалось многихъ довѣрчивыхъ людей дѣлать безпокойными, печальными и задумчивыми, особенно когда, за отсутствіемъ двора, невозможно было достать свѣдѣній о настоящемъ положеніи дѣлъ. Только узнавъ дворъ и добрые порядки въ комиссаріатѣ и арміи, открывалась злостность его лживыхъ повѣствованій. Всѣмъ этимъ онъ наконецъ выигралъ то, что каждый его потомъ избѣгалъ и никто ему не вѣрилъ, хотя бы даже ему случалось говорить и правду. Въ извѣстія, издававшіяся академіею выдумокъ г. N., считались подозрительными.

«Несмотря на то, его царское величество въ 1703 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ нѣмцевъ, всемилостивѣйше подвинутъ былъ на принятіе его снова въ милость и, забывая великодушно прешедшее, даже рѣшился—было употребить его въ посольство въ Китай, Хиву, Персію или Ость—Индію. Однако, по мнѣнію N., это выполнялось нескоро: онъ сталъ посылать дерзкіе и угрожающіе меморіалы, которые ни гдѣ въ свѣтѣ, ни у одного заслуженнаго министра не прошли бы даромъ, а въ Москвѣ они никогда не выдвались и не терпѣлись. Притомъ N. продолжалъ болѣе, нежели прежде, распространять свои исторіи, возстановлять людей и угрожать, что онъ современемъ отмститъ за себя. Его величество, наконецъ, вынужденнымъ нашелся, въ 1704 г., послать изъ лагеря подъ Нарвою указъ обить г. N. изъ Россіи. Послѣднему это стало извѣстнымъ за два дня до отъѣзда, слѣдова-

тельно онъ имѣлъ достаточно времени приготовить лошадей и все, что хотѣлъ съ собою взять. 20 августа, на дворъ къ нему было по-слано 7 подводъ и 400 талеровъ на путевыя издержки, съ объявленіемъ, что какъ онъ уже давно желалъ получить паспортъ на отъѣздъ изъ Россіи, но его не требовалъ, то онъ можетъ теперь воспользо-ваться имъ до Архангельска. Для прислугъ въ путешествіи ему придали двухъ такъ называемыхъ приставовъ, которые раслачива-лись за него и провожали до гамбургскаго корабля, на которомъ онъ оводобно и уѣхалъ... Этого-то человѣка выдаютъ за автора разбирае-мага постыднаго сочиненія ¹⁾...

Возраженія намецкихъ сторонниковъ Россіи на брошюру Нейгебау-ера не остались безъ отвѣтовъ, написанныхъ, сколько можно то судить по слогу ихъ, пріемамъ и запальчивому тону, тѣмъ же, лично заинтере-сованнымъ въ полемикѣ Нейгебауеромъ. Ему, вѣроятно, было хорошо из-вѣстно, что Симонъ Петерсенъ (о немъ см. выше стр. 72) изъ Альтоны, хлопотавшій доказать несправедливость брошюры о дурномъ обращеніи въ Россіи съ иноземцами, былъ лицо вымышленное для сокрытія настоя-щаго имени сочинителя, а потому Нейгебауеръ придумалъ перехитрить своего антагониста, объявивъ, что его Петерсенъ подложный, настоя-щій же Петерсенъ виолнѣ сочувствуетъ тому, что изложено въ пись-мѣ зятяго нѣмецкаго офицера. Такимъ образомъ, въ 1705 году, яви-лась брошюра *Der ehrliche Simon Petersen wider den schelmischen (Altona den 10 septemb. anno 1705. 4°)*, т. е. Подлинный Симонъ Петерсенъ противъ подложнаго. Этотъ новый Петерсенъ прежде всего повѣды-ваетъ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ о выходѣ въ свѣтъ выше названнаго письма нѣмецкаго офицера, который, какъ честный человѣкъ, превосходно и живыми красками изобразилъ по-движки безсовѣстныхъ людей, старающихся лживыми обѣщаніями и об-манами завлекать въ службу къ варварамъ людей, честныхъ и храбрыхъ,

¹⁾ Кромѣ обличенія Гюссена, о Нейгебауерѣ есть подробности въ статьѣ, также на-писанной съ цѣлю опровергнуть извѣстія его: «Разговоръ между трехъ пріателей, со-шедшихся въ одномъ городѣ, а именно: Менарда, Таларда и Варемунда. Здѣсь раз-скалъ о пребываніи Нейгебауера при царевичѣ и отъѣздѣ его изъ Россіи изложенъ согласно съ извѣстіями объ этомъ Гюссена; прибавленъ только одинъ анекдотъ о быв-шемъ наставникѣ царевича, что онъ извѣстный свой пасквиль написалъ, прислалъ къ генералъ-адмиралу и кашперу гр. Головицу при письмѣ своемъ, въ которомъ объявилъ, будто онъ, тотъ пасквиль увидѣвъ въ Германіи, хочетъ противъ его отвѣтствовать и во ономъ изображенныя въ дезавантажъ его императорскаго величества и всего россій-скаго государства клеветы тѣмъ своимъ отвѣтомъ опровергнуть, ежели онъ ему нско-дательствуетъ, но пражнему его прошенію, чтобы ему послану быть въ Хину посланни-комъ. И хотя упомянутый господинъ гр. Головицъ, ако разумный министръ, призналъ, что въ томъ пасквили всѣ клеветы и лжи отъ него, Нейгебауера, самого писавши, од-накомъ отвѣтствовалъ ему, что ежели онъ такой отвѣтъ на тотъ пасквиль учинитъ и возвратится въ Россію, то по своему требованію въ Хину посланъ будетъ посланни-комъ».. (Русск. Вѣстникъ, 1841 г., IV, 328—332).

но вмѣстѣ съ тѣмъ незнакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ Россіи; при этомъ случаѣ тѣ, которые занимались въ Германіи приглашеніемъ иноземцевъ въ Россію, надѣлены всѣми терпимыми въ печати бранными эпитетами. За тѣмъ Петерсенъ говоритъ, что письмо знатнаго нѣмецкаго офицера стало-было оказывать благодѣтельные послѣдствія: многіе иноземцы въ Германіи, Англии и Голландіи, желавшіе ѣхать въ Россію, прочитавъ это письмо, измѣнили свои намѣренія. Однако скоро начались продѣлки со стороны «рыбаковъ людей» въ царскую службу: «именно — нашелся преступный и забывшій честь срамникъ (Schand Vogel), выдумавшій издать въ свѣтъ подъ момъ именемъ (продолжаетъ подлинный Петерсенъ) постыдное и гнусное посланіе»... Въ доказательство тому, что все, высказанное подложнымъ Петерсеномъ, есть неправда, подлинный старается обратить вниманіе на то обстоятельство, что письмо знатнаго нѣмецкаго офицера распространено въ переводахъ по многимъ государствамъ, гдѣ его продаютъ безвозбранно, и его справедливость хорошо известна не только всѣмъ европейскимъ, но даже и азиатскимъ дворамъ. Этотъ аргументъ можетъ быть и подалъ поводъ къ изданію въ Пруссіи и Саксоніи указовъ о запрещеніи «Письма знатнаго нѣмецкаго офицера».

Вообще подлинный Петерсенъ не жалѣлъ въ своей брошюрѣ ни бранныхъ выраженій, ни ядовитыхъ упрековъ противъ вербовщиковъ нѣмецкихъ военныхъ въ Россію. Это самое обстоятельство и показываетъ ясно, что брошюра написана въ видахъ интересовъ шведовъ, для которыхъ весьма было неприятно видѣть въ русскихъ войскахъ нѣмецкихъ офицеровъ, ихъ дисциплину и распорядки.

Противъ Гюйссена Нейгебауеръ явился съ брошюрою «Kurtze Gegenantwort auf des czaarischen Pasquillanten N Huyssens Lügen Schrift, so er in Wien wider das wahrhafftige Schreiben von dem übeln Tractament der Frembden in Moscau abgefasset». Для занимающихся русскою исторіею XVIII столѣтія замѣтимъ, что эта брошюра въ томъ отношеніи для нихъ любопытна, что въ ней едва ли не въ первый разъ печатно рассказано о начальной причинѣ особеннаго благоволенія въ юности Петра къ Меншикову; при чемъ сдѣлана ссылка на какого-то F. v. C., говорившаго объ этомъ Меншикову въ глаза. Не приводя разныхъ обвиненій и насмѣшекъ, разсѣянныхъ въ брошюрѣ разъяреннаго нѣмца противъ русскихъ и русскаго деспотизма, ограничимся выпискою того мѣста, гдѣ дѣло идетъ о самомъ Нейгебауерѣ: «что же касается до словъ клеветника (т. е. Гюйссена) объ университетской жизни наставника царевича, то о ней иначе могутъ засвидѣтельствовать до нынѣ здравствующіе ученые мужи фонъ-Зейдрицъ, Швейнхенъ, Зегеръ, Зауерманъ, Швейницъ, Куппервольфъ, Ресслеръ, Герсдорферъ и многіе другіе, которые тогда штудировали въ знаменитомъ университетѣ, проводили съ нимъ вмѣстѣ время и бывали за столомъ у г. бургомистра Фалькнера, а потомъ у г. доктора Шлаффена. — они

еще, слава Богу! живы и находятся въ своихъ помѣстьяхъ. Однажды гофмейстеръ (такъ титуловалъ всегда себя Нейгебауеръ) видѣлъ кислыя гримасы нѣкоторыхъ лицъ изъ академическаго и гражданскаго магистрата за то, что онъ, по усиленному желанію знатныхъ придворныхъ людей, подбѣялъ молодыхъ кавалеровъ и студентовъ дать серенаду новому штатдгалтеру, кн. Фюрстенбургскому, сочинилъ отъ лица всѣхъ стихи и ихъ, при торжественномъ въездѣ, вмѣстѣ съ барономъ Брауномъ и Зедрицомъ, поднесъ высокопомянутому князю. На такую почесть этому любезному князю смотрѣли нѣкоторые въ Лейпцигѣ неблагопріятно лишь потому, что онъ былъ католикъ. Гофмейстеръ считалъ все это пустяками на столько, на сколько нынѣ писквилянть желаетъ его уколоть. Между тѣмъ гофмейстеръ надѣялся составить себѣ карьеру, попавъ ко двору, и потому скоро отправился съ Карловичемъ въ Москву. Но объ этомъ онъ не хлопоталъ, какъ утверждаетъ развратникъ, а былъ отысканъ и рекомендованъ, что могутъ подтвердить въ Дрезденѣ тогдашній бергъ-гауптманъ г. фонъ Карловичъ, г. ландъ-камерратъ Дюрресфельдъ, г. оберъ-амтманъ Кригеръ и г. секретарь Фишеръ. Что же негодяй намаралъ о поведеніи гофмейстера въ Москвѣ, то это не заслуживаетъ никакого отвѣта, потому что основу для своихъ расказней онъ могъ найти только въ своемъ воровскомъ мозгѣ. Вѣрно, если бы гофмейстеръ велъ себя такимъ образомъ, то царское величество по малой мѣрѣ повелѣлъ бы его изжарить. Пускай подлецъ описываетъ прекрасно русскихъ по своей волѣ и возможности, но свѣтъ и особенно дворы императорскій и королевскіе знаютъ уже, что это за раки такіе!..

Вся брошюра написана въ такомъ родѣ и неудивительно, что въ ней сильно достается Гюйссену, который первый подаль поводъ отвѣчать бранью на брань. По словамъ брошюры, Гюйссенъ будто бы былъ замѣченъ даже въ воровствѣ, въ бытность свою въ Берлинѣ учителемъ у г. фонъ Д.; потомъ въ Москвѣ сначала, въ качествѣ военнаго совѣтника, презиралъ своего родственника серебряка Лёскена, а послѣ, будучи въ крайности, у него же жилъ изъ милости на хлѣбахъ; наконецъ получилъ мѣсто при царевичѣ, послѣ Нейгебауера, по ходатайству любовницы Меншикова, къ которой успѣлъ прислужиться. О сочиненіяхъ Гюйссена сказано, что нѣкоторыя изъ нихъ, направленные противъ королевскихъ особъ и даже самого святѣйшаго отца, были сожжены рукою палача. «Нельзя впрочемъ отвергать, замѣчено въ брошюрѣ, того, что онъ имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ литературѣ и не неспособный малый, если бы только не обратилъ хорошее, которое въ немъ есть, на пользу варварскихъ тирановъ, на стыдъ же и посрамленіе оныхъ честныхъ соотечественниковъ».

Нордбергъ, издавшій въ 1746—51 годахъ *Leben Karl des zwölften Königs in Schweden*, говоритъ, что онъ пользовался извѣстіями и собственными письмами королевскаго канцлера въ Помераніи, барона

Мартина фонъ Нейгебауера. Во второмъ томѣ этого сочиненія наводимъ, что Нейгебауеръ, оставивъ Россію, поступилъ на службу къ шведамъ; былъ при шведской арміи во время полтавскаго сраженія и потомъ посланъ въ турецкія владѣнія и Константинополь для переговоровъ о принятіи туда Карла XII. Нейгебауеръ зналъ разные языки, имѣлъ хорошія познанія. Въ Константинополь онъ оставался, въ качествѣ шведскаго посланника, до апрѣля 1711 года. Въ 1728 г. ему пожалованъ баронскій титулъ и званіе канцлера Помераніи.

Въ 1736—40 годахъ, датскій путешественникъ фонъ Гавенъ (von Haven) былъ въ Петербургѣ и встрѣчался тамъ съ дряхлымъ старикомъ, полупомѣшаннымъ отъ дѣтъ и бѣдности, который говорилъ о заслугахъ своихъ русскому правительству, о томъ, что со смертію Петра забыли его службу и не обращаютъ на него никакого вниманія. Этотъ старикъ былъ баронъ Гюйссенъ (von Hüyszen) — лицо, замѣчательное въ царствованіе Петра по тому роду дѣятельности, на который себя обрекъ по собственной волѣ и даже на основаніи контракта.

Петръ Великій понималъ очень хорошо силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, которое имѣли на него даже и въ началѣ XVIII столѣтія журналистика и разные политическія изданія. О Россіи петровскихъ временъ европейскіе журналисты и публицисты говорили или съ насмѣшками, когда дѣло шло объ умственномъ состояніи страны, или съ опасеніями, похожими на страхъ римлянъ при слухахъ о варварахъ, когда получались извѣстія о воинскихъ успѣхахъ русскаго царя. Видя это, Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ, т. е. они должны были увѣрить европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что, напротивъ, тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которые всѣ безъ исключенія отличнѣйшіе, образованнѣйшіе люди и т. д. Чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства. Адвокатовъ за Россію изъ европейскихъ журналистовъ и писателей вербовали во всяхъ государствахъ — и это было спеціальностью барона Гюйсена. Поолѣ Петра у насъ не хлопотали о томъ, что будутъ писать за границей о Россіи, а потому и нашего агента по этой части предали забвенію и онъ, когда фонъ Гавенъ былъ въ Россіи, вынужденнымъ нашелся напомнить о себѣ въ подробной запискѣ, гдѣ не пропущено ни одного учено-литератур-

наго похождения барона въ Германіи на пользу Россіи. Какъ человѣкъ любознательный, фонъ Гавенъ воспользовался этою запискою и напечаталъ ее въ описаніи своего путешествія по Россіи, которое намъ извѣстно по нѣмецкому переводу¹⁾; записка Гюйссена есть и на русскомъ языкѣ, впрочемъ въ черновомъ, дурно переписанномъ списокѣ, гдѣ многіе листы перебиты²⁾, но за то здѣсь она подробнѣе, такъ какъ фонъ Гавенъ, по собственному сознанию, выпускалъ тѣ мѣста ея, которыя казались ему незначительными. Надобно замѣтить, что Гюйссенъ, вѣроятно, писалъ о своихъ заслугахъ, не имѣя передъ собою тѣхъ журналовъ и изданій, въ которыхъ писались статьи о Россіи подъ его напѣиємъ, а потому у него встрѣчаются невѣрности и неточности въ обозначеніи статей, названійхъ и годахъ. Несмотря однако на это, съ помощію богатаго собранія иноземныхъ сказаній о Россіи въ Публичной библиотекѣ, намъ удалось провѣрить записку Гюйссена по самымъ журналамъ и книгамъ той эпохи — нѣкоторыя изданія остались неотысканными, впрочемъ и по тому, что успѣли найти, можно уже судить о дѣятельности барона. Судьба этого человека и произведеній, написанныхъ подъ его влияніемъ, въ высшей степени поучительна въ томъ отношеніи, что изслѣдователь долженъ заботливо собирать подробныя извѣстія о нихъ не для того, чтобы воспользоваться ими, какъ матеріаломъ для исторіи своего времени, а для предупрежденія ошибокъ и искаженій, въ которыя можно впасть, если не знаешь, что тѣ или другія историческія извѣстія написаны наемниками, изъ личныхъ расчетовъ.

Генрихъ фонъ Гюйссенъ изучалъ права въ Стразбургѣ и, какъ до поступленія своего на службу въ Россію, такъ и послѣ, занимался науками и изданіемъ въ свѣтъ разныхъ сочиненій³⁾. Получивъ званіе

1) Büssching's Magasin für die neue Historie und Geographie, X, 317—326.

2) Рукопись Ак. наукъ въ I, № 116, часть 2-я, на корешкѣ которой вытиснено: «Miscellanea raznykhъ izdanij».

3) Въ 1689 г., въ Стразбургѣ вышла его Diss. inaug. de justitio, vom Stillstand des Gericht. Потомъ, въ 1694 и 1703 годахъ, онъ издалъ Histoire des conclaves depuis Clement V jusqu'à présent (Кельнъ); здѣсь въ предисловіи объяснено, что исторія конклавовъ обрабатывалась Ковриглемъ и другими учеными, но изданіе донское сдѣлалось рѣдкостью, а потому и выпущено имѣя новое съ добавленіями. «Если найдутъ дурнымъ, говоритъ издатель, то, что сообщено о нѣкоторыхъ значительныхъ лицахъ, — отвѣтимъ, что этого нельзя было избѣгнуть, такъ какъ событія принадлежать Исторіи и объ нихъ говорится только то, что хорошо извѣстно въ Римѣ. Издатель даже былъ очень остороженъ на этотъ счетъ и исключалъ многое, что могло бы быть принятымъ за сатиру»... Далѣе Гюйссену же приписываютъ (Cat. Bibli. Bunav. II, 59): Cürieuse und vollständige Reisebeschreibung von ganz Italien, 1701 г. (Фрейбургъ). Ср. Adelung's Vorsetzung und Ergänzungen zu Jochers Gelehrten Lexikon, II, 2208, 2209. Въ изданіи Nova litteraria Germaniae Амвросія Ломана есть слѣдующія извѣстія: въ іюлѣ 1703 г. стр. 258—259.—Sigmundi Augusti poloniarum regis, Epistolae, legationes et responsa. Nec non Stephani Batorii, reg. pol. epistolarum decas et oratio ad ordines Poloniae. Ex museo H. de Huyssea.

доктора правъ, баронъ служилъ совѣтникомъ при княжескомъ домѣ Вальдекъ. Паткуль уговорилъ его вступить въ русскую службу, на что Гюйссенъ, хотя и преждее мѣсто ему доставляло выгоды, согласился, такъ какъ предложенныя Паткулемъ условія представляли въ будущемъ еще большія выгоды. Въ подписанныхъ Петромъ статьяхъ, Гюйссенъ обязывался: а) отыскивать, входить въ переговоры и приглашать въ русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейторовъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особенно же такихъ, которые бы понимали по-польски или по-чешски. б) Переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемые для устройства военной части въ Россіи. в) Склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ отранъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю, или членамъ его семейства, или, наконецъ, царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также, чтобы эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи, и д) войти въ переговоры съ почтмейстерами разныхъ государствъ о правильной разсылкѣ русскихъ писемъ, причеиъ имѣть въ виду отправленіе почты чрезъ Польшу и Австрію.

Это условіе было заключено съ Гюйссеномъ въ 1702 году, и съ тѣхъ поръ онъ началъ выполнять его, ведя переписку съ Франціею, Швейцаріею и другими государствами. При этомъ сочинялъ для Паткуля многіе бумаги, а въ Варшавѣ исполнялъ политическія порученія, за что получилъ званіе военнаго совѣтника и жалованье по 150 рейхсталеровъ въ мѣсяць. Съ Паткулемъ же онъ былъ въ Москвѣ и здѣсь перевелъ на разные языки письмо царя къ польскому королю Августу ¹⁾.

Accesserunt Opuscula duo alia, ad electionem Regis Sigismundi III spectantia... Lipsiae, apud J. F. Glödtch, 1703, и при томъ замѣчаніе: Apographum harum epistolarum sibi comparavit in itinere Polonico H. de Huyssen, idque in Mosquiam, ubi nunc degit, iturus, ea lege cum editore sibi amico communicavit, ut publici juris faceret; quod et sublatiis foedissimis apographi erroribus prnestitit. Въ декабрѣ 1706 г.: Nundinis autumnalibus in publico comparuerunt: Acta consistorialia creationis eminentissimorum S. R. E. cardinalium, instituta a sanctissimo D. N. Clemente XI P. M. diebus 17 Maji et 7 Junii, anno sol. 1706. Accessit eorundem cardinalium brevis delineatio, Coloniae 1707. Transmissa sunt haec Acta viro excellentissimo Henrico Huysseno, moscorum Czari negotia curante Viennae, per Cl. J. Vincentium Gravinam, cujus ad Huyssium literae prid. id. Jun. 1706 Romae datae praemittuntur... Въ томъ же журналѣ за 1709 г. (стр. 482) статья Гюйссена: Status academiae cracoviensis (краткія свѣдѣнія о преподаваніи наукъ и профессорахъ). Предисловіе его же къ изданію Краузенка Historia polonica J. Dlugossi (Лейпцигъ, 1712) и J. Dlugossi. Historiae polonicae liber VIII us et ultimus ex bibliotheca Henr. L. B. ab Huyssen (1712).

¹⁾ Здѣсь Гюйссенъ ошибается: въ 1703 г., царь послалъ изъ Москвы два письма не къ королю Августу, а одно къ Рѣчи посланной, другое къ кардиналу-примасу. Въ первомъ говорится о возобновленіи старинныхъ трактатовъ съ Польшею, по случаю сейма въ Модлижѣ; во второмъ предлагается вспомоцествованіе Польшѣ на случай войны. (Mémoires historiques, par Lamberty, II, 727 — 731, и Отеч. Зап. 1856 г. № 2, Библ. открыткы, стр. 358 — № XVIII).

Въ 1703 году, «по возвращеніи его царскаго величества (рукоп. занека на русск. яз.), по указу и съ великимъ общаніемъ государовой собственной милости и почести, у его высочества государя царевича приставленъ былъ, яко гоумейстеръ, какъ о томъ шномо г. Шафрова объявляется. И онъ чрезъ все время въ чинѣ своемъ у государя царевича должность свою всеблагополучно и съ аппробацію, какъ на Москвѣ, такъ и еще лучше въ 1704 г. въ Петербургѣ, при осадѣ варской, вѣрно исполнял; хотя ему на Москвѣ во всякой день за утро зимою нѣсколько верстъ въ Преображенское ѣхать было. О счастливомъ ученіи государя царевича онъ, баронъ, къ его оіятельству, свѣтлѣйшему князю Меншикову, яко верховному представителю, какъ словесно, такъ меморіалами, по часту репортовалъ; да самопотребное къ лучшему ученію государя царевича прилагалъ, который при томъ особственное свое удовольствіе показалъ и поведеніе оного у иныхъ во всякомъ случаѣ похвалялъ»...

Въ 1704 году, Гюйссенъ приготовлялъ подневный журналъ о войнѣ, посвятилъ царю свое изданіе записокъ Монтекукуля и написалъ очеркъ сраженій при Шелленбергѣ и Гохштетѣ¹⁾ и другія подобныя статьи.

«Въ 1705 г. (рукоп. зап.); его императорское величество повелѣлъ ему съ подлинными комиссіями въ Германію ѣхать: при томъ онъ всеподданнѣше, сколь много о добромъ ученіи и поведеніи государя царевича надлежитъ, и яко въ томъ ни времени, ни проторовъ не жалѣтъ — конечно онъ просилъ, чтобъ повелѣно было господину каміру Брохаусену, который у кн. кардинала саксенейцкаго информаторомъ былъ, или г. Остерману, или другому у царевича быть, чтобъ тотъ не все, еже у него (Гюйссена) счастливо учился, забылъ. А понеже сего не изъявлено было, то Гюйссенъ, меморіаль и инструкцію написавъ для лучшаго успѣху его высочества въ назначенномъ ученіи, подалъ, еже его свѣтлость кн. Меншиковъ довольно аппробовалъ, подписалъ и велѣлъ Веселовскому тожъ на русскій языкъ перевести и къ его высочеству послалъ. Въ той же инструкціи, меж-

¹⁾ Въ *Nova Litteraria Germaniae*, за январь 1704 г. стр. 21—23: *Henricus de Huysen, sacrae caesareae maj. in senatu bellico consiliarius intimus, principis Russiae haeredis ephorus et secretarius Status, in diversis itineribus, quae per plures politioris Europae partes fecit, nunquam studia bonarum artium abjicit, verum iis semper intentus libros plures rariore ac codices manuscriptos, publico usui olim profuturos sibi comparavit. Inter hos fuerunt «Instructiones militares principis Montecuculi, Italico idioma conscriptae, et s. caes. maj. dedicatae, quas, et si principes plures alique viri maneribus bellicis conspicui, quibus editor M. S. monstravit, sibi retinere voluerint, bonum publicum privato praefereas, imprimendas concessit. Titulus iste est: Memorie della guerra, o instructione d'un generale, per il principe Raynando Montecuculi, 1703, in 8°. Потомъ расказывается жизнь Монтекукуля по предисловію Гюйссена. Въ июнѣ 1708 г., въ томъ же журналѣ, на стр. 239: *Memorie del general principe di Montecuculi ab Hein. Huysen editi Colon. 1704 potissimum exhibent, quae in Hungaria ab a. 1661 ad 1664 gesta, idem Huysenius huc inedito servat.**

ду ними, сіе свѣтлѣйшему князю зѣло пріятно было, что въ ней написано, чтобы его высочество прежде всего Бога, да его царское величество, государя батюшку возлюбилъ и почиталъ; по его прикладу, елико можно, дѣлалъ по тому же, что онъ слѣдовалъ и подражалъ, а отъ того никакимъ отговоромъ ни единого человека отвратится¹⁾.

Изъ Германіи Гюйссенъ доносилъ объ извѣстѣи Висшевецкаго русскимъ и его перепискѣ съ Сантигою, прибавляя, что въ Данцигѣ оказываютъ пристрастіе къ Станиславу и къ шведамъ; почему, съ одобренія царя, Гюйссеномъ же написано латинское письмо къ данцигскому магистрату съ выговоромъ²⁾. Невѣжливый отвѣтъ на это посланіе былъ причиною притязаній къ этому городу со стороны русскихъ. Неутомимый баронъ здѣсь едва было не попалъ въ руки шведовъ и потому добрался до Берлина окольными дорогами, при чемъ потерпѣлъ крушеніе и съ трудомъ спасъ свою жизнь (здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о Гюйссенѣ, пропускаемъ о его дипломатическихъ похожденияхъ).

«Въ Липсиѣ городѣ (рук. зан.) Гюйссенъ съ авторами ученыхъ вѣдомостей Европейская фама и съ другими добрыми писателями по разнымъ мѣстамъ уговаривался, чтобы они въ сочиненіяхъ своихъ во славу російскаго государства писали. Въ томъ же мѣстѣ онъ старался объ изданіи въ печать книги подъ титуломъ «реляціи о состояніи русскаго государства въ 1703 году». Это извѣстіе барона, что лейпцигскій редакторъ *Europäische Faма*, Рабенеръ былъ убѣжденъ имъ писать въ своемъ журналѣ хвалебныя статьи о Россіи — не подлежитъ сомнѣнію. Приемами своими и стилемъ, онъ напоминаютъ намъ *Le Nord*, современный бельгійскій журналъ, напр.:

«Не разъ уже ходила молва, что будто шведскій генераль-лейтенантъ Левенгауптъ, державшійся по преимуществу подъ защитою рижскихъ пушекъ, пошелъ снова въ Курляндію, началъ оттуда тѣснить русскихъ и, наконецъ, сдѣлалъ такіе успѣхи, что завладѣлъ опять Митавою. Эти слухи, также какъ и многіе другіе, оказались потомъ ложными; болѣе же вѣрныя извѣстія сообщаютъ, что напротивъ, русской генераль маіоръ Бауеръ не только проинкъ до Кобрина шанца, но и встрѣтилъ, недалеко отъ Баушке, шведскій отрядъ, вышедшій изъ Риги для нападенія на русскій обозъ, съ такою храбростію, что кромѣ убитыхъ, русскимъ досталось 140 шведовъ, которые приведены плѣнными въ Митаву. Кстатѣ примени Митавы не могу умолчать о нѣкоторыхъ заблужденіяхъ, въ которыя нынѣ впа-

¹⁾ Эта инструкция по русски начата у Голкова въ Дѣл. П. В., III, 97—106; тамъ она показана подписанною государемъ 22 апрѣля 1703 года. О кажемъ. подлинникъ будетъ сказано ниже.

²⁾ Въ нѣмецкомъ переводѣ это письмо въ *Europäische Faма* 1705, XXXIX, 207—208.

даютъ, говоря о вѣнчѣнной войнѣ. Добросердечныя души, въ своемъ ненасытномъ поклоненіи шведскому оружію, не въ состояніи смотрѣть на дѣянія молодаго сѣвернаго монарха (Карла XII) иначе, какъ чрезъ увеличительное стекло, и потому охотно вѣрятъ только тому, что желаютъ. Такимъ образомъ не безъ удивленія читаешь, что редакторы журналовъ *Mercure historique*, *Lettres historiques*, *Esprits des Cours de l'Europe* и многіе другіе летучіе листки этого разряда, говоря о варшавскихъ дѣлахъ, всегда смѣшиваютъ имена Пайкуля и Паткуля, не дѣлая между ними никакого различія: первый изъ нихъ, т. е. Пайкуль, дѣйствительно въ Варшавѣ взятъ въ плѣнъ генераломъ Ниродомъ, отвезенъ въ Штетинъ, а оттуда будетъ отправленъ подъ арестомъ въ Стокгольмъ; другой же, генералъ Паткуль, нѣсколько недѣль назадъ находился по важнымъ дѣламъ въ Берлинѣ, изъ котораго, по окончаніи ихъ, возвратился въ Дрезденъ, не думая вовсе о шведскихъ оковахъ; напротивъ онъ уже помолвилъ одну знатную дѣвушку и, подъ защитою саксонскаго двора, живетъ въ совершенной безопасности¹⁾.

При изданіи Рабенера помѣщались, по ходатайству Гюйссена же, какъ то увидимъ ниже, портреты русскихъ генераловъ и министровъ. Вотъ, какимъ объясненіемъ снабжено было изображеніе графа Федора Алексѣевича Головина: «высокославный государственный министръ московнаго государства, портретъ котораго намъ переданъ изъ знатныхъ рукъ для украшенія настоящей части *Europäische Fama*, его превосходительство, Федоръ Алексѣевичъ, священной римской имперіи графъ Головинъ, его царскаго московскаго величества первый министръ, великій адмиралъ, великій канцлеръ и проч., извѣстенъ въ цѣлой Европѣ своимъ посольствомъ и заслугами, почему въ божѣ почившій покойный императоръ Леопольдъ, движимый желаніемъ поощрить его къ дальнѣйшей службѣ за честь христіанскаго имени, всемогущественнѣе пожаловалъ ему графскій титулъ и въ дипломъ на оный изъяснено... слѣдуетъ за тѣмъ дипломъ²⁾»).

О царѣ извѣстія этого журнала писались въ такомъ родѣ: «его царское величество пребывалъ нѣкоторое время въ своихъ наследственныхъ владѣніяхъ, не оставаясь однако на одномъ мѣстѣ, но являясь то тамъ, то здѣсь, смотря какъ требуютъ того дѣла въ провинціяхъ. Таковъ характеръ сего, истинно милостиваго отца страны: подобно солнцу, не останавливается онъ ни утромъ, ни вечеромъ, но непрерывно переизменяетъ мѣстопробываніе свое. Такимъ образомъ должны почитать себя въ вышней степени счастливыми тѣ страны, владѣтели которыхъ, по примѣру солнца, не пребываютъ на одномъ мѣстѣ, но то тѣхъ, то другихъ подданныхъ веселятъ своимъ присутствіемъ и доставляютъ ту пользу, что узнаютъ потребности страны

¹⁾ *Europäische Fama* 1706, XLIII, 495, sq.

²⁾ *Ibid.* XLIX, 1706, 533, sq.

и не слушаютъ разныхъ пустяковъ отъ неблагонамѣренныхъ министровъ. Надобно до сихъ поръ опланивать, что Людовикъ баварскій подалъ такой примѣръ своимъ наследникамъ, что нѣмецкому императору приходится не столько ѣздить по своимъ владѣнiямъ, сколько мирно сидѣть въ наследственной землѣ. Молва о бывшемъ въ Москвѣ большомъ возмущенiи и послѣдовавшихъ за тѣмъ жестокихъ казняхъ совершенно несправедлива... за тѣмъ рассказанъ астраханскій бунтъ¹⁾.

Съ 1707 г., въ *Vingoräische Fama* также попадаются извѣстiя о Россiи, стихи французскiе, нѣмецкiе и латинскiе въ честь царя, подробныя описанiя торжественныхъ въѣздовъ въ Москву и Петербургъ; при всемъ томъ однако въ журналѣ уже не встрѣчается болѣе гротескныхъ предисловiй и введенiй къ статьямъ о Россiи, изъ чего можно заключить, что съ 1707 г. Гюйсенъ не принималъ уже непосредственнаго участiя въ изготовленiи русскихъ извѣстiй.

Что же касается до сочиненiя о Москвитинѣ, въ составленiи котораго помогаль, по собственному признаванiю, Гюйсенъ лейпцигскимъ ученымъ, то извѣстны двѣ хвалебныя брошюры, въ которыхъ замѣтно участiе барона: одна, безъ означенiя года и мѣста печатанiя, подъ титуломъ: *Der Staat von Moscau*, гдѣ говорится о взятiи Петромъ Дерпта и Нарвы «въ настоящемъ году», слѣдов. брошюра составлена въ 1704 году. Она содержитъ въ себѣ, кромѣ похвалъ, много ошибокъ противъ русской исторiи и географiи. Другая брошюра озаглавлена: *Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Moscovitischen Reichs* (Франкфуртъ, 1706 г.). Здѣсь въ предисловiи объяснено, что въ настоящее время Россiя играетъ важную роль, какъ по послѣднимъ завоеванiямъ своимъ въ Аляскандiи, такъ и по тому, что царь желаетъ совершенно преобразовать свое государство, и что авторъ почерпалъ свѣдѣнiя о Россiи изъ достоверныхъ источниковъ, но какъ вслѣдствiе совершающихся тамъ преобразованiй, государство замѣтно измѣняется, то желательно было бы получать указанiя промаховъ, а также дополненiя къ печатаемымъ въ *Relation* извѣстiямъ.

Историческая часть *Relation*, начинающаяся рассказомъ о приходѣ въ Новгородъ трехъ братьевъ — варяговъ, составлена коротко по иностраннымъ путешественникамъ, писавшимъ о Россiи, и есть ошибки не только въ названiяхъ, но и событiяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя случились не за долго до времени изданiя извѣстiя.

За тѣмъ слѣдуетъ современное состоянiе Россiи, гдѣ говорится о религiи, доходахъ, воспитанiи, географическомъ положенiи и проч. Свѣдѣнiя о порядкѣ обученiя царевича Алексѣя Петровича наложены въ особой главѣ, въ которой похваленъ, между прочимъ, и самъ Гюйсенъ, и помѣщена вся инструкцiя, о которой, какъ видѣли выше, онъ упоминалъ, перечисляя свои заслуги. Последняя глава посвящена

¹⁾ Ibid. LIV, 1706, 504, sq.

описанію военной части въ Россіи, и здѣсь идетъ болѣе рѣчь о томъ, что Гюйссену было лучше извѣстно, такъ напр. сообщено объявленіе царя, разосланное Паткулемъ, о приглашеніи иностранцевъ вступать въ русскую службу, также и письмо царя къ Рвчи носилойтой, о которомъ уже говорено выше.

Описываемая Relation замѣчательна въ томъ отношеніи, что она переходила потомъ съ разными измѣненіями и дополненіями въ другія сочиненія о Россіи, выходящія въ свѣтъ при участіи Гюйссена. Книга, вышедшая въ 1710 г.: *Des grossen Herrens Staats und Gross-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewitz etc. Leben und Thaten*¹⁾ оказывается распространеною Relation 1706 года, что было замѣчено въ современномъ періодическомъ изданіи *Curieuses Bücher Cabinet* (2 выпускъ. 1711 г.), и намѣренно при томъ упомянуто, что авторъ *Leben und Thaten* неизвестенъ; однако изъ собственныхъ его словъ явствуетъ, что онъ былъ капитаномъ или майоромъ въ русской службѣ и пользовался, при составленіи жизнеописанія, бумагами нѣкотораго министра, что однако ему не помѣшало замолчать цѣлкомъ многія статьи Relation. За то другой современный журналъ *Welt und Staats Spiegel*, на который, какъ увидимъ ниже, баронъ имѣлъ вліяніе, хвали безусловно *Leben und Thaten*, находилъ тамъ множество любопытныхъ свѣдѣній о Россіи и, между прочимъ, останавливалъ вниманіе читателей на инструкціи о воспитаніи царевича, напечатанной въ 1706 году. Описаніе Россіи, изданное первоначально на италянскомъ языкѣ Малатестою, а также статьи въ *Bilder Saals* Имгоза, о которыхъ будетъ говорено ниже, также составлены по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ Relation.

*Teutscher Pavillon der Musen*²⁾, разбирая вышедшее въ Лейпцигѣ 1725 г. *Leben Petri des Ersten und Grossen*, указалъ, что авторъ этой книги Юстъ Готтордъ Рабенеръ (I. G. Rabener) былъ издателемъ *Europäische Fama*, «въ которой съ 1702 г. не пропущено ни одного примѣчательнаго событія изъ русской исторіи». Тамъ же замѣчено, что Рабенеръ, составляя жизнеописаніе, пользовался, какъ этимъ журналомъ, такъ и вышедшимъ въ 1710 году сочиненіемъ *Leben und Thaten*.

Въ заключеніе замѣтимъ, что современникамъ Гюйссена было намѣтно его сотрудничество въ *Europ. Fama*: такъ въ *Teutscher Pavillon*³⁾, при разборѣ *Nouveaux mémoires sur l'état présent de la grande Russie ou Moscovie* (Paris, 1725), замѣчено: «Ученый воспитатель царевича Алексѣя Петровича, баронъ фонъ Гюйссенъ прежде не могъ

¹⁾ Наружный видъ и краткое описаніе содержанія этой книги въ Библиогр. открыт. (Отеч. Зап. 1856 г. № 2, Т. CIV, стр. 364—365). Тамъ же есть извѣстіе, что авторъ сочиненія, скрывшій свое имя подъ буквами I. H. v. L., остался неизвѣстнымъ.

²⁾ Leipzig, 1725. IV Samml. S. 341.

³⁾ Ibid. S. 582.

достаточно нахвалиться его хорошими качествами: см. Яггер. Фама, XXXV, стр. 739. Прочитавъ эту статью въ Фама, можно убѣдиться, что въ Relation 1706 г. главы о воспитаніи царевича и о состояніи проповѣдья въ Россіи перепечатаны, съ незначительными измѣненіями, изъ помянутаго журнала.

Около 1706 г., Гюйсенъ напечаталъ противъ Нейгебауера (см. выше стр. 72): *Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügenhaften Pasquils, welches unter dem Titul: Vertrautes Schreiben eines vornehmen deutschen Officers etc. vor einiger Zeit aus Licht gekommen; darinnen von dem Tractament so wohl der Fremden ins gemein, als insonderheit der gefangenen Schweden in Moscow, wie auch von dem Moscovitischen Hof und Kriegs Staat warhafte Nachricht gegeben, und alles mit curiösen Anmerkungen aus der Historie, Politique und Re litteraria erläutert wird. Gedruckt nach dem Exemplar welches in Narwa 1705 herausgekommen.*

Въ началѣ отвѣта, на особо нумер. 16 отъ, помѣщенъ *Moscovitisches Kriegs Reglement*, о которомъ, подъ именемъ военныхъ артикуловъ, упоминаетъ самъ Гюйсенъ въ запискѣ, и это подтверждаетъ, что отвѣтъ этотъ и названная имъ репутация — одно и то же сочиненіе. Намъ извѣстно и русское изданіе этого регламента, описанное во 2-й части подъ 1706 годомъ. Въ опроверженіи, помѣщенномъ за регламентомъ, прежде всего сообщено, что о подвигахъ Петра говоритъ съ удивленіемъ весь міръ, и что даже китайцы считаютъ постановленія царя схожими съ ученіемъ, преподаваемымъ Конфуціемъ. Несмотря однако на такую извѣстность государя, является пасквиль подъ именемъ «письма знатнаго нѣмецкаго офицера», наполненный ядовитыми клеветами и ложью. Далѣе намѣкается, что одна сосѣдственная нація (т. е. Швеція) принимала большое участіе въ распространеніи пасквиля, и это по тому (продолжаетъ опроверженіе), что царь вознамѣрился образовать свое войско съ помощію иностранныхъ офицеровъ, вступленію которыхъ въ русскую службу хотятъ помѣшать нѣкоторые.

Въ одномъ мѣстѣ письма нѣмецкаго автора, между прочимъ, сказано, что на пиру царь наградилъ пощечною польскаго посла за то, что этотъ не стерпѣлъ насмѣшекъ молодаго любимца Александра Даниловича. Авторъ отвѣта не удовольствовался опроверженіемъ событія, но вступился и за то, какъ смѣлъ авторъ обвиненія отозваться о Меншиковѣ безъ упоминанія его титуловъ и званій — по всему видно, что въ этомъ авторъ отвѣта замѣтилъ намекъ на незнатное прохождение любимца. «Нашъ пасквильянтъ, сказано въ отвѣтѣ, показываетъ слабый умъ и нечестныя низкія чувства (*malhonnetes und capillauses Gemüth!*) тѣмъ еще, что онъ легкомысленно обращается съ знаменитымъ родовымъ прозваніемъ господина губернатора кн. Меншикова съ цѣлю, чтобы содѣлать эту особу презрительною и незави-

смысле. Кн. Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской семьи, которая довольно известна на Литвѣ. Отецъ г. губернатора былъ офицеромъ семипольскаго егерскаго величества полка, и до сихъ поръ у него много родственниковъ, владѣющихъ помѣстьями около Минска и вмѣняющихъ себя въ особую славу, что одинъ изъ нихъ такъ высоко вознесенъ за свои заслуги... За тѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ качествъ Меншикова — качествъ, которыхъ не признаетъ однако безпристрастная исторія. Замѣчательно, что авторъ, желая возвысить своего героя предъ иностранцами, прибавляетъ, что «онъ умѣлъ, для пользы своего государя, воспользоваться всеми хорошими привычками, обычаями, правилами, церемоніями и вѣжливостью иностранныхъ дворовъ, и вообще государственными и правительственными началами, подобно тому, какъ вода, пробывая по минеральнымъ слоямъ земли, приобретаетъ вкусъ и силу ихъ»...

Изъ любопытныхъ и, повидимому, достойныхъ вѣроятія извѣстій о царѣ сообщаемъ слѣдующій анекдотъ: «Его царское величество зашелъ однажды въ палатку къ нѣмцу, у котораго на столѣ, между разными книгами, лежали Полютика Аристотеля и Сатиры Ювенала. Петръ, узнавъ объ этихъ заглавіяхъ, оказалъ: «прілежнымъ и честнымъ быть — вотъ лучшая политика частныхъ людей; но у знатныхъ господъ ее должно быть очень мало, при отсутствіи страха господня и настоящей силы и мощи осуществлять благоразумно задуманныя предпріятія. Что же касается до сатиръ, то онѣ въ нашей странѣ были бы запрещены подѣ строгимъ наказаньемъ.» Когда же Царю объяснили бѣгло содержаніе сатиры и о томъ, что онѣ не пасквили и что Ювеналь хотя осмѣивалъ дурные обычаи и нравы римлянъ колко, но вѣжливо и разумно, съ присоединеніемъ прекрасныхъ нравоученій; въ доказательство чему Петру переведены были 11 стиховъ X сатиры (*Organdum est, ut sit mens sana in corpore sano*), и ему они такъ понравились, что онъ не только удержалъ ихъ въ памяти, но и часто ихъ перефразировалъ, а потомъ, выписавъ Ювенала въ голландскомъ переводѣ, заставлялъ читать себя оттуда многія мѣста¹⁾.

Въ концѣ описываемой брошюры сказано, что быть можетъ найдутся люди, которые возразятъ, что защищеніе является уже поздно такъ какъ письмо нѣмецкаго офицера напечатано годъ томъ назадъ но истину высказывать никогда не поздно, притомъ же если бы оставить письмо безъ отвѣта, то могутъ подумать, что русская партія не въ состояніи отвѣчать на обвиненія и принимаетъ ихъ молча.

Обращаясь къ запискѣ Гюйссена, узнаемъ, что въ бытность свою въ Вѣнѣ онъ передѣлалъ въ русскомъ гербѣ цвѣта, согласно съ современными требованіями геральдики, и велѣлъ вырѣзать изображеніе его на мѣди, которое съ объясненіями напечатано въ Саксоніи два

¹⁾ Отсюда этотъ анекдотъ перешелъ потомъ въ *Das veränderte Russland* Вебера, II, 23, 24.

раза. Въ 1707 г., въ Вѣнѣ же неутомимый баронъ занимался разными дипломатическими и полицейскими продѣлками противъ шведовъ, Лещинскаго и поляковъ. Известно, что въ сентябрѣ 1706 г., Августъ II неожиданно отступилъ отъ союза съ Петромъ и, начавъ тайно переговоры съ Карломъ XII, кончилъ мирнымъ трактатомъ съ Швеціею въ Альтранштадтѣ. Гюйссену удалось «черезъ добрыхъ друзей» достать изъ непріятельской канцеляріи статьи этого трактата, которыя были пересланы царю, а Гюйссенъ сочинялъ при томъ, какъ сказано въ рукописной запискѣ, «мечтанія» о помянутомъ трактатѣ не напечатать ихъ въ Австріи ему не удалось ¹⁾. Кроме того, «граммоты, которыя свѣтлѣйшій кн. Меншиковъ послалъ къ генералу Мардесселду и къ другимъ шведскимъ офицерамъ, подъ Калининемъ въ колонъ взятымъ, на царь по своеручной ихъ запискѣ въ Саксонію отпущеннымъ, а не возвратившимся и развѣну полоненниковъ или картелю по обѣщанію своему не принявшимъ, — тѣ граммоты онъ, Гюйссенъ, при цесарскомъ дворѣ въ Вѣнѣ пребывающе, предъ шведскимъ посланникомъ присутствующимъ, знатымъ особамъ прочиталъ, списки со оныхъ раздавалъ, и печатныя публиковалъ; а оригинальныя письма онъ велѣлъ чрезъ подлинныхъ людей въ Саксонію имъ самимъ (т. е. шведскимъ офицерамъ) вручить, а отвѣту прошалъ, по сего не последовало»..

Впродолженіи всего этого времени, Гюйссенъ много испыталъ хлопотъ и безпокойствъ ради ложныхъ извѣстій о Россіи со стороны шведовъ. Баронъ также просилъ Гинца, издававшего въ Парижѣ на французскомъ языкѣ походы Карла XII, удержаться отъ неприличныхъ, по мнѣнію Гюйссена, выраженій, при чемъ указаны ложныя и превратныя извѣстія, которыя были исправлены потому во 2-й части ²⁾.

Въ 1708—9 годахъ, Гюйссенъ, будучи въ Россіи при царѣ, много писалъ дипломатическихъ бумагъ, между прочимъ по дѣлу объ удо-

¹⁾ Въ *Mémoires historiques par Lamberty* (IV, 440—441) есть извѣстіе, что по случаю альтранштадтскаго мира явилось много печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, гдѣ оспаривалось мнѣніе, что миръ действительно заключенъ, почему Августъ II вынужденъ былъ особымъ манифестомъ въ 1707 г. подтверждать его дѣйствительность: *Notum testatumque sit, quod cum diversæ litteræ, instructiones ac mandata post pacem... in Polonia publicata reperiantur, unde quidam ansam arripiunt, ipsam pacem tam solemniter firmatam ac ratihabitam in dubium vocandi, qua propter ne scripta ejus modi occasionem præbeant suspicionum, quibus restaurata feliciter inter utramque Regiam majestatem amicitia sollicitari ac intepescere possent...*

²⁾ Здѣсь, должно предполагать, рѣчь идетъ о сочиненіи de Grimarest подъ названіемъ: *Les campagnes de Charles XII, roi de Suède*, которое въ первый разъ вышло въ Парижѣ 1705 г. въ одной части; второе же изданіе было сдѣлано въ Гагѣ, въ 2-хъ частяхъ: 1-я 1707, 2-я 1708 г.

вотвореніи графа Матѣева за оскорбленіе его въ Лондонѣ¹⁾. Въ Москвѣ баронъ былъ озабоченъ приготовлениями къ торжественному въезду царя послѣ волтавской баталиі²⁾. Въ 1709 г., баронъ напечаталъ нѣсколько сочиненій въ честь царя, а въ 1710 г. отправилъ съ царевичемъ въ Германію, гдѣ хлопоталъ о бракосочетаніи его съ вольфенбиттельской принцессою, и пригласилъ Лейбница на свиданіе съ царемъ въ Торгау.

Въ 1713 г., въ Петербургѣ Гюйссенъ, по приказанію царя, составилъ: а) о должностяхъ еискала и значеніи сената въ разныхъ государствахъ; б) о правѣ первородства, и в) объ обязанностяхъ дворянъ и чиновниковъ и повинностяхъ русскому правительству. Далѣе онъ обязанъ былъ писать проекты: 1) объ образованіи коллегій и учрежденіи чиновъ, что хотя измѣнено потомъ, однако Гюйссенъ съ величайшимъ стараніемъ извлекалъ изъ европейскихъ законодательствъ все лучшее, что могло въ отношеніи чиновъ и коллегій быть введено въ Россіи; 2) о способахъ пожалованія графскаго, баронскаго и дворянскаго достоинствъ и о формѣ относящихся къ нимъ документовъ; 3) о герольдмейстерской коллегіи, о значеніи титула, церемоніала, отправленія и приѣма пословъ; 4) объ учрежденіи школъ, гимназій и академій для морскихъ и сухопутныхъ кадетъ, также для наукъ и искусствъ; 5) объ обществѣ ученыхъ, знающихъ юриспруденцію, математику и исторію, чтобы пересматривать, переводить и издавать полезныя книги; 6) объ открытіи публичной библиотеки и зала для искусствъ и естественныхъ наукъ; 7) объ улучшеніи типографіи; 8) о почтахъ; 9) о мануфактуристахъ, промышленникахъ и художникахъ; 10) о сельскомъ хозяйствѣ; 11) о правильной постройкѣ домовъ, согласно предписаннымъ образцамъ, и, наконецъ, 12) объ умноженіи, содержаніи и улучшеніи произведеній страны. Въ рукописной запискѣ, Гюйссенъ говоритъ, что постановленія о чинахъ и коллегіяхъ онъ «изъ цессарскихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, прусскихъ и голландскихъ регламентовъ, кото-

¹⁾ Письмо по этому случаю отъ царя къ английской королевы, отъ 17 сентября 1708 г., напечатано на латин. яз. въ *Mémoires historiques par Lambert V, 175 — 178*. На русскомъ издано было при Петрѣ описаніе, какимъ образомъ происходило удовлетвореніе отъ англійскаго правительства за оскорбленіе Матѣева. Подлинное печатное извѣстіе мнѣ не удалось видѣть, а въ перепечаткѣ оно помѣщено въ *Журналъ или подлинныя П. В. ч. II, стр. 224 — 235*. Въ П. В. есть то же описаніе на франц. и нѣмецкомъ яз.: *Relation de ce que s'est passé à Moscou le 1/16 de février 1710, le jour que s. m. cz. Pierre I, empereur de la grande Russie admit à l'audience publique s. exc. M. Charles Withworth etc., s. l. 1710 (1°)* и *Relation von der öffentlichen Audienz, welche J. M. der Königin von Großbritannien Extraordinaire Ambassadeur H. C. Withworth bey J. G. Cz. Majestät in Moscou gehabt, s. l. et a., 4°*.

²⁾ Подробности этого торжества напечатаны въ *Europäische Fama, 1710, XCVII, 61 sq. XCVIII, 157 sq.* Есть о томъ и отдѣльная брошюра на нѣм. яз., ср. *Вѣдомости 1709 года, описанныя во 2 части*.

рых своим протормя промышленяль, самопотребное что въ росейское государство ввести можно сочиняль чрезъ четыре переводчика, а именно: Келлермана, Ларионова и обохъ братьевъ Волковыхъ, которымъ оя въ то время вдругъ дѣло давъ перевести, велѣль еще и регламентъ о рангахъ ото всѣхъ дворовъ собрать, и проектъ подалъ».

Гюйссенъ имѣль также повелѣніе о выгравированіи на мѣди изображеній всей царской фамиліи и знатнѣйшихъ изъ русскихъ министровъ и генераловъ съ тѣмъ, чтобы гравюры, для прославленія ихъ именъ, были приложены въ *Europäische Fauna* и *Staats-Spiegel*, вмѣстѣ съ хорошими описаніями. Видѣли выше, что въ первомъ изъ журналовъ помѣщались портреты, какъ Петра, такъ и его министровъ.

Что касается до втораго изданія, то оно выходило въ Гатъ, съ 1709 г., подъ заглавіемъ: «*Neu eröffneten Welt und Staats Spiegel worinnen die in Europa, wie auch denen andern Theilen der Welt vornehmlich aber in Teutschland vorkommende merckwürdigen Begebenheiten kürzlich vorgestellt, auch alles mit gehörigen Documenten an Memorialien, Briefen, Relationen, und der gleichen erläutert, einige Anmerkungen beigefüget und verschiedenes aus der Geographie, Genealogie, Politica und Historie erörtert wird*». Здѣсь прилагались также портреты замѣчательныхъ владѣтельныхъ особъ и генераловъ, работы саксонскаго гравера Бернигероденса (*Bernigerodens*). Вообще всѣ изданія, гдѣ Гюйссенъ, по собственному выраженію, способствовалъ составленію статей, отличались сочувствіемъ ко всему, что происходило въ тогдашней Россіи, чѣмъ и разнились отъ другихъ иностранныхъ журналовъ, о которыхъ нѣтъ упоминаній въ запискѣ барона. Въ *Welt und Staats Spiegel* находимъ статьи о Россіи въ самыхъ лестныхъ для нея отзывахъ. Такъ напр. въ 1-й же части этого изданія (стр. 129, 130), при извѣстіи о полтавской битвѣ, читаемъ: «При этомъ, мы не будемъ говорить объ основателѣ московскаго государства, напомнимъ только, что Россія начала пользоваться большимъ спокойствіемъ съ 1613 года, т. е. времени вступленія на престолъ еедоровской (т. е. романовской) фамиліи, которая по матери происходитъ отъ Васильевича великаго (т. е. Іоанна Грознаго). Сего государя ославилъ тираномъ одинъ безталантный историкъ, такъ какъ онъ не могъ различить завоевателя отъ тирана. Но изъ всѣхъ членовъ этой фамиліи справедливо считается знаменитѣйшимъ нынѣ царствующій государь Петръ Алексѣевичъ, одаренный огромными умственными способностями. Онъ не только самъ своею собственною высокою особою посѣтилъ знатнѣйшія европейскія государства (чего до него ни одинъ изъ царей не дѣлалъ), но и положилъ основаніе къ будущему просвѣщенію и преуспѣянію своей страны, для каковой цѣли и призваны многіе способные иностранцы. Особенно войско приведено царемъ въ такое состояніе, въ какомъ до того никогда не было... За

тамъ олдують краткія извѣстія о войнѣ съ Швеціею, а о полтавскомъ сраженіи напечатано письмо русскаго генерала Аларда.

Въ 1711 г., въ томъ же *Welt-Spiegel* ¹⁾ есть описаніе пребыванія Петра въ Карлсбадѣ, начинающееся такъ: «Московский Маро, въ краткое путешествіе свое изъ Польши въ Карлсбадъ, успѣлъ доказать на дѣлѣ знаніа и любовь къ математикѣ и механикѣ. Такимъ образомъ вторично оправдалось то, что уже было о немъ вырѣзано на металлѣ:

Hunc Marte togaque
Praecipuum non bella magis finita triumphis,
Resque dumique gestae, properataque gloria regum,
In fidus vertere novum
Nullas unquam antehac Principes pari curâ
Belli munia et pacis ornamenta coluit.

Потомъ слѣдуетъ перечень всего, что было осмотрѣно и сдѣлано царемъ въ его поѣздку, а въ концѣ помѣщены нѣмецкіе стихи на бракосочетаніе царевича Алексѣя Петровича. Къ XXXVII ч. этого журнала приложенъ портретъ царя.

Въ числѣ заслугъ Гюйссена, записка упоминаетъ о томъ, что онъ убѣдилъ ученаго Гравину напечатать похвальное слово Петру ²⁾. Баронъ также споспѣшествовалъ посвященіямъ и прекраснымъ извѣстіямъ (*herrlichen Nachrichten*) о Россіи въ изданіяхъ: а) послѣдней части *Bilder Saals*; б) обонхъ *Sammlungen Staats Remarquen*, Амвросія Лемана; в) *Zeitungs Lexikon*, Іоанна Гюбнера; д) историческомъ и географическомъ описаніи Россіи на итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и е) перевода панегирика Прокоповича по случаю полтавской побѣды (о семъ послѣднемъ говорится во 2 ч. подъ 1709 г.).

Редакторомъ упоминаемаго въ первомъ пунктѣ изданія былъ Имгофъ (*Imhof*); оно носило заглавіе *Neu erdffneten historischen Bilder Saals* и въ V, VI и VII частяхъ его находимъ, дѣйствительно, извѣстія о русскихъ происшествіяхъ. Такъ въ V ч. (стр. 847—861), періодъ русской исторіи съ 1680 по 1700 годъ расказанъ по свѣдѣніямъ изъ описанной выше *Relation von Mosc. Reichs*, при чемъ приложены три небольшія гравюры: на одной изображено побіеніе бояръ стрѣльцами; на второй — въѣздъ царя въ Москву послѣ взятія Азова, и на третьей — (изъ перваго путешествія царя по Голландіи) Петръ, въ русскомъ платьѣ, и около него европеецъ, объясняющій чертежи. Въ VI ч. (стр. 539—543) описаніе русскихъ извѣстій примѣчательно тѣмъ, что тамъ превознесенъ похвалами самъ Гюйссенъ: «Для царевича Алексѣя Петровича, сказано тамъ, нуженъ былъ наставникъ не только

¹⁾ Т. XXXV, 955.

²⁾ Іоаннъ Винцентъ Гравина (*Gravina*), профессоръ правъ въ Римѣ (род. 1664 + 1718), полное собраніе сочиненій его издано въ Лейпцигѣ 1717 и 1737 г., а въ Неаполѣ 1743 г. подъ заглавіемъ: *Nuova raccolta diopusculti d. G. V. Gravina*.

для преподаванія науки царствовать, но и знакомый съ Европой и путешествовавший по ней. Съ этою целью, избранъ былъ изъ многихъ тотъ, который сопровождалъ въ путешествіи сына известнаго прусскаго министра Дянкельмана и приобрѣлъ себѣ повсюду всеобщее уваженіе. Благоразумный воспитатель успѣлъ въ короткое время придать царевичу науки отоль успѣшно, что онъ могъ считаться за просвѣщеннѣйшаго изъ всехъ европейскихъ принцевъ. Инструкція, сообразно которой обучался царевичъ, была составлена самимъ Гюйссеномъ и найдена превосходною во всей Европѣ. При этомъ сдѣлана ссылка на упомянутые уже выше *Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Mosc. Reichs* и *Leben und Thaten des Szaars* съ такимъ приращеніемъ, что Гюйссенъ, за свои заслуги, былъ почтенъ званіемъ посланника при вѣнскомъ дворѣ, что служить доказательствомъ, что въ Московіи нынѣ все измѣнилось и тамъ уже умѣютъ цѣнить способности и таланты иностранцовъ. Въ VII ч. (стр. 357 и 749), краткія извѣстія о побѣдахъ царя въ 1708—10 годахъ; приложенныя при томъ гравюры не представляютъ ничего любопытнаго.

Объ изданіи Амвросія Лемана, упоминаемомъ Гюйссеномъ во второмъ пунктѣ, невозможно ничего сказать, такъ какъ видѣть его намъ не случалось. Знаемъ только, что оно выходило въ Гамбургѣ въ 1699—1708 годахъ подъ заглавіемъ *Historische Remarques der neuesten Sachen in Europa*, редакторъ которыхъ Леманъ издавалъ также *Nova litteraria Germaniæ*; что въ послѣднихъ участвовалъ Гюйссенъ, говорено уже было выше.

Что касается до географическаго и историческаго описанія Россіи, то оно есть въ Публичной библиотекѣ на двухъ языкахъ: *Relazione geografica storicopolitica dell'Imperio della gran Russia o'sia Moscovia con le vite et azione più memorabili de'passati regnanti sino al tempo di S. M. Cz. Pietro primo oggi dominante*, съ посвященіемъ Елизаветѣ-Христинѣ, германской императрицѣ, супругѣ Карла IV и сестрѣ принцессы вольфенбюттельской, бывшей въ замужествѣ за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Это изданіе состоитъ изъ двухъ частей (I—292 стр., II—137 стр.) и напечатано въ Миланѣ у Марка Антонія Пандольфа Малатесты (*stampatore reg. com.*), безъ означенія года, но подъ посвященіемъ и разрѣшеніемъ печатать выставлены январь и мартъ 1713 года; первое подписано *Giovan Christoforo Wartis, austriaco Vienna Neostadiense*. Это сочиненіе переведено потомъ на нѣмецкій и напечатано, вмѣстѣ съ переводомъ известнаго труда каинтана Перри, подъ заглавіемъ: *Das jetzige Staat von Russland*; въ 1 части—описаніе Перри, а во 2-й—переводъ итальянской *Relazione* (Лейпцигъ, 1717 г., издатель Морицъ Видманъ). При 2-й части приложено нѣкъмъ не подписанное предисловіе къ читателю, въ которомъ говорится, что весьма любопытно знать состояніе такой страны, какъ Россія, потому что вирожденіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ на нее обра-

щено вниманіе всей Европы. Для удовлетворенія любознательности многихъ, необходимо точное описаніе этого государства, а это не легко, такъ какъ и о странахъ просвѣщенныхъ и извѣстныхъ часто сообщаютъ ложныя свѣдѣнія. Въ последнее время царь успѣлъ сдѣлать столько удивительныхъ преобразованій, что прежнія сочиненія уже не могутъ дать о нихъ вѣрнаго понятія. Должно надѣяться, что сама Россія будетъ мало-по-малу доставлять о себѣ извѣстія въ предназначенныхъ для публики сочиненіяхъ. Путешествія знатныхъ русскихъ и нынѣшняя тяжелая война прибавили матеріалу для современной исторіи, а желаніе могущественнаго монарха способствовать всему, что служитъ къ славѣ и благоденствію его подданныхъ, подастъ надежду, что онъ, при ежедневнѣ возрастающемъ процвѣтаніи литературы въ своей странѣ, озаботится, чтобы современникамъ и потомкамъ осталось удовлетворительное описаніе его великихъ дѣяній и имъ предпринятыхъ высокославныхъ преобразованій ¹⁾. Въ ожиданіи такого описанія, не должно пренебрегать нѣкоторыми сочиненіями о Россіи и особенно замѣчательнымъ по обилію матеріаловъ на итальянскомъ языкѣ (слѣдуетъ заглавіе изданія Малатесты). Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ этого произведенія получилъ всѣ сообщенныя имъ извѣстія отъ русскаго двора и чрезъ то былъ въ состояніи вѣрнѣе и лучше изложить всѣ событія. Наконецъ предисловіе и потому рекомендуетъ читателямъ *Relazione*, что изъ нея можно познаться съ Россіею легко и удобно. Замѣчательно, что и въ *Relazione* помѣщены, съ незначительными измѣненіями, тѣ же извѣстія, съ тѣми же промахами, которые находимъ въ изданной 1706 г., *Relation von dem Zustande des Mosc. Reichs*; дополненія же противъ нея въ жизнеописаніи Петра взяты также изъ знакомаго намъ источника, именно: *Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügenhaften Pasquils* (см. выше).

Въ главѣ о наследникѣ престола говорится съ величайшею похвалою объ успѣхахъ и занятіяхъ царевича; потомъ рѣчь идетъ о наблюдателѣ за воспитаніемъ его, кн. Меншиковѣ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, которыя мы привели изъ *Ausführliche Beantwortung*. Не пропущенъ также случай похвалить и самого Гюйссена ²⁾: «его царское величество довѣрилъ и передалъ должность воспитателя наследника престола — господину барону Гюйссену, нѣмцу по про-

1) Известно, что по волѣ царя Гюйссенъ собиралъ матеріалы для исторіи его царствованія. Вообще все предисловіе напоминаетъ сильно манеру и приемы самого барона.

2) Селлій въ *Schediasma litterarium*, между прочимъ, говоря о заслугахъ Гюйссена пишетъ: «inter ea evoluntur de eo Malatesta l. c. T. II, p. 357... но на предъидущихъ страницахъ не означено сочиненія Малатесты, а потому и оставалось неизвѣстнымъ, на какое именно сочиненіе ссылался Селлій: по прочтеніи *Das jetzige Staat von Russland* оказывается, что его хотѣлъ цитировать Селлій: тамъ на стр. 357, II ч. находятса похвалы Гюйссену, которыя здѣсь и помѣщаются.

исхожденію, который съ необычайнымъ прилежаніемъ и стараніемъ преподаетъ многія науки царевичу, въ то же время исполняетъ должность дѣйствительнаго военнаго тайнаго совѣтника и почитается за ученѣйшаго и способнѣйшаго человѣка. Знаній у него бездна, но особенно ему извѣстны юриспруденція и иностранныя языки. Баронъ любитъ ученыхъ и старается, по возможности, дѣлать имъ добро, защищаетъ ихъ противъ завистливыхъ придворныхъ изъ русскихъ и доставляетъ имъ случай войти въ милость къ царю и его приближеннымъ. Однимъ словомъ, Гюйссенъ—это меценатъ всѣхъ иностранныхъ ученыхъ, а потому ему обязаны, въ бѣльшей части случаевъ, водвореніемъ въ Москву многихъ изъ нихъ; при чемъ баронъ, по благоразумію своему, уничтожилъ тѣ препятствія, которыя встрѣчались при русскомъ дворѣ. Въ царевичѣ онъ вкоренилъ такое хорошее мнѣніе и уваженіе къ нѣмцамъ и другимъ иноземцамъ, что никто не въ состояніи поколебать его въ томъ, если только сами иностранцы будутъ держаться въ благоразумныхъ предѣлахъ и исполнять свои обязанности. Все, чѣмъ былъ Аристотель при Александрѣ Великомъ, Сенека — при Неронѣ, Аполлоній — при Маркѣ-Антоніѣ, все это можно, по справедливости, примѣнить и къ господину барону съ тѣхъ поръ, какъ на него возложены надзоръ и воспитаніе царевича. Навѣрное, когда нибудь Россія возблагодаритъ этого человѣка, по крайней мѣрѣ представится случай выказать уваженіе и благодарность барону, какъ лицу, заботамъ и благоразумію котораго страна будетъ обязана правленіемъ подъ скипетромъ свѣтлѣйшаго Алексѣя Петровича.

Кромѣ занятій по составленію исторіи царствованія Петра, о которыхъ будетъ говорено въ главѣ объ историческихъ трудахъ въ Россіи (см. ниже стр. 319—321), Гюйссенъ, по его словамъ, переводилъ на нѣмецкій языкъ «Книгу воинскій уставъ», сочиненную Петромъ и описанную подъ № 345, во 2-й ч. «И тако онъ, сказано въ рук. запискѣ, по часту въ одно время совѣтникъ, канцеляристъ (написатель), секретарь, переводчикъ и писатель былъ... По его императорскаго величества превысокому повелѣнію, онъ же, Гюйссенъ, оставилъ (около 1717 г.) статьи преславнаго ордена св. Андрея пространно, съ приписными на краѣ примѣчаньями и дополненіемъ статей кавалерскихъ на свѣтъ орденовъ написалъ; да г. барону Шафирову еще французскій свой переводъ меморіалу, что государевъ резидентъ въ Лондонѣ Веселовскій подалъ, долженственнѣ вручилъ» (о немъ во 2 части подъ № 442).

Последнимъ литературнымъ дѣломъ барона Гюйсена поименована въ его запискѣ надпись, сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ по приказанію Екатерины I, въ воспоминаніе подвиговъ Императора. Эту надпись Рабенеръ приложилъ въ концѣ своей компіляціи, вы-

шедшей въ Германіи въ самый годъ кончины государя, подъ заглавіемъ: *Leben Petri des Ersten* ¹⁾).

По смерти Петра, баронъ Гюйссенъ имѣлъ пристанище въ домѣ цесарскаго посланника фонъ-Остейна, который, наконецъ, говорилъ о немъ императрицѣ и, вслѣдствіе того, Гюйссенъ получилъ денежное вознагражденіе; но онъ имъ не воспользовался, потому что скоро послѣ того его обокрали. Въ 1740 г., Гюйссенъ въ глубокой старости повхалъ изъ Петербурга, чтобы кончить дни свои на родинѣ, и дорогою умеръ на кораблѣ близъ Борнгольма—его могила на морскомъ берегу, въ Гельсингеръ (Helsingör).

VI.

Состояніе духовныхъ училищъ въ началѣ XVIII вѣка. Навигаторская школа въ Москвѣ, Морская академія въ Петербургѣ. Цифирныя школы. Глѣкъ и его гимназія въ Москвѣ. Свидѣтельство доктора Бидлео о первомъ гошпиталѣ въ Россіи. Школа шведскихъ вѣннскихъ въ Тобельскѣ. Современныя иностранныя извѣстія о состояніи просвѣщенія въ тогдашней Россіи.

Въ I главѣ настоящаго труда было говорено о значеніи кievской духовной академіи для русскаго просвѣщенія начала XVIII вѣка. Изъ исторіи этого учебнаго заведенія ²⁾ видно, что въ то время составъ, направленіе и учрежденія его остались въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ XVII вѣкѣ. Несмотря на то, кievская академія пользоваться стала большимъ влияніемъ на образованіе духовенства въ Россіи, когда была преобразована московская духовная академія. Историкъ ея ³⁾, описывая періодъ съ 1700 по 1775 годъ, прямо говоритъ, что всѣ значительныя перемены, тамъ происходившія, главнѣйше состояли въ томъ, что греческія школы братьевъ Лихудовъ были замѣнены латинскими, что большая часть начальниковъ и преподавателей были изъ духовныхъ, воспитывавшихся или за границей (Стефанъ Яворскій, Палладій Роговскій, Θεοφιλαктъ Лопатинскій), или въ кievской академіи (Гавріилъ Бужинскій, Іосифъ Туробойскій и др.), и что, наконецъ, эти люди «ввели въ жизнь академіи (московской) порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, словомъ—сообщили ей свой духъ и направленіе».

¹⁾ Въ Публичной библиотекѣ есть принадлежащее перу барона Гюйссена: *Epithalamium in nuptias Caroli Frederici hæredis Norvegiæ cum principe Anna Petridæ, Revaliæ, 1725.*

²⁾ Исторія кiev. академіи, соч. Макарія Бугакова, Спб. 1843 г.

³⁾ Исторія моск. акад., Сергѣя Смирнова, Москва. 1865 г., стр. 81.

Кромѣ вліянія на московскую академію, кіевская, посредствомъ своихъ воспитанниковъ, распространяла свое направленіе и на школы, учреждавшіяся въ разныхъ епархіяхъ, что подробно можно видѣть изъ исторіи той академіи.

Вопросъ о состояніи просвѣщенія въ до-петровской Россіи до сихъ поръ есть вопросъ спорный. Какъ защитники реформы, такъ и противники ея, при недостаткѣ положительныхъ данныхъ, обыкновенно защищаютъ свои убѣжденія не столько фактами, сколько умозрѣніями и предположеніями. Между тѣмъ, въ историческихъ вопросахъ окончательные выводы всегда будутъ шатки, если не подтверждаются массою положительныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію свѣдѣній о происходившемъ въ известную эпоху. Поэтому, при разсмотрѣніи состоянія русскихъ школъ въ началѣ XVIII вѣка, мы, не опасаясь упрековъ въ сухости и безцвѣтности изложенія, рѣшаемся представить сырые матеріалы, которые уцѣляли въ одномъ старинномъ дѣлѣ объ училищахъ, заведенныхъ при Петрѣ для образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ русскихъ сословій — духовенства.

Прежде всего напомнимъ, что въ Духовномъ регламентѣ, изд. въ 1721 году, епископы обязаны были заводить при архіерейскихъ домахъ школы. При томъ упомянуто было о необходимости просвѣщенія въ духовенствѣ и это сдѣлано такимъ образомъ, что мнѣніе о вредѣ ученія вообще (ср. I главу настоящаго труда) подвергается уже опроверженію: «когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму Церкви поведенію, нельзя не быть нестроенію и многимъ, смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо, кромѣ древнихъ отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... наши русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновались?... И если посмотримъ чрезъ исторію, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣлыхъ ученіемъ временамъ. Не свѣсивались такъ епископы до 400-го лѣта, какъ послѣ возгорѣлся, наипаче константинопольскій и римскій — ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло».

Въ 1722 г., было объяснено, что «за скудостью довольныхъ учителей», обученіе въ помянутыхъ школахъ должно состоять изъ преподаванія букваря, сочиненнаго Прокоповичемъ (Первое ученіе отрокамъ) и славянской грамматики, изданной въ Москвѣ Поликарповымъ ¹⁾.

14 іюля 1727 г., верховный тайный совѣтъ требовалъ изъ синода свѣдѣній: «при всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Духовнаго регламента содержатся? Сколько въ которой епархіи

¹⁾ Полное соб. зак. VI, № 4081.

тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, и до какихъ наукъ произошли, и въ какое достоинство куда произведены? А буде зачѣмъ въ которой епархіи таковыхъ школъ и учениковъ не содержится, о томъ объявить именно. И по силѣ того регламента, на пропитаніе учениковъ всякаго хлѣба, отъ монастырей — 20-я, а отъ церковныхъ земель — 30-я часть; берется ли? Также о учиненіи семинарій, каковъ состоялся указъ — изъ какихъ денегъ или доходовъ оныя содержать повелѣно, о томъ съ того указа копію, а гдѣ по тому указу тѣ семинаріи учинены и въ какомъ состояніи нынѣ обрѣтаются, о томъ вѣдомость подать».

Представленные, вслѣдствіе этого запроса, свѣдѣнія и сообщаются здѣсь, какъ статистическія данныя для опредѣленія степени просвѣщенія между русскимъ духовенствомъ въ концѣ царствованія Петра и два или три года спустя послѣ его кончины¹⁾.

КІЕВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Въ донесеніи 1727 г. изъ Кіева читаемъ: «понеже кіевское училищное коллегіумъ отъ давныхъ зѣло лѣтъ есть заведенное и учениковъ въ немъ повсегда немалое число обрѣтается, того ради тѣхъ учениковъ, какъ сначала было и по се время, изчислити невозможно», поэтому были составлены вѣдомости о наличныхъ въ томъ году учителяхъ и ученикахъ. Въ числѣ первыхъ показаны: іеромонахи — Иларіонъ Левницкій, теологіи (онъ же ректоръ коллегіума), Амвросій Дубевичъ (префектъ), философіи, Стефанъ Калъновскій, риторики, Иннокентій Нероновичъ, поэтики, Амвросій Юскевичъ, синтаксисы, Клементъ Чарнѣцкій, грамматики. Іеродіаконы: Θεофанъ Трофимовичъ, инфимы, Леонтій Злобнѣцкій, фары. Учениковъ въ теологіи — 48; въ философіи — 84; въ риторикѣ — 79; въ поэтикѣ — 84; въ синтаксисѣ — 94; въ грамматикѣ — 61; въ инфимѣ — 84; въ фарѣ — 117; а всего — 654 человекъ. «А оныя ученики, прибавлено въ отчетѣ, на какомъ коштѣ содержатся и чѣмъ довольствуются, и, по силѣ регламента, отъ монастырей и отъ церквей хлѣбъ берется ли — о томъ не объявлено²⁾».

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

«Школы въ Черниговѣ, сказано въ отчетѣ, при монастырѣ кадетральномъ (т.-е. троицкомъ ильницкомъ) обрѣтаются съ начала 1700 г. по риторикѣ, а сколько учениковъ было въ школахъ по сию пору — о томъ неизвѣстно, первіе для того, что оныхъ нигдѣ не за-

¹⁾ Извлечено изъ дѣла синодальнаго архива 1727 года іюня 19, № 12/104.

²⁾ Коллегіумъ содержался частью на доходы изъ монастыря, частью на подаянія добрыхъ людей, см. Ист. кіев. академіи, Булакова, 105—111.

писывано; другое же: нельзя и записывать, повсѣе суть отходные люди — одни зъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторику въ училищѣхъ черниговскихъ, отходятъ въ Кіевъ, или въ другія епархіи (?) до вышнихъ школъ и, скончавши школы, нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кievской, а другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ остаются; а другіе проповѣдью Слова Божьяго бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которые въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мірскихъ властяхъ остаются. Препитаніе же оныя ученики имѣють: которіи господскія дѣти, тѣ отъ своихъ домовъ питаются; а немущимъ своего препитанія, по смѣлѣ духовнаго регламента съ начала 1723 г., съ монастырей и земель церковныхъ дается препитаніе и на прочія нужныя требованія по всягодно, сколько имъ контентными быти возможно. Число же тѣхъ учениковъ въ школахъ черниговскихъ сего 1728 г. обрѣтается на лицо всѣхъ господскихъ дѣтей и нищихъ (т. е. недостаточныхъ) — 257, а во окончаніи года — будетъ ли столько, или ни, знати не можно.

Бѣлоградская епархія.

Епископомъ бѣлоградскимъ и обоянскимъ, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, былъ Епифаній. У него было заведено 8 школъ, раздѣленныхъ, по обычаю польскихъ училищъ по преподававшимся въ нихъ предметамъ: Въ филіозофій, учитель — преефектъ, іеромонахъ Митрофанъ Слотьянскій, учениковъ 23; въ риторику, учитель іеромонахъ Иларіонъ Григоровичъ, учениковъ 31; въ поэтику, учитель іеродіаконъ Гавріилъ Краснопольскій, учениковъ 23; въ синтаксисъ и грамматику, учитель іеромонахъ Авксентій Кивачицкій, учениковъ въ первой — 42, во второй — 22; въ инѣиѣ, учитель іеромонахъ Варооломей Тишчинскій, учениковъ 43; въ каръ, учитель іеродіаконъ Петръ Веніовичъ, учениковъ 100; въ славенской, учитель иподіаконъ Петръ Анцовъ, учениковъ 138 — а всего въ школахъ учащихся, въ 1727 г., состояло 420 человекъ. На препитаніе тѣхъ учениковъ по Духовному регламенту не собирается для того, что церковники своихъ дѣтей учать сами собою, а которые за крайнею скудостью прокормиться не могутъ, тѣ питаются отъ дому архіерейскаго въ учрежденной бурсѣ, а монастыри весьма скудны и доходовъ ни откуда не получаютъ, питаются своими трудами и мірскимъ подаяньемъ.

Въ Москвѣ.

Училища славно-греко-латинскія обрѣтаются въ Москвѣ въ Китай-городѣ, за иконнымъ рядомъ, заведены еще при святѣйшихъ

патріархахъ въ прошлыхъ годѣхъ. И во оныхъ школахъ, сколько сначала было учениковъ и въ какія ученія и достоинства произведены — о томъ не вѣдомо, понеже записки не имѣется, а нынѣ (т.-е. въ 1727 г.)... въ русской школѣ 108 человекъ, изъ нихъ элементарщиковъ (учившихся по латинскому элементарю) и писцовъ по латинѣ — 23; писцовъ по русски — 44; псалтырщиковъ — 10; часословщиковъ — 23; въ первоначальномъ ученіи — 8. Въ еллино-греческой школѣ — 35 учениковъ, изъ которыхъ произошли до синтаксической науки — 7, до грамматической — 17, въ начаткахъ ученія — 11. Изъ этой школы переведено въ латинскую, въ 1725 г., изучившихъ греческій и русскій языкъ 9 человекъ, которые въ 1727 г. произошли до пѣтической науки; въ числѣ ихъ встрѣчается имя Ивана Коровина, впоследствии переводчика при Академіи наукъ. Въ греческой школѣ было 28 человекъ, выучившихся по латинѣ и потому переведенныхъ изъ латинской. «Сіе же, что ученики греческіе вводятся въ латинскія, а ученики латинскіе изъ синтаксисы въ греческія школы, определено для того, чтобъ были обучены на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ».

Въ латинскихъ школахъ состояло 362 учен., изъ нихъ дошли: до науки богословской 12 (въ томъ числѣ Алексѣй Бестужевъ), до философской — 12 (между ними Иванъ Магницкій), до риторической — 21; до пѣтической — 31. Прочіе учились синтаксису и грамматикѣ, переходя въ греческія школы, а оттуда снова возвращаясь въ латинскія (между ними — Иванъ Поповскій, Степанъ Барсовъ). Въ числѣ послѣднихъ было 34 въ ивѣнической наукѣ и первоначальномъ обученіи.

Въ спискахъ (7 ноября 1727 г.) лицъ, вышедшихъ изъ славено-латинскихъ школъ «въ прошлыхъ годѣхъ», между прочимъ, значутся: Иванъ Ильинскій «былъ у князя волоскаго Кантемира переводчикомъ»; Петръ Сафоновъ, иностранной коллегіи переводчикъ на Москвѣ; Игнатій Рудаковъ въ наученія за моремъ; Александръ Бялосницкій, иностранной коллегіи переводчикъ въ Санктпетербургѣ; Константинъ Лявницкій въ математической школѣ; Иванъ Голятинъ былъ справщикомъ на печатномъ дворѣ въ Петербургѣ; Павелъ Габинскій учителемъ при г. Собакинѣ въ Москвѣ; Иванъ Кременецкій переводчикомъ въ типографіи въ Петербургѣ; Дмитрій Ильинской въ Петербургѣ; Григорій Венсацкій былъ учителемъ у Ивана Никитича Зотова; Степанъ Гембицкій справщикомъ на печатномъ дворѣ въ Москвѣ; Ѳеодоръ Голятинъ въ типографіи въ Петербургѣ; Іосифъ Ананьевъ въ домѣ Александра Львовича Нарышкина; Тарасъ Постниковъ учитель школы ивѣны; Иванъ Каргопольскій въ Петербургѣ; Александръ Зубовъ по указу отпущенъ туда же; Иванъ Красовскій нынѣ въ Петербургѣ при дворѣ ея императорскаго величества; Филиппъ Анохинъ и Василій Козловскій переводчиками при правительствующемъ синодѣ; Иванъ Воейковъ

взять по указу въ учителя въ Сербію и умре; Иванъ Горлецій нынѣ обрѣтается въ академіи петербургской сціенціарумъ подъ профессоромъ. Въ китайское государство съ полномочнымъ посланникомъ Саввою Рагузинскимъ—Иванъ Яблонцовъ и Лука Воейковъ ¹⁾.

Въ Петербургѣ, при Александроневскомъ монастырѣ.

Первоначально при этомъ монастырѣ была учреждена школа въ октябрѣ 1721 г., и въ нее, «ученія ради, опредѣленъ изъ новгородскія школы грамматистъ, что нынѣ Новгородскаго архіерея иподіаконъ, Иродіонъ Тихоновъ. Въ ноябрѣ 1725 г., поступилъ туда для преподаванія латинскаго и греческаго языковъ бывшій учителемъ въ московской еллино-греческой школѣ Аванасій Скиада. Съ 1726 года, училъ тамъ арифметикъ и геометріи присланный отъ генераль-маіора Декулона кондукторъ Иванъ Соснинъ. «Также, по силѣ Духовнаго регламента, ко увеселенію учащихся, обучаются нѣкоторые изъ семинаристовъ наемнымъ мастеромъ на мусикійскихъ инструментахъ». Съ открытія школы, то есть съ 1721 г., по 1727 г. въ ней было учениковъ 118, изъ нихъ 46 содержались на свой счетъ, а остальные отъ монастыря. Въ ноябрѣ 1727 г. тамъ оставалось 48 человекъ. Замѣчательно, что изъ выбывшихъ изъ школы 42 ученика «отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію». Нѣкоторые школьники перешли въ греко-латинскую семинарію; остальные же твердили буквари, Христовы о блаженствахъ провѣди толкованіе, псалтырь, часословъ; въ математикѣ далѣе раздробленія цѣлыхъ чиселъ и тройнаго правила никто не пошелъ. Петербургская школа отличалась отъ заведенныхъ въ другихъ городахъ тѣмъ, что въ ней было болѣе дѣтей разночинцовъ, мастеровыхъ, подъячихъ и пр.; между ними также встрѣчаются «хлопцы» разныхъ господъ и крестьянскіе дѣти. Въ именныхъ спискахъ учениковъ этой школы находимъ, между прочимъ, такую отмѣтку: «дому императорскаго величества служитель, арапъ Авраамъ вступилъ въ школу 14 марта, 1723 году, изучилъ букваря до 5-й заповѣди и взять къ дому императорскаго величества 27 ноябрю 1724 года». Если арапа, бывшаго при Петрѣ, а потомъ въ Парижѣ, считать за одно лицо съ тѣмъ, который показанъ въ спискахъ петербургской школы учившимся букварю, то прозаическая отмѣтка эконома Александроневскаго монастыря, іеродіакона Іосифа Жданова, заставляетъ сильно сомнѣваться въ тѣхъ блестящихъ, поэтическихъ рассказахъ о Ганнибалѣ, арапѣ Петра Великаго, которые писалъ его потомокъ, Пушкинъ ²⁾.

¹⁾ Здѣсь перечислены бывшіе воспитанники московской академіи, выпедшіе только въ свѣтское званіе.

²⁾ Бантышъ-Каменскій и г. Бартеневъ, принявъ отрывокъ Пушкина «Арапъ И. В.» за историческое свидѣтельство, заимствовали отсюда всѣ подробности о Ганнибалѣ (Словарь дост. людей и Родъ и дѣтство Пушкина, Отечест. Зап. 1853 г. ноябрь, II: 14 и 15).

Любопытный проект Θεοφана Прокоповича о петербургской семинаріи, поданный въ 1721 г. и такъ ярко обрисовывающій направление этого ученаго, помѣщенъ нами въ приложеніи VII.

Новгородская епархія.

Здѣсь, съ 1706 по 1726 г., было учениковъ въ разныхъ школахъ: домовоі архіерейской—284, знаменской—82, николаевской—разважской—50, великолудской—67, новоторжской—82, каргопольской—33, старорусской—64, устюжско-желъзоводской—54, олонекской—43, тихвинской—42, селовалдайской—74, бѣжецкой—196, юрьевской—10, и на петровскихъ желъзныхъ заводахъ 26, а всего 1007 человекъ. За исключеніемъ архіерейской и знаменской, всѣ прочія школы заведены въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Школа при архіерейскомъ домѣ называлась греко-славенскою и учреждена замѣчательнымъ по своимъ добрымъ дѣламъ новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ ¹⁾, при содѣйствіи братьевъ Лихудовъ, которые хлопотали изъ всѣхъ силъ объ усиленіи на Москвѣ греческаго вліянія, но были потомъ удалены по пронкамъ представителей византійскаго же элемента. Въ школахъ преподавали славянскую и греческую грамматику, цѣнтику, риторику. Изъ собственноручныхъ реестровъ митрополита Іова и епископа корельскаго и ладожскаго Аарона видно, что съ основанія училища до 1726 г., въ немъ обучалось 282 человекъ; въ послѣднемъ году состояло на лицѣ учениковъ 19. Въ

¹⁾ 22 августа 1714 года, за два года до своей кончины, м. Іовъ писалъ къ Петру: «у меня, богомольца твоего, сначала нынѣшніа войны обрѣтается 10 страннопріимницъ, 15 янше-питальницъ или больницъ, домикъ подкидышковъ. И тѣмъ всѣмъ хлѣбъ и соль, и всякая повседневная пища и дрова изъ дому моего со всякимъ удовольствіемъ отпускается, о чемъ в вашемъ царскому величеству не неизвѣстно есть; также по тюрьмамъ узникомъ и немущимъ дневная пища отправляется и платье, и верхнее, и исподнее, и обуви всѣмъ предеченнымъ странникомъ и въ тюрьмахъ и по больницамъ сущимъ опредѣляется изъ дому моего. А скончавшимся гробы и погребальная одежда отъ мене же исполняется; которыхъ уже сего августа по 18 число и погребено странныхъ 9,291 человекъ; изъ дому же подкидышковъ младенцовъ со христіанскимъ исполненіемъ скончавшихся человекъ съ 500 и больше. А прекормлено въ страннопріимницахъ больныхъ и отпущено оздравившихся Драгуновъ, солдатъ, посохи, кромѣ мимоидущихъ и сущихъ посомныхъ и всякъ чиновъ людей 166,058. Въ томъ числѣ по обычаю христіанскому исповѣданныхъ людей бысть 84,019 ч. Да сверхъ того, прислано изъ Санктъ-петербурха въ разныхъ числахъ больныхъ солдатъ 64 ч., и тѣ питомства, и одежда и покоя требуютъ же. Да и прежде сего таковыя изъ Санктъ-петербурха присланные кормлены жъ, и по се число яные питаются. И по предеченнымъ страннопріимницамъ, сальщеникомъ и служебникомъ жалованье денежное и хлѣбное дается изъ моего жъ дому... Да въ домовыхъ монахъ школахъ обрѣтается учениковъ, кромѣ учителей и переводчиковъ, со сто человекъ, которые отъ дому жъ моего обыкновенный себѣ кормъ берутъ, да и учителя и переводчики кормимъ, и одеждою и жалованьемъ за труды ихъ, пользы ради сѣ христіанскія Церкви, изъ дому жъ моего награждаются.. (Каб. дѣла П. № 21, л. 48—49)

остальныхъ школахъ учили славянской грамматикѣ, чтенію и письму въ новоторжской 8 человекъ обучались греческому языку, а въ великолукской двое—риторики. По вѣдомостямъ, между прочимъ, значится, что впродолженіи помянутаго періода времени 1 совершенно выучился шитикъ, а несовершенно—6, риторикъ—совершенно 9, а несовершенно—15 и т. д.

Ростовская епархія.

Въ этой епархіи до 1726 г. было двѣ школы: одна въ ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ (аврааміевомъ), другая—въ Ярославѣ при архіерейскомъ домѣ. Въ обѣихъ состояло 200 человекъ, обучавшіеся «славянской наукѣ и пѣнію. По духовному регламенту онымъ ученикамъ отъ монастырей и церквей хлѣба не собрано за недородою, да и для того, что хотя гдѣ остаточный хлѣбъ за сѣмяны и за обыкновенными расходу и былъ, и оный бранъ въ Москву въ каморъ контору и генералитету, отчего ученикамъ во обученіи учинилась остановка, того ради они, по поданнымъ доношеніямъ, распущены въ дома свои, со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали въ домѣхъ ихъ».

Тверская епархія.

На основаніи духовнаго регламента, въ Твери построена была школа на Ратмацкомъ посадѣ въ домовомъ архіерейскомъ, приписаномъ Федоровскомъ монастырѣ. Ученіе началось съ октября 1722 года; учили грамматикѣ и букварю іеромонахъ Іоиль, иподіаконъ Трифонъ Ипатовъ, дьяконы Якимъ Ивановъ и Андрей Никифоровъ, дьячекъ Иванъ Денисовъ, да николаевскаго пона сынъ, Алексѣй Ивановъ. Сначала учениковъ было 39, изъ нихъ 17 поступило въ причетники, 1 отпущенъ въ Москву и 1 сбѣжалъ. Въ 1727 г., оставалось только 20; до 1726 г. они кормились отъ архіерейскаго дома, а съ того года «за оскуднѣніемъ тамъ хлѣба имъ отъ домовой пищи отказано до опредѣленія штата, и нынѣ обучаются на домовой ихъ пищѣ».

Коломенская епархія.

Здѣсь при школѣ съ 1723 по 1725 г. было 30 учениковъ, а съ 1725 по 1727 г.—120. Пѣвчій Яковъ Ивановъ обучалъ ихъ по букварю Прокоповича и по Латинскимъ элементарямъ. По смерти Иванова въ 1726 г., мѣсто его заступилъ одинъ изъ трехъ учениковъ, посланныхъ на обученіе въ новгородскую школу, другіе двое также занимали учительскія должности въ Тулѣ и Орлѣ. Хлѣбъ вимался на содержаніе учениковъ только съ нѣкоторыхъ монастырей, а съ

остальныхъ, за скудостью, сбора никакого не дѣлалось. Съ церковей бралось по 3 четверти въ годъ хлѣба и по 5 коп. деньгами.

Крутицкая епархія.

Требуемыхъ регламентомъ школъ въ этой епархїи не было открыто «за неимуществомъ монастырей». Подобное обстоятельство было предвидѣно составителемъ регламента, а потому тамъ предписывалось, при недостаткѣ въ учителяхъ, отправлять для приготовленія къ такой должности въ новгородскую школу трехъ мальчиковъ изъ церковническихъ дѣтей, отъ 15 до 20 лѣтъ, «остроумныхъ и книжному ученію искусныхъ». вмѣсто того, изъ крутицкой епархїи были отправлены, въ 1723 г., 6 учениковъ въ московскія славено-латинскія школы.

Казанская епархія.

Въ мартѣ 1723 г., было собрано въ Казани въ школу, для обученія букварей и грамматикъ, 52 человекъ изъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей; въ апрѣль того же года, по опредѣленію казанскаго митрополита Тихона, «за недостаткомъ студентамъ пищи и одежды, отпущено дѣтей въ дома свои до указа — 9, да изъ малолѣтнихъ отдано отцамъ ихъ, для обученія въ домѣхъ своихъ часословцовъ и псалтырей — 11; выпущено положенныхъ въ подушный окладъ — 3; за неудобностию и неприятію науки отослано — 2; умерло — 6; въ повѣга — 14, и въ священническій чинъ произведены — 2. Остальные за тѣмъ 5 учениковъ обучались букварей наизусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орѳографїи, этимологіи, просодїи орѳографїи и синтаксїи осми частей слова, уравниій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій, такожде діалекта латынскаго, вокабуль, сентенцій, деклинацій и регуль со експликаціями и писанія того же діалекта, о седми тайныхъ церковныхъ, гратуляцій и прїветствій различныхъ, комедійныхъ акцій, которыя различно сначала ученія celebровались повсягдно въ семинаріи казанской публикѣ, такожь интермедїи; ариѳметическихъ частей, нумераціи, аддїціи, субстракціи, мультипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго». Учителемъ казанской школы былъ «польскої породы» Василій Свентицкій. По прибытіи въ Казань преосвященнаго Сильвестра, въ 1726 г., были снова собраны церковнослужительскіе дѣти, изъ которыхъ выбрано годныхъ для школы 70 учениковъ, и изъ новокрещенцовъ, въ надеждѣ священства, 10. Прочіе, до 1772 г., оставались не разобранными по неимѣнію времени и за отлучкою преосвященнаго. Для новыхъ учениковъ школа «особливая и покой, въ которыхъ учителю и онымъ студентомъ жительство имѣть, всѣ

вновь построены внѣ града Казани, но токмо въ близости, надъ рѣкою Казанкою, на высокоомъ, прекрасномъ, уединенномъ и удобномъ мѣстѣ и при поляхъ въ домовомъ архіерейскомъ, по указу за малобратствомъ упраздненномъ, Феодоровскомъ монастырѣ, и учитель прежній имѣется, а на содержаніе той семинаріи и пропитаніе учителя со студентами довольствованіемъ, по самой крайней нуждѣ опредѣлены по указу же за малобратствомъ же упраздненнаго и какъ церкви, такъ и братскихъ покоевъ немущаго, бывшаго Осиинскаго преображенскаго монастыря крестьяне, съ которыхъ за всякія монастырскія прежнія издѣлія, по ихъ прошенію и по договору, опредѣлено оброку брать по 150 р. на годъ, для того понеже въ казанской епархіи знатныхъ, многовотчинныхъ, хлѣбомъ довольныхъ монастырей, кромѣ Свяжскаго, не имѣется.

Вологодская епархія.

Здѣсь школа открылась въ 1724 г., учениковъ собрано 45; изъ нихъ 27 выпущены для приписки въ подушный окладъ; остальные же 18 «вступили въ арифметическое ученіе» въ 1725 г., «и не изуча оной арифметики въ сентябрѣ того же года распущены по домамъ, по какой причинѣ неизвѣстно». Хлѣбъ, согласно регламенту, собирался съ монастырей и церквей не сполна, и часть его пошла на посявъ домовою архіерейскою землею «за всеконечною скудостью». Со вступленіемъ въ управленіе епархіею преосвященнаго Аванасія (въ 1726 г.), этотъ сборъ хлѣбомъ прекращенъ.

Рязанская епархія.

Въ Переяславѣ рязанскомъ при архіерейскомъ домѣ основана школа въ 1724 г. въ Семіоновскомъ монастырѣ, что близъ торгу, но «священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей грамматикки и прочихъ къ познанію св. писанія приличныхъ наукъ обучать было некому, понеже ко оному ученію при домѣ архіерейскомъ учителей не обрѣтено», а потому оттуда были посланы въ новгородскую школу два подъяка и одинъ церковникъ, которые возвратились въ Переяславль въ январѣ 1726 г. и начали учить въ школѣ съ февраля. Сначала тамъ было 70 учениковъ, а по прибытіи на епископство преосвященнаго Гавріила (Бужинскаго) число ихъ возрасло до 269. Къ 1727 г., въ школѣ были обучены: букварямъ 70 человекъ, изъ которыхъ «въ наукѣ элементарной латинской» — 40, а когда оную окончатъ, могутъ происходить въ другія высшія ученія; славянскою грамматикѣ — 30. Обучались въ последнемъ году букварямъ 128 ч. азбукамъ — 6, часослову — 59, псалтырю — 75.

Сверхъ того, отъ рязанской епархіи доставлены были свидѣнія и

объ арифметической школь, которая, по распоряженію правительства, была присоединена къ епархіальной школь. Цифирная школа открыта въ Переяславль рязанскомъ въ маѣ 1722 г. и учениковъ въ ней было 96, изъ нихъ обучены 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ арифметической школы самовольно». За тѣмъ остальные: 32 учились въ 1727 г. «во арифметикѣ, нумераціи — 11, адиціи — 5, субстракціи — 1, мультипликаціи — 3, дивизиі — 5, тройному — 3, десятичнымъ дробямъ — 2, геометріи циркульвымъ приемамъ — 1, трегонометріи плоской, тангенсамъ — 1».

На содержаніе школы собиралась опредѣленная часть хлѣба съ церковныхъ земель, а съ монастырей сбора не производилось, потому что оттуда весь остаточный хлѣбъ поступалъ, по указу царя, на «синаодальное правительство».

Суздальская епархія.

Въ 1723 г., дѣтей духовныхъ лицъ было здѣсь собрано 109 человекъ, которые обучались по присланнымъ изъ синода букварямъ и грамматикамъ. Первые преподавались 35-ти, а послѣднія 74-мъ ученикамъ. Содержаніе производилось изъ сбора хлѣбомъ, на основаніи регламента. Въ 1726 г., всѣ ученики были распущены по домамъ, такъ какъ по случаю неурожая, хлѣба съ церквей и монастырей не поступало.

Воронежская епархія.

Здѣсь школь, до 1727 г., не учреждалось: учителей «не имѣлось, а потому отосланы въ новгородскую школу 3 человека для обученія грамматическаго художества», которые возвратились въ Воронежъ въ 1725 г., но и послѣ того школа не открыта, за отлучкою въ Москву епископа Юсифа.

Устюжская епархія.

Въ 1725 г., въ школу тамъ поступило изъ дѣтей «устюжскихъ градскихъ, поповскихъ, дьяконовыхъ и причетническихъ» 15 человекъ, которыхъ обучалъ подьякъ Павелъ Яковлевъ съ товарищемъ букварямъ, толкованіямъ заповѣдей божіихъ, а потомъ грамматикѣ. 9 человекъ прошли эту науку всю, 5 «вступили въ ученіе до согласія, и до синтаксиса 1». За кончиною епископа Боголюбца, эти ученики остались недоучеными, «да и обучить ихъ другимъ наукамъ некому, и нынѣ (въ 1727 г.), при домѣ архіерейскомъ, за необрѣтающимся учителемъ, школы не имѣется».

СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Въ школъ при архіерейскомъ домѣ сначала состояло учениковъ 35 изъ церковнослужительскихъ дѣтей, которые «научены букварей, часовниковъ, псалтырей, ирмосовъ, партеснаго пѣнія и писать». Изъ нихъ: въ священники поступилъ 1, въ причетническія должности и пѣвчія—10, при отцахъ—23, за польскимъ рубежомъ—1, за помѣщика отписанъ—1. Въ 1728 г., въ школъ учениковъ было 19; на содержаніе ихъ хлѣбъ отъ церкви «собирался по рассмотрѣнію».

ВЯТСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Здѣсь, въ 1723 г., было собрано 35 учениковъ, «которые въ архіерейской школъ учатся славенской азбукѣ, часослова, букварей, псалтири, толкованія блаженствъ евангельскихъ и писать. А болѣе другимъ наукамъ учить некому, для того что такихъ учителей во оной вятской епархіи не обрѣтается». Сбора хлѣба не производилось «за недородомъ и за скудостью, а питаются школьники отъ дому архіерейскаго».

ПСКОВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Въ Псковѣ школа при архіерейскомъ домѣ открыта съ 1725 г., и по 1727 г. въ ней находилось 58 человекъ изъ церковнослужительскихъ дѣтей. Ихъ учили читать и писать, часослову, псалтырю, также десятословію съ толкованіемъ и церковному пѣнію. 8 человекъ, въ 1727 г., учили «славянскія грамматики третью часть слова». Сборъ на содержаніе школы производился на основаніи регламента.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Здѣсь школъ не было заведено вовсе «за скудостію епархіи, въ которой и служителей небольшое число содержится съ нуждою».

АСТРАХАНСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Въ Астрахани также школы не открывалось за тѣмъ, что «онихъ школъ и учениковъ содержать нечѣмъ, понеже при домѣ архіерейскомъ, и монастырѣхъ, и при церквахъ никакихъ вотчинъ и земель не обрѣтается».

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЕПАРХІЯ.

На основаніи 9 и 11 пунктовъ дух. регламента, въ Нижнемъ—Новгородѣ, съ 1721 г., были учреждены три школы при архіерейскомъ

домъ: одна—еллинногреческая, другая—славенороссійская и третья—букварная. Учителя въ нихъ получали содержаніе изъ архіерейскаго дома; на счетъ же преосвященнаго Питирима, покупались въ учебныя пособия; «токмо пропитаніе тѣхъ ученики прежде сего имѣли и нынѣ имѣють свое, а отъ монастырей всякаго хлѣба 20-й, а отъ церквей 30-й части на пропитаніе тѣмъ ученикамъ не имано», потому что «въ нижегородской епархіи имѣется знатный одинъ Печерскій монастырь, но изъ него оставшіяся за братскимъ расходомъ и за сѣменами хлѣбъ, по присланнымъ указомъ, берется по всягодно въ Москву, а на другіе расходы держать не велѣно, а въ прочихъ во всѣхъ монастыряхъ, за братскими расходами, не токмо по всегодной какой остатокъ хлѣбу бываетъ, но еще многой имѣется и недостатокъ. Также и при приходскихъ церквахъ, у священниковъ съ причетники церковныхъ земель, съ которыхъ они данныя деньги платятъ, нигдѣ довольныхъ не обрѣтается, и ежели отъ тѣхъ земель взять у нихъ законныя части, священникомъ съ причетники, за маломуществомъ тѣхъ церковныхъ земель, въ пропитаніи будетъ не малая тщета. И того ради, во общую тѣхъ священниковъ съ причетники пользу, въ вышепереченныя школы къ принадлежащимъ наукамъ брались, по распоряженію преосвящ. Питирима, дѣти отъ такихъ отцовъ, коибъ могли, во время бытія въ тѣхъ школахъ, довольствоваться сами своимъ коштомъ».

Въ 1724 г., въ нижегородской епархіи церковническихъ дѣтей, выучившихся букварямъ, было 132 человекъ; изъ нихъ нѣкоторые произведены въ священство; кромѣ того, въ школы оставалось на лицо — 295 чел. Въ 1727 г., въ еллинногреческой школѣ, подъ вѣдѣніемъ учителя монаха Савватія, съ основанія ея было 48 учениковъ, изъ нихъ греческой грамматикѣ выучились 7, которые въ послѣднее время изучали пѣтику. Изъ школы этой уволено за тупостью 11, умерло 2, бѣжало 4, а 24 учили грамматику.

Въ славенороссійской школѣ, подъ вѣдѣніемъ учителя Тимофея Колосова, первоначально было 110 человекъ, изъ нихъ: славенской грамматикѣ выучились 5, въ синодальную область, по переходѣ изъ нижегородской епархіи приписныхъ къ ней городовъ, выбыло 36; за негодностью исключено 6. За тѣмъ на лицо въ 1727 г. состояло 63 человекъ, учившихся, по смерти Колосова, у священническаго сына Дмитрія Андреянова.

Въ букварной школѣ, подъ вѣдѣніемъ учителя іеромонаха Сергія, да іеродіакона Авраамія, сначала было 427 учениковъ, которые «по выученіи букварей, произведены по достоинствамъ въ разные города и уѣздныя села къ церквамъ божіимъ во священники, и въ діаконы, и въ дьячки, и въ пономари, и нынѣ (въ 1727 г.) въ той букварной школѣ на лицо учениковъ ни кого не обрѣтается. А у коиъ священниковъ съ причетники въ вышепоказанныя еллинногреческую и славенороссійскую школы, за скудостью ихъ, дѣтей не взято, тѣмъ по-

вѣдно, въ надежду священства, буквари учить каждому въ домѣ своемъ, безъ котораго ученія ни въ которое достоинство не производятся».

ХОЛМОГОРСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Согласно указамъ 1722 и 1723 годовъ и духовному регламенту, при домѣ архіепископа преосвящ. Варнавы выстроена была деревянная школа, гдѣ въ 1723 г. было 39 учениковъ, изъ которыхъ 11 учили букваря, 28 — грамматики. Въ 1724 г., было тамъ 59 учениковъ: 23 учили грамматику, 20 твердили букваря, 8 псалтырь и 8 же часословъ. Въ 1726 г., значилось 46 человекъ: 7 учили грамматику, 16 — букваря, 14 — псалтырь, 9 — часословъ. Изъ этихъ учениковъ, въ 1727 г., посвящено въ діаконы 4, а остальные тогда же были распущены по домамъ, но въ октябрѣ снова вызваны въ школу. «А грамматики еще никто совершенно не изучилъ; изъ зачинаемыхъ же нынѣ вновь учениковъ и много есть которые и скудные и видѣ учиться не имѣютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждаются ученія желаютъ, изъ которыхъ могутъ быть и остроумные ученики. Изъ тѣхъ, въ нынѣшнемъ 1727 г., для ученія грамматики и прочаго, по посланнымъ указомъ, съ прежними и съ новобранными въ сборѣ имѣетъ быть не малое число».

Въ 1723 и 24 годахъ, ученики содержались на счетъ преосвященнаго, а въ 1725 г. за прежнее время собрано 134 четверти, да въ слѣдующіе два года 268 четвер. ржи и ячменя, но какъ этого хлѣба было недостаточно, то ученикамъ давались соль, масло, капуста, рыба всякая, молоко и проч., также дрова, изъ архіерейскаго дома.

ТОВОЛЬСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Здѣсь въ школѣ обучалось: 5 человекъ — букваря малаго, часослова, псалтыря, писать и пѣть; 14 — десятословію и грамматики; одному десятословію — 14. Изъ нихъ 4 уволено, а остальные поступили въ дьяконскія и причетническія должности. Въ 1727 г., тѣмъ же предметамъ учились 57 учениковъ. Кромѣ того, въ Знаменскомъ монастырѣ 10 человекъ обучались письму и 4 — пѣнію. Вѣдомости подписаны школьными учителями Тихономъ Карповымъ и Михайлою Лукашевичемъ; послѣдній, вѣроятно, былъ неправославный и, по обычаю того времени, подписался латинскими буквами: *K sum teystram skolny uczytel Michaylo Lukaszewicz ruk przyložyl*. Въ донесеніи эти лица писали: «въ епархіи тобольской дѣти къ обученію вельми тупы; къ тому же еще многіе объявляютъ дѣтей болѣзненныхъ, которые по усмотрѣнію въ школу не пріемяются, а отъ монастырей на пропитаніе школьнымъ учителямъ, по силѣ духовнаго регламента, за скудостью не бралось;

также въ епархіи церковныхъ земель при церквахъ не обрѣтается, но токмо съ Далматова монастыря присылалось малое число солода на квасъ, по 20 частей въ годъ, а помянутые школьные ученики убогіе; и новокрещенныхъ оотяковъ дѣти одеждою и пищею довольствуются отъ дому архіерейскаго, а екатеринбургскаго вѣдомства священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей къ намъ, въ Тобольскъ, для обученія въ школу не пускаютъ, а употребляютъ въ заводскую работу. Далѣе приводится примѣръ, что даже одного священника посылаютъ на заводскія работы, «отчего, замѣчено въ донесеніи, духовному чину не безъ утѣсенія и не безъ порицанія, понеже страждутъ безвинно, яко нѣкіи власно злодѣи, а не яко священницы, въ такой нетерпимой тяжелоносной работѣ, что и слышать весьма христіанскому человѣку странно, а церкви, за неимуществомъ священнослужителей и причетниковъ, многія пустѣютъ, а ставить некого, понеже, кромѣ причетниковъ, изъ стороннихъ не позволено, а причетниковъ и дѣтей управители ставить не даютъ».

Иркутская епархія.

Когда получено было требованіе доставить свѣдѣніе о состояніи школъ въ этой епархіи, т. е. въ 1727 г., оказалось въ Вознесенскомъ монастырѣ, у архимандрита Антонія Платковского, 8 человекъ, учившихся русской грамотѣ и 5—монгольскому языку. Кромѣ того, въ томъ же году, изъ уѣздовъ иркутскаго и селенгинскаго собрано было церковнослужительскихъ дѣтей въ русской школѣ 22 человекъ (учились азбуки, часослову, псалтырю и заповѣдямъ), и въ монгольской школѣ—8. Изъ послѣднихъ, по требованію съ китайской границы чрезвычайнаго посланника, иллірійскаго графа Саввы Владиславича Рагузинскаго, дано лучшихъ учениковъ 3 человекъ, «ради обученія по указу его императорскаго величества, въ бытность его въ Китаехъ, мунгальскаго и китайскаго языковъ». Изъ остальныхъ учениковъ мунгальской школы, трое читали монгольскія книги и учились говорить, трое учили книги, а читать еще не умѣютъ, наконецъ одинъ обучался азбуки. Содержаніе учениковъ поступало натурою изъ трехъ монастырей: Селенгинскаго троицкаго, Кириискаго троицкаго же и Посольскаго преображенскаго; учителя получали жалованье отъ Вознесенскаго монастыря, что при Иркутскѣ. А «нынѣ пропитать русскаго и мунгальскаго языковъ учениковъ невозможно, понеже то опредѣленіе было токмо на 25 человекъ, а монастырей обрѣтается только 3, и 20-ю долею новыхъ учениковъ питати отъ тѣхъ монастырей будетъ нечѣмъ».

✓ Впродолженіи всего царствованія Петра, въ мірахъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи отразилась склонность этого государя къ мореходству и военнымъ наукамъ. Перри рассказываетъ, что Петръ Великій, подъ веселый часъ, завидоваль должности адмирала англійскаго флота; а какъ онъ ставилъ высоко военное искусство, то можно судить уже по тому, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ неудовольствія его на сына, царевича Алексѣя Петровича, было нерасположеніе послѣдняго къ военнымъ приѣмамъ и дисциплинѣ, что ясно выказано въ письмахъ царя при дѣлѣ объ осужденіи царевича.

Неудивительно поэтому, что всѣ учебныя заведенія въ Россіи начала прошлаго столѣтія основывались единственно съ цѣлью образовывать моряковъ и военныхъ служакъ.

О первыхъ нашихъ специальныхъ заведеніяхъ — математической и навигацкой школъ въ Москвѣ и морской академіи въ Петербургѣ — собраны свѣдѣнія въ трудѣ г. Веселаго «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса» (Спб. 1852 г.). Отсюда узнаемъ не только предметы и способъ обученія, но также быть учениковъ, судьбу ихъ наставниковъ, всѣ препятствія и затрудненія, которыя они встрѣчали.

Составителемъ устава морскаго училища и первымъ преподавателемъ въ немъ былъ Андрей Фарварсонъ (Farwharson или Fargwarson; самъ онъ по русски писался Фархварсонъ), профессоръ абердинскаго университета, приглашенный въ Россію Петромъ Великимъ, когда онъ былъ въ Англій въ 1698 г. Даже въ официальныхъ бумагахъ сохранилось извѣстіе о значеніи этого англичанина въ исторіи русскаго просвѣщенія и о томъ, что съ помощію его «первое обученіе математики въ Россіи введено и едва ли не всѣ при флотѣ (писано въ 1737 г.) російскіе подданные, отъ высшихъ и до низшихъ, къ мореплаванію въ навигацкихъ наукахъ обучены»¹⁾.

Фарварсонъ пріѣхаль въ Россію на выгодныхъ условіяхъ, но они не выполнялись въ точности, чему подтвержденіемъ служитъ его просьба, въ 1710 году, гдѣ онъ писалъ къ Апраксину: «униженно молю, чтобъ ваше превосходительство изволилъ нынѣ его царскому величеству о мнѣ припомнить, для того что мнѣ не возможно больше и долѣ въ такой скудости жить, какъ я по се число живу».²⁾ Въ 1737 г., предложено было наградить всѣхъ учителей рангами, но Фарварсонъ не ходатайствовалъ притомъ о чинѣ, и адмиральтейская коллегія сама вспомнила о немъ въ своемъ представленіи: «хотя отъ него, Фарварсона, прошенія о дачѣ ему ранга и нѣтъ, однако же за знатныя въ пользу государства службы, коллегія всеподданнѣйше

¹⁾ Морской Сборн. 1856 г. № 14, ч. неоф. стр. 171—175

²⁾ Жизнеописанія росс. адмираловъ, Берга, I, 77.

просить, дабы наградить его бригадирскимъ рангомъ¹⁾. Про него Веберъ²⁾ говоритъ, что онъ былъ главнѣйшимъ изъ учителей математическихкихъ школъ, въ совершенствѣ звалъ русскій языкъ и уже выслалъ много образованныхъ людей въ морскую и военную службу. Фарварсонъ же выбиралъ учениковъ для морской академіи въ Петербургъ, куда и былъ самъ переведенъ потомъ.

Съ Фарварсономъ учили въ школъ другіе два англичанина Стефанъ Гвинъ (Stephen Gwyn) и Ричардъ Грейсъ (Richard Gries). По приѣздѣ въ Россію, они, вмѣстѣ съ Фарварсономъ, жили у своего соотечественника Андрея Кревета, переводчика посольскаго приказа, терпѣли нужду и также подавали просьбу, что они живутъ въ «палатченкѣ», хозяинъ которой «сподоблялъ ихъ всякими нуждами, питьемъ, людьми, лошадьми и прочимъ, только кромѣ харча и платья»³⁾. По свидѣтельству Перри⁴⁾, одинъ изъ этихъ помощниковъ Фарварсона былъ убитъ при выходѣ изъ школы, около 9 часовъ вечера — та же участь не разъ грозила постигнуть и Фарварсона.

«Въ навигацкую школу, пишетъ г. Веселаго, вѣчно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьячихъ, подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ, отъ 12 до 17 лѣтъ; но какъ въ эти лѣта изъ домовъ боярскихъ являлось малое число, то стали принимать и 20-ти лѣтнихъ. Впрочемъ изъ многихъ званыхъ было мало избранныхъ. Не говоря уже о грубости прочихъ сословій, русскій баричъ петровскаго времени, 17 или 18 лѣтъ, считался неразумнымъ младенцомъ, и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти не рѣдко повиновалось все окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастныя нянюшки и дядьки вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому. Взрослаго дворянина требовали на вѣчную службу, отъ которой его могло избавить только увѣще, тяжкая болѣзнь и глубокая старость; или малолѣтняго брали въ ученье — въ руки ненавистныхъ иностранцовъ, въ товарищество къ холопамъ, гдѣ въ случаѣ нерадѣнія или шалости, ему угрожали плети, батоги и кошки... Нѣкоторые изъ этихъ юношей, еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя, и естественно кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени; другіе серьезно придерживались чарочки; а только сосѣди академіи знали, что заборы и замки мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч... Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соответствовали и наказанія:

1) Ibid. стр. 73—74.

2) Das veränderte Russland, I, 136.

3) Очеркъ исторіи морск. корп., стр. 8.

4) Etat présent de la Russie, 1717, pag. 258—259.

свѣчь по два дни нещадно батогами, или по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута, наказать кошками»¹⁾.

Въ навигацкой школѣ учили ариметикѣ, геометріи, тригонометріи съ приложеніемъ къ геодезіи, болѣе же всего навигаціи и нѣкоторой части астрономіи. Науки преподавались, по большей части, на неудобопонятномъ языкѣ, и читая тогдашніе учебники, убѣждаешься, что ученіе юношеству обходилось не легко. Для морской академіи самъ царь составилъ такую программу: «учить дѣтей: 1) ариметикѣ; 2) геометріи; 3) фехтъ или приемы ружья; 4) артиллеріи; 5) навигаціи; 6) фортификаціи; 7) географіи; 8) знанію членовъ корабельнаго гола (т. е. кузова) и такелажа; 2) рисованью... Въ адмиральтейскомъ регламентѣ этотъ списокъ разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжаментамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіемъ съ мушкетами — совершенно; а фортификаціи и апрошамъ (т. е. долговременной фортификаціи); также и корабельнымъ членамъ, чтобъ только знали, что для чего дѣлается; наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно»²⁾.

Мысль распространенія просвѣщенія въ Россіи — Петръ Великій высказалъ скоро послѣ возвращенія своего изъ перваго заграничнаго путешествія. Сначала онъ думалъ расширить объемъ преподаванія въ славено-греко-латинскомъ училищѣ въ Москвѣ, зависѣвшемъ отъ патріарха, и бывши разъ (въ 1698 или 99 г.) у занимавшаго эту должность преосвященнаго Адріана, говорилъ ему: «благодатію Божіею и здѣ есть школа... и взъ школы бы во всякія потребности люди, благо-разумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачевское искусство. Еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учить свободныхъ наукъ и отдають здѣ оныя иноземцомъ; нѣнѣ же въ домѣхъ своихъ держать будто учителей иноземцовъ же, которые славенскаго нашего языка не знаютъ право говорить, къ сему же еще нивыхъ вѣръ, и при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси свои знати показываютъ; отчего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть спона велия, а рѣчи своей отъ неискусства поврежденіе. А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра училися. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался. И сего смотрѣти же надобно и прира-дѣть тщательно зѣло»³⁾. Но это предположеніе царь потомъ оста-

¹⁾ Очеркъ ист. мор. корп., стр. 8, 10—55.

²⁾ Ibid. стр. 46—47.

³⁾ Исторія царствованія П. В., г. Устрялова, III, 511—512.

виль: видѣли выше, что въ началѣ XVIII вѣка учреждено сперва специальное училище для мореходства, потомъ являются другія свѣтскія школы.

Въ 1714 г., состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ названіемъ цифирныхъ: «во всѣхъ губерніяхъ, дворянскихъ и приказнаго чина, дьячихъ и подьяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторую часть геометріи». Преподавателями назначились ученики навигацкихъ школъ; они должны были учить въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и значительныхъ монастыряхъ, съ платою по 3 алтына и 2 деньги въ день; съ учениковъ воспрещалось брать вознагражденіе, а каждый изъ нихъ, по выучкѣ, обязывался заплатить учителю рубль; послѣдній выдавалъ кончившему у него ученіе письменное свидѣтельство, «а безъ такихъ свидѣствованныхъ писемъ, жениться учениковъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать»¹⁾.

Въ 1715 г., опредѣлено было положительно, чтобы изъ навигацкихъ школъ отправить въ губерніи по 2 человека, выучившихъ геометріи и географіи «для науки молодыхъ ребятъ изъ всякихъ чиновъ людей»²⁾.

Григорью Скорнякову Писареву поручено было завѣдываніе цифирныхъ школъ въ Псковѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и Вологдѣ, и въ 1719 г. онъ доносилъ, что до того года ученіе производилось только въ одной ярославской школѣ, гдѣ удалось собрать 26 человекъ. Сенатъ подтвердилъ о высылкѣ дѣтей въ губернскія школы, приказавъ при томъ смотрѣть за учителями, чтобы они не дѣлали налоговъ и обидъ ученикамъ³⁾. Въ 1720 г., тотъ же Скорняковъ Писаревъ доносилъ, что въ цифирной школѣ въ Москвѣ 70 учениковъ, а въ провинціяхъ ихъ малое число. Между тѣмъ посадскіе люди вошли въ сенатъ съ просьбою, что дѣти ихъ занимаются торговлею и иные въ дальнихъ мѣстахъ, а ихъ принуждаютъ поступать въ школы, при чемъ «многихъ держать въ тюрьмахъ и за карауломъ». Сенатъ уволилъ дѣтей посадскихъ отъ обязательнаго ученія въ цифирныхъ школахъ⁴⁾.

Въ 1723 г., предполагалось соединить эти школы съ духовными, которыя были устроены по духовному регламенту. Синодъ отозвался, что школы при архіерейскихъ домахъ, кромѣ Новгорода, еще нигдѣ не учреждено. Поэтому предположеніе и было осуществлено въ Новгородѣ, при чемъ подтверждено, чтобы ученики въ цифирныя школы поступали не старѣе 15-ти лѣтъ, «а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь

¹⁾ Полн. собр. зак. V, № 2778.

²⁾ Ibid. № 2971.

³⁾ Ibid. № 3447.

⁴⁾ Ibid. VI, ММ 3785 и 3575.

не принимать, дабы подъ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались ¹⁾».

Въ губерніи изъ Москвы и Петербурга было отправлено учителей 47, изъ нихъ 18 возвратились назадъ, за неимѣніемъ учениковъ ²⁾; что же касается до успѣховъ обученія въ цифирныхъ школахъ, то о нихъ можно судить изъ приведеннаго выше (стр. 116—117) отчета объ одной изъ нихъ, въ Рязани.

Училище, заведенное въ Москвѣ пробстомъ Ернстомъ Глюкомъ, обращаетъ на себя вниманіе если не по своимъ результатамъ — Глюкъ умеръ скоро послѣ открытія его — то по своей программѣ и имени основателя. Извѣстно, что въ домѣ этого лица, когда еще онъ былъ въ Мариенбургѣ, жила *schönes Mädchen von Marienburg*, какъ ее звали маріенбургскіе жители, впослѣдствіи русская императрица Екатерина I. Справедливо ли то, что разсказывается при этомъ случаѣ придворными Веберомъ, Бассевичемъ, Беркхольцомъ и имъ подобными людьми — здѣсь говорить не мѣсто: мы ограничимся только тѣмъ, что въ жизни Глюка имѣетъ соотношеніе къ исторіи русскаго просвѣщенія ³⁾.

Изъ собственноручнаго объясненія Глюка, поданнаго въ 1699 г. ливонскому генераль-губернатору графу Дальбергу, видно, что онъ родился 1652 г. въ Веттинѣ (Wettin), близъ Магдебурга, въ Саксоніи; занимался преимущественно восточными языками и богословіемъ въ Альтенбургѣ, Виттенбургѣ и Лейпцигѣ; въ 1673 г., пріѣхалъ въ Ливонію для проповѣдыванія слова божьяго; здѣсь старался изучить латышскій и русскій языки, изъ которыхъ послѣдній былъ въ употребленіи въ восточныхъ провинціяхъ Ливондіи, гдѣ жили многіе изъ русскихъ, особенно раскольники ⁴⁾. Глюкъ хотѣлъ перевести для латышей библію

¹⁾ Ibid. VII, № 4326.

²⁾ Ibid. XII, № 9054.

³⁾ Свѣдѣнія о трудахъ Глюка заимствованы изъ Словаря свѣт. писателей ж. Евгения, явдан. только въ одной части г. Свєгиревымъ стр. 275—286. Въ изданіи того же Словаря Москвитяиномъ (1849 г.) біографія Глюка помѣщена въ сокращенномъ видѣ.

⁴⁾ 10 мая 1899 г., Глюкъ, описывая свои заботы о переводѣ для латышей библіи на ихъ языкъ, переходитъ къ разсказу о занятіяхъ своихъ русскимъ языкомъ: «Darant, that ich einen Blick fürder hin in die Reussische und Moscovitische Grenzen, von welchen Landen Unser allergnädigster König und Herr auch zwey provinzen unter seiner Bothmässigkeit hat, alwo nicht nur ein gleichmässiges, sonderu noch viel grösseres Elend antraf Denn was Ingermannland, Carelen, Reussland und das ganze Moscovitische Reich vor eine Bibel habe, ist bekannt; nemblich die slawonische, von welcher die Vernacula russica so weit discrepiret, dasz ein gemeiner Russe davon keinen einzigen periodum recht verstehen kann. Dies nahm ich zu Herzen, und fand durch Gottes Führung Gelegenheit, diese Sprache auch zuerlernen, ohngeachtet ich nicht begreifen noch absehen konnte, wie der höchste

— — —

съ еврейскаго и греческаго текста, но еще не чувствуя себя довольно сильнымъ въ этихъ языкахъ, отправился въ Гамбургъ, гдѣ изучалъ ихъ подъ руководствомъ ориенталиста Езарда (Ezardus). Съ 1680 г., Глюкъ снова является въ Лифляндіи сначала пасторомъ, а потомъ проботомъ. Здѣсь онъ занимался переводомъ книгъ св. писанія для латышей, а также заведеніемъ школъ. Въ 1684 г., онъ ѣздилъ съ ливляндскимъ оуперъ-интендантомъ Іоанномъ Фишеромъ, соученикомъ и другомъ своимъ, въ Швецію къ королю, и тамъ представивъ свои предложенія: а) касательно заведенія при проботскихъ приходахъ по Лифляндіи латинскихъ школъ и б) о русскихъ, называвшихся раскольниками. Второе предложеніе, объ учрежденіи русскихъ школъ и переводѣ на русской языкъ учебниковъ, было одобрено королемъ изъ политическихъ видовъ, но не приведено въ исполненіе за смертью его. «Я однако, писалъ Глюкъ, не оставался празднымъ, и съ упованіемъ на милость божію изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ издивеніемъ, русскаго пожилаго священника, который служить мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской бібліи на простой русскій языкъ, и твердо уповаю, что Господь Богъ благословитъ, къ славѣ его и спасенію людей, и сіи труды, по примѣру подъятыхъ на пользу латышей, а къ сему поощряютъ меня письмами изъ Германіи, и изъ Москвы, особливо Головинъ, царскій посланникъ...

Есть извѣстіе, что русскій духовный, помогавшій Глюку узнать русскій языкъ, былъ ученый монахъ изъ Пичуговскаго монастыря (Pitszug), недалеко лежащаго отъ ливляндской границы ²⁾. При осадѣ и взятіи Маріенбурга, русскій переводъ бібліи погибъ. Когда была потеряна всякая надежда на спасеніе этого города, Глюкъ, съ семействомъ, слугами и нѣкоторыми изъ горожанъ, явился въ русскій лагерь, держа въ рукахъ русскую біблію.

Петръ Великій и прежде слышалъ о трудахъ и знаніяхъ Глюка, а потому, два мѣсяца спустя послѣ взятія Маріенбурга, именно 4 марта 1703 г., опредѣлилъ ему ежегодное жалованье въ 3000 т. руб. (?) съ тѣмъ, чтобы Глюкъ открылъ въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцовъ и выбралъ самъ нужныхъ при этомъ учителей; для помѣщенія плѣннаго пробста отведенъ былъ въ Москвѣ, на Покровкѣ, домъ умершаго передъ тѣмъ боярина Василія Федоровича Нарышкина, куда Глюкъ и переѣхалъ изъ Нѣмецкой слободы.

Gott solche Erheblichkeit fürder dirigiren und zum herrlichen Zweck würde gedeyen lassen... Этотъ отрывокъ взятъ изъ Sammlung russischer Geschichte X B. Beiträge zur Kenntniss Russlands von G. Ewers und M. Engelhardt — S. 697.

²⁾ Livländische Bibliothek, von Gadebusch, I, 482.

Въ томъ же 1703 году, Глюкъ напечаталъ ¹⁾ на русскомъ языкѣ программу преподаваемыхъ въ его училищѣ предметамъ. При этомъ было объявлено такимъ образомъ объ учителяхъ: «1) для географіи, дѣятельной философіи, логикѣ, политики, латинской риторикѣ съ ораторическими упражненіями и съ изъясненіемъ примѣровъ изъ историковъ Курція и Юстина, а изъ стихотворцевъ Virgilія и Горация — учителемъ Іоаннъ Рейхмутъ. 2) для философіи картезіанской, также для языковъ греческаго, еврейскаго, иврскаго и халдейскаго — Христіанъ Бернардъ Глюкъ. 3) Для языка французскаго — Іоаннъ Мерла. 4) Для грамматикѣ нѣмецкой и латинской съ изъясненіемъ словаря (*Vestibulum*) и введенія въ латинскій языкъ (*Janua linguarum*) — Іоаннъ Густавъ Вурмъ. 5) Для начальнаго чтенія и письма латинскаго и для ариметики — Отто Бирканъ. 6) Для танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ — Стефанъ Рамбургъ. 7) Для рыцарской конной ѣзды и берейторскаго обученія лошадей — Іоаннъ Штурмевель. Самъ Еристъ Глюкъ для сихъ школъ приготовилъ на русскомъ языкѣ лютеровъ катихизисъ, молитвенникъ, нѣмецкую грамматику, вестибуль, т. е. преддверіе, или словарь къ познанію русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ и Коменіево введеніе во языки».

Въ *Europäische Fama* ²⁾ сказано, что Глюкъ, по повелѣнію царя, въ Москвѣ снова занимался переводомъ новаго завѣта, и приготовилъ на русскомъ языкѣ: 1) молитвенникъ и въ немъ молитвы, писанныя римами; 2) лютеранскій катихизисъ, вмѣстѣ съ ритуаломъ; 3) русскую грамматику; 4) *Vestibulum*; 5) *Orbis pictus* (Свѣтъ, зримый въ лицахъ), и 6) *Janua reserata linguarum Comenii* ³⁾. Прибавлено тамъ же, что Глюкъ помогалъ Полицарпову въ составленіи его Трязычнаго Лексикона (напеч. 1704 г.), но это извѣстіе въ *Relation* 1706 г. (ср. предъидущую главу) измѣнено, и Полицарповъ показанъ уже одинъ авторомъ этого словаря.

15 декабря 1703 г., Глюкъ, представивъ свои труды царю, просилъ «повелѣть: 1) открывшееся уже училище въ дѣйствиіи освидѣтельствовать и учениковъ испытать боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину; 2) книгу, переведенную имъ для школъ Преддверіе къ познанію русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ напечатать; 3) ему, плѣннику съ 15 дѣтьми и прислужниками, потерявшему все имѣніе, помочь»...

«Глюкова программа, или приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глины»:

¹⁾ Нынѣ не извѣстно ни одного экземпляра этой программы.

²⁾ Ч. XXXV, 787 sq.

³⁾ Трудъ Коменія, или Коменскаго въ первый разъ издавъ на лат. въ 1631 г.; на польскомъ *Dziwi językow otworzone* и на нѣмецкомъ *Die neue Sprachen Thür*—въ 1633 г. Въ австрійскихъ приходскихъ школахъ и донынѣ имъ пользуются.

«Здравствуйте, плодовиые, да токмо подпоръ и тычинъ требующіе дидивины! По указу державнѣйшаго вашего монарха полюбится мнѣ тремі точію словесами васъ о изъясненіи разума вашего обучати. Врата умудренія нынѣ отпирался, сирѣчь врата къ торговлѣ добрыхъ наукъ, которыми уподобленіемъ Цицеронъ сыну своему въ аѳинской академіи Кратиппу философу, преданному школьныя сладости, прекрасно расшлагаетъ въ 3-й книгѣ службъ. Сія рѣчь въ россійскихъ предѣлахъ отъ древнихъ временъ не часто слышана, суетнымъ папаротамъ и негоднымъ куколомъ прилучіе дала въ нестроенныхъ юношъ коренитися. Нынѣ же, чтобы чаще у васъ услышалася, милость божія благодатно вамъ въ пользу установила. Вы сами въ своей пазухѣ обряцете причины, для которыхъ вамъ достонтъ покорно сіе призваніе внимати и послушно остроуміе свое приклонити, и что полезно вліется, принимати, понеже младая юность

Аки воскъ, преобразится,
Часто въ злобу превратится,

и истиннымъ нарицаніемъ въ первыхъ лѣтахъ безумствуетъ. Того ради, слово сирѣчь юношествовати отъ еллино-греческихъ въ притчу установлено, и о тѣхъ речется, которые неопамятно дѣло свое чинятъ. Благодумайте, что благочестіе не прираждается, но притязается. Нива бо не дѣлана и не носитъ пшеницу, но волчець и осоты; подобаетъ разумъ нашъ очищати и соху прозорливаго наказанія прилагати, сѣмена же благихъ наукъ разсѣяти: сей чинъ есть и сей путь къ жатвѣ обильнѣйшей. Сія же врата вамъ нынѣ отпираются.

«Того ради видите въ тайное пріятилице премудрости и къ благоухищреннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ, и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; видите нашаче по монархскому государя вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ воструждается тьму неискусства отъ очей своихъ подданныхъ вытирати, и того ради палаты Нарышкина къ сему употребленію благодатно установяль».

«Егда путь къ симъ вратамъ и къ симъ покрытымъ сокровищамъ не знаете, се десница готова немощныхъ водити, плавающимъ помогати, и всякимъ заблудшимся милостіею божіею свѣтило предносити, и тако на семъ пути цѣлы будете отъ заблужденія, ниже со Иксіономъ, яко въ притчахъ поетическихъ читаемъ, облако вмѣсто богини Юно будете обнимати; но, вмѣсто простыя и лицемѣрныя вѣдомости, прямую и истинную премудрость добудете».

«Чтобы же познали, что отъ школьныхъ трудъ нашихъ въ вашу пользу пригодится, каталогъ учителей и наукъ симъ росписомъ изъясняемъ, изъ котораго увидите, что вепульные черви суть, которыхъ отроки въ бобахъ находятъ, ниже кропивы, которыми гряды разума

вашего посяяны будутъ, но полезныя науки, сколько ихъ вамъ въ пользу и красоту пригодятся».

«О томъ же и пакы коегождо отъ васъ охотника призываю словами Цицероніанскими отъ вышеупомянутаго мѣста: сколько умомъ своимъ возможете усмыслитовати, сколько трудомъ умѣете достигнути, только сотворите, чтобы совершили, да не повиняетесь при простираниіи всея благія требности, да не слава отъ васъ услышится, что вы свое благополученіе сами примедлили. Ернстъ Глюкъ, лифляндскій препозитъ, нынѣ полонянникъ».

«Катологъ учителей и наукъ. 1) Іоаннъ Рейхмутъ учить географію и изъ философіи дѣлательныя итику и политику, такожде и вышнимъ ученикомъ латинскій языкъ реторскимъ изъясненіемъ располагаетъ отъ историческихъ авторовъ Курція и Лутина, отъ поетическихъ же Виргилія и Горация истолкуетъ и своихъ къ ораціотворенію проводить. 2) Христіанъ Бернардъ Глюкъ учить философію картезианскую, когда удобные ученики будутъ, такожде языкъ греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій въ пользу всѣмъ охотникамъ еологическихъ сладостей. 3) Іоаннъ Мерла, французскаго языка учитель, всѣмъ охотникомъ онаго языка добротнѣ помогаетъ. 4) Іоаннъ Густавъ Вурмъ Вестибуль (преддверіе) латино нѣмецкій и явуу латинскую ясно научаетъ и грамматическая основанія непрестаннымъ прилежаніемъ полагаетъ. 5) Отто Биркаль учить первыхъ зачальниковъ по нѣмецки и по латински читати и писати и ариметическую науку изъяснить. 6) Стефанъ Рамбургъ, танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и complements чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ. 7) Іоаннъ Штурмевель, конскій учитель, охотниковъ отъ первыхъ дѣтей научаетъ кавалерскимъ чиномъ ѣхати, и лошадей во всякихъ школахъ и манерахъ умудрити».

Въ рукописяхъ академіи наукъ сохранилась краткая Географія Глюка на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ ¹⁾: въ ней находится указаніе о государствахъ Европы, Азій, Африки и Америки; указаны границы каждой земли, моря, рѣки, острова и провинціи. Въ концѣ статья «о незнакомыхъ земляхъ» (von den unbekandten Ländern), къ которымъ причислены Новая Земля, «отъ голландцовъ убо обрѣтена, и еще никто не вѣдаетъ островъ ли есть, или къ великой Тартаріи прикасается»; Шпицбергенъ, Гренландія, ужина (fretum) Дависъ, ужина Гудзонисъ, Новая Голландія, Новая Гвинея, Карпентарія (тамо еще только на берегъ ѣзжено) Терра дель Фуего лежитъ у Америки южеской (America meridionalis) и токмо чрезъ ужину морскую Магелланскую отъ того отлучено; на самомъ концѣ кабо Горнанское (caput Ногнапш), которую Лемаре изъ города Горна открылъ».

Въ началѣ этой книги есть посвященіе царевичу Алексѣю Пет-

¹⁾ Ркз. въ 8°, М. № 122, начало текста: «Земля раздѣляется... die Erde wird getheilt...»

ровичу, также на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, которое здѣсь и выписывается, чтобы дать понятіе о степени знанія Глюкомъ русскаго языка:

«Надежду воспріимають лучші юности твоя, сирѣчь твое великое и къ будущему владѣнію отчичихъ и дѣдичихъ государствъ угодное переимство, твоя геройска честь и хвалу любящая охота, твоя къ вѣщимъ вещамъ остроумная бодрость, твой благолѣпный нравъ, твое скорое перенаніе самотягчайшихъ вещей укрьвляють дерзновенную надежду, что съ умноженіемъ лѣтъ твоихъ ясность благочестій твоихъ впредь будетъ умножатися и возвышатися.

«Къ сей ясности юности твоя и благочестій твоихъ и я прихожу съ сею географскою книжицею:

Я хочу елей во огонь возліати
И охотное остроуміе твое еще болѣе возбуждати.

«Надобіе и пространную пользу сія книги не могу я на симъ твоимъ листѣ описать: но твой преславный совѣтникъ и учитель (Глюкъ здѣсь упоминаетъ о баронѣ Гюйссенѣ), который очима своими большую часть земныхъ государствъ самъ видѣлъ и испыталъ, той же тебѣ сія пространнѣе выкладеть. Нынѣ же почтися далѣе, о любви и лѣнота всего російскаго государства! Богъ да сохранитъ цвѣтеніе твое и дастъ созрѣти плодомъ твоимъ, да будещи древо правды и ясное солнце въ благополучіе всѣмъ подданнымъ. Воздыми также ясность милости твоя на меня, убогаго невольника, который множайшимъ воструженіемъ впредь будетъ изъявляти, что онъ есть пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго благородства нижайшій рабъ Эрнстъ Глюкъ».

Глюкъ умеръ въ 1705 году ¹⁾, и дальнѣйшая судьба заведеннаго имъ училища неизвѣстна: знаемъ только, что оно перешло потомъ въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза, магистра философіи и бывшаго послѣ первымъ переводчикомъ въ петербургской академіи наукъ. Одинъ грекъ, іеромонахъ Серафимъ, просилъ о дозволеніи ему продолжать ученіе въ заведенномъ въ Москвѣ училищѣ: «нынѣ, понеже случилась смерть Глукхію (5 мая 1705 г.), а дѣло уже обрѣтается въ порядкѣ, чтобъ не испортилось, если изволеніе ваше по договору, что онъ имѣлъ, принимаюся и я, и пошлю инога вонъ для дѣлъ моихъ, сыскавъ и помощниковъ моихъ, ради нѣмецкаго языка. Понеже я наши языки оба, латинской, французской и англійской подлинно и говорить и писать разумѣю; а къ тому же несовершенно русской, итальянской и другіе, сирѣчь испанской, португальской и нидерландской, при тѣхъ же и еврейскій...» Просьба эта однако не была уважена, можетъ быть по тому, что самъ Серафимъ откровенно свидѣтельство-

¹⁾ Надгробный памятникъ надъ могилою Глюка въ Москвѣ, на старомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, подъ Марьяною рощею, видѣлъ еще Карамзинъ. Замѣтимъ также, что годъ смерти Глюка разные писатели показывали не одинаково, о чемъ у Гадебуша въ *Litvāndische Bibliothek* I, 429.

валъ, что въ его время въ Россіи грековъ ставили ниже всѣхъ иноземцовъ ¹⁾).

Извѣстно, что Петръ Великій основалъ въ Москвѣ первый военный госпиталь и при немъ хирургическую школу. О послѣдней исторіи судебъ медицины въ Россіи, Рихтеръ собралъ мало подробностей, а потому приводимъ здѣсь свѣдѣнія, сохранившіяся о школѣ въ прошеніи основателя и распорядителя ея, извѣстнаго доктора петровскихъ временъ, Николая Бидлоу. Прошеніе писано въ 1712 году, слѣдовательно чрезъ 5 лѣтъ послѣ учрежденія заведенія.

«Всемиловѣйшій государь! Вашему царскому величеству благоугодно явилось 1706 года всемиловѣйше повелѣть госпиталь при Яузѣ построить, который божимъ благословеніемъ, попеченіемъ же его превосходительства графа Мусина Пушкина ноября въ 21 день 1707 году въ такое состояніе приведенъ, что со онымъ въ божіе имя начало учинено и впервые нѣсколько больныхъ въ томъ домѣ приведено.

«Въ семь госпиталѣ благоволилъ ваше величество, чтобъ я сего (т. е. русскаго) народа нѣсколько молодыхъ людей, которые голландскаго и латынскаго языка искусни были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ, и больныхъ посланныхъ ко мнѣ и иныхъ увѣчныхъ изцѣлялъ и напоследъ всякихъ людей, которые ко мнѣ присланы были, посѣщалъ. И сіе все, всемиловѣйшій государь, съ толкимъ поспѣшествомъ чрезъ мое раченіе къ хитрости (т. е. искусству) и съ прилежаніемъ исполняемо было, что болѣе тысячи больныхъ у меня всякими застарѣлыми язвами и болѣзнями и весьма неслыханными случаями счастливо оздоровѣли, и въ сей землѣ неслыханныя дѣйства учинилъ я къ поспѣшествованію сего случая къ пользѣ сихъ больныхъ, а къ наученію сихъ студентовъ многажды не отрекся моими собственными руками увѣчнымъ выятіемъ ядеръ и костей вспомоствовать.

«Еще я болѣе нежели единого человѣка работу студентами, елико мнѣ въ сіе краткое время возможно было, на себя принялъ, т. е. оныхъ во анатоміи, хирургіи и во искусствѣ травъ научати. И въ семь мнѣю я, что они во время отъ четырехъ до пяти лѣтъ толико во анатоміи и хирургіи обыкли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ вашего царскаго величества освященной особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы даже до ногъ съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ, како ихъ лечить; такожь они приключаются язвы за-

¹⁾ Исторія москов. духов. акад., соч. Смирнова, стр. 83.

взывати и ко онымъ завязываніе сочинять, гдѣ повседневно отъ 100 до 200 больныхъ суть, зѣло поспѣшно научилися, и хотя мои труды ко всемъ симъ студентамъ равны были, однакожь они не всѣ равное поятіе имѣли оному научиться и отъ того пользу имѣти. Сего ради, по вашего величества высокому указу, роспись готовъ учинить есмь онымъ, которымъ большее и меньшее искусни суть.

«Сей вашъ указъ, всемилостивѣйшій государь, привелъ я къ доброму концу, къ вашего величества славі и къ пользѣ бѣднымъ и увѣчнымъ. И сей вашего царскаго величества высокой славы достойный таковой гошпиталь учредить, не токмо во всю Россію, но и во весь свѣтъ къ вашей славі извѣстенъ и въ разныхъ книгахъ о томъ учинится упоминаніе. И сице сей госпиталь построенъ и въ добрый порядокъ приведенъ, и больные суть ко вѣщему ихъ удовольствию призраженіемъ вашего величества вспоможены, указы исправно исполнены и студенты искусни учинены»..

Въ postscriptum: «взялъ я въ разныхъ годѣхъ и числѣхъ 50 человекъ до науки хирургической, которыхъ: 33 осталось, 6 умерли, 8 сбѣжали, 2 по указу въ школу взяты, 1 за невоздержаніе отданъ въ солдаты. Въ прошедшіе четыре года, отъ 1708 по 1712, принято было болящихъ 1996 человекъ, изъ которыхъ нѣсколько отпущено здоровыхъ и коихъ лечить невозможно; 1026 человекъ отъ застарѣлыхъ и тяжкихъ болѣзней вылечено, а осталось въ гошпиталѣ нынѣ 142 человека»¹⁾.

Въ январѣ 1715 г., Бидлоо, прося объ опредѣленіи его комиссаромъ въ аптеку на мѣсто умершаго Павла Веселовскаго, писалъ къ царю: «по повелѣнію вашему построилъ гошпиталь, которой прежде прїѣзду моего не было, и въ ней, кромѣ леченія многихъ больныхъ, еще изъ російскихъ людей хирургической наукѣ такъ научилъ, что они во Франціи, Германіи и въ прочихъ государствахъ, такожь и у вашего величества при дворцѣ во искусствѣ своего ученія похвалены»²⁾.

Говоря о школахъ, учреждавшихся въ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія, невозможно пройти молчаніемъ учебное заведеніе, основанное въ Сибири, въ Тобольскѣ, плѣннымъ шведскимъ офицеромъ фонъ Врекомъ. Школа эта не оставила по себѣ слѣдовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и, послѣ заключенія ниптадтскаго мира, когда всѣ плѣнные шведы могли возвратиться на родину, была закрыта, а учителя и ученики ея покинули Тобольскъ. Несмотря на то, она представляетъ любопытное явленіе, такъ какъ возникала и существовала подъ влияніемъ исключительно религіознаго направленія, которое

¹⁾ Кабин. дѣла П. № 15, л. 139.

²⁾ Кабин. дѣла П. № 25, л. 339.

проявилось въ Германіи съ конца XVII столѣтія. Спенеръ и Франке стояли тогда въ главѣ такого направленія и имъ—то Германія обязана устройствомъ повсюду, безъ всякихъ пособій отъ правительства, народныхъ школъ, гдѣ вкоренялось то аскетическое и религіозно-мистическое настроеніе, которымъ отличались люди, извѣстные въ германской исторіи подъ именемъ піэтистовъ. Развитіе піэтизма весьма понятно въ тогдашней Германіи, стѣсненной болѣе, нежели какая либо страна, остатками средневѣковыхъ предрасудковъ и раздѣленной между множествомъ князьковъ, хотѣвшихъ жить какъ короли, и все на счетъ своихъ смиренныхъ подданныхъ. Последнимъ дѣйствительность при такой обстановкѣ не представляла ничего утѣшительнаго и привлекательнаго, они и желали лучше вознестись горѣ, чтобы забыть все, что давило ихъ на землѣ.

Фонъ Врехъ, попавшій въ плѣнъ послѣ пораженія Карла XII при Полтавѣ, былъ піэтистъ, какъ болѣшая часть шведскихъ офицеровъ изъ нѣмцевъ, и въ бытность свою въ Москвѣ встрѣтилъ въ тамошнихъ нѣмцахъ много жаркихъ послѣдователей Спенера и Франке. Когда его московскіе друзья узнали, что онъ, по прибытіи въ Тобольскъ, основалъ школу для дѣтей своихъ единовѣрцевъ, то тотчасъ же начали посылать къ нему денежные пособія. До самого Франке дошелъ о томъ слухъ въ Галль, и онъ успѣшилъ надѣлать школу разными книгами духовнаго содержанія; не разъ доставлялъ онъ фонъ Вреху и деньги. Въ 1714 г., въ тобольской школѣ было 12 учениковъ и 3 наставника, потомъ съ каждымъ годомъ число учащихся и учащихся возрастало, такъ что въ 1720 г., въ годъ закрытія ея, въ ней было 139 человекъ. Замѣчательно, что и русскіе (правда—очень немногіе) отдавали дѣтей своихъ въ школу фонъ Вреха и даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; кромѣ того, оказывали не разъ ему пособіе, на равнѣ съ московскими и заграничными нѣмцами. Объ этомъ сохранилось собственное свидѣтельство основателя школы.

Фонъ Врехъ завелъ въ своей школѣ распорядки и слѣдовалъ тому же методу образованія, какіе были введены профессоромъ Франке въ Галль: чтеніе библіи, пѣніе псалмовъ, произнесеніе молитвъ наизусть и по книгамъ—вотъ главные предметы преподаванія; даже въ краткіе промежутки для роздыха учителя обязывались занимать дѣтей бесѣдами о поучительныхъ предметахъ. Вообще же по уставу ученики не имѣли право говорить съ своими наставниками о чемъ либо другомъ, кромѣ божественнаго. Все остальное въ уставѣ фонъ Вреха можно уже угадать по этимъ главнымъ чертамъ ¹⁾.

¹⁾ Ср. Журналъ мѣн. нар. просвѣщенія за 1857, июль, стр. 30—50, III отдѣла: «Шведская школа въ Тобольскѣ въ царствованіе Петра Великаго»; статья эта заимствована изъ

Въ заключеніе настоящей главы, неизлишнимъ считаемъ представить тѣ иностранныя извѣстія, которыя оставлены въ царствованіе Петра о мѣрахъ къ просвѣщенію Россіи подѣ влияніемъ барона Гюйссена, и помѣщены сначала въ *Europäische Faма* ¹⁾, и потомъ съ измѣненіями въ *Relation* 1706 года ²⁾. Современныя извѣстія эти, хотя и пристрастны, однако не лишены интереса, какъ потому что писаны согласно волѣ и намѣреніямъ самого царя, такъ и въ томъ отношеніи, что повторялись много разъ потомъ въ сочиненіяхъ, гдѣ рѣчь шла о Россіи начала XVIII вѣка.

Въ *Fama* 1705 г. помѣщены слѣдующія разсужденія по поводу мѣръ для распространенія знаній въ Россіи: «Подобно тому, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ замѣчаются иногда извѣстныя степени возраста, при достиженіи которыхъ происходитъ переворотъ въ силахъ и счастіи ихъ, такъ точно въ жизни цѣлыхъ странъ и государствъ есть періоды, когда они, по неизъявнимои судьбѣ, достигаютъ или чрезвычайнаго могущества, или высшаго развитія. Науки и искусства никогда не остаются въ одной мѣстности: страны, гдѣ обитали прежде Музы, теперь служатъ жилищемъ варваровъ и потому, въ силу такового измѣненія, отъ просвѣщенной древности намъ достались только развалины. Изъ европейцевъ, къ которымъ медленно прочихъ прививается просвѣщеніе, татары и русскіе находились въ самомъ худшемъ положеніи. Первые и до нынѣ остаются еще въ неописанномъ невѣжествѣ, напротивъ, послѣдніе постоянно преобразовываютъ себя по образцу нѣмцевъ и, при помощи несравненныхъ учрежденій нынѣ царствующаго государя, начинаютъ смотрѣть не однимъ, но обоими глазами»....

«Прежде, если русскій священникъ умѣлъ кстатѣ прочесть одну главу изъ библіи или отрывокъ изъ проповѣди, то считался уже за ученаго человека, а кто умѣлъ читать и писать, отъ того не требовали дальнѣйшаго ученія».

Въ *Relation* пояснены причины такого состоянія просвѣщенія: «учебныя заведенія въ Россіи, не за долго передъ симъ, находились еще въ жалкомъ состояніи; само духовенство, которое было обязано просвѣщать другихъ, какъ будто совѣстилось открывать путь распространявшейся учености и довольствовалось тѣмъ, что учило читать и писать, и это въ Московіи считалось высокою степенью ученой премудрости. Причину такого невѣжества надобно искать въ ненависти грековъ къ католикамъ, такъже въ запрещеніи путешествовать

книги «онъ»—Вреха: *Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien*. Sorau, 1725.

¹⁾ Т. XXXV, 787 sq.

²⁾ Стр. 165—169.

по чужимъ землямъ и, наконецъ, въ сосѣдствѣ съ татарами. Однако нынѣ, подѣ мудрымъ правленіемъ его царскаго величества, такой порядокъ измѣняется, и Музы, богини свободныхъ наукъ, нашли новый Геликонъ въ московскихъ предѣлахъ и стали тамъ смягчать грубые нравы».

«Вниманіе могущественнаго монарха, говорится въ Fama, обращено главнѣйше на три предмета: на очищеніе теологическихъ знаній, на изученіе политическихъ наукъ и на улучшеніе военнаго искусства. Все это требуетъ знанія иностранныхъ языковъ и зрѣлой обдуманности»...

За тѣмъ упоминается о грекахъ (Лихудахъ?), которые учились въ Римѣ и Падуѣ, и преподаютъ въ Москвѣ философію, богословію, назначая иногда публичные диспуты; объ учителѣ, который тамъ же преподаетъ французскій и итальянскій языки; о іезуитахъ, прибывшихъ въ Россію миссіонерами и дающихъ юношеству уроки въ латинскомъ языкѣ, математикѣ и военномъ искусствѣ. На обсерваторіи (при сухаревой башни) ежедневно обучается до 200 человекъ дѣтей и взрослыхъ арифметикѣ, геометріи, математикѣ и корабельному искусству. Ученики освобождены отъ военной службы, а бѣдные изъ нихъ получаютъ нѣкоторое вспоможеніе. Послѣ хорошо выдержаннаго экзамена, они получаютъ награды и посылаются въ армию, гдѣ имъ даютъ, предпочтительно предѣ прочими, лучшія мѣста, почему и юноши, и взрослые стараются получить образованіе въ училищѣ. Даже русскія женщины начинаютъ заглядывать въ газеты, которыя, визитѣ съ другими книгами, переводятся на русскою языкъ и продаются по умѣренному цѣнамъ. Потомъ говорится объ училищѣ и переводахъ Глюка, а также о Поликарповѣ, составившемъ и издавшемъ трехъязычный Лексиконъ. Наконецъ сообщено, что анатомія дѣлается извѣстною между русскими: въ Москвѣ построены анатомическій театръ, который въручѣ надзору доктора Бидлоу, голландца и царскаго медика; онъ часто анатомируетъ тѣла, какъ умершихъ обыкновенною смертію, такъ и скончавшихся отъ ранъ, при чемъ часто присутствуетъ самъ царь съ вельможами, особенно когда медики совѣщаются о свойствахъ тѣла и причинахъ различныхъ болѣзней. Другой медикъ, англичанинъ (Арескинъ), председательствуетъ въ физико-математической коллегіи (?), въ которой былъ и бесѣдовалъ гетманъ Мазепа съ митрополитами и другими свѣдущими особами. Недавно говорить начали о предположеніи основать рыцарскую академию, но объ этомъ еще нѣтъ ничего вѣрнаго, а потому и будетъ сообщено при другомъ случаѣ.

Въ Fama сообщены (l. c.) слѣдующія извѣстія о воспитаніи царевича Алексѣя:

«Такого примѣра мудраго и храбраго монарха, каковымъ показываетъ себя своимъ подданнымъ пресвѣтлѣйшій царь, не видано ни

въ одномъ изъ его предшественниковъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ: его царское величество старается, чтобы московскій принцъ, единственный сынъ его, шелъ по его стопамъ и могъ бы славу російской монархіи вознести на ту степень, на которую достославный родитель намѣренъ поставить посредствомъ недавнихъ побѣдъ своихъ надъ турками, татарами и другими непріятелями. Царевичъ не только русскимъ, но и иностранцамъ извѣстенъ подъ именемъ пресвѣтлѣйшаго солдата. Его портретъ, сообщенный намъ въ оригиналъ, служить украшеніемъ восточной части Фама и подастъ надежду вѣрнымъ русскимъ, что они и по чертамъ, и по дѣланіямъ своего Алекоя будутъ чтить Александра. Алекой Петровичъ родился 19 февраля 1690 г. и, по благодати небесъ, одаренъ всѣми качествами, необходимыми для воспріятія царскихъ добродѣтелей. Инструкція, составленная тѣмъ, кому ввѣрено его воспитаніе, помѣщена въ XVIII ч. нашей Фама и — надо сознаться — въ ней не забыто ничего, что принадлежитъ до внушенія въ царевича страха господня, мудрости и милосердія. Г. фонъ Гюйсенъ, царскаго величества военный и государственный совѣтникъ, воспитатель наслѣднаго принца (за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ онъ отправленъ, какъ посланникъ, по важнымъ дѣламъ къ цесарю и другимъ нѣмецкимъ дворамъ), до сихъ поръ исполнялъ воѣ лежавшія на немъ обязанности съ неутомимымъ и вѣротъ съ тѣмъ усложненнымъ стараніемъ, которое необходимо въ столь важномъ дѣлѣ. Имъ не заслужимъ упрека, если безъ всякой недовѣрчивости дадимъ полную вѣру его пріятному и притомъ безпристрастному перу. Г. Гюйсенъ пишетъ къ намъ о великомъ князѣ, какъ о чловѣкѣ, надѣленномъ отъ природы умомъ понятливымъ: ежедневно царевичъ посвящаетъ 3 часа наукамъ; изъ благочестія и по собственному побужденію, прочиталъ онъ біблію на славянокомъ языкѣ пять разъ и одинъ разъ — на нѣмецкомъ; прилежно перечитываетъ творенія греческихъ отцовъ церкви, а также духовныя и свѣтскія книги или печатанныя въ Москвѣ, Кіевѣ или Молдавіи, или рукописныя, нарочно для него переведенныя; владеетъ чистымъ почеркомъ; при надлежащемъ надзорѣ и ежедневномъ чтеніи, научился хорошо говорить и писать по нѣмецки и по французски; не упускаетъ каждый день заучивать что нибудь на память; знакомится съ жизнеописаніями императоровъ, королей и полководцевъ, на француз. и нѣмец. языкахъ, и славные подвиги этихъ лицъ беретъ себѣ за образцы; питаетъ къ Богу истинный страхъ, и оказываетъ его царскому величеству сыновнее почтеніе и глубокое послушаніе; отечественнымъ и иностраннымъ министрамъ — особенное уваженіе, а къ своимъ служителямъ и подданнымъ — любовь, соединенную съ достоинствомъ. Нравственное образованіе сопровождается тѣлесными упражненіями и потому не пренебрежены танцы, верховая ѣзда и всякаго рода механическія занятія. Если такимъ образомъ будутъ усовершенствоваться

душа и тѣло царевича, то государство должно отъ него ожидать мудраго и смѣлаго правителя. Его холерико-сангвиническій темпераментъ даетъ ему нужныя для того силы и пресвѣтлѣйшій родитель съ строгою заботливостію запретилъ ослаблять или портить нѣжнымъ воспитаніемъ его юность: по этому его сіятельство, кн. Меншиковъ, согласно родительской волѣ, обходится съ нимъ безъ всякой излишней лести, и часто можно видѣть, что царевичъ за обѣдомъ встаетъ съ своего мѣста и становится позади родительскаго кресла, чтобы тѣмъ выказать сыновнее почтеніе, а его величество всякой разѣ ему приказываетъ садиться... Все это дозволяетъ съ основательностію заключить, что разумъ царевича далеко превышаетъ его возрастъ, и тѣ, которые принимали участіе въ его воспитаніи, пріобрѣтутъ бессмертное воспоминаніе, такъ какъ ихъ мудрыя распоряженія, при божьемъ благословеніи, образовали російскому государству принца, отъ мудрости и храбрости котораго померкнетъ восточная луна, а весь христіанскій міръ пріобрѣтетъ неслыханныя выгоды»...

Теперь надобно оказать и объ инструкціи для воспитанія царевича, которой такъ хвалился баронъ Гюйссенъ и которая печаталась во всѣхъ изданіяхъ, гдѣ онъ имѣлъ вліяніе ¹⁾.

Первыя статьи ея содержатъ общія разсужденія, какъ внушить царевичу понятія о вѣрѣ, нравственности и т. п. Изученіе русскаго языка состояло въ чтеніи и письмѣ, «а особливо въ чтеніи всякаго письма рукъ». Далѣе полагалось чтеніе библии и новаго завіта. Главное вниманіе обращено на французскій языкъ, «какъ легчайшій и потребнѣйшій». Царевичъ долженъ былъ изучать его по грамматикѣ, составленной для французскаго дофина. Кромѣ того, опредѣлялось нѣсколько олужителей, знавшихъ французскій языкъ и которые бы могли говорить на немъ съ великимъ княземъ. Когда онъ выучится читать по французски, то показывать ему раскрашенныя карты, при чемъ руководствоваться трудомъ Жалло (Jaillot). Геометрія и арифметика должны преподаваться на французскомъ языкѣ, когда въ немъ царевичъ пріобрѣтетъ достаточный навыкъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ начать «высокопотребнымъ принцу экзерциціямъ, якоже шурмованію, танцованію и конской ѣздѣ, также «игру трукъ тасель и балгаузъ (volant, Truck Tafel, Ball Haus) въ умѣренное употребленіе привести».

Какъ скоро великій князь будетъ объясняться по французски и понимать авторовъ, то перевести на этотъ языкъ «Бунонову Идею исторіи общей» (Bunonis, Idea Historiæ universalls cum continuatione), Пуссендорфа, Введенію въ исторію (Puffendorfs—Einleitung zur Historie der vornehmsten Staaten in Europa); вмѣстѣ съ преподаваніемъ по этимъ книгамъ, читать французскіе журналы и газеты и знакомить съ географією и «науками сѣверическими». Для познанія геометріи, те-

¹⁾ На русскомъ яз. она въ Дѣлѣ П. В., Голицына, III, 97—106.

орія и практики Блонделя, учить царевича геометріи, также сочиненной для дофина, «или наипаче труды Озенаровы (Ozenars) употреблять».

Далѣе предполагалось перевести на французскій языкъ Пуссендорфа «малую книжицу о должностяхъ человека и гражданина» (De officio hominis et civis), какъ преддверіе къ изученію трудовъ Гроція и Пуссендорфа. Преподавателю въ особенности рекомендовалась: Les droits civils dans leur ordre naturel, Символы — Саведра и «въ свѣтъ знатный Телемакъ».

Всѣ эти книги, по переводѣ, предположено напечатать въ Голландіи; а изъ другихъ, нужныхъ для воспитанія, составить комнатную бібліотеку царевича. Воспитаніе по предложенной методѣ должно было окончиться въ два года.

VII.

Русскіе путешественники за границей. — Современныя описанія путешествій. — Заграничныя письма русскихъ въ началѣ XVIII столѣтія.

Веберъ, разсуждая о характерѣ современныхъ ему русскихъ ¹⁾, замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ во время своихъ заграничныхъ путешествій вѣжливостью и хорошимъ обращеніемъ пріобрѣтаютъ любовь и уваженіе иностранцевъ, и послѣдніе убѣждены, что Петръ успѣетъ въ своемъ намѣреніи сдѣлать изъ своихъ подданныхъ образованныхъ людей. Но если бы эти же иностранцы побывали сами въ Россіи и стали бы отыскивать своихъ знакомцевъ, то увидѣли бы, что большая часть изъ нихъ отбросили пріобрѣтенные въ чужихъ краяхъ обычаи, и показывая только несносное чванство, потому что усвоили внѣшній лоскъ (а душевныя ихъ способности остались невоздѣланными), живутъ такъ, какъ жили въ старину.

Несмотря на то, что свидѣтельство Вебера подтверждается и многими отечественными извѣстіями о той эпохѣ, должно все таки признать, что поѣздки русскихъ за границу имѣли важное вліяніе на распространеніе просвѣщенія въ Россіи. Веберъ, какъ посланникъ, зналъ только придворныхъ и по нимъ судилъ о цѣлой странѣ; что эти лица за границей передразнивали европейцевъ, а дома принимались за старое — спорить нельзя; но, кромѣ ихъ, посылались изъ русскихъ много и такихъ, которые, по рожденію и состоянію, были об-

¹⁾ Das veränd. Russland I, 12, 13.

речены на тяжелый труд и работу, и этимъ-то труженикамъ была полезна заграничная жизнь: они, по возвращеніи въ отечество, должны были тотчасъ же примѣнять къ дѣлу приобретенныя знанія и, такимъ образомъ, приносили пользу. Еще въ XVII вѣкѣ, въ Россіи большая часть извѣстныхъ изъ нашихъ духовныхъ писателей (малороссійскихъ) учились въ заграничныхъ академіяхъ и школахъ. Тоже явленіе повторилось и въ началѣ XVIII вѣка: тогдашнія ученые знаменитости образовывались въ чужихъ краяхъ; даже и тѣ, которые занимались переводами только съ иноязычныхъ сочиненій, посылались въ молодости «въ науку за море», и исключенія изъ этого обычая все извѣстны на перечесть.

Первая посылка русскихъ учиться въ чужіе края одѣлана была Петромъ въ видахъ познанія мореходства: «дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, сказано въ предисловіи къ Морскому регламенту, умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія карабельнаго».

Въ первый разъ было отправлено изъ комнатныхъ стольниковъ въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22 ¹⁾. — Большая часть изъ нихъ поѣхали въ первыхъ мѣсяцахъ 1697 г.; въ августъ того же года, царь писалъ изъ Амстердама къ Виніусу: «спальники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ премѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать во Статъ еще ртомъ поср...» ²⁾.

Схельтма собралъ нѣкоторыя извѣстія о пребываніи русскихъ въ Сардамъ ³⁾: 5 сентября 1697 г., туда прибыли Александръ Меншиковъ, Гаврила Головкинъ и третій, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Меншиковъ назначенъ былъ царемъ учиться дѣланію мачтъ, другіе два — постройкѣ лодокъ. Переводчикъ, говоря мастеру о третьемъ изъ русскихъ, прибавилъ: «вы должны заботливо обходиться съ этимъ иностранцомъ, потому что онъ — знатный господинъ, Московскій князь». Меншиковъ понялъ слова переводчика и началъ упрекать его за рекомендацію, на что тотъ возразилъ: «Э, это не повредитъ господину, если узнаютъ его званіе: съ нимъ будутъ лучше обходиться!» Съ 9 сентября, русскіе принялись за работу: двое изъ нихъ, назначенные къ постройкѣ лодокъ и непривычные къ тяжелой работѣ, сначала жаловались на боль въ рукахъ; но это продолжалось не долго и боль прошла. — Третій, неизвѣстный, разстроилъ свое здоровье и въ октябрѣ получилъ дозволеніе возвратиться въ Россію. Меншиковъ успѣвалъ въ работѣ лучше всѣхъ. Царь зашелъ

¹⁾ Имена ихъ въ Исторіи П. В. г. Устралова II, 565—567.

²⁾ Ibid. III, 425.

³⁾ *Apécôtes historiques sur Pierre le Grand...* p. 117—120.

къ нему однажды на верфь, гдѣ онъ учился, и, взявъ его инструментъ, работалъ передъ любящимъ. Послѣ Меншиковъ выпросился у Петра перейти на амстердамскую верфь къ нему. Головкинъ только разъ покидалъ Сардамы, чтобы съѣздить въ Утрехтъ, гдѣ его братъ изучалъ фейерверочное искусство. До сихъ поръ показываютъ домъ, гдѣ жилъ Головкинъ, веселый и довольный, съ священникомъ, поваромъ и весьма искуснымъ музыкантомъ. Вѣроятно въ ту эпоху жили въ Сардамы и другіе русскіе: по преданію извѣстенъ домъ, въ которомъ они имѣли мѣстопробываніе. Объ одномъ изъ москвитянъ сохранилось воспоминаніе, что онъ работалъ на верфи весьма усердно, но когда начинался роздыхъ, то къ нему являлся служитель съ умывальникомъ: господинъ умывалъ руки и перемѣнялъ платье.

Впослѣдствіи времени не мало было отправлено въ Голландію учениковъ, кончившихъ ученіе въ навигацкой школѣ: о заграничной жизни этихъ навигаторовъ — такъ называли ихъ тогда — сохранилось извѣстія въ дѣлахъ главнаго морскаго архива. Князь Иванъ Львовъ нарочно жилъ въ Голландіи, надзирая за учившимися тамъ русскими, и нерѣдко писалъ на нихъ жалобы. Денегъ въ его распоряженіи было мало, а между тѣмъ молодежь входила въ долги. Въ 1711 г., Львовъ убѣдительно просилъ не посылать навигаторовъ въ Англію: «для того что и старые тамъ научились больше пить и деньгами тратить. Не могу, говорилъ Львовъ, ихъ оплатить, а нынѣ пишутъ, что хотятъ уже въ тюрьмы сажать за долги». «Тщился я, писалъ въ свою очередь русскій посолъ въ Англію, гр. Литта, ублажить англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ... Далѣе Львовъ доносилъ въ Россію: «иссушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое: я бы радъ, чтобы они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости». Наконецъ этотъ наблюдатель русскихъ юношей долженъ былъ скрываться отъ нихъ, о чемъ и доносилъ въ Россію: «хотятъ убить (меня) до смерти... хотя бы вы изволили прислать 5000 фунтовъ, я чаю мало будетъ на англійскихъ навигаторовъ».

Въ одномъ докладѣ Львова спрашивалось разрѣшеніе царя, какими наукамъ учиться русскимъ, посланнымъ за границу, и какъ поступать съ тѣми изъ нихъ, которые незнаютъ иностранныхъ языковъ? На первой Петръ отвѣчалъ: «учиться навигаціи зимой, а лѣтомъ ходить на моръ на всякихъ корабляхъ и обучиться, чтобы возможно онымъ потомъ морскими офицерами быть... а на второй вопросъ: «какъ матросы русскіе выучились, такимъ образомъ и онымъ учиться...¹⁾

Василій Васильевичъ Головкинъ (родился въ 1696 г.), въ своей «Запискѣ бѣдной и суетной жизни человѣческой», рассказываетъ, между прочимъ, что въ 1712 г. всѣ малолѣтніе дворяне были вызваны въ

¹⁾ Очеркъ исторіи морскаго кадет. корпуса; стр. 27—31.

Петербургъ: «мая въ послѣднихъ числахъ былъ намъ воймъ смотрѣ, а смотрѣлъ самъ его царское величество, и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первые, которые лѣтами по старѣе, въ службу въ солдаты, а середнихъ за море въ Голландію для морской навигацкой науки, въ которыхъ въ числахъ за море и я, грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтнихъ въ г. Ревель въ науку... Объ ученіи въ Голландіи Головинъ замѣчаетъ лаконически: «въ Сардамѣ и во Роттердамѣ учился языку голландскому, и ариѳметикѣ, и навигаціи» съ 1713 по 1715 годъ, а потомъ возвращенъ въ Россію, гдѣ все таки продолжалъ учиться въ морской академіи «навигационной наукѣ и солдатскому артикулу», хотя въ продолженіи этого времени онъ уже былъ женатъ.

Въ бытность Головина въ Голландіи, онъ былъ подъ вѣдѣніемъ того самаго кн. Львова, котораго жалобныя донесенія сообщены выше. Головинъ его называетъ «комиссаромъ у нашей братьи, у дворянъ руссійскихъ, для повужденія навигацкой науки — практикъ князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Львовъ». Товарищами Головина «въ навигацкой наукѣ» были молодые люди изъ самыхъ знатныхъ семействъ: Александръ да Иванъ Львовичи Нарышкины, кн. Мих. Мих. меньшой Голицынъ, кн. Алекс. Андр. Черкасскій, кн. Мих. Вас., съ племянникомъ своимъ кн. Вас. Алекс., Голицынъ, кн. Алексѣй Долгорукій, кн. Иванъ Лобановъ, Петръ Пушкинъ, Федоръ Бутурлинъ, Александръ Левонтьевъ, Алексѣй Щепотьевъ, Василій Дмитріевъ Мамоновъ, Андрей Хрущовъ, кн. Алекс. Прозоровскій, кн. Влад. Долгорукій, кн. Василій, Иванъ, Александръ Урусовы и Фед. Владиміровичъ Шереметьевъ¹⁾.

¹⁾ Записка Головина помѣщена въ книгѣ «Родословная Головиныхъ владѣльцовъ села Новоспасскаго, собранная Петромъ Казанковимъ» (Москва 1847 г.). Здѣсь находимъ любопытное сказаніе, какъ жилъ въ деревнѣ бывшій за моремъ навигаторъ. У Головина было заведено, чтобы ежедневно являлся къ нему съ докладомъ всѣ деревенскія власти, которыхъ, по особой командѣ, впускала и выпроваживала горничная. Каждый разъ, этотъ импровизированный церемоніею произносилъ въ дворахъ комнаты господина такую рѣчь дозвѣреннымъ вассаламъ: «входите, смотрите тихо, смиренно, бережливо и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю, кланяйтесь низко его боярской милости и помните жъ — смотрите на крапко!» За тѣмъ начинались донесенія дворецкого, ключника, выборнаго и старосты. Невозможно читать все это серьезно — особенно если вспомнить, что рапорты произносились съ величайшею заботливостію, чинно и невозмутимо. Для образца, вотъ докладъ выборнаго: «во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ асакъ звенѣли и въ доску гремѣли. Въ рошокъ, сударь, по очереди трубляи и всѣ четверо между собой громко говорили. Ношныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замаски не клевали, на крышѣ не садялись и на чердакѣ не возились». Староста свой рапортъ оканчивалъ такъ: «во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатыютъ, скотина ихъ здороветъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ травою не слыхали и небеснаго

Сохранилось письмо изъ-за границы одного изъ этихъ товарищей Головина, кн. Михаила Голицына: «о житіи моемъ возвѣщаю, писалъ онъ въ 1711 г., житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того — не знамо учитьца языка, не знамо науки. Видимъ то, которые наша братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ и ни единого не было, чтобы безъ латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни одинъ человекъ ни половины окончатъ не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка, никакого не могу знать, да и лѣта уже мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ ни которыми мѣрами мнѣ быть не возможно, того ради, что весьма боленъ... а въ пунктахъ или статьяхъ написано г. комиссару кн. Львову о всей компаніи, которые опредѣлены въ навигацкую науку, т. е. мореходства, чтобы были на сухомъ пути, обучались чертежамъ зимніе четыре мѣсяца, а 8 мѣсяцовъ всегда бы были непрестанно на кораблѣ; а ежели кто сего дѣла не обучить, и за то будетъ безо всякія пощады превеликое бѣдство, отъ чего Боже сохрани! и тотъ прѣстрашный гнѣвъ въ тѣхъ пунктахъ написанъ рукою самого монарха, и про тотъ гнѣвъ подѣ великимъ запрещеніемъ г. комиссару не велѣно никому сказывать — однако же мнѣ, по любви своей, открылъ. И я, видя ту ярость, а въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снестъ мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе, и незнаю какъ и быть. Въ заключеніе кн. Голицынъ просилъ похлопотать, чтобы его или отослали въ Москву, или опредѣляли въ сухопутную службу, у Федора Матвѣевича Апраксина и секретаря при государѣ Алексеѣ Макарова, за что послѣднему поручалъ дать что нибудь изъ вещей ¹⁾.

Въ запискахъ И. Неплюева читаемъ, что онъ родился въ 1693 г., женился 18 лѣтъ, а въ 1715 взятъ на службу. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ съ флотомъ въ Копенгагенъ, откуда, съ другими 30 гардемаринами, въ Венецію, гдѣ былъ въ дѣйствительной службѣ на тамошнемъ галерномъ флотѣ. Изъ Венеціи, Неплюевъ съ товарищами

явленія не видали. Котъ Ванька и баба Закигалка въ Ртищевъ проживаютъ и, по приказу вашему боярскому, невѣрку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно вздыхаютъ, и васъ, государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярской на милость положили и ихъ бы, виновныхъ рабовъ своихъ, простали. Авторъ Родословной поясняетъ, что котъ Ванька, любимецъ барина, однажды забрался въ вѣтеръ, гдѣ была приготовлена рыба для господскаго стола, и тамъ удавился. Слуги, не сказавъ о смерти кота, доложили барину только о его преступленіи, и котъ сосланъ былъ въ я. Ртищеву, гдѣ также находилась въ изгнаніи и одна баба, прозванная Закигалкой и отъ неосторожности которой сгорѣло село. Ср. Родослов. Головиныхъ, стр. 62 и слѣд.

¹⁾ Архивъ, влад. г. Калачовичъ, 2 пол. кн. 2, отд. VI, стр. 62.

ноѣхали въ Испанію и учились тамъ въ морской академіи «солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать... а къ математикѣ, говорятъ Неплюевъ, приходили — только безъ дѣла сидѣля, понеже учиться не возможно, для того-что языку мы незнали»... По этой причинѣ, а также и по недостаточности жалованья, они писали въ Россію объ опредѣленіи ихъ на службу, «понеже шпажное и танцевальныя ученія къ нуждѣ его величества въ насъ годно быть не можетъ». Подобная же просьба была подана отъ русскихъ и къ испанскому королю — этотъ велѣлъ объявить, чтобы имъ «быть въ академіи и учиться языку и прочаго ¹⁾». Наконецъ въ 1720 г., они получили разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Во время своихъ переѣздовъ по Европѣ, они встрѣчали и другихъ русскихъ: въ Тулонѣ 7 русскихъ гардемаринновъ, которые учились въ французской академіи: «навигациі, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строятся, боцманству, т. е. осматривать корабли, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить». Въ Амстердамѣ, въ проѣздѣ Неплюева съ товарищами, было около пятидесяти русскихъ: нные изъ нихъ учились «эквпажеству и механикѣ», другіе, «школьники» — всякимъ ремесламъ: мѣдному, столярному и судовымъ строеніемъ ²⁾. По прибытіи въ Петербургъ, гардемарины должны были держать экзаменъ. «Не знаю, пишетъ при этомъ случаѣ Неплюевъ, какъ мои товарищи извѣстіе объ экзаменѣ приняли, а я всю ночь не спалъ — готовился какъ на страшный судъ». На экзаменѣ, «государь, оборотясь къ Змаевичу, приказалъ спрашивать меня, а какъ я давалъ отвѣты, то онъ еще изволилъ сказать Змаевичу «расспрашивай о высшихъ знаніяхъ», и по окончаніи у всѣхъ насъ раопросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики морскаго галернаго флота и другаго Куракина, а и другихъ пожаловалъ также по ниже чинами ³⁾». Въ числѣ товарищей Неплюева былъ въ Италіи и Испаніи Василій Татищевъ, родственникъ историка Василья же Татищева.

Всѣ старинныя русскія путешествія до Петра можно раздѣлить на два отдѣла: одни предпринимались нашими предками съ благочестивою цѣлью посѣтить мѣста, дорогія для нихъ по воспоминаніямъ изъ священной исторіи, поклониться находящимся тамъ святынямъ и, такимъ образомъ, исполнить потребность, развивавшуюся единственно вслѣдствіе религіознаго настроенія духа. Въ описаніи такихъ путешествій благоговѣніе къ святынѣ, наивная довѣрчивость и совершенное отчужденіе отъ всего, чтò не касается главной цѣли «хожденія», составляетъ отличительный и едва ли не единственный характеръ цѣлаго. Другой отдѣлъ сказаній о чужихъ краяхъ есть

¹⁾ Отечествен. Записки 1823 г. XLI, 441; 1824 г. LIV, 107—109.

²⁾ Ibid. 1824 г., LII, 234; LIV, 124.

³⁾ Ibid. 1824 г., LIX, 435, 439—440.

тѣ официальные донесенія, которыя представлялись нашими посланниками и извѣстны подъ названіемъ статейныхъ списковъ. До Петра мы не встрѣчаемъ путешественниковъ, которые бы посѣщали другія страны для удовлетворенія своей любознательности. «Благоразумный читателю, говоритъ по этому случаю Кошкинъ, чтучи сего, не удивляйся: понеже для наученія и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылають, страшась того — узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычая, началибъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили».

Заграничныя путешествія начала XVIII столѣтія остались описанными въ замѣткахъ пяти русскихъ: стольника Петра Андреевича Толстова, посѣщавшаго Италію и Мальту и жившаго въ Венеціи въ 1697—99 годахъ ¹⁾; неизвѣстнаго, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697 — 98 годахъ ²⁾; Бориса Петровича Шереметьева, побывавшаго въ тѣхъ же годахъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ ³⁾; неизвѣстнаго, 1714 — 1717 г., развѣзжавшаго съ братомъ и учителемъ по Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи ⁴⁾; наконецъ, графа Матвѣева, отъ котораго дошелъ статейный списокъ его посольства во Францію въ 1705 г. ⁵⁾.

Въ путешествіи Толстова замѣчательно прежде всего то обстоятельство, что онъ добровольно вызвался ѣхать за границу, хотя уже былъ не въ первой молодости, имѣлъ жену и дѣтей. Такой поступокъ можно объяснить только желаніемъ выслужиться предъ царемъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ рукописи казанскаго университета, описанной г. Артемьевымъ въ Жур. мѣст. нар. просв. 1854 г. № 7; содержаніе же и выписки въ статьѣ г. Попова «Путешествіе въ Италію и на остр. Мальту, стольника П. А. Толстова» въ Атенѣ 1859 г. № 7, стр. 300—339 и № 8 стр. 421—457.

²⁾ Дневникъ этотъ въ рукописи можно найти во многихъ сборникахъ прошлаго столѣтія: безграмотные переписчики назвали его журналомъ путешествія самого царя. Въ 1788 г., онъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина російскаго посольства въ 1697 и 8 годахъ» (СПб. въ 12°). Здѣсь есть отмѣны противъ рукописныхъ копій. Потому, тѣ же замѣтки, но уже съ пропусками — что всегда дѣлается у насъ при издаваніи старинныхъ памятникъ, за исключеніемъ развѣ Дворцовыхъ разрядовъ, которые допускають печатать вполнѣ, — въ Москов. Вѣстникѣ, г. Погодина, 1830 г. ч. VI, и Отеч. Зап. 1846 г. № 8, науки, стр. 126—153.

³⁾ Записки путешествія гр. Б. П. Шереметьева съ любопытными гравюрами, Москва 1773 г. въ f-o и въ Древн. вылюбовскъ изд. 2, V, 252—432.

⁴⁾ Въ рукописяхъ Румянцоваго музея № DXVI (г. Востоковымъ осталась неопи-санною) въ трехъ книжкахъ: 1) въ 12°, 50 лст., годы 1714—1715; нач.: «8 числа (ноября) въ понедѣльникъ»; 2) въ 8°, 56 лст., нач.: «1716, октября въ городъ Торно».. и 3) въ 8°, 47 лст., нач.: «1717, сентября 24 въ Амстердамъ»...

⁵⁾ Выписки и содержаніе этого статейнаго списка помѣщены въ Современникѣ 1856 года № 6, науки, стр. 39—66, въ статьѣ «Графъ Матвѣевъ въ Парижѣ въ 1707 году».

⁶⁾ Русск. Вѣстникъ 1860 г., июль, кн. I, стр. 322.

Дневникъ Толстова любопытенъ въ особенности по тому, что это лицо было въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые Петромъ въ первый разъ посланы за границу для образованія. Какая была цѣль при этомъ случаѣ у царя, достаточно разъясняется инструкціей, данной Толстому подъ именемъ «статей, послѣдующихъ ученію», а именно: «1) Знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе. 2) Владѣть судномъ, какъ къ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла, и пр. 3) Сколь возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожь видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствоваанные листы за руками ихъ и за печатями, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея. 4) Ежели кто похощетъ впредь получить милость большую, по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примуть. 5) Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякій по два человѣка искусныхъ мастеровъ морскаго дѣла привести съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ пріѣдутъ, будутъ имъ заглажены; да, сверхъ того, изъ солдатъ даны будутъ для того жъ ученія по одному человѣку, а кто изъ солдатъ взять не похощетъ, я тѣмъ или знакомца, или человѣка своего тому жъ выучить; а солдатомъ прокормъ будетъ изъ казны; а будетъ, кромѣ солдатъ, кто кого выучить, и за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублей»...

Толстой выѣхалъ изъ Москвы 26 февраля 1697 года. Въ дневникѣ его, какъ и во всѣхъ замѣткахъ русскихъ того времени о Европѣ, первое мѣсто отведено то подробнымъ, то краткимъ описаніямъ виѣшности встрѣчавшихся на пути городовъ, селеній, монастырей, церквей, различныхъ построекъ, украшеній и т. д. Тотчасъ можно замѣтить, что путешественника занимали всего болѣе предметы, относящіеся до разныхъ церковныхъ обрядовъ, чудесъ, одеждъ и проч.: онъ описывалъ охотно и съ большими подробностями все видѣнное въ костелахъ, даже какъ была одѣты церковнослужители, изъ какой матеріи сшито было ихъ платье, цвѣтъ ея, сколько разъ стрѣляли изъ пушекъ на пасху, количество чтецовъ евангелія за обѣдней, мѣщанъ участвовавшихъ въ процессіи, наконецъ, свѣчь, горѣвшихъ предъ иконами. Толстой не пропускалъ также отмѣчать посѣщеній, встрѣчъ съ разными лицами, равно какъ и видѣныя имъ церемоніи, торжества. Онъ описывалъ и памятники, встрѣчавшіеся ему на глаза, но на нихъ онъ смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія: его болѣе интересовала виѣшность памятника, но не событіе, которое подало поводъ къ его сооруженію; напр. въ Варшавѣ, на дворцовой площади «столбъ зѣло

высокой изъ одного камня вытесанъ, на томъ столбѣ поставлена персона Владислава, бывшаго древле короля польскаго, вылита изъ мѣди и вызолочена, имѣя въ лѣвой рукѣ крестъ, а въ правой рукѣ обнаженный держитъ мечъ.

Путешественникъ прибылъ въ столицу Польши въ самое любопытное время, когда происходило избраніе новаго короля. Внутренній смыслъ такого событія нисколько не занималъ Толстова и онъ отиѣтилъ «есть (въ Варшавѣ) одна полата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той полатѣ у поляковъ бываетъ сеймъ; у которой полаты окна великія и окончины былы стекольчетыя все повылломаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлѣхъ пьяныхъ поляковъ, а покоевыя королевскія полаты отъ той полаты далеко»...

Толстой не пропустилъ также записать: «по городу и въ маѣтно-сти ждаты сенаторы, и жены ихъ и дочери дѣвцы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ... въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане, богатые люди сами, и жены ихъ и дочери дѣвцы въ богатыхъ уборахъ, и въ зазоръ себѣ того не ставятъ»...

Дорога къ итальянской границѣ по Австріи черезъ горы утомила Толстова и онъ, подъ влияніемъ воспоминанія объ испытанныхъ имъ затрудненіяхъ, сдѣлалъ такой отзывъ о жителяхъ страны: «народъ германскій мужеска полу и женска неблагообразенъ и убогъ; многіе поселяне носятъ кафтаны сермяжные, также и женскій полъ германскій платья. носятъ особую модою зѣло короткія, только по колѣни, а на головѣ женскій полъ носить шляпы высокія, тонкія, валеныя изъ бараньей шерсти; около шеи носятъ широкія полотняныя брыжки, какъ жидаы и жидовки носятъ, которые живутъ въ Польшѣ. Въ Германіи вода зѣло ко употребленію человѣческому нездорова, которой воды во всей Германіи я не пилъ и провзжалъ всю Германію безъ потребнаго мнѣ питія съ великою мнѣ нуждою: отъ тое воды въ Германіи люди многіе мужеска и женска полу имѣють подбородки зѣло великіе около шеи, а паче на гортанехъ желваки великіе, и отъ того многіе изъ нихъ и говорятъ съ великою трудностію, а излечить того никто никакимъ способомъ не можетъ, и съ теми болѣзнями люди живутъ до самыя итальянскія границы, и за границею во Италиіи есть ихъ малое число»... Встрѣтивъ по дорогѣ теплый ручей, гдѣ «болящіе многіе моются и получаютъ отъ болѣзней свободу», Толстой послѣдовалъ ихъ примѣру: «и я, говоритъ онъ, мылся здоровой, и потому былъ здоровъ храненіемъ десницы высшаго Бога».

Осмотрѣвъ Венецію и Падуу, бывшій стольникъ воступилъ на корабль «для надлежащаго ученія своего дѣла». На морѣ онъ пробылъ, однако, не болѣе мѣсяца и получилъ отъ капитана Ивана Лазаревича свидѣтельство, что Толстой, вмѣстѣ съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ, былъ у него на кораблѣ въ ученіи, ознакомился съ при-

надлежностями морского дѣла, картами морскихъ путей, названіемъ деревъ, парусовъ, веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ; желалъ видѣть строй кораблей и галеръ во время битвы, чего «на всемъ венецкаго моря гольфъ обрѣсти въ томъ лѣтѣ не могъ»; будучи на кораблѣ «во время сильныхъ вѣтровъ и не безъ страшныхъ фортувъ прикладывался до всякаго порядку корабельнаго съ прилежаніемъ и безстрашіемъ, показуясь во время великихъ навалностей морскихъ и вѣтровъ во всемъ быть способенъ; а для видѣнія бою на морѣ, капитанъ судилъ Толстому вхаты въ Средиземное море, между Сициліей и Мальтой».

Въ примѣръ замѣчаній, дѣланныхъ Толстымъ объ иностранныхъ земляхъ, въ которыхъ онъ бывалъ, приводимъ здѣсь отзывы его о венеціанской жизни: «Венеціане люди умные: политичные и ученыхъ людей зѣло много; однакожь нравы имѣютъ видомъ неласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны, между собою не любятъ веселиться и въ дома другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самой трезвой: никакова челоуѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь... Народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, и строенъ и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не оченъ охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ — всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло олабы... Все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ, мужчнны и жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто никого не знаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и никогда не хотятъ быть безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много. И когда сойдутся въ машкарахъ на площадь къ соборному костелу св. Марка, тогда многія дѣвицы въ машкарахъ берутъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по итальянски, а танцы итальянскіе не зѣло стройны: стануть одинъ противъ другаго вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и инныя, всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гондолахъ и баркахъ съ музыкою, и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякой дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ: та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей».

Дневникъ неизвѣстнаго, путешествовавшаго по Европѣ въ 1697 и 8 годахъ, любопытенъ въ томъ отношеніи, что авторъ его, выѣхавъ изъ Нарвы моремъ на Любекъ, достигнулъ Амстердама и находился тамъ именно въ то время, когда въ городѣ было русское поселство и самъ царь — это-то обстоятельство и было причиною, что

дневникъ приписывали Петру, не замѣтивъ, что послѣдній никогда не задалъ въ Амстердамъ моремъ и не былъ въ Италіи.

Въ бытность свою въ Голландіи, авторъ дневника посѣщалъ многія мѣста, въ которыхъ бывалъ и, можетъ быть, въ одно время съ путешественникомъ — царь. Напр., въ дневникѣ есть описаніе анатомическаго кабинета Рюйша: «видѣлъ у доктора анатоміи кости, жиры, мозгъ человѣческой; тѣлеса младенческая и какъ зачинается во чревѣ и рождается; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ рождается камень; и вся внутренняя разнята разнo, и жида та, на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпичи старой; жиры, которыя въ мозгу живутъ; видѣлъ пятьдесятъ тѣлесъ младенческихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ, какъ тѣло мужское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнно и кровь знать, глаза бѣлы и тѣла мягки, а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго пола внутренняя, сердце и печень поднято; кишки, желудокъ — все нетлѣнно; видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей, и кожа, которая на мозгу живетъ — вся въ жилкахъ; косточки маленькія будто молоточки, которыя въ ушахъ живутъ; животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртусахъ; мартышки и звѣрки индѣйскіе, змѣи предивныя, лягушки, рыбы морскія и многія птицы разныя, зѣло удивительныя: крокодилъ — змѣи съ ногами, главы долгія; змій о дву головахъ. Звѣря тутъ же видѣлъ, который рождается чрезъ естество, собою въ большую мышь, безъ шерсти, а родить отъ себя подобну себѣ скотину, и видѣлъ тутъ же многихъ маленькыхъ, половина вышла больше двадцати; тутъ же жуки предивныя и бабочки великія собранныя, зѣло изрядныя ¹⁾»...

Дневникъ въ особенности поражаетъ нынѣ тѣмъ, что въ немъ все видѣнное авторомъ описано съ удивительнымъ безстрастіемъ, такъ что трудно разобрать, что болѣе нравилось путешественнику — штуки ли какого нибудь фокусника или замѣчательное произведеніе искусства: подъ рядъ и совершенно одинакимъ тономъ отмѣчены предметы, дѣйствительно заслуживающіе вниманіе, а вождѣ за тѣмъ и то, что вовсе не стоило упоминавша. Такъ напр. въ Роттердамѣ: «Былъ гдѣ собираются дважды на недѣли ученые люди и диспутуютъ промежду собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ; видѣлъ рыбу, у которой пила на носу — величиною она съ небольшую бѣлугу; тутъ же видѣлъ рыбу, которая останавливаетъ корабль — она маленькая, прилипаетъ ко дну множество и отъ того останавливаетъ корабль; тутъ же видѣлъ рыбу съ крыльями; рыбку видѣлъ живую, зѣло предивную, называется теленкомъ, гораздо толста да коротка, зубы превеликіе висятъ. Въ Амстердамѣ ужиналъ въ такомъ домѣ, гдѣ ставили яствы на столѣ нагія дѣвки и питье подносили — все

¹⁾ Выписки сдѣланы изъ дневника по рукописи.

наги. Было и тутъ пять дѣвокъ, только на головѣ убрано, а на тѣлѣ ни нитки, ноги перевязаны лентами, а руки флерами. Изъ Роттердама поѣхалъ и т. д.

Довольно вѣрная характеристика этого дневника одѣлана однимъ изъ издателей его ¹⁾: «Первый выходъ автора въ вѣчномъ городѣ (Римѣ) посвященъ обзорнiю собора св. Петра. Какую же мысль навѣялъ на душу его видъ этого зданiя, надъ которымъ мотозили генiй свой множество первокласныхъ художниковъ? Онъ окинулъ взоромъ эту пышную громаду мрамора и прехладнокровно отмѣтилъ въ своемъ журналѣ мѣру длины и ширины ея; потомъ пошелъ во внутренность святилища и, можетъ быть, глядя на дивное «Преображенiе» Рафаэля, съ такою же флегмою записалъ цвѣтъ и качество обоевъ, которыми, по случаю праздника, были увѣшаны стѣны храма. О колизеѣ, траяновомъ столбѣ и другихъ монументальныхъ памятникахъ древности, составляющихъ настоящее богатство Рима, путешественникъ не говоритъ ни слова; въ Ватиканѣ, подъ именемъ «папныхъ палатъ», онъ замѣтилъ только число комнатъ и ихъ убранство. Изъ Рима путешественникъ ѣдетъ въ Геную; тамъ онъ осматриваетъ садъ и находитъ фонтанъ, который описываетъ такими словами: «Фонтаны превеликiе: три лошади, на нихъ мужикъ стоитъ, у средней лошади изъ языка вода течетъ, а у тѣхъ изъ ноздрей; кругомъ тѣхъ лошадей робятки маленькiе изъ мрамора высѣчены, сидятъ и воду пьютъ». А между тѣмъ этотъ фонтанъ — одно изъ изящнѣйшихъ произведенiй великаго Буаноротти»...

Описанiе путешествiя Шереметьева начинается витѣватымъ вступленiемъ, изъ котораго открывается, что въ тѣ времена поѣздка, даже и по собственному желанiю, за границу представлялась какимъ то подвигомъ. Бояринъ говоритъ: «въ томъ моемъ належащемъ пути возлагаю неизмѣнное мое и твердое упованiе на милость всещедраго во Тронѣ славимаго Бога, да той управитъ путь нашъ въ своей божеской волѣ; по Божѣ же свергаю себя и всѣхъ присутствующихъ мнѣ въ крѣпко надежную помощь и заступленiе ходящественное непоотыдныя всего христіанскаго рода надежды пресвятыя Богоматери и въ молитвы всѣхъ святыхъ, изъ нихъ же избрахъ мнѣ и всѣмъ въ пути моемъ присутствующимъ за особливаго патрона, и опекуна, и предводителя великаго божiя пророка, и предтечу и крестителя Юанна, о которомъ самъ Господь засвидѣтельствова пречистыми свои усты, яко не воста въ рожденныхъ женами болiй Юанна крестителя»... Далѣе идутъ сравненiя изъ священной исторiи: «такъ да и нашъ патронъ и предводитель, первый честию во святыхъ, въ семь претрудномъ и скорбномъ пути нашемъ (въ Италию и Мальту) прохладитъ насъ отъ зноя всякихъ печалей и болѣзней про-

¹⁾ Отч. Зап. с. стр. 152.

хлажденіемъ утѣшенія и пощленія, и будетъ намъ столпомъ крѣпости отъ лица вражія: и во здравіе всецѣлыхъ возвратитъ насъ во всякомъ благоденствіи въ дома наши...

Все описаніе состоитъ болѣе изъ названій проѣханныхъ бояринѣмъ и его свитою мѣстъ; кромѣ того, въ пристойныхъ мѣстахъ помѣщены цѣлкомъ, съ прописаніемъ титуловъ, паспорта и грамоты на проѣздъ Шереметьева по Польшѣ, Австріи и Италіи, также торжественныя рѣчи, которыя онъ произносилъ передъ царственными особами. Всѣ рѣчи по одной формѣ и съ незначительными отмѣнами. Такъ напр., Шереметьевъ, описавъ свои подвиги въ войнѣ противъ турокъ, говорилъ передъ польскимъ королемъ, что ѣдетъ въ Римъ поклониться мощамъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, которыхъ имѣлъ за патроновъ и помощниковъ въ своихъ побѣдахъ надъ врагами св. креста. Рязокому цесарю онъ прибавилъ, что послѣ поклоненія мощамъ св. Петра и Павла, «желаетъ видѣти славно противъ непріятеля креста святого воинствующихъ моремъ мальтійскихъ кавалеровъ, дабы видѣвъ ихъ храброе и отважное усердіе, болѣе шую себя воспріяти къ воинской способности охоту».

Въ дневникѣ Шереметьева заботливо отмѣчено, сколько издержано денегъ на переѣзды, какіе онъ дѣлалъ подарки разнымъ лицамъ и какіе получалъ самъ; также почести, которыя ему воздавались на пути, и затрудненія, испытанныя въ дорогѣ. Въ Италіи дневникъ ставится болѣе подробнымъ, такъ какъ въ немъ описывались всѣ святыни, которыя Шереметьевъ видѣлъ въ тамошнихъ церквяхъ и монастыряхъ. Напр.: «мая 23 числа въ Неаполѣ будучи, присылалъ архіепископу нунціусъ папезской къ боярину объявить, чтобъ того дня бояринъ изволилъ ѣхать въ дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится кровь св. великаго угодника господня Январія; которая кровь у тѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ ее изъ сокровищницы съ процессією въ церковь, и ставятъ на престолъ и служатъ литургіи. Многожды же во время св. литургіи она св. кровь пречудно показуется кипѣніемъ, аки бы жива. И яродалъ оный архіепископу къ боярину свою карету о шести возникахъ, съ маршалкомъ, дому своего, съ патрономъ, который ѣздилъ съ бояринѣмъ. Какъ пришелъ бояринъ въ церковь, то мало подождавъ, принесли оную св. кровь съ великимъ благоговѣніемъ и процессією въ церковь и поставили на престолъ. Сія св. кровь хранится въ маломъ хрустальномъ сосудѣ; въ половину того сосуда видѣніемъ, аки бы запеклась, и тотъ сосудецъ повернулъ вверхъ дномъ; кровь же не переливается, а видится, аки бы засохла сверху того сосуда. А какъ почали служить литургію, и какъ прочитали евангеліе, то она св. кровь по малу начала опускаться внизъ, и опустилась до самаго дна, не распустившись во весь тотъ сосудецъ, но отстояща отъ всѣхъ боковыхъ сторонъ, на

чала кипѣть и перебираться вверхъ и внизъ зѣло прочудосно и удивительно, что видя всѣ люди, находившіеся въ той церкви, въ великомъ были радованіи и, по обыкновенію латвискому, били въ свои нерсы, премногіе же плакали... Бояринъ и съ нимъ бывшіе — самовидцы онаго преславнаго чудеса... При описаніи церкви, гдѣ почитаютъ мощи чудотворца Николая: «той церкви служители сказывали боярину, какъ де строилась оная исподняя церковь и ставили въ ней мраморные столбы, на которыхъ нынѣ стоятъ, и одного де столба не достало, о чемъ де здатели онаго храма весьма скорбѣли, что такого векорѣ взять негдѣ. Послѣ чего увидѣли въ той церкви столбъ поставленъ на своемъ мѣстѣ, чему весьма удивились и, благодаря, приписали то чудо дѣйствию чудотворца Николая; потомъ подлинно свѣдали, что оный столбъ принесенъ невидимою силою изъ Мугра града, въ которомъ были мощи его, и сей столбъ въ великомъ находится у нихъ почитаніи»...

Въ 1699 г., Шереметьевъ возвратился въ Москву: «февраля 12 числа, сподобился бояринъ видѣть пресвѣтѣйшія очи великаго государя, его царскаго величества, въ домѣ генерала и адмирала Франца Яковлевича Лесорта на банкетъ, куды бояринъ прѣхалъ, убравшись въ нѣмецкое платье, по указу его, великаго государя, имѣя на себѣ и данный ему, боярину, въ Мальтѣ отъ высокопочтеннѣйшаго грандъ магистра и всего кавалерскаго общества крестъ. Во время же сего случая бояринъ получилъ отъ превысочайшаго и премилостивѣйшаго своего государя, его царскаго пресвѣтлаго величества къ себѣ милость превысокую: принять былъ его царскимъ величествомъ милостиво и допущенъ былъ бояринъ до поцѣлованія его цар. вел. руки; при чемъ удостоился слышать отъ самыхъ его ц. пресв. величества устъ поздравленіе принятіемъ мальтѣйскія кавалеріи»...

Третій дневникъ неизвѣстнаго не содержитъ никакихъ замѣчательныхъ свѣдѣній, но любопытенъ въ томъ отношеніи, что писавшій его русскій принадлежалъ уже къ свѣтскимъ людямъ, посѣщалъ въ городахъ театры, бывалъ на балахъ, дѣлалъ визиты знатымъ и т. д. Онъ говорилъ по французски, но не зналъ правилъ этого языка: на дневника надпись «*Cette livre appartient A. M... comansé à dégor 1714*». Всѣ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «въ Генуѣ, 21 февраля, пошли мы на балъ къ князю Dogis и были тамъ до одного часа послѣ полуночи, гдѣ братецъ танцевалъ, а я не танцевалъ затѣмъ, что братцу не угодно было. 22, во вторникъ въ вечеру, въ 7 часовъ пошли мы съ Васильемъ Михайловичемъ на балъ, который сдѣлали нѣкоторые молодые люди, и были тамъ до 12 часовъ, и пошли мы и всѣ, которые ни были на балѣ, ужинать, а послѣ ужина пошли мы на другой балъ, который дѣлали 40 дамъ и, бывши тамъ съ часъ, пошли опять на прежній балъ. Часовъ въ 5 послѣ полуночи всѣ разошлись, и мы также пошли — конецъ карнавалу». На передпослѣднемъ листкѣ первой книжки за-

зѣтка: «Amants heureux, que je porte d'envie au bonheur (sic) donc (sic) l'at-
mour couronne vos sourcils!» Съ октября 1716 г. по январь 1717 г., за-
писано о пребываніи въ Туринѣ, Лионѣ, Орлеанѣ и Нантѣ. Въ первомъ
изъ этихъ городовъ путешественникъ записываетъ свои прїѣзды ко дво-
ру, посѣщенія знатныхъ лицъ, посланниковъ: напр.: «31 октября, въ среду
по утру прїѣхалъ къ намъ S-r Conte Schilenga Eomie (sic) de M(ajesté)
royale, потомъ прїѣхалъ M-r l'abbé de Marceñas; погода прїѣхалъ
M-r le marquis de Coral, и посидя немного Conte Schilenga и abbé Mar-
ceñas поѣхали прочь, а мы съ marquis de Coral поѣхали къ princesse
de Victoire, которая въ роднѣ князю Евгенію и князю Carignano. Ся
княжна живетъ въ монастырѣ женскомъ La visitation. Поговора мы
съ нею, поѣхали ко двору и говорили симъ утромъ у Majesté royale,
потомъ когда les filles d'honneur (sic) пошли къ себѣ, поѣхали и мы
домой. Время симъ утромъ худое, пасмурное». Въ дневникѣ замѣтки
прерываются въ октябрь 1717 г., когда путешественникъ прѣбылъ
въ Парижѣ. Потомъ идутъ счеты издержкамъ на домъ, карету и т.
д. Изъ замѣтокъ видно, что у путешественника и его старшаго брата
бывали часто кн. Куракинъ, гр. Апраксинъ и т. п. На бѣлыхъ ли-
стахъ книги нарисованы два герба: въ одномъ изображенъ одногла-
вый орелъ и рѣшетка, на другомъ тотъ же гербъ подъ княжеской
короной: щитъ раздѣленъ на четыре части: въ верхнихъ большой
крестъ и двуглавый русскій орелъ, въ нижнихъ столъ съ короною и
скипетромъ и рѣшетка; по срединѣ щита орелъ одноглавый. Далѣе
отмѣтка «сыскать книгу въ Парижѣ Preuve de la noblesse».

Извѣстно, что одноглавый орелъ, вылетающій изъ рѣшетки есть
гербъ Нарышкиныхъ; второй же изъ вышеописанныхъ подъ княже-
скою короною объясняется тѣмъ, что Петръ хотѣлъ дать своему род-
ственнику изъ этой фамиліи графскій титулъ, именно двоюродному
брату Александру Львовичу Нарышкину ¹⁾. Онъ долго путешество-

¹⁾ Словарь достопамятн. людей, сост. Баттышъ Камельскій СПб. 1847 г., II, 473
и Царствованіе Петра II, г. Арсеньева, стр. 108. Оба Нарышкина писали къ царю изъ
за границы письма, впрочемъ только перепопавшіяся, въ рядъ: «Пресвѣтлѣйшій и дер-
жавѣйшій государь, государь всемогущѣйшій! По рабской должности и усерданому
прилежанію нашему, высочайшее вашего царскаго величества изволеніе исполняя и ва-
шему государскому указу охотно повинаяся, всегласное наше трудолюбіе прилагаемъ
къ угодной вашему царскому величеству службѣ, въ которой мы во вся дни живота
нашего пребывать желая, припадаемъ къ ногамъ вашего царскаго величества и рабски
челомъ бьемъ. Вашего царскаго величества послѣдніе, милостивые рабы Александръ На-
рышкинъ. Иванъ Нарышкинъ. (Амстердамъ, 18 января 1712 года).

Когда они прїѣхали въ Парижъ, то маршалъ д'Этре, какъ вѣжливый французъ,
писалъ къ Петру: Messieurs de Nariskin, par qui la lettre de V. M. m'a été remise me
paraissent dignes de l'honneur qu'ils ont d'être du sang d'un aussi grand monarque et je
trouve qu'ils ont déjà porté leur connaissance fort au dessus de leur âge... (Кн. дѣлъ М
М 32) Нарышкины, какъ видно изъ ихъ письма, были баричи и остались ими, не
сохранявъ по себѣ никакого слѣда въ русской исторіи.

валъ по Европѣ съ младшимъ своимъ братомъ, которому, по всей вѣроятности, и принадлежать замѣтки разсматриваемаго дневника.

Описаніе путешествія графа Матвѣева изъ Гаги въ Парижъ начинается, какъ и всѣ старинные статейные списки, объясненіемъ причины поѣздки и извѣстіемъ о составѣ посольской свиты ¹⁾. При этомъ не забыта замѣтка, намекающая, что посольскій слѣдовалъ европейскими обычаями, именно нѣмѣлъ свои кареты и прислугу въ приличной ливреѣ. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе мѣстъ, которыми проѣзжалъ посольскій. Послѣ заботливыхъ отмѣтокъ о почестяхъ, которыми воздавались, помѣщены свѣдѣнія о фортификаціонныхъ постройкахъ въ городахъ, о зданіяхъ, планахъ улицъ, мостахъ, городскихъ площадяхъ, ратушахъ, магистратахъ. Гдѣ бы ни останавливался Матвѣевъ, онъ всегда посѣщалъ значительные монастыри, церкви, говоритъ о бібліотекахъ, монахахъ и монахиняхъ. Несмотря на оффиціальность статейнаго описки, въ немъ замѣтно проглядываетъ чувство особеннаго уваженія ко всему, что видѣлъ посольскій въ Парижѣ. Какъ ни наивными кажутся нѣкоторыя изъ его замѣтокъ, однако, съ тѣмъ вмѣстѣ, отъ него не ускользнули и многія хорошія черты тогдашняго французскаго общества.

«Въ томъ государствѣ, пишетъ Матвѣевъ, лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшею причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанести обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилуваній не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежатъ будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ, и въ народныя дѣла не вмѣшиваются, и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него...

Графа Матвѣева изумляло, что женщины во Франціи имѣютъ большое значеніе, ему нравилось обхожденіе ихъ съ мужчинами, предупредительность «со всякимъ сладкимъ и челоуколюбнымъ приемствомъ». То же самое выказалъ нашъ посольскій при описаніи воспитанія дѣтей: отъ юности они обучаются, всѣ безъ изъятія, разнымъ наукамъ, имъ внушаютъ быть обходительными, вѣжливыми. Характе-

¹⁾ Современникъ 1836 г. № 6, отд. II, стр. 39 — 66.

ростична при этомъ случаѣ замѣтка, что въ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и что отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются.

Матвѣевъ ѣздилъ въ Парижъ, чтобы заключить коммерческій трактатъ съ Людовикомъ XIV, но его старанія въ этомъ случаѣ не имѣли успѣха.

Для насъ важны не менѣе описаній путешествій переписка, которую вели русскіе, бывшіе за границей во времена Петра Великаго. Въ этомъ случаѣ представляютъ множество драгоценныхъ матеріаловъ Кабинетныя дѣла, сохраняющіяся въ государственномъ архивѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Многіе изъ молодыхъ людей, учившихся въ чужихъ краяхъ, вели переписку съ царемъ или относились къ его секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову, и отсюда то можно видѣть, какъ молодое поколѣніе сближалось съ европейскимъ просвѣщеніемъ и какъ оно усвоивало его себѣ. Для примѣра приводимъ здѣсь выдержки изъ подобныхъ писемъ Конона Никитича Зотова, переводчика разныхъ книгъ и моряка (о книгѣ его «Разговоръ адмирала съ капитаномъ» и другихъ сочиненіяхъ см. 2-ю ч. настоящаго труда подъ 1724 годомъ).

Кононъ Зотовъ въ молодости учился за границей. 11 сентября 1707 г., отецъ его писалъ къ нему: «получилъ я съ почты письмо твое, ко мнѣ писанное изъ Лондона августа 15 числа, изъ котораго увѣдомаясь о твоемъ здравіи и о благосостоятельномъ въ наукахъ пребываніи, по премногу радуюсь, чего и впредь всеусердно желаю; а наипаче о семъ, которое мнѣ и твоему брату Ивану великую радость принесло, что просишь меня съ письменнымъ отвѣтомъ, дабы позволено было тебѣ отъ меня въ Англіи служить на корабляхъ. Которое письмо изволилъ великій государь вычестъ и со премногою милостію тебя похвалить и за перваго охотника на тѣ его государскія любимыя дѣла вмѣнять и десницею своею то письмо благословить и про твое недостойное такія превысокія монаршескія милости здоровьяшко пять кубокъ венгерскаго, а потомъ изволилъ къ тебѣ съ великою милостію писать своею государскою, собственною десницею ¹⁾»...

По возвращеніи изъ за границы, Зотовъ служилъ на корабляхъ. Какъ увидимъ ниже, онъ не даромъ учился въ чужихъ краяхъ, былъ человекъ со свѣдѣніями, съ умомъ живымъ и увлекающимся. Можно себѣ представить теперь его положеніе при дворѣ, гдѣ отецъ его, по

¹⁾ Тетради записки Петра Великаго СПб. 1774; стр. 229.

царскому желанію, разыгрывалъ шутовскую роль начальника надъ компанією извѣстныхъ пьянчужекъ, когда его титуловали всеобщимъ-ствомъ, подходили къ нему подъ благословеніе, и онъ самъ не иначе подписывался, какъ *smigennyi Anikita vlasvoju gukoj*. И вдругъ во всему этому старикъ Зотовъ рѣшился жениться, и при дворѣ за долго начали дѣлать приготовленія къ свадьбѣ, которая должна была отправляться шутовскимъ образомъ. Тогда то сынъ его, Ковонъ написалъ къ Петру Великому, 14 января 1715 года, слѣдующее письмо:

«Умилосердись, государь! Предвари искушенію дьявольскому и хотящей вамъ быти наглою напасти: подлежитъ убо сіе вашей премудрости и милости. Такимъ ли вѣнцомъ пристойтъ короновать конецъ своея жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой чрезъ искушеніе? Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавше, яко трехъ вещей возсмерде его совѣсть, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть предъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслъ. По сей пунктъ отдаю послѣдній мой сыновскій долгъ, душевнымъ и плачемъ моля ваше величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному отъ себя расположенію... Далѣе, Зотовъ говоритъ о будущей своей мачихѣ: «я вѣрю, что она идетъ для того въ замужество, чтобъ ей насъ, дѣтей его, лишить отъ Бога и отъ васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства, которымъ вы удостоили отца нашего, чая по немъ отъ насъ заслуги. Для покою старости его довольно будетъ, если укажетъ ваше величество брату моему Ивану быть при немъ, который такъ долгое время за его же волю коснѣлъ и милости вашей былъ удаленъ. Однако нынѣ изволитъ говорить намъ отецъ нашъ: я бы де и радъ отрекся моея женитбы, но не смѣю его царское величество прогнѣвить: столько де стариковъ собрано для меня и платя надѣлано. Все сіе разсуди, помилуй его старость и насъ сиротъ, которыхъ такъ долгое время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ... Онъ (отецъ) изволитъ говорить, что я — де васъ не оставлю, однако тому не вѣрять, ибо онъ же говорилъ: когда-де вы чрезъ волю мою по своему желанію производитесь, то вамъ такого чорта на шею навяжу, что вы своему живому не будете рады. Я надѣюсь, что ваше величество не въ той образъ нашу фамилію милостиво призрѣлъ, дабы мы отъ пришедшія внезапно утѣснены и разорены были ¹⁾»...

Чрезъ десять дней послѣ этого письма, т. е. 24 января, царь написалъ всю своею рукою инструкцію на имя капитанъ поручика Ковона Зотова, первый пунктъ которой гласилъ: «ѣхать ему во Францію въ порты морскіе, а наипаче гдѣ главный флотъ ихъ. И тамъ, буде возможно, и вольно жить ²⁾»... Между прочими порученіями, Зо-

¹⁾ Каб. дѣл II № 23.

²⁾ Подлинная инструкція въ Каб. дѣл. I, № 38 л. 187 — 188; напечатана у Берха въ Жизнеописаніи адмираловъ II, 240—241.

товъ облизывался «все, что ко флоту надлежитъ, на морѣ и въ портахъ сыскать книги; также, чего нѣтъ въ книгахъ, но чинятъ отъ обычая, то помнить и все перевести на славянскій языкъ нашимъ штилемъ. а за штилемъ ихъ не гнаться»...

Уже въ 1715 г. Зотовъ былъ во Франціи и, 7 октября того года писалъ между прочимъ царю: «вашему величеству дерзая предложить: понеже офицеры въ адмиралтействѣ суть люди приказные, которые повинны юриспруденцію и прочія права твердо знать, того ради не худо бы было если бы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать двухъ или трехъ челоувѣкъ лучшихъ латинистовъ изъ средней статьи людей, т. е. не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ, для того что вездѣ породные презираютъ труды (хотя, по препорціи ихъ породъ и имѣнія, должны также быть и въ наукѣ отѣмны предъ другими); а подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить. И тѣхъ латинистовъ прислать сюда, дабы прошли оную науку и знали бы, какъ суды и всякія судейскія дѣла обходятся въ адмиралтействѣ. Я чаю, что сіе впредъ нужно будетъ. Прошу милосердія въ вниѣ моей дерзости: истинно, государь, сія дерзость не отъ единого чего, только отъ усердія ¹⁾»...

Вообще Зотовъ во Франціи исполнялъ самыя разнообразныя порученія: определялъ русскихъ гардемариновъ во французскую службу, прискивалъ лавровыя деревья не выше двухъ футовъ ²⁾ и т. п. Какъ челоувѣкъ живой и, какъ видно изъ писемъ его, легкомысленный, онъ самъ вызывался на дѣла, увлекался всѣмъ, хлопоталъ наконецъ часто и о томъ, что ему не поручали. Письма его изъ Париза къ царю и кабинетъ секретарю Макарову чрезвычайно хорошо рисуютъ намъ эту личность.

18 ноября 1715 г., Зотовъ сообщалъ Петру Великому:

«Я помню, что англичане, дѣлаючи альянцію съ королемъ португальскимъ, положили между прочими артикулами, чтобъ оный король своихъ серебряныхъ денегъ не убавлявалъ, если похочетъ новыя дѣлать, а которыя сдѣланы тѣмъ бы цѣны не повысивать, усмотря, что ихъ деньги тяжелѣй англинскихъ. А то сдѣлано для того, чтобы еимки португальскіе (которые называются крусады) вывезть въ Англію, что и сдѣлалось. Во времена, когда я бывалъ въ Португаліи, то и тогда съ превеликою трудностью найти можно было обмѣнить золотой на серебро, а нынѣ, чаю, я пуще трудно. Изволь смотрѣть, государь, какая правда и дружеская альянція, если не самая обида и свой интересъ. Того ради, вашему величеству не токмо съ Франціею торговлю явно учинить есть потребно, но и съ прочими, яко съ Флоренціей, гдѣ есть городъ Ливорно и куда такъ великое число рос-

¹⁾ Житиеописанія адмираловъ Берха II, 243 — 244.

²⁾ Поли. соб. зак. V, № 3058.

сїйскихъ товаровъ англичане и голландцы отвозятъ, а именно: юфть, икра паюсная, воскъ и прочая.

«Бывшій король французскїй, который усмотрѣвъ безприбыльную снѣсъ въ породныхъ людяхъ своего государства (понеже въ прошедшія времена было, что если кто изъ дворянъ почнетъ торговать, то тѣ теряли честь дворянства и сжиголь той чести отымался, т. е. виновны были носить шнагъ), и для того указъ ~~выдалъ~~, что не есть уроненіе чести дворянства, если кто будетъ торговать гуртомъ, яко корабли отъ себя отпускать и прочая. И чтобъ народъ свой къ тому приобычь, то самъ отъ себя послалъ корабли съ товарами и ближнимъ своимъ людямъ указалъ тожъ учинить, дабы все его государство сему примѣру подражало. И какъ увидѣлъ, что умножилось судовъ торговыхъ, тогда разсудилъ, что надобно для ихъ обороны учинить корабли воинскіе, а матросы стали уже быть готовы: съ тѣхъ же торговыхъ бралъ на воинскіе, когда ни понадобится и всѣмъ матросамъ, что ни есть въ государствѣ, клясъ (о чемъ будетъ явное описаніе впередъ). О сей его полноткѣ, чтобъ государство обогатить и матросовъ расплодить, я чель еще давно въ книгахъ англїйскихъ, а нынѣ слышу отъ самихъ французовъ тому подтвержденіе. Всенижайше прошу прощенія за внесеніе вышепомянутаго въ семь писемъ, чая, что за сіе гнѣва не буду имѣть, развѣ уничтоживанія, если не слячно было нынѣ сіе вашему величеству донести ¹⁾).

16 марта 1716 г., къ царю же: «Я еще нахожу должность мою вашему величеству извѣстить о г. Ефимѣ Рагузинскомъ: онъ многіе годы не имѣетъ отъ своего дяди (Саввы Владиславовича Рагузинскаго — о немъ см. ниже въ гл. IX) ничего на свое содержаніе здѣсь, отчего впалъ въ долги, за которые не по единъ разъ былъ посаженъ въ тюрьму, и нынѣ въ тюрьмѣ обрѣтается въ крайней нуждѣ. Я вельми сему соболзную: не всякой знаетъ, что онъ изъ Рагузъ, но имѣютъ его за россійскаго дворянина. А въ такое ругательство отъ дяди своего преданъ, что страшно слышать — за волосы таскаютъ, да по тюрьмамъ водятъ! Божескою милостію благоволи на него призрѣть, дабы повелѣть дяди его долги его откупить и къ Россіи возвратить. Сіе донесъ вашему величеству, оберегая репутацію россійскихъ людей, которыхъ вашимъ царскимъ особливимъ промысломъ вся Европа признаваетъ за добрыхъ кавалеровъ».

Въ апрѣль 1716 г., къ Макарову: «Письмо ваше отъ 14 марта изъ Гданска до меня дошло, въ которомъ изволисте екскузоваться, что замедлили ко мнѣ вскорѣ прислать 100 золотыхъ. И мнѣ сіе вельми противно, что такъ изволишь оговариваться со мною, который вамъ долженъ своею жизнію — однимъ словомъ отцу Никитѣ Моисеевичу

¹⁾ Каб. дѣл. II № 23 л. 430 — 431.

за рожденіе и за воспитаніе, а вамъ за благодаренія и милосердія. И понеже я такъ васъ, моего государя, почитаю, того ради со смѣлостью васъ прошу, чтобъ пожаловали постарались о выкупкѣ г. Рагузинскаго изъ тюрьмы. Также чтобъ Суворова взять въ Петербургъ: жестокъ народъ! (подчеркнуто въ подлинникѣ).

Къ царю, 29 октября 1716 года: «Писаль я прешедшей ночки до секретаря вашего величества г. Макарова, что я въ тотъ же день почтовый буду имѣть аудіенцію у г. маршала и вице адмирала д'Этре и что отъ той аудіенціи произойдетъ, о томъ хотѣлъ ваше величество скорѣ уведомять. Того ради, нынѣ сямъ письмомъ доношу, что я у него на аудіенціи былъ тогожь числа, и принялъ меня такъ милостиво, какъ бы сына своего, за честь вашего величества, чего я отъ него весьма не чаялъ за прешедшее озлобленіе съ стороны г. Лесорта (тогдашній русскій агентъ въ Парижъ); но г. Бонмазарій, который хочетъ предъ вашимъ величествомъ весьма оправдаться противъ всѣхъ наносныхъ писемъ и словъ, сіе мнѣ промыслилъ истинно съ великою трудностью, и какъ онъ былъ прежде меня у него (т. е. у д'Этре) на аудіенціи, то онъ такое далъ описаніе о вашемъ величествѣ, что при мнѣ г. маршалъ называлъ ваше величество творцемъ руссійскаго народа. Что можетъ быть говорено въ вашу, государеву, хвалу лучше сего? — Потомъ я ему предложилъ, что ваше величество желаетъ имѣть коммерцію со всѣми окрестными государствами, а навпаче съ Франціею, что ему весьма угодно было слышать. И понеже онъ возстаиваетъ флотъ и прочая управляетъ что касается морскаго дѣла, то онъ мнѣ сказалъ, что я де такъ учиню, что и руссійской коронѣ, и нашей угодно будетъ (разумно да будетъ, что коптъ де Тулузъ имѣетъ честь адмиральскую, а онъ все управляетъ). И въ скоромъ времени буду имѣть трактатъ о коммерціи и къ вашему величеству на почтѣ отправлю съ г. Бонмазаріемъ, дабы его изволилъ заручить, а здѣсь тоже будетъ учинено. Правда, что сіе не мое дѣло, да чтожь дѣлать? Когда Богъ сподобилъ птенцовъ служить вашему величеству въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ посолъ г. Матвѣевъ и прочіе не могли ни малаго поступку учинить»...

Того же числа къ Макарову: «Я въ великой печали, что отъ вашей милости не имѣю къ себѣ писемъ. Мнѣ кажется, что немного худова въ моихъ письмахъ, но только самая моя ревность, какъ къ царскому величеству, такъ и къ отечеству. Пожалуй отпущи, дабы я могъ по вашимъ письмамъ или прибавить, или убавить оную ревность. А что здѣсь дѣлается, и о томъ чрезъ письмо до царскаго величества известствуется. Такъ знай царскихъ рабятъ! Какъ сіе узнаютъ наши министры, то я чаю, что будутъ мнѣ искать погибели, бывъ зависть самая и хранящіе свой партикулярный интересъ. Токмо я въ томъ уповаю на Бога, на царя и на вашу ко мнѣ отеческую милость, и

никого иного до гроба моего не хочу имѣть, понеже устнами своими лстятъ, а языкъ ихъ мечъ бысть ¹⁾!»..

Въ жару своего усердія, Зотовъ началъ разговоры съ маршаломъ д'Этре о женитьбѣ царевича Алексѣя Петровича на одной изъ дочерей дюка Орлеанскаго, о чемъ и успѣшилъ довести царю въ декабрь 1716 года. За такое вмѣшательство въ политическія комбинаціи ему послали отъ нашего двора чрезъ Макарова нагоняй, а Зотовъ писалъ къ нему въ отвѣтъ, 11 января 1717 года:

«Письмо ваше, отъ 1 января, получилъ здѣсь въ цѣлости, за которое цѣлую ноги ваша. И понеже изволите меня отечески поучать, того ради я вамъ, государю моему, одолженъ сыновски имѣть откровеніе и нынѣ довести, что о женитьбѣ государя царевича у насъ токмо было въ разговорѣ говорено между дѣломъ такимъ образомъ: г. маршалъ д'Этре получилъ письмо изъ Питербурга, въ которомъ писано, что государь указалъ быть государю царевичу къ себѣ для женитьбы. Сіе приобща, спрошалъ: не знаемъ ли то, на которой принцессѣ? На что сказали, что незнаемъ. Потомъ, искушая его самого, спрошали тако: у васъ много принцессъ во Франціи, если царское величество пожелаетъ, какъ изволите думать? На что сказалъ: его де величеству здѣсь ни въ чемъ не откажутъ. Такимъ же образомъ, какъ мы съ нимъ, въ разговорѣ съ дюкомъ д'Орлеаномъ слышала отъ него оный отвѣтъ: я бы де радъ, чтобъ то нынѣ сдѣлано уже было. Однимъ словомъ, все то говорено на вѣтеръ. Однакожь, я тѣмъ доволенъ, что узналъ ихъ великое почтеніе къ царскому величеству. А облигаціи, ниже государево имя было помянуто: ктобъ смѣльчакъ такой былъ, чтобъ сіе предложеніе говорилъ, не имѣя указу? А разговоръ здѣсь—и женить, и разводять, на королевства сажаютъ, а у иныхъ отнимаютъ, и о всякой всячиниъ говорятъ. Что же я горячо желаніе объявлялъ, тому причина краткое время, чтобъ застать почту, ибо надобно было дать причины того желанія, яже суть: 1) что придворные такой принцессы могли бы ввести у насъ въ обычай учливое обхожденіе; 2) чтобъ государь чрезъ нея все науки могъ привести въ Россію; 3) что всякъ Германія не смѣла прогнуть въ государя ни въ чемъ, какъ нынѣ електоръ ганноверскій и король англійской, а турка уже бы взяла лихорадка; 4) хотя шведъ здѣсь не очень въ почтенія, а сею женитьбою вовсе былъ бы отрезанъ. Я нынѣ держу, что альянція со Франціею намъ вельми полезна, ибо другъ другу зла не могутъ дѣлать, а добра сколько хотятъ. Цесарь никогда не будетъ любить дворъ нашъ, для того что государи наши пишутся императорами... Всѣхъ насъ повинность желать всякаго добра государю, всякой по своему разсужденію, а онъ, государь, знаетъ свой интересъ лучше всѣхъ. Кто смѣетъ инакъ мыслить? Въ

¹⁾ Каб. дѣла II, № 27, л. 8—9, 13, 90—91, 89.

письмѣ тамъ же я написалъ дерзновенно, что я того не буду имѣть за добраго слугу, кто иначе будетъ совѣтывать. И я тебѣ, государю моему, какъ отцу духовному, исповѣдаюся, что я то писалъ для Куракина. Знаете, какъ у насъ водится: хотя бы накладъ, лишь бы не Кононь Зотовъ то дѣлалъ и предлагалъ! Для чего онъ своимъ отношеніемъ помѣшалъ мнѣ г. Бонмазарія царскому величеству рекомендовать, если не для сего? Такого человѣка, если бы его государь изволилъ узнать, то бѣ далъ за него миллионъ: у него пальцы въ одномъ больше и ума, и чести, и твердости, нежели во всемъ тѣлѣ куракинскомъ, понеже склонность его пакости дѣлать людямъ, да лестить. Позабылъ, что пророкъ Даніилъ написалъ: мужъ язычникъ не исправится; на землѣ мужа лукава зло истлѣетъ во вѣки! Что здѣсь писалъ къ вамъ, то ему самому, не зазяся, могу выговорити. Мнѣ досадно, что онъ меня поставилъ предъ государемъ такимъ малымъ ребенкомъ и глушцомъ, что мнѣ не мочно усмотрѣть человѣка добраго и плута. Напалъ на меня сироту и бѣднаго человѣка... знатно милостивый человѣкъ! Пронзательные княжескіе умы! Какую вину нашель на Бонмазарія? Что онъ, когда былъ лѣтъ въ 20, ушманалъ у себя въ Италіи одну черницу и за то выгнанъ на 20 лѣтъ. Вольно имъ бѣситься; если у насъ воѣхъ тѣхъ выгнать которые съ черницами въ своей юности знаются, то чаю некому будетъ и служить. Бще причину нашель, что былъ въ тюрьмѣ 4 года въ Голландіи, и то не причина, ибо еслибъ виновать, то не былъ бы живъ, но сами статьи со стыдомъ выпустили... Куракинъ отъ меня и самого услышитъ сіе, что я его гнѣва не буду бояться, ибо ни движимаго, ни недвижимаго у меня нѣтъ: нечего отнять и нѣтъ какъ потѣснить въ уоадьбахъ, ибо по государевой милости испомѣщенъ на моряхъ!...

23 января 1717 года, къ Петру Великому:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій! Писалъ я однажды къ секретарю вашего величества, г. Макарову, что я здѣсь одно дѣло дѣлаю съ немалымъ страхомъ и которое, если совершу, будетъ угодно вашему величеству. Нынѣ то совершилось: отправляю до вашего величества двухъ господъ, а именно г. Вигуру и г. де-Лануа. Г. Вигуру есть баронъ и имѣетъ свою землю. Здѣсь ему давали полковничество, но онъ сего не похотѣлъ принять и пожелалъ вашему величеству себя представить; онъ же еще есть свидѣтельствоваанный докторъ въ юриспруденціи — наука, которую долженъ знать генераль аудиторъ и судья въ адмиральтействѣ. Сей господинъ меня спозналъ съ г. де-Лануа, который имѣетъ дивные секреты и которые, oprичъ его, никто не знаетъ. Мнѣ они такъ полюблились, что я не хотѣлъ съ ними разстаться и просилъ г. Вигуру, чтобъ его подговорить ѣхать въ вашему величеству, общая ваше милостивое принятіе. Если бѣ здѣсь свѣдали объ ихъ отъѣздѣ, то я чаю, чтобъ ихъ посадили въ prisonъ, да и мнѣ, чтобъ не было тожъ. Того ради, из-

вольте ихъ тайно принять и будто бы они сами пріѣхали, а не я ихъ выслалъ»...

Того же числа и года, Зотовъ писалъ къ Макарову:

«Сіе письмо вашей милости подастъ Афанасій Даниловнчъ, котораго я не хотѣлъ, чтобъ онъ къ вамъ пріѣхалъ безъ какой диковинки. Того ради, нынѣ онъ вамъ привезетъ двухъ человѣкъ, о которыхъ я только вамъ, государю моему, однажды намекнулъ въ моихъ письмахъ, нынѣ же довольно писалъ къ царскому величеству. Пожалуй, будь къ нимъ милостивъ и мѣшай терпѣть бѣду отъ подобныхъ Курякину. Извольте увидѣть сами, что достоинъ государевой милости и прочихъ пріязни»...

Читая эти восторженные похвалы своимъ, какъ выразился Зотовъ, диковинкамъ, нѣтъ возможности заподозрить его чистосердечія — нѣтъ, онъ сильно и глубоко былъ убѣжденъ въ превосходствѣ и чудныхъ качествахъ Вигуру и де-Лануа. Зотовъ, какъ наивный русакъ, былъ обворожень французскими любезностями, его отуманивала блестящая внѣшность, и это въ особенности замѣтно изъ письма его къ Макарову, 11 февраля 1717 г., въ которомъ онъ между прочимъ писалъ: «о мнѣ доношу, что я съ г. Бонмазаріемъ есмь въ милыхъ у г. маршала д'Этре — ей, ей, какъ сынокъ! Дай Боже, мнѣ такое счастье у себя на святой Руси! И къ царскому величеству великое почтеніе имѣеть ¹⁾!»...

Вигуру и де-Лануа, какъ оказалось послѣ ихъ прибытія въ Россію, по отзывамъ самаго французскаго резидента при нашемъ дворѣ, умнаго Кампредона, были весьма пустые люди и болѣе фразеры и хвастуны, какъ всѣ искатели счастья изъ французовъ. Жена де-Лануа была наставницею во французскомъ языкѣ дочерей Петра Великаго — Анны и Елизаветы, а мужъ увѣрялъ, что она при русскомъ дворѣ статсъ дамою. Когда цесаревна Анна Петрова вышла за мужъ за герцога голштинскаго и, при Петрѣ II, принуждена была съ мужемъ удалиться изъ Россіи въ Киль, то француженка де-Лануа сопровождала ее туда и, послѣ кончины герцогини, возвратилась во Францію. Въ царствованіе Елизаветы, она, въ надеждѣ на милости своей бывшей ученицы, явилась было снова въ Петербургъ при дворѣ, но ее оттуда скоро выпроводили, о чемъ есть упоминаніе въ запискахъ Екатерины II. Самъ де-Лануа, еще при жизни Петра Великаго, написалъ ему панегирикъ плохими французскими стихами. Одинъ шутякъ изъ его соотечественниковъ, молодой Шлейницъ, въ насмѣшку сочинилъ къ поэту посланіе отъ имени Фонтенелля объ избраніи его за стихи въ члены французской академіи наукъ. Де-Лануа и другъ его Вигуру были въ восторгѣ и долго вѣрили, что все это

¹⁾ Отрывки изъ писемъ Зотова извлечены изъ Каб. дѣлъ II, № 32.

истинно. Разуверили де-Лануа только изъ опасенія, чтобы шутка не дошла до Петра Великаго.

Говоря о русскихъ, учившихся за границей во времена Петра Великаго, невозможно пройти молчаніемъ обстоятельства, несомнѣнно бывшаго важнымъ препятствіемъ тому, чтобы наша молодежь могла пріобрѣтать тамъ основательныя знанія—это недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ и вообще крайняя беззаботность, по милости которой молодые русскіе оставались въ отдаленныхъ краяхъ совершенно на произволъ судьбы, безъ всякой почти помощи. Конечно, въ этомъ никто не рѣшится обвинять Петра Великаго: онъ вездѣ и всюду долженъ былъ работать за всѣхъ, безъ усталы, часто не имѣя ни днемъ, ни ночью покоя. Исполнители его воли, за весьма рѣдкими исключеніями, дѣлали только то, что имъ наказывалъ или подтверждалъ царь, а онъ, при разнообразіи занятій, при многочисленности замысловъ, которые ему хотѣлось осуществлять, легко могъ не помнить о подтвержденіяхъ разъ данныхъ имъ приказаній. Неудивительно по этому, что бѣдные молодые люди, заброшенные «для науки» по разнымъ городамъ Европы, не рѣдко терпѣли нужду и всевозможныя лишенія отъ недостатка заботливости о нихъ. Въ главѣ о переводчикахъ, мы не разъ будемъ имѣть случай указывать на это, а здѣсь приведемъ въ подтвержденіе нѣкоторыя изъ писемъ Юрова и арапа Абрама — предка поэта Пушкина ¹⁾. Оба они оставлены были въ Парижѣ въ бытность тамъ Петра въ 1717 году.

¹⁾ Когда Петръ Великій въ первое свое путешествіе по Европѣ былъ въ 1698 г. въ Лондонѣ, то любимецъ его Ле-Фортъ часто писалъ къ нему письма на ломаномъ русскомъ языкѣ и при томъ латинскими буквами (они хранятся въ госуд. архивѣ м. и. д. въ папкѣ, принадлежащей къ каб. дѣламъ II. В., подъ № 2; г. Устряловъ въ сочиненіи своемъ ими не пользовался). Тамъ, между прочимъ, находимъ, что Ле-Фортъ просилъ царя достать въ Лондонѣ араповъ и, 8 февраля 1698 года., писалъ: «roujalet nie zabouvat soupir arabi, а 25 марта: scholo biou (читай: челоу бую) milos twoia, schto ti iswollis agarof doselatъ». Быть можетъ, въ угоду Ле-Форту, Петръ дѣйствительно досталъ въ Лондонѣ ребенка арапа, о которомъ въ 1699 г. Петръ Апраксинъ доносилъ царю: «сего числа послалъ къ тебѣ, государю, арапчика Каптинеръ, который изъ англійской земли присланъ по твоему государеву указу ко мнѣ съ капитаномъ съ Иваномъ Фомъ Тариомъ; и русскому языку онъ нынѣ гораздо понавукъ; и которую имѣлъ трудную нѣкоторую скорбь, отъ того, государь, за помощію божіею оздравѣлъ. А о крещеніи его къ тебѣ, государю, прѣжъ сего писалъ, и указа твоего государева не было, и онъ донынѣ у меня не крещенъ... (Каб. дѣла II, № 1) Изъ прошеній Абрама видно, что онъ потомъ, до оставленія его въ Парижѣ въ 1717 г., находился при особѣ царя 17 лѣтъ. Въ Публичной библиотекѣ есть портретъ Петра Великаго, съ стоящимъ за нимъ арапомъ. Въ статьѣ «Арапъ Петра I и калмыкъ Екатерины II» (Спб. вѣд. 1861 г. № 191) сказано, что хотя имени арапа на портретѣ не написано, однако это должно быть изображеніе

Чрезъ полгода съ небольшимъ послѣ отъезда оттуда царя, начались жалобы Абрама и Юрова на недостаточность средствъ къ содержанію и просьбы объ увеличеніи содержанія:

«Всемиловѣйшій государь! На что себя опредѣлили по желанію нашему, и мы оное управить съ совершеннымъ прилежаніемъ, яко должность наша повелѣваетъ, вашему величеству общаемъ, дабы могли удостоиться вашего милостиваго покрову. Того ради, не имѣя никакой надежды, ниже какое заступленіе, опричь единаго вашего величества призрѣнія, молимъ всепокорнѣйше о призрѣніи нашего убожества и опредѣлить насъ своимъ государевымъ жалованьемъ, которымъ бы намъ мочно прожить здѣсь безъ долговъ. Истинно, яко самому Богу, вѣрно доносимъ, что въ сихъ странахъ не можно прожить двѣма стами сорокою ефимками французскими, безъ всякихъ прихотей. Умилосердись, государь, не учини насъ отчаянными исполнить и исполнять по желанію, по должности и по обещанію нашему къ вашему величеству. Мы не смѣемъ опредѣлить сумму, но полагаемся на ваши царскія и отеческія щедроты и на вѣрное объ насъ доношеніе г. капитанъ поручика Конона Зотова. И тако, ожидая онаго призрѣнія, пребываемъ вашего величества сыны и раба препокорнѣйшіе и вѣрнѣйшіе — Алексѣй Юровъ. Абрамъ. Изъ Парижа въ 5 д. марта 1718 года.

Къ кабинетъ секретарю Макарову, рукою Абрама:

«Мой премилостивый государь Алексѣй Васильевичъ, мой государь! Прошу васъ, моего государя, насъ чтобъ не оставить въ такой бѣдности, и здѣсь приложить свое милосердіе въ прошеніе къ его величеству объ насъ бѣдныхъ, презря все мое глупое, младые поступки къ себѣ показанной (sic), и явить надъ нами свое милосердіе отеческое, яко надъ дѣтьми своими, чтобъ намъ не пропасть въ нищеть здѣшнемъ (sic). Во истинну, мой государь, не можемъ процитаться опредѣленными 240 ефимками французскими, и о чемъ писали къ его величеству, при томъ просимъ и ваше милосердіе. При семъ остаюся вамъ, моего государя, слуга Абрамъ. Парижъ 22/11 марта 1718 года.

«Всемиловѣйшій царь и государь! Нездравый нищеть врача, но болящій: какъ я уже копечно нахожуся вѣшна и внутренно скорбяща, не имѣяй иною дохтора, ни лекарства, развѣ высокою вашего величества милостію исцѣлится бѣдность мою можете. Ей, всемиловѣйшій государь, въ крайней нищеть уже есмь, и препятствуетъ

именно арапа Ибрагима — потомка Пушкина. Богатый костюмъ и изысканный парикъ, представленныя граверомъ на портретѣ Петра есть фантазія художника, такъ какъ извѣстно, что царь терпѣть не могъ роскоши въ своемъ нарядѣ. Какъ поручиться, что и арапъ, изображенный за царемъ, не есть также фантазія художника? Замѣтимъ кстати, что въ помянутой статьѣ, на основаніи невѣрнаго указанія самого Пушкина, ошибочно показано время, съ котораго арапъ Ганнибалъ сталъ находиться при Петрѣ.

многѣ бѣдность наша вамъ угодное по желанію нашему исполнить, ибо вся науки за ничто здѣсь не даются, но всякая заплата своей требуетъ. Я никогда не забуду милостиваго указа вашего величества, который при отъѣздѣ вашемъ изъ Парижа намъ данъ устно не такъ, какъ рабомъ, но какъ дѣтямъ своимъ, дабы не попасться въ тюрьму. Но я воистинну сего боюсь, не ради мотовства, ни гулянья, но ради бѣдности нашей скорби можетъ статья, ибо милостиво опредѣленнымъ жалованьемъ вашего величества защитить себя двѣмастами ефимками французскими ни по которому образу не возможно. Умили-сердися, великій государь, надъ бѣдностью нашею по обыкновенной евой высокой милости, повели прибавить вашего государева жалованья! Призри, милостивый государь и отче, слезно вопіющихъ къ тебѣ, которые не имѣютъ инья надежды, ни прибѣжища, ни заступника, кромѣ вашего величества! Истинно, не гипокрицикимъ образомъ простираемъ прошеніе, но слезнымъ, и будемъ ожидать высокой намъ милости вашего величества, всемилостивѣйшаго нашего царя и государя всенижайшій рабъ Алексѣй Юровъ. Изъ Парижа, ноября 1 дня 1718 года.

Въ декабрѣ, того же года, Абрамъ и Юровъ снова прислали слезное прошеніе о прибавкѣ имъ денегъ на содержаніе¹⁾. Другой русскій, также бывший съ ними въ одно время въ Парижѣ, Гавріилъ Резановъ былъ менѣе терпѣливъ и написалъ, 20 февраля 1719 г., къ Макарову такое письмо:

«Государь мой Алексѣй Васильевичъ! Его величество желаетъ, чтобъ мы учились наукъ, въ которыя мы опредѣлены, и воля бѣ его величества была исполнена, еслибы ваше призрѣніе было, чего я до нынѣшняго времени не вижу. Уже шесть мѣсяцевъ прошло, что я къ вамъ пишу безпрестанно и прошу, чтобъ перевели мое жалованье на іюньскую половину 1718 года, а отъ васъ ничего не вижу ни жалованья, ни переводите, ни отвѣтствуете. И если бы ваше желаніе было, чтобъ воля государева исполнялась, тобъ вы разсудили, что у меня никакова промыслу нѣтъ, чѣмъ бы я могъ кормиться и деньги наживать на содержаніе мастеровъ. И бывши такое долгое время не получаючи его величества мнѣ жалованья, не могу я инакъ быть, какъ нищимъ, чего вы не разсуждаете и оставляете насъ бѣдныхъ здѣсь, какъ бы скотину. И во истинно уже пришли такъ, что пить-ѣсть нѣчего, а мастерамъ платить и поготова (?), чего ради принуждены имъ отказать, для того что въ долгъ не хотять вѣрять. Сего ради, прошу васъ еще, чтобъ пожаловали перевели мое вышеписанное жалованіе, такожде и на январскую половину 1719 безъ отложенія, чтобъ я могъ исполнить волю государеву и окончити науку свою и время свое не терять...²⁾»

¹⁾ Каб. дѣл, II, № 38, л. 82, 86, 83—84, 93.

²⁾ Каб. дѣл, II, № 42, л. 71.

Въ началѣ 1722 г., кн. Долгорукій объявилъ Абраму указъ царя возвратиться ему въ Петербургъ моремъ, и тотъ писалъ тогда къ Макарову ^{10/2} февраля 1722 г., изъ Парижа: «прошу васъ, государя моего, доложить его величеству, что я не морской человекъ: вы сами, государь мой, изволите вѣдать, какъ я былъ на морѣ храбръ, а новѣ пуще отвыкъ. Моя смерть будетъ, если не покажутъ надо мною милосердіе божеское... Ежели императорское величество ничего не пожалуетъ, чѣмъ бы мнѣ доѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, то радъ и готовъ пѣшкомъ идти... Прошу донести царскому величеству, что я былъ въ службѣ здѣсь поручикомъ инженерскимъ, въ которомъ полку и служилъ полтора года ученикомъ. Понеже сдѣлали здѣсь школу новую для молодыхъ инженеровъ въ 1720 г., въ которую школу не принимали иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые примутъ службу французскую; но я, надѣясь, что не будетъ противно его величеству, что я принялъ службу для лучшаго ученія, и ежели его величество изволитъ повелѣть мнѣ пребыть сей годъ для ученія, понеже мы сдѣлали сами безъ мастеровъ городъ для ученія, а такожъ разныхъ и для подкоповъ... Абрамъ просился остаться еще на нѣкоторое время во Франціи и въ заключеніи опять повторялъ: «токмо прошу, Христа ради и Богородицы, чтобъ моремъ не ѣхать; о школѣ, о которомъ (sic) я вамъ доносилъ, и она не здѣсь около Парижа, токмо сто миль въ разстояніи отъ Парижа, но ко мнѣ писали, чтобъ пріѣхать въ Парижъ, и я сего дня пріѣхалъ».

Въ письмѣ 5 марта, Абрамъ жаловался Макарову, что они во Франціи умирали съ голоду, такъ какъ жалованье получали бумажными деньгами, которыя тогда упали въ цѣнѣ: «мы здѣсь всѣ въ долгу не отъ мотовства, но отъ бумажныхъ деньгахъ (sic), о чемъ вы, я чаю, извѣстны чрезъ графа Мусина Пушкина (Платона), какое здѣсь житье было здѣшними деньгами. И ежели бы здѣсь не было Платона Ивановича, то бъ я умеръ съ голоду: онъ меня, по своей милости, не оставилъ, что обѣдалъ и ужиналъ при немъ по вся дни... Я надѣюсь, что его императорское величество оставитъ меня не прикажетъ, понеже по отъѣздѣ своемъ изволилъ намъ съ Алексѣемъ Юровымъ изъ устъ своихъ сказать, что ежели мы будемъ моты или въ тюрьму попадемъ, то бъ намъ не имѣть никакой милости отъ его величества для нашей выкупки. Потомъ, изволилъ оказать: ежели мы будемъ прилежно учиться, также чтобъ имѣть доброе житье, то я васъ не оставляю.—И я вамъ, государь мой, доношу, что всѣмъ русскимъ извѣстно, какое я имѣлъ стараніе къ моему ученію (sic), и сколь всякое и казнѣ гдѣ бы можно лучше учиться. Также я принялъ службу, чтобъ лучше знать мое дѣло, гдѣ не принимали никого иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые службу примутъ во Франціи. То ли я выслужилъ, живучи при его величествѣ 17 лѣтъ — выгоняютъ отсюда, какъ собакъ, безъ денегъ! Хотя бы на подъемъ не давали, да пожа-

ловади бы дали наше жалованье годовое, я бы съ тѣмъ поѣхалъ. Еже-ли недостатекъ, то бъ милостину сталъ просить дорогою, а моремъ не поѣду — воля его величества!»

22 апрѣля 1722 г., Абрамъ къ Макарову: «я зѣло благодарствую вамъ, моему милостивому государю, что приказали перевести денегъ мнѣ, которую (sic) мы получили сего 11 дня сего мѣсяца, также чтобъ мнѣ ѣхать съ его свѣтлостью (кн. Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ) въ Питербурхъ... За тѣмъ слѣдуетъ просьба объ уплатѣ долговъ его, сдѣланныхъ по случаю упадка бумажныхъ денегъ. «Пожалуй, мой милостивый государь, прикажи надо мною показать милость свою, чтобъ я не былъ оставленъ. А что мнѣ велѣно ѣхать съ его свѣтлостью, и о томъ прошу васъ, моего государя, чтобъ къ нему относить, пока онъ изволятъ здѣсь жить въ Парижѣ, чтобъ меня приказалъ поить и кормить у себя, чтобъ мнѣ опять въ долгъ не входить, понеже я не имѣю за душою единую копѣйку, а онъ сказалъ: хотя де съ голоду умирайте, у меня вамъ нѣтъ хлѣба, и мнѣ де на то указу нѣтъ, чтобъ васъ кормить! Также, чтобъ въ дорогѣ насъ неоставилъ, чтобъ насъ приказалъ вести на своихъ (лошадяхъ) и кормить дорогою, чтобъ съ голоду не помереть...¹⁾»

VIII.

Старинные учебники для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ.—Отношеніе ихъ къ букварямъ временъ Петра Великаго. Понятія о грамматикѣ въ старину. Заимствованія изъ грамматикки Смотрицкаго (1619 г.) въ началѣ XVIII вѣка.

Въ 1596 г., въ друкарнѣ православнаго братства въ Вильно, былъ напечатанъ букварь, подъ заглавіемъ: «Наука ку читаню и разумѣню писма словенского, тутыжъ и о святой троици и о вѣчеловѣченіи Господни²⁾». Здѣсь, кромѣ азбуки, складовъ, молитвъ (въ символѣ вѣры въ членѣ о св. Духѣ нѣтъ прибавленія слова истиннаго) и лексиса или толкованія нѣкоторыхъ реченій, прибавлены статьи: а) Стефана Зизанія изложеніе о православной вѣрѣ (въ вопросахъ и отвѣтахъ изложены понятія о таинствахъ и св. Троицѣ); б) о вѣчеловѣченіи Господни и в) о знаменіи крестномъ. Эти статьи были вызваны тогдашними событіями въ юго-западной Руси: въ концѣ XVI вѣка начала тамъ дѣйствовать католическая пропаганда, и братья Стефанъ и Лаврентій Зизаній, известные противники папства, старались въ разсматриваемомъ букварѣ, за неимѣніемъ еще тогда кати-

¹⁾ Каб. дѣла Ц, № 59, л. 82—89.

²⁾ Обзорніе славянорусской библиографіи, г. Сахарова Т. 1, кн. 2. № 101.

хизиса, истолковать главнѣйшіе догматы, принимаемые православною Церковью и отличающіе ее отъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій.

Другой букварь изданъ въ Вильно же ¹⁾, 1621 года: «Грамматика albo сложеніе писмена хотящимъ ся учить словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатемъ», съ картинкою на заглавномъ листѣ, изображающею классъ и учителя, который наказываетъ розгами ученика. Въ этомъ букварѣ предполагалось, при обученіи азбуки, знакомить ученика и съ грамматикою, почему въ началѣ сказано: «а сія азбука, отъ книги осмочастныя, сирѣчь грамматикіи». Азбука изложена такъ: азъ, буки, буди онъ, будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною и т. д.; въ концѣ примѣры для объясненія страдательнаго залога; о просодіи дано понятіе въ примѣрахъ: буди и буди, варите и варяте и проч.; орфографія показана въ собраніи словъ по алфавиту, писанныхъ подъ титлами. Послѣ молитвъ ²⁾, слѣдуютъ разныя наставленія сначала къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиненіи, а потомъ къ родителямъ: «къ вамъ же, отцы и учителя, тако глаголемъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердца отрочатъ. Жезломъ же наказанія изжениши его; дѣтищу, иже дають волю его, напоследокъ посрамятъ матеръ свою, аще ли накажеша его жезломъ, не умреть отъ того. Ты бо жезломъ биеши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеша его, а онъ упокоить тебе на старость твою. Тѣмъ же и апостоль сиче глаголетъ: чада, послушайте своихъ родителей о господи, еже есть первая заповѣдь во обываніи, да благо будетъ вамъ и будете долгодѣтели на землѣ». Эти совѣты о строгомъ обращеніи съ дѣтьми приняты были потомъ, какъ неопровержимыя аксіомы, во многихъ изданіяхъ и начала XVIII вѣка (въ букваряхъ, Иовкѣ и др.). За наставленіями помѣщены притчи Соломона, изреченія изъ Иисуса Сираха, поученія Товія сыну своему, а въ заключеніи «сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словенску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ», которое попадаетъ въ рукописяхъ XIV столѣтія.

Первый букварь въ Москвѣ вышелъ въ 1634 году ³⁾. «трусами и тщаніемъ, какъ сказано въ послѣсловіи, Василія Ѳеодорова Бурцева и прочихъ сработниковъ». Здѣсь нѣтъ предисловія, стиховъ и изображеній, а въ Символѣ вѣры въ 6 членѣ есть уже прибавленіе «истиннаго». Трудъ и тщаніе Бурцова въ этомъ изданіи состояли въ томъ, что онъ, перепечатавъ въ своемъ букварѣ предъидущій виленскій, добавилъ послѣсловіе, которымъ отчасти объясняется, почему у насъ въ старину было такое презрѣніе къ иноземцамъ и въ то же время высокое

¹⁾ Ibid. № 194.

²⁾ Въ экз. П. библиотеки листъ, гдѣ напечатанъ Символь вѣры, вырѣзанъ и замѣненъ рукописнымъ, съ прибавленіемъ о св. Духѣ слова «истинный».

³⁾ Обзорън. слав. русск. биб. Т. 1. кн. 2 № 310.

мнѣніе о себѣ: «невѣрніи языцы... отъ праваго пути отступиша и св. крещенія и апостольскаго ученія не пріяша, но въ слѣдъ чюжднихъ боговъ поидоша, и сами себѣ законы, и обычая и грамоты изложиша; иніи же отъ еретикъ научени быша, и божественное писаніе развратиша, того ради и до днесь, яко во тмѣ невѣдѣнія, ходятъ. Нашъ же христіанскій родъ помилова Господь своею милостию и почте насъ своєю и честію, паче всѣхъ языкъ, аще прежде и языцы бѣхомъ, но его, творца нашего и владыки всѣхъ, паки помиловани бѣхомъ и сподобихомся отъ него истинному богоразумію и пріяхомъ сѣмя благочестія»...

Второе изданіе этого Букваря, напечатанное въ 1637 г., съ прибавленіемъ предисловія и стиховъ, рассмотрѣно К. Калайдовичемъ и г. Забѣлиннымъ ¹⁾.

Издаиный въ 1652 г. букварь въ Вильно незамѣчателенъ по содержанію, такъ какъ кромѣ молитвъ, заповѣдей, псалмовъ и азбуки, нѣтъ ничего ²⁾.

Послѣ букваря Бурцова, вышелъ въ Москвѣ букварь же другой редакціи, который намъ извѣстенъ только во 2-мъ изданіи ³⁾ 1664 года; первое же было не ранѣе патріаршества Никона, такъ какъ въ букварѣ отразились тѣ перемѣны, которыя были начаты этихъ іерархомъ: здѣсь Символь вѣры безъ прибавленія въ 6 членѣ «истиннаго», и есть «Главизны отвѣщательны отъ посланія Паисія архіепископа Константинополья и вселенскаго патріарха къ св. патріарху Никону, кими персты подобаетъ всякому христіанину на лицѣ своемъ изображати образъ креста и како достонитъ архіерею или священнику благословляти христіанъ,» съ изображеніями, какъ слѣдуетъ при крестномъ знаменіи слагать персты.

Въ томъ же 1664 г., изданъ букварь въ Кіевѣ ⁴⁾: извѣстно, что тогда

¹⁾ Сзверн. архивъ, 1823 г., VI, 301 — 327; Отечествен. записки: 1854 г. № 12 «Домашній бытъ русскихъ царей» и 1856 г. № 4 «Характеръ древняго образованія въ Россіи.»

²⁾ «Букварь языка славенска, писаній, чтенія учитися хотящимъ въ полезное руковоженіе. Трудолюбіемъ иноковъ въ киевѣн вилнскомъ православіи восточнаго, при храмѣ шестствія святаго Духа. Въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1652.» Въ 8°, 36 кел. лист., съ рѣз. на дер. изображеніями: Григорія двоеслова, женъ мчроносицъ, ап. Петра и Павла, св. Троицы, нерукотвореннаго образа Спасителя, и ев. Марка и Матвея. Одинъ экз. извѣстенъ въ Пуб. библ. Вѣрую здѣсь безъ слова «истиннаго», и оно вписано послѣ вверху строки перомъ.

³⁾ «Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенію писаній. Повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца; благословеніемъ же преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и всего освященнаго собора. Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ типографіи второе издадеся, лѣта отъ созданія міра 7162, отъ воплощенія же Бога Слова 1664.» Въ 8°, 83 листа, перенумерованныхъ съ заглавнаго.

⁴⁾ «Букварь языка славянски, писаній челоукомъ учитися хотящимъ въ полезное руковождество. Въ святой великой чудотворной киево-печерской лаврѣ. Въ лѣто 1664.» Въ

Малороссія не была еще совершенно подчинена по духовнымъ дѣламъ московскому патріарху, а потому тамъ занимались иными вопросами, нежели въ Москвѣ. Кіевъ, по близкому сосѣдству съ Польшею, часто испытывалъ столкновенія съ католиками, и въ кіевскомъ православномъ букварѣ находимъ наставленіе, излишнее въ московскихъ «книгъ геретическихъ не читати и ихъ блузверскихъ мовь (богохульныхъ рѣчей) не слухати; а не будучи выцвичоннымъ (просвѣщеннымъ), въ жадныя (никакія) контроверси не вдаватися, такъ тежъ на ихъ казаніяхъ (проповѣдяхъ) и оборискахъ не бывать». Это наставленіе тѣмъ болѣе любопытно для насъ, что почти дословно заимствовано кіевскими педагогами у враговъ ихъ польскихъ іезуитовъ, для учениковъ которыхъ было постановлено: *a libris perniciosis et inutilibus legendis prorsus abstineant. Neque ad publica spectacula, commoedias, ludos, neque ad supplicia reorum, nisi forte hæreticorum, eant etc....*¹⁾

Въ 1671 г., львовское братство издало букварь²⁾, гдѣ кромѣ азбуки и складовъ, помѣщены обычныя молитвы, пятидесятый псаломъ, гимны въ недѣлю на утрени, символъ Анаанасія александрійскаго, исповѣданіе вѣры Амвросія медіоланскаго и Августина гиппонскаго, заповѣди. Въ концѣ, «для цвѣченя дѣтей по греческу, лѣтерами русскими» напечатаны Отче нашъ, Царю небесный и Достойно есть.

Московскій букварь 1679 г.³⁾, хотя по содержанію своему и полнѣе всѣхъ предъидущихъ, однако по духу и направленію съ ними одинаковъ. Здѣсь прибавлено: 1) «Благословеніе отроковъ, во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ»; 2) «Бесѣда о православной вѣрѣ краткими вопросами» — перепечатка статьи Стефанія Зизанія изъ виленьской азбуки 1596 г. 3) Привѣтства къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сшествіе св. Духа и новое лѣто. Г. Забѣлннъ справедливо замѣчаетъ,

8°, изъ 5-ти тетрадей по 8-ми листовъ каждая, нѣкоторыхъ листовъ недостасть; съ большими изображеніями, рѣзанными на деревѣ.

¹⁾ *Historja szkół w Koronie i w W. X. litewskiem, przeł J. Lukaszewicza, I, 266.*

²⁾ «Букварь языка славянска писаній чтенія учитися хотящимъ въ полезное руковожденіе. Въ Львовѣ, въ друкарни братства усненія пресвятыя Богородицы, року отъ Рождества Христова 1671». Въ 8°, 32 неч. лѣст., считая и заглавный, на оборотѣ котораго рѣзанное на деревѣ изображеніе съ подписью «Стефанъ Половецъ д.» Этого букваря потомъ перепечатавъ въ 1692 и 1710 годахъ.

³⁾ «Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенію писаній. Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего, цара и великаго князя Теодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца; благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомольца, великаго господина святѣйшаго куръ Іоаннима, патріарха московскаго и всея Россіи, издадеса въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ; въ типографіи верхней, въ лѣто отъ сотворенія міра 7186, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1679, индикта 3, мѣсяца декабря». Въ 8°, 2 листа невум., 16, 103 и 36 лѣст. съ отада нумераціями.

что они «не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать, и заключаются въ однихъ только риторическихъ фразахъ»¹⁾.

Въ этомъ букварѣ воспѣты въ стихахъ розга, бичъ и жезлъ, рекомендованные въ виленскомъ букварѣ на картинкѣ и въ отеческомъ наставленіи:

Розга умъ воотрѣтъ, память возбуждаетъ
и волю злую въ благо прелагаетъ:
Учить Господу Богу ся молити
и рано въ церковь на службу ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати
и дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнныя къ дѣлу побуждаетъ,
рождшихъ слушати во всемъ научаетъ...

Въ обращеніи къ учащимся заключается утѣшеніе въ горечи таковой методы образованія:

Целуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
та суть безвинна; гѣхъ не проклинайте
И рукъ, яже вамъ язвы налагають,
яко не зла вамъ, но добра желаютъ.

Наконецъ, въ 1696 году напечатанъ въ Москвѣ, въ 4° «Букварь языка славенска хотящимъ дѣтемъ учиться чтенія писаній. Начало всѣхъ писменъ достоименное начертаніе; къ сему и иныя главизны потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою»²⁾. Здѣсь, послѣ стихотворнаго поученія учащимся, азбука, склады, молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Съ 66 л. стихи: «Въ день св. Алексія, человека Божія, на рождество благороднѣйшаго государя царевича и великаго князя Алексія Петровича, марта мѣсяца въ 17 день», гдѣ за похвалами св. Алексію говорится:

Ему (т. е. святому) съимененъ государь царевичъ
и великій князь Алексій Петровичъ,
Всеросска царства господинъ преславный,
въ бытности лѣтъ си родителемъ явный.
О немъ же отецъ, царь нашъ, веселится
Петръ Алексѣевичъ о сынѣ святится.
Великій онъ князь, Россіи обладатель,
сына своего въ любви обниматель.

¹⁾ Отецъ. Записки 1854 г. № 12, Науки стр. 97. Г. Забылинъ полагаетъ, что находящіеся въ видѣнскомъ книгъ экз. букваря Измарагдъ или столбъ въ гвѣрѣ св. Геннадія и Тестаментъ Василія, царя греческаго, хотя и отпечатаны отдѣльно, а послѣдній имѣетъ даже особый выходъ, однако судя по шрифту, бумагѣ и проч., оба эти статьи должны принадлежать къ букварю 1679 г.

²⁾ Одинъ экз. этого букваря знаю въ библиотекѣ И. П. Каратаева.

Матя царяца, великая княгиня
сына пвстуетъ, руками окня,
Евдокіа днесъ въ совѣсти си свѣтлѣй
Феодоровна во радости крѣплѣй.
Давы царевны царевича любятъ,
молитвы о немъ въ возрастъ благъ сугубятъ.
Вси сродственніи, народъ весь ко Богу
вопіетъ: да дастъ здравость ему многу.
И крайній пастырь, господинъ свѣтѣйшій
Адріанъ, блаженъ патріархъ добрѣйшій,
Со всѣмъ соборомъ мольбы сотворяетъ,
царствѣй свѣтлости всѣхъ блаженствѣ желаетъ...

Тамъ же, на л. 69 «Благороднѣйшему великому государю царевичу и великому князю Алексію Петровичу въ перволѣтіе рожденія его 7198 иривѣтство сотворися, іунія мѣсяца въ 29 день», гдѣ говорится, что Богъ

Хранитъ и въ россахъ царевича красна,
князя младенца, Алексіа ясна,
Господина всѣмъ Петровича блага,
отцу, матери въ любви сына драга.
Праотцово бо онъ имя имѣетъ,
зовомый память радостну содветъ.
Его же возрасти, Боже нашъ и творче,
всѣя си твари премудрый обзорче:
Къ тебѣ бо есмы, къ тебѣ прибѣгаемъ,
мольбы о царѣ Петрѣ приношаемъ,
Алексѣевичъ, господарь росскомъ,
спасай и съ сыномъ въ твоемъ кровѣ божскомъ!...

Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній видно, что букварь предназначался для царевича Алексѣя и, быть можетъ, онъ по этой книгѣ учился грамотѣ. На л. 88, въ статьѣ «О ученіи привѣтство» проишоны буквы въ началѣ и потомъ въ срединѣ стиховъ раскрываютъ имя составителя букваря — Каріона, іеромонаха Истоминна:

Ко Богу юный въ молитвѣ прострися:
Азу писмене въ любви присмотрися;
Разумомъ прочихъ научися склада,
Израильскаго насытиши сада.
О всѣмъ разумѣй добръ, всѣмъ привѣтствуй,
Наученіемъ вездѣ многолѣтствуй.
Исусъ господь Ему Рабовъ Оныхъ
возметъ си МОльбы НАукъ всѣХъ свободныхъ,
Иже Сія здѣ ТОщѣ навѣкаютъ
МИлости любве всѣхъ благъ Научаютъ....

Каріонъ Истоминъ составлялъ и другіе учебники, предназначавшіеся для царевича Алексѣя Петровича: такъ въ мартѣ 1692 года, онъ поднесъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ писанный краками и зо-

лотоиъ «Букварь славенороссійскихъ инокъиенъ со образованнми вещей и со правоучительными стихами»¹⁾. Въ посвященіи, между прочимъ, говорится: «Да яко же ты, государыня благочестивая царица, внука твоего, благороднѣйшаго государя царевича Алексіа Петровича любиши, такожде въ возрастъ временно пріятный пришедши, христіанскому благочестію, и благородному праву и писменныя науки научити имаше: и аще ли тогда въ потребѣ имать сія книжица быти, молю и прошу тя, великую государыню, благоволи оію днесь въ новости отъ мене, худаго вашего рабичища, пріяти и ему, государю царевичу Алексію Петровичу, сохранить до вразумляемаго въ возрастѣ ученія»²⁾. Весь букварь состоитъ изъ изображеній, заимствованныхъ, судя по многимъ признакамъ, изъ какихъ нибудь западныхъ изданій: «подъ всякимъ же писменемъ, говорятъ Истоиниъ, ради любезнаго созерданія, отрочамъ учащимся предложены виды во удобное званіе въ складѣ: да что видить, сіе и назоветъ слогомъ писмене достоѣпнаго начертанія тѣхъ, яко А—Адамъ, алекторъ, аспидъ и т. д. И на тѣ видообразныя вещи, приличны юнымъ людемъ, метафоричнѣ, сіесть преноснѣ, еже отъ вещей слово къ дѣлу потребну заемлетоя, стихи правоучительны суть.... А идѣ же въ вещьхъ и словахъ буквари сего недосталость узрится, яко въ переводѣланіи, благоразумнѣ, неосуднѣ же, изволь каждый въ приличество исправити; ибо въ новости съ трудомъ и иждивеніемъ собрася и издася»...

Другой трудъ Каріона, оставшійся въ рукописи, называется Малая грамматика³⁾, гдѣ изложена ореографія, научающая «естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ», и изображены весьма затѣйливо киноварью воѣ буквы славянскаго алфавита. Этотъ букварь съ грамматическими объясненіями посвященъ Алексію Петровичу: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ во св. евангеліи зѣло похваляетъ учащихся книгамъ сице: всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть челоуѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая (Мате. 13). Сокровища есть сердца новая: св. евангеліе, апостоль; ветхая — вся пророческія книги, яже воспріяла Церковь святая, и индѣ глаголетъ (Іоан. 5): испытайте писанія, въ нихъ же есть животь вѣчный. Сицевыя ради вины надежно дерзнухъ и азъ малую сію грамматикую истолковати, еже есть ореографію, яко подобное подобному, вашему царскому пресвѣтлому величеству, во юности сый уснѣвающу, бо та есть наказатѣльница до всѣхъ мудростей. По апостолу, мужъ, совершенный возрастомъ, тре-

¹⁾ Вытравированъ на мѣздъ Леонтіемъ Бунинымъ въ 1694 г., заглавіе вполнѣ у Толст. № 181, а описаніе содержанія въ Сѣверг. Архивъ 1822 г. ч. IV № 19, стр. 1—27.

²⁾ Рукоп. Царск. № 24. Въ 1693 г. Истоиниъ поднесъ другой списокъ своего буквари царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ «по изволенію и повелѣнію» ея, вѣроятно, для обученія дочерей царицы.

³⁾ Рукопись И. зриматака № 80, полка 3, въ Г, на 50 листахъ.

буесть твердыя нѣцѣ; младымъ же потребнѣйшая есть млеко, млеко же утѣшаетъ тѣло; письмо же умудряетъ душу, яко же философи повѣдаютъ десять чувствъ быти у чловѣка—пять тѣлесныхъ, пять же душевныхъ; тѣмъ же млекомъ утолстѣють тѣлесная чувства, душевная же именуются и духовная, яже учениемъ писанія просвѣщаютъ умныя очи и даютъ знати по части видимая и невидимая, настоящая и будущая, по елику мощно чловѣческому естеству воспріяти, аки даръ отъ Бога чрезъ ученіе мудрость. Наипаче же младые отроки воспріемлютъ во младости младое, еже есть ученіе грамматикѣ; тако да воспріиметь и пресвѣтлѣйшій нашъ монарховичъ такое мое привѣтство: трудолюбіемъ власнымъ истолкованную, сію малую грамматику приносящую свѣтъ нашъ благорастворенною и высокою десницею да благоволитъ вселюбезно воспріяти, а мене, всегдашняго своего молитвенника, во своей си милости хранити. Последній рабъ и всегдашній молитвенникъ іеромонахъ Каріонъ Зауменскій (?).

Вотъ букваря, извѣстные намъ до начала XVIII вѣка: содержаніе ихъ достаточно показываетъ главную цѣль, которая имѣлась при обученіи грамотѣ въ Россіи до-петровской, это—приготовление учащихся изъ духовныхъ къ занятію церковно-служительскихъ должностей и ознакомленіе мірянъ съ молитвами и обрядами церковно-служенія.

Въ 1701 году, въ Москвѣ напечатанъ «Букварь славенскими греческими, римскими письмены учитися хотящимъ, и любомудріе, къ пользу душеспасительную, обрѣсти тщащимся».

Составитель его, Федоръ Поликарповъ—лицо, довольно извѣстное въ письменности той эпохи: прилежный ученикъ грековъ Лихудовъ, оны, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ (Акосъ, Мечеть духовный), писалъ извѣстія о московской духовной академіи и трудахъ своихъ учителей, управлялъ московскою типографіею (см. 2-ю часть настоящаго труда, гл. о типографіяхъ). Поликарповъ, кромѣ того, занимался переводами и составленіемъ книгъ разнохарактернаго содержанія, такъ его трудовъ изданы: нѣсколько словъ Ефрема Сирина (въ переводѣ), Географія (въ переводѣ же), Словарь треязычный, предисловія и незначительныя дополненія къ грамматикѣ Смотрицкаго. Поликарповъ, какъ и Кошевскій, обязанъ былъ братья за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія.

Онъ былъ, подобно Симеону Полоцкому, большой любитель слагать силлабическія вирши: во многихъ изъ изданій московской типографіи, когда она находилась подъ его управленіемъ, встрѣчаются эти вирши, то какъ подписи къ приложеннымъ тамъ изображеніямъ, то какъ объясненія въ назиданіе и услажденіе читателямъ. Въ одномъ стихотвореніи кн. А. Кантеміра, обращенномъ къ Феодану Прокоповичу

съ хвалами его произведеніямъ, досталось и Симеону Полоцкому, и Федору Поликарпову:

Сенька и Федька, когда пьсь пали
Предъ тобою,
Какъ намазаны двери скрипаль
Ветчиною ¹⁾.

Этотъ ученый воспитывался въ московской школѣ, «идѣже, по собственному его выраженію, нѣкоторый талантець славено-греко-латинскихъ наукъ, божіею помощію, приобрѣтохъ», и сначала смотрѣлъ подозрительнымъ окомъ на то, что напоминало западъ: въ предисловіи къ своему букварю онъ говоритъ неодобрительно о произведеніяхъ классической древности и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Петръ вообще былъ не охотникъ до намековъ противъ того, что онъ одобрялъ. Въ началѣ предисловія рассказываетъ о сошествіи св. Духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, далѣе слѣдуютъ похвалы царю, который, посредствомъ изданія книгъ въ московской типографіи, прославляетъ имя божіе и умножаетъ вѣру святую греческую, а въ заключеніи сообщено, что въ Трехъязычномъ букварѣ умъ найдетъ неповѣтствованія или рѣчи Солона, Ликурга, Цицерона, Виргилія или Овидія, но заповѣди божія или творенія Григорія Назіанзинина, «не Есопа фригійскаго (изданнаго, какъ извѣстно, Копіевскимъ), здѣ смѣхотворныя узрите басни типографско зримы; но обряцете себѣ предложенъ стостепенный въ небо восходъ (т. е. столовець патріарха Геннадія). Прочее сію нынѣ, яко крипъ бѣлый, отъ всякія ино-вѣрныхъ враски чистъ взявше, смотрите»...

Служа въ царствованіе Петра Великаго, Поликарповъ имѣлъ достаточно времени, чтобы измѣнить свое мнѣніе, и въ предисловіи къ грамматикѣ 1721 года говоритъ уже о необходимости переводовъ на русскій яз. иностранныхъ сочиненій. Впрочемъ московская типографія долго и послѣ Поликарпова отличалась ревностью къ старинѣ, чему служатъ подтвержденіемъ замѣчанія въ 1757 г. товарища директора той типографіи Пельскаго, также ученика славено-греко-латинскихъ училищъ, на сочиненіе въ стихахъ Тредьяковскаго Θεоптія. Въ числѣ «сумнительствъ» этой книги Пельскій отмѣтилъ стихи, въ которыхъ шла рѣчь о неподвижности солнца, обращеніи около него земли и т. п. Тредьяковскій, возвратясь изъ за границы, враждовалъ противъ старины и былъ непріателемъ московской типографіи, но онъ не смѣлъ нападать на живыхъ, а потому съ особеннымъ задоромъ ратовалъ противъ автора Трехъязычнаго букваря, давно уже умершаго тогда. Тамъ, на основаніи греческой орфографіи, считались необходимыми буквы ζ, ψ, ς, φ, и о послѣдней говорилось: «вмѣсто е

¹⁾ Библиографическія записки 1858 г. № 3, стр. 67.

не глаголи ѳ, ниже т, яко Феодоръ, а не Феодоръ, ни Теодоръ, ни Хеедоръ: противно бо разуму по произведенію реченія, зане чрезъ ѳ—Феодоръ—Богодаръ, черезъ ѳ—Федоръ—Зміодаръ. Тредьяковскій, въ разговорѣ о правописаніи, возсталъ противъ е Поликарпова: «отъ того времени, какъ Феодоровскій триязычный букварь вышелъ на свѣтъ, всё гремятъ только что ею: вѣтъ у нихъ Феопомпа, ни Фіопемта, ни Феодото: одинъ токмо Феодоръ подъ руками, Феодоромъ вездѣ и отъ всѣхъ себя защищаютъ. Сіе жъ для того подлинно, что оный триязычный букварь Феодоромъ изданъ».

Что касается до содержанія букваря, то въ немъ должно считать новымъ шрифты греческій и латинскій, которыхъ до того въ московской типографіи не было, также склады и собраніе словъ на этихъ языкахъ, что впрочемъ заимствовано изъ вокабулъ, изданныхъ въ Амстердамѣ тѣмъ же Копіевскимъ, на котораго за изданіе басенъ Езопа намекалъ Поликарповъ, какъ на еретика. Изъ оглавленія прочихъ статей букваря видно, что многія изъ нихъ перепечатаны изъ старинныхъ букварей; добавлены же: Стихи правоучительные Григорія Назіанзинина, поученія Василя Великаго къ юнымъ, о жизни Григорія Богослова и т. п.

Поликарповъ не считалъ себя въ правѣ обойтись безъ старинныхъ поученій въ лицахъ: въ букварѣ есть двѣ картинки—на одной изображена классная комната, около окна четыре ученика и по сторонамъ два учителя; напротивъ праваго—школьникъ на колѣняхъ, а передъ лѣвымъ—мальчикъ, кланяющійся въ ноги; на полкѣ книги и съ ними рядомъ двѣ плетки. Изображеніе снабжено стихами:

Хвалите Бога человеку всяку:
долгъ учиться письменъ словесъ знаку.
Ученіемъ бо благо разуметь,
въ царство небесно со святыми успеть.
Тѣмъ же, юніи, въ трудъ семъ бывайте,
время и часовъ въ гульбѣ не теряйте.

На другой картинкѣ—тѣ же ученики и наставники: одинъ изъ послѣднихъ внимательно слушаетъ ученика, колѣнопреклоненнаго передъ нимъ, а второй дидакаль съчетъ огромнымъ пучкомъ розогъ разложеннаго на скамьѣ школьника. Стихи:

●
Всякій человекъ въ тишѣ поучайся:
во службу Богу измлада отдайся.
Кто бо учится слогамъ съ охотою,
языки ны речетъ добротою.
Угодство людемъ въ мудрости содветъ.
пріятство оный вездѣ возымаетъ:
Льннвнн же за праздность біются,
грѣховъ творити всегда да блюдутся!

Въ 1704 и 1708 годахъ, напечатанъ также въ Москвѣ, «Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтеній писаній.» По составу своему онъ сходенъ съ старинными изданіями этого рода; въ него вошли заповѣди церковныя, изд. отдѣльно въ 1702 г. Предисловіе же рѣзко отличается отъ прежнихъ: здѣсь много сильныхъ выходокъ противъ неучей и доводовъ въ пользу просвѣщенія, и все это написано непременно подѣ вліяніемъ царя, который, по свидѣльству Вебера, высказывалъ подобныя мысли своимъ придворнымъ.

«Горе вышшимъ временамъ развращеннымъ, сказано въ томъ предисловіи, въ ня же обрѣтаются мнози, иже сія дражайшіе бисеры (т. е. знанія) ногами безумиѣ попирають и, уповающе на свое погибающее богатство, о снисканіи некрадомаго и нестоющаго мудрости сокровища не радять ничто же. И еже есть паче тысящъ злата и сребра, паче злата и топазіа дражайше: сіе у бунхъ, тьмою невѣжества помраченныхъ, есть въ презрѣніи—вѣще же реку, яко у нѣкихъ есть въ поруганіи и ненависти: оле безумія! оле юродства, слезъ достойнаго! Нѣцыи же хвалять мудрость: со множицею слышемъ глаголющихъ «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма»; обаче и тѣи исполняютъ мѣру отецъ своихъ: хвалимаго бо удаляются и, яко же вранове, ношній мракъ невѣдѣнія любяще, свѣта боговѣдѣнія уклоняются, яко исполнитися на нихъ онымъ словесамъ евангельскимъ: возлюбима человекѣцы паче тьму, нежели свѣтъ, бяху бо дѣла ихъ злая. И сей убо порокъ невѣжества елико мощно терпѣти въ мірянахъ, церкви святѣй на службу не причтенныхъ, но како мощно толико зло терпѣти въ лицахъ духовныхъ, на служеніе тайнамъ святымъ приобщитися хотящихъ? Кто не вознегодуетъ, зря тьму невѣжества во іероихъ, ихъ же Христосъ имѣти свѣтъ міру, глаголаше: вы есте свѣтъ міру! Кто христіанскимъ не поболеть сердцемъ, зря слѣпыхъ отъ слѣпаго водимыхъ и къ ямѣ погибельной грядущихъ?... Веще во истинну страха исполнена и ужаса—невѣжество въ начальникахъ! Горе кораблю, влающемуся посредѣ волнъ пучины морскія, правителя же невѣжду, управления неискусна имущу! Горе болѣзни одержиму и цѣлитеса хотящу, враче же проста и въ хитрости врачевной буя стяжавшу! Имѣяй уши слышати, да слышитъ!» Заключение обращено къ духовенству: «А нанпаче вы, іерен господни, вы, священнослужители страшныхъ христовыхъ тайнъ, иже рожденныхъ вами и сродныхъ, неученыхъ закону господню, убѣждаете въ наслѣдство служенія вашего. Зрите опасно, каковыхъ хотите имѣти наслѣдниковъ и тайнамъ божественнымъ служителей. Аще бо простый мірянинъ, о дѣтяхъ не пекійся, съ дѣтоубійцы вмѣняется по Златоустову ученію: колми паче нже предстояти хотяи престолу владычню (его же небесныя силы со страхомъ обстоятъ) не радяи о духовнымъ сыновствѣ, дерзнетъ невѣжду вчиняти тому въ служеніе»...

Въ 1717 году, издано въ Петербургѣ «Юности честное зеркало»; въ началѣ этой книги есть азбука, слоги, цифры и краткія иррауоченія изъ св. Писанія, за тѣмъ все остальное переведено изъ какого нибудь нѣмецкаго руководства и содержитъ въ себѣ правила, какъ держать себя въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія и т. п. Зерцало это должно считать первымъ букваремъ, который предназначался для мірянъ, и потому не имѣетъ ничего общаго съ прежними изданіями этого рода.

Въ Духовномъ регламентѣ (1721 г.) говорилось, что для распространенія въ народѣ христіанскаго ученія прежнія книги, какъ по темнотѣ языка, такъ и рѣдкости ихъ, не могутъ быть доступны большинству; между тѣмъ духовенство не въ состояніи проповѣдывать въ церквахъ о догматахъ вѣры, почему и постановлено сочинить три книжицы: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и о заповѣдяхъ божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью такую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго.... Первую и вторую книжицу могутъ и дѣти учить изъ начала букварнаго своего ученія. А хотя оныя книжицы будутъ числомъ три, обаче могутъ въ одной небольшой книги всѣ три вмѣститься, чтобы малымъ иждивеніемъ могли быть купованы, и не токмо въ церквахъ, но и въ домѣхъ всякаго охотника безъ труда употребляемы.

Это намѣреніе приведено было въ исполненіе нѣсколько разѣ изданія самого регламента, именно напечатаніемъ въ 1720 г., въ Петербургѣ: «Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; также: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней символа вѣры и девяти блаженствъ». Въ предисловіи «къ благочестивымъ родителямъ, воспитателямъ, приставникамъ, господамъ и всѣмъ прочимъ, имя отеческое надъ малыми отроками носящимъ» читаемъ, что отъ воспитанія въ юности зависить вся жизнь человѣка, что подтверждается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ народахъ: «въ которомъ народѣ многія свары, ненависти, коварства, татьбы и разбои, и прочія злонавія — не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтямъ». Наклонность ко злу у насъ отъ грѣхопаденія, но она еще болѣе усиливается отъ обращенія со злыми и входитъ въ привычку. «Какова же добра надѣяся, гдѣ нѣтъ добраго дѣтямъ воспитанія? А воспитаніе такое въ Россіи — кто не видитъ? какъ скудно: мнози и благовѣстніи у насъ и богобоящіеся человѣцы, не вѣдая силы закона божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во видѣніяхъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ

основательномъ благочестіи.... Не многіе ли обрѣтаются книгочѣи, которые заповѣдей божіихъ, и символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ?.... Чѣмъ же таковой за книгочтеніе свое лучшій отъ прочихъ? Ей, многожды худшіе и злѣйшіе бывають! Не имуще бо страха божія за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать научились, глухое тое искусство обращаютъ себѣ на орудіе злобы, и пишуть клеветы, ябеды, соблазны, хулы, ласквилы, портятъ записи, договоры, духовниці, притворяють указы. Нѣдѣи же, помышляя о себѣ, что понеже читать умѣють, вельми мудры суть, дерзають вымышлять плевельная ученія, мнимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлають.

Прежнія сочиненія для первоначальнаго обученія писались «славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторечіемъ», отчего и оставались непонятнымъ для дѣтей, а потому царь повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, гдѣ истолкованы законъ божій, символъ вѣры, молитва господня и десять блаженствъ евангельскихъ, съ тѣмъ, чтобы «отроцы, читая учащіяся, по буквахъ и слогахъ, во утверженія чтенія своего, не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія учились»...

Изъ этого можно видѣть, что способъ обученія, предлагаемый въ Первомъ ученіи отрокомъ, былъ для своего времени нововведеніемъ. Книга возбудила толки и недовольство, чему служитъ доказательствомъ сохранившаяся въ рукописи современная обширная рецензія, подъ заглавіемъ «Мѣста примрачная, иже отъ безыменнаго автора (въ заглавіи не выставлено имени Феодана Прокоповича: разумѣется критикъ зналъ, кѣмъ писанъ букварь, однако, чтобы свободнѣе дѣлать нападкі, показываетъ видъ, что ему сочинитель неизвѣстенъ) на славенскомъ языкѣ изданъ и Первое ученіе отрокомъ именованъ есть ¹⁾». Разборъ написанъ въ духѣ старинной полемики съ намѣреніемъ доказать, что Первое ученіе отрокомъ будто бы несогласно съ ученіемъ православной Церкви и можетъ быть вредно.

Не касаясь здѣсь этого разбора, такъ какъ по содержанию своему онъ относится собственно къ исторіи нашей духовной литературы, замѣтимъ, что въ немъ находятся также возраженія и противъ того, что въ букварѣ заставляли дѣтей учить не псалмы и молитвы, а толкованіе заповѣдей и проч.

«Всякій во правду чинъ обученія письменъ, говоритъ критикъ, во еже изъ тѣхъ пояти законъ господень, благъ есть, токмо да будетъ съ добрымъ намѣреніемъ и чистою совѣстью предложенъ христіанскому отрочеству; обаче промышляющая мати Церковь соборная (которую православные, раздѣленія ради отъ другихъ или неправославныхъ, или

¹⁾ Рукопись П. б. I, Q., № 273 (Толст. II, 433); ср. изложенное выше въ главѣ III, стр. 42—43, о подготовкѣ Жюбѣ писать противъ букваря Прокоповича.

схизматическихъ Церквей, восточною и греческою нарицати обыкоша), можетъ быть отъ самыхъ пріемши апостоловъ (яко же древность употребленія показываетъ), христіанскимъ же паче своимъ чадомъ, ученію письменъ приложитися нмушимъ, образъ и правила показала и уставляла, т. е. что имъ первѣе, что же послѣжде слушати; таже, каково имъ брашно по ихъ поятію предъявляти и отъ каковаго реченія, знаменіе благочестія являющаго, начинати подобаеъ; потомъ же, яже крѣпчайшему въ далечайшее поступку и неспѣлымъ ихъ разумамъ удобнѣйшая и полезнѣйшая, суть тщательно расположила и научила, которое ученія правило даже до сего дне вездѣ содержитсяъ, гдѣ сирѣчь восточныя Церкви процвѣтаеъ ученіе». За тѣмъ критикъ пишетъ, что ученіе четырехъ или пятилѣтняго ребенка должно начинаться произнесеніемъ и призваніемъ святаго и животворящаго креста: «Егда убо мы, православные христіане, ничтоже древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе нмамы паче святаго и спасительнаго креста, не мало кто удивитися можетъ, что во всемъ ономъ катихисисѣ нгдѣ же о немъ не воспоминается. Азъ мню быхъ, яко для вящшей краткости оставлено, что же ныне разумѣють — они знаютъ». Далѣе изчислены молитвы, которымъ слѣдуетъ научать ребенка; послѣ нихъ онъ долженъ начать октоихъ, псалмы, апостоль, и наконецъ переходить «къ художеству грамматическому». Въ псалмахъ, продолжаетъ критикъ, «нечестивыхъ безуміе, гордость и бѣдное киченіе, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра!.. Тѣмъ же жестоко и отъ обычая (паче же должности) православнаго ученія, яко мню, зѣло чуждо покажется оное «не псалмовъ и молитвъ, но сихъ толкованіе да учатся... Аще бы кто нынѣ инымъ, кромѣ сего, ученіемъ отроковъ усилуовался приввести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы избыти порока подозрѣнія, кольми паче новозбрѣтатель, или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы».

Въ разбираемой рукописи есть и отвѣтъ на эту критику, съ надписью въ началѣ его «отъ Прокоповича». Возраженія рецензенту изложены въ письмѣ къ духовной особѣ: «Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что вѣщци усумнѣваются (какъ я отъ вашего преподобія оногда слышалъ) о нашемъ словѣ въ наставленіи отроцескомъ... Послѣ объясненій и доказательствъ о служеніи духомъ и истинною и т. п. заключеніе такое: «Зри, преподобнѣйшій отче, какъ не добръ дѣется, что не сильно у насъ слово св. апостола Іакова (не мнози учителя бывайте, братія мои, вѣдаяще, яко большее осужденіе пріимемъ). Многое искусство въ томъ имѣти подобаеъ, въ чемъ кто учителемъ хошеъ быти, но искусный долженъ есть долго и прележно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проняцать, когда хошеъ произнести судъ свой о чуждемъ ученіи и мнѣніи. И

понеже не мнози обрѣтаются такъ искусни и такъ прилежни, ово за невеликое остроуміе, ово же за несильное въ богословіи обученіе (иногда и объ скудости сія случаются въ единомъ человѣцѣ), того ради глаголетъ Духъ святой, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящися большаго учительскаго осужденія. Что бо слѣдуетъ такому легкомысленному учительству? Первое — распри, таже въ народѣ сумнительства, потомъ и расколы, и ереси, и факціи. И сколько погибнетъ душъ таковыми бѣдствіи! Взыщется на вся тья на судѣ божіи отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросникахъ. Въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ не слѣдуетъ ли сіе, что слышавшіе оныхъ прекословіе человѣцы прости не похотятъ отрокамъ своимъ толь полезнаго давать наставленія? И тако многіе отроцы въ грубости и ненаставленіи останутся, и желаніе царскаго величества, и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестивыхъ вотще пойдеть за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ, толь неискуснымъ и неправеднымъ, ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ — на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ...

Первое ученіе отрокомъ при Петрѣ было введено во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Въ 1723 г., состоялось повелѣніе, чтобы эту книгу читать въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника ¹⁾.

Петръ Великій замышлялъ, кромѣ этого руководства, о составленіи еще катихизиса, о чемъ написалъ собственноручную записку и передалъ ее въ синодъ, для исполненія, чрезъ Θεофана Прокоповича, 19 апрѣля 1724 года ²⁾:

«Святѣйшій синодъ! Понеже я разговорами давно побуждалъ, а нынѣ письменно, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ божій, и что совѣты, и что предавія отеческая, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣтъ».

«О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленіяхъ — что есть прямой путь? истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо что и знаютъ; а о средней и не слышали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей,

¹⁾ Полн. соб. Зак. VЦ, № 4172.

²⁾ Синод. дѣло 1724 г. № 6 и Полн. соб. Зак. VЦ, № 4493.

свѣчи и ладонь. О страданіи христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грѣхъ, а спасенія дѣлами своими получать, какъ вышеписано».

«О второмъ же, чтобъ книгу сочинить—мнѣ кажется, не лучше-ль оную катихизисомъ, къ тому и прочія вещи послѣдовательно, что въ Церкви обрѣтается, внести съ пространнѣмъ толкомъ; такоужъ приложить: когда, и отъ кого, и чего ради въ Церковь что внесено?»

При Екатеринѣ I, въ 1727 г., поступилъ въ синодъ изъ кабинета ея величества запросъ, что сдѣлано по этому повелѣнію Царя? Было отвѣчено: «всею того еще не исполнено за скорымъ въ то время изъ Москвы въ Петербургъ отъѣздомъ, а и въ проѣздѣ продолжилось время не малое; къ тому жъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ недолгомъ времени приключилась его императорскому величеству кончина, и тогда не малое же время произошло въ печали (!). То дѣло весьма не малое, и требуетъ, чрезъ справки многихъ книгъ, труда превеликаго». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о приведеніи въ исполненіе мысли Петра Великаго не встрѣчается.

Когда Максимъ грекъ приступилъ къ исправленію въ нашихъ книгахъ ошибокъ, вкравшихся по большій части отъ незнанія грамматики не только переписчиками, но и переводчиками, то ученаго судили, какъ еретика, подвергали тяжкимъ испытаніямъ и, наконецъ, сослали въ заточенье¹⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, Максимъ грекъ говоритъ о грамматикѣ, какъ о наукѣ, неслыханной его читателями и уразумѣваемой только съ величайшимъ трудомъ. Пострадавъ за то, что зналъ болѣе, нежели его современники, этотъ ученый имѣлъ право грамматику представлять врагомъ невѣжества: «сія, говоритъ онъ, раждаетъ души неизслѣдная благоразумѣнія; о сей прогоняется отъ тоя любящихъ ю всякое мраковидное неразуміе; сія вождь къ боговидному смотрѣнію, и предивному и не приступному богословію; сія лѣствица горѣ периваго и небожелаемаго шествія; сія опаснѣйшій и твердостойный, немечтаемый умъ; сія копіе и мечъ на чюженменное еретичествующихъ бляденіе. Вкупѣ реку: сія зеркало пресвѣтлѣйшее вслѣдчимъ, еже въ насъ и въ нашихъ всѣхъ; сидевая есть винообразная грамматикія и тоя уставъ же и чинъ нѣсть бо точю сей, аже есть въ свѣтѣ. Велика убо и преславна вещь и дивна ми бываетъ и слышаніемъ, коль же паче тоя разумѣнемъ!»...

Почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти Максима грека, т. е. въ 1648 г., въ Москвѣ была перепечатана грамматика Мелетія Смотрицкаго, из-

¹⁾ Любопытный памятникъ о вводимыхъ на Максима грека обвиненіяхъ въ Чтеніяхъ общества истор. 1847 г. № 7.

данная сначала въ Эвю, 1619 года. Вѣроятно, при изданіи въ свѣтъ этого труда въ Москвѣ, ожидали толковъ и соблазна, а потому сочли нужнымъ снабдить грамматику особеннымъ введеніемъ и словомъ Максима грека о пользѣ ея. Все это придадо оригинальный видъ труду Смотрицкаго въ московскомъ изданіи и рисуетъ состояніе науки въ Россіи XVII столѣтія. «Здѣ въ предисловіи вписахомъ, говорится въ началѣ, къ люботруднѣ тщатноя хотящимъ къ разуму ученія грамматическаго и прочихъ, яже христіанства законъ обдержитъ, не сами собою, но вину вземъ отъ многихъ святыхъ отецъ житій, яко и сіи духоносніи святіи отцы мнози грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученія люботруднѣ во ученіи упражняхуся и отъ страны въ страну, и отъ града во градъ пути шествія, ученія ради, творяху. Сидевъ образъ любомудрія и намъ оставиша искати, якоже на преди писаніе явитъ».

За тѣмъ слѣдуютъ выписки изъ св. отецъ о необходимости ученія, также поименованы святые, занимавшіеся науками и сдѣланы извлеченія изъ сочиненій Максима грека, гдѣ говорится о грамматикѣ и книжномъ исправленіи. При этомъ напечатанъ отзывъ Максима о его гонителяхъ: «понеже убо, рече (Максимъ), нѣдѣи—не вѣмъ что ся имъ случивше—еретика мене, неповинна челоувѣка, называти не страшатся и врага, и измѣнника богохранимыя державы русскія. Явнися нужно и праведно малыми о себѣ отвѣщати и яже о себѣ научити оклеветающихъ мене неправеднымъ сидевымъ оклеветаніемъ, яко благодатію истиннаго Бога нашего Исуса Христа и правовѣренъ христіанинъ есмь по всему и богохранимыя державы русскія добротенъ и прилежешъ богомолецъ»... Въ заключеніи же помѣщены хвалы грамматикѣ, гдѣ она говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ ¹⁾.

Послѣ 1648 г., русской грамматики не выходило до 1706 г., когда въ Голландіи напечатано Руководеніе въ грамматику Копіевскаго, замѣчательное только, какъ библиографическая рѣдкость.

Въ 1721 г., наконецъ издана въ Москвѣ грамматика опять того же Смотрицкаго, съ предисловіемъ и незначительными перемѣнами Ѳедора Поликарпова. Эта перепечатка доказываетъ лучше всего, что знаніе грамматики у насъ и въ началѣ XVIII столѣтія оставалось на той же степени, какъ при Мелетіѣ Смотрицкомъ—измѣнился только взглядъ на нее, что видно изъ предисловія Поликарпова. Тамъ сначала сказано, что излишне уже говорить о пользѣ, силѣ и дѣйствіи этой науки, а слѣдуетъ только указать на причины къ изданію ея въ свѣтъ. Первая причина состояла въ томъ, что царь старается обогатить и украсить свое государство знаніями, утвердивъ

¹⁾ О содержаніи грамматики говорить излишне, такъ какъ она уже описывалась въ Слов. дух. пис. м. Евгениѣ, въ Трудахъ общест. любит. рос. словесности, ст. Каченовскаго и въ предисловіи къ грам. Ломоносова, Извѣс. II отд. акад. наукъ, 1855 г.

семь свободныхъ наукъ въ училищахъ греколатинскихъ въ Москвѣ, «а славенская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподашеса за оскуднѣемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависить учащимся не малая, ибо аще оная грамматика и издана баше не единожды печатію, но всеядца времени продолженіемъ егда гдѣ обрѣтается, аки искра, въ цепль сокрываема». Второю причиною было отправленіе за границу многихъ русскихъ для образованія. Они должны заниматься переводами сочиненій, а между тѣмъ не имѣють основательнаго руководства къ познанію отечественнаго языка. Третья причина: «яко издревле российскимъ дѣтвотцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учить дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтири, таже писати; по сихъ же нѣціи преподають и чтеніе апостола. Возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и священныя библии и бесѣды евангельскихъ и къ разсужденію високаго въ оныхъ книгахъ лежащаго разумнїя, а истаго на таковое разсужденіе орудія, еже есть грамматика, онымъ напредъ не показываютъ». Далѣе Поликарповъ приводитъ мнѣнія Полидора Виргилія и Іоанна Дамаскина, также Мелетія Смотрицкаго, о важности грамматики.

Грамматика эта имѣла авторитетъ даже у современниковъ Тредьяковскаго. Последній не преминулъ задѣть и ее въ Разговоръ о правописаніи (Спб. 1748 г.). Но профессоръ при этомъ случаѣ счелъ нужнымъ сдѣлать такія оговорки: «новость или переменна въ ортографіи не церковная татьба: за нея не осуждаютъ на смерть; также новость оная и не еретичество: проклятію за сію не могу быть преданъ, что ея буду употреблять, утвердившись на правости ея. Вся распря ортографическая есть распря токмо грамматическая, а не теологическая, которая толь много упрямыхъ произвела еретиковъ»... За тѣмъ такое признаніе, что предпріятіе опровергнуть старинную ортографію есть дѣло нелегкое: «ежели бы вы знали родъ нашихъ безхитростныхъ критиковъ, а другой лицепріятныхъ пренебрегателей, то бы сказали, что мои обстоятельства нѣжныя и опасныя. Первые изъ сихъ, безъ всякія злости и умысла, не такъ какъ доброты, станутъ язвить насмѣшками для того, что они всегда почитать имѣють предпріятый трудъ о буквахъ смѣшнымъ, не выдавши у насъ о семъ, кромѣ азбуки и тріязычнаго букваря. Но другіе, будучи пристрастныя, можетъ быть взведутъ на меня преступленіе оскорбленныя азбуки и, какъ знать, чѣмъ еще обвинять будутъ?... Критика наша по большей части, почитай, безъ узды туда скачетъ, куда ее влечетъ устремленіе. Сія твердая просвѣщаетъ, но у насъ не такая: наша самохвалка, прежде наукъ усплившаяся, грозна хотя неосновательному, въ чемъ прямая и состоитъ ея должность, однако будучи сама чаще неосновательна, не допускаетъ смѣть являться иногда и доброду»...

Всѣ подобныя оговорки указываютъ на трудности въ тѣ времена

вводить писателю что либо новое и порицать обветшалое и несовременное. А между тѣмъ Тредьяковскому нужно было только доказать несостоятельность нѣкоторыхъ правилъ грамматики Смотрицкаго, изд. Поликарповымъ, напр., что ненадобны нѣкоторыя ударенія, что слова съ еврейскаго, греческаго и латинскаго должны писаться по русски не такъ, какъ принято это въ тѣхъ языкахъ, что титлы, буква Ѡ и т. п. бесполезны.

Грамматика, составленная иподіакономъ Федоромъ Максимовымъ и напеч. въ 1723 г., въ исторіи этой науки у насъ заслуживаетъ большаго вниманія, нежели предыдущее руководство: здѣсь видны по крайней мѣрѣ попытки объяснить правила не только книжнаго, но и разговорнаго, слѣдовательно русскаго языка.

Въ предисловіи Максимовъ, изложивъ кратко о необходимости грамматики при переводахъ съ иностранныхъ языковъ, говоритъ, что въ заведенной митрополитомъ Іовомъ школѣ въ Новгородѣ, гдѣ учили братья Лихуды, не было руководства къ грамматикѣ, такъ какъ пространнѣе учебникъ этой науки (конечно Мелетія Смотрицкаго), расположеннѣе въ вопросахъ и отвѣтахъ, затруднялъ память и пониманіе учениковъ. По этому—то «воста нужда собрати отъ различныхъ вкратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней (т. е. въ прежней) обдержатся славянскія реченія, російски вмагъ разумѣаема».

Максимовъ, для краткости, откинулъ вопросы, изложилъ только то, что по его мнѣнію было необходимымъ, и, наконецъ, сдѣлалъ добавленія, о которыхъ говорится: «въ сочиненіи же тоя присовокупилася нѣкая правила, ибо многая употребленія обносима зрятоя, а правилъ себѣ въ славенстѣй грамматицѣ не имѣють; отъ нихъ же, едино на прикладъ здѣ предлагается: Давидъ роди Соломона отъ уринны. Се полагается едино имя прилагательное со отыатиемъ существительнаго, еже прислышимо бываетъ сіе: жены; но и простѣ употребляется посему правилу, яко же сіе: держи объма, приразумѣвается оуществительное сіе—рукама. Положишася же и о свойства нѣкая еврейская и греческая, яке въ св. писаніи на славянскомъ діалектѣ премногая зрятоя, а како правилами употребляются—не объяснено, къ вѣдѣнію же въ грамматицѣ весьма нужная, ибо невѣдущему сихъ въ писаніи разсуждати и разбирати вельми трудно и смущенно; что въ припоказъ одинаго еврейскаго свойства правило предлагается: будутъ два въ плоть одну, и аще имать по славянстѣй грамматицѣ разбиратися, будетъ неправильно, понеже глаголь существительный и предъ собою и по себѣ взыскуеть падежа именительнаго, а здѣ по глаголь лежать винительный со предлогомъ—во, а не именительный; славенски же употребляется сице: будутъ два плоть едина... Таже стихотворная просодія славяномъ, яко не нужна и едва употребляема, оставися, а яко и зрятоя нѣкіе стихи, равносложнѣе и подобо-

кончателнѣ славяны употребляемые, но сіи токмо содержать роды питическіе, а мѣра въ нихъ весьма не хранится... На конецъ же всѣхъ приложися и другое сочиненіе, въ немъ же первѣе зрится оогласіе, таже виды или чинъ глаголовъ обдержажійся, и сіе къ понятію младымъ дѣтемъ зѣло удобно есть. Максимовъ, слѣдуя Смотрицкому, выключилъ впрочемъ изъ своей грамматики членъ и прибавилъ междометіе; нарѣчіе названо у него надглаголіемъ.

Такимъ образомъ грамматика, составленная Мелетіемъ Смотрицкимъ по образцу греческой въ началѣ XVII вѣка, служила въ свою очередь прототипомъ для Копіевскаго и Максимова и даже перепечатана вполне Поликарповымъ спустя болѣе ста лѣтъ послѣ изданія ея въ первый разъ. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, Тредьяковскій первый возсталъ противъ несвоевременности и обветшалости правилъ, заключавшихся въ трудѣ Смотрицкаго. Въ 1755 году вышла грамматика Ломоносова, который однако многое заимствовалъ у послѣдняго.

IX.

Состояніе языкознанія въ Россіи XVII столѣтія. Учебныя руководства и пособия въ началѣ XVIII вѣка. Свидѣтельство современника объ этомъ предметѣ: Иванъ Максимовичъ и его предисловіе къ латинскому Лексикону. Переводчики: Посельскаго приказа; изъ лицъ духовнаго сословія. Собственноручныя наставленія Петра Великаго для перевода книгъ. Переводчики, получившіе образованіе за границей. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, покровитель переводчиковъ и ученыхъ. Значеніе его въ политическихъ событіяхъ 1730 года.

Недовѣрчивость и нерасположеніе духовенства къ иностранцамъ были причиною, что въ старинной Россіи (сюда мы опять таки не включаемъ Малороссію) не замѣтно было особенной охоты къ изученію иностранныхъ языковъ. Хотя сказанія чужеземцевъ о Россіи не всегда вѣрны, однако извѣстія ихъ о степени распространенія языкознанія между русскими похожи на правду, потому что пріѣзжая въ отдаленную Московію, всякій иностранецъ, для собственной своей выгоды, желалъ сойтись съ тѣми изъ русскихъ, съ которыми могъ бы объясняться безъ помощи переводчика. Если такіе знатоки находились, то путешественники никогда не пропускали отмѣчать о нихъ въ своихъ запискахъ. Но подобныя отмѣтки встрѣчаются не часто и всегда съ прибавленіемъ, что знаніе иностраннаго языка русскимъ большая рѣдкость. Де-ла-Невилль, напр., посѣщавшій Россію уже въ исходѣ XVII вѣка, насчитывалъ изъ московскихъ своихъ знакомцовъ только четырехъ, знавшихъ латинскій языкъ.

Кошкинъ говоритъ, что въ его время при посольскомъ приказѣ (слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже необходимы были иностранные языки) для переводовъ было около 50 переводчиковъ и 70 толмачей. Просматривая Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами, нельзя не замѣтить, что въ прямыхъ сношеніяхъ съ иностранными послами употреблялись изъ посольскаго приказа переводчики, имена которыхъ ясно доказываютъ, что они были обрусѣвшими чужеземцами, такъ напр. Касперъ Ивановъ, Юшка Вицентовъ, Лукашъ сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, иноземецъ Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмсъ; въ сношеніяхъ съ турецкою имперіею встрѣчаемся съ такими именами переводчиковъ: Келметъ Алешовъ, Шебанъ Шепчуринъ и мн. др. То же самое повторяется и въ извѣстіяхъ, сохранившихся въ статейныхъ спискахъ, когда отправлялись русскія посольства за границу.

Недостатокъ въ знающихъ языки продолжался и въ началѣ XVIII столѣтія. Неплюевъ, напр., учился мореходству, а былъ посломъ въ Константинополь единственно по той причинѣ, что одинъ во всемъ Петербургѣ (въ 1721 г.) зналъ по итальянски. Однажды Головинъ, допоя царю о затрудненіяхъ при выборѣ посла въ Римъ, писалъ, между прочимъ, что въ Москвѣ въ 1706 году, кромѣ переводчика латинскаго языка, да двухъ молодыхъ подъячихъ, знающихъ иностранные языки никого не было ¹⁾.

Въ нашей старинной рукописной литературѣ существовали подобранныя въ алфавитномъ порядкѣ словотолкованія рѣчей иностранныхъ и древнихъ славянскихъ, которыя встрѣчались въ книгахъ св. писанія. Эти азбуковники или алфавитари переписчики озаглавливали по большей части такъ: Сказаніе о неудобьпознаваемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во св. книгахъ русскаго языка, ихъ же древніе преводницы неудобоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются еврейски, ова же сирски, ина же римски, и ина латынски, ина еллински, ина египетски, ина сербски, ина гречески, и ивъхъ многихъ языкъ, яже здѣсь положены по буквамъ скорога ради обрѣтенія, паче же рещи, яко истинно на русскій языкъ преложены. Г. Сахаровъ, издавшій одинъ изъ такихъ азбуковниковъ, справедливо сомнѣвается, чтобы составитель его зналъ всѣ языки, выписанные въ заглавіи: «всему этому виною, прибавляетъ г. Сахаровъ, наши толковники, любившіе отмѣчать на поляхъ рукописей свои замѣчанія. Такъ сочиненія Ефрема сиріина, писанныя на сирскомъ языкѣ, были переведены прежде на греческій, съ греческаго на болгарскій. Русскіе переписчики обновили болгарскій переводъ по своему. Составитель словаря, выбирая слова изъ сочиненія Ефрема сиріина, называетъ ихъ сирскими. Вотъ источ-

¹⁾ Тетради записки великихъ пословъ Слб. 1774, стр. 253.

никъ знанія его въ сирскомъ языкѣ. Отсюда можно дѣлать посылку и къ другимъ языкамъ ¹⁾). Въ другомъ азбуковникѣ говорится: «Вѣдомо буди, еже чего ради каяждо рѣчь въ семь буквциѣ иматъ надъ собою красную букву, внимаи: аще надъ коюю рѣчью азъ красенъ, т. е. сице—арабски, арменски, еллински, еѳіопски, еврейски, египетски, гречески, евхантиски, жидовски, иверски, латински, литовски, македонски, мидонски, пермски, римски, сербски, сирски, татарски, чески. Судя по этому изчисленію (слова г. Сахарова) языковъ, на добно было бы предполагать, что нашъ лексикографъ хотѣлъ составить всемірній словарь, но изъ самаго дѣла видно, что онъ былъ далекъ отъ этого. Мы теперь не можемъ понять его различія въ языкахъ еврейскомъ и жидовскомъ, латинскомъ и римскомъ, еллинскомъ и греческомъ. Не говоримъ уже о языкахъ македонскомъ, евхантскомъ, скиѳскомъ и еѳіопскомъ, которые, вѣроятно, должны подходить подъ одинъ разрядъ съ сирскимъ... Словомъ это всемірное знаніе языковъ слишкомъ подозрительно и едва ли могло существовать на самомъ дѣлѣ ²⁾»...

При грамматикѣ Лаврентія Зизанія, 1596 г. приложенъ «Лексисъ сирѣчь реченія въ кратцѣ събраны и изъ словенскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованы», гдѣ объяснены нѣкоторыя слова (напр. акаѳистъ, аллилуія архитриклія и др.), вошедшія въ наши книги съ иностранныхъ языковъ.

Въ 1627 г., напечатанъ «Лексиконъ славеноросскій и именъ толкованіе», составленный жившимъ въ Кіевѣ молдаваниномъ Памвою Берындою. Онъ говоритъ въ предисловіи, что Ѳеодоръ Юрьевичъ Балабанъ посовѣтовалъ «реченія и имена славянская избирати, аки не у сушу тогда лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентія Зизанія... его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственно буди. Оттуда убо начало вземъ азъ... и въ посвященіи: «назвиска речій и имена власныи людѣи, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ розмаитыхъ діалектовъ: сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латинскаго и власнаго нашею славенскаго вкупу, хотъ то не такою, якая бы належала, широкостью, згромадивши, и тую працю мою, смѣле реку тридцатолѣтнюю. хотю лексиконъ, по славенски реченникъ, а по латини дикціонарь назвавши, працю усердною и коштомъ моимъ, ото типомъ на свѣтъ выпускаю»...

Этотъ трудъ Берынды перепечатанъ потомъ въ 1655 году въ Кутейнскомъ монастырѣ.

Въ описяхъ книгъ царевича Алексѣя Алексѣевича (во второй половинѣ XVII вѣка) значутся лексиконы: «письменные словенскій съ греческимъ и латинскій съ словенскимъ ³⁾». Дядькою царевича былъ

¹⁾ Сказанія русскаго народа, II, стр. XI.

²⁾ Ibid. стр. XIII.

³⁾ Домашній бытъ царей. г. Забѣдина, Отеч. Записки 1854 г. № 12, науки стр. 126.

Федоръ Ртищевъ, въ сказаніи о жизни котораго сохранилось извѣстіе, что «за его прошеніемъ, Епифаній Славинецкій (вызванный въ Москву изъ Малороссіи) многими трудомъ и тщаніемъ сочини книгу лексиконъ реченій языка славенска и греческа и со инѣми языки, въ наученіе и во уразумѣніе учащимся потребный¹⁾».

Епифаній Славинецкій прибылъ въ Москву изъ Кіева, вмѣстѣ съ другими 30 учеными монахами, около 1649 года, именно для переводовъ и исправленія разныхъ церковныхъ книгъ. Списки съ его лексикона есть въ рукописныхъ собраніяхъ Публичной бібліотеки, гр. Уварова (бывшаго Царскаго) и московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ послѣднемъ я видѣлъ три экземпляра, въ которыхъ между собою есть незначительныя разности: 1) Лексиконъ латински зъ Калепина, преложенный на славенски лѣта отъ созданія міра 7150 (1642?); 2) *Dictionarius latino-sclavonicum operi Ambrosii Calepini (servata verborum integra serie) conformatum studio atque opere reverendorum in Christo patrum Epiphanii Slawienicky et Arseny Korecky Satonoviensis ordinis S. Basilii magni Moschovia, anno reparatae salutis 1650*, и 3) Лексиконъ латинскій, зъ Калепина преложенный или преведенный на славянскій лѣта отъ созданія міра 7193 (1685?)²⁾. Въ рукописяхъ парижской бібліотеки есть также этотъ лексиконъ: заглавіе первой части на латин. яз. одинаково съ вторымъ экз. московскаго архива, только не дописанъ годъ; вторая же часть озаглавлена: «Лексиконъ славено-латинскій, трудолюбіемъ иноковъ Арсенія и Епифанія составленный въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ³⁾». Судя по выпискамъ изъ послѣдняго, онъ сходенъ съ предъидущими, отмѣны незначительны и произошли, вѣроятно, по волѣ переписчика.

Въ московскомъ же архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохраняются: а) Лексиконъ русско-латинскій, съ надписью на первомъ лѣстѣ: «Fundator isti libri Michail Bykotzkiy in urbem Moscoviam in anno 1700 in mense ianuari 20»; на нижней доскѣ переплета: «сія книга Алексѣя Петровича Шереметева и Ивана Петровича». Это переписка труда Славинецкаго и Сатановскаго съ нѣкоторыми прибавленіями (по кат. № 245/443); б) Лексиконъ російскій съ латинскимъ и шведскимъ переводомъ (№ 244/444) — и онъ также принадлежитъ къ спискамъ съ лексикона помянутыхъ монаховъ, только въ третьемъ отдѣлѣ каждой страницы вписаны шведскія слова и, судя по почерку, это сдѣлано иностранцомъ.

Въ берлинской бібліотекѣ есть лексиконъ славяно-латино-нѣмецкій, составленный около 1709 года Матюриномъ де ла Крозомъ (Maturin Weissiere de la Croze): выписки изъ этого словаря показы-

¹⁾ Др. Визіоѳ. XVIII, 401.

²⁾ По катол. арх. мин. иностр. дѣлъ: № 241/441, № 243/442 и № 242/442.

³⁾ Описаніе памяти слов. русск. литературы Сергѣя Стрцова (М. 1841 г.), стр. 112.

вають, что и этотъ ученый взялъ въ основаніе своего труда выше-приведенный московскій лексиконъ, исключивъ только изъ него слова малоупотребительныя. Да Крозь переписывался съ Лейбницомъ, который ему обещалъ выхлопотать изъ Россіи образцы языковъ различныхъ племенъ, населявшихъ Россію ¹⁾).

Въ московской славяно-греко-латинской академіи, языки греческій и латинскій преподавались по грамматикамъ, составленнымъ братьями Лихудами. Греческая грамматика была написана по руководству Константина Ласкаря, изданному въ Венеціи въ 1673 году, а латинская — изъ разныхъ учебниковъ, выходившихъ въ Греціи и Италіи ²⁾).

Въ 90-хъ годахъ XVII столѣтія Іоаникій и Софроній Лихуды, кромѣ преподаванія въ греколатинскомъ московскомъ училищѣ, частнымъ образомъ учили желающихъ латинскому и итальянскому языку. 15 мая 1797 г., слѣдовательно, когда Петръ уже былъ за границей, состоялся указъ, чтобы у этихъ грековъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и иныхъ чиновъ. Это первое, извѣстное намъ распоряженіе правительства о распространеніи въ Россіи знаній европейскихъ языковъ. По указу, учениковъ назначено было 55 человекъ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Лихудами, видно, что у нихъ брали уроки только 10 человекъ, въ числѣ ихъ два князя Прозоровскіе, а остальные дѣти дьяковъ и людей гостинной сотни. За тѣмъ являлись, но не были приняты: по малолѣтству одинъ сынъ боярина, одинъ — дьяка и одинъ же — изъ гостинной сотни; по болѣзни — одинъ. Не явились къ ученію за малолѣтствомъ и болѣзнями два сына кн. Хованскаго, одинъ князя Хилкова, одинъ — дьяка и двое изъ гостинной сотни; въ чинахъ оказались семь человекъ дѣтей князей и бояръ и четверо изъ дьяковъ и гостинной сотни. Не явилось къ Лихудамъ безъ всякихъ причинъ 11 человекъ, изъ которыхъ 5 были дѣти бояръ и стольниковъ ³⁾).

Первыми печатными учебниками для изученія иностранныхъ языковъ въ Россіи должно считать книги, напечатанныя Копіевскимъ въ Голландіи (см. выше стр. 19 — 20 и 22). Вокабулы, помѣщенные въ букварь Поликарпова 1701 года, московскаго изданія, заимствованы съ нѣкоторыми перемѣнами и перестановками изъ сборника иностранныхъ словъ Копіевскаго же.

Въ 1704 г., вышелъ въ Москвѣ «Лексиконъ тринаязычный, срячь

¹⁾ Ibid. стр. 115—116.

²⁾ Подробное описаніе, какъ этихъ руководствъ, такъ и Шиткии, Риторики и Логики на греческомъ, Фивики и Психологіи — на латинскомъ, въ Исторіи московской духовной академіи, г. Смирнова стр. 44 и слѣд.

³⁾ Москвитанинъ 1852 г. № 5, матер. стр. 1—3. Исторія московской духовной Академіи 69, 70.

реченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище, который былъ составленъ Поликарповымъ, а разсмотрѣвъ и дополненъ Стефаномъ Яворскимъ, Рафаиломъ Краснопольскимъ и братьями Лихудами. По свидѣтельству Бакмейстера, *этотъ Лексиконъ*, несмотря на его неполноту, пользовался въ Россіи еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Въ предисловіи Поликарповъ объяснялъ, что греческій, латинскій и еврейскій языки избраны для повѣствованія страданій Спасителя: въ русскомъ же изданіи еврейскій языкъ замѣненъ славянскимъ, отъ котораго произошло много другихъ языковъ, какъ то: польскій, чешскій, сербскій, и др. Славянскій языкъ, по мнѣнію Поликарпова, почетенъ потому, что происходитъ отъ слова «слава». Увѣщательное извѣщеніе благоразумному читателю, напечатанное на одномъ славянскомъ (тогда какъ предисловіе на трехъ языкахъ), видимо предназначалось только для русскихъ читателей. Здѣсь составитель лексикона предполагаетъ, что трудъ его для многихъ покажется не нужнымъ и бесполезнымъ, такъ какъ достаточно и своего языка, чтобы говорить между собой; но было бы богопротивно выдумывать новую вѣру и отклонять отъ православія — знаніе же языковъ одобряетъ самъ Спаситель, къ тому же есть примѣръ семидесяти толковниковъ. Знаніе языковъ полезно тѣмъ, что искореняетъ вѣры злочестивыя и не мало бы иноземцовъ, имѣя руководство къ изученію славянскаго языка, приходило во благочестіе. Сверхъ того, иностранцы внесли въ нашъ языкъ множество своихъ рѣчей разговорныхъ и книжныхъ, отчего «чистота славянская засыпая отъ чужестранныхъ языковъ въ пепелъ». Греческій языкъ для русскихъ необходимъ, такъ какъ съ него переведены книги св. писанія и русскіе цари, какъ преемники благочестія и престола греческихъ императоровъ, заботились о поддержаніи еллиногреческихъ школъ сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ. Латинскій же языкъ употребляется преимущественно «въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ», а потому не обходимъ и воину, и художнику.

Въ *Elementa oratoria, Joh. Frid. Burgii* ¹⁾, есть указаніе, что митрополитомъ тобольскимъ, Іоанномъ Максимовичемъ составленъ и въ 1724 г. напечатанъ въ Москвѣ латинскій словарь. Въ первомъ изданіи Словаря духовныхъ писателей м. Евгенія это извѣстіе нѣсколько переиначено и Максимовичу уже приписанъ «Лексиконъ латинскій съ русскимъ переводомъ, напечатанный въ 4^о, въ Спб.» Голиковъ приписываетъ тому же лицу, кромѣ лексикона, «Собраніе чужестранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ». Во второмъ изданіи Словаря м. Евгенія повторено это извѣстіе Голикова, но о лексиконѣ только замѣчено, что списокъ съ него хранится въ собраніи рукописей графа

¹⁾ Изд. Н. Бантышъ Каменскаго, Москва 1776 г. стр. 231.

Толстова. Въ Описаніи этого собранія (II, 405) дѣйствительно приписанъ помянутому тобольскому митрополиту лексиконъ, будто бы имъ поднесенный императрицѣ Екатеринѣ I.

Этотъ лексиконъ нынѣ находится въ Публичной библиотекѣ¹⁾ и по разсмотрѣніи его оказывается, что онъ не могъ быть написанъ бывшимъ тобольскимъ митрополитомъ: подъ предисловіемъ подписался Иванъ Максимовичъ, который говоритъ объ учрежденіи синода (1721 года), о предстоящей коронаціи Екатерины I (1724 г.), объ изданіи перваго латинскаго лексикона Поликарпова за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ и т. п. Все это не могъ писать Іоаннъ Максимовичъ митрополитъ тобольскій, потому что умеръ 3 іюня 1715 года. Въ посвященіи лексикона, Максимовичъ подписался не богомольцемъ, какъ это было тогда въ обычаѣ у духовныхъ лицъ, но «недостойнымъ подножіемъ» (*indignum scabellum*). Ошибка приведенныхъ выше указаній произошла отъ того, что въ Рукописи академіи наукъ (печат. около 1742—47 г.) значутся между гражданскими рукописями въ листъ подъ №№ 1, 2 и 3 составленные Іоанномъ Максимовичемъ (безъ указанія, впрочемъ, что это былъ митрополитъ сибирскій) лексиконъ латинскій съ русскимъ толкованіемъ, вокабулы и собраніе чужестранныхъ словъ, употребляемыхъ въ рускомъ языкѣ.

Разсматриваемый лексиконъ составленъ другимъ Максимовичемъ, большимъ, какъ видно, любителемъ длинныхъ предисловіи. Впрочемъ все написанное имъ въ посвященіи и предисловіи чрезвычайно любопытно, потому что рисуетъ и положеніе русскаго ученаго въ тѣ времена, и даетъ понятіе о современномъ состояніи языковѣдѣнія въ Россіи. Прибавимъ, что Максимовичъ писалъ очень грамотно, что не всегда встрѣчается и въ ученыхъ сочиненіяхъ начала XVIII вѣка, и во многихъ словахъ слѣдовалъ малороссійскому ихъ выговору.

Лексиконъ начинается посвященіемъ на латинскомъ и рускомъ языкахъ: «Всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей россійской императрицѣ Екатеринѣ, всепресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго императора и самодержца всероссійскаго, Петра Великаго, отца отечества, государя всемилостивѣйшаго — супругъ. При благовожденіи твоей, всепресвѣтлѣйшая императрице, коронаціи благоволеніемъ божіимъ, чрезъ изволеніе всепресвѣтлѣйшаго императора, супруга твоего, ко общенародному доброжелательству самодержавнаго государства вашего, торжественнѣ содѣлюемой, вся предѣлы россійстии и все множество подданныхъ вашихъ возстаютъ въ лики и срадованія. Азъ же, повошеніе челоуѣкомъ и уничиженіе людемъ (1), и съ симъ шести—

¹⁾ Рукоп. Q., XVI, № 21. посвященіе и предисловіе на 21 л., текстъ на 1425 стр.; въ концѣ съ особ. нумер. на 74 стр.: *Vocabula et phrases quae non minori diligentia, opera ac curiositate auctoris hujus onomastici, tam ex s. Scriptura, quam ex variis libris et lexicis excerpta et suis locis secundum ordinem verborum inserta, non propter jactantiam operis, sed evedentiam sedulitatis hic sunt adnotata.*

лѣтнимъ трудомъ моимъ, паде до лица земли предъ престоломъ твоего величества, повергаю себя подъ стопы твоя императорскія, уповая воя покранныя ногама твоими произрасти въ криньхъ... Потомъ описывается, что всѣ сословія, всѣ лица государства выражаютъ свою радость при такомъ торжествѣ, какъ коронація государыни. «Азъ, военнѣйшій рабъ, продолжаетъ составитель лексикона, не возвошу гласа моего, но паче безгласенъ падая до стопы ногъ твоихъ, ивдѣкъ сей речевій, купно и добродѣтелей твоихъ достохвальныхъ, всепресвѣтлѣйшей нынѣ твоей привергаей коронаціи... Причина посвященія Бкатеринѣ лексикона объяснена тѣмъ, что каждый изучающій латинскій языкъ по лексикону будетъ вспоминать объ императрицѣ и ея коронаціи: «Отседа росіейстѣи сынове, рачительствующіе языка латинскаго, да не страютвуютъ по латинамъ, ниже да требуютъ латины отъ латинъ; но къ августѣйшему твоему да притекаютъ имени, подъ нимъ же обрядутъ воя, яке о латинѣ востребуютъ. Твое величество, яко чадолюбивая мать, къ наученію книгъ латинскихъ и къ навывковенію языку латинскому, акн природному, сею книгою вопоможеть, наставитъ и въ латинѣ совершенныхъ возрасти сыновъ росіейскихъ. Твое матернее имя, въ самой книги началѣ виданное, веліе и скоропостижное въ нихъ къ ученію восхититъ усердіе и новая воздвигнетъ училища».

Предисловіе къ читателю также на двухъ языкахъ: «Подобаеть намѣреніе мое открыти, коея ради вины и коими мѣры и средствѣи сіе претрудное на ся воопріяхъ, начахъ и совершихъ дѣлю». За тѣмъ изчисляются разныя пособія для изученія иностранныхъ языковъ на Западѣ, а потомъ: «Сіе великое, всеросіейское государство, даже до сего времени, безъ сего пребываетъ уснѣванія, чего ради вещь оія удивленію и неудивленію достойна. Дивно, яко предревнее деиши оіе государство, толь много минувшу времени, лексиконы имѣть пренебрегло есть. Но нѣсть дивно, зане же ученіямъ писменъ стравнѣихъ не прилежаще, ибо народъ росіейскій, яко во бранѣхъ и ко бранѣмъ рожденный, между оружіемъ далечайшіе государства своего распространѣлъ предѣлы, оружіемъ самодержавія своего укрѣпѣлъ силу и, паче солнца сіяющія, воинскія достиглъ есть не мерцающія славы, паче о бравѣхъ, неже о книгахъ, паче о обученіи воинскомъ, неже обученіи школьномъ тѣманіе имѣаше. Дивно, что кромѣ державствующихъ, всегда со ратники своими къ дѣйствіямъ воинскимъ готовыхъ, власть духовная, ея же честь ученія разширати, долгъ не рупимый... о размноженіи наукъ на языкахъ полѣтѣческихъ не прилагала попеченія. Нѣсть дивно зане духовныхъ лицъ прежнихъ временъ закоснѣлый бѣ обычай никакихъ, кромѣ церковныхъ, и то греческаго чиноволоженія съ греческаго на словенскій языкъ преводныхъ книгъ и имѣти, и читати, и почитати; къ навывковенію же и ученію иностранныхъ языковъ (кромѣ словенскаго и греческаго) и

малѣйшаго не бысть усердія. Но главнымъ же наче языкъ латинскій гонимъ бываше негодованіемъ. Дивно, что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кievскаго, вѣще отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полонотинскихъ и латинно-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовалася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ ¹⁾. Отъ тамо бо изучившихся тотъ развѣ чисто славенски латинскую книгу перевести и написать возможесть, иже долгимъ ученіемъ книгъ славенскихъ, купно и латинскихъ употребленіемъ, самъ себѣ первѣе искуситъ. Засвидѣтельствуютъ мя многія знаменитыхъ лицъ книги, прежде въ Малой Россіи изданныя, яже еще и славенски писаны, обаче многими не свойственными, но съ польскаго языка устроенными изнаполнены реченіями—какихъ книгъ и творцовъ здѣ, краткости ради, не воспоминаю. Не дивно зане же упомянутый фундаторъ тѣхъ училищъ, блаженный памяти Петръ Могила, полагая основаніе языка латинскаго, не ныхъ учителей, точію родомъ поляковъ, взыскати возможе: отъ нихъ же первоначальная нужда прошедши, снѣ со временемъ утвердися, яко за обычай и законъ учити и учитися языку латинно-польскому есть пріусвоено.

«Основнъ жетинный ученій рачитель — его овященнѣйшее величество, императоръ и самодержецъ всероссійскій, присно августѣйшій Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій, — въ государственномъ градѣ Москвѣ славено-латинскую академію вѣще двадцати лѣтъ, но и здѣ учащіяся юноши истое познаніе латинскаго языка съ неудобствомъ пріемлютъ за скудоотію лексиконовъ. Ибо въ училищахъ, тако ради удобнѣйшаго ученія, яко и скорнѣйшаго языку латинскому навывковенію, двѣ наипаче, по согласію всѣхъ въ семь дѣлѣ, искуснѣйшія нужды быти мятятся: первая — да всякую вещь и дѣйство ученикъ прямымъ реченіемъ латинскимъ нареци, или что тожде есть, всякое реченіе славенское или россійское по латинѣ сочиняти умѣлъ бы. Вторая — да реченія латинская простая склоняти и по правиламъ грамматическимъ, такожде и по овойотву латиновъ сочиняти умѣлъ бы. Въ сей второй нуждѣ учителей должность есть: книги грамматикн латинскія (яже ихъ еще Россія собственнымъ трудомъ стяжанныхъ себе и не имѣеть, обаче не мало ихъ многихъ иностранными авторами изданныхъ обрѣтается) по своему произволу избрати, регулы толковати, регулами же необъятная особъ показовати и неудоборазумѣваемыхъ словъ и сказаній толкъ изьяснати».

«Первая же, самимъ учащимся надлежащая вѣна, во еже ихъ ко

¹⁾ Это свидѣтельство, что въ Кіевѣ, гдѣ было такъ распространено знаніе латинскаго языка, при изученіи его употреблялись польскіе учебники, объясняетъ, почему тамъ не было издано въ XVII вѣкѣ ни одного русскаго руководства къ познанію латинскаго языка.

удобнѣйшему языка латинскаго познанію пользу воспріимати, весьма колеблетося, и еще нѣкто (т. е. Полицарповъ въ 1704 г.) лексикономъ славено-греко-латинскимъ, здѣ въ Москвѣ печатнымъ, ради предложенія съ славенскаго на латинское своихъ экзерцицій, новоучащихся и вспомоглъ, обаче снмъ, въ высшія школы преходящимъ, егда налагается чтеніе книгъ латинскихъ, сколь неудобно и едва возможно есть въ школахъ неизученная, но ниже когда слышанная реченія разумѣти, разумъ творческихъ пояти и что прямо тая разсуждати, не сущу лексикону латино-славянскому.

«Что же еще возмнѣти подобаетъ о интерпретѣхъ въ переводѣ писаній, тако церковныхъ, яко гражданскихъ дѣлъ труждающихся, егда не съ тяжестью и бѣдствіемъ свою отправляетъ должность, никнмъ лексиконовъ вспомогаемы спобствованіемъ. И сія то послѣдняя наипаче вина вознися мнѣ во усердіе: хотящъ бо во многмятежномъ житія моего состояніи мысль свою унывающую врачевати, вознамѣрилъ, ради упраздненія ея нѣкоего, книжицу Желанія благовнѣнная, латинскими стихами изображенную, славено-россійскими перевести виршами. Начатое дѣло еще и совершихъ, обаче не безъ трудности, ни ниже славено-латинскаго лексикона подкрѣпляютъ помоществованіемъ. Тѣмъ же за пользу возмнѣхъ тоскливое время мое иждивати на читаніи священныхъ книгъ латинскихъ, купно и словенскихъ, ради удобнѣйшаго въ сицевыхъ переводѣхъ искусства»..

За тѣмъ, Максимовичъ рассказываетъ, что онъ записывалъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ латинскія слова собственно для себя; но, потомъ, видя заботы царя о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, также установленіе синода, гдѣ собрано столько просвѣщенныхъ мужей, онъ вознамѣрился составить полный лексиконъ. Этотъ трудъ не обошелся автору «безъ бѣдствованія здравія». У Максимовича не было средствъ доставать лексикографическихъ сочиненій и потому онъ за образецъ взялъ одинъ латинопольскій словарь Григорія Кнапія — *Gregori Sпару Thesaurus*¹⁾. Порядокъ и расположеніе нашъ труженникъ заимствовалъ изъ этого источника, а толкованіе ихъ — изъ латинскихъ и русскихъ книгъ св. писанія и словарей, какіе удалось достать на обоихъ языкахъ. Такая работа Максимовичу стоила шести лѣтъ: «вся дни и нощи, говорятъ онъ, непрестанно и съ самымъ малѣйшимъ плоти успокоевіемъ на сіе дѣло иждивая, тяжкими недугами на всякъ годъ одержимъ бѣхъ, паче же снми третими послѣдними лѣты; и первѣе жъ сучозію или темную воду очесамъ случайную, вторая — звукъ во ушесѣхъ, третія — скорбуть, или цынготная болѣзнь тѣми приснорачительными стяжахъ себѣ

¹⁾ Кнапій или Кнапскій былъ іезуитъ, уроженецъ мазовецкаго воеводства (1583+1638 г.) Первое изданіе упоминаемаго здѣсь Лексикона вышло въ Краковѣ въ 1621 году, подъ заглавіемъ *Thesaurus połono latino graecus, seu Promptuarium linguae latinae et graecae perologum usui accommodatum*. Въ XVII столѣтіи онъ издавался много разъ.

трусами... Да вникнуть убо во вся сія ненавистные чуждаго труда, купно и хвалы охуждателн, иже еще плода ума моего невидяще, во точію слухомъ слышаще въ плодотвореніи семъ труждающаго мя, не постыдѣшася въ погажденіе тое сія произнести слова: что великаго или труднаго есть индексъ латинскій Квашіевъ превести по русску? Аще не трудно, чего ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видятъ и прилежно испытуютъ сей трудъ мой... Послѣ того слѣдуетъ изчисленіе всего, что въ лексиконѣ принадлежитъ собственно ему.

Вообще лексиконъ Максимовича составленъ добросовѣстно, а предисловіе его, кромѣ дѣльности, поражаетъ отсутствіемъ не идущихъ къ наукѣ разглагольствованій нашихъ старинныхъ книжниковъ, представителемъ которыхъ въ началѣ XVIII столѣтія является Федоръ Поликарповъ. Нѣсколько намековъ въ посвященіи и предисловіи заставляютъ уже догадываться, что Максимовичъ былъ несчастливъ и, желая разсѣять свое уныніе, началъ заниматься переводами и чтеніемъ книгъ св. писанія. Униженность, съ которою говоритъ онъ о себѣ, возбуждаетъ скорѣе сожалѣніе, нежели презрѣніе.

Въ спискахъ типографскихъ переводчикъ въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія значится этотъ Иванъ Максимовичъ съ жалованьемъ по 110 руб. въ годъ. Просматривая старинныя синодальныя дѣла, намъ удалось собрать слѣдующія о немъ свѣдѣнія.

Въ 1713 году, предъ отъѣздомъ изъ Константинополя нашихъ пословъ Толстова и Шафирова, къ нимъ явились двое малороссіянъ, удалившихся въ Турцію, вмѣстѣ съ Мазепою, послѣ полтавскаго сраженія: то были полковникъ Горленко и канцеляристъ Иванъ Максимовичъ. Они ходатайствовали себѣ и другимъ своимъ братьямъ милосердаго прощенія и дозволенія возвратиться на родину, обѣщаясь вѣрно служить Россіи. Толстой и Шафировъ, имѣя уже предварительное разрѣшеніе царя, дали дозволеніе эмигрантамъ возвратиться домой. Въ январѣ 1715 г., эти послѣдніе явились въ Кіевъ, при чемъ Горленко представилъ булаву прилуцкаго полка и котлы сообщника Мазепы, Орлика, а Максимовичъ — печать его. Въ указѣ о нихъ было сказано, что хотя они всѣ въ явной измѣнѣ обще съ Мазепою и Орликомъ уличались и за то смертную казнь заслужили, однако имъ даруется прощеніе съ тѣмъ, что они не могутъ жить въ Малороссіи, но въ Москвѣ. Духовенству велѣно было разрѣшить ихъ отъ клятвы и привести снова къ присягѣ на вѣрность службы. Вслѣдствіе того, Максимовичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Антоновичемъ, очутился въ Москвѣ и, какъ чловѣкъ ученый изнающій иностранныя языки, опредѣленъ переводчикомъ въ московскую типографію. Въ 1726 г., послѣдовалъ доносъ на злоупотребленія въ этой типографіи и обвинялось, между прочимъ, начальство ея въ принятіи на службу въ справщики «бывшаго въ измѣнѣ». Сенатъ, безъ дальнихъ справокъ,

опредѣлить Максимовича, какъ подозрительнаго, отъ должности отрѣшить¹⁾. Дальнѣйшая судьба Максимовича неизвѣстна, но вѣроятно она была незавидна: еще за два года онъ жаловался на разстройство здоровья отъ ученыхъ трудовъ, а въ 1728 г. остался безъ куска хлѣба, среди чужихъ... Какъ бы то ни было, помянемъ добрымъ словомъ этого труженника, и пожелаемъ, чтобы люди, власть имѣющіе, слѣдовали въ подобныхъ случаяхъ ученію Спасителя, были снисходительнѣе къ блуждающимъ и не слишкомъ увлекались желаніемъ выслужаться передъ сильными угнетая безсильныхъ.

Изданіе на русскомъ и голландскомъ языкахъ дружескихъ разговоровъ Еразма роттердамскаго, а также голландской грамматики, сдѣлано вслѣдствіе личнаго приказанія Петра: онъ самъ могъ объяснить по голландски, но не правильно, по крайней мѣрѣ, баронъ Лангенъ, видѣвшій царя въ 1700 г., замѣчаетъ, что Петръ говорилъ съ нимъ «en son hollandais congompr»²⁾.

Государь былъ убѣжденъ, что русскіе скорѣе узнаютъ иностранные языки и будутъ охотнѣе заниматься ими, если переводы издавать вмѣстѣ съ иностраннымъ подлинникомъ—эта мысль высказана въ предисловіи къ «Разговорамъ дружескимъ» 1716 года.

Въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи напечатаны были: нѣмецкая азбука, вокабулы латинскіе, славянскіе и нѣмецкіе, но намъ не удавалось ихъ видѣть³⁾. Другихъ печатныхъ руководствъ, къ изученію иностранныхъ языковъ при Петрѣ не выходило.

Переводы различныхъ сочиненій, легко усваивавшихся у всѣхъ европейскихъ народовъ, и названныхъ потому нѣмцами *wandernde Dichtungen*, попадаютъ у насъ по большей части въ рукописяхъ XVI и XVII вѣковъ. Павелъ Ювій⁴⁾, писавшій со словъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова въ 1526 г., говоритъ, что у каждаго почти московскаго боярина можно было найти, кромѣ лѣтописей, въ рукописныхъ спискахъ исторію объ Александрѣ Македонскомъ, римскихъ кесаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ и т. п. Г. Пыпинъ, въ своемъ Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, первый изъ

¹⁾ Синод. дѣла 1723 г., № 27 и 1728 № 14.

²⁾ Исторія П. В. г. Устрялова, III, 553.

Что эти учебники печатались, о томъ осталось свидѣтельство въ синод. дѣлѣ, 1722 № 18.

⁴⁾ Библиотека иностран. писателей о Россіи, (Спб. 1836 г.) стр. 47.

нашихъ ученыхъ разсмотрѣлъ русскіе переводы всѣхъ подобныхъ сочиненій и показалъ отношеніе ихъ къ литературамъ другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, у насъ мало свѣдѣній о лицахъ, которыя брали на себя трудъ знакомить русскихъ читателей съ произведеніями свѣтской литературы. По языку, также по почерку можно иногда догадываться, что большая часть такихъ переводовъ отдана сначала въ Малороссію или Бѣлороссію и преимущественно съ польскаго. Въ немногихъ очень рукописяхъ находимъ имена великорусскихъ переводчиковъ, съ указаніемъ, что они притомъ служили въ посольскомъ приказѣ. Если имѣть въ виду, что у насъ въ старину было мало знающихъ иностранные языки и служившіе въ посольскомъ приказѣ являлись, по самой должности своей, исключеніемъ изъ общаго правила, то можно предполагать, что наши официальные переводчики и толмачи, послѣ малороссіянъ и обрусѣвшихъ поляковъ, были главными распространителями, посредствомъ передѣлокъ и переводовъ съ извѣстныхъ имъ языковъ, чужеземныхъ литературныхъ произведеній.

Отъ начала XVI вѣка упомѣно нѣсколько переводовъ Дмитрія Герасимова «толмача и схоластика», учившагося въ Ливоніи и нѣсколько разъ бывавшаго въ посольствахъ за границей. Въ началѣ XVII вѣка, именно въ 1608—9 годахъ, извѣстны переводы басенъ Езона и тропника Иннокентія, папы римскаго трудовъ «переводчика греческихъ словъ и польскихъ» Федора Касьяновича Гозвинскаго. Олеарій, въ бытность свою въ Россіи въ 1635 году, зналъ замѣчательнаго переводчика посольскаго приказа, котораго называетъ датчаниномъ Иваномъ Гельмсомъ (Jean Helmes), но настоящее имя котораго было Эльмстонъ¹⁾; въ русскихъ бумагахъ онъ писался Ельмсономъ. Гельмсъ, говоритъ Олеарій, первый переводчикъ великаго князя, зналъ всѣ европейскіе языки, исполнялъ важнѣйшія порученія и, будучи въ Вѣнѣ съ посольствомъ Баклановскаго, такъ понравился римскому императору, что пожалованъ отъ него дипломомъ на дворянство. Гельмсъ перевелъ на русскій яз. нѣсколько латинскихъ и французскихъ книгъ, и онѣ очень пришлись по вкусу читателей въ Россіи, такъ—что надобно надѣяться, что со временемъ русскіе придворные захотятъ познакомиться съ иностранными языками и литературами, чрезъ что достигнуть знаній, которыя имъ теперь совершенно неизвѣстны²⁾.

Кильбургеръ³⁾ оставилъ извѣстіе, что съ учрежденіемъ въ 1663 году почтъ для сообщенія съ иностранными государствами, получались въ Москву голландскія, гамбургскія и кѣнигсбергскія газеты, которыя виѣствъ съ частными письмами, тотчасъ же отправлялись

¹⁾ Исторія медицины, Рихтера, II, 88.

²⁾ Voyage très curieux par le Sr Adam Olearius, trad. par Wicquefort, 1718 p. 374.

³⁾ Büsching's Mag. III, 320.

въ посольскій приказъ, переводились тамъ и ообщались царю. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ, очевидно напечатанной по порученію русскаго правительства петровскихъ временъ, сохранилось, между прочимъ, извѣстіе, что газеты переводилъ и читалъ передъ царемъ Александромъ Михайловичемъ извѣстный своею ученостію Келлерманъ ¹⁾.

Николай Спафарій, посольскаго приказа еллино-греческаго языка переводчикъ, въ первый годъ прибытія своего въ Россію (1673) перевелъ Христолюдіонъ, гдѣ помѣщены различныя пророчества, и пр. ²⁾, о немъ см. ниже въ гл. XI.

Въ 1683 г., посольскій переводчикъ Авраамъ Фирсовъ перевелъ съ нѣмецкаго Псалтирь ³⁾.

Стахій Гадзаловскій, такой же переводчикъ, сдѣлалъ переводъ «О конской вѣдѣ» въ 4-хъ книгахъ, въ Москвѣ 1685 г. ⁴⁾.

Въ посольскомъ же приказѣ служилъ сначала Андрей Андреевичъ Виниусъ, также переводчикъ и одинъ изъ приближенныхъ Петра Великаго. Фамилія Виниусовъ встрѣчается въ исторіи русскаго горнаго дѣла: сынъ амстердамскаго купца Дениса Терксена Виниуса — Андрей, съ братомъ своимъ Абрамомъ и англичаниномъ Вилькенсопомъ, занимался съ 1632 г. добываньемъ желѣза въ окрестностяхъ Тулы и построилъ первый въ Россіи вододѣйствующій заводъ для производства изъ желѣзной руды чугуна и желѣза и литья ядеръ, пушекъ и другихъ предметовъ.

Андрей Денисьевичъ торговалъ прежде хлѣбомъ и производилъ разные коммерческіе обороты. Занялся же потомъ, съ означеннаго года, желѣзнымъ промысломъ, по собственному его выраженію, для того, чтобы «государю служить и себѣ вѣчную славу учинить», причемъ «выискалъ своею головою въ руссійскомъ государствѣ всякое угодые и самую добрую желѣзную руду, и заводилъ заводы своимъ умомъ». Андрей Виниусъ въ 1632 г. былъ въ Голландіи, и тамъ выгравированъ его портретъ, нынѣ чрезвычайно рѣдкій и извѣстный подъ названіемъ *homme au pistolet* ⁵⁾ Въ 1646 г. онъ писалъ, что хочетъ «хреститься по русски» ⁶⁾.

¹⁾ Генрихъ Келлерманъ былъ докторомъ медицины и философіи, учился за границей, особенно славился знаніемъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскаго языковъ. Ист. мед. Рихтера, II, 290 и 2-я ч. настоящаго труда, Вѣдом. 1704 года.

²⁾ Обзоръ рус. дух. литер., преосв. Филарета подъ № 232.

³⁾ Указатель моск. патр. библиотеки (Москва, 1858 г.) стр. 223. Этотъ Псалтирь подробно описанъ въ «Описаніи слов. ркп. москов. снп. библиотеки (М. 1855 г.)» стр. 190—196. Замѣчательно, что переводъ не велѣно было смотрѣть никому безъ уваженія патріарха, такъ какъ въ предисловіи тамъ переводчикъ откровенно говоритъ о неумѣности въ старинной Россіи: «нашъ руссійскій народъ грубый и неученый, не токмо престолю, но и духовнаго чина»....

⁴⁾ Ркп. Толст. I, 209.

⁵⁾ Москвитини 1844 г. IV, 389—391.

⁶⁾ Описаніе тульскаго оружейнаго завода, г. Гамеда стр. 6—17 и приб. стр. 1—9.

Вроятно сыкъ его, Андрей Андреевичъ въ 1664 г. является уже переводчикомъ при голландскомъ посланникѣ Борелѣ, потому въ этомъ званіи былъ въ Дѣдновѣ при строеніи корабля Орель. Известенъ рукописный сборникъ подъ названіемъ: «Избраніе отъ святыхъ, божественныхъ и царственныхъ книгъ, памяти ради... издадеса въ лѣто отъ воплощенія 1667 въ Москвѣ чрезъ его царскаго величества царскихъ дѣлъ переводчика Андрея Андреева сына Виніусова». Здѣсь въ началѣ помѣщена бесѣда отца съ сыномъ, въ которой преподаны разныя моральныя и богословскія наставленія въ родѣ: «царю и всякой власти достоятъ три вещи въ незабытвой памяти имѣти: первое—яко человекъ владѣть; второе же—яко власть сія, временна сущи, истлѣваетъ; владѣти же не лютостію, но имъ же быша радости вси, восхищаемы доброуміемъ и милосердіемъ»... Подобныя наставленія оканчиваются изреченіемъ: «пчела на звонъ летитъ, а мудрый человекъ на полезное слово течетъ». Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ Аванасія александрійскаго, бесѣда Геннадія патріарха цареградскаго съ царемъ турскимъ Маратъ Магметомъ (перев. съ гречес.); далѣ церковная исторія и разныя отрывочныя статейки: описанія Іерусалима, магометовой гробницы, сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣвъ сожещи книги греческія; событія изъ русскои исторіи со временъ взятія Казани ¹⁾.

Въ собраніи рукописей г. Забѣлина есть: «Зрѣлище житія человека, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстями, въ поученіе всякаго чина и сана человекомъ, новопреведено изъ нѣмецкаго языка всѣмъ во общую пользу трудолюбіемъ Андрея Андреева сына Виніуса, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто воплощенія Бога Слова 1674». Въ предисловіи сказано, что прежде тѣ же притчи изданы были не такъ изрядно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложено, «совершеннѣйшаго ради разумѣнія, въ кѣйждо притчи отъ древнихъ лѣтописцовъ согласующуюся предстоящей притчи повѣсть». Выставляя пользу книги, составитель говоритъ, что она необходима особенно для молодыхъ людей, какъ прекрасное наставленіе: «къ тому же—продолжаетъ онъ—зѣло дивно размышляти, како всемогущій Господь Богъ не точию кѣйждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторыя отъ нихъ изрядныя обычаи и нравы насадилъ есть, которые есть безсловесныя не точию человекомъ въ пищу, но и во многія potreбы годствуютъ; еще же отъ сихъ научитися можетъ, яко зря на безсловесныя достоятъ намъ житіе свое и нравы злобныя поправляти—яже не многіе ли видимъ свирѣпѣйше львовъ и гнѣвливѣе медвѣдей, нныя же нечистивѣйше овинной, овыхъ же неблагодаривѣйше псовъ, нныхъ же гордѣйше павлиновъ»... ²⁾ Г.

¹⁾ Отеч. Зап. 1824 г. ХVІІІ, № 50, 337—345.

²⁾ Очеркъ литер. исторіи повѣстей и сказокъ, г. Пышина, стр. 175—177 и 366.

Пыпинъ, изъ труда котораго сдѣлана эта выписка, говорить, что «переводъ Виніуса хорошъ для того времени: въ немъ нѣтъ германизмовъ и слова почти всегда соответствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка».

Кромѣ этихъ переводовъ, Виніусъ извѣстенъ, какъ составитель труда подъ заглавіемъ «О столицахъ нарочитыхъ городовъ, и славныхъ государствъ, и земель, и острововъ, и проливовъ и знатныхъ мѣстъ сухими и водными путями, колико имуть разстояніе російскаго государства отъ первопрестольнаго его царскаго величества града Москвы по размѣру книги, именуемая вожныхъ мѣръ и иныхъ принадлежащихъ къ нему по алфавиту росписано переводчикомъ Андреемъ Андреевымъ сыномъ Виніусомъ» (Румянц. Муз. №СССLVI ркн.). Въ каталогъ рукописей академіи наукъ (1818 г.) эта книга названа поверотникомъ и обозначена два раза 1667 годомъ (стр. 46, 47, №№ 64 и 4). Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ и добавленія: въ первомъ разстоянія и пути отъ Москвы до разныхъ русскихъ городовъ, напр. Астрахань сухимъ путемъ 2500 верстъ, а водою 2660 в.: путь къ ней на Коломну, на Переяславль Рязанскій, на Касимовъ, на Муромъ, на Нижній, на Козмодемьянскъ, на Чебоксары, на Свияжскъ, на Казань, на Симбирскъ, на Самару, на Саратовъ, на Царицынъ, на Черный Яръ. А сухимъ путемъ—на Володиміръ, на Муромъ, на Арзамасъ, на Олатырь, на Симбирскъ, отъ Симбирска вышенисанымъ путемъ. А другой сухой путь на Касимовъ, на Темниковъ, на Пензу, на Саратовъ, а изъ Саратова по вышенисанному пути. Кіевъ—960 верстъ: путь на Калугу, на Болховъ, на Сѣвскъ, на Путивль; другой путь на Тулу, на Мценскъ, на Орелъ, на Новгородъ Сѣверскій; третій путь—отъ Сѣвска на Глуховъ. Во второмъ отдѣлѣ иностранные города, напр. Амборокъ, вольный градъ, разстояніемъ отъ Москвы на Ригу, оттуда же моремъ—1800 верстъ. Парижъ, столица французскаго кроля, отъ Москвы на Ригу—3100 верстъ. Стекольное, столица свѣйскаго короля, отъ Москвы на Ригу—2100 в. и т. д. Въ концѣ «указъ, какъ писать подорожныя и почему прогоновъ отъ Москвы», гдѣ, напр., находимъ, что «до Калуги, и до Болхова, и до Сѣвска и до малороссійскихъ городовъ (платилось прогоновъ) по 26 руб., назадъ отъ Сѣвска по 23 руб. и т. д.

Въ 1685 г., Виніусъ завѣдывалъ почтами въ Россіи; въ 90-хъ годахъ онъ былъ думнымъ дьякомъ, по большимъ праздникамъ «пре-свѣтлыхъ государей царей пресвѣтлыя очи видалъ» (Разряды дворц.) и находился «въ нарядѣ» на разныхъ церковныхъ церемоніяхъ. Тогда же Виніусъ попался въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ: въ 1687 г., по распоряженію Шакловитаго и Медвѣдева малороссійскій граверъ Тарасевичъ съ товарищами вырезали и отпечатали портретъ царевны Софіи Алексѣевны. Шакловитой, по приказанію послѣдней, поручилъ Виніусу «такую жь персону за моремъ въ голландской

землѣ велѣть напечатать. Виниусъ образцовый листъ отправилъ въ Амстердамъ къ бургомистру Витзену, который и прислалъ печатанныхъ тамъ изображеній царевны числомъ около ста; въ нихъ «ея, великія государыни, именованіе полное, а внизу подписаны вирши на латинскомъ языкѣ къ похвалѣ ей же, великой государыни... тѣ листы печатаны за моремъ, чтобъ ей, великой государынѣ, по тѣмъ листамъ была слава и за моремъ въ иныхъ государствахъ, также какъ и въ московскомъ государствѣ по листамъ же...¹⁾

Въ 1697 г., Виниусъ управлялъ сибирскимъ приказомъ. Корбъ, бывший тогда секретаремъ при цесарскомъ посольствѣ въ Россіи, отзывается съ большою похвалою объ умѣ, образованности Виниуса и хорошемъ управленіи его тѣмъ приказомъ: при немъ сибирскіе воеводы не смѣли притѣснять и раззорять торговыхъ людей, такъ какъ за ними былъ учрежденъ строгій надзоръ. Г. Гамель сообщаетъ, что онъ видѣлъ инструкцію Виниуса верхотурскому воеводѣ 1702 г., когда послѣдній отправлялся для осмотра желѣзныхъ заводовъ Никиты Демидова въ Сибиріи. Инструкція эта свидѣтельствуетъ, что Виниусъ былъ человекъ просвѣщенный, имѣлъ обширныя знанія и обращалъ вниманіе на исправленіе нравственности народа и на воспитаніе дѣтей²⁾.

Съ 1695 г., Виниусъ велъ довольно частую переписку съ царемъ: письма къ нему Петра отличаются тѣмъ, что содержатъ въ себѣ не одни приказанія, но и разныя новости и сужденія о политическихъ тогдашнихъ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ царь пишетъ къ Виниусу витіевато, чего не встрѣчается въ посланіяхъ къ Ромодановскому и другимъ. Напр. изъ подъ Азова, въ 1695 г., Петръ сообщаетъ Виниусу: «а здѣсь, слава Богу, все здорово и въ городѣ марсовомъ плугомъ все испахано и насыяно, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ, Господи, помози намъ, въ славу имени своего святаго! Или изъ Воронежа (1698 г.), Петръ пишетъ о флотѣ: «Только облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укусиѣтъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Обаче надѣмся на Бога со блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателью отъ плода вкусити»...

Несмотря на множество порученій, которыя исполнялъ Виниусъ по управленію, на немъ также лежала обязанность просматривать переводы книгъ. Триумфальные въѣзды устроивались по его совѣтамъ и указаніямъ. Учрежденіе перваго морскаго училища—навигаторской школы возложено было также на Виниуса.

Помѣщаемъ здѣсь отрывки изъ писемъ Виниуса къ Петру Великому, гдѣ идетъ рѣчь о его переводческой дѣятельности и нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ жизни его.

¹⁾ Москвитян. 1843 г. № 10, матер. 385—392.

²⁾ Опис. тульск. оруж. завода, приб. стр. 9—11.

21 февраля 1702 г.: «Нынѣ, прїѣхавъ къ Москвѣ г. тайный советникъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ), мнѣ, рабу вашему, вашимъ великаго государя указомъ сказалъ, что вы, государь, изволили потребовать отъ меня переводу уставу судебныхъ воинскихъ правъ, и я, государь, въ прошломъ году былъ на вашей великаго государя службѣ въ полкахъ съ гетманомъ, а прїѣхавъ въ Глуховъ, съ начала мѣсяца іюля лежалъ нѣсколько недѣль въ разслабленіи, а которые дни было мнѣ отрадѣе, въ тѣ трудился надъ лексикономъ голландскимъ, а надъ воинскими правы не работалъ, понеже чаялъ иные люди то управлять. А нынѣ, къ Москвѣ прїѣхавъ, въ домикъ моемъ обрѣлъ постановлены шведы во всѣхъ жильяхъ, и донынѣ не сводятъ, а было ихъ сначала больше 200 человекъ, и въ домъ меня не пустили, и жилъ въ чужомъ дворѣ недѣли съ три, а мнѣ не малое отъ постоя разореніе. А нынѣ, государь, началъ въ воинскихъ правахъ трудиться, и, по елико смогу, буду работать; однакожь рукою, государь, правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжело, едва ния свое подписываю; но уповаю оимъ великимъ постомъ голландскіе артикулы совершить, а прочее потомъ. Не прогнѣвись, мой милостивѣйшій государь, на мя, низжайшаго раба своего: во истинно, государь, сталъ быть дряхль, едва брожу, ужъ 70-й годъ доходить. Желаніе—вѣсть Богъ—есть, да сила по вся дни скудѣеть»...

Въ 1703 г., Виниусъ впалъ у царя въ какую то немилость, на которую самъ намекаетъ въ витѣватомъ поздравленіи Петра съ взятіемъ Нотебурга, 12 мая: «Милостивѣйшій нашъ великій монарха! Со всѣми вашею государскою милостью одарованными и я, убогій мытарь, аще издали стою и недостойна себя быти признаваю, однакоже припадающе къ ногамъ вашимъ государскимъ, покорно кланяюся отъ изобилія моею радостью исполненнаго сердца, вегда прїемъ отъгнуду вѣсть о полученіи такого знаменитаго изъ рукъ неприяТЕЛЬСКИХЪ града Слютельбурха нареченнаго»...

Въ томъ же году, Виниусъ для оправданій былъ въ только что основанномъ Петербургѣ и, въ надеждѣ на силу при царѣ Меншикова, далъ ему въ подкупъ значительную сумму денегъ. Меншиковъ, принявъ приношеніе, Виниусу далъ въ руки письмо отъ себя къ царю, гдѣ оправдывалъ его, и въ тоже самое время чрезъ своего посланнаго увѣдомилъ царя о подкупѣ и о томъ, что Виниусъ ничего не представилъ въ свое оправданіе ¹⁾.

¹⁾ Последнее письмо Меншикова, 29 іюля 1703 г., такъ характеристично, что мы рѣшаемся привести его здѣсь вполнѣ: «Господиже, господиже капштагъ! Всерадостно и благополучно здравствуй о Господѣ. Назвотвую вашей милости: Андрей Виниусъ, прїѣхавъ сюда, никакого въ дѣлахъ своихъ оправданія не принесъ (хотя онъ отъ меня къ тому не малое принужденіе имѣлъ), oprчъ того, что равными во всемъ видамъ выкручивался. И я, отврзая его въ настоящій ему путь, отпустилъ его отсюда сего нижнеписаннаго числа и о дѣлѣ его, въ чемъ онъ неисправенъ являса и какую на что отповѣдь

Въ 1706 г., Виніусъ уѣхалъ за границу и, сколько можно судить по его прошеніямъ, которыя сейчасъ будутъ приведены здѣсь, безъ вѣдома царя; за что и было конфисковано его имущество.

12 іюля 1706 года, безъ обозначенія мѣста, откуда писано прошеніе: «достигъ, писалъ Виніусъ, въ такую озяблость горькаго ми состоянія, что всего, еже въ толикія лѣта трудами многими приобрѣлъ, весьма себя вижу обнаженна. Которое отлученіе мое вашему величеству къ вящей моей тягости и винѣ донесено, однакожъ учинилось причиною сидевою: будучи, государь, въ Гроднѣ, въ нашествіе непріятелей лишился безъ мала не всѣхъ своихъ лошадей и людей. По сихъ во время похода досталъ, скудости ради лошадей и денегъ, яныя и худосильныя, которыми отъѣхалъ едва до Кнышина, въ томъ мѣстѣ обезсилили и безпомочны стали. И я, видя себя въ такомъ опасеніи предстоящей гибели нужною смертию погибнуть или въ руки достаться въ плѣнъ непріятелю, принужденъ къ прусской границѣ удалиться, идѣже лошади мои яныя стали попадали, а яныхъ понужденъ продать, съ надежею тою прусскою границею къ Польску, и тако къ московской границѣ вдатся; но видя себе отъ жителей страны тоя въ томъ возбраненна, нанялъ подводы до Кролевца (Кенигсберга) и оттол моремъ со многими трудами достигъ до странъ сихъ (?), идѣже отъ нуждъ старости, паче же всеневныхъ снѣдательныхъ печалей, весьма на одрѣ болѣзненнымъ есмь и поверженъ лежу, и тѣмъ, государь, препятіемъ возбраненъ нынѣ моремъ возвратится. Однакожде, высокое вашего величества челоувѣколюбіе къ упадлымъ грѣшникамъ даетъ ми утѣху, яко сіе мое отлученіе челоувѣколюбнымъ и природнымъ своимъ государскимъ милосердіемъ, яко

учинилъ, послалъ къ вашей милости роспись для вѣдома при семъ письмѣ, изъ которой изволишь увѣдомиться (росписи этой при письмѣ нѣтъ). А здѣсь будучи, поднесъ отъ мнѣ 3 коробочки золота, 150 золотыхъ червонцевъ, 300 рублей денегъ, да въ 7 коробочкахъ золота жъ, и въ 5000 рублей денегъ письмо своею рукою далъ, въ которомъ написано, что ему отдать то все, когда у него спросятъ, или кому приказано будетъ отъ меня въ дому его безъ него принять. И ты изволь объ отпускѣ его учинить по своему рассмотрѣнію. — Здало я удивляюсь, какъ тѣ люди не познають себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами, или они не хотятъ, или Богъ имъ обращаетъ. А вышеписанную большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ пушкарскій и аптеку хотя у него и взять, толькобъ сибирскій приказъ удержать за нимъ, заѣщевая, чтобъ о той дачѣ никто не вѣдалъ. И изъ того изволишь познать, что для чего такую великую дачу далъ, еслибъ не чинъ отъ того приказу впредь себѣ великій пожитокъ, а напредъ сего билъ челоувѣ милости твоей многожды о дачѣ деревни, сказывая, что пять—ѣсть нечего. А при той вышеписанной дачѣ, по многому его прошенію, нависалъ я къ милости твоей письмо объ немъ по его желанію, и то письмо челоувѣ отъ самъ, которое я запечатавъ, при подписаніи руки своей, ему отдалъ; и съ того письма списокъ для вѣдома послалъ я къ милости твоей съ симъ письмомъ. За симъ здравіе милости твоей предаю въ сохраненіе божіе. Александръ Мещинковъ. Іюля въ 29 день мѣзъ Пнтербурха. (Каблн. дѣла, П, № 2, л: 543).

престарѣлому и къ смерти приближающемуся, и въ памяти и въ разумѣ сокрушенному, къ тому большому червию, милостивно оставши»...

16 ноября 1706 г.: «Паче же мя убиваетъ, слыша моихъ непріятелей ложныя клеветы, иже, яко стрѣлами, мя уязвляютъ, предлагая, яко бы азъ, низжайшій твой рабъ, къ непріателемъ шведамъ перебѣжалъ и въ чолобитьѣ своимъ не бояся божія мстительнаго суда, меня крайнимъ вашего величества злодѣемъ именууютъ, и чтобъ остатнія мои крохи, дворы и деревни имъ отдать»... За тѣмъ слѣдуетъ изчисленіе службъ просителя въ посольскомъ, сибирскомъ и пушкарскомъ приказахъ, упоминаніе, что ему 65 лѣтъ, также, что онъ «школу математическую ради изученія русскому народу въ наукѣ инженерской, бомбардирской, пушкарской устроилъ»... «Еще напомни нѣкіа мои услуги: кто оначала представилъ, и той причины ради ѣздилъ и согласіе гетманское привезъ? Азовской побѣды потомъ триумфальное устройство, еже бѣ первое и славнѣйшее? Напомни, щедрый государь, въ 1697 г., съ какимъ поболѣніемъ моя сокрушительная души, съ вѣрнымъ сожалѣніемъ о здоровіи вашемъ я писалъ, чтобъ въ возвращеніи своемъ изъ прусской земли опасаяся, чрезъ Ригу идти не изволилъ и какими премилостивыми словесы на сіа и вышереченныя моя услуги мя, низжайшаго своего раба, обнадежить изволилъ»...

10 сентября 1708 г., Виниусъ, увѣдомляя царя, что онъ, по милости божіей, возвратился въ нѣдра восточнаго православія и прибылъ чрезъ Архангельскъ къ Москвѣ, просилъ объ отдачѣ ему принадлежащаго имущества, дома и книгъ. Въ октябрѣ, благодарилъ Петра за то, что его «домишко распечатанъ, деревнишки возвращены».

27 декабря 1708 г.: «милостивое величества вашего ко мнѣ, рабу вашему, письмо сего прошедшаго мѣсяца ноября, купно и повелѣніе о переводѣ изъ книжицы трактата механики, ко мнѣ дошло. И хотя прежде того чающе, что всю ту книжицу переводить, уже часть нарочиту о фортификаціи было перевелъ, и иное оставя, ноября съ 17 дня учалъ о механикѣ переводить. Нынѣ соверша, на чисто переписывать отдалъ. А что по замешкалось, припадая, молю ваше величество о милостивомъ прощеніи, понеже моя напедная старость, иногда недуги, паче жъ трудность матеріи (содержанія книги), въ ней же нѣкоихъ именъ безъ лексиконвъ перевести было трудно, однакожь, по крайнему изможенію моему, окончалъ. Аще ли же явятся въ переводѣ нѣкоторые періоды къ выразумѣнію трудны, молю—сіе не моему нерадѣнію, но творца той книги зѣло сокращенному слогу приписать. И нынѣ тотъ переводъ мню, въ нѣсколькоіе дни на чисто переписавъ, для посланія г. коменданту кн. Гагарину подать; а начатую о фортификаціи часть довершить ли, о томъ, вашего величества указу, купно и тое книжки, ожидаю»..

17 января 1709 года: «Къ величеству вашему, преосвѣтлѣйшему государю, низжайшее мое, раба вашего, писаньеце было прошлаго декаб-

ря въ 27 день, еже и комендантъ кн. Гагаринъ съ почтою послалъ, въ которомъ къ величеству вашему покорственно писалъ о приѣмѣ книжицы, въ ней же трактатъ о механикѣ, что тотъ трактатъ декабря къ 25 числу на словенскій языкъ преложилъ. Потомъ отдалъ подъячимъ для переписки и мню, тщаніемъ г. коменданта, вкорѣ его подъячіе спишуть. Нынѣ же чрезъ г. Панина мнѣ отдано величества вашего второе письмо изъ Сумъ января 4, въ которомъ изволилъ величество ваше ко мнѣ, рабу вашему, писать, чтобъ вышепомянутый механики трактатъ напечатать печатью амстрадамскою. Однакожь униженно молю величество ваше, дабы прежде изволилъ еси тотъ трактатъ выслушать и овыше данный вамъ разумомъ (sic) разсудить, отъ неа кая польза людемъ будетъ ли? Понеже авторъ сего трактата писалъ зѣло сокращенно и прикрыто, не толико зря на пользу людскую, елико на оубтливость своего философскаго письма. Однакожь, надъ всѣмъ да будетъ воля величества вашего.

«А что въ нынѣшнемъ же вашего величества второмъ писаніи написано, повелѣвая огнестрѣльную книжицу, яже изъ лучшихъ авторовъ была написана, еѣ же азъ, рабъ вашъ, тому лѣтъ 12 или вѣще изъ языка голландска перевелъ — и съ той переводъ, ниже подлинной, у себя сыскать не могъ: мню ея быть между моими 400 и больше въ аптеку взятыми книгами, которыхъ даже до сихъ числѣ чрезъ вашъ государской указъ и письмо свѣтлѣйшаго его милости кн. Александра Даниловича Меншикова еще г. комиссаръ Веселовскій удерживаетъ. Въ нихъ же мнѣ къ сему дѣлу зѣло надобные были лексиконы и начатая мною (аще и въ суетахъ моихъ) книжица съ фигурами о фундаментномъ вѣдѣніи и обученіи артиллерійскаго дѣла в(ф)ейверковъ, его же былъ намѣренъ, въ пользу русскаго народа во тисненіе давъ, вашему величеству покорственно поднести. Того ради безъ лексиконовъ въ сихъ и смѣ подобныхъ дѣлѣхъ такъ чисто и явственно въ преводахъ изъяснити мнѣ не можно. Для того, аще ли не есть противно изволенію величества вашего, по твердому и высокому вашему милосердому ко мнѣ, убогому вашему рабу, обѣту объ отдачѣ тѣхъ книгъ (ихъ же 50 лѣтъ собиралъ и многія мнѣ г. Витценъ присылалъ) повелительнаго молю свой монаршескій указъ (sic) сотворить. Во истинну свидѣтельствую моею совѣстью, что веселюсь зѣло въ трудѣхъ, ими же точію могъ вамъ, милостивѣйшему моему великому государю, угодная сотворить»...

2 февраля 1709 г.: «трактатъ о механикѣ переписавъ на чисто, господину, его милости коменданту кн. Гагарину, купно и съ нѣмецкою книжицею, отдалъ; его же (т. е. трактатъ) было къ печати, а фигуры къ рѣзбѣ отдалъ, но нынѣ, какъ достигъ вашего величества указъ, чтобъ переводъ къ вашему величеству прислать, мню то учинить. — Азъ изъ своихъ, въ аптекѣ опочивающихъ книгъ, о фейверкахъ и артиллеріи взялъ, а осталья г. комиссаръ Веселовскій до

указу удержаль, а шюьмо величества вашего ему показываль и сплюкъ даль. (О томъ еще покорно молю). Однакоже за вашего величества милостивое изволеніе съ припаданіемъ покорнѣйше челомъ бью, и сего жъ числа въ трудъ о в(е)йверкахъ вступилъ: къ вашему величеству послать, ~~какъ за печатью~~ — о томъ молю о указѣ. Еще жъ ~~нижайше дозволу~~: благоволи величество ваше мною въ 1702 г. проведенну книжку о артиллеріи указать ту, по силъ трудѣхъ, довершать ли и въ печать русскую или амстердамскую давать ли со обрѣтающимися фигурами? А мнитоя, что величеству вашему будетъ угодна и людемъ того чина безплодна»...

7 февраля 1709 г.: «Сего, государь, мѣсяца февраля въ 3 день къ вашему величеству, милостивѣйшему государю и монарху, нижайшій я рабъ вамъ покорственно писалъ, и при томъ тетради о механикѣ господину коменданту кн. Гагарину подалъ. Послѣ того, государь, трудился надъ книжкою о вейверковъ (sic), яже, мню, въ прошлыхъ годѣхъ съ нѣкоторыми устроенными вейверками отъ г. Витцена прислана, со обнадеживаніемъ его, что она изъ лучшихъ авторовъ и свѣдомаго искусства учинена. Уповаю, что угодна величеству вашему явится. И о томъ ожидаю вашего величества милостиваго слова, такожде и указу вашего величества о артиллерійской книжицѣ, въ ней же и вейверки есть, и тотъ мною въ 1702 г. начатой трактатъ довершать ли и коею печатью съ фигурами, на пользу государскимъ бомбардирамъ и пушкарямъ, выдавать ли? А титулъ той книжицы при семъ положилъ. Точію къ тѣмъ совершенствамъ различныя мои книги потребны, о нихъ же всѣхъ паки къ ногамъ вашимъ государскимъ припадая, покорно молю, а тѣ всегда въ храненіи у меня на службу величества вашего пребудутъ. Еще при семъ дерзнулъ величеству вашему молити: аще ли угодно вамъ, въ пользу вашего величества подданнымъ русскаго народа людей, мнѣ, или чье имя назначъ, дать привилію печатать новыя россійскаго и иныхъ государствъ партикулярныя и общіе всей вселенной чертежи съ русскими подписями, и о томъ дать на 10 лѣтъ вашу государскую привилію, съ подтвержденіемъ нарочитой пени, кто дерзнетъ безъ позволенія въ тѣ лѣта такіежъ печатать, какъ и въ иныхъ европейскихъ странахъ водится, тѣ все съ пенею отняты будутъ»...

При этомъ писемѣ, Виніусъ приложилъ заглавіе книги объ артиллеріи соч. Дидриха Бринка, переведенной съ изданія 1689 года. Она была напечатана и описана въ настоящемъ трудѣ во 2-й части, въ числѣ книгъ гражданной печати подъ 1710 годомъ.

9 Марта 1709 г.: «По указу величества вашего, моего милостивѣйшаго государя, трактатъ о механикѣ, такожде другой о вейверкахъ, елико постигнути могъ, соверша, отдалъ г. коменданту кн. Гагарину, о доходѣ не сомнѣваюсь. Нынѣ ко мнѣ онъ же писалъ, чтобъ книжицу объ артиллеріи моихъ же трудовъ (о ней же къ ве-

личеству вашему я писалъ) къ величеству вашему послать, которую увидя, что въ перепискѣ неисправно списали, выправилъ елико случаемъ скорымъ было возможно, и не смѣя для второй перенной удержать ту подлинную съ фигурами и съ переводомъ, при нижайшемъ моемъ поклоненіи, послалъ, уповав, что величеству вашему угодна и вашимъ государскимъ, артиллерійнымъ служителемъ потребна будетъ, когда величество ваше благоволите съ тѣми жъ фигурами ю въ дружкѣ отдать. Моя книжка, по вашему государскому повелѣнію, нынѣ недавно пріялъ, за что при нижайшимъ и глубокимъ къ ногамъ вашимъ монаршескимъ поклоненіи, благодарственно челомъ бью...¹⁾

Писалъ ли потомъ Виніусъ о переводахъ своихъ къ Петру Великому—извѣстій не сохранилось, а осталось только нѣсколько привѣтствій его, писанныхъ къ царю по случаю разныхъ побѣдъ. Последнее такое письмо относится къ 1714 году.

Когда Виніусъ умеръ, то бібліотека его, по приказанію царя, передана въ 1718 г. въ заведенную тогда въ Петербургѣ публичную бібліотеку (нынѣ въ академіи наукъ). Изъ современнаго каталога можно видѣть, что у Виніуса была бібліотека преимущественно изъ голландскихъ книгъ (всего же было 363 названія): находились также сочиненія на нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ, польскомъ и эстонскомъ языкахъ. Въ числѣ изданій для изученія иностранныхъ языковъ встрѣчаемъ: *Le grand dictionnaire françois flamand*, Amsterd. 1699 (въ 8°); *Dictionarium latino germanico polonicum*, Dantis, 1642 (4°); *Calepini dictionarium*; *Nethler deuch and englich Dictionaire*, Rotterdam., 1658 (4°); *Comenii Ianua linguarum* (8°); *Joh. Reni Grammatica latina*, Regimont, 1674 (8°); *Ald. Manutii Phrases purae*, Lips. 1582 (8°); *Nicol. Clenardi Institutiones in linguam graecam*, Antverp. 1581 (8°); *H. Gosekini Manuductio ad linguam oestonicam*, Reval, 1660 (8°); *Ph. Melanchtonis Grammatica latina* (8°); *Tirocinium latinae linguae*.

Кромѣ сочиненій, касающихся Теологіи, Математики, Юриспруденціи, Анатоміи, и военныхъ наукъ, Виніусъ имѣлъ Сказанія о Россіи Герберштейна, Олеарія, Петрея, ле-Брюна, также описанія путешествій, преимущественно по Азіи и Африкѣ — между ними есть и рѣдчайшее изданіе Витзена *Nord en Oost Tartarye*. Изъ польскихъ книгъ встрѣчаемъ: *Statuta wielkiego księstwa litowskiego*, Krak. 1588; *Monarchia turecka przez Ricola*, Romy 1678; *Kronika Sarmacyey europ-skiej*, Krak. 1612; *Kronika polska*, 1582; *Żywoty świętych starego y nowego Zakony*, 1644; g. *Liberluscha*, *Gzwiazda morska naiswiecza panna Marya*, XXX kazan. Krak. 1619; того же: *Gospodarz nieba y ziemie Iesus Christus...* Krak. 1669; *Dworzanin polski*, Luc. Granickiego, Krak.

¹⁾ Эти отрывки заимствованы изъ Каб. дѣлъ II, № 2, л: 481, № 5, л: 96—99, № 8 л: 121, 117, 118, 120, 119.

1639; *Patericon albo Żywoty ss. oycow pieczarskich w Kiowie*, 1635, и нѣкоторыя другіе.

У Виніуса были также нѣкоторыя сочиненія, которыя въ переводѣ изданы у насъ въ петровскія времена: Превращенія Овидія на фр. и нѣмецкихъ языкахъ, Нюрнбергъ 1689 г.; *Alcoranum mahometanum*, Нюрб. 1664 *Architectura militaris*, Штурма Нюрнбер. 1702 г.; нѣсколько трактатовъ о Римплеровой манерѣ; Иоанна Сигизмунда Бухнера *Theoria et praxis Artilleriae; Georganica Unterricht...* Нюрб. 1687 г. (эта книга была только переведена у насъ, но не напечатана, о чемъ см. ниже стр. 214); *Baronii Annales ecclesiastici, idiomate polonico*, Cracowiae, 1607; *Regel van de vijf Ordens der Architecture door I. B. van Vignola...* Amsterdam 1650.

Въ концѣ XVII столѣтія, въ посольскомъ приказѣ занимались переводами съ иностранныхъ языковъ Петръ и Михаилъ Шафировы. Первый изъ нихъ былъ съ Петромъ за границей, сдѣлался потомъ вице-канцлеромъ, попалъ въ немилость и, подъ конецъ жизни, собиралъ матеріалы для исторіи царствованія Петра. Кромѣ его переводовъ календарей, о чемъ будетъ сказано ниже (стр. 286—288), онъ составилъ Разсужденіе о шведской войнѣ, описанное во 2-й ч. подъ 1717 годомъ. Изъ переводовъ брата его, Михаила сохраняются въ рукописяхъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: «Архитектура гражданская... выдана Юстомъ Данкерсомъ... въ Амстердамѣ на голландскомъ языкѣ. Переведено Михаиломъ Шафировымъ лѣта Христова 1708, января въ 14 день» (въ 2 экзмп., по каталогу подъ №№ 259, 270) и «Краткое обученіе о 5 колоннахъ чрезъ Симона Богбома... изъ Винченца Шамоша... 1708 г. января» (по кат. № 268).

Въ 1722 г., Петръ Шафировъ, будучи уже барономъ и сенаторомъ, домогался выдачи жалованья брату его Михаилу за шесть мѣсяцовъ, которые послѣдній провелъ въ отпуску. Тогдашній оберъ-прокуроръ сената, Скорняковъ-Писаревъ, врагъ Шафирова, протестовалъ противъ такого домогательства тѣмъ болѣе, что жалованіе полагалось выдать противъ иноземческаго оклада: Михаилъ Шафировъ, говорилъ Писаревъ, «не иноземецъ, но жидовской породы, холопа боярскаго, прозваніемъ Шаюшки, сынъ, и притомъ де человекъ глупый»... Баронъ Шафировъ отвѣчалъ: «его императорское величество самъ моего родителя милостиво знаетъ и жаловать изволилъ, и онъ безпорочный свой животъ христіански, и, по милости его величества, въ дворянѣхъ московскихъ скончалъ, и не у кого въ кабальномъ холодствѣ не былъ, и божіимъ призрѣніемъ еще блаженныя памяти при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ, за честные свои поступки,

въ чинъ дворянскій произведенъ; а братъ мой уже въ трехъ коллегіяхъ безпорочно и къ удовольствію начальствующихъ исправляя и во многихъ языкахъ искусенъ... Писаревъ въ отвѣтъ настаивалъ, что Шафировы жиды, и родственникъ ихъ жидъ и по нынѣ живетъ въ г. Оршѣ. Тогда Шафировъ началъ въ свою очередь упрекать Скорнякова-Писарева, что онъ происходитъ отъ плохаднаго писаря и скорняка, а отецъ его не имѣлъ крестьянъ и приучалъ сына пахать землю, что и подтверждаютъ его грубые поступки; дядя же повѣщенъ за воровство... Таковы были споры въ сенатѣ между сенаторомъ и оберъ прокуроромъ въ тогдашнія времена. Прибавимъ, что и Писаревъ, подобно Шафирову, учился за границей и считался ученымъ¹⁾.

Въ посольскомъ приказѣ переводились сочиненія и въ XVIII вѣкѣ, такъ въ рукописяхъ И. эрмитажа (№ 92, полка 3) есть: «Господней молитвы смиренное толкованіе, святѣйшей христовой соборной Церкви возложенное или обреченное. Въ Венеціи 1723 году, у Антона Бартоли съ позволенія суперіоровъ. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводилъ Андрей Васильевъ, февраля въ 3 день 1724 года».

Переводы иностранныхъ сочиненій въ славено-греко-латинской академіи и при типографіи въ Москвѣ обыкновенно дѣлались, до учрежденія синода, по распоряженію Ивана Алексѣевича Мусина Пушкина, начальствовавшего послѣ смерти патріарха Адріана надъ монастырскимъ приказомъ.

Порученіе царя о переводахъ и печатаніи книгъ болѣе часты становятся съ 1708 года²⁾, а именно: въ октябрѣ Петръ приказывалъ, между прочимъ, Мусину Пушкину, а этотъ передалъ Поликарпову, чтобы найти нѣмецкій календарь и перевести его какъ можно

¹⁾ Дѣла. Петра В., Голицына IX, 390, 391, 393, 395. Въ II. 6. есть рукопись (Ц. Е, 63) «Книга спискомъ съ подлинныхъ дѣлъ государственнаго полѣманцлера, барона Петра Павловича Шафирова, которыя даны ему впредь для вѣдома изъ помѣстнаго приказа въ 1719 г.» Здѣсь идетъ рѣчь объ имѣніяхъ его, также мѣнѣ и покупкѣ деревень у другихъ лицъ. Въ Журналѣ министерства юстиціи 1859 г. № 3 (часть неоф.: стр. 1—62) есть статья «Судное дѣло надъ Шафировымъ и Скорняковымъ-Писаревымъ»; извлеченная изъ подлиннаго дѣла московскаго юстицкаго архива, но не полная, такъ что у Голицына даже есть болѣе подробностей. Такъ напр., пропущены взаимныя укоровы въ нѣскомъ происхожденіи — черта для тогдашнихъ нравовъ: большая часть петровскихъ знатныхъ были люди незнатные, однако хлопотали доказать противное.

²⁾ Впрочемъ есть въ рукописяхъ переводы духовныхъ для Петра гораздо ранѣе. Такъ Каріонъ Истоминовъ поднесъ царю въ 1692 г.: «Книги Іулія Фронтіана, сенатора римскаго, о случаяхъ военныхъ. Сіа новопреведенныя на славенороссійскій языкъ дѣлотщаниемъ трудящихся въ цар. вел. градѣ Москвѣ, мірозданія 7200 лѣта. По каталогу моск. архива министерства иностр. дѣлъ № 257.

скорѣе, а также исправить переводъ Исторіи Курція объ Александрѣ. Тогда же архимандриту Юсифу (вѣроятно Туробойскому, бывшему въ то время настоятелемъ въ Симоновомъ монастырѣ) сказано: зачатую имъ книгу (какую именно — неизвѣстно, съ его именемъ знаемъ только одно сочиненіе «Полятиколѣпный апотеозисъ») немедленно окончить, а наипаче противъ соціантъ доказательства сильныя учинить ¹⁾).

20 мая 1710 г., Петръ приказывалъ М. Пушкину перевести на русскій языкъ и напечатать грамоту королевы англійской и рѣчь, посла ея, Витфорта, съ церемоніаломъ аудіэнціи. Объ этой грамотѣ было говорено выше на стр. 101.

14 мая 1713 г., отдана была государемъ М. Пушкину исторія о Кромвелѣ на латинскомъ языкѣ, для отсылки ее въ Москву къ профессору Томпловичу переводить на русскій языкъ.

Изъ письма М. Пушкина къ Поликарпову, 9 іюня 1715 г., узнаемъ, что царь приказывалъ первому, «дабы трудились не лѣнностно въ переводѣ книгъ съ латинскаго ректоръ Лопатинскій и директоръ Поликарповъ».

21 сентября 1718 г., М. Пушкинъ писалъ къ Поликарпову, что онъ разговаривалъ съ царемъ на свадьбѣ у кв. П. Голицына: «Да для чего, придавъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній — книга не большая, а такъ мешкаете? Отпиши о семъ Лопатинскому»... Въ другомъ письмѣ: «Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволилъ напоминать, для чего долго не присылаются, и что бы не навелъ гнѣву»... Въ третьемъ письмѣ: «писалъ я къ тебѣ многожды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ, а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ».

Изъ книгъ, упоминаемыхъ въ этихъ письмахъ, напечатана Полидора Урбинскаго «О изобрѣтателяхъ вещей» въ 1720 году. Кромѣ того, преемкъ училищъ Гавріилъ Бужинскій перевелъ «Введеніе въ исторію» Пухсендорфа, которое напечатано въ 1718 г. съ любопытнымъ предисловіемъ переводчика. Поликарповъ издалъ въ 1718 году переводъ свой и другихъ, неизвѣстныхъ лицъ, Географія Варенія, и также присоединилъ предувѣдомленіе, гдѣ говорится о самомъ переводѣ. Прочіе переводы его, кромѣ нѣсколькихъ словъ Ефрема Сирина, напечатанныхъ въ 1704 г., остаются въ рукописяхъ: мо-

¹⁾ Какъ эти свѣдѣнія, такъ и сообщенныя ниже, заимствованы изъ труда Гейкова, который ссылается притомъ на письма Мусина Пушкина къ Поликарпову, хранящіеся въ синодальной канцеляріи въ Москвѣ. Дѣянія Петра В. IV, 298, 299, 483; V, 458; VII, 382.

сковской патриаршей библиотеки — а) отрывокъ изъ толкованія Пахимерова на 7-е посланіе Діонисія Ареопагита, по кат. № 54; б) алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ книгѣ Нектарія, патриарха іерусалимскаго, противъ латинъ съ переводомъ предисловія къ этому произведенію Нектарія, по кат. № 528; в) Севаста трапезунтскаго Киминита, о времени пресуществленія св. даровъ и о причастности пресв. Богородицы первородному грѣху, посвященъ царю въ 1703 г., по кат. №№ 588 и 864; д) въ библиотекѣ академіи наукъ — Изъявленіе армянской литургіи, перев. 1708 г. (по кат. печ. 1818 г. стр. 34, № 10) и е) въ И. эрмитажѣ — неупомянутая въ жизнеописаніяхъ Поликарпова: «Книга хитрости руководство, воинномъ въ ратоборство, сочиненъ убо древле греческимъ царемъ Львомъ премудрымъ, сыномъ православнаго царя Василія македонина. Преведенъ же съ греческаго діалекта на славенскій трудоположеніемъ царственныя московскія еллинско-греческія школы учителя, Θεодора Поликарпова, сына Орловыхъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7205, февруарія въ 20 день (1698) ¹⁾. Въ началѣ есть предисловіе, которое знакомитъ съ литературными приѣмами Поликарпова: «Претолковникъ насущія книги любезному читателю радоватися. Славно въщанныхъ мудраго Туліа словесъ проходящу ми нѣкогда вертъ благообразенъ цвѣтъ преднослася сице, трудолюбивый читателю: жити не себѣ единымъ въ доброту, но и отчизнѣ, мы должны въ работу дѣломъ и словомъ на пользу всѣмъ людемъ творити—за то бѣдѣ негли избудемъ. Сихъ убо словесъ вникнувшу ми въ силу, вложися мысль, да благодѣтелемъ моимъ, паче же всей отчизнѣ моея во утѣшеніе, овымъ же и въ науку, за божіею помощію чрезъ трудъ мой преведется сія мудросочиненная книга съ еллинскаго на словенскій діалектъ, твореніе Льва царя премудраго, юже на хартии писану сущу за много лѣтъ древнимъ рукописаніемъ, привезе въ царствующій градъ Москву лѣта 7202 (1694) изъ св. града Іерусалима любомудрый отецъ Хрисанъ, архимандритъ живоприемнаго св. гроба господня. Прочее сію, юже преведену нынѣ сущу всякъ хотяи ратоборныя хитрости силу и поступки знати, прочетъ ю со вниманіемъ, многая и полезная по всякимъ дѣламъ воинскимъ обряцетъ. А елика реченія, аки бы не обычна нынѣшнему вѣку и нашему языку прилучатся, тако начальникамъ, яко и чиномъ вложенная, доброму разсужденію подложн, читателю благоразумный, приуподобля тогданняя съ нынѣшнимъ, вѣдая, яко по времени, и по мѣсту и имена вещамъ налагаются, а всѣмъ всегда и вездѣ тѣмъ же и единымъ реченіямъ во всѣхъ языцѣхъ невозможно быти. Ини бо чинове и по-

¹⁾ Рукоп. И. эрмитажа № 47, подка 2, въ 4°, 310 лст., кат.: «Не царское дарушеніе (устроеніе)». . . Заглавіе и начало текста написаны на лстѣ, съ грав. на мѣди изображ. св. Николая, внизу подпись гравера: «Василій».

ступки въ ратныхъ дѣлахъ быша у грековъ иначе, у германъ иначе, у безбожныхъ турковъ, и иначе преже и нынѣ у благочестивыхъ россовъ. Уже бо многа и новоушищенная орудія ратная обрѣтаются, яко огненное оружіе, бомбы, мождеры, пушки и прочіе вымыслы хитросостроенные, о которыхъ ниже припоминаетъ достоблаженный сей Левъ. Яко тогда сія еще не была, но нѣкая ина подобная симъ, по времени тогда бывшему, пѣхотному, конному и морскому воинству нравоученія предлагаетъ. Въ нихъ же обучаяся, знай Льва отъ... по притчи, рекше отъ книги сея. И о трудившемся въ переводѣ, Все-творцу моляся, припомини, а каково негли гдѣ погрѣшеніе обрѣтъ, благоразумно въ любви приправи. Здравствуй.

Съ учрежденіемъ синода, царь дѣлалъ черезъ него распоряженія о переводѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій. Такъ напр.: 19 ноября 1721 года, царь въ бытность свою въ засѣданіи синода велѣлъ перевести «на словенскій діалектъ трудъ Пуссендора De officiis hominis et civis», для чего книга и была отослана въ типографскую контору и къ январю 1724 г. тамъ переведена справщикомъ Іосифомъ Кречетовскимъ. Протекторъ типографій, Гавріилъ Бужинскій представилъ ее въ синодъ, гдѣ она оставалась до 11 сентября того года, когда полученъ былъ собственноручный указъ Петра Великаго: «посылаю при семъ книгу Пуссендора, въ которой два трактата, первой—о должности человека и гражданина, другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ. Петръ».

Такъ какъ въ синодѣ уже былъ переводъ этой книги Кречетовскаго, только онъ «всесовершенно неисправленъ», то и поручено было его просмотрѣть Бужинскому «какъ скоро возможно, съ поспѣшеніемъ и для того въ сессіяхъ синодальныхъ уволить ему, совѣтнику, въ каждой седмицѣ: кромѣ прежде уволеннаго для собиранія къ печатанію поученій, еще по одному дню». Въ декабрѣ 1724 г., послѣдовало повелѣніе Петра о напечатаніи этого перевода, въ числѣ 600 экз., полъ завода, но повелѣніе исполнено уже послѣ смерти императора ¹⁾.

По возвращеніи царя изъ персидскаго похода, на одномъ праздни-кѣ онъ завелъ рѣчь о языческой религіи и узнавъ, что объ этомъ предметѣ есть сочиненіе Аполлодора, поручилъ синоду перевести его на русскій языкъ, что и выполнено типографскимъ справщикомъ Ал. Барсовымъ. На Феодана Прокоповича возложено было отъ Петра написать предисловіе; книга напечатана въ 1725 году.

Въ 1723 году, царь поручалъ Феодосію, архіепископу новгород-

¹⁾ Синодальное дѣло 1721 г. № 16.

скому, распорядиться о переводѣ съ нѣмецкаго *Georgica curiosa, oder das adeliche Land und Feld Leben*, написанное Вольфгангомъ Гельмгардомъ Гохбергомъ (von Hohberg). Здѣсь изложено все сельское и домашнее нѣмецкое хозяйство; подлинникъ вышелъ въ Нюрнбергѣ въ 1716 г. въ трехъ томахъ. Порученіе о переводѣ было возложено на извѣстнаго между тогдашними духовными знатока нѣмецкаго языка Феофила Кролика, а этотъ передалъ книгу переводчикамъ синода Розенблуту и Василью Козловскому. Въ 1724 г., Петръ потребовалъ къ себѣ ихъ работу и ему были представлены статьи изъ седьмой книги—о земледѣліи, десятой—о пчелахъ и червяхъ шелковыхъ, одиннадцатой—о водахъ, двѣнадцатой—о лѣсахъ. Петръ Великій принялся самъ за исправленіе и сокращеніе статей, и, потомъ, возвращая исправленное, далъ переводчикамъ собственною рукою написанное наставленіе: «Понеже нѣмцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кромѣ самого дѣла и краткаго предѣ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздною радн красоты и для вразумлѣнія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерпя негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ рассказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ».

Въ 1730 г., переводъ былъ совершенно оконченъ и хранился частію въ синодѣ, частію въ библіотекѣ Феофила Кролика. Въ 1745 г., о немъ вспомнилъ баронъ Черкасовъ, потребовалъ его къ себѣ и, просмотрѣвъ нѣсколько главъ, возвратилъ обратно переводчику Василью Козловскому ¹⁾.

Сохранились извѣстія, что Петръ Великій поручалъ переводить нѣкоторыя сочиненія и ²⁾духовнымъ изъ кіевской академіи. Въ 1709 г., онъ писалъ къ кіевскому губернатору, кн. Димитрію Голицыну, чтобы онъ велѣлъ перевести въ семинаріи братской двѣ книги; въ замѣткахъ, оставшихся въ кабинетѣ государя, упоминается о посылкѣ къ тому же Голицыну, для перевода, пяти книгъ ²⁾.

Въ Публичной библіотекѣ есть рукописный переводъ, сдѣланный, по приказанію Петра, Феофаномъ Прокоповичемъ, когда онъ былъ еще префектомъ кіевскихъ училищъ. Этотъ трудъ, неупомянутый до сихъ поръ ни въ одномъ изъ жизнеописаній Прокоповича, озаглавленъ такъ: «Изображеніе христіано-политическаго властелипа, сим-

¹⁾ Синодальное дѣло 1745 г. № 20.

²⁾ Дѣя. П. В. Голицова, XI, 198 и 453.

волами объясненное отъ Дидака Саведры Факсадра, нынѣ же съ латинскаго на діалектъ русскій преведенное ¹⁾). Сочиненіе это явилось сперва въ печати на испанскомъ яз., а на латинскомъ напечатано въ Амстердамѣ 1659 г., подъ титуломъ: *Symbola christiana politica*; авторъ ихъ—довольно извѣстный писатель XVII вѣка Don Diego Saavedra Faxardo. Это сочиненіе поименовано въ инструкціи, составленной Гюйсеномъ для образованія царевича Алексѣя Петровича, см. выше стр. 90.

Въ предисловіи, обращенномъ къ царю, такъ объяснены переводчикомъ причины медленности въ исполненіи труда: «Дидака Сааведра, искуснѣйшаго правилъ политическихъ списателя и не всуе тебѣ похваленнаго, пресвѣтлый всероссійскій монархо, се уже по желанію и повелѣнію твоему, божіею помощію, съ латинскаго на діалектъ славенскій преведохомъ... Не не вѣмъ же, пресвѣтлый монархо, яко въ семь же моемъ дѣлѣ со послушаніемъ и нѣкое преступленіе сопряжеса; понеже не со таковою скоростію, со якою волю царскую творити достойтъ, дѣло сіе совершися. Обаче благонадеженъ есмь, яко по природной твоей благости и разсужденію, сего моего умедленія не судиши быти гнѣву достойна, егда вину его терпеливнѣ увѣдати благоволиши. Не бо лѣности ради, или за нѣкое небреженіе продолжися сіе (да не будетъ), но первіе, яко единъ азъ на себе, не являющу ни откуду доброхотному помощвику, время сіе, аще и не тяжкое мнѣ ради возлагающаго, обаче самимъ собою нелегкое, воспріяхъ. Второе, яко притомъ и иному повиненъ сый послушанію, и всегдашнимъ учлищнымъ и многократнымъ церковнымъ преподаемъ сый ученіемъ, и якими различными, ово по званію моемъ мнѣ валежащими, ово же случаемъ наносимыми нуждами терзаемымъ, невозмогахъ желаемаго въ дѣлѣ успѣха получитьи. Аще же и нѣкую трудовъ часть возложилъ бѣхъ на нѣкіе отъ ученикъ моихъ, купнѣ искусство ихъ испытуя и въ подобныя дѣла благовременнѣ управляя, и своей отрады и пособія ища, обаче во множайшіе еще тако неопаснѣ упрягохъ себе труды и неудобія, егда нужда баше неуразумѣнная отъ нихъ первѣе онымъ же толковати, потомъ же, яко излагахъ, прочитовати, съ латинскимъ діалектомъ сводити, многія исправляти и пополюзовенія; многія части всецѣло истребивши, своимъ тщаніемъ вновь паки преводити — и тако трудъ и время усугубися». За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что и самый подлинникъ во многихъ мѣстахъ теменъ и непонятенъ, почему «нужда баше на долѣзъ

¹⁾ Ркп. П. б. изъ собранія Фролова (№, II, 67) съ собственноручною подписью и отиѣткою Феосава: «Втаковой силе оригинальная поднесена, а сѣя жъ вместо кошии домовне осталась и за неключеніемъ о каждомъ символѣ краткихъ предречіеъ для лучшаго и к прочтанію и в есенпехъ же признаванія скорѣйшаго понятія, вчемъ и каковая жъ коего символа сила обстоитъ».

разсуждати, како бы не всуе во изложеніи его трудитися: аще бо бы тако кто его привести потщался, дабы не мало слѣдовъ нарѣчіи его не остатися, была бы вещь отнюдѣ невразумѣнная, стропотная и жестокая. Аще бы всяко разнствующимъ и далече отходящимъ отъ слова его образомъ толковати восхотѣлъ кто, не было бы то переводити, но свое новое нѣчто писати. Между симъ убо и овимъ средствомъ нѣкое держати тщяхомся; но ниже, тако мню, удовлетворимъ желанію пресвѣтлѣйшаго величества вашего, отнюдѣ бо невозможно есть (елико по художеству моему мнится ми) всю темность и стропотность прогнати во преведеніи на славенскій языкъ книжицы сѣя. И се же здѣ извѣщаемъ, яко на нѣкихъ мѣстахъ и сократихомъ ю нѣкіе образы исторій, ово несвѣдомыхъ, ово не зѣло славныхъ, недавныхъ западныхъ молчаніемъ прешедши, въ чемъ и пресвѣтлѣйшаго величества вашего изволенія быти прияхъ прежде отъ повѣсти пресвященнаго епископа переяславскаго»...

Изъ словаря м. ~~Евгенія~~ видно, что иностранныя книги для перевода посылались также въ Новгородъ, когда тамъ жили братья Лихуды. Въ письмѣ къ Федору Апраксину, 10 октября 1707 г., царь писалъ: «господианъ адмиралъ! При семъ посланы къ вамъ двѣ книги на латинскомъ языкѣ, которыя изволь послать въ Новгородъ къ старцамъ Лихудевымъ, чтобъ они перевели на славенскій языкъ ¹⁾».

Какія именно были это книги, неизвѣстно. Знаемъ только, что братья Лихуды занимались, по приказанію царя, переводами не только религиозныхъ, но и свѣтскихъ книгъ. Такъ въ кабинетныхъ бумагахъ 1700 и 1701 годовъ (II, № 1, л: 290—300) есть переводъ этихъ грековъ съ итальянскаго языка Сигизмунда Альбегерта объ артиллеріи и способахъ побѣдить турокъ на морѣ. Въ Новгородѣ же, Лихуды, а равно и другіе переводчики, находившіеся подъ надзоромъ митрополита Іова, писали духовныя сочиненія (перечисленіе ихъ можно найти въ статьѣ г. Чистовича въ журн. «Странникъ», 1861 г. кн. 2, «Новгородскій митрополитъ Іовъ»), трудились надъ переводами религиозныхъ книгъ, наконецъ писали витѣватыя привѣтствія царю или царевичу отъ имени м. Іова.

Послѣдній, 20 ноября 1706 года, писалъ къ Петру Великому: «понеже глаголють философи, яко ad exemplum regis totius componitur orbis, сирѣчь прикладомъ царя весь міръ составляется, и азъ, смиренный и грѣшный архіерей, въ твоихъ богоугодныхъ дѣлѣхъ, до Бога благочестіе изъясляющихъ, подражая тебѣ, желаю благоугодити Богу

¹⁾ Дьял. П. В. Голшова, XIV, 516.

творцу и создателю моему и тебѣ, ко мнѣ благоутробившему моему монарху, — создахъ здѣ въ Новѣградѣ о вашемъ здравіи и спасеніи и благомъ состояніи, единъ седмосвѣтлнчннй свѣтильникъ, непрестанно горящій предъ божественнымъ престоломъ блаженныхъ и трипостасныхъ Троицы: се есть 4 больницы и едино страннопріятилище убогихъ и требующихъ, толнко здѣшнихъ, елико и приходящихъ рабовъ, съ службы собирающихся отсюда и оттуду, полумертвыхъ, лежащихъ на распутіяхъ града и за градомъ въ дальности. Между сими и двѣ школы на славенскомъ и еллинскомъ діалектахъ, въ нихъ же учениковъ донынѣ яко сто и мало еще. Въ будущее же и латински преподадутся науки хотящимъ. Питаются же всѣ милостію божіею и твоею царскою, ею же ты, великій государь, помилвалъ мя еси.

«Къ симъ, великій монарше, еще едино намъ недостаетъ, по словеси господню къ богатому оному, вопросившему его: Господи, что сотворю, да жизнь вѣчную наслѣдствую? Что же сіе? Древній завѣтъ на славенскомъ діалектѣ зѣло погрѣшно претолковася, и вся Россія желаетъ сей видѣти по всему самореченный подобный греческому древнему завѣту. Повели, великій государю, сущимъ нынѣ при мнѣ учителямъ Іоаннкію и Софронію Лихудевымъ, сему быти желающимъ, и имъ по нашему желанію сіе богоугодное дѣло исполнити. По семъ же и нѣкія богословскія книги, присланныя святому твоему царствію отъ блаженвѣйнаго патріарха Досифеа іерусалимскаго претолковати, яже ни въ коей же странѣ міра обрѣтаются, и даны патріаршу ризничу, да очищаетъ я часто отъ согнтія. Тѣмъ же убо молю милость царскаго твоего величества, да повелиши прислати мнѣ печать (то есть типографскія принадлежности) Семеона Полоцкаго, лежащую въ верхней типографіи...¹⁾

Въ декабрѣ 1707 г., м. Іовъ послалъ въ Москву одного изъ братьевъ Лихудовъ — Софронія и просилъ царя дозволить ему взять на нѣкоторое время лекціонъ Елифанія Славинецкаго, также нѣкоторыя книги и, наконецъ, станы и типографскія принадлежности бывшей верхней типографіи, но его посланный былъ удержанъ въ Москвѣ и, несмотря на всѣ просьбы Іова, къ нему возвращенъ не былъ и оставленъ тамъ для преподаванія въ школахъ.

14 апрѣля 1715 года, новгородскій святитель писалъ къ царю, что Досифей, іерусалимскій патріархъ, прислалъ въ 1683 г. въ Москву книгу архіепископа ессадонитскаго Симеона, вмѣстѣ съ послѣдованіемъ церковнымъ Марка, ессскаго митрополита, для перевода ихъ съ греческаго на славенскій языкъ: «и отъ убо претрудившагося и преселнаго въ вѣчный покой преведшеса святая сія книга съ греческаго діалекта, положися впростѣ безъ исправленія, ниже собранъ прочтеса и освидѣтельствовася за разными препятствіями, особен-

¹⁾ Каб. дѣла, П, № 5 л: 575—576.

но же за смертью патріарха Іоакима и немощами его преемника Адриана. «Но божію благоволившу промыслу, въ сихъ лѣтѣхъ желательнѣйшимъ ми онисканіемъ стяжася сія новопреведенная книга въ Новѣградѣ, въ домѣ самопремудрости Бога къ преписанію, въ ней же и нѣкая въ реченіяхъ погрѣшенія бывшая отъ преждеписателей нынѣ чрезъ искусныхъ и вѣдущихъ обонхъ языковъ реченія обрѣтающихся въ Новѣгородѣ учителей и переводниковъ, по возможности, исправляшася... почему Іовъ и просилъ Петра Великаго приказать вновь пересмотрѣть переводъ и издать его въ Петербургѣ.

При этомъ письмѣ приложена слѣдующая любопытная цыдулка: «господинъ іеромонахъ Лихудьевъ, который у насъ въ Новѣградѣ въ домѣ обрѣтается всякаго чина дѣтѣмъ учителемъ, нынѣ при совершенной старости уже за 80 лѣтъ, началъ быти малодушенъ: книги, которыя у него богословскія и философскія и исторіи древнія на разныхъ языкахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя отсылаетъ къ Москвѣ, а оныя отдаетъ пріѣзжающимъ грекомъ, нѣкоторыя жъ здѣ продаетъ за малую цѣну: которыя книги зѣло-зѣло надобныя здѣ православно росойскій церкви и для совершеннаго извѣщенія древле бывшихъ временъ, дѣйствъ и обхожденій всякихъ царскому самодержавному величеству, а возбранить азъ ему о семъ зазираюсь, опасаяся на себя олома. Благоволи пожаловать (обращеніе къ кабинетъ секретарю Макарову) доложить до царскаго величества, дабы повелѣлъ мнѣ послать кого удобно и переписать оныя книги именно, и до конца жизни его приказать мнѣ беречь накрѣпко, чтобъ совершенно и вси достальныя у него книги не истратились и не изгибли туе весьма. Добрѣ бы было, аще бы царское величество указомъ не повелѣлъ пуцати мнѣ къ нему всякаго чина грековъ и другихъ иноземцовъ, кромѣ самыхъ высочайшихъ, знатныхъ и честнѣйшихъ особъ, или пожаловалъ бы пресвѣтлое царское величество повелѣлъ мнѣ съ Москвы взять другаго брата его, іеромонаха Софронія, съ книгами къ нему Іоаникію, въ помощь ученія въ домъ нашъ по прежнему ¹⁾»...

Іеромонахъ Симонъ Кохановскій, о которомъ не осталось никакихъ біографическихъ извѣстій, перевелъ съ латинскаго одно произведеніе Юста Липсіа. Сохранилось также въ рукописи слово Кохановскаго, произнесенное имъ въ Ревелѣ въ 1720 г. и о которомъ будетъ сказано ниже въ главѣ XV.

Юстъ Липсіі (1547—1606) былъ извѣстенъ тѣмъ, что зналъ всего Тацита наизусть такъ, что предлагалъ желающимъ слушать его чтеніе безъ книги и наказывать его ударомъ шпаги за каждую, сдѣланную при томъ ошибку. Онъ написалъ множество сочиненій по разнымъ наукамъ, и изъ нихъ одно перевелъ на русскій Кохановскій подъ заглавіемъ: «Увѣщанія и приклады политическіе, отъ различ-

¹⁾ Каб. дѣла II, № 24, л. 182, 183 и 185.

ныхъ историковъ Юстомъ Липсіемъ на латинскомъ языкѣ собранные, а нынѣ тѣченіемъ и трудами іеромонаха Кохановскаго русскимъ языкомъ написанные лѣта 1721 ¹⁾». Въ началѣ есть:

«Предисловіе къ читателю. Увѣщанія и приклады политическіе о различныхъ вещехъ, отъ различныхъ историковъ греческихъ и латинскихъ Юстомъ Липсіемъ во едино на латинскомъ языкѣ собранные, потщался русскимъ языкомъ написать, ради общія пользы неумѣющихъ языка латинскаго. Всякому убо, хотящему чести ои мои малые труды, сіе прежде чтенія подобаеъ вѣдати, что я, пишуци оныя увѣщанія и приклады, не вездѣ смотрѣлъ на латинскія слова Юста Липсія, но точію смотрѣлъ на силу исторіи, чтобъ исторія русскимъ языкомъ была истинна, ясна и всякому вразумительна. А то для того, что помянутый авторъ нѣкая увѣщанія и приклады латинскимъ языкомъ написалъ кратко, да темно и вельми скрытно, а мнѣ, ради объясненія разума исторіи, нужда была тую самую вещь пространнѣйшими словами писать и нѣкія нужнѣйшія окрестности изображати. Вопреки, нѣкія онъ исторіи написалъ по широко, да темно же, а мнѣ возмнилось оныя сократити и объяснить. И пакы нѣкія, мнящіяся быти не вельми потребныя, судялося мнѣ за благо, отъ числа прикладовъ отлучити, а на мѣсто ихъ другія нужнѣйшія въ приличной матеріи отъ Тита Ливія прилучити ²⁾. Убо вѣдати подобаеъ доброхотному читателю, что я въ переводѣ семъ не порабощенъ былъ помянутаго автора штилю, но едино служилъ истинѣ, чтобъ ниже мала была измѣненна сила и истина исторіи, того ради сіе предвозвѣщаю въ преддверіи послѣдующихъ повѣстей, дабы кому не дивно было, что не слово въ слово переведеы; но омотрѣлъ бы, что самая истинная сила исторіи неизмѣнна есть».

Въ 1740 г., при производствѣ слѣдствія надъ кабинетъ-министромъ Волинскимъ, одинъ изъ его людей, Василій Кубанецъ на допросѣ ³⁾ «признался, что имѣеть нѣчто объявить, но не можетъ иначе, какъ лично самой императрицѣ. Въ тотъ же день данъ ему именный указъ, чтобы онъ сіе обстоятельство написалъ и запечаталъ для доставленія ея величеству (императрицѣ Аннѣ). Важнѣйшее содержаніе сего пакета состояло въ показаніи, что Волинскій имѣеть у себя

¹⁾ Ркп. П. б. П, F, № 48 на 172 л.; нач. въ похвалѣ исторіи «Сугубая вина... — текста: «Яко же зяждущій... Въ 1-й кн.—8 главъ, во 2-й—20.

²⁾ Произведеніе Тита Ливія былоу насъ также переведено при Петра Великомъ; 19 мая 1722 г., Гавриилъ Бужинскій писалъ къ кабинетскому секретарю Макарову: «а что благоволялъ благородіе ваше писать о Тита Ливія книгѣ, дабы оную напечатать, и за оною послали въ Питербурхъ курьера, которую, получивъ, охотно примемъ за дѣло... Но, 23 августа 1722 г., синодъ представлялъ царю: «вашему величеству всепокорно объявляемъ: которыя по именному вашего величества указу книги Тита Ливія повѣляю, выправить, напечатать, то тѣ по нашему усмотрѣнію явились къ печатанію весьма неудобны, понеже переводъ ихъ зѣло несправенъ и требуетъ ко исправленію и труда многоаго и времени довольноаго... (Каб. дѣла, П, № 61 и 62, л: 102, 107.

³⁾ Выписки эти сдѣланы изъ Чтеній московск. общества исторіи, кн. 2, 1858 г., смѣсь, стр. 147 и слѣд.

рукописную книгу Юста Липсиа, которую хотѣлъ сжечь, но не успѣлъ, и что онъ описанія въ ней Клеопатры и Мессалины примѣнялъ ко всему женскому полу и смѣясь сказалъ: «Эта книга не нынѣшняго времени читать»... Волинскій на это обвиненіе отвѣчалъ: «что не онъ одинъ имѣлъ у себя эту книгу, но и другіе: кн. Алексѣй Черкасскій на латинскомъ языкѣ, а покойный гр. Апраксинъ въ русскомъ переводѣ, съ чего и давалъ списать копіи покойному же кн. Ивану Бяратинскому и ему, Волинскому; что Кубанецъ могъ дѣйствительно отъ него слышать, что эта книга не нынѣшняго времени, ибо въ ней весь женскій полъ представленъ непостояннымъ, и хотя веселое лицо кажется, но и гнѣвъ въ сердцѣ таитъ, для того—то онъ и хотѣлъ ее сжечь, опасаясь, чтобы ея величество не изволила причестъ къ себѣ, потому что также изволить показывать персону милостивую, а потомъ за то же гнѣваться»... Далѣе оказалось, что Волинскій читалъ изъ Липсиа одно мѣсто объ Іоаннѣ, королевѣ неаполитанской, примѣняя его къ современнымъ событіямъ въ Россіи. Въ обвинительномъ актѣ о Волинскомъ въ третьемъ пунктѣ помѣщено «питалъ на ея величество злобу и уподоблялъ ее описанной въ Юстѣ Липсиа королевѣ».

Переводы по приказаніямъ Петра у насъ извѣстны отъ дѣтскихъ почти его лѣтъ, такъ напр. въ И. эрмитажѣ ¹⁾ есть прекрасная рукопись, съ отчетливо нарисованными тушью чертежами, подъ заглавіемъ: «Художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя, издателямъ Іосифомъ Бойлотомъ Лангрии изобрѣтенныя. Съ французскаго переведены на нѣмецкій языкъ Яганомъ Бранціемъ. Печатано въ Стразбургѣ 1603 г., по числу російскаго счету 7111 году. А по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, переведено съ французскаго и нѣмецкаго языка на русскій языкъ 7193 (1685) году¹⁾».

Изъ посланныхъ въ первый разъ за границу русскихъ столяниковъ (1697 г.), двое, учившихся въ Венеціи, именно кн. Долгорукій (ихъ было двое: Владиміръ и Григорій, кто изъ нихъ переводилъ — неизвѣстно) и Петръ Толстой занимались переводами. Такъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть рукопись съ чертежами (по кат. № 258), подъ заглавіемъ «Архитектура цывильная выбрана изъ палладіума славнаго архитектора и изъ иныхъ многихъ архитекторовъ славныхъ, отъ математика и архитекта Кашпара Вркля, писана въ Венеціи лѣта 1699, мѣсяца сентября, ученіемъ и тщаніемъ будучи тамо господина князя Долгорукова, а по русскому календару 7206».

¹⁾ № 83, полка 3, въ Г, нач: «Ежели чить челоувѣческаго ома... Тамъ же есть познатѣйшій переводъ: «Извѣстное описаніе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ изобретовъ, какъ къ потѣшнымъ, тако и воинскимъ «ейзерверкамъ различныя составы сочинить, переведено сего 1700 г.» Въ 4°, нач.: «И во первыхъ составъ ошадныхъ».. (Ж 69, полка 2).

Извѣстный въ исторіи Петра, Петръ Андреевичъ Толстой трудился также надъ переводами, и это видно изъ двухъ синодальныхъ дѣлъ ¹⁾: въ 1727 г., директоръ петербургской типографіи Абрамовъ приходилъ въ синодъ съ объявленіемъ, что «дѣйствительный тайный совѣтникъ, гр. П. А. Толстой приказалъ ему требовать, дабы взятыя въ святѣйшій синодъ для исправленія три книги дестевыя, называемыя *Метаморфосеосъ*, т. е. превращеніе, Овидіемъ описанныя и рукою его графскою писанныя, прислать къ его сіятельству... Въ П. б. есть рукописный переводъ *Превращеній Овидія*, въ четырехъ книгахъ ²⁾, но безъ указанія имени переводчика; по почерку и слогу рукопись эту можно отнести къ началу XVIII столѣтія. Чтобы имѣть понятіе объ этомъ переводѣ, помѣщаемъ здѣсь выписку изъ первой повѣсти III книги.

«Богъ Юпитеръ, уже самъ съ себя скинувъ образъ быка льстиваго, явилъ свой сущій образъ и обиталъ на дикостейскихъ поляхъ ³⁾. Егда же Агеноръ царь, не вѣдая, что дочь его похитилъ Зевесъ, велѣлъ Кадму, сыну своему, оную искать и зѣло грозно ему наказалъ, глаголя: ежели не найдетъ, то изгнанъ будетъ. Но одно дѣло Агенора добрымъ и злымъ ⁴⁾ сотворило: понеже сынъ его, весь свѣтъ обходя (кто бо можетъ хищеніе Зевесово знати?), не нашель; того для ко отечеству, убоявся наказу отцовскаго, не возвратился и отъ отцова гнѣва убѣжалъ. Потомъ умыслилъ къ Фебусову капищу пойти ⁵⁾ прося совѣту, въ которой земли повелитъ житіе ему устроить. Совѣтывалъ ему Фебусъ: корова тебѣ, въ ярмѣ не ходящая и криваго плуга никогда же знающая, на поляхъ встрѣтится — вслѣдъ той иди, а гдѣ станетъ, тамъ стѣны и градъ себѣ построитъ и Беотією назови. А какъ Кадмъ вышелъ изъ пустыни касталійской ⁶⁾, узрѣлъ абіе корову, тихо ядущую, никакихъ на шеѣ знаковъ ярма не имущую, поиде скоро за нею въ слѣдъ, хвали тайно Аполлина, еивейскаго вожда. А какъ уже и броды прошелъ кеенсійскіе ⁷⁾ и широкія поля панопійскія ⁸⁾, корова стала, лобъ же свой подняла вверхъ къ небеси на воздухъ,

¹⁾ 1727 г. № 5, 1728 г. № 1.

²⁾ XVIII, Q. № 4, съ двумя рисунками тушью, объясняющими сказаніе Овидія о созданіи. Передъ каждою главою содержаніе ея, названное перечнемъ. Нач. перечней: въ 1-й кн. «Слѣхоторецъ послѣдуа», 2-й «Вазтовъ Эпафомъ обезвещень», 3-й «Кадмъ Агенора», 4-й «Притворонъ казини». Нач. текста 1-й кн. «Прежде даже», 2-й «Палата Солнцева», 3-й «Богъ Юпитеръ», 4-й «Алкивное дщере... Превращенія Овидія, переводъ съ польскаго, въ 12 книгахъ есть въ Моск. синод. бібліотекѣ подъ № 809.

³⁾ Дикостейскія поля суть критскія: Дикте есть градъ на островѣ критскомъ.

⁴⁾ Добрый — что велѣлъ потерянной дочери искать, злой — что изгнаніемъ претилъ, если сестры не найдетъ.

⁵⁾ Ко образу Аполлина, которому тогда и домъ въ пустыни касталійской поставленъ, — отъѣзды творилъ вопрошающимъ.

⁶⁾ Касталія есть источникъ, исходящій изъ горы Парнаса; тамъ же и вертевь такъ называемый.

⁷⁾ Кеенсъ — рѣка въ Беотіи.

⁸⁾ Панопе — градъ въ Фессаліи.

зарычала и на товарищей, вслѣдъ себя грядущихъ, оглянулась и легла между мягкою травою. Кадмусъ, сынъ Агеноровъ, то видя, богомъ благодареніе воздастъ, и незнаемую землю усты своими цѣлуетъ и незнаемымъ полямъ и горамъ поздравляетъ. Восхотѣвъ же Зевесу жертву сотворить, послалъ рабовъ своихъ до источниковъ особыхъ, чтобъ отстудя живыхъ водъ на жертву взяли. Тамо при тѣхъ источникахъ стоялъ лѣсъ, котораго никто не дерзалъ рубить, а тамо въ лѣсу была яма, хвостомъ въ срединѣ оплетена, и глубоко отъ каменной текли живыя и здравыя воды. Тамо живяше лютый змій марсовъ ¹⁾ никому незнаемъ: ущедренъ былъ весь златыми пестринами и очи его горѣли огнемъ великимъ, а тѣло наполнено ядомъ вредительнымъ, и изъ челюстей показывались три языка, а въ чедюстяхъ тремя рядами стояли смрадные зубы...

Толстой переводилъ также съ итальянскаго книгу, озаглавленную въ русскомъ переводѣ: «Исторія о настоящемъ управленіи турецкой имперіи». Въ 1724 г., она въ рукописи передана была въ синодъ для напечатанія, по исправленіи правописанія. Въ 1725 г., послѣ уже смерти Петра Великаго, приступлено было къ печатанію этого перевода въ числѣ 1200 экз. Въ 1727 г., гражданскія литеры изъ петербургской типографіи переданы въ академію наукъ, и книга осталась недопечатанною. Въ 1736 г., синодъ распорядился отослать неоконченные листы въ академію наукъ.

Сохранился еще трудъ Толстова, также въ рукописи: «Списокъ со отписки и со описанія, каковы посланы къ великому государю изъ Константинополя отъ посла, ближняго стольника и намѣстника алаторскаго, Петра Андреевича Толстова 1707 году, февраля въ 24 день» ²⁾.

Здѣсь находится подробное географическое и статистическое описаніе воѣхъ городовъ и поселеній турецкихъ владѣній по берегамъ Чернаго моря. Въ началѣ посвяtitельное посланіе къ Петру Великому: «Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, государь всемилостивѣйшій! Молю творца всяческихъ Бога, да сохранитъ здравіе твое государское долголѣтно во всякомъ благополучіи и да умножитъ процвѣтати, преславно сія къ славъ твоей государской по воѣмъ частямъ свѣта; и дѣла твои государскія всякимъ благолѣпиемъ оугубо и многокрасно да вѣнчаетъ по своему божественному хотѣнію! — Извѣстную тебя, великій государь, нижайшій рабъ твой, еже будучи я при дворѣ салтанови величества турецкаго, между иными твоими, великаго государя, дѣлами, получилъ вѣдомость о посе-

¹⁾ Змій, котораго Марсъ имѣлъ вмѣсто своего, который двѣ небесныя колесницы дѣлать. Приравниваетъ стихотворецъ величїю того змія земнаго къ змію небесному, который есть изъ звѣздъ изображенъ между вазами небесными.

²⁾ Ркп. П. б. IV, Ф, № 133, на 138 л. текстъ: «Въ началѣ подобаетъ. Описаніе ея въ Москов. вѣдомостяхъ 1859 г. № 214.

леніяхъ по берегамъ вокругъ Чернаго моря и о портахъ, которыя на томъ же Эвксинскомъ Понтѣ обрѣтаются, и то все съ размѣреніемъ миль итальянскихъ (которыя мнѣ мѣра свѣдома) описалъ, колико возможность допустила, подѣ сею моею отпискою ко твоему пресвѣтлѣйшему монаршему величеству послати дерзнулъ, чтобъ тебѣ, великому государю, и твоему царскому величеству было извѣстно: еже мѣста и порты по берегамъ Эвксинскаго Понта, такъ во Азіи, какъ и во Европѣ описанныя на картахъ географическихъ, имѣютъ во именованіяхъ своихъ нынѣ въ настоящемъ времени съ турецкими именованіями различіе, отчего употребляющимъ тѣхъ картъ, знающимъ же достоверно нынѣшнія турецкими именованіями имена прибрежныхъ мѣстъ и портовъ, припадаетъ вѣкакое сумнительство. Отчего и я, убогіи рабъ твой, къ подъятому малому труду подвижимъ и припадаю предѣ твоимъ государскимъ, превысочайшимъ престоломъ, касаюся мысленно предражайшихъ твоихъ монаршескихъ ногъ отопамя, изливая убогое и недостойное мое моленіе, да благопріятна будетъ малая зѣло сія моя работишка превеликому твоему государскому, челоуколюбному благосердію. Низжайшій и убогіи рабъ Петръ Толстой».

Въ рукописяхъ казанскаго университета есть описаніе путешествія Толстова по Европѣ, когда онъ былъ посланъ за границу въ первый разъ, въ 1697 г., о чемъ говорено было уже выше. Жизнь Толстова, какъ и многихъ современниковъ Петра, полна драматическихъ событій: замѣшанный въ стрѣлецкихъ бунтахъ, онъ однако избѣгъ участи своихъ товарищей, благодаря родству съ Маршою Матвѣевою изъ рода Апраксиныхъ, второю супругою царя Федора Алексѣевича, сдѣлался потомъ приближеннымъ къ царю, былъ главнымъ производителемъ розысковъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, получалъ графство и важныя чины; при Екатеринѣ попалъ подѣ судъ и умеръ въ заточеніи. Бергкольтъ въ своемъ дневникѣ замѣтилъ про Толстова, что онъ былъ челоукъ пріятливый и пріятный, хорошо говорилъ по итальянски, а родомъ грекъ, давно обжившійся въ Россіи. Н. И. Панинъ, воспитатель великаго князя Навла Петровича рассказывалъ: «случалось, когда государь Петръ Великій въ компаніи подвеселится, то снявши съ Толстова парикъ и нолотя его по плыши, говаривалъ: «голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно бѣ я отрубилъ тебѣ вельбѣ!»¹⁾

Въ 1708 г., октября 24, царевичъ Алексѣй писалъ къ Петру: «книги Борису Волкову, Ивану Зотову, Шиллингу переводить отдалъ,

¹⁾ Записки Порошина, стр. 20. О Толстомъ есть подробности въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г., июнь, книжка I; стр. 319—346.

также и чертежъ Пикарту отдалъ же и приказалъ, чтобъ они ою немедленно дѣлали»¹⁾. Это было писано въ тотъ самый годъ, когда у насъ стали печатать гражданскимъ шрифтомъ и явилось нѣсколько печатныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ.

Шиллингъ Венедиктъ былъ изъ шведскихъ плѣнныхъ и служилъ переводчикомъ въ посольскомъ приказѣ. Съ его именемъ сохранилась въ П. библиотекѣ²⁾ рукопись: «Переводъ съ голландскаго языка о разореніи астраханскомъ чрезъ Стеньку Разина. 1701 переводилъ ноземецъ Венедиктъ Шиллингъ». Чтобы имѣть понятіе, въ какой степени владѣлъ этотъ переводчикъ письменнымъ русскимъ языкомъ, представляемъ здѣсь краткую выписку изъ его перевода: «Стенька Разинъ, воспріемши государеву милость, на Донъ поѣхалъ и съ нимъ пошла много русскихъ людей: иныхъ де онъ великимъ общаніемъ, иныхъ деньгами и дарованіемъ къ себѣ приласковалъ. Въ Астрахани, чрезъ улицу ходя, людямъ золотыхъ бросалъ, тѣмъ же онъ многихъ государевыхъ служивыхъ людей къ себѣ привлекъ. Воевода, бояринъ кн. Иванъ Семеновичъ Прозоровской, о томъ вѣдя, капитана Ведераса къ Стенькѣ послалъ и ему сказать велѣлъ, чтобъ онъ государевыхъ людей тотчасъ отдалъ, и то отрицаячи, снова быть въ государевой опалѣ и гнѣвѣ. Капитанъ, повелѣніе свое управляя, не много что его саблями на части не срубили. Стенька такіи ему отвѣтъ далъ: какъ ты мнѣ смѣешь такое недостойное прошеніе предложить, чтобы азъ пріятелей моихъ, которые добровольно со мною ходятъ, измѣнилъ? И, сверхъ того, грозилъ мнѣ государевою не милостію! Скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро къ нему приду, и тогда увидимъ, кто мнѣ укажетъ. Онъ мнѣ, яко холопу своему, повелѣваетъ хочеть и меня уничтожая безъ чести воздаянія въ Астрахань принять.... Въ 1711 г., этому Шиллингу поручено было «исторію о поведеніи всея нынѣшняи войны, которая содержится между російскими, польскими и овейскими войсками съ начала той войны до нынѣшняго времени сочинить», для чего, кромѣ пространныхъ вѣдомостей изъ посольскаго приказа, къ нему были посланы печатныя вѣдомости (1703—1711) и 4 журнала³⁾.

Въ царствованіе Петра, у насъ было два Волковыхъ, получившихъ воспитаніе за границею. Одинъ Борисъ, о которомъ упоминается въ письмѣ царевича Алексѣя. Въ обоихъ изданіяхъ Словаря м. Евгенія онъ смѣшанъ съ Волковымъ, переводчикомъ академіи наукъ, и печатавшимъ свои труды въ 60 и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. О переводческой дѣятельности Бориса Волкова петровскихъ временъ видно изъ слѣдующей его просьбы, поданной 24 декабря 1720 года:

¹⁾ Письма царевича Алексѣя, изд. Мурзакевичемъ, Одесса, 1849 г. стр. 50.

²⁾ Q, IV, № 71.

³⁾ Исторія царств. Петра Великаго, г. Устрялова I, 315—316.

«Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Вашему царскому величеству служу я въ переводчикахъ съ 1704 года и, кромѣ канцелярской работы, перевелъ я съ французскаго языка на российский, по именному вашего величества указу, осмь книгъ: 1) о географіи; 2) о войнахъ греческихъ и римскихъ; 3) о ординахъ кавалерскихъ, 4) о корабельномъ плаваніи на рѣкахъ, 5) о морскомъ учрежденіи, 6 и 7) объ артиллеріи, 8) о садовничествѣ часть 1-я. Отъ которыхъ книгъ 2, 3 и 4-я уже и давно напечатаны, а 6 и 7-ю велѣно печатать. Еще же писалъ я съ г. барономъ Гюйсеномъ исторію вашего величества полтора года и, кромѣ всѣхъ оныхъ трудовъ, былъ я у дѣлъ вашего величества въ Берлинѣ три года притайномъ совѣтникомъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ. А годоваго окладнаго жалованья вашего величества получаю я токмо по 200 по 30 рублей на годъ, и не токмо въ приказъ, но и за квартиру, живучи здѣсь, никогда мнѣ ничего не давано, за которую квартиру выдалъ я по сіе число въ разные времена по счету больше 180 р.; а моей братьѣ нѣкоторымъ за квартиру плачивано и прибавки къ окладу ихъ коемуждо по заслугѣ чинятся; а нныя изъ нихъ за труды свои переимены чинами и нную многую вашего величества царскую милость получили.—Всемилоствѣйшій государь, прошу вашего величества къ оному годовому окладному моему жалованью, взирая на толикіе вышепомянутые мои труды, всемилостивѣйше повелѣть мнѣ учинить прибавку, ибо кромѣ онаго вашего, великаго государя, жалованья никакого прибытку мы, переводчики государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не имѣемъ. Вашего царскаго величества нижайшій рабъ Борясъ Волковъ, государственной коллегіи иностранной переводчикъ. Въ Санктпетербургѣ»¹⁾

Съ подписью этого переводчика есть рукописный переводъ изъ французскаго сочиненія *L'Etat présent de la Suède* всѣхъ непризнанныхъ о Россіи отзывовъ—рукопись въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подъ № 193, писана 26 сентября 1720 г.

Другаго Волкова звали Григорьемъ: отецъ его Иванъ, дьякъ по-сольскаго приказа, въ 1698 г. просилъ царя, чтобы сына отправить учиться медицинѣ въ падуанскій университетъ. Петръ согласился на такое ходатайство, и Волкову на заграничное содержаніе велѣно выдавать по 1000 ефимковъ изъ смоленскаго приказа. Хотя въ грамотѣ на проѣздъ говорилось: «*Notum facimus quod ex nostra tzareae majestatis voluntate dimissus est aulicus noster generosus Gregorius Ioannis filius Wolkov Venetias versus propter finiendas Liberales Artes in Academiam Patavianam*», однако въ указѣ, данномъ при отъѣздѣ, сказано, что Григорій Волковъ посланъ въ Италію для докторской науки²⁾.

¹⁾ Изъ бумагъ моск. архива министерства иностр. дѣлъ.

²⁾ Рихтера, *Ист. медц.* II, 328, 329 и прил. 154.

Веберъ, рассказывая о переводахъ, сдѣланныхъ по приказанію царя, сохранялъ любопытное извѣстіе о смерти одного изъ этихъ Волковыхъ ¹⁾: «мимоходомъ вспомнить здѣсь, говоритъ Веберъ, объ одномъ русскомъ, по прозванью Волковъ (имени не означено), томъ самомъ, который былъ посланникомъ въ Константинополь, Парижъ и Венеціи. По возвращеніи въ Россію, царь задалъ ему огромную работу, именно переводить *Le jardinage de Quintiny* (въ приведенной выше просьбѣ Бориса Волкова видно, что онъ перевелъ одну часть сочиненія о садоводствѣ). Хотя Волковъ былъ человѣкъ очень способный, но все таки этотъ трудъ былъ ему не по силамъ: въ сочиненіи на каждомъ шагѣ попадались французскія техническія выраженія, совершенно неизвѣстныя въ русскомъ языкѣ. Отчаяніе овладѣло переводчикомъ и онъ, перерѣзавъ себѣ артерію, прекратилъ такимъ образомъ жизнь».

По этому случаю Веберъ глубокомысленно разсуждаетъ, что Волковъ отъ того посягнулъ на жизнь, что не владѣлъ въ достаточной степени стойческимъ хладнокровіемъ. Само собою разумѣется, что легко такъ разсуждать посланнику, занятому пирами и визитами, а бѣдный русскій переводчикъ рѣшился лучше умереть, нежели не выполнить приказанія ²⁾.

Иванъ Зотовъ, сынъ перваго учителя Петра, а потомъ и шута его, Никиты Зотова, извѣстнаго подъ именемъ его всешутѣйшества князь папы, учился во Франціи и, въ 1705 г., въ Парижѣ былъ употребляемъ при переговорахъ нашего посла гр. Матвѣева съ французскимъ министромъ маркизомъ де Торси. Въ сентябрѣ 1707 г., отецъ его писалъ къ другому брату Ивана, Конону: «братъ твой Иванъ, по изволенію великаго государя нашего, изъ Вѣны пріѣхалъ въ Варшаву сентября 4 числа и его государскую пресвѣтлѣйшую особу видѣть и милость получить сподобился благосчастно, и пребываетъ вкупѣ со мною при его государской милости». Въ 1723 г., Кононъ Зотовъ упоминаетъ уже о своемъ братѣ, какъ о покойникѣ, въ просьбѣ на имя адмирала гр. Апраксина: «Есть ли, или нѣтъ моихъ трудовъ предъ отечествомъ, о томъ надѣюсь изволите уже быть извѣстны, понеже и не въ мои прошедшіе годы ночи просиживать за книгами съ перомъ да съ бумагою есть скучно, которая еще и по нынѣ отъ меня не отъемлетя (въ 1723 г.). Будучи въ оной вышеупомянутой работѣ лишился быть при смертяхъ матери моей, отца моего и брата

¹⁾ Das veränd. Russl. II, 25, 26.

²⁾ У вышеупомянутого Волкова Бориса былъ братъ, который умеръ въ 1716 г. Перечли, 10 октября этого года, просьбу объ отпускѣ его въ Москву по «извѣстному, случившемуся намъ несчастію и несносной грустной печали». Брось въ письмѣ къ Макарову, 30 ноября, спрашивалъ: можно ли будетъ отпустить въ Москву транслятера Волкова по случаю смерти его брата, съ тѣмъ, чтобы онъ окончилъ одну, данную ему для перевода книгу, а вторую взялъ бы съ собою въ Москву? Каб. дѣла II, № 26, л. 211, 170.

Ивана. И для того мнѣ ни недвижимаго, ни движимаго можно сказать что ничего не досталось, а послѣ брата Ивана конечно хотя бы стелька въ полушку. Который приготовилъ было мнѣ десять тысячъ рублей, но прочіе такъ между собою исправно подѣлили, что трудно и конца сыскать; да мнѣ же преогорченному и не досугъ затѣмъ ходить»... Въ кабинетныхъ дѣлахъ (II, № 7, л. 935) сохранилось слѣдующее письмо къ царю Ивана Зотова, свидѣтельствующее, что онъ перевелъ на русской языкъ трудъ Блонделя, изд. при Петрѣ въ 1711 году:

«Всемилютивѣйшій государь! По указу вашему книгу о новой манерѣ укрѣпленія съ французскаго на славенскій языкъ перевелъ и, исправя по возможности моей, посылаю и покорно молю милостиво ее принять. Напоследокъ, предлагаю желаніе и респектъ, при которомъ чрезъ теченіе жизни моей пребываю вашего имперіальнаго освященнаго величества царя и государя всемилютивѣйшаго препокорный и нижайшій рабъ Иванъ Зотовъ. Изъ Москвы въ 12 день сентября 1708 года». Любопытно письмо, которое писалъ царь къ Зотову, 25 февраля 1709 г., о переводѣ его: «Г. Зотовъ! Книгу о фортификаціи Манира Блонделева, которую вы переводили, мы оную прочли и разговоры (такъ Зотовъ перевелъ французское слово discours) зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить оной фортификаціи дѣлать? также въ табелѣ не именовано, руты ли, или таузы? то зѣло темно и не понятно переведено, который листъ переправя, вклеилъ въ книгу, а старый вырѣзанъ. Притомъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе и невнятность, и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевести и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе¹⁾»....

О братѣ Ивана Зотова—Кононѣ, также занимавшемся переводами по порученію Петра Великаго, было уже говорено выше на стр. 155 — 162. Въ инструкціи, которую написалъ ему самъ царь при отправленіи его въ 1715 году во Францію упоминается объ учившемся за границей Суворовѣ, Васильѣ—отцѣ извѣстнаго нашего фельдмаршала: «Суворова и Туваркова отправить въ Морданъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани, и старыя починиваютъ и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли бѣ у тѣхъ фабрикъ учиться»....

Когда возвратился Суворовъ въ Россію—неизвѣстно, но у насъ былъ напечатанъ въ 1724 г. его переводъ «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, изд. отъ славнаго инженера Вобана». Книга эта за-

¹⁾ Дьял. Петра В. Голжова, IX, 19.

мѣчательна въ томъ отношеніи, что по ней Суворовъ училъ своего сына: «покойный батюшка, говаривалъ фельдъмаршалъ, перевелъ способъ Вобана съ французскаго на російскій языкъ, и при ежедневномъ чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей столь нужной и полезной науки»¹⁾).

Въ 1712 г., царь повелѣлъ сенату сдѣлать распоряженіе о переводѣ на русскій языкъ законовъ (правъ) европейскихъ государствъ, подъ надзоромъ помянутаго выше Андрея Виніуса; въ помощь къ нему былъ опредѣленъ Веселовскій (но который, Голиковъ не разъяснилъ: въ царствованіе Петра встрѣчаются имена трехъ братьевъ Веселовскихъ²⁾).

Неизвѣстно, что успѣли сдѣлать по этому распоряженію, только въ архивѣ московскомъ министерства иностранныхъ дѣлъ сохраняется (подъ № 164) рукопись «Ферриера Клавда о правахъ французскихъ, соч. 1679 г., а переведено перечнемъ... по указу его царскаго величества въ Москвѣ 1717 года».

Въ 1714 г., Петръ Великій писалъ къ московскому коменданту Измайлову: «Господинъ комендантъ! Посылается къ вамъ роспись шведамъ, которые умѣютъ по русски и которыхъ мы могли напечатать; но понеже ихъ болѣе того числа есть, того ради вездѣ провѣдай о нихъ я, собравъ околько возможно, пришли сюда, а дѣло ихъ то, что имъ переводить книги съ шведскаго на російскій языкъ». Въ росписи поименованы: Яковъ Ренигольдъ, Томасъ Витъ, прикащикъ у Строгонова, Венедиктъ Шиллингъ, переводчикъ посольской канцеляріи, Яганъ Вульфъ, учитель дѣтей вицегубернатора Корсакова, Пертеусъ, нарвскій торговый³⁾).

Въ 1715 г., Адаму Вейде поручалось за границей «ученыхъ и въправостяхъ искусныхъ людей, для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ, достать». Такое же предложеніе было сдѣлано и находившимся у насъ плѣннымъ шведамъ. Наконецъ, въ февралѣ 1716 г. повелѣвалось «послать въ Королевецъ человекъ 30 или 40, выбравъ изъ молодыхъ подъячихъ, для науки нѣмецкаго языка, дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были... робить добрыхъ и умныхъ, которые бы могли науку воспріять, а чтобъ были лѣтами отъ 15 до 20⁴⁾»....

Въ 1718 г., состоялось повелѣніе, чтобы въ коллегіяхъ введенъ

¹⁾ Анекдоты о Суворовѣ, изд. Фуксомъ, Спб. 1827. Нѣкоторыя подробности о Васильѣ Суворовѣ есть въ невольныхъ частяхъ Записокъ Болотова, которыя я видалъ у г. Краевскаго, также въ Автобіографіи Шеффера (Scheffer), лейпциг. изд. стр. 38, но здѣсь о дѣятельности Суворова въ царствованіе Елизаветы.

²⁾ Дѣян. П. В. V, 76, 82.

³⁾ Ibid. V, 229.

⁴⁾ Полн. соб. зак. V, № 2928, 2997.

былъ шведскій уставъ ¹⁾). По этому случаю юстицъ коллегія докладывала государю: «понеже значитъ на будущее время въ дѣлахъ необходимая трудность, что русскіе не имѣютъ еще переведеннаго на свой языкъ шведскаго устава.... и по той нуждѣ весьма надобно есть для нужнѣйшаго опредѣленія всѣхъ юстиціи дѣлъ, чтобы переведенъ былъ... уставъ шведскій по русски». Царь отвѣчалъ на это, что шведскій уставъ уже переведенъ по русски, а русское уложеніе есть на латинскомъ языкѣ, только надобно перевести на нѣмецкій новооставленныя статьи ²⁾).

Изъ отрывковъ писемъ Мусина Пушкина къ Поликарпову (въ трудѣ Голякова эти извлеченія сдѣланы чрезвычайно безтолково) въ продолженіи 1714 г. видно, что послѣднему безпрестанно подтверждалось о скорѣйшемъ окончаніи перевода какого-то лексикона. Такъ напр. 7 декабря, М. Пушкинъ писалъ: «Лексиконъ, для Господа Бога, поспѣшай; а царское величество изволилъ меня спрашивать про тебя, когда де онъ будетъ къ нему?... 2 января 1716 г., тотъ же далъ знать Поликарпову: «исторія твоя и лексиконъ хотя и не очень благоугодны были (Петру), но чрезъ стараніе и прошеніе мое нынѣ царское величество изволилъ приказать за оныя твои труды выдать тебѣ съ печатнаго двора 200 р...» Можетъ быть этотъ лексиконъ былъ большой историческій словарь Морери, который, по свидѣтельству м. Евгенія, переведенъ былъ въ 1716 г. отъ А до Н, просматривался Гаврииломъ Бужинскимъ и хранится въ бібліотекѣ синода ³⁾).

Въ описаніи заграничнаго путешествія (выше стр. 150—152) Бориса Петровича Шереметьева замѣченъ, какъ особенно любопытный случай, что въ бытность его въ Вѣнѣ въ 1697 г. на придворномъ вечерѣ, «цесарева (римская императрица) изволила присылать къ боярину Фрейлинъ своихъ двухъ, которыя умѣютъ говорить по чехскому, чтобъ онѣ съ бояриномъ разговаривали. И онѣ, пришедъ къ боярину, уклонясь, говорили, что показался-ли-де тебѣ сей цесарскаго величества чинъ? И бояринъ тотъ цесарскаго величества чинъ зѣло хвалилъ».

Пельцель, а также Юнгманъ сохранили преданіе, что въ 1698 г. Петръ Великій, проѣзжая изъ Дрездена въ Вѣну чрезъ Прагу, былъ угощаемъ тамъ чешскимъ дворянствомъ, которое было чрезвычайно довольно тѣмъ, что царь говорилъ съ ними по славянски: тогдашняя чешская знать еще не забыла своего роднаго языка, хотя нѣкоторые уже и начинали предпочитать ему нѣмецкую рѣчь. Къ сожалѣнію, преданіе объ угощеніи Петра въ Прагѣ тамошнимъ дворянствомъ не подтверждается несомнѣннымъ источникомъ, именно: современнымъ

¹⁾ Ibid. V, № 3197.

²⁾ Ibid. № 3202.

³⁾ Дѣл. П. В. V, 592, VI, 369; Слов. дух. пис. I, 80, 81.

статейнымъ спискомъ или журналомъ путешествія русскаго посольства въ Вѣну 1698 года. Отсюда узнаемъ, что послы, съ которыми находился и царь, прибыли къ Прагѣ 6 іюня передъ вечеромъ, «ѣхали сквозь городъ — и городъ великій, столица чехская. И стали за городомъ, въ корчмѣ кушали, и отѣхали 1 милю и, бывъ здѣсь 4 часа, поѣхали въ ночь ¹⁾»...

Около того же времени, сербо-лужицанинъ Френцель поднесъ Петру свои изданія при письмѣ, гдѣ говорилъ между прочимъ: «великое счастье приспѣло всей сасской (т. е. саксонской) землѣ увидѣть у себя того великаго царя, что управляетъ милліонами людей, говорящихъ нашею сербскою рѣчью».

По прїездѣ своемъ въ Вѣну, Петръ Великій, желая, помимо всякихъ австрійскихъ церемоній, увидаться скорѣе съ цесаремъ, просилъ, чтобы къ нему назначали придворнаго кавалера, разумющаго по славянски, и къ нему прислали богемскаго вице-канцлера, гр. Чернини. На придворномъ маскарадѣ, данномъ въ Вѣнѣ въ честь царя, за ужиномъ за стуломъ его стояли два благородные чехи ²⁾.

Замѣчательно, что у Петра Великаго проявлялась нѣсколько разъ мысль воспользоваться сродствомъ русскихъ съ западными славянами для осуществленія своихъ замысловъ касательно распространенія въ Россіи просвѣщенія и искусствъ. Мы еще будемъ имѣть случай говорить о желаніи царя имѣть въ Петербургѣ труппу актеровъ, которые бы знали по чешски и давали представленія, понятныя для русскихъ зрителей, а здѣсь сообщимъ нѣсколько извѣстій о прискиваніи царемъ переводчиковъ въ Прагѣ для перевода иностран-

¹⁾ Г. Устрялова, Исторія Петра В. III, 611.

²⁾ Г. Устрялова, Исторія Петра В. III, 125, 141 — 142. Приведемъ здѣсь краткіе факты, сообщеніемъ котораго обязанъ изслѣдователь В. И. Ламаискому. Чехъ Іоаннъ Купецкій славился въ началѣ XVIII столѣтія, какъ искусный живописецъ, и Петръ, увидавъ одну изъ его работъ, поручалъ своему посланнику въ Вѣнѣ пригласить къ нему Купецкаго въ Карлсбадъ. Живописецъ, наслышавшись и начитавшись разныхъ страховъ и ужасовъ о московскомъ царѣ, никакъ не соглашался на свиданіе съ Петромъ, и тогда послѣдній о присылкѣ къ нему Купецкаго просилъ самого цесаря. Фуэссли, другъ Купецкаго, рассказывалъ потомъ (Leben Georg Ph. Rugendas und Johannes Kupscki. Zurich, 1758, s. 26): Man sagte ihm (Kupesci), wie sehr der Czaar nach ihm verlange, und er sollte nicht erschrecken, wenn dieser Prinz beim Sitzen sein Gesicht auf eine Art verzöge, die jedem, der ihm nicht kenne, Schrecken einjage. Er ward, als er den Czaar mahlte, überzeugt, das die Russen Menschen seyen, die Seelen hätten. Sie sprachen Böhmisch mit einander, und seine Furcht verwandelte sich in Verwunderung. — Kupesci sagte mir oft, er habe gegen keinen Fursten jemals eine so heftige Neigung gefühlt, wie gegen den Czaar, und wenn es ihm seine Umstände erlaubt hätten, wurde er mit Freuden in seine Dienste getreten sein. Auch der Czaar behielt Hochachtung für ihn... Въ Публичной бібліотекѣ есть портретъ Петра Великаго, гравированный въ Нюренбергѣ съ портрета, будто бы написаннаго Купецкимъ. Мюллеръ въ Essai d'une bibliographie néerlandaise (p. 169) замѣчаетъ: le gra.^{eur} (?) Kupesky a fait le portrait du monarque en 1716 ou 17 pour une médaille en son honneur.

ныхъ сочиненій и о нѣкоторыхъ русскихъ, учившихся тамъ въ началѣ XVIII столѣтїя.

31 декабря 1715 г., царь писалъ къ Ягужинскому, чтобы онъ уведомилъ его, кто былъ авторомъ универсальнаго лексикона, который онъ читалъ, дабы я, прибавляя Петръ, могъ отписать къ Веселовскому (нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ), чтобы оный въ Прагѣ перевести, также экстрактъ (буде всего много) изъ юриспруденціи тамъ же бы перевести ¹⁾.

Не задолго до этого, Петръ писалъ къ Веселовскому: «Господишь Веселовскій! По полученіи сего старайся, дабы сыскать тебѣ въ нашу службу изъ шрейберовъ, или изъ иныхъ невысокихъ чиновъ изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской изъ бемчанъ, изъ шленцовъ или изъ моравцовъ, которые знаютъ по словенски, ото всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря (кромѣ духовныхъ), по одному человѣку; и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла (въ которыхъ коллегіяхъ они бывали) здѣсь основать. И какъ ихъ принцешь и станешь съ ними о жалованьи договариваться, то напередъ къ намъ пиши, по чемъ они будутъ просить. Такожъ сыщите книги: Лексиконъ универсалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Томаса Фрича ²⁾, другой Лексиконъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ искусства, которой выданъ въ Англии на ихъ языкѣ, и оной сыщите на латинскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ. Такожъ сыщите книгу юриспруденцію, и какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу и тамъ въ езуицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобъ они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, почемъ они возмутъ за работу отъ книги и о томъ намъ пишетежь. И понеже нѣкоторыя рѣчи ихъ несходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно. Петръ (последнее рукою царя). Изъ С. Петербурга въ 16 д. декабря 1715 г.

«Господишь Веселовскій! Письмо твое, февраля отъ 1 дня изъ Вѣны писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что ты нашелъ переводчика, который беретъ переводить три книги, а именно два лексикона и юриспруденцію за 300 ефимковъ, и чтобъ къ нему прислать въ помощь двухъ человѣкъ русскихъ, которые по латинѣ знаютъ; но какъ мочно видѣть, хотя бъ и помощники къ нему были присланы, и тѣ три книги ему одному съ ними трудно и долго-

¹⁾ Дѣяніе Петра Великаго, Голицова VI, 366.

²⁾ Въ Полн. собр. законовъ (V, № 2967), неизвестно почему, зотъ издатель названъ Симономъ. Здѣсь приведенное письмо списано съ подлиннаго.

временно будетъ переводить, а къ тому жь и послать, кромѣ кievскихъ чернцовъ, нѣкого, и для того по первому указу конечно къ іезуитамъ съѣзди въ Прагу не для только сего одного дѣла, что имъ помняутыя книги отдать переводить, но и о цѣнѣ договориться, дабы и впредь всякія книги, которыя понадобятся посылать переводить. А симъ дѣломъ начать и о томъ съ ними разговорись, что охотны ли они къ тому дѣлу явятся? За что мы имъ будемъ платить и, сверхъ того, для помочи имъ будемъ присылать изъ кievскихъ чернцовъ, сколько они пожелаютъ такихъ, которые по латинѣ знаютъ. А помняутому переводчику отдайте для пробы перевести какую нибудь книгу небольшую и, какъ переведетъ, пошлите къ намъ. Петръ. Изъ Данцига февраля 29, 1716 г.

«Г. Веселовскій! По полученіи сего, прищтите исторію Юлія Цесаря, чтобъ она была такова выхода, какъ въ приложенномъ при семъ реестрѣ (его нѣтъ нынѣ при письмѣ) написанномъ, и на латинскомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ, и пришлите къ намъ. Петръ. Изъ Данцига, марта 28, 1716 г.

Веселовскому же: «Monsieur! Письмо ваше до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что іезуитъ, который взялся переводить лексиконъ умре, и послѣ его нашли другаго исторіографа чешскаго, который хочетъ подъ надзираніемъ ректора Либертина ¹⁾ тѣ лексиконы въ годъ времени перевести за пять сотъ червонныхъ. И хотя сей дороже перваго, но когда безъ той цѣны переводить тѣхъ лексиконовъ не станеть, то велите ему переводить и за тое цѣну, ежели меньше не можетъ договориться. И для того нынѣ велѣли къ вамъ перевести изъ Гамбурха половину той цѣны 250 червонныхъ. Петръ. Изъ Пирмонта въ 8 д. іюня 1716 г.

Р. S. Такожъ старайтесь достать книгу лексиконъ Телниковъ (artium et scientiarum), которая выдана въ Англїи, и чтобъ она была на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, и отдайте переводить въ помняутый же (?) кляшторъ къ іезуитамъ, и о цѣнѣ съ ними за переводъ оной договорись. Ежели жь (паче чаянія) что на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ такой книги не сыщете, а можетъ быть что сыщутъ тѣ іезуиты и англійскаго языку переводчика, то купите и на англійскомъ языкѣ и пошлите туда, чтобъ переводили съ англійскаго на словенскій языкъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки этого письма, именно 11 апрѣля, Петръ Великій писалъ уже самъ къ Мусину Пушкину:

«Братецъ! каково письмо получилъ я отъ Веселовскаго, котораго посылалъ я въ Прагу для переводу книгъ, прилагаю копію при семъ, для чего выберите изъ чернцовъ или изъ свѣтскихъ двухъ добрыхъ

¹⁾ Нѣтъ Либертинъ былъ магистръ философіи и іезуитъ; его сочиненія на чешскомъ и латин. яз. перечислены Юнгманомъ.

латинниковъ и отправьте ихъ туды, и опредѣлите имъ жалованье и чтобъ они тамъ жили и не ѣздили назадъ безъ указа, хотя сѣи книги и переведены будутъ; понеже я непрестанно буду писать о переводѣ книгъ. Также двухъ придать имъ добрыхъ писцовъ подъячихъ или трехъ. Петръ.»

Мусивъ Пушкинъ, 3 октября 1716 г., сообщалъ кабинетъ секретарю Макарову: «По указу царскаго величества, въ Прагу для перевода книгъ посылалъ я къ Москвѣ, и велѣлъ взять изъ славяно-латинскихъ школъ учениковъ, которые умѣютъ по латинѣ изрядно и переводить могутъ, а особливо Ивана Воейкова и Ивана Ильинскаго, который живетъ при князѣ волошскомъ (Дм. Кантемиръ), по котораго посылали съ Москвы дѣ Комаричи къ князю (понеже въ то время былъ онъ тамъ); однакожъ князь его не отпустилъ и сказалъ, что царское величество приказалъ ему держать при себѣ. Чего ради посылалъ къ Москвѣ еще курьера и велѣлъ прислать изъ Спасскаго монастыря монаха именемъ Теофила Кролика, которыхъ я уже и отправилъ чрезъ Ригу до Праги и съ ними двухъ писцовъ; медленіе жъ сего учинилось за вышеозначенною причиною... 18 декабря 1716 г., Петръ Великій писалъ изъ Амстердама къ Мусиву Пушкину: «Вчера съ прѣхалъ сюды Авраамъ Веселовскій, которой сказываетъ, что переводчики двое, которыхъ ты отправилъ въ Прагу, еще не бывали, о чемъ насъ увѣдомьте: давно ли они посланы? И ежели только двое ихъ послано, то постарайтесь, чтобъ еще одного или двухъ сыскать и первымъ въ прибавку послать, и ежели на Москвѣ не сыщутся, то можно сыскать такихъ въ Кіевѣ изъ чернцовъ.»

О пребываніи въ Прагѣ Воейкова и Кролика сохранились извѣстія въ письмѣ перваго изъ нихъ къ Абраму Петровичу Веселовскому, 24 августа 1717 года:

«По изъявленіи крайнія наши нужды, которая ясно показана чрезъ три отъ насъ вашей милости предложенныя писанія, дерзаемъ еще краткою просьбою обновить о насъ обдержажей бѣдности, дабы въ такъ дальвей странѣ живучи, не оставлены были въ забвеніи и въ конечную не допущены были мизерію, понеже отъ насъ за вѣкъ и господу ¹⁾ нетерпѣливо платежа ожидаютъ и непрестанно съ неприличнымъ пореченіемъ говорятъ, чтобъ должное отдали. Такожъ приспѣло время, которое требуетъ дрова, свѣчи; еще жъ по состоянію повелѣннаго намъ дѣла, кромѣ иныхъ, имѣю нужду въ лексиконахъ и грамматикахъ, наипаче французскаго, италянскаго, гишпанскаго и англійскаго языковъ, зане же многія сихъ языковъ въ семъ дѣлѣ обрѣтаются рѣчи; и ежели ихъ писать просто, не изображая на нашъ языкъ или по латинскому и нѣмецкому слогу, то весьма будетъ затмѣніе въ дѣлѣ, понеже у нихъ существо въ сложеніи литеръ

¹⁾ Wikł, gospoda—слова польскія и чешскія: пища и гостиница.

великую имѣть разность. А мы не токмо на таковыя вещи, но ниже на чернило и перья ни единого крейдера не имѣемъ. О диспозиціи же нашей и помощи ничтоже слышимъ.

«А даннымъ намъ деньгамъ давно уже годъ минулъ, которыя еще прежде конца рочнаго ¹⁾ истожили, присовокупивше къ тѣмъ довольное число заемныхъ, чего ради въ томъ въ великую пришли турбацію, что всегда размышляемъ, дабы чрезъ наше въздѣшнихъ мѣстѣхъ бѣдное состояніе не стяжалось (что нежелаемъ) нашему государству какого пороку и сами, яко мухи, ни откуду помощи имуще, не угасли; понеже по всякій часъ ожидаемъ конечнаго изреченія, чтобъ заплатили за жилье и прокормъ прошедшій, а впредь ниже будутъ на стравъ ²⁾ держать, ниже господа давать, то намъ последнее будетъ горше первыхъ. Того ради, просимъ слезно, дабы впредь таковыхъ хотящихъ быть оказій чрезъ ваше милостивое вспоможеніе не въ замедленіи избавлены были и помощь, отъ насъ требуемую, со отвѣтомъ прізрительнымъ получили, чтобъ безъ всякаго порока государственнаго нашей мизеріи возмогли государево дѣло, назначенное намъ, приводить въ совершеніе»...

Въ слѣдующемъ 1718 г. марта 8, Веселовскій доносилъ царю: «Писали ко мнѣ опредѣленные въ Прагѣ переводчики Теофиль Кроликъ, да Леонтій (sic) Воейковъ, чтобъ мнѣ пріѣхать сюда дни на три для осмотра ихъ переводовъ и что хотятъ мнѣ объявить причины утратъ казны вашего величества. И я, по тому ихъ письму, прибылъ третьяго дня сюда и осматривалъ переводу съ повелѣнныхъ лексиконовъ ³⁾. И мнитсѣ мнѣ, что помянутые переводы малаго труда къ исправленію требуютъ, а именно Кроликовъ склоняется на кіевское знаменованіе языка, а Воейкова на славянскій. И объявили они мнѣ при томъ, что чешскій переводъ съ нѣмецкаго чинится напрасно, понеже Кроликъ примѣнился уже такъ къ нѣмецкому языку, что самъ съ онаго переводить безъ всякой трудности, не требуя чешскаго, понеже уже въ Россіи имѣлъ твердый фундаментъ того языка, а Воейковъ съ чешскаго переводить и всего разумѣть не можетъ, чего ради переводятъ ему съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. И тако за чешскій

¹⁾ Rosznu—годовой.

²⁾ Stawa—пшца, столъ.

³⁾ Какіе это были Лексиконы, положительно неизвѣстно. Въ синодальномъ дѣлѣ 1723 г. № 18 читаемъ: «его царское величество, 25 октября 1723 г., будучи въ домѣ генералъ фельдцейгмейстера и кавалера, графа г. Брюса, указалъ новопечатную на нѣмецкомъ діалектѣ книгу, именуемую Лексиконъ универсальный и историческій, каковъ у нѣкоторыхъ въ Россію прибывшихъ иноземцовъ купецкихъ людей обрѣтается, купить въ синодъ для исправленія прежняго, съ такового же Лексикона на славенскій діалектъ учиненнаго превода и ради совершеннаго, что не приведено до окончанія». По свидѣтельству Вебера, пражскіе іезуиты переводили для Петра Лексиконъ Будея—Budaei, grosses Lexikon; см. Das veränd. Russland I, 223.

языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ російскомъ государствѣ безъ многого иждивенія, и я принужденъ о семъ донести вашему величеству, всенижайше требуя вашего на то указу. Токмо при семъ всенижайше просить вашего величества дерзаю, чтобъ вышепомянутымъ переводчикамъ такожде и подъячому, при нихъ обрѣтающемуся, повелѣть прислать ихъ жалованье, котораго они уже 8 мѣсяцевъ за годомъ себѣ не получали, и впали отъ того не въ малую мизерію. И хотя отъ меня имъ уже дано было съ 300 гульденовъ, однакожь за недостаткомъ платежа, Воейковъ былъ тамъ арестованъ, котораго я нынѣ освободилъ, оплата долги, дабы переводъ не былъ оставленъ. А о жалованьи имъ предложено было отъ меня дважды предъ семью мѣсяцами г. сенатору графу Мусину Пушкину, но дальняго отъ него отвѣту не получилъ. По двухъ или трехъ дняхъ паки возвращусь въ Вѣну и буду ожидать на сіе вашего величества всемилостивѣйшаго указу...¹⁾

Когда возвратились въ Россію Воейковъ и Кроликъ, неизвѣстно²⁾. О первомъ знаемъ только, что онъ потомъ былъ посланъ учителемъ въ Сербію, и въ спискахъ московской духовной академіи за 1727 г. показанъ уже умершимъ. Что же касается до Теофила Кролика, то онъ въ 1722 году былъ ассесоромъ св. синода и архимандритомъ новоспасскаго монастыря. Въ томъ же году, на него возлагался переводъ на нѣмецкой языкъ проповѣди Лопатинскаго, произнесенной имъ въ Москвѣ на новый годъ (проповѣдь эта, вмѣстѣ съ переводомъ тогда же напечатана). Бергхольцъ въ своемъ дневникѣ оставилъ замѣтку о Кроликѣ, что онъ былъ человекъ образованный и свободно объяснялся по нѣмецки. Его латинскіе стихи, написанные имъ въ похвалу нашего сатирика Антіоха Кантемира, напечатаны, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, въ началѣ Сатиръ его (Спб. 1762 г.), и кончаются такимъ оправданіемъ сатирическихъ выходокъ:

Si te pungo—face; quia te non non pomino. Clamas:

Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

Язвлю тебя—молчи, вѣтъ я не именую.

Кричишь—не я, да ты являешь совѣсть злую!

¹⁾ Каб. дѣла I, № 53, л: 28, 40, 41, 54. Дополненіе къ Каб. дѣламъ, письма Петра В. къ гр. Мусину Пушкину въ госуд. же архивъ; Каб. дѣла II, № 28, л: 360, № 31, л: 603—604; № 40, л: 384 385.

²⁾ Голшковъ (Д. П. В. VI, 490, 610) смѣшалъ Воейкова съ русскими учениками, бывшими въ 1717 г. во Франкфуртѣ, и рассказываетъ, что Воейковъ прислалъ тогда изъ Франкфурта къ царю свой переводъ статьи изъ Лексикона Гибнера, за что и получилъ 100 черв.—сумма значительная по тогдашнему времени. Если бы Воейковъ ее действительно получилъ, то не бѣдствовалъ бы такъ, какъ описываетъ въ приведенномъ здѣсь прошеніи; при томъ же, онъ и въ 1718 г. не выѣзжалъ еще изъ Праги. Г. Смирновъ, въ своей Исторіи моск. академіи, къ извѣстіямъ объ Ильинскомъ и Воейковъ Голшкова, прибавилъ еще свои соображенія, отчего и вышло, что съ Воейковымъ у него въ Прагѣ явился Ильинскій, котораго Кантемиръ туда не пустилъ, ср. Ист. московской духовной академіи, стр. 235.

Замѣчательно, что приверженцы старинныхъ распорядковъ по духовному управленію считали Кролика въ числѣ своихъ заклятыхъ враговъ. Такъ Маркеллъ Родышевскій, ратовавшій послѣ кончины Петра Великаго противъ Духовнаго регламента и, главное, противъ автора его, Феодана Прокоповича, писалъ въ своихъ опроверженіяхъ (къ сожалѣнію весьма малоизвѣстныхъ, такъ какъ полемическій отдѣлъ въ исторіи нашей духовной литературы XVIII столѣтія не только не былъ никѣмъ разработываемъ, но почти всегда проходитъ молчаніемъ): «Феодосъ пребеззаконникъ, Феоданъ ересіархъ, Гавріилъ евреанинъ, Кроликъ зловѣрный и дныя симъ подобныя — соборище суще злочестивое»...

Ильинскій, котораго какъ видѣли выше, хотѣли было послать также въ Прагу, жилъ въ домѣ кн. Кантемира: здѣсь онъ занимался переводами (изъ которыхъ одинъ «Система магометанской религіи» напечатанъ при Петрѣ въ 1722 г.), и былъ, по свидѣтельству м. Евгенія, дядькою при дѣтяхъ Кантемира. Первымъ же учителемъ ихъ былъ грекъ Анастасій Кондонди (впослѣдствіи архіепископъ подъ именемъ Аванасія), человекъ даровитый и ученый, чтò однако не мѣшало кн. Дмитрію присутствовать самому при урокахъ его дѣтямъ¹⁾.

Во время пребыванія своего въ домѣ Кантемира, Ильинскій записывалъ кратко разныя происшествія, и небольшая книжка такихъ замѣтокъ сохраняется нынѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Она носитъ заглавіе «Notationes quotidianae, повсядневныя записки». Ильинскій вносилъ сюда замѣтки, какъ кажется, собственно на память для себя, съ 19 іюня 1721 года. Отсюда узнаемъ, когда Кантемиръ ѣздилъ въ сенатъ, къ кому ѣздилъ въ гости, кого у себя принималъ и т. п... Подъ 28 іюнемъ 1721 г. записано: «Агапита переводъ окончивъ, князю подалъ»... 2 іюля: «Филипа писать учить началъ»... 10, 11, 12 сентября: «князь папу женили. 13 — отдыхали.. 21 Responsum admite s. synodi datum est archimandriti Ypatski Gabrieli. 29 октября, по полудни пировали въ сенатѣ всѣ въ машкарскомъ платьѣ. 1 ноября. Павелъ Ивановичъ Ягужинскій съ докторомъ Лаврентіемъ Лаврентьевичемъ, да съ Татищевымъ, пріѣзжали осматривать княгиню и княжну: въ правду ли немогутъ, понеже въ воскресенье въ сенатѣ не были?» 6 ноября, князь съ семействомъ отправился въ Москву. 10 ноября въ деревнѣ Березкѣ, которая отстоитъ отъ Москвы 355 верстъ, княгиня выкинула. 14 ноября. Съѣхались съ императорскимъ величествомъ въ д. Чашниковѣ, отстоящей отъ Москвы 40 верстъ; изволилъ его величество посѣтить княгиню нашу» и т. д. Подобныя же краткія замѣтки сдѣланы о приготовленіяхъ къ походу въ Персію и о самомъ походѣ: 1722. «4 іюля, въ Астрахань прибыли рано, гдѣ въ квартиру намъ данъ государевъ рыбный дворъ. 5 іюля, императорское

¹⁾ Satyres du pr. Kantemir, Londres 1750, p. p. XIV—XVI.

величество съ адмираломъ (Апраксинимъ) и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ прочими у насъ были вечеру... 5 августа войско все въ походъ пошло. Манифестъ турецкій 150 (экз.) отосланъ къ Василью Васильевичу чрезъ переводчика Льва Залѣева... 30 августа, въ походъ къ рѣкѣ Рубасу, которая отъ Дербента въ разстояніи верстъ 10, съ войскомъ пойти изволилъ (царь), а князь нашъ въ Дербентъ остался. 31 августа, съ инженерами на горы ѣздилъ... 26 октября, императорское величество изволилъ быть у насъ и сидѣть часа съ три; изволилъ взять къ переводу Полидора и моего перевода Агапита... 6 ноября, князю нашему сего утра тяжело стало и, призвавъ епископа, исповѣдывался; занемогъ еще въ походѣ, какъ поѣхалъ изъ Дербента. 7 ноября, князь нашъ приобщался... Въ 1723 г., Кантемиръ въ своемъ ивъннѣ Дмитревкѣ: «22 февраля, указъ публиковали на торгу о чистомъ содержаніи Дмитревки и о сажаніи сосенъ и березокъ предъ дворами; да публиковали, какимъ образомъ шинковать черкасомъ и волохамъ... 21 августа, князь нашъ скончался по полудни 7 часовъ 20 минутъ»... Въ 1724 г., Ильинскій съ семействомъ Кантемировъ пріѣхалъ въ Петербургъ и на 9-мъ іюлѣ замѣтки прекращаются. Далѣе встрѣчается извѣстіе: «Я Эпиктета и прошеніе подалъ императорскому величеству въ домъ свѣтлѣйшаго кн. Меншикова въ слободѣ, понеже весь сенатъ туда съѣздъ имѣлъ, мая 28, 1724 г... 1725 года, апрѣля 7 дня получилъ указъ, что быть мнѣ въ академіи наукъ переводчикомъ, написанный такъ: По именному ея величества, государыни императрицы указу, велѣно при академіи наукъ Ивану Ильинскому быть переводчикомъ и опредѣлять ему жалованья по 180 руб. на годъ, свободную квартиру, дрова и свѣчи, какъ противъ обрѣтающихся при академіи наукъ служителямъ и выдать бы ему жалованья на нынѣшній 1725 г. на 3 мѣсяца, на апрѣль, май и іюнь — 45 руб. съ роспискою и на счетъ академической поставить. Lavrentius Blumentrost. Спб. 1725, апрѣля въ 1 день». Далѣе незначительныя замѣтки и расходъ деньгамъ съ величайшими подробностями, напр. «выдано свѣтлѣйшей княгинѣ на дачу нищимъ 2 копѣйки... княжнѣ Марьѣ—7 копѣекъ и т. д. ¹⁾».

Въ Краткомъ описаніи комментаріевъ академіи наукъ на 1726 г. есть переводъ Ильинскаго статьи Байера о скиахъ, съ подписью «Іоаннъ Ильинскій ярославецъ». О немъ Тредьяковскій отозвался, что былъ «праводушный, честный и добронравный мужъ, да и другъ другамъ велицеумѣрный».

18 декабря 1716 г., Петръ Великій писалъ изъ Амстердама къ Мусиуну Пушкину: «По полученіи выберите немедленно изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, высмотря гораздо которые по острья,

¹⁾ Рукопись моск. арх. м. иностр. дѣлъ въ 8^о, по каталогу М ⁴⁰₁₇₂₅.

человѣкъ 10 и пришлите моремъ на шнавѣ, которую будетъ отпустить генералъ фельдмаршалъ и губернаторъ кн. Меншиковъ. 22 марта 1717 г., Мусиянъ Пушкинъ доносилъ царю, что онъ отправилъ къ нему на шнавѣ слѣдующихъ 9 учениковъ: изъ реторики—Ивана Семенова Горлецакаго, Иосифа Матвѣева Кречатовскаго, Тараса Петрова Постникова; изъ поэтики—Ивана Иванова Каргапольскаго; изъ синтаксиса—Василья Тимофѣева Козловскаго, Филипа Львова Анохина; изъ грамматики—Ермолая Константинова Крацова, Ивана Прокосѣева Алабина, Данилу Корнильева Овсянникова ¹⁾).

Изъ этихъ учениковъ, Анохинъ и Козловскій, вмѣстѣ съ воспитаникомъ той же московской академіи Максимомъ Суворовымъ, учились въ Прагѣ и возвратились въ Россію въ 1720 году. Последній былъ присланъ въ синодъ изъ штатсъ-конторь-коллегии съ привезенными имъ книгами и переводомъ. Синодъ опредѣлилъ его въ петербургскую типографскую контору старшимъ справщикомъ и переводчикомъ съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Анохина одѣлали подканцеляристомъ съ содержаніемъ по 50 р. и 15 юфтей хлѣба въ годъ. Козловскій подавалъ въ синодъ прошеніе, гдѣ объяснялъ, что онъ былъ «посланъ, съ товарищи, для либеральныхъ наукъ въ Прагу, гдѣ прилежалъ повелѣнному ученію, что явствуетъ данное ему отъ іезуитовъ свидѣтельство, даже до указа его царскаго величества въ прошломъ 1720 г., о нашемъ изъ тамошнихъ странъ въ отечество возвращеніи»... Ему было назначено содержаніе подканцеляриста, но и то сначала не выдавали, и Козловскій писалъ: «по благоразсудному святѣйшества вашего расположенію учиненъ мнѣ трактamentъ подканцелярійскій; дѣло же мнѣ соблаговолили вручить переводчиково—Сократовыхъ церковныхъ исторій съ латинскаго на російскій діалектъ, въ которыхъ съ первыхъ числъ сентября безлѣтно пребываю»... Въ декабрь 1721 г., синодъ разрѣшилъ производить Козловскому по 80 р. и 20 юфтей хлѣба въ годъ ²⁾).

Изъ этихъ переводчиковъ Максимъ Суворовъ, по ходатайству сербовъ, по указу 2 іюня 1724 г., отправленъ былъ Петромъ Великимъ учителемъ въ Сербію ³⁾).

Изъ другихъ товарищей этихъ учениковъ сохранились извѣстія о Горлецкомъ, Постниковѣ и Каргапольскомъ. Они, по приказанію царя, были отправлены для дальнѣйшаго образованія въ Парижъ. Тогдашнему нашему резиденту при версальскомъ дворѣ, барону Шлейнцу вѣнялось въ обязанность опредѣлить ихъ въ училища и наблюдать за ученіемъ и поведеніемъ ⁴⁾. Въ 1718 г., эти русскіе отпра-

¹⁾ Каб. дѣла II, № 33, л. 199, 203.

²⁾ Синод. дѣла 1721 г., № 7 и 10.

³⁾ Дѣян. П. В. Голыкова, X, 70.

⁴⁾ Ibid. VI, 625.

или отъ себя слѣдующее письмо къ выше упомянутому здѣсь Зотову :

«Превосходительнѣйшій господинъ, Кононъ Никитичъ, нашъ милостивѣйшій государь! По отбытіи нашемъ изъ Парижа, еще и многія письма писали къ вашему благоутробію о нашихъ бѣдностяхъ, но никаква отвѣта отъ вашей милости мы не получили. Однакожь паче принуждены нашей бѣдностью къ вамъ писати о нашихъ нуждахъ, о которыхъ вамъ прежде сего времени извѣстно было, когда ваше благоутробіе обрѣтались въ Парижѣ, а послѣ вашего отбытія, мы, бѣдные, безъ опредѣленія живемъ въ послѣдней бѣдности и нищетѣ— едва не отчаеваемся живота нашего, для того—что всѣ насъ оставили господа, которые обрѣтаются въ Парижѣ и изъ оныхъ никто (хотя бы кто ради общаго создателя Бога умилосердился и далъ бы на нужды наши денегъ) ни одного лиарда не даетъ ¹⁾. Г. баронъ Шлейницъ намъ ни въ чемъ не спомоществуетъ и на свѣчи, на дрова, на башмаки, на чулки, на книги, на рубашки и на потребы школьныя намъ денегъ не даетъ и никого тщанія объ насъ не имѣетъ. И ради того мы, бѣдные, тершимъ холодъ, наготу, босоту, а въ каморахъ мы свѣчъ не имѣемъ, и всегда мучимся, а не учимся, потому что безъ дровъ студено, безъ свѣчъ учиться не можно. Ради которыхъ случаевъ мало учимся, а многое время теряемъ безъ прибытка наукъ. И нынѣ такожде всеу время тратимъ, повеже въ школу отъ записки въ росписъ намъ дать нечего и ходить намъ въ школу не въ чемъ; инструментовъ, надлежащихъ къ физикѣ, намъ купить не на что, и никакого посредствія мы къ наукѣ не имѣемъ.

«Просямъ, ваше благоутробіе, Кононъ Никитичъ, имѣти о нашихъ челобитныхъ тщаніе, которыя посланы на имя къ царскому величеству, къ Гаврилу Ивановичу Головкину, такожде и о письмахъ, которыя посланы собственно ему жъ, Гаврилу Ивановичу, и Петру Павловичу Шафирову о нашемъ опредѣленіи, котораго мы отъ вашего милосердія по вашему милостивому слову, намъ сказанному, ожидаемъ повсечасно. Вашего благоутробія нижайшіи раби, латинскихъ школъ ученики Иванъ Горлецкій, Тарасъ Постниковъ. Иванъ Каргопольскій ²⁾).

Въ 1722 г., они получили приказаніе возвратиться въ Россію, почему и просили о выдачѣ имъ жалованья на этотъ годъ, присовокупляя, что на отъѣздъ изъ Франціи готовы, «хотя и не окончивши нашихъ наукъ». По пріѣздѣ въ Петербургъ, они подали такое прошеніе:

«Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій! Въ

¹⁾ Въ описываемое время въ Парижѣ изъ знатныхъ русскихъ были Нарышкины, кн. Долгорукій, кн. Куракинъ и др.

²⁾ Кабинет. дѣла, II М 35, л. 722 — 723.

1717 г. въ мѣсяцъ сентябрь, по именному вашего императорскаго величества указу высланы были ввизу подписанніи изъ Амстердама въ Парижъ для окончанія нашихъ наукъ и, пріѣхавъ въ Парижъ, учились философіи и французскаго языка, и, по окончаніи оныя науки, учились чрезъ нѣкоторое время богословіи. И въ нынѣшнемъ 1722 г. повелѣно намъ ѣхать въ отечество, а жалованья вашего императорскаго величества намъ на сей текущій годъ противъ прочихъ, которые были въ Парижѣ ради наукъ, не выдано. А мы, по указу вашего императорскаго величества, пріѣхали въ Питербурхъ сего 1722 г. сентября 14, и для неприсутствія вашего императорскаго величества о прошеніи нашего жалованья на нынѣшній 1722 г. къ кому прибѣгнуть не имѣемъ, того для безмѣстно и бѣдно скитаться принуждены. Всемилостивѣйшій государь! Просимъ всемилостивѣйше ваше императорское величество, да повелитъ ваше державство намъ отъ вашего императорскаго величества жалованье на сей 1722 годъ выдать противъ прочихъ бывшихъ въ наукѣ въ Парижѣ, также повелѣтъ насъ милостиво пожаловать опредѣлять куда ваше императорское величество заблагоразсудитъ. Вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе и всенижайшіе раби: ученикъ философіи Иванъ Горлецкій. Тарасъ Постниковъ. Иванъ Каргопольскій ¹⁾.

Петръ Великій, въ повелѣніи синоду 20 января 1723 г., писалъ, «что пріѣхали въ Санктпѣтербургъ ученики, которые въ Парижѣ учились философіи, а именно: Иванъ Горлецкій, Тарасій Постниковъ, Иванъ Каргопольскій, а ни къ какому дѣлу не опредѣлены, и для того просятъ опредѣленія и пропитанія», почему синоду виѣнялось въ обязанность этихъ молодыхъ людей «освидѣтельствовать въ ихъ наукахъ, и опредѣлить къ дѣлу и учинить имъ жалованье ²⁾».

Въ официальныхъ бумагахъ Горлецкаго и товарищей его называли нѣкоторое время парижскими студентами. Постниковъ и Каргопольскій жили сначала въ Москвѣ и, по порученію синода занимались переводомъ книги блаж. Феодорита «О промыслѣ». Въ началѣ 1725 г., Постниковъ уѣхалъ въ Воронежъ учителемъ дѣтей генералъ-лейтенанта Чернышева, съ обязательствомъ продолжать сказанный переводъ; потомъ въ сентябрь того же года, и Постниковъ, и Каргопольскій сдѣланы преподавателями московской духовной академіи, откуда первый въ 1738 г. поступилъ въ директоры московской синодальной типографіи, а второй, съ 1726 г., былъ переводчикомъ при синодѣ ³⁾.

Что же касается до Горлецкаго, то онъ, составивъ французскую грамматику, поднесъ ее Екатеринѣ I, прічисльмъ, любопытномъ имен-

¹⁾ Каб. дѣла II, № 61, л. 715 — 716.

²⁾ Каб. дѣла I, № 31, л. 77.

³⁾ Исторія москов. дух. акад. г. Смирнова, стр. 236.

но въ томъ отношеніи, что доказываетъ тѣ чувства привязанности и благоговѣнія, которыми преисполнена была тогдашняя молодежь къ личности Петра Великаго:

«Всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая императрица, государыня! Неизреченнымъ милосердіемъ августѣйшаго императора Петра Великаго, отца отечества, самодержца всероссійскаго, отъ младенчества моего пребывъ не только въ московскихъ, но и въ парижскихъ училищахъ, неоцѣненный и превеликій даръ малому моему получилъ уму, всепресвѣтлѣйшая и самодержавнѣйшая императрица!»

«Вельми неприлично разумью, чтобъ кто принялъ такое сокровище, какъ я самъ на себѣ чувствую, а не возблагодарилъ сему, отъ чьего руки пребогатый оный получилъ даръ. Честенъ сей даръ и неоцѣненное сокровище (нарицаю ученіе), любезно его есть принимать, любезнѣе носить и тяжесть его: сего ради, пребывъ еще въ Парижѣ, положилъ намѣреніе, дабы возвратившись изъ тѣхъ странъ, хотя маленький по силѣ моей, но всеусердный плодъ отечеству принести россійскому. Умедлилъ мало въ сочиненіи сея книжки, нарицаемая грамматика французская, но въ полученіи благополучія моего вѣкъ не задержался, понеже кто тако (по премилостивѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ императоръ нашѣмъ) милостивѣйшій, пріятельнѣйшій трудамъ чадъ обрѣтается россійскихъ? По истиннѣ вы, всемилостивѣйшая государыня и царица!

«Достоинно убо, дабы я съ первымъ и малѣйшимъ плодомъ труда моего прибѣгнулъ къ стопамъ вашего величества. Малъ сей плодъ есть во истинну, а по уравненію величества вашего и ничтоже обаче славень и великъ, понеже въ преславный и великій день августѣйшаго имене приносится. Повели убо, всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая императрица, государыня, сію малую книжку пріять подъ охраненіе вашего августѣйшаго имене, которую... со всякимъ работнымъ почтеніемъ, главу и сердце склоняя, приношу вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Ив. Горлецкій¹⁾».

Горлецкій былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ адъюнктовъ въ нашей академіи наукъ. Его переводы находимъ въ Краткомъ описаніи комментаріевъ, изд. въ 1726 г. (именно «О причинѣ тяжести отъ движенія вихрей» съ латин.), и въ «Описаніи о Японѣ», напеч. 1734 г., гдѣ онъ перевелъ съ французскаго двѣ статьи изъ сочиненій Карона и Тавернье.

Въ тѣхъ же Комментаріяхъ и Описаніи о Японѣ встрѣчается имя переводчика «Стезава Михайлова Коровина, оицборенна», но въ статьяхъ, переведенныхъ съ французскаго. Онъ былъ въ Парижѣ, также по распоряженію Петра, съ извѣстнымъ арапомъ Абрамомъ Гаянбаломъ и Гаврилою Резановымъ. 16 октября 1722 г., Петръ сообщалъ

¹⁾ Каб. дѣла II, № 93, л. 345—347.

гр. Головкину: «Писали сюда изъ Парижа Абрамъ арапъ, Гаврило Резановъ и Степанъ Коровинъ, что они по указу въ свое отечество ѣхать готовы, токмо имѣютъ на себѣ долгу каждый ефимковъ по 200: да сверхъ того, имъ возмъ надобно на проѣздъ 300 ефимковъ. Того для тѣ деньги, какъ на оплату долговъ, такъ и на проѣздъ ихъ, по приложенной при семъ ассигнаціи, взявъ отъ соляной суммы, переведите въ Парижъ къ послу, кн. Долгорукову, а буде онъ уже выѣхалъ, то кн. Александру Куракину, и отпишите, чтобы ихъ немедленно оттоль отправлялъ въ Петербургъ ¹⁾).

Коровинъ возвратился въ Россію въ 1722 г. и въ донесеніи своемъ синоду писалъ, что онъ былъ «отправленъ изъ кабинета во Францію для науки стата французскаго и грьдоровальнаго художества». Поэтому онъ определенъ граверомъ при московской типографіи, рѣзалъ на мѣди чертежи, дѣланные архитекторомъ Михаиломъ Земцовымъ съ императорскихъ дворцовъ въ Петергофѣ, Стрѣльнѣ и Ревелѣ, и вмѣстѣ съ А. Ростовцевымъ гравировалъ изображеніе «каструмъ долористри», гдѣ покоилось тѣло Петра ²⁾.

Здѣсь неизлишнимъ считаемъ привести нѣсколько примѣровъ о вознагражденіи переводчиковъ за ученые труды въ началѣ XVIII столѣтія. Видѣли выше, что Мусивъ Пушкинъ выхлопоталъ у царя Поликарпову за его исторію и переводъ лексикона 200 р. Въ 1722 г., монахъ Θεологъ (до 1720 г. справщикъ московской типографіи, а съ августа того года въ той же должности въ александроневской типографіи) просилъ о вознагражденіи его за труды по исправленію перевода библии на томъ основаніи, что въ указѣ 1712 г. объ этомъ предметѣ говорилось «по совершеніи согласія и исправленія томъ библии, оныя трудники (т. е. переводчики и исправители) его императорскою милостію довольно награждены будутъ». Неизвѣстно, какъ разрѣшено это ходатайство, только на оболочкѣ дѣла значится: «Θεологъ умре».

¹⁾ Дѣлія П. В. Голицына IX, 195.

²⁾ Синод. дѣла 1722 г. № 29 и 1725 г. № 4. При первомъ есть два рѣш. на мѣди дванадцата, представленныя Коровинимъ въ доказательство своего искусства въ гравированіи. Въ ноябрѣ 1725 г., Алексѣй Макаровъ писалъ о немъ къ Блюментросту: «Благородный мѣдь-меднукъ! Обрѣтается здѣсь въ Санктпетербургѣ грьдоровальщикъ Степанъ Коровинъ, который учился того художества въ Парижѣ, и по французски не только говорить, но и переводить можетъ; и ежели онъ съ тѣмъ художествомъ, а наипаче для ямыку французскаго потребенъ есть для собранія академіи, то прикажите его опредѣлить къ тому дѣлу или къ другому, къ какому вы заблагоразсудите, только бѣ онъ и грьдоровальнаго художества не забылъ, а жалованья ему нынѣ дается изъ кабинета ея императорскаго величества по 10 р. на мѣсяць. И ежели онъ опредѣленъ будетъ къ помилутой академіи, то прикажите въ кабинетъ ея величества прислать извѣстіе. Слуга вашъ А. Макаровъ. Архив. дѣло ак. наукъ. 1719—1726 г. Въ Каб. дѣлахъ II, № 93 л., 553—558 сохранился поданный Коровинимъ въ октябрѣ 1725 г. Екатеринѣ I «проектъ для типографіи» объ учрежденіи друкарни для печатанія книгъ свѣтскихъ и гравюръ, которыя бы изображали дѣла Петра Великаго.

Въ 1725 г., Алексѣй Барсовъ ходатайствовалъ о награжденіи его за переводъ книги Аполлодора о богахъ (см. выше), а также за труды по переводамъ съ русскаго на греческій присяги архіерея смоленскаго, архимандрита венеціанскаго Фоки и съ греческаго на русскій грамотъ, присылаемыхъ изъ Греціи. Синодъ призналъ справедливымъ это ходатайство и полагалъ выдать Барсову, сверхъ жалованья справщика, до 100 р.. Хотя объ этомъ представленъ былъ докладъ Екатеринѣ I, однако утвержденіе его последовало только въ 1730 г.

Въ 1727 г., Иванъ Каргопольскій (см. выше) просилъ вознагражденія за переводъ половины сочиненія Феодорита «о промыслѣ божіи». При этомъ переводчикъ объяснялъ, что данный ему переводъ «укосялъ» за невыдачею ему кормовыхъ денегъ, жалованья за ученіе въ школахъ и по неизбѣнью въ распоряженіи своемъ писцовъ. По такому ходатайству, Каргопольскому опредѣлено было выдать въ награду — 5 рублей ¹⁾.

Извѣстія о переводчикахъ, учившихся или работавшихъ по порученію правительства, заключимъ указомъ Петра Великаго, который онъ издалъ въ послѣдній годъ своего царствованія, именно 23 января 1724 года:

«Для переводу книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ, понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводить, перевести то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой.—Художества же слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ триангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивились, анатомическое, ботаническое, милитарноє и прочія тому подобныя ²⁾».

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, за границей былъ кн. Иванъ Андреевичъ Щербатовъ и тамъ перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло «*Considérations sur le numéraire et le commerce par J. Law*», подъ заглавіемъ: «Деньги и купечество, разсуждено съ предлогами къ при-
совокупленію въ народѣ денегъ, чрезъ господина Ивана Ляуса, нынѣ

¹⁾ Синод. дѣла: 1722 г. № 22, 1725 г. № 12 и 1727 г. № 6.

²⁾ Полн. собр. зак. VII, № 4438.

управителя королевскаго банку въ Парижѣ. Переведено на русскій языкъ чрезъ к. И. Щ. 1720 ¹⁾». О кн. Иванѣ Щербатовѣ (род. въ 1696 г. — 1761 г.) говорится въ рукописной запискѣ историка кн. Щербатова, что въ прежнія времена знатные, управляя сами своими деревнями, не считали за стыдъ хлопотать не только по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ: «кн. Иванъ Андреевичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Царьградѣ и Англіи и, наконецъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и ордена св. Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ»...

24 марта 1719 г., князь Иванъ писалъ къ Петру Великому изъ Лондона:

«Всемилютейшій государь! Исполняя ваше царскаго величества повелѣніе, я не преминулъ учиться языковъ и математикъ и, по многомъ моемъ трудѣ, пришелъ въ нѣкоторое знаніе французскаго и англійскаго языковъ, что оными могу... говорить и съ нихъ на русскій языкъ переводить. Такжеже отчасти научился аритметики, геометріи, тригонометріи, астрономіи и навигаціи. Всѣми силами старался быть еего лета въ практикѣ на военныхъ англійскихъ корабляхъ и о желаніи я объявилъ г. резиденту Веселовскому, прося, дабы онъ исправилъ мнѣ указъ о принятіи меня во флотъ, который нынѣ идетъ подъ командою милорда Беркли. На что не иной отвѣтъ получалъ, что меня во флотъ не примутъ того ради, что будто англійской дворъ намѣренъ заказать всѣмъ чужестраннымъ во всякія науки принимать. Я надѣюсь, что ваше царское величество мнѣ того въ вѣну, что я не похвалъ въ практику, не причтете, понеже то не отъ моеи воли учинилось. Между того времени, я вашему царскому величеству доношу, что я хотя и на море не похвалъ, но праздно времени моего не унушу, чего ради буду обучаться болѣе языкамъ и вступать въ глубочайшія части математики, сколько возмогу повяты, и ежели какой выредъ способъ усмотрю быть на морѣ, не премину со охотою моею учинить, дабы по всемъ томъ могъ представить мя достойна къ службѣ вамъ, моего всемилютейшаго царя и государя, будучи отъ усердія моего вашего царскаго величества всеподданиѣшій рабъ Кн. Иванъ Щербатово ²⁾».

Посвященіе царю, подписанное въ Лондонѣ 27 февраля 1720 г., в которое кн. Щербатовъ очинилъ при помянутомъ переводѣ, замѣчательно, какъ потому, что переводчикъ является почитателемъ системы Ло, такъ и по благородному тону, въ которомъ оно написано:

¹⁾ Въ И. зримтажъ рукопись въ двухъ экземплярахъ, въ 4°, № 52, полка 2: одинъ бѣловой съ подписью переводчика, на 120 л., другой черновой, на 151 стр., весь писанъ рукой Щербатова. Нач. текста: «Разные предлоги учинены».

²⁾ Каб. дѣла, II, № 42, л: 589.

«Всепресвѣтлѣйшій государь! Я, полагаясь на обычайное милосердіе вашего царскаго величества, дерзаю поднести со всею глубочайшею покорностію переводъ съ книги господина Ляуса, славнаго министра во Франціи, къ чему побужденъ есмь чрезъ желаніе мое, дабы услужить вашему величеству. Ежели мои старанія милостиво приняты будутъ, я причту себя за счастливѣйшаго изъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ; но ежели мой переводъ недостойнъ чтанія такъ великаго монарха, однакоже я уповаю, что ваше величество для добраго моего намѣренія, которое имѣю служить вашему величеству, отпустить погрѣшеніе. Ваше величество можетъ умотрѣть въ переводѣ сей книги большую часть предлоговъ, чрезъ исполненіе чего доходы государственные и купечество во Франціи пришли въ лучшую степень, которые прежде были въ вельми худомъ состояніи. Чрезъ установленія банку и компанія купечества видима есть прибавка во Франціи обращенія денегъ и издержки товаровъ. Предлогъ, на которомъ такъ великія произвожденія состоятъ, не можетъ инако быть; какъ угодно въ вашему величеству, понеже натуральное склоненіе вашего величества всегда было ко установленію художествъ и купечества, также какъ и наукъ, отчего россійскій народъ неизреченное благо получалъ; чего ради всѣ добрые подданные вашего величества не могутъ достойно восхваляти удивительныя дѣйствія царствованія вашего, и не перестаютъ просить у Бога о продолженіи вѣка ихъ всемилостивѣйшаго государя и отца. Ежелибъ я изобразилъ былъ достойнымъ въ посланіи къ вашему величеству другихъ подобныя вещей, буде какія изыщу достойныя ко вниманію вашего величества—я принялъ бы повелѣніе съ великою радостію и исполнялъ со всякою несправностію, сколь поятенъ есмь: понеже ни о чемъ иномъ такъ не стараюсь, какъ показать несумнительные знаки о вѣрности и глубочайшей покорности, съ которою пребываю вашего царскаго величества всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ кн. Иванъ Щербатовъ».

Чтобы имѣть понятіе о переводѣ, помѣщается здѣсь предисловіе.

«Книжничъ ко читателю. Уповаемо есть, что последствующія страницы любезно будутъ приняты въ народѣ, которыя содержатъ нѣкоторыя главы о вымыслѣ, что господинъ Ляусъ въ 1705 году предложилъ парламенту скотлянскому (шотландскому). Хотя то и благоприятно было отъ вышняго комиссара (который нынѣ служитъ его величеству въ великомъ чинѣ), также и отъ многихъ членовъ парламента; однакожъ такія предмѣнія противъ того предуспѣли, которыя преодолѣли, что предлогъ совершенно оставленъ. Имѣя такъ малое счастье въ той части Великой Британіи, которая была его отечество, оный прилѣпился къ вышнему комиссару англійской казны и переслалъ къ его превосходительству иной предлогъ для приумноженія купечества и кредиту со изъясненнымъ описаніемъ въ сход-

ствѣ съ правами и обычаямъ здѣшними, но какъ никакой пользы не обрѣлъ, какъ прежде, и не будучи въ силѣ достать прощенья (во смертномъ убивствѣ славнаго господина Вильсона, котораго закололъ на дуэли уже многіе годы прежде), принужденъ былъ жить въ чужихъ краяхъ, гдѣ по претерпѣніи многихъ разныхъ изгоней отъ своихъ непріятелей, оный нынѣ показуется министромъ, превосходя многихъ вохъ тѣхъ, что прошедшій вѣкъ произвелъ, настоящій понять можетъ или будущій повѣрить. Оный установилъ народный кредитъ въ той землѣ, которая пришла была въ пословицу нарушенія онаго. Оный учинилъ прибавку доходовъ самодержавнаго владѣнія, которая состоитъ на подданныхъ вольномъ владѣніи ихъ пожитками, такъ что ежелибъ оказанъ былъ самый меньшей запросъ деньгамъ, что народъ обещался заплатить, то возмогло бы принести коронѣ убытку многіе милліоны со всѣми настоящими видами богатства и власти. Оный показалъ народу французскому, что ихъ преставшійся король Люисъ XIV, со всею своею самодержавною властію, не поятенъ былъ взять у онаго болѣе того, какъ господинъ Ляусъ отъ того времени возвратилъ. Оный не инныхъ непріятелей имѣеть, развѣ тѣхъ, которые суть непріятеля всему народу, и многіе, кто въ нѣкоторыхъ прошедшихъ мѣсяцахъ жадны крови его были, нынѣ ѣдятъ его хлѣбъ, понеже оный (т. е. все Ло же) показался непотнымъ нинюи мести, но предложить непріятелей своихъ стыду и помѣшанію чрезъ признаніе отъ онаго богатства. Сей есть человекъ, котораго Британія потеряла чрезъ содержаніе подъ гнѣвомъ во время троиухъ слѣдствующихъ управленій, что не могъ достать прощенья, донеле же то прощенье безъ просу произошло отъ правдиваго и разсмотрительнаго разсужденія великаго Л. Д., нынѣ пребывающа во управленіи, но за несчастіемъ поздно для пользы государства.

Любопытны примѣчанія Щербатова для объясненія русскимъ читателямъ мѣры, вѣса и цѣнностей въ Англіи и Франціи, также учрежденій и мѣстъ, мало извѣстныхъ въ Россіи. Напр.: фунтъ есть 6 золотниковъ. Болѣе — мѣра въ Скотландіи хлѣбу, которая будетъ близъ російской осмины. Французскія пени, скотландскіе штиверы и голландскіе суть какъ російскія копейки, только не равны въ вѣсу однѣ ко другимъ; кронъ подобенъ рублевнику, только въ рублевникѣ 40 копѣекъ лишку противъ крона, а вѣсъ онаго малымъ разнымъ. Морское застрахованіе — въ Англіи записываютъ корабли для охраненія, что буде пропадетъ, то тѣ, которые за записку примутъ нѣсколько денегъ, повинны всю потерю выплатить. Ливръ — монета мысленная французская, которая содержитъ до 20 су, или копѣекъ французскихъ. Ажіо — слово употребляемое въ обмѣнѣ и банкѣ: оное говорится о переходѣ, который берется или платится у нѣкотораго числа для награды въ потерѣ, которая бѣ могла тамъ учиниться. Ломбарды называются дома, изъ которыхъ даются деньги въ займы съ залогомъ. Таверна

англинское слово, которое значитъ домъ публичный для ѣды и питья. Минь— мѣсто въ землѣ, откуда берется металлъ, какъ золото, серебро, мѣдь и прочая. Земляной банкъ называется понеже общительныя письма даваны, а брана подъ закладъ земля. Земляныя деньги называютъ, понеже земля вмѣсто денегъ будетъ заложена въ банкѣ, а по цѣнѣ заложеной земли будутъ даваны письма въ банку, которые въ платежахъ будутъ ходить за деньги, и т. д.

Петръ Великій, увлекаясь господствовавшимъ въ тѣ времена въ цѣлой Европѣ духомъ пристрастія къ предпріятіямъ Ло, а можетъ быть и прочитавъ переводъ кн. Щербатова — имѣлъ намѣреніе привлечь въ Россію дѣятельность предпримчиваго шотландца. 13 марта 1721 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ паденія славы Ло и удаленія его изъ Франціи (въ декабрѣ 1720 г.), Петръ далъ наказъ, который въ чернѣ правленъ имъ самимъ, ассессору бергъ мануфактуръ коллегіи Габріелю Багарету де Пресся, чтобъ онъ предложилъ Ло, названному въ наказѣ Лаусомъ, княжескій титулъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе оберъ гофмаршала, андреевскій орденъ, 2 тысячи крестьянскихъ дворовъ, право строить укрепленные города, населять ихъ иностранными мануфактуристами. При этомъ дозволялось Ло съ охотою, «если онъ рудокопныя дѣла, такожде и персидскую торговую компанію въ россійскомъ государствѣ самъ сочинить и учредить намѣренъ... За всѣ вышеписанныя достоинства и дѣйствительныя пользы его царское величество отъ него, г. Лауса, больше не требуетъ токмо одного милліона рублей, или по той цѣнѣ серебромъ въ его царскаго величества казну»... Подобное предложеніе, на случай отказа самого Ло, велѣно было одѣлать сыновьямъ или зятьямъ его, если только они способны къ дѣламъ, которыми занимается Ло. Если же и это не удастся, то царь будетъ ожидать отъ него предложеній: «коиимъ образомъ и какими кондиціями онъ самъ въ персидскую компанію, или въ рудокопныя, или въ ныня здѣшняго государства дѣла вступить намѣренъ, и въ чемъ его царскаго величества во явномъ дѣлѣ свою царскую склонность и почтеніе ему оказать можетъ ¹⁾».

Въ 1723 г., русскимъ консуломъ въ Кадиксъ былъ назначенъ Яковъ Евреиновъ и изъ данной ему инструкціи видно, что туда былъ также отправленъ кн. Иванъ Щербатовъ, который долженъ былъ «съ купцами тамошней націи, а не съ другими, получить знакомство и тайнымъ образомъ развѣдывать о той коммерціи, и разговаривать съ купцами, дожидаясь Евреинова съ указомъ, дабы онъ себя и ему основалъ знакомство ²⁾».

Въ П. библиотекѣ есть рукопись подъ заглавіемъ «Вѣдѣніе о тор-

¹⁾ Каб. дѣла, I, № 53 л. 234—236.

²⁾ Отч. записки, изд. Свѣпльскимъ, т. XV, № 41 стр. 402—409.

говль российской» (II, Q, 7), которая въ Описаніи рукописей Толстова приписывается кн. Сергію Димитріевичу Голицыну, бывшему посланникомъ въ Мадридъ въ 1723 — 26 годахъ; на рукописи выставлено 1 сентября 1724 г., но она писана не Голицынымъ, а кн. Ив. Щербатовымъ, по крайней мѣрѣ почеркъ ея одинаковъ съ черновымъ экземпляромъ перевода этого послѣдняго, сохраняемаго въ И. эрмитажѣ.

Въ Вѣдѣніи о торговль российской изложены въ алфавитномъ порядкѣ и отдѣльными статьями различныя извѣстія о русской торговль, при чемъ источниками служила собраніе указовъ, напечатанныя въ 1719 г., тогдашній Регламентъ объ управленіи адмиралтейства, торговый морской уставъ и тарифъ.

Въ началѣ помѣщена статья «О торговль Россіи», любопытная въ томъ отношеніи, что здѣсь встрѣчаются цитаты на сочиненія, изъ которыхъ авторъ ея, въ 1724 г., почерпалъ свѣдѣнія для историческаго изложенія о нашей торговль. Къ сожалѣнію, рукопись внизу листовъ подмочена, такъ что нельзя разобрать многого, написаннаго въ сноскахъ. Текстъ этой статьи читатель найдетъ въ приложеніи VII.

У Соניкова есть извѣстіе, что князь Димитрій Кантемиръ перевелъ съ французскаго Алкоранъ, изданный у насъ въ 1716 году; но это указаніе невярно: Алкоранъ при Петрѣ Великомъ переводилъ Петръ Постниковъ. По свидѣтельству Рихтера ¹⁾, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось множество писемъ этого Постникова, писанныхъ изъ Парижа, съ 1701 по 1711 годъ, къ боярину Головину и тайному секретарю Шафирову. Тамъ сообщались политическія извѣстія о взятіи герцогомъ орлеанскимъ Лериды, о состояніи французскаго флота на Средиземномъ морѣ и проч. Парижскій профессоръ Лионьеръ писалъ, 12 октября 1711 года, къ канцлеру графу Головкину о Постниковѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, и просилъ награды 720 ливровъ за образованіе его: «c'est de moi seul, говорилъ Лионьеръ, qu'il (т. е. Постниковъ) a appris les langues latines et française, le style epistolaire, la sphère, la géographie etc. Въ 1706 и 8 годахъ, этотъ Постниковъ ходатайствовалъ объ отцѣ своемъ, служившемъ съ усердіемъ государю, но бывшимъ «пребогатымъ службами, а не деньгами».

¹⁾ Исторія медицины, II, 326—328. Этого Петра Постникова не должно смѣшивать съ докторомъ Петромъ Постниковымъ, получившимъ это званіе въ падуанскомъ университетѣ въ 1696 году, и котораго въ 1698 — 1701 годахъ употребляли также какъ переводчика съ латинскаго, французскаго и итальянскаго языковъ по дипломатическимъ дѣламъ.

Хотя кн. Дмитрій не былъ переводчикомъ, однако о немъ нельзя пройти молчаніемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XVIII столѣтія: его трудъ «Книга систима или состояніе о магометанской религіи» переведенный съ латинскаго Иваномъ Ильинскимъ, напечатанъ у насъ въ 1722 г. Книга эта наполнена самыхъ невѣроятныхъ разсказовъ о магометанскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ до такой степени, что синодъ, прежде печатанія сочиненія Кантемира, счелъ нужнымъ требовать отъ него объясненій, и князь долженъ былъ писать отвѣтъ въ защиту своихъ анекдотовъ (удивительнѣйшіе изъ нихъ любопытный читатель найдетъ въ названной книгѣ, напр., на стр. 27 или 110). Замѣчательная полемика эта помѣщена нами въ приложеніи VIII.

Въ словаряхъ м. Евгенія и Бантышъ Каменскаго можно найти извѣстія о служебной дѣятельности Дмитрія Кантемира, а также перечень всѣхъ ученыхъ его трудовъ. Мы же полагаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ.

Первое извѣстіе о Кантемирѣ въ русскихъ источникахъ встрѣчаются въ походномъ журналѣ Петра Великаго 1711 года ¹⁾: «24 іюня, сказано тамъ, его величество изволилъ итти съ ближними людьми своими въ волоской городъ Яссы..., куда пріѣхалъ отъ войска своего и государь волоскій, господинъ Кантемиръ, прежде прибытія его величества. И встрѣчалъ оный его царское величество; такожъ государыню царицу—жена его съ дѣтьми за городомъ. Оный государъ человекъ зѣло разумный и въ совѣтѣхъ способный. Въ бытность же царскаго величества въ Яссахъ, тотъ государь, съ женою и съ домомъ, его величество трактовалъ изрядно...»

Когда Кантемиръ перешелъ отъ турковъ на сторону русскихъ, а между тѣмъ дѣла наши при Прутѣ были въ плохомъ положеніи, то, при заключеніи условій о мирѣ, турецкое правительство настаивало о выдачѣ ему Кантемира. Царь отзывался, что бывшаго господаря въ русскомъ лагерѣ нѣтъ и, гдѣ онъ находится, неизвѣстно. Однако, Кантемиръ скрывался между русскими: Фельтенъ, главный царскій поваръ, спряталъ его въ кухонный вагонъ, гдѣ были кострюли и другая посуда. Впрочемъ это убѣжище было ненадежно, а потому царь посоветовалъ ему обрить бороду и надѣть нѣмецкое платье— это средство помогло ему пробраться безопасно въ Россію ²⁾.

Кантемиръ былъ въ Петербургѣ въ первый разъ въ мартѣ 1714 года. Первой жены князя тогда уже не было на свѣтѣ. Княгиня Кассандра Кантемиръ, по свидѣтельству французской біографіи, состав-

¹⁾ Ивл. въ Спб. 1854 г. стр. 49.

²⁾ Das veränd. Russland, II, 36, 37. Въ біографіи князя при Histoire de l'Empire ottoman (Paris, 1743) T. IV, сказано, что Кантемиръ скрывался въ каретѣ царицы, и что его тамъ кормилъ слуга, только одинъ знавшій тайну.

ленною навѣрное при участіи сына, кн. Антиоха, была надѣлена всеми прекрасными качествами своего пола, такъ что замѣчательная красота ея казалась въ ней однимъ изъ наименьшихъ достоинствъ. Любя чтеніе, княгиня въ тоже время исполняла строго все семейныя обязанности и наблюдала сама за воспитаніемъ своихъ дѣтей.

По приѣздѣ въ Петербургъ, Кантемиръ заставилъ своего старшаго сына произнести на греческомъ языкѣ привѣтствіе царю, которое на латинскомъ и русскомъ языкѣ тогда же и было напечатано. Въ другой разъ бывшій государь отправился въ Петербургъ за царемъ въ 1718 году, а семейство свое оставилъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ, Кантемиръ увидалъ первую тогдашнюю русскую красавицу, княжну Трубецкую, и, влюбившись въ нее, женился (см. объ этомъ письмо его къ царю въ 1719 г. прил. IX). Передъ свадьбой князь разстался съ своей бородой и полуазіатскимъ платьемъ.

Въ походѣ въ Персію, Кантемиръ сопровождалъ Петра вмѣстѣ со всемъ семействомъ. На судахъ по Волгѣ, съ нимъ была походная типографія, въ которой печатались прокламаціи на турецкомъ и персидскомъ языкахъ ¹⁾). Изъ Астрахани въ Дербентъ онъ отправился сухимъ путемъ; вещи же и бумаги послалъ моремъ на фрегатѣ, который потонулъ, при чемъ погибли записки князя и первый томъ его оттоманской исторіи. Несмотря на постороннія занятія, Кантемиръ въ это путешествіе не забывалъ науки: древность постройки кавказской стѣны и слухи о ней обратили на себя его вниманіе, и онъ задумалъ подробно осмотрѣть и сдѣлать описаніе ея. Царь этимъ остался очень доволенъ и далъ князю въ провозачты 20 драгунъ. Опасенія нападеній дагестанцовъ не дозволили Кантемиру осмотрѣть стѣну на значительномъ пространствѣ, однако онъ успѣлъ на конѣ бѣгло описать и измѣрить ту часть стѣны, которую удалось ему видѣть втеченіи одного дня. Сынъ его, Антиохъ передалъ оставшіяся послѣ отца замѣтки по этому предмету профессору академіи наукъ Байнеру, котораго статья о кавказской стѣнѣ помѣщена въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ академіи наукъ», ч. I, 1728 года, стр. 167 и слѣд.

Бергхольцъ оставилъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько извѣстій о кн. Кантемирѣ, какъ о свѣтскомъ человѣкѣ. Герцогъ голштинскій, при которомъ Бергхольцъ былъ камеръ юнкеромъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, посѣщалъ въ 1721 г. всехъ знатныхъ и, между прочими, бывшаго государя. При этомъ свиданіи не было надобности въ переводчикѣ, такъ какъ Кантемиръ зналъ довольно хорошо по латини и былъ человѣкъ живой и обходительный. Княгиня Кантемиръ въ то время была больна и принимала герцога въ спальнѣ, гдѣ лежала одѣ-

¹⁾ Что эти прокламаціи распространяли на Кавказѣ, см. Поход. Жур. П. В. 1722 г. (Спб. 1855 г.) стр. 99.

тая на парадной постелѣ. Вскорѣ послѣ перваго посѣщенія, князь пригласилъ герцога со свитой къ себѣ на обѣдъ. «Только что вошелъ въ комнату, пишетъ камеръ юнкеръ, гдѣ была княгиня, я принялся разсматривать хозяйку, пораженный ея красотой: она, безспорно, первая красавица между петербургскими дамами. Хотя еще прежде, въ Швеци, я имѣлъ счастье ее видать при бракосочетаніи нынѣшней королевы и при другихъ случаяхъ (княгиня жила въ Стокгольмѣ съ отцемъ, кн. Трубецкимъ, находившимся тамъ въ плѣну послѣ нарвскаго сраженія), тѣмъ не менѣе однако здѣсь я нашелъ ее еще болѣе обворожительною и прекрасною». Слѣдуетъ затѣмъ описаніе прелестей княгини. Дочь князя Кантемира отъ перваго брака не удостоилась чести быть подробно описанной у Бергхольца: въ ея физиогноміи не было ничего особеннаго; только по слухамъ камеръ юнкеру было извѣстно, что она получила основательное образованіе, знаетъ по гречески и хорошо говорить по итальянски.

О сыновьяхъ князя Бергхольцъ замѣтилъ, что они разносили вино гостямъ и одѣты были очень просто, такъ какъ уже записаны въ военную службу¹⁾. Подъ 1722 годомъ, камеръ юнкеръ занесъ въ свой дневникъ всѣ подробности маскарада, бывшаго при дворѣ. Тогда Кантемиръ одѣтъ былъ по турецки, и, какъ знакомый съ Турціею не по наслышкѣ, превосходно исполнялъ свою роль. Въ особенности удивляли камеръ юнкера ловкость князя, когда онъ гарцовалъ по азиатскому обычаю на конѣ. Бассевичъ хотя и былъ постарѣе лѣтами и званіемъ своего земляка Бергхольца, однако въ своихъ запискахъ о Кантемирѣ не нашелся ничего сказать, кромѣ его подвиговъ въ томъ же маскарадѣ²⁾.

Кантемиръ былъ средняго роста, болѣе худощавъ, нежели полонъ. У него была пріятная наружность, разговоръ увлекательный, любезный. Вставалъ онъ обыкновенно въ 5 часовъ утра, курилъ трубку и пилъ, по турецкому обычаю, кофе; потомъ удалялся въ свой кабинетъ и занимался тамъ до полудня. Обѣдалъ умѣренно, вино пилъ не иначе, какъ смѣшанное съ водою. Но въ тѣ времена трудно было вести умѣренную жизнь: Бергхольцъ записалъ, что князь однажды пріѣхалъ домой изъ гостей на веселѣи разстроилъ тѣмъ собравшуюся у жены его компанію. Послѣ одного обѣда, гдѣ принужденъ былъ пить до опьяненія, Кантемиръ сдѣлался боленъ и съ тѣхъ поръ старался избѣгать пооекъ. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ, а потомъ снова занимался до 7 часовъ; вечеръ проводилъ въ семействѣ и въ 12 ложился спать. Въ послѣдніе годы жизни, женившись и бывши членомъ тайнаго совѣта, Кантемиръ во многомъ перемѣнился: государственныя дѣла и красавица жена непримиримы съ кабинетными за-

¹⁾ Busching's Magazin XIX, 71, 76—79.

²⁾ Ibid. IX, 346.

нятіями ученаго ¹⁾. Тотъ же Бергхольцъ сообщилъ мимоходомъ, что князь былъ очень ревнивъ къ второй своей женѣ.

Въ заключеніе этихъ извѣстій, скажемъ, что кромѣ перевода труда Кантемира, есть на русскомъ карта, гравированная на мѣди Александромъ Зубовымъ: «Планъ Константинополя или Царяграда, иже прежде нарицашеся Византія, древле же Вугось; завоеванъ Мухамедомъ вторымъ лѣта господня 1453, мѣсяца мая 29; нарисованный княземъ Дмитріемъ Кантемиромъ» (Спб.) ²⁾.

При Петрѣ Великомъ занимался переводами на русскій языкъ другой выходецъ изъ Турціи—Савва Владиславовичъ Рагузинскій. Сначала онъ былъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Константинополѣ, потомъ переѣхалъ въ Россію и окончательно поселился здѣсь, хотя турки, узнавъ разныя его продѣлки, требовали его выдачи, какъ и Кантемира. Толстой, когда былъ въ Константинополѣ, писалъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ писемъ къ Федору Головину, 7 октября 1702 года: «многими моими письмами увѣщевалъ я одного челоуѣка, порокою рагузинина, Саввою зовуть Владиславлевъ, о которомъ, чаю, милости твоей извѣстно отъ прежде бывшихъ здѣшнихъ пословъ и посланниковъ. И онъ, Савва, съ торгомъ въ Азовъ скоро поѣдетъ, ежели отъ Порты возбранено ему не будетъ, имѣя намѣреніе изъ Азова ѣхать къ Москвѣ. И когда онъ, Савва, на Москвѣ будетъ, изволь съ нимъ милостиво поговорить о здѣшнемъ состояніи, понеже онъ челоуѣкъ зѣло искусенъ и на многія тайныя вещи вѣдомецъ». Далѣе изъ тѣхъ же писемъ Толстова можно видѣть, что Рагузинскій помогалъ ему подъ рукою собирать разныя свѣдѣнія о Турціи, снимать планы мѣстностей, укрѣпленій и т. п. Въ 1703 году, онъ явился въ Россію, и Апраксинъ сообщалъ царю: «писалъ я къ тебѣ, государю, о Саввѣ Рагузинскомъ, что желаетъ онъ видѣть твои государевы очи, а безъ указа его отпустить не смѣю. Укажи отписать, что съ нимъ дѣлать? А челоуѣкъ зѣло надобный, и свѣдомъ на тамошнія дѣла и не глупова состоянія»....

Въ іюлѣ царь писалъ къ Апраксину, что онъ уже видѣлъ Рагузинскаго ³⁾. Тогда же ему дана «за вѣрное служеніе» привилегія торговать въ Россіи, а въ 1705 г. дозволено производить торговые промыслы чрезъ Украйну и малороссійскіе города. Въ грамотѣ по

¹⁾ Histoire de l'Empire Ottoman IV, 467—488. Объ отношеніяхъ Кантемира къ Петру, также некоторыя извѣстія о его семействѣ и между прочимъ о сынѣ его Антиохѣ, извѣстномъ нашемъ сатарикѣ, читатель найдетъ въ приложеніи IX.

²⁾ Хранятся въ собраніи гравюръ И. эрмитажа.

³⁾ Дѣла. П. В. XIV, 62, 74.

этому случаю онъ названъ «иллирійскимъ шляхтичемъ»¹⁾. Въ 1712 г., въ сенатскомъ указѣ объ отдачѣ ему на откупъ пристани корабельныхъ мачтовыхъ деревъ у Архангельска онъ титулуется господномъ надворнымъ совѣтникомъ. Въ 1717 г., ему поручалось опредѣлить въ морскую службу въ Венеціи бывшихъ тамъ молодыхъ русскихъ²⁾. Въ этотъ періодъ времени, Рагузинскій велъ заграничную торговлю, имѣлъ купеческія конторы, отправлялъ корабли за море.

Всѣ эти предпріятія не помѣшали Рагузинскому заниматься книгами: его переводъ произведенія Орбини *Il regno de gli Slavi* напечатанъ у насъ въ 1722 году, подъ заглавіемъ Книга исторіографія. Сверхъ того, въ Публичной бібліотекѣ есть другой рукописный его переводъ (I, Q, № 409): «Совѣты премудрости или собраніе опредѣленій Соломоновыхъ, которыя человѣку, дабы въ поступкахъ своихъ содержалъ разумно, вельми суть полезны; съ приложеніемъ разсужденій на оная опредѣленія; сія книга переведена съ итальянскаго на російскій языкъ». Переводчикъ посвятилъ свой трудъ Петру Великому: «Приступаю со ужасомъ упоминать о преславныхъ дѣлахъ вашего августѣйшества, зная вашу императорскую модерацію; что ни перомъ, ниже словомъ любяши прославлятися, но существомъ неусыпныхъ своихъ трудовъ геройскія свои оказывать дѣла, яко во истину въ нынѣшнихъ и въ будущихъ вѣкахъ никако и никогда же умалчиваемы быти могутъ, понеже свидѣтельствуютъ славу вашу, разширеніе, прославленіе и благоустроеніе все-россійской имперіи. Свидѣтельствуютъ марсовыя поля, одержація толико и толико побѣдоносныхъ триумфовъ. Свидѣтельствуютъ польская, датская и персидская короны крѣпости, храбрости, мужества и постоянства вашего великодушнаго союзнаго оборонительства содержаніе. Свидѣтельствуютъ всѣ фортеціи и грады аноіатичкіе, окрестъ Балтійскаго моря обрѣтающіеся, вашего августѣйшества крѣпкимъ щитомъ защищаемые и въ своихъ свободныхъ прерогативахъ содержанные.... Свидѣтельствуютъ, наконецъ, многія ваши неописанныя добродѣтели, милостивыя щедроты къ вѣрноподданнымъ, страннопримства къ иностраннымъ, подъ крыль всероссійскаго орла притекающимъ, между которыми и азъ, нижайшій, по особливой вашего императорскаго величества милости великодушной,

¹⁾ Полн. собр. зак. IV, № 2044.

²⁾ Полн. собр. закон. IV, № 2558 и V, № 3087. Известно, что въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ Иванъ Неплюевъ, оставившій записки о своей жизни. Въ Венеціи тогда же, вмѣстѣ съ Рагузинскимъ, занимался торговыми дѣлами отъ русскаго правительства Петръ Ивановичъ Беклемишевъ—онъ и опредѣлялъ Неплюева съ товарищами на галерный венецанской флотъ. Этотъ Беклемишевъ происходилъ изъ старинной русской фамиліи и, кажется, воспитывался за границей: по крайней мѣрѣ въ 1710 г. онъ перевелъ театръ, который и былъ напечатанъ въ Голландіи въ 1710 году.

приврѣвъ. Но оцѣвую дѣяній твоихъ славу, аще бы и славные Омиръ, Аристотель и Цицеронъ писали, не могли бы подробно изъяснити я. Азъ же, за краткостію таланта моего, токмо дерзаю августѣйшему вашему любопытству поднести всепокорно сію книжицу, усерднымъ моимъ стараніемъ на російскій языкъ переведенную, Совѣты премудрости нарицаемую, и многая дѣла вашему высокоумному благоразумію подобная въ оной содержащую, которую всеподданнѣйше прошу принять милостиво. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ, надворный совѣтникъ Савва Владиславичъ».

Тексть перевода ничѣмъ не замѣчателенъ, но за то предисловіе и послѣсловіе къ нему любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ о существованіи и въ тѣ времена литературной полемики. Рагузинскій остался недоволенъ переведеннымъ на русскій языкъ трудомъ о магометанской религіи князя Кантемира, и вотъ какимъ образомъ высказываетъ это въ предисловіи: «Хотя довольными російскими книгами, ово отъ туземныхъ мудрыхъ мужей сложенными, ово и съ разныхъ другихъ языковъ искусно переведенными, читающу тебѣ ихъ съ прилежнымъ вниманіемъ, сладившися, веселившися и изрядно пользуещися—не меньшую однако съ плодомъ пользу и изъ сея книжицы, яко титулуется Совѣтами премудрости, чрезъ мое старательство съ италіянскаго на російскій языкъ переведенныя, приобрѣсти можеша: понеже не Есоповы фабулы, или магометанскіе рассказы, или другіе какіе романцы въ ней обрящеша, но самыя святополитичныя поступки для исправленія совѣсти, духа или ума, сердца и страстей, да и языка... Въ послѣсловіи же: «Сія книжица не отъ моего ума вымышлена, ниже отъ моего пера сложена; но отъ мужей высокоученыхъ, благородныхъ и добросовѣстныхъ. Рекохъ—добросовѣстныхъ—и во доброй совѣсти обонихъ вѣковъ человѣческихъ (?) заключается все доброе. А что въ моемъ предисловіи упомянухъ о магометанскихъ розсказкахъ и прочихъ фабулахъ, недавно изданныхъ: аще Богъ не пресѣчетъ вскорѣ жизнь мою, во отвѣтъ оныхъ по другой книжицѣ надѣюсь любезнѣйшаго и мудрѣйшаго читателя удовольствовать и навящую силу добрыя и злыя совѣсти изъяснить».

Съ 1725 г. по декабрь 1728 года, Рагузинскій былъ посланникомъ въ Китаѣ ¹⁾; въ 1731 г. онъ представилъ императрицѣ Аниѣ Секретную информацію о Китаѣ ²⁾, гдѣ въ посвященіи проситъ прощенья въ ошибкахъ противъ языка «отъ недовольнаго въ російскомъ діалектѣ искусіа».

¹⁾ О его дипломатической дѣятельности можно читать подробности въ Словартъ Баттыльш Каменскаго.

²⁾ Напечатано въ Русск. Вѣстникѣ 1842 г. V, 160—243, 284—337.

Имѣя въ виду, что Рагузинскій вель заграничную торговлю, занимался промышленными предпріятіями, ѣздилъ въ Китай, и прежде былъ недоволенъ трудомъ кн. Дим. Кантемира, можно думать, что сынъ послѣдняго Антиохъ въ своей III-й сатирѣ, писанной 1730 года, быть можетъ описывалъ Рагузинскаго подъ именемъ Хрисиппа:

По вся утра торопливъ, не только съ постели,
Но выходить со двора, пѣтухи не пѣли,
Когда въ чемъ барышъ достать надежда какая,
И саму жизнь не щадить. Не давно съ Китая
Прибывъ, тотчасъ онъ спѣшитъ и въ другой край свѣта,
Сбирается, несмотря ни на свои лѣта,
Ни на злобу воздуха въ осеннюю пору;
Презираетъ водъ морскихъ, то бездну, то гору,
Сядъ, беззубъ и весь уже дряхлъ на корабль садится:
Не себя какъ уберечь, потоваръ, крушится;
Скупость, скупость Хрисиппа мучить — не иное:
И прячетъ онъ и копячь денежныя тучи ¹⁾...

Говоря о русскихъ переводахъ иностранныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія, должно замѣтить, что многіе изъ нихъ остались извѣстными только въ рукописяхъ. Число ихъ кажется весьма значительнымъ особенно по тому, что до второй половины XVII вѣка переводы замѣчательныхъ сочиненій очень рѣдки и извѣстны почти на перечетъ. При разсмотрѣніи рукописной нашей литературы той эпохи, не безъ удивленія замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ XVII столѣтія были предвозвѣстниками послѣдовавшихъ тамъ потомъ преобразованій и въ наукѣ, и въ жизни ²⁾. Если разсматривать въ совокупности русскіе

¹⁾ Что Рагузинскій былъ скупъ, то подтверждается вышеприведенными отрывками изъ писемъ К. Зотова (стр. 158 — 159), который жаловался царю, что онъ ничего не даетъ на содержаніе въ Парижѣ своему племяннику.

²⁾ Такимъ образомъ между переводами разсматриваемаго времени встрѣчаемъ: по части философіи и права — сочиненіе Самуила Пухтендорфа, который, какъ извѣстно, возвелъ на степень науки Естественное право и положилъ начало всеобщей Философіи, «Самуила Пухтендорфа о законахъ естества и народовъ книги 2, 3, 6 и 7» (*De jure naturæ et gentium libri VIII*, 1672); Гуго Гроція, прозваннаго отцомъ науки права, «О законахъ брани и мира три книги» (*De jure belli ac pacis libri III*, 1625); Томаса Бурнета (Thomas Burnet), жившаго въ Англіи и получавшаго пенсіонъ отъ короля за сочиненіе, переведенное у насъ подъ титуломъ: «Священная теорія земли, обдержанная начаткомъ и общественными премѣнами нашего міра, которыя или возымѣлъ уже и впредь возымѣеть. Первая двѣ книги о потопѣ и о раю; другія двѣ — о возгорѣніи міра и о будущемъ вещей состояніи; чего издатель есть Т. Бурнетій въ Лондонѣ 1702 г.» *Theoluric theoria sacræ; orbis nostri originem et mutaciones generales quas olim subit et subiturus est complectens*. По части полнѣтческихъ наукъ: «Наставленіе царя о твореніи совѣтовъ и

переводы подобных сочинений, то не трудно убедиться, что они делались съ целью ознакомиться съ теми результатами, которыхъ до

о избраніи совѣтниковъ. О совѣтахъ и совѣтникахъ книга I, съ трактату, или описаніи, Фридерика Фурія Коріолиана о наставленіи князя, съ языка итальянскаго предложенная чрезъ Симона Схардіа, наукъ вызволенныхъ учителя и выкладчика (Consillarii ex Fr. Furii institutione principis; Fredericus Furius имѣлъ прозваніе Særiol, Ceriolanus или Seriolanus (+ 1592 г.), а переводчикъ его писался на латинскомъ языкѣ—Simon Schardius (1595—1672). «На Аргеніи Іоанна Барклая дискурсъ» (Joh. Barclay, naniasal Argonis, изд. Эльзев. 1630, любимое сочиненіе кардинала Ришелье). «Крнеста Гоцкеля, философа, о европейскнхъ царѣхъ и о нхъ величествъ прензачнмыхъ правахъ, и даже до послѣдннхъ правовъ нашихъ подобное описаніе, тцаніемъ Гобелія сочинися» (Ernst Gockel — Basiliographia seu de regibus europæis). «Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, перковное, вомнское и собственное; или всякаго сокровища общественнаго соблюденіе вѣчно, или совѣты на уставленіе и размноженіе и соблюденіе всякаго сокровища, повсюду обрѣтающагося, выданные чрезъ Максимиліана Фауста Ашавенбургскаго во Франкфуртѣ (Maximilian Faust von Aschaffenburg, слнщикъ и адвокатъ, издалъ въ 1661 г. Consilio pro atario, надъ которымъ работалъ двадцать лѣтъ). «Новоумноженный политическаго счастья ковать, со всякими дворовыми и въ свѣтскому житію потребными и на нынѣшннхъ времена особливо учрежденными полезными и вѣщше потребными ученіи, которыя изрядными присловіи, остроумными реченіи и чрезъ обыкновенными примѣрами и приводами украшены и наполнены, и ученому свѣту представлены Христіаномъ Георгіемъ фонъ Бесселемъ, его курфюрстской свѣтлости бранденбургскаго совѣтника и прочая». (Докторъ Christian Georg Bessel издалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ: Schmiede des politischen Glücks darinnen viele nützliche Lehren enthalten neben angefügten schönen Tractatlein etc.). «Іоанна Павла Фелвингера Норнбергскаго, учителя алддорфинскаго, дискурсы политическыи о всѣхъ образахъ владѣтелей добрыхъ и поврежденныхъ, и о ннхъ нѣкоторыхъ матеріахъ, подлежащихъ къ ученію политическому» (John. Paul Felwinger, профессоръ въ Альтдорфѣ напечаталъ Dissertationes politice). «Николая Вернудіа, установленіи полетичныхъ кннги 4, нже вся гражданскаго ученія слоги содержатъ» (Nicolaus Vernulius (de Vernouille) изъ Робельмонта въ Люксамбургѣ издалъ Institutiones politice l. IV, Lav. 1624 и 1635). «Книга Северина в Монзамбана веронскаго, о стать государства нѣмецкаго» (это сочиненіе написано Пуфендорфомъ, прннравнмъ псевдонимъ Severinus de Monzamban въ полемику противъ барона фонъ Хемница, по вопросу объ уничтоженіи вліянія римскаго права и владычества римскаго императора въ Германіи. Сочиненіе Пуфендорфа называлось: De statu rei publicæ germanicæ liber unus. Genev. 1667). «І. К. Бекмана о честахъ владѣтельскихъ 20 бесѣдъ» (знаменитый реформаторъ своего времени Beckmann изд. Notitia dignitatum и мн. др.). По торговому праву: «Павла Марпургера, вновь объявленный купеческій судъ, или благоуотановленная купеческая компанія» (Paul Jacob Marpurger, ученый юристъ, занимавшійся преимущественно торговымъ и полицейскимъ правами; между многими сочиненіями его есть также: Handels Gericht, oder wohl beschitelltes Commercen Collegium). По части Исторіи: «Іоанна Слейдаиа, о четырехъ великихъ монархіяхъ» (Johanni Sleidani, De quatuor summis imperiis libri III); это произведеніе было въ XVI и XVII столѣтіяхъ лучшимъ руководствомъ по всеобщей Исторіи, какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ заведеніяхъ въ Германіи, и породило множество подражаній. «Объ исторіяхъ и славныхъ царствахъ и стагахъ, которыя обрѣтаются въ Европѣ, части 3, выдалъ господннъ Самойло фонъ Пуфендорфъ». Знаменитый основатель Естественнаго и народнаго права въ своемъ Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten so jetziger Zeit in Europa sich finden много способствовалъ улучшенію историческаго метода. «Житіе Антонина, именовааннаго Пеюса, з глгописцевъ латнскихъ собранное» — Роберта Кевхенія (Robert Keuschen изд. Antoninus

стигла наука на западѣ по части политическаго устройства государствъ, законодательства, исторіи и настоящаго положенія ихъ. Рукописи, гдѣ сохранились разсматриваемые переводы, находятся нынѣ въ Публичной библиотекѣ, куда поступили изъ собранія графа Толстова. Въ описаніи собранія его сохранено извѣстіе, что большая часть рукописныхъ переводовъ по части Философіи, Права, Политики, Исторіи, прежде поступленія ихъ къ гр. Толстому, принадлежали къ архангельской библиотекѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына и ему «обязаны своимъ бытіемъ: онъ, будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, поручалъ ученымъ и студентамъ тамошней академіи переводить для себя разныя творенія ¹⁾».

Кн. Голицынъ былъ въ числѣ первыхъ стольниковъ, отправленныхъ Петромъ учиться за границу въ 1697 г., и на его долю выпало провести нѣкоторое время въ Италиі (въ 1700 г., онъ уже былъ по дипломатическимъ дѣламъ въ Константинополѣ), гдѣ русскіе учились въ Перасто (Боко Катаро) у тамошняго ученаго Марка Мартиновича ²⁾.

Въ «Описаніи града Кіева, въ печерской лаврѣ сочиненномъ ³⁾» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о губернаторствѣ тамъ Голицына: «въ 1707 году, генерала Гулица въ Кіевѣ перемѣнилъ ближній стольникъ и намѣстникъ смоленскій, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (пропускаемъ пустыя подробности о томъ, какъ онъ перемѣшалъ и переформировывалъ полки): его стараніемъ и коштомъ вновь построена каменная церковь Николая, что на Столбѣ, и надъ мощами великомученицы Варвары поставилъ онъ со всѣмъ украшеніемъ балдахинъ, кромѣ гробницы, которую дѣлалъ, еще до измѣны, гетманъ Ма-

Pius, sive in vitam Antonii Pii principis excursus politici. Accedit comparatio cardinalium Richelii et Mazarini. Amst. 1667). «Исторія политична, опредѣленна на 6 книгъ, во первой испанскимъ языкомъ, потомъ на италійскій, изъ сего на латинскій преложенна» (подлинникъ мнѣ остался неизвѣстенъ). «Исторія о державѣ французской Юанна Дебусьера (Jean de Bussièges, латинскій стилистъ, издалъ Historia francica etc. Lion 1661 и продолж. въ двухъ томахъ 1670—1671). По части Географіи: «Филиппа Клаверія введение во всю Географію (Philipp. Cluver. Introd. in univers. Geogr., t. vet. q. novam, l. VI, 1624) — это первый опытъ ввести Географію въ политико-историческую область. «Индіи восточной часть седьмая» и слѣдующія за нею по тринадцатую (Gothard Arthus — Indiae orientalis pars IV—X. Oppenheim, 1617,) и др. Здѣсь приведена едва половина переводовъ извѣстныхъ въ свое время произведеній европейскихъ ученыхъ: остальные — или не заключаютъ въ себѣ особенной важности, или остаются безъ оцѣнки по неотысканію точныхъ извѣстій какъ о подлинникахъ, съ которыхъ переводились, такъ и объ именахъ авторовъ ихъ. Вообще должно замѣтить, что переводы ученыхъ сочиненій съ польскаго языка предшествовали у насъ переводамъ съ другихъ языковъ. Такъ напр., ранѣе прочихъ встрѣчаемъ Космографію Бальскаго въ переводѣ 1584 г.; за тѣмъ слѣдуютъ переводы Писецкаго, Гвагинна, Стрыковскаго и др. (впродолженіи XVII столѣтія).

¹⁾ Описаніе ркп. гр. Толстова—К. Калайдовича и П. Строева, М. 1825 г. стр. XXVIII.

²⁾ Одесск. Вѣстн. 1841 г. №№ 27 и 28, смѣсь, стр. 125, статья Тирола.

³⁾ Рукопись П. библ. Р, XVII № 11 — составлена въ 1753 году.

зепа. Онъ же, Голицынъ, вновь австерія завель и виноградный садъ, котораго прежде не бывало».

Въ книгѣ «Алфавитъ духовный» (1713 года), помѣщенъ гербъ князей Голицыныхъ съ приличными стихами и посвященіемъ «священнѣйшаго его царскаго величества сіятельвѣйшему князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, его милости господину губернн кievской губернатору, намѣстнику смоленскому и прочая». Здѣсь архимандритъ кievопечерской лавры Аѳанасій Миславскій писалъ: «Возрѣвше на древній вѣкъ дѣйства, сіятельнѣйшій княже, и обрѣтше въ писаніи божественномъ, сія воспоминаемъ: яко Давидъ, царь израильскій, искаша мѣста достойна селенія Господеву Богу Іаковлю на пренесеніе кивота господня... Соломонъ же царь, сынъ его, обрѣтши мѣсто, сооружи домъ господень, еже есть церковь святая святыхъ, въ нюже внесе кивотъ господень... Подобнымъ образомъ и мы, иноци св.чудотворныя великія лавры печерскія кievскія, — вторицею напечатавше, аще и малую дѣломъ книжицу, Алфавитъ нареченную, духовнымъ и мірскимъ людемъ благопотребную, обаче силою духовныя мудрости зѣло исполненную, — искахомъ мѣста, гдѣ бы, по совершеніи ея, мѣсто заступника и пристанище тойжде изобрѣсти возможомъ: не обыче бо дѣло, художествомъ типографскимъ произведенное, безъ заступника въ свѣтъ исходити, да не растерзанно будетъ зубы Зоилвъ, согрызающихъ и растерзающихъ его. — Обрѣтохомъ убо мѣсто, наставленіемъ божимъ, въ дому вашего княжаго сіятельства, яко нѣкое пристанище доброе, подъ крѣпкимъ вооруженымъ стражемъ и воиномъ гербовнаго ти знаменія, погоня нареченнаго, иже силенъ есть прогнати и сосѣщи завидящихъ доброму и душеспасительному сему дѣлу... Стыдно намъ, яко твоему княжому сіятельству малую сію приносить и приписовати дерзаемъ книжицу, ему же бы достойно великихъ дѣлъ, яко великому между князи, боялары, и крѣпкимъ непреодолѣннымъ его царскаго пресвѣтлаго величества воинствомъ управителю, великое воинское или церковное молитвенное приности и отдавати дѣло, иже по указу его царскаго пресвѣтлаго величества ходилъ полномощнымъ въ турскую отлеглую и далекую землю посломъ — общій всего великороссійскаго малороссійскаго царства становити миръ, идѣже между разговорами и благоразумными своими бесѣдами, не токмо сенаторовъ тамошнихъ, на то установленныхъ, но и самого великаго салтана во удивленіе приводилъ; который къ тому дѣломъ воинскимъ королеви польскому на помощь Саксоніи, на вѣчную свою и рода своего славу, память и похвалу, ходилъ. Но на сіе дѣло ко приношенію возбуди насъ Хрисиппъ, проповѣдникъ слова божія великаго града Іерусалима, глаголюще ко людемъ: дѣлайте, рече, и вы, и аще дары достойны сему жезлу Іесеову, еже есть пречистой Дѣвѣ Маріи, всегда цвѣтущей, приности не возможете, обаче по силѣ добротіе приносите и отдавайте. Прп-

носимъ убо тебѣ книжицу сію... приносимъ, аки звѣздѣ, ясно сіяющей между ясными же звѣздами... между благородными князи и бояры, въдуще ты и видящи изрядно сіяющаго совѣтомъ, крѣпостію, разсужденіемъ, управленіемъ и неискусныхъ наставленіемъ... имъ же ты крѣпко Господь умудри и настави»...

Особенная любовь князя Дмитрія Михайловича Голицына къ просвѣщенію, выразившаяся поощреніемъ переводовъ иностранныхъ серьезныхъ сочиненій, подтверждается словами посвященія одного неизвѣстнаго малороссійскаго переводчика при рукописи подъ названіемъ: «Изчисленіе нарочитшихъ академій и училищъ, въ Европѣ созданныхъ, множайшихъ же и доселѣ различными благопотребными ученыи процвѣтающихъ; преведенное съ латинскаго языка ¹⁾». Конечно посвященіямъ нельзя давать вѣры: въ нихъ не говорятъ правды, а вся цѣль состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно сильнѣе и цвѣтнѣе расхвалить лицо, которому сочинитель, переводчикъ или издатель посвящаетъ произведеніе. Тѣмъ не менѣе посвященіе въ названной рукописи обращаетъ на себя вниманіе уже по тому, что въ началѣ XVIII столѣтія ученые труженики не посвящали своихъ трудовъ петровскимъ придворнымъ и не прославляли ихъ за любовь къ просвѣщенію. Тогда писались и даже печатались похвальные слова, панегирики и вирши: въ нихъ наемники и бѣдняки курили посильный ойміамъ знатнымъ; но тамъ не встрѣчается словъ призвательности, которыя высказаны кн. Голицыну за его любовь къ ученымъ.

Переводчикъ «Изчисленія нарочитшихъ академій» въ посвященіи «сіятельнѣйшему и превосходительнѣйшему князю, его милости господину, господину губернаторови кievскому, его царскаго пресвѣтлаго величества ближайшему стольнику и намѣстнику смоленскому, господину, господину своему милостивѣйшему, желаетъ славы, хвалы, здравія и мирнаго долгоденствія» и говорятъ, что двѣ причины побудили его приняться за трудъ, первая: «да явѣ будетъ всѣмъ могущимъ чести сія, яко всемилостивый Богъ не помрачилъ есть весь міръ тмою конечнаго неразумія», и вторая: «яко переводъ сей дерзнухъ

¹⁾ Рукопись П. библ. XVIII, Q 5; начало: «Обрѣтается въ Ермань. Петру Великому было извѣстно, что кн. Голицынъ заботился въ Кіевѣ о переводѣ книгъ, и онъ не пропустилъ этого безъ вниманія. Въ кабинетныхъ дѣлахъ (I, № 57, л. 473) есть черновое письмо къ Голицыну, по всей вѣроятности, отъ Макарова (безъ года и числа): «Государь мой милостивый, князь Дмитрій Михайловичъ! Царское величество указалъ къ вашему сіятельству послать приложенныя при семъ 5 книгъ, которыя извольте отдать и перевести школьнымъ учителемъ на русскій языкъ; а какъ переведутъ, тогда извольте ихъ прислать сюда въ Петербургъ. Такожъ его величеству извѣстно, что ваше сіятельство изволили приказать въ Кіевѣ переводить нѣкоторыя новыя книги историческія и политическія и прочія, и того для указалъ его величество къ вашему сіятельству описать, чтобы вы изъ тѣхъ книгъ, которыя уже переведены, изволили прислать сюда къ его величеству, и которыя изъ нихъ его величеству понравятся, тѣ изволятъ приказать здѣсь напечатать»...

вашему сіятельству вруčiti, вина не иная есть, токмо яко увѣщанъ есмь—никого же, паче сіятельства вашего, теплѣйшаго премудрости рачителя быти. Ты усердно тщишия вся знати, вся разумѣти, елика безчисленные въ мірѣ мудрецы и авторы древними и нынѣшними времени написаху. Не азъ, но толь многія книги, яже иждивеніемъ твоимъ на свойственный отечества ового языкъ преведенны, тебѣ суть о семъ свидѣтельствуютъ. Чесо бо инаго ради творити хотѣлъ еси сіе, токмо за твою премудрости ревность? Въ толь многомъ же историчномъ, экономичномъ, философичномъ и прочимъ искусенъ уже сущи ученій, еще паче и паче желалши по вся дни что-либо научиться, или паче реку—древлезнаемое воспомянути. Последуя въ томъ премудрому и по всей вселенной иногда славному иконописцу Апшелію, иже еще инымъ чѣмъ въ кой день упраздняшеся, то поне линію едину иконописнымъ перомъ начертываше, глаголя: ни единъ день безъ линіи! Что же реку о любви сіятельства вашего ко мудрымъ? Овыхъ дарами удоволяеши, овыхъ на достоинства возводиши, овыхъ усты твоими прославляеши—всѣмъ благотвориши! Не дерзаю прочія твои благодѣтели восхваляти, да не паче помрачу тыя, нежели издамъ во свѣтъ, младоуменъ азъ сущи...

Читая такой отзывъ о Голицынѣ, не безъ удивленія встрѣчаемъ въ запискахъ дюка де Лирія извѣстіе, что будто бы этотъ покровитель ученыхъ, желавшій имѣть русскіе переводы всего, что было лучшаго и замѣчательнаго по разнымъ отраслямъ наукъ въ Европѣ, говаривалъ о преобразованіяхъ Петра: «къ чему всѣ эти затѣи? развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ жилали наши отцы и дѣды, которые не пускали къ себѣ иноземцовъ?» Эти слова, приписанныя Голицыну испанскимъ посломъ, у насъ пользуются большою извѣстностью: каждый изслѣдователь, говоря о противодѣйствіи современнаго русскаго общества реформъ Петра, долгомъ считаетъ привести выписанное выше изъ записокъ дюка де Лирія ¹⁾.

¹⁾ Изъ этихъ же записокъ не трудно замѣтить, что дюкъ де Лирія представилъ къ Голицыну политическимъ старообрядцемъ по тому, что вообще смотрѣлъ враждебно на его замыслы въ 1730 г. (ср. далѣе) и вѣрно предчувствовалъ, что, съ осуществленіемъ ихъ исполнѣ, испанскому послу не будутъ уже удаваться разныя дипломатическія проделки, которыя онъ предпринималъ въ Петербургѣ, то при помощи подкупа деньгами и орденомъ всецаряго временщика, то съ пособіемъ блестящей иллюминаціи въ честь особы изъ особъ. Князь Голицынъ точно хотѣлъ уничтожить вліяніе иноземцовъ на дѣла Россіи, но не за то, что эти иноземцы были у насъ представителями цивилизаціи: для Россіи были тяжелы тѣ пришельцы-проходивцы, которые, отказываясь отъ своей родины, не хотѣли однако признавать Россіи новымъ отечествомъ, а выѣли въ ней только варварскую страну, гдѣ было можно нажитья и имѣть значеніе. Такимъ людямъ благо Россіи, любовь къ ней были предметами посторонними. Они служили лицамъ съ усердіемъ, все превозмогающимъ, лишь бы имъ самимъ отъ того было теплѣе, а это достигалось, когда усиливалась власть, разрастался произволъ патронновъ, которыми иноземцы исключительно посвящали свое усердіе.

Припомнимъ здѣсь, что владѣлецъ архангельской библіотеки, послѣ смерти Петра II, былъ нѣкоторое время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и руководителемъ партіи, имѣвшей намѣреніе предоставить престолъ Аннѣ Іоанновнѣ не иначе, какъ подъ такими условіями, которыя ограничивали значительно власть новой императрицы. При этомъ случаѣ, кн. Голицынъ никакъ не хотѣлъ, чтобы иноземцы, привлеченные въ Россію при Петрѣ, были участниками въ правленіи. Въ царствованіе Петра Великаго дѣйствительно находилось въ русской службѣ множество иностранцевъ: они были чествуемы и уважаемы, потому что знаніями своими, дѣятельностію приносили пользу Россіи; но при жизни царя, когда все государство зависѣло отъ одной только его воли, эти люди были не болѣе какъ исполнителями, необходимымъ орудіемъ. Когда престолъ перешелъ въ руки женщины; когда Бассевичъ и голштинцы стали при дворѣ первыми лицами, — иностранцы явились главными распорядителями: отъ нихъ зависѣло все, а такое положеніе дѣлъ не могло правиться русскимъ. Когда верховному совѣту, сенату и генералитету было объявлено о смерти Петра II, то кн. Дмитрій Михайловичъ тогда же возвысилъ голосъ, что Россія страдала отъ деспотизма, которому разрослись не мало способствовали иноземцы. Дюку де Лириа, имѣвшему сильную подпору въ Остерманѣ — главѣ партіи иноземческой — не могло правиться такое мнѣніе Голицына, такъ какъ, при осуществленіи его, испанскій посланникъ терялъ прежнее значеніе и вліяніе при русскомъ дворѣ.

Историкъ кн. Щербатовъ называетъ Голицына «разумнѣйшимъ челоувѣкомъ своего вѣка», а собранная имъ библіотека, заботы его о переводахъ ученыхъ сочиненій и знакомство съ ними, конечно, не дозволяютъ думать, чтобы кн. Дмитрій Михайловичъ былъ изъ тѣхъ стариковъ, которые желали возвращенія къ старинѣ. Изъ записокъ Манштейна, которыя до сихъ поръ остаются лучшимъ источникомъ для исторіи русскихъ событій 1730 года, видно, напр., что кн. Голицынъ не хотѣлъ пригласить въ засѣданія верховнаго совѣта высшаго духовенства, такъ какъ зналъ, что это послѣднее не упуститъ случая увеличить опять ограниченную Петромъ Великимъ власть свою. Если бы Голицынъ былъ приверженцемъ старины, то онъ долженъ былъ не только пригласить помянутое сословіе къ участию въ разсужденіяхъ о правленіи Россіи, но и желать восстановленія патріаршества, а съ нимъ — и всѣхъ, хорошо извѣстныхъ прерогативъ этого званія. Кромѣ того, изъ донесеній нѣкоторыхъ иностранныхъ министровъ къ своимъ дворахъ видно, что Голицынъ поручалъ въ 1730 г. повѣренному по дѣламъ нашимъ въ Швецію, иноземцу Фикку составить записку о государственныхъ учрежденіяхъ этой страны, съ цѣлью примѣнить ихъ въ Россіи. Этотъ Фикъ былъ тотъ самый, который въ 1718 г. представлялъ Петру записку о воспитаніи русскаго юношества, на кото-

рой послѣдовало рѣшеніе царя: «сдѣлать академію, а нынѣ прінскать изъ русскихъ кто ученъ». По свидѣтельству Манштейна, Фикъ былъ отправленъ Петромъ въ Швецію для изученія тамошняго законодательства: иноземцу понравился образъ правленія въ тогдашней Швеціи, и онъ, тотчасъ же послѣ смерти Петра II, вступилъ въ переписку объ этомъ предметѣ съ кн. Голицынымъ. При императрицѣ Аннѣ Юанновнѣ, Фика сослали безъ всякаго суда и расправы въ Сибирь, гдѣ онъ и оставался до возшествія на престолъ Елизаветы, которая освободила его изъ ссылки.

Замѣчательно, что въ событіяхъ, происходившихъ въ Петербургѣ въ 1730 году, русскій сатирикъ кн. Антиохъ Кантемиръ, тогда юноша двадцати одного года, принадлежалъ къ противной кн. Голицыну сторонѣ, которая успѣла уничтожить всѣ замыслы его. Другъ Кантемира, писавшій его біографію ¹⁾, не объясняетъ, что заставило особенно Кантемира юношу дѣйствовать такимъ образомъ, а приводимыя при этомъ слова Кантемира, говоренныя имъ его біографу, только сбиваютъ съ толку изслѣдователя. Не должно упускать изъ виду, что кн. Антиохъ былъ врагомъ Голицына по личнымъ расчетамъ: старшій братъ Кантемира женился на дочери Голицына, а этотъ, будучи въ силѣ, все имѣніе свата своего кн. Дмитрія Кантемира, успѣлъ укрѣпить за своимъ зятемъ. Вслѣдствіе того кн. Антиохъ остался бѣднякомъ, но при вступленіи на престолъ императрицы Анны, принадлежа къ торжествующей партіи, достигъ того, что кн. Дим. Мих. Голицынъ былъ сосланъ въ 1737 г. въ Шлюссельбургъ, именно за дѣло по наслѣдству Кантемировъ, что разумѣется не имѣло бы мѣста, когда бы Голицынъ успѣлъ въ своихъ замыслахъ ²⁾.

Князя Дмитрія Михайловича Голицына, конечно, не должно смѣнивать съ тѣми, которые въ 1730 году по личнымъ расчетамъ и необходимости (какъ напр. кн. Долгорукіе), принадлежали къ одной

¹⁾ Въ изданіи *Satyres du prince Cantemir*, Londres 1750, I, стр. XXXII и слѣд.

²⁾ Историкъ кн. Щербатовъ въ своихъ запискахъ, имѣющихся въ рукописяхъ у нѣкоторыхъ любителей старины, такъ рассказываетъ о событіяхъ 1730 года: «Духъ благородной гордости и твердости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ россіянъ, и тако хотя великая часть ощущала неудовольствіе, но никто ни къ чему сильному приступити не дерзалъ. Однако, если не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами нашлись такіе, которые предпріяли разрушить сіе установленіе (задуманное подъ руководствомъ кн. Голицына): Феоданъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себя болѣе славы и могущества приобрести. Василій Никитичъ Татищевъ, человекъ разумный и предпріятельный, искалъ своего счастья. Кн. Антиохъ Дмитріевичъ, человекъ ученый, предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ перморожденія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себя въ почестей, и богатства, которое надѣялся чрезъ умыселъ свой противу установленія получить, и тѣмъ достигнуть еще до желанія своего жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ кн. Алек. Михайловича Черкасскаго, богатѣйшаго изъ россійскихъ благородныхъ....»

съ ямъ сторонѣ. Пожалуй князь Иванъ Долгорукій, тотъ самый, что «на лошадахъ, окружень драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ и по ночамъ въ честные дома вскакивалъ—гость досадный и страшный!» и этотъ человекъ считалъ себя единомышленникомъ Голицына.

По свидѣтельству Манштейна, партія верховнаго совѣта, когда все усилія ея къ ограниченію власти новой императрицы рушились, пришла въ смятеніе—особенно Долгорукіе были въ ужасномъ страхѣ. Одинъ только кн. Дмитрій Голицынъ сохранилъ присутствіе духа и показывалъ даже нѣкоторую гордость. Пріятелямъ своимъ онъ говорилъ: «Ну, пиръ былъ готовъ, да недостойны были званые на него. Знаю, я буду жертвой—пусть будетъ такъ, я пострадаю за родину! Мое поприще кончается: тѣ, которые заставятъ меня плакать, поплачутъ еще долѣе, нежели я!»... И это предсказаніе сбылось....

Х.

Математика. Математическое руководство XVII вѣка. Введеніе арабскихъ цифръ. Печатныя математическія книги временъ Петра Великаго. Астрологія; уснѣхи ея въ Россіи въ старину. Астрономія. Любовь государя къ этой наукѣ. Первое печатное объявленіе о затмѣніяхъ. Календари. Мѣсяцословъ царя Алексѣя Михайловича съ собственноручными замѣтками Петра Великаго. Рукописные и печатные календари конца XVII и начала XVIII вѣка. Брюсъ и его труды на пользу русскаго просвѣщенія вообще. Календарь, извѣстный подъ невѣрнымъ названіемъ Брюсова. Календарь Изволова, составленный согласно требованіямъ науки.

Впродолженіи XVII столѣтія въ Россіи издано было только одно математическое сочиненіе, именно: «Считаніе удобное, которымъ всякій человекъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи ¹⁾». Въ предисловіи такъ объясня-

¹⁾ Эта книга перепечатана при Петрѣ В., см. 2-ю часть настоящаго труда № 267. Кстати замѣтимъ, что г. Забѣлинъ, писавшій о степени распространенія знаній въ допетровской Россіи, не находилъ свидѣтельствъ, которыя бы подтверждали, что у насъ существовали тогда какія либо научныя понятія о математикѣ вообще. Это мнѣніе встрѣтило себя противника въ г. Купріяновѣ. На томъ основаніи, что Новгородъ и Псковъ вели обширную торговлю, и что познанія въ арифметикѣ нужны каждому даже въ домашнемъ быту, г. Купріяновъ выводилъ, что «счетная и торговая часть были у насъ истарину не вовсе безызвѣстны». На такое возраженіе г. Забѣлинъ отвѣчалъ, что представляется сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы въ составъ школьнаго стариннаго образованія, вмѣстѣ съ псалтыремъ и часословомъ, входила и арифметика, въ доказательство тому привелъ нѣкоторыя мѣста изъ похвальнаго слова Петру Феодану Прокоповича, толки въ народѣ о сухаревой башнѣ и стихи въ сатирахъ Кантемира (Отч. Записки, 1856 г. № 4).

лось употребленіе этого руководства: «Сія книжка, читателю любезный, надобна челоуѣку для скорого всякія вещи цѣны обрѣтенія, который кто купити или продати хоцетъ: а мѣра и цѣна за сколько чего, сколько денегъ дати или взяти, объявляется въ сей книжкѣ на всякой страницѣ въ верхнихъ, да въ постороннихъ верхнихъ строкахъ въ клѣточкахъ. И мощно считати всякія вещи, хотя мѣру положить, сколько чего продаетъ или покупаетъ, въ верхней строкѣ, а цѣну въ посторонней строкѣ, и ты отъ того числа пойдѣ рядомъ клѣточками и дойдѣ до той клѣточки, которая стоитъ противъ верхняго числа — столько будетъ за тотъ товаръ и цѣны копѣйками, или алтынами, или рублями... И о семъ, читателю, буди тебѣ извѣстно, что въ сей книжкѣ положено счету, краткости ради, только одно сто. А если мѣра или цѣна превзыдетъ число счета, который положенъ въ сей книжкѣ, и тому возможно по сему же счету, мѣру и цѣну умножая, хотя многія тысячи счесть. Здравствуй и о трудившихся въ семъ дѣлѣ моли Бога». Эта таблица умноженія напечатана въ Москвѣ, въ 1682 году.

Въ рукописяхъ конца XVII столѣтія встрѣчается курсъ математики, подъ заглавіемъ: «Книга сія, глаголемая по эллински и по гречески ариѣметика, а по нѣмецки альгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость; та мудрость една изъ большихъ изъ седми мудростей». Кто и когда именно перевелъ или передѣлалъ на русскій языкъ этотъ курсъ, теперь неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что переводчикъ посольскаго приказа Николай Спафарій перевелъ въ 1672 году ариѣметику, которая нынѣ хранится въ рукописяхъ Чудова монастыря подъ № 159¹⁾, но что это за переводъ и имѣетъ ли онъ что нибудь общее съ названнымъ выше курсомъ — остается не разслѣдованнымъ.

Г. Востоковъ въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея (№ XII) говоритъ объ означенномъ курсѣ, что онъ написанъ малороссійскимъ или какимъ нибудь южнымъ славяниномъ, и что находящаяся тамъ пасхалія начинается 1685 годомъ. Въ П. библіотекѣ есть три экземпляра такой ариѣметики²⁾.

Содержаніе этого руководства весьма разнообразно: здѣсь находимъ не только ариѣметику, но и астрологию, астрономію, товаро-

¹⁾ Обзоръ дух. литер. преосв. Филарета, Зап. II отд. ак. наукъ. II, 244.

²⁾ Два изъ нихъ, полнѣйшіе, подъ №№ 10 и 14, IX; здѣсь вездѣ арабскія цифры; на особомъ листѣ изображеніе ихъ съ славянскими числами. Подъ № 10 ркп. имѣетъ два предисловія; первое начинается: «Хотая мене», второе — «Азъ емь отъ Бога». Ркп. № 14 предисловіе нач.: «Сія мудрость есть»; начало текста въ обнѣхъ: «Та мудрость една изъ большихъ изъ седми мудростей; отъ сего книги философия гречестія изыскали; безъ сего мудрости ни единый философъ не можетъ быти, ни дохтуръ; а кто сію мудрость вѣдаетъ, можетъ быти у государя въ великой чести и жалованіи; по сей мудрости гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарахъ и торгахъ силу знаютъ, и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи. Затѣмъ слѣдуютъ ариѣметическія правила.

вѣдѣніе. Такъ, послѣ первыхъ четырехъ правилъ, названныхъ адноіе или считаніе, сюбстрясіе, по русски выниманіе, мноутипликасіа или умноженіе, дивизіа или дѣловая, помѣщены: «счетная нюмерасіе—указъ, какъ костми считати; указъ о досчаномъ счетѣ (т. е. счеты); о вѣсахъ и о мѣрахъ московскаго государства; о считаніи нѣмецкіа земли о вѣсахъ; сюбстраксіе, вынпманіе или вычитаніе въ нѣмецкихъ вѣсахъ барабанскія земли; о всякихъ доляхъ указъ; тройная въ цѣлыхъ и въ доляхъ всякихъ; статья торговая людемъ; строка тройная фальшивая.» Далѣе помѣщено множество примѣровъ изъ правилъ тройнаго, товарищества и т. п.; между такими примѣрами, въ одномъ есть, что «юноша пошелъ изъ Париса на Брюссель»... Потомъ слѣдуютъ: «Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ; о ефимочномъ и золотомъ и перстнѣ о вынпманіи у трехъ человекъ; цыфирь нѣмецкое число съ русскимъ; указъ, како класть сошную кладь; сіа книга о земномъ верстаніи, како земля вервити; главникъ русскому товару и нѣмецкимъ товаромъ; память нѣмецкимъ товаромъ всякимъ, и ефимкамъ, и золотымъ, и сукнемъ и жемчугомъ, и всякой рухляди, и почему на Москвѣ, и почему на Мурманскомъ и въ нѣмцахъ купятъ и продаютъ».

Въ началѣ рукописи польза ариѳметики изложена въ трехъ статьяхъ: въ первой и послѣдней отъ лица самой науки, а во второй въ предисловіи къ читателю. Такимъ образомъ ариѳметика говоритъ тамъ о себѣ: «азъ есмь отъ Бога свободная мудрость высокозрительнаго и остромысленнаго разума и добротное придарованіе человѣческое; много человекъ превосходитъ безсловесное неразуміе. Азъ бо есмь своимъ легкими крылома парю выиспръ подъ облаки, аще и нѣсть мя тамо, а заочныя, невидимыя и предочныя дѣла объявляю»... Въ предисловіи воздана дань удивленія остроумію и замысловатости ариѳметическихъ правилъ, напр.: «составлено дивное и премудрое считаніе тройное, еже считается въ три перечни, и ражаетъ собою четвертый перечень. Сіа же убо статья, зовомая тройная, въ книзѣ сей по истиннѣ хваламъ достойна. И яко на нѣкоемъ драгоценномъ тканіи чудныя и различныя цвѣты испещрени, или пакн дивныя пестротныя изображенія изящнѣйшихъ художниковъ, еже бываетъ хитрымъ начертаніемъ украшено и различіе учинено—такъ по истиннѣ сіа сему подобно въ книзѣ сей разумѣніемъ и вымышленіемъ дальнимъ учинена и предава»...

Въ П. библіотекѣ ¹⁾ есть прекрасно написанный экземпляръ этого же руководства (только неполный: оканчивается статью «изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ»): «Книга, глаголемая ариѳметика, пятая изъ седми мудростей наука. Начата бысть писати отъ созданія міра въ лѣто 7199 года, индикта 14, круга солнечнаго 3, луннаго 17; отъ Рождества по плоти единосушнаго Отцу Слова 1691; справнаго

¹⁾ Изъ погодни. собр. № 1664.

луннаго слова о, а ключеваго пасхальнаго ѿ; мѣсяца іуніа 28 дня». Списокъ отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что въ началѣ увѣщаніе и предисловіе переписчика написаны въ стихахъ. Между прочимъ въ первомъ говорится:

Да увѣстѣся о семь, яко ариеметика
Девяти числъ, девяти и статей наука.
Десятое же мѣсто ономъ ¹⁾ исполняетъ,
Своего числа мѣсто просто сокращаетъ.
Коему либо въ счетъ необрътатѣся
Ту есть станеть онъ (0), ему же не считатѣся,
Разумѣй, идже онъ мѣсто порозже есть.
Тако въ статьяхъ десятыя науки нѣсть:
Точію вмѣсто того поставкы различны.
Въ строкахъ считаніе славяномъ необычны:
Тѣхъ поставокъ подробно неудобъ и счести,
Кто ихъ навѣкинетъ, можетъ вся подѣ солнцемъ счести!

«Предисловіе книги сей до читатель, винословнѣй паче есть до писатель»:

Благочестивѣйшему читателю,
Во писаніяхъ жизни искателю.
Рачу ти, многолѣтно здрави пребуди!
Извѣстно, читателю, тебѣ буди,
Яко съ неисправной азъ писахъ книги,
Многи неисправы обрѣтохъ: многи
Отъ незнающихъ бысть погрѣшеніе,
Исправа же тому бысть разрѣшеніе.
Яко азъ, ариеметическій трудникъ,
Бывахъ ея доброты ученикъ.
Яко художествомъ тѣмъ не горжуся,
Ниже мудростію ея хвалюся.
Но токмо мои труды обставляю,
Вѣдомость предѣ вами о томъ полагаю,
Дабы мои труды кто не исказилъ,
Незнавъ, прописаніемъ не нарушилъ.
Кая бо честь сладость въ горькость обръщати,
Ли кій прибитокъ свѣтъ въ тьму превращати?
Исправное писати неисправно —
Се есть отъ Бога и казни виновно!
Сего ради молю васъ, читателей,
Паче же искусныхъ книжныхъ писателей,
Аще кто сю вмасть преписывать,
Потщися прилежноприсматривати.
И зная ся, дерзай на сіе дѣло:
Не знавъ же списывать, не будетъ цѣло;
Но во множайшихъ мѣстахъ погрѣшиши,
Числа и рѣчи не такъ напишешы.
Искуснымъ дерзати повелѣваю,
Писать, трудитѣся сонзволюю.

¹⁾ Т. е. нулемъ.

Должны бо есмы... трудится.
Паче же въ писаніи книгъ мудрится.
Яко глубже въ рудъ златокопанніихъ
Тако книжной мудрости во исканіихъ.
Внимая прилежно преписывати,
И списавъ ю слыхити, исправити.
И о чемъ завѣщавъ вашей честности,
То бысть въ моей многодневной трудности.
Аще гдѣ я въ сей книгѣ обрицете
Мое погрѣшеніе, исправите:
Молю вы—же бысть отъ небреженія,
Либо забвенно отъ испытанія.
Вамъ же, господамъ, чытать, мудровати
И о Христѣ много лѣтъ здравствовати!
Рабъ недостойный се вамъ усердствуетъ
И небесныхъ благъ получитьи желаетъ.

Зная это рукописное математическое руководство, не трудно догадаться, на что намекалъ Магницкій, говоря въ изданной имъ арифметикѣ 1703 года: «множайшія ради пользы и лучшаго искусства, собрахомъ сію науку арифметику изъ многихъ разноязычныхъ книгъ греческихъ, латинскихъ и старо-преводныхъ славенскихъ».. Расположеніе, многія объясненія и терминологія заимствованы въ трудѣ Магницкаго изъ разсмотрѣннаго сейчасъ рукописнаго руководства XVII столѣтія.

Олеарій въ своемъ описаніи Россіи сохранилъ извѣстіе объ одномъ русскомъ, пристрастившимся къ математическимъ наблюденіямъ: это былъ Алексій Савичъ Романчиковъ, который, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сопровождалъ голштинское посольство изъ Москвы въ Персію подъ видомъ посланника, на дѣлѣ же для надзора за дѣйствіями иностраннаго посольства ¹⁾).

Романчикову было около 30 лѣтъ: отъ природы умный и ловкій, онъ, наперекоръ обычаямъ своихъ соотечественниковъ, чувствовалъ особенную склонность къ умственнымъ занятіямъ, зналъ нѣсколько латинскихъ словъ, любилъ математику и, чтобы пріобрѣсти познанія въ ней, искалъ случая бесѣдовать съ голштинцами. Во время путешествія съ ними, онъ такъ прилежно занялся латинскимъ языкомъ, что по возвращеніи изъ Персіи, черезъ пять мѣсяцевъ, говорилъ на этомъ языкѣ если не совсѣмъ правильно и изящно, то по крайней мѣрѣ понятво. Узнавъ употребленіе астролябіи, онъ тотчасъ же заказалъ часовщику посольства сдѣлать ему подобный инструментъ, и когда заказъ былъ выполненъ, то Романчиковъ въ каждомъ попадавшемся по дорогѣ городѣ или селеніи снималъ высоту домовъ и занимался математическими выкладками. Само собою разумѣется, что жители, не привыкшіе къ зрѣлищу такихъ наблюденій и занятій, на-

¹⁾ Voyage très curieux et renommé... trad. par Wicquefort, édit. de Leyde 1719, стр. 469, 470 и 1092.

ходили ихъ очень странными. Къ сожалѣнію, конецъ этого домо-
рошеннаго математика былъ плачевный: по возвращеніи изъ Персіи, не
далеко уже отъ Москвы, онъ получилъ письмо отъ своего пріятели,
что царь не доволенъ его дѣйствіями въ Персіи. Это извѣстіе такъ
огорчило Романчикова, что онъ отравился.

Сохранился собственною рукою написанный разсказъ Петра (въ
предисловіи къ Морскому регламенту) о томъ, какъ онъ впервые
узналъ о существованіи астролябіи отъ кн. Якова Долгорукова, какъ
этотъ инструментъ привезенъ былъ послѣднимъ по просьбѣ царя изъ
за границы и какъ не безъ труда отысканъ былъ голланецъ Францъ
Тиммерманъ, который умѣлъ обходиться съ астролябіею. Въ трудѣ г.
Устрялова ¹⁾ можно найти подробныя извѣстія, какъ проходилъ Петръ
математику подъ руководствомъ Тиммермана, а также и учебныя
тетради его.

Говоря о состояніи математическихъ знаній въ Россіи начала XVIII
столѣтія, невозможно пропустить безъ вниманія вопросъ: съ кото-
рыхъ поръ у насъ введены арабскія цифры?

Тредьяковскій, а за нимъ м. Евгеній, Сониновъ и Берхъ говорили,
что первою русскою печатною книгою съ арабскими цифрами была
арифметика Магницкаго 1703 года. Покойный Соколовъ, видя, что
«Книга морскаго плаванія» 1701 года перенумерована этими цифрами,
полагалъ, что эту книгу должно считать самою первою изъ русскихъ,
гдѣ употреблены арабскія цифры ²⁾. Это замѣчаніе Соколова те-
ряетъ свое значеніе, если припомнить, что помянутая книга вышла
хотя въ 1701 году, но не въ Россіи, а въ Амстердамѣ: нѣтъ ничего
замѣчательнаго, что тамъ славянская книга переимѣнена арабскими
цифрами. При томъ же, въ книгахъ, изданныхъ Тессингомъ и Копіев-
скимъ, это встрѣчается даже ранѣе 1701 года: въ Введеніи во всякую
исторію 1699 г., а главное въ Руководеніи во арифметику того же
года, гдѣ всѣ четыре арифметическія правила объяснены арабскими
цифрами.

Втеченіи XVII вѣка, на нѣкоторыхъ гравюрахъ, помѣщавшихся
при изданіяхъ кievской и львовской типографій, годы, въ которые
рѣзались изображенія, означены арабскими цифрами. Въ напечатан-
номъ въ Москвѣ 1647—49 г. Ученіи и хитрости ратнаго строенія,
на многихъ чертежахъ являются арабскія цифры; онѣ есть и въ тек-
стѣ, когда дѣлаются ссылки на тѣ чертежи. Въ Исторіи или дѣйствіи
евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, вырѣзанной на мѣдѣ въ Москвѣ
1685 г., помѣта полистамъ и изображеній сдѣланы также арабскими ци-
фрами. Въ букварѣ Каріона Истомина 1692 г. изображена, между прочимъ,
книга съ надписью Арифметика и съ такими же цифрами. Такимъ об-

¹⁾ Исторія царств. Петра В. II, 18, 19, и прилож. Ж III.

²⁾ Записки гвардр. департ. V, 1847 г. стр. 423.

разомъ, арабскія числа являются у насъ прежде всего введенными на гравюрахъ, рѣзанныхъ на мѣди или на деревѣ. Еще въ 1676 году, во время слѣдствія и суда надъ Артемономъ Матвѣевымъ, его допрашивали о книгѣ лечебникъ, «въ которомъ лечебникъ многія статьи писаны цифирью». Бояринъ отвѣчалъ, что такой книги у него нѣтъ, а есть «тетрадка славенскаго писма, а въ той тетрадкѣ писаны приемы отъ всякихъ болѣзней, и подмѣчены тѣ статьи словами цифирными для приисканія лекарствъ»... Однако слѣдователи не удовольствовались такимъ отзывомъ: осматривали весь домъ Матвѣева, но «книги непотребныя и противныя закону Божию не нашли»¹⁾.

Капитанъ Перри²⁾ говоритъ о Фарварсонѣ, какъ о вводителѣ у насъ арабскихъ цифръ, до котораго всѣ математическія выкладки въ присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ дѣлахъ производились на счетахъ. Перри по этому случаю затѣйливо описалъ наше старинное математическое орудіе, добавивъ, что въ его время въ Россіи людей, знавшихъ ариметику, было весьма мало: они считались остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями.

Въ первый разъ арабскія цифры введены у насъ печатныя въ замѣчательномъ Журналѣ объ осадѣ Нотебурга, изданномъ въ Москвѣ 27 декабря 1702 года (ср. 2-ю часть настоящаго труда № 57), и въ официальномъ документѣ по этому предмету упомянуто, какъ о чемъ-то замѣчательномъ, что Журнала дѣлано 1000 экз., изъ которыхъ «пять сотъ съ цифирными числами, да пять сотъ съ русскими».

О первой русской ариметикѣ 1699 г., изданной Колюевскимъ въ Амстердамѣ, говорено уже во II главѣ, стр. 20—21.

Въ январѣ 1703 года, издана въ Москвѣ ариметика Магницкаго, который былъ ученикомъ московской духовной академіи, когда тамъ еще преподавали Лихуды и ученики ихъ: неудивительно поэтому, что нашъ первый ариметикъ и геометръ, какъ его называютъ (не совсѣмъ справедливо, потому что его трудъ есть только компиляція известнаго въ рукописяхъ XVII вѣка руководства), зналъ риторику и писалъ syllabические стихи. Предисловіе Магницкаго къ ариметикѣ и посвященіе ея царю, по своей риторской напыщенности и многословію, можетъ служить образчикомъ краснорѣчія, которое приобрѣталось въ единственномъ тогдашнемъ разсадникѣ велико-русской учености.

Содержаніе ариметики описано самимъ составителемъ ея: она раздѣлена на двѣ части — «въ первой, яже именуется политика, вся гражданскія потребности, купеческія убо и воинскія и различныхъ чиновъ, ради людей, многіе приклады и образы положихомъ: пропорціи

¹⁾ Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Матвѣева, изд. Новикова, стран. 2, 3.

²⁾ Etat présent de la Russie, 1717, 258—259.

рудь и различныхъ царствъ и временъ, разнство денегъ, и вѣсовъ, и мѣръ, и разливающихся веществъ, тяготу и ныи многіе образцы, яко да всякъ усердствуя, можетъ извѣстно во всякихъ случаяхъ недоумѣніе въ числахъ разрѣшати, насмотряся приличныхъ заданій въ нашемъ собраніи. Въ другой, именуемой логистика, собраніи и положени суть, яже къ геометріи, сіестъ къ землемѣрію и къ навигаціи, сіестъ къ мореплаванію, надлежать. И, ради сея мореплаванія науки, объявихомъ отчасти о фигурѣ міра, сіестъ земли и небеси, и о раздѣленіи ихъ, и о движеніи солнца, и о рожденіи луны и о прочихъ тѣмъ приличнымъ... Магницкій въ награду за составленіе книги получилъ кормовыя деньги съ 2 февраля 1701 года по 1 января 1702, по 5 алтывъ на день, что составляло всего 49 руб. 31 алтынъ и 4 деньги ¹⁾.

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ ²⁾ помѣщено обстоятельное описаніе ариѳметики Магницкаго. При этомъ случаѣ, г. В., говоря о состояніи математическихъ знаній въ до-петровской Россіи, сообщаетъ о рукописномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Книга, рекома по гречески ариѳметика, а по нѣмецки альгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость». Судя по заглавію, это руководство должно быть одинаково съ описаннымъ нами выше. Только г. В. относитъ свою рукопись къ концу XVI вѣка, не указывая впрочемъ, гдѣ нынѣ находится она. Видѣнные нами три экземпляра Публичной бібліотеки и одинъ въ Румянцевскомъ музеѣ относятся ко второй половинѣ XVII вѣка.

Г. В. указываетъ также на рукопись «Книга, именуема геометріа, или землемѣріе радиксомъ и циркулемъ», составленную, вѣроятно какимъ нибудь иностранцемъ математикомъ по случаю измѣренія двинской области; въ ней, между прочимъ, изъясняется сошное и вытное письмо. И эту рукопись г. В. приурочиваетъ къ концу XVI вѣка, безъ указанія, гдѣ ему случалось ее видѣть. Въ концѣ своей статьи, г. В. дѣлаетъ такую оцѣнку описываемаго здѣсь руководства: «Главное достоинство сочиненія Магницкаго есть полнота: это не просто ариѳметика, какъ означено въ заглавіи, но цѣлый курсъ математики съ приложеніемъ ея къ мореплаванію. Впрочемъ, ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ большею полнотою; видно, что авторъ особенно заботился объ этой части своего сочиненія, имѣя въ виду, конечно, болѣе необходимое приложеніе ея къ жизни, чѣмъ другихъ частей математики³⁾. Онъ преимущественно старался указать тѣ случаи, гдѣ можно счесть или измѣрить что нибудь при пособіи ариѳме-

¹⁾ Исторія морск. кад. корпуса стр. 16, 17.

²⁾ Московскія вѣдомости 1857 г. № 68, 69 и 74: «Первая печатная ариѳметика въ Россіи».

³⁾ Ариѳметика у Магницкаго вышла полнѣе прочихъ частей по тому, что онъ имѣлъ подъ руками пространное руководство этой науки, для алгебры же и геометріи такихъ не имѣлось.

тики. Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ въ своей книгѣ множество примѣровъ или прикладовъ, и особенно не поскупился на нихъ при объясненіи тройныхъ правилъ. Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается; почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся сознательно узнать и исполнить убѣдиться въ непреложности математической истины. Въ изложеніи алгебры у Магницкаго меньше полноты; предложены правила, но примѣровъ и практическихъ задачъ почти нѣтъ. Въ геометріи изложены только самыя необходимыя и поверхностныя свѣдѣнія ¹⁾....

Въ маѣ 1703 же года, напечатаны въ Москвѣ: «Таблицы логарифмовъ и синусовъ, тангенсовъ, секансовъ къ наученію мудролюбивыхъ тшателей», гдѣ заглавіе и помѣта по листамъ славянскими буквами, а текстъ съ арабскими цифрами. Во второмъ изданіи этой книги въ московской гражданской типографіи, 1716 года, пояснено, что она напечатана «во употребленіе и знаніе математико-навигацимъ ученикамъ, которые содержатся подъ командою генерала адмирала, кавалера, губернатора, тайнаго совѣтника и президента адмиралтейства, графа Федора Матвѣевича Апраксина... подъ надзрѣніемъ генераль фельд-цехмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса, тшаніемъ и за свидѣтельствомъ математико-навигацихъ школъ учителей Андрея Фарварсона, Стефана Гвина и Леонтія Магницкаго, отъ бібліотекаря В. Кипріянова».

О Фарварсонѣ, какъ учитель навигацкихъ школъ, говорено уже выше въ 5 главѣ на стр. 76. Есть еще одно математическое сочиненіе, также приготовленное «тшаніемъ» Фарварсона и Магницкаго и изданное Васильемъ Кипріяновымъ, именно: «Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя широты», Москва 1722 года. Это изданіе переведено съ голландскаго для математико-навигацихъ же учениковъ.

Изъ другихъ трудовъ Фарварсона извѣстны нынѣ по названію: «Эвклидовы элементы, изъ двѣнадцати ньютонovýchъ книгъ выбранныя, и въ осемь книгъ чрезъ профессора математики Андрея Фарварсона сокращенныя», которые переводилъ съ латинскаго хирургусъ Сатаровъ въ 1719 году ²⁾.

¹⁾ Арифметика Магницкаго описана во 2-й ч. настоящаго труда подл. № 62; нѣкоторыя незначительныя подробности о жизни его у Берха въ Жизнеописаніи руссійс. адмираловъ ч. I, 50—56. Въ П. бібліотекѣ есть въ рукописяхъ дѣло, по просьбѣ Магницкаго о дать ему вустопорожняго мѣста въ Москвѣ.

²⁾ Морской сборникъ 1856 г. № 14, часть нео-инд. стр. 173—174. Здѣсь г. Соколовъ говоритъ, что этотъ трудъ былъ изданъ въ 1719 году (?). Что же касается до Сатарова, то въ архивной рукописи академіи наукъ за 1716—26 есть о немъ письмо Даврентья Блюментроста, отъ 9 сентября 1724 г.: «Благородный господишъ архіатеръ!

Въ мартѣ 1730 года, въ адмиральтействъ—коллегіи было сдѣлано распоряженіе о напечатаніи труда Фарварсона «Тригонометрія плоская и сферическая» въ числѣ 200 экз. Мы известны три экземпляра руководства безъ всякаго заглавія и означенія года и мѣста печатанія, начинающагося такъ: «Тригонометрія плоская, яже надлежитъ ко мѣренію, какъ далекостей, такъ и высоту всякихъ тѣлъ, чрезъ ниже объявленный инструментъ кратко описана и чертежами изображена.» У Сопикова (V, № 12019) она отнесена къ 1739 г., во Всеобщей же библиотекѣ Черткова отмѣчена принадлежащею къ петровскимъ временамъ. Въ шрифтѣ *й* еще нѣтъ, въ срединѣ словъ не рѣдко вмѣсто *и*—*і*, следовательно книга не могла быть изданной въ 1739 г., но ранѣе... можетъ быть около 30 года. Есть ли эта книга трудъ Фарварсона, о которомъ сдѣлано распоряженіе въ адмиральтействъ—коллегіи — рѣшить трудно безъ подлиннаго дѣла этого присутственнаго мѣста.

Сохранились извѣстія, что Фарварсонъ исправлялъ переводы на русскій помянутаго Сатарова; что нѣкоторые изъ трудовъ по части математики этого англичанина были руководствами для учениковъ, для которыхъ ихъ списывали учителя и подмастерья; что Фарварсономъ сочинены Тригонометрія, Алгебра, трактатъ о новой инвенціи для отвращенія вліянія качки при обсерваціяхъ и н. д. Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ остались только указанія въ официальныхъ бумагахъ. самыя же сочиненія не отысканы ¹⁾.

Библиотекаръ Василиій Кириановъ извѣстенъ, какъ издатель всѣхъ вообще учебныхъ пособій математическихъ, равно и географическихъ, для навигаторовъ петровскихъ временъ. Объ изданныхъ имъ въ гражданской типографіи географическихъ картахъ говорится въ началѣ 2-й ч. настоящаго труда. Послѣ напечатанія помянутыхъ выше Таблицъ логарифмовъ 1703 года, онъ издалъ весьма затѣливо: «Новый способъ ариметики теоретики или зрительныя, сочиненъ вопросами ради удобнѣйшаго понятія». Это гравюра на мѣди на трехъ, вмѣстѣ склеенныхъ листахъ (единственный экземпляръ видѣлъ въ И. эрмитажѣ). Вверху листа Духъ св. въ видѣ голубя, съ подписью кругомъ: «Духъ мудрости, Духъ разума». Подъ нимъ въ лучахъ по еврейски имя Бога, а ниже русскій двуглавый орелъ; на груди его Георгій побѣдоносецъ, а въ когтяхъ, вмѣстѣ съ державой и скипетромъ, два города, кругомъ

Въ регламентахъ академіи уставлено, чтобы при всякомъ степени академическомъ былъ переводчикъ, а понеже лекарь Максимъ Петровъ сынъ Сатаровъ въ латинскомъ и русскомъ языку искусенъ и образецъ въ достачествѣ къ переводу показалъ, того ради императорское величество повелѣлъ, чтобъ оный вышепомянутый Сатаровъ былъ переводчикомъ, и отъ сего времени жалованье отъ академіи ему будетъ давано. О семъ, чтобъ медицинской канцеляріи было вѣдомо. Вашего благородія охотный слуга Д. Блюментростъ.

¹⁾ Морской Сборникъ, I. с.

буквы: Б. М. П. Д. В. Г. Ц. И. В. К. П. А. В. В. М. Б. Р. С.¹⁾). Орелъ окруженъ морями, что объяснено надписью внизу гравюры: «въ началѣ убо изображенныя на крылѣхъ орлиныхъ два моря, то знаменуютъ державы его пресвѣтлѣйшаго величества древлее; яже въ когтяхъ орлиныхъ, идѣже держава, сіе трудомъ полученное чрезъ благодать сіяющаго надъ нимъ Бога, во еже побѣдою пристяжа Азовское море; а идѣже скипетръ и мечъ, ту знаменованіе его же пресвѣтлѣйшаго величества трудами притяженное море Балтійское или Варяжское. Вся выше изображенныя четыре моря, орломъ содержимыя, его величества державы стяжанныя отъ всего земнаго глобуса, иже подъ гербомъ изображенъ». По сторонамъ, справа изображенія Пизагора, Гиппарха, Птолемея и Коперника: «онимъ философомъ короны сплетены». Слева — Архимеда, царя алфонскаго (?), Тихо де Браге и Фоцимеда: «за ихъ же тщаніе въ наукахъ почтены». Справа такая надпись:

Ариѳметика сія теорика,
также политика и логистика,
Въ началѣ бо отъ оныхъ издателей,
по ихъ же, и чрезъ иныхъ писателей.

Лѣва:

Но понеже Архимедъ и Пизагоръ
ону пустиша, яко рѣки отъ горъ:
За толикую пользу и благодать
должно велию честь Богу воздать.

За тѣмъ — фронтонъ, поддерживаемый двѣнадцатью колоннами, на четырехъ справа подписи: геометрія, стереометрія, астрономія, оптика; слева: меркаторія, географія, фортификація, архитектура. У подножья каждой изъ этихъ колоннъ эмблематическія изображенія науки. На ближайшихъ къ центру колоннахъ: глобусъ съ ариѳметическими числами: «сими возлетаютъ»; циркуль: «до звѣздъ достигаютъ». Между этими колоннами ариѳметика въ видѣ женщины, сидящей на тронѣ съ пятью ступенями, и надписями на нихъ: «счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе». Вверху и внизу фронтона стихи:

Нынѣ державнѣйшій сей монархъ тщаніемъ,
ученіемъ се удоволялъ знаніемъ:
Ариѳметика дѣйствы наукъ отверзаетъ;
внемли убо, то все на столпахъ изъясляютъ.

По срединѣ листа таблица, гдѣ опредѣленіе науки и раздѣленіе ея: «Ариѳметика есть сирѣчь числительная, сочинена въ толикомъ удобномъ образѣ, яко кійждо можетъ изчислити всяко изчисленіе велие въ продажахъ и купляхъ, мѣрахъ и вѣсахъ, во всякой цѣнѣ и во

¹⁾ Т.-е.: божіею милостію пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь царь и великій князь, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія, малыя, бѣлыя Россіи самодержецъ.

всякихъ деньгахъ, во вся царства всего міра; и служить еще во еже раздѣлити кому всякую вещь во многія части и доли раздѣляти въ товариществахъ, и вкратцѣ рещи: служить во еже изчислити всякое великое изчисленіе что либо еще помыслить человекъ»... Далѣ пять вертикальныхъ отдѣловъ: въ первомъ—общія понятія о числахъ, въ остальныхъ—арифметическія правила для чиселъ цѣлыхъ и дробей, объясненныя краткими примѣрами. Все это съ неизбѣжными силлабическими стихами.

Подъ таблицей изображены: Москва и крѣпость, окруженная водою, съ подписью «С. Петрополисъ 1703—г.»; последнее изображеніе едва ли не должно считать первымъ, гравированнымъ чертежомъ Петербурга.

Гравюра посвящена Петру Великому въ такихъ стихахъ отъ Кипріянова:

Твѣмъ же молю, о самодержце,
къ чести Богу ревный радѣче,
Дабы сей трудъ въ честь Богу пріялъ
и пользу людямъ въ міръ изліялъ.
Твѣмъ убо труждашійся убогій
подагаю главу подѣ ноги,
И желаю, да будетъ сей трудъ
добрѣ пользоваться роскій весь людъ.
Нынѣ же и всякъ лучшій воинъ
ону знать науку достоинъ,
Иже да поетъ Богу славу
и величитъ твою державу
За толикую пользу и даръ,
юже бо весь міръ нынѣ издалъ.
Мнѣ же милость твоя да приндетъ
и милостиво трудъ сей приметъ.

Внизу, послѣ одиннадцати отдѣловъ, гдѣ объясняется вся гравюра, надпись: «сочинися въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта Господня 1705, чрезъ труды Василія Кипріянова. Штыховаль Ѳедоръ Никитинъ съ ученикомъ съ Маркомъ Петровымъ».

Въ рукописяхъ, перешедшихъ въ П. бібліотеку отъ графа Толстова (II, 390), есть переводъ: «Сотня астрономская, еже есть собранная въ краткости на латинскомъ языкѣ въ Вильнѣ; нынѣ же новопреведеса въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 1707; и переписася на обоихъ діалектахъ въ гражданской типографіи тщаніемъ Василія Кипріянова».

Этотъ же Кипріяновъ издалъ въ 1723 г. «Таблицы склоченія солнца, сочиненныя по амстердамокому меридіану», на 1720—41 годы.

Около 1720 г., напечатана «Таблица разности ширины и отшествія отъ миридіана на всякой румбъ, полъ румба и четверть румба компаса».

Въ мартѣ 1708 г., напечатана въ Москвѣ: «Геометрія, славенски землемѣріе», которая въ рукописи прислана была «изъ военнаго походу», съ поправками рукою Петра Великаго «въ премногихъ мѣстахъ». По фронтиспису, приложенному къ печатному ея экземпляру, можно предполагать, что она переведена съ сочиненія, назначавшагося для руководства наслѣдника римской имперіи. Надписи и содержаніе чертежей и рисунковъ свидѣлствуютъ, что они одѣланы были въ Венгріи.

Въ приступѣ «о геометріи вообще» прежде всего объяснено, что «геометрія есть слово греческое, на русскомъ же языкѣ есть оное землемѣріе и искусство поля измѣрять, и имѣеть между искусствами математическими первенство, и безъ онаго способа могутъ (хотя же и истинны суть однакожь) трудносно освидѣлствоватясь.» Далѣе геометрія раздѣлена на теоретичку и практичку. Въ подтвержденіе, что недостаточно знать одну практическую сторону науки, приведенъ примѣръ, который можетъ оправдывать предположеніе объ изданіи подлинника этой книги во владѣніяхъ цесаря: «Не много инако и тому служится будетъ, иже бы токмо едину практичку хотѣлъ: зане онъ царскую крѣпость на песокъ строилъ бы и подъ Дунай рѣку подкопъ бы проводилъ, а на остатокъ съ баварскимъ плотомъ во Индію ѣздилъ бы.» Въ заключеніи сказано, что въ настоящей книгѣ будетъ трактоваться о практической геометріи «и то убо токмо о одинакихъ нужнѣйшихъ пріемахъ, къ чему токмо простой циркуль и правая линейка требуется. Съ помощію же Вышняго, буду такимъ же подобіемъ и прочія части математическихъ искусствіевъ едину по другой мудролюбивому, благородному юношеству въ пользу выдавати.»

Во второй статьѣ «о пользѣ во мѣры художествъ» между прочимъ читаемъ: «днешное (sic) искусствіе даетъ явно вѣдати, что мѣры художествіе не точию сильному владѣнію прибыльно, но зѣло надобно есть, и есть великой прибытокъ въ томъ, дабы въ великихъ владѣніяхъ мѣры художествіе явно учено и обучено было. Звѣздозрители и мудрые небесъ способомъ мѣры художествія признавають теченіе планетъ; вѣдаютъ солнечный востокъ и западъ, лунное ущербленіе и пребываніе; напредъ видятъ затмѣнія; сочиняють календари, часы солнечные и уставляютъ начатіе четырехъ годовыхъ временъ во ихъ подлинныя мѣста... Сего искусства надобность и польза простирается тако далеко, что помстиннѣ сказати возможно, что ничего въ свѣтѣ есть, еже бы не возмогло онымъ преодолѣнно и сдѣлано быти»..

Въ третьей статьѣ говорится «о начатіи мѣры художествія», гдѣ введеніе и усовершенствованіе геометріи приписано египтянамъ, которые, послѣ полноводія Нила, имѣли нужду въ распознаніи своихъ участковъ и полей, а въ концѣ цитруется надпись на дверяхъ училища Платона: «не разумѣй землемѣрія, да не увидеть во училище».

За тѣмъ слѣдуютъ: «Истолкованіе къ тому употребляющихся сло-

весь. Общественныя знаемости (т. е. аксіомы). Общанія или допущенія. Первая книга о предлогахъ мнѣйныхъ (наименшихъ). Вторая книга о плоскихъ фигурахъ. Четвертая книга о круго-описанныхъ фигурахъ. Пятая книга о пропорціональныхъ линияхъ. Шестая книга о корпусахъ или тѣлесахъ. Вся геометрія заключается въ практическихъ задачахъ.

Въ 1722 году, издано было краткое руководство для механики, подъ названіемъ «Наука статическая или механика». Тамъ сказано, что въ напечатанной нынѣ книгѣ находится только «краткое нѣкоторое истолкованіе онаго художества», болѣе же пространное обѣщалось издать въ свѣтъ послѣ. Составителемъ этого краткаго учебника былъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ, біографія котораго также представляетъ много любопытнаго. Въ 1696 г., онъ былъ рядовымъ бомбардиромъ и, послѣ взятія Азова, отправленъ былъ въ Италію при кн. Иванѣ Урусовѣ. Когда Петръ былъ за границей, то перемѣстилъ Писарева въ Берлинъ. Въ 1699 г., Писаревъ возвратился въ Россію и былъ найденъ столь знающимъ, что потомъ въ продолженіи двадцати лѣтъ ему поручалось наблюденіе за теоретическимъ обученіемъ въ бомбардирской ротѣ, морской академіи и даже цифирныхъ школахъ по провинціямъ. Писаревъ былъ, сверхъ того, употребляемъ въ страшныхъ розыскахъ по дѣлу о царицѣ Евдокіи Лопухиной, достигъ значительныхъ чиновъ; одержалъ верхъ надъ Шафировымъ въ ссорѣ съ нимъ въ сенатѣ (см. выше стр. 209—210), наконецъ при Екатеринѣ I сосланъ въ Сибирь¹⁾.

Писаревъ отличался особенною строгостью и неуживчивостью: въ 1706 г., одинъ молодой солдатъ бѣжалъ отъ него единственно потому, что имѣлъ несчастіе потерять трость своего поручика. Въ 1723 году, когда онъ завѣдывалъ морскою академію, изъ 400 воспитанниковъ 116 было въ бѣгахъ. Какъ большая часть его современниковъ, бывшихъ на службѣ въ значительныхъ должностяхъ, Писаревъ допускалъ злоупотребленія изъ корыстныхъ видовъ, въ особенности во время наблюденія за работами на Ладожскомъ каналѣ. Бергхольцъ, знавшій лично Писарева, рассказываетъ, что онъ въ Германіи выучился немного нѣмецкому языку. Въ 1722 г., когда Писаревъ былъ оберъ-прокуроромъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ шведскій графъ Ферзевъ и, имѣя дѣло въ сенатѣ, особенно ухаживалъ за Писаревымъ. Бергхольцъ смѣялся надъ графомъ, потому что онъ старался поддѣлаться къ оберъ-прокурору, садился съ нимъ рядомъ въ гостяхъ и называлъ всѣхъ прокуроровъ и секретарей своими братьями—графъ хлопоталъ о своихъ ливляндскихъ помѣстьяхъ. Далѣе Бергхольцъ описываетъ, какъ герцогъ былъ въ гостяхъ у Писарева, какъ тотъ угос-

¹⁾ Подробности о немъ можно найти у Берха, въ Живнеописаніи адмираловъ, I, 57 и слѣд., а также въ Архиверійскомъ журналѣ 1857 г. III, отд. II, стр. 128, 129, 132—136

тилъ ихъ весьма плохими закусками, а вино подавала невзрачная дочь хозяина. Жена его нѣсколько лѣтъ была больна и не вставала съ постели, однако гости ходили и къ ней, чтобы пить за ее здоровье ¹⁾.

Астрологическія бредни находили у насъ послѣдователей и почитателей съ давнихъ временъ. Такъ еще Максимъ грекъ (+1556 г.) возставалъ противъ звѣздохцевъ и написалъ нѣсколько статей по этому предмету. Въ одной изъ нихъ этотъ ученый говоритъ: «мы бо сами властни изъ начала, отъ Создателя создани бывше, властели есмь своихъ дѣлъ благихъ и лукавыхъ, и никто же надъ нами властитель, развѣ создавшаго насъ: ни ангель, ни бѣсъ, ни звѣзда, ни зодѣй, ни планитъ, ни колесо фортуну, бѣси изобрѣтенные! Да не прельщаемся безъ ума отъ учащихъ сія и проповѣдующихъ зломудренныхъ латынь и прегордыхъ нѣмцевъ».... Далѣе въ посланіи къ нѣкому игумену «о нѣмецкой прелести, глаголемѣй фортунѣ и колеси ея», Максимъ пишетъ: «дивлюся убо, како ты, въ разумѣ богодухновенныхъ писаній искуснѣйшій, болѣе иныхъ сверстныхъ твоихъ, оице скоро съ восхищенъ еси таковымъ богомерзкимъ учительствомъ прелестника Николая германа (нѣмчина)».... Максимъ написалъ на послѣдняго особую статью, подѣ титуломъ. «На Николая нѣмчина, прелестника и звѣздохцеа», гдѣ надсмѣхается надъ нимъ: «Міру убо преставленіе предвозвѣщати спѣшилъ еси, о Николае, повинувся звѣздамъ: внезапное твоего житія разореніе предрещи не возмоглъ еси, ниже предувѣдѣти! Что твоего безумія безумнѣйшее? То убо во истинну щетныя есте учителя премудрости, елицы непшуете звѣздами обноситися всѣмъ, вапсе же безчастіе не можете предувѣдѣти ²⁾». Въ другомъ словѣ, приписываемомъ также Максиму греку, есть извѣстіе, что ему въ Москвѣ, въ 1523 году, давали читать рукопись «списася къ нѣкому отъ своихъ друзей».... нѣмчина нѣкогого родомъ, ученіемъ же и вѣрою латынянина и астрологія, гдѣ предсказывалось паденіе Турецкой имперіи и возникновеніе новаго порядка вещей ³⁾.

Упоминаемый здѣсь нѣмчинъ былъ никто иной, какъ Николай Шомбергъ, родомъ нѣмецкій дворянинъ, вступившій въ доминиканцы и достигшій потомъ въ послѣдніе годы жизни званія кардинала и епископа капуйскаго (+1537 г.). Шомбергъ былъ посылаемъ въ Россію отъ папы два раза въ 1516 и 1519 годахъ и хлопоталъ о соединеніи церквей ⁴⁾.

¹⁾ Büsching's Magazin Th. XX, 578, 579.

²⁾ Рукопись Пуб. библ. I, Q. № 219.

³⁾ Рукопись П. библ. I, Q, № 225, л. 462.

⁴⁾ Въ описаніи ркп. Толстова сдѣлано несправедливое предположеніе, что Максимъ подѣ именемъ Николая нѣмчина разумѣлъ Коперника.

Всѣ возраженія ученаго и правовѣрнаго грека противъ прелестника и нѣмца не имѣли успѣха: астрологическія сочиненія въ нашей старинной, рукописной литературѣ составляютъ довольно значительный отдѣлъ, чѣмъ и доказывается, что они приходили по вкусу читателей и были распространены между грамотниками.

Въ XV и XVI вѣкахъ, астрологія въ цѣлой Европѣ играла важную роль и всѣ выводы ученыхъ, занимавшихся ею, пользовались безусловнымъ довѣріемъ, какъ у народа, такъ и у знатныхъ. Въ первопечатныхъ нѣмецкихъ календаряхъ отразилось это вліяніе суевѣрія: предсказанія, основанныя на наблюденіяхъ звѣздъ, пророчества по аспектамъ занимали тамъ почетное мѣсто. То же самое, если только не въ ббольшой степени, замѣчаемъ и въ Польшѣ, гдѣ рукописные календари извѣстны отъ XIII вѣка, печатные же, какъ и въ Германіи, появляются въ концѣ XV столѣтія ¹⁾). Всѣ польскіе календари, свѣтскіе и церковные, стѣнные и книжками, наполнялиио преимущественно предсказаніями не только о погодѣ, но и о политическихъ происшествіяхъ, о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, даже вступать въ бракъ, забавляться и т. д. Въ отрывкѣ польскаго календаря 1516 года указываются дни дождливые, вѣтеръ, вредъ пашнямъ песчанымъ, сухимъ и т. д. ²⁾

Въ Россію перешли подобныя предсказанія довольно рано: въ одной рукописи, писанной полууставомъ XV вѣка читаемъ наставленіе «о днѣхъ, въ нихъ же достоятъ отъ всего хранитися: не врачевать челоувѣкъ, ни скотъ, кровь пущать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всѣгда. Мѣсяца генваріа 1 да 15; февраля 9 да 22 и т. д. О еже кровь пущать когда подобаетъ и когда не пущать въ первый день мѣсяца, когда звѣзда полезна будетъ и день ³⁾».... По правописанію несомнѣнно, что сборникъ, въ которомъ эта статья, написанъ въ южной Россіи.

Въ концѣ XVI столѣтія, православные, жившіе въ Польшѣ, не рѣдко принуждались къ принятію грегорианскаго календаря, который въ Польшѣ введенъ съ 1582 года. Это подало поводъ къ спорамъ и стычкамъ съ обѣихъ сторонъ. Новымъ календаремъ нашлись недовольные и изъ католиковъ. Объ одномъ изъ такихъ, именно профессорѣ краковской академіи, Янѣ Латошѣ, есть подробности въ трудѣ г. Вишневскаго ⁴⁾: Латоша преслѣдовали насмѣшками единовѣрцы за непринятіе грегорианскаго счисленія, русскіе же греческаго исповѣданія, по той же причинѣ, чрезвычайно уважали бывшаго профессора и дали ему у себя убѣжище.

Для насъ любопытно посланіе Мелетія, патріарха александрій-

¹⁾ М. Wiszniewskiego, *Historia literatury polskiej* IV, 172 и слѣд.

²⁾ *Piśmiennictwo polskie*, Macejowskiego II, 636, *Dodatki*, 317—318.

³⁾ Рукопись П. библ. XVII, Q, № 58, об. л. 68.

⁴⁾ *Historia literatury polskiej*, VI, 369 и слѣд.

окаго «О богопротивномъ календару», напечатанное въ острожской типографіи въ Сборникѣ (безъ особаго заглавія) изъ десяти статей, 1598 года. Здѣсь въ началѣ воздана хвала, что греческою церковью не принято грегорианское счисленіе. Противъ него Мелетій главнѣйше возставалъ по тому, что не согласуется оно съ постановленіями учителей Церкви, и что послѣдуя ему, христіанская пасха будетъ совпадать съ іудейскою. «Аще и глаголемаа правилца не всяко вѣгдѣ сходитися будетъ съ опаствомъ много забавляющихся о семь астрологовъ, не бо астрологи, но отцы суть церковнии учителя»... При томъ же латине, «не вѣдяще, якоже есть, яко по трехъ сотъ лѣтъхъ испадуетъ и ихъ сіе исправленіе, и паки нужда будетъ астрономомъ астрономствовати, иная чаровства приобрѣтающимъ себѣ исправленія, тымъ же нуждамъ надлежащая, сирѣчь вторымъ присно на однихъ исправленій безчисленнѣ требующая, аще на толицѣ протяжеться настоящій уже исходный вѣкъ»...

Въ сборникахъ и отдѣльныхъ книгахъ рукописнаго собранія Публичной бібліотеки есть нѣсколько произведеній, гдѣ предсказывается по звѣздамъ. Они по большей части носятъ названія плавидниковъ. Такъ, напр., одно астрологическое сочиненіе озаглавлено: «О качествахъ разныхъ дѣйствъ седми планеть въ двѣнадцати небесныхъ знакахъ, еже есть кая планета въ коемъ либо знакѣ, егда теченіе имѣти будетъ». Здѣсь описано все, что имѣло случится, когда такая то планета вступала въ созвѣдіе овна, тельца и т. д.; напр.: «аще Сатурнусъ въ тельцѣ бываетъ—скорбій, многій же моръ, ножныя болѣзни въ человекѣхъ; садовыхъ овощей много, желѣза много же, а хлѣба оскудѣніе и всюду глади(ы), люди отъ того знамени много погибають, отъ уразу ¹⁾ бои великіе принимаются»... Когда же Юпитеръ въ тельцѣ: «все въ людехъ пріятно, всѣ блудно, и браки и пиры; скорби же многія отъ ногъ, яже и храми»... Далѣе: «Иное показаніе аспектовъ седми планетовъ, яко о слученіи, шестахъ и третьякъ, тако и квадратъ и противности, егда между собою планеты состоятъ, чрезъ нихъ же разная качества бывають особливо, не якоже впреди положенныхъ аспектовъ». Здѣсь предсказанія, съ изображеніемъ знаковъ планеть и дней, содержатъ въ себѣ болѣе астрологическихъ хитросплетеній; напр.:

□ ♄ ♃ ♀ «Время скорбно и люто: въ человекѣхъ бываетъ скорбь и никогда же лекарства возможно излечити, гладъ же великій бываетъ и отъ многого уразу, отъ скорби, глада—шкода ²⁾ великая, за не сіе время востецамъ, прыщамъ, хоробамъ и всякимъ немощамъ приближися, а воздухъ, яко въ слученіи»... Потомъ: «послѣдствуетъ нынѣ паки объявленіе о аспектовъ же седми планеть во двѣнадцать

¹⁾ Uraz, польское—зло, вредъ, потеря.

²⁾ Szkoda, польское—убытокъ, трата.

Въ рукописномъ сборникѣ конца XVII вѣка; между статьями самаго разнохарактернаго содержанія, находимъ: «О человѣцѣхъ планидиикъ, или календарь мѣсячный человѣческой на 12 мѣсяцевъ, который человѣкъ въ коемъ мѣсяцѣ родится и подъ которою планидою и кто какова обычая будетъ и возраста и счастья, и какіе будутъ у кого признаки, болѣзни, или какое будетъ родимое знамя, и отчего будетъ какое безчестіе и счастье, и кто какова цвѣту употребляти будетъ, кромѣ непотребнаго». Подъ такимъ, вѣроятно для своего времени заманчивымъ, заглавіемъ встрѣчаются предсказанія въ родѣ того, что родившемуся въ мартѣ «хранитися отъ пса», въ іюлѣ «платье во всякомъ цвѣту, кромѣ чернаго», въ сентябрѣ «въ черномъ цвѣтѣ не посчастливится» и т. п. ¹⁾.

На основаніи подобныхъ—то сочиненій составленъ былъ гороскопъ Петра Великаго. Что ему вѣрилъ Крекшинъ, въ томъ еще нѣтъ удивительнаго, но достойно упоминанія то, что лѣтъ 18 тому, одинъ русскій историкъ довольно серьезно спрашивалъ въ своемъ журналѣ мнѣнія астронома о значеніи этого гороскопа.

Въ *Bibliographie astronomique* Де-ла-Ланда (*De la Lande*) подѣ 1700 годомъ отмѣчено, что въ Россіи Брюсъ началъ дѣлать нѣкоторыя астрономическія наблюденія, которыя представлялъ Петру Великому.

Фарварсонъ, кромѣ преподаванія математики въ навигаторскихъ школахъ и составленія учебниковъ, обязанъ былъ заниматься астрономіею и особенно вычисленіями о времени и продолжительности всѣхъ видимыхъ въ Россіи затмѣній, что ученый англичанинъ исполнялъ, къ удовольствію царя, съ чрезвычайною точностью. По настоянію Фарварсона, Петръ выписалъ очень хорошіе телескопы, инструменты и книги, необходимыя при астрономическихъ наблюденіяхъ. Перри, издавшій царя, рассказываетъ, что государь любилъ самъ наблюдать затмѣнія, дѣлать замѣтки о нихъ и потомъ разсуждать, въ присутствіи бояръ и придворныхъ, о причинахъ подобныхъ явленій и о движеніи небесныхъ тѣлъ по системѣ знаменитаго Исаака Ньютона. Гдѣ бы царь ни находился, куда бы ни намѣренъ былъ отправиться, но если имѣло быть какое либо затмѣніе, особенно солнечное, — Фарварсонъ непремѣнно получалъ приказаніе, иногда изъ подѣ Азова, другой разъ изъ Польши или Петербурга, описать всѣ обстоятельства и подробности затмѣнія именно для тѣхъ мѣстъ, гдѣ госу-

¹⁾ Рукопись П. библ. XVII, Q, № 27.

дарь намъ вѣровался наблюдать его, и такія описанія заранѣе отсылать къ нему ¹⁾).

Въ первый разъ напечатано было о имѣвшихъ быть въ 1706 г. затмѣніяхъ въ Вѣдомостяхъ 1706 г., апрѣля 10 :

«Изъявленіе о затмѣніяхъ. Нынѣшняго 1706 лѣта четыре затмѣнія явятся: два на солнцѣ и два на лунѣ; которыхъ два затмѣнія на лунѣ и единое на солнцѣ подѣ нашимъ оризонтомъ (аще чистъ воздухъ) видны будутъ. Первое видимое затмѣніе на лунѣ будетъ по старому календарю, сирѣчь по нашему, апрѣля въ 17 д. по утру. Начало будетъ во 2-мъ часу, въ 48 минутъ. Средина въ 4 ч. 16 м.; конецъ въ 5 ч. 44 м. А по новому календарю, апрѣля въ 27 д. въ 1 ч. въ 42 м. въ ноци: начало во 12 ч. въ м. 24; средина въ 1 ч. въ м. 42; конецъ въ 2 ч. въ м. 59. Второе видимое затмѣніе на лунѣ будетъ по старому календарю октября въ 10-й д. ввечеру: начало въ 8 ч. въ 38 мин.; сред. въ 10 ч. 1 м.; конецъ въ 11 ч. 24 м. По новому—октябръ въ 21, въ 8-мъ ч. въ м. 23 ввечеру: нач. въ 7 ч. въ м. 23; сред. въ 8 ч. въ м. 5; конецъ въ 9 ч. въ м. 41. Третіе видимое затмѣніе на солнцѣ будетъ по старому календарю мая въ 1 день по рану. Начало въ 11 ч. въ 17 м.; сред. въ 12 ч. 34 м.; конецъ въ 1 ч. въ 52 м. По новому—мая въ 12 д. въ 9 ч. въ м. 34 предѣ полуднемъ: нач. въ 8 ч. въ м. 33; сред. въ 9 ч. въ 34 м.; конецъ въ 10 ч. въ 40 м. Сіе затмѣніе, когда солнце на большую часть помрачится у насъ (если небо свѣтло) съ великимъ удивленіемъ и страхомъ больше дву часовъ видимо будетъ. Четвертое невидимое затмѣніе будетъ на солнцѣ по старому октября въ 25 день, по новому ноября въ 5 день, въ 3-мъ часу въ 19 минутъ послѣ полудни. А понеже луны паралляксисъ широтою къ южной странѣ отъ насъ разстояніе имѣеть, того ради сіе затмѣніе не можемъ усмотрѣть».

Въ календарѣ на 1724 годъ, для объясненія русскимъ читателямъ настоящей причины затмѣній, помѣщена статья «Вѣдѣніе, откуда затмѣнія происходятъ», написанная на основаніяхъ, принимаемыхъ наукою.

Любовь государя къ астрономіи и желаніе распространить въ Россіи свѣдѣнія, преподаваемыя этою наукою, объясняютъ появленіе въ русскомъ переводѣ и даже два раза, въ 1717 и 1724 годахъ, произведенія извѣстнаго въ свое время астронома Гюйгенса (Huyghens по латини Hugenus) *Kosmoteros sive de terris coelistibus earumque ignatu conjecturae*. По свидѣтельству Деламбра, это одно изъ слабѣйшихъ сочиненій Гюйгенса, написанное имъ уже въ старости. Вотъ содержаніе первой части, которая только одна и переведена была у насъ: вѣроятно всѣ звѣзды обитаемы, такъ какъ изъ нихъ есть много невидимыхъ простымъ человѣческимъ глазомъ, слѣ-

¹⁾ Etat présent de la grande Russie, Paris 1717, стр. 255—257.

довательно созданных не для насъ. Юпитеръ и Сатурнъ имѣютъ въ некоторое сходство съ землею, а потому могутъ имѣть воды, животныхъ, наконецъ если не людей, то по крайней мѣрѣ существъ, одаренныхъ разумомъ. Гюйгенсъ хотѣлъ перенести на звѣзды то, что онъ зналъ на землѣ, такъ какъ человѣку въ возможности вообразить себя что нибудь другое. Авторъ кончаетъ, что если бы можно было перенестись въ тѣ міры и акклиматизироваться, то конечно многое привело бы тамъ челоуѣка въ изумленіе. Какъ нравились подобныя мечтанія въ тѣ времена, доказывается тѣмъ, что трактатъ Гюйгенса былъ тотчасъ же переведенъ на многіе языки. Но оставляя въ сторонѣ достоинство этого произведенія, скажемъ, что русскій переводъ его замѣчательнъ въ томъ отношеніи, что въ немъ принята система Коперника, которой не далѣе какъ въ географіи, напечатанной у насъ въ 1710 году, предпочиталось мнѣніе Тико де Браге. Разумѣется, что не только гипотезы Гюйгенса, но и аксіомы, принятыя наукою, должны были казаться въ его книгѣ странными и даже еретическими для русскихъ читателей. Поэтому переводъ снабженъ предисловіемъ, гдѣ говорится: «и не буди читателю россійскому чюжо, что нашъ земный глобусъ, купно съ прочими тремя малыми планетами Марсомъ, Венусомъ и Меркуріемъ, такъ зѣло малыми зернышками, примѣромъ противъ солнца почитая, представлены суть; луна же убо такова мала и незнатна, что едва видѣти возможно... Всѣ астрономическія обсерваціи и изъ иныхъ произведенные геометрическіе доводы необманно даютъ, якоже онымъ, еже искусство во ариѣметикѣ и геометріи имѣютъ, легко показати возможно, прочіимъ же общей пословицы, чтобъ искусному и обученному художнику въ его ремеслѣ или художествѣ вѣрити, держаться надлежитъ, и того для стерещися, дабы таковыя, ихъ поятію или выразумѣнію трудныя дѣла, не за смѣхъ или басни почтены были»... Несмотря на это предисловіе, книга въ свое время считалась самою богопротивною, и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія выходки нашихъ ханжей.

Самый старинный рукописный календаръ мнѣ извѣстенъ съ такимъ подписаніемъ: «Царю наясвѣйшему и великому господарю Алексію Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Русьи самодержцу и прочая — годовый разписъ или мѣсечило, отъ Рождества Бога и Спасителя нашего Исуса Христа на годъ тысящный шестсотый и шестдесятый (?), 1670 ¹⁾».

¹⁾ Календаръ хранится въ И. эрмитажѣ № 85, полка 3, №; нач. «Изложеніе знамень первая... Рукопись я составлена, и переписана очевидно малороссомъ; по предсказаніямъ же можно безошибочно сказать, что календаръ переложенъ съ польскаго.

Сначала объяснены знаки, показывающіе фазисы луны. Потомъ мѣсяцословъ: на правой страницѣ имена греческихъ святыхъ, на лѣвой — католическихъ; первая раздѣлена на шесть отдѣловъ: 1) арабскими цифрами числа мѣсяца; 2) они же славянскими буквами; 3) названія дней, обозначенныя начальными буквами, воскресенья отмѣчены буквою; 4) фазисы луны; 5) имена святыхъ, празднуемыхъ православною церковью; 6) предсказанія о погодѣ. Вторая, лѣвая страница содержитъ въ себѣ пять отдѣловъ: 1) числа мѣсяца по старому стилю славянскими буквами; 2) соответствующія имъ числа новаго стиля; 3) начальныя буквы названія дней по латини; 4) католическіе святцы; 5) предсказанія о политическихъ событіяхъ. Счисленіе принято съ января мѣсяца.

Съ л. 15 по 20 помѣщены астрологическія предсказанія; на 21 л. объясненіе знаковъ, когда что дѣлать, впрочемъ ихъ въ самомъ текстѣ календаря не встрѣчается. Эта статья озаглавлена: «Изложеніе знамянъ; на слѣдующа знаменія немогашоя здѣ исписати, но обрѣтаются въ нѣмецкихъ книгахъ по числѣхъ нѣмецкихъ, и ради того положихомъ нѣмецкая числа на початку».

Всѣ предсказанія календаря кажутся весьма темными не только по тому, что вообще астрологи для поддержанія къ себѣ довѣрія въ читателяхъ старались выражаться не ясно, но также отъ дурнаго перевода. На поляхъ рукописи противъ нѣкоторыхъ предсказаній сдѣланы поясненія тою же рукою, которою писанъ календарь. Сверхъ того, темнота предвѣщаній обратила на себя вниманіе Петра Великаго, когда ему попался въ руки календарь, и онъ на всѣ, казавшіяся темными мѣста сдѣлалъ собственноручныя объясненія, а именно:

Текстъ календаря

л. 3, въ концѣ января: велика небес-
печность предъ ногами.

л. 4, въ началѣ февраля: Богъ отверни
велику супротивность, каая ся показываетъ
здѣ между духовными и мірскими лю-
дьми.

Туженія достойно счастіе бѣднаго
водника и дѣтей его.

л. 5, начало марта: веселіе главы
леко смущене будутъ.

л. 7, въ мая: быкъ добудеть единъ
твердъ ударецъ. Можешь добро раз-
мыслити, что предъ себя взимляешь:
безъ мала узришь нечаястно збітіе
своего замышленья.

Зеленити ся починаетъ съмя много-
личныхъ слабостей.

л. 8, іюнь: Дѣвица зловольна.

Замѣчанія Петра Великаго.

Всѣмъ не надежно счастье.

Къ нѣмецкимъ костеламъ.

Которыя подъ тѣмъ знаменемъ го-
сударства есть, а не вѣдомо которому.
Война всѣмъ смѣлымъ.

Подъ быкомъ многія государства.

Всѣмъ, которые воюются.

Болезни великія на свѣтъ кажетъ.

Которое (т. е. государство) подъ
дѣвицею, (т. е. подъ знакомъ дѣвы).

л. 9, июль: Маршъ (ратный богъ) хоцетъ монастыре посыщати и святе поклады оглядати.

Орель високо стрясаеть крила своихъ замисловъ.

л. 10, августъ: Далеко смерающа преображена и велика преманена услышати ся на господарскыхъ дворахъ.

На мору(ъ) непщую корвавь вихорь.

Лисяцы ратують и обладають.

Аще Богъ допуститъ, дьяволъ будетъ далеко и широко на тервогу трубити.

Премногу милость обрѣтаеть Меркуриушъ (посольскій богъ) въ сердцехъ людей храбрыхъ и добровольныхъ.

л. 11, сентябрь: что судишь, да имають прилести различны сходи и договори въ сѣхъ мисецехъ?

Миръ или неизговорную бѣду.

На явкѣ князья будутъ тайнѣ засьды и наступованя.

Прими ся дѣла руссами и веди явь напредь. Что прѣдъ симъ не хотваше ся зытити, тому отсель добръ поводъ узришь.

л. 12, октябрь: боюся, что вздець червѣннаго коня вздду чернаго коня свое владанье уступитъ или попуститъ.

Змѣй можетъ зѣв одну смертвую раны добыти.

Что ти ся здаеть о павовой ошмбъ?

Леву растеть смѣлость.

л. 13, ноябрь—удастья, како отъ Востока конецъ добре вѣсти принесть.

л. 14, декабрь—Биволь зло справенъ

Об. л. 17, червѣнный орель—голландска земля.

На 18 л. Черный левъ—брандебурскій князь.

Католиковъ выше будутъ льготы.

Цесарь.

Всѣмъ обща государемъ.

Будеть битва на морь.

Голландцы.

Аще Богъ попуститъ, то я суща дьяволъ на войну поущать будетъ.

Часть добрый на обманъ.

Советы посольскіе будутъ сходно (sic).

Вышереченное либо добро, либо худо.

На удѣльныхъ князей будутъ неприятели наступать.

Дѣло тяжко было прѣжъ сего, государское лучше будетъ легко дѣлать.

Т. е. война престанеть, а уступитъ голоду и мору обще на весь святъ, какъ гдѣ прилучатся.

Шведской.

Бранденбургскій и саксын (sic).

Шведъ.

О побѣжденіи жъ турокъ.

О турскомъ сіа и волоскомъ.

Бранденбургска (вм. зачеркнутаго голландска).

Голандцы (вм. зачеркнутаго брандебурскій князь).

Въ концѣ XVII вѣка, попадаются переводные отрывки изъ календарей, издававшихся въ Швеціи Іоанномъ Генрихомъ Фохтомъ. Такъ, напр., отсюда заимствована статья «Повѣсть о Махметѣ и о началѣ ученія и отчинѣ отъ лѣтописцевъ христіанскихъ» въ одной рукописной степенной книгѣ Румянцовскаго музея. Статья переведена изъ календаря Фохта на 1684 годъ.

Она же переписана въ хронографъ того же времени и также хранящемся въ названномъ музеѣ ¹⁾.

Замѣчательно, что по свидѣтельству Корба, писавшаго о Россіи въ 1699 г., календари Фохта были тогда подвергнуты въ Москвѣ запрещенію. Корбъ, въ одномъ изъ предсказаній Фохта «Москва не избѣжитъ опредѣленнаго ей несчастья» видитъ намекъ на случившіяся потомъ стрѣлецкія смуты.

Рукописныя переводы нѣмецкихъ календарей начались у насъ ранѣе, нежели они явились печатныя. Такъ, напр., въ И. эрмитажѣ есть нѣсколько рукописныхъ переводовъ календарей, которые были сдѣланы въ посольскомъ приказѣ, слѣдовательно не для публки, въ концѣ XVII вѣка, а именно:

«Іоанна Гендрика Фохта, королевства свейскаго математика, различныхъ гисторей календарь на 1691 годъ христовъ ²⁾». Здѣсь сначала помѣщено предисловіе сочинителя календаря, который говоритъ о себѣ: «не творю здѣсь жалобу, что много сличныхъ зноевъ жаркихъ терпѣль, и не похваюсь, что много работаль; но что уже отъ игралица міра и путешествованія докученъ и утомленъ есмь. Слышу, что слабокостную старость 77 лѣтъ въ зеркалѣ міра ослабляетъ и игравіе вскорѣ оставятъ. А при нынѣшнемъ моемъ написаніи календаря на 1691 г., дай Боже счастливый и благословенный годъ, благопривѣтствую всѣмъ обще возлюбленнаго Бога милость и благоизволеніе къ доброму здравію, къ безопасной тишинѣ, благословенію, къ богатому воспитанію и ко всему желаемому благополучію». Потомъ предсказанія о погодѣ и политическихъ событіяхъ по мѣсяцамъ и временамъ года. За тѣмъ статьи: а) предобъявленіе звѣздосмотрительно, вѣстописательно къ историческому календарю на 1691 г.; б) о затмѣніяхъ; с) о пожарахъ; d) о плодахъ и неплодіи земномъ; e) о здравіи и болѣзняхъ; f) о войнѣ и мірскихъ дѣлахъ, g) гисторія или вѣстоописанія; i) о рудометаніи, и k) овощи какъ садить.

«Календарь о малобываемыхъ вещьхъ Ягана Гендрика Фохта, королевскаго свейскаго математика на 1695 лѣто отъ Р. X. Преведенъ съ нѣмецкаго языка на словенское реченіе въ государственномъ посольскомъ приказѣ переводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 203 (1695) января въ 20 день ³⁾». Содержаніе: краткая хронологія, предсказанія по временамъ года и на каждый мѣсяць погоды и разныхъ обстоятельство; перемѣны на землѣ отъ появленія кометъ; затмѣнія; о пожарахъ; о здравіи и болѣзняхъ; о плодородіи и недоподіи; о войнѣ и мірскихъ дѣлахъ; о появленіи новыхъ звѣздъ, и, наконецъ, опять предсказанія на весь годъ. Въ статьѣ о здравіи и болѣз-

¹⁾ Описан. Востокова № ССССХІІІ и ССССCLVII.

²⁾ № 67, полка 2; въ 4°, 42 л.; нач.: «О зеркалѣ міра».

³⁾ Им. эрмита. № 73, полка 2; въ 4-о, 39 л.; нач. «Да владычествуетъ Богъ».

няхъ, Фохтъ является врагомъ французскаго вліянія: «расположеніе нынѣшнее, изнурительное житіе, подчиваніе и домодержаніе бѣльшей части людей: молодые живутъ во всеневномъ пьянствѣ и обжорствѣ, въ лакомствѣ и пиршествахъ, въ распаленіи и похотяхъ, въ гуляніи и праздномъ хожденіи. Старые же чинятъ и смѣютъ, да съ ними жъ лжуютъ и окушиваютъ; съ ними жъ и то, и ничто не угодно есть, что не французъ сѣкъ и пекъ, мѣшалъ и строилъ. И того ради тако и идетъ: чюждья ѣствы, инья природы; чюждья скорби, инья и лекарства (послѣди же французская вѣра, французское небо). Расположите жъ состояніе сего времени: не имѣемъ ли мы французскія болѣзни въ казенныхъ своихъ хранилищахъ, въ сундукахъ и мѣшкахъ, въ крѣпостяхъ, градахъ и весяхъ, на тѣлесяхъ и въ сердцахъ, на языкахъ и словахъ и въ вѣрѣ? Боже, избави насъ отъ французскаго неба!»

«Историческій календарь Ягана Генрика Фохта, королевскаго свейскаго математика на 1696 лѣто отъ Р. Х., а переведенъ съ нѣмецкаго языка на словенское реченіе въ государственномъ посольскомъ приказѣ переводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 204 (1696) году, сентября въ 1 день ¹⁾». Статьи и расположеніе этого календаря одинаковы съ предъидущимъ: къ главѣ «о войнѣ и мірскихъ дѣлѣхъ» присовокуплено «историческое или бытейное объявленіе о потопѣ, како оное отъ Матеѣя Дрессера, профессора въ Лейпцикѣ, описано есть».

«Новый календарь Станислава Словаковича изданъ на лѣто отъ Р. Х. 1696; печатанъ въ Краковѣ; переведенъ въ посольскомъ приказѣ 1696, октября 2 ²⁾». Этотъ переводъ польскаго календаря раздѣленъ на двѣ части: «предъугаданія общественныя часть первая», гдѣ о погодѣ и разныхъ случаяхъ предсказывается въ общихъ выраженіяхъ. Во второй части прореканія на каждый мѣсяцъ касаются политическихъ событій въ государствахъ: напр. въ апрѣлѣ:

Думайте крѣпко орлы, чтобъ не потеряли
Того, что великою храбростію взяли.

«Орлы просто — цесарь, московскій царь». Подъ 7 іюлемъ: «левъ желтый съ крыльями слабо держитъ мечъ въ правой рукѣ — венецкое государство» и т. д. Календарь кончается «предъугаданіями о поведеніи нѣкихъ государствъ порубежныхъ», гдѣ дѣло идетъ о Москвѣ, Швеціи, Даніи, татарахъ и проч.

«Математическихъ хитростныхъ тонкостей календарь на 1697 лѣто отъ Р. Х., въ немъ же описуется купно съ провѣщаніемъ и о солнечномъ бѣгѣ и о высотѣ въ великости онаго, такожь и объ осно-

¹⁾ Рук. И. зр. № 74, полка 2; въ 4°, 40 л: начало тоже, что въ предъидущемъ. Статья о временахъ года нач.: «О зимѣ. Солнечное восхожденіе...»

²⁾ Ркп. И. зр. Ит. № 75, полка 2; въ 4°, 16 лст.; нач.: «Начало поворота»...

вательномъ счисленіи солнечныхъ и мѣсячныхъ затмѣній; сочиненъ въ первые отъ Павла Галкена, математическаго художника, учрежденнаго, письменнаго и сочинительнаго мастера града Буксегуда. А переведенъ съ нѣмецкаго языка на славенской въ государственномъ посольскомъ приказѣ преводачникомъ Петромъ Шаэириковымъ въ нынѣшнемъ 205 (1697) году въ ноябрѣ мѣсяцѣ ¹⁾».

Этотъ календарь почти одинаковъ, по содержанію, съ переведенными у насъ изъ Фохта; только авторъ его менѣе толкуетъ о развращеніи нравовъ и хотя предсказываетъ о войнѣ и мирѣ, однако оговаривается, что объ этомъ можетъ знать одинъ Богъ. Замѣчательно также предисловіе къ статьѣ о затмѣніяхъ: «Сія глава есть единая изъ начальнѣйшихъ въ календарѣ, которое календарное сочиненіе большую часть въ почтеніи и чести содержитъ, ибо егда бы кто похотѣлъ сочинителя календарнаго тѣмъ укорить, что календарныя ихъ провѣщанія недостоверны суть и невозможно на нихъ полагаться, и тогда возможно ему на мѣсячныя затмѣнія, въ нихъ описанныя, указать и тѣмъ очевидно уличить, что не все недостоверно есть, что въ календаряхъ провѣщаютъ. Но жалобы достойно есть, что большая часть календарныхъ описателей сію начальнѣйшую главную статью легко проходятъ, которая всѣмъ ихъ трудамъ лучшее почтеніе и достоверность получить можетъ. Не вѣдаю же азъ, отъ небреженія ли, или отъ недоразумѣнія сіе чинится ²⁾».

Въ Публичной бібліотекѣ въ рукописи (№ 1760), поступившей изъ погодинаскаго собранія, помѣщены переводы календарей:

«Вольфганка Гендрика Аделунгка, гамбургскаго математика и астронома, исправленный любопытный календарь на 1706 лѣто по Р. Х.» Начинается онъ хронологіею: отъ Р. Х. — 1707; отъ сотворенія міра, по мнѣнію Кальвизія 5651; отъ начала міра, какъ содержитъ восточная церковь — 7215; отъ потопа всея плоти — 3999; отъ начала четырехъ монархій, яко вавилонской — 3879, персидской — 2243; греческой — 2033; римской — 1785; отъ исхода израильтянъ — 3202; отъ страданія, воскресенія и вознесенія Христова — 1673; отъ начала іюліанскаго календаря — 1751; отъ коронаціи Леопольда 1 на римское цесарство — 48; отъ коронованія Іосифа I на венгерское королевство — 19; объявленіе послѣдней великой кометы — 26; отъ царствованія великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича I, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца — 24. За тѣмъ, предсказанія погоды на каждый мѣсяцъ, далѣе: «о кровопу-

¹⁾ Ркп. И. зрмит. № 65, полка 2; въ 4^о, 40 л.; нач. такое же, какъ въ предъидущихъ; вторая статья о зимѣ: «Зима начинается...»

²⁾ Кромѣ этихъ календарей въ И. зрмитажѣ есть ркп.: «Выписка изъ нѣмецкаго календаря нынѣшняго 1704 года о провѣщаніяхъ разныхъ государствъ, что подъ которыми гербомъ содержатся чать». № 71 полка 2; въ 4^о, 29 лист.; нач. «Нѣмецкая земля».

сканіи жильномъ и рожечномъ и о приниманіи лекарствъ; описаніе о четырехъ годовыхъ временахъ или четвертяхъ; о затмѣніяхъ; знаменованіе или толкованіе о сихъ затмѣніяхъ (астрологическое); о войнѣ и мірскихъ дѣлѣхъ; о плодоносіи и недородѣ; о здравіи и болѣзняхъ.»

«Календарь управленный математическій и физикальскою на 1707 годъ по Р. Х. Въ немъ написаны, по обыкновенію, праздники и мѣсячное теченіе, да рожденіе и ущербленіе, также затмѣнія, которыя въ нынѣшнемъ году приключатся на солнцѣ и на лунѣ. Краткое описаніе о плодоносіи, о войнѣ и о миру, въ божію славу и народомъ въ пользу Павломъ Галкомъ, въ градѣ Стадѣ математикомъ».

«Ягана Гендрика Фохта исправленный календарь на 1708 годъ по Р. Х., въ которомъ по истинному небесному теченію написано рожденіе и ущербленіе луны, также погода всякой мѣсячной четверти по старому іуліанскому календарю. Въ немъ же приписано провѣщаніе, затмѣнія и кровопусканіе.» Въ этомъ календарѣ подъ каждымъ мѣсяцомъ уже выставлены числа и дни съ предвѣщаніями о погодѣ и обозначеніемъ фазисовъ луны.

Всѣ эти рукописные календари предшествовали печатнымъ, видимо заимствовались изъ однихъ и тѣхъ же нѣмецкихъ календарей и любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ есть указанія на сочинителей или составителей подлинниковъ; въ печатныхъ же, кромѣ нѣкоторыхъ московскихъ, такихъ свѣдѣній не помѣщалось.

Первымъ печатнымъ русскимъ календаремъ должно считать «Святцы или календарь», изданный Копіевскимъ въ Амстердамѣ и относимый Сопиковымъ къ 1702 году. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно ни одного полного экземпляра этой книги; отрывокъ, въ которомъ есть только святцы, хранится въ библіотекѣ И. П. Каратаева.

Въ Россіи напечатанъ первый календарь на 1709 г. — 28 декабря 1708 года, въ 4^о, гражданскимъ шрифтомъ. Въ 1709 году, вышелъ гравированный на мѣди, стѣнной календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова. Такое названіе не совсѣмъ справедливо: въ самомъ календарѣ положительно сказано, что онъ собранъ и изданъ тицаніемъ библіотекаря Василья Кипріанова; Брюсъ же надзиралъ только за изданіемъ, что обозначалось не только на календарѣ, но и на всѣхъ изданіяхъ, выходившихъ изъ московской гражданской типографіи.

Извѣстна репутація Брюса въ Россіи XVIII столѣтія, какъ черно-книжника и астролога: авторъ настоящаго труда, живя въ дѣтствѣ въ отдаленной провинціи, и тамъ слышалъ не мало рассказовъ о томъ. Тамъ напр., легенда сохранила, что «Брюсъ, умирая, вручилъ Петру склянку съ живой и мертвой водою (замѣтимъ, что въ дѣйствительности Брюсъ умеръ десять лѣтъ послѣ кончины царя), съ тѣмъ, что если онъ пожелаетъ видѣть его ожившимъ, то велѣлъ бы всыпать эту воду. Прошло потомъ нѣсколько лѣтъ, и Петръ, вспо-

мнивъ о завѣданной Брюсомъ склянкѣ, велѣлъ разрыть могилу его; къ ужасу присутствовавшихъ оказалось, что покойникъ лежалъ въ могилѣ, какъ живой, и у него даже отросли длинные волосы на головѣ и борода и ногти на рукахъ. Царь былъ такъ пораженъ этимъ, что велѣлъ скорѣе зарыть могилу, а склянку разбить.» Подобная же легенда нѣсколько короче сообщена о Брюсѣ въ «Очеркѣ морскаго кадетскаго корпуса». Гдѣ искать источникъ ея? Кажется въ томъ обстоятельстве, что Петръ, познакомявшись съ извѣстнымъ Рюйшемъ, купилъ у него подѣ величайшею тайною способъ бальзамированія тѣлъ, которыя сохранялись какъ-бы живые. Брюсъ занимался астрономическими наблюденіями, часто бесѣдовалъ о томъ съ царемъ, и вотъ суевѣріе сочинило чудесную повѣсть, сохранившуюся до нынѣ.

Между-тѣмъ въ жизни Брюса не было ничего, чтобы могло хоть нѣсколько заподозрить его въ чернокнижествѣ: онъ былъ только просвѣщеннѣе многихъ изъ своихъ знатныхъ современниковъ. Къ сожалѣнію, онъ не былъ выше ихъ въ нравственномъ отношеніи: Брюсъ, какъ и другіе, бралъ подѣ чужимъ именемъ подряды въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, гдѣ былъ начальникомъ; также бывалъ подѣ судомъ за утайку казенныхъ червонцевъ — однимъ словомъ, дѣлалъ то, что можно дѣлать безъ астрологіи, магіи и волшебства.

Брюсъ происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, покинувшей родину во времена Кромвеля. Отецъ Брюса былъ полковникомъ въ русской службѣ въ концѣ XVII вѣка и стоялъ лѣтъ двѣнадцать съ полкомъ въ Псковѣ. Яковъ Даніель (или Яковъ Вилимовичъ) родился въ Москвѣ въ 1670 году. Гдѣ онъ учился — неизвѣстно, только 17 уже лѣтъ числился въ дѣйствительной службѣ. Профессоръ Байеръ говоритъ, что во время осады Азова, генераль майоръ фонъ Менгенъ вымѣрилъ и описалъ пространство земель отъ Москвы къ югу до береговъ Малой Азіи; по этой описи составлена тогда еще артиллерійскимъ капитаномъ, Яковомъ Брюсомъ карта, которая и отпечатана въ Амстердамѣ, въ типографіи Тессинга (см. выше, стр. 23 — 24).

Въ декабрѣ 1697 года, Брюсъ пріѣхалъ въ Голландію, гдѣ тогда былъ царь. Последній писалъ по этому случаю къ кн. Ромодановскому: «звѣрь, долго ли тебѣ людей жечъ? И сюда раненые отъ васъ пріѣхали: перестань знаться съ Ивашкой (Хмѣльницкимъ, т. е. виномъ), быть отъ него рождѣ драной ¹⁾!»

¹⁾ Исторія Петра Великаго г. Устрялова, III, 95. Здѣсь не приведено слѣдующаго отвѣта кн. Ромодановскаго на выговоръ Петра: «въ твоихъ же письмахъ написано ко мнѣ, будто я знаюся съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, и то, господине, не правда: кѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой московской пьяный, да скавалъ въ безпамятствѣ своемъ. Неколи мнѣ съ Ивашкою знаться — всегда въ кровлѣхъ омываемся (Ромодановскій постоише присутствовалъ при всѣхъ тогдашнихъ пыткахъ въ Преображенскомъ)! Ваше то дѣло на досугѣ стало знакомство держать съ Ивашкою, а намъ недосугъ! А что Яковъ Брюсъ додесъ будто отъ меня руку обожъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня... (Дополн. Каб. дѣла, папка № 3, л. 1201).

Въ 1698 г., Брюсъ былъ въ Англии и, 15 сентября, писалъ царю изъ Лондона:

«Милостивый государь! Передъ отъездомъ твоимъ государскимъ былъ мнѣ твой государскій приказъ, чтобъ мнѣ пробить въ Лондонѣ только до первыхъ чиселъ сентября мѣсяца, и я зѣло желалъ, чтобъ къ тому времени докончить свое ученіе, да воистинно не могъ, хотя по всякъ день надъ тѣмъ прележно сидѣлъ. И, еще Богъ изволитъ, чаю сего мѣсяца сентября въ послѣднихъ числахъ докончить и ѣхать отсель. А инструменты серебряные, также которые для своего употребленія изволилъ сдѣлать приказывалъ, привезу съ собою»...

22 марта 1699 г., Брюсъ писалъ Петру уже изъ Москвы:

«Милостивый мой государь! Желаю тебѣ, милостивому государю, многолѣтнее здравіе и счастливое исправленіе намѣренія твоего. При семъ доношу, когда изволишь потемненіе солнца примѣчать, тогда изволь избрать избу, въ которой бы можно окна все закрыть, чтобъ свѣту въ ней ничего было. Также надобна трубка зрительная, которую въ яблоко деревянное вкрупить, а яблоко и съ трубкою вставить надобно въ затворъ оконечной такимъ подобіемъ, чтобъ можно трубку на все стороны поворотить на ту стать, какъ у астролябіума яблочко мѣдное поворачивается. Сіе изготовивши, надобно чрезъ ту трубку зрительную округъ солнечный на разныхъ бумажкахъ начертить, чтобъ въ разныя времена величество потемненія вѣдомо было. Также и діаметръ солнушной прочертить надобно, а діаметръ для того начертить, когда изволишь начать примѣчать, тогда изволь нитку провѣсную предъ бумажкою повѣсить, и надобно такъ унаравливать, чтобъ всегда стѣнь отъ той привѣсной нитки на діаметръ солнечномъ была; наипаче всего, какъ трубку и привѣсную нитку приравнять, изволишь въ образецъ рассмотреть. За симъ вручаю тебѣ, моего милостивѣйшаго государя, въ сохраненіе божіе, а я остаюсь твой во всемъ сердцемъ покорный холопъ Якушко Брюсъ ¹⁾».

29 іюня 1699 г., уведомлялъ Петра о пріѣздѣ французскаго инженера де Шампи, который изъ разговоровъ его кажется человѣкъ ученый и искусный. Также послалъ я, надѣясь, что будетъ угодно тебѣ, милостивѣйшему государю, вещь такую, которая зѣло надобна человѣку, который въ вѣдѣ пребываетъ, какъ сыскать полусъ годѣ (или елевацию поля) безъ всякаго вычета и не вѣдая деклинаціи солнца и не имѣя инструментовъ, кромѣ циркуля и линейки; а какъ сіе сыскать, и тому я чертежъ и описаніе сдѣлалъ, како изволишь видѣть на бумагахъ, которыя въ сей грамоткѣ положены, и зѣло мнѣ печально будетъ, ежели недовольно внятнo къ вразумленію тебѣ, государю, написалъ. Возможно симъ подобіемъ не токмо полуденную

¹⁾ Дополн. каб. дѣла, папка М 1, л. 26, 28.

черту и елевацию поля, или диклиначию солнца того дня, такожь въ которомъ часу та обсервация была, сыскать; да для того не написалъ, что гораздо много линей случится и трудно будетъ разбирать. Сверхъ сего, прошу всеуниженно объ отдави вины моей предъ тобою, милостивый государь, что не вручилъ тебѣ, государю, письмо, которое я у Колсона взялъ объ наукѣ твоей государственой: воистинно, государь, забылъ...

6 июля 1699 г., Адамъ Вейде сообщалъ царю, что, «Яковъ Брюсъ статьи, которыя обьщаль, не успѣлъ сготовить: сказываетъ, что не чаялъ о выправленіи русскаго языка столько дѣлу быть. Только станеть спѣшить, сколько возможно»... Черезъ семь дней, самъ Брюсъ Петру:

«Милостивѣйшій государь! По твоему государскому писанію къ Адаму Вейде, послалъ я къ тебѣ, государю, краткое описаніе законовъ (или правилъ) шкоцкихъ, англійскихъ и французскихъ о наследникахъ (или первыхъ сынахъ) ¹⁾. Такожь, напоминая твой государевъ приказъ въ англійской землѣ, послалъ къ тебѣ, государю, описаніе чинамъ, которые были у англійскаго короля у артиллеріи на войнѣ и во время миру, такожды и о ихъ жалованьи подемномъ въ войнѣ и о годовомъ во время мировое ²⁾».

Въ 1706 г., Петръ просилъ Брюса прислать ему «текель того инструмента, чрезъ который елевацию берутъ по нордшнартъ и часы ³⁾».

28 ноября того же года, Брюсъ къ царю изъ м. Жолквы: «Все-милостивѣйшій государь! Ваше величество изволите писать ко мнѣ, чтобъ учиня чертежъ оному инструменту, о которомъ я доносилъ, имъ же возможно возвышеніе полюса и время въ ночи сыскать, и прислать бы къ вашему величеству. И я не токмо начертанія, но и пространнаго описанія не имѣю оному (понеже нынѣ никакыхъ почитай книгъ при себѣ не имѣю). Того ради не могу при нынѣшнемъ случаѣ ни явственнымъ начертаніемъ, ни яснымъ описаніемъ вашему величеству услужить. Толькожь, колико могу, о томъ памятно: состоитъ оный инструментъ въ трубкѣ зрительной, длиною футовъ 16 или больша, имѣющая въ себѣ два стекла — одно обычайное, другое — близко въ четверо больша обычайнаго, и не мною я, чтобъ кто на Москвѣ такое стекло, како надлежитъ, сдѣлать могъ. Сверхъ того, надобно два кольца, подобные англійскимъ солнечнымъ часамъ, чтобъ одно въ другое вложить и поворотить возможно было, величествомъ

¹⁾ Переводъ о наследованіи и майоратѣ во англійскихъ законахъ хранится въ Каб. дѣлахъ, II, № 21, л. 894—899.

²⁾ Устрял. И. П. В. III, 495—497.

³⁾ Голыковъ Д. П. В. XIV, стр. 415.

съ величайшее стекло. Надлежитъ оныя два кольца раздѣлить — одно въ мѣсяцы и числа, а другое — на 24 часа, и утвердить въ вышеписанной трубкѣ въ той точкѣ, гдѣ лучи обоихъ стеколъ сходятся. А какъ вную точку сыскывать, не возможно вкратцѣ описать, ибо много вныхъ окрестностей изъ науки зрительной описать надлежитъ. Такожъ надобно ко оной трубкѣ на градусы раздѣленный квадрантъ придѣлать. Однакожъ гораздо о семъ мысля, вздумалъ я сдѣлать для такова дѣла инструментъ безъ трубки зрительной, которымъ такожъ вышеписанныя дѣла (хотя не таково, какъ съ трубкою, однакожъ съ довольнымъ тщательствомъ), надѣюся, что сыщутся. И началъ я уже оный изъ дерева дѣлать, только жъ не могу онаго къ совершенству привести, понеже не имѣли въ долгомъ времени свѣтлыя ночи, чтобъ возможно тотъ инструментъ спробовать, а какъ къ совершенству придетъ, и я оный къ вашему величеству немедленно пришлю. За сямъ остаюся вашего величества, моего всемилостивѣйшаго государя, покорнѣйшимъ и нижайшимъ рабомъ Яковъ Брюсъ ¹⁾.

Изъ Дубровны, въ маѣ 1708 г.

«Всемилоствѣйшій царь государь! Вашего величества тцаніемъ вновь напечатанную ко мнѣ посланную книжицу о комплиментяхъ (оной см. 2-ю ч. настоящаго труда въ гл. о типографіяхъ, также подъ 1708 годомъ между гражданскими книгами) получилъ я съ немалою радостью, не токмо ради того, что оная такъ презрѣдно напечатана, что едва ль возможно латынскимъ... (шрифтомъ?) оныя лучше напечатать, но и ради оныя надобности, понеже многимъ будетъ въ пользу — за которую всеуниженно благодарствую. Что принадлежитъ первыя части Брауновой артиллеріи, и я оную еще всю выправити за проклятую подагрою, которою одержимъ былъ больше четырехъ недѣль (не успѣлъ). А потомъ припала было горячка, отъ которой у меня такъ было повредились глаза, что долгое время не могъ оныхъ къ многому читанью и писанью употребить. Къ тому оная (книга) такова неисправна, что принужденъ чуть не каждую строку переписывать не толико... переводчика, который таковымъ дѣломъ былъ незаобыченъ, но самъ творецъ тоѣ книги такой стилусъ въ оной книгѣ положилъ, что зѣло трудно его мнѣніе разумѣть и тому, кто оному дѣлу и самъ искусенъ, а наипаче въ геометрическомъ вымѣреніи и вычитаніи. И мню я, что еще не будетъ оное дѣло довольно внятнотѣмъ, которые такимъ вычетомъ необычайны. Теперь у оной осталось до совершеннаго выправленія дней на 5 дѣла, и по окончаніи тоѣ части, начну другую, отъ вашего величества вновь присланную, исправляти.

«Вашему величеству всеуниженно доношу, что тому уже съ два

¹⁾ Каб. дѣла II, № 5, л. 60.

мѣсяца прошло, какъ явился у меня Кошіевичъ, который при мнѣ живетъ безъ всякаго дѣла, потому что мнѣ въ немъ никакія помощи нѣтъ, для того-что языку нѣмецкому неискусенъ, а зѣло бѣ ему было кстатѣ переводить книги польскія лѣтописныя, такожь и геометрическую, которыя по приказу вашего величества я, купя, отдалъ, будучи въ Варшавѣ, въ посольскую канцелярію. Того ради, не лучше ли его отослать къ Гаврилѣ Ивановичу, понеже мнѣ не надобенъ, о чемъ вашего величества повелѣнія ожидать буду (о Кошіевскомъ см. выше стр. 13 и слѣдующія).

«На Москвѣ будучи, изволили ваше величество мнѣ приказывать, дабы въ гербѣ адмирала Опраксина, съ нимъ поговоря, переправить астраханскій гербъ ¹⁾. И я изъ его розговору могъ дознаться, что ему токмо хочется, чтобъ одну корону по старинному обычаю написать, а чтобъ сабля подъ оной лежала по прежнему, и въ томъ почитай не будетъ перемѣны. И я нынѣ не токмо корону перемѣнилъ, но и къ прежней саблѣ другую на кресть, въ корону вложенну, прибавилъ, дабы тѣ вещи въ немъ (гербѣ) были, токмо инымъ подобіемъ и иное значили. И тотъ гербъ послалъ я къ вашему величеству при семъ письмѣ.

«При семъ же письмѣ послалъ онъ, Кошіевичъ, къ вашему величеству книгу Брауновой артиллеріи прибавкою ко оной всякихъ похатныхъ (?) и недвижимыхъ мельницъ, такожь отчасти о разныхъ камерахъ мортирныхъ и о петардахъ ²⁾...

7 марта 1709 г., изъ Богодухова: «По приказу вашего величества, послалъ я при семъ письмѣ половину книги Брауновой выправленную, и дабы Кугорнову не остановить во выправкѣ, того ради оная токмо тѣмъ подъячимъ, который ее переписывалъ, повѣривана. Токмо прошу не прогнѣваться, что оную не въ переплетѣ посылаю, для того-что здѣсь переплетчиковъ не обрѣтается. Также посланы тутъ же двѣ книги, именуемыя Зерцало командантовъ ³⁾. Что же принадлежитъ политической книжици, о которой ваше величество изволили писать, и оная нынѣ у г. Шафрова, у котораго я ее напередъ сего займывалъ. Имѣю я вѣдомость съ Москвы, что хотѣли было прошлаго года нѣсколько человекъ, ради наукъ, во нынѣ краи по-

¹⁾ Федоръ Матѣевичъ Апраксинъ избралъ было гербомъ своимъ княжескую корону, а подъ ней восточная сабля, что было и въ астраханскомъ гербѣ. По пожалованіи его графомъ, родовой его гербъ уже исправленъ такъ, какъ предполагалъ здѣсь Брюсъ. Въ лицѣ же Апраксиныхъ, не получившихъ графскаго достоинства, остался старый гербъ, только вмѣсто княжеской изображена обыкновенная дворянская корона.

²⁾ Каб. дѣл. II, № 7.

³⁾ Вторая часть комендантскаго зеркала сохранилась въ рукописи въ кабинетѣ Петра Великаго; есть переводъ съ нѣмецкаго: Wertmüllers, Kommandanten Spiegel Ср. г. Ласковскаго, Матеріалы для ист. нѣмецк. искусства, II, 273.

сылать и, за поздневъ ихъ прїѣздомъ къ городу Архангельскому (какъ уже корабли отъѣхали), поворочены оныя пакы къ Москвѣ; изъ которыхъ одного посольскаго приказа подъячаго Грамотина сынъ нарочито изъ нѣмецкаго языка на русскій переводить, его же переводъ я отчасти самъ видѣлъ, и ежели бы ваше величество да изволили приказать онаго ко мнѣ отдать, и я мню, чтобъ мнѣ нѣкоторая помощь отъ него была»...'

Изъ подъ Полтавы 22 іюня 1709 г., слѣдовательно за 5 дней до известнаго сраженія: «Кугорнову книгу еще я на страстной недѣли довершилъ и прочтена оная отъ того подъячаго, который ее писалъ, токмо за походомъ, который намъ случился на первый день праздника, и до сего числа я не могъ оную самъ прочесть, и ежели получу часъ оvoidный, то немедленно оную, выправя, пришлю къ вашему величеству»...

5 сентября изъ Слуцка: «Къ вашему величеству послалъ я при семъ письмѣ книгу Кугорновой фортификаціи, которую вновь прочелъ и выправилъ гдѣ какія описи были, и мню, что выятна будетъ, развѣ не во многихъ мѣстѣхъ не гораздо изъяснено и то можетъ выразумѣтись, ежели двою или трою съ прилежаніемъ прочтется. Ради Бухнеровой артиллерійской книги послалъ я нарочно къ Москвѣ, а какъ привезутъ оную и будетъ гдѣ стоянка, то начну и ее выправлявать¹⁾»...

Изъ деревни Сobotиной, отъ курляндскаго рубежа въ двухъ миляхъ, 11 октября 1709 г.: «Вашего величества изъ Пустой Сольцы письмо сентября 16 получилъ я сего мѣсяца 4 дня, въ которомъ изволите приказывать, дабы напередъ исправлять трактатецъ о механикѣ, и я вашему величеству доношу униженно, что намѣренъ я оный трактатецъ вновь переводить (понеже онъ гораздо плохъ переведенъ), кой часъ на мѣсто придемъ, идѣже стоянка будетъ. А въ пути, за непрестаннымъ маршемъ, зачинать было не возможно. А хотя въ третій день и стоянка бываетъ, то отъ непрестанныхъ жалобъ и докукъ здѣшнихъ поляковъ не можно за нее принятью²⁾»...

16 марта 1716 г., изъ Петербурга: «Вашему величеству при нынѣшнемъ случаѣ къ доношенію важнаго не имѣю, токмо что было здѣсь на небѣ явленіе сего марта противъ 7 числа, которому описаніе посылаю вашему величеству при семъ... По указу вашего величества писалъ я въ Ниренбергъ о дѣланіи противъ средняго атлаеса 24 картъ, и во что оныя стануть и околь скоро сдѣлаются? И кнѣзь на тѣ письма получилъ отповѣдь, что онъ подлинно незнаетъ, сколь скоро возможно сдѣлать; а о цѣнѣ мнитъ, что остануть оны безъ подписи есимковъ слишкомъ въ тысящу, а съ подписи меньше двухъ

¹⁾ Упоминаемые въ письмахъ Брюса книги описаны во 2-й ч. настоящаго труда.

²⁾ Коб. дѣла II, № 9, л. 98, 94, 95 и 99.

тысящъ невозможно сдѣлать. При томъ же совѣтуетъ, чтобъ ради поспѣшности въ томъ дѣлѣ прислать къ нему русскаго рѣзчика, чтобъ могъ тамо литеры писать. А требуетъ онъ токмо за пропитаніе его, и аще ваше величество соизволите такова челоѵка къ нему послать, то пожалуйте прикажите отписать, гдѣ онаго взять, и о деньгахъ на пропитаніе, и на проѣздъ ему и что надлежитъ за тѣ карты заплатить...

«Описаніе случившемуся явленію на небеси въ ночи между 6 и 7 числа марта.

«6 числа съ вечера, около девяти часовъ, безъ луннаго сіянія явилось свѣтло за облаками, близъ горизонта сущица, отъ нордъ-веста даже чуть не до самаго нордъ-оста. И тако было то свѣтляе, то темняе, перемѣняючись до послѣдней четверти двѣнадцатаго часу, о которомъ времени начали изъ тѣхъ свѣтлыхъ мѣстъ пламена огненныя гораздо жидкимъ цвѣтомъ вверхъ отъ горизонта простирались и показывались вездѣ по небу кругомъ по всѣмъ странамъ, токмо въ зуйденѣ не подымались, ибо тамъ облаковъ не было, но съ иныхъ сторонъ тѣ пламена туды наносимы были. И сіе чинилось съ перерывкою то много, то мало, иногда будто и пресѣкуются, а потомъ паки прежняго гораздо множше такимъ видомъ, якобы тонкіе и презрительныя хлопья льну по небу движились, и тутъ, да индѣ, въ пламена претворялись. И по зѣло скорому горѣнію, на ихъ же мѣста паки иныя находили, частію подобно молніи блистанію, токмо жъ не такою пруткостью, ниже такою остротою или яростію цвѣта, съ непрестаннымъ дрожаніемъ оныхъ пламенъ (еже происходило отъ обычайнаго трясенія воздуха, иже отъ той свѣтлости сквозъ видимо былъ, подобно яко является воздухъ тресящъ въ трубку зрительную и безъ оныя въ лѣтніе жары близъ земли); также гораздо подобно цвѣтомъ и премѣною мѣстъ зажигаемой или угасаемой водкѣ въ какомъ широкомъ сосудѣ. И шель при семъ случаѣ снѣгъ самой малый и мелкій, якобы песокъ, и была великая тишина въ погодѣ безъ мороза. По получасѣ сего явленія зѣло многими заостренными полосами подымалось подобно якобы жидко расчесаной лентѣ кругомъ около всего горизонта, кромѣ зуйдена, индѣже облакъ не было, похожи на множество верховыхъ ракетъ, токмо жъ безъ шума и не таковымъ явнымъ огнемъ, но тихимъ и блѣднымъ цвѣтомъ вверхъ даже до зенита (т. е. середина небесъ, иже каждый челоѵкъ надъ собою ямѣтъ) взопли и, пламени подобно, совокупились, и тако то въ ту страну, то въ другую, молніи подобно, подвизаясь, и на нѣсколько минутъ времени не много съ убавкою паки таковыми жъ лучами отъ горизонта подымалось и видимо было, яко бы весь воздухъ вверху въ пламена претворился, а потомъ паки вдругъ въ самыя тонкія облака, яко же по великомъ дождѣ въ жары бываютъ, по воздуху скоро

движущіе претворялись. Изъ которыхъ блистаніе и пламена наки происходити начинали. При семъ видѣніи неотлучно трясеніе воздуха было. И хотя вѣтръ, также и морозъ мало потомъ сталъ быти, однако жъ сія пламена не слѣдовали, ибо гораздо высоки были, но по старому то туда, то сюды подвизались. Примѣчательно жъ было, что звѣзды обычайнаго величествомъ большіи являлись и казалось ихъ множайшій числомъ видѣти, нежели обычно. Между симъ явленіемъ, около двѣнадцатаго часа, одна вдругъ произошла полоса на примѣръ съ футъ шириною, отъ зуйдъ-веста отъ самого горизонта чрезъ все небо даже до самого горизонта въ нордъ-остъ, состоящая изъ 5 или 6 узкихъ полосъ и потомъ скоро пропала. И сія временныя видѣнія продолжались до второй четверти втораго часа по полуночи. Потомъ по малу пресѣкаться стало и на верху не являлось, кромѣ что около горизонта на сѣверной странѣ по прежнему за облаками свѣтло было.

«Всего дивнае мнѣ казалось континуація сего премѣннаго горѣнія, ибо егда метеоры являются, то оныя, по явленіи, скоро сгораютъ и минуются.

«Ежели простыхъ людей къ мнѣнію приставати, то бы возможно многія изображенія, яко же они представляютъ, содѣлати. Правду же сказать показалось мнѣ и инымъ, при мнѣ будучимъ, что у насъ надъ главами вверху на небесѣхъ къ зуйдену едино великое птичье крыло; по исходу же онаго, близко его и срединны неба, яко бы птичья глава явлась. И по исчезанію жъ оной явилось и иное крыло близко оной ко норду, прежняго гораздо явнѣй. А иныхъ фигуръ, такожъ и янтеръ, якоже иные здѣсь сказываютъ будто видѣли, я видѣти не могъ.

«А какимъ образомъ сіе видѣніе было, того начертить невозможно, повеже во всякую минуту, онаго перемѣна была».

15 апрѣля 1716 г.: «И сего апрѣля 2 числа, явленію было дивнымъ же видомъ, токмо гораздо прежняго меньше. Енѣ жъ какое явленіе было 9 числа, посылаю къ вашему величеству при семъ же чертежекъ»...

За тѣмъ на небольшомъ лоскуткѣ бумаги начерчена сверху внизъ линія зигзами и подписъ:

«1716 г. апрѣля 9 числа, въ осмомъ часу по полудни, явилась при Санктъпитербурхѣ на небеси между норда и нордъ-веста таковая фигура цвѣтомъ молнейнымъ и была видна болѣе получаса. Сія фигура произошла изъ за облака снизу вверхъ, почитай таковымъ же обычаемъ, какъ метеора 1704 года, которая при иарвской осады была».

Далѣе изъ того же письма отъ 15 апрѣля: «Изволили ваше царское величество приказывать г. Макарову, чтобъ майоръ Ушаковъ

прислалъ ко мнѣ, ради переписки на бѣло переводныхъ книгъ, подъячихъ, и я у него многожды оныхъ требовалъ, но онъ по се время ни одного ни присылывалъ. И которыя книги къ прїѣзду вашего величества переведутся переписывать на бѣло у меня некому, и о томъ ваше величество что соизволите? А въ присланныхъ двухъ французскихъ книгахъ артиллерійскихъ противъ прежнихъ есть много прибавокъ, и уже отъ первыхъ двухъ книгъ переведено было съ четверть и то оставя приказалъ по послѣднимъ переводить, для того что есть великая разница. И никонимъ образомъ поспѣшить не возможно, понеже есть въ нихъ такіе термины французскіе въ званіяхъ, что и въ лексиконахъ не изобрѣтается, ниже французы, здѣсь сущіе, знаютъ; также и полковникъ Колонъ истолковать не можетъ...

Рукою того же писца, который переписывалъ донесенія Брюса къ царю, находится въ Кабинетныхъ дѣлахъ Петра слѣдующая замѣтка: «Указъ послать въ здѣшнюю и рижскую губерніи, дабы каждый губернаторъ въ своей губерніи мандаты публиковалъ слѣдующаго содержания: дабы никто дерзалъ изъ государства ни малыхъ вѣдомостей о военныхъ и статскихъ дѣлахъ писать, кромѣ о своихъ торгахъ и къ нимъ принадлежащихъ дѣлахъ, никогда же ни о малѣйшихъ дѣлахъ писать, еже кому не принадлежитъ подъ потерянїемъ имѣнія и пожитковъ, и по изобрѣтенїи вины — наказанїемъ тѣла и живота, егда грамотки въ Ригѣ, Курляндіи или въ Пруссакъ распечатываются и что заказанное въ нихъ найдется».

13 мая 1716 г., Брюсъ писалъ къ Макарову: «Огородная книга (должно полагать *Le jardinage de Quintiny*), которая отъ его царскаго величества отдана Волкову переводить, почитай у него вся въ готовности. А имѣю я извѣстіе, что есть новаго выходу такая жъ книга позднеѣ оной, того ради извольте его величеству доложить, не соизволить ли тоѣ новую книгу въ тамошнихъ краяхъ достать»...

18 іюля 1716 г., къ царю: «Вашего величества всемилостивѣйшее писаніе, посланное съ курьеромъ Юшковымъ, также грамматику голландскую получилъ я, и буду всяческими мѣры читая перевести оную koliko возможно внятно. Токмо опасуюсь, что за недовольствомъ сего языка (яко же вашему величеству извѣстно), по желанію своему исправно и вразумительно написать не возмогу, понеже грамматика передъ нѣгими книги особливо достаточно искуснаго обонхъ языковъ переводчика требуетъ, котораго здѣсь не изобрѣтается. Однако жъ, помощію голландцевъ, всю свою возможность, елико имѣю въ семь дѣлѣ, приложу... Было мое желаніе за нѣсколько времени вашему величеству донести, что я въ солнцѣ пятна усмотрѣлъ, однако жъ опасался въ такихъ многодѣльныхъ временахъ вашему величеству такъ малымъ дѣломъ докучать. Токмо жъ, напаятуя любопытство и особливое тщаніе вашего величества въ вещахъ, не часто случаю-

щихся, дерзнулъ нынѣ донести, что оныхъ много въ солнцѣ является и возможно оныхъ гораздо внятнѣе трубою зрительною футовъ въ 12 видѣть, егда ближайшее стекло къ глазу умѣренно покоптитсѣ, возможно жъ оныя и въ 4 фута длиною трубою видѣть, однако жъ гораздо мелко. Я надѣюсь, что ваше величество конечно оныя можете увидѣть, ежели да изволите кому ни есть приказать по вся дни, недѣли двѣ смотрѣть дважды или трижды въ день, понеже иногда въ немъ ничего не видѣть, когда солнце, поворачиваяся на оси своей, отъ вида нашего оныя пятна отворотитъ. А обращается оное на оси своей въ $26\frac{1}{4}$ дней. И понеже сіе, колико мнѣ извѣстно, уже съ 30 лѣтъ не видно было, и я отъ роду своего впервые увидѣль, того ради не могъ удержаться, не донеся о семъ вашему величеству».

2 октября 1716 г.: «Доношу вашему царскому величеству всеуниженно: присланной ко мнѣ отъ вашего величества книги голландской грамматики перевелъ уже съ половину и именованія русскія изъ той половины написаны. Токмо по алфавиту еще не сдѣланы и, елико возмогъ, трудился, чтобъ было внятнѣе написано. А какимъ образомъ перевожу, посылаю оной при семъ первую тетрадь и желаю, чтобъ вашему величеству угодна была. Аще же она въ чемъ вашему величеству не понравитсѣ, то не соизволите ль приказать ее исправить посольской канцеляріи секретарю Ларіонову, понеже онъ голландскому языку искусенъ и грамматикъ ученъ. О немъ же не сумнѣваюся, что онъ нынѣ при канцеляріи посольской обрѣтающимся съ вашимъ величествомъ»...

При этомъ письмѣ приложена тетрадь, въ которой начало книги «Съведово искусство нидерландскаго языка», которая была у насъ напечатана безъ обозначенія года печатанія (см. во 2-й ч. № 358). Сверхъ того въ тѣхъ же письмахъ есть «Напамятованіе о переводѣ голландской грамматики, какимъ образомъ переводиться будетъ».

«Всю перевести на русскій языкъ. При томъ переводѣ гдѣ какое именованіе явится выписывать въ особливую тетрадь. Сіе все выписавъ, перевести на русскій языкъ потомъ. Изъ русскаго перевода выбирать именованія и писать по алфавиту. Къ сему алфавиту приписать всѣ именованія голландскимъ языкомъ. А дѣлать по алфавиту голландскія именованія, приписывая оныя на русскомъ языкѣ. О томъ его царское величество не изволилъ писать, однакожъ я мыслю, что таковаго надобно, какъ и первое; и возможно оное, аще его царское величество изволитъ, сдѣлать по окончаніи перваго».

2 ноября 1716 г.: «Понеже обносится здѣсь, что ваше царское величество намѣрены ѣхать въ Голландію, и я чаю, что именованія русскіихъ словъ съ голландскими по алфавиту изъ грамматики вашему величеству тамо потребны будутъ, того ради, остановя прочее во грам-

матикъ голландскоѣ, началъ поспѣшать оными именоваиіи, и какъ въ готовности будетъ, съ первымъ случаемъ пришлю къ вашему величеству.

«При семъ доношу вашему величеству, что еще двѣ книги переведены, а именно географія, ея же авторъ Гибнеръ называется, и како обносится, будто она, удобства ради, уже и на англійскій и французскій языкъ переведена; которая зѣло потребна будетъ всякому человѣку ко знанію всѣхъ государствъ, также законовъ, обычаевъ и сосѣдовъ ихъ; при томъ и фамиліи владѣтелей ихъ объявлены (эта книга у насъ напечатана въ 1719 г.). Другая философо-математическая въ готовности, о которой ваше величество, отъѣзжая отсюда письмецо ко мнѣ изволили прислать, чтобъ ее мнѣ самому перевести и прежь сего предисловіе отъ оной у меня въ домѣ изволили читать. И понеже во оной изъ subtilizjйшихъ частей ума человѣческаго представляется, того ради наипаче жъ отъ зѣло спутаннаго нѣмецкаго штиля, которымъ языкомъ она писана, невозможно было переводомъ оныя поспѣшить, понеже случалось иногда, что десять строкъ въ день не могъ внятно перевести, чтобъ авторово мнѣіе довольно изъяснити могъ, и аще ваше величество соизволите ихъ приказати печатати, чтобъ о томъ его свѣтлости кн. Меншикову приказати изволили, конеже отъ меня посланныя фигуры, принадлежащія ко артиллеріи французскоѣ, но се время еще не вырѣзаны...

13 ноября 1716 г., кабинетъ секретарь Макаровъ писалъ къ Брюсу изъ Гавельберга: «Государь мой милостивый Яковъ Вилімовичъ! Письмо вашего превосходительства чрезъ курьера Юшкова до его царскаго величества, купно и съ переводомъ голландскоѣ грамматики первой тетради, дошло, которую его величество изволилъ смотрѣть и изволилъ сказать, что хорошо переведена и указалъ къ вашему превосходительству отписать, чтобъ изволили трудиться оную всю перевести. А что ваше превосходительство изволили упоминать въ письмѣ своемъ къ его величеству, ежели что неисправно, то бъ поправить Ларіонову, и оному здѣсь недосугъ, и того-для его царское величество указалъ вашему превосходительству взять такого человѣка изъ русскихъ, который училъ русскую грамматику. И о семъ человѣкѣ его величество изволилъ писать къ г. сенатору гр. Ивану Алексѣевичу Мусину Пушкину, чтобъ онъ сыскалъ такого человѣка и отдалъ вашему превосходительству».

На это письмо Брюсъ отвѣчалъ 7 декабря того же года: «Вашей милости писаніе изъ Гавельберга, ноября отъ 13 дня писанное, о посланной первой тетради перевода моего голландскоѣ грамматики, что до его царскаго величества она дошла и что къ тому переводу, ради исправленія, его царское величество указалъ взять у г. графа Мусина Пушкина кого изъ русскихъ ученаго грамматики, я получилъ и на

оное вашей милости отвѣтствую, что мнѣ такой человѣкъ къ тому дѣлу не надобенъ, а ежели когда что въ реченіяхъ надлежитъ что поправить, и то у печати могутъ справщики исправить, а надобенъ мнѣ, ктобъ голландскій и латинской грамматики изученъ былъ. И перевелъ я ее съ большую половину и дошелъ нынѣ до деklinаціевъ, которое писано голландскимъ съ латинскимъ языкомъ, чего я не могу выразумѣть. И того-для, по приказу его свѣтлости кн. Меншикова, былъ мнѣ отданъ къ тому дѣлу изъ адмиральтейства бывшій переводчикъ, прозваніемъ Гамилтъонъ, который взялся было оное сдѣлать, ибо онъ латинской грамматики учился (голландскому языку отчасти искусенъ), и нѣкоторую часть уже перевелъ было, но нѣкоторыми интригами отъ меня отлученъ, и ежели его царское величество изволитъ, чтобъ оная вскорѣ въ готовности была, то и ошу вашей милости, дабы къ г. генералъ-маіору Чернышеву присланъ былъ отъ его величества указъ или отъ вашей милости письмо, чтобъ онъ Гамилтъонъ къ тому дѣлу отданъ мнѣ былъ, а окромѣ его инаго, къ тому удобнаго, здѣсь не сыщется. Которыя именованія были въ вышеписанной книгѣ и оныя уже по руссійскому алфавиту съ голландскимъ языкомъ готовы, только ожидаю курьера, кто отсель поѣдетъ, то оныя пришлю къ его величеству ¹⁾....

14 января 1717 г., къ царю: «Въ прежнемъ своемъ письмѣ доносилъ я вашему царскому величеству, что именованія изъ грамматики голландской по руссійскому алфавиту съ голландскимъ языкомъ и по голландскому алфавиту съ руссійскимъ пошлю съ первѣйшимъ случаемъ; и понеже курьера отсюда не случилось, а между тѣмъ получилъ отъ вашего величества указъ, чтобъ оныя напечатать, и я тѣ именованія отдалъ напечатать сего января 8 дня и, доколь оныя не напечатаются, пошлю къ вашему величеству, ради употребленія, приготовленныя писанья именованія съ курьеромъ, котораго его свѣтлость кн. Меншиковъ намѣренъ былъ отправить».

25 января 1717 г.: «Доношу вашему царскому величеству всеуниженно, какъ я именованія изъ грамматики голландской на руссійскій языкъ переводилъ, то многихъ словъ изъ оныхъ никто истолковать, ниже въ лексиконахъ сыскать не могъ (которыхъ осталось съ 300 словъ), того ради я нарочно писалъ въ Амстердамъ, чтобъ того автора, который сію грамматику сочинилъ, прислалъ ко мнѣ лексиконъ, чтобъ возмогъ по немъ тѣ слова исправить и послѣ припечатать къ приготовленнымъ, которыя ради употребленія къ вашему величеству намѣренъ былъ, прежде печатныхъ, послать съ курьеромъ отъ его свѣтлости кн. Меншикова. И тотъ лексиконъ получилъ я на сихъ дняхъ, и какъ тѣ неистолкованныя слова началъ писать и при-

¹⁾ Кабинет. дѣла Ц, № 26, л. 136—169 и I № 33, л. 63.

готовленныя со оными сносить, то въ тѣхъ приготовленныхъ словахъ увидѣлъ великую разницу, и я принужденъ вновь оныя переправлявать (которыхъ больше 1500 словъ явилось), однако жъ къ печати не замедлится. А тотъ курьеръ отсюда поѣхалъ за его свѣтлостью кн. Меншиковымъ въ Ревель. И какъ напечатаны будутъ, немедленно пришлю по почтѣ.

8 февраля 1717 г.: «Изволили ваше царское величество приказывать мнѣ, чтобъ по азбукѣ прискать пристойное что, по чему бы младыя дѣти возмогли обучитися, и я таковыхъ нашель двѣ книжки, изъ которыхъ перевелъ одну у себя и присовокупилъ къ азбукѣ, какovy здѣсь продаются. И напечатавъ, посылаю къ вашему величеству при семъ оныхъ три, и ежели что въ ней не понравится вашему величеству, то соизвольте отиѣтить, и оное возможно переимѣнить. А другая прилична къ возрастнымъ, которая по прошенію моему у его свѣтлости кн. Меншикова переведена, токмо еще не напечатана».

6 мая 1717 г.: «Не съ малою печалью едва дождался, что именования голландскія грамматики изъ печати вышли, которыми желаю быть пріятнымъ вашему величеству. И хотя во оныхъ сыщутся не мало словъ несходныхъ съ простымъ нарѣчіемъ и со иными лексиконы, однако жъ я принужденъ былъ слѣдовать лексикона автора той грамматики, который ко мнѣ присланъ изъ Амстердама, дабы съ его мнѣніемъ сходну быти. Я надѣюсь, что вашему величеству паче сихъ именований самая грамматика поправится, которая въ печать отдана жъ, ибо оная такового изряднаго сочиненія, что не токмо ради исправленія голландскаго, но и иныхъ языковъ употреблятись можетъ, понеже о происхожденіи и составленіи многихъ словъ пространно въ ней описано, которымъ рядомъ къ происхожденію словъ и во иномъ языкѣ дойти возможно. Понеже зѣло здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) медленно печатаются книги, того ради ваше величество не соизволить ли г. графу Пушкину отдать географію напечатать въ Москвѣ, кромѣ описанія россійскаго государства, которое во оной не исправно написано, или до пріѣзда вашего величества оное отложить? И не соизволить—ли ваше величество приказать, по подобію стила той географіи, написать о россійскомъ государствѣ казанской губерніи ландрату Камбару Акинѣеву, который нынѣ здѣсь обрѣтается у гаваннаго строенія, его же я усмотрѣлъ, что онъ удобнѣе другихъ во исторіяхъ».

31 іюля 1717 г.: «Зѣло желалъ бы, чтобъ всѣ три книги напечатать къ прибытію вашего величества, о которыхъ напередъ сего вашему величеству доносили, и г. Аврамову непрестанно говорилъ и письмененно подтверждалъ, но по се время единая грамматика голландская не напечатана; и отвѣтствуетъ онъ, что ближе сентября изъ

печати она еще не выдетъ, которую въ нѣмецкой землѣ могли бы выдѣли въ двѣ напечатать. А мнѣ, что она продолжается ни отъ чего ниваго, но отъ того, что отложи ее, другое печатаетъ ¹⁾).

Брюсъ участвовалъ на конференціяхъ о мирѣ съ Швеціею: знаменитый ништадтскій трактатъ подписанъ съ русской стороны имъ и Остерманомъ. Татищевъ рассказываетъ, что при отправленіи Брюса на алландскій конгрессъ, Петръ хотѣлъ дать ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, но отъ того былъ отклоненъ самимъ Брюсомъ, который представилъ царю, что неудобно ему, лютеранину, носить въ Россіи такое высокое званіе; по этому при Петрѣ не давали иностранцамъ чинъ первого класса.

Брюса весьма интересовали географія и путешествія: по свидѣтельству Вебера, знавшаго его лично, Брюсъ хотѣлъ посоветовать царю послать еще разъ (первая экспедиція къ берегамъ Восточнаго Океана была неудачна) въ сопредѣльные съ Сибирью страны нѣсколько смышленныхъ людей, которымъ были бы извѣстны астрономія и употребленіе компаса. Такіе изслѣдователи, построивъ для путешествія крѣпкое судно, могли бы сдѣлать много замѣчательныхъ открытій и проложить путь къ полезнымъ для Россіи сношеніямъ съ Японіею. У Брюса было собраніе китайскихъ рѣдкостей, и онъ не рѣдко сожалѣлъ о бѣдности современныхъ извѣстій о Китаѣ, чему причиною было то, что русскіе посланники и купцы могли тамъ оставаться лишь на короткій срокъ ²⁾).

Склонность Брюса къ географическимъ изысканіямъ была причиною, что Василій Никитичъ Татищевъ сталъ заниматься собраніемъ относящихся къ этой наукѣ матеріаловъ, и уже послѣ того посвятилъ себя окончательно исторіи. Брюсъ желалъ самъ заниматься источниками для обработки географіи, но скоро принужденъ былъ отказаться отъ такого намѣренія, по множеству постороннихъ занятій, и передалъ все Татищеву. Этотъ послѣдній называлъ Брюса своимъ командиромъ и благодѣтелемъ, который былъ «высокаго ума, остраго разсужденія и твердой памяти; будучи изъ молодыхъ лѣтъ при Петрѣ Великомъ многія къ знанію нужныя и пользы государя и государства съ англійскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ книги перевелъ и соборвенно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніи сочинилъ»... Изъ словъ Татищева также видно, что Брюсъ нашель и отдалъ ему лѣтопись Нестора ³⁾).

¹⁾ Каб. дѣла II, № 31, л. 284—287 и № 33 л. 387.

²⁾ Das veränd. Russl. I, 220; III, 141 — 142.

³⁾ Предисловіе къ Исторіи рос. Татищева, Т. I.

Обращаясь за тѣмъ къ календарю, извѣстному подѣ именемъ брусова, надобно замѣтить, что онъ пользовался уваженіемъ и расходился во множествѣ изданій не потому только, что тамъ помѣщались астрологическія предсказанія, но и отъ того, что въ немъ было не мало другихъ полезныхъ свѣдѣній, такъ напр. тамъ можно было найти неисходную пасхалию, лунникъ, время восхода и захода солнца и т. п. Всѣ вычисленія были сдѣланы на многіе годы, такъ что разъ приобрѣтавшій такой календарь освобождался на долгое время отъ покупки новаго. Точно также и въ западной Европѣ первые печатные календари, подобно бусову, были стѣнные съ вычисленіями на многіе годы; календари въ книжкахъ и на одинъ только годъ стали издаваться послѣ.

Разсматриваемый календарь гравированъ на мѣди на шести отдѣльныхъ листахъ.

На первомъ листѣ, вверху и внизу гравюры, заглавіе и выходъ: «Ново сія таблица издана, въ ней же предложено вступленіе солнца въ 12 зодій приближно, также восхожденія и захожденія солнца, яко на оризонть сей, тако и со оризонта; еще же величество дней и ночей въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, яке имѣеть широту 55 градусовъ 45 минутъ; вычтена и тисненію предана обще, яко на едино лѣто, тако и на прочіе годы непременно, повелѣніемъ его царскаго величества, во гражданской типографіи, подѣ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генерала лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тцаніемъ библиотекъ. Васи. Кипрія: мая 2, 1709.» Вверху гравюры двуглавый орелъ, съ андреевскимъ крестомъ на груди, увѣнчанный, кромѣ трехъ обыкновенныхъ коронъ, четвертою большою надъ щитомъ, который держуть два генія. По сторонамъ изображены круги солнечный и лунный около земли, и стихи справа:

Солнце убо на оризонть сей восхождаше,
Осіяніемъ своимъ свѣтъ намъ содѣваше.

Слѣва:

А егда оно оризонть захождаше,
Убо весьма тма или ноць намъ предспѣваше.

Подѣ гербомъ изображенъ московскій кремль.

Таблица, которая помѣщена потомъ, раздѣлена на двѣ равныя части: въ каждой по шести мѣсяцевъ, начиная съ января. Вверху изображенія знаковъ зодіака и дѣйствій, которыя можно предпринимать въ каждомъ мѣсяцѣ; въ крайнихъ вертикальныхъ столбцахъ надпись: «зодій каяжда иматъ 30 граду.»; за тѣмъ въ горизонтальномъ столбцѣ объясненія: «водолій естествомъ теплъ и мокръ; рыбы— студены и мокры; телець— студень и сухъ; близнецы— теплы и мокры;

ракъ—студенъ и мокръ; левъ—теплъ и сухъ; дѣва—студена и суха
вѣсы—теплы и мокры; скорпія—студена и мокра; стрѣлецъ—теплъ
и сухъ; козерогъ—студенъ и сухъ». Далѣе, названіе мѣсяцевъ и числа
дней; вступленіе солнца въ каждый знакъ зодіака, восходъ и заходъ
деніе, величина дня и ночи. Внизу гравюры: Tibi, o Domine Jesu, gloria.
«Тебѣ, о Господи Иисусе, слава... Зане улучися чрезъ тебя омега. Гры-
дороваль Василій Кипріановъ со ученикомъ своимъ Алексѣемъ Ро-
стовцовымъ».

На второмъ листѣ заглавіе: «Календарь повсемственный (?), или
мѣсяцословъ на вся лѣта господня». Подъ заглавіемъ всевидящее око
надъ двуглавымъ орломъ съ Георгіемъ побѣдоносцемъ на груди; кру-
гомъ надписи: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ израилевъ.
Псал. 67. Яко даси ему благословеніе во вѣкъ вѣка, возвеселиши его
радостію съ лицомъ твоимъ. Псал. 20». По сторонамъ затмѣніе солнца
и луны и фазисы послѣдней, со стихами:

Солнце убо затмѣніе творяше,
А луна бо когда са затмѣваше,

Егда же въ случай луна подождаше.
Тогда солнечный свѣтъ не достигаше.

Сія фигура присно изъясляше,
Се яже бо и время изъясленно,

Како луна примаше
Часами и минуты предложено.

Подъ орломъ изображеніе Петропавловской крѣпости.

По среднѣхъ листа четыре столбца: вверху означены въ нихъ вре-
мена года въ четырехъ квадратахъ, раздѣленныхъ каждый на два
отдѣла: въ одномъ три знака зодіака, а въ другомъ что дѣлать въ
три мѣсяца, напр., въ мартѣ рубить дрова, въ августѣ жать и т. д.
На правой сторонѣ объясненіе: «четыре части всего лѣта съ дѣйствы».
Между квадратами начало зимы, весны, лѣта и осени. За тѣмъ три
вертикальные столбца: «характеры седми планетъ; литеры седмич-
ныя и числа вруцелѣтныя». Потомъ означены дни, имена святыхъ,
празднуемыхъ православною Церковью; счисленіе мѣсяцевъ идетъ
начиная съ марта. По обѣимъ сторонамъ этихъ столбцевъ помѣщены:
«Лѣта отъ воплощенія Христа (съ 1709 по 1734), кругъ лунный и
вруцелѣто». Ниже въ таблицахъ: «Ключъ неисходныхъ пасхальныхъ
литеръ по кругу солнечному и лунному. Неисходимая пасхалія по
ключевымъ пасхальнымъ литерамъ. О праздницѣхъ, яже съ каждаго
лѣта переходять». При этихъ же таблицахъ изъяснено: «Натура или
естество планетъ, яже каждаго лѣта господствуетъ на 28 лѣтъ:
Венера — посредственная стужа и мокрота; Сатурнъ — студенъ и
сухъ; Солнце — тепло и сухо; Луна — студена и мокра; Юпитеръ —
теплъ...»

Наконецъ, въ самыхъ нижнихъ таблицахъ заключается: 1) Осно-

ваніе сокращенное лунника, еже въ 19 лѣтъ. 2) Взысканіе основанія луны. 3) Выкладъ новолунія, полнолунія и перекроевъ. 4) Прикладные мѣсяцы во всякой лунѣ, яже съ 19 лѣтъ. 5) Готовое показаніе новолунія въ 19 лѣтъ каждаго мѣсяца и дня. 6) Такожъ объявленіе и полнолунія въ 19 лѣтъ, якоже и новолунія. Внизу листа выходѣ: «Во славу тріупостаснаго Божества, Отца, и Сына и св. Духа, и въ честь Богоматери присно Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, ихъ же каждаго дне прославляетъ церковь каеолическая, здѣ издадесе сей кратчайшій мѣсяцословъ съ пасхальнымъ и луннымъ теченіемъ на вся лѣта, яко собраніемъ, тако и тисненіемъ, ново въ Москвѣ во гражданской типографіи; повелѣніемъ его царскаго пресвѣтлѣйшаго величества; отъ воплощенія Христова 1709 лѣта, 1 ноября; подъ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генераль лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тщаніемъ библіот. Васил. Кипрія».

На третьемъ листѣ оглавленіе: «Предзнаменованіе времени по всякой годъ по планетамъ; еще же не тоцію знаменованіе времени, но и многихъ расположенныхъ избранныхъ вещей, которыя дѣются отъ каждой сильнѣйшія и господствующія планеты, чрезъ кійждо годъ по вся четыре времена всего лѣта. Переведена съ латинскаго діалекта изъ книги Іоанна Заганъ; чяномъ же учрежденная и тисненію предана, повелѣніемъ его царскаго величества во гражданской типографіи, въ Москвѣ 1710, подъ надзрѣніемъ его превосходительства господина генерала лейтенанта и кавалера Якова Вилимовича Брюса».

По сторонамъ листа стихи:

Седмь бо планеть дѣйство намъ показываютъ,
Всякаго лѣта качество сказуютъ.
Разныхъ убо вещей измѣненія
Въ четырехъ временахъ премѣненія.

—

Яко же бо въ веснѣ, тако и въ лѣтѣ,
Еще же въ осени и въ самой зимѣ
Напоследъ убо скорби объявляютъ,
Еже бо чловѣкомъ ся сключаютъ.

За тѣмъ въ полукружїи 12 знаковъ зодіака и аллегорическія изображенія четырехъ временъ года. Подъ нимъ таблица въ восьми вертикальныхъ отдѣлахъ: изъ нихъ въ первомъ объясненіе статей, а вверху семь планеть въ видѣ чловѣческихъ фигуръ. Далѣе предсказанія на цѣлый годъ, по временамъ года и на различныя дѣйствія: а) сѣвъ весенній, b) сѣвъ осенній, c) овощъ древесный, d) лозы и вино, e) вѣтры, непогоды и наводненія, f) гады, g) рыбы, i) болѣзни и скорби насильствуемыя. Внизу помѣщено: «Употребленіе всея таблицы съ кругомъ солнечнымъ и вруделѣтіемъ на 112 лѣтъ (съ 1710 по 1821), по которымъ, осмотра лѣто желаемое и кругъ солнца, по оному об-

рѣтати имаши господствующую планету и дѣйствы чрезъ... яже подѣ каждой планетой». Послѣсловіе этого листа:

Читателю мой, зело вралюбезный,
Вонми: бо трудъ сей весьма не безмездный,
И тако объ немъ разумвай всегда,
Еже бо что даруешь когда!

Поне что хоцетъ Богъ, побѣждается чрезъ чинъ. Труд. и тцан.
библіо. Васил. Киприанова».

Въ четвертомъ листѣ «Предзнаменованіе дѣйствъ на каждый день
по теченію луны въ зодіи».

По сторонамъ стихи:

Луна бо чрезъ натуру свою изъявляше,
Въ дольнѣмъ мірѣ разны дѣйствы знаменоваше,
То естъ, когда она въ коемъ зодіи бываесть,
Тогда бо и дѣйствъ разнство многое являесть.

—

Свогда же благо, а ино зло предъявляше,
Суть же сія убо не посредство премъняше.
Сія же убо паче ся приобряташе,
Егда луна предъ полуднемъ ся бываше.

Въ полукружїи изображены 12 знаковъ зодіака, а посрединѣ луна
и надвисъ: «природнаго луннаго тѣла лице, которое въ обозрѣніи бысть
въ лѣто отъ Христа 1604 дня 11 марта, окрестъ 22 градуса долго-
ты... въ 4 градуса въ 40 минутъ широты въ самое полнолуніе въ
Норимбергѣ». Около представлена луна въ четырехъ видахъ при за-
тмѣніяхъ съ объяснительными стихами:

- 1) Егда бо луна подѣ солнце подхождаше,
Тогда же убо свѣтъ свой весь помрачаше,
А солнце же бо затмѣніе творяше.
- 2) Когда луна солнца ся удаляше,
Тогда убо и себѣ свѣтъ взимаше,
Который намъ прже во ноци подаваше.
- 3) Солнце съ луною въ противности бываше,
Тогда земля свѣтъ солнца заграждаше
И луна бо тогда ся затмываше.
- 4) Луна къ солнцу егда бо ся приближаше,
Тогда же свѣтъ свой отъ часу умалаше,
Зане бо аликъ земля затемняше.

Потомъ слѣдуютъ три таблицы, изъ которыхъ наши предки узна-
вали, когда надлежало «кровь пуцать, мыслить почать, бракъ имѣть
или въ жену повѣти...» также, въ какое время «кровь и жильную руду

пущать, чины и достоинства воспринимать, долгъ платити, чтобъ об-
сужденія не было, прѣвнѣ начати и въ немъ причины искати (?) и ми.
др. Внизу выходъ указывающій источникъ этой мудрости:

«Таблица или правило сіе изыскано чрезъ Мартына Альберта Тео-
фрастическаго медика и рудовскателя отъ Хемницъ, яже прецеден-
ная съ цесарскаго діалекта изъ книгъ астрологіи или планетныя
Вольфганга Гильдебранда; иныиъ же числомъ предложенная со изо-
браженіемъ дѣйствъ и со обтеченіемъ луны въ зодіахъ зѣло краткимъ
способомъ въ таблицѣ сей — во гражданской типографіи, подъ над-
зрѣніемъ его превосходительства, господина генерала фельдцейхмей-
стера и кавалера Якова Вилимовича Брюса ¹⁾, тцаніемъ библио. Ва-
сил. Кипр.» Въ концѣ тѣ же стихи, какъ и въ предъидущемъ листѣ
(внизу), но съ нѣкоторыми измѣненіями.

Вверху пятого листа выгравированы: солнце, 12 знаковъ зодіака,
портретъ Петра Великаго, окруженный арматурою, и аллегорическія
изображенія семи планетъ съ астрономическими знаками для обозна-
ченія ихъ. По сторонамъ четыре времени года представлены также
въ аллегорическихъ фигурахъ: около нихъ двѣ колонны, съ надписью:
«аще индиктъ или новое лѣто свачала сентября числимо бываетъ,
удобѣ ради круговъ солнца и луны съ перваго марта ся начинается,
ибо сего ради, паче отъ сего числа начаса зане Богомъ во оно вре-
мя вся тварь создася». Между колоннами заглавіе: «Краткое предъ-
объявленіе предложенныхъ четырехъ таблицъ и яже каждая что
имать содержаніе въ себѣ, на которыхъ таблицахъ обще нарецися
можетъ, яко календарь неисходимый». Средина листа занята тремя
столбцами объясненій всего, что было помѣщено въ первыхъ четы-
рехъ листахъ. Внизу выходъ: «Во славу тріупостаснаго Божества, чи-
тателямъ смотрѣнія и предзрѣнія: Богомъ устроенному, имъ же уму-
дренному и превознесенному, его царскому, пресвѣтлѣйшему величе-
ству, государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея
великія, малыя и бѣлыя Россія самодержцу, купно же и его царской
высокости, государю царевичу и великому князю Алексѣю Петрови-
чу — присно о Господѣ радоватися; и во еже бы во всякомъ широ-
чайшемъ долгоденствіи и пребываніи здравіе вашего царскаго вели-
чества Богомъ наблюдаемо, сохраняемо и непоколебимо да пребы-
вало. — Униженно молю и горячайшимъ сердцемъ прошу, во еже бы
ваше царское пресвѣтлѣйшее величество оный предложенный мой,
елико по силѣ собранный трудъ и всѣмъ вашимъ царскаго величе-
ства сигклитомъ во любовь и милость благоволили пріяти; аще же
въ немъ нѣкая и погрѣшенія обрящутся въ которомъ, ибо яко чело-

¹⁾ Брюсъ получил это званіе 3 августа 1711 г., послѣ сраженія при Прутѣ Поход.
жур. 1711 г., изд. въ Спб. 1854 г., стр. 84.

вѣкъ невѣдѣнію и забвенію предахся, о чемомъ первѣйшаго стократно униженѣйше молю, дабы отъ вашего царскаго величества и всего снѣжита прощенія пріяти.—Тиоменію преданъ сей календарь, за повелѣніемъ его царскаго величества, въ Москвѣ, во гражданской типографіи, во славу тріпостаснаго Божества и въ честь Богоматери и всѣхъ святыхъ, ихъ же прославляетъ всегда церковь католическая здѣ, подѣ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генераль-фельдцейхмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса, изобрѣтеніемъ отъ бібліотекаря В. К., 1715 лѣта отъ воплощенія Христа окончася».

На шестомъ листѣ—фронтонъ, поддерживаемый двумя колоннами; вверху его, между арматурою и тремя глобусами, изображенія Минервы и Меркурія; средней глобусъ увѣчанъ двуглавымъ орломъ. На самомъ фронтонѣ семь изображеній; между ними есть эпиграмма на астрологовъ: представлено солнце и Икаръ, падающій въ море, а внизу подпись: «на астрологовъ». По сторонамъ около колоннъ—огонь, вода, воздухъ и земля въ видѣ человѣческихъ фигуръ. На колоннахъ надписи: «егда приснаго лѣта, что чрезъ инфлюенцію, яко плаветъ, тако и прочихъ свѣтилъ, разныя дѣйства сбывашеся; иначе же убо, идѣ же бо хочетъ Богъ, то всуе вся мняшеся, зане творцомъ вся твари инфлюенція вся побѣждашеся». Оглавленіе листа показываетъ его содержаніе: «Употребленіе предложенныхъ четырехъ таблицъ, на которыхъ кратко собранный неисходимый календарь»; Внизу, по сторонамъ представлены астрономы съ инструментами. посреди небесный глобусъ съ фигурами Феба и Времени; кругомъ—морскія чудовища, море и молнія, надписи: «преестество»; также два единорога, солнце, луна и комета, надписи: «естество». Внизу: «благодарю тя, всемогущій мой и всемилостивѣйшій Творче, яко изволялъ сей общій календарь начати, его же твоею всещедрою помощію въ честь своей Матере и всѣхъ святыхъ и церкви окончати, аминь: зане ты еси всегда альфа и омега ¹⁾!»

¹⁾ Единственный полный экземпляръ этого календаря хранится въ И. эрмитажѣ въ собраніи гравюръ и картъ подлѣ № 33, полка 5. Въ П. библ. экземпляръ не полный. Изъ настоящаго описанія видно невѣрности показаній Соникова (III, № 4984), что календарь рѣзанъ въ первый разъ въ 1708 г., на деревѣ; кромѣ того, третій листъ этого же календаря показанъ у него отдѣльно (IV, № 8888), подлѣ именемъ сокращенія такъ называемаго брюсова календаря. Въ Словарѣ сн. пис., изд. Снегиревымъ, сказано, что будто этотъ календарь на 200 лѣтъ.

Впослѣдствіи времени этотъ же календарь издавался въ 4^о и рѣзался на деревѣ; см. Опис. книгъ гр. Толстова № 10, стр. 509—510.

Печатные календари петровскихъ временъ являлись съ 1708 года постоянно каждый годъ въ Москвѣ, а послѣ и Петербургѣ. Сначала расположеніе ихъ было слѣдующее: краткая хронологія событій, въ числѣ которыхъ изъ русской исторіи показывались коронаваніе Петра, рожденіе царевича Алексѣя, а съ 1717 г. втораго сына царя, Петра Петровича и внука, Петра Алексѣевича. Далѣе: знаки мѣсячныя, имена семи планетъ и знаки зодіака. Въ каждомъ мѣсяцѣ означались гласы, евангелія и апостолы, святцы, фазисы луны и предсказанія о погодѣ. Послѣ мѣсяцослова статья о затмѣніяхъ, разныя витіеватыя пророчества, иногда въ стихахъ, о войнѣ, мирѣ, болѣзняхъ, здравіи; наконецъ, время, когда пускать кровь.

Въ календарѣ на 1713 годъ присоединена статья «О началѣ года, чего ради оное на первое число учреждено», которая доказываетъ, что и чрезъ 12 лѣтъ послѣ установленія праздновать новый годъ 1 января нужно было защищать такое распоряженіе.

Календарь, вышедшій въ первый разъ изъ петербургской типографіи на 1713 г., перепечатанъ съ такого же московскаго. Изданный въ Петербургѣ же на 1714 годъ замѣчательнъ тѣмъ, что изъ него были исключены святцы, остальной текстъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. До этого календаря не обозначалось (кромѣ изданнаго Кипріановымъ, см. выше), по какому меридіану изчислялось время; но здѣсь указано, что по меридіану и ширинѣ царствующаго града Санктъ-Петербурга. Въ немъ также въ первый разъ помѣщены восходъ и заходъ солнца, долгота дня и ночи. Въ этомъ календарѣ не было никакихъ предсказаній, но въ слѣдующихъ они опять являются: царь именно писалъ, 23 ноября 1714 г., къ Мусину-Пушкину, чтобы «въ календаряхъ напечатать прогностику ¹⁾».

Московский календарь на 1715 г. переведенъ съ нѣмецкаго, составленнаго извѣстнымъ уже намъ по рассмотрѣннымъ выше рукописямъ математикомъ Іоанномъ Генрихомъ Фохтомъ. Здѣсь опять видное мѣсто занимаютъ предсказанія.

Петербургскій календарь на 1715 г. имѣетъ исключенныя было провѣщанія и святцы.

Въ заглавіи московскаго календаря на 1717 г. указано, что онъ составленъ «по вышнѣ полюса 55 гр. 45 м. и по длинѣ отъ острова Тенерифа 60 гр. 4 м.» При этомъ приложена «табелъ восхода и захода солнечнаго, еще долготы дней и ночей по елевациіи московской» и есть «проблема охотникомъ астрономіи». Въ вышедшемъ на 1718 г. московскомъ календарѣ значится, что онъ переведенъ съ гамбургскаго календаря Павла Галскена. Въ изданныхъ тамъ же на 1722 и 1723 годы на заглавіяхъ указано, что переведены съ календарей І. Г. Фохта. Въ московскомъ календарѣ на 1725 г. помѣщена въ первый разъ

¹⁾ Дѣл. Петра В. Голжова V, 591.

статья: «Торжественные, праздничные и викариальные дни, которые повсегодно празднуюмы бываютъ».

Въ началѣ XVIII столѣтія, успѣхи астрономіи были уже столь обширны, что астрологическія предсказанія не могли имѣть вѣса у ученыхъ, и въ календаряхъ встрѣчаются пророчества, какъ бы въ уступку общественному суевѣрію. Въ нашихъ переводныхъ календаряхъ разсматриваемой эпохи отразилось уже недовѣріе къ астрологическимъ выкладкамъ. Такъ, въ календарѣ на 1711 годъ, въ прогностикѣ о войнѣ составитель ея сердится за ожиданіе отъ него точныхъ по этому предмету свѣдѣній: «всегда хитрые нѣкоторые люди обрѣтаются, которые всякіе негодные вопросы предлагаютъ: тогда единъ болѣе спрашивать можетъ, нежели десять мудрые отвѣщати могутъ. Они всегда отъ астронома, или календарнаго писателя, вѣдати хотятъ, когда, какимъ образомъ и гдѣ совершится? Такимъ людямъ за нѣкоторые годы уже отвѣтъ данъ, что войну и миръ собственно изъ звѣздотеченія провѣщати невозможное дѣло. Между ними и нынѣ такимъ любохитрымъ людямъ отвѣщаю, чтобъ они, такой хитрости ради, себѣ въ пазуху вошли, сердце свое истязали, какъ они съ Богомъ небеснымъ обстояніе имѣютъ, тако и съ своимъ зловнымъ грѣшнымъ житіемъ приключати бы могли, что не токмо сія долго пребывающая война еще продолжается, но Богъ всемогущій и нынѣ мѣста, которыя того не чаютъ, посѣтити можетъ, дабы всякъ позналъ, что человекъ сами такія злыя блудящія звѣзды суть, которыя сколь долго въ своемъ грѣшномъ житіи, яко въ гордыни, сребролюбіи, пьянствѣ и въ прочихъ злобахъ безъ покаянія пребываютъ, ничего добра не предвѣщаютъ»...

О лжѣ календарныхъ, на астрологіи основанныхъ, предсказаній, кажется распространяться нечего. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что они въ свое время пользовались всеобщимъ уваженіемъ и, вѣроятно, примѣнялись ко многимъ случаямъ. Въ примѣръ того, что и календарныя предсказанія сбывались, можно указать на прогностикку въ календарѣ на 1716 годъ. Впрочемъ и тутъ должно оговориться, что астрологи, если бы и чаще писали въ такомъ духѣ свои предсказанія, то не могли бы ошибаться. На декабрь 1716 года въ 1715 предсказывалось: «Когда злые люди содружество учинятъ, то внимай дѣламъ ихъ и внемли себѣ отъ злыхъ совѣтовъ ихъ, ибо они токмо ищутъ изъ чуждыя мощны насыщатися, и сего ради возможно слышать о хищеніи, о татѣбѣ и о прочихъ хитрыхъ дѣлахъ, зане хитроумные меркуріалисты многія рѣдкія вещи вымыслити имутъ. — Великимъ господамъ и сенаторамъ такожде не все по желанію ихъ возможно быти, но многія противности возмогутъ являтися»...

Можно сказать, что это предсказаніе съ хитрымъ предисловіемъ примѣнялось къ всеильному тогда Меншикову и другимъ знатымъ: въ декабрь 1716 года, до царя дошли слухи о казнокрадствѣ всѣхъ

этих господъ, и потому надъ ними было назначено строгое изслѣдованіе, отъ котораго трепетали нѣкоторое время и Меншиковъ, и его клеветы.

Во времена Петра, календари печатались также и церковнымъ приѣтомъ. Такимъ образомъ изданный въ Кіевѣ на 1714 годъ календарь хотя въ общихъ чертахъ и сходенъ съ описанными выше, однако въ прибавленіяхъ къ нему есть нѣчто такое, что напоминаетъ русскую ученость XVII вѣка съ ея неизбѣжными виршами и обычными цитатами. Вотъ напр. какъ въ этомъ мѣсяцословѣ разсуждается о затмѣніяхъ: «Егда на небеса необычныя являютя большихъ свѣтилъ небесныхъ, си есть солида и луны затмѣнія, не безъ страха взирающи, не вельми благаго знаменія надѣемся оттуду. Возрѣ ииогда, не точію въ наученія астрономичномъ, но и въ вѣрѣ Христовой послѣди прѣскусный звѣдочетецъ

Не тотъ бо, мню, астрономъ, что зрить на планеты,
Но кто міръ сей и въ немъ вся имать за уметы.
Тотъ астрономъ изряденъ, кто неба желаетъ,
И нужнымъ есть житіемъ тайнъ восхищаетъ.
Не азъ,—но модрыхъ (sic) людей стверждаю здѣ слова:
То астрономъ, кто небу, кто живетъ Христови.

«Возрѣ, глаголю, онъ, блаженный Діонисій, во время святыхъ страстей Христовыхъ, на необычное оно прѣмѣненіе солнечное, толь великимъ ужасомъ объятный, возопи велегласно: или міръ злѣ погмбнетъ и земля разрушится отъ основаній своихъ; или терпять истраждетъ что Богъ о грѣсѣхъ человѣческихъ,—яко и самую вещь истинною то событсе!»...

За тѣмъ, послѣ еще нѣкоторыхъ благочестивыхъ разсужденій, перечисляются затмѣнія 1714 года, и статья кончается оригинальнымъ утѣшеніемъ, чтобы не ужасаться ихъ, такъ какъ у насъ они не будутъ видимы: «обаче вси тіи затмѣнія на нашемъ горизонтѣ не видими будутъ, и того ради не вельми ихъ ужасатся, но паче чаяти бы благополучнаго, изряднаго въ семь году странѣ російской поведенія».

Вообще же календари кіевопечерской лавры отличались особенною положительностью предсказаній, чего не допускалось въ московскихъ и петербургскихъ календаряхъ. Такъ напр., въ календарѣ на 1717 годъ говорится, что «первое лунное затмѣніе прилучится марта 16 числа; начнется въ 2 часа и 44 м. Сіе затмѣніе явствуетъ вражду между свойственными особами и между министрами великихъ владѣтелей несогласіе и поврежденіе имъ милости у принципаловъ своихъ, нѣчто неудобственнаго церковнымъ чиномъ и кончину знаменитымъ архіереомъ. Второе лунное затмѣніе получится 9 числа сентемврія, начнется 6 часа 10 минутъ по полудни; продолжится луна въ затмѣ-

ниъ 2 ч. и 55 м. Сіе затмѣніе явствуетъ войну и несогласіе между владѣтели и между Востокомъ и Западомъ вражду; на имѣніе духовныхъ—отягощеніе; на рыбу—заразу; умноженіе водныхъ гадовъ и червей, убійство, грабительство, разбитіе отъ войнъ кораблей и грозитъ смертію нѣякому великому владѣтелю.

Если припомнить, что въ Кіевѣ былъ тогда митрополитомъ Юсафъ Кроковскій, замѣшанный въ дѣлѣ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, а этотъ послѣдній на допросѣ сознался, что онъ слушалъ и вѣрилъ охотно въ предсказанія о смерти отца, то можно предполагать, что предвѣщаніе о кончинѣ великаго владѣтеля было помѣщено въ календарь не безъ намѣренія, тѣмъ болѣе, что оно напечатано именно въ тотъ годъ, когда царевичъ скрылся изъ Россіи, чтобы освободиться изъ подъ власти Петра.

Въ другомъ кіевскомъ календарѣ на 1721 г. прямо указано, что онъ «перелицованъ» съ польскаго.

При Петрѣ печатались также календари въ листъ съ пробѣлами для рукописныхъ замѣтокъ. Сюда вносились краткія и сухія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ царь или что случалось съ нимъ. Впрочемъ, эти календари не имѣли другихъ отмѣнъ отъ обыкновенныхъ. Нѣкоторые изъ журналовъ, веденныхъ на листахъ подобныхъ мѣсяцослововъ, перепечатаны въ Поденныхъ запискахъ Петра В., изд. кн. Щербатовымъ и Походныхъ журналахъ 1714, 1715, 1716, 1718, 1719, 1721, 1722, 1723 и 1724 годовъ, изд. въ Петербургѣ въ 1854—55 годахъ.

Въ заключеніе настоящаго обзора, слѣдуетъ упомянуть о рукописномъ календарѣ, составленномъ на 1720 годъ Алексѣемъ Изволовымъ, учившимся, какъ видно изъ его словъ, за границей математики и астрономіи¹⁾. Трудъ этотъ замѣчательнъ для исторіи пространства въ Россіи истинныхъ знаній въ астрономіи.

Заглавіе: «Санктъпетербургской календарь, учиненный по старому и по новому стилямъ на лѣто отъ рождества Спаса нашего Іисуса Христа 1720-й годъ. По меридіану и ширинѣ царствующаго Санктъпетербурха, указующій затмѣнія солнечная и мѣсячная, рожденіе и полный мѣсяцъ съ четвертми; такжежде время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе и долгоношіе на всякой день по старому російскому и по новому римскому стилямъ. При семъ же прилагается таблица, показующая по разнымъ ширинамъ правдивое солнечное восхожденіе градусами отъ востока, такжежде и

¹⁾ Ркп. И. зрмитажа, ч. 6, № 78, полка 3; на особомъ ярлыкѣ, приложенномъ къ первому листу, надпись: «Календарь письменный, соч. на 1720 г. Алексѣемъ Изволовскаго (sic) въ двойнымъ числами и отмѣною золотъ, на апробацію. Въ томъ числѣ начало по числамъ съ рождества, а по рожденію луны съ богоявленьева дня, или съ 21 дня, со дня Іуліаніи декабря».

захожденіе отъ запада, для лучшаго способу всеѣмъ имѣющимъ охоту къ наукамъ, а особливо штурманомъ и мореплавателемъ; чрезъ которую въ скоромъ времени можно взыскать погрѣшеніе или неисправленіе компаса».

Расположеніе календаря одинаково съ разсмотрѣнными выше. Отмѣны же состоятъ въ томъ, что обозначены числа не только по старому, но и по новому стилю; предсказаній о погодѣ вовсе нѣтъ. Таблицы восхожденія и захожденія солнца объяснены самимъ составителемъ такъ: «въ сихъ таблицахъ обрѣтается на всякомъ листу по 9 столбовъ, изъ которыхъ первый показываетъ высоту полюса или широту мѣста, починающійся отъ экватора и восходящій до 60 градусовъ; прочихъ же восемь столбовъ показываютъ сверху склоненіе солнца отъ экватора, начинающійся въ 30 минутъ; внизу указуютъ противъ всякой широты мѣсто правдвое солнца восхожденіе отъ востока, егда солнде имѣеть сѣверное склоненіе, тогда и восходитъ толико градусовъ отъ востока къ сѣверу. Егда же имѣеть склоненіе южное, тогда и восходитъ толико градусовъ отъ востока къ югу, и захожденіе такожде разумѣется»....

Но любопытнѣе самого календаря «ощрахать или приношеніе» отъ Изволова кн. Меншикову. Послѣ длиннаго титула послѣдняго, читаемъ: «Душеспасительнаго здравія, благодати и на всегда лучшаго благополучія свѣтлости вашей всеусердно свыше желаю! Вашей высококняжей свѣтлости, премилостивѣйшему нашему государю, весьма есть извѣстно, что я, всенижайшій вашъ рабъ, былъ въ европейскихъ краѣхъ для обученія разныхъ тамошнихъ наукъ, а наипаче мореплаванія или навигаціи и астрономіи, или небеснаго теченія, въ чемъ свидѣтельство и на письмахъ имѣю. Чрезъ которыя свои науки нынѣ воспріявъ усердіе, со всенижайшею моею покорностію, дерзнулъ написать сіе малое мое вашей свѣтлости приношеніе, т. е. календарь на предбудущій 1720 годъ, учиненный по меридіану и ширинѣ царствующаго сего Санктъпитербурха. Съ которымъ приношеніемъ всенижайше себя подвергаю всеспільной вашей высококняжей свѣтлости милостивой протекціи, прося на сей мой малый трудъ милостиво призрѣть и освидѣтельствовать съ календарями, которые здѣсь печатаются съ переводу календаровъ гамбургскихъ и любскихъ. Понеже оныя, какъ я могъ изъ нихъ признать, сочиняются не по Санктъпитербурхскому меридіану и ширинѣ, но по тамошнимъ градусомъ, того ради и мыслію касаюся, что оныя здѣсь не весьма вѣрны, и предлагаю сіе въ разсужденіе умныхъ ученыхъ и безъ зависти, по совѣсти разсуждающихъ людей».

«На что въ сей моей прописи острологія, т. е. назначиваніе о премѣнѣ воздуха и временъ прогностика, или прореченія предбудущихъ, вѣтїиство рѣчей употребляемыхъ о болѣзньхъ и плодородіи п

прочее, сему подобное оставлено ¹⁾? Сие учинено не невѣдѣнія ради, но ради правдиваго въ регулярномъ доказаніи неоправленія, понеже чрезъ астрономію, т. е. правое регулярное небеснаго теченія счисленіе, сего учинить право по регуламъ не можно. И токмо едино по нѣкоторымъ мнѣніямъ гаданія, ибо наилучшій въ Амстердамѣ въ сей математикѣ учитель Симонъ ванъ Демолень въ своей написалъ книгу, именуемой Званіе небеснаго теченія въ таблицахъ, на листахъ 69 и 73: что си господа острологицы и простые календаровъ сочинители, которые берутъ нужнѣйшій правдивый фундаментъ отъ другихъ учителей, токмо того смотрятъ, чтобъ наполнять больше бумаги и достать отъ простаго народу больше денегъ; не токмо что иное, но и женскія непотребныя пѣсни и прочее къ сему прилагаютъ! Но вижайшій азъ сие все писать при семъ отложилъ: мню еще непогрѣшну за непотребно, а что найдется въ сей моей послѣдующей прописи написано показанія время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствія, долгонощія на всякій день, на сие всенижайше прошу милостиваго отпущенія, ибо сего за суетою службы своей и болѣзнію учинить не поснѣлъ, да и разность хотя будетъ, но не велика, и еще что еще въ семъ моемъ календарѣ найдется что требующее исправленія, на сие прошу всенижайше милостиваго мяѣ оставленія и поправленія, ибо всякъ свое погрѣшеніе въ дѣлѣ не можетъ такъ крѣпко усмотрѣть и исправить, какъ съ стороны другой разсмотреть и разсудить. Вашей высококняжой свѣтлости всенижайшій рабъ послѣдній Алексѣй Изволовъ. Декабря 25 дня, 1719 года.

XI.

Исторія. Печатное руководство къ изученію русской исторіи. Заботы царя о составленіи русской исторіи и его взглядъ на древній періодъ ея. Распоряженія Петра Великаго о сохраненіи въ памяти потомства его царствованія. О переводахъ и изданіи въ свѣтъ иностранныхъ историческихъ произведеній. Вліяніе католицизма и протестантизма на труды западныхъ историковъ и значеніе этого вліянія въ русскихъ переводахъ петровскихъ временъ.

Въ XVII столѣтіи, замѣтны въ Россіи попытки къ составленію руководства къ русской исторіи. Само собою разумѣется, что въ этихъ попыткахъ настояла надобность въ Кіевѣ и вообще Малороссіи, такъ какъ здѣсь народъ былъ просвѣщеніе, нежели въ сѣвер-

¹⁾ Въ концѣ календаря, впрочемъ, есть предсказанія, перев. съ голландскаго; но при этомъ составитель пемѣстлялъ нѣсколько выходовъ противъ астрологовъ и невѣрности ихъ предсказаній.

ной и средней Россіи, и потому явилась потребность въ знакомствѣ съ прошедшимъ своей родины. Читателю должно было уже казаться утомительнымъ справляться съ лѣтописями, слѣдить тамъ за всѣми подробностями, часто сухими и безжизненными, и потому дѣлать всему этому оцѣнку, потому что изъ лѣтописи рѣдко можно догадаться, что думалъ о событіяхъ записывавшій ихъ? Естественно, что обзорнѣе русской исторіи первоначально явилось сокращеніемъ лѣтописи съ риторскими прикрасами. Таковою была хроника Θεодосія Софоновича, который переделалъ и сократилъ ипатьевскую лѣтопись, дополняя кое что извѣстными ему польскими источниками.

Въ 1674 г., въ Кіевѣ напечатанъ сборникъ разныхъ сказаній изъ русской исторіи, подъ названіемъ Синописа (сокращеніе). На заглавномъ листѣ напечатано, что книга издана «по благословенію» архимандрита кіевопечерской лавры Иннокентія Гизеля, и на этомъ основаніи сочиненіе, или лучше сказать составленіе Синописа приписывается этому лицу ¹⁾. Уже м. Евгений замѣтилъ, что этотъ сборникъ есть довольно близкій сколокъ съ хроники Софоновича, украшенный нѣкоторыми добавленіями. Такъ напр., въ хроникѣ Софоновича не находилось «О семь, коль краты россы прежде Владимира даже до царствія его крестяшася», а въ Синописѣ она заимствована или изъ печатнаго Патерика, или изъ густинской лѣтописи. Исторія о шестствіи Мамаю пользовалась у насъ особенною популярностью, а потому также нашла себѣ мѣсто въ Синописѣ. Во второмъ изданіи его 1678 г. прибавлены нѣкоторыя событія изъ царствованія Федора Алексѣевича. Въ третьемъ изданіи 1680 г., третьею главою явилось сказаніе «о свободѣ или вольности славянской», гдѣ довольно положительно трактуется, какъ славяне получили отъ Александра Македонскаго грамоту на пергаментѣ, какъ цесарь Августъ не желалъ съ ними воевать и, наконецъ, какъ славенороссійскій князь Одоацеръ «войною досталъ Римъ». Событія изъ царствованія Федора Алексѣевича дополнены «вторымъ басурманскимъ приходомъ подъ Чигирянь».

Въ Синописѣ вошли всѣ разглагольствованія о происхожденіи славянъ отъ Іафета, Мосоха и т. п. Откуда взяты эти сказанія и гдѣ прежде были въ употребленіи, читатель можетъ найти обстоятельное извѣстіе въ статьѣ г. Лавровскаго «Исслѣдованіе о лѣтописи якимовской ²⁾».

Извѣстно, что безпристрастіе къ своему и чужому, уваженіе къ одной истинѣ, хотя бы и въ ущербъ народному самолюбію, можетъ быть оцѣнено въ историческихъ трудахъ тогда только, когда общество достигло извѣстной степени зрѣлости. Въ такую пору, историкъ можетъ прямо и безъ прикрасъ рассказывать исторію предковъ, не

¹⁾ По благословенію настоятеля лавры печатались всѣ книги въ кіевопечерской лаврѣ.

²⁾ Учен. записки II отд. ак. наукъ, Кн. II, выпускъ 1, стр. 77—160.

онасясь обвиненій за то, что въ его повѣствованіи нѣтъ привлека- тельныхъ картинъ, часто создаваемыхъ прихотливымъ и сентимен- тальнымъ воображеніемъ потомковъ. Не трудно догадаться, что въ XVII столѣтіи въ руководствѣ къ русской исторіи толкуется и до- казывается, какъ были славны славяне, какіе они совершали великіе подвиги, какіе у нихъ были хорошіе правители, какъ они обманывали другъ друга, рѣзались между собою и т. п.

М. Евгеній говоритъ, что Синописецъ, до изданія краткаго лѣто- писца Ломоносова, былъ единственнымъ учебникомъ для изученія русской исторіи. Можно бы послѣ того предполагать, что Синописецъ, со времени появленія труда Ломоносова, утратилъ свое прежнее зна- ченіе, но такое предположеніе было бы несправедливо: уже Сопиковъ насчитывалъ до 1810 года восемь изданій Синописца въ Петербургѣ и три въ Кіевѣ, не включая сюда трехъ изданій XVII вѣка и двухъ при Петрѣ. Кромѣ того, и послѣ выхода труда Сопикова продолжа- ли издавать Синописецъ: позднѣйшее мнѣ случилось видѣть съ обозна- ченіемъ 1836 года. Синописецъ гражданскими буквами въ Петербургѣ печатался постоянно при нашей академіи наукъ.

Извѣстны два изданія Синописца при Петрѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы государь видѣлъ въ этомъ учебникѣ не- plus ultra совершенства. По приказанію царя, Мусинъ-Пушкинъ писалъ, 1 и 26 октября 1708 года, къ Поликарпову, чтобы онъ принялся за сочиненіе русской исторіи отъ начала царствованія ве- ликаго князя Василья Ивановича до настоящаго времени: для образца велѣно было прежде всего описать пять лѣтъ въ двухъ редакціяхъ — краткой и пространной. Въ 1712 г., еще продолжался объ этомъ на- поминанія Мусина Пушкина Поликарпову. Такъ первый подтверждалъ, «съ великимъ желаніемъ царское величество приказалъ къ тебѣ о семъ писать», или: «понеже его царское величество желаетъ вѣдать російскаго государства исторію, и о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано (отсюда видно, что Петру Великому было мало нужды въ генеалогіи славянъ отъ Іафета и пергаминной грамотѣ Александра Македонскаго). И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно. О семъ имѣй стараніе, да имаша получить немалую милость; отъ гнѣва же (конечно, цар- скаго) да сохранить тебя Боже!» Вѣроятно въ 1715 г., Поликарпо- вымъ была представлена царю составленная имъ русская исторія; по крайней мѣрѣ, 2 января 1716 г., Мусинъ Пушкинъ писалъ къ сочи- нителю: «исторія твоя російская... не очень благоугодна была ¹⁾».

При Петрѣ Великому состоялось нѣсколько постановленій о со- браніи матеріаловъ для русской исторіи. Должно различать распоря-

¹⁾ Дѣянія Петра В. Голицова, IV, 298, 299; V, 323; VI, 369.

женія объ отобраніи или присылкѣ рукописей для этой цѣли отъ узаконеній, вслѣдствіе которыхъ также отбиралось и присылалось въ синодъ старинныя рукописи и книги, но въ тѣхъ видахъ, чтобы уничтожать вообще всѣ сочиненія, написанныя не согласно съ видами правительства. Къ разряду послѣднихъ относится указъ 17 мая 1721 года ¹⁾: «книги харатейныя и старопечатныя, у кого явились и впредь по извѣсту явятся въ продажѣ, какъ въ книжномъ ряду, такъ и въ домахъ (!), — оныя всѣ взять къ церковнымъ дѣламъ и отослать на печатный дворъ, а вмѣсто тѣхъ дать тѣмъ людямъ съ печатнаго двора новоисправленные». Лица, у которыхъ отыскивались подобныя книги, обязаны были давать подписки — «какъ харатейныхъ, такъ и старопечатныхъ книгъ не продавать и въ домахъ у себя не держать. А у кого и какія именно харатейныя и старопечатныя книги взяты будутъ, о томъ въ правительствующій сенатъ прислать доношеніе немедленно».

13 октября 1724 г., состоялся указъ собственно о рукописяхъ: «противныя благочестію раскольническія рукописныя книги, ежели у кого суть, тѣмъ людямъ объявлять оныя... неуклонительно, безъ всякія боязни, и никто бъ у себя такихъ о расколѣ оумнительныхъ и подозрительныхъ книгъ и тетрадей ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ держать не дерзали подъ опасеніемъ жестокаго казни».

Слѣдующіе два указа относятся уже къ собранію историческихъ матеріаловъ: 20 декабря 1720 г., предписывалось губернаторамъ и вице-губернаторамъ «во всѣхъ монастыряхъ, и епархіяхъ и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма оригинальныя, также и историческія рукописныя и печатныя книги пересмотрѣть и переписать... и тѣ перепионыя книги прислать въ сенатъ». 16 февраля 1722 г.: «взъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ очемъ по описямъ куріозныя, т. е. древнихъ лѣтъ рукописанныя на хартіяхъ и на бумагѣ церковныя и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобныя, что гдѣ таковыхъ обрѣтается, — взять въ Москву въ синодъ, и для извѣстія оныя списать и тѣ списки оставить въ бібліотекѣ... Для исполненія этого указа посланы были изъ синода нарочныя ²⁾».

Изъ синодальнаго дѣла объ этомъ предметѣ ³⁾ видно, что очень взъ немногихъ епархій высланы были рукописи: начальства по большей части отвѣчали, что въ завѣдываемыхъ ими церквахъ и монастыряхъ таковыхъ нѣтъ. Въ 1727 г., сенатъ требовалъ отъ синода свѣдѣній, гдѣ находятся собранныя рукописи? Духовная дикастерія отвѣчала въ апрѣлѣ 1730 года, что въ ней хранится ихъ около соро-

¹⁾ Полн. собран. зак. VI, № 3784.

²⁾ Ibid., VI, №№ 3693 и 3906.

³⁾ 1722 г., № 15.

ка. Изъ описи оназывается, что присылались рукописи по большей части духовнаго содержанія; было вѣсколько житій святыхъ, четыре хронографа, четыре лѣтописца. Какое изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ хотѣли сдѣлать употребленіе въ 1730 году, и для чего о нихъ спрашивала сенатъ — изъ дѣла не видно.

Въ 1722 г., Петръ поручалъ Григорью Скорнякову-Писареву (о немъ выше стр. 210, 276) составить какой-то лѣтописецъ, о которомъ сохранилось только извѣстіе въ донесеніи Писарева синоду, отъ 3 мая того же года: «императорское величество указалъ мнѣ сочинять книгу лѣтописецъ, и того ради ваше святѣйшество прошу, дабы изволили приказать прислать ко мнѣ для онаго дѣла писца, который бы могъ писать ирвописательно ¹⁾»...

Говоря о попыткахъ писать русскую исторію въ началѣ XVIII вѣка, невозможно пройти молчаніемъ о баронѣ Гюйссенѣ. Его въ особенности расхвалилъ Адамъ Селлій въ своемъ «Каталогѣ писателей», гдѣ барону приписаны: русская исторія съ 1600 по 1672 г., трактатъ о знаменитыхъ и ученыхъ мужахъ россійскихъ и, наконецъ, жизнеописаніе Петра Великаго. Того мало: Селлій даже говорилъ о похитителяхъ ученыхъ трудовъ барона Гюйсена: «сожалѣю, что многіе дерзкіе и неблагодарные пользовались, да и послѣ будутъ пользоваться его трудами, какъ своими собственными».

Похвалы Селлія Гюйссену основаны на двухъ сочиненіяхъ:—одномъ, изданномъ Малатестою и гдѣ, по собственному признанію барона (выше стр. 103 и слѣд.), онъ самъ принималъ участіе: во второмъ—писемъ грека Схенда фонъ-дерберга, въ которомъ всѣ блистательныя извѣстія о настоящемъ состояніи учености въ Россіи начала XVIII столѣтія написаны съ такими преувеличеніями, что съ первыхъ же страницъ теряешь всякое довѣріе къ автору письма. Несмотря на это, нашлись люди, повѣрившіе на слово Селлію и даже отыскивавшіе между современниками Гюйсена похитителей ученыхъ трудовъ его. Уважаемый м. Евгеній былъ также увлеченъ свидѣтельствомъ автора Каталога и сдѣлалъ предположеніе, что въ добросовѣстномъ трудѣ Миллера *Sammlung Russischer Geschichte* есть сочиненія Гюйсена и что «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи съ 1600 г. того же Миллера быть можетъ также принадлежить перу барона. Зная все написанное этимъ послѣднимъ, легко убѣдиться, что единственною его заботою было представить въ выгодномъ свѣтѣ то, о чемъ онъ писалъ; вся историческая начитанность его ограничивалась вырванными, на удачу и безъ всякой повѣрки, извѣстіями изъ иностранныхъ писателей о Россіи; наконецъ, нигдѣ Гюйссенъ не обнаружилъ знакомства съ русскими источниками, да и не имѣлъ о нихъ понятія.

¹⁾ Синодальное дѣло 1722 г., л. 32.

Такъ ли писалъ Миллеръ? Онъ началъ обрабатывать русскую исторію именно съ перевода несторовой лѣтописи и при этомъ хотя показалъ несорершенное знаніе славянскаго языка, тѣмъ не менѣе однако своимъ приѣмами въ обработкѣ предмета обнаружилъ и пониманіе исторіи, какъ науки, и историческій тактъ, которыхъ рѣшительно не замѣтно ни въ одномъ изъ современниковъ Миллера, которые брались писать русскую исторію.

Селлій приписалъ Гюйссеву болѣе, нежели сколько онъ дѣйствительно сдѣлалъ, и это подтверждается собственною запискою барона о своихъ заслугахъ: тамъ не пропущено ни одной небольшой даже статейки его, а между тѣмъ ни слова нѣтъ о сочиненіяхъ, приписанныхъ ему Селліемъ. Въ запискѣ сообщено только, что царь поручалъ Гюйссеву писать русскую исторію; изъ дальнѣйшихъ извѣстій оказывается, что подъ словомъ русская исторія разумѣлось собственно жизнеописаніе Петра. Такъ въ запискѣ читаемъ: «Когда Гюйссеву государевъ ордеръ данъ былъ къ описанію російской исторіи, такъ онъ въ разныхъ меморіалѣхъ просилъ, чтобы надлежащія къ тому дѣлу средства, удобность и всякія потребности доставить, а именно: старыя и новыя свѣдѣнія изъ приказовъ и монастырей, лѣтописанія, еще и журналы и всѣдневныя росписи о походѣхъ генераловъ и министровъ, родословія знатныхъ фамилій. — Еще и географское описаніе земель и городовъ и прочая ему вручены были. — И на то ему только короткія денныя росписи о его императорскаго величества походѣхъ... а больше того не послѣдствовало. — Для того онъ многія къ тому дѣлу потребныя книги изъ Германіи, Голландіи, Франціи и проч. переписалъ, да не точію изъ тѣхъ, но и изъ разныхъ русскихъ книгъ, родословныхъ, историческихъ рукописныхъ, которыя самъ себѣ промышлялъ, выписывая что вѣроятію и похвально. — У генераловъ и прочихъ высокихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ и другихъ любознательныхъ и искусныхъ особъ онъ собственныя и самосуція обстоятельства при боѣхъ и случаѣхъ, у которыхъ они были или подлинно про нихъ увѣдали, тщательнымъ прилежаніемъ изслѣдоваль... Все потребное сочиня, онъ же переводилъ на разные языки, а русскій переводъ о преславномъ житіи его императорскаго величества уже подавалъ, какъ его величеству самому, такъ и въ государственную канцелярію иностранныхъ дѣлъ». Далѣе въ запискѣ говорится, что въ 1723 г., царь, по возвращеніи изъ Персіи, приказывалъ нѣсколько разъ Гюйссеву работать надъ русскою исторіей, «о которой только оглавленія пункты за рукою его величества пришли, чтобы оная наискорѣе и еще при жизни государя въ совершеніе пришла, при чемъ великій императоръ сердечныя слова изволилъ сказать: себя быти челоуѣкъ и яко животъ свой всѣдневно въ рукахъ божіихъ стоять... (Послѣднія слова не имѣютъ смысла въ рукописи; въ нѣмецкой же автобіографіи написано это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что царь же-

лалъ поскорѣ видѣть оконченную исторію предковъ и своихъ дѣлъ, такъ какъ будучи человѣкомъ, могъ умереть вдругъ, какъ всякой другой).

Трудъ Гюйссена до нынѣ хранится рукописный въ государственномъ архивѣ, а въ печати его можно читать въ «Собраніи записокъ къ исторіи Петра Великаго» Туманскаго, ч. III и VIII. Веберъ сдѣлалъ справедливую оцѣнку этой работы: «хотя написано за три года передъ тѣмъ (сказано подъ апрѣлемъ 1718 года) и приготовлено къ печати сочиненіе барона Гюйссена о дѣяніяхъ Петра, достойное прочтенія, однако этотъ писатель не имѣлъ подъ рукою достаточныхъ матеріаловъ ни изъ русскихъ присутственныхъ мѣстъ, ни изъ другихъ учрежденій, а пользовался только современными вѣдомостями, историческими Меркуріями и другими подобными, печатными извѣстіями. Желательно потому, чтобы авторъ, прежде изданія въ свѣтъ своего труда, собралъ по болѣе свѣдѣній и тѣмъ самымъ составилъ бы нѣчто оконченное о подвигахъ царя ¹⁾». Памятникомъ работы Гюйссена надъ журналами, или, какъ тогда ихъ называли, юрналами Петра, остались отмѣтки на нѣкоторыхъ изъ тетрадей дневника, хранящихся нынѣ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Такъ, напр., на журналъ 1695 г. написано рукою Гюйссена: «il faut le commencement de cette année», или «il faut la fin de cette enfin». Тѣ же отмѣтки и на журналъ слѣдующаго года ²⁾.

Сохранились свидѣтельства тому, что Петръ Великій сильно заботился объ оставленіи на память потомству описанія своихъ дѣлъ. Въ 1718 году, царь сдѣлалъ замѣтку: «написать о войнѣ (со Швеціей), какъ зачалась, и о нравахъ и случаяхъ, какъ и кѣмъ дѣлана». Шафировъ и Прокоповичъ писали на эту тему: трудъ перваго былъ изданъ два раза въ 1717 и 1722 годахъ, и должно предполагать, что книга считалась особенно важною, такъ какъ третье изданіе печаталось въ количествѣ 20,000 экз., которые хотѣли было разослать по всѣмъ провинціямъ и городамъ. Замѣчательно здѣсь послѣсловіе, написанное, по свидѣтельству г. Устрялова, самимъ Петромъ: цѣль заключенія — доказать необходимость продолженія войны со шведами, которая какъ видно изъ словъ самого царя, казалась русскимъ тягостною, и до такой степени, что они желали окончанія ея даже цѣною пожертвованія всего завоеваннаго.

По заключеніи ништадтскаго мира, Петръ распредѣлялъ себѣ дни для занятій — утро каждой субботы было посвящено исторіи о войнѣ. Въ 1722 г., онъ отмѣтилъ: «вписать въ исторію, что въ сію войну сдѣлано, какихъ когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ, обоихъ путей регламентовъ и духовныхъ; такожь — строеніе фортецъ,

¹⁾ Das veränd. Russl. I, 254.

Походный журналъ 1695 г., изд. въ Спб. 1833 г., стр. II.

гавановъ, флотовъ корабельнаго и галернаго, и мануфактуръ всякихъ, и строенія въ Питербурхъ и на Котлинѣ и въ прочихъ мѣстахъ... За полтора мѣсяца до кончины сдѣлана Петромъ замѣтка: «вписать въ гисторію, въ которое время какія вещи для войны и прочихъ художествъ и по какой причинѣ или принужденія зачаты, напримѣръ: ружье для того, что не стали пропускать, такожь и о прочемъ ¹⁾»...

Плодомъ такихъ заботъ былъ сборникъ извѣстій, касавшихся болѣе походовъ, сраженій и вообще распоряженій царя по управленію. Все это было расположено въ хронологическомъ порядкѣ, написано въ формѣ перечневаго отчета, безъ всякаго отношенія къ жизни народа и потому, при нынѣшнихъ требованіяхъ исторіи, какъ науки, можетъ служить лишь второстепеннымъ матеріаломъ при изображеніи той эпохи. Свѣдѣнія о сраженіяхъ, побѣдахъ и потеряхъ русскихъ въ шведскую войну почти всегда и безъ переменъ заимствовались въ сборникъ изъ реляцій и вѣдомостей, печатавшихся въ разныя времена во всеобщее извѣстіе (что можно видѣть изъ описанія петровскихъ вѣдомостей, помѣщеннаго подъ каждымъ годомъ во 2-й части настоящаго труда). Собранные матеріалы далеко не обнимали всѣхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе Петра: о многихъ, и притомъ самыхъ неразгаданныхъ для современниковъ, пройдено молчаніемъ (напр. о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, о противодѣйствіи Петру знатныхъ и духовенства, о раскольникахъ и размноженіи ихъ, о второй супругѣ царя и мн. др.). Въ 1774 г., этотъ сборникъ изданъ былъ въ Стокгольмѣ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «*Journal de Pierre le Grand, nouvelle édition avec des notes par un officier suédois*», гдѣ издатель въ предисловіи говоритъ между прочимъ, что онъ, найдя въ Берлинѣ другое французское изданіе журнала, взялъ его съ собою въ Швецію: «*Je le communiquai à mes compatriotes et ils trouverent ainsi que moi, que le plus souvent l'auteur respectable de cet ouvrage n'avoit parlé des faits qu'il rapporte que d'après les détails que les généraux lui envoyoit, et dans lesquels ils ont presque toujours exagéré leurs succès et diminué leurs pertes: cette difference dans la manière de voir me détermina à faire des notes sur ce journal....*»

Какъ бы то ни было, разбираемый дневникъ былъ нѣсколько разъ поправляемъ царемъ, потомъ переписывался на бѣло, и наконецъ изданъ, по повелѣнію Екатерины II, кн. Щербатовымъ подъ заглавіемъ: «*Журналъ или подневная записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія вѣнштадтскаго мира ²⁾*».

Дополненіемъ къ этому труду можно считать изданные въ Петербургѣ въ 1853—1855 годахъ походные журналы царя, извлеченные изъ рукописей архива министерства иностранныхъ дѣлъ и

¹⁾ Исторія царствованія Петра Великаго, г. Устрялова, I, стр. XXX—XXXII.

²⁾ Объ иностранныхъ изданіяхъ журнала II. В. въ ст. «Библиографическіе отрывки», Отеч. Записки 1858 г., № 6.

академіи наукъ. Каждый годъ напечатанъ отдѣльно съ оглавленіемъ «Походный журналъ» такого-то года; въ 1853 году напечатаны журналы съ 1695 по 1703; въ 1854 г. — съ 1704 по 1714 г. въ 1855 г. — съ 1715 по 1735.

При Петрѣ Великомъ напечатано въ Россіи нѣсколько переводовъ историческихъ сочиненій не только древнихъ, но и новыхъ писателей, имѣвшихъ въ XVI, XVII вѣкахъ большое значеніе. Въ какомъ отношеніи такія произведенія въ русскомъ переводѣ могли быть къ русскимъ читателямъ, и на сколько они принесли пользы для дальнѣйшаго преуспѣянія у насъ исторіи — легко понять, вспомнивъ, подъ какими условіями и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ развивалась наука исторіи въ Европѣ.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ Западъ едва только сталъ освобождаться отъ невѣжества и варварства среднихъ вѣковъ. Предразсудки, слѣдовательно нетерпимость, предубѣжденіе противъ другихъ, пристрастіе къ своему — все это не могло не имѣть вліянія на исторію. Еще живо помнилась реформація, вражда католиковъ и протестантовъ не улеглась, и религіозный фанатизмъ (самый вредный изъ всѣхъ фанатизмовъ послѣ политическаго) отражался въ сочиненіяхъ враждовавшихъ до такой степени, что зная, къ какому вѣроисповѣданію принадлежалъ авторъ, можно было угадать напередъ, какъ онъ будетъ изображать извѣстныя событія. Съ конца XVIII столѣтія, просвѣщеніе видимо начинаетъ брать перевѣсъ надъ мракомъ и невѣжествомъ и такое явленіе отразилось особенно на европейскихъ историческихъ трудахъ нашего времени. Знаменитыя произведенія Шлосера, Гервинуса, Бокля написаны съ такимъ безпристрастіемъ, такъ чужды сентиментальной привязанности къ своему и смѣшной въ наше время ненависти къ чужому, что навѣрное названные писатели, если бы осмѣлились такъ писать въ XVI и XVII столѣтіяхъ, подверглись бы преслѣдованію католической инквизиціи и были бы прокляты, какъ еретики, отъ протестантовъ.

Въ прежнее время, протестанты и католики, неутомимо ратуя другъ противъ друга за каноническое право и церковныя преданія, внесли и въ область историческихъ изслѣдованій односторонній взглядъ, отчего произошло то, что было неизвѣстно древнимъ: изъ источниковъ, приводимыхъ въ старинныхъ историческихъ сочиненіяхъ, можно выводить, независимо отъ идеи автора, совсѣмъ иные результаты. Нѣмецкіе протестанты, видя, что всѣ церковныя источники и матеріалы для первыхъ вѣковъ христіанства были переработаны католиками, стали писать объ этомъ предметѣ согласно своему направленію. Вслѣдствіе этого, явился огромный трудъ *Centuriae*

magdeburgenses (Ecclesiastica historia... in urbe Magdeburgica 1559—1574), который долго служил протестантским арсеналомъ, откуда бралось оружіе противъ католиковъ. Само собою разумѣется, что эти въ свою очередь не захотѣли отстать отъ протестантовъ и желали имѣть такую свою исторію, которая бы оправдывала и превозносила послѣдователей папства. Первые, однако, попытки къ тому были несовсѣмъ удачны. Наконецъ, кардиналъ Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ явился съ видимою цѣлью побѣдить и уничтожить протестантизмъ.

Задача исторіи до XVIII вѣка состояла въ наивозможно-большемъ собраніи фактовъ, сгруппированныхъ и представленныхъ такъ, чтобы это было выгоднымъ для извѣстной партіи. Въ тѣ времена еще не выработалось убѣжденіе, что исторія должна быть наставницей человѣчества; что ей предназначено защищать несчастныхъ и угнетенныхъ противъ насилій и деспотизма; что она была бы романомъ или сборникомъ всякаго клама и ветоши, если нѣтъ въ ней уваженія къ истинѣ и святой вѣры въ благородство и возвышенность человѣческой души посреди окружающаго ее развращенія и испорченности свѣта. Надобно было много времени, много усилій здоровой критики и человѣческаго смысла, чтобы разогнать мракъ, напущенный въ область исторіи педантами и бездарными труженниками, для которыхъ не казалось ни сколько смѣшнымъ изучать жизнь и человѣческія стремленія, соотношеніе и связь событій изъ дипломовъ и официальныхъ документовъ, медалей и родословныхъ (Шлоссеръ).

Въ XVII столѣтіи, въ Германіи начинается проявляться философское мышленіе, а съ нимъ стремленіе къ истинѣ въ наукѣ. Новый фазисъ умственной жизни нѣмцевъ открывается сочиненіями Гуго Гроція и Гоббеса. Пуффендорфъ, изучая этихъ писателей, шелъ по слѣдамъ ихъ. Онъ первый началъ читать въ Гейдельбергѣ народное и естественное право, онъ также первый осмѣлился указывать на недостатки и несообразности современнаго ему государственнаго устройства Германіи. Подъ псевдонимомъ Сиверіана Мозамбана Пуффендорфъ написалъ свою знаменитую *De statu reipublicae germanicae liber* (она была переведена у насъ въ началѣ XVIII столѣтія и хранилась въ библіотекѣ кн. Димитрія Голицына, ср. стр. 256), въ которой Германія представлена федеральнымъ государствомъ, худо сплоченныя части коего составляютъ лишь случайное цѣлое. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, надѣлала много шума и, недаромъ, Пуффендорфъ до смерти не открывалъ своихъ близкихъ отношеній къ Мозамбану. Почти всегда истина бываетъ гонима вначалѣ, такъ и ученіе Пуффендорфа навлекло ему множество враговъ и непріятностей — въ послѣдніе годы жизни онъ долженъ былъ отказаться отъ профессорства и служилъ у бранденбургскаго курфюрста. Исторію Пуффендорфъ излагалъ съ политической точки зрѣнія и свое «Введеніе

къ исторіи замѣчательнѣйшихъ государствъ» предназначалъ, какъ руководство государственнымъ людямъ и какъ учебникъ для ознакомленія учащейся молодежи съ исторіею Европы. Здѣсь откинута прежняя рутина, бесполезные филологическіе толки, и обращено все вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на обстоятельства, служившія причинами возвышенія и упадка ихъ и т. и. Конечно, въ историческихъ трудахъ Пуффендорфа есть много недостатковъ, но великая заслуга его состоитъ во взглядѣ и въ примѣненіи его къ историческимъ трудамъ.

«Введеніе» Пуффендорфа въ русское переводѣ и есть первое (если не считать пустую компіляцію Коніевскаго—Введеніе во всякую исторію, 1699 г.) въ Россіи изданное руководство къ всеобщей исторіи. Оно названо «Введеніе въ исторію европейскую чрезъ Самуила Пуффендорфа» (Спб. 1718 и 1724 г.). Петру Великому долженъ былъ быть извѣстенъ этотъ трудъ гораздо прежде по наказу о воспитаніи царевича Алексѣя Петровича: послѣдній обязывался проходить курсъ европейской исторіи по этому произведенію Пуффендорфа. Царь, писавъ заключеніе къ Разсужденію о шведской войнѣ (см. выше), долгомъ счелъ въ подтвержденіе своихъ доказательствъ цитовать германскаго историка: «Прежнія времена, говорилъ Петръ Великій, не суть равны нынѣшнимъ, ибо шведы тогда не такъ о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о томъ славный историкъ Пуффендорфъ пишетъ въ книгѣ Введенія во исторію о русскомъ народѣ» (слѣдуетъ выписка).

«Введеніе въ исторію» переводилъ на русскій Гавріиль Бужинскій съ латинскаго перевода Крамера, такъ какъ нѣмецкаго языка онъ не зналъ. Русскій переводчикъ признавался въ предисловіи, что многія мѣста у Крамера казались ему темными, и потому онъ перелагалъ на русскій не всегда слово въ слово.

«Въ описаніи монархіи папы римскаго, говоритъ въ предисловіи же Бужинскій, собственный чинъ и штиль авторъ положилъ, различный отъ исторіи, но аки богословскій розыскъ — правильное ли оно господство или неправильное? отъ Христа ли и апостола Петра наченшеса, въ толикое возрасте величество, или хитростію и коварствомъ палъ тако распространися? и симъ подобная. Въ сицевомъ не тако историческомъ, яко богословскомъ розыскѣ, послѣдованіе и штиль высшій есть и, того ради, мало прикровеннѣйшій... Далѣе, сдѣлана оговорка, что въ переводѣ оставлены неприкосновенными всѣ религіозныя мнѣнія автора: «того ради, да не отмѣняя авторовы слова, возмнѣять мя (т. е. Бужинскаго) яинія книгу себѣ и своему сложенію присвояти. Обаче, идѣже кое несогласіе обрѣтается, тамо на брезѣ объявлено имать быти»...

Кажется, что такое уваженіе къ неприкосновенности идей извѣстнаго писателя оказано было въ русскомъ переводѣ подъ непо-

средственнымъ вліяніемъ самого царя. По крайней мѣрѣ сохранился такой анекдотъ о переводѣ этой книги: въ 1714 г., Гавріиль Бужинскій представилъ Петру свой переводъ и царь тотчасъ же началъ его перелистывать съ явнымъ намѣреніемъ отыскать тамъ какое-то мѣсто. Не находя его, государь съ гнѣвомъ обратился къ переводчику: — Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгой? — Перевести, отвѣчалъ тотъ. — Развѣ это переведено, возразилъ царь, указывая на статью о Россіи, изъ которой были выпущены при переводѣ приговоръ Пуффендорфа о русскихъ, не совсѣмъ лестный для національнаго самолюбія. — Тотчасъ поди, прибавилъ Петръ, и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ, такъ какъ она въ подлинникѣ есть.

Дѣйствительно, переводъ «Введенія въ исторію» напечатанъ при Петрѣ два раза безъ пропусковъ, и вотъ то мѣсто, которое Бужинскій счелъ неудобнымъ переводить: «О нравѣхъ и о разумѣ народа російскаго ничтоже воспоминаѣи имѣемъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было, ниже бо россияне тако суть устроены и политичны, яко же прочіе народы европейскіе. Въ письменахъ же толь неискусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагають. Паче же и самыя священницы толико суть грубы и всякаго ученія не причастны, яко токмо прочитавати едину и вторую божественнаго писанія главу, или толкованіе евангельское умѣють — большіе же ничто же знаютъ. Зазорны же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровежаждущіе челоуѣцы, въ вещьхъ благополучныхъ безчияно и нестерпимою гордостію возносятся; въ противныхъ же вещьхъ изложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнѣяще, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ почитаніемъ удовлетится можетъ. Ко прибыль и лихвъ, хитростно собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостію власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ и частое есть употребленіе ¹⁾»...

Въ изданіи «Введенія въ исторію», пер. Борисомъ Волковымъ, 1767 — 1777 годовъ это мѣсто не выпущено, но прибавлено примѣчаніе, что нынѣ уже русскіе не тѣ, какими ихъ описывалъ Пуффендорфъ. Такая уступка нашему національному самолюбію сдѣлана впрочемъ не переводчикомъ, а позднѣйшими нѣмецкими издателями труда Пуффендорфа ²⁾.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, только при императрицѣ Аннѣ, 25 іюля 1738 г., велѣно было отбирать у частныхъ лицъ петровскія

¹⁾ Введеніе въ исторію, Спб. 1718 г., стр. 407, 408.

²⁾ О литературной собственности, П. Калмыкова въ Актѣ сиб. университета 1851 года, стр. 110—112.

изданія перевода Введенія въ исторію; при Елизаветѣ же, 17 ноября 1743 г., книгу снова дозволено продавать и держать въ домахъ ¹⁾).

Въ 1719 г., напечатано въ Москвѣ переведенное еще въ XVII вѣкѣ сокращеніе *Annales ecclesiastici* Баронія, подъ титуломъ «Дѣянія церковная и гражданская». Выше было уже сказано о значеніи этого труда, авторъ котораго пользовался огромною извѣстностью. Въ словаряхъ Бейля и Морера можно найти подробности о спорахъ защитниковъ и противниковъ ученаго кардинала. Любопытно, что XI томъ этихъ лѣтописей былъ запрещенъ въ государствѣ, католическомъ по преимуществу, именно въ Испаніи: тамъ рѣчь шла о несправедливомъ привоеніи испанскимъ правительствомъ Сициліи. Бароній извѣстенъ также, какъ авторъ извѣстія о событіяхъ изъ русской исторіи: онъ писалъ о происхожденіи русскихъ (*de Ruthenorum origine*) и о посольствѣ нѣкоторыхъ изъ русскихъ духовныхъ въ Римъ послѣ брестскаго собора, въ 1594 г., что было переведено около того же времени съ латинскаго на французскій и издано въ Парижѣ въ 1599 г. ²⁾).

Какъ рукописные списки, такъ и печатное изданіе Лѣтописей, въ Россіи переведены съ сокращенія, сдѣланнаго польскимъ іезуитомъ Скаргою, который занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи польской литературы XVI—XVII вѣковъ (род. 1536 г. † 1612 г.), и также долженъ упоминается въ нашей церковной исторіи, какъ авторъ разныхъ полемическихъ произведеній, направленныхъ противъ духовныхъ греческаго исповѣданія въ Южной Россіи. Изъ семи томовъ Лѣтописей Баронія, Скарга сначала собственно для себя сдѣлалъ извлеченіе, которое потомъ попало въ руки примаеса Станислава Корняковскаго, а этотъ, убѣжденный въ полезности труда Скарги, сталъ усиленно просить послѣдняго перевести извлеченіе на польскій языкъ, вмѣстѣ съ остальными частями сочиненія Баронія, и издать такой трудъ въ свѣтъ. Скарга перевелъ еще три тома и, собравъ все въ десять книгъ, напечаталъ церковныя Лѣтописи въ одномъ томѣ. Современники находили работу Скарги прекрасною; самъ Бароній, въ особомъ посланіи, одобрялъ его, а одинъ польскій прелатъ даже увѣрялъ, что кто хочетъ быть историкомъ, тотъ долженъ читать сочиненія Скарги.

Въ предисловіи къ русскому переводу сначала говорится о пользѣ исторіи вообще, такъ какъ она преимущественно способствуетъ къ расширенію круга познаній, а потомъ приводятся свидѣтельства св. писанія, которое повелѣваетъ изучать судьбы давнопрошедшихъ временъ. Далѣе сдѣлано нѣсколько замѣчаній о переводѣ и о пристрастіи Баронія въ своей исторіи къ папству. «Дрази воистину, говорится въ

¹⁾ Слов. дух. писат. I, 80.

²⁾ Перепечатано вновь въ 1856 г.: *Discours de l'origine des russiens et de leur miraculeuse conversion, par le cardinal Baronius, traduit en français par Marc Lescarbot.*

предисловія, тридесатолѣтній сін труды Баронія церкви зъло полезны суть, но дражае были бы, аще бы онъ самъ цѣны не умалилъ имъ своимъ великимъ раченіемъ къ папѣ, сіестъ, аще бы на то едино, иже есть свойственно доброму лѣтописцу, взиралъ на истину, по лѣтописямъ изъявляемую, а не паче на честь костела римскаго и на папину, его же ради книги сія составилъ подъ именовѣмъ лѣтописанія, а въ самой вещи защищеніе папы устроилъ и симъ, аки забывъ званіе историческое, на многихъ мѣстахъ показа свое намѣреніе»...

Въ русскомъ переводѣ исключено было многое, несогласное съ ученіемъ православной церкви; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщены возраженія, а иногда только отмѣчено, что такое-то мнѣніе принадлежитъ Баронію.

Въ заключеніи предисловія — увѣщанія къ русокому читателю, чтобы онъ не соблазнился неправославными умствованіями, заключающимся въ Дѣянїяхъ, а прилежалъ бы болѣе всего потинѣ. Въ печатномъ переводѣ выпущены числа празднованія святыхъ, такъ какъ русскіе мѣнологи несогласны съ римскими мартирологами. Также исключены повѣствованія о нѣкоторыхъ годахъ, какъ не представляющія ничего любопытнаго. Наконецъ, «многая реченія мѣстъ, и книгъ, и вещей и прочихъ, напр. молесъ, адриани, пери архонъ, кодексъ, палліи, инвеституры, севды и прочая, тако здѣ не преведенна воспоминаются, яко же и на иныхъ языцѣхъ, повеже отъ сицеваго употребленія лучше знаема суть, неже отъ превода. И аще бы кто превелъ ихъ, то въ бѣльшее бы невѣдѣніе ввелъ читателя, яко же сотвори оный, иже Месопотамію преложилъ на междорѣчіе, Декаполь, единъ градъ, нарече десятию градами ¹⁾»...

Въ 1724 г., явилось у насъ въ печати новое руководство ко всеобщей исторїи — это произведеніе оснабрюкскаго епископа изъ протестантовъ Стратемана *Theatrum historicum*, подъ названіемъ «Театронъ или позоръ историческій».

Если предъидущее сочиненіе страдало пристрастіемъ къ папству, то Театронъ, какъ будто нарочно переведенный у насъ для контраста съ трудомъ Баронія, отличается особенною ненавистью къ католицизму и его представителямъ. Стратеманъ, говоря о папахъ, не только не нашелъ ничего достойнаго хвалы ни въ одномъ изъ нихъ, но напротивъ старался помѣщать лишь такія извѣстія, которыя были неблагоприятны для римскихъ первосвященниковъ. За то авторъ безусловно восторгался реформаціею.

Вообще переводъ такого сочиненія въ печати на русокомъ языкѣ

¹⁾ Последнее подтверждается нашими старинными азбуковниками, гдѣ именно находимъ: «Асоръ — междорѣчіе, иже в Месопотаміи наречется. Се же междорѣчіе во странахъ суть халдейскихъ, нѣже первіе явися Господь Аврааму, глагола: изыде отъ земли тоя... Декаполь — десятиградіе». Въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ, издаи. въ Москвѣ въ XVII в., дѣйствительно встрѣчаются подобныя переводы собственныхъ именъ.

любопытенъ по времени и обстоятельствамъ, при которыхъ онъ явился. Послѣ Петра эту книгу постигла та же участь, которую испытало произведеніе Пуффендорфа: по указу Елизаветы, 27 марта 1749 г., Theaterъ былъ запрещенъ, такъ какъ въ немъ переведены были безъ пропусковъ (Бужинскій, вѣроятно напуганный случаемъ, который разказанъ выше, не смѣлъ уже въ другой разъ измѣнять въ переводѣ подлинника) лютеранскія мнѣнія, выходки противъ католиковъ и даже нѣкоторыхъ отцевъ церкви¹⁾. Книгу вѣрно было отбирать и отсылать въ александроневскій монастырь; однако, Theaterъ нынѣ можно достать у нашихъ букинистовъ гораздо легче, нежели другія петровскія изданія, хотя и не подвергавшіяся запрещенію.

Предисловіе къ Theaterу и посвященіе его Петру и Екатеринѣ подписаны переводчикомъ Гаврииломъ Бужинскимъ «съ потрудившимися съ нимъ», и обращаютъ на себя вниманіе терпимостью къ послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, которые уже называются христіанами, тогда какъ въ старину всѣ они безразлично именовались то еретиками, то апостатами.

Въ посвященія объяснены причины, побудившія переводчиковъ поднести свой трудъ Петру и Екатеринѣ, а также видѣны тогдашній взглядъ на исторію: «вся ученія духовная и гражданская, въ нихъ же попеченіемъ тщаливымъ вашего императорскаго всепресвѣтлаго величества обучается младенчество, на историческомъ познаніи основана суть, сего ради основателю и зодчію приличествуетъ, да сія повсюдная исторія восписана будетъ. Ниже всуе рекъъ, яко на семъ основаніи вся ученія зиждутся, ниже бо не вѣсть, что прежде сего содѣяся, сей чрезъ все житіе свое отрокъ есть, глаголетъ Цицеронъ, краснорѣчія римскаго отецъ въ книгѣ о гражданской исторіи. Богословскаго познанія аще кто требуетъ, всю христіанскую богословію во исторіи обрящетъ. Что бо суть иное ветхаго и новаго завѣта скрижали, аще не по вѣщней части исторія? Философскому ли, или физическому ученію внимаютъ кто, ничтоже успѣетъ, аще исторію о животныхъ и зеліяхъ, о естествахъ ихъ и употребленіи не познаетъ» и т. д.

Въ предисловіи къ добротному читателю прежде всего излагается, по обыкновенію, польза исторіи, и въ подтвержденіе приведены свидѣтельства отъ писавій Григорія богослова, Іоанна златоустаго, Василия великаго, а потомъ Цицерона.

«Гражданская исторія, по мнѣнію Бужинскаго, изслѣдуетъ о народѣхъ и ихъ началѣхъ, населеніяхъ и преселеніяхъ, о дѣлахъ во время брани и мира, о лицахъ и ихъ добродѣтеляхъ и порокахъ, о монархіяхъ и ихъ состояніи и паденіи, о царствіяхъ и ихъ началѣхъ и

¹⁾ Слов. духовн. писат. I, 80.

окончанин, о обществахъ и ихъ возрастеніи и преобъщеніи, купно же с' вѣрѣ и божьхъ языческихъ, о временахъ и властителейъ во времена оная и о симъ подобнымъ».

Далѣе говорится, почему для перевода былъ избранъ именно трудъ Стратемана: «Неудобъ преплываемый есть океанъ исторіи, ниже всякъ всѣхъ книгъ изобиліе имѣти можетъ: сей убо хотяще скудости помоществовати, центуриаторы магдебургскіе, по ста лѣтъ отъ Р. Х., исторію на шестнадцать главъ, сіеютъ вѣковъ составиша, но дѣло сіе въ превеликія возрасте книги. А понеже сіе сотвориша уже по отдѣленіи отъ церкви римскія, того ради многая, яже дотолѣ папешская погрѣшенія, замыслы и високоумія прикровенна бяху, вошъ къ вѣдѣнію произдадоша. Бароній, наки хотяй покрыти, противу ихъ написалъ своя превеличайшія на двѣнадцать вѣковъ книги, яже аще и сокращенныя суть чрезъ Скаргу іезуита, но вездѣ папѣ воинствуютъ, срамъ и безчестіе его покрываютъ, пользу же и господство разширяти тщатся. Тѣмъ же воспріяхомъ трудъ надъ сею книжицею, яко хотя имать творца протестантскія вѣры, обаче въ словахъ умѣреннаго, и яко кротшія повсюдныя исторіи доселѣ невидѣхомъ. Намъ же, аще бы и возможно собрати подобную исторію, яже бы ничтоже бы противное содержала, но пренятіемъ есть лишеніе вивлюенки, скудость латинскихъ, греческихъ же книгъ, и скудость и невидѣніе».

За тѣмъ, есть намеки на тѣхъ современныхъ русскихъ писателей, которые, переработывая чужіе труды, выдавали ихъ за свои собственные. Чаще всего эти заимствованія дѣлались изъ латинскихъ авторовъ, что, какъ извѣстно, замѣтно въ произведеніяхъ такихъ знаменитостей, какъ Стефанъ Яворскій. «Преведохомъ же сію книгу, продолжаетъ Бужинскій, яко же отъ самого автора сложена есть. ничтоже премѣнише, ничтоже приложивше или убавивше, да не таковая творяще, явився чуждые труды (яко же мнози творять) себѣ присвоити и чуждою славою (что есть грѣхъ противъ осмыи и десятыя заповѣди божія) себе прославляти и величати; но нижекую отъ римскихъ преведохомъ, понеже во онѣхъ вездѣ борьба на церковь греческую и патриарховъ, своихъ же папѣ превозношеніе, отъ конхъ книгъ восполсѣдствова, что мнози оныя чтуще, сонмище римское и ихъ безславную главу превеликими возносятъ похвалами. Въ семъ Позорѣ истинно увидѣше, читателю, каковіи бяху папы житіе и поведеніе, и уразумѣши, такови ли они суть, каковыми ихъ доброжелатели и воинственники предъ неученымъ міромъ словами, предъ учеными же писаніями прославляютъ».

На послѣднемъ листѣ предисловія переводчикъ счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о чтеніи православными иностранныхъ книгъ: «подвинути тя (читателя) къ ненавидѣнію книжицы сея (т. е. Феатрона) можетъ оное обыкновеніе, еже книгъ иностранныхъ не-

читати. Прехвальный есть сей обычай, но съ разсужденіемъ: иными полная свидѣтельства отцевъ святыхъ, иже не токмо въ христіанскихъ, но и въ языческихъ книжъ чтеніи обучатися повелѣвають, но тако яко яже ко злымъ нравомъ влекутъ и ихъ студодѣніямъ учать, отвращати очеса повелѣвають.... Послѣ цитать изъ Василія великаго, Іоанна Дамаскина, ап. Павла, говорится: «а яже они сихъ рекопаша, не такожде—ли о всѣхъ отцѣхъ, великихъ свѣтилахъ, Василіѣ великомъ, Златоустѣ, Назіанзиннѣ, Аѳанасіи, Кириллѣ и иныхъ безчисленныхъ глаголати и разумѣти подобаетъ. Аще убо лѣтъ есть книги языческія чести и отъ нихъ что полезное избирати, кое препятіе есть чести христіанскихъ авторовъ, аще и разномудрствующихъ съ нами, но съ таковымъ же разсужденіемъ, да яже противно суть здравому ученію, сія оставимъ или паче сего ради чтемъ, да на оныя отвѣтствовати обучимся»....

При Петрѣ Великомъ былъ также изданъ переводъ сочиненія Мавра Орбини, вышедшій на итальянскомъ языкѣ въ 1601 году: «Il regno de gli Slavi». О переводчикѣ этой книги говорено выше на стр. 252—255. Что касается до произведенія Орбини, то о достоинствѣ его можно по тому судить, что онъ, увлеченный своими изслѣдованіями о славянахъ, видѣлъ ихъ почти во всѣхъ государствахъ Европы, Азии и Африки, такъ что по Орбини выходитъ, что они основали свое владычество въ Испаніи, покорили Италію, Францію и Англію. Орбини начинаеть исторію славянъ ни какъ не позже времени праотца Ноя; Іафетъ, которому отъ отца предназначено было сдѣлаться воиномъ и царемъ, есть прародитель славянъ, которые сначала заселили Скандинавію, а за 1460 (!) лѣтъ до Р. Х. вышли оттуда подъ именемъ готевъ, и т. д. все въ томъ же родѣ. Потомъ, скиены Курція также обращены положительно въ славянъ, бесѣдующихъ съ Александромъ Македонскимъ; Богемія или чешская земля произведена по прямой линіи отъ Чеха. Есть также особая глава: «О славянѣхъ россійскихъ, или москвитянѣхъ». Здѣсь о нашихъ предкахъ разсказывается даже современіе Митридата; кто желаетъ знать подробности о русской исторіи, тотъ, по совѣту Орбини, долженъ читать «въ книгахъ Іеремія русскаго, Сигизмунда Герберштейна, Францышка Бизія бергамскаго и Краковыты, который испытно описалъ двѣ Сармаціи».... Равнымъ образомъ есть глава: «О амазонахъ женскаго полу, славныхъ войнахъ славянокѣхъ». Подробнѣе всего говорится о славянахъ въ Далмаціи и Иллиріи, какъ болѣе извѣстныхъ или болѣе интересныхъ для автора. Орбини, въ качествѣ католика, утверждалъ, что просвѣтитель славянъ Кириллъ былъ посвященъ въ епископы отъ папы Адріана III, а Меодій, братъ Кирилла, преотавился въ Римѣ. При русскомъ изданіи помѣщено возраженіе противъ этого мнѣнія, написанное Теофаномъ Прокоповичемъ съ цитатами на сочиненія Кедри-

на, Куропалата, Зонара, Баронія, Нестора, Длугоша, Венцеслава, лѣтописца чешскаго, Бліудуса, Сабелликуса и Кромера.

Изъ сочиненій древнихъ писателей напечатаны при Петрѣ въ русскомъ переводѣ произведеніе Квинта Курція и французская передѣлка изъ Юлія Цезаря. Трудъ перваго «De rebus gestis Alexandri magni libri», въ русскомъ переложеніи «Книга Квинта Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александра великаго, царя македонскаго» выдержалъ въскольکو изданій и, по всей вѣроятности, обязанъ появленію своему у насъ, въ началѣ XVIII вѣка, громкой извѣстности, которою пользовался у всѣхъ народовъ въ Европѣ. Въ старину, когда рѣчь доходила до Квинта Курція, любили припоминать анекдотъ, о томъ какъ неаполитанскій король Альфонсъ I получилъ облегченіе отъ тяжелой болѣзни единственно по тому, что три дня къ ряду слушалъ, какъ читали ему исторію Курція объ Александрѣ.

Извѣстно, что эта исторія должна была состоять изъ десяти книгъ, но изъ нихъ двѣ первыя затеряны. У насъ, вмѣсто этихъ книгъ, въ началѣ помѣщалась «Краткая повѣсть о Александрѣ Великомъ отъ церковнаго историка Кедрина». Произведенія этого послѣдняго попадаются въ нашихъ рукописяхъ гораздо равнѣ XVIII столѣтія.

Что касается до перевода записокъ Юлія Цезаря: «Краткое описаніе о войнахъ изъ книгъ Цезаріевъ», то оныя болѣе касаются тактики и военнаго искусства, а не исторіи. Впрочемъ, въ 1723 г., было повелѣніе Петра Великаго перевести съ латинскаго и голландскаго языковъ «Юлія Кесаря дѣла описаніе», но это не исполнено, вѣроятно, за смертію царя.

Къ числу переводныхъ историческихъ изданій должно также отнести «Исторію о ординахъ или чинахъ воинскихъ», 1710 года, гдѣ, впрочемъ, текстъ есть дѣло второстепенное, на первомъ же планѣ гравюры съ изображеніями одеждъ и вооруженій разныхъ рыцарскихъ братствъ. Книга сначала была издана въ Голландіи на французскомъ и голландскомъ языкахъ Шхонебекомъ (Schoonebeck), который потомъ, по приглашенію Петра, жилъ и гравировалъ въ Россіи. Желаніе самого ли Шхонебека сдѣлать свою книгу извѣстною въ Россіи, или царя—распространить въ русскихъ читателяхъ понятія о рыцарствѣ, — были причиною появленія этой книги въ печати у насъ, теперь рѣшить трудно: на заглавномъ листѣ перевода стоитъ обычная фраза, что книга напечатана «повелѣніемъ царскаго величества»; посвященіе Петру, которое помѣщено въ амстердамскомъ изданіи, въ русскомъ осталось не переведеннымъ.

III.

Русские переводы географических сочинений в XVII вѣкѣ. Описание на русскомъ языкѣ Китая—Сиагарія. Печатами Географіи при Петрѣ Великомъ. Заботы его о составленіи и печатами картъ. Вліяніе французской академіи наукъ на части изслѣдованій разныхъ краевъ Россіи. Первое ученое путешествіе по Сибири доктора Мессершмидта.

Изъ старинныхъ географическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ должно упомянуть прежде всего о переводѣ творенія греческаго писателя VI вѣка Козмы Индикоплова (*Cosmas Indicopleusta*): «Книга о Христѣ обнимающа весь міръ», или «Сіа книга, нарицаема Козма Индикопловъ, избранна отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славнымъ куръ Козмою ¹⁾». Сочиненіе это является у насъ въ спискахъ XV вѣка, написано въ полемическомъ духѣ и состоитъ изъ длинныхъ выписокъ и непрерывныхъ цитатъ изъ ветхаго и новаго заветовъ для подтвержденій мнѣнія автора о видѣ земли, небесныхъ свѣтилахъ и т. д. Последняя глава посвящена баснословнымъ описаніямъ рѣдкостныхъ животныхъ.

«Нація убо, говоритъ благочестивый грекъ Козма, христіанствовати мняще и божественнаго писанія ни во что же мысляюще, въ небрегуще и преобидяще, по вишнимъ же философомъ круглообратно быти образу небесну мняще, отъ солнечнаго и луннаго теченія прельщаеми... Прежде всего, рекшимъ и льстящимся первое слово есть, яко не можно естъ христіанствовати хотящему быти въ повиновеніи вишнихъ прельоти нна, кромѣ божественнаго писанія, полагающе, вбо аще кто восхоцеть противи еллинская изложенія съ зданія, вся обрѣцеть не истинная мудрованія льстивна»...

Далѣе, Козма наввно доказывалъ, что земля четверугольна, что небо, въ видѣ полукруга, прикрѣплено къ краямъ ея, и что, наконецъ, окрестъ всей земли океанъ.

Въ XVII вѣкѣ, однако, въ Россіи уже не могли удовлетвориться мистическими разглагольствованіями отсталаго грека, чему доказательствомъ служить рядъ переводовъ различныхъ космографій, подлинники которыхъ выходили въ западныхъ европейскихъ государствахъ.

¹⁾ Въ рукописяхъ Царскаго произведеніе Козмы въ русск. переводѣ (№ 210) переписано въ 1495 году; въ II. библ. (F, I, 220) одинаковый списокъ съ первымъ данъ вкладомъ въ 1601 году. Въ обѣихъ рукописяхъ изображеніе автора и рисунки (красками) любопытны для исторіи живописи въ Россіи. Здѣсь живописецъ явно подражалъ или копировалъ съ византійскаго подлинника. (Нач. предисловія: «Нація убо... текста: «Елико разумъ имуюше»....)

Извѣстно, что съ появленіемъ географическихъ картъ Герарда Меркатора, въ концѣ XVI вѣка, начинается собственно новая эра для Географіи, какъ науки. Русскимъ ученымъ XVII вѣка были извѣстны труды Меркатора, но такъ какъ у насъ не распространено было искусство гравированія, а потому главные заслуги отца новѣйшей географіи оставались для незнающихъ иностранныхъ языковъ русскихъ читателей не оцененными по достоинству. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, на западѣ неоднократно печатали «Gerardi Mercatoris Atlas, sive cosmographicae meditationis de fabrica mundi et fabricati figura». Здѣсь главное значеніе имѣли вновь усовершенствованныя по системѣ Меркатора карты, текстъ же былъ дѣломъ второстепеннымъ.

Последній и былъ переведенъ у насъ, только или въ сокращеніи, или въ отрывкахъ, и встрѣчается въ разныхъ сборникахъ XVII столѣтія¹⁾. Въ русской переводъ не вошли изъ подлинника: посвященіе атласа, жизнеописаніе Меркатора и введеніе въ девятнадцати главахъ, гдѣ толкуется о созданіи міра и семи дняхъ творенія. Статья Orbis terrae circus переведена въ сокращеніи. Переводный текстъ заключается въ 230 главахъ. Въ одномъ отрывкѣ изъ Меркатора²⁾, 1684 г., въ главѣ о Россіи въ некоторыхъ мѣстахъ на поляхъ одѣланы современныя замѣтки отъ переписчика; такъ, напр., въ текстѣ читаемъ о русскихъ: «поученія изустнаго въ церквахъ ихъ нѣтъ; большаго ученія книжнаго не имутъ—самымъ простымъ обычаемъ учатся»... съ боку приписано: «Зри и странныя невѣдѣніе наше не хвалятъ!» Или: «Женское тамъ бѣдное и нужное житіе: всѣ въ заперти въ домахъ живутъ, а которая нескрѣто живетъ, то за добрую и честную жену не имѣютъ». На поляхъ: «Зри и сего не хвалятъ нрава». Или: «люди обманчивы и лукавы: больше любятъ неволю и людей въ неволѣ держать; другъ другу не вѣрять и всѣ называются холопами великаго князя». На полѣ: «о родъ російскій, зри изъ сего себѣ отъ странъ похваленія!»

Есть списки этого же перевода Космографіи, но съ исключеніемъ описаній некоторыхъ мелкихъ владѣній въ Европѣ и прибавленіемъ введенія и послѣсловія, которыя очевидно составлены русскимъ. Эти двѣ статьи пользовались у нашихъ старинныхъ переписчиковъ большою популярностію, и ихъ встрѣчаемъ отдѣльно во мно-

¹⁾ Въ Публ. биб. два экз. полнаго перевода: одинъ—F, IV, 137—былъ проданъ 20 сентября 1691 г., извѣстнымъ, по своему трагическому концу, переписчикомъ книгъ Григорьемъ Талицкимъ стольнику Власову; другой подъ № 1693, въ G, въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; ошибкою переводъ приписанъ Славянецкому. Въ обоихъ нач. предисловія: «Всякому убо, текста: «Многіе изрядные, многоразумнѣйшыя». Тамъ же въ рукописяхъ неполныя: F, IV, 116; а въ послѣ вступленія описаны только некоторые изъ европейскихъ государствъ; Q, IV, 52—кончается описаніемъ французскаго королевства; рукопись писана 7 ноября 1684 года; заглавіе у Толст. II, 479; Q, XVII. 28—съ л. 393—тоже, что предыдущій. Въ обоихъ спискахъ имя Меркатора упоминается нѣсколько разъ и въ текстѣ.

²⁾ Въ рукописи П. библ.—Q, IV, 53.

гихъ сборникахъ¹⁾. Предисловіе начинается, по обычаю нашихъ книжниковъ, витіеватымъ разсужденіемъ о разныхъ наукахъ. Далѣе: «оіа же книга космографія (географія) изъ давнихъ лѣтъ составлена, еже есть описаніе сего свѣта земель трехъ частей сыновъ Ноевыхъ: Сима, Хама и Иафета, яко же пишетъ боговидѣць Моисей въ книгѣ своей міротворной, еже есть въ Бытіи... Послѣ же сего много лѣтъ минувшу, не въ давнихъ временахъ, латынскіе философы обрѣли на Западѣ, на морѣ-океанѣ въ долгой пучинѣ многіе острова различные: овы людны и богаты, ови же безчеловѣчны, и нарекоша тіи острови именемъ Америка... При краткомъ описаніи западныхъ государствъ замѣчается иногда, что тамъ забыли благочестивую вѣру, принятую отъ св. апостолъ и отецъ, и перешли въ злую вѣру папешскую и люторскую». О Россіи же съ похвалами: «монастыри же и церкви во градѣхъ зѣло благолѣпнѣемъ красятся и чуднымъ зданіемъ и доброслушными камбаны, еже есть колокола — и во всей Европѣ подобны той земли нѣтъ. Человѣцы же брадами и платьемъ изрядны, нравы же вѣсостоятельны... (см. ниже стр. 344).

Изъ переводовъ космографій неизвѣстныхъ авторовъ въ русскихъ рукописяхъ XVII вѣка я читалъ: «Книга, именуемая Космографія, размѣреніе и росписаніе всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ²⁾». Переводъ, кажется, сдѣланъ съ польскаго. Въ началѣ описанія есть указаніе на время, когда составлена эта космографія: «части русскихъ украинъ держать: первую часть большую держитъ царь нашъ, государь московскій; вторую часть — литовскій; третью часть — польску прямо вородную землю и подляскія — и въ лѣто 7088 (1580) Литву и Польску держитъ одинъ король Стефанъ отъ Ботуръ, князь седмиградскій³⁾». Въ 26-й главѣ описанія Азіи встрѣчаемъ: «обрѣтохъ же негдѣ: во главизнѣ книжной пишется, въ словесахъ св. Феодорита толкованіе еже отъ Пален, яко въ проповѣдъ апостольскую послушаше слова божія, и вѣроваша и крестшася языцы, но не всѣ, но токмо числомъ 51, а останахъ некрещеныхъ 21; всѣхъ бо языковъ по всей землѣ 72...»

Описаніе Европы начинается такъ: «Третья часть свѣта Европа лежитъ на полунощѣ, речена отъ дѣвы Европы, дщери царя Агирона

¹⁾ Въ рук. П. библ. К, IV, 132 и 137, въ 72 главахъ; нач. предисловія: «Искони змиднтель Богъ»; текста: «Первая часть свѣта»; послѣсловіе: «Кто хитроумная. Тамъ же: неполная, съ невѣрною новѣйшею надписью, что переведена въ 1709 г. Сильвестромъ, хитрополитомъ смоленскимъ, начинается съ описанія Новой Испаніи (Шпани новая, америка) IV, F, 112; въ рук. подл. Ж.В. 1694, 1695 и 1696 въ 4^о; Q, IV, 27 съ отмѣткою, что написана въ 1711 г. Наконецъ предисловіе и послѣсловіе напечатаны во Временникѣ 1853 г., кн. 16, ст. 1—14.

²⁾ Ркп. П. библ.—F, IV, 158; начало: «Земля есть среди круговъ». Описаніе плетъ съ Азіи (Азія первая): 26 гл.; Африка—4 гл. и Европа—45.

³⁾ Что у насъ была переведена какаѣ-то Космографія XVI вѣка, то свидѣтельствуетъ одна опись царскаго архива 1575—1565 годовъ, гдѣ значится, что въ листкѣ 217, между прочимъ, хранилась «переводъ съ латишца польскаго и переводъ съ Космографіи съ отмѣткою: «отданъ въ государю». Акты арх. экспед. I, 353.

гредкаго. И была та дѣва Европа неизреченной красоты и, гуляючи на берегу морскомъ, съ дѣвцами играла, и король Ювншь, видяче ея красоту, не могль како къ ней прїити. И оборотился Ювншь въ вола чуднаго и сталъ ходити межн животной; и прїшла та дѣвица Европа близко скоту, и учалъ тотъ волъ около ея ходити, и, видячи вола краснаго, всѣла на вола, и ушелъ волъ съ нею на выспь (wyspa — польское: островъ) меляной, гдѣ нынѣ зовуть Кандіа...

Государства описаны въ этой космографіи кратко (европейскія начинаются съ Греціи): говорится о происхожденіи каждаго народа, потомъ границы, перечень рѣкъ и городовъ съ замѣтками въ родѣ: «Парижъ мѣсто велико и богато, и передъ тѣмъ городомъ идетъ рѣка знаменита, прозвищемъ Секуана; мооты на ней каменны; городъ королевскій надъ рѣкою красенъ и крѣпокъ; стѣны каменны около посаду... Россіи посвящено нѣсколько главъ, гдѣ объяснено, почему жители ея называются русоками и москвитянами; далѣе русская исторія вкратцѣ съ прїшествія трехъ братьевъ варяговъ въ Новгородъ, а кончается извѣстіемъ, что великій князь Василій Ивановичъ умеръ 7015 (1507) года. Географическое описаніе Россіи заключается въ краткомъ описаніи и перечнѣ русскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ поименованы и незначительные ¹⁾.

«Космографія, сирѣчь всемірное описаніе земель во едно пребываніе и знаменованіе во кругахъ небесныхъ ²⁾». Первая страница этого перевода одинакова съ предыдущей, въ которой только болѣе полонизмовъ; за тѣмъ все остальное, какъ въ введеніи, такъ и въ текстѣ между собою ничего общаго не имѣетъ.

Въ началѣ изложены кратко понятія о географіи и потомъ послѣ словъ: «сіе описаніе земли и моря, и елицы въ коихъ странахъ нравы, и колико въ коихъ земляхъ озеръ и рѣкъ, и что всякихъ въ коемъ государствѣ угодій, изъ древнихъ памятныхъ книгъ выписано еще древними мудрыми писатели» — слѣдуетъ общее описаніе Европы, Азін, Африки и Америки. О послѣдней замѣчено: «про которыя земля и угодія мочно дочестьяся, кто хочеть олохъ вѣдати земляное отиѣреніе, изъ Левинуса, Аполинуса, Петруса Мартируса, Максимита, Енуса Транзиѣалуса, которые по латынѣ про то пишутъ. И о томъ мочно досмотрѣти и изъ иныхъ книгъ про Америку описанія, а больше пишутъ про нея испанскимъ языкомъ, а того большая доля переведева по итальянски».

Эта же самая Космографія находится въ королевской мюнхен-

¹⁾ Съ передпослѣдняго листа помѣщены грамматическія замѣтки о буквахъ *ъ* и *ь* и родахъ, начинающіеся такъ: «Грамотиць оиъ (?), иже преведъ грамотицько сію съ римскаго языка на польскій яз. и, въ 7094 (1586) г., Акарей и Олесьероць грамотицьку сію и въ грамогравию (?) съ польской грамоти преведъ на словенскую по пражъ писанной (?) бесѣдъ, яко о имени вѣщанія написа въ пяти вѣщаніа...»

²⁾ Рукоп. П. библ. Q, IV, 45. Нач. «Земля есть посреди округовъ»; всего 104 главы. Начинается текстъ описаніемъ Британіи: «Британскіе острова»...

своей библиотекѣ и описана Сер. Строевымъ¹⁾: на л. 7 (Космографія) сказано, что нынѣ Азія раздѣляется на пять частей и первая находится подъ державою Василія Ивановича всеа Русіи, но по ссылкамъ на Герберштейна, встрѣчающимся въ этой космографіи, нельзя допустить, чтобы она была составлена при сынѣ Іоанна III: первое изданіе Герберштейна, явилось въ Вѣнѣ 1549, второе въ Базелѣ 1551, следовательно Василій Ивановичъ долженъ быть Шуйскій.

Въ московской патриаршей (нынѣ синодальной) библиотекѣ хранятся черновые и бѣловыя списки перевода космографіи ученыхъ монаховъ Епифанія Славинецкаго, Исаи и Арсенія Сатановскаго, вызванныхъ въ Москву изъ Кіева при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ собственноручной вкладной патриарха Никона въ новозерской монастырь, на бѣловыхъ спискахъ этого перевода отмѣчены 1661 и 1665 годы²⁾. Не видавъ этого перевода, я не могъ отыскать подлинника его.

Въ рукописяхъ Царскаго есть космографія, о которой мы знаемъ изъ описанія г. П. Строева, одно только оглавленіе статей, а именно въ ней есть: предмова къ читателю; оглавленіе вещей, яже въ книгѣ

¹⁾ Описание памятниковъ славяно-русской литературы (М. 1841 г.), стр. 100, 101.

²⁾ Списки этихъ переводовъ означены въ Указателѣ для обозрѣнія московской патриаршей библиотекы (М. 1858 г.) на стр. 194—195. Почтенный авторъ этого Указателя, о: архимандритъ Самва, взялъ на себя трудъ сдѣлать для меня слѣдующее подробное описаніе рассматриваемой космографіи: она состоитъ изъ трехъ частей; на первой (по кат. № 779) написано «преводъ Епифаніевъ»; на второй (№ 780: «преводъ Исаи, товарича Епифаніева»; на третьей — «преводъ Арсенія Сатановскаго. Списокъ № 779 въ 40, черновой собственноручный переводчика. Здѣсь нѣтъ ни заглавія, ни введенія, начинается съ географіи Европы: «Европы достоинство Въ вѣсѣмъ кружѣ, паче Азій... За тѣмъ — Исмадія, Норвегія, евангелію Берга, Ставангрія, Данія, Фюнія, Свеція, Гофія, Упландія, Ливонія и Москва или бѣлая Русь. (Начало послѣдней: «Руссія или пространство или тѣсно — она писана другимъ почеркомъ»). Первая часть кончается описаніемъ: «Дрептии комитство и Востервольданъ господство». Въ бѣловомъ списокѣ этой части (по кат. № 19) статья о Москвѣ не написана, а для нея оставлено восемь бѣлыхъ листовъ; въ черновомъ списокѣ этой статьи есть неблагоприятные отзывы о русскихъ и Россіи, поэтому можно думать, что статью предполагалось передать и потомъ уже переписать въ бѣловую; въ черновой же есть ссылки и извлеченія изъ труда Флетчера. Въ бѣловомъ списокѣ въ началѣ есть введеніе, которое помѣщено въ рукописномъ сборникѣ Пуб. библиотекы Q, XVII, 6 подъ заглавіемъ: «Зерцало всея вселенныи или атласъ новый, въ немъ же начертанія всея вселенныи и описаніе всѣхъ частей ея издавна суть», и начинается: «О космографіи и ея части. О разницѣ между космографіею, географіею и хорографіею (Смѣть имѣ же все то). Здѣсь изложены понятія о математической географіи, объяснены (съ рисунками) системы Птолемея и Коперника и о послѣдней замѣчено: «нынѣ повѣстѣннѣе вся математикъ Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумнѣйшій есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семъ не хотимъ уставляти, но въ вещахъ небесныхъ искуснымъ оставляемъ любопытномъ». Послѣ объясненій изъ математической географіи слѣдуетъ разрѣшеніе вопросовъ въ родѣ: «были ли острова прежде потопа, или пакъ по потопѣ сдѣланы? Какъ образомъ по потопѣ звѣріе на острова, паче же не населенныя, преидоша? Егда зона или пося на яшіи и мразній необитательныи суть? Въ концѣ статья: О лаваніи древнѣйшихъ же и повѣйшихъ (Пошеже 160) и Поль арктиккій или ось въ сѣверная (Что есть).

Вторая часть космографіи (№№ 780 и 204) заключаетъ въ себѣ описаніе Италіи, Греціи, Скотіи и Иверіи (Елико Европа Азію). Третья часть (№№ 781 и 112), кромѣ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, содержитъ въ себѣ описаніе Азій, Африки и Америки («Комитество Кеноманенское народѣ Леманно. Князству Апдрегавенскому вѣру»). Начало описанія Азій: «Азія откуду имя». Въ черновомъ списокѣ есть аграммка переводчика, монаха Арсенія.

сей; босѣда Яна Ботера Бенесіуса; часть: книга первая о Европѣ; книга вторая описаніе Азіи; книга третья—Африка; книга четвертая—еще старые о новомъ свѣтѣ не знали, оиръчь о четвертой части свѣта, которая словеть Америка. Пятая книга — раздѣлъ свѣта новаго. Г. Строевъ присовокупляетъ къ тому, что подлинникъ рукописной космографіи напечатанъ въ Римѣ въ 1591 — 92 годахъ подъ заглавіемъ *Delle relationi universali di Giovanni Botero Venese*¹⁾; переводчикъ имѣлъ, кажется, другое изданіе; въ слогѣ перевода много полонизмовъ. Jean Botero или Boterus, уроженецъ Бене (Bene), назывался *Venesius* или *Venensis*, умеръ въ 1608 г. Нѣкоторыя извѣстія о немъ есть въ словаряхъ Бейля и Морери.

Въ началѣ XVIII вѣка, у насъ явился переводъ сочиненія Филиппа Клювера: «Введеніе во всю географію новую и древнюю²⁾», считавшагося первостепеннымъ не только по своей полнотѣ и точности, но также и потому, что это былъ первый опытъ къ изложенію историко-политической географіи. Phil. Cluver или Cluvetius родился въ Данцигѣ 1580 года; вналъ въ совершенствѣ десять языковъ; въ молодости жилъ въ Польшѣ, а потомъ учился въ Лейденѣ. Въ Польшѣ онъ издалъ карту Италіи, которую, увидавъ, известный Скалигеръ убѣдилъ Клювера посвятить себя географическимъ занятіямъ. Его *Introductio in universam giographiam tam veterem, quam novam* въ шести томахъ первоначально вышла въ 1629 г. и потомъ перепечатывалась неоднократно.

Изъ старинныхъ рукописныхъ описаній отдѣльныхъ государствъ мнѣ извѣстны:

1) «Царства альгерійскаго (Алжира) краткое описаніе, отъ различныхъ авторовъ собранное³⁾». Здѣсь, послѣ общаго описанія положенія страны, краткихъ историческихъ извѣстій и замѣтокъ о нравахъ, одеждѣ, обычаяхъ и вѣрѣ, слѣдуютъ отдѣлы: а) о правленіяхъ и чинахъ мнѣчарскихъ; б) о управленіи гражданскомъ; в) прочіе провинціи и грады сего царства, отъ стольнаго града къ Востоку обрѣтающіеся; д) провинціи и грады альгерійскаго царства отъ стольнаго града на Западъ; е) царства тунестанскаго краткое описаніе, и в) нѣкоторыя вещи, къ сему приличествующія, изъ исторіи Іакова Августа Фуана въ книгѣ пятой.

2) «О началѣ швецкаго и готскаго государства⁴⁾». Здѣсь помещено статистическое описаніе Швеціи, которое кончается дорожникомъ этого государства. При этомъ слѣдуетъ упомянуть о русскомъ, также рукописномъ сочиненіи: «Описаніе трехъ путей изъ державы

¹⁾ Опис. рик. Царск. № 222.

²⁾ Рик. II. библ. F, IV, 68, въ четырехъ книгахъ. Нач. «Географія вся земля...»

³⁾ Рик. II. библ. F, IV, 93. Нач.: «Царство альгерійское къ Востоку». Описаніе царства тунестанскаго (Туниса): «Тунеть поселеніе было.»

⁴⁾ Рик. Иубл. библ. сборникъ изъ Фролевскаго собранія, F, XVII, 3. Начало: «Ноне во управленіе селитвы» (ст. л. 77).

царскаго величества изъ поморскихъ странъ въ шведскую землю и до столицы ихъ. Сочинися же сіе самимъ преосвященнымъ архіепископомъ холмогорскимъ Аванасіемъ со свидѣтельствомъ вѣдущихъ людей и тѣми пути многократнѣ купчески шествовавшихъ, лѣта господня 1701, мѣсяца марта ¹⁾. Кромѣ указанія дорогъ, въ этомъ трудѣ помѣщены краткія описанія шведскихъ городовъ, въ такомъ родѣ: градъ шведскій Выборгъ каменный, великій и крѣпкій; стоитъ противъ Ругодева надъ самою морскою проливомъ, на правой сторонѣ устья р. Невы. У того града пристанище корабельное изрядное и торги бываютъ не малые; жители въ немъ шведы, воевода и начальныя люди ратныхъ людей, солдаты; купческіе и посадскіе богатые и рядовые люди не малое число имѣютъ всякое оружіе. Домозданіе во градѣ, кирки, полаты и деревянное строеніе, посады внѣ града не малые. Торгуютъ во градѣ и за городомъ. Россійскіе купцы въ тотъ градъ въ малѣ приходятъ временно. Окрестныя того града жители селъ и деревень шведы...

3) Въ рукописяхъ Публичной бібліотеки есть одинъ томъ сочиненія, гдѣ описано путешествіе въ Персію. Первой части очевидно недостаетъ, потому что въ сохранившемся томѣ нумерація начинается съ 456 лѣта, гдѣ начинается пятая книга; въ бібліотечномъ каталогѣ этотъ томъ показанъ переводомъ неизвѣстнаго сочиненія.

Рукопись эта весьма замѣчательна, потому что доказываетъ о существованіи у насъ въ XVII или началѣ XVIII вѣковъ перевода безъ пропусковъ знаменитаго сочиненія Олеарія о Россіи и Персіи, сочиненія, издававшагося много разъ въ Европѣ и до сихъ поръ напечатаннаго у насъ только въ отрывкахъ, несмотря на то, что ни одинъ изслѣдователь не можетъ обойтись, говоря о Россіи XVII вѣка, безъ ссылокъ на Олеарія.

Помянутый томъ ²⁾ озаглавленъ: «Книга 5—о новой персидской ѣздѣ описаніе содержитъ въ себѣ о персидскомъ государствѣ и о тѣхъ жителяхъ». На л. 653: «6 книга новой персидской ѣзды содержитъ въ себѣ возвращеніе ѣзды изъ Персиды назадъ въ голштинскую землю». На л. 757: «Описаніе нынѣшняго персидскаго двороваго разводу и владѣнія, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чинѣ отъ вышняго до нижняго чиновъ, отъ французскаго славнаго миссіонера господина Сансона, (который) тамо живучи въ десять лѣтъ осматривалъ, и описалъ; такожде притегаетъ приказное обыкновение въ писаніе устройство купчія женитьбенныя крѣпости, описаніе свадебъ и погребенія изъ описаній духовныхъ». Русскій переводъ очевидно сдѣланъ съ нѣмецкаго оригинала *Moscowitische und Perslanische Reise*

¹⁾ Ркн. Ц. библ., сборникъ F, XVII, 10, съ л. 46 до 63. Нач.: «Первый путь изъ Сумскаго городка».

²⁾ F, IV, 115. Нач. 5-й книги: «Государство персидское, которое». 6-й книги: «Какъ водились изъ... Сочиненія Сансона: «Мое наеднѣшее зрѣніе есть то...»

beschreibung, что видно даже изъ заглавій. Такъ по русски переведены: Das fünfte Buch der neuen Persianischen Reise Beschreibung, handelt von persischen Reise und dessen Einwohnern. Das sechste Buch der neuen persianischen Reise Beschreibung wieder im Holstein. Appendix betreffend des itzigen persischen Hofs—Staats und Regirungs—Beschreibung, so als derselbe in seinem so wohl Geist als weltlichen Stande vom höchsten bis zum niedrigsten Grad, von den französich berühmten missionario Н. Sanson bey seiner 10 jährigen Gegenwart daselbst ist observiret und beschreiben worden. Welcher angehängel der persische Hof Stilus und Heyraths Contracten, ingleichen eine Beschreibung ihrer Hochzeiten, seltsame Brieff Ordnung, wie auch ihrs Kaufs Feste, Heil Tage, Begräbnisz, Testament machen und dergleichen».

4) «Индія восточной часть седьмая, плаваніи двѣ содержащая... составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ гдащаниномъ вся преизящнѣйшими на мѣди изображенными иконами объясненна и свѣту преданна.... року 1606¹⁾». Подлинникъ этого перевода изданъ во Франкфуртѣ въ 1606 г.: «Indiae orientalis pars septima navigationes duas... auctore M. Gotthardo Arthus dantiscano, omnia elegantissimis in aes incisus iconibus Illustrata et in lucem emissa... Francofurti typis Wolfgangi Ricteri anno 1606». Переводъ нашъ вѣроятно сдѣланъ полякомъ, или белорусцемъ никакъ не позже начала XVIII вѣка. Для русской исторіи и географіи любопытна здѣсь статья (об. л. 279): «Повѣстное описаніе королевствъ Сѣберій, Самоѣдіи и Тингоезин, вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до востоку и полунощной страны тамо проводящими зане презъ оніе московскій народъ всегда преходить». (Нач.: «Есть родъ на Москвѣ»), а въ подлинникѣ: *Historica discriptio regionum Siberiae, Samoediae atque Tingoesiae una cum itineribus e Moscovia ortum et aquilonem vertus eò ducentibus, pro ut à Moscis quotidie frequentantur*. Говорится здѣсь объ открытіи Сибири лицами изъ рода Аникопей (*gens Aniconia nomine*), происходящаго отъ Аники «иъкогого проста челоувѣка (*progenie rusticana*), полями барзо обогащеннаго (*hic ad modum dives*)». Разумѣется этотъ Аника есть никто иной, какъ родоначальникъ Строгоновыхъ.

5) Въ Публичной библіотекѣ есть нѣсколько списковъ сочиненія о Китаѣ, написаннаго очевидно лицомъ, жившимъ въ Россіи и собиравшимъ нѣкоторыя извѣстія о Сибири изъ русскихъ источниковъ²⁾. По большей части сочиненіе это въ рукописяхъ имѣетъ та-

¹⁾ Ркп. П. библ. F, IV, 116. Начало посвященія: «Ѣн одному до солъ»... текстъ: «Ѣн начала мѣсяца мая»...

²⁾ Ркп. f, № 1718 — начало предисловія: «Земля вся вселенная»; текстъ: «Нѣсть иное государство». Послѣ 59 главъ, изъ которыхъ послѣдняя о р. Амурѣ (Великая и прешенная), слѣдуетъ: «Книга, а въ ней повѣсть, какъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ богдайскіе татаровя одолѣли и завладѣли мало не все китайское царство; затъ же и обычаи ихъ, татаровя, описуется (Татаровя убо)». Эта статья есть переводъ сочиненія Мартини: «Historie delle guerre sequire in queste ultimi anni fra tartari e cinesi. Milano, 1654, а на лат. языкъ того же года: *De bello tartarico in sinis*. Ркп. F, IV, 179 не полная, пре-

кое заглавіе: «Книга исторія, а въ ней писано о началѣ китайскаго государства и описаніе, сколько имѣеть во владѣніи государствъ, странъ и земель, градовъ большихъ и меньшихъ городковъ и крѣпостей, селъ и рѣкъ великихъ, и озеръ, и горъ и что въ которой странѣ, или во градѣ, и въ селахъ родится, и какія есть угодія и вещи драгія и узорочія. Въ ней же писано о китайскихъ царѣхъ и о пятинадесяти частѣхъ китайскаго государства и о начальныхъ людѣхъ, и о всемъ китайскомъ народѣ, и о вѣрѣ ихъ и о многолюдіи, и о богатствѣ, гдѣ что сыщется».

Въ пятой главѣ этого произведенія, при описаніи дорогъ въ Китай сухимъ путемъ, сказано, что пятый путь «идеть черезъ Нерчинскій острогъ въ Дауры на Науръ рѣку, и оттуда въ царство, которымъ и мы нынѣ путемъ ѣхали». Въ восьмой главѣ о вѣрѣ, между прочимъ, читаемъ: «недавно въ Китаехъ почали быть іезуиты. Толкуютъ то, что и во Америкѣ въ Новомъ свѣтѣ, прежде пришествія католиковъ, такіе же признаки объявлялися, также и во японскомъ островѣ; а мы протолкуемъ, что помощію божіею и царскаго величества счастіемъ которымъ временемъ въ Китаехъ будетъ православіе греческое, и о томъ въ иномъ мѣстѣ напишемъ ¹⁾». Предъ описаніемъ рѣки Амура, такое послѣсловіе къ предъидущимъ главамъ: «про тое рѣку здѣ пространно напишемъ, совершивъ дѣло, которое — дай Боже — было бы во славу св. имени твоего и расширеніе православныя вѣры со всякимъ благополучіемъ великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества, умноженіемъ и славою всего російскаго государства отъ конца даже до конца всея земли. Начавшему и совершившему Богу слава во вѣки вѣковъ, аминь. Совершена въ лѣто 7186 (1678) ноября въ 13».

Іезуитъ Авриль, посѣщавшій Россію въ 1685 г., издалъ въ 1693 г., въ Парижѣ книгу, подъ заглавіемъ: *Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine*, гдѣ, между прочимъ, есть нѣсколько извѣстій, извлеченныхъ, по словамъ путешественника, изъ бумагъ московской канцеляріи (*la chancellerie de Moscou*). Эти извѣстія, по сличеніи ихъ съ описываемымъ рукописнымъ сочиненіемъ, оказываются заимствованными изъ послѣдняго. Дороги въ Китай описаны у Авриля совершенно одинаково, какъ и въ рукописи, съ прибавленіемъ, что пятымъ путемъ ѣхалъ изъ Мо-

рывается на 58-й главѣ. Ркп. F. IV, 141 — такая же, какъ и первая, только безъ описанія о завладѣніи Китаемъ татарами. Ркп. 4°, № 1715 одинакова съ первой. Ркп. F, IV 87 — согласна съ первой, только о завладѣніи Китаемъ заглавіе переименовано: «Книжка исторію особно преведенная, како богдайскіе татаре подъ владѣніе свое покорили все царство китайское, такжеже и о обычайхъ татаровъ богдайскихъ описутеса сице». Лучшій изъ этихъ списковъ и едва ли не ранній — подъ № 141.

¹⁾ Только въ одномъ изъ упомянутыхъ выше списковъ подъ № 1715, очевидно повѣдѣніемъ съ арабскими цѣрамаи, им. царскаго величества, написано: «іезуитыныиъ поноченіемъ о развѣніи по волиъ отранамъ благочестія христіанскаго мудрой монархии нашей, ея императорскаго величества, расширится и въ Китаехъ».

сковія въ Китай Спафарій. Такимъ образомъ открывается, что рукописное русское сочиненіе о Китаѣ принадлежитъ перу переводчика посольскаго приказа Николаю Гавриловичу Спафарію, дѣйствительно бывшему въ посольствѣ въ Китаѣ 1675 г., а возвратившемуся оттуда въ 1677 г. Это былъ первый человекъ, который изъ Москвы довѣзжалъ до Китая ¹⁾).

Савва Рагузинской, въ своей секретной информации о Китаѣ 1731 г., упоминалъ съ похвалою о рукописномъ сочиненіи Спафарія объ этомъ государствѣ, замѣтивъ «кромѣ нѣкоторыхъ слабѣ, что можетъ быть самъ не видѣлъ и какъ отъ другихъ слышалъ, писалъ ²⁾».

Спафарій былъ валахъ по происхожденію и родственникъ одного изъ валахскихъ господарей. Последний заключилъ тайный трактатъ съ польскимъ королемъ, о чемъ Спафарій донесъ въ Константинополь. Господарь былъ низложенъ и удалился въ Польшу, гдѣ и получалъ пенсіонъ отъ короля. Однако Спафарію не обошело даромъ доносъ: ему обрѣзали носъ и выгнали изъ отчизны. Сначала Спафарій удалился было къ бранденбургскому курфюрсту, который принялъ его прекрасно, такъ какъ валахъ былъ человекъ ловкій и ученый и говорилъ въ совершенствѣ по латини, гречески и итальянски. Когда же польскій король сообщилъ курфюроту о прежнихъ подвигахъ изгнанника, то онъ долженъ былъ удалиться изъ страны и отправился искать счастья въ Москвѣ.

Въ 1673 г., онъ опредѣлился здѣсь переводчикомъ еллингрече-скаго языка и, за выѣздъ въ Россію, ему пожалованъ золоченый кубокъ съ кровлею. Спафарій пользовался особеннымъ благоволеніемъ кн. Василья Голицына, любимца царевны Софїи, а прежде, при Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Матвѣевымъ, читалъ съ нимъ разныя книги и часто бесѣдовалъ съ нимъ, что видно изъ челобитныхъ этого боярина. Должно предполагать, что Спафарій зналъ по русски или славянски еще прежде прибытія въ Россію, по крайней мѣрѣ, въ самый первый годъ прїѣзда своего въ Москву, онъ представилъ свой переводъ Хрисмологіона съ длиннымъ и витѣватымъ посвященіемъ царю Алексѣю Михайловичу въ прозѣ и стихахъ, которое напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ, издававшемся Полевымъ ³⁾).

Французъ Де-ла-Нёвилъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1689 г., зналъ хорошо Спафарія, который былъ у него въ приставахъ ⁴⁾ и рассказывалъ ему о своей жизни и путешествіи въ Китай. По словамъ

¹⁾ Еженѣсичн. сочин., августъ 1757 г., стр. 200, 201.

²⁾ Русск. Вѣстн. 1844 г. Т. V, II, 181. Въ рукописяхъ императорской бібліотеки въ Парижѣ есть экземпляръ этого сочиненія, списанный въ 1685 г. въ Москвѣ Нв. Гаар. Снареско-ельдомъ, и здѣсь авторомъ названъ Спафарій. Ср. Les manuscrits slaves de la Bibliothèque Imp. à Paris... par Martinef. 1838, 105—106.

³⁾ 1841 г. Т. 2, II, стр. 383—400. Ср. также Оп. рип. Румянц. М. М. ССССЛХУ.

⁴⁾ Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye, 1699, стр. 219 и слѣд.

Де-ла-Нёвилл, Спафарій въ свою поѣздку обязывался изыскать на мѣстѣ средства завести торговлю съ китайцами чрезъ Россію. При этомъ онъ встрѣтилъ множество затрудненій, однако, обладая большимъ умомъ, замѣтилъ многое на пути и предлагалъ потомъ кн. Голицыну открыть легко и удобно сношенія съ Китаемъ. Де-ла-Нёвилл прибавляетъ при томъ, что Спафарій многого не открывалъ о Китаѣ изъ опасенія огласки государственной тайны, за что, по увѣренію того же француза, ученый переводчикъ не избѣжалъ бы батоговъ, которыми въ Москвѣ щедро награждали, не разбирая ни званія, ни лѣтъ.

Въ заключеніе описанія старинныхъ произведеній на русскомъ языкѣ по части Географіи, должно упомянуть объ одной картѣ, гдѣ хотя уже обозначены Петербургъ, а Курляндія написана за Россією, однако обязанной своимъ бытіемъ нашей письменности XVII столѣтія. Видѣнные мною экземпляры этой карты въ академіи наукъ и Публичной библиотекѣ гравированы на мѣди, но потомъ она являлась въ любочныхъ изданіяхъ и сдѣлалась рѣдкою на толкучемъ рынкѣ и у осеней лавки въ послѣднее время; озаглавлена же такъ: «Книга, глаголемая космографія, переведена бысть съ римскаго языка. Въ ней описаны государства и земли и знатные острова; и въ которой части живутъ какіе люди, ихъ нравы и что въ которой землѣ рождается, и о томъ значить въ сочиненномъ окружѣ семь; малыхъ же острововъ и безчисленныхъ описать не возможно, понеже многи острова и земли наполнена ядовитыхъ зѣбрей и гадовъ и человѣкомъ неприступны; олицы же обрѣтоша отъ человѣкъ сія и написашася, мнози же и невѣдомы человѣкомъ, но токмо единому преблагому Богу вся дѣла его вѣдома суть: той бо единъ созда всяческая отъ небытія и еще творить же и потворять, разрѣшаетъ и упростираетъ, благодти ради, гнѣва жъ ради разоря, и низлагаетъ и ни во что примѣняетъ; и не есть возможно человѣчью естеству противитися праведнымъ его судьбамъ, и воли въ того бо рудѣ всяко дыханіе животно».

Въ четырехъ углахъ, въ кружкахъ поименованы четыре части свѣта: Азія — отъ Сима, Африка — отъ Хама, Европа — отъ Іасета, Америка — въ недавнихъ лѣтахъ изыскана. Въ большомъ кругѣ представленъ весь земной шаръ, но впрочемъ авторъ въ начертаніи земель, морей, острововъ и проч. руководствовался фантазією, а не справлялся съ учеными пособиями. По вѣшнему виду и нарисованнымъ городамъ съ башнями и церквями карта наша напоминаетъ нѣкоторые средневѣковые географическіе чертежи земнаго шара, помѣщенные у Лелевеля въ его *Histoire de la géographie au moyen âge*.

Кругомъ всей земли (въ описываемой картѣ), обтекаютъ моря-окияны: восточный, полуденный, западный и полунощный. Вверху первыхъ двухъ, слѣдовательно на самомъ видномъ мѣстѣ, помѣщены

острова чудесные, такъ напр.: «Востокъ островъ макарійскій, первый подь самымъ востокомъ солнца, близъ блаженнаго рая, а потому его тако близъ нарицають, что залетають въ оей островъ птицы райскія; людіе имѣють греческій языкъ и царя; и до сего острова доходилъ царь Александръ Македонскій и возвратися во вселенную; тамо зимы не имѣется, людіе имѣють языкъ греческій и до нынѣ». Недалеко отъ этого острова есть другіе, въ которыхъ живутъ или великаны, похожіе на собакъ, или люди съ волосами львовъ, или змѣи съ дѣвичьимъ лицомъ и т. д. Въ каждой странѣ изображеніе главныхъ городовъ; на мѣстѣ, обозначенномъ «царствующій градъ Москва», представленъ кремль и главы множества церквей. Петербургъ же изображенъ только въ видѣ одной петропавловской церкви на петербургскомъ островѣ¹⁾. Вообще всѣ надписи и характеристика странъ заимствованы въ этомъ чертежѣ, съ незначительными лишь измѣненіями, изъ того самаго предисловія, которое придѣлали русскіе книжники къ переводу ученаго труда Меркатора — оно напечатано, какъ видѣли выше (стр. 334—335), во Временникѣ.

Появленіе этого предисловія съ баснословными разсказами о чудесныхъ островахъ и разглагольствіями о еретикахъ латинахъ и люторахъ, заблудившихся и покинувшихъ православіе, весьма понятно, если вспомнить, что для русскихъ читателей XVII вѣка не могли еще придти по вкусу извѣстія, собранныя такимъ ученымъ, каковъ былъ Меркаторъ. Замѣтимъ, что разсказы о баснословныхъ земляхъ и людяхъ, ихъ населяющихъ, у насъ уже являются въ самыхъ старинныхъ азбуковникахъ, напр.: «Анафнѣи есть лѣсъ пустъ въ странахъ индійскихъ, въ немъ же растутъ яблоки всѣми видами, а живутъ въ немъ дикіе люди, имуще въ высоту лактей 24 и шею долгу», или: «Охлати есть дикіе люди, еже есть косматцы, понеже суть круглы, и косматы и черны, обличіе имуще львовы», и т. п.

Помянутое введеніе въ космографію («Искони зиждатель Богъ»), вѣроятно, было составлено въ XVII столѣтіи, если неравно, такъ какъ тамъ читаемъ: «не въ давныхъ же временахъ Кіевъ и литовская земля отдѣлися (отъ Россіи), въ та же мѣста русской области покорны учинились царство казанское и астраханское, иже нарицашеся златая орда; къ тому же иные татарскіе языцы, черемиса и мордва, самоедь, и лопори и страна сибирская... Въ картѣ XVIII вѣка, здѣсь описываемой, измѣненій противъ введенія очень немного; на средиземномъ морѣ (бѣлое среднее) прибавлены острова: «Мальтійскій — въ немъ учителя философіи (рыцари?) живутъ, много на семъ острову овощія. Островъ Минорка — живутъ философы» и т. д.

¹⁾ Изъ каб. бумагахъ Петра В. I, М. 66 есть подобная карта рукописная и раскрашенная; подписи мпленческихъ странъ здѣсь короче и Петербургъ въ ней еще не означенъ.

Первою печатною Географією при Петрѣ была изданная въ 1710 году «Географія или краткое земнаго круга описаніе». Это руководство есть въ рукописномъ сборникѣ П. бібліотеки (F. XVII, 21), который написанъ, кажется въ концѣ XVII столѣтія: въ помѣщенномъ тамъ же хронографѣ происшествія доведены до 1674 г.; а другія статьи обозначены 1669 и 1671 годами. Въ рукописи эта Географія имѣетъ много отицъ отъ печатной въ отношеніи слога и даже изложенія нѣкоторыхъ статей. Озаглавлена она (л. 795): «Преводъ отъ книги, именуемой Водный міръ, сирѣчь краткое описаніе о обрѣтеніи перваго морскаго корабельнаго ходу и новыхъ незнаемыхъ земель, такъ описаніе о воѣхъ государотвахъ». За тѣмъ слѣдуетъ непомѣщенное въ печатномъ изданіи «Краткое оказаніе о началѣ и дѣйствѣ корабельнаго хожденія даже и до сихъ временъ» (нач.: «Понеже убо Всемогущему»). Здѣсь краткія извѣстія о постройкѣ кораблей и о путешествіяхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Между прочимъ, есть упоминаніе объ англичанахъ, прибывшихъ въ первый разъ въ Россію въ 1553 г. черезъ Бѣлое море. Статья кончается разрѣшеніемъ задачи: «Колико времени требъ есть тому, иже бы хотѣлъ пѣши весь кругъ земный объяти, сирѣчь аще бы пѣшаго онаго воды, горы и пустыни не запылали?» На это нужно 3 года 200 дней, полагая въ день во 4 мли. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ напечатанную въ другой редакціи Географію 1710 г. ¹⁾

Въ XVII вѣкѣ *Geographia generalis* Бернгарда Варенія и въ началѣ XVIII—*Kurtzen Fragen aus der neuen Geographie* Іоанна Гьбнера пользовались огромною извѣстностью: неудивительно, что Петръ Великій приказалъ ихъ перевести и напечатать, о нихъ ср. 2-ю ч. №№ 390 и 410.

Несмотря на значительное число переводныхъ сочиненій по части Географіи, въ Россіи еще не печатали картъ въ XVII столѣтіи, и это не могло не обратить на себя вниманія Петра Великаго. Близкое знакомство его съ Витзенемъ, извѣстнымъ въ свое время любителемъ и знатокомъ географіи, безъ сомнѣнія много содѣйствовало тому, что, по возвращеніи изъ перваго путешествія, царь постоянно заботился объ изданіи въ Россіи картъ и составленія описей различныхъ мѣстностей. Вызванный изъ Голландіи граверъ Адрианъ Шхонебекъ, вскорѣ по прибытіи въ Россію (въ 1699 г.), уже гравировалъ въ Москвѣ карты, и на одной изъ нихъ встрѣчаемъ указаніе, что была издана въ 1701 году. Потомъ являются карты работы Василья Киприанова, Шикарда и учениковъ русскихъ Алексѣя Зубова и Ростовцова. Еще въ 1703 г.,

¹⁾Слѣсокъ съ послѣдней слово въ слово въ рип. П. библ. подъ № 1697.

Петръ посылалъ капитана Мейера для составленія описанія и карты Каспійскаго моря. 27 января 1716 года, царь написалъ собственною рукою слѣдующій указъ на имя Кожина ¹⁾:

1. «Взять ему въ Астрахань и тамъ взять двѣ скампавен или шны суда, какъ потребите ему будетъ, и на оныхъ всѣ берега того моря описать, также рѣки, гаваны и острова, близь береговъ лежащiе, и сдѣлать карту. 2. Гдѣ останеть приставать и будетъ спрашиванъ отъ тамошнихъ людей, и ему казать указъ данный, и къ тому и словами говорить, что онъ посланъ для описанія того моря, дабы лучше торговымъ людямъ ходъ извѣстенъ былъ; а не для чего инаго, дабы оумишнiя въ нихъ не было. 3. Посмотрѣть оныя и карты Бековичевой ²⁾ и ежели прямо сдѣлано, то туды не ѣздить; ежели же непрямо, то самому то учинить. 4. Когда берега опишетъ, тогда взять судно по болѣе морское, и все море крейсовать и положить на карту. 5. Хотя чего здѣ и не положено, а увидить что къ пользѣ государственной, то чинить, какъ доброму и честному человѣку надлежитъ».

Кожинъ не окончилъ возложеннаго на него порученiя, и въ 1719 г. для описанiя Каспiйскаго моря были отправлены «онъ Вердонъ и Соймоновъ, которые въ 1720 г. возвратились въ Петербургъ и представили государю составленную ими карту. Петръ приказалъ нанести на нея сѣверный и восточный берега Каспiйскаго моря съ описей кн. Бековича Черкаскаго и Кожина, и такимъ-то образомъ составила та карта этого моря, которую государь посылалъ въ 1721 г. въ парижскую академiю наукъ ³⁾, о чемъ говорено выше стр. 50—51.

Вообще съ того времени, какъ Петръ Великiй посѣтилъ Парижъ, познакомился съ тамошними учеными знаменитостями и, наконецъ, когда былъ избранъ членомъ французской академiи наукъ, — у насъ являются попытки къ самостоятельнымъ изслѣдованiямъ объ отдаленныхъ краяхъ Россiи, точнымъ описанiямъ областей и провинцiй всего гусударства, розысканiямъ достопримѣчательностей, рѣдкостей и т. п. Арескинъ и Блюментроотъ не даромъ писали во французскую академiю, что государь дорого цѣнитъ званiе члена ея и постарается заслужить его: дѣйствительно, послѣ 1717 г., мы встрѣчаемъ рядъ распоряженiй Петра Великаго, клонившихся къ разъясненiю тогда еще темныхъ и неразгаданныхъ вопросовъ въ области землѣдѣнiя и естественныхъ наукъ, и въ исторiю русскаго просвѣщенiя влiянiе

¹⁾ Каб. дѣла I, № 55, л. 20, 21.

²⁾ Князь Александръ Бековичъ Черкасскiй былъ посланъ въ 1714—16 годахъ на Каспiйское море по разнымъ политическимъ порученiямъ касательно Хивы, Бухары и окрестныхъ владѣнiй, о чемъ подробности въ Журналъ П. В. II, 341 и слѣд.

³⁾ Живоописанiе рос. адмираловъ, Берга II, 117—118. Карта эта была гравирована въ Петербургѣ и имѣетъ слѣдующее заглавiе: «Картина плоская генеральная моря Каспiйскаго отъ устья Ярковскаго до залива Астробатскаго, по меридiану возвышается въ градусахъ и минутахъ, глубина въ сажняхъ и футахъ; печатана при адмиралтейской коллегiи во академической (т. е. морской академiи) типографiи, сочинена съ астраханскихъ карт.».

въ этомъ отношеніи французской академіи наукъ и дань уваженія къ знаніямъ государя, уже славнаго побѣдителя и могущественнаго монарха, не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Петра изъ Париза, Делиль старшій (De l'Isle aîné) напечаталъ свое изслѣдованіе *Détermination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre*¹⁾, и здѣсь мы находимъ упоминаніе о царѣ, не какъ повелителя Россіи, но какъ ученомъ, а именно: «Les palus Méotides qui ont communication avec la Mer Noire, sont tirés de la carte que s. m. czarienne a fait publier dans le temps de la prise d'Asof. Cette place y est marqué à 47 degrés de latitude, de 4 degrés et demi plus méridionales que dans les cartes ordinaires... La Mer Caspienne qui, comme l'on sçait, n'a aucune communication avec les autres mers, n'en a été que plus mal connue par cette raison. Les cartes n'ont jamais plus varié que sur son étendue et sur la figure. Ce qui a le plus contribué à jeter dans cette incertitude, est l'idée qu'on s'étoit faite d'un gouffre par où elle alloit répandre ses eaux dans une autre mer; mais on est fixé aujourd'hui à cet égard par l'attention que sa majesté czarienne a eue de faire faire une carte exacte de cette Mer par des pilotes également habiles et hardis. Ce prince aussi recommandable par son goût pour les sciences, que par la grande capacité dans l'art de regner, me fit l'honneur de me dire, durant son séjour à Paris, que c'étoit mal à propos que l'on avoit supposé un gouffre dans la mer Caspienne; que s'il y en avoit un quelque part, il ne pouvoit être que dans une autre petite mer de 15 lieues d'étendue, dans laquelle la Mer Caspienne se déchargeoit à la partie orientale et dont nous n'avions eu aucune connoissance jusqu'à présent. Que l'eau de cette mer étoit d'une si grande salure, que les poissons de la Mer Caspienne qui y entroient, perdoient la vue d'abord et mouraient peu prés. Qu'enfin la rivière qui coule plus au Midi ne se déchargeoit plus dans la mer Caspienne, les habitants l'ayant obligée de changer sons cours par une chaussée, tant pour se mettre à couvert des pirates, que pour l'obliger à répandre ses eaux dans les endroits qui en avoient besoin par des canaux que l'on voit dans une carte, qu'il me fit l'honneur de me faire voir».

Карта, о которой здѣсь упоминаетъ Делиль, была потомъ прислана въ академію, въ февралѣ 1721 года, отъ имени царя, при письмѣ Блюментроста, гдѣ были подробно объяснены достоинства новой карты²⁾.

Въ январѣ 1719 г., Петръ отправилъ двухъ геодезистовъ изъ навигаторовъ, Ивана Евреннова и Федора Лужина, въ Тобольскъ и оттуда въ Камчатку для описанія тамошнихъ мѣстъ. Миллеръ сомнѣвался, чтобы это порученіе касалось рѣшенія вопроса: соединяется

¹⁾ Histoire de l'Académie des Sciences 1720, p. p. 161 — 182.

²⁾ Ibid., стр. 130.

ли Азія съ Америкою ¹⁾? Этотъ ученый сознавался при томъ, что онъ не имѣлъ случая видѣть инструкціи Евреннову и Лужину, а между тѣмъ въ ней ²⁾ именно велѣно было этимъ лицамъ сдѣлать розысканіе: «сошлася ли Америка съ Азією, что надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Эюйдъ и Нордъ, но и Ость и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить. Для насъ выписанныя слова тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ черновой инструкціи написаны рукою самого Петра: такъ, вмѣсто этого, было написано сначала «сошлася ли Америка съ Европою ³⁾»?»

Евренновъ и Лужинъ, прибывъ въ Якутскъ въ маѣ 1720 года, отправились тѣмъ же лѣтомъ въ Камчатку, а, въ сентябрѣ 1721 года, снова возвратились въ Якутскъ, гдѣ не объявляли ничего о порученныхъ имъ дѣлахъ. Отъ одного изъ шведскихъ плѣнныхъ, родомъ голландца, Генриха Буша, Миллеръ слышалъ послѣ, что этотъ Бушъ возилъ Евреннова и Лужина моремъ изъ Охотска въ Большерефцкой острогъ, а на другой годъ ѣздили они вдоль Курильскихъ острововъ. По прибытіи къ пятому изъ нихъ (а можетъ быть и шестому, такъ какъ, по словамъ Миллера, Бушъ могъ ошибаться въ числѣ ихъ), геодезисты велѣли стать на якорь. Хотя Бушъ имъ и не совѣтывалъ дѣлать того, потому что тамъ морское дно было каменисто, однако приказаніе ихъ было исполнено, они потеряли четыре якоря. Надѣлавъ послѣ деревянныхъ якорей и навязавъ къ нимъ камни, Лужинъ и Евренновъ возвратились тѣмъ же лѣтомъ въ Охотскъ. Первый изъ нихъ былъ оставленъ въ Сибѣри, а второй отправился съ донесеніемъ и картою Курильскихъ острововъ къ царю, котораго и засталъ въ маѣ 1722 г. въ Казани. Петръ остался доволенъ трудомъ Евреннова, однако главная дѣль посылки геодезистовъ не была достигнута и не за долго передъ кончиной, государь написалъ инструкцію, гдѣ снова повторялось приказаніе осмотрѣть сѣверный берегъ, не соединяется ли онъ съ Америкою? Уже послѣ смерти Петра Великаго была отправлена, согласно этой инструкціи, въ Камчатку новая экспедиція, подъ начальствомъ капитана Беринга, которому и обязаны открытіемъ пролива, названнаго его именемъ. Въ указѣ сената, 13 сентября 1732 г., именно говорилось, что Берингъ былъ отправленъ въ Камчатку царемъ по требованіямъ и желанію какъ петербургской (?), такъ и парижской и иныхъ академій ⁴⁾.

Въ декабрѣ 1720 года, сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ въ губерніи учениковъ петербургской морской академіи, обучавшихся геодезіи и географіи, «для сочиненія ландкартъ». При этомъ предписы-

¹⁾ Морскія путешествія русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ — Кюмтсичнаго сочиненія, апрѣль 1758 г., стр. 323 — 325.

²⁾ Полн. собран. зак. V, № 3266.

³⁾ Каб. дѣла I, № 56, л. 40.

⁴⁾ Житнеоп. рос. адмираловъ, Берха II, 213—216.

вадось губернаторамъ и воеводамъ смотрѣть, чтобъ они (умещики) безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали (геодезистамъ полагалось по 6 руб. въ мѣсяцъ); а когда которой губерніи и провинціи нля уѣзда ландкарту сдѣлають, присылать таковыя въ сенатъ и въ каморъ коллегію немедленно ¹⁾).

Карты работъ этихъ геодезистовъ изданы были въ 1726 — 34 годахъ Иваномъ Кирьяловымъ въ первомъ русскомъ атласѣ, вышедшемъ подъ латинскимъ заглавіемъ *Atlas imperii russici etc.* Въ предисловіи къ русскому атласу, изданному отъ академіи наукъ въ 1744 г., есть упоминаніе о трудахъ помянутыхъ геодезистовъ: «Петръ Великій старался о генеральной картѣ своей имперіи, видая довольно, сколько неисправностей въ тѣхъ картахъ, которыя до того времени отъ чужестранныхъ сочинены и въ свѣтъ пущены были, и того ради его величество, еще въ 1715 г., генераль адмиралу Авракиву, которому тогда поручено было главное смотрѣніе надъ морскою академією, приказалъ нѣкоторое число людей такимъ образомъ въ географическихъ дѣйствахъ обучить велѣть, чтобъ въ каждую провинцію по два человекъ, для сниманія оной, отправлены быть могли, дабы изъ сочиненныхъ ими партикулярныхъ картъ послѣ сдѣлать генеральную карту. Сіе намѣреніе подтверждаетъ 48-я глава регламента слѣдующими словами: «и дабы каждый коллегіумъ о состояніи государства и о принадлежащихъ къ оному провинціяхъ подлинную вѣдомость и извѣстіе получить могъ, того ради надлежитъ въ каждой коллегіи имѣть генеральныя и партикулярныя ландкарты или чертежи, которые по временамъ изготовлены быть имѣють, именно: описать всѣ границы, рѣки, города, мѣстечки, церкви, деревни, лѣса и проч.» Къ произведенію въ дѣйство сего намѣренія еще при жизни блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго учинено небольшое начало и разныя провинціи сняты чрезъ геодезистовъ, хотя не всѣ съ равнымъ прилежаніемъ и надлежащимъ искусствомъ, ибо не упоминая того, что объ астрономическихъ observations не много думали (въ которыхъ однако главнѣйшая оида Географіи состоятъ), большая часть тѣхъ инструментовъ, которые ои ими употребляли, не въ такомъ состояніи были, чтобъ отъ нихъ крайней исправности надѣяться можно было, а можетъ быть и сами геодезисты въ геометрическихъ дѣйствахъ не всѣ такъ обучены были, чтобы въ нихъ уже никакого недостатку не было ²⁾).

Въ прежде помянутомъ письмѣ въ академію наукъ, Блюментростъ (1721 г.), между прочимъ, увѣдомлялъ французскихъ ученыхъ, что по приказанію царя, въ Сибирь посланъ докторъ, прекрасно знающій естественныя науки, а двое другихъ изслѣдователей отправлены въ

¹⁾ Полн. собран. закон. VI, ММ 3682 и 3695.

²⁾ Переписано изъ рукописи академіи наукъ въ №, № 116.

Астрахань и Казань. «Такъ что, прибавляя Блюментростъ, мы будемъ скоро имѣть возможность доставить вамъ точныя извѣстія о всемъ, что природа производитъ въ обширныхъ владѣніяхъ его величества». Посланные для изслѣдованій въ Казань и Астрахань были: Карлъ Фридрихъ Патронъ Боданъ (Ch. Fr. de Patron Baudan) и докторъ Готлобъ Шоберъ (Gottlob Schober). Первый сопровождалъ Петра Великаго въ персидскій походъ и, какъ видно изъ произведеній его, преимущественно занимался сравнительнымъ языкознаніемъ, геральдикой и древностями ¹⁾. Докторъ Шоберъ, принятый въ русскую службу въ 1712 г., посланъ былъ въ 1717 г. для изслѣдованія и описанія терекскихъ теплыхъ водъ, что имъ было выполнено, съ прибавленіемъ примѣчаній о тамошней почвѣ, на которой можно сѣять пшеницу и виноградъ. На возвратномъ пути, у пригородка Сергіевска (нынѣ въ самарской губерніи) онъ открылъ сѣрныя ямы. Шоберъ описалъ свои любопытныя изслѣдованія въ сочиненіи *Memorabilia russico-asiatica seu observationes physicae, medicae, geographicae, politicae, oeconomicae in itinere in Russia ad mare Caspicum, jussu Monarchae sui facta, collectae inquisitiones item in quarundam aquarum mineralium, naturam, nec non variorum populorum linguae nondum cognitae, nec descriptae*. Къ сожалѣнію сочиненіе это никогда не было издано въ свѣтъ, а рукопись, вмѣстѣ съ имѣніемъ Шобера, послѣ смерти его досталась наследникамъ, которые жили въ Голландіи. Еще въ 1760 г. манускриптъ Шобера былъ въ Гагѣ въ рукахъ частнаго лица ²⁾.

Докторъ, отправленный при Петрѣ въ Сибирь, былъ Даниль Готлибъ Мессершмидтъ (D. G. Messerschmidt) — первый ученый путешественникъ, познакомившій свѣтъ съ географіею, натуральною исторіею и этнографіею Сибири.

Мессершмидтъ родился въ Данцигѣ въ 1685 году, учился въ Галлѣ, написалъ тамъ диссертацию *De ratione preside universae medicinae* и получилъ за нее степень доктора въ 1707 г. Это былъ ученый въ полномъ смыслѣ слова: обладая обширною начитанностью, Мессершмидтъ зналъ восточные языки и всего себя отдавалъ наукѣ. Часоту цѣлый день проводя въ странствіяхъ и наблюденіяхъ, онъ вносилъ потомъ все примѣчательное въ свой дневникъ и въ этой работѣ вроскиживалъ до поздней ночи, а иногда и до слѣдующаго утра, такъ что для успокоенія ему оставалось едва нѣсколько часовъ. Если что либо мѣшало ему заниматься ученой работой, то Мессершмидтъ писалъ латинскіе стихи, изъ которыхъ нѣкоторые подписывалъ *Vulcanius Apollinaris* ³⁾.

¹⁾ Сочиненія его, остающіяся до нынѣ въ рукописяхъ, подробно перечислены у Адельунга въ его *Catherinen der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachen Kunde* (Petersb. 1815), стр. 10—20.

²⁾ Исторія медицины, Рихтера III, стр. 138 — 140 и *Muller's Samml. Russ. Geschichte* IV, 179.

³⁾ *Neue nordische Beyträge* von Pallas III, 97 — 104.

Въ 1716 г., онъ занимался въ Данцигѣ медициною, и Петръ Великій, бывъ тогда въ этомъ городѣ, при осмотрѣ музея Брейниа (Breunius), просилъ указать ему ученаго, который взяло бы предпринять путешествіе по Россіи для составленія описанія всего достопримѣчательнаго. Брейниа рекомендовалъ Мессершмидта ¹⁾. Въ заключенномъ по этому случаю контрактѣ, онъ обязывался ѣхать въ Сибирь для занятій: а) географіею страны; б) натуральною исторіею; с) медициною, лекарственными растеніями и эпидемическими болѣзнями; д) описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею; е) памятниками и древностями, и ф) вообще всѣмъ достопримѣчательнымъ. Все это Мессершмидтъ взялъ на себя, не имѣя помощниковъ, за острое жалованье въ 500 рублей въ годъ и въ надеждѣ получить подарокъ отъ царя по возвращеніи ²⁾. Удивляться должно, что Мессершмидтъ почти одинъ (нѣкоторое время ему помогали, какъ увидимъ ниже, шведскіе пѣльные) исполнялъ все возложенное на него контрактомъ и при томъ съ самою мелочною точностію: но большей части онъ самъ набивалъ чучелы изъ понадавшихся ему птицъ и потомъ самъ же дѣлалъ рисунки съ нихъ. Растенія собиралъ онъ отчасти самъ или при помощи русскихъ мальчиковъ, которые занимались у него очищеніемъ сѣмянъ, доставляемыхъ изъ высушенныхъ имъ растеній. Во всякомъ нешного значительномъ мѣстѣ, если показывалось солнце, Мессершмидтъ бралъ высоту полюса, пользуясь въ такихъ случаяхъ изданными въ Штетинѣ таблицами Лохмана. Вездѣ наблюдалъ онъ погоду, чертилъ хорографическія карты и съ этою цѣлью перѣзжалъ рѣки, имѣя всегда передъ собою компасъ. Какъ велики были труды Мессершмидта, можно уже судить по одному образчику: его *Mantissa ornitologica* въ академической библиотекѣ состоитъ изъ восемнадцати томовъ. И не одинъ только естественныя науки и землѣдѣніе обращали на себя его вниманіе: Аделунгъ, въ бумагахъ Бакмейстера, видѣлъ написанный самимъ Мессершмидтомъ *Sploemen der Zahlen einiger orientalischen und sibirischen Völker, woraus unter andern Merkmalen auch zu ersehen seyn möchte wie etwa solche vor Zeiten so wohl unter sich, als mit andern westlichen Völkern combinirt gewesen* ³⁾; здѣсь приведены названія изъ 20 нарѣчій.

Въ рукописяхъ академіи наукъ (въ 1^о, № 116, ч. 1) сохранился свѣскокъ съ официальныхъ бумагъ, которыя писалъ Мессершмидтъ изъ Сибири въ Петербургъ и къ мѣстнымъ властямъ: несмотря на сухость подобнаго рода матеріаловъ, въ этомъ собраніи есть не мало любопытныхъ чертъ, характеризующихъ и время, и положеніе ученаго, занимавшагося въ отдаленномъ краѣ наблюденіями и изслѣдованіями чисто научными.

¹⁾ Исторія медц. въ Россіи, Рихтера III, 152.

²⁾ Pallas I. c.

³⁾ Catharinae der Gr. Verdienste um die vergl. Sprachen Kunde, стр. 9.

Въ началѣ бумагъ, помѣщено извѣщеніе въ Сибирь о посылкѣ ученаго: «по именному своему великаго государя указу, доктора Мессершмидта послать въ Сибирь для изысканія всякихъ раритетовъ и аптекарскихъ вещей, травъ, цвѣтовъ, корни и сѣмень, и прочихъ принадлежащихъ статей, въ лекарственные составы избирая, прины- лять въ Санктъпетербургъ въ главнѣйшую аптеку».

Въ декабрь 1720 года, Мессершмидтъ прїехалъ въ Тобольскъ и, для перваго дебюта, занимался осмотромъ представляемыхъ къ нему для свидѣтельства рекрутъ, подъ именами которыхъ дѣлалъ отмѣтки untauglich, muss attestirt und obserwirt werden и т. п.

Въ мартѣ 1720 г., онъ требовалъ отъ тобольскаго коменданта: 1) двухъ человекъ спомогателей мнѣ дать такихъ, кто бы аптечное искусство разумѣлъ и во всякихъ прилучаяхъ при мнѣ бы былъ; другой же, который бы въ знаменїи (черченїи) и рисованїи искусенъ и во всякихъ вещехъ поснѣшенъ и удобенъ, которыя вещи прилучатся сняти и написать, чѣмъ его царскаго величества во оной мнѣ повѣ- ренной посылкѣ потребно услужити могли, къ чему азь между шведскими плѣнниками изобрѣлъ двухъ поручиковъ, именами Материгъ и Шеннигъ, которые волею его царскому величеству въ сей посылкѣ служить и послѣдовать хотятъ. 2) Въ Петербургѣ двухъ драгуновъ отъ здѣшняго (т. е. тобольскаго) гваризона взялъ, и оныя мнѣ доос- лѣ послѣдовали; къ тому же еще двухъ человекъ таковыхъ же со ору- жіемъ требую, и желаю драгуна Андрея Невчина, коннаго казака Андрея Курятникова. 3) Понеже все лѣто въ пути пребуду, того ради стругъ требую, который тако бѣ устроить самому ко отправленїю работы моеї, ко покой водѣ изготовить. 4) При стругѣ требую покрытую лодку, въ которой бы возможно по малымъ рѣчкамъ ѣздитъ и на земли провѣдывать. 5) Тамо же чаще прилучится сухимъ путемъ, куды водою отъ мѣста на мѣсто переѣхати невозможно, того ради такой указъ требую, чтобъ по желающему случаю вездѣ безъ задер- жанїя мнѣ, колико довѣдетъ, подводъ давать. Далѣе Мессершмидтъ просилъ о вооруженныхъ провожатыхъ, о деньгахъ 50 р. на расходы и о выдачѣ разныхъ предметовъ, юфти, холстѣ, бумагѣ прочей, воскѣ, проволоцѣ, двойномъ винѣ и разныхъ орудїяхъ.

Въ апрѣлѣ 1720 г., путешественникъ еще оставался въ Тоболь- скѣ и оттуда писалъ къ царю: «Державнѣйшїй царь, государь милос- тивѣйшїй! Извольте ваше царское величество всемилоостивно при- слушать, како послѣдую моему всемирному прибѣжищу: 22 марта, мое вѣдѣніе въ сей губернской канцелярїи г. оберъ коменданту Се- мену Прокофьевичу Карпову подавъ въ значущихся пунктахъ о вспомо- женїи къ немедленному предспѣянїю указу мѣрное отправленїе, коль скоро вода располится, поисканїе чинилъ», но это вѣдѣніе док- тора осталось безъ исполненїя: вѣрно было ему ждать прибытїя въ Тобольскъ вице-губернатора. 16 мая, Мессершмидтъ доводилъ до свѣ-

дѣвѣ Петра, что нѣкій майоръ Лихаревъ отнялъ у него двухъ девицъ и стругъ, приготовленный для путешествія, вмѣстѣ съ плотниками: «всемиловѣйшій государь, прошу вашего величества, да повелитъ ваше державство всемилостиво призрѣть, како доселѣ продолжается мое всемирное прибіжище не по моему возможенію, но паче вся удобія у меня отняты были»...

7 іюня, Мессершмидтъ обратился съ просьбою о выдачѣ ему, въ помощь, шведскихъ плѣнныхъ: «ни единъ азъ таковыхъ удобныхъ людей бралъ, яко бы господинъ евоуе Измайловъ (бывшій тогда въ посольствѣ въ Китай) четырехъ человекъ плѣнниковъ съ собою въ Хину взялъ; такожь г. майоръ Лихаревъ штыкъ-юнкера въ споможеніе взялъ ко артиллеріи; тако и азъ мнилъ, что его царскому величеству легчае съ прилежаніемъ мое дѣло отправить въ томъ же... мнѣ не про свою нужду требовати, но его царскому величеству къ лучшему устроенію, а изъ русскихъ таковыхъ людей не обрѣтается».

Незадолго передъ тѣмъ (27 мая), поступила отъ него же просьба къ кн. Черкасскому, сибирскому губернатору: «по указу и по всемилостивой волѣ его царскаго величества, мнѣ сюда въ Тобольскъ ѣхать указано и опредѣлено, купно съ другими моими посылками, такоже оныя и другія любопытности, которыя въ сибирской губерніи обрящутся, во огляданіе взять, того ради моего всенизжайшаго слѣдованнаго прибіжища не вотще въ сей губернской канцеляріи воображать, аще что тому подобныя къ древности принадлежащія вещи, яко бы языческіе шейтаны (кумиры), великія мамонтовы кости, древнія калмыцкія и татарскія письма и ихъ праотеческія писмена; такожде каменные и кружечныя могильныя образы. Такожде азъ оныя, по обрѣтеніи, списать и рисунокъ прислать могу».

Въ декабрѣ 1720 г., Мессершмидтъ приобрѣлъ въ кабалу у одного отца крестьянскаго мальчика пятнадцати лѣтъ за 12 рублей на вѣчно, за что докторъ обязывался: кабальнаго «держати у себя, поити и кормити, и одѣвать, и ото всякаго дурна унимати и наказывать по винѣ смотря, по своему разсмотрѣнію, а въ большой винѣ и градскимъ наказаніемъ, какъ онъ, докторъ, поволитъ».

Въ январѣ 1721 г., Мессершмидтъ подавалъ кн. Черкасскому еще два прошенія. Въ одномъ ходатайствовалъ: 1) «Кжели въ которомъ городѣ обрѣтатся буду и вѣдомости получу о какихъ любопытныхъ вещахъ, дабы мнѣ оныхъ мѣсть вѣдомцевъ и вожей давать, и самому мнѣ оглядати для лучшаго обысканія. 2) Еще же мое смиреннѣйшее и уничиженное прошеніе: ежели какой человекъ угодный отъ здѣшняго города или въ томъ городѣ иѣмецкій плѣнникъ обрящется и со аптекарскими вещми удобное обхожденіе знаетъ, дабы онаго письменно за поруками къ моему отправленію и услугу съ собою взяти, а отъ здѣшняго націона таковыя спомогатели не обрящутся».

Въ другомъ онъ просилъ, вмѣсто большаго плѣннаго офицера

Шенинга, дать ему шведа же, унтеръ—офицера Капеля: «понеже въ моемъ отпращеніи главнѣйшія и нужнѣйшія вещи суть: въ физическихъ и математическихъ премѣненіяхъ климатовъ и погоды нѣкія усмотрѣнія учинити, то я къ тому моему дѣлу шведскаго плѣнника оберъ офицера, именемъ Иванъ Филиповичъ Табортъ попросилъ, который мнѣ весьма спомогати будетъ. При семъ доношу вашему сіятельству: отпускаю отъ себѣ одинаго плѣннаго хлопца, котораго прежде отселъ при себѣ имѣлъ, и въ того мѣста желаю инога молодого человѣка, который шестнадцати лѣтъ есть, именемъ Шульманъ, рисовать и знаменать нарочито умѣеть, а въ росписи съ плѣнными не написанъ».

Этотъ Иванъ Филиповичъ Табортъ есть никто иной, какъ Филипъ Юаннъ Таббертъ (Tabbert), получившій, по возвращеніи изъ плѣна въ Швецію, дворянство и фамилію Штраленберга, и написавшій известное о Россіи сочиненіе *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia* (Stockholm, 1730).

Въ сочиненіи Эннеса—*Biographiska Minnen af Konung Carl XII*¹⁾ есть нѣкоторыя извѣстія объ этомъ лицѣ: Таббертъ, послѣ полтавскаго сраженія, благополучно переправился черезъ Днѣпръ, но не найдя въ числѣ спасшихся своего брата, воротился за нимъ на лѣвый берегъ, гдѣ и попался къ намъ въ плѣнъ. Въ Сибири онъ пробылъ 13 лѣтъ и, пользуясь частыми переѣздами по этому краю, составилъ его карту, которую отослалъ къ одному купцу въ Москву. По смерти послѣдняго, карта попала въ руки царю, который приказалъ, если явится за нею неизвѣстный сочинитель ея, то представить его къ себѣ. Таббертъ, узнавъ о такомъ повелѣніи, старался еще болѣе усовершенствовать прежній трудъ и, прибывъ по заключеніи ништадтскаго мира въ Москву, поднесъ, новую, исправленную карту Сибири, которая такъ понравилась Петру, что сочинителю ея было предложено начальство надъ землемѣрною частію, чего онъ, однако, не принялъ. По возвращеніи въ Швецію, Таббертъ былъ возведенъ въ дворянство съ фамилію Штраленберга (по мѣсту его родины, городу Стральзунду) и умеръ въ 1747 г., въ чинѣ майора, комендантомъ одной шведской крѣпости. Въ 1726 г., Штраленбергъ напечаталъ «*Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tartarey und dem Königreiche Sibirien, mit einem Anhang von gross Russland. Worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben vorgetragen werden*». Здѣсь авторъ говоритъ о предполагаемомъ имъ изданіи въ свѣтъ *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*: извѣстны неполнота и неточность сочиненій о большой Татаріи—многіе ученые, и въ томъ числѣ Лейбницъ и Витзенъ, старались достать объ этой странѣ достовѣрныя

¹⁾ Извлеченія изъ этой книги и, между прочимъ, свѣдѣнія о Штраленбергѣ были напечатаны въ журналѣ Мин. нар. пр. 1853 г. № 2, въ статьѣ академика Грота: «О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ В.»

свѣдѣнія, но всѣ эти старанія оказывались тщетными. Штраленбергъ, послѣ полтавскаго сраженія, находился 13 лѣтъ въ плѣну въ Сибири и, кромѣ того, съ докторомъ Мессершмидтомъ дѣлалъ путешествіе изъ Тобольска на юго-востокъ къ калмыцкимъ и мунгальскимъ границамъ. Извѣстія самого Штраленберга о картѣ разнятся отъ сообщенныхъ его біографами: сначала онъ два года собиралъ матеріалы для составленія карты, но они въ пожарѣ въ 1715 г. въ Тобольскѣ, вмѣстѣ съ сундуками, куда были положены, украдены. Поощряемый гр. Реншіольдомъ и нѣкоторыми пріятелями изъ Москвы, онъ снова нарисовалъ карту на двухъ большихъ листахъ, но она была отобрана кн. Гагаринымъ, который объявилъ Штраленбергу, чтобъ онъ не смѣлъ этимъ заниматься подъ опасеніемъ ссылки на Ледовитое море. Въ третій разъ Штраленбергъ принялся за свою карту послѣ арестованія кн. Гагарина.

Названное сочиненіе Штраленберга въ свое время пользовалось извѣстностью и дѣйствительно того заслуживало по множеству свѣдѣній, которыя помѣщены были тамъ въ первый разъ о странахъ, почти неизвѣстныхъ тогда въ Европѣ. Конечно у Штраленберга есть промахи и невѣрности, особенно, когда онъ пускался въ филологическія розысканія, но все таки его нельзя называть злобнымъ клеветникомъ, какъ это дѣлалъ Голиковъ, котораго историческая критика тѣмъ и ограничивалась, что онъ осыпалъ бранными эпитетами всѣхъ, кто не раздѣлялъ его мнѣній на счетъ своего проя.

Штраленбергъ имѣлъ полное право сказать, какъ сказалъ въ предисловіи: *Nebst diesen wird der Leser finden, dass ich kein Ausschreiber anderer Scribenten gewesen, vielweniger, dass in diesem Wercke etwas fingiret und erdacht, sondern ich versichere, das alles nach der Wahrheit von mir berichtet worden; es wäre denn, dass eine oder die andere referirte Dinge, wo ich unmöglich selbst habe zugegen seyn können, die mir aber doch nach meinem Bedüncken von glaubwürdigen Personen berichtet worden, nicht so punctuel und nach allen kleinen Umständen zutreffen solten.*

Мессершмидтъ, находясь въ отдаленной странѣ и не встрѣчая людей, съ которыми бы могъ дѣлиться наблюденіями и сообщать о своихъ открытіяхъ, скоро подружился съ Таббертомъ, любившимъ историческія и географическія розысканія.

Въ маѣ 1722 г., когда они должны были разстаться, Мессершмидтъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «проливая много слезъ, я простился съ краснорѣчивымъ, прілежнымъ, вѣрнымъ Таббертомъ, моимъ единственнымъ другомъ и подпорою. Теперь я остаюсь безъ знакомыхъ и помощника: никогда я не забуду моего любезнаго Табберта ¹⁾!».

¹⁾ Neue Nordische Beiträge von Pallas, III, 97—104.

Исследованія Мессершмидта началось съ томскаго уѣзда. Въ Чаусскомъ острогѣ хозяинъ отведенной ему квартиры не хотѣлъ пускать къ себѣ въ домъ ученаго и его спутниковъ, а посланнаго передоваго прибѣлъ съ помощію боярскихъ дѣтей. Началось, по обыкновенію, слѣдствіе и дѣло.

Видно, что для отысканія древностей и закупки ихъ Мессершмидтъ по окрестностямъ плѣнныхъ шведовъ. 21 іюня 1721 г., докторъ, напр., писалъ къ томскому воеводѣ Василью Елизарьевичу Козлову: «По указу царскаго величества, велѣно мнѣ, нижеименованному, въ сибирской губерніи и во всѣхъ городѣхъ на землѣхъ потребныхъ травъ и цвѣтовъ и всякихъ куріозитетовъ провѣдывать, а въ данномъ мнѣ великаго государя указѣ написано также, если я въ которомъ городѣ остановлюся и провѣдаю приличныя къ дѣлу моему мѣста и пожелаю самъ ѣхать для огляданія, или изъ служителей своихъ пошлю, то велѣно мнѣ давать тѣхъ мѣстъ вѣдомцевъ и вожей, а нынѣ я посылаю отъ себя своего человека Ивана Капеля до Кузнецкаго сухимъ путемъ, да здѣсь оставляю для управленія великаго государя дѣлъ капитана Табберта, для того-что я здѣсь (въ Томскѣ) въ такое короткое время для дальняго пути самъ въ скорости управиться не могу, а какъ онъ, капитанъ, похочетъ ѣхать до меня, и тогда онаго капитана, да деньщика отпустить до меня, гдѣ я буду обрѣтаться».

Изъ Тобольска мѣстныя власти не хотѣли отправлять въ Петербургъ его посылку за печатями, не досмотрѣвъ, вслѣдствіе чего кабинетъ-секретарь царя, Алексѣй Макаровъ писалъ къ Черкасскому, чтобы Мессершмидту оказывать во всемъ вспоможеніе и посылки его отправлять немедленно, а если будетъ какое нибудь сомнѣніе относительно ихъ, то прикладывать къ нимъ, вмѣстѣ съ докторскими, и казенныя печати, и въ такомъ видѣ отсылать къ высшему начальству.

31 октября 1721 года, путешественникъ писалъ въ Абаканскомъ острогѣ такую промеморію: «Прошу я у тебя, приказный Алексѣй Прохоровичъ Абаканскаго острога, чтобъ ты былъ послушенъ великаго государя указу съ казаками и татарами, которые тебѣ приказаны: (выбери) трехъ или четырехъ человекъ удалыхъ молодцевъ, чтобы они шли на промыселъ, куда я ихъ пошлю, чтобъ они отъ всякой стати рода звѣря промыслили, для того что здѣсь есть всякой звѣрь: россомахи, выдры, табарги, лисицы, рыси, козы, бобры, горностаи, ластиды, кунницы, соболя, бѣлки, олени, лоси. И всѣхъ тѣхъ звѣрей, которые здѣсь обрѣтаются, чтобъ они уловили и мнѣ объявили всякихъ по гнѣзду и съ кожами и съ мясомъ.... чтобъ они казаки были не лѣнны и не лукавы—добудутъ и мнѣ не объявять, чтобы мнѣ здѣсь зиму прожить не даромъ».

Съ 1722 года, начинаются хлопоты доктора о полученіи своего

жалованья въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ онъ останавливался: препятствіе въ томъ встрѣчалось отъ начальствующихъ, тянувшихъ переписку за справками, спросами и ожиданіями приказаній, несмотря на то, что ученый имѣлъ подлинный указъ получать жалованье въ Сибири въ тѣхъ городахъ, по которымъ проѣзжалъ.

2 апрѣля 1722 года, Мессершмидтъ писалъ къ кн. Черкасскому: «даны мнѣ изъ Tobольску, по указу великаго государя, шведскій капитанъ, Иванъ Филиповъ сынъ Таббертъ и слуга его, Карлъ Густавъ Шульманъ; и онаго капитана Ивана Филипова и Карла, по указу великаго государя, надлежитъ мнѣ отпустить въ Tobольскъ сего 1722 г. въ маѣ мѣсяцѣ. Да мнѣ же данъ изъ Tobольска отъ вашей свѣтлости прусской землія прирожденіемъ Петръ Матвѣевъ сынъ Крацъ, и онаго Петра Матвѣева удержалъ я у себя, для того что русскаго языка я не знаю, и переводчика при мнѣ иного никого нѣтъ, кромѣ онаго Краца».

16 іюня 1722 г., Красноярская канцелярія, вслѣдствіе указа изъ Петербурга, требовала отъ доктора свѣдѣній: гдѣ онъ, куда намѣренъ ѣхать и собраны-ли медицинскія и другія курьезныя вещи? Мессершмидтъ, видимо разсерженный и этимъ допросомъ, а главное невыдачею ни ему, ни служителямъ его жалованья почти за два года, отвѣчалъ: «Принялъ я два указа у красноярскихъ служилыхъ людей, а что въ указѣ написано, то я разумѣлъ малое дѣло, что—де изъ енисейской провинціи канцеляріи про меня освѣдомиться: по первому— гдѣ я нынѣ обрѣтаюсь? второе — куда мой путь надлежитъ? и третье, что у меня медицинскихъ и курьезныхъ вещей? По первому— стою я на Божьемъ озерѣ, гдѣ служилые люди указъ вручили. Второе— по императорскаго величества указу мой путь надлежитъ во всю сибирскую губернію въ степь. А сего 1722 года, отъ января мѣсяца до сего іюля 13 дня, его императорскаго величества по указу жалованья не выдано мнѣ и моимъ драгунамъ, а прокормиться нечѣмъ, и помираемъ голодною смертію, а въ государевѣ дѣлѣ будетъ великая остановка; а нынѣ я хожу мало-мало въ красноярскомъ дистриктѣ, границею въ степи вверхъ по Енисею рѣки, Абакану; и по инымъ рѣчкамъ, сколько возможно, обходямъ. А стану я зимовати въ красноярскомъ дистриктѣ въ острогѣ или въ деревняхъ. А буде мое жалованье не пришлютъ, и мой путь надлежитъ прямо въ Санктъпетербургъ, а безъ жалованья жить невозможно. А буде жалованье мое скоро будетъ комиѣ, и я, если возможно, пойду къ Селингинску и Нерчинску. А въ третье — медицинскихъ и другихъ курьезныхъ вещей у меня нѣту, и кои были у меня вещи и я всѣ послалъ, 20 мая сего году, г. президенту Блюментросту въ С. Петербургъ».

16 ноября 1722 г., Мессершмидтъ обращался въ красноярскую канцелярію: «надлежитъ мнѣ по указу его императорскаго величества въ здѣшнихъ краяхъ изыскивать всякихъ раритетовъ, и нынѣ, живучи

въ г. Красноярскѣ, никто мнѣ ничего не сказываетъ, а буде я у кого что ко употребленію и спрошаю—всякъ отговаривается невѣдніемъ, и дабы повелѣно было противъ сей моей промеморіи прислать ко мнѣ изъ красноярскихъ обывателей одного человѣка добраго, чтобъ онъ зналъ въ красноярскихъ дистриктахъ всякія мѣста ко употребленію моему дѣлу. Такжеже что будетъ и вновь извѣстно объ исканіи какихъ вещей, звѣрей, травъ, и рудъ и проч., и чтобъ мнѣ о томъ учинить вѣдомо».

Въ томъ же году прошелъ слухъ, распространенный, по словамъ доктора, «злымъ лукавствомъ», будто бы онъ умеръ. Вѣсть о томъ дошла даже до Петербурга, откуда предписывалось вещи, оставшіяся послѣ покойнаго Мессершмидта, опечатать и выслать въ Петербургъ.

Въ 1723 г., путешественникъ былъ въ Енисейскѣ и Мангазѣ. Въ послѣднемъ онъ попалъ на слѣды добыванія мѣстными жителями зеленой руды, горячей сѣры, морскаго лапана, нашатыря; посадскіе же объ всемъ этомъ отзывались невѣдніемъ. Вотъ инструкция изъ иркутской земской конторы одному изъ развѣдчиковъ доктора, дворянину Ивану Толстоухову: «хвать ему иркутскаго вѣдомства въ иркутскій верхоленскій и балаганской дистрикты для того: въ вышнемъ 723 году, января въ день, въ присланномъ его императорскаго величества указѣ... велѣно у всякаго чину людей русскихъ и иноземцевъ провѣдывать и купить разныхъ родовъ звѣрей и птицъ живыхъ, которые во удивленіе человѣкомъ; такжеже и хрусталь самородный, который ломають глыбами пуда по два и больше. И тѣхъ звѣрей и птицъ велѣно отсылать въ Петербургъ ко двору его императорскаго величества; а какихъ звѣрей и птицъ, о томъ явствуетъ въ реестрѣ ниже сего именно. И по тому указу посланъ изъ Иркутска, для покупокъ, въ вышеписанные дистрикты иркутскій дворянинъ Иванъ Толстоуховъ; и велѣно ему, Ивану, въ тѣхъ дистриктахъ у русскихъ людей всякаго чину и у иноземцевъ, всякими мѣрами, провѣдывать и купить такихъ звѣрей и птицъ и другихъ вещей, которые во удивленіе человѣкомъ и которые объявлены въ реестрѣ ниже сего. Также русскимъ людямъ и иноземцомъ приказывать на крѣпко, чтобы они нижеобъявленныхъ звѣрей и птицъ и другихъ вещей сыскивали и домогались съ радѣніемъ, а за то снисканіе его императорскаго величества милость будетъ; и за тѣ звѣри и птицы и за другія вещи выданы будутъ деньги по цѣнѣ. Такжеже и сверхъ реестру которые узорочные звѣри и птицы и другія вещи явятся, по тому жъ объявлять; а кто буде русскіе люди такихъ звѣрей и птицъ и другихъ вещей гдѣ знаютъ въ вышеписанныхъ дистриктахъ, и такіе бы люди приходили и объявляли посланному; или кто про такихъ звѣрей и птицъ и другія вещи и знаетъ, а въ скорости изловить или сыскать невозможно, и они потому жъ, приходя, объявляли». Въ реестрѣ значутся: «Звѣри—соболи, чрево и хребеть бѣлые; ма-

ронъ, звѣрь ибилъ; бараны дикіе съ великими рогами; бѣлки, чрево и хребеть сѣрые; и, гдѣ найдены будутъ мамонтовы роги, приложить крайнее сьсканіе, чтобъ кость до послѣдняго члена того звѣря, буде возможно, собрать все въ цѣлости. Птицы: лебеди черныя; лебеди съ гребнями; гуси, — зобы бѣлыя и крылье нестрое; журавли черныя; птицы кедровки; зеленыя птицы, маленькія цвѣтныя; козарки, — крылье черное, зобы коришпевые; гуси сѣрые, переносицы бѣлыя, утки — зобы черныя, голова и шея красныя. Такжеже хрусталь самородный, который ломають глыбами пуда по два и больше; слюда въ полтора аршина и больше, и которые узорочныя звѣри и птицы....

Въ январѣ 1724 г., въ иркутской канцеляріи Мессершмидту объявили «удивительнаго звѣря — мамонтову голову и два рога, и отчасти его зубъ и ноги кость, такожъ и гусей». Тамъ же докторъ узналъ, «что обрѣтается при Байкалѣ морѣ въ Котельниковой паде (?), разстояніемъ отъ берегу Байкала моря 20 сажень, нѣкакой ключъ горячій», и получилъ отъ Михаила Воловича свидѣтельство на латинскомъ языкѣ о мѣстоахожденіи мамонтовыхъ костей. Въ Иркутскѣ, Мессершмидтъ продалъ своего кабальнаго одному посадскому человеку.

Въ маѣ 1724 г., попадаетъ въ бумагахъ Мессершмидта написанное имъ по монгольски порученіе тунгузскому ламѣ Карабанди доставать монгольскія, тунгузскія и китайскія рукописи. Внесено также и донесеніе на монгольскомъ языкѣ этого Карабанди объ исполненіи порученій и особенно объ исторіи Чингисъ хана, писанной по монгольски.

2 марта 1725 г., Мессершмидтъ получилъ указъ медицинской канцеляріи, отъ 31 августа 1724 г., по которому онъ вызывался обратно изъ Сибири. 19 марта, докторъ поручилъ Карабанди отыскивать въ мунгальской землѣ Ургѣ исторію Чингисъ хана, о переводѣ которой записано у путешественника: «1720 г. іюня 25 дня, прислана про его императорскаго величества обиходъ изъ Тобольска до Петербурга, г. президенту Блюментросту курьѣзная книга именовъ Чунгисъ хана урская исторія, съ подлиннаго мунгальскаго языка переведена въ бухарскій языкъ титлами Хасса инъ Китапъ Шасаре Туриси». 15 мая 1725 г., воевода въ Иркутскѣ хотѣлъ было привести Мессершмидта къ присягѣ на вѣрность новой императрицѣ, но онъ отказался, потому что былъ не русскій подданный.

Въ февралѣ 1726 г., Мессершмидтъ прибылъ въ Москву, а въ мартѣ — въ Петербургъ.

Въ апрѣлѣ, ему было объявлено, что по случаю возвращенія его изъ Сибири, назначено нѣсколько академиковъ для разсмотрѣнія привезенныхъ имъ изъ путешествія предметовъ, почему Мессершмидтъ обязывался войти въ сношенія съ тѣми учеными, чтобы потомъ распубликовать о результатахъ его изслѣдованій въ Сибири.

Въ октябрѣ 1727 г., ученый получилъ такую бумагу: «Почтенный господинъ докторъ! Понеже вы изъ Сибири коль скоро прибыли въ С. Петербургъ, то привезенныхъ вещей, не объявля въ медицинской канцеляріи, сложили на наемной квартирѣ, и тогда о прїездѣ своемъ извѣстіе учинили. А по промеморіи изъ Tobольска объявлено, что курьезныхъ вещей имѣется за печатями въ пяти ящикахъ, да въ одномъ тюкѣ, и того въ шести мѣстахъ; и неоднократно вамъ, какъ письменно, такъ и словесно, приказано было, чтобы тѣ вещи осмотрѣны* были членами академіи наукъ, и онымъ бы учиненъ былъ каталогъ; и когда было опредѣлено оныя вещи для осмотрѣнія взять съ квартиры въ медицинскую канцелярію, то при взятіи оныхъ явились многіе, ваши собственные товары, о которыхъ вѣдомость изъ Tobольска прислана и оныя товары вамъ отданы. А при отдачѣ оныхъ товаровъ, явилось бауловъ, ящиковъ, сундучковъ большихъ двадцать, въ которыхъ по осмотру явились книги и нѣкоторый вашъ домашній багажъ, однакожь больше такихъ вещей, которыя могутъ причтены быть за курьезныя вещи, а именно: птицы, зубья и проч. И для того онымъ вещамъ приказано подать каталогъ и ихъ для осмотрѣнія перевести въ медицинскую канцелярію, но вы, объявляючи о нихъ, яко бы оныя собственные ваши, перевозить не дали. Того ради, помянутые ящики извольте нынѣ съ посланнымъ отъ медицинской канцеляріи перевести безъ всякаго замедленія, понеже надлежитъ ихъ пересмотрѣть, не имѣется ли подлинно какихъ курьезныхъ вещей, и какъ оныя пересмотрѣны будутъ, то объ отдачѣ вамъ оныхъ и указъ учиненъ будетъ. Л. Блюментростъ».

Въ просьбѣ къ Императору Петру II, Мессершмидтъ писалъ, что онъ не могъ представить привезенныхъ съ собою предметовъ, такъ какъ не были еще готовы составляемые имъ каталогъ и статейный списокъ путешествія. «Мнѣ, прибавлялъ ученый, незнаемо за какия виновности, жалованье удержано, отчего я пришелъ во всеконечное разореніе и недостатокъ. Къ тому же, будучи въ службѣ вашего императорскаго величества и претерпѣвая великіе труды и поѣздки, лишился здравія своего отъ нетерпимыхъ многократныхъ болотныхъ и прочихъ водъ, собирая въ Сибири старинныхъ мамонтовыхъ костей, всякихъ каменьевъ и проч., какъ объ ономъ яснѣе докажетъ статейный списокъ, съ которымъ не могъ еще въ готовности быть для потерянія и недвиждѣнія очей моихъ».

Наконецъ, привезенные Мессершмидтомъ предметы были посланы въ академію наукъ, которая уведомила медицинскую коллегію: «книги и описанія, которыя сочинилъ докторъ Мессершмидтъ, въ краткое время разсмотрѣть не возможно, но токмо профессоръ господинъ Делль объявлялъ, что карты по географической наукѣ сочинены изрядно, а профессоръ антиквитетовъ господинъ Бееръ усмотрѣлъ удивительныя антиквитеты, токмо требуетъ, чтобы съ нимъ имѣлъ огласіе

помянутый доктор Мессершмидтъ для истолкованія нѣкоторыхъ вещей. Профессоръ ботаники, господинъ Буксбаумъ описанія ботаническаго разсмотрѣть не могъ, развѣ присланы будутъ подлинныя тѣ ботаническія вещи».

Въ аттестатѣ, данномъ Мессершмидту отъ академіи наукъ, 8 апрѣля 1728 г., сказано, что изъ вещей, ему собственно принадлежащихъ, удержаны тѣ немногія, которыя могутъ быть полезны для кунсть-камеры. Аттестатъ оканчивается такъ: *Und daneben billig erkundt, das der Herr Doctor Messerschmidt wegen seines vielen ausgewandten Fleisses und der extraordinairnen Unkosten, welche manchmahl zu machen nöthig gewesen, mit einen anständigen Recompense befriediget werde.*

Далѣе, изъ бумагъ Мессершмидта видно, что онъ долго послѣ выдачи ему аттестата хлопоталъ о вознагражденіи за экспедицію и дачѣ жалованья и паспорта. Прошенія по этому случаю писались Мессершмидтомъ на имя царя, въ академію и медицинскую коллегію; о томъ же сообщалъ онъ и въ нѣсколькихъ письмахъ къ знакомымъ нѣмцамъ.

Въ іюль 1728 г., онъ даже подалъ прошеніе къ великой княжнѣ (впослѣдіе императрицѣ) Елизаветѣ Петровнѣ: «Всепресвѣтлѣйшая цесаревна Елисавета Петровна, всемилостивѣйшая государыня! Вашего высочества ко всѣмъ бѣднымъ изъявляемое милосердіе подаетъ мнѣ случай сіе мое всепокорнѣйшее прошеніе вашему высочеству со всею моею покорностью подать, всенижайше прося, да благоволитъ ваше высочество, яко всемилостивѣйшая принцесса, оное въ высокую протекцію милосердно воспріять и приложенную при томъ всеподданнѣйшую челобитную его императорскому величеству, всемилостивѣйшему монарху нашему, вручить. Крайнее мое утѣшеніе принуждаетъ меня, нижайшаго вашего раба, къ вашему высочеству прибѣжище учинить и всенижайше просить за меня, бѣднаго иностранца, у его императорскаго величества всемилостивѣйше предстательствовать, дабы мнѣ заслуженное мое жалованье и паспортъ во отечество мое даны были, чтобы я могъ вынѣшнимъ лѣтомъ на корабляхъ туда возвратиться, понеже въ медицинскоіи канцеляріи по многократнымъ моимъ прошеніямъ никакого рѣшенія о жалованіи и о паспортѣ не получаю и для того съ фамилією моею пропитать себя здѣсь не могу; за которую высокую милость буду я, нижайшій, о благоденственномъ высокомъ здравіи вашего высочества и всего высокаго императорскаго двора Всевышняго Бога неотступно молитвовать».

Послѣ подача этой просьбы, Мессершмидтъ прожилъ въ Петербургѣ еще два года. Въ 1729 г., онъ здѣсь женился на одной дѣвушкѣ, твердо убѣжденный, что она являлась къ нему во снѣ въ бытность его въ Солякамскѣ. Женщина эта, живая и необузданнаго характера, была совершеннымъ контрастомъ съ своимъ меланхолическимъ и преданнымъ наукѣ мужемъ; по смерти Мессершмидта, она вышла за мужъ за адъюнкта академіи Штеллера.

Только въ 1731 г. этотъ ученый могъ выбраться изъ Россіи, но несчастіе преслѣдовало его: онъ потерялъ, на возвращеніи пути въ Данцигъ, кораблекрушеніе и потерялъ все свое имущество. Въ Данцигѣ усилилось въ Мессершмидтѣ мрачное настроеніе духа, и онъ снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ 1735 году. Честный и несообщительный, докторъ считалъ унижительною для себя просить должнаго по заслугамъ его вспоможенія и послѣднее время жилъ при пособіи нѣкоторыхъ изъ друзей, а также Феодана Прокоповича ¹⁾.

XIII.

Руконисные стихи и похвальныя слова, хранящіяся въ кабинетѣ Петра Великаго. Панегирикъ братьевъ Лихудовъ. Прозанческія и стихотворныя произведенія по случаю полтавской побѣды. Стихотвореніе Михаила, валдайскаго пастушка, 1718 года. Слово Сеферія Лихуда. Кантата Михаила Ширяева.

Въ Россіи начала XVIII столѣтія, произведенія, чисто литературныя, состояли въ панегирикахъ и прославительныхъ стихахъ, писанныхъ на разные случаи, это — предвѣстники тѣхъ похвальныхъ словъ и громкихъ одъ, которыми преизобиловала наша литература въ продолженіи всего XVIII вѣка. Преувеличеніе и сервиллизмъ подобныхъ сочиненій очень понятенъ, если вспомнить, что ораторы и поэты воскуряли емиамъ по обязанности, не рѣдко по приказанію, чаще изъ желанія получить награду или какія нибудь преимущества. По этому, едва ли панегирики и оды могутъ подлежать разсмотрѣнію серьезной исторіи литературы и скорѣе служить матеріаломъ для объясненія нравственной стороны извѣстной эпохи, такъ какъ изъ нихъ видно, въ какой степени и мѣрѣ авторъ не считалъ неприличнымъ выражать предъ всѣмъ свѣтомъ свой обязательный восторгъ при прославленіи того или другаго лица, того или другаго событія. Напр., не можетъ быть не характеристично, что одинъ ораторъ начала XVIII вѣка, превознося въ церкви хвалами Меншикова, прославлялъ его и за разореніе Батурина, гдѣ, какъ извѣстно, не были пощажены даже жены и дѣти единоплеменниковъ оратора. Униженность и подобострастіе авторовъ, когда они сами себя охотно называли недостойнымъ подножіемъ ногъ властителя или униженнѣйшимъ, послѣднимъ рабомъ его, готовность ихъ быть прахомъ передъ сильными —

¹⁾ Backmeister, Essai sur la bibliothèque et le cabinet de l'Académie des sciences de Pétersb. (1776), стр. 160—161, Pallas, Neue nordische Beyträge III, 97—104; Исторія медицины Рихтера, I. с.

могутъ разъяснить то: какимъ значеніемъ пользовалась у насъ литература въ обществѣ и что было за вліяніе ея на современниковъ? Разсмотрѣніе похвальныхъ словъ и одъ съ этой точки зрѣнія могло бы даже быть наставительно, но едва ли найдется такой изслѣдователь, у котораго бы достало силъ на печальный трудъ писать исторію нравственнаго униженія человѣческаго достоинства въ людяхъ, которые часто безсознательно надали ницъ передъ властію и силою, тогда какъ, по образованію и дарованіямъ, они могли бы идти въ главѣ народа и быть смѣлыми руководителями его, а не прихлебателями, ждущими подачки отъ сильныхъ.

Въ похвальныхъ словахъ и одахъ также встрѣчаются иногда намеки на современныя событія и мнѣнія, намеки, которымъ слѣдуетъ вѣрить съ осторожностью, но тѣмъ не менѣе не лишены интереса, если не для исторіи литературы, то для изслѣдователей данной эпохи. Въ кабинетѣ Петра Великаго охраняется нѣсколько рукописныхъ изъ такихъ произведеній; замѣчательныхъ, прежде всего, своею рѣдкостью, и потому знакомящихъ съ приемами и манерою писателей панегиристовъ петровскаго времени.

Изъ нихъ первое, въ хронологическомъ порядкѣ, мѣсто принадлежитъ похвальному слову грековъ Лихудовъ, написанному по случаю взятія Петромъ Азова и возвращенія царя въ Москву въ 1697 году ¹⁾.

Оно начинается классическимъ уподобленіемъ: подобно тому, какъ природа радуется появленію солнца, такъ русскій народъ ликуетъ при возвращеніи царя изъ похода. «Ради всѣхъ царскихъ твоихъ дарованій, да престанетъ селенная вся о своихъ благодатяхъ возвышаться. Да престанетъ, глаголю, Испанія о своихъ круницѣхъ хвалиться; да престанетъ Далматія о златѣ гордиться; да престанутъ благополучиѣншіе острова о своихъ воздухопарищихъ птицахъ кичиться; да престанетъ Вавилонъ о своихъ прекрасныхъ ковръхъ возвышаться; да престанетъ Фликія о своихъ порфирѣхъ взматися; да престанетъ Македонія о своихъ квасцѣхъ честно мѣтися; да престанетъ и Спартія о своемъ алаѣстрѣ благородствоватися; да престанетъ Ассирія о своей вамвакіи тщеславитися; да престанетъ Іудея о своемъ вамамѣ удобритися; да престанетъ Киклія о своемъ крокосѣ возвышаться; да престанетъ Фригія о своихъ присноцвѣтущихъ кинареобѣхъ гордиться; да престанутъ Аенны о своемъ восцѣ и медѣ славитися; да престанетъ Іудумеа о своихъ высокоцѣльныхъ фи-

¹⁾ Ркп. И. армятажа въ 1^о, полка 3, № 94; подлинникъ, въ бархатномъ переплетѣ, имени царя и его предковъ писаны золотомъ. Нач.: «Аще по озареніи дне». Это слово до сихъ поръ было извѣстно только по заглавію: ср. Исторію москов. академ., г. Смирнова, стр. 64, гдѣ оно приписано Іоаннію Лихудѣ, но въ текстѣ говорится во множественномъ числѣ отъ лица авторовъ: мы, странній, богомольцы и т. п.

никахъ свѣтлѣтися; да престанетъ Еѳіопія о своихъ ароматскихъ благовоніяхъ, Геновское море—о своихъ каменодревесныхъ, именуемыхъ королькахъ, Пафосъ—о своихъ цвѣтѣхъ, Аравія—о преимущественныхъ благовоніяхъ, Нумидія—о мраморныхъ каменѣхъ, Океанъ—о бисерѣхъ дражайшихъ, Персія—о нардѣ, Галлія—о своихъ яблоцѣхъ, Португальонъ—о своихъ попугаѣхъ, Врундизіонъ—о своихъ зерцалѣхъ, Савва—о ароматскихъ ливанѣхъ,— да престануть си вон гради, да престануть еже тщеславитися, зане ты, о богособлюдаема Россія, не единою благодатью токмо присутствуеша преудобренная, но безчисленными... мужества благочестивѣйнаго царя твоего Петра Алексѣевича...

Въ словѣ нѣсколько разъ говорится о возстановленіи Греціи и изгнаніи турокъ изъ Европы. Извѣстно, что грекамъ, униженнымъ и побѣжденнымъ, оставалось только надѣяться на помощь русскихъ, ихъ единовѣрцовъ. Эта надежда высказывалась греками въ Россіи съ самаго взятія Константинополя, и это очень льстило національному нашему самолюбію, даже—въ недавнія времена. Лихуды говорили о русскомъ орлѣ: «орелъ сей и ко Седмихолму (т. е. Царь-граду) имущъ летети и честный крестъ на благоукрашенные храмы водружая, селенная вся благочестивѣйшему и тишайшему московскому царю, всея же великія, малыя и бѣлыя Россіи и многихъ иныхъ земель и господарствъ сѣверныхъ, восточныхъ же и западныхъ самодержцу, державнѣйшему Петру Алексѣевичу и константинопольскому августѣйшему и благовѣичанному самодержцу поклонятся... О, препрославнѣйшая и благополучнѣйшая Москва! помани прореченія, яже въ пришествіи нашемъ сѣмо въ царствующій предъ царскимъ и непобѣдимѣйшимъ семь величествѣ и всемъ высочайшимъ свѣтлѣтомъ возсіяша: не явно ли ти возгремѣхомъ, яко царь московскій, по божественнымъ и градскимъ законамъ, и самодержецъ константинопольскій воспроевѣстятъ?.. Нынѣ къ тебѣ, благочестивѣйшему, православнѣйшему и непобѣдимѣйшему царю Петру Алексѣевичу, и ко всемъ доблственнѣйшимъ княземъ царскаго твоего величества, бояромъ, воеводамъ и воинномъ и всякого убо чина человѣки обращаемъ ѿ, поклоненно обращающе, глаголемъ: чесо ради времени оставляемъ преходити—ни единъ въ насъ страхъ да будетъ, вся боязнь на Моамеѣа нападе! Зане великій и безсмертный чиновачальникъ намъ Исусъ Христосъ... знаменія наша есть крестъ... Ей, ей, пресвято, лѣпотно и праведно, непротиво-глагольно кійждому своему наслѣдіе зыскати! И аще убо тако есть истина, не ваше ли наслѣдіе Константиноградъ? Не лѣпотствуетъ ли твоему царскому величеству скипетры, вѣнцы и престолы Оюріа и Аркадіа, приснопамятныхъ самодержцевъ константинопольскихъ? Не наслѣдіе ли православныхъ царей мѣста святія, идѣ же Спаситель нашъ воплотися, святый вертепъ, идѣ же избавитель нашъ родися?»

и т. д.

Сказаніе радостнаго и торжественнаго триумфа, еже сотворися вхожденіемъ его пресвѣтлѣйшаго величества, великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, малыя и большыя Россіи самодержца, преславнаго суща побѣдителя шведовъ и внутреннихъ своихъ враговъ (многоглавой гидры). Како той великій монарха, сего 1709 года декабря 21, великіе плоды своей несравненной вѣкторіи съ плѣнными шведскими генералы, вышними и съ нижними офицерами и съ прочими шведскаго короля служителями, со знаменны, артиллерією, мушкетією, канцелярією и съ прочими различными добычами въ своихъ свышеполученныхъ подъ Полтавою, Лѣснымъ и Переволочною вѣкторіяхъ, со славою и помпою велією, въ Москву благоволилъ есть внести ¹⁾.

Передъ заглавіемъ, на особомъ листѣ, нарисовано тушью перомъ: двуглавый орелъ, на груди котораго портретъ Петра; въ одной лапѣ орла мечъ, въ другой — умерщвленный левъ. Внизу — Геркулесъ убиваетъ палцею седмьглавую гидру; нѣскольکو всадниковъ, обращенныхъ въ бѣгство, скачутъ въ сторону, гдѣ въ облакахъ изображена луна (удаленіе Карла XII въ Турцію). При томъ стихи:

Яко Геркулесъ седмьглавну побиждаеть,
такъ царь нашъ Петръ седмь врагъ си сокрушаеть:
Шведовъ со клеветы прогна и побѣди,
внутреннихъ враговъ возставшихъ порази!
Великъ еси царь, вѣкторію пріялъ
триумфомъ твой Господь главу твою вѣчалъ.
Воздаждь же за сіе небесному царю,
да той пакы предасть враговъ ти силу всю!

Прежде всего, въ сказаніи повѣствуется, какой славный народъ шведы и какою громкою извѣстностью пользовалось оружіе ихъ до послѣдней войны съ Россією. Въ доказательство перваго, приводится свидѣтельство лѣтописца Беерна о происхожденіи шведовъ: родоначальникомъ ихъ былъ никто иной, какъ самъ Магогъ, сынъ Іафета, а у него было пять сыновей — одинъ Свениъ далъ начало свенинамъ; братъ его, Гефоръ или Гогъ есть праотець готовъ. Во времена рождества Спасителя, въ Швеціи былъ Эрикъ, а всего до Карла XII отъ потопа было тамъ 106 королей. Разказы о подвигахъ шведовъ кончаются завоеваніями Густава Адольфа.

Главною причиною войны между Россією и Швецією авторъ панегирика полагалъ дурной пріемъ русскаго чрезвычайнаго посольства въ Ригѣ шведскими властями (хотя извѣстно, что наступательный союзъ Россіи и Даніи противъ Швеціи былъ заключенъ первыми державами прежде отправления помянутаго посольства). Весь ходъ

¹⁾ Ркп. И. зрмитага, въ 1°, полка 3, № 93. Нач.: «яко же убо во брагахъ».

войны отъ нарвскаго до полтавскаго сраженій описанъ риторически, съ непрерывными обращеніями къ примѣрамъ изъ древней исторіи. Послѣ разсказа, какъ Амилкаръ вотще старался овладѣть Сиракузами, слѣдуетъ: «однакоже кралю шведскому мысли и сердце твердою надеждою несомнѣнной побѣды бѣ исполнено, всѣ совѣты искусныхъ своихъ генераловъ презрѣвъ, по обыкновенію своему, объѣздя свои полки и всѣмъ куражъ наговоря, сказалъ имъ, что на единыхъ токмо шпагахъ вы русскихъ солдатъ прогнать можете, и тѣ русацы, увидя храбрость вашу, абіе оружіе броса, сами побѣгутъ. Сіе же ему изрекшу, съ воинствомъ своимъ рано, еще до восхода солнчна, на редуты государскіе дерзновенно пошелъ и два редута недодѣланныхъ взялъ. Потомъ зѣло смѣло на достальныя редуты бросился, изъ которыхъ такую ему стрѣльбою подали огонь, что многихъ тутъ на мѣстѣ мертвецовъ своихъ оставя, тѣ редуты прошедъ, ударилъ на полки государскіе, вознепшуя всѣхъ абіе вскорѣ прогнати. Обаче тіи отъ славы древней славенскія войны сему руководлю, прирѣніемъ великаго монарха нашего изученные, наждавъ ихъ на себя, дали въ непріятеля изъ пушекъ и мушкетовъ такую страшную стрѣльбу, что ихъ множество пало. А другихъ наши войны багинетами, шпагами и копьями поколовъ, заднихъ нѣсколько версть гнали, иже ушедъ, стали обозомъ подъ мѣстечкомъ Переволочною. И тако меньше дву часовъ съ небеси дарованная, царскаго величества оружіемъ полученная викторія совершилася».

За тѣмъ описаны подвиги личной храбрости въ сраженіи государя и кн. Меншикова. Когда рѣчь дошла до бѣгства Карла XII въ Бендеры, то прибавлено отъ автора: «азъ разсуждаю, яко достойнѣе было ему отдаться христіанскому нашему великому государю, иже бы лучше его содержалъ и миромъ одаровалъ, дружбы утвердя, скорѣйше въ отчизну отпустилъ»...

Далѣе приведены примѣры бѣдственнаго конца всѣхъ возстаній противъ законныхъ государей, при чемъ изъ русской исторіи упомянуто о Годуновѣ, Отрепѣвѣ и Разинѣ. Потомъ сдѣланъ переходъ къ описанію триумфальнаго вшествія въ Москву, послучаю полтавской побѣды. Здѣсь опять приведены историческія свидѣтельства о триумфахъ побѣдителей — отъ Моисея до Людовика XII включительно. Обращаясь къ полтавскому сраженію, авторъ дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: «о превеликое дѣло божіе, иже преславному монарху нашему такую великую дарова на враговъ его викторію, мною, не точію за шведскую гордость и высоту злыхъ ихъ намѣреній, но и за благодарныя поступки его государскихъ рабовъ, измѣнниковъ Мазепы, и донскихъ и прочихъ враговъ, иже въ самое время, вмѣсто помощи, воздвигша своя оружія, на Господа и на Христа своего устремившея, како бы неповинныхъ его государскихъ рабовъ поирати и весьма погубити! Познайте, о россияне, непостижимыя премилосердаго не-

беснаго великаго нашего царя судьбы, како злокозвенныхъ тѣхъ враговъ мысли, яко воду, разсыпа и, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра, прогна!»... Въ заключеніи есть описаніе торжества въ Москвѣ 18 декабря 1709 и 6 января 1710 года.

— «Къ пресвѣтлѣйшему, благополучнѣйшему и великодержавнѣйшему монарху, великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Россіи повелителю, отцу отечества, побѣдословныя рече-мы и пѣсни ¹⁾». Онѣ помѣщены въ журналѣ Гюйсена въ Собраніи записокъ о Петрѣ В., Туманскаго, т. VIII, стр. 127 и слѣд.

Докторъ Бидлоо, сынъ автора извѣстнаго курса анатоміи ²⁾, является также сочинителемъ эмблемъ и надписей на торжественные случаи. Такъ сохранилось ³⁾ его описаніе триумфальныхъ вратъ въ 1709 году, съ такимъ надписаніемъ: «Величайшему и благочестивѣйшему изъ кесарей, Петру Алексѣевичу, присноумножителю (переводъ слова *augustus*), триумфуетъ надъ свейскими воинскими силами, еже весьма поражено или плѣнено, и ихъ король прогнанъ, измѣны или бунты утолены, коронованныя главы земель и градовъ паки въ первое состояніе постави и разные своему владѣнію порабощенны учини въ лѣто 1709».

На оборотѣ заглавнаго листа объясненіе надписей на вратахъ; за тѣмъ акварельный рисунокъ ихъ: наверху Слава держитъ изображеніе царя съ надписью: «токмо отъ оего намъ спасеніе — *Hinc sol solus*»; на фронтонѣ надпись: «*De bellatis, superbis M. Petro Alexiewitz, caesari triumphanti*»... На оборотѣ того же листа предтавлены боковыя изображенія вратъ, гдѣ, между прочимъ, есть Геркулесъ съ Земнымъ шаромъ на плечахъ, на которомъ надпись *Moscoa*; объясненіе: «ниже міръ на раменахъ понесе: *humeris qui sustulit orbem!*»

«Державнѣйшій цесарь, милостивѣйшій царь, нишегъ въ посвященіи Бидлоо, во время, въ которомъ вы овецъ отъ своего поту храбрости, труда и отеческаго попеченія за отечествіе во владѣніе свое приносяшь (умноженіемъ своего государства, искушеніемъ (?) своего народу, укрощеніемъ гордыхъ, утоленіемъ бунтовъ, одержаніемъ великихъ полевыхъ боевъ, преодоленіемъ и спасеніемъ градовъ и цѣлыхъ государствъ, введеніемъ хитростей искусствъ, обороненіемъ преодоленныхъ и утѣсненныхъ и наказаніемъ злыхъ), пристоятъ вамъ всякой триумфъ, всякая честь и совершенное склонное сердце отъ всѣхъ вашихъ подданныхъ. Ей, сіе есть токмо знакъ благодаренія, но весь—

¹⁾ Ркп. И. эрмитажа въ Г, № 96, полка 3. Нач.: «Свѣтъ русскія земли».

²⁾ Bidloo Gouard—Ontledning des menschlyken Lichnaams entgebeeld naar het leeven in 105 Afte keningen door de Heer Gerard de Lairesse, Amsterdam 1690. Рукописный переводъ этого сочиненія на русск. яз., съ выписаннымъ печатнымъ голландскимъ заглавіемъ, рисунками и портретомъ автора, въ рукописяхъ И. эрмитажа полка 5, № 31, въ Г.

³⁾ Ркп. И. эрмитажа, въ 4^о, полка 3, № 32; на переплетѣ оттиснуто золотомъ «*Caesari triumphanti: anno 1709*».

ма не воздаянія за такія великія дѣяства или труды, отъ вашего величества за оныхъ учиненныя... Между сими азъ, вашего величества подданныйшій и вѣрнѣйшій слуга, воспріемлю вольность, нѣчто малое для чести вашей изобразивъ, толкованіемъ тому вамъ, всеподданнѣйшій и послушнѣйшій, поднесъ, уповавъ, что мое склоннѣйшее сердце болѣе мѣста въ милости вашего величества, нежели какъ дѣло, которое онымъ сочинено есть, изобрѣтетъ, понеже ниже символы, ниже нѣкоторыя письма возмогутъ удовольствоваться, дабы главу вашу по достоинству изобразити. Азъ вѣще чрезъ символы и надписи ваши достоинства, цноты, непріятельскія дерзновенія и неосторожности, нежели нѣкоторые, партикулярные полевые бои или великодушныя дѣяства хотѣлъ изобразити, понеже сіе всѣи вселенней довольно извѣстно, и отъ таковаго государя ни что же иное ожидаемо суть. — Все сіе дѣло (т. е. врата) стоитъ, или утверждено на осьми плоскихъ столпѣхъ, между которыми четыре рамы будутъ; въ каждой оной трофея, си есть знакъ побѣды со обвѣщеннымъ оружіемъ, окованными пльвники отъ шведовъ, отъ казаковъ и иныхъ народовъ». Потомъ слѣдуютъ изъясненія картинъ и подписей, а въ концѣ автографа сочинителя: *Nicolaus Bidloo M. D.*

Въ другой разъ, Бидлоо придумалъ двѣ эмблематическія картины на возвращеніе царя изъ втораго заграничнаго путешествія. Здѣсь также есть изображеніе Петра, съ подписью: *vegit de lumine lumen*, и колесница, на которой сидитъ царь, везома Любовью и Мудростью, вдали Москва и проч.

«Всероссійскій монарха, царь и государь милостивѣйшій, сказано въ объясненіи къ картинамъ, понеже чрезъ толь многіе годы вашею монаршею презентією не веселихомся, ниже солнце вашего сіянія насъ лучами своими озаряло, аще и подъ кровомъ милосерднымъ вашія царскія даржавы охраняемы быхомъ, обаче въ печалѣхъ препровождомъ дни наша, донелъ услышали не вдавъ, что лучами вашей свѣтлости озаримся. Того ради, тако возвеселихся, яко праведный Ной по неблагополучномъ времени потопа, егда мглою и тьмою долго обдержимъ бѣ, божей способствующей благодати солнце, всѣхъ освѣщающее, видѣти сподобихся. Сію мою радость и веселіе эмблемами на приходъ вашего царскаго величества изъяснити и подъ стопы ногъ вашихъ подклонити дерзвухъ всемирно». Въ концѣ таже подпись Бидлоо съ обозначеніемъ 1717 года¹⁾.

Слѣдующее стихотвореніе, подъ названіемъ «Предисловіе во приѣзство царскому величеству, врученное 1718 года марта 19 дня» подписано Михаиломъ, затѣйливо назвавшимъ себя валдайскимъ пастушкомъ²⁾:

¹⁾ Ркп. И. эрмитажа № 53, полка 3, въ 4°, нач.: «Понеже чрезъ толь».

²⁾ Ркп. И. эрмитажа, въ 4°, полка 2, № 59.

Что гдѣ прославляется, яко мудрость,
и что толико хвалимо, велико храбрость?
Ничто ино равно тѣмъ быти возмогаетъ,
точію едина любовь та достизаетъ;
ибо вся добродѣтели въ той содержатся,
ей же и мудрость, и храбрость приснообщатся;
но что много о семъ глаголъ распространяти
и разными винами туку опредѣляти?
Единою достоятъ о ней рещи,
яко та путь оныхъ понуждаетъ всѣхъ тещи;
тѣхъ же мудрости и храбрости твердый союзъ
твердѣйшъ бываетъ, паче всѣхъ нерышнмыхъ узъ.
Мудрость бо вся добръ правити наставляетъ,
храбрость же страны си отъ враговъ охраняетъ;
а идже двоица сихъ совокупленна есть,
тамо какова суть и молитва, всякъ довольно вѣсть.
Она убо добродѣтелей научаетъ,
сія же мужественно враги побѣждаетъ.
Кто же сицевою двоицею богатѣетъ?
монархъ росіискъ, яко двукрылату имѣетъ,
има же, яко орелъ гнѣздо, си покрываетъ,
царство росско невредимо отъ врагъ соблюдаетъ;
касающихся сему лють терзаетъ,
не точію птячищъ, но и льва сокрушаетъ!
О, монарше храбрый, толико ти есть храбрость
и такова расти умудряюща мудрость,
яко никто изглаголати есть доволенъ,
токмо удивленія бываетъ исполненъ;
отъ удивленія же страхъ си умножаетъ
и до достодолжны услуги унижаетъ.

Кто не дивится толику мудрость царя зрящъ,
яко усерднѣ пребываетъ выну къ ней блящъ.
Его же упремудри Россію толико,
яко и врагъ нашъ долженъ есть рещи: велико
нечаяхъ Россіи таково тебѣ быти!
Откуда же дерзнухъ противъ пути изыти?
Неслышалъ таково въ тебѣ обученія,
яко нынѣ дивна зрю поведенія,
не видѣхъ прежде у тебя наукъ гражданскихъ,
ниже регулярныхъ обхожденій воинскихъ.
Нынѣ искусивъ, увѣрихся неложно,
яко и похвалити уже тыя можно,
ибо плодъ свободныхъ наукъ предивно цвѣтетъ
и въ велие удивленіе спышно растетъ.
О регулярствѣ же войскъ и слово есть скудно,
заже пространно о семъ рещи весьма трудно:
всѣмъ бо странамъ зѣло извѣстно есть и явно,
како россовъ врази побѣждаются славно.
Кто жъ иной таковъ слышится побѣдитель,

яко же Петръ первый россійскихъ повелитель?
О, царю, богомудрый, кто ти не дивится?
не точію всякъ дивится, но и страшится.

Кто бо не страшится храбра царя толіка,
въ мудрости предивна и въ мужествѣ велика?
Ему жь таковы суть добля кавалеры,
ниже веледушіе имуть паче мървы.
Мужественно отечество си защищаютъ,
нападающихъ же врагъ въ бѣгство обращаютъ;
державныхъ до бою славно побѣждаютъ
и остреемъ меча жестоцъ посяцаютъ.
Мнозвхъ же, яко храбримъ обычивъ, пльняютъ
и славу ихъ на безславіе премѣняютъ.
Кто же храбрость сію вкоренити возможе?
Императоръ Петръ, ему же самъ Богъ поможе,
и мужество толіко кто иной являетъ,
яко той державный при браняхъ поступаетъ,
и не токмо въ кавалеріи воюетъ,
но и въ инфантеріи храбро маршируетъ.
Что видя, кто тя, о монарше, не похвалитъ
и, бодрость инфантерску зря, кто не прославитъ?

Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ, всенедостойнѣй-
шій пастушокъ Михайлъ валдайскій землемещуся.»

Этотъ же валдайскій пастушокъ написалъ два стихотворенія: а) Во привѣтствованіе царскому пресвѣтлому величеству счиненны со исторіи побѣдительныхъ надъ свейскимъ королемъ и его воинствомъ вѣще же взято отъ полтавскія исторіи, въ честь и похвалу цареви и его воинству (Егда свѣтлое пресвѣтлаго), вмѣстѣ съ другою пьесою: «Изъявленіе побѣдъ россійскаго монарха и его воинства надъ свейскимъ королемъ (Егда издревле Курціи)» и б) «Наше радостное триумфованіе Россіи, полученное чрезъ неусыпные труды великодержавнѣйшаго монарха Петра Перваго, всероссійскаго всемилостивѣйшаго государя, царя и трудолюбивѣйшаго императора и отца отечества (Ликуй россійска)». Оба стихотворенія въ Кабинетныхъ дѣлахъ ¹⁾; первое изъ нихъ обозначено 15 декабремъ 1717 года, и съ боку есть приписка: «валдайскаго попа Михайла». Это былъ не одинъ изъ духовныхъ, который именовалъ себя пастушкомъ: въ письмахъ Стефана Яворскаго къ Петру Великому онъ часто подписывался: «Стефанъ — пастушокъ рязанскій».

«Триумфъ о благополучнѣйшемъ и преславномъ вѣчномъ мирѣ.. Петра Великаго, отца отечества, государя всемилостивѣйшаго, съ свейскою короною. Сочиненъ его императорскаго величества отъ послѣднѣйшаго раба и днеошнаго богомольца, Софронія, іеромонаха и

¹⁾ II, № 31 л. 589—592, № 56 л. 734.

учителя Лихудія, кефалинитина, въ лѣто отъ Христа 1721, декемвріа, въ Москвѣ ¹⁾). Въ началѣ рисунокъ тушью, одѣянный весьма искусно: вверху двѣ аллегорическія фигуры Славы вѣнчаютъ короною изображение Петра, который представляеть въ латахъ; по сторонамъ Меркурій и Марсъ; внизу атрибуты торговли и войны.

Все слово состоитъ изъ риторическихъ похвалъ царю: ораторъ восхваляется его лицомъ, ростомъ, подвигами и т. п. «Родился онъ не первородный, говоритъ между прочимъ греческій риторъ, да не возмнится, яко сего ради взялъ еси преемство царства, но и ради благодатей твоихъ и иныхъ, яже имуть быти по предвѣднію всемогущаго Бога и распространенію сего твоего государства и утвержденію христіанства; родился еси не второродный, понеже по божію предвѣднію не бѣ оное время, въ которое имѣли совершатися она, яже въ сію время совершася со славою неизреченною и въ будущее подобіе совершатся; но родился еси послѣдородный, понеже благочестивѣйшій царь, отецъ твой подражалъ естеству древъ, которыя перво произносятъ цвѣты, тоже листвіе и потомъ плоды. Благополучивѣйшее твое рожденіе учинилося по подражанію благочиннаго движенія небеснаго осмого круга, который кругъ прежде дне перво намъ предпосылаетъ звѣзду Афродитину, таже шафранопестрый востокъ и потомъ солнце»...

«Петру Великому, государю нашему, первому верховному самодержцу всероссійскому, вашему пресвѣтлѣйшему величеству, во благознаменитый день праздника вашего, въ день обновленія побѣдоносныя славы полтавскія и въ другихъ нынѣ прежнимъ сообщеннымъ побѣдамъ торжествующему побѣдителю, премудрой главѣ церковной со всепокорнѣйшею рабскою должностію приношу М. Ширяевъ ²⁾». Въ концѣ 1721 года.

Это должно быть кантата, пѣтая по случаю торжествъ въ 1721 году: въ ней прославляютъ побѣды Петра надъ шведами. Вотъ для примѣра нѣкоторыя строфы, видимо составленныя для церковнаго пѣнія:

«Свел, на нюже ни возста, ни побѣди кто когда. Войско же его не попра широта европская: Петръ первый побѣдилъ есть. Господи, его же ввелъ еси въ славу, по благодсти твоей, хваляща и поюща побѣдную пѣснь».

«Побѣдивый свейское войско повелѣніемъ твоимъ и разрушивый неодолима въ хищности льва, недвижимымъ Христе каменемъ въ побѣдахъ Россію паки утверди, едине Боже и человекѣлюбце».

«Божественное твое разумѣвъ вспоможеніе, побѣждающій царь

¹⁾ Ркп. И. зрмитажа, въ 6°, № 84, полка 3. Нач.: «Издавна размышляхъ въ себѣ».

²⁾ Ркп. академіи наукъ, въ 4°, № 119; начало: «Твоя побѣдительная».

Петръ съ должностію, Христе, вои́яше тебѣ: во спасеніе людей твоихъ, спасти помазанника пришель еси!»

«Неистновавшаго ся въ люто́сти, правдо́тлѣннаго, владыко Христо́сѣ, лѣва свейскаго укротивъ, утверди Россію, яко благоутробенъ».

«Враговъ низложеніе богородична молитва, поражающая свельнъ, проповѣдная въ чудесахъ неповреждающа, но соблюдающа пѣсно-словцы Бога отецъ нашихъ ¹⁾»...

XIV.

Средневѣковыя мистеріи и отношеніе ихъ къ стариннымъ театральнымъ зрѣлищамъ въ Россіи. Мистеріи въ Малороссіи. Обрядъ нещнаго дѣйствія во Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ. Переходъ польской и малорусской мистеріи во Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Извѣстія современниковъ о театрѣ и актерахъ Петровскихъ временъ. Тогдашнія русскія пьесы съ намеками на современныя событія и лица. Переводы европейскіхъ драматическихъ произведеній.

Ни одна отрасль поэзіи не представляетъ изслѣдователю такого обширнаго поля для историческихъ сравненій, какъ драматическая. Имѣя дѣло съ жизнью, и непосредственно вытекаая изъ нея, драма, болѣе лирики и эпоса, сохраняетъ въ себѣ слѣдовъ народныхъ взглядовъ и убѣжденій. И это весьма естественно, потому что драма въ основѣ своей непременно заключаетъ настоящее; хотя же содержаніе ея часто заимствовано изъ прошедшаго, но оно какъ-бы вновь оживаетъ на сценѣ и дѣлается современнымъ зрителю.

Драма находится въ родствѣ съ пластикою; и та, и другая, дѣйствуя на чувства, взаимно соприкасаются. Такъ въ Германіи XIV столѣтія ²⁾, когда замѣтно развитіе драматическихъ представленій, стали являться книжки съ картинками; въ XV вѣкѣ, тамъ уже было не въ обычаѣ, написавъ книгу, не приложить къ ней, въ видѣ объясненія, изображеній; для людей малограмотныхъ эти послѣднія замѣняли оамый текстъ книги, и чѣмъ болѣе составлялось сочиненій для народнаго чтенія, тѣмъ болѣе замѣтно въ нихъ картинокъ. Произведенія съ рѣзанными на деревѣ изображеніями, — предвѣстники печатныхъ книгъ, — имѣли въ виду, какъ потомъ и эти послѣднія, мистическія и благочестивыя сочиненія, находившія такой отличный приѣмъ въ XV

¹⁾ Печатныя привѣтствія панегірики и вирши описаны въ хронологическомъ порядкѣ во 2-й части настоящаго труда.

²⁾ О мистеріяхъ въ Германіи и Польшѣ смотри: «Geschichte der Deutschen Dichtung, von Gerwinus, «Pismienictwo polskie» Мацѣвскаго, «Historia literatury polskié», Вишневскаго.

вѣкъ, именно: легенды, календари, апокалипсисъ и т. п. Здѣсь изображенія играли главную роль, а текстъ состоялъ изъ коротенькихъ поясненій. Все, что было выше чувствъ, старались представлять осязательнымъ, все духовное—вещественнымъ. Это направленіе вызвало аллегорію; отвлеченныя понятія добродѣтелей, также какъ грѣховъ и пороковъ, являлись подъ человѣческими лицами. Но этого было мало: изображеніе все-еще не казалось достаточно живымъ, и потому-то часто къ нему прибавлялась надпись, выходящая изъ рта нарисованной фигуры и замѣнявшая недостатокъ слова.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такое время, въ самой Церкви западной Европы явилось стремленіе, посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ и церемоній объяснять таинства вѣры. Не подлежитъ сомнѣнію, что драматическое искусство впервые обязано своимъ существованіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ духовенству и монастырямъ. Ими была принята и усвоена драма,—но драма религиозная и чисто-христіанская, имѣвшая задачей укрѣпить умы зрителей въ истинахъ вѣры, сдѣлать вѣрованія Церкви доступными для большинства. Съ теченіемъ времени, религиозныя представленія давались съ болѣею и болѣею пышностью и торжественностью, потребовалась помощь мірянъ, и они стали принимать участіе въ подобныхъ драмахъ. Вскорѣ этотъ обычай до такой степени распространился, что папы и епископы сочли нужнымъ ограничить его, и съ этою цѣлью не разъ издавались строгія постановленія, запрещающія въ храмахъ зрѣлища, а также участіе въ нихъ духовныхъ лицъ. Но, несмотря на такія мѣры, духовныя власти должны были впоследствии дѣлать уступки господствовавшему вкусу. Въ XIV вѣкъ, во Франціи и Нидерландахъ, мистеріи представлялись уже публично, тогда же нѣчто подобное встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи. Въ XV вѣкъ этотъ обычай распространился повсемѣстно и нигдѣ не встрѣчалъ осужденія.

Въ Германіи исполненіе религиозныхъ пьесъ было предоставлено народу, ремесленникамъ и студентамъ; въ Англии и Франціи въ драматическихъ представленіяхъ принимали участіе и высшіе классы общества; тамъ они исполнялись съ болѣею пышностью и, конечно, съ болѣею издержками. Въ послѣдней странѣ, мистерія рѣшительно сдѣлалась публичнымъ зрѣлищемъ, въ которомъ, при великолѣпной обстановкѣ и сложности машинъ, принимали участіе и дворъ и дворянство. Любимымъ сюжетомъ представленій тамъ была чудеса Богородицы; скоро эти представленія совершенно отдѣлились отъ церковныхъ празднествъ и послужили переходомъ къ свѣтскимъ пьесамъ, написаннымъ по образцамъ древнихъ, и съ соблюденіемъ знаменитыхъ трехъ единствъ.

Отличительный характеръ старинныхъ западныхъ мистерій состоитъ въ томъ, что чѣмъ онѣ древнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ сохра-

нился богослужебный характер; притомъ, древнѣйшія писаны на латинскомъ языкѣ, на которомъ происходила божественная служба (*Ludus paschalis de passione Christi, ludus de nocte paschali* и пр.). Иногда мистеріи давались въ продолженіи двухъ, трехъ и даже семи дней. Въ позднѣйшихъ замѣтно болѣе искусства въ изложеніи, причемъ исключены ненужные и не идущіе къ дѣлу эпизоды, а введены такіе, которые имѣли близкое отношеніе къ жизни. За тѣмъ являются сцены, заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта; отъ времени до времени, представленія новозавѣтной исторіи прерываются междудѣйствіями, въ которыхъ выводятся лица и приключенія изъ Ветхаго Завѣта. Такимъ образомъ, исторія Сусанны предшествуетъ событію изъ Новаго Завѣта, когда Христосъ прощаетъ раскаявшуюся блудницу; Давидъ и Голиафъ выводятся предъ входомъ Спасителя въ Иерусалимъ; за продажею Іосифа братьями слѣдуетъ предательство Іуды и т. д. Въ этихъ междудѣйствіяхъ и вводныхъ эпизодахъ по большей части избирались такіе случаи изъ Ветхаго Завѣта, которые въ самихъ себѣ уже заключали единство драматическаго дѣйствія и характера, что приближало ихъ къ классической трагедіи. По этой-то причинѣ, сюжетами для мистерій всѣхъ европейскихъ народовъ были преимущественно приключенія Навуходоносора, Эсѣри и Амана и т. п.

Сначала въ мистеріяхъ не допускался комическій элементъ, но его присутствіе какъ-бы предчувствуется въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ этого рода. Комизмъ, по существу своему, носитъ въ себѣ характеръ пластики. Тѣлесные недостатки, уродство и безобразіе — вотъ предметы, которые сама природа предоставила насмѣшкѣ. Передразниваніе этихъ недостатковъ, обезьянничаніе ихъ — составляетъ уже попытку ввести въ искусство комическій элементъ. Поэтому, демонъ старинныхъ мистерій можетъ считаться первообразомъ всѣхъ карикатуръ и смѣшныхъ изображеній послѣдующихъ временъ. Комизму, по самому свойству его, необходима разговорная форма: большая часть шутокъ, остротъ и мѣткихъ насмѣшекъ древнихъ и новыхъ писателей являются въ разговорахъ.

Германскія мистеріи, гдѣ замѣчается комическій элементъ, относятся къ XIV столѣтію. На Западѣ, духовенство, для привлеченія толпы, допускало забавное и смѣшное даже въ свои процессіи, а это и было причиною, что образовались представленія, гдѣ серьезное смѣнялось забавнымъ и на оборотъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ каждомъ празднествѣ есть всегда и важное, и комическое: ярмарка и притомъ какая-нибудь торжественная церемонія, вмѣстѣ взятая, представляютъ соединеніе серьезнаго празднества съ комическими антрактами. Нѣмецкое драматическое представленіе на страстной недѣлѣ можетъ служить образчикомъ тому: торжественныя пѣснопѣнія смѣшаны въ немъ съ уличными сценами между купцомъ, женою его,

слугою и торговками — и все это въ шутовскомъ родѣ; лица пребезобразныя, бранчивая жена дерется съ мужемъ и пр.

Въ сосѣдственной намъ Польшѣ, религіозныя драматическія представленія существовали уже въ XII вѣкѣ. И тамъ высшее духовенство, замѣтивъ излишества и крайности, старалось о прекращеніи подобныхъ зрѣлищъ, которыя, вмѣсто распространенія набожности и уваженія къ религіи, служили только къ упадку ея. Запрещенія, однако, не произвели желаемаго дѣйствія, а подали поводъ къ приисканію другихъ мѣстъ, внѣ церкви, для театральныхъ зрѣлищъ. Драмы, въ родѣ страстей Христовыхъ, убіенія св. Іоанна Предтечи и т. п. продолжали даваться предъ народомъ, съ тою разницею, что это происходило не въ церквахъ, а въ школахъ и на кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія были запрещены мистерія, гдѣ преобладалъ комическій элементъ, и тогда-то онѣ, въ Польшѣ носившія названія діалоговъ, нашли себѣ убѣжище въ стѣнахъ школъ. Уже въ XVI вѣкѣ онѣ были полурелигіозными, полусвѣтскими, и такими ихъ застали іезуиты, въ школахъ которыхъ діалоги удержались до окончательнаго уничтоженія ордена.

Старинныя польскіе діалоги писались или по греческимъ образцамъ, съ хорами, или, согласно обычаю средневѣковой Европы, съ интермедіями, или же, наконецъ, просто, безъ всякихъ добавокъ, состояли изъ разсужденій, изложенныхъ въ разговорной формѣ. Нѣкоторыя изъ діалоговъ были оригинальныя, другіе переводныя, бѣльшая же часть передѣланныя на польскіе нравы. Сатирическія стихотворенія Станислава Гроховскаго (въ концѣ XVI вѣка), писателя народнаго по преимуществу, породили множество подражателей и, между прочимъ, подали примѣръ введенію сатиры и въ драматическія представленія. Съ тѣхъ поръ, въ такъ называемыхъ интермедіяхъ (пролюдіяхъ, янтерлюдіяхъ) стали являться лица и событія изъ современной жизни. Въ Польшѣ, также какъ и въ Германіи, серьезныя представленія смѣнялись шутивыми: въ одной драмѣ, на страстной недѣлѣ, послѣ самыхъ поразительныхъ сценъ, является дьяволъ и предлагаетъ веревку Іудѣ, совѣтуетъ ему удавиться и проч.

У каждаго народа были любимыя лица, постоянно показывавшіяся во всѣхъ комическихъ пьесахъ; съ теченіемъ времени онѣ становились народными и ихъ названія дѣлались нарицательными именами пороковъ, недостатковъ или слабостей, которыми надѣлялись тѣ лица въ комедіяхъ. Такъ въ старинной итальянской комедіи часто попадаются три челоуѣка: добродушный отецъ, сынъ распутникъ и пройдоха слуга. Первый всегда былъ венеціанскій купецъ или законникъ изъ Болоньи и носилъ названіе Панталона. Изъ Бергама брали обыкновенно въ комедіи шутовъ, такъ какъ тамошніе уроженцы славились, какъ наши вятичи и пошехонцы, особенною неуклюжестью, и притомъ были не прочь и помошеничать. Бригел-

да былъ плутоватый, а Арлекинъ простоватый слуга. Замѣчательно, что слѣды этихъ четырехъ лицъ сохранились и въ комедіяхъ Мольера.

У французовъ извѣстно подобное лицо подъ именемъ *Jean Farine*, у Нѣмцевъ—*Hanswurst*. Въ польскихъ интермедіяхъ выводятся Альбертъ, канторъ (пѣвчій на крылосъ), и Клеха (церковный сторожъ). Послѣдній заступалъ мѣсто итальянскаго арлекина, роль кантора соотвѣтствовала Бригеллѣ. Иногда показывались на сценѣ и панъ и деревенскій судья, у котораго, неизвѣстно почему, разумъ былъ холопскій, и рогатый нечистый, всегда измаранный грязью и съ мѣрой кипящей смолы¹⁾. По временамъ выходилъ и Добрый духъ или Вѣра съ крестомъ въ рукахъ. Смерть одолевала человека, а душу его соблазнялъ, только напрасно, опять нечистый же. За послѣднимъ выступаетъ колдунья, а изъ мѣологии Бахусъ съ Сатирами. Изъ другихъ лицъ обращаютъ на себя вниманіе хвастунъ—стравникъ и забіяка—солдатъ, также Слава, Добродѣтель, Сладострастіе. Глуповатая шляхта, любившая покутить, взяточникъ—бурмистръ, жидокъ, деревенщина изъ разныхъ мѣстъ, также бывали на сценѣ. Но всего чаще встрѣчаются въ польскихъ пьесахъ хвастуны—пилигримы и разные пьянчужки...

Все эти свѣдѣнія о европейскихъ мистеріяхъ и въ особенности о польскихъ пьесахъ имѣютъ, какъ увидитъ читатель, значеніе и для русскаго театра.

Русскія старинныя драматическія представленія, если разсматривать ихъ только въ самихъ себѣ, не обращая вниманія на окружающую дѣйствительность, имѣютъ много сходства съ мистеріями и драмами средневѣковой Европы и старинной Польши. Но это сходство не можетъ привести изслѣдователя къ убѣжденію, что возникновеніе, успѣхи и преобразование театра были одинаковы, какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Разница, съ исторической точки зрѣнія, тотчасъ видна и въ началѣ, и въ дальнѣйшей судьбѣ русской и европейской драмы. Крестовые походы и религіозный энтузіазмъ, овладѣвшій тогда западной Европой, не мало содѣйствовали введенію мистерій. Разказы крестоносцевъ, возвращавшихся отъ святыхъ мѣстъ, повѣсти пилигримовъ, при всеобщей экзальтаціи, имѣли въ себѣ много драматическаго и, весьма вѣроятно, подали поводъ къ введенію религіозныхъ мистерій. Католическое духовенство никогда не упускало случаевъ пользоваться всеми средствами увеличивать, подъ видомъ рас-

¹⁾ Слѣдовательно, въ старинной польской комедіи нечистый представлялся такъ, какъ его поображалъ себѣ народъ въ Польшѣ и Малороссіи: одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Бурсака» Нарѣжнаго, чтобы разыграть роль чорта передъ дьячкомъ, вымарало себя грязью въ первой попавшейся лужѣ: успѣхъ такой несложкой костюмировки былъ полнѣйшій, и дьячокъ не усомнился ни на минуту въ присутствіи нечистой силы.

пространенія и прославленія религіи, свое собственное вліяніе на народъ и извлекать изъ того всѣ возможные выгоды. Броженіе умовъ, особенная восторженность и наивная вѣра были отличительною чертою западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка; не удивительно, что духовенство всего болѣе старалось дѣйствовать на чувства, и осязательно представлять то, что для большинства въ религіи оставалось бы иначе темнымъ или непримѣтнымъ. Если Польша не испытала въ такой степени, какъ остальная Европа, вліянія крестовыхъ походовъ, то въ замѣнъ она съ давнихъ временъ подвергалась вліянію католическаго духовенства. Припомнимъ только, какимъ важнымъ вліяніемъ пользовался въ этомъ государствѣ іезуитскій орденъ въ дѣлѣ просвѣщенія, по всѣмъ отраслямъ званій, даже до конца XVIII вѣка,—и намъ становится яснымъ, почему, славяне по происхожденію и, слѣдовательно, не склонные къ какому бы то ни было фанатизму по самой природѣ своей, поляки, однако, принимали сильное участіе въ религіозныхъ распряхъ и неурядицахъ, что было причиною многихъ несчастій для цѣлой страны.

Вліяніе духовенства отразилось и въ драматическихъ представленіяхъ старинной Польши. Высшее духовенство издавало запрещенія противъ нихъ, но они не были искоренены, напротивъ, поддерживались и въ церквахъ, и въ школахъ, потому что мѣстное духовенство и монашескіе ордена извлекали изъ того выгоду, привлекая народъ, вербуя себѣ жаркихъ приверженцевъ, увеличивая даже число учащихся въ своихъ школахъ. Все это не могло имѣть мѣста въ Россіи. У насъ мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ матеріаловъ для исторіи кievскаго театра; но изъ исторіи тамошней академіи извѣстно, что Петръ Могила, при учрежденіи русскихъ школъ, заимствовалъ распорядки польскихъ учебныхъ заведеній. По этому-то учитель поэзіи обязывался въ Кіевѣ каждый годъ готовить для лѣтнихъ рекрецій драму, комедію или трагедію.

Въ Москвѣ театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны, ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому-то они оставались забавою одного двора и немногихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ польскими обычаями и даже литературой. Эти обстоятельства не могли неимѣть вліянія на судьбу драматическаго искусства въ Россіи и полагаютъ разницу между нашимъ театромъ и европейскимъ. Новыше замѣчено, что драма стоитъ въ тѣсной связи съ жизнію и болѣе, нежели другія отрасли поэзіи, сохраняетъ въ себѣ отпечатокъ современной эпохи. Этотъ характеръ театральныхъ представленій не могъ, конечно, не выказаться и въ пересаженной къ намъ мистеріи. Первая попытка этого рода отзывается рабскимъ подражаніемъ: изрѣдка какой нибудь намекъ или анахронизмъ напоминаютъ намъ, что писатель былъ малороссъ или жилъ въ Москвѣ,—все

остальное чуждо и нашему быту, и нашимъ обычаямъ. Но подражательный періодъ русской драмы,—если принимать въ расчетъ, что безпокойства политическія послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка въ Россіи мѣшали всякому прогрессу науки и искусства вообще—продолжался весьма не долго. Въ извѣстной намъ мистеріи Дмитрія Ростовскаго, хотя и соблюдена еще подражательная форма, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются уже живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, но языкомъ русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужаго голоса правилами. Въ началѣ семисотыхъ годовъ является вдругъ трагедія изъ русской исторіи, въ ней описываются событія русскія, дѣйствуютъ лица, которыхъ, чтобъ обрусить, именуютъ Жериволами, Ярополками... Разборчивый изслѣдователь и въ ней, разумѣется, найдетъ слѣды подражанія, но здѣсь самая мысль заимствовать сюжетъ изъ событій, близкихъ зрителямъ, при тогдашнихъ схоластическихъ преданіяхъ и рутинѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ русской исторіи начала XVIII вѣка, всего болѣе поражаетъ могущество и сила воли одного человѣка: куда мы ни обратили бы взглядъ, какой бы отрасли знаній не посвятили свое вниманіе,—вездѣ замѣтна желѣзная рука этого человѣка, вездѣ проявляется его сильный характеръ, его роковая энергія. Конечно подвиги, гдѣ высказывается всего болѣе матеріальная сила, не могутъ возбуждать особеннаго сочувствія въ наше время, но въ дѣйствіяхъ Петра именно то и любопытно, что для него было недостаточно унижить непріятеля, разсѣять толпы непокорныхъ, заточить и погубить въ изгнаніи нераздѣлявшихъ его мнѣнія,—онъ старался даже самое мышленіе, умъ, духовныя силы націи подчинить своему вліянію, отчего и проявленіе ихъ зависѣло опять таки отъ его же воли. Подобное явленіе не можетъ не поражать и отдаленнаго отъ той эпохи изслѣдователя: иногда, противу воли своей, онъ останавливается именно на томъ, гдѣ замѣтно присутствіе, слѣды этой воли, гдѣ она нашла выраженіе себѣ. Разумѣется, не должно пропускать безъ вниманія и тѣ случаи, когда, несмотря на всю энергію воли, воля оставалась неисполненною, а это также случалось, потому—что человѣческому могуществу, какъ бы ни было оно велико, есть свои предѣлы, за которые переступить оно не имѣетъ возможности.

Всѣ вообще произведенія науки и литературы въ Россіи при Петрѣ Великомъ, въ особенности тѣ, которыя были допущены невозбранно въ обращеніе въ публикѣ, т. е. печатныя, зависѣли въ большей или меньшей степени отъ воли правительства, сосредоточившагося въ лицѣ государя, а потому писались и печатались съ изумительнымъ для нашего времени единствомъ мысли. Отъ молитвенника, написаннаго

для солдата, до самыхъ сложныхъ государственныхъ учрежденій, отъ правилъ о ружейныхъ приемахъ до воинскаго устава, отъ шутовскихъ пировъ въ старинныхъ русскихъ платьяхъ и учрежденія особаго званія для боярина Стрѣшнева до самыхъ торжественныхъ обрядовъ, — однимъ словомъ, вездѣ и всюду сохранена гармонія, послѣдовательность, возможныя только тамъ, гдѣ работаетъ голова одного человѣка за всѣхъ, гдѣ субъективное я подчиняетъ себя все, къ чему бы оно ни прикоснулось.

Драма и комедія петровскихъ временъ, оставаясь, по формѣ, тѣмъ же, чѣмъ были онѣ и прежде, по содержанию своему имѣютъ близкое соотношеніе къ тогдашней дѣйствительности: театральныя представленія уже не ограничиваются событіями изъ священной исторіи; если эти послѣднія и находятъ еще себѣ мѣсто въ драмахъ, то скорѣе случайно, или въ видѣ необходимой уступки прежде принятымъ порядкамъ. Главное въ театральныхъ зрѣлищахъ первыхъ годовъ XVIII вѣка составляло прославленіе подвиговъ Государя, его счастливыя побѣды, униженіе враговъ, торжество надъ непокорными и т. д., — но казалось мало для назиданія зрителей одного прославленія побѣды или выставленія на показъ несчастной судьбы противящихся — комическій элементъ, насмѣшка надъ тѣми, которые осмѣливались плыть противъ теченія потока, — также призваны на помощь, и вотъ передъ зрителями являютя старовѣры съ своими убѣжденіями, несчастный ставленникъ, котораго надуваютъ, подъячій, берущій взятки, дьячокъ, который не хочетъ отдавать дѣтей «въ науку» и т. д. Удивляться надобно мѣткости, съ какою выбраны эти лица, — они остаются типическими, народными, и до сихъ поръ, если ихъ выводятъ въ литературныхъ произведеніяхъ, то эти послѣднія встрѣчаются съ особенною любовью отъ публики и доставляютъ извѣстность автору. Выше видѣли мы, что Италия имѣла своего арлекина и бригеллу, въ Польшѣ процвѣтали кутило-солдаты, хвастунишка пилигримъ, — у насъ при Петрѣ явились было также свои народные типы, но, къ сожалѣнію, имъ не дано было, по разнымъ соображеніямъ, развиться и окончателно укорениться въ нашей литературѣ. Эти соображенія разясвятъ здѣсь не мѣсто, потому что пришлось бы говорить о другой, позднѣйшей эпохѣ; замѣтимъ только, что въ исторіи драматическаго искусства въ Россіи заслуживаютъ особеннаго вниманія два момента. Первый, когда у насъ ввелись въ обычай мистеріи и діалоги; на Западѣ они преобразовались въ продолженіи столѣтій и постепенно потомъ перешли въ свѣтскую драму, у насъ же эти представленія, едва только начали принимать въ себя народный элементъ и сближаться съ нашею жизнью, какъ должны были уступить мѣсто такимъ произведеніямъ, которыя уже существовали въ Европѣ послѣ долгихъ переходовъ изъ религіозной въ полусвѣтскую и, наконецъ, совершенно въ свѣтскую драму. Второй моментъ именно начинается съ

того времени, когда въ Россіи стали являться сначала переводы, потомъ подражанія, далѣе передѣлки съ иностранныхъ образцовъ, наконецъ попытки народнаго театра. Замѣчательно то обстоятельство, что второй моментъ совершился точно такимъ же образомъ, какъ и первый. Точно также прежде всего, именно въ царствованіе Петра, встрѣчаемъ подстрочные переводы разныхъ драматическихъ пьесъ; въ числѣ ихъ есть, наиримѣръ, произведенія Мольера, есть отрывокъ Донъ-Жуана. Но эти переводы были таковы, что ихъ почти невозможно понять, не имѣя въ рукахъ подлинника. Если въ одной изъ первыхъ русскихъ мистерій, подъ названіемъ Св. Алексѣй, двѣ трети текста наполнены польскими выраженіями, то въ петровскихъ переводахъ комедій и драмъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно нѣтъ смысла и явно, что переводчикъ не понималъ подлинника. Въ особенности это замѣтно при передачѣ патетическихъ сценъ, объясненій въ любви, или описаній возвышенныхъ чувствъ. Такіе недостатки, конечно, происходили не отъ того, что русскіе не могли чувствовать такъ же, какъ и европейцы, но единственно потому, что выраженія этихъ чувствъ въ болѣе развитыхъ литературахъ имѣютъ свои условныя формы, выработывавшіяся не въ десятки, но многія сотни лѣтъ. Введеніе этихъ—то условныхъ формъ и происшедшая отъ того ломка языка и были причиною такихъ уродливыхъ переводовъ въ русской литературѣ начала XVIII вѣка. Вскорѣ за петровскою эпохою, реальное направленіе, которое Петръ Великій старался дать русской умственной дѣятельности, въ видахъ чисто-политическихъ, было принесено въ жертву безусловнаго подражанія французскимъ образцамъ. Успѣхъ такого направленія не могъ имѣть большаго вліянія на самую жизнь общества, а потому проявленіе его въ особенности замѣтно въ формѣ, во внѣшней обстановкѣ.

Хотя въ настоящемъ трудѣ должно было бы заключаться обзоръ драматическихъ произведеній лишь петровской эпохи, тѣмъ не менѣе, однако, полагаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности о театральныхъ представленіяхъ и зрѣлищахъ въ XVII столѣтіи;—они находятся въ такой тѣсной связи съ русскимъ театромъ начала XVIII вѣка, что необходимо дополняютъ и объясняютъ его.

Свѣдѣнія о занятіяхъ и средствахъ существованія учениковъ кievскихъ школъ XVII вѣка оставлены въ сочиненіи митрополита Евгенія, «Описаніе Кіево-Софійскаго собора». Между прочимъ, бурсаки въ обѣденное время ходили по домамъ гражданъ и пѣли различные канты у окошекъ, при воротахъ, на площадяхъ, за что и получали вознагражденіе иногда деньгами, иногда съѣстными припасами. Въ романѣ Нарѣжнаго: «Бурсакъ», остался комическій очеркъ подобныхъ свѣданій и миркованій. «Лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольнѣ, рассказываетъ герой романа, какъ и въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «ребята, на работу!» Тотчасъ че-

тыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другаго. — Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другаго изъ ватаги, и вмгъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ...» Эти команды отправились по улицамъ: «мы шли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію, повертывая голову на право и на лѣво...» Подошедъ къ дому зажиточнаго купца, они отправили посланника: «сей бросился, какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и воззвалъ громогласно: «дозволяется! — Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ, и стали полукругомъ около стола, сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила (философа, начальника пѣвчихъ), такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтянули, — и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ объялъ меня. Представь себѣ, кто хочетъ, высокаго, чернаго мужчину, съ разинутую пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами...»

Во время святокъ ученики ходили по домамъ съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ рождество или воскресеніе Христова ¹⁾. Послѣ, эти представленія были предоставлены ремесленникамъ, а ученики уже разыгрывали по домамъ драмы и діалоги. Подъ именемъ яселькъ или «Szopka» этотъ театръ маріонетокъ существовалъ и въ Польшѣ, и описаніе его сохранено у Конопки ²⁾. Были такія представленія по городамъ и селамъ съ конца декабря по 2-е февраля. Обыкновенно при яселькахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ произносилъ ученикъ, скрытый позади сцены, а товарищи его пѣли рождественскіе канты. Представлялось: Христось, лежащій въ ясляхъ на сѣнѣ, осель и вошь стоять при ясляхъ; Иосифъ и Св. Дѣва принимаютъ лицъ, проходящихъ на поклоненіе.

На этой же сценѣ потомъ идетъ свѣтское представленіе: изъ боковой башенки прежде всего выходитъ увѣсистый полякъ, съ деревянною саблею, къ нему присоединяется его дражайшая половина въ чепцѣ; послѣ взаимныхъ поклоновъ, они танцуютъ польскій и уступаютъ мѣсто смуглому украинцу, который, поклонясь зрителямъ, лихо выплясываетъ съ своей сударушкой. Является за тѣмъ нѣмецъ, въ панталончикахъ въ обтяжку, а за нимъ съ трудомъ слѣдуетъ толстая нѣмка. Далѣе, бурливый забіяка, съ толстой палицей, шумитъ и достаетъ своимъ оружіемъ носы любопытныхъ зрителей. Малорослый, но крѣпкій краковьякъ, въ живописной одеждѣ своей родины, съ павлиньимъ перомъ на шапкѣ, надѣтой на-бекрень, отправивъ до дому свою Катюшу, вступаетъ въ драку съ забіякой.

Послѣ Иродъ, со скипетромъ въ рукахъ и въ сопровожденіи сво-

¹⁾ М. Евгений въ «Op. Kiev. Sob.», стр. 216.

²⁾ Конопка, *Pieśni ludu krakowskiego*.

его наперстника жидка, произносить угрозы на весь міръ, но потомъ умираеть въ ужасныхъ мукахъ. Жидокъ подвергается той же участи, а жена Ирода, Ребекка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистыми во адъ, вмѣстѣ съ тѣломъ мужа. За тѣмъ, колдунья масло бьетъ, а дьяволъ выпиваетъ у ней сметану. Напоследокъ дряхлый старикъ, съ мѣшкомъ для денегъ, просить себѣ смерти, и тѣмъ кончается представленіе.

Благодаря Крашевскому, извѣстно о существованіи полу — малороссійской, полу — польской интермедіи быть можетъ начала XVIII-го столѣтія. Она принадлежитъ къ роду пьесъ, извѣстныхъ подъ именемъ «folie» и носить названіе «Байка козака съ игрокомъ (Kostyt) и солдатомъ». Дѣйствующія лица: жидъ, игрокъ въ кости и простофиля (dudko). Интермедія состоитъ изъ разговоровъ этихъ лицъ, безъ всякой завязки, что, однако, не помѣшало ей быть представленной, какъ это свидѣлствуютъ наставленія, какъ слѣдуетъ исполнять актерамъ свои роли. Такъ о роляхъ жида говорится, во первыхъ, что онъ носить за плечами коробку съ продажнымъ хламомъ, состоящимъ изъ онучекъ, одной черной, а другой зеленой, изъ лоскутковъ кожи, мѣховъ, да трехъ отрѣзковъ сукна краснаго и другихъ; во вторыхъ, что у жида люлька (маленькая трубка), чубукъ, кнсетъ съ табакомъ, свертокъ тютюну, коренья, называемыя вдовьями лоскутьями (wdowhimi szmatkami?) и пр. Весь товаръ уложенъ въ коробкѣ и навязанъ на веревкѣ, самъ жидъ въ жидовскомъ платьѣ и съ посохомъ въ рукѣ. У козака соломенная булава, обшитая полотняными лоскутьями и окрашенная въ чернѣйшій цвѣтъ; у пояса роги; одежда должна состоять изъ кожуха или чего либо подобнаго. Простофиля съ остриженной бородой и предлинными усами и дудкою, а игрокъ имѣеть огромныя кости, хотя бы и деревянные.

Изъ привѣтствія, помѣщеннаго въ концѣ интермедіи, видно, что она была представлена на Воскресенье Христово, въ присутствіи какого либо духовнаго лица, потому что въ обращеніи къ нему говорится: «когда благочестиво совершаешь таинства Христовы и набожными стопами послѣдуешь Христу». Упоминается также о представленіи, заимствованномъ изъ св. писанія ¹⁾.

Въ недавнее время сдѣлалась извѣстною цѣлая театральная пьеса на малорусскомъ нарѣчій, которая давалась на представленіяхъ вертепа. Сохраненіемъ ея мы обязаны покойному Маркевичу ²⁾. По его словамъ, вертепъ состоялъ изъ ящика въ два этажа, сдѣланныхъ изъ картона и тонкихъ досокъ: въ верхнемъ этажѣ, окруженномъ балюстрадаю, представлялась мистерія Рождество Христово, а въ ниж-

¹⁾ Wędrowki literackie, fantastyczne, historyczne Kraszewskiego, T. 2, kart. 83—85.

²⁾ Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, сост. Н. Маркевичемъ. Киевъ, 1860 г., стр. 27—65.

немъ помѣщался тронъ Ирода. Полъ оклеивался мѣхомъ, чтобы не выдали отверзтій, по которымъ двигали куколь. Каждая изъ нихъ прикрѣплялась къ проволоку, концами которой подъ ящичкомъ управлялъ хозяинъ вертепа. Разговоръ отъ лица куколь велся дѣячками, пѣвчими и бурсаками, то пискливымъ голосомъ, то басомъ. Пьеса же самая раздѣлялась на двѣ части. Въ первой слѣдующія дѣйствующія лица: пономарь, въ обыкновенномъ сѣромъ нанковомъ халатѣ; волосы съ проборомъ по срединѣ головы и съ косою; два ангела съ крыльями и одинъ изъ нихъ съ лиліею; два пастуха въ обыкновенныхъ кобенькахъ съ видлогами; Иродъ въ парчевомъ кунтушѣ съ короною на головѣ и со скипетромъ; тѣлохранитель Ирода въ чешуйчатыхъ латахъ, въ шлемѣ и съ огромнымъ мечемъ; три царя восточныхъ въ парчевыхъ кунтушахъ съ коронками на головахъ, вмѣстѣ всѣ три связаны другъ къ другу плотно и въ такомъ положеніи движутся; сатана черный, съ хвостомъ, крыльями летучей мыши, огромными рогами и уголькомъ во рту; на рукахъ пальцы съ когтями, ноги лошадиныя; Смерть — скелеть съ косою; Рахиль въ жидовскомъ костюмѣ съ ребенкомъ на рукахъ; войны съ копыями, въ шлемахъ и латахъ.

Кромѣ разговоровъ этихъ лицъ между собою, въ пьесѣ иногда поетъ за сценой хоръ, объясняющій и дополняющій все представленіе. Пьеса именно открывается хоромъ:

Пинію время и молитвы часъ,
 Христе рожденный, спаси всѣхъ насъ!
 Пономарь (речитативъ)
 Возстаните отъ сна и благо сотворите,
 Рождшагося Христа повсюду возвистите
 Сіе вамъ, людые, охотно глаголю,
 И благословите: пойду, да позволю.

За тѣмъ подходитъ къ колоколу, который виситъ въ нижнемъ этажѣ, и звонитъ; въ то же время выдвигаются въ верхнемъ этажѣ горящія свѣчи, и освѣщаютъ фонъ, гдѣ предполагается колыбель Спасителя...

Потомъ, являются ангелы, возвѣщающіе пастухамъ о рожденіи Христа: монологи ихъ сильно напоминаютъ мистерію, сочиненную, какъ увидимъ ниже, Дмитріемъ Ростовскимъ и, навѣрное, не безъ вліянія вертепной драмы, но зато и съ разными книжными прикрасами. Пришествіе трехъ царей, руководимыхъ звѣздою, на поклоненіе Спасителю; Иродъ, повелѣвающій избіеніе младенцовъ; Рахиль, ребенка которой прокалываетъ воинъ, по повелѣнію Ирода; наконецъ, Смерть и бѣсъ, приходящіе за Иродомъ, уносимымъ въ адъ — вотъ содержаніе первой части вертепа. Во второй, выведены на сцены разныя лица изъ обычной жизни совершенно также, какъ и въ вер-

тепѣ старинной Польши, о которомъ писалъ г. Конопка. Здѣсь все представленіе состоитъ изъ остротъ, пѣнія и пляски, нерѣдко съ приправою ударовъ и драки; оно, однако, любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ ясно, откуда заимствовали наши книжники начала XVIII столѣтія сюжеты для своихъ интермедій и интерлюдій, проникшихъ даже на театральные подмостки Москвы и Петербурга.

Выведенныя во второй части вертепа лица и говорятъ, и дѣйствуютъ такъ, какъ должны были говорить и дѣйствовать настоящіе люди. Несомнѣнно, что этотъ отдѣлъ вертепа явился въ Малороссіи въ подражаніе польскому: въ XVII столѣтіи не только представлялись, но и печатались въ Польшѣ драматическія пьесы, гдѣ на сцену выводились народныя типы съ тѣми особенностями въ языкѣ, даже выговорѣ, съ которыми они встрѣчались въ жизни. Въ этомъ случаѣ подтвержденіемъ можетъ служить описаніе, сдѣланное Юшинскимъ въ его *Dukcyonarz poetów polskich* (Tom drugi, k. 392—394) сочиненія подъ заглавіемъ: *Bachanalia, czyli dyalogi z intermedyami, representowane na teatrach szkolnych, w jedno opus zerbrane r. 1640.*

Въ малороссійскомъ вертепѣ встрѣчаемъ цыгана бѣдняка и лошадиннаго барышника, жида, непременно труса и съ горилкой. Полякъ въ вертепѣ является съ претензіями на шляхетство и съ мѣткимъ отѣтникомъ національной хвастливости; при немъ хлопецъ, котораго онъ грозитъ поколотить батогами. Полякъ такъ говоритъ къ зрителямъ:

А цо, паковъ?
Же бы вы знали, цо я естемъ за дзядз,
Изъ прадыады шляхтычъ уродзѣный!
Я былемъ во Львовъ,
Былемъ и въ Краковъ.
Былемъ и въ Кіовъ,
Былемъ и въ Варшавъ,
Былемъ и въ Полтавъ,
Былемъ и въ Богуславъ
Падамъ до ногъ ясневельможного пана:
Зычу здрувья и многа лята!

Но зато, въ вертепѣ запорожець надѣленъ всѣми геройскими, по мнѣнію хохла, качествами: онъ колотитъ цыгана, убиваетъ жида, ему даже и самого чорта прибить ничего не значитъ. Ненавистная козакамъ унія не пройдена въ вертепѣ безъ осмѣянія. Уніатскіе духовные были охотники до пропаганды и вотъ на сценѣ попъ-уніатъ сбивается ни съ того, ни съ сего исповѣдывать запорожца:

Признавай грихы предо мною, покайся;
Продъ слязматскымы попы не признавайся.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Чого соромляться, паноче, раскажу, що знаю.

УНІАТСКІЙ ПОПЪ.

Благо сотвориши, аще ни чего не утаиши.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Я зъ малку мавдрую по свѣту
Я бивъ

Не бивъ уніатскихъ я попывъ,
Съ живыхъ зъ ихъ кожу я лупывъ.
Воны надъ козакомъ ждуть смерти,
Щобъ въ домовину скорійше заперты;
Таскають, спивають, сміются,
А на помынкахъ, якъ напьються,
Дакъ тыльки не тацюють
Мовъ, кони козацьки гарцюють.

УНІАТСКІЙ ПОПЪ.

(дрожащимъ голосомъ)

Треба тобі до кощіола ходыть
Часты поклоны треба быть.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Э! бачъ? Я зъ вику въ кощіола не ходывъ
Поклонывъ не бывъ, хйба тебе побью.

(Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ).

Послѣ того, запорожець издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту:

Що се я пймавъ? чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сынычка,
Що вона й не дыше,
Тыльки квостыкомъ колыше?
и т. д.

Любопытны также народныя насмѣшки надъ своими кнѣзжниками, учителями дѣтей:

Дьячокъ.

Дай Богъ здравствовать, Кляме!

Клымъ.

А дай Боже, пану бакаляру! Д
Ты нашъ таки, кондяче,
Возьмы собы отсю свыню,
Бо въ городъ все скаче.

Дьякъ.

Ци, ирць, ци ирць, ферчякъ!
Иже, виды, азъ, нашъ, есть,
Спыши ко мяъ зѣло.
Климій сотворилъ намъ честь,
Давъ свиняче тѣло.

Явленіе XXVI

Иванецъ.

Азъ путешествую, кое ваше дѣло?

Дьячокъ.

Вземъ сіе бремя, несы въ наши клятѣ.

Иванецъ.

Помозите ю на рамо подыати...

Потомъ дьякъ благодарить Клима за свинью:

Гевалъ, Амонъ и Амалыкъ
И вси живуци въ Тыри,
Возрадуются добротѣ
И воспоютъ въ Эфири.
Мы вашу обреченну жертву
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностью приѣмлемъ
И выю вамъ обѣемлемъ.

Климъ.

И тоби тее-жъ одъ насъ, пане кондяче.

(Дьякъ уходитъ).

Дывысь, якъ пресучій дьякъ подьяковавъ гарно,
Що азъ въ мене слезы въ вычю наверхулысь,
Да правда есть за щой дяковать:
Свыня хочъ куды свыня,—
Рибра такъ и свитаться.

Тому, кто знакомъ съ пышными панегириками, которые такъ любили расточать малорусскіе книжники, благодарность за подарокъ свинья въ вертепѣ, можетъ напомнить многое изъ нашей старинной литературы.

Пьеса, сохраненная Маркевичемъ, несомнѣнно принадлежитъ къ стариннымъ драматическимъ произведеніямъ хотя въ ней и замѣтны слѣды позднѣйшихъ вставокъ. Такъ, напр., въ вертепѣ выведенъ солдатъ москвичъ, судя по его выговору который, говорить къ пляшущимъ диду и бабѣ:

Кой васъ чортъ здѣсь разносилъ?
Вѣдь тотчасъ паташу къ ахвицеру,
Штабъ вы знали крестьянску вѣру!

(къ зрителямъ)

Я солдатъ прастой, не богословъ,
Не знаю красныхъ словъ;
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита!

и т. д.

Это уже отзывается XVIII-мъ столѣтiемъ, дисциплиной, регулярнымъ войскомъ и прочимъ.

—

Что касается до Москвы, то театральныя представленiя тамъ начали даваться только во второй половинѣ XVII вѣка. Но чтѣ о нихъ было извѣстно и прежде, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ русскихъ, которымъ удавалось побывать за границей, тому сохранились два свидѣтельства. Первое — въ статейномъ спискѣ Лихачева о посольствѣ его во Флоренцію въ 1659 г. Посланникъ посвятилъ театру даже особую главу, подъ заглавiемъ: «о комедiяхъ»; она такъ любопытна, что, несмотря на извѣстность ея, мы рѣшились привести ее цѣликомъ и въ настоящей статьѣ. «Князь (т.е. герцогъ флорентiйскiй) приказалъ играть: объявились палаты и бывъ палата, и внизъ уйдетъ и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, и на рыбахъ люди ѣздятъ; а въ верху палаты небо, а на облачкахъ сидятъ люди: и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхвата челоуѣка съ земли подъ руки, опять въ верхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись въ верхъ за тѣми на небо. Да спушчался съ неба же на облаки съдъ челоуѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ, а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. А въ иной перемѣнѣ въ палатѣ объявилося поле, полно костей челоуѣческихъ, и враны прилетели и начали клевать кости, да море же объявилося въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшiе и люди въ нихъ плаваютъ. А въ иной перемѣнѣ объявилося челоуѣкъ съ 50 въ латахъ, и начали саблями и шпагами рубитися, и изъ нищалаей стрѣляти, и челоуѣка съ три какъ будто и убили. И многiе предивныя молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многiе диковинки дѣлаютъ: да вышедъ малый и началъ прошать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ давали, а накормить не могли...»

Въ 1668 г., въ Парижѣ былъ русскій посланникъ Потемкинъ. Сенто (Saintot), бывшій при немъ въ качествѣ церемониймейстера, записалъ, что 16 сентября Потемкину, его сыну и всей посольской свитѣ доставлено было удовольствіе видѣть комедію: *Coups del'Amour et de la Fortune*, игранную труппою Дю-Маре, съ перемежами декораций и балетомъ, который имъ очень понравился. 17 сентября, Мольеръ и его актеры играли Амфитріона, посланникъ и его сынъ также остались очень довольны. Послѣ представленія имъ были предложены сухое варенье и плоды, но русскіе отъ нихъ отказались, выпивъ только вина и поблагодаривъ актеровъ. Вѣроятно, по тогдашнему обычаю, послы сидѣли на сценѣ около рампы, что при оригинальныхъ костюмахъ нашихъ соотечественниковъ, представляло любопытное зрѣлище ¹⁾. Но замѣчательно то обстоятельство, что въ статейномъ спискѣ Потемкина, гдѣ описано даже, какъ арабъ волтижеръ скакалъ на лошади въ королевскомъ саду, ни слова нѣтъ о Мольерѣ и его Амфитріонѣ.

Такъ называемый обрядъ «пещнаго дѣйствія», отправлявшійся предъ Рождествомъ Христовымъ по нѣкоторымъ городамъ Россіи XVII вѣка, замѣчательнѣе въ томъ отношеніи, что въ немъ можно видѣть переходъ отъ церковныхъ процессій къ представленіямъ изъ св. исторіи. Въ этомъ обрядѣ къ обыкновенной архіерейской службѣ

¹⁾ Въ современной «Gazette timée» такъ записано о нашихъ послахъ и упомянутомъ спектаклѣ:

Ces deux ministres remarquables
Par leur air, par leurs vestemens
Et leurs bizarres ornemens
Qui n'ont nul rapport à nos modes
Mais qui leur sont bien plus commodes,
Ont été menez, pour certain,
Dans le même ordre à Saint Germain

«Mais je ne dois pas oublier,
(Car, certe, il les en faut louer)
Que messieurs nos François comiques,
Et même aussi les Italiques,
Les ont, soit effectivement,
Soit intentionnellement,
Divertis et regalez même
Avec une Liesse extrême.
Car je sçais qu'effectivement,
Et j'en fûs témoin même,
La troupe, ou préside Molière,
Par vne chère toute entière,
Leur donna son Amphytrion,
Avec ample collation,
Pas de ballet et Symphonie,
Sans aucune cacophonie...

Всѣ эти сцѣны можно найти въ «La Russie du XVII siècle, par M. E. Galitzine»

присоединялось нѣсколько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлю напомнить событіе изъ исторіи Ветхаго Завета о вверженіи въ печь трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила.

По этому случаю, въ среду, въ церкви, разбиралось большое паникадило, а въ субботу, во время обѣдни, сдвигался амвонъ и ставилась печь. Во всюнощную, весь обрядъ ограничивался тѣмъ, что дѣти, которыя представляли отроковъ, и такъ называемые два халдея предшествовали святителю при вступленіи его въ соборъ, при чемъ дѣти были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи «въ халдейское платье». Богослуженіе должно было происходить безъ всякихъ отгнѣвъ, съ нѣкоторою только торжественностью. При выходѣ предшествуетъ халдей предъ отроки со свѣчею халдейскою, и по немъ отроки со свѣчами, а другой халдей по отроцѣхъ.

Пещное дѣйствіе производилось во время заутрени. Тогда, какъ и во всюнощную, отроки и халдеи, притомъ первые съ зажженными свѣчами, предшествуютъ святителю. По окончаніи пролога, протопопъ и овященники поютъ приличныя обстоятельствомъ священныя пѣсни. Въ это время, руки отроковъ обвязывались полотенцемъ, и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. «Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близъ печи, и станутъ отроки и халдеи, и указуютъ оба халдея отрокамъ на печь пальмами, и глаголетъ первый халдей ко отрокамъ: «Дѣти царевы!» Другіи же халдей поддвигиваетъ тое же рѣчь: «царевы!» И первый глаголетъ халдей: «видите ли сію печь огнемъ горящу и вельми распяемю?» И паки второй глаголетъ халдей: «а сіе печь уготовася вамъ на мученіе». И потомъ Ананія отвѣщаетъ: «видимъ мы печь сію, но не ужасаемся ее; естъ бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той силенъ изъяти насъ отъ печи сея.» И по семъ Азарія глаголетъ: «и отъ рукъ вашихъ избавить насъ.» Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: «а сія печь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе»... По благословеніи святителемъ и врученіи каждому свѣчи, отроки становятся опять около печи. И въ то время единъ халдей кличетъ: «товарищы!» другой же халдей отвѣщаетъ: «чего?» И первый халдей глаголетъ: «это дѣти царевы?» а другой халдей поддвигиваетъ: «царевы». Первый же глаголетъ: «нашего царя повелѣнія не слушаютъ?» а другой отвѣщаетъ: «не слушаютъ». Первый же халдей говоритъ: «а златому тельцу не поклоняются?» а другой халдей: «не поклоняются». Первый халдей говоритъ: «и мы вкинемъ ихъ въ печь;» а другаго отвѣтъ: «и начнемъ ихъ жечь!» После того дѣтей вводятъ въ печь, и халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодіаковъ, отроки въ печи поютъ священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: «яко духъ хладенъ и шумящъ», «сходитъ ангель господень въ печь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ»... Халдеи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, вадали, а дьяконы опалили ихъ при

помощи свѣчь и травы плауна. При этомъ случаѣ, опять завязывается разговоръ между халдеями; 1-й говоритъ: товарищъ? 2-й откликается: чево? — 1-й: видиши ли? — 2-й: вижу. — 1-й: «Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну божию. — 2-й: Какъ онъ прилетѣлъ и насъ побѣдилъ». — Послѣ того продолжаются священныя пѣсни, халдеи выпускаютъ изъ пещи отроковъ, служба продолжается по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвуютъ отроки и халдеи съ зажженными свѣчами. Послѣ утрени, пещь снималась, изображеніе ангела тоже, въ церкви все приводили въ прежній порядокъ, но въ продолженіи обѣдни и вечерни того дня въ богослуженіи еще участвовали и отроки и халдеи ¹⁾.

Отсюда видно, что здѣсь, если исключить богослуженіе и обыкновенныя пѣснопѣнія, драматическаго собственно остается разговоръ халдеевъ и введеніе дѣтей на костеръ. Простота обряда, незамысловатыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ показываютъ достаточно, въ какомъ младенествѣ находилось драматическое искусство и какъ немногаго требовалось, чтобы произвести впечатлѣніе на зрителей; но какъ бы то ни было, въ исторіи нельзя пройти молчаніемъ о «пещномъ дѣйствіи»: оно справедливо можетъ считаться зародышемъ сначала мистерій и релігіозныхъ діалоговъ, а потомъ и драмы въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово нынѣ.

Самое раннее указаніе объ этомъ оригинальномъ представленіи находимъ въ отрывкахъ изъ расходныхъ книгъ архіерейскаго софійскаго дома въ Новгородѣ за 1548 г. ²⁾, гдѣ подъ 24 декабремъ отмѣчено, что въ числѣ духовенства и церковнослужителей, приходившихъ славить къ архіепископу, были два халдея, и имъ за то дана «гривна московская». Въ сочиненіи Флетчера, бывшаго въ Россіи въ 1588—89 годахъ, рассказывается, что въ его время въ Москвѣ, за недѣлю до Рождества, совершался такой обрядъ: каждый епископъ въ своей соборной церкви показываетъ трехъ отроковъ, горящихъ въ пещи, куда ангелъ слетаетъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха такъ называемыми халдейцами, которые въ продолженіи всѣхъ двѣнадцати дней должны бѣгать по городу, переодевые въ шутовское платье и дѣлая смѣшныя штуки, чтобъ оживить обрядъ. Въ Москвѣ царь и царица всегда бывають при этомъ торжествѣ, хотя всякой годъ повторяется одно и то же, безъ всякаго прибавленія чего нибудь новаго.

Одна изъ пещей, употреблявшихся при этомъ обрядѣ, уцѣлѣла до

¹⁾ Обрядъ пещнаго дѣйствія напечатанъ въ Росс. Визитое. Изд. 2, т. VI, стр. 363 и слѣд.

²⁾ Известія археолог. общества за 1861 г., т. III стр. 36.

нашего времени: она сначала находилась въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а нынѣ ее можно видѣть въ Петербургѣ, въ академіи художествъ ¹⁾. Пещь деревянная, въ родѣ круглаго шкафа, съ боковымъ входомъ на подмости, состоитъ изъ 12 столбиковъ, утвержденныхъ на кругломъ деревянномъ основаніи и продолжающихся во всю высоту пещи. Между столбиками внизу поставлено по одному рѣзному человѣку, въ одеждѣ, съ поднятыми къверху руками; на рукахъ и головахъ ихъ утвержденъ кругъ изъ брусьевъ, шириною по больше четверти аршина; на брусьяхъ поставлены продольныя доски числомъ 10, оканчивающіяся полукружіемъ; на каждой доскѣ по три рѣзныхъ святыхъ, въ круглыхъ и продолговатыхъ рамкахъ. Изображеній святыхъ въ настоящее время уже нѣтъ; а виды только мѣста, на которыхъ они находились. Столбики и доски обложены мелкою рѣзбою, вызолоченною; на столбикахъ, по мѣстамъ, есть рѣзные херувимы. Въ новгородской софійской летописи подь 7041 (1533) годомъ есть описаніе «амбона», чрезвычайно сходное съ сохранившеюся до нынѣ пещью, а потому быть можетъ она и относится ко временамъ святительства въ Новгородѣ Макарія ²⁾.

Обрядъ пещнаго дѣйства совершался также въ Вологдѣ, и въ приходорасходныхъ книгахъ вологодскаго архіерейскаго дома 1623—43 годовъ сохранились нѣкоторыя подробности о хозяйственной и технической сторонѣ этого дѣйства. На покрытіе необходимыхъ на то издержекъ, собиралась особенная дань съ епархіальныхъ, болѣе достаточныхъ церквей, по гривнѣ съ каждой, подь названіемъ: за фунтъ плауны трава гривна. Трава эта, а не порохъ, какъ писалъ Флетчеръ, по удобовоспламеняемости овсей, замѣняла въ дѣйствѣ небесный огонь, опалявшій халдеевъ. Костюмъ отроковъ и халдеевъ состоялъ изъ шапокъ, отороченныхъ заячьимъ мѣхомъ, ихъ «ловкасили и золотили» иконники; у халдеевъ были «юпы» изъ сукна «летчины красныя» оплечья изъ выбойки, а у отроковъ — стихари. Вмѣсто ангела, въ пещь спускали образъ, подбитый яловицной кожею и называвшійся архангеловымъ образомъ. Бывали случаи, что архіепископъ, по окончаніи дѣйства, давалъ подьякамъ, принимавшимъ въ немъ участіе, деньги «за увѣчье», которое дѣйствительно могло быть, когда отроковъ являлся освобождать ангелъ и поднималъ ихъ съ собою на воздухъ, или когда халдеевъ опаляли ангельскимъ паленіемъ ³⁾.

Извѣстія о старинныхъ театральныхъ зрѣлищахъ въ Москвѣ не восходятъ ранѣе 1673 года, когда прибылъ туда съ нѣсколькими актерами нѣмецкій антрепренеръ Готфридъ Яганъ ⁴⁾. Малиновскій по-

¹⁾ Изображенія съ нея въ Древностяхъ рос. государства, отд. VI, ММ 27—29.

²⁾ Эти извѣстія заимствованы изъ Описанія новг. соф. собора Петра Соловьева Слб. 1858 г. стр. 143—144.

³⁾ Извѣстія археологическаго общества, Т. I, 373—375, Т. II, 239—244.

⁴⁾ Эти извѣстія заимствованы мною изъ статьи г. А. С.: «Театръ при русскомъ»

лагаль, что въ домѣ тестя царя, Милославскаго, былъ театръ и прежде, отчего домъ и получилъ названіе потѣшнаго дворца; но молчаніе о томъ Дворцовыхъ разрядовъ и Выходныхъ книгъ доказываетъ невѣрность Малиновскаго. Представленія Ягана Готфрида начались музыкою: 21 октября, въ первый разъ во дворцѣ за ужиномъ игралъ нѣмецкій оркестръ, состоявшій изъ органа, трубъ и литавръ. Потомъ, нѣмцы просили дозволить имъ «комедійное дѣйство и потѣху». Сначала, вѣрно было развѣдать посольскому толмачу, въ чемъ будетъ состоять это комедійное дѣйство, потомъ царь обратился къ своему духовнику за совѣтомъ: тотъ отвѣчалъ, что нѣмцамъ можно играть во дворцѣ, такъ какъ византіюскіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя увеселенія. 2 ноября, было въ Преображенскомъ первое представленіе, «какъ Юдифь Олоферну отсѣкла голову»; оркестръ состоялъ уже изъ дворовыхъ людей Матвѣева, обученныхъ музыкѣ нѣмцами. На зрѣлище были приглашены не только тѣ изъ придворныхъ, которые находились въ Преображенскомъ, но и жившіе въ Москвѣ. Нѣсколько дней спустя, назначено было другое представленіе, гдѣ уже была царица съ царскою семьею; для нихъ нарочно была устроена закрытая галерея за царскимъ мѣстомъ. Давали комедію, какъ «Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и Мардохеяну наученью». Вскорѣ потомъ представлена была исторія о странствіи и бракѣ молодаго Товія, сына Товитова. Въ 1675 г., давался при дворѣ балетъ: на сцену вышелъ Орфей въ великолѣпномъ костюмѣ; по обѣ стороны его двигались двѣ пирамиды, съ транспарантами и іероглифическими надписями, ярко освѣщенными. Орфей подошелъ къ авансценѣ и, сдѣлавъ царю три поклона, запѣлъ въ честь его нѣмецкіе куплеты, переведенные тогда же по русски толмачомъ. Въ куплетахъ были похвалы царю и желаніе ему благополучной, многолѣтней и славной жизни: за тѣмъ происходили пляски Орфея съ пирамидами и всей труппы. Съ тѣхъ поръ, театральныя представленія при дворѣ давались каждый праздникъ; одно изъ нихъ — 21 февраля 1675 г. — продолжалось съ 5 часовъ вечера и кончилось только за 3 часа до разсвѣта. Приказано было устроить особыя палаты для комедійнаго дѣйства надъ аптекою и все нужное для строенія закупать на счетъ денегъ изъ приказа галицкой четверти. Постройки производились подъ присмотромъ боярина Матвѣева, и скоро театръ былъ готовъ: онъ былъ построенъ въ видѣ полукружія, сцена состояла изъ высокаго помоста, украшеннаго краснымъ сук-

дворѣ въ XVII вѣкѣ (Московск. вѣдом. 1857 г. № 133, стр. 591—592, отл. лит.), въ которой, кромѣ Дворцовыхъ разрядовъ (Т. III, 1081, 1152, 1136, 1226), Сѣвернаго Архива (1622 г. IV, 179 и слѣд.) и сказаній Рейтенфельса и Ливека (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1839 г., ч. 23 и 1837 г., ч. 16) — упоминается рукопись московскаго общества исторій: «Расходная книга галицкой четверти».

номъ и бѣлками; передъ сценою возвышалось царское мѣсто, обитое краснымъ сукномъ, а за нимъ галерея съ рѣшетками для царскаго семейства; около галерей полукружіемъ стояли лавки для высшихъ сановниковъ; для прочихъ устроены были мѣста по бокамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представленія, по волѣ царя, назначались въ Преображенскомъ, всѣ рамы, ковры, сукна, всякій нарядъ для комедійнаго дѣйства и органы перевозились изъ московскаго театра въ Преображенское, въ тамошніе комедійные хоромы, на счетъ казны. Яганъ Готеридъ обязанъ былъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ приготовить русскихъ актеровъ, для чего ему отдано двадцать семь человекъ изъ мѣщанскихъ дѣтей. Костюмы строились на царскій счетъ: для комедіи о Товіи они обошлись въ 30 тогдашнихъ рублей. Русскіе актеры получали жалованье по 2 копейки въ день, а всѣ двадцать семь человекъ вмѣстѣ около 140 рублей въ годъ. Сколько платили иѣмцамъ, извѣстій нѣтъ. Маляновскій сообщилъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Россію выписывали актеровъ изъ Германіи, и что между вызванными особенно отличалась копенгагенская актриса Анна Паульсонъ. Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 г., рассказываетъ, что въ свитѣ ихъ былъ одинъ фокусникъ, весьма искусный въ своемъ дѣлѣ: онъ окрещивалъ между собою нѣсколько ножей, которые безъ всякаго посторожняго дѣйствія, поднимали деньги и другія вещи. Эти фокусы возбуждали удивленіе въ русскихъ, и они рѣшили, что фокусникъ и чародѣй морочить другихъ бѣсовскою силою. Московскіе актеры, узнавъ объ его искусствѣ, просили пословъ дозволить ему участвовать въ представленіи, которое они хотѣли дать въ скоромъ времени, говоря, что участіе такого артиста доставитъ большое удовольствіе царю и царицѣ, и они будутъ благодарны за то посламъ. Послѣдніе, однако, не могли оставаться долѣе и ждать представленія, а также не хотѣли оставить одного изъ своихъ людей, и выѣхали въ дорогу. Между тѣмъ, слухъ о фокусникѣ, бывшемъ съ цесарскими послами, дошелъ до царя и тотъ, желая его видѣть, отправилъ генерала Менезіуса просить пословъ — прислать ихъ человека, обѣщая, что онъ безъ всякаго затрудненія и награжденный будетъ отпущенъ въ отечество. Послы исполнили желаніе царя и отпустили фокусника, который два раза давалъ своя представленія, удивилъ царя и всѣхъ зрителей, и съ наградою былъ отправленъ въ отечество. Тогдашній оркестръ состоялъ изъ органа, трубъ, флейтъ, скрипки, барабана и литавръ: имъ управлялъ Тимофей Гасенкрукъ съ Симономъ органистомъ.

Одною изъ первыхъ, извѣстныхъ нынѣ русскихъ мистерій можно, кажется, считать ту, которая имѣетъ предметомъ жизнь св. Алексѣя, божьяго человека и написана въ честь царя Алексѣя Михайловича ¹⁾.

¹⁾ Эта мистерія была напечатана въ Кіевѣ славянскимъ шрифтомъ, подъ заглавіемъ:

Выше было замѣчено о близкомъ сродствѣ старинной нашей драмы съ польскою: первыя попытки въ этомъ родѣ, конечно, должны были у насъ отзываться подражаніемъ не только въ содержаніи, но и въ языкѣ. Мистерія св. Алексѣя, божій челоуѣкъ, извѣства мнѣ только въ рукописи¹⁾, и сколько можно судить по извѣстію Войцickaго о польскомъ діалогѣ подъ тѣмъ же названіемъ²⁾ есть передѣлка польскаго подлинника. На послѣднемъ чистомъ листѣ русской рукописи есть надпись: «дѣялося въ лѣто 1673»³⁾.

Вотъ прологъ пьесы:

«Диогенесъ философъ среди дня зъ свичю
Человѣка нѣкгдаы шукалъ межъ...
Шукалъ, але не нашель жаденъ не далъ быти,
Человѣчимъ кого мѣлъ гоноромъ учтити.
Если мудрецъ не нашель проста челоуѣка,
Шукаючи посреди лукаваго вѣка,
То бардзвѣ божьяго челоуѣка не найдешъ.
Отъ таковой вашъ-мосцовъ увольняючи працы,
Алексѣя покажемъ ото на семъ пляцы.
Тутъ же обачште, за якія справы
Божіомъ челоуѣкомъ ставъ въ небесной славы.
Будеть то на пожитокъ вашъ-мосцовъ душевннй
Се вашъ актъ pracovнннй, только не вседневннй,
Будеть той на славу пресвѣтлому и благочестивому царю Алексѣю,
Который, и въ Бозѣ, и въ святыхъ маючи надѣю,
Зъ неприятелемъ креста Христова дѣло зачинаеть,
Але яко Костянтинъ, нигды не проиграеть⁴⁾».

Въ эпилогѣ «на вершеніе рѣчи», актеры обращаются къ зрителямъ. Здѣсь объясняется цѣль театральныхъ представленій вообще и от-

«Алексѣя, челоуѣкъ божій. Діалогъ въ честь царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Представленъ въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетную молодъ студентскую въ коллегіуму кіево-могиланскому на публичномъ діалогѣ». На 12 вѣк. стр. въ 4°; первая страница бѣлая, на оборотѣ изображенъ св. Алексѣя, несущій крестъ. Діалогъ въ двухъ актахъ, въ которыхъ семь сценъ, названныхъ находженіями; въ концѣ эпилогъ или скончеватель, а въ послѣсловіи значится: «се дѣло, по желанію его царскаго, пресвѣтлаго величества боярнина и намѣстника нижегородскаго и воеводы кіевского, благороднаго князя Георгія Петровича Трубещкаго нанечатася въ св. великой чудотворной лаврѣ кіевопетерской, року отъ Р. Х. 1674, февраля дня 22.» Ср. Русск. Бесѣда 1857 г. кн. I, стр. 74.

¹⁾ Рукопись П. библ. Q, XIV, 7.

²⁾ Biblioteka starożytna, Wojcickiego, VI, 331, 332.

³⁾ Ср. «Лѣтописи русск. литературы» г. Тихонравова, V, стр. 33—37. Здѣсь, между прочимъ, указано, что надгробныя притчтанія родителей и жены Алексѣя взяты изъ житія его въ Анеологійѣ изд. въ 1660 году.

⁴⁾ Эти слова о началѣ войны съ Турціею подтверждаютъ замѣтку на послѣднемъ листѣ рукописи: «дѣялося въ 1673 г.»—5 ноября 1673 г., послана была Донскому войску грамота, чтобы оно чинило воинской промысль противъ Азова и шло походомъ на крымскіе улусы и Черное море. (Полное Собр. Зак. I, № 533).

сюда можно замѣтить, что русская мистерія имѣла то же назначеніе, какое въ Германіи и Франціи, — т. е. укрѣпленіе и утвержденіе въ вѣрѣ, посредствомъ изображенія въ лицахъ ея таинствъ, чудесъ и славы.

Содержаніе польской мистеріи подъ этимъ заглавіемъ взято, по словамъ Войццкаго, изъ жизнеописанія св. Алексѣя, составленнаго Скаргою. Алексѣй былъ единственнымъ сыномъ вельможи римскаго императора Гонорія, Евфиміана; этотъ послѣдній, желая продолженія своего рода, собирается женить своего сына. Въ началѣ мистеріи, ангелы Рафаилъ и Гавріилъ говорятъ о преимуществѣ цѣломудренной жизни, — является Алексѣй, и Гавріилъ говоритъ ему:

«Аще хоцеша божимъ челоѣкомъ званъ быти
И въ наивышемъ ангельскомъ хорѣ въ небѣ жити:
Храни до смерти чистость—она есть дорога
Наширостѣйшая въ небо до самаго Бога....»

Между тѣмъ Евфиміанъ непремѣнно хочетъ женить сына: все приготовлено для совершенія брачнаго обряда, но, посреди самаго торжества, Алексѣй скрывается изъ дома: онъ съ первымъ попавшимся нищимъ обмѣнялся одеждою, и съ тѣхъ поръ сдѣлался пилигримомъ. Гонорій и Евфиміанъ посылаютъ слугъ отыскивать Алексѣя. Дорогою они подходятъ къ нему, сидящему около изображенія Богоматери, и, не узнавая въ немъ того, кого искали, просятъ благословенія и спрашиваютъ, не знаетъ ли пилигримъ о судьбѣ сына цесарева любимца? Алексѣй отвѣчаетъ отрицательно, и слуги идутъ далѣе. По возвращеніи домой, они рассказываютъ о безуспѣшности своихъ подвиговъ;—отецъ въ отчаяніи, также какъ и невѣста, оставленная своимъ женихомъ.

«Ту невѣста Алексѣева вышла плачлива:
Алексѣева же естемъ, не таюся,
облюбеница, але признаюся
отъ Алексѣя же есмь посрамлена,
и оставлена.
Наиславнѣйшими межъ панами всіми,
и наисчастливша была.... въ Римѣ;
бо здѣ естемъ царска урожона,
теперь згожона.
Сенаторскіе не тылько сынове,
але ксенжента и славны панове,
абы мя за невѣсту мѣли,
сердечно хтѣли,
Але всѣмъ тымъ осталемся отмовна
бо мысль моя къ нимъ была нелюбовна:
до Алексѣя сердце мя склонило....»

Убѣдись, что его не узнаютъ, Алексѣй, подъ видомъ странника возвращается къ отцу, проситъ дать ему пристанище и живетъ неузнаван-

ный до смерти въ уединеніи. Передъ смертію, онъ описалъ жизнь свою, и когда скончался, то отецъ и цесарь узнали изъ оставленной рукописи, что то былъ Алексѣй.

Мистерія оканчивается взятіемъ двумя ангелами на небо души св. Алексѣя; она, въ веселіи посреди ангеловъ, прославляетъ цѣломудріе, и въ заключеніе общается православному царю прошесть у Бога победы ему надъ врагами крестнаго знаменія. Св. Алексѣю, между прочимъ, вложено въ уста:

«Не забуду я тебе, кліенте единый,
Алексѣю—король ровный не есть иный,
на землѣ бо монарха единъ православный
и для того всему свѣту добре явный.
Смотрю зъ неба на твою побожность ко Богу.
смотрю же любо есть царь, а тѣсню дорогу
спышачи просто въ небо зъ неба обобралесь
Барзѣй гды монархою російскимъ zostалесь...» и т. д.

Послѣ этой мистеріи, известно нѣсколько другихъ, приписываемыхъ митрополитомъ Евгеніемъ Симеону Полоцкому.

Изъ нихъ, «Комедія о Навуходносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о триехъ отроцѣхъ, въ печи созженныхъ» любопытна въ томъ отношеніи, что содержаніе ея указываетъ на недостаточность для зрителей обряда «пещнаго дѣйствія», — почему и составляется драматическое представленіе. Основа его та же, т. е. тѣ же три отрока ввергаются въ костеръ, потому же, что не хотятъ поклоняться золотому изображенію царя Навуходносора¹⁾; на кострѣ они поютъ тѣ же священныя пѣсни, но, для полного воспроизведенія событія св. исторіи, въ началѣ является Навуходносоръ, который повелѣваетъ вылить изображеніе свое изъ золота и поклониться ему. Отроки отказываются исполнить повелѣніе царя; этотъ угрожаетъ имъ смертію на кострѣ и получаетъ въ отвѣтъ:

СЕРДАХЪ.

«Нѣсть тебѣ, царю, намъ ти отвѣщати,
Богъ всемогущъ, силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею,
И свободити отъ руку твою.

МИСАХЪ.

«Къ тому въздь, царю, яко прещеніе
Огня не введеть насъ во прещеніе;
Аще же огню Богъ хоцетъ ны дати,
Мы за честь его готовы отрадати.

¹⁾ Въ Европѣ Навуходносоръ былъ также представляемъ въ мистеріяхъ; такъ Моше (Schauspiele des Mittelalters. Т. 2, 423), въ рукописяхъ Иттингенскаго монастыря, указываетъ три рукописныя драмы подъ этимъ названіемъ. Тототъ принадлежитъ къ XVI вѣку.

АВДКНОГО.

«Живаго Бога небеснаго знаемъ;
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитать,
Творецъ есть Богъ нашъ, того и хотимъ знати.»

«Предисловецъ» и «эпилогъ» этой мистеріи также обращены къ царю Алексію Михайловичу. Въ первомъ, сначала идутъ похвалы великому князю и указаніе, что не таковъ былъ Навуходоносоръ.

«То комедійно мы хотимъ явити,
И аки сами дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ
Княземъ, бояромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердецъ, здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохрани!»

Въ эпилогѣ приносится благодареніе за слушаніе представленія:

«Пресвѣтлѣй царю и благочестивѣй,
Богомъ вѣнчаннѣй и христіолюбивѣй.
Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйства послушати,
Свѣтлое око твое созерцаше
Комедійное сіе дѣло наше,
Имъ же ти негли не угодни быхомъ,
Яко искусства должна не явяхомъ:
Разума скудость выну погрѣшаетъ
А умъ богатѣй радостно прощаетъ....

Въ началѣ и концѣ пьесы была музыка, что означено словомъ «играніе»¹⁾.

Еще есть мистерія, гдѣ также выведенъ Навуходоносоръ, она даже и названа по имени его «Комедія Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Корей, Лапидоѣъ, четыре протазанщика, четыре спальника»; но здѣсь главную роль играетъ не онъ, а его полководецъ Олофернъ, убиваемый въ концѣ пьесы Юдиною. Неизвѣстно, была ли когда нибудь представлена эта пьеса: въ предисловіи, наполненномъ похвалами Алексію Михайловичу, о томъ ничего не говорится, и нѣтъ эпилога въ концѣ, гдѣ обыкновенно дѣлалось обращеніе къ зрителямъ. Она состоитъ изъ 7 дѣйствъ, а каждое раздѣлено на 3 отдѣла: въ первомъ являются и толкуютъ Навуходоносоръ съ придворными, Олофернъ съ военачальниками; во второмъ іудеи съ ихъ начальниками сѣтуютъ о нападеніи вавилонянъ и ищутъ средствъ предъотвратить погибель; въ третьемъ отдѣлѣ выведены солдаты,

¹⁾ Вся комедія напечатана въ «Россійской Визлюенкѣ», ч. VIII, изд. 2, стр. 158—169.

народъ и проч. Вообще вся драма растянута чрезвычайно, — толки военачальниковъ, іудеевъ преисполнены риторскихъ прикрасъ и разсужденій, дѣйствія на сценѣ нѣтъ, все время занято длинными рѣчами выведенныхъ лицъ. Но третій отдѣлъ замѣчательнѣе въ томъ отношеніи, что видимо введенъ авторомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы воспользоваться комическимъ элементомъ. Легко отгадать, что для нашего времени всѣ эти образчики остроумія XVII столѣтія могутъ показаться и неприличными, и нисколько не смѣшными, но тѣмъ не менѣе, присутствіе комизма даетъ третьему отдѣлу характеръ, не похожій на то, что обыкновенно находится въ мистеріяхъ. Такъ какъ задачею ихъ главнѣйше было объясненіе вѣры и утвержденіе въ ней, то всѣ онѣ писались въ формѣ нравоученій; всѣ лица, всѣ разговоры ихъ ничто иное, какъ длинные разсужденія, заимствованныя, въ большей или меньшей степени, изъ известнаго источника. Не то находимъ въ нѣкоторыхъ сценахъ разбираемой комедіи: напрасно авторъ далъ солдатамъ затѣйливыя имена Сомнаса, Сусакима, Одида, — съ первыхъ словъ ихъ, въ нихъ узнаешь представителей мелкой польской шляхты, любившей въ старину выпить и подраться, и смотрѣвшей на войну, какъ на средство пограбить и повеселиться: для большаго сходства, у вавилонянъ говорится про ротмистровъ и поручиковъ, они другъ друга называютъ дворянами и насмѣхаются надъ евреями, что тѣ не ѣдятъ свинины и пр. Вотъ одна изъ подобныхъ сценъ между вавилонскими воинами:

СУСАКИМЪ.

«Ей, братецъ, вѣрую, яко Зевесъ, Арисъ, Афродита и вся божи на небеса лучшаго житія не имуть, яко мы здѣ низу на земли.

СОМНАСЪ.

«Азъ желалъ быхъ, чтобъ таковое житіе и во вѣки пребыло; тогда Богомъ радъ, небомъ бы поступился; но опасуюся, что сіе житіе скоро воспринметъ кончину; ибо еще едино токмо намъ по ушамъ займутъ, яко и слухъ и видѣніе устанеть, въ то время и вся радость минется. Иля егда, яко уже къ тому намѣряется, со всякими народы миръ учинится: тогда вужда будетъ по домамъ возвратиться, и паки хлѣбъ рзрядно молотити, гдѣ никто же по семъ насъ больши не назоветъ милостивымъ господиномъ.

СУСАКИМЪ.

«Не опасайся брате! мы столько накрадемъ разбоемъ, и грабежемъ издобудемся, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быти; еще ли умремъ, тогда пси и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ!

СОМНАСЪ.

«Но что же убогимъ женамъ и дѣтямъ нашимъ сотворитя?

СУСАКИМЪ.

«О, иной тогда ихъ да пропитаеть! Ходи, брате, печальныя сіи думы да въ винной бочкѣ погребемъ; пойди со мною на завтракъ, азъ ти пару колбасъ ужарити велю.

СОМНАСЪ (СМѢТСЯ).

«Ха, ха, ха! Смѣюся тому: всегда опасался еси, что свинными жаринами и колбасами не удовлетвориши; вынѣ же что, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишися.

СУСАКИМЪ.

«Ни, брате, не хочу свиньей быти, инако бо возмоглъ бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатись. Пойди, брате! да сего дня возвеселимся; Богъ вѣсть, сколько проживемъ, аще убо не въ небо достанемся, то однакоже мимо...¹⁾».

Французская мистерія того же содержания относится къ 1406 г, Оловернъ названъ въ ней Grand Maître d'Artillerie, а Навуходоносоръ. услышавъ, что іудеи не почитаютъ его, восклицаетъ:

«Quel outrage!
Oultrageusement oultrageuse,
Oultrage main si sumptueuse! — •
Sumptueux bras victorieux!
Victorieux Roy glorieux,
Glorieusement triumphant! »²⁾

Рукопись F, XIV, 6, въ II. библиотекѣ (изъ собранія гр. Сухтелена) содержитъ въ себѣ слѣдующія драматическія представленія:

«1) Комедія, или дѣйствія евангельскія притчи о блудномъ сынѣ бываемое».

Прологъ (также отд. изъ Погод. соб. № 1378 и печ. въ Россійск. Вивліюнкѣ).

«Благороднѣи, благочестивѣи,
Государіе премилостивѣи!
Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится.
Христову притчу дѣйствомъ проявити
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу, узрѣти милость ваша.
Всю на шесть частей притчу раздѣлихомъ;
По всяцѣй оныхъ нѣчто примѣслихомъ.
Утѣхи ради убо, все стужаетъ,

¹⁾ Д. Росс. Вивліюнка, Ч. VIII, 220, 222.

²⁾ Histoire du théâtre français par Parfait. II, 343.

Еже едно безъ премѣнъ бываетъ.
Извольте убо милость си явити
Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити,
Тако бо сладость будетъ обрѣтенна
Не токмо сердцюмъ, но душамъ спасенна.
Велю пользу можетъ притча дати—
Только извольте прилежно винмати.»

Въ 1-й части или дѣйствіи отецъ выходитъ съ двумя сыновьями и многими слугами на сцену и начинаетъ благодареніемъ Бога за всѣ его милости къ нему, потомъ даетъ совѣты сыновьямъ и дѣлитъ все свое имѣніе между ними. Старшій, длиннымъ монологомъ, благодаритъ отца; младшій проситъ дозволенія посѣтить чужія страны и между причинами тому считаетъ:

«Свѣщи подъ спудомъ не лѣпо стоятъ,
Съ солнцемъ азъ хошу тещи и сіяти.
Заключеніе видитъ ми ся быти,
Въ отчинной странѣ юность погубити;
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ воляно пребываютъ!
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати
Разуму сущу весь міръ посѣщати;
Твоя то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудеть;
А егда дастъ Богъ вездѣ посѣтити,
Вскорѣ имамъ въ домъ ся возвратити....»

Отецъ соглашается на просьбу «юнѣйшаго сына», и этотъ удаляется.

Во 2-й части онъ уже называется «блуднымъ сыномъ» и пируетъ съ своими рабами; одному изъ нихъ приказываетъ набрать побольше слугъ, и обѣщаетъ каждому платить по 100 рублей, съ другимъ играетъ въ «зернь». Въ заключеніе, подпившаго господина уводятъ слуги подъ руки спать. — Въ 3-й части слуги совѣтуютъ своему господину, еще больному послѣ вчерашней пирушки, опохмѣлиться. Начинается снова попойка, въ это время сладкоигратели (музыканты) и пѣвцы играютъ и поютъ. Подъ конецъ, слуги отказываются служить блудному сыну и даютъ ему денегъ въ займы, потому что онъ растратилъ все свое имущество.

Въ 4-й части блудный сынъ является свинопасомъ, отъ голода онъ ѣсть со свиньями; за то, что стадо разбѣжалось, его стѣкутъ плетями. Въ 5-й части, возвращеніе къ отцу; въ шестой, онъ, прощенный, читаетъ нравоученіе о послушаніи. Въ эпилогѣ говорится, что цѣль представленія показать младшимъ пользу повинновенія къ старшимъ, а послѣднимъ необходимость снисхожденія и милости къ раскаявшимся—

«Обаче молямъ, извольте простити,
А насъ въ милости государстѣй хранити,
За что хранени будете отъ Бога
Въ милости его на лѣта премнога!»

Въ такъ называемой «Moralité de l'enfant prodigue» 1535 года, переведенной на французскій языкъ съ латинскаго, младшій сынъ, съ самаго начала комедія, печалить своего отца дурнымъ поведеніемъ, онъ даже воруетъ и, наконецъ, требуетъ слѣдующую ему часть изъ наслѣдства. Старикъ со слезами исполняетъ это желаніе. Въ одинъ день растрчено все полученное. Хозяйка, гдѣ помѣстился блудный сынъ, и двѣ женщины окончательнo обираютъ его до-конца, и потомъ выгоняютъ его отъ себя самымъ постыднымъ образомъ. За тѣмъ, все прочее во французской мистеріи сходно съ русской пьесой. Въ заключеніи первой объясняется значеніе представленія, — именно, что подь отцомъ надобно разумѣть Бога, а подь двумя сыновьями вообще людей, которые бываютъ и добрые, и злые; первые всегда живутъ съ Господомъ, а послѣдніе безумно растрачиваютъ божьи дары въ развратъ и свѣтскихъ удовольствіяхъ¹⁾.

Русская мистерія «О блудномъ сынѣ» замѣчательна тѣмъ, что текстъ ея, вмѣстѣ съ объяснительными картинками, въ XVII вѣкѣ вырѣзанъ былъ въ Москвѣ на мѣди, и составившаяся изъ того книга сдѣлалась достояніемъ лубочныхъ изданій, на которыхъ долгое время выставлялся 1685 годъ. Заглавіе перваго изданія: «Исторія или дѣйствія евангельскія притчи о блудномъ сынѣ бываемое. Лѣто отъ Рождества Христова 1685»; изданіе состоитъ изъ 57 перенумерованныхъ листовъ, кромѣ заглавнаго. На первомъ листѣ начинается «прилогъ», т. е. обращеніе къ зрителямъ, а на картинѣ, притомъ, изображена сцена, освѣщенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ рампа, площадками; нѣсколько зрителей, одни въ европейскіхъ шляпахъ, другіе въ мѣховыхъ шапкахъ; передъ ними на сценѣ актеръ, произносящій рѣчь къ зрителямъ; одѣтъ онъ въ короткомъ нижнемъ платьѣ, въ плащѣ, закинутомъ назадъ, и съ поднятой кверху лѣвою рукою; на второмъ листѣ, отецъ дѣлитъ свое имѣніе между сыновьями, всѣ три въ длинныхъ одеждахъ; далѣе рисунки изображаютъ то, что происходитъ въ комедіи, такъ на 8-мъ рисункѣ (л. 15) сынъ прощается съ отцомъ и цѣлуетъ ему ногу. На рисункѣ 13 (л. 22), слуга приводитъ блудному сыну повыхъ слугъ и, получивъ за то награду, цѣлуетъ, стоя на колѣняхъ, руку господина, у лица котораго (онъ въ пьесѣ долженъ смѣяться) написано: «ха, ха, ха!». При сценѣ, гдѣ играетъ блудный сынъ въ «зервѣ», изображенъ столъ съ картами и деньгами, у слуги и господина въ рукахъ стопы съ виномъ, подлѣ женщина, которая также пьетъ, кругомъ слуга (л. 25). Явленіе, когда «вызидеть блудный сынъ похмѣленъ», растолкова-

¹⁾ «Hist. du théâtre franç. par Parfait», III, 139.

но картиною, на которой изображены: господи́нь беретъ въ руки чару съ виномъ, вдали кровать съ балдахномъ, около нея женщина съ обнаженною шею (л. 27). На л. 30 представлены «игрецы»; всѣ они держать въ рукахъ скрипки. Когда слуги хотятъ растащить остатки имѣнія господина, и всѣ восклицаютъ: «емлемъ», то и на рисункѣ изображены слуги, и у лица каждаго надпись: «емлемъ». На 29 листѣ изображено, какъ съкутъ блуднаго сына двое слугъ за утрату свиней; при этомъ присутствуетъ прикащикъ съ тростью. На предпоследнемъ листѣ (56) начинается эпилогъ и помещено то же самое изображение, какъ и въ началѣ книги, только актеръ, произносящій рѣчь къ зрителямъ, прижалъ правую руку къ груди, а лѣвою дѣлаетъ жестъ въ сторону.

«Жалостная комедія» о грѣхопадѣніи Адама. Библейское повѣствованіе, о изгнаніи первыхъ человѣковъ изъ рая, было часто избираемо для представленія въ мистеріяхъ французскихъ, германскихъ и испанскихъ. Въ Польшѣ извѣстны три діалога на эту же тему. Одинъ былъ представленъ въ іезуитскихъ школахъ въ Пултускѣ, на страстной недѣли 1578 г. Въ немъ являются лица, жившія за 4000 и болѣе лѣтъ, но говорятъ они такъ, что трудно угадать цѣль и главную идею пьесы. Лица эти, между прочимъ: архангелъ Михаилъ, херувимъ, Адамъ и Ева, демоны — одинъ, подъ названіемъ Асмодѣя, другой въ видѣ змѣя, — потомъ Енохъ, Елисей, св. Іоаннъ Предтеча. — Второй діалогъ неизвѣстнаго года, изъ него знаемъ отрывки изъ разговора Евы съ Змѣемъ:

Ева. Мы можемъ собирать всѣ возможные плоды; только съ того дерева, что растетъ посреди рая, намъ не дозволено. Богъ намъ запретилъ, заповѣдавъ: будетъ вамъ вѣчная смерть, если вкусите того плода.—Змѣй. Не бойся, милая панна; ничего подобнаго не будетъ: изъ-за одного яблока еще никто не терялъ головы. Зачѣмъ же и дерево? на что оно сотворено? оно для васъ, вамъ создано.—Ева. Не напрасно Богъ изрекъ строгое повелѣніе: видно въ томъ деревѣ есть какой нибудь вредъ.—Змѣй. Никакого нѣтъ вреда, любимица Бога! имъ самимъ оно привито. Какъ отецъ, онъ поступаетъ съ вами, не напесетъ онъ вамъ удара, хотя и страшитъ великими угрозами. Иначе какъ же бы удержалъ онъ васъ въ повиновеніи? — такъ надобно удерживать дѣтей отъ дурныхъ поступковъ. Не медли и вкушай, не тревожь головы. Больно сердцу—видѣть и не вкушать ¹⁾.....»

Третій діалогъ носитъ названіе «Nowi raj drzewem żyta zasadzony» и былъ представленъ на сценѣ въ Торунѣ іезуитами на вербной недѣлѣ въ 1688 г. Здѣсь выводятся: Змѣй, соблазняющій Адама, Человѣческая натура, Милость Божеская, непостоянная Богиня Счастія. Въ заключеніе хоръ: Успокоенная Натура, взысканная милостями

¹⁾ «Biblioteka starożytna, Wojcickiego», VI, 203—209, I, 332—335.

Избавителя, приноситъ благодареніе. — Во французской мистеріи 1406 г., въ концѣ, Милосердіе умоляетъ о прощеніи несчастнаго Адама, но Богъ, видя только Божественной Правдѣ, снисходитъ на землю, и, проклявъ ее, повелѣваетъ херувиму изгнать изъ рая Адама и Еву. Трава сохнетъ подъ ногами виновныхъ, а деревья теряютъ свою зелень ¹⁾.

Въ предисловіи къ руской мистеріи находимъ посвященіе государю: «Всеблжженнѣйшій монарше! человѣческое житіе, еже по Бозѣ, подъ милостивымъ защищеніемъ вашего царскаго величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ, во ономъ такожде все прохладженіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ мѣру, но что же обрѣтаемъ? — несмирненіе и брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ болѣзнь и недугъ. Ей, воистинно, егда мы простые человѣцы таковыми отягченными въ зеркалѣ разсмотримся, тогда на насъ скоротой (?) ево въ помышленіе надходятъ, яко же многіе сіе (но еже языческіи есть) началу созданія нашего восхотѣша приписать, но мы же носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а именно древняго Адама, т. е. истую плоть и кровь нашу. Ей, прахъ яже тую бѣду скоро при созданіи нанесе той оную между нами человѣческіи отроки (?) и разсади, не престаю до скончанія міра я всегда распространяти, чтобъ тогда намъ нынѣ при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ и едину малую жалобную комедію примѣшати. Чего ради смиренно молимъ вашего царскаго величества милосердомъ прощенія, да мы, яко человѣцы и о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его, нѣчто въ малой жалобной комедіи, т. е. о Адамѣ и Евѣ представимъ; аще ли же что прегрѣшитъ, паки о милостивомъ прощеніи смиренно просимъ».

Дѣйствующими лицами въ этомъ представленіи были: «Адамъ, Ева, добрые ангелы: Уриилъ, Гавриилъ, Рафаилъ, Михаилъ, потомъ Истина, Правда, Милосердіе, Миръ; Змѣй. Еще нѣкоторые поющіе ангелы; Богъ Отецъ, Богъ Сынъ».

Явленіе называется «сѣнь» (сцена). Вотъ мѣсто, гдѣ Змѣй соблазняетъ Еву вкусить запрещеннаго плода:

змѣй.

«О коль блаженъ мужъ Адамъ, его же Богъ сице почталъ естъ! Гдѣ бо множая такового рая обрѣсти, въ немъ же нынѣ Адамъ и Ева обитають? то бо жилищемъ и лучшимъ прохладженіемъ нашимъ есть. Именно жъ видите и слышите лѣпотны струевъ шумы, видите и слышите красныхъ птицъ пѣніе. Имѣете также прохладженіе ваше

¹⁾ «Teatr starożytny w Polsce, Wojcickiego», II, 245 и «Histoire du théâtre français, par Parfait», II, 308.

и радость въ звѣрѣхъ и рыбѣ въ водахъ. Возможно вамъ утѣшиться въ прекрасныхъ злакахъ и дровесахъ и въ различныхъ цвѣтахъ; азъ двесь по утрѣи зѣло рано, предъ солнечнымъ восходомъ стояще, не возмогохъ довольно утѣшиться изъ умилнаго пѣнія птицъ во вертоградѣ. Очеса мои удоволны бяху въ прекрасныхъ овощахъ на дровесѣхъ. По семь, егда пресвѣтло сіяющее солнце мало росу отъ травъ осуши, пошелъ есмь вѣчто прогулятися и обрѣтохъ различные, красовитые овощи. Но между иными овощъ, его же ровни никогда лучше обрѣсти невозможно, какъ скоро бо онаго вкусивъ, воспріялъ такую охоту и радость въ сердцѣ моемъ, вѣдвнѣемъ въ себѣ самымъ и вѣдати не могу какъ скоро рѣчь языка моего въ пріятную сладость премѣнися, еже однако вся отъ васъ приходитъ, зане намъ къ пользѣ Господь Богъ созда, и мы ради вашей даровъ такихъ причащаемся....»

По изгнаніи праотца изъ райа, начинается судъ надъ нимъ, въ которомъ принимаютъ, между прочимъ, участіе Правда, Истина, Милосердіе и Миръ. При этомъ случаѣ Богъ—Отецъ произноситъ: «зѣло ми правда, и усердно болѣзнуемъ о бѣдномъ паденіи человѣческомъ Адама и Еввы, въ кое прелестіе бѣсовское впали, яко же и вамъ о семь вѣдомо добре есть, чего ради достоинъ о томъ совѣтное постановленіе учинити и по семь на нихъ праведный судъ издати». Правда настаиваетъ, чтобы преступившихъ заповѣдь божію наказать по всей строгости, именно предать на вѣчныя муки. Милосердіе и Миръ являются защитниками первыхъ людей. Въ послѣднемъ, 4-мъ дѣйствиіи являются Сынъ Божій, Миръ, Правда, Истина и Милосердіе.

МИРЪ.

«О вѣчный Сынъ Божій, со Отцемъ въ равенствѣ сый! положили есмы въ любви и смиреніи сей уставъ, если бы возможно было, яко да никто отъ насъ поврежденіе приметъ: Милосердіе божіе съ Правдою, да Истину съ Миромъ соединити, чтобы челоуѣка изъ гортани дьявольской исторгнути, но не вѣмы никакого къ тому совѣта, ниже ко исполненію средствія. Тѣмъ же приходимъ къ тебѣ, къ вѣчной премудрости отча, моляще въ томъ отъ насъ не отступити, внако бо челоуѣку во вѣчномъ пребыти осужденіи.

МИЛОСЕРДІЕ.

«О премудрость, божіе утѣшеніе! даждь намъ совѣтъ свой и помощь свою, да безъ ущербленія нашего бѣднѣй челоуѣкъ свободу одержати моглъ.

ПРАВДА.

«О пребогатый Боже! аще возможно, да правда устоится купно съ милосердіемъ тогда твоимъ, яко да премудрость твоя насъ проводитъ и челоуѣка бѣднаго освободитъ!

ИСТИНА.

«О премудре Сыне Божій! дабы такожде въ семь дѣлъ истина божія состоялася, то соединеніе наше изволимъ проводить вѣчвымъ совѣтомъ своимъ, дабы бѣдный человѣкъ отъ узъ дьявольскихъ избавленъ былъ.

СЫНЪ БОЖІЙ.

«По вашему согласному прошенію, хочу вамъ и совѣтъ препода-ти, но никакое иное средство изобрѣтено быти можетъ, развѣ единъ за то да терпите: тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ, такимъ бо образомъ безвредны пребудете и бѣдный человѣкъ освободится. Любви ради къ человѣкомъ, скорблю о семь и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были.»

Третья мистерія, «Іосифъ, сынъ Израилевъ» также начинается предисловіемъ: «Пресильнѣйшій великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Рос-сія самодержецъ! Егда кто въ восточныхъ земляхъ скорпія обря-щеть, тогда той зміекъ сокрывается и въ тишинѣ пребываетъ, но когда къ нему кто прикоснется и ногами попираи учнетъ, абіе ядъ свой смертоносный испушаетъ. Таковымъ же образомъ и человѣкъ, аще добротливъ и благодатенъ, или лукавъ и злонаравенъ есть, познанъ бываетъ; ибо какъ скоро злобный человѣкъ отъ кого прикос-ненъ точію будетъ, и малымъ чѣмъ докученъ, скоро воздвигнется и, аки скорпія, отъ ярости гнѣву своего возмутится. Противнымъ паки обычаемъ благоусердный и добронравный любить и недруги своя и добро творить гонящимъ его. Мы же предаемъ клятвѣ смертонос-ный ядъ и желчь всѣхъ скорпій и злонаравныхъ человѣкъ, припа-даемъ же къ самой добродѣтели — се есть къ престолу вашего цар-скаго величества, понеже паки малую прохладную о презрѣдной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствѣ о Іосифѣ въ пречестныя очи предпоставити умыслили есми; тѣмъ же не отчаемъ, яко превысокая вашего цар. вел. обыкшая милость во всемилосер-домъ присмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводить и оное бла-гозволеніе».

Содержаніе русской пьесы взято изъ Библии. Въ началѣ Іосифъ рассказываетъ отцу и братьямъ свои сны, потомъ братья продаютъ его купцамъ измайлтянамъ; эти послѣдніе его передаютъ въ Егип-тъ вельможѣ Пентефрію. Представленіе прерывается на томъ мѣстѣ, когда жена Пентефрія, видя безполезность своихъ предложеній Іосифу, дѣлаетъ видъ, что онъ хотѣлъ самъ посягнуть на честь ея.... Для образца здѣсь приводится отрывокъ изъ разговора Вилги, жены Пен-тефрія, съ Іосифомъ.

ВИЛГА.

но изъ очесъ выпустите: самъ же видиши, яко мужъ мой, египтянинъ, о чистотѣ твоей довольно сице обнадѣженъ есть, что онъ когда бѣ нѣкто (еже однакоже никогда быти не можетъ) о насъ что открыти и хотѣлъ, тому никими образы не повѣритъ.

Юсифъ.

«О Боже, освободи же мя отъ сея египетскія жены!

Вилга.

«О Юсифе, бойшися Бога своего?—се и азъ всѣхъ боговъ нашихъ отвергуся. Къ сему же и мужа моего къ тому приведу, да и онъ Богу твоему служить, токмо уклони произволеніе свое къ займной любви.

Юсифъ.

«О, нестыдливое жено! Богъ неблаговолитъ въ тѣхъ, иже во скверномъ житіи пребывая, его величаютъ, и всѣхъ прелюбодѣйственныхъ отъ лица своего вѣчно отметають.

Вилга.

«Добро же, Юсифе, повеже не хочешь супружество разрушити, тогда азъ мужа моего убію и по сему тебя по закону твоему за мужа приму.

Юсифъ.

«О жено! молю тя, стыдись того предъ Господемъ, и бойся Бога и не твори окаянное таковое дѣло, подавая дьяволу въ жертву самую себя, аще же въ томъ прочае (?) поступати учнешь, то азъ помышленія твоего вѣщанія мужу твоему объявлю.

Вилга.

«Вѣрю тому добръ, занеже вчера изрядную пищу, яже ти послала бѣ, не восхотѣлъ еси вкушати, азъ же желала быхъ съ тобою и осужденна быти; но еще время, Юсифе, се половина богатства моего, ей болши половины, еже въ пентефріевомъ дому есть, твое будетъ, а во знамя вѣрной любви моей примя сіе въ закладъ....

Въ Польшѣ жизнь Юсифа была сюжетомъ двухъ драмъ: одна написана извѣстнымъ въ польской литературѣ писателемъ Николаемъ Реемъ въ 1545 г. (*Zywot Josepha z pokolenia żydowskiego, syna Jakubowego*). Въ первомъ актѣ ея Іаковъ и Рахиль благодарятъ Бога, что измилъ онъ столько милостей на домъ ихъ. Рахиль хвалить Юсифа, а онъ рассказываетъ ей свой сонъ о снопахъ. Іаковъ посылаетъ сына къ братьямъ, которые стерегутъ стада. Давно уже братья были недовольны предпочтеніемъ отца и матери къ Юсифу, и потому сначала думаютъ убить его, потомъ ввергаютъ въ ровъ, наконецъ продаютъ

проходившимъ мимо купцамъ измайлѣтамъ (silny glupci), а Іакову и Рахили оказываютъ, что брата ихъ растерзали звѣри. В) второмъ дѣйствіи Іосифъ купленъ Пентефріемъ, который, встрѣтивъ купцовъ на дорогѣ, спрашивалъ, нѣтъ ли чего купить у нихъ? Въ третьемъ дѣйствіи Зезира, жена Пентефрія, влюблена въ Іосифа; Анхиза, служанка ея и напероница, устраиваетъ свиданіе для госпожи своей, а между тѣмъ Пентефрій, въ длинномъ монологѣ, говоритъ о счастіи имѣть хорошенькую и притомъ добродѣтельную жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать такимъ вѣрнымъ слугою, какъ Іосифъ. При свиданіи, Іосифъ остается глухъ къ предложеніямъ Зезиры; эта, взбѣшенная отказомъ, рветъ свои одежды и обвиняетъ слугу въ насиліи. Его ввергаютъ въ темницу, тамъ онъ толкуетъ сны и т. д., — однимъ словомъ, до конца пьесы все содержаніе заимствовано изъ Библіи. Любопытны анахронизмы этой мистеріи: напримѣръ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ взываетъ къ Матери Божіей, упоминаетъ объ обѣднѣ и олейтахъ въ органѣ.

На польскомъ языкѣ есть еще мистерія подъ названіемъ *Czysty Josef*, 1597 г.;—это переводъ съ латинской пьесы Симона Симоновича¹⁾, она помѣщена въ «*Opera omnia*» этого писателя. Французская мистерія 1406 года—«*De Joseph qui exposa les songes et de sa vendition*», одинаковаго содержанія съ польскими и русскою пьесами. Известный намъ отрывокъ изъ разговора Іосифа съ женою Пентефрія отличается значительною краткостью противъ русскаго: «*La dame. Joseph?—Joseph. Que vous plaist-il, madame?—La dame :*

«*Mon amy, veuillez approcher,
De moy,
. . . tout secrètement.*
JOSEPH.
*Quesse-cy, madame, comment?
Le faictes vous par farcerie,
Ou autrement ?*»

Въ дѣлахъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ) уцѣлѣла одна пьеса, хранившаяся въ бывшемъ посольскомъ приказѣ, подъ заглавіемъ «Баязеть»: она давалась, какъ видно изъ эпилога, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и потомъ ее разыгрывали въ Москвѣ даже во времена Штелина.

«Баязеть» написанъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть всѣ театральные эффекты и ужабы—сраженіе, убійства и т. п. Баязеть намѣревается напасть на Константинополь, но встрѣчаетъ себя

¹⁾ О мистеріи Ред см. «*Teatr starożytny w Polsce*» I, 131—157; а о Симоновичѣ въ «*Duktionarz poetow polskich, Juszińskiego*, I, 107.

²⁾ *Histoire du Théâtre français*, par Parfait. II. 332.

противника въ союзникъ Палеолога, Тамерланъ. Подданные этого послѣдняго осыпають упреками Баязета за то, что онъ ненавидитъ христіанъ, и молятъ Бога о помощи «убоному христіанству». Баязетъ впередъ увѣренъ въ удачѣ своего нападѣнія и насмѣхается надъ приготовлениями непріятели. Наконецъ, на сценѣ происходитъ сраженіе, Тамерланъ остается побѣдителемъ и является въ битвѣ на конѣ—къ нему приводятъ побѣжденнаго Баязета въ клеткѣ, гдѣ онъ и разбиваетъ себѣ голову. По старинному обычаю, въ пьесѣ есть шутовскія сцены, шутъ называется по голландски Пикель Гярингомъ; встрѣчаются и пѣсни въ родѣ:

Братя, да возвеселимся,
Сямъ виномъ да утвердимся!
Богъ убо вѣсть— сколько намъ жити:
Нынѣ идемъ купно въ поле,
Убитыми быть, или вздравъ
Съ корыстію быти, а не убити(ы).
Тамъ же да будетъ вначалѣ
Веселіа радостію нынѣ,
Богъ убо вѣсть, кто доживетъ
Въ годъ испити того вина!
Са, са, са, са, са!

Въ эпилогѣ обращеніе къ царю:

«Пресвѣтлѣйшій, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! яко древле пали всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Іосифа кланяюся, такъ и мы, оставивъ тамерлановъ престолъ, кланяемся должно и, падъ ницъ на землю, усмиряемся предъ царскимъ вашимъ величествомъ. Но кая служба, о великій государь, симъ поклономъ нашимъ предъ величествомъ и милосердіемъ вашимъ быти можетъ? Никая ниже на меньшей солнечный градъ (градусъ?). Однакожь, яко нѣкогда великій Александръ, царь македонскій, сосудъ студеной воды отъ одинаго отъ рабъ своихъ предъ иными златыми жертвы въ даръ воспріялъ есть, тако и мы, уповая на превысокую милость вашего царскаго величества, припадаемъ пакы смиренно къ подножію престола величества вашего, униженно моляще, да ваше царское величество благоволитъ сію малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще неискусныхъ и несмышленныхъ отрочатъ, всемилостиво воспріяти, иже до изгону живота нашего пребываемъ вашего царскаго величества смиренные вѣрные рабы».

Въ библиотекѣ графа А. С. Уварова находится рукописная пьеса, также принадлежащая къ разряду драматическихъ произведеній разсматриваемой эпохи.

Она не имѣетъ особеннаго заглавія: въ прологѣ, названномъ «предлогомъ», о ней говорится, какъ объ «исторіи о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ». Выше мы замѣтили, что на западѣ

изъ ветхаго завѣта стали заимствовать сюжеты для театральныхъ сочиненій послѣ введенія обычая—изображать на сценѣ событія изъ жизни Спасителя, Богоматери и проч. Сначала заимствования изъ ветхаго завѣта ограничивались только переложеніями въ разговорную и стихотворную форму библейскихъ повѣствованій,—этому подтвержденіемъ служить рядъ французскихъ мистерій изъ ветхаго завѣта, конца XIV и начала XV столѣтія¹⁾). Здѣсь еще не замѣтно заботы о единствѣ ни содержанія, ни времени, ни мѣста. Вся цѣль представленія—изображеніе въ лицахъ библейскаго разсказа: такъ, напримѣръ, въ одной и той же мистеріи «о смерти Саула и царствованіи Давида» Саулъ преслѣдуетъ Давида, является тѣнь пророка Самуила, которая предсказываетъ царю близкую смерть, послѣ чего дѣйствительно Саулъ погибаетъ въ сраженіи съ филистимлянами, а Давидъ дѣлается царемъ и чрезъ Иоава объявляетъ войну аммонитамъ, потомъ у фонтана видитъ Вирсавію... Далѣе слѣдуетъ событіе съ Авессаломомъ, наконецъ Адавій, видя дряхлость Давида, хочетъ завладѣть престоломъ, но этотъ повелѣваетъ помазать на царство Соломона. За тѣмъ слѣдуетъ новая пьеса «Царствованіе Соломона» и опять рядъ сценъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ изложены въ св. писаніи. «Исторія о царѣ Давидѣ и Соломонѣ премудромъ» именно замѣчательна въ томъ отношеніи, что представляетъ образецъ русскаго переложенія въ мистерію 1-й и половины 2-й главы III Книги Царствъ. Здѣсь также переложитель неуклонно слѣдовалъ библейскому повѣствованію, которое является на сценѣ въ рѣчахъ выведенныхъ лицъ, безъ всякой связи или завязки. Пьеса въ видѣнномъ мною позднѣйшемъ, и притомъ дурномъ спискѣ, написана прозою, но видно, что она первоначально сочинена виршами. Вотъ, какъ въ прологѣ разсказано содержаніе мистеріи:

Царь бо Давыдъ, весьма обремененъ,
и призва всехъ своихъ любезнѣйшихъ,
рече же имъ: вѣрны бо сердца моего друзи,
видите, которая мя болѣзнь узываетъ,
ума моего знаменія изъ главы внимають;
можетъ ли бо кто такъова врача обыскати,
который бы могъ болѣзнь сію изъ главы моея изгнати?
Юноши же вѣкій изыскають дѣвицу прекрасну
и красотою ся весьма зрачну,
которая могла царя Давыда врачевати
и всю болѣзнь отъ него изгнати.
По нѣкоторому же времени, сынъ его Адавій
восхотѣвъ тайно престоль отца своего воспріяти
и душою его нелюбящихъ отъ Израиля изгнати;
который (т. е. Адавій же) въ советъ свой не приказалъ
брата своего Соломона призывать,

¹⁾ Histoire du théâtre français, par Parisot, II, 304 и слѣд.

иерою же Содоку не возвѣщати,
и пророка Наана, къ тому не приглашати.
Мати же царя Соломона и пророкъ Нааній приступиша,
ко Давыду царю со слезами вопросиша.
Сокзволнѣ же царь Давыдъ Соломона
на престолѣ своемъ короною утверждати.
Какъ Соломонъ воцарися,
то и Иерусалимъ весь подъ нозы его преклонися.
Нача же Соломонъ на престолѣ
царствомъ двѣнадцать лѣтъ отца своего владати
и противниковъ его изъ Ерусалима изгоняти,
которыхъ приказалъ смертию казнити,
патрiарха ¹⁾ же Авиаара въ селѣ Анасаезъ держати,
которому запретилъ во вѣкъ не исхождати.
Мы бо нынѣ почтимся вамъ на дѣйствѣ показати
вы же изволте насъ златомъ награждати.

Что касается до разговора дѣйствующихъ лицъ, то всѣ они безъ исключенья говорятъ чрезвычайно напыщенно: авторъ намѣренно старался поддѣлаться подъ колоритъ подлинника. Вотъ, напр., какъ ведется на сценѣ разговоръ о болѣзни Давида въ старости и способъ излеченія ея:

«Сидѣть царю на престолѣ и при немъ сидѣть въ стулахъ сенаторомъ и стоять двумъ отрокамъ, а царю рещи сію рѣчь:

«Придите ко мнѣ, любезнѣйшіе,
врядите, мои друзи,
и вѣрные сердца моего слуги!
Видите мя, какъ болѣзнь узвѣяеть,
ибо отъ труда едва духъ во мнѣ бываетъ;
да не можете ли вы врача того сыскати,
который бы во мнѣ болѣзнь могъ познати
и скорѣ отъ мя отгнати?
Не могу азъ памяти въ себѣ утвердити,
яко имѣхъ видѣ мой весь въ горести признати,
како то, что видящися въ болѣзни жестокихъ,
то все нынѣ не вижу во слезахъ глубокихъ.
О горе, откуда скорбь сія во мнѣ бываетъ,
паче же жесточайшихъ мразъ сердца ознобляетъ!
Пойдите, нищущи во всѣ страны,
да будетъ вами врачъ мнѣ изысканный».

ОТРОКЪ.

«О великій царю нашъ Давыде,
мы же предстояще покоривши подъ ноги ваша.
Ужасаетъ насъ страшный твой видъ,
нынѣ намъ болѣзнь твоя приключенна,
мнимъ, да будетъ скорѣ нами излеченна

1) Этотъ титулъ Авиаару придалъ авторъ пьесы. Послѣ Авиааръ изгоняется во величественнѣ происки, да не дозволенъ будетъ смертныи сѣнѣ.

вешими трудами, царю прославивши!
о здравии врачитель будетъ ты сысканный,
Да изыщеть ты дѣвицу прекрасну
и добротой лица ся сіяюще, ясну,
которая возможеть ты врачевати.

ЦАРЬ ДАВЫДЪ РЕЧЬ:

«Во истинну изрядно,
и весьма словеса твои мнѣ да будутъ правны;
сотвори нынѣ тако,
общаеша мнѣ како.
Юнчу дѣвицу изыщите,
немедленно ко мнѣ приведите.

ОТРОКЪ.

«Готовъ повелѣнное тобою вскорѣ сотворити
и сказанную мною дѣвицу предъ ты представити.

«По проговорѣ царской рѣчи, поклоняюсь отрокамъ царю,
идти въ уборную полату и, взявъ дѣвицу, привести предъ
царя Ависану.

ОТРОКЪ.

«Повелѣнное тобою нынѣ сотворилъ:
сію бо дѣвицу предъ ты вскорѣ представилъ.

ЦАРЬ ДАВЫДЪ.

«Откуда, прекрасная, обратенна,
днесь предъ очима моима явленна?
Нынѣ мое сердце, зря на ты, весьма веселися,
и свѣтъ въ очахъ моихъ нынѣ открыся.
Прошу, госпоже, приблизитися здѣ ко мнѣ безопасно:
даждь ми свѣтлое лице свое соглядати
и любезнаго твоего имени познати.

«По проговорѣ царской рѣчи, то царю съ трона встать и
сѣсть предъ трономъ на стулѣ; такожъ и Ависанъ сѣсть
противу его и рещи Ависанъ сію рѣчь:

«Великій царю, а мой милостивѣйшій государю,
азъ есмь Сумайскаго роду,
Измаилтѣйскаго народу;
весьма не высокородна собою,
яко едина отъ грашницъ, званная тобою;
имя мое Ависана,
и подъ державою твоюю всегда была обитанна».

Читатель, вѣроятно, замѣтитъ въ этой выпискѣ ту особенность,
что предъ монологомъ каждого почти лица находится замѣчаніе о
томъ, что долженъ дѣлать актеръ на сценѣ; эти примѣчанія встрѣ-
чаются въ продолженіи всей пьесы, сверхъ того монологи пере-

мѣчены цѣрами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ что нибудь дѣлать на сценѣ, стоитъ отмѣтка зри (известно, что это слово въ старину замѣняло у насъ знакъ NB.). Такія объясненія показываютъ, что списокъ принадлежащей гр. Уварову мистеріи сдѣланъ собственно для употребленія актеровъ, а потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, при бѣдности свѣдѣній о выполненіи старинныхъ нашихъ пьесъ.

Выше мы видѣли, что Давидъ въ собраніи долженъ быть на престолѣ, по сторонамъ стояли два отрока, а сенаторы «сидѣли въ ступлахъ». Слѣдовательно, тронная зала или зала царскаго засѣданія представлялась прежде почти также, какъ и въ послѣдующія времена. Когда одинъ изъ присутствующихъ обращалъ рѣчь къ царю, то всѣ прочіе вставали. Когда Аданій является на сцену съ цѣлью сдѣлаться царемъ вмѣсто Давида, то на столѣ лежатъ скипетръ, корона и порфира, и при нихъ стоятъ два воина и держутъ «наголо кортики»; при Аданіи находятся также два воина.

Когда должно начинаться помазаніе на царство, то являются, кромѣ первосвященника, воины, сенаторы, также «и набрать маленькихъ робятъ и притти предъ Аданія». Послѣ помазанія четыре сенатора берутъ порфиру и возлагаютъ на плеча Аданія, корону надѣваютъ на главу его два воина и два сенатора, а скипетръ первый изъ сенаторовъ подносятъ на блюдѣ, прочіе произносятъ приличное поздравленіе. При третьемъ явленіи узнаемъ, что занавѣсъ, или, какъ названо въ пьесѣ, шпалеръ закрывался послѣ каждого явленія (на чтѣ жаловался, какъ увидимъ ниже, Берггольцъ въ своемъ дневникѣ); такъ въ помянутомъ явленіи, слѣдующемъ ваторжествомъ Аданія, есть постановленіе: «сидѣть предъ трономъ на стулѣ матери Соломоновой Варсави; и открыть шпалеръ». По окончаніи совѣщанія съ Нааномъ, царица уходитъ въ уборную комнату, убирается въ женское (?) платье, потомъ идетъ къ царю Давиду, который веселится съ сенаторами передъ трономъ. Когда Давидъ произноситъ молитву, то онъ встаетъ со стула, взираетъ на небо, а сенаторы и воины падаютъ на колѣни. Помазаніе на царство Соломона происходитъ съ тою отмѣною отъ вышеописаннаго, что его облакаетъ въ порфиру, даетъ скипетръ и корону самъ Давидъ, который потомъ возводитъ его на тронъ; а всѣ предстоящіе «воспѣваютъ вивать». Пиръ за тѣмъ слѣдуетъ, а на немъ сенаторы и воины сидятъ. При изреченіи приговоровъ, Соломонъ сидитъ на тронѣ, а около него четыре воина и четыре сенатора. Аданій, признавшійся въ своемъ намѣреніи, говоритъ передъ нимъ на колѣняхъ у ногъ новаго царя. Давидъ умираетъ на сценѣ. Онъ лежитъ на постелѣ передъ трономъ, и послѣ нравоученія Соломону конускаетъ духъ; Соломонъ, Варсавія и Аданій должны плакать; а сенаторы и воины поютъ пѣсню: «зряще мя безглавна». Когда мать Соломона проситъ его за Аданія, то царь глаголетъ съ яростію. Изгнать Аданія также на сценѣ;

«по окончаніи рѣчи ему пасть на колѣни, а Аданію отсѣщи главу и закрыть тронъ». Предъ казнію Іовава читается епистолиа о его преступленіяхъ.

Митрополитъ Евгенийъ говоритъ, что Дмитрій Ростовскій писалъ свои драматическія представленія, когда еще былъ въ Малороссіи; по свидѣтельству же Штелина, они были играны въ Ростовѣ въ крестово ѱ митрополита. Въ числѣ этихъ пьесъ одна «Рождество Христово», быть можетъ, есть та самая, которая переписана въ сборникѣ П.библіотекѣ (XIV, Q, 28) подъ названіемъ «Комедія на Рождество Христово». Она замѣчательна въ томъ отношеніи, что хотя по содержанію и принадлежитъ къ религіознымъ представленіямъ, однако по обстановкѣ, вводнымъ сценамъ и вообще по изложенію и языку, имѣетъ болѣе отношенія къ жизни, нежели тѣ, которыя сейчасъ нами описаны.

Предметомъ комедіи избрано Рождество Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, убіеніе младенцевъ въ Вилеемѣ по повелѣнію Ирода и, наконецъ, муки сего послѣдняго. Въ антипрологѣ «Натура людская» жалуется на несовершенства человѣческія и грѣхонаденіе первыхъ людей; ее утѣшаетъ Надежда, Золотой вѣкъ, Кротость, Незлобіе, Радость,—но послѣ нихъ являются Зависть, Желѣзный вѣкъ, Брань—и «Натура людская» снова опечалена, Смерть превозглашаетъ свое господство, но Жизнь останавливаетъ ее и говоритъ:

«Азь власти имамъ живити азь и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.»

Въ послѣднихъ стихахъ пролога находится указаніе, что драма была играна при архіереѣ:

«Да крвиость нынѣ Бога рождена проолавимъ.
Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
Ты же, архіерею, да благословляешь ¹⁾».

Послѣ разговоровъ Неба, Земли, Милости Божіей, Вражды и Зависти, на сцену являются вилеемскіе пастухи. Изъ нихъ, два,—Аврамъ и Аеоня, пошли въ городъ, а третій, Борисъ, остался при овцахъ; по наступленіи ночи, онъ недоумѣваетъ о томъ, что товарищи слишкомъ долго не возвращаются; они приходятъ, одинъ изъ нихъ объясняетъ причину своего замедленія тѣмъ, что заходилъ въ кружало; воѣ садятся ужинать; въ это время — «Запоютъ ангели, а они забудутся, кусы въ ротахъ, думаютъ долго, одинъ на другаго смотрятъ, не скоро въ небо.»

АВРАМЪ.

«Што, братъ, гдѣ же такъ гетакъ поють хорошенько?
еще я такъ несмыдавъ, ты слышишь, Аеонько?»

¹⁾ У Моне (Schauspiele des Mittelalters, Ч. 2. стр. 424) есть упоминаніе о «Komödi von der Geburt des Herrn Christi, von 1589».

АФОНЯ.

«Явже слышу и вижу: ей, птички высоко,
смотрите, сдбакъ ваше недосмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ, вотъ въ гору смотрите.

БОРИСЪ И АВРАМЪ.

«Е, е, е, видимъ, видимъ! (Афонъ) А што, правда, птички?

АВРАМЪ.

«Братъ, кажется робятка стоять невелички.

АФОНЯ.

«Сударя, и хто видалъ!—робята съ крылами,
птицы то залетели межю облаками,
Етакъ бы хорошенько робята не пьли,
смотри, смотри, не видно, вотъ и полетели.

БОРИСЪ.

«Летите жъ здоровышки, а мы поседьмо,
маленько покушавши, къ овечкомъ идьмо.

АВРАМЪ.

«Когда бы же такъ надъ стадомъ нашимъ всю ночь пьли,
то бъ мы ихъ, слушаючи, спати не хотьли.
Афоня, ты учися на дудки играти,
што бы мы не хотьли, да и ты, дремати.

явление 3-е.

АНГЕЛЪ КЪ ПАСТЫРЕМЪ.

«Радость, о пастырие, отъ меня примите,
и не ужасайтеса, но словамъ внимайте:
Радость нынъ велия мирови явися.
Спасъ человъческому роду родися —
Отъ пренепорочныя Марин дьвицы,
небесныхъ, купно земныхъ жителей царицы!
Близъ града Вифлеема, въ вертепъ глубокомъ,
между воломъ и осломъ, на мьстъ высококомъ,
Въ ясляхъ, на остромъ сьнъ пеленами ввитый,
лицъ лежить всего мира царь прьзнаменитый;
Такъ убо веселыма ногама идете,
Достойную ему честь и поклонъ дадете ¹⁾

¹⁾ Въ старинной французской мистерии XV вѣка о Рождествѣ Христовѣ, пастухи въ окрестностяхъ Вифлеема собираются, чтобы ночью стеречь стадо. Они между прочимъ толкуютъ о государственныхъ расстройкахъ и указъ цесаря Августа о томъ, что каждый долженъ быть записанъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ родился. Ихъ занимаетъ вопросъ, съ какою цѣлю это дѣлается и проч. Наконецъ являются ангелы и потому распространяется священный свѣтъ. Пастухи не понимаютъ тому причины—начинается ли день, или всходитъ луна? Вотъ какъ извѣщаетъ ихъ Гавриилъ о рожденіи Спасителя:

ВОРИСЪ.

«О сударь, кто ты таковъ, ты княжего рода,
чаю, что князь твой отецъ, или воевода?»

АНГЕЛЪ.

«Азъ есмь архангелъ, не отъ земна рода,
но отъ небесныхъ ликомъ воевода.
Неприступну престолу Бога услугую
и тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ его посланный,
тому поклонъ да будетъ отъ васъ князь данный.»

АВРАМЪ.

«Чаю тебя, государь, къ князьямъ послали,
штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ—гето ты заблудилъ,
или не волухавъ—вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.»

АНГЕЛЪ.

«Аще и царь есть царемъ, князь же смиренный
волею между скоты всталъ положенный:
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ,
пастыръ сый вземъ пастыремъ васъ, пастырей, часть.»

ВОРИСЪ.

«О сударь, надобно ли что въ поклонъ понести,
штобы не вальгъ, яко нашъ князь, въ шлю вонъ воститъ?»

АНГЕЛЪ.

«Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
нехочетъ себѣ даровъ, но онъ да даровуетъ.»

Bergiers, ne veuillez crainte avoir,
En nuyt est accompli l'esprit.
Car nostre Sauveur Jesucrist
Sans doute nous est né sur terre!
Et si du lieu voulez en querre,
C'est en Bethléem la cité,
Et en figure de verité
Sitost que au lieu arriverez,
Ce petit enfant trouverez
Couché dedens la creche aux bouz!

URIEL.

Chantons ung chant mélodieux. (Здѣсь ангелы поютъ:

Gloria in excelsis Deo et in terra pac etc.)

Въ другой мистеріи такого же содержания, 1545 года, пастыря, выслушавъ вѣсть о рожденіи Спасителя, поютъ:

Dansons, chantons, faisons rage,
Puisqu'avons grâce pour pardon,
Chantons Noël de bon courage,
Car nous Christ en pur don я т. д.

(Hist. du Théâtre fr. par Parfait, 1, 132 — 134; III, 60).

Чисто сердце за дары тому принесете,
вѣру, надежду, любовь ему предложете.
Глаголанная мною скоро сотворите:
азъ буду невидимъ, вы въ вертепъ идете.

ВОРИСЪ.

«Што же, такъ идти худо, ходъмъ украсимся
въ чулки, лапти новые. Пойдемъ приберемся.
Авоня, позабирай калачи и вино,
да и ты приберися, пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе: «Ангелъ пастырей вѣстия,
Христось ся вамъ днесь родилъ,
Въ Виелеемъ, градъ давидовомъ,
Отъ Дѣвы Маріи, въ колынь іудовомъ.
Хотяще знать известно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Виелеемъ скоро пошли
Отроча въ ясляхъ знавши» и проч.»

Изъ этого отрывка видно, что «Комедія на Рождество Христово» имѣетъ значеніе, какъ произведеніе, гдѣ болѣе, нежели въ предъиду-щихъ, отразилась современная автору жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, эти добродушные пастыри, покупающіе вино и калачи, напоминаютъ сильно соотечественниковъ Дмитрія Ростовскаго, жителей Украйны. Нельзя также не замѣтить, что большая часть пьесы ведена, если исключить монологи Злобы, Вражды и прочихъ аллегорическихъ лицъ, очень естественно и безъ натяжекъ. Примѣромъ тому служить разговоръ пастуха съ ангеломъ. Что можетъ быть правдивѣе, какъ бѣдвякамъ сомнѣваться, точно ли къ нимъ, нищимъ, а не къ какомунибудь князю, явился посланникъ неба съ радостною вѣстію о рожденіи царя міру сему? потомъ этотъ вопросъ: не нужны ли подарки при поклоненіи... Отвѣтъ ангела о томъ «кто нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ», полонъ трогательной истины и заключаетъ въ себѣ исторію всей жизни Спасителя.

О существованіи въ рукописи театральной пьесы, написанной Прокоповичемъ, известно изъ «Словаря о писателяхъ» Новикова. Она есть въ рукописяхъ Румянцовскаго музея (№ 318) и тамъ при ней приложено письмо Гвѣдича, съ доказательствами, что сочиненіе дѣйствительно должно принадлежать архіепископу Теофану.

При описаніи мною «Владимира», я пользовался рукописью Публичной библиотеки (О, XIV, 2, стр. 64 и слѣд.)

«Владиміръ славено-россійскихъ странъ князь и повелитель отъ невѣртія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святимъ отъ Р. Х. 988, нынѣ же въ православной академіи могиланской кievской на позоръ россійскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добръ здѣсь восшутуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ шитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня MDCCV, Юля 3 дня, показаній».

Прологъ къ слышателю: «Служаще общему уставу въ академіи нашей, отъ лѣтъ многихъ хранимому, се и мы, еще и послѣднѣйшіи, недозрѣли плоды трудовъ нашихъ на позоръ вамъ производимъ, великоименитіе и благородніе слушатели! А яко не ино что, токмо повѣсть о обращеніи къ Христу равноапостольнаго князя нашего Владиміра общимъ дѣйствіемъ представити умислихомъ; вина бяше, яко то и мѣсту сему прилично и свойственно слышателемъ мнится быти. Приличенъ дому есть образъ господина, свойственная память сыномъ отшедшаго далече отца своего: се же и домъ владиміровъ, се и владимірова чада крещеніемъ святимъ отъ него рожденная, что паче всѣхъ изящѣе на тебѣ является, ясневельможній пане ктиторе и добродѣю нашъ, ему же и строеніе сего отечества владиміроваго по царю отъ Бога врученно есть, и владиміровыми идѣй равнины ему побѣдамы равню въ Россіи ікономією лице его, яко отческое сынъ, на тебѣ показуешъ! Убо сего изображеніе прійми отъ насъ, яко тогожъ великій наслѣдникъ, вмѣсто привѣтствія; зри себѣ самого въ Владиміръ, зри въ позоръ семь, аки въ зеркаль, твою храбрость, твою славу, твоей любви союзъ съ монаршимъ сердцемъ, твое истинное благолюбіе, твою искреннюю къ православной апостольской, единой каеоллической вѣры нашей ревность и усердіе...»

Содержаніе пьесы въ томъ отношеніи замѣчательно, что занимствовано изъ русской исторіи. Отчасти изъ предисловія видно, что подобный выборъ предмета требовалъ объясненія причинъ тому, что не имѣло бы мѣста, когда обычай брать драмы изъ русской исторіи введенъ былъ бы прежде. Трагедокомедія начинается появленіемъ на сценѣ тѣни Ярополка, убитаго братомъ своимъ Владиміромъ. Онъ жалуется на убійство, завидуетъ славѣ Владиміра и говорить, между прочимъ:

и еще повсюду
приносится вѣсть, не вмѣ изшедше откуду,
Аки бы Христовъ законъ въ тебѣ имать быти
и съ богами Владиміръ дерзнетъ брань творити.
Христось, аще ты еси Царь и Господь всея
твари, гдѣ судъ истинній? гдѣ правды твоея
Неложное мѣриво? убійца во славѣ
отъ тебе взычанъ будетъ? и тако державъ
Твоей угождается? ородственныя крови
губитель любямъ тебѣ? о судъ неистовій!...»

Является волхвъ Жериволь и приходитъ въ страхъ, при видѣ Ярополка; но этотъ его успокоиваетъ, говоря, что не первый разъ ему, чародѣю, видѣть духовъ и умершихъ. Жериволь сознается, что онъ чувствуетъ страхъ, потому что не выпилъ изъ сосуда, присланнаго ему отъ царя тьмы. Далѣе, Ярополкъ рассказываетъ всѣ обстоятельства омерти своей и Жериволь клянется отмстить за него:

«О бози, помозите! аще мои пьсны
сильни суть и могутъ что, да пройдутъ въ безвѣстны
Мѣста, въ дѣбри, въ пещеры, въ рѣки, въ бездны, въ гробы,
въ глубокія великой матери утробы!
Подвигну мертвыхъ, адокихъ, воздушныхъ и водныхъ
соберу духовъ, къ тому звѣрей многородныхъ;
Созову купно: придутъ звѣри страховидны,
гади, смоли, полозы, скорпія, ехидны.
Совлеку солнце з неба, помрачу свѣтила,
день и ночь претворю: явь будетъ моя сила!»

Второе дѣйствіе начинается скорбнымъ разговоромъ жреца Курояда съ Піаромъ о скудости жертвы богамъ и о прожорливости Жеривола. Послѣдній приходитъ и взываетъ о помощи къ духамъ:

«Аде! на помощь возстани,
сильно двигни твои брани,
Двигни силы, двигни власть,
твоя имать честь упасти!
Вътре пернатій! воскорь
преносай корабль по морь,
Помощной помози намъ адской силъ,
подаждь бо скоріе крыль!
Летите, дуси, летите,
намъ на помощь не медлите.
Изострите гнѣва жало,
люто время намъ настало!»

Послѣ такого призыванія, бѣсы міра, хулы и тѣни обѣщаютъ Жеривола свое содѣйствіе.

Въ 3-мъ дѣйствіи Владиміръ съ дѣтьми, Борисомъ и Глѣбомъ, совѣтуются о философѣ, присланномъ къ нему отъ византійскаго императора. Жериволь преходитъ ко Владиміру и проситъ жертвы для боговъ, которые, отъ прекращенія жертвоприношеній, сдѣлались больны. Владиміръ отвѣчаетъ съ насмѣшкой и требуетъ состязанія Жеривола съ греческимъ философомъ. Этотъ послѣдній учитъ, что Богъ невидимъ, и духъ сокрушенный есть лучшая жертва ему; въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ философъ подробно толкуетъ Владиміру съ Борисомъ и Глѣбомъ, о существованіи Бога, вѣчной жизни, будущемъ судѣ и мукахъ во адѣ.

Философъ удаляется, а Борисъ и Глѣбъ совѣтуютъ отцу принять христіанскую вѣру. Владиміръ отсылаетъ дѣтей:

«отъидите на время—азъ здѣ совѣтую
На единѣ со мною: зъ воску имуть дѣти
сердце — скоро ихъ на вся приклонишь совѣты.»

Оставшись одинъ, великій князь говорить съ Гордыми помысла-

ми, Шлотію, Хульними помыслами, — всѣ они противъ ученія Христа. Въ концѣ есть «Хоръ прелести»:

«Возврати, Владиміре, возврати бѣгъ спящій,
Негли постой и слыши плачь мой неутѣшій!

Познай любезне,
Кто зоветъ слезне!
Кого любилши?
Камо бѣжиши?
Въ кія идешь страны?
Откуда гнѣвъ на ны?
Плачь ты не утолитъ,
Гласъ мой не умолитъ!
Тако еси твердій,
Тако жестокосердій;
Любве ми една,
Кая се измѣна?

Помани, Владиміре, дни прежніе тѣ,
когда ты объятіе имѣюше сіе.
Кое тогда пространство, кая радость бяше!
триста женъ лобзаніе сердце вмѣщаше,
Скожи и плясанія баху непрестанно;
сласть всякая течаше въ душу невозбранно,
Конхъ тогда сладостей небывалъ сити
поминати сладко есть, что жъ дѣломъ творити?
Вспомни, когда ко сердца охладъ,
былъ съ тобою красномъ вертоградъ?
Естество цвѣты являше различніи,
азъ представляхъ жены красноличніи.
Красно-мѣсто отъ цвѣтовъ тѣхъ баше,
но краснѣйше позорище наше:
Стиданаея повсюду цвѣтъ червленній,
живыхъ цвѣтовъ лицемъ побѣжденій.
Гдѣ дни тѣе? зайдоша въ домъ подземній,
помрачи ихъ вечеръ темній!..»

Въ 5-мъ и послѣднемъ дѣйствіи, разговоры Курояда съ Піаромъ любопытны, въ отношеніи свѣдѣній, какія были въ началѣ XVIII вѣка о славянской міеологіи. Піаръ, рассказывая о перемѣнѣ вѣры Влади-
міромъ, произноситъ:

«
Еще ты не вѣси
Злобы его горшія, како его бѣси
на боговъ возъяриша, повель повсюду
Крушити боги. Видѣхъ, како удъ отъ уду
отторженъ валяшеса; многимъ носы, нозы
Урзавныи видѣхъ. О, благіе божи,
болею за васъ зѣло! Чи не скорбь се, друже?
Ладо не можетъ уже плясати, ему же
оіе дѣло отъ боговъ всѣхъ есть порученно,
Но токмо локти движеть всуе, недѣйственно!

Мошко ¹⁾ же отнюдь кадыкъ не возмогеть чуты
 А Позвиздъ (о скорбь моя, о жалю мои лютии!)
 пребиту голень иматъ и хромаетъ стѣна;
 Но слышу множайшія и крайняя злая,
 что видяхъ океанній! Зря вещь неподобну,
 Дати студии, кумиръ разсѣкши подробну,
 во главу, аки въ сосудъ, испраздняють отомахъ!..»

За тѣмъ являются Мечиславъ и Вождь храбрый, объявляютъ жре-
 цамъ волю князя ввести въ Россію христіанскую вѣру и истребить
 боговъ языческихъ. Піаръ съ Курюдомъ въ страхъ отъ мщенія Пе-
 руна, но кумиръ разбить — и нѣтъ ни страшныхъ знаменій, ни мщенія
 небеснаго. Піаръ этимъ очень доволенъ и проситъ рассказать ему о
 крещеніи Владиміра. Храбрый вождь, описывая торжество и величіе
 церемоній, прибавляетъ: «... азъ объятый отрахомъ радостнымъ
 (вѣруй благородство ваше) забыхъ, гдѣ есмь? Сердце же во мнѣ тре-
 петаше...» Въ послѣднемъ явленіи вѣстникъ приноситъ грамоту отъ
 великаго князя Владиміра, называющагося уже Василиемъ, а въ за-
 ключеніе является хоръ Андрея апостола съ ангелами, гдѣ между
 прочимъ говорится:

«Вижу мужей премудрыхъ, учительныхъ, сильныхъ,
 къ тому и храбрыхъ въ бранн, къ томужъ многодѣльныхъ.
 Посредъ же всѣхъ оныхъ велія свѣтила
 два сияютъ: одинъ власомъ убеленъ до зла,
 Митра же ему злата съдину пречестну
 украшаетъ; въ другомъ же знамени небесну
 Вижу утварь: звезды бо купно со луною
 и въ небо перущого зрими суть стрельбою ²⁾.
 О церкви російская! Коль много ти свѣта
 у сихъ свѣтилъ прибудеть во оніе лѣта!
 Другаго же воинску вижу бронь носяща,
 всего пламенна, всего полымемъ горяща
 Гнѣвомъ, и вижу купно, како полки многи
 вражія устрашаютъ и ломить имъ роги.
 Вижу и се вражія Махомета грады,
 трясутся предъ нимъ, падутъ, не чають отрады!
 Но нѣкій Левъ ³⁾ ярится, и на мужа сильна
 ногти острить: но ярость твоя есть бездѣльна,
 Звѣре гордіи! Посышии, о вожде великій,
 посышии мди, будетъ свирѣпій и дикій
 Хищникъ раздрани отъ тебя и изнедѣтъ воскорзъ;
 ты же наречешися отъ всѣхъ Сампоонъ второй.

¹⁾ Мокошь.

²⁾ Въ гербъ Стефана Яворскаго были звезды, луна и стрѣла, а вмѣсто рыцарскаго герба архіерейская митра. Съдинками украшенный, вѣроятно, долженъ быть Варлаамъ Ясенскій, бывшій тогда въ глубокой старости.

³⁾ Левъ есть въ гербѣ Швеціи; въ русскихъ сочиненіяхъ того времени часто, въ намекахъ на шведскаго короля, употребляли это сравненіе.

Но онъ на се отъ мене оружія проѣтъ;
почто? твое бо въ щитѣ благородство носить.
Крестъ самого Господа, на вся супостати
страшнѣй ¹⁾; обаче мнится онъ мнѣ глаголати:
Твоимъ быти воиномъ велеть ми Андрею
царь Петръ, за помощію ратую твоєю,
Ратуй мнѣ оружниче, ратуй, вождѣ мощнѣй!
азъ, аще въ чемъ возмогу, буду ти помощнѣй...

Далѣ упоминается въ хорѣ о возстановленіи престола переславскаго, давно бывшаго въ запустѣніи, о домахъ святыхъ и школъ.

«Россіе! колико бо мужей совершенныхъ
Произведеть ти домъ сей! надъ всеми же сими
Храминами зиждитель Іоаннъ ²⁾ славимій
Начертанъ зрится»...

Внизу подпись: «конецъ трагедокомедіи, сложенной трудомъ Θεοφана Прокоповича».

Статья Штелина: «Zur Geschichte des Theaters in Russland» ³⁾, какъ ни была она поверхностна, служила долго важнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи драматическаго искусства начала XVIII вѣка. Отсюда взято извѣстіе, что мольеровъ «Médecin malgré lui» былъ игранъ еще въ дѣтствѣ Петра въ Москвѣ, и что царевна Софія съ своими придворными участвовала въ театральныхъ представленіяхъ. Въ русскихъ переводахъ Штелина прибавилось неизвѣстно откуда взятое свѣдѣніе, что царевна будто и сама написала какую-то драму. Изъ Штелина же почерпнуть часто повторяемый анекдотъ о первомъ апрѣлѣ, что было приписано труппѣ Мана. Бергхольцъ, современный свидѣтель петровской эпохи, рассказываетъ это происшествіе иначе (см. ниже). Самымъ любопытнымъ въ замѣткахъ Штелина можно считать его курьезное извѣстіе объ одной духовной пьесѣ, игранный хирургическими учениками въ московскомъ госпиталѣ ⁴⁾, а также рассказъ, что въ старину, на масляницѣ, служители царскихъ конюшенъ, въ рогожныхъ костюмахъ, давали въ разныхъ мѣстахъ свои представленія въ родѣ sottises théâtrales (sic). Для извѣщенія о томъ публлки, на окнѣ выставялся бумажный фонарь и играли на рожкахъ—представленіе носило названіе игрищъ, зрители за мѣста платили отъ 1 до 4 копѣекъ. Разумѣется, что извѣстія Штелина о позднѣйшемъ

¹⁾ Въ гербѣ Мазепы изображался крестъ.

²⁾ Мазепа.

³⁾ S. Haigold's, Beilagen zum veränderten Russland, 1 Th., 397 — 431.

⁴⁾ Ibid., 398 — 399.

театръ при Аннѣ Иоанновнѣ, напримѣръ, заключаютъ въ себя, какъ свидѣтельства современника, болѣе интереснаго.

Извѣстный знатокъ русской старины, князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, узнавъ, что пишущій эти строки занимается исторіею стариннаго театра въ Россіи, предоставилъ въ его распоряженіе собранныя изъ дѣлъ бывшаго посольскаго приказа слѣдующія извѣстія о театральныхъ труппахъ въ Москвѣ во времена Петра Великаго.

Въ 1698 году выѣхалъ въ Россію «къ царю на службу» комедіантъ Иванъ Славскій. Не осталось никакихъ свѣдѣній, что дѣлалъ онъ въ этой должности до 1701 года, въ которомъ его отдали въ вѣдѣніе посольскаго приказа и отправили за границу для вербованія въ Москву театральнѣй труппы. На расходы ему было выдано 200 рублей, да женѣ его съ дочерью положено, на время отсутствія Славскаго, по 5 рублей въ мѣсяць.

Въ Данцигѣ, или Гданскѣ, какъ называли тогда у насъ этотъ городъ, Славскій договорился съ нѣкимъ Яганомъ Кунштомъ, чтобы тотъ набралъ актеровъ и пріѣхалъ съ ними въ Россію. Въ контрактѣ, заключенномъ при этомъ случаѣ и въ которомъ Славскій, оставивъ свой титулъ комедіанта, именуется уже капитаномъ, Кунштъ обязывался, по прибытіи съ труппою въ Москву, «царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами, угодить, и къ тому всегда доброму, готовому и должному быти», и за все это имѣлъ ежегодно получать по 5000 ефимковъ. Кроме того, ему слѣдовало оказывать пособіе на счетъ казны при постройкѣ зданія для театра, при шитьѣ костюмовъ и приготовленіи декораций. Сохранились также, въ современномъ русскомъ переводѣ, и контракты Куншта съ набранными для Россіи актерами. Отсюда можно видѣть, что послѣдніе поступили на службу изъ какой нибудь странствующей нѣмецкой труппы: кроме «комедіальнаго дѣйствія», они должны были исполнять и другія обязанности; такъ одинъ изъ актеровъ Антонъ Ротаксъ былъ парикмахеромъ и приготавливалъ для труппы парики и накладки, другой Яганъ Эрдманъ облеченъ былъ въ должность портнаго для шитья костюмовъ и проч.

Въ 1702 г., Кунштъ и его труппа прибыли въ Москву. Антрепренѣръ тотчасъ же обратился въ посольскій приказъ съ просьбою о выдачѣ ему, на обзаведеніе и необходимые расходы, впередъ всей слѣдующей ему по контракту годовой платы. При этомъ Кунштъ предполагалъ приступить къ постройкѣ «дѣлательнаго двора», который долженъ былъ имѣть въ длину 20 сажень, въ ширину 15, а въ вышину 7. Всѣ работы Кунштъ надѣялся покончить въ 3 недѣли, если только дадутъ нужныхъ для постройки мастеровыхъ, какъ то: плотниковъ, портныхъ, живописцевъ, также строительные матеріалы (доски и гвозди).

Всѣ требованія Куншта были удовлетворены и «комедіальная деревянная хранина» отстроена въ Москвѣ на Красной площади, «а въ

ней театрумъ, и хоры, и лавки, и дворы, и окна; и внутри ея потолокъ подбитъ и кровля покрыта, а снаружи обита тесомъ. Да въ Нѣмецкой слободѣ, въ дому генерала Франца Яковлевича Лесорта въ большой палатѣ, для поспѣшенія, покажеться та храмина построитца, сдѣланы комедійной театрумъ и хоры.»

Недолго Кунштъ жилъ въ мирѣ съ своими актерами, которые, по его словамъ, вели разгульную жизнь, кутили и вовсе не слушали своего антрепренѣра; особенно актеръ Яганъ Плавтинъ возбудилъ противъ себя негодованіе директора его царскаго величества придворныхъ комедіантовъ (Directeur von ihren zarischen Majestäten Hof-Komödianten — такъ подписывался подъ прошеніями Кунштъ). Вслѣдствіе такихъ жалобъ, нѣмецкихъ артистовъ потребовали въ посольскій приказъ и стали тамъ отбирать показанія. Актеры объявили, что «они въ комедійныхъ дѣлахъ послушаніе Куншту отдавать должны и отъ дѣлъ не отрекаются, только—де онъ, Яганъ, роскоши имѣеть многія, а ихъ по многія времена всякими бранными словами безчестить наипрасно, невѣдомо за что, и дѣла никакова онъ имъ не даетъ, а по договорнымъ письмамъ, какія у нихъ съ нимъ, Кунштомъ, учинены, безчестья никакова имъ чинить не доведется»...

Въ октябрѣ 1702 года, русское правительство вознамѣрилось имѣть актеровъ изъ своихъ, и для этой цѣли выбрано было нѣсколько подъячихъ изъ разныхъ приказовъ. Всѣ они отданы въ науку къ Куншту, а этотъ долженъ былъ «ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радвіемъ и со всякимъ откровеніемъ ¹⁾».

Такъ какъ въ контрактѣ ничего не упоминалось о томъ, чтобы учить театральному искусству русскихъ учениковъ, то Кунштъ просилъ о прибавкѣ за то къ жалованью, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловался, что, при выдачѣ ему денегъ, ефимокъ полагали въ полтину, что несправедливо, потому что въ Россіи ефимокъ ходилъ тогда по 23 алтына и 2 деньги (въ алтынѣ 3 копейки, а въ копейкѣ 2 деньги). Вѣроятно это ходатайство было справедливо: Куншту было додано къ прежнему жалованью еще 500 рублей.

Кунштъ былъ не совсѣмъ доволенъ прилежаніемъ и бережливостью своихъ новыхъ учениковъ: онъ просилъ въ посольскомъ приказѣ, чтобы обязали ихъ являться на представленія въ одно время, чего многіе изъ русскихъ не исполняютъ, а отъ того происходитъ напрасная трата времени въ ожиданіи. Притомъ Кунштъ рѣшительно отказывался давать русскимъ костюмы, на томъ основаніи, что «не воз-

¹⁾ Вотъ имена этихъ русскихъ актеровъ: изъ ратуши — Фелоръ Буслаевъ, Семенъ Смирновъ, Никита Кондратовъ, Іевъ Невѣжинъ; изъ сабирскаго приказа — Дмитрій Яковлевъ, Михайла Савѣтовъ, Тимофей Степановъ; изъ монастырскаго приказа: Петръ Гильшевъ, Иванъ Потаповъ; изъ ратуши — Петръ Боковъ, Петръ Долговъ, Иванъ Васильевъ Меньшой, Яковъ Комарской, Михайла Егоровъ, Гаврила Евсѣевъ; изъ пожарной — Василій Кошелевъ; изъ посадскихъ, а былъ въ истопаникахъ, — Василій Телонковъ.

можно русскихъ комедіантовъ во всѣхъ комедіяхъ своими театерскими платьями, перьями, накладными волосами, башмаками, чулками, рукавицами, лентами и иными вещами нарядить, понеже имъ такихъ вещей на полгода не будетъ, а мнѣ, Куншту, больше 1,500 рублей стали, oprичъ турецкихъ, и персидскихъ, которые еще готовить надобно»...

Въ 1703 г., русскимъ актерамъ «для ихъ скудости» и потому что «ходя въ Нѣмецкую слободу по вся дни, платьемъ и обувью обносились и испроѣлись», царь приказалъ выдать съ октября 1702 года по январь 1703 года — 100 рублей.

Ниже будетъ говорено о репертуарѣ тогдашней русской сцены; теперь же скажемъ, что изъ одной просьбы Куншта видно, что въ то время его труппа представляла такъ называемыя пьесы на случай (*pièces de circonstances*), которыя поручалось оставлять тому же Куншту. Такъ онъ обязывался въ 1703 году приготовить драматическое представленіе къ торжеству по случаю взятія русскими Нотенбурга или Орѣшка. Кунштъ при этомъ не преминулъ подать новое прошеніе, любопытное именно въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ положеніемъ его въ Москвѣ и съ требованіями, которыя на него сыпались со всѣхъ сторонъ. «Азъ платье и театръ такую доброю цѣною дѣлаю, пишетъ онъ между прочимъ, аки овогда при дворѣхъ иныхъ иотентатовъ видимо есть; о которыхъ (т. е. платьѣ и театрѣ) также вопрекательныя и укорныя слова всегда слышати принужденъ, яко токмо полотняныя платья дѣлаю и мшурою обшиваю: не размышляютъ, аще бы прямое золото было, то при свѣчахъ не яснилось и на театрѣ не тако явилося, а прямымъ (золотомъ) на 100,000 рублей нечего дѣлать... ни которому комедіанту (не) надлежитъ толкое перемѣненіе въ операхъ летаніемъ и махинами смѣтовъ оказати, однако азъ же творить готовъ... никакой комедіантъ на свѣтъ вовсе новую, невиданную и неслыханную комедію въ недѣлю на письмо изготovitи и въ 3 недѣли сказати и дѣйствовать не можетъ; любви же ради и униженной должности противъ царскаго величества, я то на оя принимаю и совершу»...

Въ концѣ 1703 года, Кунштъ умеръ, и вдовѣ его Амнѣ, да актеру Бендрелу велѣно было остаться въ Россіи, чтобы они продолжали учить русскихъ актеровъ, но первые просили ихъ объ отпускѣ за границу. Вѣроятно, эта просьба была уважена, и съ марта 1704 года является новый антрепренѣръ и учитель театральнаго искусства Артемій Фюрстъ. На него-то подавалъ доносъ одинъ изъ актеровъ, Петръ Боковъ, говоря, что Фюрстъ не занимается обученіемъ актеровъ, а потому «которыя комедіи они, комедіанты, выучили, и тѣ комедіи, за нерадѣніемъ его въ комплементяхъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ, дѣйствуютъ не въ твердости, для того что онъ, иноземець, ихъ русскаго поведенія не знаетъ»... Боковъ предлагалъ, что лучше

всего, для надзора за актерами, выбрать изъ нихъ же одного или двухъ учениковъ, а помянутаго иноземца отставить.

Изъ бумагъ около 1705 г. можно видѣть, что для театральныкъ представлений были выписаны изъ-за границы и музыканты. Въ первый разъ ихъ вызывали изъ Гамбурга чрезъ иноземца Матвѣя Поппа, въ числѣ 7 человекъ; изъ нихъ двоимъ назначалось жалованья по 140, а остальнымъ по 114 рублей. Въ другой разъ нанято еще 4 музыканта, съ жалованьемъ каждому по 150 руб., что прежнихъ побудило просить о сравненіи въ платѣ съ послѣдними.

О русскихъ актерахъ сохранился докладъ, чрезвычайно интересный, какъ для характеристики той эпохи, такъ и для оцѣнки тогдашняго состоянія драматическаго искусства у насъ. Этотъ докладъ относится къ 1705 году и помѣщается здѣсь вполнѣ:

«Ученики комедіанты русскіе безъ указу ходятъ всегда со шпагами, и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и, не преставно по гостямъ въ ночныя времена ходя, пьютъ. И въ рядѣхъ у торговыхъ людей товары емлютъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестію, чтобъ съ нихъ что взять нахально. И для тѣхъ взятковъ ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточать въ разныхъ приказѣхъ, мимо государственнаго посольскаго приказу, гдѣ они вѣдомы. И, взявъ съ тѣхъ людей взятки, мирятся не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятковъ. И въ томъ на тѣхъ комедіантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье. А комедій, которыя по приказу боярина Феодора Алексѣевича (Головина) велѣно имъ списывать, писать не хотятъ, а тѣ комедіи для лучшаго обученія належить имъ списывать.

«А въ посольскомъ приказѣ тѣмъ комедіантомъ вышепомянутыхъ непристойныхъ дѣлъ чинить заказываютъ, однакожь они такъ приказъ презираютъ и чинятся во всемъ не послушны, а именно въ вышепомянутыхъ причинахъ явились комедіанты:

«Василей Теленковъ (онъ же Шмага пьяный), да Романъ Аммосовъ, взявъ въ ряду у торговаго человека, у Иванова сына Полунина, сукна и не хотя денегъ платить, били челомъ въ ратушѣ, мимо посольскаго приказу, въ безчестьѣ, и въ томъ волочили его многое время и потомъ, нѣчто съ него взявъ, помирились.

«А нынѣ тотъ же комедіантъ, Василей Теленковъ билъ челомъ мимо посольскаго приказу въ оудномъ приказѣ на ратушнаго подъячего Якова Новикова въ безчестьѣ же, а по свидѣтельству постороннихъ людей явилось, что въ томъ задоръ и брань была отъ него комедіанта, а не отъ того подъячего.

«И для того посланы изъ посольскаго приказу по него, коме-

дѣнта, приставы, чтобъ ево въ томъ унять. И онъ, комедіантъ, въ посольской приказъ по многое время не пошелъ.

«А потомъ, октября въ 30 день, изъ посольскаго приказу отъ дьяковъ посыланъ къ нему комедіантъ Федоръ Буслаевъ говорить, чтобы онъ такихъ противныхъ дѣлъ чинить пересталъ. И онъ, комедіантъ Василій Теленковъ, ему, Федору, говорилъ съ великимъ крикомъ, что онъ никого не слушаетъ и не боится, и судить его некому, и при томъ многія противныя слова говорилъ. И того числа тотъ комедіантъ въ посольскомъ приказу сысканъ, и до указа велѣно его содержать въ приказѣ.

«А въ комедіи дѣйствіе комедійное за нимъ не станеть, потому что не во многихъ комедіяхъ дѣйство ево есть, и дѣла за нимъ мало, только безчестья много, а у того дѣла и быть онъ не потребенъ. А есть ученики комедійные русскіе добрые, которымъ велѣно быть до убылыхъ окладовъ въ прибыли (т. е. сверхъ комплектными).

«И о тѣхъ ослушникахъ и безчинникахъ что чинить?»

Докладъ этотъ былъ посланъ къ боярину Головину, который изъ похода прислалъ такое рѣшеніе: «комедіанта пьянаго Шмагу, взявъ въ приказъ, выските батоги; да и впредь его, также и иныхъ, буде кто изъ нихъ, комедіантовъ, явитца въ какомъ плутовствѣ потому же, взявъ въ приказъ, чините имъ наказаніе, смотря по винѣ, кто чего достоинъ, не отписывая ко мнѣ. Велите комедіантомъ учить комедію торжественную на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и чтобъ они оную изучили къ пришествію великаго государя къ Москвѣ, конечно имъ съ подтвержденіемъ велите дѣлать ту комедію... По этому приказу сдѣлана такая отмѣтка объ исполненіи: «къ комедіанту о ученіи комедіи торжественно сказано тогожь числа (10 декабря), и комедіантъ сказалъ, что комедія новая триумфальная на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ у него, къ пришествію великаго государя, будеть готова, да и спускательныя вещи у него будутъ же».

Изъ дѣла о жалованьи актерамъ и служителямъ на 1707 годъ, узнаемъ, что въ 1704 г. въ труппѣ Фюрста женскія роли исполняли жена генеральнаго доктора Паггенкампа (въ русскихъ документахъ она передѣлана по просту въ Поганкову) и дѣвица Фонъ-Вилихъ, за что имъ было положено первой по 300, а второй—по 150 рублей въ годъ. Фюрстъ, однако, произвелъ уплату не сполна, что и подало поводъ къ слѣдующей жалобѣ отъ названныхъ актрисъ:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій! Въ прошломъ, государь, 1704 году, по твоему, великаго государя, указу, велѣно намъ быть на комедіи, и на той твоей, государевой комедіи управляли чинъ свой, какъ надлежить, и за то мы твоею, государевою милостію взысканъ: по именному указу велѣно намъ на годъ дать полное жалованье, и то жалованье комедіантъ Фюрстъ мнѣ, Германнѣ, только выдалъ 170 р., а мнѣ, Яганиѣ, 80 р. А достальное твое го-

сударево жалованье онъ, Фюрстъ, по се число не выдаетъ, не вѣтъ ради чего... Фюрста потребовали къ допросу, и онъ объявилъ, что действительно тѣ иноземки за означенную плату имъ были наняты, но онъ въ комедійномъ дѣйстви находилъсь только полгода, почему имъ и уплачено — Паггенкампъ 200, а Вилихъ 95 рублей, а болѣе имъ давать не слѣдуетъ, потому что въ 1705 году вѣмецкихъ комедій въ Москвѣ вовсе не давалось.

Въ 1707 году высылались, отъ Фюрста, въ разное время, въ село Преображенское театральные костюмы, по требованію великой княжны Натальи Алексѣевны: такъ, 19 января, туда было отправлено, кромѣ нѣсколькихъ камзоловъ и кафтановъ съ кружевомъ и бахромою мишурными, арабское платье: «камзолъ, да штаны черные крашенинные, сартукъ доброй, на подобіи обьяри серебряной, шляпка съ перьями». Доставкою этихъ предметовъ въ Преображенское распоряжался стольникъ Иванъ Никитичъ Хитровъ.

9 февраля туда же, между прочимъ, отосланы: «кафтанъ шитой стеклами, самой дорогой, къ нему сартукъ шитой же... двѣ япанчи королевскія, окладены кружевомъ мишурнымъ, обѣ крашенинныя, пара шутовскаго нестраго платья: корона бѣлаго желѣза съ часами (?), которую накладываетъ комедіянтъ; 2 бороды волосяныхъ» и т. д.

Извѣстно, что погребеніе боярина Феодора Алексѣевича Головина происходило съ большою по тогдашнему пышностію и что сохранилась современная гравюра, гдѣ изображено погребальное шествіе и изображеніе умершаго боярина. Фюрстъ принималъ участіе въ церемоніи и на этотъ конецъ ему были выданы изъ театральнаго платья «латы добрыя всея воинскія одежды и съ поручи и съ руками».

Въ ноябрѣ 1709 г., въ Москвѣ, по случаю торжества о полтавской побѣдѣ, было построено нѣсколько триумфальныхъ воротъ, и на однихъ, именно въ Китаѣ городѣ, на площади у церкви Казанскія Богородицы, велѣно было поставить на время, до окончанія нарочно на тотъ случай устроенныхъ декорацій, картины изъ комедіальнаго дома. Тогда же, по требованію великой княжны Натальи, театральныя декораціи отсылались въ Преображенское и въ домъ митрополита Стевана Яворскаго.

Въ томъ же 1709 г. сдѣланъ былъ осмотръ театральнаго дома и имущества; оказалось: «картинъ комедіантскихъ большихъ и среднихъ на полотнѣ 80 въ рамахъ простыхъ бѣлыхъ, да 1 картина безъ рамъ изодрана, да рамы простыя бѣлыя, а кромѣ того иныхъ никакихъ нѣтъ... припасовъ и столовъ, кромѣ скамей, нѣтъ... Да при той же комедійной хранилѣ въ двухъ свѣтлицахъ въ 7 окнахъ оконницы слюдныя, ветхи и изломаны, хотя же тамъ печи и есть, но нагрѣвать ими не возможно».

Въ 1713 году, по указу царицы Прасковьи Феодоровны, взяты

«изъ комедій, обрѣтающіяся близъ Никольскихъ воротъ, которая подъ вѣдніемъ въ государственномъ посольскомъ приказѣ... 20 перспективныхъ (sic) картинъ: онѣ потребовались для домашняго театра ея величества, потому-что новыхъ, по недостатку времени, сдѣлать было невозможно.

Какія пьесы давались на воѣхъ этихъ театрахъ? Вопросъ этотъ разрѣшается довольно обстоятельно спискомъ драматическихъ произведеній, сохранившимся также въ дѣлахъ посольскаго приказа. Изъ него видно, что игранныя русскими учениками Куншта и Фюрота пьесы представлялись потомъ и на домашнихъ театрахъ великой княжны Натальи и у царицы Прасковьи. Нѣкоторыя изъ нихъ (отмѣченныя здѣсь звѣздочкою) сохранились въ рукописяхъ Публичной бібліотеки, другія пока остаются известными только по заглавіямъ; одна уцѣлѣла въ бумагахъ, изъ которыхъ заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія объ актерахъ.

«Описание комедій, что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ, мая по 30 число 1709 года.

Заглавіе.	Количество экземпляровъ и гдѣ находятся.
1. О Фронталепѣ эпирскомъ и о Мирандонѣ сынѣ его.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича (вице канцлера Шафрова) для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.
*2. О честномъ нѣмцѣнкѣ, въ ней первая персона Арцухъ Фридрихъ фонъ Поплей.	Три. Одна послана въ Преображенское, мая въ 31 день, 1709 г.
3. Донъ Педро, почитанный шляхтичъ, и Аммариллисъ дочь его.	Одна.
4. Прельщенной любящій.	Одна.
*5. Тюрмовый заключенникъ, или прищъ Пикель Гяригъ.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.
6. О крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.
*7. Сципій африканскій, погубленіе королевы Софонизбы.	Двѣ. Одна отослана въ Преображенское, мая 31, 1709 г.
8. О графинѣ Триерской Геновевѣ.	Одна.
9. Два завоеванныя города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 года.
10. Постоянный Наиньянусъ.	Три. Одна въ Преображенское, мая 31, 1709 г.
11. Порода Геркулесова, въ ней первая персона Юпитера.	Три. Одна въ Преображенское, мая 31, 1709 г.
*12. О Балзетѣ и Тамерланѣ.	Двѣ. Одна отослана въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

13. Докторъ принужденный.

Два. Одна отослана съ вышеписанными на дворъ Петра Павловича для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

Сверхъ того есть еще опись, сколько было комедій переведено и въ какомъ количествѣ экземпляровъ, именно: 1) О Александрѣ Македономъ—2; 2) О Геновевѣ—1; 3) о докторѣ Битоже (шутовская)—2; 4) О честномъ измѣнникѣ—3; 5) О королѣ Эварскомъ—1; 6) О принцѣ Пикель Гарингѣ — 1; 7) О Донѣ Педрѣ и Донѣ Явѣ (т. е. извѣстный Донъ Жуанъ)—1; 8) О Сципiи африканскомъ—1; 9) О Тенере Лизетѣ, или отцѣ винопродавцѣ, перечневая, шутовская—3; 10) О Вуртинѣ, старомъ шляхтичѣ съ дочерью, перечневая, шутовская—3.

Упомянутое о 13-й пьесѣ въ первомъ спискѣ «Докторъ принужденный» подтверждаетъ вполне слухъ о существованiи у насъ перевода извѣстнаго произведенiя Мольера *Le Médecin malgré lui*.

Въ этой комедiи осмѣяны невежество и шарлатанизмъ докторовъ; кутила Сганарелль, бывшiй слугою лекаря, безпрестанно бьетъ свою жену; эта, въ отмщенiе ему, выдаетъ его за доктора. Сганарелль сначала не соглашается, но потомъ, покоряясь неотразимымъ убѣжденiямъ палокъ, съ успѣхомъ разыгрываетъ роль знаменитаго медика. Въ пьесѣ много превосходныхъ монологовъ (напр. консультацiя, какъ лечить больную ханжествомъ и проч.), но великiй писатель здѣсь, какъ и во многихъ другихъ произведенiяхъ, зацѣплялъ дань требованiямъ своего времени, считая неизбѣжнымъ приправлять свои гениальныя комедiи шутовскими выходками, драками и палочными побоями. Въ «Докторъ по неволѣ» первыя явленiя заняты ссорою и потасовкою Сганарелля съ женою, съ сосѣдомъ и т. д.; чтобы убѣдить Сганарелля принять на себя леченiе, его колотятъ палками съ двухъ сторонъ. У насъ встарину скорѣе вѣрили, что доктора — колдуны, а не шарлатаны, и потому причиною, почему для перевода изъ многихъ комедiй Мольера выборъ палъ на *Le Médecin malgré lui*, кажется можно полагать то, что тамъ шутовской элементъ играетъ не послѣднюю роль. Что это любили наши предки, тому служатъ доказательствомъ дошедшiя до насъ интермедии начала XVIII вѣка, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются драки и побои. Такой вкусъ господствовалъ у всѣхъ народовъ, когда искусство и литература находились еще во младенчествѣ.

Собирая матеріалы для исторiи книжной торговли въ Петербургѣ, пишущiй эти строки совершенно нечаянно узналъ о дальнѣйшей судьбѣ драматическихъ пьесъ, игранныхъ на театрѣ великой княжны Натальи. После смерти ея, всѣ «книжки комедiантскiя» были отосланы, 28 марта 1717 года, въ санктпетербургскую типографiю и сложены въ амбарѣ вмѣстѣ съ изданiями ея, которыя не могли помѣ-

ститься въ книжной лавкѣ. Амбаръ этотъ стоялъ на Петербургской сторонѣ около крѣпости и его часто заливало водою во время наводненій; отъ того, а также и отъ коноплянаго масла, положеннаго кстатѣ съ книжнымъ матеріаломъ, большая часть книгъ, при разборкѣ и осмотрѣ ихъ въ разныя времена, оказывались негодными. Въ 1723 году вотъ что оставалось тамъ отъ театральной бібліотеки Натальи Алексѣевны: «Разныхъ комедіантскихъ дѣйствъ, письменныхъ, въ полъ-дестъ, въ кожаномъ переплетѣ—2. Такія же письменныя въ бумажномъ переплетѣ, въ полъ-дестъ—15 книгъ; дѣйствіе о Георгіѣ и Плакидѣ. Тетрадь письменная въ полъ-дестъ, по которой дѣйствовано въ комедіи «О страданіи святыхъ мученикъ Ксенофонта и Маріи»—7 тетрадей; Крисанѣа и Даріи—2 тетради. Адріана и Наталіи—3 тетради; Іюліана—3 тетради; Евстаѣія Плакиды—3 тетради; Павла и Іуліаніи—3 тетради; Искушенія человека отъ паденія его—3 тетради; Изъявленіе комедіи дѣйствующей отъ ревности православія, тетрадь, печатанная церковными литерами ¹⁾. Повѣсти о цесарѣ римскомъ Отгѣ—7 тетр. Да прешпехтъ С. Петербурга и обрѣтающимся при немъ строеніямъ—подклеенныя на холстѣ, въ деревянныхъ простыхъ рамахъ—3 картины, которыя въ продажѣ бывають по 3 руб. каждая, отъ мышей всѣ попорчены и въ продажу быть негодны».

Въ описяхъ послѣ 1723 года не встрѣчается болѣе упоминаній объ этихъ пьесахъ, и надо предполагать, что онѣ погибли въ одно изъ наводненій.

Изъ дневника Бергхольца видно, что о представленіяхъ при дворѣ царицы Прасковьи разносались къ знатымъ аѣнши самими актерами: одинъ изъ нихъ придумалъ даже извлекать изъ того выгоды, выпрашивая вознагражденіе, за что и наказанъ былъ батогами. Были ли эти аѣнши печатныя—неизвѣстно, только должно предполагать, что программы нѣкоторыхъ изъ старинныхъ театральныхъ пьесъ (называвшіяся въ такомъ случаѣ перечневыми) и различныхъ публичныхъ увеселеній печатались въ тѣ времена съ тою же цѣлью, какъ и нынѣ, т. е. для лучшаго объясненія публикѣ содержанія и хода представленія.

Намъ удалось видѣть печатную аѣншу петровскихъ временъ объ одномъ силачѣ, вѣроятно, о томъ самомъ, про котораго рассказываетъ Бергхольцъ въ своемъ дневникѣ, что онъ обманулъ собравшихся къ нему зрителей первымъ апрѣлемъ. Въ нашей аѣнши означено, что съ 17 марта будутъ представленія по два раза въ недѣлю. Третій спектакль, такимъ образомъ, дѣйствительно, приходился 1 апрѣля.

¹⁾ Этой театральной пьесы извѣстенъ мнѣ только одинъ экземпляръ въ Румянцовскомъ Музеѣ, гдѣ онъ значится подъ № 134.

Другая печатная афиша, хотя без означенія времени и мѣста печатанія, однако, судя по шрифту, бумагѣ и орфографіи, также относится къ началу XVIII столѣтія: она помѣщена въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 г. (№ 9, стр. 278—279), и заключаетъ въ себѣ объявленіе о представленіяхъ «игляровъ», которые обѣщались показывать: «смѣхотворства, скоки различные и танцы». Представленія начинались съ четвертаго часа по полудни и давались пять разъ въ недѣлю.

Кромѣ этихъ свѣдѣній о старинномъ русскомъ театрѣ, въ запискахъ иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, остались нѣкоторыя замѣтки объ этомъ же предметѣ. При скудости матеріаловъ, и онѣ заслуживаютъ вниманія. Одно извѣстіе, имѣющее, по моему мнѣнію, отношеніе къ пьесѣ, разсмотрѣнной ниже, будетъ помѣщено послѣ, а теперь сообщаемъ выписки о театрѣ въ Москвѣ и Петербургѣ изъ записокъ Бассевича и Берггольца. Само собою разумѣется, что эти, свѣдѣнія не очень лестны для старинныхъ русскихъ представлений. Какъ иностранные придворные, видѣвшіе болѣе великолѣпныя постановки пьесъ на европейскихъ театрахъ, и не зная, притомъ, русскаго языка, Бассевичъ и Бергголецъ смотрѣли на русскій театръ свысока и не могли понять, какое значеніе для русскаго общества имѣютъ попытки водворить у насъ драматическое искусство. Чтобы заслужить ихъ одобреніе, необходимо было великолѣпіе, да блистательное общество.

«Какъ ни значительны были успѣхи просвѣщенія во владѣніяхъ Петра Великаго,—пишетъ Бассевичъ,—однако они не имѣли большаго вліянія на преобразование русскаго театра. Существовалъ театръ въ Москвѣ, но варварскій, а потому посѣщаемый только чернью. Драма тамъ раздѣлялась на дюжину дѣйствій, а каждое изъ послѣднихъ на столько же явленій (такъ русскіе называютъ сцены); между антрактами представляются шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ. Подобной пьесы доставало на представленія впродолженіи цѣлой недѣли, и каждый день давалась изъ нея треть или четверть. Принцесса Наталія, младшая и любимая сестра императора, говорятъ, сочинила, не задолго до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень удачному плану, и въ которыхъ были подробности, не лишенныя красоты, но недостатокъ въ актеряхъ помѣшалъ представить ихъ на сценѣ. Царь въ театрѣ видѣлъ полезную сторону для большаго города и хотѣлъ приохотить дворъ къ подобному развлеченію. Явилась нѣмецкая труппа, и для нея было выстроено прекрасное и обширное помѣщеніе, со всѣми удобствами для зрителей. Но труппа не стоила такихъ хлопотъ. Наперекоръ обращенію къ родному языку, которое люди порядочные въ Германіи (писано въ половинѣ XVIII вѣка) стараются выказывать, этотъ языкъ, столь богатый и звучный не менѣе англійскаго, быстро идетъ нынѣ

къ усовершенствованію. Однако, въ то время (т. е. въ началѣ семидесятихъ годовъ) онъ былъ еще сборищемъ площадныхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе и ловкая сатира затеривались въ безобразной смѣси романическихъ чувствъ, разглагольствованій, декламируемыхъ королями и рыцарями, съ шутовствомъ ванюшекъ-дурачковъ, ихъ наперсниковъ. Вкусъ императора, всегда вѣрный и здравый даже въ искусствахъ, не совсѣмъ ему знакомыхъ, побудилъ его обѣщать премію актерамъ, если они дадутъ трогательную пьесу, безъ этой любви, которую всюду навязываютъ, что надобѣдало царю, и веселый фарсъ безъ шутовства. Конечно, представленныя по этому случаю пьесы не удались, но для поощренія имъ все-таки выдана была награда ¹⁾»....

За тѣмъ, вотъ замѣтки о русскомъ театрѣ изъ дневника Бергхольца:

«11 ноября 1722 г., въ Москвѣ. Вечеромъ, графъ Бонде и я, пришли къ Измайлову и отсюда вскорѣ капитанъ Бергеръ повезъ насъ къ вдовствующей царицѣ (бывшей супругѣ царя Иоанна Алексѣевича)... Такъ какъ наступило время начать представленіе, то пришла принцесса Прасковья (дочь царицы) и дала о томъ знать присутствующимъ.... Въ залѣ было большое общество дамъ и мужчинъ, но изъ иностранцевъ присутствовали только Бонде, да я. Комедія началась въ 5 часовъ. Занавѣсъ поднялся. Театръ устроенъ очень изящно, только костюмы актеровъ не совсѣмъ хороши. Герцогиня мекленбургская дирижировала всѣмъ, и все-таки пьеса была изъ плохихъ.

«15 ноября. Послѣ обѣда, его высочество (герцогъ голштинскій, впоследствии супругъ Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго; при герцогѣ Бергхольцѣ состоялъ камеръ-юнкеромъ), отправился къ герцогинѣ мекленбургской... Посѣщеніе это доставило не мало радости герцогинѣ, и она не знала какъ лучше принять гостя. При томъ много говорила она въ оправданіе театра; впрочемъ называла это дѣтской забавой и не считала его достойнымъ присутствія его высочества.. Во все продолженіе пьесы, герцогиня была больше за сценой, потому что она управляла представленіемъ сама, и безъ нея все бы остановилось.. Герцогиня удивительно веселаго нрава; она много шутила и, между прочимъ, сама рассказывала его высочеству, что актеру, игравшему роль короля, дано было сегодня же двѣсти ударовъ батогами за то, что онъ, обнося по городу афини, вмѣстѣ съ тѣмъ выпрашивалъ себѣ деньги, что ставило герцогиню въ непріятное положеніе. Товарищъ актера и соучастникъ въ его продѣлкѣ былъ также наказанъ батогами и выгнанъ вонъ. Объ этомъ уже мнѣ говорилъ утромъ капитанъ Бергеръ, прося взять назадъ 30 копѣекъ, которыя далъ ак-

¹⁾ «Büsching's Magazin», Th. 9, S. 362, 363.

теру графъ Бонде. Хотя капитанъ имѣлъ на то именное повелѣніе герцогини и уже возвратилъ подобныя деньги двумъ Остерманамъ, однако я тѣ деньги получить отказался, предоставивъ вѣжливо передать ихъ самому графу. Между тѣмъ показалось мнѣ удивительнымъ, что наказанный такъ недавно батогами игралъ опять вмѣстѣ на театрѣ съ княгинею и благородными дѣвицами; одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно княжескаго рода, а роль супруги наказаннаго батогами короля была дана родной дочери маршала вдовствующей Царицы. Комедія не продолжалась такъ долго, какъ прежде, многое изъ нея было выпущено, вѣроятно, чтобы не утомить его высочество, и я пьесу вообще нашелъ лучше, нежели въ первый разъ... Впродолженіе комедіи, я шутилъ съ лейтенантомъ Брюммеромъ: ему театрѣ не нравился, потому что онъ не такъ еще обжился здѣсь, какъ мы; въ особенности Брюммера сердило то, что занавѣсъ безпрерывно опускался и зрители оставались въ совершенныхъ потемкахъ; по этому случаю онъ нѣсколько разъ повторилъ: «welch ein Hund von Comödie ist das!» и мнѣ надо было много старанія, чтобы удержаться отъ смѣха. Въ прошлый театрѣ у меня стянули изъ кармана табакерку, а въ нынѣшній у Альфельда и капитана фонъ-Ильгена вытащили шелковые носовые платки...

«29 декабря. Около пяти часовъ, по приказанію его высочества, я съ Тикомъ отправился въ театрѣ, устроенный въ гошпиталѣ тамошними учениками; но мы не могли туда добраться, потому что въ театрѣ ожидали ихъ величествъ, и стража никого не впускала до прихода государя и государыни. Но Альфельдъ, пріѣхавшій послѣ насъ, дождался—таки прибытія императора и, наконецъ, былъ впущенъ, когда сказалъ, что принадлежитъ къ голштинскому двору. Императоръ находился въ театрѣ до конца пьесы и, казалось, былъ очень доволенъ ею. Представленіе кончилось въ 10 часовъ, слѣдовательно продолжалось 4 часа...

«4 января 1723 г., въ Москвѣ же. Когда мы пріѣхали въ театрѣ (въ гошпиталѣ), то ввели насъ въ сарай, до того узкій и невзрачный, что въ Германіи въ такомъ давали бы только кукольныя представленія; тамъ нашли мы нѣсколько нѣмецкихъ дамъ и очень мало особъ значительныхъ. Комедія была играна молодыми людьми, которые изучали хирургию и анатомію подъ руководствомъ доктора Бидлоо и никогда не видали настоящаго театра. Сюжетомъ пьесы была «Исторія Александра Македонскаго и Дарія»; состояла она изъ 18 актовъ, изъ которыхъ 9 давались въ одинъ разъ, а остальные на другой день; между антрактами были забавныя интермедіи. Эти послѣднія были очень плохи и оканчивались всегда потасовкой. Пьеса была серьезнаго содержанія, но исполнялась дурно—однимъ словомъ, все было плохо. Его высочество подарилъ молодымъ людямъ 20 рублей, а императоръ далъ съ своей стороны 30...

«30 апрѣля 1723 г., въ Петербургѣ. Въ полночь увидѣли мы сильный огонь за императорскимъ садомъ; начали звонить набатъ, бить въ барабаны, а ночные караульщики весьма прилежно дѣйствовали трещетками. Почти весь городъ былъ на ногахъ, а между тѣмъ, этотъ огонь былъ ни что иное, какъ шутка, чтобы многія тысячи народа обмануть въ апрѣль (um den letzten April laufen zu lassen). Когда подходили къ огню, то поставленная тамъ стража отвѣчала, что сегодня послѣднее число апрѣля. Но какъ многіе другіе о томъ ничего не знали, то все-таки стекались на предполагаемый пожаръ. Не мало забавляетъ это императора, и онъ каждый годъ, около этого времени, выдумываетъ что нибудь подобное. За нѣсколько лѣтъ былъ здѣсь одинъ слячъ, который долженъ былъ объявить по городу, что онъ покажетъ удивительныя штуки и образчики своей силы и что, притомъ, на его представленіи будетъ присутствовать царская фамилія и весь дворъ. Собралось многочисленное общество, слячъ набралъ въ этотъ день денегъ вдвое, нежели въ обыкновенное представленіе, — и вдругъ, къ отчаянію зрителей, было объявлено, что сегодня 1 апрѣля и, по высочайшему повелѣнію, спектакля не будетъ»...

(Штелинь рассказываетъ, что эту штуку сдѣлалъ содержатель театра, Маннь).

«18 августа. Находящіеся здѣсь нѣмецкіе актеры должны были сегодня играть передъ царскою фамиліею, но за дурной погодой представленіе было отложено, что было неприятно его высочеству (герцогу голштинскому), такъ какъ онъ заранѣе радовался случаю говорить съ принцессами (Анной и Елизаветой Петровнами).

«28 ноября. Его высочество былъ въ театрѣ, въ которомъ вчера въ первый разъ начались представленія (нѣмецкая труппа), но изъ императорскаго двора этотъ разъ никого не было.

«19 декабря. Въ театрѣ сегодня были обѣ великія княжны, императоръ и императрица. Но послѣдніе уѣхали въ половинѣ пьесы; при чемъ императрица просила его высочество не провожать ее до кареты и остаться съ великими княжнами, что было охотно исполнено. Его высочество пріятно провелъ время съ великою княжною Анною, которая подлѣ него сидѣла и при всякомъ случаѣ выказывала особенное дружеское расположеніе къ нашему всемиловѣйшему государю.

«10 января 1724 г. Около четырехъ часовъ послѣ обѣда отправился его высочество въ театръ, такъ какъ узнали, что тамъ будетъ царская фамилія. Герцогъ пошелъ въ императорскую ложу и, продолженіи всего представленія, оставался въ обществѣ императрицы и великихъ княженъ»...

«13 января. Камеръ-пажъ Гольштейнъ рассказывалъ его высочеству въ театрѣ, что императоръ приказалъ актерамъ сыграть та-

кую пьесу, которая была бы только изъ трехъ актовъ, и притомъ безъ любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забавная. За ней должна быть представлена комедія von dem armen Jorgen, т. е. «Georges Dandin», и полагаютъ, что пажа Юргена будетъ играть Мундкохъ.

«14 января. Не было театра, потому что государь хотѣлъ отправиться въ сенатъ и предполагалъ остаться тамъ даже до десяти часовъ вечера, что такъ и случилось.

«26 мая, въ Москвѣ. Въ Троицынъ день утромъ были у оберъ-камергера два студента съ приглашеніемъ послѣ обѣда на диспутъ, который будетъ между русскими и иностранными духовными. Его высочество съ болѣею частію изъ своихъ придворныхъ отправился въ главную школу, которая находится въ греческомъ монастырѣ (ein Kloster von Nationalgriechen), чтобы присутствовать на диспутѣ, данномъ въ честь коронованія императрицы; изъ царской фамилии, однако, тамъ никого не было, потому что рѣчи произносились на латинскомъ языкѣ. Мы были встрѣчены ректоромъ, отцемъ Гедеономъ съ прочими архіепископами, епископами и архимандритами и введены въ аудиторію. Хотя помѣщеніе было старинное, однако внутри было довольно хорошо и украшено обоями и живописью. Надъ кафедрою стоялъ портретъ императрицы, съ украшеніями изъ лентъ. При нашемъ входѣ играли въ трубы и литавры и, когда всѣ присутствующіе усѣлись, то респондентъ, монахъ и профессоръ теологін, началъ рѣчь на русскомъ языкѣ. По окончаніи ея, изъ-за кафедры раздалась очень хорошая музыка, а потомъ вошла два оппонента, именно нашъ придворный проповѣдникъ пасторъ Ремарусъ и монахъ капуцинскаго ордена. Предметъ диспута состоялъ въ разсмотрѣніи de processione Spiritus S. a solo Patre. Ректоръ, о. Гедеонъ, какъ председатель диспута, сидѣлъ не на кафедрѣ, но подлѣ, на стулѣ. Когда диспутъ кончился, то его высочество былъ угощаемъ виномъ и вареньемъ и пробывъ въ обществѣ духовенства около двухъ часовъ....

«28 мая. Послѣ обѣда прибылъ ректоръ большой русской школы и просилъ е. в. на театральное представленіе, которое будетъ дано учениками; такое приглашеніе уже сдѣлано и прежде двумя монахами. Отправился туда герцогъ послѣ четырехъ часовъ. Латинская, лишняя вкуса комедія продолжалась до 11 часовъ, а послѣ, противъ воли его высочества, угощали виномъ и конфектами, что продолжалось до 12 часовъ ¹⁾»....

Петръ Великій очень хорошо понималъ самъ недостатки и несовершенства игры современныхъ русскихъ актеровъ, а потому у него была мысль выписать изъ за границы такую труппу артистовъ, которые бы знали по чешски или по славянски и, слѣдовательно, скорѣе

¹⁾ «Büsching's Magazin» XX, XXI, und XXII.

и легче могли бы давать представления на русскомъ языкѣ, а также быть образцомъ для русскихъ актеровъ. Въ 1720 г., онъ, между прочимъ, писалъ къ Ягужинскому, бывшему тогда въ Вѣнѣ: «постарайтесь нанять изъ Праги компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски».

Въ отвѣтъ на это порученіе Ягужинскій, 19 февраля 1721 года, писалъ къ кабинетъ-секретарю Макарову: «На сихъ дняхъ получили я изъ Праги письмо отъ того человѣка, которому дана комиссія тамо комедіантовъ прискивать, въ которомъ пишетъ, что онъ сперва отъ тѣхъ комедіантовъ ко мнѣ присланные и отъ меня, переправя, пакы отосланные пункты (которыхъ копию здѣсь прилагаю) принципалу тѣхъ комедіантовъ предложилъ, и они оныя за благо приняли и хотѣли къ началу великаго поста къ пути готовиться; но понеже главную несходность усмотрѣли, а именно, что 8 человѣкъ чеховъ имъ не возможно прискиать, для того—что изъ чешскаго народа въ такомъ ихъ главномъ дѣлѣ искусныхъ людей нѣтъ, развѣ можно четырехъ человѣкъ прибрать, которые однакожъ въ интермедіяхъ, а не въ самой комедіи, употреблены быть имѣютъ. Оныи же комиссаръ мнѣніемъ своимъ пишетъ ко мнѣ, что хотя бъ по крайней силѣ таковые сысканы были, однако языкъ ихъ зѣло трудно разумѣть, и не чаеть въ годъ или два такъ себя въ совершенство привели (sic), чтобъ понятно и пріятно народу дѣйствовать могли. О чемъ покорно прошу его царскому величеству представить и о высокой его волѣ меня вскорѣ увѣдомить, дабы я потомъ чинить могъ или въ запасъ къ г. Лавчинскому о томъ отписать, ибо можетъ быть отвѣтъ на сіе меня здѣсь уже не застанеть».

«Что въ посланномъ проектѣ о комедіантской нѣмецкой и богемской компаніи за благо принято, отмѣнено и прибавлено отъ сея компаніи: состоять будетъ въ 12 дѣйствующихъ персонахъ, между которыми подобаеть быть осми человѣкомъ, которые на нѣмецкомъ и на богемскомъ языкѣ дѣйствовать могутъ. 1. Главнѣйшій изъ нихъ за композицію свою и учрежденіе въ комедіяхъ, безъ платья и другова, что на театрѣ надобно будетъ, еженедѣльно съ компаніею по 300 или по бѣльшей мѣрѣ 350 гульденовъ (всякой по 20 цесарскихъ грошей, считая на русскія деньги по 2 гульдена въ рубль, за 300 гульд.— 150 р.) получать имѣеть, и такую сумму надлежитъ по вся мѣсецы напередъ платить. 2. Сія компанія обяжется въ годъ времени въ богемскомъ языкѣ такъ искудится, что на ономъ въ совершенствѣ дѣйствовать всякому въ комедіяхъ угодить возможеть, а ежели она то не сдѣлаеть и она не угодна будетъ, то бъ имъ свободный отъѣздъ, по протеченіи того года, въ Гамбургъ сухимъ путемъ, или куда похотятъ, позволенъ былъ. 3. И чтобъ они до того мѣста добрымъ паспортомъ и провожатымъ на коштѣ его царскаго величества и подводами снабдены были. 4. Учредить надъ ними кавалера, который во всемъ имъ помо-

гать и ихъ наставлятъ можетъ, какими комедіями они его царскому величеству услужить имѣютъ; стараніемъ котораго они бы такжеде имъ опредѣленное число благовременно получать могли. 5. Сін пункты будутъ формально сочинены для лучшаго подтвержденія за подписаніемъ какого знатнаго господина изготовлены и отдапы. Когда театръ единожды въ состояніе приведенъ будетъ и платье все изготовится, и съ приходящихъ для смотрѣнія столько собрано будетъ, что компанія безъ жалованья тѣмъ себя содержать возмозетъ, при такомъ случаѣ можно сей театръ и съ сборомъ сей компаніи отдать и насупротивъ того договоренное жалованье удержать ¹⁾).

Макаровъ отвѣчалъ Ягужинскому:

«Письмо ваше изъ Вѣны, отъ 19 числа февраля сего 1721 г., получилъ и по оному и по приложеннымъ пунктамъ о комедіантахъ его царскому величеству доносилъ. На что его величество указалъ мнѣ къ вамъ отписать, чтобъ вы трудились оныхъ комедіантовъ склонять, чтобъ за меньшую плату, нежели какую они нынѣ просятъ по 300 гульденовъ на недѣлю, что зѣло много. Къ тому же съ чешскимъ языкомъ общаются они въ тое компанію прибрать только четырехъ человекъ, и тѣ не въ самой комедіи употреблены быть имѣютъ, но въ интермедіяхъ. И для того извольте приказать искать хотябъ до половины съ чешскимъ языкомъ ²⁾».

Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ предположеніи не отыскано.

Отъ первыхъ годовъ начала XVIII вѣка извѣстно содержаніе слѣдующихъ пьесъ (говоримъ содержаніе, потому что дошли до насъ не тексты, а только программы всего представленія):

«Комедія: ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная». Здѣсь представлена въ лицахъ извѣстная притча Спасителя къ ученикамъ. Въ концѣ мистеріи душа убогаго Лазаря находится на лонѣ Авраама, а пиролюбецъ терпитъ муки геенны. Церковь, соболзнуя о погибели грѣшника, предлагаетъ постъ, какъ врачевство душамъ, больнымъ грѣхами. Комедія давалась «при запусныхъ пированіяхъ». Извѣстна французская мистерія такого же содержанія отъ 1500 г. Тамъ, когда бѣднякъ умираетъ, то ангель Рафаиль отправляется за его душою; сатана хотѣлъ было отнять ее, но не успѣвъ, поспѣшилъ къ дому богача, который былъ при смерти. Сатана совѣтуетъ своему наперснику принять всѣ предосторожности, чтобы не прокараулить и эту душу, но тотъ не сомнѣвается въ успѣхѣ, такъ какъ она у него давно въ рукахъ. Связавши душу богача, злые духи отсылаютъ ее къ Люциферу, и тамъ предана она вѣчнымъ мукамъ ³⁾).

¹⁾ Каб. дѣла, II № 57, л. 1142, 1145.

²⁾ Каб. дѣла, I № 54, л. 66.

³⁾ *Histoire du théâtre français*, par Parfaib, III, 94 — 97.

Изъ надписи на русской мистеріи видно, что она представлена была «дѣйствиємъ благородныхъ, великороссійскихъ младенцевъ (sic) въ новосіающихъ словено-латинскихъ Аѳинахъ», въ Москвѣ, ноября 1701 года.

«Комедія: страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю» — была представлена въ тѣхъ же славяно-россійскихъ Аѳинахъ, въ Москвѣ, 4 февраля 1702 г. Главнѣйшею основою ея служилъ апокалипсисъ; но замѣчательно то, что, вмѣстѣ съ религіозными предметами, выведены на сцену современныя политическія событія. Известно, что въ началѣ XVIII вѣка, саксонскій курфирстъ Августъ былъ избранъ польскимъ королемъ, и хотѣлъ начать войну съ Швеціей, не предваривъ о томъ польскій сеймъ. Вслѣдствіе того, въ Польшѣ, гдѣ вовсе не желали войны, напало много изъ членовъ Рѣчи Посполитой, которые замедляли ходъ дѣла и вообще были противъ военныхъ приготовленій. Все это было неприятно Петру Великому, такъ какъ онъ именно склонялъ Августа къ войнѣ противъ Швеціи. Неудивительно потому, что въ означенной пьесѣ «является самоволіе съ гордынею; люди отъ послушанія короля своего разрѣшающе и сердце къ несогласію разжигающе, ти же восприянуше, Геніюша польскаго, въ сенатъ пришедшаго, не слушаютъ, и между собою прецираются, и сеймъ или совѣтъ (аще и славою о намествіи окрестныхъ народовъ увѣрены) терзають». Въ 7-мъ явленіи продолжается изображеніе современныхъ политическихъ дѣлъ: «Является королевство польское, укоряюще сенаторовъ людскихъ о погибели многихъ странъ, ради самовольнаго и гордыннаго несогласія и распри междуособныя, имже на пособствіе Литвъ по несогласномъ совѣтѣ отшедшимъ, является торжествующи Марсъ роксолянскій, носящъ взятая ляхомъ оружія, до него же Фортуна и Побѣда пришедше, знаменіе побѣды тому вручаютъ, и трофеумъ, или столпъ торжественный, россійскому орлу, вмѣсто гвѣзда, украшаютъ; до него же орелъ со оружіемъ огненнымъ слетѣвъ, громко находящіе ляхи поражаетъ»...

«Торжество міра православнаго» (у Сопикова названная Царство міра) содержитъ въ себѣ аллегорическое изображеніе подвиговъ апостола Петра въ проповѣданіи евангелія и дана въ день св. апостола Петра и Павла, 29 іюня, когда было тезоименитство Петра Великаго. Здѣсь выведены были между прочимъ Гвѣзь Божій, Правда, Благочестіе, Рыданіе, наконецъ Неронъ. Пьеса кончается эпилогомъ, гдѣ «геніумъ Петра и Міръ православный тезоименитому камени, его царскому, пресвѣтлому величеству всея Россіи самодержцу, яко единому между монархи благочестія и православія поборнику и разширителю, на злочестивые же, яко грому отъ десницы божія грозному ратнику, похвальная анаграмматъ изъ имени его царскаго величества слагають и дѣйствіе желаніемъ многолѣтствія и благополучныя его

царскому величеству пресвѣтлому на враги торжественныя победы заключаютъ ¹⁾».

«Ревность православія», напечатана въ февраль 1704 года. Содержание заимствовано изъ св. писанія — побѣда Иисуса Навина надъ пятью царями аморрейскими, когда онъ остановилъ солнце. По обычаю тѣхъ временъ, это не помѣшало въ пьесѣ вмѣшательству Беллоны, Фортуны, Марса и пр. Въ заключеніе, Россія, Церковь, Иисусъ Навинъ, Марсъ и Мужество ѣдутъ на колесницѣ, везомой Беллоною и Фортуною, державшими сторону иновѣрныхъ. Церковь провозглашаетъ, что ей теперь нечего бояться враговъ и врата адовы непреодолятъ ея, такъ какъ она утверждена крѣпко на камени (намекъ на имя Петра).

Въ книгѣ «Преславное торжество свободителя Ливоніи», напечатанной того же года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, описаны триумфальныя ворота, по случаю побѣдъ надъ Шведами, и притомъ есть любопытное предисловіе, въ которомъ толкуется читателямъ, почему при украшеніяхъ и надписяхъ тѣхъ вратъ содержаніе заимствовано исключительно изъ политической исторіи или мнѣологіи. Это толкованіе имѣетъ отношеніе и къ драматическимъ представленіямъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, содержаніе исключительно заимствовалось изъ св. писанія.

«По воѣхъ христіанскихъ, отъ ига варварскаго свободныхъ странахъ, — написано въ предисловіи, — преславнымъ побѣдителямъ, отъ брани съ торжествомъ возвращающимся, благодарніи подданныи, наипаче же въ академіяхъ и всякихъ школьныхъ собраніяхъ, идѣже не токмо духовное, но и политическое ученіе сіяетъ, отъ обонихъ писаній похвальныя вѣнцы составлять обыкоша: отъ божественныхъ убо писаній въ церквахъ, или на иныхъ на сіе прибранныхъ мѣстахъ, отъ мірскихъ же исторій на торжищахъ, улицахъ и прочихъ мѣстахъ.... Далѣе говорится, что по тому самому «діалогическія дѣйствія» заимствованы «отъ божественныхъ писаній»; потомъ толкуется, что такое аллегорія. Но, видно, авторъ все-еще не крѣпко надѣялся, что его читатели удовольствуются объясненіями, а потому прибавляетъ: «ты убо, благочестивый читателю, написаннымъ нами не дивися, неже ревнуй невѣждамъ, ничто же вѣдущимъ, ничто же нигдѣ видѣвшимъ, ни слышавшимъ, но яко желъ подъ своею клятвію неосходно пребывшимъ, и, егда ново что у себя видятъ, удивляющимся и различная бласловія отрыгающимъ. Но паче благосердымъ окомъ на сія взвряя, да увѣси еже зриши, сію книжицу чтѣ»....

«Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи» напечатано въ февраль 1705. Содержаніе заимствовано изъ книгъ Моисея, именно, когда онъ освобождаетъ израильтянъ отъ полчищъ Фараона и побѣдилъ Амалика. «Сіе», — прибавлено въ прологѣ, — «положено прообразованія токмо ра-

¹⁾ Россійск. Вѣст. изд. 2-е., Ч. IX. Тамъ напечатаны всѣ три здѣсь равобранныя программы.

ди, ибо яко тамо Моисей силою Вышняго своею свободою Израиля, сице здѣсь тою же силою ревность российская свое отечество. На сценѣ выведены Благочестіе, Ревность, Хищеніе, Юпитеръ, Фебъ, Ангелы, а потомъ Моисей. Ливонія и Ингерманландія, стерегомыя львомъ (въ шведскомъ государственномъ гербѣ изображенъ левъ), плачуть о своей неволѣ, но съ небесъ снисходятъ Вѣра, Надежда и Любовь и утѣшаютъ узницъ. Благочестіе съ Правовѣріемъ, Крѣпостію и тремя Россіями совѣтуется объ освобожденіи этихъ странъ. Вѣра, Надежда и Любовь говорятъ имъ, что придетъ наконецъ желанная пора и явится освободитель. Фортуна застѣваетъ златую жатву въ ознаменованіе благополучнаго вѣка освободителя; Фебъ, по повелѣнію Юпитера, согрѣваетъ ее своими лучами. Изъ посѣяннаго Фортуною является различное оружіе и вѣтви оливы — символы войны и мира. Благочестіе радуется вѣсти объ освободителѣ и предлагаетъ звѣздочетцамъ узнать, каковъ будетъ онъ? Тѣ смотрятъ на небо и видятъ аспекты самые благоприятныя: Марса, орла изъ звѣздъ и проч. Наконецъ, гласъ съ неба повелѣваетъ Благочестію идти въ вертоградъ силы, которая побѣдитъ и освободитъ старинное достояніе Россіи.

Во второй части, въ вертоградъ встрѣчаются Роскошь свѣтская и Храбрость. Ревность (въ смыслѣ добродѣтели), выбирая себя Храбрость и отвергая Роскошь, принимаетъ доспѣхи первой и упражняется въ потѣхахъ воинскихъ; потомъ хочетъ опочить отъ трудовъ, — ей приготовляютъ великолѣпное ложе, но она велитъ устроить себя постель изъ оружія и проч. Эта часть оканчивается приготовленіями къ войнѣ.

Въ третьей посылается вѣстникъ къ хищнику, съ требованіемъ о возвращеніи прежняго достоянія, получаетъ отказъ, вслѣдствіе чего начинается битва между орломъ двоголовымъ и львомъ. Моисей помогаетъ первому молитвами и едва воздвѣгаетъ онъ руки горѣ, — орелъ беретъ верхъ, едва ихъ опускаетъ — побѣждаетъ левъ, «и по семъ поддерживаютъ рудъ Моисеовы, и тако орелъ льва одолеваетъ». Заключается пьеса конечною гибелью Хищенія и его воинства. Ревность торжествуетъ. Увѣнчанная лаврами и пальмами, Фортуна вручаетъ ей четыре части свѣта.

Вообще все это представленіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что содержитъ намеки на нѣкоторыя черты изъ жизни Петра; кромѣ того релігіозный элементъ не играетъ здѣсь такой важной роли, какъ въ предыдущихъ сочиненіяхъ.

«Божіе уничижителейъ гордыхъ... уничиженіе», напечатано въ февралѣ 1710 года. Пораженіе шведовъ при Полтавѣ, измѣна Мазепы и бѣгство послѣдняго съ Карломъ XII, раненымъ, какъ извѣстно, въ ногу, — составляютъ содержаніе представленія.

Вначалѣ, въ предидѣствіи (т. е. прологѣ) «токмо единые гордые изобразуются тихо» (т. е. безъ рѣчей). Потомъ объявляется, что «здѣ

полагается, ради явственнѣйшаго изображенія, хотящаго быти въ самомъ дѣствѣ дѣла, съ нынѣшнимъ торжествомъ согласующееся, въ самомъ же дѣствіи, еще что мнится быти и не согласно съ торжествомъ нынѣшнимъ, да не удивляемся. *Omnis similitudo claudicat* (всякое подобіе хромаетъ). Иное бо равенство, иное же сравненіе: равенство во всемъ, сравненіе же токмо въ нѣкоторыхъ вещахъ съ дѣломъ согласуется. Здѣ же положено иное ради нынѣшня побѣды, иное ради исторіи, еще и не во всемъ нынѣшнему дѣлу, отъ Бога данному, подобной, в того ради да большее будетъ согласіе съ побѣдою и измѣною сравненіе; до исторіи иное прибавлено, иное убавлено, иное же въ ней отиѣнено, нужда бо не токмо исторіи, но и законъ измѣняетъ. Равенства убо здѣсь нѣсть, сравненіе же въ нѣкакихъ вещахъ сіе есть: царство израильско съ своими въ смиреніи и терпѣніи — царству російскому, гордый же Голиафъ съ своими въ гордости и поношеніи — силѣ воинства свейскаго уподобляется. Саулъ въ 1-й части въ двухъ явленіяхъ, завидя Давиду положенъ, и ради исторіи и ради изображенія зависти отъ многихъ чуждыхъ странъ о преславной побѣдѣ нынѣшней.

Давидъ, единого Голиафа съ своими убивый, лва же токмо хрома сотворивый и прогнавый, съ царскимъ величествомъ сравниется. Авессаломъ отцу въ сопротивленіи съ самымъ измѣвникомъ проклятымъ Мазепою. Ахитофель же въ богоненавотныхъ совѣтахъ съ его совѣтники сравнивается, прочее же даже до конца дѣвствія и само явственно обрѣтается....

Въ этомъ представленіи является то нововведеніе, что между нѣкоторыми явленіями были «интермедіумъ и офицерскій танецъ съ словесными похвалы оружія воинства». Въ концѣ 1-й части является хромой левъ съ надписью: «хромъ, но лють», гидра — съ девизомъ «лютью и не хромью», и, наконецъ, орелъ: «и хромыхъ и не хромыхъ, и лютыхъ и нелютыхъ смиряемъ». Во 2-й части является хромая Швеція и оиать насмѣшки надъ хромотою.

Въ предпоследнемъ дѣствіи Авессаломъ на хромомъ левѣ сражается съ воинствомъ Давида, наконецъ побѣжденъ, въ бѣгствѣ задѣваетъ волосы за дерево, — Иоавъ его убиваетъ, «левъ же убаже».

Мекленбургскій посланникъ Веберъ, довольно долгое время жившій въ Россіи, оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую замѣтку о театральныхъ представленіяхъ: «со временемъ въ Петербургѣ должна учредиться опера и театр, и тому уже положено начало, хотя царь въ подобныхъ зрѣлищахъ находитъ столько же удовольствія, сколько и въ охотѣ. Русскіе и сами дѣлали попытки завести театр, но, по недостатку въ руководителяхъ, все это не принесло видимой пользы. Еще до отъѣзда царя въ чужіе краи (въ 1717 г.), великая княжна Наталья (любимая сестра Петра) заставляла играть драма-

тических пьесы, которые смотреть волею была всякій ¹⁾). Для помѣщенія театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. 10 актеровъ и актрисъ были природные русскіе, невиданные ничего, кромѣ Россіи, а потому можно вообразить себя ихъ искусство. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ библіи или изъ обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній. Роль ардекина поручена была одному оберъ-офицеру, и онъ вмѣшивался съ своими шутками туда и сюда въ продолженіи представленія; потомъ выходилъ ораторъ и рассказывалъ о содержаніи и ходѣ пьесы, а наконецъ слѣдовала и самая пьеса, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ, — такъ объясняли Веберу современники, — было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣлецкихъ возмущеній ²⁾).

Это свидѣніе о пьесѣ съ намеками на современныя событія тѣмъ болѣе для насъ любопытно, что въ рукописяхъ Публичной библіотеки сохранилось одно драматическое представленіе, оправдывающее слова Вебера, именно «Степанотокосъ». При чтеніи его тотчасъ можно замѣтить, что содержаніе пьесы не принадлежитъ къ вымысламъ фантазіи, но заимствовано прямо изъ дѣйствительности. Поэтому, прежде нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію «Степанотокоса», напомнимъ нѣкоторые событія, случившіяся во время переворота, слѣдствіемъ котораго было прекращеніе союзерства и вступленіе въ управленіе Россіею Петра Великаго. Лучше всего въ настоящемъ случаѣ помогутъ намъ свидѣтельства тѣхъ современниковъ, которые смотрѣли на весь ходъ тогдашнихъ дѣлъ точно также, какъ и неизвѣстный авторъ помѣнутой пьесы.

Царевна Софія Алексѣевна, — пишетъ въ своихъ «Запискахъ» Матвѣевъ, — издавѣка бодрственно усмотря, что монархъ Петръ Алексѣевичъ въ великомъ цѣломудріи и съ чрезвычайными талантами рожденъ былъ... всячески уже мыслила къ надежному впредъ своему утвержденію и ко избытію послѣдованій отъ стороны его царской, начала принимать благополучныя и безопасныя для себя мѣры. Того ради, при своей начатой властолюбивой державѣ, она, царевна, избрала изъ разряда дьяка Θεодора Шакловитаго... всѣ тайныя секреты свои между себя и стрѣлецкихъ полковъ къ будущимъ намѣреніямъ ко оборонѣ своей ему открыла, и въ великой содержала его при себѣ вѣрности. И потомъ уже онъ, Шакловитый, въ скоромъ времени до полатной околышеской чести... произведенъ, вотчинами, и богатствомъ и дачею... отписнымъ дворомъ князя Хованскаго удо-

¹⁾ Въ Походн. журналѣ 1715 г. (изд. 1855 г., стр. 55) подъ 28 февраля отъчтено: «изволили (государь) въ Петербургъ прибыть по полудни въ 3 часу, и въ 6 изволили пойти къ государынѣ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ въ комедію».

²⁾ Das veränderte Russland I, 226, 227.

вольствованъ и обогащенъ быть, и намѣренныя злыя дѣла на оторо- ну его, государя царя Петра Алексѣевича, въ пользу ея, царицы, совершить намѣрился....» Крещининъ такъ записалъ о началѣ послѣд- няго возмущенія: «воры и бунтовщики, президентъ стрѣлецкаго при- каза по житію, окольникъ Шакловитый, со многими полковники и офицеры стрѣлецкихъ полковъ, съ Оброскою Петровымъ, съ Кузь- кою Чернымъ и съ прочими ворами и единомышленники имѣша злое намѣреніе... царицу Софію Алексѣевну короновать; а царя Іоанна Алексѣевича, болѣзни ради, отоставить; а царя Петра Алексѣевича и мать его государеву... и св. патріарха убить, и бояръ и ближнихъ людей побить». Еще прежде, «царица Софія полковниковъ и началь- ныхъ людей къ стрѣleckимъ полкамъ опредѣлила послѣдовавшихъ воли ея. И тако утвердися царица въ правленіи царства и творяше, яже хотѣя... и бояре и всѣ чиновные люди и дворяне, имѣющіе любовь къ великимъ государямъ и къ великой государынѣ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, не смѣяше что знатно начати и противно рещи, бояшеса отъ стрѣльцовъ побіенія....» Исходъ этихъ событій извѣстенъ: «царь Іо- аннъ Алексѣевичъ Шакловитаго и его единомышленниковъ взявъ, заключалъ въ оковы тверды. А Шакловитова самъ изволилъ вопро- шать, а онъ во всемъ заирался (Крещининъ)....» но потомъ, когда «его вора, Шакловитова и сообщниковъ его, воровъ, полковника Семюи Юрьева, сына Рязанова привезли.... и предъ боярами спрашивали, и на воловьемъ монастырскомъ дворѣ жестоко пытали», то «не токмо во всемъ вышеноказанномъ воровствѣ своего умысла винили, но и ветою всѣ обстоятельства.... своею рукою записавъ, подаль (Ма- твѣевъ) ¹⁾»...

Содержаніе «Стефанотокоса» состоитъ изъ представленія на сце- нѣ происшествія, совершенно посторонняго церковной исторіи. Не изъ вышне одѣланной выписки изъ «Преславнаго торжества» можно видѣть, что въ тѣ времена считалось обязательнымъ сюжетъ драма- тическихъ представленій заимствовать изъ св. писанія, и потому, чтобы сохранить это правило, въ «Стефанотокосѣ», самымъ неожи- даемымъ образомъ, четвертое дѣйствіе содержитъ въ себѣ эпизодъ изъ ветхозавѣтной исторіи, именно объ Амаѣ, Артекеркѣ и Эвоари. Этотъ обычай вводить въ главную пьесу эпизоды, совершенно посторо- нныя, но по мысли, имѣющіе отношеніе къ ней, встрѣчался, какъ упомянуто выше, также и въ мистеріяхъ западныхъ народовъ, съ тою разницею, что у послѣднихъ эти вставки и заимствованія изъ ветхозавѣтной исторіи послужили къ образованію трагедіи по клас- сическимъ образцамъ, у насъ же они въ настоящей пьесѣ только для того, чтобы не нарушить укоренившагося обычая — заимствовать сю- жетъ драматическихъ представленій изъ св. писанія.

¹⁾ Выписки сдѣланы изъ «Записокъ русскихъ людей» изд. Сухарова.

Антипрологъ пьесы ¹⁾ состоитъ изъ аллегоріи: на сцену входятъ два отрока, и пускаютъ мыльные пузыри, которые, какъ скоро подымутся на высоту, то исчезаютъ; потомъ отроки разбиваютъ стеклянные сосуды, которые въ рукахъ ихъ, и однакъ произносятъ: «такое совѣты нечестивыхъ!»

За тѣмъ разсказывается содержаніе пьесы: «Вѣрность, болѣзнуя, что Стефанотокою родительскою неповиннѣ Завистию и Злобою лишенъ престола, жалуется на оныхъ враговъ, и хотя Надежда общала Вѣрности, что Стефанотокою не лишится своего наследнаго престола, обаче отъ Злобы и Зависти гонима Вѣрность, Дукавствомъ же врелъщена, помысли соединитися врагомъ: но Совѣстію изобличена и Надеждою водима, приходитъ къ позорищу; на немъ же, како Аманъ на іудейскій родъ навѣстуй, погибе, и, видѣвши, ищетъ Стефанотока, чтобъ возвести его на родительскій престолъ и, обрѣвши Стефанотокоса, моленіемъ убѣждаетъ пріяти престолъ; Злобу же и Зависть плѣнивши, Стефанотокоса славно возводитъ на престолъ...» Далѣе прологъ, гдѣ также есть намеки, понятныя, если помнить, какъ происходилъ послѣдній переворотъ, кончившійся вступленіемъ царевны Софій въ монастырь: «Ни одному тайно есть, коль краткое пребываніе оныхъ, ихъ же отроцѣща играюще, сотвориша надмѣнлимыъ, пузыревъ, и коль скоро такъ исчезаютъ, что ни слѣду ихъ бытія остатися. Примѣръ сей подлежащему вышнему дѣйствію, аки заглавіе или надписаніе того ради положить умысликомъ, да всякъ можетъ чувствами своими осязати еію, что коварные челоуѣцы околь болѣе хитрыхъ ради своихъ пронырствъ и злокозненныхъ зломышленій бѣсовскимъ гордымъ вѣтромъ надмѣнны возносятся, толь скорѣе средину коварствъ ихъ проѣдшеса исчезаютъ, — надъ лежащемъ же дѣйствіемъ уже явственнѣе покажется, только всемирно проимъ его же водимы (?) само собратися неотречестеся, своею благодарностью возбуждаемы, дѣмая прилежно омотряще укоснѣти мало не въ трудъ себя оставитъ.»

Трагедія начинается жалобами Вѣрности Надеждѣ о судьбѣ Стефанотокоса, и первая, между прочимъ, говоритъ:

«Всякъ чувствуетъ онаго кроткаго Давида,
Его же невиннѣ и Саулъ гоудше,
Иезавломъ люте убиты искаше.
Днею же Стефанотокосъ лишенъ напрасно
родительска престола, ахъ, и воимнѣтъ ужасно!

¹⁾ Въ рукописи Пуб. бібліотеки XIV, Q, 19, стр. 60—98. Въ началѣ этого сборника оды Калтемира, потомъ различные стихи, на послѣднемъ листѣ записано происшествіе, случившееся въ 1754 г. Въ концѣ, послѣ интермедій, есть между прочимъ торжественные стихи Вену и Калтемира.

Бѣдствуетъ въ голенѣхъ, скорбѣ и печалѣ:
Пришельцы бо и рабы на него возстали....

Далѣ Злоба и Зависть грозятъ истребить Вѣрность, которая обращается въ бѣгство. Здѣсь Зависть въ такихъ стихахъ выражаетъ неудовольствіе на Вѣрность:

«Ахъ, какъ мнѣ жаль жестоко снѣдаетъ утробу,
что до днесь сію еще не догналъ до гробу!
И хотя ей уже все немало не успѣетъ,
однаже нѣкакую надежду имѣетъ,
Чтобъ когда нибудь збѣжать отъ моею руку;
но не будетъ, не будетъ тако! Се бо муку
Всякую наложу и дотоль не престану
гонить, мучить, бить, доколь не узрю поправу
Подъ моима ногама, имъ же начну терти,
дабы и въ самыя врата лютой догнать смерти.»

Лукавство, взявшись уговорить Вѣрность измѣнить Стефанотоко-су, объясняетъ ей невыгоды ея твердости:

«Напрасно, ей, напрасно, держишия сей мысли:
прими только себя въ умъ хоть малыя числа,
Коль многыхъ челоуковъ милость ихъ и сила
славою и честію дивною почтила:
Иже иностранные придоша къ нимъ нищи,
достоинствъ немуще, ни дневныя пищи,
Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славъ,
что дивящися видать вси народы лавъ.»

Далѣ совѣтуетъ Лукавство перейти на сторону Зависти и Злобы:

и оаны,
Каковыя восхощеши, дадутся, и злато
довольное воспримеши, которымъ богато
Вся твоя родня будетъ, да къ тому же и дѣти
твои въ чести процвѣтутъ, аки полны цвѣты,
Имя твое пребудетъ въ роды родовъ честно!
Помощь тебѣ какова отъ Стефанотока?
Его же любя, храниши, какъ зъвину ока!»

Вѣрность колеблется, но ее уговариваетъ Совѣсть, которая въ подкрѣпленіе приводитъ Надежду. Эта послѣдняя предлагаетъ Надеждѣ посмотрѣть, какъ

«... пропадають враги неизбѣжно:
Поступи только мало, а смотри прилежно.»

нѣ, котораго въ концѣ дѣйствія казнятъ со всеми родственниками за злые умыслы противъ іудеевъ ¹⁾).

Въ пятомъ дѣйствіи Надежда съ Отечествомъ просятъ Стефанотока принять прародительскій престолъ и передъ тѣмъ о немъ Отечество говорить:

«Быть еще въ живыхъ ему весьма мнится трудно:
врази бо безсовѣстно гонять и, безстудно
Родительску часть ему отъявъ, замышляютъ
честь лишити и то уже дѣломъ сполняютъ.
Хотятъ да родительства его дивна слава
въ немъ упразднится, ниже да держава
Оному наследуется, когда будетъ въ руки,
Сія жъ попускаете терзати ему муки..

На родительскомъ еще не сядетъ престолъ
Стефанотокъ, то ему купно съ нами долъ
Предъ врагами придется лежать намъ пленнымъ,
И въ дальнія мѣста быти заточеннымъ.»

Потомъ Отечество съ Вѣрностью и Благочестіемъ просятъ Стефанотока «да неоставитъ ихъ въ конецъ отъ Злобы и Зависти, но да приметъ державу.» При этомъ случаѣ, Вѣрность говоритъ, между прочимъ, Стефанотоку:

«Вѣрные твои слуги и воля твои чада
мучатся, ниже имъ есть какова отрада.
Чада отъ внешнихъ враговъ тебе защищаютъ,
домашніе же, какъ пси лютые, терзаютъ.
На тое ли отъ Бога многими слезами
испрошенъ еси, дабы пришельцы надъ нами
Господотворяли? То ли твоимъ будетъ слава
родителемъ, егда честь вся и держава
Есть отъ тебе отъята?...»

Благочестіе также съ своей стороны прибавляетъ нѣсколько чертъ для описанія ужаса тогдашняго положенія:

«Дѣло печальное есть и весьма обидно,
но глаголати тое печально и стыдно:
Возстаютъ дерзковенно на самаго Бога!
и се-ли тебѣ еще печаль есть немнога?»

¹⁾ Выше видѣли, что Аманъ былъ представляемъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ людьми Метъева. Французская мистерія подъ этимъ же названіемъ 1587 г. совершенно сходна по содержанию, но любопытна разица въ разговорахъ: русскій Аманъ, напротивъ, хвалился милостями царя, говорить, что теперь всѣ на него смотрятъ съ завистью и будутъ преклонять предъ нимъ колѣна. Французскій Аманъ въ этомъ же случаѣ прокиваетъ монологъ, гдѣ онъ хочетъ превзойти небеса, похитить жену Плутона, взять трубу Ивитуа.... (Mist. de théâtre fr. par. Parfay, III, 488.)

Уничтожиша церкви святые утравы,
ни во что ставят божий законъ, правы,
Говорить намъ о вѣрѣ нѣсть уже свободы....»

Въ концѣ пьесы, Вѣрность и Мужество побѣждаютъ Зависть и Злобу и приводятъ ихъ связанными. Злоба при томъ произноситъ:

«Стефанотокосу всегда мыслихомъ благая,
токмо денно и ночно жалахомъ, жала
Да не будетъ здѣ, но да въ странные предѣлы
посланъ будетъ, аще же нито съ своимъ далы
Намъ придется бѣдственно тотъ часъ пропадати....»

Въ заключеніе, Европа, Азія, Африка и Америка приносятъ поздравленіе Стефанотокосу. Эпизодъ содержитъ въ себѣ такое, между прочимъ, обращеніе къ зрителямъ, что изъ представленія видно како Господь уповающихъ на него не оставляетъ, и аще попускаетъ на вѣрныхъ своихъ рабовъ приходити скорбямъ и напастямъ по сему быти, того ради терпитъ, да по скорбямъ большую славою почтенъ... Актеры далѣе на словахъ припадаютъ къ стопамъ зрителей и, лобзая ихъ, просятъ о прощеніи, если въ чемъ погрѣшили.

Въ той же рукописи, гдѣ помѣщенъ «Стефанотокосъ», есть также замѣчательныя интермедіи (листья 98 — 118), гдѣ собственно никакой завязки нѣтъ, но выведено нѣсколько лицъ, которыя ведутъ между собою разговоры. Выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чрезвычайно удаченъ; черты, подмѣченныя въ дѣйствительности, перенесены на сцену и, разумѣется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предать ихъ всеобщему осмѣянію. Самымъ лучшимъ комментариемъ для пониманія личностей интермедій, каковы напр. раскольникъ, ставленникъ, подъячій и пономарь, не желающій отдавать дѣтей учиться — могутъ служить указы, помѣщенные въ Полномъ собраніи законовъ, и это служитъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о единствѣ, съ которымъ вездѣ и всюду проявлялась воля Петра.

Первый монологъ раскольника становится понятнымъ, когда припомнимъ, что наши старовѣры придають особенную важность такъ называемому Стоглаву, или сборнику постановленій, явившихся въ первый разъ при митрополитѣ Макаріѣ. Здѣсь многія изъ постановленій, составленныхъ болѣе по малограмотности и недостатку знаній, возведены были на степень догматовъ Церкви, а потому придерживающіеся буквы по старинѣ придають Стоглаву особенное значеніе. Когда при патриархѣ Никонѣ были изданы первыя, вновь исправленныя книги, то открытое противодѣйствіе прежде всего имѣло мѣсто въ Соловецкой пустыни, гдѣ никакъ не хотѣли отправлять божественную службу по присланнымъ изъ Москвы книгамъ, спрятали ихъ въ сундуки, и продолжали упо-

треблять старопечатныя. Надобно было прибѣгнуть къ военной силѣ, и Соловки были осаждаемы посланными войсками. Успѣвшіе скрыться до сдачи обители раскольники удалились въ Поморье и другія отдаленныя мѣста, и тамъ распространяли свое ученіе. Еще со времени Никона у раскольниковъ начались толки о пришествіи на землю антихриста. При Петрѣ Великомъ даже являлись рукописныя сочиненія объ этомъ къ великому соблазну народа. Въ Полномъ собраніи законовъ (VI, № 3891) записано объ одномъ изъ нихъ такъ: «Въ 1701 г., воръ Талицкой, ради возмущенія людемъ, писалъ нисьма плевельныя и ложныя о пришествіи Антихристовѣ, съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, которому его ученію послѣдовалъ нѣкто иконникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ, со удивленіемъ, какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себя отъ духовнаго наставленія»....

Въ 1705 г., послѣдовалъ указъ, по которому всѣ, кромѣ священно-церковнослужителей, въ Москвѣ должны были носить съ 1-го января до Пасхи верхнее платье саксонское, а исподнее, камзолы, башмаки и проч., вѣмецкіе. Лѣтомъ надобно было носить французскую одежду, отчего не избавлялись даже и крестьяне. Торговцамъ и портнымъ запрещено дѣлать русское платье, сапоги, башмаки и черкесскіе кафтаны. Въ томъ же году велѣно было брить бороды и усы; тѣ, которые не хотѣли этого сдѣлать, платили, смотря по состоянію, 100, 60 и 30 рублей годовой подати. Это повелѣніе въ особенности возбудило ропотъ, потому что русскіе книжники учили, что всѣ миряне для спасенія своей души, непременно должны носить бороду и усы. Чтобы утишить толки по этому случаю, Дмитрій, митрополитъ ростовскій, написалъ замѣчательный въ историческомъ отношеніи трактатъ «Объ образѣ и подобіи божіемъ во человѣцѣ». Изъ указа 1706 г. о дозволеніи жителямъ Сибири не носить иностраннаго платья видно, что новая форма была дана не только для платья, но и «для сѣделъ и прочаго тому подобнаго». Въ 1707 г., вышло повелѣніе не продавать платья и шапокъ безъ клейма, удостоверяющаго, что все сдѣлано по новому образцу. Не упоминая о другихъ указахъ, подтверждавшихъ эти постановленія много разъ и послѣ, замѣтимъ только, что продавцы, продававшіе не форменную одежду, были наказываемы такъ строго, что теперь это покажется невѣроятнымъ.

Что касается до ставленника, выведеннаго въ интермедіи, то прежде, убылыя мѣста священниковъ и дьяконовъ замѣщались по выбору всѣхъ прихожанъ, которые и подавали о томъ голоса.

Дьячокъ интермедіи, который не хочетъ отдавать своихъ дѣтей учиться въ семинарію, тоже историческій типъ петровской эпохи. Указъ о томъ, чтобы дѣти священно-церковнослужителей учились въ школахъ греческихъ и латинскихъ, послѣдовалъ въ 1708 г. При чемъ постановлено, что не бывшіе въ школахъ могутъ только посту-

вать въ солдаты. Частыя потомъ подтвержденія этого указа заставляютъ догадываться, что его выполняли не совсѣмъ охотно.

Въ интермедіи выведенъ еще подъячій и упоминается о секретаряхъ: эти лица говорятъ и дѣйствуютъ такъ, что для читателя и нашего времени, для пониманія ихъ, не требуется особыхъ комментарий.

Сцена между раскольниковомъ и жидомъ можетъ служить образчикомъ тогдашняго театральнаго остроумія: раскольникъ, узнавъ, что жидъ держится старой вѣры, принимаетъ его за своего собрата, и начинаетъ выспрашивать о любимыхъ своихъ убѣжденіяхъ.

«Какъ то нынѣ люди увязли глубоко,
какъ то жить въ міръ несносно и жестоко!
Последняя бо времена видимъ, что прясъпан,
бо и некоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста зрѣли.
Подобаше ему прійти на землю, когда нашу старую вѣру попрали
вѣконщики проклятые, свою же нѣкую нову незнаемо откуда взяли.
И не токмо вѣру нашу стару святу и Богомъ устроенну,
Еже апостоли святые и пророки носили,
Попрали, во и платіе долгое уже премѣнили,
Русскіе нынѣ ходять въ короткомъ платъѣ, якъ кургузы,
на главахъ же своихъ носятъ круглыя картузы.
И тое они откуда взявъ, ей недоумъваемъ,
и сказать о томъ вѣстинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняють,
свои брады на голоу желъзомъ обривають.
Человѣцы ходять, якъ облезяны:
вмѣсто главныхъ волосовъ, носятъ паруки, будто нѣмцы поганы.
Куды уыгнемъ, отъ строящихъ раздоры
нашей вѣры старой: въ воду и въ горы?
Не вмы! Же убо и въ Брынскомъ лѣсу
не можемъ укрытися, ндѣже и бѣсу
Не можно найти было. Новыя же вѣры люди
и тамъ насъ нашли, на погибель ищущи всюду.
Извлекше же насъ изъ Брынскихъ лѣсовъ понуждають иди своєю
новыя вѣры своей латынскою стезею.
Какъ Соловки, отъ народу много удаленны,
но и отъ туду мы, бѣдныя, совсѣмъ изверженны.
Считаємся гонимы, не имѣя гдѣ поклонити,
или бы ученіе старой вѣры распространити.
Намъ насъ раззоряють латынскія школы,
за кони намъ простой по улицамъ учить народъ вътъ воли.
Нѣсть спасенія во градѣ: Спасеніе живетъ въ пустыняхъ
погибнетъ всякъ, кто не пребываетъ въ яскиняхъ ¹⁾!
У насъ въ пустыняхъ толки и скиты различны,
вся у насъ богатство и всѣ жены личны.
Зачимъ здѣ во градѣ для размноженія свой плодъ оставляю,
а самъ къ своей нѣствы въ пустыню ступаю.

¹⁾ Jaskinią—польское слово, значитъ убежище, уединенная дѣлая пещера. Chować się do jaskini—скрываться въ пещерѣ.

«Отходить раскольщикъ и прибѣгаетъ цыганъ.

ЦЫГАНЪ.

Цхабей (З), ха (З), се же и я, панове, до васъ завѣтавъ,
ходивъ, бродивъ, а тутъ таки на ночлегъ заставъ.
Бидна моя головонька, якая те моя хорошая урода,
якъ то мнѣ было отъ ющенка пановаше и выгода,
Якъ же то було насъ и не шановати —
наше то дѣло дѣти: замки ковати, людей опшуковати.
Та и жаданчата моя непослѣднее ремесло мають:
бо куры красти, дѣтей манити добръ уже знаютъ.
А якъ бы солонину, альбо поросятину, хоть бы подъ небесами знали
и выттуль бы якъ колвекъ ужъ бо красти себе догадали!
А кому поворожити о счастіи и приходъ, то нехай пойдеть до моеи
Солохи:

Обголитъ его добръ, хочъ не поможетъ ни трохи.
Бачитъся и жаданчата и Солоха и я доброе маемъ ремесло;
но по бачлибъ вы и сами, панове, толко не добръ ихъ занесло.
Сподзвалося, что за промысломъ вся разошлася,
а чѣмъ бы на сало, альбо колбасу чи нездобылися.
Бо уже бѣдные жаданчата третій день не зли
трохи, зъ голоду совсѣмъ несотляли.
Я бы и самъ натрепался хочъ собачины,
коли не ма поросятини, альбо солонины.
(Convertitur ad aviculas)
Что се за птица, чи не изъ египетскаго ли края залетѣла
Яки хороши, нусъ а гдѣ жъ твои крыла?»

Въ слѣдующей сценѣ является литвинъ съ птицей, чтобы про-
дать ее на ярмаркѣ; цыганъ впрягаетъ литвина. Далѣе цыганъ голод-
ный видитъ во снѣ колбасу, хочетъ поймать ее, но она исчезаетъ.
Потомъ выходитъ лекарь-нѣмецъ, говорить съ цыганомъ по латинѣ,
вырываетъ ему зубъ, и сердится на слугу, что цыганъ убожалъ, не
заплативши денегъ.

«Деньги гдѣ? на що упусти паціента?»

(Въ щоку холопа.)

СЛУГА.

Мене, ейтакъ
Началъ ты бити, ну-ко-сь со мною по русску,
У меня вѣдь и чорту, нежели тебѣ, не бывая спуску.

(Зъ бедра о землю ударилъ Нѣмца.)

Proludium tertium.

(Выходитъ маркитантъ и продаваетъ пироги, вельми ихъ похваляя.)

МАРКИТАНТЪ.

Кто тутъ спрашиваетъ подовыхъ, господа честные?
вотъ у мѣня куды хорошіе какіе!

То здѣсь пироги горячи,
вдять голодные подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,
съ свѣжимъ, говаяжимъ сердцомъ.
Масло черезъ край льется,
и подягъ еще довольно найдется.
Теперь только испечены,
куды какъ воложно начинены!
То пироги здобны, то смяны,
покушайте, господа дворяны!
Вотъ теперь только изъ печи взяты,
ну, убирайте, бурлаче, ухваты!
Небось брюхо не буде ворчать:
извольте хоть за то даромъ взять.
Хоть денегъ поубавятъ
да животь приуправятъ!

Приходитъ дьячокъ (онъ же ставленникъ).

Ну-ка съ легкой руки на починъ
Кто купить, удалые молодчины?
Что-ста, бачка, не изволишь ли подовыхъ? что ұсы ты разчищаешь?
Никакъ, право, ты озябъ, что руками ты посыкаешь.
Коли озябъ, то на-тко изволь покушать горяченькихъ сразу.

Ставленникъ отказывается, говоря, что у него нѣтъ денегъ. Яв-
ляются мошенники, и начинаютъ разузнавать, что есть у дьячка.

мошенникъ 1.

а какъ-ста ты издамече, а?

ставленникъ.

Куда даль какая! Иванъ Предтеча
Есть церковь — у той меня по указу дьячкомъ опредѣляли,
а нынѣ опять приложена приговорили,
Чтобъ мнѣ идти въ попы какъ яибудь добиваться.

мошенникъ 1.

Куды-ста право даль какую изволилъ подняться!
Да взялъ ли хоть ты денежокъ сколько яибудь съ собою?

ставленникъ.

Небольшое число на дорогу взялъ со мною.

мошенникъ 1.

Какъ же ты идешь ставиться съ простыми руками,
вдѣ и къ секретарямъ надобно идти зъ дарами?

ставленникъ.

Ты, пожалуй, о томъ не зоблись, они всѣ меня знаютъ.

29*

МОШЕННИКЪ 2.

Они такихъ знакомыхъ тыхъ пуще одуваютъ!

МОШЕННИКЪ 3.

Еще прежде отъ секретарей немало претерпишь муки,
какъ попадешь къ подъячимъ въ руки.

МОШЕННИКЪ 4.

Да-ить канцеляристамъ надобно сахару снести полъ десятокъ головокъ.

СТАВЛЕННИКЪ.

Нвтъ, братъ, нѣчово имъ у меня вырвать, я на это ловокъ,
Самъ на обухъ рожь молочу, а зерна не уроню:
Пустяки у меня возьмутъ подъячи.

МАРКИТАНТЪ.

Ну, кутейникъ, разбалакался, зшь пока пироги-то горячи,
Въдъ мнѣ недосугъ съ тобой забавляться —
надобно еще въ другое и въ третье мѣсто поспышаться.

СТАВЛЕННИКЪ.

Молчи, мужичекъ, не вздоръ, лучше право безъ крику,
въдъ нѣкакую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику.

За тѣмъ слѣдуетъ брань и драка, потомъ мошенники уходятъ, а ставленникъ продолжаетъ опять ѣсть пироги; при расплатѣ оказывается, что у него украдены деньги; маркитантъ удерживаетъ за долгъ шапку.

Въ 4 пролюдіѣ подъячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять дѣтей его въ семинарію. Дьячокъ отвѣчаетъ:

«Знаю я вашу братью: вы въдъ рабята просты,
аже у ково обдутъ, огладить — путные оклесты.

ПОДЪЯЧІЙ.

Что мнѣ съ тобой много балакать,
будешь еще о нихъ и плакаты!
Только какъ этотъ указъ прочитаешь,
то въ тотъ часъ познаешь.

ДЬЯЧОКЪ.

Лучше мнѣ теперь умереть,
нежели на это смотреть.
Какъ моихъ дѣтей они лишаютъ
и въ серимарію на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами,
напиши, пожалуй, что они еще негодны лѣтами!

ПОДЪЯЧІЙ.

Догадался, какъ проигрался, схватился Малахъ,
какъ нѣтъ ничего въ головахъ!
Предъ нами давѣчь такъ ты и шапки снять не хотѣлъ,
да нетокмо шапки снять, ешс и слова не хотѣлъ сказать!
Ну давай скоро, дьячишко, могиальна муха,
смотри, чтобъ я тебѣ не скрошаъ треуха.

ДЬЯЧОКЪ.

Возьми съ меня, пожалуй, хотъ рублишковъ поддесятокъ.

ПОДЪЯЧІЙ.

Добро я съ тобою сдѣлаюсь, ежели къ тѣмъ прибавишь десятокъ.

ДЬЯЧОКЪ.

Ну, я ужъ тебѣ прибавлю.

ПОДЪЯЧІЙ.

Такъ я дѣтей твоихъ отъ семинаріи избавлю.

ДЬЯЧОКЪ.

Вправду ль ты только дѣтей моихъ избавишь?

ПОДЪЯЧІЙ.

Конечно избавлю, ежели посуленное исправишь.

ДЬЯЧОКЪ.

Какъ же намъ этое дѣло-то сдѣлать и секретари обманить?

ПОДЪЯЧІЙ.

Небось, давай деньги смѣло —

Мы ужъ знаемъ какъ — обманывать-то наше дѣло;

да, сверхъ того, они съ вашей братіи

Одуваютъ деньги и платіе.

А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,

и какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухомъ пошепчу.

Этому скажи пять лѣтъ, какъ родился.

ПОДЪЯЧІЙ 2.

Я чаю, што ты ужъ задался,

Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тымъ изволишь балакать,

а намъ, право, тамъ лишь плакать:

Ужъ третью промеморію изъ семинаріи прислали,

штобъ вы скорѣя ихъ смыскали.

ПОДЪЯЧІЙ 1.

Ну, братъ, какъ нибудь свободи его дѣтей.

ПОДЪЯЧІЙ 2.

Но я боюсь: за это вѣдь въ приказъ схватишь плетей!

Ну, дьячекъ, давай ихъ скорая,
ни мало не отлагая!

ДЬЯЧОКЪ.

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитесь сюда,
посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
и въ проклятую серимарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные,
не на ученье васъ берутъ, но на мученіе безконечное,
Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родится,
того жъ часа киселемъ задавится и въ воду утопится.
О мои, милые дѣтушки!
и бѣлые лебедушки,
Лучше бѣ васъ своими руками въ землю закопалъ,
нежели въ серимарію на муку отдалъ!
Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,
и съ вами ужъ никогда не живатъ.

ПОДЪЯЧІЙ 1.

О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дожидаться,
пора уже намъ и къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай доброй человекъ,
дай те Богъ множество лѣтъ,
А впредь, пожалуй, знайся съ нами,
съ подъячими, съ приказными строками!

ДЬЯЧОКЪ.

Прямъ, што не отъ дурова добрые люди говорятъ,
што подъячи-ты люди,
ажно люты они, да и не худы.
Вотъ теперь денежки те съ меня схолодили,
а дѣтей тыхъ отъ семинарін таки не свободили.
Впредь же я ихъ теперь буду знать,
а когда случай придетъ, не такъ буду поступать.

Пролюдіумъ пятый содержитъ въ себѣ сцену между грекомъ и
цыганомъ барышникомъ, по случаю продажи лошадей.

ПРОЛЮДИУМЪ 6.

ЖИДЪ.

Полну голову разума, о вей, добръ умью
горьлку съ медомъ добръ продавати,
До мене не хай идетъ, кто хоче хоросова пива,
о вей, я такова еще николи не бацивъ дива!
О вей, цорнѣ годъ, цо сей за человекъ?
не бациль николи таково, а ужъ изнилъ ввкъ!

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Стой, бачка, этому ты не дивися,

пожалуй только со мной разговорися.
Да скажи прежде, какой ты въры,
этоу у тебѣ увѣдать желаю безъ мърмы?

Жидъ.

Якой тебѣ треба? ци турецкой!
то я, а коли хочесь то и грѣцкой.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Нѣтъ, скажи, пожалуй, мнѣ однимъ словомъ.

Жидъ.

Цого болше еще тебѣ хочесь? я тебѣ молвилъ.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Скажи пожалуй истину, уже водить меня полно.

Жидъ.

Я есмь человекъ стараго закона.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Ахъ радостію весь растопився!

Жидъ.

Се бачу старый собако сказився.

(Тутъ раскольникъ падаетъ, а жидъ около его обьгаеть.)

Стось сему цловьку стало?

Ци недоброе цо на его напало?

О вей, о вей, цорны годѣ! узе по сердцу и уху

Бацу, ницого не помогаетъ, ось ежъ я еще поддамъ духу,

Узе, бачу, отъ духу заворошився,

цо тебѣ было стало? отъ цого такъ бувъ сказився?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Я теперича былъ въ восторзѣ

и нашель тое, чего искалъ на долзѣ.

Почти ужъ всю вселенную избродилъ,

а еще такова мужа не получилъ.

Вѣдъ и я старой въры смиренъ наставникъ,

Нынѣшній убо день будетъ намъ великій праздникъ.

Жидъ.

Говори далъ, цо будесь есцо брехати,

ну, ну не бався, неколи мнѣ цекати!

И, когда бывалъ на войнахъ, все меня боялись,

не разъ отъ зайца утикавъ, и церевики поспадали!

Ну, ну, идты на войну, старый, прибрайся.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Преставъ этоа разговаривать со мною,

я съ тобою радъ поговорить, якъ съ умною головою.
Въдь ты старой законъ содержиши,
что прензрядно твориши.
Однаковъ я то прямой старовѣрецъ.

ЖИДЪ.

А се что же у тебе?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Бо какъ безъ перецъ

Птицы невозможно летати,
такъ безъ этого невозможно пребывати,
Да и пробывать же безъ этого заслонца
понеже безъ него не пропустятъ въ адскія оконца.

ЖИДЪ.

Цоръ себя, цорный годъ! якъ ты хороше убранный
еще бы по краще былъ, кабы ус...
Яки ты старовѣрецъ? — я то стараго закона.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Нѣтъ въдь и я не новаго,
въдь такъ ли ты по старому крестился?

ЖИДЪ.

О вей, цорны годъ, я добра сказавъ, оцо сей человекъ сказивоя?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Этакъ крестился всь пророки
Такой крестъ содержать и наши всь толки

ЖИДЪ.

Згнѣнь, цо говоришь? Пророки не крестился,
Что ты, развъ пцолы въ голове разроилися?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Двоперотный крестъ былъ искони
развъ ты такъ не видалъ молящася Авеля на иконъ;
Бывалъ ли ты во Иерусалимъ?

ЖИДЪ.

Былъ не разъ, и еще пойду въ змиъ.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Поповщина, аввакумовщина, андреевщина, перекрещиванцы и не-
перекрещиванцы и толки

Такъ если ужъ здѣсь намъ жить нельзя; какъ хищные волки,
Никонщики на насъ сильно ужъ настали.
Своей новой вѣры силу великую взяли,
И насъ старовѣрцовъ вездѣ утѣсняють:

Съ Керженца, съ Поморія, съ Польша немилостиво згоняють
Надвюса, что и ты такъ держишя старой, какъ и я, въры;
Зъ бороною бо мя зря, возрадовался безъ мъры.»

Въ рукописи Публ. библіотеки (XVII, 2, 4,) конца XVII вѣка есть еще одна интермедія, гдѣ выведены гаеръ, двѣ молодки, шляхтичъ, цыганъ и купецъ. Прочитавъ ее, легко можно узнать, что она принадлежала къ разряду тѣхъ шутовскихъ пьесъ, о которыхъ приведены слова Бассевича и Берхгольца. Вся она написана прозой съ рвемани. Гаеръ сначала бьетъ старуху кочергой, потомъ старуха колотить его ухватомъ, за тѣмъ слѣдуютъ сцены одной молодки съ шляхтичемъ, другой молодки съ гаеромъ и пьянымъ мужемъ. Здѣсь описаны приключенія, которыя поражаютъ читателя своимъ цинизмомъ и незаинтересованностью,—и все это было представляемо передъ зрителями! Подъ конецъ цыганъ продаетъ гаера купцу за десять дука товъ. Чтобы дать понятіе о юморѣ того времени, сообщаемъ нѣкоторыя выписки и изъ этой интермедіи:

«Гаеръ (сидя, бьетъ себя въ голову).

«Голова моя буйная, куды ты мнѣ кажесса дурна. Уши, не какъ у людей, будто у чюцкихъ свиней; глаза, какъ у рака, взирають... Ротъ шириною въ одну сажень, а носъ на одну пядень. Лобъ, какъ бычачій, а волосы подобны шерсти свинячей... Гдѣ сыщешь такого удалца, добраго, дороднаго молодца, что боротца и битца, и съ козами бьютца? Вѣдь не сыщешь другога, кромѣ меня инова. Куда у меня бедра востра, да и рука видитъ чорта. А ежели ударю мертваго пѣтуха, то выскочетъ изъ него требуха, а ежели ударю муху, то не будетъ въ ней и духу, а хоша какую бь артель комаровъ, то разгоню всѣхъ, какъ сущихъ воровъ! Уже я и самъ дивился, что такой родился, и какъ здѣсь очутился», и т. д. все въ томъ же родѣ.

Изъ погодиноккаго собранія въ Публичной библіотекѣ (рукопись № 2003) содержитъ въ себѣ нѣчто похожее на театральное представленіе, именно похвалы свободнымъ наукамъ; эти похвалы произнесены были публично, съ пѣніемъ и игрою на органѣ, въ присутствіи царя и сына его, вѣроятно на какомъ нибудь торжествѣ въ олавяно-латинской академіи. Всѣ рѣчи произносятся отроками, и состоятъ онѣ то изъ обращеній къ Богу, то изъ прославленій царя, то, наконецъ, въ похвалѣ наукамъ, изъ которыхъ каждая о себѣ говоритъ въ первомъ лицѣ, точно также, какъ и въ старинныхъ учебныхъ руководствахъ, гдѣ, вмѣсто предисловія, прилагались стихи отъ лица науки. Таковыя рѣчи были и въ печатныхъ книгахъ, напримѣръ, въ славянской грамматикѣ Смотрецкаго, московскаго изданія. Въ началѣ помянутой рукописи, между прочимъ, въ рѣчи одного отрока, читаемъ:

«Прійди ты, Боже, ввійди и вселися
къ царю и царскому сыну за насъ благъ явися —ходатай!

Да вселившися въ нихъ, яко Богъ походи,
до пречестныхъ всѣхъ наукъ сына на царска введи—предъ нами,
Въ которыхъ мы желаемъ присно пребывати
нынѣ же здѣсь потщався хощемъ объявляти—нихъ дѣйства.
Да услышавше то, царь здѣ возвеселится
и въ самомъ тебѣ, Бозе, о сынѣ явится—благъ паче
Во еже бы тѣхъ наукъ сына поучати,
и много народъ за нами въ школы прилчати—потщится...

Далѣе во всѣхъ рѣчахъ упоминается о царѣ и объ ученіи его сына.
Въ одномъ мѣстѣ рукописи составлены стихи, которые сынъ дол-
женъ былъ произнести передъ царемъ.

«Здѣ царскій сынъ въцвѣтъ, дѣтей объявляетъ
разумъ ихъ малолѣтныи и трудъ похваляетъ.
(Царевичъ, аще здѣ самъ рещи не изволитъ,
абіе учителю въцвати поволитъ).
О, отче мой преблагій, царю благочестныи,
ты въ Бозѣ величайшій и кресте пречестныи!
Повели снмъ отрокомъ, да ко мнѣ въцчаютъ,
о свободныхъ наукахъ благо совѣчаютъ.
Всежелательно бо азъ ихъ извъщеніе
Приму съ самымъ Богомъ въ нихъ утѣшеніе и т. д.

Далѣе Риторика произноситъ хвалу царю:

«Но о семъ зяло нынѣ азъ удивляюся,
о такомъ мудромъ царѣ здѣ оумтѣваюся—разсудивъ
Откуда тому царю даръ таковъ явился,
или съ породы его отъ Бога вселися—въ немъ разумъ
Слышу, яко неученъ въ школахъ грамматики,
а наши всѣ свободны знаетъ политики—порядно
Во книжномъ чтеніи разумно читаетъ,
читасмо же все благо разоуждаетъ—иврядно...

Тоже самое повторяетъ и Ариметика, говоря о введеніи наукъ
въ Россіи:

«Впервыхъ сестру мою ввели Грамматику,
другую сестру—жъ мнѣ честну Риторику—прежъ вводятъ
Мене же како бы начати дерзаютъ,
но таковыхъ людей къ наукъ не знаютъ—взыскати
Токмо той же единъ, сестръ моихъ взыскатель,
Риторовъ, грамматикъ, наукъ всѣхъ снискатель—усердный
Царь, прежде явленый сестрами моими...»

Въ числѣ заслугъ царю поставлено также, что

«Устрашаетъ бусурманъ, агарянъ проклятыхъ,
Покоряетъ подъ возъ мечемъ, плъномъ взятыхъ—всѣхъ храбро
Паче же еретиковъ, всѣхъ богоотступныхъ
шведовъ, намцовъ проклятыхъ, законопреступныхъ злодѣевъ»

Въ рукописи Публичной бібліотеки (Q, XIV, 10) есть четыре пьесы изъ числа тѣхъ, которыя, какъ видѣли выше, хранились въ по-сольскомъ приказѣ:

1) «Сципію африканъ, вождь римскій и погубленіе Софонизбы, королевы нумидійскія. Комедія.»

Покореніе Нумидіи Сципіономъ африканскимъ, осада римлянами Цирты, гдѣ находился Сифаксъ, царь нумидійскій съ женою Софонизбою, любовь Массинисса, претендента на то царство и союзника римлянъ, къ Софонизбѣ — составляютъ главный предметъ этой трагедіи. Послѣ взятія римлянами Цирты, Сифаксъ и Софонизба попадаютъ въ руки Массинисса. Последней онъ предоставляетъ полную свободу, а перваго хочетъ умертвить. Софонизба, переодѣтая въ платье воина, проникаетъ въ темницу къ мужу, переодѣвается, выпускаетъ его изъ темницы, а сама остается вмѣсто мужа. Массинисса предлагаетъ Софонизбѣ выдти за него замужъ и та соглашается, потому что любила его прежде. Но Сципіонъ требуетъ, чтобы она была въ оковахъ и участвовала въ триумфальномъ шествіи въ Римъ. Массинисса посылаетъ ей ядъ, и Софонизба отравляется съ своимъ сыномъ. Сципіонъ провозглашаетъ Массиниссу царемъ нумидійскимъ.

Во Франціи, трагедія эта въ первый разъ сочинена въ 1559 г. Приключенія съ Софонизбою были не рѣдко предметомъ старинныхъ трагедій, наконецъ де-Мере (de-Mairet) написалъ на эту же тему въ первый разъ пьесу съ соблюденіемъ трехъ единствъ, почему долгое время въ изданіяхъ ея отмѣчалось: «premiere tragédie régulière en France». Содержаніе и даже нѣкоторыя мѣста русскаго перевода Софонизбы сходны съ нѣмецкою трагедіею подъ этимъ же заглавіемъ фонъ-Лознштейна (von Lohenstein, Breslau, 1680), только въ послѣдней между каждымъ актомъ являются Страхъ, Мщеніе и другія аллегорическія лица, а подъ конецъ даже духъ императора Леопольда, Европа, Азія, Африка и Америка. Сверхъ того, нѣмецкій трагикъ доказалъ свою начитанность длинными примѣчаніями, гдѣ онъ цитуетъ Ливія, Полибія, Аппіана и приводитъ свидѣтельства на греческомъ и еврейскомъ языкахъ.

Въ русскомъ переводѣ трагедія состоитъ изъ пяти «дѣйствъ», явленіе называется «сѣнь»; какъ «дѣйства», такъ и «сѣни» перенумерованы славянскими цифрами. Переводъ отличается частыми неправоподобностями противъ русскаго языка и, вѣроятно, сдѣланъ какимъ нибудь иностранцомъ, жившимъ въ Россіи, потому что здѣсь не провинціализмы и не ошибки противъ правописанія, но противъ коренныхъ свойствъ языка. Вотъ для примѣра разговоръ Массинисса съ Софонизбою въ темницѣ, когда онъ приходитъ умертвить Сифакса и, вмѣсто него, застаётъ его жену:

СОФОНИЗВА.

«О надо, великій князь, яже тебѣ въ ноги пасть!

МАССИНИССА.

«А какъ она отъ моихъ людей въ оковахъ заключенна, азъ кле-
вуся при адской рѣкѣ Стиксѣ, что жупель и огнь имъ возмездіе за
то будетъ!

СОФОНИЗВА.

«Нѣтъ, нѣтъ, не твои люди, но моя вѣрность меня здѣсь оковала.

МАССИНИССА.

«Твоя вѣрность говоришь ты? открой мнѣ, прекрасная Софонизба,
какъ сюда пришла?

СОФОНИЗВА.

«Какая ли руда нерастопился съ огня горящія любовь: вѣрность
къ моему Сифаксу меня въ сію тюрьму привела, и я его, по перемѣ-
ненію одежды нашей, изъ заключенія свободилъ.

МАССИНИССА.

«А она велѣла себя отъ него въ желѣзахъ заключитися!

СОФОНИЗВА.

«Дѣломъ такъ, понеже я нынѣ токмо желаю при тебѣ умереть.
Ахъ не замедли, но скорѣ проколи меня, окропи сія груди кро-
вію и меня за Сифакса въ жертву возми. Знаю, что мое противъ тебя
учиненно преступленіе казни достойно есть. Того ради поволи той
яже дышаючи (?) тебѣ въ ноги падеть отъ твоихъ рукъ и не
отъ нѣкоего крови желательнаго римляна смерть пріяти... (явл. 3,
дѣйст. 4).

Нѣкоторыя слова рукописи написаны въ ней согласно произно-
шенію писавшаго; вольна, вм. волна, фивать, вм. вивать, и т. п.

Есть здѣсь арія въ коротенькихъ строчкахъ съ римами, такъ въ
5 дѣйствіи, явл. 1.

I.

«Любовь, любовь приносили
жаръ и фиміанъ (sic)!
Престань ты прелщати,
и вовсе блазнити;
Ты бо мя
ничѣмъ угѣшаешъ.
Любовь, любовь приносили
жаръ и фиміанъ!

II.

«О любви, даждь мнѣ тебѣ
Ладунъ приносити!
Трепо(е)тъ отгони ты,
И не дай упованію
отлучится.
Но дай всему пѣти,
О любви, даждь мнѣ тебѣ
Ладунъ приносити!

2) «Принцъ Пикель Гяринтъ или Жоделеть комедія, самый свой тюрмовой заключникъ». Нѣсколько ниже, въ видѣ объясненія, надпись: «Скоморохъ—принцъ Пикель Гяринтъ» (ржи. стр. 49).

Принцъ Фридрихъ убилъ князя изъ Салерно и, чтобы скрыться отъ мщенія родственниковъ убитаго, переодевается, оставивъ свое рыцарское вооруженіе и платье въ лѣсу. Сюда приходитъ шутъ Жоделеть и, найдя покинутое оружіе и одежду, надеваетъ ихъ на себя. Между тѣмъ, посланные короля искать убійцу встрѣчаютъ шута въ рыцарскомъ одѣяніи, арестуютъ его, какъ принца Фридриха, и приводятъ къ королю. Октавіанъ, гофмейстеръ истиннаго Фридриха, чтобы спасти своего господина, говоритъ, что приведенный пльвникъ дѣйствительно есть его принцъ. Сначала шутъ, когда его обвиняютъ въ убійствѣ и заставляютъ въ томъ признаться, увѣряетъ, что онъ нето лицо, которое нужно было арестовать; но потомъ, замѣтивъ, что съ нимъ, какъ съ принцемъ, обходятся въ темницѣ очень почтительно, прекрасно кормятъ и пр.,—начинаетъ убѣждаться, что онъ дѣйствительно принцъ. Вскорѣ, однако, братъ Фридриха является къ королю, чтобы заключить примиреніе и тогда открывается, что Жоделеть шутъ, а истинный Фридрихъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые были приставлены стережъ ложнаго принца.

Авторъ пьесы, вѣроятно, имѣлъ намѣреніе посмѣшить зрителей именно страннымъ положеніемъ шута изъ самаго низшаго класса народа въ соприкосновеніи съ знатными и придворными. Дѣйствительно, въ поступкахъ и рѣчахъ Жоделета на каждомъ шагу является разладица съ придворными обычаями, языкомъ и даже образомъ мыслей. Этотъ сюжетъ былъ избранъ Скаррономъ для своей пьесы: «Le gardien de soi même», которая на театрѣ не имѣла большаго успѣха, и должна была уступить комедіи одинаковаго съ нею содержанія, написанной Корнелемъ де-Лилъ (Corneille de Lisle): «Le geôlier de soi même», и извѣстной на сценѣ подъ именемъ «Jodelet prince» (1655 г.); нашъ «Пикель Гяринтъ» и есть переводъ комедіи Корнеля де-Лилия.

Въ русскомъ переводѣ не замѣтно особенной разницы между рѣчами Жоделета и придворныхъ—все говорятъ одинаково безтолково и темно. Во многихъ мѣстахъ переводчикъ не понималъ подлинника

или не умѣлъ передать его, а потому въ серединѣ есть нѣсколько рѣчей, не переведенныхъ вовсе, а оставлены пробѣлы или написаны только начальныя слова рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Чтобы судить о достоинствѣ перевода, приводимъ здѣсь отрывокъ разговора Жоделета съ принцессою Лаурою. Передъ тѣмъ онъ хочетъ наградить своихъ слугъ за ихъ преданность:

ЖОДЕЛЕТЪ.

«Вы увидите сами, какими честными людьми я васъ поставлю; я хвалиться не хочу, или вамъ брюхо словами исполнить. Обнадежите, еслибъ мой казначей здѣсь былъ, тобъ я вамъ тотчасъ на кружку пива алтынъ подарилъ. Скажи, сахарная моя, нѣтъ ли на моемъ дворѣ добрыхъ людей, не тотъ ли учтивый и честный посоль?»

ЛАУРА.

Никто лучше къ тому пристойный, или вашему высочеству большаго вѣрности показать могъ.

ФРИДЕРИКЪ.

Милостивая государыня, всякому вѣдомо, сколь высоко Фридерикъ ея добродѣтель почитаетъ и высочайшая его радость есть, ея ради, все злополученіе терпѣти и всякому несчастію предаться.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да и то такъ истинно, яко уже вправдѣ учинено.

ЛАУРА.

Такою честную любовь достойна воздати я Фридерикю; сердца моего внутреннѣйшее помышленіе открою, сирѣчь всю бѣду съ нимъ буду терпѣти и вѣрность моя раздѣлить.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Молчите, молчите вы, маленькая золотая ворожея, словами вашими уже меня наворожила, что я нынѣ больше ничего не вѣдаю, на которой сторонѣ мнѣ въ карманъ хватить»....

За этой пьесой слѣдуетъ третья, не менѣе безтолковая: «Честный измѣнникъ или Фридерико фонъ Поплей и Алонзія супруга его, комедія».

Арцухъ Фридерико фонъ Поплей влюбленъ въ свою жену Алонзію, но та вдругъ измѣняетъ ему и предается гостю своего мужа, маркизу Аалзону. Арцухъ узнаетъ о томъ, но, не мстя тотчасъ ни женѣ, ни любовнику, готовитъ какое-то наказаніе обоимъ; однако, онъ, по наружности, съ ними примирился и приглашаетъ въ свою комнату Алонзію... на этомъ мѣстѣ комедія прерывается. Достоинства перевода одинаковы съ переводомъ предъидущей комедіи. Одно изъ самыхъ интереснѣйшихъ мѣстъ въ этой пьесѣ безспорно есть то, гдѣ маркизь и Алонзія выражаютъ свою любовь другъ къ другу:

МАРКИЗЪ.

«Сердце мое полно есть помѣшательства.

АЛОНЗІЯ.

Душа моя полна есть горькихъ радостей.

МАРКИЗЪ.

О, любовь моя, что со мною чинить хоцешь?

АЛОНЗІЯ.

О, честь, что изъ меня учинити хоцешь!

МАРКИЗЪ.

Хоцу любить и терпѣти.

АЛОНЗІЯ.

Хочу вздыхати и молчати.

МАРКИЗЪ.

О любовь!

АЛОНЗІЯ.

О честь!

МАРКИЗЪ.

О, вы, измѣнничья очеса!

АЛОНЗІЯ.

О, вы, невѣрныя мои звѣзды...

МАРКИЗЪ.

Отвратитесь отъ сего солища...

АЛОНЗІЯ.

Снимите съ меня ваше обязательство.

МАРКИЗЪ.

Ахъ, я состражду съ вами.

АЛОНЗІЯ.

Ахъ, я умиленіе имѣю надъ вами.

МАРКИЗЪ.

Разсудите прекрасное твореніе на семь свѣтъ.

АЛОНЗІЯ.

Удивляйтесь токмо совершеннѣйшему кавалеру сего времени.

МАРКИЗЪ.

Азъ желаю къ вамъ приблизитися.

АЛОНЗІЯ.

Азъ желаю съ вами разговоритися.

МАРКИЗЪ.

Услышали бѣ вы мое томленіе!

АЛОНЗІЯ.

Услышали бы вы мое мученіе!

МАРКИЗЪ.

Милостивая арцугиня, многая имѣлъ бы вамъ сказать, но нынѣ больше того не могу, токмо что я называюсь вашимъ слугою.

АЛОНЗІЯ.

Господине маркизе, многобѣ и мнѣ съ вами говорити, но нынѣ довольно, что я рабынею вашею называюсь.

МАРКИЗЪ.

Прости, прекрасная Арцугиня.

АЛОНЗІЯ.

Прости, господине маркизе.

МАРКИЗЪ.

Прошу изволь выразумѣть.

АЛОНЗІЯ.

Прошу, изволь выслушать.

МАРКИЗЪ.

Что вы изволите?

АЛОНЗІЯ.

Что вы говорить хотите?

МАРКИЗЪ.

Я ничего.

АЛОНЗІЯ.

И я ничего....

3) «Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровое превращешеся» (стр. 136), за нею другой списокъ той же пьесы съ

нѣкоторыми отиѣнами и съ болѣе подробнымъ заглавіемъ, а именно: «Дѣйствіе о Аполлонѣ и прекрасной Дафнидѣ, какъ Аполло побѣди лютаго змія Питона, потомъ же и самъ побѣжденъ явился отъ малаго Купиды, изъясляющее вкратцѣ. Преписанъ въ Санктъ Петербурхѣ лѣта 1715, іюня въ день.» Въ заглавіи перваго списка есть подпись: «Дмитрей Ильинскій» — есть ли это переводчикъ, или только переписчикъ — неизвѣстно ¹⁾.

Первый списокъ, написанный почеркомъ болѣе новымъ и старательно, разнится отъ втораго тѣмъ, что имѣетъ въ началѣ «аргументъ», гдѣ изложено содержаніе пьесы. Въ 1-мъ явленіи ничего не сказано о появленіи змія, испугъ пастырей и появленіи Аполлона, что обозначено во второмъ спискѣ.

Есть отиѣны и въ текстѣ: въ концѣ втораго списка правоученіе и обращеніе къ зрителямъ названо эпилогомъ, а въ первомъ все это говорить Гесперусъ. Вотъ окончаніе пьесы по обоимъ спискамъ:

1-й Списокъ.

«Пречестнѣйши зрители, все, еже
смотрели,
Мы въ нашей всевозможности кратко изъяснили.
Кратко ли вамъ видится тое наше
дѣло,
Аполлону въ жалости зъло продол-
жило.
Аще же вамъ длительно казалось
быти,
То Аполлонъ бы еще радъ былъ
продолжати:
Однакоже случаи въ домъ и на поли,
Чинятъ предложеніе не по нашей
воли.
Елико въ семь времени изволили
зрѣти,
Мы держаемъ за сіе васъ благодарити:
Тако сіе дѣйствіе будемъ окончати,
Покорно благодаримъ: пора почи-
вати!»

2-й Списокъ.

«Пречестнѣйши зрители, все, еже смо-
трели,
Мы въ нашей возможности кратко изъяснили.
Кратко коли вамъ видится сіе наше
дѣло,
Аполлону въ жалости зъло про-
должало.
Елико же въ семь изволили времени
смотрѣти
Мы держаемъ за сіе васъ благодарити:
Въ чемъ же погрѣшихомъ, умомъ по-
правляйте,
Насъ же, скудоумныхъ, въ томъ не
осуждайте!»

Содержаніе этой пьесы, заимствованное изъ «Превращеній» Овидія, состоитъ въ одержаніи Аполлономъ побѣды надъ змѣемъ Питономъ, вражда Купидона къ Аполлону и мщеніе тѣмъ, что послѣдній влюбляется въ Дафну и преслѣдуетъ ее. Нимфа молитъ Діану о защищеніи отъ Аполлона, а богиня превращаетъ ее въ лавровое дерево.

¹⁾ Учитель Ки. Ант. Кантемира былъ также Ильинскій, но его звали Ивановъ, а о Дмитрѣ Ильинскомъ, какъ воспитаникѣ московской духовной академіи, см. выше ст. 111.

Въ польской литературѣ эта пьеса извѣстна съ 1675 года, когда была дана опера съ итальянскими хорами, по образцу комедіи (*szkztałt komedyi*), въ присутствіи сенаторовъ и двора. Позже она была переведена на польскій Самуиломъ Твардовскимъ и состояла изъ 17 явленій, но здѣсь не приложено рѣчей дѣйствующихъ лицъ и хоровъ. Съ русскимъ переводомъ польская «*Dafnis, przemieslonie w drzewo bobkowe*» разнится въ послѣднихъ сценахъ, именно во второй, послѣ превращеній Дафны, являются нимфы и пастухи и оплакиваютъ кончину дочери Пенэя; Аполловъ же клянется, что листьями лавроваго дерева будутъ вѣнчаемы тѣ, которые заслужатъ отъ него награды. Въ заключеніе спускается шаръ (свѣтъ), на которомъ сидитъ Честь и поздравляетъ Владислава IV съ побѣдою надъ москвитянами и турками ¹⁾. Чтобы имѣть понятіе о русскомъ стихотворномъ переводѣ Дафны, помѣщаемъ здѣсь разговоръ съ Нимфою Аполлона, который открываетъ ей, что онъ не пастухъ, а богъ.

АПОЛЛО.

«Не дивися, прекрасная: богамъ то не ново,
 Посылають на службу за едино слово.
 Ювишу самому, Рею хотѣвшу имѣти,
 Волнистымъ моремъ занесенъ тогда до Креты.
 Что и Бахусъ принужденъ отъ убійцевъ сняти,
 И въ тигрійскихъ мѣстѣхъ съ нуждею служитьи.
 Такъ и мнѣ воля боговъ же предстала,
 Еше на дѣла на землю послала.
 Я, послушливый, принужденъ сходити
 И ядовита змѣя погубити:
 Хочешь всегда ты единая быти,
 Почто за друга меня не имѣти?
 Вѣришь ли звяря, медвѣдя ли, вепря,
 Иже пожрата можетъ ты отъ добра ²⁾?

ДАФНИСЪ.

«Что вѣтромъ ты слова ліеши напрасно
 Умью жати съ звярьми ежечасно;
 Въ тяжкости сердца ибо воздыхаю,
 Доколя сея злости пострадаю.
 Отверзи землю, въ милости безмърный,
 И погуби мя адскими аверны ³⁾!

¹⁾ Юшвскій въ «*Dukcionarz polskich*» (II, 283) указываетъ на три польскія изданія Дафны: 1638, 1661 и 1702 годовъ, и прибавляетъ, что она переведена съ итальянской драмы Іереміа Пасхати (*Paschati*); Войцилкій въ «*Teatr starożytny w Polsce*» (II, 51) помѣстилъ программу оперы этого содержанія.

²⁾ Этотъ монологъ во второмъ спискѣ вовсе пропущенъ, также какъ и предшествовавшій ему, произносимый Дафною.

³⁾ *Avernus*—адъ.

АПОЛЛО.

«Любезнѣйшая, будя безъ боязни:
Я твоей прошу взривья пріязни.

ДАФНИСЪ.

«Удобье сухости предадутся рѣки,
Нежели моя пріязнь не будетъ во вѣки.

АПОЛЛО.

«Вижу, еже не могу мягкими словами
Приклонити тя къ себѣ всякими дарами,
То уже инымъ путемъ пойду я съ тобою,
И склоненна будеши конечно ты мною.

ДАФНИСЪ.

«Аще ты тако нагло наступаешь,
То имвти мя отнюдь да нечаешь.

АПОЛЛО.

«Склоню певольно ты подъ мои руки
Да не буду такъ страдати сея муки....

Съ стр. 190 помянутаго сборника помѣщенъ переводъ пятаго дѣйствія Донъ-Жуана. Эта пьеса, пользующаяся такою огромною извѣстностью, написана въ первый разъ въ Испаніи монахомъ и докторомъ богословіи, Габріелемъ Телецомъ (Gabriel Telez), который подъ комедіями своими подписывался Тирсо-де-Молина (Tirso de Molina; умеръ 1648 г.). Она носитъ названіе «Burlador de Sevilla y convidado de piedra» и служила впоследствии образцомъ и подражаніемъ для тысячи театральныхъ произведеній во всей Европѣ. До сихъ поръ въ Севильѣ сохранилось преданіе о Донъ-Жуанѣ и его семействѣ Теноріо, а по улицамъ продають лютки, гдѣ напечатаны въ формѣ романа приключенія этого знаменитаго любителя женскаго пола ¹⁾.

Уже въ 1620 г., итальянскій театръ имѣлъ Донъ-Жуана въ переводѣ. Во Франціи были три пьесы этого же содержанія подъ безсмысленнымъ названіемъ «Le festin de Piergre»—1659, 1661 и 1665 г. На испанскомъ театрѣ до сихъ поръ удержался Донъ-Жуанъ, но не въ пьесѣ Молины, а въ позднѣйшей передѣлкѣ ея писателемъ Замора (Zamora), подъ названіемъ «Convidado de piedra.» Французская передѣлка 1665 г. замѣчательна тѣмъ, что надъ нею трудился Мольеръ. Въ итальянскомъ подражаніи, болѣе близкомъ къ испанскому подлиннику, Донъ-Жуанъ дерется съ старымъ командоромъ и потомъ садится на корабль, чтобы скрыться отъ мщенія короля. Буря заноситъ его на сосѣдній берегъ, гдѣ онъ продолжаетъ свои побѣды

¹⁾ Geschichte der dramatischen Literatur in Spanien, von Schak II, 592.

надъ женскимъ поломъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не является статуя командора и не приглашаетъ его къ себѣ въ гости. Донъ-Жуанъ принимаетъ приглашеніе, входитъ въ могильный склепъ, гдѣ назначено было свиданіе, и тамъ проваливается. Въ испанской пьесѣ, Донъ-Жуанъ, видя неизбежную гибель, зоветъ на помощь священника для исповѣди. У Мольера пятый актъ заключаетъ въ себѣ разговоры Донъ Жуана съ отцомъ, гдѣ первый притворяется раскаявающимся. Сганарелль, какъ ни знаетъ хорошо своего господина, однако обманывается, думая что тотъ дѣйствительно раскаявается. Скоро Донъ-Жуанъ разувѣряетъ слугу, произнося монологъ, который можетъ считаться верхомъ совершенства (Il n'y a point de honte à cela: l'hypocrisie est un vice à la mode и т. д.). За тѣмъ приходитъ братъ жены Донъ-Жуана, Донъ Карлосъ, и вызываетъ его на дуэль. Потомъ является привидѣніе въ видѣ женщины, которая послѣ принимаетъ видъ Времени съ косюю въ рукахъ. Наконецъ, статуя командора и Донъ-Жуанъ проваливаются, а Сганарелль кричитъ: *mes gages, mes gages!*...

Русскій переводъ пятаго дѣйствія Донъ-Жуана сдѣланъ кажется съ польскаго (название: Донъ-Янъ), въ который, какъ видно, пьеса перешла съ французскихъ, или итальянскихъ передѣлокъ ¹⁾.

Донъ-Жуанъ на русскомъ языкѣ во времена Петра Великаго — есть явленіе довольно любопытное для исторіи нашей драматической литературы, а потому предлагаемъ здѣсь читателю весь отрывокъ, какъ онъ сохранился въ рукописи. Замѣтимъ, что сборникъ Публичной бібліотеки, которымъ мы пользовались, составленъ изъ пьесъ, напечатанныхъ разными почерками. Донъ-Жуанъ переписанъ стариннымъ, который могъ быть въ употребленіи не ранѣ начала XVIII вѣка: надъ словами сохранены титлы и ударенія; по очертанію, буквы имѣютъ сходство съ тѣми, которыя находимъ въ рукописяхъ XVII вѣка, наконецъ «дѣйство и сѣни» обозначены славянскими буквами, а не цифрами.

Дѣйство 5, сѣнь 1.

доньянъ, еилипинъ.

доньянъ.

Готоводъ кушанье?

еилипинъ.

Все уже на столѣ стоитъ.

¹⁾ Въ «Hist. du théâtre fr. par Parfait (VIII, 255—264) рассказано содержаніе стихотворнаго перевода Донъ-Жуана, подъ названіемъ: *Le festin de Pierre ou le fils criminel, tragi-comédie, traduite de l'italien en français, par M. de Villiers (1659 г.):* пятый актъ въ русскомъ переводѣ, вѣтъ помѣщенномъ, однакожъ, по содержанію, съ французскимъ.

ДОНЬЯНЪ.

Мужикъ привезъ ли ренское изъ города?

ФИЛИППИЪ.

Привезъ.

ДОНЬЯНЪ.

Чашь ли, Филиппине, духу тому быти?

ФИЛИППИЪ.

Несумняюся, онъ бо обѣщался.

ДОНЬЯНЪ.

И я ево дождуся. А тебѣ, Филиппине, за столомъ служить.

ФИЛИППИЪ.

Я радъ то чинить.

ДОНЬЯНЪ.

Что хочешь?

ФИЛИППИЪ.

Радъ бы я.

ДОНЬЯНЪ.

Чего хочешь?

ФИЛИППИЪ.

Хочетца мнѣ, чтобъ я съ жирной кусокъ съѣлъ, покамѣсть духъ не бывалъ.

ДОНЬЯНЪ.

Ты не стыдливой звѣрь! какъ тебѣ прежде гостя ѣсть, а гость еще не бывалъ?

ФИЛИППИЪ.

Для чего не ѣсть? Когда бо пріѣдетъ гость твой, то минеть наша ѣда, и лучше я смертію умру, неже послѣ гостя твоего что ѣсть.

ДОНЬЯНЪ.

Или у тебя такая великая охота къ?

ФИЛИППИЪ.

Такая охота, чтобъ я тебя съ кожею и съ волосами съѣлъ.

ДОНЬЯНЪ.

Поди же ѣсть и оставь гостю часть, чѣмъ ево накормить.

ӨИЛИПИНЪ.

Довольно искусно учиню, что я ничего не оставлю.

ДОНЬЯНЪ.

И посмотрю, какъ ставешь вѣсть: сказывай мнѣ, Өилипине, каковъ господинъ нынѣ до тебя?

ӨИЛИПИНЪ.

Лучше его на свѣтѣ нѣтъ.

ДОНЬЯНЪ.

Если бы я въ страху былъ, чтобъ ты сдѣлалъ?

ӨИЛИПИНЪ.

И самъ того не вѣдаю, чтобъ тебѣ сдѣлалъ.

ДОНЬЯНЪ.

Чтобъ ты сотворилъ?

ӨИЛИПИНЪ.

Я бы за тебя умеръ, только бь живъ остался.

(Духъ Донъ-Педро стучится.)

ДОНЬЯНЪ.

Өилипинъ, нѣкто стучится.

ӨИЛИПИНЪ.

Я никого не слышу.

(Въ другой разъ стучится.)

ДОНЬЯНЪ.

Возми свѣчу и отвори двери.

ӨИЛИПИНЪ.

Господине, поди самъ, я отъ страха ходить не умѣю.

ДОНЬЯНЪ.

Ты прямая боязливая кошка, я самъ пойду и дверь отворю.

Сѣя 2.

Духъ Донъ-Педро.

ДОНЬЯНЪ.

Здравствуй и приятно пришествіе твое, Доно-Педро!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Видиши, Доньянъ, что я по обѣщанію къ тебѣ въ гости пришелъ: не опасайся меня, я тебѣ никакова зла неучиню.

ДОНЬЯНЪ.

Не боялся я тебя въ животѣ твоемъ, напротивъ тебя мертваго боюсь не стану. Эллипине, дай стулья.

ЭЛЛИПИНЪ.

Тотчасъ, господине!

ДОНЬЯНЪ.

Садися, Донъ-Педро, и кушай то, что я вскорѣ могъ добыть.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не требую земнаго подчиванья, но токмо сюда пришелъ посмотрѣть, хочешь ли ты отъ своихъ хульныхъ и порочныхъ дѣлъ отстать, не довольно ли небесную милость принявъ, узнать, или достоинъ еси въ пучину адову вверженъ быти? Сего ради берегися—давно уже время!

ДОНЬЯНЪ.

Если хочешь наказывать, то пойдя къ твоему гробу, мы здѣсь сошлись веселитися. Слушай, Эллипине, дай рюмку ренскаго!

ЭЛЛИПИНЪ.

Господине, готова есть.

ДОНЬЯНЪ.

Добре наполнена есть.

ЭЛЛИПИНЪ.

Мнѣ не черезъ мѣру наполнена (выпить и паки налить.)

ДОНЬЯНЪ.

То мало есть.

ЭЛЛИПИНЪ.

И мнѣ мало. (Паки выпить и снова налить.)

ДОНЬЯНЪ.

Теперь въ пору.

ЭЛЛИПИНЪ.

И мнѣ въ пору.

ДОНЬЯНЪ.

Донъ-Педро до тебя пью, про здоровье дочери твоей, которую я отъѣдалъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Увы!

ФИЛИПИНЪ.

О господине, какимъ страшнымъ лицомъ онъ на тебя глядитъ!

ДОНЬЯНЪ.

Будетъ много ничего, токмо вздыхать умѣешь, и ты пропади, осаль!

ФИЛИПИНЪ.

Правду говоришь, господине, пусть къ хрѣву поидеть: тѣ малыя крохи и безъ него съѣдимъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Несчастнѣйшій всѣхъ рабовъ, понеже ты слѣзь по стопамъ господина твоего идеши.

ФИЛИПИНЪ.

Любимая скотина, часто я господину своему говорилъ, но не хочетъ меня слушать.

ДОНЬЯНЪ.

Буди весель, Донъ-Педро, яко азъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Понеже ты смѣлъ былъ меня въ гости звать, то и я тебя зову у моей могилы. Надѣюся, что придешь?

ДОНЬЯНЪ.

Неотлучуся, но въ которое время?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Въ сію полночь, на моемъ гробу.

ДОНЬЯНЪ.

Добро, конечно буду. Филипинъ собери все, уготовлюся къ Донъ-Педру въ гости итти.

СѢЪ 3.

КРЕСТЬЯНИНЪ, ФИЛИПИНЪ, КРЕСТЬЯНКА, И НЕВѢСТА.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Филипинъ, не вскорѣль господинъ твой спать поидеть? не вѣдаешь, что и мы на свадьбу дочери нашей званы?

ФИЛИПИНЪ.

Добрѣ вѣдаю. Поѣдимъ прежде немного, потанцуемъ, и потомъ спать пойдѣмъ.

(Мужики съѣли ѣсть и бражкичаты, и танцуютъ.)

Сѣнь 4.

ДОНЪЯНЪ, пришедъ къ нимъ, восклицъ невѣсту и побѣждалъ, отецъ и мать ва нимъ гонють.

ФИЛИПИНЪ.

Мой господинъ, знатно вовсе збѣсился: не щадить бо онъ крестьянскую дочь! Лучше мнѣ спать идти.

Сѣнь 5.

ДОНЪЯНЪ и ФИЛИПИНЪ.

ДОНЪЯНЪ.

Филиппине, не чаялъ я, что деревенскія дѣвки тако пріятны и прохладны! Но время приходитъ духу того посѣтить.

ФИЛИПИНЪ.

Прости, мой господине, не имѣю туда охоты.

ДОНЪЯНЪ.

Добро, добро, я тебѣ охоту сдѣлаю. Еще у тебя спрашиваю, идешь ли со мною?

ФИЛИПИНЪ.

Господине, лучше желаю отъ тебя отпущкѣ.

ДОНЪЯНЪ.

Дамъ тебѣ отпущкѣ (вынимаетъ шагу).

ФИЛИПИНЪ.

Постой, постой. Радъ съ тобой иттить. Увы, мнѣ бѣдному, до чего я пришелъ!

ДОНЪЯНЪ.

Пойди и стучися.

(Задняя завѣса открывается и гробъ Донъ-Педро является.)

Сѣнь 6.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪЯНЪ и ФИЛИПИНЪ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не стуканся, я уже здѣсь готовъ тебя пріять. Садися.

ДОНЬЯВЪ.

Сяду, но чѣмъ будешь меня подбивать?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Догадывай, что я изготовилъ такова пріятнаго гостя подбивать?

ДОНЬЯНЪ.

Что за ѣства можетъ быть, что вы мертвыхъ духовъ подбиваете, а намъ человѣкомъ негодны.

ДОНЪ-ПЕДРО.

И для того они неизготовлены, дабы желудокъ наполнить, но токмо будто зеркало показать адскихъ вѣчныхъ мукъ. Сего ради покайся ты, окаянный человѣче, небо устало на злодѣйство твое долѣ смотреть!

ДОНЬЯНЪ.

Оставь такія рѣчи. Не спрашиваю я ни неба, ни ада, ни дьявола, ни матери его! Я пойду паки своимъ путемъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Добро, когда тебѣ никакое ученіе неугодно, и ты прими мзду, которая тебѣ изготовлена.

(Оба изходятъ.)

ЭНЛИПИНЪ.

То было изрядное путешествіе, знатно невидимо пойдуть на доброе мѣсто! Добро мнѣ, что я тако освободился. Лучше мнѣ жениться и со всѣми людьми въ дружбѣ пожить. Кто ударитъ меня по щекѣ, то я ему подставлю и другую, а буде онъ меня ударитъ по другой, я подамъ и третью. Буде кто къ женѣ моей приблизится, то я ихъ заключу въ комнату и не выпущу, пока онъ мнѣ двѣ гривны за мое терпѣніе заплатитъ. А буде кто пойдетъ по правую руку, то потерплю: написано бо въ моей богословле — рукѣ дураки тебѣ по правую сторону пойдуть. Конечно тако учиню, и со всѣми миръ держати буду.»

Въ рукописи Публичной бібліотеки (F, XIV, 9) есть также переводъ мольеровскаго Амфитріона; на переплетѣ ея написанъ 1755 г., (какъ и на многихъ рукописяхъ, поступившихъ къ графу Толстому изъ бібліотеки князя Дмитрія Михайловича Голицына), но вѣроятно пьеса переведена ранѣе; дѣйствія и явленія перемѣнены славянскими цифрами; первыя называются «частями», а вторыя «объявленіями»; сохранены титлы и ударенія. Какъ образчикъ переводовъ той эпохи съ французскаго на русскій, выписываемъ отрывокъ изъ 2 явленія 1 дѣйствія.

АЛКМЕНА.

«Пойдемъ для моего мужа, Клеантисъ, къ богамъ имъ свой поклонъ принести, и имъ благодареніе воздати для счастливаго случая, что Теба градъ отъ его руки приняла. Ахъ, боже!

АМФИТРИОНЪ.

«Еще небо попустило, что Амфитрионъ, побѣдитель ономъ супостатовъ, съ радостію пакн видѣть можетъ свою жену и чтобъ сей день приятель любви моей, тебя пакн мнѣ вручилъ съ тѣмъ же сердцемъ, съ которымъ оставилъ, и чтобъ я могъ обрести у тебя столько же любовнаго огня, сколь я желаю.

АЛКМЕНА.

«Чего ради толь скоро назадъ возвратился?»

АМФИТРИОНЪ.

«Во истину въ сей день ты мнѣ подаешь отъ своей любви гораздо худые знаки и что сіе есть и чего ради толь скоро назадъ возвратился? И сердце, любовію объятое, нестанетъ вѣкъ такихъ словъ говорить. И я думалъ по себѣ и по своей любви, что я зело долго отъ тебя отлученъ былъ, и того ради спышился, и всѣмъ сердцемъ желалъ пакн тебя видѣти. Всякое время мнѣ зело долго показалось и отлученіе отъ того, что любимъ, какъ мало оно ни есть, всегда очень долго бываетъ.

АЛКМЕНА:

«Я не вижу.

АМФИТРИОНЪ.

«Нѣтъ, Алкмена, по твоему нетерпѣнію мочно вѣдать, какъ ты пору мѣрила, и ты являешь часы нашего разлученія, яко тѣ, которые безъ любви пребываютъ, когда такъ кто любитъ, яко доведется послѣднее разлученіе, къ смерти ихъ приводить. И кого мы любимъ зракомъ, невозможно тому очень скоро приидти. И я повинюся, что, тебя ради, моя любовная душа жалуется, и я ожидалъ отъ твоего сердца гораздо иной радости, нежели ты мнѣ подаешь...»

АЛСМѢНѢ, sans voir АМФИТРИОН.

«Allons pour mon époux, Cléanthis, vers les dieux,

Nous acquitter de nos hommages.

Et les remercier des succès glorieux Dont Thèbes, par son bras, goûte les avantages,

(apercevant Amphitryon)

O Dieux!

АМФИТРИОН.

«Fasse le ciel qu' Amphitryon vainqueur Avec plaisir soit revu de sa femme!

Et que ce jour favorable à ma flamme, Vous redonne à mes yeux avec le même coeur!

Que j'y retrouve autant d'ardeur

Que vous en rapporte mon âme.

АЛСМѢНѢ.

«Quoil de retour sitôt?»

АМФИТРИОН.

Certes, c'est en ce jour Me donner de vos feux un mauvais témoignage;

Et ce «quoi sitôt de retour»

En ces occasions n'est guère le langage D'un coeur bien enflammé d'amour.

J'osais me flatter en moi même

Que loin de vous j'aurai trop demeuré;

L'attente d'un retour ardemment désiré

Donne à tous les instants une longueur, extrême

Et l'absence de ce qu'on aime,

Quelque peu qu'elle dure, a toujours trop duré.

АЛСМѢНѢ.

«Je ne vois...»

АМФИТРИОН.

«Non, Alcène, à son impatience

On mesure le temps en de pareils états; Et vous comptez les moments de l'absence

En personne qui n'aime pas.

Lorsque l'on aime comme il faut

Le moindre éloignement nous tue;

Et ce dont on chérit la vue

Ne revient jamais assez tôt.

De votre accueil, je le confesse,

Se plaint ici mon amoureuse ardeur;

Et j'attendais de votre coeur

D'autres transports de joie et de tendresse...»

Извѣстно, что Мольеръ заимствовалъ Амѣтріона изъ Плавта, но такъ, что съ помощью нѣкоторыхъ намековъ и стиховъ заставилъ думать современниковъ, что подъ Юпитеромъ, полюбявшимъ жену Амѣтріона и принявшимъ на нѣкоторое время видъ мужа ея, надобно видѣть Людовика XIV, а въ Амѣтріонѣ одного изъ придворныхъ, который долженъ былъ терпѣть то, чему помѣшать былъ не въ силахъ.

Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго за 1708 годъ (П, № 8, л. 1021 и слѣд.) сохранился отрывокъ одной театральн. пьесы, написанной съ сохраненіемъ польскаго выговора, подъ страннымъ заглавіемъ «Драгяя смѣянныя». Прочитавъ этотъ отрывокъ, наконецъ догадываешься, что онъ заключаетъ въ себѣ переводъ извѣстной своимъ неподдѣльнымъ юморомъ, своими меткими выходками комедіи Мольера *Les précieuses ridicules*. Русскій переводъ ниже всякой посредственности, но любопытенъ по лицу, его сдѣлавшему. При дворѣ Петра Великаго, между разными шутами, процвѣтала одинъ полякъ, носившій титулъ короля самоѣдскаго ¹⁾. Во время разъѣздовъ царя, пожалованный имъ король писалъ къ нему грамоты, въ родѣ слѣдующей: «Король самоѣдскій до государя московскаго. Азъ есмь на путы и болѣю сердцемъ зѣло, что обрѣтаю сыцевыя утысненія и стражду за подорожную, данною мнѣ отъ менестровъ рады лошадей почтовыхъ или ямскихъ. Я имѣлъ два боя противъ вашихъ подданныхъ вышневолоцкихъ и хотыловскихъ. Прыдохъ ли я спротивляться протыву вашихъ россыйскихъ народовъ? Нѣ! Но протыво шведовъ цари носятъ наибольшыя мечы—и я есмь король, помощію вашему величеству. Азъ же упрошаю ваше величество, да не умру гладомъ на вашихъ наипустѣйшихъ пустыняхъ того рады, что когда умру, тогда не возмогу жадной службы воздати вашему величеству. Сего ради упрошаю ваша власты, дабы послалъ едынаго отъ своихъ,

¹⁾ Веберъ рассказываетъ, что самоѣдскимъ королемъ былъ полякъ, получавшій ежемѣсячно, кромѣ пищи и питья, по десяти рублей, и жившій постоянно въ Петербургѣ, такъ какъ исполнялъ въ то же время и должность шута. Онъ умеръ 1 декабря 1714 г. и похороненъ въ католической церкви со многими церемоніями. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ былъ коронованъ въ Москвѣ, при чемъ нарочно вызванные 24 самоѣда прибыли туда со множествомъ оленей и присягали ему въ вѣрности. (*Das veränd. Russland* I, 20, 29). Однажды этому шуту вѣдунулось просить у царя руки вдовы Лафорта и онъ писалъ: «Его царскому величеству.

Государы Великій генералъ Лафортъ по указомъ, ему данномъ отъ смерти, Поѣхавъ въ дальнюю страну, на пространный дугъ цесаря кесаря навѣстити Идъ же сей богатырь гуляетъ, и отъ всего отставши ни о чемъ не думаетъ.

И хотя Лафортъ богатства и маестности, данныя ему чрезъ ваше величество, день и ночь о мнѣ вздыхаютъ.

И дабы быть мужемъ его прекрасной жены зѣло желаютъ.

Однакожъ говорю, что ежели царское величество не изволтъ, я ничего не учиню, и ретенное желаніе не возлюблю. Чтожъ, государь, чинити? Самоѣдскій король.»

изнашоль бы мене на пустыни умирающаго отъ гладу безъ хлѣба и безъ денегъ».

Между подобными—то письмами и одною рукою написанъ названный выше отрывокъ, съ заглавіемъ на первой страницѣ «Комедія французская, презентованная предъ королемъ самоѣдскимъ», а на второй «Драгяя смѣяныя». За тѣмъ слѣдуетъ описаніе сцены, которой вовсе нѣтъ у Мольера, а именно:

«Театрумъ долженствуетъ быть живописанъ и украшенъ цвѣтами багряновидными, коронамы, лукамы и всѣмъ строеныемъ трымфальнымъ града Парыжи окружающы грады и весы. Музыка долженствуетъ быти добрая сладкослушательная, сладковидна же плясаніемъ двонхъ дѣвыцъ, пришедшыхъ зъ инныхъ странъ, подобающа всѣмъ народомъ окрестъ стоящимъ».

Чтобы имѣть понятіе о переводѣ, выписываемъ отрывки изъ него и французскаго подлинника.

Явленіе 4.

Магдалына, Катось, Горжыбусъ.

Горжыбусъ. Есть нужно дати такъ великыя деньги за ваши лица изрядныя. Скажите мнѣ нѣчто мало, что содѣлали вы съ тѣми господамъ, которыхъ азъ вамъ показовалъ и которыхъ выжду выходящихъ зъ моего двора зъ такъ великимъ встыдомъ. Не повелѣвалъ ли вамъ ихъ пріяты, аки людей разсудныхъ и которыхъ вамъ хотѣхъ дать въ мужей?

Магдалына. И какую цѣну, мой отче, можемъ имѣты для нихъ; что возможемъ содѣлать съ тѣми глупыми людьми, которые имѣютъ манеры, сыце деревенскыя?

Катось. Что такое, то мой дѣдушка, како едина дщерь, троихъ благоразумнѣйшая, могла прывлѣпиться къ тѣмъ лицамъ?

Горжыбусъ. Что обратаете ко протывоглагоманью?

Магдалына. Какая изрядная галантерья ихъ, что за разъ глаголютъ о брацѣ того рады, что есмы богаты!

Горжыбусъ. Какого разговору хочете да имутъ купно зъ вами: требуете ли, да глаголятъ о похоты. Не есть ли вещь сыце изрядная, которую

Scène V.

Madelon, Cathos, Gorgibus.

Gorgibus. Il est bien nécessaire, vraiment, de faire tant de dépense pour vous graisser le museau! Dites moi un peu ce que vous avez fait à ces messieurs, que je les vois sortir avec tant de froideur? Vous avois-je commandé de les recevoir comme des personnes que je voulois vous donner pour maris?

Madelon. Et quelle estime, mon père, voulez vous que nous fassions du procédé irrégulier de ces gens-là?

Cathos. Le moyen, mon oncle, qu'une fille un peu raisonnable se pût accommoder de leur personnes?

Gorgibus. Et qu'y trouvez vous à redire?

Madelon. La belle galanterie que la leur! Quoi! débiter d'abord par le mariage?

Gorgibus. Et par où veux tu donc qu'ils débutent? par le concubinage? N'est-ce pas un procédé dont vous avez sujet de vous louer toutes deux aussi

долженствуете восхваляты, якоже азъ тое заслугуе съ приданья многая и той союзъ святой, до котораго оныя желаютъ, не есть ли свидѣтельство чисто намѣренный своихъ?

Магдалына. О, отче мой, что глаголетъ, есть злы по просту: встыжда-ся ты, слыша еще глаголющаго, и ты долженствовалъ бы лучше умѣты изрядное художество любленые!

bien que moi? Est-il rien de plus obligeant que cela? Et ce lien sacré où ils aspirent, n'est il pas un témoignage de l'honnêteté de leur intentions?

Madelon. Ah, mon père, ce que vous dites là est du dernier bourgeois. Cela me fait honte de vous ouïr parler de la sorte, et vous devriez un peu vous faire apprendre le bel air des choses.

Весь переводъ сдѣланъ въ этомъ родѣ. Есть и прибавленія собственнаго изобрѣтенія переводчика. Такъ, онъ придумалъ разбить одноактную комедію на дѣйствія и второе дополнено такимъ вступленіемъ: «Дѣйствіе 2 дражайшаго потѣщенія, комедія сдѣланъ на въ Новѣградѣ предъ королемъ самоѣдскимъ. Театрумъ есть украшенъное рѣками, островами, градами и цвѣтами удовольственно. Нептунъ со всѣмъ своимъ дворомъ и со нимфами, т. е. дочерьми морскими, и со прочіими своими богыне скачуще и веселящся купно съ богомъ вторымъ морскимъ Трытономъ и поюще мыротворенія со музыканты: солнце не можетъ свѣтло намъ зъявитись, ниже жылыща наша просвѣтити, рады водъ глубокихъ, къ намъ не прыходить, але лучъ своихъ намъ не приносить, по любовь крѣпость сыцеву имѣеть, что прямо къ сердцу входити смѣеть. Добрый хоръ мусикійскій повторяетъ оное пѣныя сладко слушательныо всѣмъ предстоящымъ со танцами»..

XV.

Связь литературныхъ произведеній петровскихъ временъ съ новою русскою литературою. Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, выразившій въ своихъ трудахъ стремленія, которыя вызваны въ Россіи реформою Петра. Отношенія Прокоповича къ Антиоху Кантемиру и Ломоносову. Представители отсталости и застоя въ русской жизни—первые враги Прокоповича. Литературные доносы. Ученая полемика, кончавшаяся застѣнкомъ тайной канцеляріи.

Въ настоящей главѣ, полагаемъ неизлишнимъ обратить вниманіе на вопросъ: имѣютъ ли русскія литературныя произведенія начала XVIII столѣтія отношеніе къ тому періоду нашей литературы, который начинаютъ обыкновенно въ нашихъ учебникахъ съ Ломоносова; другими словами: какое можетъ имѣть значеніе изученіе литературныхъ памятниковъ петровскихъ временъ въ связи съ исторіею новой русской литературы?

Въ первой главѣ было уже указано, что умственная дѣятельность въ Россіи начала XVIII столѣтія хотя во многомъ зависѣла отъ воли Пет-

ра, однако не въ состояніи была разорвать своей связи съ кievскою ученостію—этимъ наслѣдіемъ польскихъ школъ, гдѣ господствовали католическіе монахи. Вліяніе кievской учености на Москву подтверждаетъ ту, знакомую каждому занимающемуся исторіею, аксіому, что ни одно историческое событіе въ жизни народа — касается ли оно матеріальной или духовной стороны ея—не проходитъ, не оставляя слѣда въ позднѣйшихъ событіяхъ.

Кромѣ однако вліянія малорусско-польскаго, русское просвѣщеніе рассматриваемой эпохи должно было принять въ себя элементы европейской цивилизаціи. Вліяніе послѣдней могло выразиться у насъ тѣмъ, что исключительно религіозный характеръ нашей старинной учености, отражавшійся въ каждомъ сочиненіи, изданномъ или написанномъ до Петра и даже при немъ, но авторами изъ прежняго поколѣнія книжниковъ, необходимо долженствовалъ уступить мѣсто тому направленію, которое всё болѣе-и-болѣе усиливалось въ Европѣ послѣ реформаціи, и имѣло въ основаніи практическое примѣненіе на пользу человѣка результатовъ, добытыхъ наукою.

Кто близко всматривался въ старинную русскую жизнь до Петра, тотъ не можетъ не сознаться, что проникновеніе въ нее западнаго вліянія началось у насъ до конца XVII столѣтія; но это дѣлалось по бѣльшей части случайно, какъ-бы не значай и втихомолку. Въ Россіи при Петрѣ, европейская цивилизація не только получаетъ свободный доступъ, но водвореніе ея въ русскую жизнь становится обязательнымъ въ силу попудительныхъ мѣръ, указовъ, постановленій, исходившихъ отъ правительства, незнавшаго предѣловъ своей власти. Реформа Петра состояла не только въ введеніи западной образованности, которая съумѣла проникать въ Россію и до него, но и въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ распространенію ея. Дѣйствія царя не могли ограничиваться только одними заботами заимствовать то или другое съ Запада: на первыхъ порахъ, необходимо также являлось отрицаніе прошедшаго и преслѣдованіе въ настоящемъ всего того, что мѣшало и преграждало новому направленію. Вотъ, почему въ началѣ XVIII столѣтія во многихъ изъ русскихъ произведеній встрѣчается такъ много прямыхъ и косвенныхъ нападеній противъ пользовавшагося до того неограниченнымъ авторитетомъ и вотъ причина возникновенія въ нашей литературѣ такъ называемаго обличительнаго направленія. Оно было и есть у насъ не что нибудь случайное, но вынужденное самими историческими обстоятельствами и условіями, подъ которыми развивалась и развивается русская жизнь.

Въ новой русской исторіи останавливаются на себѣ вниманіе особенно тѣ моменты, когда или по волѣ и побужденію главы правительства (при Петрѣ, въ первые годы царствованій Екатерины II и Александра I), или вслѣдствіе вліянія событій на Западѣ, пробужда-

лось сознание въ необходимости измѣненія стараго, державшагося только по принужденію, чисто изъ личныхъ расчетовъ меньшинства.

Если бы такое сознание поддерживалось въ массахъ постоянно, когда бы народъ постепенно подготовлялся къ принятію новыхъ началъ и устраненію всего отжившаго, то, само собою разумѣется, не было бы въ нашей исторіи моментовъ перемежающихся, какъ лихорадочные припадки. При задержкѣ естественнаго, врожденнаго человѣку стремленія къ улучшенію, все старое, хотя бы и сдѣлавшееся уже анахронизмомъ, остается господствующимъ и нестерпимымъ; при малѣйшей же возможности избавиться отъ него, пробуждается потребность отстранить все отжившее, что на первыхъ порахъ выражается протестомъ противъ настоящаго, такъ какъ въ немъ продолжается, наперекоръ требованіямъ времени, обветшалое прошедшее.

Въ нашей литературѣ вѣтъ мировыхъ писателей, въ нее медленно проникають начала, вырабатывающіяся у другихъ народовъ, наконецъ самый кругъ дѣятельности ея испоконъ вѣка ограниченъ тѣсными предѣлами, тѣмъ не менѣе однако ей предоставлена значительная доля въ исторіи развитія русской жизни уже по тому только, что начиная съ петровскихъ временъ не проходило ни одного замѣчательнаго момента проявленія стремленій къ улучшеніямъ безъ того, чтобы онъ не находилъ отголоска въ литературныхъ произведеніяхъ, разумѣется на столько, на сколько то дозволяло постороннее, насильственное вліяніе.

Послѣдствія петровской реформы въ умственной дѣятельности Россіи, т. е. обращеніе отъ религіозныхъ интересовъ къ человѣческому и обличительное направленіе противъ всего отжившаго, нашли себѣ блистательнаго защитника и истолкователя въ лицѣ Феофана Прокоповича.

Какими судьбами духовное лицо, архіепископъ, писавшій проповѣди и трактаты о церковныхъ дѣлахъ, можетъ имѣть значеніе въ исторіи нашей свѣтской литературы? Вопросъ этотъ разъясняется тѣми особенностями, которыми отличается жизнь дѣйствительно только одного русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что тотъ писатель можетъ имѣть вліяніе на современниковъ и остается въ памяти потомства, который, кромѣ врожденнаго дарованія и геніальности, владѣетъ многостороннимъ образованіемъ, безъ котораго невозможно быть самостоятельнымъ и понимать требованія вѣка. У насъ, при безграмотности массъ, духовенство (малороссійское) имѣло еще возможность и даже право учиться въ заграничныхъ школахъ, получать — слѣдовательно — обширное образованіе. Прокоповичъ воспользовался этимъ, и не даромъ считался ученѣйшимъ человѣкомъ между своими современниками. Направленіе, которымъ отличаются всѣ произведенія, достойныя упоминанія въ исторіи русской литературы послѣд-

нихъ двухъ вѣковъ, высказалось опредѣлительно и ясно въ произведеніяхъ Феодана, хотя эти произведенія и относились, по формѣ своей, скорѣе къ духовной, нежели къ свѣтской литературѣ. Въ его время не было у насъ журналистики, не существовалъ обычай высказывать печатно мнѣнія о состояніи страны, администраціи и т. п. — однимъ словомъ, у Прокоповича не было тѣхъ средствъ, которыми пользуется писатель въ другихъ государствахъ. Отъ него требовали и ожидали словъ на торжественные случаи, ему приказывали сочинять уставы, онъ и исполнялъ все это, но такъ, что часто вмѣсто проповѣди выходилъ у него политическій памфлетъ, а изъ законодательнаго памятника — сатира. И это явленіе также историческое въ нашей литературѣ: оно повторяется и до нынѣ; въ доказательство напомнимъ только, что есть повѣсти и рассказы, въ которыхъ, также неожиданно, какъ и въ проповѣдяхъ Прокоповича, встрѣчается то, что было бы приличнѣе въ *Gazette des tribunaux* или другомъ юридическомъ журналѣ.

Феоданъ, безспорно, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины XVIII столѣтія. Въ своей сферѣ это былъ такой же новаторъ, какъ и Петръ Великій въ сферѣ государственной. Превосходя всѣхъ современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, Прокоповичъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, переходившаго часто въ презрѣніе, ко всему, что напоминало ему старое и что становилось преградой для осуществленія его любимыхъ идей; подобно Петру, онъ также шелъ къ своей цѣли, не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною последовательностью. Напрасно говорятъ, что Прокоповичъ являлся въ своихъ сочиненіяхъ обличителемъ и гонителемъ старыхъ порядковъ единственно изъ угожденія Петру: еще будучи безвѣстнымъ преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ, Феоданъ читалъ лекціи, которыя потому враги его ославили опасными, говоря, что въ нихъ заключалось «новое» ученіе. Кроме того, Феоданъ, не бывъ призванъ еще къ осуществленію разныхъ реформъ царя, не щадилъ въ своихъ насмѣшкахъ невѣжества, прикрытаго вѣдшимъ глубокомысліемъ, ханжества, лецебрія и проч. ¹⁾ Конечно, Петръ Великій имѣлъ вліяніе на Прокоповича въ томъ отношеніи, что далъ ему возможность высказать многое такое, чего бы онъ не смѣлъ высказать въ тѣ времена, не имѣя сильной поддержки въ царѣ. Со смертью Петра, Прокоповичъ остался въ изолированномъ положеніи, и его многочисленные враги (они были у него съ первыхъ минутъ его возвышенія до самой кончины —

¹⁾ Въ одномъ письмѣ, когда онъ былъ еще ректоромъ кіевской академіи, Прокоповичъ писалъ: *Quid dicam de popis et monachis? quid de nostratibus istis latinulis? qui — nihil est quod nesciant ad omnia respondere parati: respondent autem ita fidenter, adeo perfrecta fronte, ut nolint cogitare quid dicant, vel ad nutum unicum supercilii.*

какъ Теофанъ самъ жалуется въ одномъ письмѣ 1736 года; въ этомъ же году онъ и умеръ) не преминули возобновить съ большою настойчивостью свои нападки на него, нападки, которыя могли имѣть важныя послѣдствія, потому что Теофана обвиняли ни болѣе, ни менѣе, какъ въ неправославіи.

Прокоповичъ понялъ, что послѣ Петра настало такое время, когда ему уже не могли помочь ни его знанія, ни дарованія, и онъ кинулся въ дразги интригъ и происковъ, которыми такъ богата наша исторія той эпохи. Должно сознаться, что онъ на этомъ поприщѣ представляется уже не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлся какъ сподвижникъ Петра, и въ настоящее время, многіе останавливаются на дѣятельности Теофана этого рода и по ней только произносятъ строгій приговоръ ему. Мы далеки отъ того, чтобы писать аполлогіи кому бы то ни было, тѣмъ не менѣе однако долгъ справедливости требуетъ напомнить, что Прокоповичъ, послѣ 1725 г., жилъ въ такую эпоху, когда каждый мало-мальски значительный человекъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ (что это не преувеличено, напомнимъ общезвѣстныя записки современниковъ Манштейна, Миниха и особенно Шаховскаго).

Никто изъ обвинителей Прокоповича не взялъ на себя труда разсмотрѣть безпристрастно: кто были враги его? Главнѣйшее направленіе, которому слѣдовали эти враги, состояло въ требованіяхъ возврата къ старинѣ, къ прежнимъ порядкамъ, которые необходимо долженствовали ограничить правительственную власть, увеличенную Петромъ послѣ уничтоженія патріаршества. Слѣдовательно, всякая попытка въ этомъ родѣ, и безъ вмѣшательства Прокоповича, почиталась преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, такъ что при Елизаветѣ, напримѣръ, когда уже Теофана не было, а при дворѣ находилась въ силѣ чисто русская партія, на подобныя попытки (какъ представимъ разительный примѣръ ниже) смотрѣли точно такъ же.

Теофанъ былъ сынъ бѣдныхъ людей¹⁾, и, послѣ смерти отца, первые годы дѣтства провелъ у строгой матери, жившей въ крайней нищетѣ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ pronounced взглядъ, темпераментъ холерико-сангвиническій. Въ юности поцалъ въ кievскую академію, гдѣ скоро превзошелъ товарищей и сверстниковъ особеннымъ прилежаніемъ, отличною памятью, умомъ любезнымъ и элегантнымъ; за свой звонкій голосъ онъ былъ

¹⁾ Помѣщаемыя здѣсь извѣстія о Прокоповичѣ заимствованы изъ Scherer's Nordische Nebenstunden, гдѣ есть его біографія на латинскомъ языкѣ: «Vita Theophanis Prokopowitz». Она во многомъ разнорѣчитъ съ показаніями въ словарѣ митр. Евгенія, но замѣчательна по нѣкоторымъ подробностямъ и по тому уваженію, которымъ проникнутъ авторъ къ памяти Теофана.

регентомъ въ хорѣ; впрочемъ не предавался никакимъ другимъ развлеченіямъ.

Одаренный пылкимъ, рѣшительнымъ умомъ, онъ не довольствовался приобретенными въ Малороссіи знаніями и отправился учиться за границу. Сначала побывалъ во Львовѣ, потомъ въ Краковѣ, наконецъ — чрезъ Вѣну, славянскія земли, Тироль, Павію, Феррару, Бонону, Флоренцію и Пизу — достигнулъ отчизны наукъ и искусствъ, Рима. Здѣсь Теофанъ вступилъ въ коллегіумъ св. Анастазія, нарочно учрежденный папою Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ. Преподаваніе наукъ тамъ находилось въ рукахъ іезуитовъ, и они чрезвычайно любили Прокоповича за его склонность къ наукамъ и привлекательный характеръ; даже находили въ лицѣ и умѣ его сходство съ папою Урбаномъ VIII (извѣстнымъ своею ученостію и покровительствомъ наукамъ и искусствамъ (1623 — 1644 г.). Все это было причиною, что Теофанъ получилъ свободный доступъ въ бібліотеки и вообще пользовался предъ всѣми товарищами особеннымъ вниманіемъ іезуитовъ, которые не разъ дѣлали ему выгодныя предложенія, если бы онъ вступилъ въ ихъ семинарію или въ духовное званіе. Прокоповичъ ежедневно слушалъ лекціи философіи по Аристотелю и схоластическаго богословія; но онъ ему не очень нравились: онъ болѣе прилежалъ къ изученію отцовъ греческой и римской Церкви и любилъ неподдѣльныя и неизувѣченныя красоты классическихъ писателей. Такимъ образомъ, по части краснорѣчія изучалъ Демосоева, Цицерона, Квинтиліана; въ эпической поэзіи — Virgilia; въ элегической — Овидія; въ одахъ — Горация, Катулла, Сарбіевія; въ эпиграммахъ — Марціала; въ исторіи — Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита, въ новѣйшихъ — Бембо Садолета, Аонія, Полеарія, Латина Латиніума и др. Въ то же время Теофанъ внимательно осматривалъ древніе памятники, вникалъ въ папское правленіе духовное и свѣтское и, наконецъ, тщательно замѣчалъ все, происходившее при избраніи новаго папы Климента XI (въ 1700 г.). Такимъ образомъ, Прокоповичъ въ самой столицѣ католическаго міра собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ нападеній на «папешскій» какъ онъ говорилъ, «духъ»; и пропагандисты католики, надѣявшіеся имѣть вліяніе въ Россіи, съ горечью воспоминали, что Теофанъ — обязанный своимъ классическимъ образованіемъ и огромною ученостію Риму — сдѣлался первымъ и опаснѣйшимъ антагонистомъ его. Возвратный путь въ Россію Прокоповичъ предпринялъ чрезъ Швейцарію, входилъ на Сень-Готардъ, испытывалъ всѣ возможныя лишенія въ странахъ, опустошенныхъ французскими и австрійскими войсками (въ войну за наслѣдство испанскимъ престоломъ), наконецъ въ 1702 году достигнулъ Малороссіи и вскорѣ затѣмъ вступилъ преподавателемъ въ кievскую академію.

Прокоповичъ одѣлся въ первый разъ извѣстнымъ царю въ Кіевѣ,

въ 1706 году: во время пребыванія тамъ Петра Великаго, имъ произнесено было въ церкви Св. Софіи прѣвѣтственное слово царю на текстъ: «сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ». Это слово получаетъ особенное значеніе, когда вспомнить, какъ писались въ тѣ времена сочиненія подобнаго рода: наполненныя риторическими словоизвѣтїями, съ длинными сравненїями и уподобленїями, они обыкновенно не имѣли ни малѣйшаго отношенїя къ дѣйствительности и были только крайнимъ выраженїемъ того схоластическаго метода, который такъ процвѣталъ въ тогдашнихъ нашихъ школахъ. Въ помянутомъ словѣ, Прокоповичъ сначала не могъ не заплатить дана современному вкусу и его приступъ написанъ по всѣмъ правиламъ школьной риторики; потомъ проповѣдникъ обращается къ историческимъ воспоминанїямъ, но не объ Александрѣ Македонскомъ, Цезарѣ или Траянѣ, что еще допускалось и въ старинныхъ словахъ, а о событїяхъ и лицахъ, о которыхъ преданїя сохранились въ самомъ Кіевѣ. «Во истинну, пресвѣтлый нашъ монархо, говорилъ Теофанъ, горы сія, аще бы глаголати возмогли, хвалили бы ся предъ тобою древними вашими благочестїя знаменїями. Гдѣ бо здѣ и ступити можеша, идѣ же бы не узрѣлъ еси родства твоего слѣдовъ? Мимо шель еси въ церковь Богородичну, Десятинную прозываемую: то зданїе есть благочестиваго и великаго князя, родоначальника твоего Владимїра и святаго его тѣлесе сокровище. Храмъ сей, въ немъ же стоиши, отъ Ярослава созданный есть и его тѣло погребенное въ себѣ кроетъ. Пойдеша ли во обитель, во святую и чудотворную лавру печерскую? Тую созда великій князь Святославъ. Пойдеша ли въ монастырь Выдубицкій? Той воздвигнулъ великій князь Всеволодъ. Пойдеша въ церковь Св. Михаїла архангела? Тую воздвигне Святополкъ и неоцѣненнымъ сокровищемъ, тѣломъ мученическимъ, обогати. Пойдеша въ домъ троїцкій кириловскій? То зданїе княжны кїевской, королевы Польской Марїи Всеволодовны. Пойдеша на Вышъградъ? Тутъ Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдеша во обитель Межигорскую? Ту иждивенїе великаго князя Боголюбскаго. Что подробну изчисляти дерзаю? Воззри на всѣ страны кїевскїя: все то есть царскаго вашего благородїя и пресловутыхъ его памятей, аки единая сосудовъ хранительница»... За тѣмъ идутъ похвалы царю, при чемъ Теофанъ ловко напомнилъ о неслышанной до Петра простотѣ его въ образѣ жизни, въ одеждѣ; объ отвращенїи его къ пышности: «Обаче, пресвѣтлый монархо нашъ, множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ царскомъ украшенїи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрыхъ и удивленїя достойныхъ дѣлѣхъ»... Сїя же азъ не къ похваленїю твоему — не моею бо силы похвалы твои изчисляти, но къ явленїю радости нашей воспоминахъ»..

Въ 1709 году, черезъ двѣ недѣли послѣ полтавской побѣды, Про-

коповичъ встрѣтилъ Петра въ Кіевѣ поздравительною рѣчью, которая по приказанію царя была тогда же напечатана на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ русскими, польскими и латинскими стихами. Здѣсь описаны всѣ прежнія побѣды надъ шведами; приведено свидѣтельство Герберштейна, на котораго любилъ ссылаться Теофанъ, о могуществѣ Россіи; говорится о силѣ непріятеля. При разсказѣ о полтавскомъ сраженіи не забыта и прострѣленная шляпа Петра, названная ораторомъ шлемомъ; далѣе сближеніе, что битва происходила въ день св. Самоона, который растерзалъ льва: «отъ ядущаго ядомое изыде и отъ крѣпкаго изыде сладкое». Это сближеніе вошло тогда въ моду и повторялось не разъ и другими современными проателями. Въ числѣ послѣдствій побѣды Теофанъ ожидалъ уничтоженія уніи «проклятой».

Въ 1709 же году, Прокоповичъ произнесъ похвальное слово Мешникову, и съ той поры до 1716 года его труды не являлись въ печати. Въ этотъ промежутокъ времени, кромѣ преподаванія въ кievской академіи философіи и математики, Теофанъ сопровождалъ царя въ турецкій походъ 1711 года, окончившійся несчастливо для насъ на берегахъ Прута, и занимался сказываніемъ проповѣдей; подтвержденіемъ этому служатъ замѣтка въ походномъ журналѣ 1711 года, подъ 27 іюнемъ ¹⁾: «при артиллеріи въ церкви (въ Молдавіи) служилъ яссовскій митрополитъ и, по благодарственному молебнію, Прокоповичъ читалъ казанье, и была изъ пушекъ стрѣльба, потомъ и вся пѣхота бѣлыми огнемъ стрѣляла»...

Петръ видимо благоволилъ къ Теофану: въ 1716 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. По пріѣздѣ туда, онъ не засталъ царя, который былъ за границей, и, въ ожиданіи его, произнесъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ только одно чисто богословскаго содержанія (на Рождество Христово, 25 декабря 1716 г.); всѣ же прочія написаны на разныя политическія событія съ цѣлію уяснить, сдѣлать доступными для большинства намѣренія и виды царя. Едва Прокоповичъ прибылъ въ Петербургъ, какъ сторонники царевича Алексѣя были уже предупреждены противъ него. Учитель его Виземскій, 2 ноября 1716 г., писалъ царевичу: «еще же доношу — Прокоповичъ сюда пріѣхалъ и сказываетъ здѣсь казанья, и велѣно ему вѣдать во Псковѣ, въ Нарвѣ въ Дерптѣ, въ Ревелѣ духовныя дѣла, только какъ неблагоденно съ нимъ обойдется ²⁾».

Въ 1718 году, начался судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ: известно, что при томъ было открыто сочувствіе многихъ духовныхъ лицъ, даже изъ высокопоставленныхъ въ іерархіи (митрополиты: Стефанъ Яворскій, Іоасафъ Краковскій, епископъ Досифей

¹⁾ Походъ журн. 1711 г., изд. въ Спб. 1854 г., стр. 107—108.

²⁾ Письма царевича Алексѣя, изд. Мурзакевичемъ, стр. 87.

и мн. др.). По этому именно поводу Прокоповичемъ было произнесено слово о власти и чести царской (6 апрѣля того года), въ которомъ доказывалось, что воля царская должна свято исполняться его подданными, при чемъ есть много намековъ на современниковъ. Такъ напр., говоря о непокоряющихся царю, Феостанъ замѣчаетъ: «Что же первѣе речемъ? Суть нынѣшніе, были и древніе настоящему учению противники, которые не невѣжды себѣ мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ пружи, животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздойметъ полетѣть, да тотчасъ и на землю падаетъ. Тако и они суще книгочѣи, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостью мозга бусловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы божія... Приводятся примѣры изъ первыхъ вѣковъ христіанства о неповинующихся царю и потомъ: «И се о древнихъ продерзателяхъ: суть же и въ нынѣшнія времена онымъ послѣдующіе, яко же папа себѣ и клиръ свой отъ властей державныхъ изымающій, но и мечтающій данную себѣ власть даровати и отымати скипетры царскіе... Еще точію о нашихъ нѣкіихъ мудрецахъ нѣчто вспомняемъ: суть нѣціи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе), или тайнымъ бѣсомъ льстимін, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣють урода, что все имъ грѣшно и скверно мнятся быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и не богопротивно; на примѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: «аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи — то, конечно, не святъ; хотѣли бы всѣмъ человекомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любяли бы ихъ... Остается едино сумнительство, которое, аки тернъ, въ совѣсти можетъ быти: тое исторгнемъ вкратцѣ и окончаемъ слово. Помыслить бо кто, и многіе мыслятъ, что не вси весьма людіе снмъ долженствомъ (повиновеніемъ властямъ) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ — или паче рещи жало, но жало се змінно есть, папешскій се духъ, но не вѣмъ, какъ-то достигающій и касающійся насъ: священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство... До того пришло, что уже самые бездѣльные въ дѣло! да въ дѣло и мерзкое, и дерзкое! уже и дрождіе народа, души дешевыя, человекѣ ни къ чему яному, точію къ пояденію чуждыхъ трудовъ родившіеся, и тѣ на государя своего, и тѣ на Христа Господня! Да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: откуда ми сіе?... Два человекѣ вошли въ церковь — не помолитися, но красти. Одинъ былъ въ честномъ платьѣ, а другой въ рубищѣ и лаптяхъ; а договоръ былъ у нихъ

не во общую пользу собирать, но что кто захватит, то его. Лапотникъ искуснѣйшій былъ и тотчасъ во алтарь, да на престолъ, и обираючи, заграблялъ, что было тамъ. Взяла зависть другаго и аки бы съ ревности: ни-ли ты, рече, боишия Бога въ лаптяхъ на престолъ святой схватился? а онъ ему: не кричи, братъ, Богъ не зреть на платье—на совѣсть зреть! Се совѣсти вашей зеркало, о безгрѣшники! полагати совѣсть на языкѣ, и тогда совѣстію хвалится, когда плакати и стенати подобаетъ. Да еще треба и сны видѣти людемъ на бѣду ¹⁾, себѣ опите волхвы!!!....

Говорено выше, что сочиненія Прокоповича надѣлали ему много враговъ; дѣйствительно, не проходило ни одного его произведенія безъ того, чтобы на него не писалось опроверженій, но все они при Петрѣ оставались безъ всякихъ послѣдствій. Самое замѣчательное нападеніе на Феофана было сдѣлано въ 1718 г., когда стало известнымъ, что царь приказалъ посвятить его во епископа. Тогда было написано посланіе ²⁾, въ которомъ настоятельно требовалось «донести благочестивѣйшему государю, что пречестный отецъ іеромонахъ Прокоповичъ имать препятіе, которое самъ на себя наложилъ, ко святому великому архіерейскому сану. Препятіе же сіе есть ученіе новое, несогласное святой нашей апостольской, православной каеволической цркви. Которое ученіе преподавалъ онъ подъ именемъ богословія въ Кіевѣ явно въ училищахъ, яко же о томъ свидѣтельствуютъ кіевскіе ученики его и прочіе, а наипаче письма его, богословскими нареченныя»... Отъ обвиненій Феофана, въ этомъ посланіи высказанныхъ, отказались сами обвинители, — и по приказанію царя Феофанъ былъ нареченъ во епископа псковскаго и новгородскаго и хиротонисанъ съ облаченіемъ въ саккосъ, что почиталось тогда особеннымъ отличіемъ, такъ какъ у насъ при патріархахъ епископы служили только въ фелони съ омофоромъ.

Вскорѣ послѣ того, 6 августа 1718 г., Прокоповичъ писалъ въ Кіевъ о своихъ непріятностяхъ съ Яворскимъ и объяснялъ, что главною причиною ихъ былъ преподаватель московской академіи Гедеонъ Вишневскій: «въ Москвѣ Гедеонъ увидалъ, что рязанскій первостоятель (Яворскій) и его эмиссарій Лопатинскій (также преподаватель московской академіи), по сильной зависти, негодуютъ на меня

¹⁾ Известно, что епископъ Досифей рассказывалъ свои сны царю Евдокію.

²⁾ Оно составлено отъ имени Стефана Яворскаго къ архіереямъ: Алексѣю, сарскому и подонскому и Варлааму, тверскому и кашинскому. Помѣщено въ рукописяхъ Румянцовскаго музея, № СССРVII стр. 9—11. Знал это посланіе, становится понятною выходка Прокоповича въ Духовномъ регламентѣ противъ неосновательныхъ мудрецовъ, которые, по его словамъ, «равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто въ ученіи похваляется есть, того истчески тматся предъ народомъ и у властей обности и охуляютъ. Къ бутамъ склонны, воспріимла надежды высокія»... Последняя аллегорія относится къ дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ и едва-ли не къ попыткамъ Яворскаго восстановить патріаршество.

и выискиваютъ способы отклонить отъ меня санъ, назначенный благочестивѣйшимъ императоромъ, почему и сталъ выставять имъ мое ученіе неправославнымъ и легко увѣрилъ бѣдныхъ людей, что онъ можетъ доказать неправославіе богословскихъ моихъ сочиненій. Кратко и ясно показалъ я, что нѣкоторые пункты ложно выдуманы, а иные хотя составляютъ мое ученіе, но ученіе православное, противное же тому ученіе — ересь... Между-тѣмъ прибылъ въ Петербургъ Рязанскій, вызванный, какъ и другіе, для нѣкотораго дѣла. Здѣсь онъ узналъ, какъ мало имѣли успѣха замыслы моихъ враговъ, и читалъ мои отвѣты. Пораженный и пристыженный, онъ, и на словахъ, и на бумагѣ, сознался, что вовсе не читалъ моихъ сочиненій, а что онъ вовлеченъ въ обманъ доносомъ Феофилакта Лопатинскаго и Гедсона... Императоръ приказалъ сенатору Ивану Алексѣевичу (Муссину-Пушкину), чтобы свелъ Рязанскаго со мною для бесѣды. Послѣ долгаго разсужденія, рязанскій архипастырь призналъ догматы, которые точно были мои, за православные и говорилъ, что онъ самъ то же думаетъ, но принималъ слова въ другомъ смыслѣ... Знаменитѣйшій Рязанскій всталъ и униженно просилъ у меня прощенія, что и получилъ при взаимномъ лобзаніи ¹⁾.

Имя непріятелей, Феофанъ въ то же время имѣлъ и почитателей; особенно онъ пользовался извѣстностью между современными германскими учеными. Фонъ-Гавенъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, имѣлъ случай видѣться съ нимъ и оставилъ о томъ нѣсколько замѣтокъ. Путешественникъ пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1736 года, слѣдовательно за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти новгородскаго архіепископа, и остановился у знакомыхъ нѣмцевъ на Аптекарскомъ островѣ, на которомъ въ лѣсу Феофанъ приказалъ прорубить нѣсколько проспектовъ, которые придавали острову прекрасный видъ. «Я, продолжаетъ фонъ-Гавенъ, познакомился съ епископомъ новгородскимъ. Онъ былъ споспѣшествователемъ предпринятыхъ Петромъ преобразованій въ духовенствѣ. Послѣ кончины императрицы Екатерины I, составилъ онъ предположеніе, какъ наставлять въ законѣ божіемъ Петра II, и хотя оно написано и напечатано только на одномъ листѣ, однако, по основательности содержанія, дѣлаетъ величайшую честь составителю его. Въ юности Феофанъ перебивалъ во многихъ странахъ Европы и Азіи. По знаніямъ своимъ, у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не

¹⁾ Исторія русской Церкви, періодъ V., М. 1848 г., стр. 74—75.

уступить любому академику. По-гречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо и въ самой глубокой старости прилежить къ нимъ, оказывая особенное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками ¹⁾. Много разныхъ полезныхъ книгъ изданы по-русски при его содѣйствіи и поощреніи, какъ напр., Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ» и др. (книга эта напечатана была за границей, въ 1735 г., и при Елизаветѣ запрещена). Кромѣ того, очень надѣялись одно время, что при помощи Теофана будетъ издана вся библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ и съ примѣчаніями. Теофанъ былъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всеми иностранными литераторами и вообще иностранцами. Его ежегодный доходъ составляетъ значительныя суммы, и такъ какъ онъ одинъ, не имѣетъ вовсе друзей, а родителей (взнатнаго происхожденія изъ Смоленска) лишился въ ранней юности, то и думаютъ, что у него должно быть огромное состояніе. Впрочемъ, въ дѣйствительности оно не такъ велико: кромѣ щедрости ²⁾, у него сильная страсть къ постройкамъ, которыя хотя опустошаютъ его казну, за то очень кстати въ Петербургѣ, гдѣ такъ много незастроенныхъ мѣстъ. Этотъ превосходный человѣкъ умеръ послѣ кратковременнаго страданья отъ колотья, 1 августа 1736 г., завѣщавъ свое имѣніе на богоугодныя дѣла и въ высшей степени полезныя учрежденія. Еще за нѣсколько дней предъ смертью, онъ, показывая одному лицу проэктъ и чертежъ дома, который предполагалъ строить, просилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и замѣчанія. Однако, какъ это, такъ и множество другихъ въ высшей степени полезныхъ дѣлъ должны, къ величайшему сожалѣнію почти всѣхъ здравомыслящихъ людей, прекратиться со смертью Теофана ³⁾.

Съ переселеніемъ въ Петербургъ до самой смерти Петра, Теофанъ написалъ множество сочиненій, изъ которыхъ многія были тогда же и напечатаны, такъ какъ именно предназначались для распространенія въ русскихъ читателяхъ понятій о цѣли предпринятыхъ преобразованій. Если у насъ, въ началѣ XVIII столѣтія, эти послѣднія предпринимались не иначе, какъ при пособіи крутыхъ средствъ, то въ сочиненіяхъ по крайней мѣрѣ Прокоповича реформа проповѣдывалась не съ помощью матеріальныхъ понужденій, но посредствомъ убѣжденій и печатнаго слова. Какъ гений, Петръ уже провидѣлъ вліяніе печатнаго станка на массы и во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ не

¹⁾ Въ Духов. регламентѣ Прокоповичъ говоритъ: «прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учиться, хотя бы онъ маетъ слово въкъ пережилъ».

²⁾ Въ латинской его біографіи (см. выше) также говорится: «Pecunia sine usuris obaeratis potentibus, vel ob debita in carceratis mutuas dedit, et saepe per inopiam debitorum omnes sine murmure perdidit».

³⁾ Von Haven's Reise in Russland, стр. 19, 22.

забывалъ обращаться къ народу съ разъясненіями и толкованіями въ формѣ трактатовъ, поученій и манифестовъ.

Прокоповичъ былъ въ этомъ случаѣ главѣйшимъ пособникомъ Петра и оставался до кончины царя проникнутымъ тѣми началами, которыя были положены въ основаніи реформы. Ради ихъ, онъ не останавливался, какъ писатель, ни передъ какими личными разсчетами. Такъ напр. Феофанъ зналъ, что открытое признаніе недостатковъ и преданіе ихъ всеобщему порицанію есть уже половина исправленія этихъ недостатковъ, и потому никогда не прикрывалъ лицемѣрнымъ покровомъ наружнаго смиренія и ханжества тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ недостатковъ даже въ томъ сословіи, къ которому принадлежалъ онъ самъ. Такое безпристрастіе надѣлало ему много враговъ не только между современниками, но и потомками. Не такъ однако судить Исторія нелицемѣрная и чуждая сословныхъ предразсудковъ, и это подтверждается тѣмъ, что нѣтъ ни одного историческаго изслѣдованія изъ русской исторіи конца XVII или начала вѣка, въ которомъ, если только изслѣдователь человекъ добросовѣстный, не приводились бы свидѣтельства изъ произведеній Прокоповича.

Не было простою случайностью въ жизни Прокоповича то обстоятельство, что имя его встрѣчается въ біографіяхъ двухъ свѣтскихъ писателей, которыми обыкновенно начинается такъ-называемый новый періодъ въ исторіи русской литературы—Ломоносова и Кантемира.

Разсказываютъ, что когда Ломоносовъ пришелъ учиться въ законоспасское училище и узналъ, что туда не принимаютъ записанныхъ въ подушный окладъ, то назвался дворяниномъ. Прокоповичъ, услышавъ о томъ и зная объ успѣхахъ Ломоносова въ наукахъ, сказалъ ему: «не бойся ничего: хотя бы со звономъ въ большой московскій соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ — я твой защитникъ!»

Извѣстно, что Кантемиръ посвятилъ еще въ рукописи свою третью сатиру Феофану; въ примѣчаніи же къ первой сказано, что она была въ рукахъ Прокоповича: онъ старался распространять ее между знакомыми, написалъ даже стихи, въ которыхъ такъ поощрялъ сатирика:

А ты какъ началъ течи путь прославный,
 Коимъ книжны текли исполнены,
 И перомъ смѣлымъ маща порокъ явный
 На полюбившихъ ученой дружины;
 И разрушай всякъ обычай зловрадный,
 Желая доброй въ людяхъ премъны.
 Кой плодъ ученій ни едвакъ искусить,
 А дураковъ злость изыкъ свой прикусить.

Съ своей стороны Кантемиръ называлъ Осоеана «дивнымъ перевожденникомъ»,

. которому сила
Вышней мудрости свои тайны открыла».

Во второй сатиры Кантемиръ непременно задѣтъ врага Прокоповича:

Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патриаршъ доотати
Ища, конной своей заводъ раздарилъ не кстати.

Взаимное сочувствіе Кантемира и Прокоповича объясняется не только одинакимъ въ обомъ складомъ ума, склоннымъ къ сатиры, но также и одинаковыми обстоятельствами, вызвавшими ее въ русской литературѣ: реформа Петра была такъ рѣшительна и мгновенна, что настоящее стало уже казаться несвоевременнымъ, не успѣвъ еще сдѣлаться прошедшимъ. Отъ того въ нашей литературѣ и явилось гоненіе на него, гоненіе, выразившееся въ сатирической формѣ, такъ какъ литература не окрѣпла еще до такой степени, чтобы получить право высказывать прямо и не шутя потребности и желанія передовыхъ людей въ Россіи; она могла только предавать осмѣянію все то, что задерживало и препятствовало дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе русскаго общества.

Въ 1-й главѣ настоящаго труда, авторъ имѣлъ случай предварить, что въ кругъ его изслѣдованій не входятъ предметы, касающіеся собственно церковной исторіи — науки, требующей особенной подготовки и развившейся въ нашемъ отечествѣ подъ иными условіями, которыхъ выполнить не въ состояніи изслѣдователь, посвятившій себя изученію свѣтской литературы, — представительницъ стремленій къ мірскимъ цѣлямъ. По этимъ-то причинамъ, авторъ не считаетъ себя въ правѣ разсматривать и оцѣнять множество произведеній начала XVIII вѣка ¹⁾.

Эти произведенія относятся къ области духовной литературы: число ихъ въ-особенности умножилось съ учрежденіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, когда наступилъ новый періодъ въ исторіи русской церкви. Легко убѣдиться, что въ области духовнаго краснорѣчія, въ пастырскихъ посланіяхъ, богословскихъ трактатахъ, однимъ словомъ во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся предметовъ Вѣры, въ началѣ XVIII столѣтія, въ Россіи замѣтно поразительное единство мысли, строгая обдуманность при выполненіи предпринятыхъ преобразованій, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ талантомъ въ изложеніи и рас-

¹⁾ Тѣ изъ нихъ, которыя были тогда издаваемы въ свѣтъ, описаны библиографически во 2-й части настоящаго труда.

подозрѣніи. И на этомъ поприщѣ имя Прокоповича является на первомъ мѣстѣ.

Въ настоящемъ сочиненіи задача автора состоитъ только въ томъ, чтобы уяснить, при пособіи литературныхъ произведеній, состояніе просвѣщенія въ Россіи въ данную эпоху, по этому—то мы останавливаемся на такихъ событіяхъ, отмѣчаемъ тѣ только явленія, которыя имѣютъ прямое соотношеніе къ этому предмету.

Выше было замѣчено, что въ произведеніяхъ Прокоповича видно обличительное направленіе, которое развилось въ русской литературѣ и придало ей потомъ особенное, оригинальное значеніе. Въ этомъ отношеніи для насъ въ высшей степени любопытно то обстоятельство, что во времена же Прокоповича явились подражатели ему не только изъ свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ, которыя вносили въ свои сочиненія обличительный элементъ. Въ доказательство тому, приводимъ здѣсь отрывки изъ рукописнаго, — слѣдовательно — малонизвѣстнаго слова въ день благовѣщенія, произнесеннаго въ Ревелѣ, въ 1720 году, іеромонахомъ Симономъ Кохановскимъ, переводчикомъ Юста Липсіа (о немъ см. выше стр. 218—219) ¹⁾.

«Откуда бо бываетъ, что мнози отъ насъ съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство и общеніе Церкви святой, бѣгутъ изъ градовъ въ пустыни и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные, оставивъ праведную службу государеву, бѣгутъ въ темные лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіе, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются!... Мнѣть бо бѣдныя и не наученыя челоувѣцы, что въ пустынѣ, ради самой точию пустыни, или въ монастырѣ, ради самого точию монастыря, большее и скорѣйшее спасеніе, неже въ мірѣ, въ честномъ супружествѣ и въ гражданскомъ сожительствѣ. И того ради, прельщены прелестью вѣскихъ погубельныхъ челоувѣковъ раскольническихъ или паче еретическихъ учителей, мнѣть, что женитьба скверна и что со женою невозможно спастися. А другіе, подъ видомъ благовѣнія, бѣгають отъ праведной и богоугодной службы и отъ тяжкихъ трудовъ, ищуть себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и въ монастыряхъ, будто—они мнѣть—что бѣльшіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на иной службѣ государевой. А сама совѣсть ихъ противное говорить, и будто бѣльшее и скорѣйшее спасеніе въ черномъ, нежели въ бѣломъ или зеленомъ или въ красномъ платьѣ; мнѣть, что ближайшее къ спасенію раздранное и гнусное рубище, нежели честная, чистая или свѣтлая риза. Думаютъ, окаянніи, что веревки и желѣзныя цѣпи, которы—

¹⁾ Рукопись влад. наукъ въ-Ф, № 116, проповѣдь на текстъ: «Благовѣстите день о днѣ спасенія Бога нашего (Псал. 95). Нач: «Поюще о благовѣщеніи».

ми многіе лицемеры, ханжи обматываютъ себя и прельщаютъ простыя и незлобивыя сердца — думаютъ, глаголю, что пріятнѣйшія суть Богу, паче свѣтлой кавалеріи, которая часто много жесточайшая и много тягчайшая бываетъ, паче власяныхъ веревокъ. А наипаче, егда придется стати ко неприятелю въ глаза, кровь и душу свою за вѣру, за отечество и за государя своего изліати. Мнѣть простыя и никогда неслышавшіе евангѣльскаго благовѣстія, что извѣстнѣйшее спасеніе въ черной камилавкѣ или въ клобукѣ, нежели въ парикѣ, въ солдатской шляпѣ, или въ простой мужицкой шапкѣ. А того бѣдныя не знаютъ, а другіе и знати не хотятъ, что Богъ не зрѣтъ такъ на клобукъ, какъ на парикъ, или на простую шапку, такъ на раздранное и гнусное рубище, какъ на чистую и честную ризу и на прочіе внѣшніе строи и манеры; но зрѣтъ на дѣла и на помышленія человѣчская, что человекъ дѣлаетъ и что думаетъ... Возвѣрнемъ уже и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ умножилася и тако укоренилася, яко никакимъ способомъ и никакою силою человѣческаю отнюдь невозможно искоренити. Имя злобы оной — забобоны, сирѣчь суевѣріе или злочестіе, отъ котораго удобъ рождается безбожіе.... напр. избрали себѣ мужики въ году двѣнадцать пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ поститса, молитса и молебень имъ наймуеть, то по различію пятницъ различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ: первая пятница великаго поста избавляетъ отъ незапныя смерти; пятница, которая предъ благовѣщеніемъ, избавляетъ отъ убійства, а которая предъ ильнинымъ днемъ, тая избавляетъ отъ вѣчныя муки... Что же егда еще пойдемъ до окаянной мужицкой или паче до бабской богословіи, сирѣчь до буселовія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитати, а которой непочитати? Яцомъ или масломъ писъмена, старая или новая? На доскѣ ли, на холстѣ или на бумагѣ? Какой крестъ на церквахъ ставити — осмиконечный, или четвероконечный? Которыми персты знаменіе крестное на себѣ положить? Дважды или трижды аллилуія глаголати? И кто уже подробно изчислити возможетъ безчисленные едны — смѣху, а другіе — плача и рыданія достойныя забобоны!... Бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не точію священники и прочіе книжные люди, но и неграмотныя мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую дьявольскую богословію наизусть имѣють — которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая, которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды, которая отъ вѣчной муки; что ясти и чего не ясти; что пити и чего не пити и прочая симъ подобная бездѣлья и идолослуженія. А молитву Господиу Отче нашъ развѣ сотый или тысящый мужикъ умветъ! На сколько просфорахъ обѣдию служити — всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе Тѣла и Крови Христовой, того и не поминай.... Сказки бездѣльныя, скверныя бабы пѣсни и продолженныя срамот-

ныя пѣсни и малыя дѣти назусть умѣють, а десять заповѣдей божіихъ и старыя мужики того незнають!»..

Кохановскій такъ кончаетъ свое слово: «не смотримъ того, митрополитъ ли, епископъ ли, или простый попъ проповѣдуетъ, но смотримъ, что онъ проповѣдуетъ: будетъ ли его проповѣдь согласна слову божію, то, яко отъ самого Бога, приемлемъ; аще будетъ противна слову божію, то, яко діавольскую, отмещемъ... Аще бы кто и отъ начальнѣйшихъ и главнѣйшихъ оицеровъ показалъ тебѣ притворный или ложный указъ—не слушаешь и отмещешь. Аще же праведный указъ государевъ кто нибудь покажетъ, аще и послѣдній мужичекъ, то со страхомъ слушаешь, а преслушати отнюдь не дерзаешь. Подобно разсуждай и проповѣдниковъ и проповѣдь слова Божія: аще бы и великостепенный человекъ и славою святости и мудрости оглашенный, да училъ бы въ церкви отъ своего мозга, а не отъ слова божія—не слушай и не приемли; аще же проповѣдникъ будетъ и презрѣнный и худой и паче прочіихъ грѣшнѣйшій, да въ проповѣди своей согласуетъ слову божію, того слушай и приемли его, паче же не его, но самого Христа, чрезъ уста его глаголющаго, ему же отъ насъ слава во вѣки вѣковъ, аминь.»

Въ началѣ XVIII столѣтія, въ Россіи писалось много произведеній, которыя, отличаясь полемическимъ характеромъ, имѣють значеніе для исторіи въ томъ отношеніи, что даютъ понятіе о различныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ своего времени, столкнувшихся лицомъ къ лицу съ тѣмъ новымъ, котораго представителемъ въ Россіи при Петрѣ былъ онъ самъ. Въ подобныхъ сочиненіяхъ высказывается не только то, что пользовалось защитой и покровительствомъ власти, но и многое такое, что стояло въ противорѣчій съ нею и что, не обладая, по разнымъ обстоятельствамъ, силою, равною силѣ своихъ противниковъ, не обрисовывалось ясно и развивалось втихомолку. Для историка важно не только то, что въ известное время пользовалось могуществомъ и авторитетомъ, но и всякая оппозиція имъ, въ какихъ бы формахъ ни проявлялась она въ жизни народа.

О печатныхъ произведеніяхъ полемическаго характера говорится во 2-й части, гдѣ помѣщены библиографическія описанія книгъ, вышедшихъ у насъ въ началѣ XVIII столѣтія. Здѣсь замѣтимъ только, что вообще во времена Петра, полемика проникала и въ законодательныя постановленія. Авторъ «Возраженій на камень Вѣры»¹⁾, хотя и назвался лютераниномъ, однако высказалъ потомъ, что ему были по-

¹⁾ Русские Пуб. библ. №, XVII, 11. Списки этого сочиненія хранятся почти во всѣхъ извѣстныхъ собраніяхъ рукописей.

няты самые намеки въ Духовномъ регламентѣ, составленномъ Феофаномъ Прокоповичемъ, а именно, что въ началѣ этого труда опровергаются доводы въ пользу необходимости въ Россіи патріаршества и высказаны причины, побудившія къ уничтоженію этого званія. Между тѣмъ, не зная того, читатель можетъ подумать, что дѣло шло только о разъясненіи предѣловъ духовной власти правительствующаго синода.

Въ томъ же уставѣ есть наставленія, какъ должно проповѣдывать въ церквахъ слово божіе: въ 4, 7 и 9 пунктахъ говорится, чего долженъ избѣгать въ проповѣдяхъ, именно: личностей, самодовольства отъ своихъ успѣховъ, а также неумѣстныхъ тѣлодвиженій. Что при этомъ намекалось на Яворскаго, о томъ сохранилъ извѣстіе тотъ же авторъ Возраженій.

Изъ вышедшаго въ свѣтъ VI тома Исторіи Петра Великаго г. Устрялова ¹⁾ узнаемъ, что самъ Яворскій въ своихъ проповѣдяхъ допускалъ намеки на современные событія; такимъ образомъ и у него находимъ иногда полемическій элементъ. Въ словѣ о храненіи заповѣдей господнихъ говорилось о лицахъ, поставленныхъ надъ судами и клеветавшихъ въ доносахъ на ближнихъ, и было сдѣлано обращеніе къ Св. Алексію съ молитвою о покровительствѣ его тезоименника, т. е. царевича Алексія Петровича. Современники поняли такъ, что проповѣдникъ говорилъ противъ только что учрежденныхъ тогда отъ правительства фискалахъ и выразилъ недовольство на положеніе, въ которомъ находился царевичъ, посланный за границу.

Замѣтимъ также, что въ сочиненіи Яворскаго же «Камень Вѣры» избранъ эпиграфомъ текстъ: «Смѣшася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ», который считается намѣреннымъ намекомъ со стороны автора на событія, имѣвшія мѣсто въ Россіи начала XVIII вѣка.

Само собою разумѣется, что намъ болѣе извѣстны такія полемическія произведенія, которыя писались въ подкрѣпленіе мнѣній, принятыхъ придерживающимися властями, и которыя, стало быть, имѣли полную возможность быть преданными во всеобщую извѣстность. Та же сторона, которой касались нападки или намеки, лишена была этой возможности, а потому прибѣгала къ другимъ средствамъ, чтобы высказаться. В. И. Ламанскій сообщилъ мнѣ подробности о любопытномъ случаѣ въ исторіи литературы начала XVIII ст.: изъ него можно заключить, что тогда находили болѣе удобнымъ, вмѣсто критической оцѣнки тѣхъ или другихъ произведеній, подлежащихъ суду публики, дѣлать оффиціальныя доносы на сочиненія, которыя по чему либо не нравились доносчику. Немногосложность и доступность такой потаенной критики для каждаго, слѣдующаго въ жизни извѣстнымъ правиламъ, а также рѣшительное отсутствіе общественнаго мнѣ-

¹⁾ Слб. 1859 г., стр. 29 и слѣд.

нія, которое бы карало доносъ и лицо, на него рѣшившееся, достаточно объясняютъ подобное явленіе, а потому, не распространяясь о значеніи его, сообщаемъ только то, что намъ извѣстно по дѣлу о нѣкомъ Маркеллѣ Родышевскомъ¹⁾.

Въ декабрь 1727 г., онъ подалъ Петру II, всепокорное доношеніе: «Понеже Вѣра общее и собственное всякаго добро (есть), и буде кто дерзнетъ Вѣру превращать, еще же самую сущую каволическую, древнюю святовосточную испровергать, всякъ долженъ истинный христіанинъ подѣ совѣстію охранить оную, какъ сущее свое си истое и прямое добро и поборствовать по ней, буде случай каковій назовется, яко по сущей правдѣ не бояться ни изгнанія, ни смерти, хотя самой лютейшей и горчайшей. Обрѣтаются у насъ въ Россіи книги новозданнія и новопечатнія въ разныхъ годѣхъ, паче же въ 1722 г., въ Александроневскомъ монастырѣ, а именно: Толкованіе на блаженства Христовы, книжица о обливаніи, Буквари съ толкованіемъ десяти заповѣдей Ветхаго завіта, (о нихъ смотр. во 2-й части №№ 501, 553, 499) нѣкоторыя поученія въ разныхъ годѣхъ, а кто издавалъ таковыя книжицы, того имени неупомянуто. Въ которыхъ книжицахъ преисполнено странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ. И таковымъ новозданнымъ книгамъ еретическимъ велѣно указомъ обучатица, и въ церквахъ читать, и ставленникомъ, также и дѣтямъ, гдѣ ни есть школки, нанзують учить, а таковымъ ученіемъ, паче же когда кто протолакуеть, мнози имутъ кальвинскою и лютерскою повредитися ересію и отъ церкви святой отпасти. И тотъ грѣхъ претяжкій падеть не токмо на церковныхъ властелинахъ, но и на тыхъ, которіи суть члены той же святой непорочной Вѣры и извѣстно вѣдають же о таковыхъ еретическихъ книгахъ, да не доносятъ о томъ, кому надлежитъ, ни обличаютъ и въ общемъ добрѣ и спасеніи, которое всѣхъ касается, не радятъ. Да еще дерзнуто таковыя книжицы высокимъ указомъ подтвердить высокославнаго и превисочайшаго монарха, блаженныя и вѣчностойныя памяти его императорскаго величества Петра Великогоныя книги правильными назватися, такъ ухищрено. Да и Феатроны книга весьма соблазнительная и православію противная своею исторіею (см. во 2-й ч. № 562), и инныя сими подобныя книжицы новозданнія изслѣдовать подобаетъ же.»

(*) Въ 1718 г., Маркелъ Родышевскій, при совершеніи страшной казни надъ Глѣбовымъ въ Москвѣ (его посадили живаго на колъ), вмѣстѣ съ другими двумя духовными особами, долженъ былъ увѣщевать Глѣбова въ продолженіи его мукъ (около сутокъ). См. Исторію Петра Великаго соч. г. Устрялова Т. VI стр. 219. Въ 1726 и 27 годахъ онъ упоминается, какъ архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря; 24 января 1741 г., снова опредѣленъ настоятелемъ этого монастыря и ректоромъ новгородской семинаріи; въ 1742 г., получилъ званіе архіепископа коневскаго и ладожскаго и умеръ въ томъ же году 29 ноября. Ср. Читенія Общ. Исторіи 1856 г. кн. II, Смѣсь, стр. 96 и 97.

«Я хотя самый послѣднѣйшій членъ, обаче участникъ сый тогожде общаго добра, еже есть самой благочестивой восточной исповѣданія вѣры, прилежно оныя книги прочеть и увѣдавъ въ нихъ многіе несогласующіе православію, но еретическіе догматы и противо святой восточной канолической Церкви знатніи продерзости, убо являя страшнаго суда божія, яко рабъ, вѣдый волю Бога своего (еже ереси изобличать, ни мало терпя), да не стязанъ буду за сіе предъ страшнымъ и нелицемѣрнымъ судіею Богомъ жестоко за неизвѣщеніе, гдѣ подлежитъ. Того ради, вашему императорскому величеству, по должности моей христіанской и священнической, всепокорно о семъ доношу и о таковыхъ Церкви святой противныхъ книгахъ извѣщаю: да повелитъ ваше величество оніи новоизданніи книги, собравъ ихъ, подать въ разсужденіе всему собору россійскому, паче же пастыремъ и учителямъ, основаніе Церкви святой добръ вѣдущимъ, и освидѣтельствовати противности оныхъ книгъ, а по освидѣтельствваніи прямою и правдивомъ, оніи книги отрыгнуть отъ Церкви святой и воничтожить (sic), дабы Церковь святая и православная никакими еретическими ученіями не повреждалася....»

Неизвѣстно, писалъ ли этотъ человекъ по собственному побужденію или вслѣдствіе наученій католиковъ, которые, около 1727 г., подбивали подавать доносы на Теофана Прокоповича, ихъ сильнаго врага (см. выше, стр. 42 — 49)—только Родышевскій выбралъ неудобное время для обличеній: обличаемый, по своему превосходству и знаніямъ, пользовался такимъ вліяніемъ, при которомъ ему повредить было трудно; по этому—то преслѣдованіямъ подвергся самъ обличитель.

15 февраля 1728 г., Родышевскій присланъ быть въ синодъ изъ преображенскаго приказа за крѣпкимъ карауломъ, «понеже въ синодѣ, по поданнымъ отъ преосвященнаго Теофана, архіепископа новгородскаго, доношеніямъ, до онаго Родышевскаго касается важное духовное дѣло». Послѣдній показывалъ въ синодѣ, что арестованъ за то, что «говорилъ слово по первому пункту: въ прошломъ 1724 г., рязанскій епископъ Гавріилъ сочинилъ книгу, зовомая служба благодарственная къ Богу о учиненіи мира между имперіею россійскою и короною свейскою, а въ оной книгѣ въ стихерахъ, которые поются на вечерней литіи, усмотрѣлъ онъ, Родышевскій, великое поношеніе высокой чести блаженныя памяти царевича Алексѣя Петровича такое: «сердце Авесоломле, дѣла отеческія вся возненавидѣвшее и самому ему, отцу, смерти желающее». Оный епископъ Гавріилъ въ той же книгѣ въ шестой пѣснѣ учинилъ поношеніе ему, государю царевичу, такое: «Боже, якоже избавилъ еси раба твоего Петра отъ кровопролитія сыновня». Да учинена жъ книга членомъ святѣйшаго синода, а къмъ именно, того въ той книгѣ не показано (которая печатана въ Александровевскомъ монастырѣ), зовомая Правда воли мо-

наршей, а въ той книгѣ показуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (?), а безъ той книги онъ, Маркелль, о тѣхъ словахъ сказать не упомянуть. — Святѣйшаго синода нѣкоторымъ членомъ, имени не знаетъ, учиненъ въ синодѣ указъ въ прошломъ 726 году, о подметныхъ письмахъ, а въ томъ де указѣ усмотрѣлъ онъ, Маркелль, поношеніе высокой чести государя царевича Алексѣя Петровича такое: Авесаломомъ (си есть отцегонитель). А вышеозначенные книги и указъ напечатаны и сочинены по благословенію всего святѣйшаго синода».

Замѣтимъ здѣсь, что дальнѣйшія приключенія Родышевскаго въ тайной канцеляріи, куда былъ присланъ изъ синода, относятся къ позднѣйшимъ временамъ, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ настоящемъ изслѣдованіи. Скажемъ только, что этотъ противникъ петровской реформы и въ заключеніи продолжалъ сочинять опроверженія противъ Духовнаго регламента и постановленій о монашествѣ — опроверженія эти хранятся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и на первомъ изъ нихъ подпись: «о прочіемъ же, въ регламентѣ написанномъ, паче же о монашествѣ собственная изданная мною книга здѣ прилагается, въ разсужденіе высочайшее церковное отдается. Старецъ узникъ Маркелль. 1731 г. марта 3 дня.» Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, отсталой партіи, къ которой принадлежалъ Родышевскій, удалось отчасти низпровергнуть то, что имѣлъ въ виду Петръ Великій, издавая помянутый регламентъ. Родышевскій, какъ видѣли въ примѣчаніи на стр. 496, явился тогда въ значительныхъ должностяхъ и напечаталъ свою проповѣдь (22 іюня 1742 г.), въ которой совѣтовалъ императрицѣ жестоко казнить иновѣрцевъ, распространявшихъ свое ученіе, а объ измѣнившихъ старинѣ говорилъ: «утоли языки ихъ скверные, гробы ихъ гортани затвори, усте съ языкомъ хульнымъ заключи; а и снять ихъ отъ мѣстъ не худо!»...

Въ заключеніе, слѣдуетъ еще сказать о другѣ и единомысленникѣ Родышевскаго, Михайлѣ Петровичѣ Аврамовѣ, о которомъ, какъ директоръ петербургской типографіи, будетъ еще говорено во 2-й ч. настоящаго изслѣдованія.

По передачѣ типографіи въ завѣдываніе синода, Аврамовъ перешелъ на службу въ бергъ-коллегію (въ 1721 — 24 г.) и сталъ съ этого времени подавать правительству свои мнѣнія и прозкты.

Въ 1723 г. онъ, вмѣстѣ съ вятскимъ комиссаромъ Тряпичинымъ, завелъ въ казанской губерніи мѣдный заводъ, на которомъ тогда и было выплавлено до 10 т. пудовъ мѣди. Озабочиваясь о сбытѣ ея, Аврамовъ подалъ царю просьбу о принятіи отъ него на денежномъ дворѣ 500 п. мѣди съ платою за нее деньгами и вычетомъ за-

дѣльныхъ и припасовъ. При этомъ было присоединено «нижайшее мнѣніе» о пользѣ умноженія въ народномъ обращеніи мѣдныхъ денегъ. По словамъ Аврамова, всѣ платежи изъ казны удобнѣе могли производиться не серебряною и золотою, а мѣдною монетою. «А нынѣ (т. е. въ декабрѣ 1723 г.), за недовольствомъ серебряной монеты, какъ отъ неполученія въ надобныя времена повсягоднаго жалованья, такъ и торговые и работные нижнихъ чиновъ люди имѣютъ великія скудости, а оное все отъ мѣдной монеты конечно пресѣчено будетъ». вмѣстѣ съ тѣмъ Аврамовъ предлагалъ, для удержанія въ Россіи золота и серебра, выѣзжающимъ за границу иностранцамъ, вмѣсто имѣющихся у нихъ золота и серебра въ деньгахъ и вещахъ, выдавать по настоящей цѣнѣ русскими товарами.

Другой прозкъ Аврамова, поданный Петру въ одно время съ предъидущимъ, былъ по сложнѣе. Во-первыхъ, здѣсь онъ совѣтовалъ объ учрежденіи въ Россіи «государственныхъ адвокатовъ»: «налучшее быти мнится добро, чтобъ многими дѣлами и пространными розыски не отягчать высшій судъ, дабы пространною завязкою не утрудило васъ (царя) самую скукою, изъ чего паки закрываться могутъ дѣла надобныя. Но токмо надлежитъ всякія отъ всѣхъ принимать тутъ доношенія и челобитныя и, выслушавъ оныя и записавъ въ книгу, посылать ихъ въ надлежащія мѣста съ опредѣленными государственными адвокатами, которымъ по должности своей имѣть о томъ стараніе, и что гдѣ по тѣмъ челобитнымъ и доношеніямъ чиниться будетъ, ежедневно репортовать имъ о томъ въ высшій судъ письменно, а тѣ репорты по тому жъ слушать и опредѣлять на ихъ краткую сентенцію и, записавъ въ книгу, паки отправлять ихъ въ тѣ мѣста, давъ съ того опредѣленія за руками копіи». На этихъ же государственныхъ адвокатовъ Аврамовъ полагалъ возложить попеченіе о колодникахъ, больныхъ въ госпиталяхъ и бѣдныхъ рабочихъ. «А когда гдѣ на всѣ сроки противъ указу не вершатъ дѣлъ, или который челобитчикъ и отвѣтчикъ вершеніемъ не будутъ довольны, тогда призывать тѣхъ судей и при адвокатѣхъ, и истцѣ и отвѣтчикѣ разсудить оное дѣло въ правду нарочно для того учрежденнымъ особымъ членомъ, къ чему зѣло нужно имѣть удобныхъ людей, которыхъ наилучшее чрезъ сей способъ выбрать: изъ настоящихъ судей и изъ прочихъ всѣхъ чиновъ выбравъ людей смысленныхъ число довольное и учивя имъ жребій, отдать въ волю божественную»...

Далѣе, Аврамова занимала мысль о возможности передачи управленія въ государствѣ людямъ, избраннымъ отъ народа. Только у него мысль эта получила какой-то религіозно-формалистическій оттѣнокъ, который встарину былъ у каждаго грамотнаго русскаго человѣка, вслѣдствіе воспитанія и внушеній съ издѣтства.

«Мнится быти добро, говорить онъ, повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителемъ избирать между собою мужей смыслен-

ныхъ ежегодно и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помощниковъ въ каждой дворовъ тысячѣ. Которымъ въ своихъ дворахъ всякаго чину и полу людемъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человеческомъ правоученіи и о бѣдныхъ людѣхъ правильномъ призрѣніи имѣть попеченіе».

«Противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетраdochкахъ славословіе божіе, Царю небесный, псаломъ пятидесятый, символъ, заповѣди господни и церковныя кратко, и тѣ тетраdochки разослать по архіереомъ по епархіямъ, а имъ раздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ. Начальникомъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереовъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается онаго, то своего прихода предъ священниковъ. Имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетраdochку всякому, научая страха божія обучатися, и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ. По которымъ тетраdochкамъ въ предгрядущій годъ предъ ними каждому отвѣтствовать; а тѣ тетраdochки всегда при себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ. За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворахъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовыхъ, прочтены были вышерѣченныя тетраdochки, о чемъ по вся дни репортовать своихъ директоровъ письменно»....

Такимъ образомъ, по мнѣнію Аврамова, выходило, что народу стоило выучить наизусть нѣсколько молитвъ, чтобы у него «плодъ, правды легко умножился, а злоба искоренилась». Поэтому изобрѣтенныя имъ тетраdochки онъ полагалъ разсылать и въ армию, и къ раскольникамъ, и даже къ иновѣрцамъ, хотя звалъ, что послѣдніе ихъ не только понять, но и прочесть не умѣли. При этомъ составителю прозкта, вѣроятно, вспомнился собственный мѣдиплавительный заводъ въ казанской губерніи и 10,000 пудъ приготовленной тамъ мѣди, и онъ снова совѣтуетъ принимать изъ всѣхъ губерній на денежныя дворы мѣдь въ передѣлъ и вмѣсто нея выдавать деньгами, на которыя «довольствоваться св. церкви и содержать при оныхъ учебныя школы, страннопріимницы, гошпитали и прочая».

Въ настоящее время кажется страннымъ предложеніе Аврамова оттетраdochкахъ, между тѣмъ оно можетъ быть объяснено тѣми обстоятельствами, при которыхъ писалъ онъ свой прозктъ. Въ то время, по повелѣнію Петра, вводился во всеобщее употребленіе букварь: «Первое ученіе отрокомъ»; книгу эту правительство хотѣло какъ можно болѣе распространить; ее обязаны были имѣть и твердить наизусть церковнослужители всѣхъ епархій; она читалась по постамъ въ церквахъ «вмѣсто книгъ Ефрема Сиріина и отъ соборника и отъ

прочихъ чтеній ¹⁾). Выше на страницахъ 178—181, было уже сказано, что этотъ букварь не имѣлъ никакого сходства съ старинными нашими учебниками, а въ предисловіи есть нападки на прежній способъ обученія русскихъ. Аврамовъ, и въ 1723 г., былъ противъ новыхъ букварей, но въ тоже время онъ не рѣшился прямо высказать этого такому царю, каковъ былъ Петръ, и вотъ онъ подаетъ совѣты распространять въ народѣ тетрадки, а содержаніе этихъ тетрадочекъ заключаетъ въ себѣ сущность нашихъ старинныхъ букварей. По нимъ заучивались молитвы и заповѣди безъ всякаго истолкованія, которому исключительно посвященъ букварь Прокоповича.

Однимъ словомъ, Аврамовъ хотѣлъ указать, что лучше народъ просвѣщать по старинѣ, и заключаетъ свой прозекъ мистическими намеками на враговъ своихъ: «о совѣсти моей не донести, что оставаться тунѣ боюся Бога, а безъ помощи при дѣлѣхъ быть опасенъ, чего для и милости прошу, а самую истину доношу: давно, по милости Иисусъ Христовъ, горя духомъ истины внутрь моего сердца, слѣдовахъ къ милости и къ вашей, яко къ нему самому Творцу моему, усердно; обаче воздержнаго житія путь многократно отъ того меня отводилъ, а наиболѣе, егда началъ въ положенныхъ на мнѣ дѣлѣхъ последовать стопамъ вашей истины, а прочіе оное признавать, то многое бремя напастей понесъ не токмо отъ чужихъ, но и отъ своихъ, что усмотря не токмо славы, но и самыя жизни лишитися отъ сильныхъ, по немощи моей, сталъ опасенъ, вѣдая, что о простодушныхъ последователѣхъ вашихъ туне многіе неусыпно трудятся отлучать ихъ вдалѣ отъ милости вашей и чинить имъ напрасныя бѣдства, что апробовалъ и надъ собою. И для того, токмо въ нужныхъ дѣлѣхъ стоялъ наружно, а въ среднихъ иногда и противъ совѣсти моей, съ нисшими бояся, да нѣкако, видя мя безпомочна, повредятъ мя» и т. д.

Прозекъ Аврамова, разумѣется, оставили безъ вниманія; но его самого, въ декабрѣ 1724 г., царь опять назначилъ директоромъ петербургской типографіи, и въ этой должности онъ оставался до упраздненія ея въ 1727 г. Между тѣмъ съ восшествіемъ на престолъ Петра II, недовольные реформами его дѣда получили надежду на возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ: воспоминанія о царевичѣ Алексѣѣ, отцѣ тогдашняго императора, прекращеніе всякой инициативы со стороны правительства и, наконецъ, наложеніе запрещенія на сочиненія, въ которыхъ писалось противъ сына Петра и его сторонниковъ—все это сдѣлало смѣлье противниковъ реформы, и они стали пробовать средства возвратиться къ старинѣ. При этомъ они забыли одно обстоятельство, бывшее гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя возбудили въ нихъ надежды: къ прежнимъ порядкамъ нельзя было возвратиться правительству, не потерявъ значительныхъ правъ, которыми оно, на-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. VII, 4172.

чиная съ Петра, стало пользоваться. Во времена Петра, кромѣ энергическихъ и принудительныхъ мѣръ, реформа, напримѣръ, духовнаго управленія производилась при пособіи разныхъ сочиненій и трактатовъ, въ которыхъ проводились главныя идеи преобразованія. Впослѣдствіи сочиненія и трактаты найдены были ненужными; болѣе же удобнымъ и раціональнымъ признано усиленіе предупредительныхъ и принудительныхъ мѣръ.

До 1730 г., объ Аврамовѣ никакихъ извѣстій не сохранилось. Въ этотъ годъ онъ подалъ императрицѣ Аннѣ новый проектъ объ управленіи государственными дѣлами. Онъ весь состоитъ изъ двадцати семи пунктовъ, весьма короткихъ и по большей части не заключавшихъ въ себѣ ничего, кромѣ общихъ выраженій. Главныя изъ нихъ, гдѣ видно направленіе составителя проекта, слѣдующіе:

1) «Для наилучшаго государственнаго управленія первѣе всего, прилежно помоляся Богу, прежде зачатія всякаго дѣла, яко же и есть благочестивый, всегдашній, достохвальныйъ обычай вашего величества, оное дѣло зачинать и тако о немъ разсуждать, чтобы было согласно, съ закономъ Божиимъ и съ правосудіемъ истиннымъ. 2) Для того въ началѣ всего, по заповѣди Христовой, настоящую присяжную страшную клятву (она, какъ извѣстно, сочинена была, по приказанію Петра, Теофаномъ) впредь весьма оставить надобно, понеже о томъ и св. Златоустъ въ бесѣдахъ на дѣянія во нравоученіи восьмомъ пишетъ, яко кленущіеся ниже на прагъ церковный вступати суть достойны, и не клястися отнюдь, паче же Бога свидѣтеля не имѣть призывать, и тако за твердую къ Богу вашего величества во исполненіе заповѣди его вѣру, и безъ оной клятвы всѣ дѣла, при помощи его Спасительной, исправятся въ наилучшее. 3) Наипаче же для самаго сущаго и глубочайшаго вашего величества предъ Спасителемъ Богомъ смиренія, потребно быть въ Россіи паки святѣйшему патріарху, самому благоговѣйному мужу, не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей, съ которыми, за оное крайнее вашего величества христіанское смиреніе, безъ сомнѣнія всѣ дѣла, во имя Христово, исправите въ наилучшее... 13) Во всемъ съ симъ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобы оное духовенство въ древнее ввѣсть благочиніе (?) и доброе благосостояніе. 14) И всѣ гражданскіе уставы и указы обрѣтающіеся съ нимъ (то есть тоже съ патріархомъ) разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ Божиимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными, и буде которые несогласны, и тѣ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи божьяго закона и церковнаго разума».

Подача этого проекта или, быть можетъ, другія подобныя предложенія Аврамова были причиною, что при императрицѣ Аннѣ, именно въ 1732 г., нашего отчаяннаго клерикала находимъ уже заключен-

нымъ въ Иверскій монастырь. Здѣсь однажды на исповѣди у іеромонаха Исаія, Аврамовъ говорилъ: «архіерей новгородскій, Теофанъ, написалъ книжку не по нашему благочестію, о чемъ мы со архимандритомъ Родышевскимъ въ этой книжкѣ ему спорили и чрезъ троицкаго архимандрита Варлаама подали ея императорскому величеству доношеніе, что онъ архіерей тое книжку сочинилъ неправильно». — «Лучше было вамъ въ оныя дѣла не вступаться, возразилъ іеромонахъ Исаія». — «Какъ не вступаться?» отвѣтилъ Аврамовъ.

Этотъ разговоръ послужилъ поводомъ къ началію слѣдствія, по которому открылось, что Аврамовъ писалъ изъ монастыря письма. Въ одномъ изъ нихъ къ іеромонаху Исаію Аврамовъ объяснялъ, что у него съ Теофаномъ, архіепископомъ новгородскимъ, вражды никакой не было; но услышавъ отъ Родышевскаго о страшныхъ поношеніяхъ Теофана на уставъ и преданія православной Церкви, онъ, Аврамовъ, не могъ молчать и пересказалъ троицкому архимандриту Варлааму, чтобы донесъ о томъ императрицѣ. Въ концѣ письма Аврамовъ присовокуплялъ, что «Родышевскій и самъ въ лицахъ и по дѣламъ своимъ отвѣчаетъ, а онъ, Аврамовъ, сидя въ тюрьмѣ, истаялъ и еле живъ обрѣтается — желаетъ св. причастія». Іеромонахъ Исаія показывалъ, что точно Аврамовъ писалъ къ нему по тому случаю, что онъ его не допускалъ до святаго причастія за ссору его съ Теофаномъ; умолчалъ же объ этомъ письмѣ изъ боязни, чтобы «въ томъ къ винѣ чего не причлось». Кабинетъ министровъ, въ мартѣ 1733 г., опредѣлялъ: іеромонаха Исаія послать изъ тайной канцеляріи въ синодъ «для учиненія ему за вину его наказанія плетьми».

Въ другихъ письмахъ къ Алексію Волкову, Макарову, бывшему кабинетъ-секретарю Петра Великаго, также къ женѣ своей и зятю Никитѣ Кожину, Аврамовъ просилъ хлопотать объ освобожденіи его изъ заключенія. Бумагу и чернила для писемъ доставлялъ Аврамову бывший у него на караулѣ каменщикъ Шапъ, который, въ мартѣ же 1733 г., за то былъ наказанъ плетьми.

Между тѣмъ къ слѣдствію привлечено было новое лицо — разстрига Осипъ Васильевъ, бывший прежде іеродіакономъ въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ, а потомъ разстриженный и сосланный въ Валлаамскій монастырь. Въ повинной своей онъ писалъ: а) въ 1730 г., Аврамовъ часто приходилъ «зѣло рано и мало не повся дни» на троицкое подворье въ келью къ архимандриту Варлааму, до приѣзда другихъ властей и господъ, и съ нимъ велъ наединѣ тайные разговоры, причемъ высылалась келейные служители и онъ, Васильевъ; б) сочинивъ «извѣстную тетрадь о поношеніи Теофана, архіепископа новгородскаго», Васильевъ показывалъ ее Аврамову, говоря: «хочу такихъ тетрадей умножить и раздавать письменнымъ людямъ, дабы о провинностяхъ Теофана къ Церкви святой въдали и новоизданнымъ его книгамъ не вѣрили. Аврамовъ же отъ того его унималъ»; в) послѣдній

на троицкомъ подворьѣ «секретно говаривалъ много» съ бригадиромъ Дмитріемъ Порѣцкимъ, строителемъ Софроніевой пустыни Сергіемъ, келаремъ Веніаминомъ Ершовымъ и справщикомъ монахомъ Θεологомъ; д) Аврамовъ тамъ же «о новгородскомъ архіереѣ и о Родышевскомъ имѣлъ разговоры довольные не по одно время» съ кіевопечерскими старцами, которые были челомъ о новомъ архимандритѣ, и съ намѣстникомъ Свинскаго монастыря («высокъ, угреватъ — имени его не упомянуть»).

Аврамовъ, въ отвѣтъ на эти показанія, началъ рассказывать, какъ онъ сталъ хлопотать о дѣлѣ Родышевскаго. Последній, когда онъ видѣлъ его въ Симоновомъ монастырѣ, говорилъ ему «о сочиненіи новгородскимъ архіереемъ книгъ неправильныхъ и еретическихъ». Аврамовъ, повѣривъ тому, обещалъ поговорить съ троицкимъ архимандритомъ Варлаамомъ, съ которымъ былъ друженъ. Потомъ, дѣйствительно просилъ Варлаама объ освобожденіи Родышевскаго и передавалъ слова послѣдняго, что книги о блаженствахъ евангельскихъ, регламентъ духовный и о монашествѣ — «еретическія, и что у него есть пункты на новгородскаго архіерея». Варлаамъ велѣлъ Родышевокому написать отъ себя челобитную и «толкованіе» и, по полученіи ихъ, сказывалъ, что тѣ бумаги представлялъ императрицѣ, и что о Родышевскомъ будетъ указъ. «И съ того времени, по словамъ означеннаго архимандрита, прибавляетъ про себя Аврамовъ, возымѣлъ о Родышевскомъ стараніе и сталъ ко оному архимандриту Варлааму чаще ходить и о Родышевскомъ просить. А другимъ—де знатымъ особамъ и другимъ никому о вышепоказанномъ извѣстномъ дѣлѣ и о показанныхъ книгахъ онъ, Аврамовъ, никогда не сообщалъ. А въ бытность—де свою на свободѣ къ знатымъ особамъ ко многимъ хаживалъ, токмо—де разговоровъ и совѣтовъ о вышепоказанномъ онъ не имѣлъ, и о освобожденіи—де Родышевскаго, кромѣ того, что старался у Варлаама архимандрита, у другихъ ни у кого стараться не имѣлъ, и о томъ, что ходилъ и старался о Родышевскомъ, другому никому письменно и словесно не объявлялъ».

Родышевскій показалъ объ этомъ согласно съ Аврамовымъ, добавивъ, что послѣдній ему приносилъ отъ архимандрита Варлаама 5 рублей денегъ на расходы для написанія начерно и набѣло челобитной и возраженій противъ Θεофана, а также книги Духовный регламентъ и о блаженствахъ евангельскихъ, которыя слѣдовало опровергнуть. Аврамовъ совершенно отрекся отъ того, чтобы онъ говорилъ съ Порѣцкимъ, строителемъ Сергіемъ и справщикомъ Θεологомъ о Родышевскомъ. Что же касается до Веніамина Ершова, то ему Аврамовъ точно показывалъ сочиненіе Родышевскаго о монашествѣ, но «о дѣлѣ его съ новгородскимъ архіереемъ Θεофаномъ, какое именно разсужденіе имѣлъ, того не упомянуть; а совѣту противнаго никакого не было....»

Вообще изъ показаній Аврамова и Родышевскаго видно ясно, что они оба сильно желали снова поднять дѣло о сочиненіяхъ Теофана и его миѣніяхъ. Особенно это замѣтно въ отвѣтъ Аврамова касательно бесѣды его съ кіевопечерскими старцами, а именно:

«Съ кіево-печерскимъ архимандритомъ, по прозванію Копа, и старцами — имени ихъ не упомянуть — онъ, Аврамовъ, видался въ Москвѣ въ Измайловѣ во дворцѣ, въ покояхъ троїцкаго архимандрита Варлаама, и въ то-де время архимандритъ Варлаамъ, по словамъ архимандрита Малиновскаго, спрашивалъ архимандрита Копу: «что, есть ли въ Кіевѣ, въ книгохранительницѣ печатная книга Аѳанасія Великаго, которую-де переправлялъ рукою своею новгородскій архіерей Теофанъ? И оный Копа сказалъ, что такая книга есть....» Послѣ того, Аврамовъ прибавилъ, что другихъ, разговоровъ у него съ названными лицами не было. Тогда тайная канцелярія требовала свѣдѣній отъ архимандрита Копы, который доносилъ: «какъ-де былъ онъ, Копа, въ Измайловѣ во дворцѣ, въ покояхъ архимандрита Варлаама, и оный-де архимандритъ спросилъ его: «имѣется ли въ Печерскомъ монастырѣ книга Аѳанасія Великаго, въ которой нѣчто писалъ новгородскій?» И онъ-де, Копа, — памятенъ бывши, что въ кельѣ его покойный архимандритъ Печерскій Іоаникій Сениутовичъ такую книгу, т. е. Аѳанасія Великаго, на латинскомъ языкѣ печатную имѣючи, похваля, многожды сказывалъ, что та книга Братскаго монастыря и показывалъ подпись и припись на краяхъ книги; о которомъ письмѣ сказывалъ, что та рука новгородскаго (а чтѣ было тамъ приписано, не объявлялъ), — сказалъ означенному архимандриту Варлааму, что имѣется та книга, а чтѣ въ ней приписано — не знаетъ, что-де онъ, Копа, латинскаго языка не учился. Такожъ и о другихъ нѣкакихъ въ такой же силѣ латинскихъ книгахъ оный архимандритъ его, Копу, спрашивалъ, но и о тѣхъ какъ онъ, Копа, не вѣдаетъ и ихъ не видалъ, такъ и оному архимандриту отвѣтствовалъ, что такихъ книгъ не знаетъ. И означенная книга Аѳанасія Великаго при ономъ доношеніи прислана отъ Копы въ тайную канцелярію и внесена въ кабинетъ ея императорскаго величества....»

Наконецъ, Аврамовъ показалъ еще объ одномъ обстоятельстве, о которомъ его никто не спрашивалъ, и онъ его добавилъ по собственному побужденію: «въ Москвѣ-де во дворцѣ, въ залѣ большемъ усмотрѣлъ онъ, Аврамовъ, что сверху написана исторія еллинская (т. е. языческая), и въ тожь-де время прилучилось въ той залѣ быть троїцкому архимандриту Варлааму, и онъ-де, Аврамовъ, говорилъ тому архимандриту, что лучше бы-де во оной залѣ, вмѣсто еллинской исторіи, написать исторію Христову, или царя Давида, или-де Соломонову изъ библіи; а больше ни о чемъ о томъ онъ, Аврамовъ, ни съ кѣмъ не говаривалъ и никакія-де дѣла и дѣйствія, отъ иностранныхъ приня-

тыя въ Россіи, никакъ не нарекалъ и ни съ кѣмъ о томъ не разсуждалъ, и къ нареканію—де у него, Аврамова, не было....»

Спустя 6 лѣтъ, дѣло объ Аврамовѣ кончилось слѣдующимъ приговоромъ:

«1738 г. ноября 26 дня, по указу ея императорскаго величества, въ кабинетѣ ея императорскаго величества присутствующіе господа министры, да генераль Ушаковъ, по слушаніи внесенныхъ изъ тайной канцеляріи экстрактовъ о содержащихся въ тайной канцеляріи чернцѣ Маркеллѣ Родышевскомъ и Михаилѣ Аврамовѣ, разсуждая, что оный Аврамовъ напредъ сего въ немаловажныхъ преступленіяхъ явился и, видя высочайшую ея императорскаго величества милость, что за тѣ его немаловажныя преступленія, по именному ея императорскаго величества указу, состоявшемуся въ 1732 году января 6 дня, всемилостивѣйше отъ смерти освобожденъ, будучи въ содержаніи въ Иверскомъ монастырѣ, не имѣвъ себѣ воздержанія, паки дерзнулъ бывшему въ томъ монастырѣ отцу своему духовному о прежнемъ своемъ дѣлѣ, по которому онъ, Аврамовъ, виновенъ... продерзостно разглашать, и потомъ къ явному жъ разглашенію умышленно чрезъ бывшаго у него въ означенномъ монастырѣ на караулѣ каменщика (о которомъ уже рѣшеніе учинено), сыскавъ къ написанію случай, чего чинить было ему запрещено, писалъ къ разнымъ людямъ, прося о заступленіи въ свободѣ; а къ тому жъ въ тѣхъ своихъ письмахъ произносилъ объ ономъ прежнемъ дѣлѣ. Въ чемъ видя свою вину, паче же вышепомянутую высочайшую къ себѣ ея императорскаго величества милость, объ ономъ прежнемъ дѣлѣ разглашать и возобновлять ему не надлежало. Къ тому же по слѣдствію явилось, что и прежде начинанія о немъ дѣла, многія продерзости отъ него происходили, о которыхъ при слѣдованіи онаго прежняго дѣла въ отвѣтахъ отъ него и показывано не было; а именно: имѣвъ онъ съ помянутымъ Родышевскимъ крайнее сообщеніе, видя сочиненную онымъ Родышевскимъ и Троицкаго Сергіева монастыря іеродіакономъ Іоною, а потомъ бывшимъ разстригою Осипомъ извѣстную противную тетрадь, не объявляя о ней гдѣ по указамъ надлежитъ, разглашая бывшему келарю Веніамину Ершову, съ которымъ о дѣлѣ онаго Родышевскаго разсужденія имѣлъ. При слѣдствіи объ ономъ съ означеннымъ Веніаминомъ разсужденіи, отговаривался онъ, Аврамовъ, безпамятствомъ; но вышеупомянутый разстрига Осипъ о бывшихъ секретныхъ отъ него, Аврамова, съ онымъ Веніаминомъ разговорахъ показывалъ именно. Онъ же, Аврамовъ, продерзостно разсуждалъ: въ Москвѣ во дворцѣ, въ залѣ вверху не должно бы—де писать еллинской исторіи, а лучше бы—де написать другія исторіи. Въ которыхъ противныхъ своихъ разсужденіяхъ и преступленіяхъ самъ онъ виновенъ, какъ о томъ явно по дѣлу. Приказали: за оныя его вины, и дабы впредь продерзостей отъ него не происходило, послать

въ Охотскій острогъ на житье за надлежащимъ карауломъ, и при посылкѣ объявить указомъ ея императорскаго величества, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ и ни о чемъ, къ тому касающемся, отнюдь ни съ кѣмъ не токмо разговоръ и разсужденій не имѣлъ, но ни чрезъ что никому не сообщалъ, и ежели объ ономъ будетъ онъ съ кѣмъ разговоры и разсужденія имѣть, или продерзостно о чемъ разглашать, и за то безъ всякія пощады казненъ будетъ смертию. А которое недвижимое имѣніе ему пожаловано, то оное все нынѣ описать на ея императорское величество, а собственное его и женино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе. А чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ тайной канцеляріи въ контору, годныхъ написать въ солдаты, а которые явятся ко опредѣленію въ солдаты не годны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ. А вышеозначеннаго Родышевскаго въ написаніи имѣ въ самовольно, безъ указа сочиненныхъ имъ о монастырѣ тетрадахъ немаловажной продерзости и въ прочемъ распросить ео обстоятельствомъ, и предложить къ докладу. Подлинный за подписаніемъ присутствующихъ въ кабинетѣ ея императорскаго величества господъ министровъ: тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера графа Андрея Ивановича Остермана, оберъ-егермейстера Андрея Петровича Волинскаго, да генерала и кавалера и лейбъ-гвардіи севастопольскаго полку подполковника и ея императорскаго величества адъютанта Андрея Ивановича Ушакова. На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: «опробуеда» (13 декабря 1738 года).»

Вслѣдствіе этого приговора, Семенъ Салтыковъ писалъ, 12 января 1739 г., къ Ушакову:

«Государь мой, Андрей Ивановичъ! Понеже по именному ея императорскаго величества указу, изъясненному въ письмѣ вашего превосходительства... числа прошлаго 1738 г., велѣно у Михаила Аврамова, за вины его, пожалованное ему недвижимое имѣніе все отписать на ея императорское величество, а собственное его и женино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе; а чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ въ тайную контору, годныхъ написать въ солдаты, а которые явятся ко опредѣленію въ солдаты не годны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ; и оныхъ жену и дѣтей его о пожалованномъ оному Аврамову недвижимомъ имѣніи спросить и учинить о томъ надлежащую справку и потомъ объ ономъ обо всемъ исполненіи учинить по силѣ онаго именнаго ея императорскаго величества указу, а по исполненіи для вѣдома въ тайную канцелярію сообщить. И вышеозначеннаго Аврамова жена Анна Дмитріева, да сынъ ихъ Михайла въ тайной канцеляріи сказали: за мужемъ-де ея, Аннинимъ, а за его, Михайловымъ, отцемъ — Михайломъ Аврамовымъ жало-

ванное недвижимое имѣніе есть въ Серпейскомъ уѣздѣ село Щербинино съ тремя деревнями, которымъ званіе одной—Т..ова, другой—Сычова, третьей—Павловская; да въ Копорскомъ уѣздѣ мыза, а какъ ей званіе—не знаютъ; да въ Санктпитебургѣ на санктпитебургскомъ островѣ дворъ съ деревяннымъ строеніемъ; да близъ Санктпитебурха приморское мѣсто впустѣ. А кромѣ—де того пожалованнаго недвижимаго имѣнія за мужемъ ея, а за его, Михайловымъ, отцемъ ничего не имѣется. А онъ де, Михайла, въ прошломъ 1736 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, по силѣ именныхъ ее императорскаго величества указовъ, явился въ сенатской конторѣ, и по указу изъ той конторы опредѣленъ для науки въ латинскую школу, понеже ему отъ роду двѣнадцатый годъ; а кромѣ—де его, Михайлы, другихъ мужеска пола дѣтей у нея, Анны, со онымъ ея мужемъ никого не имѣется. И по справкѣ съ сенатскою конторою о томъ, что—де оный Аврамова сынъ въ той конторѣ явился, и по желанію его для науки въ греколатинскую школу (опредѣленъ), показано именно, и по силѣ означеннаго ея императорскаго величества указа о надлежащей справкѣ и объ отписаніи на ея императорское величество вышесказанныхъ сельца Щербинина съ деревнями въ вотчинную коллегію послана промеморія. А о которой мызѣ и дворѣ, имѣющемся въ Санктпитебургѣ, и о приморскомъ мѣстѣ, по силѣ же онаго ея императорскаго величества указа, надлежитъ исполненіе учинить въ тайной канцеляріи. И тако объ ономъ объявля, остаюсь вашего превосходительства, государя моего, всегдашній слуга Семень Салтыковъ.»

Казалось бы, что со ссылкой Аврамова въ Охотскій острогъ должны были кончиться и его проэскты, и его мытарства, однако при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны онъ снова является съ своими задушевными мыслями и снова попадаетъ... въ застѣнокъ тайной канцеляріи.

Неизвѣстно, въ которомъ именно году, Аврамовъ, быть можетъ возвращенный изъ заточенія по случаю воцаренія Елизаветы, подалъ пространнѣйшій проэсктъ, въ которомъ еще сильнѣе и рѣзче, нежели въ прежнихъ, выразился противъ преобразованій Петра по духовному вѣдомству, но опять, въ видахъ предосторожности, въ формѣ обличенія сочиненій Феодана Прокоповича. Проэсктъ этотъ сохранился въ полуистлѣвшей тетради, въ которой многія мѣста разобрать нѣтъ возможности. Впрочемъ, на уцѣлѣвшихъ страницахъ видѣнъ тотъ же Аврамовъ, сѣтовавшій на новые порядки при Петрѣ Великомъ, и рѣшившійся на протестъ противъ нихъ въ тяжелое для Россіи время, извѣстное въ народѣ подъ именемъ «биронщины»:

«Всему свѣту извѣстно есть, пишетъ Аврамовъ Елизаветѣ, како блаженныя и вѣчно—достойныя памяти благочестивѣйшій, всемло— стивѣйшій нашъ государь императоръ Петръ Великій, отецъ отечества, началъ и съ благочестивѣйшею великою нашею государынею

императрицею Екатериною Алексѣевною — купно обою любезные вашего императорскаго величества родители — въ общую всенародную пользу о всякихъ благихъ душеспасительныхъ дѣлѣхъ всепродѣльные имѣли свои монаршескіе труды и подвиги. Между которыми ихъ величествъ трудами во исправленіе воинскаго и гражданскаго чина благоизволяль Господь помощь свою ихъ величествамъ подать и многая дѣла благая въ общую всенародную пользу благополучно исправить, а духовнаго чина и духовныхъ дѣлѣхъ исправленіе праведными и непостижимыми своими судьбами до державы вашего императорскаго величества благоизволяль оставить»...

Далѣе Аврамовъ представляль, чтобы при каждой церкви и обители состояло по нѣскольку человекъ изъ бѣльцовъ и іеромонаховъ для утвержденія въ религиіи прихожанъ. Сверхъ того, онъ требоваль еще особыхъ начальниковъ, должность которыхъ «по благословенію и повелѣнію архіерейскому при учрежденныхъ отъ св. церкви священникахъ ходить въ каждомъ приходѣ въ дома всякаго званія къ жителямъ, къ честнымъ особамъ и ко всему посполству, понеже во всякую недѣлю имѣють быть одолжены священники для ученія быть въ каждомъ домѣ своего прихода и безъ всякаго опасенія и лицепріятія, со всякою данною отъ Бога себѣ властію, учить народъ страха божія и добраго жительствова»... Мало этого, Аврамовъ полагаль, что эти священники съ начальниками должны распрашивать, вмѣшиваться и даже наказывать знытиміями домашніи ссоры, раздоры жителей между собою — однимъ словомъ, въ прозектѣ чрезвычайно наивно, съ подкрѣпленіями душеспасительныхъ цитатъ, предлагалось одно изъ теократическихъ правленій, образчикъ котораго къ несчастію существовалъ до весьма недавняго времени въ зависящихъ отъ Рима областяхъ, а нынѣ, благодаря Гарибальди, только въ одномъ Римѣ.

«Ежели сами духовные, продолжаетъ Аврамовъ, или державствующія особы въ богопротивнымъ дѣлѣхъ явятся, и о такихъ тайно духовнымъ разсмотрѣніемъ изслѣдовавъ, явно учинить и съ ними по закону божію и по древнимъ правиламъ церковнымъ. Аще же на самихъ духовныхъ и на прочихъ святыя церкви учрежденныхъ служителей и погрѣшностяхъ ихъ отъ кого явная доказательства явятся, и о таковыхъ, окромѣ соборнаго духовнаго суда, нигдѣ не слѣдовать, а, по судѣ духовномъ чинить, съ ними по древнимъ же святыя церкви правиламъ.»

Извѣстно, что при Петрѣ Великомъ были изданы постановленія, противъ разныхъ бродягъ и тунеядцевъ, шатавшихся по всему государству, безъ всякаго дѣла, и жившихъ милостынею. Въ то же время сдѣлавы были распоряженія, затруднявшія поступленіе въ монашество, такъ какъ многіе принимали монашескій чинъ не по внушенію истиннаго благочестія, а изъ разныхъ мірскихъ цѣлей. Аврамовъ, разъ на-

всегда принять убъжденіе, что всѣ введенные Петромъ порядки не совмѣстны съ чистотою православія, остался вѣрнымъ этому убъжденію, былъ, какъ видно и изъ приведенныхъ выписокъ, чрезвычайно последователенъ во всѣхъ выводахъ по этому предмету и, наконецъ, дошелъ въ своихъ сужденіяхъ до крайностей.

По его мнѣнію, паспорта въ государствѣ также должны были раздаваться духовными властями. «Таковыхъ паспортныхъ листовъ, говоритъ онъ, многочисленно напечатать, разослать во всѣ епархіи ко архіереямъ и во все государство къ приходскимъ священникамъ. И егда въ которомъ церковномъ приходѣ, кто изъ дворовыхъ всякаго званія жителей объявитъ священнику желаніе свое къ постриженію, или ради Христа кто пожелаетъ странствовать и милостынею питаться, или кто куда ради работъ и рукодѣлья проситься будетъ—и таковыхъ въ постриженіе и на странствованіе желающихъ обучать и наставлять по разуму закона божія и заповѣдей господнихъ и церковныхъ на путь истинный три мѣсяца, и потомъ отпустить въ таковой Богомъ благословенный, спасающій, божественный путь со всякою, благодаря Бога, радостію безъ задержанія. А въ работы и для рукодѣлья, аще который господинъ на то не позволитъ, таковыхъ не отпускать, а уговаривать въ домѣхъ своихъ, или гдѣ господинъ ихъ опредѣлитъ, съ послушаніемъ, всепрілежными своими трудами искать своего спасенія, что есть угодно передъ Господомъ. А отпуски чинить по сему: взявъ онаго въ монашество просителя во святую церковь, и при немъ священнику въ готовый печатный паспортъ изъ переписныхъ книгъ усмотря по времени отпуска, вписать тогда настоящія его лѣта и описать его возрастъ и всѣ челоуѣчеству принадлежащія на немъ примѣты, и означить въ его отпускѣ, чтобъ къ отпуску его далѣе полугода не продолжалъ бы, гдѣ хочетъ, въ монашество постриженія. А кто и уедетъ пострижется, и таковымъ отнюдь не чинить взысканія, но быть имъ свободнымъ, а для странствія и прошенія милостыни давать печатные паспорта на три года.

«Отъ всея святыя церкви о щедротахъ милостыни имѣются узаконенія, ученія и повелѣнія, а нигдѣ о переборахъ и разборахъ, о бѣдныхъ нищихъ людяхъ, кто достоинъ милости, кто недостоинъ милостыни, кому давать милостыню, кому не давать милостыни—искони таковаго между православныхъ христіанъ закону и ученія нѣтъ и не бывало. А что приводятъ обученіе апостольское, и оное обученіе токмо принадлежитъ посполито на всѣхъ главнѣйшихъ, и среднихъ и меньшихъ челоуѣкъ, во отвожденіе всѣхъ отъ челоуѣческой всякой лѣнности, приводя во общее всѣхъ житіе трудолюбное, всякаго по своему званію. Ни мало же не принадлежитъ оное апостольское обученіе въ противность закону евангельскому о довольствѣ нищихъ—

меньшихъ братьевъ христовыхъ, наипаче же во оныхъ самого Христа, для сущаго наиблизайшаго всѣхъ насъ вѣчнаго спасенія...

« По сему же, и блаженнѣйшій монашеской спасенія путь весьма нынѣ сталъ быть затрудненъ и между всѣми огорченъ, отчего можетъ, по обычаю лютеранскому и кальвинскому, мало по малу и корень перевестися святаго душеспасительнаго монашества.»

Затѣмъ слѣдуетъ осужденіе нѣкоторыхъ мѣстъ Духовнаго регламента, но въ такихъ выраженіяхъ, что ихъ нѣтъ возможности привести здѣсь. Аврамовъ, въ простотѣ душевной, твердо былъ убѣжденъ, что неуравнишіеся ему новые порядки суть ни что иное, какъ наважденіе и хитрыя козни врага человѣческаго рода. Проектеръ потомъ обращается къ печатнымъ «атеистическимъ, богопротивнымъ книжищамъ», изъ которыхъ называетъ двѣ: одну Гюйгенса (см. выше, стр. 282—283), а другую — переводъ Кантемира: «Разговоры о множествѣ міровъ» Фонтенелля, изданный въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1740 году.

«Изъ Гюйгенсовой и Фонтенеллевой печатныхъ книжищъ, рассуждаетъ Аврамовъ, сатанинское коварство явно суть видимо. Въ нихъ же о сотвореніи міра еще напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихкихъ лживыхъ боговъ именами. Землю же — съ Коперникомъ — около солнца обращающуюся и звѣздъ многія толькоими же солнца быти и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ оныхъ глобусахъ таковымъ же землямъ, яко же и наша, быти научаютъ; и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, яко же и на нашей землѣ, быти утверждаютъ; и поля, и дуга, и пажити, и лѣса, и горы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыка, и дѣтородныя уды и рожденіе и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И тако на каждахъ глобусныхъ земляхъ собственныя вездѣ солнца и луны быти утверждаютъ, и множественное ихъ число изчисляють, и на нихъ земли съ жители, звѣри, и гады и пажити такожде, яко, и на нашей землѣ, все быти научаютъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ воспоминають: яко бы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителемъ и всей даетъ твари; и тако вкрадчися, хитрятъ вездѣ прославить и утвердить природу, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звѣздѣ книжищца авторъ написалъ еще: егда 25,000 лѣтъ пройдетъ, пакы полярная звѣзда на тое жь мѣсто приндетъ, идѣ же нынѣ стоитъ. И прочая басенныя, атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныхъ книжищахъ разсѣвають, и самихъ ихъ (то есть авторовъ) въ почтенныхъ достоинствахъ и во властехъ быти попускають. Прилично здѣсь заградить ихъ нечестивыя уста...»

Какъ бывшій чиновникъ бергъ-коллегія, Аврамовъ, вмѣстѣ съ

своими представленими объ управленіи государства духовною властью, предложилъ мѣры объ увеличеніи народнаго богатства при помощи измѣненія денежной системы. Эти измѣненія, по его мнѣнію, должны были состоять въ томъ, что всю ходячую монету въ государствѣ возвысить въ цѣнности посредствомъ наложенія особыхъ клеймъ, такъ что представлявшій въ казну 300 рублей въ монетѣ, получалъ, по наложеніи клеймъ, 330 рублей. Кроме того, Аврамовъ предлагалъ ввести, по примѣру другихъ государствъ, бумажныя деньги. Вообще эта часть его проэкта написана витіевато съ непрерывными мистическими отступленіями и воззваніями, а въ концѣ высказана опять мысль, занимавшая, повидному, Аврамова болѣе всего: «всеусердно тайно доношу, аще да благоизволите разсудить: видится весьма прилично и зѣло нужно надобно избрать единаго духовника; мужа въ православной вѣрѣ, надеждѣ и любви по всему разуму святыхъ соборныхъ каеолическія церкви живуща... учинить его во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ полномочнымъ патріархомъ, который, по данной ему отъ Христа власти и силѣ, одолженъ смѣло, право и истинно содержать и управлять святую Церковь и собирать къ себѣ повсегодно помѣстный соборъ.»

Приведенныя здѣсь выписки достаточно показываютъ, что Аврамовъ сначала отъ бесѣдъ по разнымъ подворьямъ со старцами, а потомъ отъ знакомства съ тайною канцеляріею и гоневій, сдѣлался фанатикомъ, впрочемъ безвреднымъ. Многія мѣста его послѣдняго проэкта обличаютъ уже въ немъ выжившаго изъ ума старичка. Однако, не такъ смотрѣли на него въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія, что свидѣтельствуешь слѣдующая и послѣдняя бумага, касавшаяся бывшаго директора типографіи:

«По всевысочайшему вашему императорскаго величества соизволенію, повелѣно статскаго совѣтника Михайла Аврамова взять, такожъ и имѣющіяся въ домѣ его книги, письма и тетради забрать въ тайную канцелярію и онаго Аврамова — въ томъ, что для чего онъ, Аврамовъ, въ поднесенной имъ вашему императорскому величеству, ноября 21 дня 174... г., книгѣ важныя и въ укоризну вашего императорскаго величества противности и о вселюбезнѣйшемъ вашего императорскаго величества родителя, государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ противныя разсужденія, что будто бы за подписаніе его императорскаго величества неправо сочиненнаго новгородскимъ архіереемъ Теофаномъ «Духовнаго регламента» во время св. литургіи при немъ, Аврамовъ, по сочиненіи онаго регламента и по учрежденіи синода пѣть былъ благодарный молебенъ, то-де его императорское величество, въ здравіи своемъ вдругъ измѣнился, почему-де онъ признаваетъ, что оная въ здравіи его императорскаго величества перемѣна воспослѣдовала по волѣ Всемогущаго Бога, за подписаніе его императорскимъ величествомъ онаго регламента, такожъ и ни мало до него, Аврамо-

ва, касающіяся представленія, о которыхъ вашему императорскому величеству не безызвѣстно и въ тайной канцеляріи явствуешь, именно писалъ, и не имѣетъ ли онъ, Аврамовъ, къ сочиненію той книги какого злаго намѣренія, и къ сочиненію той книги не было ль у него съ кѣмъ каковаго согласія и противнаго разсужденія, и о написаніи той книги не показывалъ ли онъ, Аврамовъ, другимъ кому — распросить обстоятельно».

«И по оному вашего императорскаго величества высочайшему соизволенію оный Аврамовъ въ тайную канцелярію взятъ и сперва въ распросѣ, а потомъ, и по приводѣ въ застѣвокъ, въ пространномъ распросѣ жь показалъ: объявленную-де книгу вашему императорскому величеству онъ, Аврамовъ, подалъ и въ той книгѣ многія важныя во укоризну вашему императорскому величеству противности, такожъ и другія ни мало до него, Аврамова, слѣдующія представленія писалъ онъ, Аврамовъ, съ сущей простоты своей, желая вашему императорскому величеству спасенія, чтобъ повелѣніемъ и попеченіемъ вашего императорскаго величества житіе христіанское было во всемъ благочестное по преданію св. церкви, и такожъ, чтобъ люди препровождали житіе свое по закону христіанскому и по ученію и преданію св. апостоль и отецъ; а злого-де вашему императорскому величеству противнаго никакого умыслу и намѣренія въ сочиненіи оной книги онъ, Аврамовъ, не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ, но оное-де болѣе учинилъ онъ, Аврамовъ, отъ объявленной своей простоты, такожъ и означенныя о его императорскомъ велиествѣ государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ предписанныя рѣчи написалъ же онъ съ сущей же простоты своей. — А оную-де поднесенную вашему императорскому величеству книгу, какъ начерно сочинялъ, такъ и переписывалъ самъ онъ, Аврамовъ, и въ сочиненіи де оной не имѣлъ и ко вписанію-де въ ту книгу ни о чемъ никто ему, Аврамову, совѣту и разсужденія не придавалъ, и оной-де книги, какъ черной, такъ и бѣлой, никому онъ, Аврамовъ, никогда ни для чего не показывалъ и другихъ-де таковыхъ же сочинителей никого ни чрезъ что онъ, Аврамовъ, не знаетъ; но только-де какъ оную книгу начерно и набѣло онъ, Аврамовъ, переписалъ я тогда-де при исповѣди отцу своему духовному, церкви гребенскія пресвятыя Богородицы священнику Степану Анавьяну говорилъ, что-де намѣренъ онъ, Аврамовъ, нѣкоторую вашему императорскому величеству сочиненную имъ книгу подать. Который-де попъ на то сказалъ, ежели-де что не противно Церкви святѣй, то Богъ тебѣ въ помощь, подавай. Токмо что въ оной книгѣ было написано, оному попу онъ, Аврамовъ, не сказывалъ и оный попъ ни почему о томъ не звалъ».....

«По всенижайшему тайной канцеляріи мнѣнію разсуждается: оный Аврамовъ за сочиненіе имъ вышелоказанныхъ противныхъ книгъ, а паче, что онъ всѣми своими сочиненно-противными и до него, Аврамова, ни мало принадлежащими книгами подачею дерзновенно утруж-

далъ ваше императорское величество, — подлежалъ онъ жестокому наказанью, но понеже какъ изъ распросу Аврамова, такъ и по при-водѣ въ застѣнокъ и съ пристрастного распроса оказалось, что онъ тѣ противныя книги сочинялъ и вашему императорскому величеству подачею утруждалъ съ сущей простоты своей; къ тому жь, по усмо-трѣнью тайной канцелярїи, явился онъ, Аврамовъ, весьма въ преста-рѣлыхъ лѣтахъ, чего ради, а паче для многолѣтнаго вашего импера-торскаго величества и высочайшей вашего императорскаго величест-ва фамиліи здравія — не соизволить ли ваше императорское величе-ство отъ того наказанія учинить его, Аврамова, свобода; а дабы впредь отъ него таковыхъ весьма противныхъ сочиненій происходить не могло, не чиня ему наказанья, послать въ пристойный монастырь, гдѣ велѣтъ содержать его подѣ крѣпкимъ присмотромъ, до кончины живота его, никуда неисходна; а ежели же онъ, Аврамовъ, пожелаетъ въ томъ монастырѣ принять монашескій чинъ, и въ томъ ему, Аврамо-ву, позволить: такожь, перьевъ и чернилъ ему, Аврамову, не давать. Все же оное предается въ высочайшее милосердное соизволеніе ваше-го императорскаго величества. Графъ Александръ Шуваловъ.

Это была послѣдняя извѣстная объ Аврамовѣ бумага, и дальнѣй-шая судьба его неизвѣстна. Вѣроятно онъ умеръ вскорѣ послѣ при-страстныхъ распросовъ въ застѣнкѣ, тѣмъ болѣе, что даже тайная канцелярїя, въ лицѣ страшнаго командира ея, Шувалова, усматри-вала его въ престарѣлыхъ лѣтахъ. Проекты и приключенія это-го лица имѣютъ значеніе для русской исторїи XVIII столѣтія въ томъ отношеніи, что знакомятъ историка съ мнѣніями и дѣй-ствіями той многочисленной партїи, которая со временъ Петра и довольно долго потомъ находилась въ оппозиціи противъ извѣст-ныхъ преобразованій, приведенныхъ въ исполненіе и поддерживаемыхъ съ тѣхъ поръ исключительно въ Петербургѣ. Аврамовъ былъ человекъ, на которомъ отразилась старинная Русь. Къ чести его должно сказать, что, стоя за обскурантизмъ и стараясь подкопаться подѣ Прокоповича, который тогда былъ представителемъ просвѣщенія, Аврамовъ руководился не личными расчетами, не сословными интересами, что, какъ извѣстно, было главнѣйшимъ двигателемъ въ нападкахъ его прїятелей и сторонниковъ на подворьяхъ, но глубокимъ убѣжденіемъ, вкоренившимся въ немъ отъ воспитанія и постороп-ныхъ, весьма повятныхъ вліяній. Этихъ убѣжденій не могли въ немъ поколебать ни ссылка, ни застѣнокъ. Въ наше время, богатое, къ со-жалѣнью, громкими фразами, противорѣчіями слова съ дѣломъ, без-прерывнымъ колебаніемъ мнѣній, постыдными переходами отъ одно-го убѣжденія къ другому изъ выгодъ или просто по слабоумію, въ наше время дѣйствія Аврамова, хотя и заблуждавагося, могутъ ка-заться героическими.

ПРИЛОЖЕНІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма бургомистра Витзена къ Петру Великому (Кабинетныя дѣла II, кн. № 1, л. л. 64, 54, 55, 56 и кн. № 26 л. 20).

а.

Пресвѣтлѣйшій велеможнѣйшій монарха! Егда указомъ вашего царскаго величества дана мнѣ та честь, еже мнѣ сподобится пріяти двѣ ваши государевы грамоты, едина къ королю англійскому, вторая къ высококомочнымъ господамъ, тогда вскорѣ, не отлагая, оныя гдѣ надлежить я подалъ и не престалъ есмь, дондеже получилъ пристойное намѣреніе господъ стать, объ которомъ присутствующая при семъ грамота имать глаголати, я же не сомнѣваюся (чтобы она) до вашего царскаго величества рукъ дошла. Азъ же за величайшую честь пріемлю, яко пріяхъ случай, въ которомъ сподобился ревность еже въ дѣлахъ належащихъ къ службѣ вашего царскаго величества услугу мало показать.

При семъ вашему царскому величеству омиренно молю, чтобъ и впредь благоизволили въ милостивомъ своемъ государскомъ призрѣніи голландскій народъ прибытки ихъ имѣти и паче сихъ иные предпочтаны не были.

Въ наивысшее счастье почитаю, егда въ вашей царскаго величества милости пребывать буду и впредь, елико ми возможно, услуги своя во знакъ моего покорнаго благодаренія за толикія благодати, ихъ же отъ вашего величества пріялъ есмь, явити.

По сихъ желаю, да Всемогущій Господь Богъ святой вашей государской особѣ счастье и всякое благословеніе и благополучіе на лѣта премногія со одолѣніемъ на супостаты, яко же Александру, и премудрость Саломону да подаетъ.

И тѣмъ съ покорнымъ моея должныя службы объявленіемъ пре-

I.

При семъ пребываю пресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго монарха, вашего царскаго величества всепокорный слуга Н. Витсенъ. Изъ Амстердама, іюля въ 4 день 1699 г.

21 марта 1700 г., Виніусъ писалъ къ Петру: «съ сею, государь почтою, Витценъ, при нижайшемъ своемъ поклоненіи тебѣ, государю, доносить, что голландскій посолъ писалъ къ статамъ, что турки посредствомъ англійскаго посла и голландскаго пріятно воспріяли, и турки дали о томъ на письмѣ, и въ дѣло тѣ послы вступили и общались все дѣлать, что къ пользѣ вашей государокой принадлежитъ и сколько имъ учинить возможно»...

в.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ! При пріѣздѣ г. Кинсіуса, пакы азъ воспріялъ знаки вашего царскаго величества милости ко мнѣ, которая чрезъ вашу собственною рукою писанную грамоту, еже мнѣ навящящая усерязъ (т. е. драгоцѣнность) есть, паче всѣхъ прочихъ, которые могутъ мнѣ отъ кого даны быть; которую азъ во всю жизнь свою сохранять буду, яко зеницу ока моего, и руку оную любить, яко собственное свое сердце.

При томъ же дошло еще толь драгоцѣнное честное портитце, которое вашего царскаго величества щедрая рука мнѣ безъ заслуги жалуете, или на меня возлагаете, за чтѣ вамъ всепокорнѣйше благодарствую, моля Всемогущаго Бога, дабы освященную особу вашего царскаго величества сохранилъ въ додготу днѣй, увѣчалъ благословеніемъ и споспѣшествомъ, и сочинилъ васъ устрашающимъ всѣхъ вашихъ непріятелей. Сего молить и желаетъ, пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ, вашего царскаго величества покорный и должный слуга Н. Витценъ. Изъ Амстердама, апрѣля въ 7 день 1700 года.

г.

Къ царскому величеству бургомистръ Николай Витценъ пишетъ изъ Амстердама, отъ 3 апрѣля 1716 года: что ваше царское величество, по моему всепокорнѣйшему прошенію, всемилостивѣйшую заступительную грамоту изъ Санктпѣтербурха, отъ 17 декабря 1714 году, къ его высококнязей свѣтлости герцогу курляндскому, за моего племянника Іоанна Витцена, во время жизни его бывшаго бальеа амстелантскаго и шепена здѣшняго города Амстердама, — въ его на помянутаго герцога, его свѣтлость, имѣющей праведной претензіи 26, 702 гульденовъ капитала, — всемилостивѣйше пожаловать изволили, за то повторяю симъ мое прежь сего учиненное всепокорнѣйшее благодареніе. Но всеуниженно при томъ донести имѣю, что я

І.

помянутую всемилостивѣйшую грамоту не токмо съ должнымъ почтеніемъ подать, но и къ полученію скорого тому дѣйства чрезъ голландскаго въ Гданскѣ резидующаго комиссара Блейзвика, по именному ихъ высококомочія указу, о томъ крѣпко домогаться велѣть, но по се число никакою мялостивою резолюціею, ни платежемъ удостоенъ быть не могъ. И понеже между тѣмъ помянутый мой племянникъ въ своихъ еще младыхъ лѣтѣхъ умре и одну зѣло печальную вдову, нынѣ правительствующаго г. бургомистра Гофта дочерь, съ тремя малыми дѣтками по себѣ оставилъ, того ради я, по ихъ жалостному прошенію, изъ натуральной христіанской обязанности оставить не могъ ваше царское величество паки всепокорнѣйше просить: по природной любви къ справедливости, такожь и высокопохвальному ко всѣмъ вдовамъ и сиротамъ имѣющему(ся) всемилостивѣйшему сожалѣнію,—къ помянутому герцогу курляндскому отписать благоволить и къ тому привести, дабы оная печальная госпожа вдова въ своей справедливой претензіи одинажды удовольствована и вѣтъ жалобъ содержана была. Такую высокую цесарскую милость и благодѣтель помянутый г. бургомистръ Гофтъ и я во всѣхъ приключившихся случаяхъ, по возможности и силѣ, отслужить стараться будемъ. Н. Витценъ.

II.

Письмо доктора Рюйша къ Петру Великому (Кабинетныя дѣла II № 1, л: 839—840).

Профессоръ Фридерикусъ Рюйшъ желаетъ царскому величеству всякаго здравія и многолѣтія. Понеже вы, великій государь, ваше царское величество изволили породному господину бургомистру Витцену послать склянницу съ ящерицами и червяками съ онымъ уговоромъ, дабы онъ со мною подѣлилъ по полямъ, еже помянутый господинъ мнѣ и вручилъ, и приказалъ, дабы я вашему царскому величеству, въ воздаяніе, удивительныхъ вещей восточныхъ и западныхъ Индѣй послалъ бы. И сія азъ тотчасъ хотѣлъ исполнить и послалъ я къ вашему царскому величеству: 1) вельми удивительную ящерицу съ острыми чечюями; 2) малый лигванъ, имѣя зеленое брюхо изъ западныхъ Индѣй; 3) рыбка изъ острова Каракуасъ, имѣя черное пятно на хвостѣ; 4) двоглавную змію оттуды жъ; 5) восточной Индѣй сверчокъ; 6) выпоротокъ рыба Гай, Каракауса жъ острова; 7) золотой жучекъ изъ шпанскихъ западныхъ Индѣй; 8) вельми удивительная птица изъ восточныхъ Индѣй; 9) пречюдная ящерица изъ восточныхъ Индѣй; 10) еще ящерица; 11) двѣ змѣи изъ восточныхъ Индѣй.

Нынѣ же есть мое униженное прошеніе, дабы вы, всемилостивѣйшій государь, изволили обѣщаніе свое напаятовать по своей запискѣ въ памятной кнѣжицѣ и прислать мнѣ двѣ человѣческія кожи выдѣлан-

ныя—ихъ гораздо бо желаю. А я потщуся вашему царскому величеству по вашему желанію и еще такія же удивительныя вещей собрать. Что надлежитъ червяки(овъ) съ желтыми пятнами, и тѣ намъ весьма пріятны были, понеже до того никогда такіе къ намъ не приходили. Еще лучше въпредъ такіихъ собрать въ ящичъ, и надлежитъ ихъ кормить свѣжими листьями, на которыхъ они живутъ. И тако мочно видѣть, какъ они перемѣняются, по немногіе дни превращаются въ бабочки. Сію бабочку, еще булавкою проткнешь и укрѣпишь, дабы она висѣла, потомъ ящичъ засмолить; дабы нѣтъ никакая гадина не испортила. Еще вы, великій государь, укажите намъ такіихъ прислать, весьма намъ пріятно будетъ. Танимъ же подобіемъ мочно и иныхъ большіихъ червяковъ убраться. Мы несумяемоя, на Москвѣ многія такія удивительныя бабочки и нынѣ всякія гадины изобильно обрѣтаются, которыя бѣ намъ весьма пріятны были.

Желалъ бы азъ, дабы къ намъ прислали всякихъ жучковъ, прузей, великія мухи, оводы, дивныя лягушки, змиа, крысы, бѣлки летучія и нынѣ звѣрки въ хлѣбномъ винѣ; также всякія маленькія рыбки, длиною съ персть до пяди.

Около Азова обрѣтаются разные звѣрки и рыбочки маленькія; еще укажите къ намъ такіихъ въ хлѣбномъ же винѣ прислать, и насъ вы, великій государь, весьма одолжите и обяжете вашему царскому величеству противъ того послати, елико намъ возможно есть. Самъ кончаю и остаюся вашего величества покорнѣйшій рабъ Фридерихусъ Руйшль. Писано изъ Амстердама, іюля въ 16 день 1701 году.

III.

Прошенія Ильи Коніевскаго и Яна Юнга (Кабинетныя дѣла, II. кн. № 1, л. 378, 380, 381, 377, 892, кн. № 8, л. 924 — 925).

а.

Божією милостію пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

Бѣтъ челомъ твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству холопъ твой Ильишка Ѳедоровъ Коніевскій, духовнаго чина, вѣры реформатскія собору Амстеродамскаго. По указу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, написалъ я воинскихъ дѣлъ промыслы нѣкоторія и статьи къ нимъ, но не можно было совершеннаго толкованія въ статьякъ скорымъ дѣломъ написать, потому—что французъ, который ямался дѣлать приправы воинскія, отѣхалъ былъ въ Брюксель.

Обаче же подражая древнихъ монарховъ и храбрыхъ воиновъ ро-

II—III.

мысли, все совокупилъ во едино и, запечатававъ, вручилъ я великому боярину Федору Алексѣевичу. А мнѣ подъячій Михайла Ларвионовъ отпечатованныя — на укоризну приведши мя въ поварню — предъ всѣми отдалъ мнѣ, аки бездѣлицу какую, поругаяся ми, сказалъ: у насъ — де промышленныхъ людей на Москвѣ стегаютъ! Мошно дѣло, аще тѣхъ, которіи хотятъ точно жалованье взять твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества денежное. Не таково же было и есть мое намѣреніе, а умноженія и расширенія ради великія славы твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества потрудился, и до нынѣ еще труждаюся. Не имѣлъ вины подъячій поругаться мнѣ.

Извѣстно есть твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству, koliko я книзей и дворянъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества училъ болѣе году, а за тое не желалъ отъ нихъ денегъ, аще же трудился, ихъ ради, днемъ и ночью. Все же побѣхали и спасибо не сказавши за ученіе; но сопротивно мои жъ еще глобусы четыре, не заплативши, завезле: два — князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ тые глобусы, которые были на индѣйскомъ дворѣ. Два глобусы завезлъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ за тое, что я его долгое время училъ и трудился его ради. Вся же сія претерпѣхъ великія ради славы твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества и не бысть ничто же мнѣ препятіемъ въ трудѣхъ моихъ. Болѣе 20 книгъ написалъ я на славу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества и на всемірную пользу великороссійскаго государства, яко же и росписка, здѣ положенная, свидѣтельствуеть.

Того ради, великій государь, и въ Берлинъ я не ѣхалъ къ курфирстовскому величеству, а здѣсь я остался труждатися не Тессинга ради — онъ не можетъ мнѣ заплатить противу великихъ трудовъ моихъ, въ нихъ же со усердіемъ труждаюся, — наипаче же въ написаніи книги по указу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, ея же оглавленіе здѣ у подножія ногъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества покладаю, чтобы извѣстно было, аще будетъ полезна или не, имамъ ли совершати или не? На повторный указъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества ждати готовъ, а безъ указу не смѣю, горести исполненъ. И промысловъ воинскихъ ради и Аристотель сицевыя книги, по указу Александра Великаго, писалъ.

Милосердый, пресвѣтлѣйшій и великій государь! пожалуй меня, холопа своего, повели, великій государь, глобусы мои поплатить и о написаніи книги меня увѣстить. О томъ бую челомъ твоему пресвѣтлѣйшему величеству и надъ кланяюся. Эмилуйся, пресвѣтлѣйшій и великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ! твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества вѣрный подданный, нижайшій и покорнѣйшій холопъ Ильюшка Федоровъ Копіевскій, духовнаго чину вѣры рефор-

матскія амстеродамскаго собору. Въ лѣто 1699, въ 18 день мѣсяца декемврія.

При этомъ прошеніи Кошіевскій приложилъ два, печатанные въ типографіи Тессинга листка реестровъ (на латинскомъ и русскомъ языкахъ) книгъ, которыя онъ или издалъ, или приготовилъ къ печати. Помѣщаемъ здѣсь эти реестры, вмѣстѣ съ другими двумя, напечатанными имъ же при латинской грамматикѣ 1700 года и славяно-россійской грамматикѣ 1706 года.

1699 г.	1700 г.	1706 г.
<p>Ordo exhibens infra nominatos sigillatim libros in spatto 17 mentium ab anno scilicet 1698 scriptos in hunc usq. diem 31 octobris 1699 finitos cum adjutario Christi autore Elia Kopijewicio, alias de Hasta Hastenio, quos cum gratia et privilegio serenissimæ Carææ Majestatis, Amstelodami scripsit, ibidemque loci et typis mandavit. Рядовой чинъ, имъ же книги именуются въ 17 мѣсяцахъ списаны, свѣдѣнъ начевши лѣта отъ Р. X. 1698 даже до вышшняго дня совершаемы авторомъ Elia Фодоровымъ Кошіевскимъ, си есть отъ копіи Кошіевскимъ, яке по указу пресвѣтѣйшаго и великаго государя въ Амстеродамъ писалъ и въ друкъ, или печать, издалъ:</p> <p>1) Praecognita historiarum, seu introductio in omnem historiam, cum brevi descriptione totius terrarum orbis. Введеніе во всякую исторію съ написаніемъ краткимъ всея вселенныя.</p>	<p>Рядовой чинъ, имъ же книги именуются, писаны и изданы авторомъ Elia Фодоровымъ Кошіевскимъ, яке, по указу великаго государя, въ Амстеродамъ писалъ и въ печать издалъ:</p> <p>1) Введеніе во всякую исторію.</p>	<p>Index exhibens libros in lingua russica, seu moscovitica scriptos auctore Elia Copijewitz, alias de Hasta Hastenio. Libri typis mandati et in imperium Moscoviæ missi:</p> <p>1. Primus liber Praecognita historiarum, siue introductio in omnem historiam cum breve descriptione totius universi, russice. In quarto.</p>

2) *Introductio in arithmetica russice, cum sententiis.* Руководение во арифметику.

3) *Planisphaerium seu globus cum explicationibus.* Толкованіе поварстанія круговъ небесныхъ.

4) *De re militari, russice.* О дѣлѣ воинственномъ.

Hi quatuor typis impressi sunt. Inferius describuntur qui sunt sub incude. Тѣ четыре отдрукованы суть; ниже пишутся, которыя въ друкъ идутъ:

5) *Nomenclator trium linguarum latine, russice et germanice.* Номенкляторъ на латинскомъ, русскомъ и въмецкомъ языкѣ.

6) *De re navali seu de arte navigandi cum figuris, russice.* Шыперская морскаго плаванія въ лицахъ.

7) *Grammatica, latine et russice.* Грамматика лат. и русская.

8) *Vocabula rhythmica seu versificata russice et latine.* Вокабулы стихами русскіе и латинскіе.

9) *Quintus Curtius Rufus de rebus Alexandri Magni, russice.* Квинтусъ Курцій о великомъ Александрѣ.

10) *Chronologia s. et politica a condito orbe, russice.* Лѣтописіе отъ созданія міра.

11) *Synopsis exhibens originem slavonico-Rosseanæ celeberrimæ gen-*

2) *Руководеніе въ арифметику, сиречь во всякой счетъ.*

3) *Поверстаніе круговъ небесныхъ съ толкованіемъ.*

4) *О дѣлѣ воинственномъ.*

5) *Номенкляторъ на русскомъ, латинскомъ и въмецкомъ языкѣ.*

6) *Вокабулы стихами латинскіе и русскіе.*

7) *Притчи Есоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ.*

8) *Грамматика латинская и русская.*

Отъ тѣхъ Иванъ Андреевъ Теонингъ шесть напечаталъ, онъ двѣ.

Послѣдуютъ въ печать уготованныя:

9) *Шыперская книга морскаго плаванія.*

10) *Квинтусъ Курцій о великомъ Александрѣ Македонскомъ.*

11) *Лѣтописіе отъ созданія міра, на всяко лѣто что дѣялося.*

2. *Introductio in arithmetica, russice.*

3. *Planisphaerium cum explicationibus, russice.* In 12.

4. *De re militari, seu institutio rei militaris, russice, in 8.*

5. *Nomenclator in lingua latina, germanica et russica.* In 8.

6. *Vocabula rhythmica, per integram nomenclaturam collecta.* In 8.

7. *Fabulae Aesopi, latinae et russice scriptae.* In 8.

8. *Grammatica latina cum versione russica.* In 8.

9. *De re navali seu arte navigandi, russice.* In 4°.

10. *Carmina triumphalia sacrae tzarae majestatis, Asoviensis victoriae, russice.* In 4°.

11. *Compendium Rhetoricae simul et oratoriae brevissimum.* In 8°.

tis, tum urbis Kioviæ ac principum ejus, aut vitam et gesta potentissimi ducis Wladimiri et successores ejusdem imperii, usq. ad magnum Imperatorem Alexium Michailovecium, utriusq. Russiæ absolutum dominum. Ex sclavonica veritate latine reddita. Синописъ кievская оначалъ славенороссійскаго народа, на латинскомъ языкъ.

12) Ectipum theatri politici, carminibus polonicis redditum. Образъ позору политычнаго польскій.

13) Paradigmata declinationum et conjugationum 3 linguarum. Парадьмата склоненія и спряженія языковъ трехъ.

14) Fabuli Aesopi cum figuris. Притчи Есоповы въ лицахъ.

15) Compendium oratoriae brevissimum pro incipientibus. Орацыйтворная книжка латинская.

16) Compendium Rhetoricæ compendiosissimum in usum juventutis. Риторика латинская.

17) Biblia s. scripta sunt latine, russice, polonice. Библия русская и латинская.

Hi 4 nondum completi. Тин еще не совершены:

18) Lexicon latine et russice. Лексиконъ латинскій и русскій.

12) Синописъ кievская на латинскій языкъ преведена.

13) Образъ позору политычнаго, польскій.

14) Парадьмата склоненія и спряженія на пѣмецкій, русскій и латинскій языкъ.

15) Ораторыя латинская.

16) Риторика латинская.

17) Разговоръ въ 40 главахъ на латин., рус. и нем. языкъ.

Сія же совершаются:

18) Лексиконъ на рус. и лат. языкъ.

12. Politicus doctus, doctoque Pius carminibus polonicis redditus. In 8.

Sequuntur libri jam præparati ad imprimendum:

1. Chronologia sacro-politica, a condito orbe usque ad devastationem, Jerusalem, cum calendario biblico, russice et polonice. In folio.

2. Quintus Curtius Rufus de rebus Alexandri magni, russica. In quarto.

3. Paradigmata declinationum et conjugationum latine, germanice et russice.

4. Grammatica germanica cum versione russica. In 8.

5. Vestibulum Comenii latine, germanice et russice. In 8.

6. Colloquia familiaria 40 captibus distincta latine, germanice et russice. In 8.

7. Lexicon russice et latine.

8. Biblia sacra in lingua sclavonica ad ordinem seu versus redacta. In folio.

9. Grammatica sclavonica sufficientissima. In quarto.

10. Grammatica russica cum versione latina.

11. Calendarium rossianum russice. In 4°.

Hi libri nondum completi:

1. Concordantiæ bibliorum in lingua sclavonica perficiuntur.

2. De quatuor monarchiis ex variis histori-

19) De 4 monarchiis breve compendium, russice. О четырехъ монархіяхъ краткое собраніе.

20) Colloquia familiaria, latine et russice. Разговоръ русскій и латинскій.

21) Concordantiæ bibliorum russice. Конкорданція на русскомъ языкѣ.

Imprimuntur typis Amstelodami Сія скоро дасть ли Богъ совершатся четыре послѣднія.

19) Описаніе четырехъ монархій.

20) Конкорданція на рус. языкъ на всю біблію московскую.

21) Гораций Флаккъ о добродѣтели стихами поетъцкими, русскій.

eorum monumentis colligitur opusculum.

При вышеприведенномъ прошеніи 1699 года приложена была записка о книгѣ, которую сочинялъ Копіевскій по приказанію Царя.

«Книга политычная и написаніе ея въ составленіи. Часть I: 1) поверстаніе всякихъ чиновъ; 2) письмена и польза ихъ; 3) строеніе твердаго, основанія и крѣпости государствъ; 4) смиреніе вѣчное бунтовъ и мятежа; 5) искорененіе разбоевъ и воровства; 6) экономія государственныхъ во всехъ городахъ какову пользу приносятъ и каковымъ образомъ строить подобаетъ. Оглавленіе вторыя части тояжь книги: 1) домовые заключаетъ промыслы; 2) полевые, яко Рязань, Сѣверь, Бѣлая Русь требуютъ; 3) лѣсные, яко великій лѣсъ Осетръ рѣка, вяземскій лѣсъ и пр.; 4) водяные, яко новгородская половина, Волга рѣка, Донъ; 5) луговые, яко Великія Луки и пр.; 6) градскіе; 7) торговые; 8) компаніи; 9) сплавы; 10) откровеніе сокровищъ въ деревенскихъ промыслахъ.

«Здѣ явѣ показуется, яко приходъ пресвѣтлѣйшаго и великаго государя на всякъ годъ не единого десятка бочекъ золота лишается. Вся сія въ статьяхъ явственню счетомъ списуются мала и велика по чину».

6.

Божією милостію пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

Бьетъ челомъ твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству холопъ твой Илюшка Ѳедоровъ Копіевскій, духовнаго чина вѣры реформатскія собору амстеродамскаго. Жалоба мнѣ, пресвѣтлѣйшій и великій государь, на прикащикова Василья Остафьева и Алексѣя Оста-

III.

Филатьевыхъ: въ прошломъ году, пресвѣтлѣйшій и великій государь, 1699 отъ Р. Х. въ 15 день марта, биль челомъ я твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству и далъ имъ въ руки челобитную, а они обѣщались послать къ Алексѣю Остафьевичу, хозяину своему — онъ мѣлъ поднести твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству; потомъ и потаили они жъ у себя. Сіе же содѣлалъ Ивашко Федоровъ, сопротивный твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству.

Второе дали были мнѣ парня татачука (татарченка?) на ученіе на цѣлый годъ и уговорились платить 240 гульденовъ за харчъ, кромѣ ученія. Егда я не хотѣлъ его брать, обѣщались и сына хозяйскаго привести на ученіе ко мнѣ и денегъ болѣе дать. И тако на ихъ слово, я и домъ нанялъ опричонный (оргіспу — слово польское: отдѣльный, особенный) на годъ, далъ 95 гульденовъ. Поучивши же три мѣсяцы парня, послалъ его къ нимъ денегъ просити, понеже забиралось ѣхать къ Москвѣ. А они меня прельстили, парня задержали у себя и денегъ не дали. Потомъ, парня прибрали въ драгоцѣнное платіе, княземъ верстаяся, и дали иному человѣку на ученіе.

Третіе: просили меня, чтобъ я написалъ какую книгу полезную и далъ напечатати сколько тысящей, а они обѣщались полатить. И я, написавъ зѣло полезную книгу цыфирную съ притчами, далъ напечатать книгъ 3350. А они меня и въ томъ прельстили и книгъ не хотѣли взять, а мнѣ убытокъ великій содѣлали. Егда же нарочитіи люди здѣшніе начаша обличати ихъ и повосети имъ, хуля хитростную и лестную ихъ кову, тогда видя, Михайло Ивановъ, старшій прикащикъ, хотѣлъ взять книги и полатить, но Ивашка Федоровъ никакими мѣрами не хотяше, сказывая, что онъ къ Архангельскому городу не поѣдетъ, а въ иную землю посланъ, а къ городу и забирался и поѣхалъ. И тако, по совѣту Ивана Андреева Тессинга и Ивана Левлева Молодого, послалъ я книги тѣ къ Москвѣ къ Логвину Логвинову.

Милосердый, пресвѣтлѣйшій и великій государь! умилосердию надо мною, пожалѣй меня, холопа своего: повели, великій государь, имъ книги мои полатить и убытки мои на нихъ доправити — по два алтына точію книга всякая, то содѣлаеть тысящо гульденовъ съ лишкомъ, 95 гульденовъ за домъ. Змилуйся и проч.

В.

Пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всяя великія, и малыя и бѣлыя Россія самодержцу.

По указу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, посылаю раковины морскія и прочія иноземскія индѣйскія вещи, яко крокодія малого и разныя насѣкомыя. И на сіе все росписку покладаю въ пи-

III.

савію, такожде и грамматыку латинскую съ толкованіемъ на славено-россійскій языкъ, которую я купилъ здѣ у того человека, который самъ юздаде. Понеже прежде Тессинга ему былъ данъ указъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества печатать книги, яко шыперскую книгу морокаго плаванія на русскомъ языкѣ и прочія. И много книгъ онъ написалъ, точію не смѣетъ печатать, зане Тессингу указная твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества дана грамота. А сію грамматыку латинскую въ печать издаде, пошеже въ твоей великаго государя указной грамотѣ Тессингу латинскихъ книгъ не дано. Сего ради я, падѣ, кланяюсь у поднозія ногъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества и со всякою покорностію прошу: умилосердяся, пресвѣтлѣйшій и великій государь, пожалуй меня сироту своего, повели мнѣ печатать латинскія съ русскимъ толкованіемъ книги и чтобы мнѣ свободно было привозить и продавать тѣ книги въ великороссійскомъ государствѣ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, а я что лучше книги дѣлать и посылать стану. Змилуйся, великій государь! Твоего пресвѣтлѣйшаго августѣйшаго и державнѣйшаго царскаго величества никашій и покорнѣйшій Иванъ Іевлевъ Молодой, anders Jean de Jonge. Амстердамъ, 4 день августа. а: 1700. (Все прошеніе писано рукою самого Копіевского).

Г.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Въ прошломъ 1707 г., далъ я на себя вашего царскаго величества въ канцелярію поруку, и дано мнѣ изъ той канцеляріи на проѣздъ до Гданска и для покупки книгъ 50 ефимковъ. И, будучи я во Гданску, сыскалъ купить толки одну книгу Браунову артиллерію, а больши того иныхъ книгъ купить я несыскалъ. И изъ Гданска взявъ свою румедиашку (отъ мольскаго гуш—хлѣмъ, трянье) и дочь дѣвщцу, поѣхалъ къ вашему царскому величеству до полковъ, гдѣ обрѣтаются. И моихъ ради несчастковъ, въ пути на меня напали казаки и тое румедиашку отняли я, оверхъ того, били меня довольно. И какъ пріѣхалъ я въ Варшаву и, по вашему пресвѣтлѣйшему царскаго величества указу, повелѣно мнѣ быть при милости генераль-лейтенанта Якова Вилямовича Брюса, и по сечисло живу я безъ дѣла и гдѣ мнѣ вашего величества годовое жалованье брать, того не опредѣлено. А живу со оною дочеришкою моею девятый мѣсяць съ немалою нуждою, и быть мнѣ въ походѣ при старости не возможно, развѣ да повелитъ пресвѣтлое ваше царское величество во опредѣленіи того моего дѣла быть гдѣ видѣ, а оную куплежую книгу посылаю я нынѣ къ вашему царскому величеству. Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего величества, да повелитъ державство ваше во опредѣленіи дѣла моего быть за старостію въ иномѣ

III.

мѣстѣ кромѣ здѣшняго походу, и чтобъ вашею превысочайшею и щедролюбивою милостию въ совершенство былъ дѣломъ и вашего величества жалованьемъ опредѣленъ. Вашего царскаго величества всеннжайшій рабъ Илья Федоровъ Копіевскій. Мая 1708 года.

IV.

а.

Переводы писемъ аббата Биньона и Фонтенеля къ Петру Великому, по случаю избранія послѣдняго въ члены французской академіи наукъ (изъ Кабинетныхъ дѣлъ, отд. II, книга № 39, 1718 года, л: 25, 27. 28) ¹⁾.

Понеже я имѣю честь надсмотрителемъ быть въ той компаніи, хоторой ваше величество себя приписать не погнушались, для того надѣюсь, что позволяете, дабы я вашему величеству униженно доносилъ объ великой радости и благодаріи, которое она явила, какъ сію счастливую вѣдомость услышала. Господину Фантенель, секретариусу отъ академіи, приказано объявить вашему величеству, какъ вся академія вкупѣ и всякой изъ нее особливо въ семъ случаѣ возрадовался, и никто лучше его сего не можетъ учинить. Онъ уже далъ многія пробы своего искусства, но и паче ума своего въ хорошихъ вымышленихъ и красныхъ словахъ, того ради сіе ему оставляю, дабы въ семъ случаѣ вашему величеству донести. А я удовольствуюся вашему величеству объявить, что ни одного человѣку нѣту изъ нихъ, который бы зѣло не веселился, когда бы что учинить могъ вашему величеству пріятное — только извольте приказать. Азъ надѣюсь, что ваше величество довольно извѣстны, какъ нѣту такой науки и художества, въ которой бы нѣкоторой изъ академіи вашу волю не могъ бы исполнить. Мы всегда примемъ великую милость, когда ваше величество изволить намъ что приказать. Сіе намѣреніе не родится въ насъ токмо отъ респекту, которой мы должны вашему великому рангу, но и паче происходитъ отъ удивленія великихъ вашихъ дѣлъ и намѣреніевъ, въ которыхъ вы всегда трудитесь и объ которыхъ намѣреніяхъ иное нельзя желать, окромѣ того, чтобы въ такомъ климатѣ, гдѣ еще мало приходу наукамъ и художествамъ было, сыскались годные люди, которые бы могли исполнить превысокіе виды вашего величества. Да извольте вѣрить, что я особливо весь полонъ сими думами, и что нѣту человѣка, которой бы былъ съ бѣльшимъ

¹⁾ Французскій подлинникъ этого и слѣдующаго за нимъ письма въ Отеч. Зап. 1821 г., № 10, стр. 180 и слѣд.

респектомъ. Всемилюстивѣйшій государь, вашего величества низжайшій и покорный слуга абе Бинионъ.

Всемилюстивѣйшій государь! Королевская художествъ академія никогда бы не имѣла амбицію желать великую сію честь, которую сами ваше величество нынѣ учиняете изволеніемъ своимъ, дабы вашего величества пресвѣтлѣйшее имя главное было всѣхъ тѣхъ, которыми академія состоитъ. Науки и искусства, ради которыхъ ваше величество сами себя съ такими партикулярными людьми равно сочиняете, возвысить ваше величество должнымъ и правдивымъ воздаяніемъ къ первымъ монархамъ къ Августусамъ и Карлусамъ великимъ. Сія есть слава обыкновенная короля доставать себѣ новые подданные сильною вооруженною рукою, яко и ваше величество учинили, токмо сія слава отъзнита и удивительнѣе учинить себѣ подданныхъ наученные и тѣмъ счастливыѣ. Ваши великія государства не дали бы вамъ подданныхъ достойныхъ вашего величества, когда бы вы премудрыми своими трудами ихъ учить и совершить не искали. Академія великое бы себѣ счастье ставила, когда бы ко совершенію вашихъ высокихъ намѣреніевъ могла бы чѣмъ помогать. И она нынѣ смѣетъ надѣяться, что возбуждена чрезъ сію великую честь, учивенную отъ вашего величества. Она нынѣ больше будетъ силы въ своихъ трудахъ имѣть, какъ прежь сего, на малой конецъ смѣлость имѣть вашему величеству доносить о всѣхъ трудахъ и прилежаніяхъ, такожде и объявлять свою унижающую покорность и вѣчное воздаяніе. А я съ академією въ семъ намѣреніи остаюся, всемилюстивѣйшій государь, вашего величества низжайшій и покорнѣйшій слуга Фонтенель, секретарь отъ академіи.

б.

Письмо аббата Биньона къ Петру Великому съ переводомъ Бориса Волкова (29 сентября 1720 г.) въ Кабин. дѣлахъ П гн., № 52, л. л. 229—234.

Sire! Je ne puis exprimer à Votre Majesté, avec quelle joie je profite de l'occasion qui se présente de me rappeler dans l'honneur de son souvenir. Le sieur André Nartow qui est sur le point de partir, nous ayant fait entendre qu'il seroit bien aise que nous rendissions à V. M. quelque témoignage de ce qu'il a fait parmi nous; je me suis chargé de ce

Государь! Не могу изречь вашему величеству, съ коюкою радостью пользуюся случаемъ, который представляется къ тому, дабы я могъ возватися въ честь вашего напоминанія. Г. Андрей Нартовъ, который отъезжаетъ, далъ намъ знать, что радъ бы онъ былъ, дабы мы подали какое либо свидѣтельство вашему

soin avec d'autant plus d'empressement, qu' outre l'extrême honneur qui m'en revient d'écrire à V. M., nous n' avons à mander de lui que des choses très avantageuses. Son application constante à l' étude des mathématiques, les grands progrès qu' il a fait, dans la mécanique surtout dans cette partie qui regarde *le Tour* et ses autres bonnes qualités nous ont fait connoître qu'en toutes choses V. M. ne se trompe point dans le choix des sujets qu' Elle veut employer à son service. Celui-ci répond parfaitement à la destination, qu' elle en a faite et V. M. n'aura pas lieu de se repentir des dépenses vraiment royales qu' Elle fait pour qu' il puisse en voyageant par son ordre acquérir les connoissances qui lui sont nécessaires. Nous avons vû depuis peu trois médailles de sa façon qu' il a laissées à l' académie comme un monument de son habileté, autant que de sa reconnaissance. L' une est de Louis XIV, l' autre du Roy et la troisième de S. A. R. Monseigneur le duc d' Orleans. Il ne se peut rien voir de plus admirable, la netteté, la correction, la délicatesse tout s'y rencontre et le métal ne sort pas mieux fabriqué de dessous le Coin, qu' on le voit sortir du Tour du s. Nartow. Il a bien voulu me faire part de son secret, et permettre que je le visse travailler moi même. J'ai été surpris, je l'avoue, de l' adresse merveilleuse avec laquelle il forme d' un seul coup d'arohet, des traits et des caractères que le burain ordinaire auroit peine à former aussi beaux, quoiqu' avec beaucoup plus de lenteur. Vous entendés, Sire, mieux que personne toute la finesse de cet Art, à la perfection duquel vous n'avez pas dédaigné de contribuer Vous même. V. M. se souviendra sans doute de la médaille qu' Elle fit voir pendant son séjour à Paris, à Monsgr le Duc d' Orleans. Ce n' est pas la seule preuve qu' elle a donnée de son amour pour les sciences et pour les beaux arts. La France qui a eû le bonheur de vous posséder quelque temps et dont les savants ont celui de pouvoir Vous regarder comme leur chef,

величеству о томъ, еже онъ между нами чинялъ. И потому перенялъ я на себя оное стараніе съ толико вѣщею охотою, что кромъ превеликой чести, которая мнѣ отъ того приходитъ въ писаніи къ вашему величеству, имѣемъ мы объ немъ довести токмо дѣла зело полезныя. Постоянная его прилежность въ ученіи математическихъ, великіе успѣхи, которые онъ учинялъ въ механикѣ, наипаче же во оной части, которая касается до *токарнаго станка*, и инья его добрыя качества дали намъ знать, что во всѣхъ вещахъ ваше величество не ошибаетса въ избраніи подданныхъ, которыхъ вы изволите употреблять въ свою службу. Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлять, и не возъмывете ваше величество случая въ иждивеніяхъ, правдиво королевскихъ, которыя вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которыя ему потребны. — Мы видѣли недавно три медалій его работы, которыя онъ оставилъ академіи, яко памятной знакъ, такъ его искусства, какъ благодарности его. Одна изъ тѣхъ медалій есть Лудвика XIV, другая королевская, а третья его королевскаго высочества, моего милостиваго государя дѣла д'Орлеана. Не возможно ничего видѣть дивнѣйшаго. Чистота, исправность и субтельность находится въ нихъ, а металл не лучше выдѣланъ выходитъ изъ подъ штемпеля, якоже онъ выходитъ изъ токарнаго станка г. Нартова. Онъ благоволил меня участникомъ учинить въ своемъ секретѣ и позволилъ, чтобъ я видѣлъ самъ, какъ онъ работаетъ. Усумляю меня, правду сказать, дивное досужество, съ которымъ онъ изображаетъ однимъ разомъ *лучка* черты и характеры, которые обыкновенными грабштихелями или *рыльцами* трудно вырѣзать такъ хорошо, хотя ими водятъ гораздо тише. Вы разумевете, государь, лучше другихъ всю хитрость онаго худо-

c'est unie au reste de l'Europe pour admirer ce que V. M. fait tous les jours pour l'avancement de ces mêmes Beaux Arts dans Ses Etats. Les princes, sire, ne s'immortalisent pas moins réellement par cet endroit, que par le bruit de leurs victoires, et cet Empire où vous regnez avec tant de gloire et de sagesse deviendra aussi florissant par la protection éclatante que Vous y donnés aux Beaux Arts et aux sciences, que pour le nombre et l'étendue de Vos conquêtes. C'est dans ces sentiments de la plus haute admiration et en même temps du plus profond respect que je Vous supplie très humblement d'agréer que j'ai l'honneur de me dire Sire de V. M. le très humble et très obeissant serviteur l'abbé Bignon.

жества, совершенству котораго не уничтожили сами споспешествовать. Ваше величество напомните без сумнѣнія о медали, которую вы изволили показать во время пребывания своего въ Парижъ моему милостивому государю дуку д' Орлеану. Не одинъ оный опытъ, который ваше величество изволили дать олюбви своей къ наукамъ и изряднымъ художествамъ. — Франція, имѣвшая счастье стяжать вами несколько времени, и ея же ученые люди имѣютъ оное же въ томъ, что могутъ на васъ взирать, яко на свою главу, соединилася съ достальною Европою, дабы дивитися тому, еже ваше величество по вся дни чинятъ, да успѣваютъ тѣ же изрядныя искусства въ вашихъ областяхъ. Державцы, государь, увѣковѣчиваютъ себя не меньше дѣйствительно оною охотою, якоже шумомъ своихъ побѣдъ, и оной имперіумъ, идеже вы государствуете съ толикою славою и премудростію, тако процвѣтаетъ отъ славнаго защищенія, которое вы тамо даете изряднымъ художествамъ и наукамъ, яко же отъ числа и простиранія вашихъ завоеваній.

Въ тѣхъ мысляхъ высочайшаго дивленія и вкупъ же глубочайшаго респекта, прошу васъ всепокорно милостиво принять, дабы я имѣлъ честь нарещися, государь, вашего величества всепокорнымъ и всеподслушнымъ слугою Абатъ Бивьонъ. Переводилъ Борисъ Волковъ.

В.

Письмо Петра Великаго во французскую академію наукъ, 11 февраля 1721 г. (Каб. дѣла I, № 53, л. 222.)

Божією милостію мы Петръ первый, царь и самодержецъ всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ королевской французской академіи наукъ милостивое наше поздравленіе.

Намъ неинако какъ зѣло пріятно было, что вы насъ членомъ

IV.

въ свою компанію избрали. Мы такожъ не хотѣли оставить, не оказавъ вамъ за то симъ нашего признанія и не обнадежа васъ, что мы съ великимъ удовольствіемъ то мѣсто, которое вы намъ представляете, приемлемъ, и что мы ничего больше не желаемъ, какъ чтобъ чрезъ прилежность, которую мы прилагать будемъ, науки въ лучшей цвѣтъ привести, себя, яко достойнаго вашей компаніи члена показать. Мы повелѣли нашему первому лейбъ-медику Блюментросту вамъ отъ времени до времени сообщать о томъ, что въ государствахъ и земляхъ нашихъ новаго и разсужденія академіи достойнаго случится, и намъ зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корреспонденцію содержать и отъ времени до времени оному взаимно сообщать будете, какія новыя декуверты отъ академіи учинены будутъ.

До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспійскому морю. Мы для того оное море чрезъ нарочно отъ насъ туды отправленныхъ искусныхъ и орскихъ ¹⁾ людей осмотрѣть, и вѣрную и акуратную карту сдѣлать (указали?)...(вм. зачеркнутыхъ словъ: «чрезъ двулѣтніе труды сдѣлать велѣли»), что оныя наши посланные чрезъ двулѣтній трудъ то учинили, сколько по морскому обычаю сюды имъ возможно было, которую при семъ къ академіи въ память нашу посылаемъ, въ надеждѣ, что она, яко новая и вѣрная, вамъ пріятна будетъ. Впрочемъ, ссылаемся мы на то, что нашъ первый лейбъ-медикусъ письменно и объявитель сего, нашъ бібліотекаріусъ, изустно пространнѣе доносить будутъ. Дано въ Санкт-петербургѣ 11 февраля 1721. Вамъ благосклонный.

V.

Отчетъ, поднесенный Петру Великому отъ бібліотекаря Шумахера о заграничномъ его путешествіи въ 1721 — 22 годахъ. (Кабин. дѣла Ц, № 61, л. 816—862).

По указу вашего императорскаго величества, я, нижеименованный въ 1721-мъ году мѣсяца февраля отъ вашего величества лейбъ-медика господина Лаврентія Блюментроста во Францію, Нѣмецкую землю, Голландію и Англію съ послѣдствующими комиссіями и инструкціями отправленъ былъ, чтобъ:

1) Карту Каспійскаго моря и писаніе отъ вашего императорскаго величества академіи де сціансъ (наукъ) вручить.

2) Съ моделей въ обсерваторіи обрѣтаемыхъ машинъ рисунки взять.

3) О рукодѣльникахъ и инструментахъ, ихъ зачатой книгѣ (sic) и эстампахъ, такжеде тубѣ акустицѣ отъ отца Севастіана увѣдомиться.

¹⁾ Слова курсивомъ въ рукописи прибавлены самимъ Петромъ Великимъ.

4) Съ господиномъ старшимъ Дювернеемъ для анатоміи, изъ во-
оку сдѣланной, справятся.

5) Господина Делиля, астронома и географа, и господина Дювер-
нея младшаго, анатомика въ Парижѣ, въ службу вашего император-
скаго величества принять.

6) Въ Нѣмецкой землѣ господина—профессора Вольфа.

7) Съ Орфиреомъ о перпертуѣ мебели говорить, ежели возможно
будетъ и господинъ Вольфъ за полезное разсудить, о томъ съ нимъ
договариваться.

8) Огородника, который у господина де-ла Курта въ Лейденѣ ра-
боталъ, сюда прислать.

9) Господину Фаренгейту термометры носящіе и морскіе, и го-
сподину Мусенброку машины и инструменты, къ физикѣ экспери-
ментальной принадлежащіе, сдѣлать повелѣть.

10) Изъ Англіи промыслить такого человѣка, который бы съ эк-
спериментами обходиться и инструменты, къ тому принадлежащіе,
изготовляти могъ.

11) Музея ученыхъ людей, какъ публичныя, такъ и частныя, посѣ-
щать, и изъ того усматривать, въ чемъ вашего императорскаго вели-
чества музеумъ съ оными разнится; ежели же чего въ музеѣ вашего
величества не обрѣтается, (то) оный недостатокъ наполнять тщится,
или хотя совѣтовать, какъ оный недостатокъ наполниться можетъ.

12) Старатися полную бібліотеку вашему императорскому величе-
ству промыслить.

13) И съ учеными корреспонденцію произвести для умноженія
художествъ и наукъ въ вашего величества государствахъ, а наипаче
для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ,
Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ.

При семъ господинъ архіатеръ мнѣ повелѣлъ нѣкоторыхъ меди-
ковъ и въ операціяхъ славныхъ хирурговъ я, ежели возможно, совер-
шеннаго оператора сюды прислать, и два сундука съ хирургическими
инструментами чрезъ лучшаго мастера въ Парижѣ сдѣлать велѣть,
также и искушати, какимъ образомъ въ тѣхъ краяхъ медицинскія
дѣла отправляются.

Преимущій императоръ сіе есть, еже мнѣ отъ вашего величества
лейбъ-медика, слѣдуя вашего императорскаго величества высокому
намѣренію, дѣлати тщательно повелѣно было.

Убо како оное повелѣніе и должность свою исполнити могъ, ваше
императорское величество кратко изъ сей реляціи усмотрите, которую
съ подданнѣйшимъ респектомъ вашего величества ногамъ предлагаю.

§ 1. Егда я, августа въ 4-й день, въ Парижѣ прибылъ и со сво-
нимъ экипажемъ тако управился, чтобъ мнѣ выдти было можно, тогда
безъ замедленія къ президенту академіи наукъ господину аббе Би-

ніону пошель, и писаніе господина лейбъ-медика вручилъ, въ которомъ оныйъ ему комиссію мою объявилъ.

Сколь скоро оныйъ то письмо прочель, абіе меня обнялъ вельми пріятно по обычаю французскому, и возжелалъ вашего императорскаго величества писаніе и притомъ карту видѣть, но я отвѣщаль, яко не имѣю при себѣ, и сверхъ того указъ имѣю оную въ публичной ассамблеѣ вручить, и того ради просилъ его оную ассамблею созвать, которую онъ, объявивши сіе сперва дукъ-регенту, на другой день сдѣлалъ.

Въ который день по утру господинъ Делиль, королевскій географъ, ко мнѣ въ квартиру пришелъ, и меня, во имя королевскаго соціетета, просилъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе и при томъ карту, по полудни въ третіемъ часу въ Лувръ, гдѣ ассамблея въ собраніи будетъ, вручить.

И азъ въ урочное время тамо явился, и отъ г-на Делиля туда введенъ былъ, гдѣ же пресвѣтлый соціететъ въ собраніи увидѣлъ, въ томъ числѣ г-нъ маркизь де Торси, который въ тое время президіумъ имѣлъ, кардиналъ Полиньякъ, аббе Фриже, королевскій учитель, и прочіе честные члены обрѣтались.

Егда вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе секретарю г-ну Фонтенеллу съ обычайнымъ комплиментомъ вручилъ, т. е. яко мнѣ чрезъ сію комиссію весьма великое счастье учинилось, ибо съ одной стороны высокую милость возымѣлъ такого великаго монарха всемилостивѣйшее повелѣніе исполнять, а съ другой стороны съ такими славными людьми познатися, и отъ дискурсовъ ихъ пользу получать; тогда оное писаніе со всѣмъ благочестіемъ прочтено и съ великимъ вниманіемъ слышано было. — И потомъ маркизь де Торси во имя академіи, за такое всемилостивѣйшее писаніе, съ наибольшимъ благочестіемъ благодарилъ, наипаче понеже имъ весьма удивительно показалось, яко такой славный монархъ, изъ любви къ художествамъ и наукамъ, тако себя вознизить соизволилъ и у партикулярныхъ персонъ мѣсто себѣ взять удостоилъ; секретарю же повелѣли всеняжайшее свое благодареніе вашему императорскому величеству такожде письменно объявить; и мнѣ такое письмо, передъ побѣдомъ моимъ, вашему императорскому величеству отъ соціетета вручилось. Потомъ такожде и г-на лейбъ-медика писаніе предъ членами академическими читали, въ которомъ оныйъ пространно объявилъ, что въ картѣ поправлено, и какимъ образомъ академію наукъ въ Россіи сочинить намѣрено есть, в какой уже зачинъ въ ономъ сдѣланъ.

Послѣ того specimenъ Орнитологіи или краткое описаніе въ Сибири отъ доктора Мессершмидта усмотрѣнныхъ птицъ, яко пробу, читали, которому учрежденію и методу академія удивилась, и токмо желаютъ, чтобъ прочія части исторіи натуральной всѣхъ російскихъ провин-

цій такожде обстоятельно описать, и начальнѣйшія вещи красками, колико возможно будетъ, роздѣлять и назначати повелѣвать, и академіи объявлять, о которомъ оная свое разсужденіе давать и съ російскимъ государствомъ въ оныхъ вѣщахъ справляться всегда тщаться будетъ.

О картѣ вельми всѣ удивились, понеже Каспійское море, противъ мнѣнія всѣхъ географовъ, иной образъ приѣмлетъ, наипаче на сгибѣ у Абшарона, гдѣ не больше 15-ти миль море ширины имѣть показывается. И тогда мнѣ вопросъ учинили, на который мнѣ, егда бы прежде къ оному не приготовился, весьма трудно было отвѣщать. Кардиналь де Полиньякъ сказалъ, всеконечно по словамъ господина Делля: «усмотрѣемъ изъ зондированія, яко море отъ Астрахани даже до Фарабата объѣзжено, ибо оной дороги всѣ порты, озера и рѣки прилежно замѣчены; откуду оныя мнѣть, яко сія страна не объѣзжена, и того ради не возможно признати, вѣрна-ль есть данная ситуація?»

Азъ на тое отвѣщаль, яко сія страна отъ оныхъ же людей тѣмъ же образомъ зондирована, но ваше императорское величество, ради нѣкоторыхъ штатсъ-резоновъ, даже до сего времени, публиковать не изволили, однакоже во время и то академіи объявится.

Симъ отвѣтомъ, показалось мнѣ, яко всѣхъ удовольствовалъ, того ради возжелали, дабы Всевышній Богъ вашему императорскому величеству на многія лѣта здравія и жизни продлилъ, чтобъ оныя не токмо сіе, но и всѣ прочія вашего императорскаго величества намѣренія, къ произвожденію художествъ принадлежащія, въ совершеніи видѣть и имѣть могли.

Симъ ассамблея скончалась, егда сперва президентъ г-ну Деллю карту, а господину де Мару Дантенгу, спеціменъ ориентологіи на чисто передѣлать велѣлъ, чтобъ въ меморіи внести; притомъ же обоимъ имъ приказалъ меня во всѣ мѣста водить, все объявлять, что видѣти возжелаю, и во всемъ вспомогать. Токмо мое несчастіе было, что знали, яко азъ милость имѣю у вашего императорскаго величества бібліотекаріусомъ быть, ибо сей характеръ оныхъ во мнѣніе привелъ, яко азъ съ бібліотекарями другихъ монарховъ равность имѣю; того ради азъ принужденъ былъ по ихъ мнѣнію преобразиться и, ради сохраненія респекта государя своего, весьма другой экипажъ имѣти.

§ 2. На другой день я съ оными, мнѣ опредѣленными людьми въ обсерваторіумъ, ради смотрѣнія тамо обрѣтаемыхъ инструментовъ и машинъ, пошелъ. И оныя всѣ чрезъ добраго машиниста съ великимъ трудомъ по мѣрѣ срисовать велѣлъ, ибо при оныхъ абрису не обрѣталось и многія безъ мѣры дѣланы, того ради десинеръ вельми много трудности имѣлъ. Ваше императорское величество усмотрѣть можете, достойны-ль оныя той похвалы, которая онымъ дается.

Вонистинну азъ имъ подобныя и такіежъ во многихъ мѣстахъ ви-

дѣлъ, и что здѣсь не упомянулось, оное уже въ меморіяхъ съ рисунками напечатано, такожде и Леонардусъ Штурмъ объ ономъ упомянулъ, и его абрисы я онымъ совокушилъ.

§ 3. Эстампы всякихъ художествъ не зѣло многіе сдѣланы суть, и послѣ того времени, когда ваше императорское величество изъ Парижа отбыли, токмо 18 штукъ изготовлены, которые г-нъ де-Ромуръ вашему императорокому величеству всенижайше презентовать мнѣ отдалъ.

Дискурсъ объ нихъ хотя уже изготовлень, но не справлень и еще не напечатанъ. Однако же чаютъ, яко оный вскорѣ публиковать можно будетъ. Отецъ Севастіанъ, такожде тубумъ акустикумъ еще не поправилъ, тимпанумъ (или барабанъ), который изъ весьма тонкой мембраны (перепонки) состоитъ, при сырой погодѣ весьма слабѣтъ, и тако принужденнымъ его употреблять въ такомъ времени мало или весьма не служить.

Сему недостатку еще никакимъ образомъ поможенье учинить могоу, и великое упованіе о томъ имѣть не можно, понеже оный отецъ Севастіанъ, ради приближающейся старости, весьма безсиленъ и не доволенъ становится.

§ 4. Съ г-номъ Дювернеемъ, который анатомію изъ воску изготовить обещалъ, и о томъ по вашего императорскаго величества указу, съ покойнымъ господиномъ докторомъ Арескинымъ контрактъ учинилъ, весьма я много труда имѣлъ, ибо оный мнѣ множество коварства дѣлалъ, и счетъ о томъ объявлялъ, о которомъ я устрашиться и удивитися принужденъ былъ, и показалъ мнѣ уничтоженныя банковыя письма, которыя онъ за деньги, ради того дѣла присланныя, принять принужденъ былъ, такожде и письмо покойнаго доктора Арескина, въ которомъ оному обещалъ полное собраніе дешевыхъ препаратъ анатомическихъ, но обещаніе свое не содержалъ.

И, того ради, претендуетъ, что понеже съ нашей стороны контрактъ разрушился, то и съ своей стороны оный содержать не долженъ; и, сверхъ того, модельръ того тѣла умеръ.

Азъ благодарилъ Бога, что съ великимъ трудомъ и всякими финансами cerebrumъ (мозгъ) во cranіumъ (черепъ) отъ него досталъ: однакоже мнѣ отдать не хотѣлъ даже, да королевское величество опера оное видѣлъ, и того ради просилъ демонстрацію мозгу надъ онымъ дѣлать въ присутствіи его величества, и тое ему уволялось.

Въ сей оказіи азъ королевскому величеству отъ его учителя, господина аббе Фриже, сими словами представился: «Сире! сей есть оный, который императора всероссійскаго всемилостивѣйшее повелѣніе нашей академіи вручалъ». На которое королевское величество меня къ рукъ допустилъ, и маршалъ де-Виллерое отвѣщалъ: «во истинну великій монархъ есть, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образъ имѣть могутъ!»

§ 5. Младшій Дюверней, иначе Лабонсьеръ прозваніемъ, не могъ службу вашего императорскаго величества за анатомика принять, понеже не долго предъ тѣмъ законнымъ бракомъ совокупился, и жена его весьма не желаетъ оттуда выѣзжати. Онъ теперь искуснѣйшій анатомикъ въ Парижѣ, и обучаетъ разныхъ хирурговъ анатоміи, которые отъ короля прусскаго, датскаго, шведскаго туды посылаются. Также общается, ежели ваше императорское величество нѣкоторыхъ молодыхъ людей ради того пошлете, со всѣмъ прилежаніемъ и трудомъ обучать.

А господинъ Делиль, географъ и астрономъ, оную милость съ радостью принявъ, и опредѣленіе жалованья въ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее изволеніе полагаетъ, и понеже онъ книги и инструменты къ обсервованію вѣрныя, на которыхъ бы надѣяться могъ, употребляетъ, того ради всеподданнѣйше проситъ, чтобъ ему на оную потребу и на проѣздныя убытки 10,000 ливровъ французскихъ напередъ выдать. Мотивы или причины, для которыхъ онъ сіе дѣлаетъ, также что здѣсь исполнять намѣренъ, и что исполнить можетъ, въ письмѣ г-ну лейбъ-медику обстоятельно объявилъ.

Что азъ въ кунстъ-камерахъ, также въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ усмотрѣлъ, и что тамо купилъ, ниже сего въ §§ 11 и 12 объявлю.

Токмо еще упомяну, яко понеже ученые люди анкуражементу (возбужденія) неимѣють, и больше на ежедневную пищу, нежели на нѣкоторыя спекуляціи думать принуждены суть, того ради во время нынѣшняго владѣнія художеству больше убыли, нежели прибыли.

Кромѣ того, что господинъ де-Ромуръ предъ академією объявлялъ, яко нѣкоторый арканумъ (тайность) обрѣтохъ, литое желѣзо такъ мягко сдѣлать, чтобъ оное, аки не литое, пиловать, рѣзать и прочее дѣлать можно было, и общался о томъ процесѣ вашему императорскому величеству послать, и я мню, яко уже послалъ.

§ 6. Ничто меня такъ удовольствовало, яко счастливое исполненіе той комисіи, которая мнѣ о придворномъ совѣтникѣ и профессорѣ г-нѣ Вольфѣ приказана была, ибо его такъ уговорилъ, яко въ службу вашего императорскаго величества вступить охотно принялъ.

Сначала весьма великій трудъ я въ томъ имѣлъ, понеже онъ сказывалъ яко не желаетъ себѣ лучшаго житія, имѣть бо милостиваго государя, похвалу отъ студіозовъ, постоянное опредѣленіе и довольный приходъ, ибо въ годъ отъ писанія книгъ, отъ компаній, отъ диспутацій и жалованныхъ денегъ 4000 сѣнниковъ имѣть можетъ и, сверхъ того, обрѣтается въ мѣрномъ климатѣ; а противъ того не извѣстенъ, возымѣетъ ли очастіе вашему императорскому величеству понравиться, и noblesse и ученымъ людямъ принципіи его благоприятны ль будутъ,

и не скучить ли въ скоромъ времени, или убытокъ, который возьмѣть въ нѣмецкой землѣ, ради вступленія въ службу въ Россію, возвратится ли; того ради не возможно ему подвинуть, егда извѣстное не извѣстному представляетъ (т. е. предпочитаетъ). Обаче жъ всѣ сіи помѣнательства азъ ему уничтожилъ, аки въ письмѣ мѣсяца сентября 1722 года оный самъ утверждаетъ, я вашего императорскаго величества службу тако ему представилъ, яко оную принять больше не отговаривался.

Достоинство и слава его, которую въ философіи, а наипаче въ математикѣ и физикѣ экспериментальной, чрезъ опубликованныя писанія у ученыхъ людей заслужилъ, вашему императорскому величеству весьма извѣстны.

Объщается перпетуумъ мобиле, ежели возможно будетъ, совершить, соіететъ наукъ произвести, и оный тако содержать, чтобъ ученые люди, какъ внѣшніе, такъ и здѣшніе пользу и довольство отъ того имѣли, и въ прочемъ общается воѣ свои студіи и науку въ пользу народу и обучающихся полагать, и токмо ожидаетъ отъ вашего императорскаго величества всемілостивѣйше закрѣпленную вокацію и капитуляцію.

§ 7. Прежде разговора съ инвенторомъ перпетуи мобилисъ Орфиреомъ, азъ съ господиномъ профессоромъ Вольфомъ о томъ разсуждалъ, и оному вашего императорскаго величества высокое намѣреніе объявилъ, яко хотя ваше величество, для пользы всенародной, охотно нѣкоторую сумму денегъ выдать, однако жъ не напрасно бросить, желаете. Того ради онаго просилъ, дабы мнѣніе свое о томъ вѣрно мнѣ сказалъ. Оный же отвѣчалъ: яко про оную вещь почти ничего сказать можно, ибо хотя Орфирей колесо сдѣлалъ, которое безъ внѣшней силы кругомъ вертится и тяжелое къ себѣ притягаетъ, обаче же изъ того не возможно оказать, яко оное воистинну перпетуумъ мобиле есть и великую пользу въ народѣ чинить будетъ; понеже внутреннюю структуру (строеніе) видѣть не можно. И повелѣлъ мнѣ о томъ съ инвенторомъ говорить, и себѣ пакн объявить, что дѣлаться будетъ, тогда свое мнѣніе письменно дать общался.

Азъ же безъ всякаго замедленія прямо въ Кассель и Вейзенштейнъ путь воспріялъ во мнѣніи г-на Орфирея тамо обрѣсти, но увѣдомился, яко господинъ ландъ-графъ онаго съ разломленными частями перпетуи мобилисъ въ Карлсъ-Гавенъ прежде сего Сибурхъ именовемъ, пять миль отъ Касселя, послалъ, и оному домъ особливый опредѣлялъ, чтобъ лучше могъ мыслямъ и разсужденіямъ своимъ слѣдовать, такожде, чтобъ такого противнаго гостя избыть. Ваше императорское величество благоволите всемілостивѣйше внять, для чего инвенторъ свою машинну разбилъ.

Вышепомнятый г-нъ ландъ-графъ призвалъ г-на профессора
У.

Сгравезанда изъ Лейдена, дабы ему эксперименты физико-математическіе, како въ книгѣ своей публикованной изданы суть, демонстрировалъ, и при семъ напали на дискурсъ о перпетуѣ мобиле—прямой и во истину ли перпетуумъ мобиле колесо Орфиреево? Г-нъ ландграфъ то утверждалъ, и повелѣлъ Орфирею оное г-ну Сгравезанду показать, однакожь—де ему не объявилъ, кто то есть Сгравезандъ. Орфирей послушенъ былъ повелѣнію и свою машину въ присутствіи г-на ландграфъ показалъ, но Сгравезандъ толико вопросовъ дѣлать сталъ, и такъ жестоко внутреннюю структуру вѣдати желалъ, яко Орфирей въ мнѣніе пришелъ, будто хотять арканумъ его вывѣдать, того ради больше показывать не сталъ, и сколь скоро оные отлучились, абіе машину разбилъ, дабы не было чего опасаться. И когда я въ Сибурхѣ съ инвенторомъ нѣсколько дней обходился и мнилъ весьма великій другъ ему быть, тогда предложилъ ему вашего императорскаго величества высокое намѣреніе, и первый его вопросъ былъ: господинъ Шумахеръ имѣеть ли деньги? Азъ отвѣщаль: яко больше про него въ готовности денегъ обрѣтается, нежели мыслить достать, и его императорское величество жаляють великую милость и плату за изданіе его воздать, егда оное пробу выдержать.—Всеконечно—де выдержать пробу, и я главу свою потерять готовъ, аще не правда есть. На тое азъ отвѣщаль: воспримемъ двухъ славнѣйшихъ математиковъ, которые егда сперва присягу учинять объ ономъ никакимъ образомъ упоминать, даже да инвенторъ въ депозитѣ положенныя деньги приметъ, и тогда машину свидѣтельствовать и оному мы удовольствуемся.

Но на сіе не могъ отъ него резолюцію получить, остался бо въ своемъ мнѣніи, что машина вѣрна есть, и никто же оную похулить можетъ, развѣ изъ злонавія, и весь свѣтъ наполненъ злыми людьми, которымъ вѣрить весьма невозможно, и послѣдняя его рѣчь была: на одной сторонѣ положите 100,000 ефимковъ, а на другой я положу машину! Больше ничто же дѣлать могъ, хотябъ цѣлый годъ съ нимъ обходился, того ради возвратился я наки въ Галлу и господину профессору Вольфу о томъ, что азъ у господина Орфирея сдѣлалъ, реляцію далъ. Во истину невозможно повѣрить, какіе диспуты перпетуумъ мобиле учинило. Господинъ профессоръ Сгравезандъ мнѣть, яко перпетуумъ мобиле по обычаю математиковъ не противно есть принципіямъ (началамъ) математическимъ, и хотя не истинно утвердить можно, что орфирейское колесо великую пользу въ народѣ чинить будетъ, однакоже съ разсужденіемъ сходно, и егда оное въ руки искусныхъ математиковъ попадетъ, то можетъ въ вящее совершенство привестися. Сіе же мнѣніемъ вѣмецкій математикъ Кашуберъ, котораго концептъ и рисунокъ я у него уторговалъ. Господинъ Мангольдъ, медицины докторъ въ Ринтленѣ, мнѣть, яко оное такожде нашель, и о

томъ малое писаніе публиковалъ. Азъ нарочно къ нему поѣхалъ, дабы о томъ лучшее извѣстіе имѣть могъ. Но оный ничего въ готовности не имѣлъ, и все, что имѣлъ, состоитъ въ теоріи и въ прожектахъ, и ежели высокая особа убытки нести хочетъ, то обязуется многія вещи дѣлать.

Господина Гертнера perpetuumъ мобиле, которое я въ Дрезденѣ видѣлъ, состоитъ изъ холста, пескомъ засыпанной и въ образъ точильнаго камня сдѣланной машины, которая назадъ и впередъ сама отъ себя движется; но по словамъ господина инвентора не можетъ весьма велика сдѣлаться.

Французскіе и англійскіе математики ни во что почитаютъ все оныя perpetuumъ мобилесъ и сказываютъ, яко оное противъ принципевъ математическихъ. А господинъ профессоръ Вольфъ мнѣніе свое объ оныхъ мнѣ письменно далъ, которое сюда внести отъ слова до слова заблагорасудилъ. Оное бо съ мнѣніемъ почти всѣхъ математиковъ сходно, и тако глаголетъ:

Сущее разсужденіе о perpetuumъ мобилѣ орфирейскомъ.

1) Вначалѣ никакое сумнѣніе обрѣтается, что орфирейское колесо не чрезъ наружную мощь движется, но оное движеніе отъ сложенныхъ между собою особливимъ образомъ глобусовъ (шариковъ) происходитъ: а) Азъ—бо самъ видѣлъ, яко оное колесо безъ всякаго внѣшняго притрогиванія въ равномъ и скоромъ движеніи, егда снаружи не задерживалось, вертелось. А обманъ снаружи сдѣлаться не могъ, понеже съ обѣихъ странъ оное свободно и просто лежало, и по желанію съ мѣста на мѣсто переносилось. б) Егда колесо изъ своего мѣста на другое перенасивалось, тогда бралъ инвенторъ, иже при посланныхъ комносахъ пробу дѣлалъ, вѣсы нѣкоторыя изъ которыхъ одинъ, обвертѣвши въ платъ, щупать давалъ, а съ боку оный щупать не допускалъ, однакоже по длинѣ его опущать можно было, яко фигуру цилиндрическую (округодолговатую) имѣлъ, и не весьма толстъ былъ. в) Также слышно было, яко вѣсы въ ту страну, гдѣ перевѣсъ обрѣтался, жестоко били, и изъ того ясно есть, что отъ ихъ битья перевѣсъ дѣлался. г) Его свѣтлость ландъ—графъ изъ Гессенъ—Касселя, который о механическихъ вещахъ разсуждати искусенъ, оное колесо внутри смотрѣлъ и нѣсколько недѣль въ замкнутомъ, и своею печатію двери и окны запечатанномъ покоѣ держалъ, увѣряетъ какъ словесными, такъ напечатанными свидѣтельствами, яко оное движеніе токмо отъ вѣсовъ происходитъ, и толико времени въ добромъ состояніи быть можетъ, колико времени внутренняя структура не переимѣнится.

2) Понеже по демонстраціямъ математиковъ невозможно есть, чтобъ машина собственною силою безпрестанно въ движеніи пребывала, того ради надлежитъ нѣкоторой матеріи снаружи нѣчто спо-

моществовать, которую чувствомъ скоро внять не можно, и для того токмо отъ такихъ людей внятыя можетъ, которые натуру тверже знаютъ. Однакожде азъ почитаю, яко вѣсы, чрезъ палочки нѣкоторые къ периферіи прикрѣпленные, такъ мѣрно сдѣланы, что съ одной стороны, гдѣ оныя легки суть, вверхъ поднимаются, и потомъ обвертываніемъ колеса паки упадаютъ, и чрезъ ту силу, которую возымѣютъ отъ омаго падежа, на дощечку, къ периферіи (къ окруженію) прикрѣпленную, падаютъ и оную бьютъ. И такимъ образомъ колесо сохраняетъ движеніе битьемъ вѣсовъ, яко слышать можно, а силу битія не отъ машины имѣетъ, но отъ тонкой невидимой матеріи, чрезъ которую падающихъ корпусовъ движеніе безпрестанно ускоряется.

Состоитъ убо оренрейское изданіе въ художественномъ знаніи вѣсы тако располагать, чтобъ съ легкой стороны всегда поднимались, а чрезъ падежи по моему мнѣнію оное дѣлается, о которомъ умалчиваетъ. Сходно-бо есть, еже Оренрей глаголетъ, яко всякъ инвенцію возымѣетъ (т. е. пойметъ), который только внутреннее состояніе колеса увидитъ.

3) Однакожде быть можетъ, что егда-бы внутренняя структура машины объявилась, тогда-бы многіе математики оную за перпетуумъ мобиле вепочитали, понеже еще виѣшняя сила есть, которая спомоществуетъ, сія есть невидимая матерія, отъ которой тяжелые корпусы трогаются, егда оныя падаютъ, и чрезъ которые сила движенія ихъ умножается.

4) Но понеже сія матерія воюду обрѣтается и безпрепятственно дѣйствуетъ, хотя колесо куда хочешь поставишь, того ради равно есть, яко бы виѣшняя сила и не помогала, и для дѣйствія своего тожъ есть, что и перпетуумъ мобиле, по желанію тѣхъ математиковъ, которые о томъ тако разсуждаютъ.

5) По коихъ мѣстъ внутренняя структура колеса неизвѣстна, по тѣхъ мѣстъ невозможно сказать, можно-ль силу его умножить или вѣтъ; быть-бо можетъ, яко сила токмо до нѣкоторой высоты прибавляется, а сверхъ того паки убавляется, егда оное колесо больше сдѣлать пожелаешь, и такимъ образомъ убольшеніе весьма бы вредно было.

6) Въ томъ состояніи, како оное теперь обрѣтается не можно великое дѣйство отъ него ожидать, егда азъ оное видѣлъ, тогда спицы весьма тонки были, а ступица пуста, ради скорѣйшаго движенія колеса, скорое бо движеніе къ подыманію нѣкоторыхъ вещей весьма много помогаетъ, но оное твердо употреблять невозможно, ибо тонкія такія спицы скоро изотрутся, такая ступица скоро разломится. Кромѣ того весьма великая разность, егда машинца безпрестанно движется, или егда токмо малое время, яко нѣсколько минутъ нѣчто тянетъ или подымаетъ.

У.

7) Кто оренбургское колесо купить желаетъ, тотъ токмо на любопытность или на пользу смотреть, чтобъ оно съ прибылью къ движению машины употреблять могъ.

Въ первомъ случаѣ наипаче разсуждать надлежитъ, что въ пунктѣ 2-мъ и 5-мъ объявлено есть, а въ другомъ что въ пунктѣ 5-мъ и 6-мъ упоминается.

Июля въ 5-й день,
1724-го года.

Христіанъ Вольфъ,
его королевскаго величества прусскаго придворный совѣтникъ, математикъ и физикъ профессоръ.

Изъ сего писанія ваше императорское величество усмотрите, яко перпетуумъ мобиле еще не весьма въ совершенствѣ.

Послѣ того Оренбургъ мнѣ писалъ, что понеже нѣкоторый монархъ одинъ оную сумму выложить хочетъ, и для того намѣренъ народу свою машину, при подписаніи рукъ, объявить, того ради просить ваше императорское величество всеподданнѣйше, дабы ваше величество въ ономъ нѣкоторую часть вознѣмать соизволили.

§ 8. У господина де-ла-Курта въ Лейденѣ, котораго охота лучшее основаніе имѣть, азъ весьма изрядно принять былъ. Гезелла, который въ его огородѣ работаетъ, и огородничеству, наипаче что къ скорому происхожденію плодовъ принадлежитъ, весьма искусенъ, не могъ вашему императорскому величеству препустить, понеже токмо онаго имѣть, и безъ него ни коимъ образомъ пробыти можетъ.

Однакожде общается одного или двоихъ молодыхъ людей, которые нѣмецкому языку довольны и разумъ и охоту къ огородническому художеству имѣютъ, и работать охотно желаютъ, въ два или три года тако въ наукѣ совершить, чтобъ то жъ здѣсь дѣлать могли, что онъ тамъ къ удивленію сосѣдей своихъ дѣлаетъ. И ежели кто образъ, како оный прививается, и градусъ жару, который каждое древо и трава требуетъ, и аппликацію термометра ради сего отъ онаго обучится, подземельные его печи осмотритъ, тотъ скоро въ ономъ совершится можетъ.

Сихъ печей абрекъ азъ съ собою привезъ, который при моделяхъ здѣсь обрѣтается.

Между прочими вещми, которыя въ огородѣ его обрѣтаются, удивленія достойнъ американскій чрезъ ординарный плодъ ананасъ, изъ которыхъ одинъ вашему императорскому величеству чрезъ почту, а четыре деревца съ плодомъ водою послать я милость имѣлъ, которые всѣ съ благополучіемъ сюда привезены.

Господинъ де ла Куртъ, которому азъ состояніе плода ананасъ вашего императорскаго величества объявилъ, весьма удивляется, что оныя вышепомянутыя деревцы не токмо еще живы, но изъ оныхъ

У.

многіе пересажены, о которыхъ надежда имѣется, яко такожде плоды носить будутъ.

§ 9. Нѣкоторые термометра портатилія (носищія) въ Амстердамѣ отъ господина Фаренгейта я купилъ, изъ которыхъ одинъ королевскому учителю аббе Фриже, другой господину Пожоту контъ де Дозенбро презентовалъ, а прочіе съ собою привезъ. Но термометра марина (морскіе) я не взялъ, понеже самъ сказываетъ, яко на оныхъ, ради невѣрности ихъ, надѣяться невозможно. И воистинну, ежели бы кто тщательно оныя розыскивать хотѣлъ, то бы объявилось, яко обои не зѣло вѣрны суть.

У Мусенброка въ Лейденѣ, купилъ я камеръ — обскуру, луперву магику и иные инструменты, которые къ иннекціи потребны суть, оныя же поправлены отъ господина профессора Сгравезанда. Азъ выше упомянулъ, яко помянутый Сгравезандъ Элемента физика механико Невтоніана, экспериментисъ илюстрата, въ поддести издалъ, гдѣ всѣ машины къ экспериментамъ механическимъ, статическимъ, гидростатическимъ, физическимъ и оптическимъ срисованы и напечатаны обрѣтаются, и разные монархи оныя машины Мусенброку дѣлать повелѣли, и понеже азъ зналъ, яко вашему императорскому величеству такія машины благодравны суть, того ради слѣдовалъ образу ихъ и ковенчо мастеру 200 гульденовъ задатку далъ. Хотя Мусенброкъ добрый мастеръ, однакожъ ежели отъ добраго математика не повелѣвается, то не весьма прямо работаетъ, и для того обязалъ я господина Сгравезанда, подъ платою 100 гульденовъ, на оныя машины смотрѣть, чтобъ вѣрно и порядочно сдѣланы были. Воистинну не много денегъ, но съ великою пользою и потребою выданы, и тако чаю, яко ваше императорское величество оное всемилостивѣйше соизволить.

§ 10. Въ Англии актъ де парламентъ сдѣлался, по которому никакой художникъ дерзнуть можетъ безъ позволенія изъ государства пойти или въ службу другаго монарха обязаться, а наипаче придворные ненавидятъ, егда кто вашего императорскаго величества службу приметъ. Однакоже обязалъ я въ службу вашего императорскаго величества по 15-ти рублей на мѣсяць нѣкотораго молодаго челоуѣка, который инструменты физическіе и антлію пневматику изрядно дѣлать могъ, и абіе къ себѣ взялъ въ томъ намѣреніи, чтобъ его съ первыми кораблями сюда послать, но оный впалъ въ огневую болѣзнь и умеръ, и чрезъ сіе не токмо такой изрядный субъектъ, но и впередъ данныя ему деньги пропали.

Азъ себя тамо сначала инкогнито (подъ скрытомъ) содержалъ подъ другимъ именемъ, и посѣщалъ ученыхъ людей, но егда усмотрѣлъ, яко вашего императорскаго величества слава и любовь къ художествамъ у оныхъ весьма великое мнѣніе учинила, тогда объявилъ

V.

себя, и востинну принужденъ въ похвалу ихъ сказывать, что послѣ того мнѣ многую честь воздавали, и всякую оказію объявляли то, что въ Англій дивное обрѣтается, осматривать.

Королевскій содіететь мнѣ честь явиль въ приватное свое собравіе допустить, въ которое я, колико время въ Лондонѣ былъ, прилежно ходилъ.

Егда разговоръ учинился о картѣ Каспійскаго моря, и доброе вашего императорскаго величества намѣреніе въ произвожденіи въ своемъ государствѣ художествъ и наукъ похвалялось, тогда докторъ Водвардъ нѣкоторую мысль объявилъ, которую умолчать не могу. Сказалъ-бо, егда бы нашъ король такую душою отъ Бога дарованъ былъ, тогда-бы мы радоваться могли и уповать лучшее возбужденіе имѣть. А что я въ музеяхъ и библіотекахъ усмотрѣлъ, въ последующемъ § объявлю, отправивши сперва вашему императорскому величеству о скоропостижной смерти придворнаго совѣтника Бонмасари всеподданнѣйшую реляцію.

Егда поминутый Бонмасари, 13 февраля 1722 года, у венеціанскаго резидента у обѣдни былъ, то, по окончаніи обѣдни, онаго параличная болѣзнь тако ударила, яко абіе языкъ потерялъ, и безъ языка даже до скончанія своего пребылъ, и пять часовъ потомъ, въ присутствіи моденскаго резидента и нѣкотораго венеціанскаго секретаря, именемъ Гилансони, и моею, жизнь кончилъ.

Сія два абіе хотѣли письма его и при немъ обрѣтающіяся вещи себѣ взять, сказывая, яко умершій венеціанскій шляхтичъ былъ, и тако оныя обязаны письма его въ пользу оставшей послѣ него сестры къ себѣ взять, могутъ бо между оными обрѣтаться письма вексельныя и облигаціи. Но азъ противъ того вельми протестовалъ и сказывалъ, яко оный въ службѣ вашего императорскаго величества обрѣтался, и тако для интереса моего государя не могу допустить, чтобъ чужіе въ дѣла его ввязывались. И ежели вексельныя письма и облигаціи, которыя къ фамиліи принадлежатъ между оными обрѣтаются, то отдадутся имъ. А между тѣмъ временемъ, когда мы спорили, служитель умершаго, которому азъ сначала что ему дѣлать надлежало приказалъ, нужнѣйшія письма въ мою квартиру, ради сохраненія, снесъ.

Егда же я отъ оныхъ иначе отдѣлаться не могъ, тогда повелѣлъ шкатулку открыть, и обоимъ господамъ всѣ письма неважныя показалъ, но ничего нашли и, увидѣвши умершаго скудость, все оставили.

Азъ же, призвавъ того вечера подрядчика, повелѣлъ, чтобъ на другой день въ восьмомъ часу онаго въ Санктъ-Іамесъ, по достоинству чина его, похоронилъ.

А долги, оставшіеся послѣ него, яко портнымъ, сапожникамъ и прочимъ, я платилъ, какъ явствуютъ квитанціи мои.

должниками обрѣтался одинъ, котораго умершій во время бытія своего въ Англіи за шпіона употреблялъ, оный мнѣ весьма досаждалъ. Показалъ-бо мнѣ расходъ 200 гвинеевъ, которыя въ подарки давать ради умершаго принужденъ былъ, и грозилъ мнѣ арестомъ, ежели я оному плату неучиню. Такъ азъ его пятидесятью гвинееми отправилъ; послѣ сего воспріалъ я путь въ провинціи вашего императорскаго величества указъ ожидать. Но ввсегда ради сказанной конспираціи слухъ понесся, тогда опасался азъ, чтобъ подъ такимъ претекстомъ мнѣ какая противность неучинилась, того ради въ Голландію поѣхалъ, гдѣ двѣ недѣли бывши, вашего императорскаго величества всемило-стивѣйшій указъ со всеподданѣйшимъ респектомъ получилъ и оному во всемъ слѣдовалъ, и всѣ письма умершаго сохранны съ собою привезъ.

§ 11. Въ посѣщеніи музеевъ времени, труда, и убытковъ я не жалѣлъ: егда-бо о нѣкоторомъ услышалъ, то тщился оный смотрѣть, и весьма мало обрящутся въ Нѣмецкой землѣ, Голландіи, Франціи и Англіи, которые бы ваше императорское величество сами не видѣли, того ради за излишнее почитаю спецификацію дѣлать, чтò азъ въ оныхъ видѣлъ, такожде и невозможно оное такъ кратко совершить. Однакоже теперь вкратцахъ объявлю, изъ чего оныя состоятъ:

Въ Ригѣ, господина доктора Мартини кабинетъ, состоящій изъ разныхъ натураліевъ, наипаче изъ петрефактисъ именующихся, однакоже ничего чрезвычайнаго въ ономъ обрѣтается.

Въ Королевцѣ имѣетъ молодой докторъ Гартманнъ умершаго отца своего янтарный кабинетъ, который почитать надлежитъ, понеже въ ономъ начально всякія статьи янтара обрѣтаются, вторично— происхожденіе ихъ аккуратно видѣть можно.

Въ Данцигѣ господина доктора Бреина музеумъ славенъ для удивительнаго собранія янтара и солей и ради славной флоры Японіи, которой часть въ берлинскомъ кунстѣ-камерѣ показывается.

Берлинскій музеумъ почитается больше ради изрядныхъ, зеркалами и рѣзною работою украшенныхъ покоевъ, нежели вещей, изъ которыхъ оный состоитъ. Натураліевъ весьма мало обрѣтается и безъ порядку; начальнѣйшія-бо вещи суть: чеканные серебряныя и золотыя сосуды, въ Аугсбургѣ едѣланные.

Зѣло такожде прославляютъ еленья рога, которые изъ древа исходятъ, натурально-ли оное или нѣтъ, о томъ отъ прочихъ разсужденіе требую.

Королевскій монетный кабинетъ и антиквитетовъ камера, подъ надзираемъ господина библіотекаря де ла Кроза, лучшему почтенію достойны; не токмо-бо имѣютъ въ великомъ числѣ нынѣшнихъ монетъ, медалей, каменныхъ и прочихъ греческихъ и римскихъ антиквитетовъ, но и все зѣло порядочно расположено есть. Велики со-

жалѣнія достойно, яко оный нынѣ не прибавляется, но ежедневно убавляется, понеже королевское величество больше солдатство содержать тщится, нежели науки производить.

Изъ частныхъ имѣть тайный совѣтникъ фонъ — Книппенгаузенъ кабинетъ медалей презрядный, у него жъ обрѣтается изрядное собраніе эстамповъ. Въ Гамбургѣ удивленія достоинъ г-на синдика Андерсона музеумъ; удивительныя вещи изъ регно минерали невозможно лучше обрѣсти; больше всѣхъ другихъ вещей украшаютъ оный во всѣхъ земляхъ рожденные мраморы, минералы и петрефакта (въ камень преобразенныя вещи), а медали не весьма удивительны суть.

У графа фонъ-Левенгаупта показывается семиглавная, ехиднѣ подобная, высушенная змѣя, но главы оныя приставлены-ли суть, то видѣть не можно, понеже оную оборачивать не допускають, и токмо со спины смотрится; и почитаютъ оную за 20,000 ефимковъ, одна-кожде я мню, когда бы ее прямо осматривать, тогда-бы коварство объявилось. Господинъ ландъ-ратъ фонъ-Алезельдъ имѣть изрядную галерею, въ которой достохвальны суть слѣдующіе оригиналы:

- 1) Венусъ отъ Ганнибала Карацци.
- 2) Бакханалія отъ Рубенса съ одинадцатью фигурами.
- 3) Моисей съ законными табелями отъ Рафаэля Урбина.
- 4) Двѣ женскія персоны отъ ванъ-Дика.
- 5) Два ландшафта отъ Тиціана и прочія дивныя живописи отъ фонъ-Алста, Агриколы; Беллина, Гана-Поле, Гондіуса, Карла Мората и Теніера.

Еще жъ тамо у вдовы, которой мужъ, я мню, великій охотникъ здравія пить былъ, усмотряется кабинетъ весьма особый: помянутый-бо охотникъ съ великимъ прилежаніемъ многихъ націй сосуды питія собралъ. И я не мню, чтобъ какой сосудъ былъ, который-бы тамо не обрѣтался.

Въ Ганноверѣ имѣть старый аббе Меланъ монетный кабинетъ великаго достоинства: оный же состоитъ изъ всякихъ разныхъ монетъ, но дивное собраніе люнебургскихъ монетъ и талеровъ, которые повелѣніемъ иныхъ князей дѣланы, удивленія достойно есть. Натуральныя его вещи не важны суть; о реликвіяхъ, о которыхъ роспись имѣть, не упомяну.

Въ Лейпцигѣ такожде не имѣется публичный музеумъ, кромѣ того что въ ратсъ-библіотекѣ показывается нѣсколько камней, дорогихъ антиквиевъ, и старая моисійская работа.

Изъ частныхъ имѣть аптекаръ Линкъ и Бозекъ нѣкоторыхъ натуралій; первый превосходить въ петрефактисъ и лапидибусъ фигуратисъ, между которыми удивленія достоинъ черный тонкій камень,

на которомъ крокодилъ зѣло явно усмотряется; второй въ анималияхъ и ботаническихъ вещахъ, наипаче въ сѣменахъ.

У господина Коха обрѣтаются нѣкоторыя химическія и художествомъ сдѣланныя вещи. Глазурь, который онъ дѣлать знаетъ, весьма украшаетъ глиняныя посуды.

Господинъ докторъ Леманнъ хвалится моделемъ бухверка (машины нѣкоторой) и прочими, къ бухверку принадлежащими инструментами.

Дрезденская кунстъ и натуралиевъ камера, превосходить берлинскую многими вещами, но зѣло жаль, яко оная весьма раздѣлена есть. Натуралиевъ камера состоитъ изъ всякихъ натуральныхъ вещей; кунстъ-камера изъ разныхъ ветхихъ художественныхъ штукъ, яко часовъ, машинъ, моделей, инструментовъ разныхъ рукодѣльныхъ, и токарныхъ штукъ. Антиквитетъ камера состоитъ изъ греческихъ и римскихъ монетъ и антиквиевъ, при оныхъ же обрѣтаются рисунки эстамповъ, но въ особливой камерѣ.

Казенная королевская камера, зеленая палата именуется.

Но чудныя вещи Тилингера (у котораго ваше императорское величество прежде сего въ домѣ стояли), наипаче дивными и драгими ветхими и выишними, рѣзанными каменьями и чудными медалями украшенная пирамида, азиатская амбасада и прочія вещи достойны всѣмъ представитися.

Изъ частныхъ никто жъ тамъ что имѣеть, кромѣ механика Гертнера, и то состоитъ изъ моделей. Имѣеть оный перпетуумъ мобиле, о которомъ прежде упомянуто, си-есть стулъ, на которомъ взлѣзши пружину нѣкоторую самому ся внизъ спускать и вверхъ поднимать въ перпендикулярной линіи; можно такожде и столъ, который такимъ же образомъ съ кушаньемъ и питиемъ спускается и поднимается.

Еще жъ машину, чрезъ которую въ жаркомъ лѣтнемъ времени въ свѣтлицѣ пріятный холодный вѣтръ сдѣлать можно. И разные образы мельницъ имѣеть, но для своей старости ничто же больше въ совершенство произвести и паки новое издати можетъ.

Монетный кабинетъ въ Саксенъ-Готѣ, который прежде сего князю Шварценбургскому принадлежалъ, въ Нѣмецкой землѣ начальнѣйшій есть, и некоторому, кромѣ королевскаго французскаго кабинета, славою уступаетъ; что-бо удивительно есть изъ медалей, то въ ономъ обрѣтается.

Въ Касселѣ кунстъ и натуралиевъ камера въ домѣ нарочно къ тому изготовленномъ обрѣтается: натуральныя вещи внизу суть, а художественныяверху. Изъ оныхъ вначалѣ занимаютъ особливую камеру минераллы, каменья, земли и соли. Вторично анималия (звѣри). Въ третьихъ конхилія (раковины) и морскія вещи; въ четвертыхъ

деревья, травы и прочія къ ботаникѣ принадлежащія. Такимъ же образомъ художественныя вещи разставлены суть.

Инструменты математическіе особливо лежатъ, физическіе особливо, также машины и модели—все въ такомъ изрядномъ порядкѣ, что вѣистинну оказать могу, яко ни который кунстъ—камеръ таковъ порядоченъ обрѣтохъ. Изъ моделей замка и грота Вейзенштейнскаго начальнѣйшая суть, и машина, чрезъ которую оказываютъ летати можно, удивительнѣйшая есть. Еще же тамо усмотряется множество новыхъ и лучшихъ математическихъ и физическихъ инструментовъ. Кромѣ минералловъ прочія курьозныя вещи не чрезъобычайны суть.

Въ Амстердамѣ азъ обрѣтохъ у Шенифута полное собраніе конхиліевъ, минераловъ и рисунковъ.

Докторъ Юбелиреръ не токмо имѣетъ полный, но и начальнѣйшій кабинетъ раковинъ, коральковъ, и дорогихъ камней темныхъ.

Себа превосходить въ анималіяхъ и минераллахъ.

Тенкати и Шейтъ объ ономъ тщатся, однакожде до вышеупомянутаго не доходятъ.

Вилдскій кабинетъ, ради ветхихъ монетъ, въ Голландіи лучшій есть, и понеже оный продается, того ради заблагоразсудиль обстоятельнѣе, что въ ономъ обрѣтается, объявить.

1) Персона Римскаго Кесаря и Кесаряны на златѣ.	166
2) Консуляресъ изъ сребра	489
3) Изъ металла	71
Между сими суть 143, на которыхъ имя и фамиліи не напечатано.	
4) Серіесъ (порядокъ) римскаго государства изъ сребра.	953
5) Изъ металла	1373
6) Римскіе кесари съ подписками греческими, которыя многія еще не публикованы	409
7) Собраніе лучшихъ монетъ, которыя господианъ де Вилда издалъ	150
8) Монеты разныхъ мѣстъ во множествѣ, но не собраны.	
9) Медали съ греческою подписью серебряныя и мѣдныя.	90
10) Короли македонскіе на серебрѣ и металлѣ, между оными же нѣкоторыя весьма дивны, и не публикованы суть	72
11) Серіесъ королей египетскихъ и сирскихъ	180
Сии зело дивны суть, и въ такомъ полномъ числѣ ни въ какомъ другомъ кабинетѣ находятся.	
12) Арабскія, самаританскія и прочія монеты	39
13) Планеты небесныя 12 изъ злата, весьма дивны.	
14) Оныя жъ изъ сребра.	
15) Рѣзанныя каменья, отъ господина де Вилда изданныя.	188
16) Еще оныя жъ	455
17) Такіе жъ весьма дивны и велики.	26

18) Разныя фигуры, отъ профессора изданныя

60

19) Сакрифиціумъ Пріани, ветхій и давній.

20) Еще такой-же, но не такъ совершенный.

21) Юпитеръ, который въ образѣ лебединомъ, егда Ляда Кастора и Поллукса родила, за бабу повивальную отправляетъ.

22 и 23) Разныя иныя фигуры и хинскіе идолы.

Въ ономъ такожде обрѣтается нѣкоторая живопись, зѣло славнаго мастера, которая представляетъ двухъ убитыхъ братьевъ де Виттовъ.

Въ Эузенброкѣ монетномъ кабинетѣ хотя не зѣло много монетъ обрѣтается, но вельми хорошо сложены суть, однакожде довольное число между оными падуанскихъ обрѣтается, которые онъ за пріамыя почитаетъ.

Многіе образы эстамповъ и рисунки архитектурныя, греческіе и римскіе антиквитеты великое украшеніе кабинету его придаютъ.

Профессоръ Рюйпъ хотя вельми старъ и безмощенъ есть, однакожде еще тщится анатомію, съ пособіемъ инъекціевъ въ совершенство привести, и нынѣ уже паки четыре кабинета съ анатомическими препаратами наполнилъ; въ оныхъ же показываетъ рете мирабиле, который обрѣтохъ у челоуѣка, продавши уже кабинетъ. Впрочемъ зынгшніе препараты не въ полу такъ хороши суть, яко оныя, которые онъ прежде сего дѣлалъ. На антропологию не можно ему и думать, ибо такое собраніе, какое въ вашего императорскаго величества кабинетѣ обрѣтается, ниже онъ, ниже кто другой въ такомъ полномъ числѣ собрати можетъ.

Умершаго господина Бундермакера Атласъ, который изъ 102 книгъ состоитъ, весьма дивенъ, и воистинну сказать можно, яко въ Европѣ ему подобнаго нѣсть. Содержитъ бо не токмо лучшія генеральныя и спеціальныя карты, но и описаніе начальнѣйшихъ улицъ и городовъ всякой провинціи, такожде и образы державу имѣющихъ господъ, и рисунки баталій, которыя въ каждой провинціи дѣлались. Егда же оный въ аукціи продать хотѣли, тогда я о томъ репортовалъ, и аукцію полъ-года, сверхъ поставленнаго срока одержалъ, но по неже отвѣтствія не получилъ, того ради достался оный за 10,000 гульденовъ королю португальскому.

Кальфъ въ Сардамѣ такожде имѣетъ собраніе натуралиевъ и антиквиевъ, но сіи послѣдніе лучшіи суть. Въ Гарлемѣ Винцентѣвъ кабинетъ натуралиевъ славою превосходитъ, наипаче для сбереженныхъ насекомыхъ, какъ мокрымъ, такъ сухимъ образомъ; дивныя и порядочно убранныя папилюны нигдѣ же, кромѣ онаго, обрѣтаются. Всего кабинета онъ самъ каталогъ издалъ.

Фопъ-деръ-Маркъ, который деньги давалъ къ издаванію библей-

V.

скихъ фигуръ, имѣеть великое сокровище рѣзанныхъ дорогихъ каменьевъ.

Въ Лейденѣ публичная анатомія и натуралиевъ камера обрѣтается, и что въ оныхъ имѣется ваше императорское величество о томъ извѣстны, ничто же новое въ оную прибыло, и сверхъ того печатанный каталогъ о томъ есть. Но сожалѣнія достойно, яко равновы препараты анатомическіе не лучше сберегаются.

Господина де-ла-Курта кабинетъ живописныхъ вещей изрядный есть. Въ Гагѣ господина Грезиера Фагелса монетный кабинетъ для обрѣтающихся въ ономъ нынѣшнихъ монетъ и медаліевъ славенъ.

Въ Делфтѣ видѣлъ я преславные микроскопіи Левенгуковы; коллико онъ въ оныхъ происшеть, оказываютъ его о томъ опубликованныя книги.

Въ Утрехтѣ господинъ фонъ-Молинъ изрядное собраніе натуралиевъ имѣеть, но шелковая его мельница важнѣе, не токмо-бо куріозна, но и весьма потребна есть, понеже чрезъ оную въ шелковомъ пряденіи двумя человѣками больше учинить можно, нежели инымъ образомъ двадцатью человѣки. Того ради оную весьма тайно содержать. Однакожде я всячески тщился оную познать, и въ тое время въ машинахъ славный математикъ въ Амстердамѣ обрѣтался, именемъ Кашуберъ; съ онымъ о томъ я совѣтовалъ, и соединился, чтобъ оный за мною въ либереѣ лакейской пошелъ, но егда мнѣ машину покажутъ, оную тщательно смотрѣлъ и рисунокъ ея сдѣлалъ.

Кромѣ доброй рекомендаціи, которую я отъ лучшихъ его (фонъ Молина) пріятелей имѣлъ, презенты янтарные, которые въ Данцигѣ и въ Кенигсбергѣ купилъ, свободное мнѣ обхожденіе съ нимъ и великую пріятность учинили, тако что недѣли двѣ ежедневно принужденъ у него быть. Также и помянутаго лакея моего трактовали; тоже оный тако опознался, яко съ людьми, которые ничто же злое объ ономъ мнили, всегда свободно къ машинѣ ходилъ, и времени довольно имѣлъ все осмотрѣти и рисунокъ сдѣлать, якоже конечно грундъ и штандрисъ, который при моделяхъ обрѣтается, объ оной мнѣ изготавилъ.

Сего человѣка азъ съ собою въ Парижъ взялъ ради вспоможенія такихъ дѣлъ, и зѣло-бы желалъ его сюда привести, когда бы оный мнѣ не весьма убыточенъ былъ, и кромѣ того временемъ такъ сумасброденъ и бѣшенъ, яко съ онымъ опасно было вмѣстѣ жить.

Въ Антверпенѣ видѣлъ я Каноника предивную галлерею живописныхъ вещей. Оный имѣеть штуки отъ Рубенса, Микель Анжело, фанъ-Дейка, Пусена, и сямъ подобныхъ добрыхъ мастеровъ, наипаче весьма почитаетъ миниатюрныя свои штуки, которыхъ множество имѣеть.

Въ Парижѣ, какъ публичныя, такъ и приватныя кабинеты суть:

V.

Королевская натураліевъ и анатомическая камера въ королевскомъ медицинскомъ саду обрѣтается; она состоитъ изъ натуральныхъ вещей того государства; сія изъ скелетовъ, какъ человѣческихъ, такъ и звѣриныхъ.

На обсерваторіи обрѣтаются модели, инструменты математическіе и физическіе; всѣ, которые въ меморіяхъ не опубликованы суть, срисовать и объ оныхъ аккуратное описаніе, которое здѣсь съ рисунками имѣется, я сдѣлать повелѣлъ.

Удивляться надлежитъ, яко тамо больше и лучше вещей не обрѣтается: Тширигаузена зеркало зажигательное между лучшими вещами изъ оныхъ поставляется.

Въ Луврѣ также суть нѣкоторыя машины, рисунки, живописи, о которыхъ всюду описаніе имѣется.

Медалей кабинетъ въ Версалѣ дорогія и старинныя вещи тако имѣеть, яко въ свѣтъ онымъ подобныхъ нѣтъ. Изъ оныхъ же едва не всѣ во разныхъ матеріяхъ спечатанные съ собою привезъ.

При семъ достойнъ похвалы кабинетъ Сентъ-Клу, который съ великимъ убыткомъ собранъ. Велими прославляется кабинетъ въ Сентъ-Женеьевѣ, но видѣвши другіе, весьма малая вещь есть.

Изъ частныхъ кабинетовъ превосходить въ натуральныхъ и химическихъ вещахъ господина Жеофреа, по немъ въ математическихъ — отца Севастіана, въ медаляхъ и старинныхъ рѣзанныхъ камняхъ — г. Крозарда; дукъ-Дантенга и господина Гомберта — въ живописяхъ и печатяхъ; а господина Пожота контъ-де Дозенбре — въ механическихъ; оный же, кромѣ того, имѣеть изрядное начало анатоміи изъ воску. Намѣреніе его въ математику презрительно есть, мнитъ бо всѣ части въ модели привести. Въ гражданской архитектурѣ далеко произошелъ, и всеконечно уже имѣеть разныя модели домовъ, сводовъ, оконъ, дверей, мостовъ, кровель и прочихъ, также и въ фортификаціи. И видѣть можно, яко сей кабинетъ съ добрымъ разсужденіемъ заложенъ и для пользы производится.

Въ Лондонѣ соціететъ имѣеть изрядный натураліевъ кабинетъ, но весьма не доходитъ до кабинета господина Стоанесса и доктора Водварта.

Сверхъ того, обои они имѣють хорошее собраніе антиквитетовъ; послѣдній имѣеть предъ другимъ славу въ каменяхъ и минералахъ, и оказываетъ противъ мнѣнія большей части, яко нарицаемыя конхилія, петрефакта не въ камень превращены суть, но тяжесть свою имѣють отъ жидкой матеріи, которая временемъ, гипсова, минеральна и каменста бываетъ, и сквозь скважины ихъ въ оныя вселилась.

Милордъ Бемброкъ и Жандо имѣють совершеннѣйшіе медаліевъ кабинеты въ Англіи, изъ которыхъ господинъ Гемсъ — Тесаурумъ Британикумъ на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ писалъ.

Въ Оксфордѣ публичная, въ домѣ университетскомъ, натуралиевъ и антиквиевъ камера славна есть. Содержить—бо всѣ натуралиі изъ каждаго натуре регно, антиквитеты и медали, о которыхъ разныя книги напечатаны суть.

Близъ Кембриджа имѣеть милордъ Гарлей, сынъ милорда Оксфорта, презрядный кабинетъ медалей и антиквитетовъ. Ветхая лампада въ Кипрѣ, нѣкогда на алтарѣ Венеры стоящая, оный зѣло много украшаетъ. Помянутый милордъ подарилъ мнѣ отъ оной эстампу, которая, по окончанію сего, здѣсь списана обрѣтается.

Еще жъ я многіе другіе кабинеты видѣлъ, но сему кабинету никоими мѣры примѣнитися могутъ.

Внегда же начальнѣйшіе кабинеты въ Нѣмецкой землѣ, въ Голландіи, Франціи и Англии видѣлъ, и вашего императорскаго величества кабинетъ коротко знаю, иже начало возымѣлъ отъ нѣкоторыхъ звѣрей и лапландскихъ саней, тогда свободно сказать могу, чѣмъ оный съ прочими разнится и въ чемъ недостатокъ имѣеть.

Что къ натураліямъ, яко каменьямъ, минераламъ и звѣрямъ принадлежитъ, ваше императорское величество хорошій запасъ въ оныхъ имѣете, однакоже натуральныя вещи сего государства недовольно розысканы.

Въ анатомическихъ вашего императорскаго величества кабинетъ себѣ подобнаго не имѣеть.

Добрый порядокъ такожде въ ономъ содержаться будетъ, егда только къ тому назначенный домъ изготовится.

Художественныя вещи, живописныя, эстампы, физическіе и математическіе инструменты, антиквитеты и медали въ вельми маломъ числѣ въ ономъ обрѣтаются, но весьма потребны суть; того ради я, слѣдуя инструкціи моеи, тщился оный недостатокъ исполнить, наипаче о кабинетѣ медалей, который вашему императорскому величеству весьма потребенъ.

Оный кабинетъ, который я съ уговоромъ на два или три мѣсяца въ Гамбургѣ у Петра Грева купилъ, и потомъ Аристъ Говерсъ за оный заплатилъ, прежде сего славному Люитеру принадлежалъ; оному, егда кабинетъ еще въ добромъ и полномъ состояніи былъ, королева Христина 80,000 ефимковъ давала, ибо во истинну сказать можно, яко оный въ Нѣмецкой землѣ въ то время изъ славнѣйшихъ былъ. Но онымъ себя раззорилъ, по смерти—бо его не осталось толико, чѣмъ—бы долги заплатить, и наслѣдники, не знаяши выправиться, заложили оный кабинетъ жидамъ за нѣкоторую сумму; сіи же токмо золотыя и серебряныя медали взяли, и въ разныя мѣшки положивши, печатью наслѣдниковъ запечатали, но егда росту за оное зѣло умножилось, тогда Петръ Греве, наслѣдникъ же, оныя выкупилъ, и въ такомъ состояніи за 8000 ефимковъ банку помянутымъ образомъ вашему императорскому вели-

честву продалъ. Оное золото съ мѣшкомъ—вѣсомъ 2043 червонныхъ, а серебра 3600 лотовъ. Одно токмо жаль, что повеже монеты между собою весьма смѣшаны, того ради тому, который оныя разбирать будетъ, много ночей безпокойныхъ учинять.

При моей бытности, вашему императорскому величеству знакомый кабинетъ господина Шеваліера на аукціи продавался, оный—же состоялъ изъ антиквитетовъ и старыхъ камней. Въ сей аукціи купилъ я два зеркала цилиндрическія, съ нѣкоторыми фигурами. Большіе и малые изъ карніола, лапиде лазури, зардомира, рѣзанные ветхіе и новые дорогіе камни, числомъ 66. Старинныя лампы и множество старыхъ печатей и перстней, такожде нѣсколько старинныхъ флейтъ, како о томъ роспись явствуетъ. Вашему императорскому величеству весьма извѣстно, яко въ Голландіи зѣло часто такія аукціи бываютъ, при оныхъ же срокъ поставляется, и егда оный пройдетъ, тогда безъ всякаго разсмотрѣнія начинаются, и того ради не возможно указа своего государя о томъ ожидать, убо гдѣ азъ такую аукцію заставалъ, и видѣлъ, что съ пользою изъ оной можно что получить, то я дерзалъ и безъ вашего императорскаго величества указа то дѣлать, въ той надеждѣ, яко оное отъ вашего императорскаго величества всемилоствивѣйше принято будетъ.

Въ Амстердамѣ, подъ дирекцію господина де-ла-Курта, презрядная оранжерея на аукціи продавалась, и драгоценный кабинетъ живописныхъ вещей, дѣланныхъ отъ лучшихъ мастеровъ; и повеже въ медицинскомъ огородѣ оранжереи не имѣется и въ новую бібліотеку и кунстъ—камеру впредь живописи весьма надобны будутъ, и оныя вещи не вельми дорого продавались; того ради я оранжерею и нѣсколько живописей чрезъ господинъ Ларвода и сына его—оную за 823 гульдена, сіи за 8382 гульденовъ купилъ; но повеже въ медицинскомъ огородѣ еще къ оранжереи мѣста необрѣтается, того ради господинъ архіатеръ оную ея величеству государынѣ императрицѣ отдалъ, и она уже заплачена.

А живописи въ кунстъ—камерѣ суть на время, но еще не заплачены, и плату за оныя Элмсалъ и Эвансъ, корреспонденты Ларвода и сына его, ежедневно требуютъ, и мнѣ покоя не даютъ; для того всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество, дабы всемилоствивѣйше указали, оныя деньги Элмсалу и Эвансу выдать. Инструменты математическіе и физическіе въ Лейденѣ отъ Мусенброка, въ Англіи отъ Деана, во Франціи отъ Виньерона и Эслина, въ Берлинѣ отъ Дюплера и прочихъ я купилъ, которые всѣ въ счетъ объявлю.

§ 12. Въ моей инструкціи еще мнѣ повелѣно о полной бібліотекѣ осведомиться, и о томъ извѣстіе учинить. Въ Гамбургѣ, Гагѣ, во Франціи и Англіи весьма изрядныя бібліотеки при моей бытности продаваны, и изъ оныхъ нѣкоторыя потребныя книги купилъ, но чтобъ во

воіхъ сакультетахъ полныя библіотеки продавались, во истину не могу сказать, вельми трудно такія аукціи случатся, развѣ дать о томъ комиссію славному книгъ продавцу, которое по моему мнѣнію свободно сдѣлаться можетъ. Такому книгъ продавцу дается копія каталога библіотеки, изъ котораго знать можетъ, что за недостатокъ въ какой нибудь матеріи обрѣтается, который благовременно пополнить имѣеть. Но чтобъ коварство не учинилось, то надлежитъ корреспонденцію имѣть съ другими, и шлеться каталоги доставать съ цѣною библіотеки, которые на аукціи роздаются. Азъ списокъ библіотеки вашего императорскаго величества въ Голландіи славному и искусному книгопродавцу Васенбергу оставилъ и росписи книгамъ съ цѣною отъ 16-ти лѣтъ съ великимъ трудомъ сочинилъ, и тако токмо въ волѣ вашего императорскаго величества состоитъ, чтобъ библіотеку въ малыя лѣта, безъ великихъ убытковъ, въ совершенство привести. И всеконечно сіе дѣлать надлежитъ, ежели внутреннему съ наружнымъ строеніемъ сходну быть.

Хотя азъ, яко упомянуто есть, довольное число книгъ купилъ, однакоже оныя токмо нужнѣйшія суть, которыя въ публичной библіотекѣ имѣть должно, кромѣ одной книги, которую только изъ любопытства купилъ.

Знатно есть, яко Мейницъ, Страсбургъ и Гарлемъ между собою объ наданіи типографіи споръ имѣють, и первыя книги безъ назначенія мѣста и времени печатались. Теперь же обрѣтается на голландскомъ языкѣ вѣкоторая книга, Слекулумъ оалутисъ нарицаемая. Къ оной суть въ деревѣ вырѣзанныя библейскія фигуры, которыя представляютъ тайность вѣры, съ подписаніемъ; которая, сказываютъ, въ Гарлемѣ напечатана, егда въ Мейницѣ ничто же о печати знали. Профессоръ Скриверіусъ сказываетъ въ Гарлемской Исторіи, яко оную книгу на латинскомъ языкѣ имѣеть, которому многіе противились и сказывали, что оное токмо хвастовство есть. Сію книгу всемогущій императоръ азъ случаемъ въ Голландіи обрѣтохъ, и достойна есть въ вашего императорскаго величества библіотекѣ быть; изъ оной-бо змать можно, какъ художество сначала своего не въ совершенствѣ бываетъ, но по малу многими поправленіями въ совершенство приводится.

Что къ библіотекамъ принадлежитъ, и оныя суть или публичныя, или частныя, и почти всякій вольный городъ можетъ похвалиться, яко въ пользу народа библіотеку имѣеть; а о короляхъ, князяхъ и университетахъ, которые о преимуществѣ едва не спорятъ, умолчимъ, ибо сказываніе объ оныхъ слушать вашему императорскому величеству скучно будетъ, а колымъ паче егда-бы каждую библіотеку обстоятельно описывать. Того ради токмо начальнѣйшія опишу, а то, что въ себѣ содержитъ, не упомяну, понеже объ оныхъ публиковать.

важные, печатанные или писанные, со мною привезенные каталоги довольно о томъ изъясненіе дають.

Кромѣ римскаго кесаря въ вѣнской библіотекѣ, достойна быть начальнѣйшая вольфенбиттельская въ Нѣмецкой землѣ.

Королевская библіотека въ Берлинѣ такожде славна есть, наипаче когда къ оной причтотоя Спангеймова. Въ Голландіи начальнѣйшая библіотека университетская въ Лейденѣ. Во Франціи королевской библіотекѣ, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ печатаныхъ и писанныхъ книгъ, никакая библіотека сравниться можетъ, ибо печатныхъ книгъ около 80,000, а писанныхъ 17,000 обрѣтается, и хотя каталогъ королевской библіотеки еще не публикованъ, однакоже я проектъ его съ собою привезъ; писанныхъ книгъ Монсокомъ большую часть объявилъ. Начальнѣйшія и старѣйшія книги греческія суть №№ 1095 и 2245, первый состоитъ изъ разныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. Дивнѣйшее изъ оныхъ есть, что въ XII столѣтѣ писецъ нѣкоторый старое письмо выскребъ, и вмѣсто его Каремъ Опера написалъ, однакоже ежели прилежно смотришь, то можно еще старое письмо читать.

Второй содержитъ писанія апостола Павла, которыя чаю въ VII-мъ столѣтѣ писаны.

О лейденской библіотекѣ Монсокомъ въ своей Палеографіи обстоятельно разговариваетъ, и потомъ Машелиусъ о библіотекахъ нарикозихъ.

Университетская библіотека въ Оксфордѣ едва не равна есть съ кембриджской, она — бо богаче манускриптами, а сія съ прибылою библіотекою епископа фонъ-Эли — печатанными книгами.

Украшаетъ оную наипаче кодексъ, Безе нарицаемый, состоящій изъ четырехъ евангелистовъ, и дѣйствъ апоостольскихъ, который отъ V и VI столѣтій старъ быть почитается. Оный имѣетъ такую равность съ вышеупомянутою книгою № 2245 библіотеки королевской, яко нѣкоторые думаютъ, будто обои оные одною рукою писаны.

Въ Лондонѣ многія суть публичныя библіотеки, но коттинпанская, о которой каталогъ съ собою привезъ, лучше всѣхъ, а книги съ позолоченными литерами въ оной не дивны суть.

Приватныхъ библіотекъ видѣлъ я больше 200, но лучшая изъ оныхъ и по нынѣшнему обыкновенію сдѣланная во Франціи у маршала д'Естре, который оную послѣ аукціевъ, гдѣ хорошую прибыль имѣлъ, вельми умножилъ. Въ Англіи у милорда Сундерланда и милорда Гарлея.

Въ Нѣмецкой землѣ не нашель я приватную библіотеку, которая бы достойна была симъ приписаться и равняться.

Однакоже слышалъ, что библіотека принца Евгениуса оныхъ не токмо равна, но и превосходительнѣе есть.

Намѣренія ихъ не токмо библіотеки свои дражайшими и дивнѣйшими —

ми, но и старѣйшими книгами наполнять, однакоже больше смотрятъ на любопытность и драгоцѣнность, нежели на пользу. И того ради держатъ книгопродавцевъ въ Нѣмецкой землѣ, Голландіи, Франціи и Италіи, которые всегда имѣютъ указъ книги покупать, хотя весьма дорогою цѣною, яко же азъ видѣлъ, что усонній милордъ Сундерландъ за изданіе Гомерова 50 гвинеевъ заплатилъ. Не многіе за болѣзнь сію почитаютъ, а не за прямое желаніе къ наукамъ.

Славный Менке, чрезъ котораго дѣйствіи ученыхъ людей лейпцигскія (*Acta eruditiorum*) издаются, имѣетъ полную историческую бібліотеку. Азъ мню, что его уговорить можно, дабы оную вашему императорскому величеству продалъ.

Порядокъ въ бібліотекахъ разный есть. Каждый-бо бібліотекаріусъ слѣдуетъ своему нраву. Однакоже обычайнѣйшій и удобнѣйшій, когда книги по матеріи и величинѣ своей разставлены суть. Но азъ мню, что не весьма надлежитъ слѣдовать матеріи книгъ, дабы красота, которая въ публичной бібліотекѣ требуется, не утратилась. И, сверхъ того, иногда одна книга къ разнымъ факультетамъ причитаться можетъ. Азъ тщатися буду въ вашего императорскаго величества бібліотекѣ оное сберегать: строеніе къ тому изрядно и удобно есть, только недостатокъ имѣемъ въ добрыхъ и избранныхъ книгахъ.

И ежели вашему императорскому величеству всемилостивѣйше по праву будетъ нѣкоторую сумму денегъ къ тому опредѣлять, то можно бы оную краткимъ временемъ въ хорошее состояніе привести.

Также можно бы вашего императорскаго величества двоякія книги на другія новыя мѣнять, а прочее все по малу исполнится.

§ 13. Сверхъ сего лучшій способъ есть бібліотеку и кунсть-камеру въ совершенство привести, егда корреспонденцію имѣть съ учеными людьми и охотниками художествъ и наукъ, которая чаю уже тако сочинена, яко пользу и веселіе имѣть надѣяться можно. А именно въ Ригѣ съ докторомъ Мартини, въ Кенигсбергѣ съ докторомъ Гартманомъ, въ Данцигѣ съ Яковомъ Бреинномъ, въ Берлинѣ съ господиномъ де-ла-Крозомъ и Яблонскимъ.

Въ Гамбургѣ съ г-номъ синдикомъ Андерсономъ, Фабриціусомъ и Вольфомъ.

Въ Ганноверѣ съ господиномъ Экардомъ и Кейслеромъ.

Въ Лейпцигѣ съ г-номъ докторомъ Шахеромъ, съ придворнымъ совѣтникомъ Мевкомъ и съ докторомъ Ломаномъ; въ Галлѣ съ профессоромъ Вольфомъ и докторомъ Госманомъ.

Въ Дрезденѣ съ бібліотекаріусомъ, въ Масселѣ съ докторомъ Вольфратомъ и Орнберомъ.

Въ Эйзенахѣ съ астрономомъ Вагнеромъ, въ Ринтмелѣ съ докторомъ Беактольдомъ, въ Амстердамѣ съ г-номъ де-Клеркомъ, Клер-

ментомъ и Липіеромъ, который за малое жалованье обещаетъ вашему императорскому величеству книги писать.

Въ Лейденѣ съ господиномъ Бургавеномъ, Бурманомъ и Сgrave-зандомъ.

Въ Англіи съ г-номъ Стоанесомъ, докторомъ Водвардомъ и славнымъ анатомикомъ г-номъ Сентъ-Андреемъ, Дезаклиеромъ, господиномъ Галеемъ и г-номъ Ванлеемъ, также и съ механикомъ Деаномъ, и съ оптикомъ Скарлетомъ и прочими.

Въ Парижѣ съ г-номъ Дювернеемъ, Венсловомъ, Дюбо, Жеофре, Жусье, Динордомъ, Дантенемъ, г-номъ Пожотомъ, конте Дозенбре, господиномъ Гомуромъ, Варниономъ, Моисекономъ, г-номъ Фонтенелломъ и де-Лилемъ.

Въ Страсбургѣ съ докторомъ Шейдомъ, Шерцомъ, Беклеромъ, Линкомъ и Лидерло. Со всеми помянутыми часто я обходился. Всемогущій императоръ: начало уже сдѣлано, и токмо въ вашего величества волѣ и указѣ состоитъ, чтобы далѣ производилось, съ пользою и веселіемъ скончалось.

Johan Daniel Schumacher.

S. Petersburg 10... 1722 an.

VI.

Описаніе собранія рѣдкостей Альберта Себа, сдѣланное имъ для Петра В. въ 1715 г. (переводъ въ Каб. дѣл. Ц, № 25, л. 439 — 440).

Краткое вѣдѣніе моимъ куріозамъ и самороднымъ вещамъ, которыя объявлены ниже сего:

1) Кабинетъ сдѣланъ изъ самаго добраго остъ-индскаго кипариснаго дерева; въ немъ 72 ящика — всѣ предорогими и диковинными раковинами изукладены: привезены изъ Остъ и Вестъ Индіи и прочихъ дальнихъ земель; которыя (раковины) съ великимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ отъ наилучшихъ диковинныхъ штукъ собираны въ мѣсто, состоящее въ 1000 и болѣе штукахъ. О чемъ вѣрно довошу, что отъ сихъ куріозовъ полиѣе числомъ никто показать не можетъ.

2) Кабинетъ же краснаго остъиндскаго дерева съ дверью того жъ дерева. Внутри першпективой стеклами украшено и въ немъ болѣе 400 оклянокъ самаго чистаго стекла, въ которыхъ неизреченные, чудесственные, странные звѣри, въ винномъ духѣ положенные для содержанія, въ которыхъ преузвѣрно презентуются. Да еще есть раритеты безъ кабинета, которые утверждены на доскѣ порядочно.

У—VI.

Да еще жъ съ 400 штукъ сдѣланныхъ малыхъ и большихъ въ разнымъ жъ звѣрьми въ винномъ духѣ положенные, а именно: родъ нѣкоторыхъ жабъ, измѣняющихся въ рыбу, и такихъ вѣрно могу 8 показать, о которыхъ мы отнюдь не слыживали и въ книгахъ не упомянулось. Еще жъ имѣю родъ большихъ американскихъ жабъ, которыхъ молодые изъ спины плодятся и израстающіе. Такожъ виргинская тѣхъ же рукъ съ рогами, да еще жъ съ долгими ушами. Такожъ необычайно великій остъиндскій филандеръ, которыхъ молодые, входящіе внутрь и паки исходящіе, до возрасту питаются. Еще жъ есть всякихъ рукъ крокодилы, армодилы, лигансы, каемансы, гагедобы, саламандры, ленапцы, мирертесы, тавіанскій дьяволъ, салвогардо, бавіане, летучіе змѣи, летучія рыбы, подипусы, реноры, разныхъ рукъ остъиндскія рыбы, морскія кошки, морскія мыши, морскіе черви, морскія чуда, тарантула и превеликіе пауки, скорпионы, гекусы, милепеды, разныя черепахи, раки, змѣи, ревучіе змѣи, еще и иныхъ многихъ рукъ змѣи, звѣри, которыхъ всѣхъ поименно назвать невозможно.

3) Есть еще японскаго мастерства лаковый кабинетъ, въ немъ сдѣлана крѣпость, и замокъ на горѣ презрѣдно презентуется и весь изъ самаго краснаго чистаго коралла японскаго мастерства; да еще въ немъ судъ царя Саломона и сверхъ вещей того всякими бисерами унизано и иными вещми унизано.

4) Кабинетъ, въ немъ 32 ящика, въ которыхъ съ 1000 вещей европейскіхъ папильоновъ (гадинъ—должно быть въ подлинникъ papillons), весьма удивительныя фигурами, пристегнутые, которые въ семь превосходительнѣе господина Винцентовыхъ вещей и числомъ полная, которыхъ конплетиса набрать невозможно.

5) Еще жъ есть подобіемъ сему кабинету, въ которомъ всѣ странныя азіатскія, африканскія и американскія гадины; частію же есть необычайно великія всякихъ разныхъ колеровъ и удивительныя фигуры; частію же есть необычайно великія всякихъ розпыхъ колеровъ и удивительныя фигуры. Такожъ презентуются папеліоны всяка своею фигурою, которыхъ съ 50 ящиковъ наберется, въ томъ числѣ есть съ серебряными и золотыми крылами; да еще жъ, въ дополнку при семь, многіе ящики всѣхъ рукъ.

6) Одинъ кабинетъ китайскаго мастерства черепахою и серебромъ по дереву выкладены; въ немъ безъ мѣры многихъ рукъ руды земляная изъ Остъ Индіа, Китая, Венгріа, изъ всеа Германіи собраны.

7) Еще жъ кабинетъ сему подобіемъ: въ немъ всякія копаемыя вещи, которыя отъ потопа въ твердый камень измѣнились, множество фигуръ рыбы, травы и ползущія гадины.

8) Ящикъ, въ немъ всякихъ рукъ странныя птицы, въ томъ числѣ и райскія, царекъ и яныя раритеты.

9) Ящикъ изъ слоновой кости предорогимъ китайскимъ художествомъ вырѣзанъ и серебромъ выложенъ — въ немъ всякія куріозитеты.

10) Ящикъ малой, слоновой же кости.

11) Японскаго мастерства лаковый кабинетъ, въ немъ разныя жъ раритеты.

12) Ящикъ, въ немъ великій и весьма удивительный корень притоманнаго дерева Амлое (т. е. райское дерево) мѣстами сросся и китайскимъ по онымъ мѣстамъ предорогимъ мастерствомъ вырѣзанъ.

Такожъ есть весьма искуснаго и любопытнаго мастерства распятие изъ красныхъ крапей, а крестъ финиотной, и сей крестъ прежь сего въ Гипшанин въ Онгасѣ на престолѣ стоялъ, а нынѣ за нѣскольکو лѣтъ англичане и голландцы оный завоевали и сюды привезли.

Еще жъ есть удивительная машина въ Японіи дѣлана изъ ординарной трости, съ которыми и нынѣ ходимъ: оную умѣли такъ тонко и чисто щепать и плести шоколадный, кофейный и чайный сервизъ, а что во истинну удивительно — числомъ оныхъ 60, а внутри лакованы краснымъ лакомъ, подобно порселеннымъ, и можно за порселеновые держать, понеже горячую воду сдерживаютъ и въ походахъ лучше ихъ быть не можно, для того что оныя не ломки, хотя и уронятся, но безъ мѣры гибки, да къ нимъ же сдѣланъ футераль подобіемъ байдоре. А снаружи онымъ же мастерствомъ покрыта. Благоволи мнѣ въ семъ повѣрить и вѣрно доношу, что равнаго сему сервису нѣсть у потентатовъ во всей Европѣ, и много охотниковъ къ сему сервису имѣлъ, а отдать не хотѣлъ.

Такожъ есть многихъ рукъ образы и фигуры и съ камнями (шпекъ штейнъ) китайскія работы добрыя.

Такожъ есть равнаго мастерства вырѣзаны изъ сандала желтитаго образы и всякія лица.

Еще жъ есть изъ слоновой кости всякія разныя штуки, да естъ всякихъ рукъ самородный бисеръ и всякихъ цвѣтовъ.

Всякой морской мохъ чудныхъ фигуръ, подобіемъ древуносящему цвѣтъ и плодъ имѣющій, изъ Краснаго африканскаго моря.

Ящикъ малой со всякими разными удивительными съ зельями и съ сѣменами изъ дальнихъ странъ.

Еще жъ есть всякихъ птицъ яйца, въ томъ числѣ птицы струсса и казуарія, и нынѣ многихъ крокодиловыхъ, змѣяныхъ и лѣсныхъ змѣевъ, и еще множество всякихъ звѣрей, которыхъ всѣхъ поименно написать за краткимъ временемъ не успѣлъ.

Надѣюсь, что его царскому пресвѣтлому величеству сіи мои куріоза весьма нравны и угодны будутъ. Вѣрно доношу, что сіи штуки числомъ гораздо больше докторовыхъ Рюйша, да Видѣнтовъ, которыя его царское величество благоволилъ во Амстердамѣ видѣть.

При вышеописанныхъ куріозахъ вошло презрядныя книги, въ которыхъ о всѣхъ сихъ вещахъ описано, а именно автора славнаго Аддрованда комплектное описаніе, Даюйстона описаніе о зѣбрахъ, Римеѳуса о раковинахъ, Меріана о военныхъ ползущихъ и иныхъ гадинахъ. Изъ того числа многое число красками расцвѣчены, а нѣмы живописіемъ изъяснены и проч.

Изъ Амстердама, октября 4 дня 1715 года. Подписано Альбертусъ Себа.

VII.

а.

Проектъ о семинаріи въ Петербургѣ Феодана Прокоповича, поданный Петру Великому въ 1721 году (Кабин. дѣла Ц, № 57, л. 1—5).

15 марта 1721 года, синодъ представлялъ Петру: «въ регламентѣ духовнаго собранія положено быть при царствующемъ Санктпетербургѣ семинаріи, т. е. училищному отроческому дому, и ваше величество изволилъ объявить чрезъ своего кабинетнаго секретаря свое о начинаніи дѣла того благоволеніе и дворъ, на которомъ нынѣ вашего величества кунштъ-камора¹⁾ отдать на построеніе того дома намѣренъ. Того ради всепокорно о семъ ваше царское величество просимъ, дабы сіе лѣто безъ начатія строенія помянутаго дома не прошло и на иждивеніе того откуду денегъ требовать». При этомъ донесеніи было также приложено:

«Его царскому священнѣйшему величеству въ докладъ о семинаріи, т. е. о училищномъ домѣ отроческомъ.

1.

О мѣстѣ дома того.

Искалъ я, какъ могъ, прилежно въ лѣто сіе мѣста угоднаго къ построенію семинаріи, а показались нижеименованныя мѣста: 1) Островецъ противъ Катериногофа на морѣ, если его всего не заливааетъ вода, ибо о томъ не могли мы совершенно увѣдать. 2) За аптекарскимъ огородомъ надъ Малою Невюю. 3) Противъ загороднаго двора

¹⁾ Кунсткамера, до перевода ея на Васильевскій островъ, помещалась въ томъ домѣ любимца царевича Алексѣя, Александра Кикина, который стоялъ на берегу Невы близъ смольнаго двора, противъ Охтенскихъ слободъ и потомъ передать былъ коюкой гвардіи.

Петра Матвѣевича Апраксина на берегѣ полуденномъ оной рѣчки. 4) За монастыремъ невскимъ въ гору надъ Невую. 5) Еще далѣй надъ Невую, на томъ же берегѣ въ загородномъ дворѣ покойнаго царевича Алексѣя Петровича. 6) Надъ Невую же близь пороговъ по сю сторону на горѣ, зрящей къ Санктъ-Петербурку между Тосною и Погорами, и былъ бы тутъ хорошій плезиръ ѣдучимъ съ Санктпетербурка въ Слюсейбурхъ. 7) На горѣ за рѣчкою Лиговкою, противъ горѣлаго кабачка, толькожь тутъ не можетъ быть обученіе воднаго плаванія. 8) Домъ бывшій Кикиновъ, гдѣ нынѣ кунстъ камера государева. И сіе, по моему разсужденію, паче прочихъ именованныхъ мѣсть удобное, земля сухая, воздухъ кажется здравый, къ содержанію рыбы не трудно прудъ дѣлать; наипаче же того ради, что недалече отъ города, что мощно будетъ большому дому того надсмотрителю (кто овъ ни будетъ) часто и нечаянно приходить и осмотрѣть, какъ тамъ дѣется. Да и не малая часть каменнаго строенія, въ которомъ и на школу, и на бібліотеку и на жилье мѣста довольно и изрядный залъ на школьныя публичныя акціи и самому государю его царскому величеству не трудно, когда похощеть, прибыть, безъ остановки дѣлъ великихъ.

2.

О строеніи.

Если опредѣленъ будетъ именованный домъ, то по моему мнѣнію такъ бы расположить строеніе: отъ большой дороги церковь бокомъ къ дорогѣ, а алтаремъ къ востоку, и тако народъ входилъ бы въ церковь боковыми дверми отъ дороги, не входя въ самый домъ. Внутри двора по obu сторону отъ востока и запада два ряда двойныя келійъ обѣ одномъ жилья. Присовокупить бы и подворье троицкое сергіева монастыря, тутъ же сумежное, для запаснаго двора. Мало тамъ кто нынѣ бываетъ, и лучше бы подворію троицкому быть среди города. А съ другой стороны мѣсто доселѣ пустое, которое было покойнаго Воинова, присовокупить же для огорода нуждаго.

3.

О отроцѣхъ.

Совѣтъ мой есть не принимать отроковъ только десятилѣтнихъ или ниже, а не выше десяти лѣтъ, ибо такового возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравію, и если обучилися, однакожь не закрѣпили обычаемъ, и мощно таковыхъ не трудно отучить: такожь

бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую: когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученыхъ въ немъ явятся изрядные учителя, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять.

4.

О учителяхъ.

Не каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобъ, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ съ свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. И не надобъ опасатися, дабы оныя дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оныя учить будутъ должны, и надсматривать, не учатъ ли вѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія вѣщія, языковъ, философіи, юриспруденціи, исторіи и проч., а не богословскихъ догматовъ, которыхъ учиться имѣютъ ученики отъ единовѣрныхъ себѣ учителей. И если не опасаются господа рускіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иноземскія, гдѣ учителя свободно свои мнѣнія предлагаютъ, то для чего бы опасатися у насъ, гдѣ они же артикулами и надсмотрѣніемъ аки связаны будутъ? Но къ начатию ученій мощно будетъ надѣяться и между нашими людьми проискать.

5.

О прозваніи дому сего.

Аще неотложно благоволитъ царское величество быти дому сему (съ котораго премногой россійской пользы и его величеству славы надѣмся), то желаемъ и его величества милостиваго соизволенія просимъ, да прозванъ будетъ домъ сей садъ Петровъ, или иноземскимъ наречіемъ Петеръ-гартенъ. Важныя вины таковаго прозванія: 1) великое поощреніе родителямъ, которые такъ честнымъ дому учащаго прозваніемъ услаждаемы, дѣтей своихъ въ домъ тотъ съ радостью посылать возжелаютъ; 2) великое поощреніе и учащимся дѣтемъ будетъ, ибо учителя онымъ будутъ внушать, дабы тщались они достойни явитися столь честнаго и именитаго дому; 3) страхъ будетъ на бездѣльниковъ, всегда доброму дѣлу прекословящихъ и оное клеветующихъ, ибо самое сіе дому прозваніе заградитъ имъ уста; 4) обучившимся въ дому семъ ученицы имѣти будутъ, аки печать незабвенной должности своей, еже быти имъ вѣрнымъ къ го-

сударю и толикому отцу своему и всей его высокой фамилии, и всегда памятуя, что они собственно присвоенные суть его величеству подданные рабы и сыны; 5) сие же прозваніе будетъ и характеръ славы великаго фундатора и толикой любви его къ добру общему; 6) многіе же таковаго прозванія и образы имѣемъ: самое имя сіе академія (которымъ одинъ только домъ училищный въ Аѳинѣхъ прежде нарицался, а послѣ и прочія училища нарицатся обыкли) произошло, какъ сказуютъ, отъ фундатора именемъ Академа; подобія и послѣ нѣкія училища наречены отъ своихъ фундаторовъ, яко же въ Римѣ семинаріумъ Салвіатумъ отъ Салвіата принца; въ Тигурѣ, градѣ гельвецкомъ, школа Каролина отъ Кароля Великаго; въ Готѣ, городѣ саксонскомъ, казиміріана отъ князя Казиміра; въ Оломунци, городѣ моравскомъ, семинарія Фердинандова отъ Фердинанда, да и въ Кіевѣ нарицаются школы могилеанскія отъ Могилы митрополита. И обо всемъ томъ, какъ благоволитъ и укажетъ его царское величество. Его царскаго священнѣйшаго величества нижайшій рабъ и богомолецъ, смиренный Феоданъ, епископъ псковскій.

б.

«Вѣдѣніе о торговлѣ россійской», составленное княземъ Иваномъ Шербатовымъ въ 1724 г. (см. выше стр. 247—248).

«Издrevле россияне или руссы имѣли торговлю въ славномъ городѣ Висби, когда оный въ своемъ процвѣтаніи былъ. Они тамъ имѣли свою слободу и улицы противъ другихъ народовъ; такжеже свои анбары и свои лавки, власно какъ и права морскія и обычаи того города, которыя и всемъ другимъ народамъ общи были, и даже до проходу Жибралтара разширились. Зри: *Les iles et caut. de la mer*, pag. 157; *Hist. Olai Magni*, l. 10 p. 16.; *Herberstein, Mosc.* pag. 118; *Viaggi di Moscov.* p. 48».

«Россияне имѣли такжеже торговлю свою со итальянцы, а наипаче съ женуезцами по случаю, когда они владѣли Крымомъ и Кафою. Зри *Déscrip. de l'Ukraine*».

«Прежде, когда астраханское царство подъ области россійскія не подошло, городъ Астрахань содержалъ всю торговлю восточную. Зри. *Histoire du commerce des anciens et modernes*, с. 42, p. 236, а наипаче кореньями до открытія морскаго пути въ Восточную Индію, которыя приходили рѣками Индусомъ и Оксомъ въ Каспійское море, а оттуда Волгою въ Донъ и въ Черное море и въ Кафу, откуда венеціане и женуезцы во всю Европу развозили. Зри: *Trésor politique* p. 800; *Histoire du comm. des anc.* с. 48, p. 311».

«Съ западныя страны наибольшая происходила торговля чрезъ

VII.

Новгородъ, который былъ въ 1415 г. вольный городъ и въ союзѣ съ городами анзатическими. Зри: *Descript. M. Duc. Lithw.*; въ ономъ же была одна изъ четырехъ главныхъ помянутыхъ союзныхъ городовъ контора. Зри: *Les îles et les caut. de la mer*, p. 158, 162, 163, 164; *Scaliger, Exercit. ad Cordanum* p. 259; *Dlugess. Histor. Polon* t. 1, p. 450; *Chitrey, Saxonis chronic., Diction. Savary. Comptoir, Trésor polit.* l. 3, p. 821. Оный же прежде 400 лѣтъ имѣлъ судъ, расправу собственную. Зри: *Joubeau*, p. 17. Въ 1411 г., новгородцы оставили кушны носки, мордки и кожи, а начали торговать бѣлыми лапки и грошами литовскими, а другіе — нѣмецкими, зри *Гисторія новгородская* л. 457, а въ 1419 г. начали они торговать серебряными деньгами, а другія распродали они нѣмцамъ, тоже л. 467. Народы иностранные, которые въ немъ торговали: ливляндцы, литванцы, поляки, шведы, датчане, нѣмцы, голландцы, фламандцы, отчего оный зѣло богатъ. Зри: *Olearius Beschreibung*, p. 60. И знатно, что оныя народы по разнымъ квартирамъ и улицамъ въ немъ живали, которыя ихъ именами слывали, понеже въ 1419 г. называется славенскій и проч. конецъ, а въ 1421 г. была во ономъ прусская улица. Зри *Гисторія новгородская* л. 442.

«Тожде чинилось и чрезъ городъ Псковъ, также вольный городъ».

«Торговля у Россіи съ Персією и къ ней принадлежащими провинціями содержалась издавна, а происходила чрезъ Астрахань городъ, именно: 1) Провинція Бегаръ или Бухаръ. Зри: *Recueil des voyages de Theven* p. 88, dans lequel *Jenkinson* en fait mention. 2) Адедбаисонъ или Хиндедбаисонъ, также провинція персидская, въ которой столичной городъ Табузъ; россияне наибольшую торговлю имѣли квасцами и пастелемъ (?). Зри *Broissiniere Dict. Theol. hist.* 3) Шемаха. Зри: *Avril voyage*, p. 83, 86 sq., *Histoire du comm. des anciens* p. 362».

«Россія издавна также и въ Хину торговлю свою имѣетъ способомъ города Тобольска въ Сибири, гдѣ всѣ купцы, назначенные съ караваномъ, обирались. Зри *Dict. geogr.* Разные пути въ Хину имѣются, о чемъ зри: *Voyage du p. Avril* p. 103, 163, 174, 201, 208, *Commerce des anciens* p. 394, *Theven, Recueil de voyages* T. 1. p. 87 sq. 92, 98, *Избранново, Voyage de Brun* p. 100».

«Съ сѣверныя страны торговля началась 1553 г., когда англичане открыли путь свой моремъ къ Архангельскому городу, отъ котораго времени оныя всѣ изъ главнѣйшихъ своихъ магазиновъ сочинили, и содержали сію торговлю одни чрезъ нѣкоторое время. Но голландцы, улуча способъ, вселились въ оную и, раздѣля оную малое время, привлекли ее потомъ всю къ себѣ, такъ что англичане почти ее всю оставили».

«О состоявіи настоящія торговли. Городъ Архангельскъ безъ

прекословія долженъ имѣть первый рангъ передъ другими: наибольшая въ немъ торговля чинится во время ярмарки, которая бываетъ въ августѣ мѣсяцѣ. Голландцы, а паче амстердамцы посылаютъ обыкновенно по два флота въ годъ. Зри о семъ Savary Diction. p. 971 и 1000, art. Colle de poisson et port d'Archangel. Изъ онаго всякіе товары иностранные въ Москву и во все государство развозились. Зри тамъ же».

«Сверхъ г. Архангельскаго, имѣются и другіе города, на тѣхъ же берегахъ, торговые: Кола, Перигородъ (?), Печора, Вытегра, Ворангеръ (?) въ Лапоніи, о которыхъ зри Sav. Dict.; также и Новая Земля, куда компанія англійская торгуетъ, о которой и о товарахъ, какіе оттуда англичане получаютъ, зри Rec. des voyages de la Comp. du Nord T, I, p. 37».

«Торговля руссійская наибольшая вездѣ чинится изъ ярмарокъ. Иностранные наилучшую прибыль получаютъ, когда они товары свои частію на товары, а частію на деньги мѣняютъ; временемъ руссіане емлютъ и въ долгъ на годъ. Какими у города держутся рублями, гривнами, московками, зри Sav. Dict., article Moscosque».

«Пошлины иностранныя платятъ съ товаровъ по пяти, а съ отпусковыхъ къ Москвѣ по десяти со ста, съ вѣсу которой... вѣпень бываетъ... Зри Savary, art. Ponde. Народы иностранные, которые въ Русь торгуютъ, а именно: англичане суть первые, которые моремъ торговать начали, и хотя они чрезъ нѣкоторое время лишены ее были, но потомъ паки позволеніе получили, однако не могли торгу своего привести въ прежнее состояніе, зри Savary... principal. p. 971, 953, l'art. Archangel. Colle de poisson p. 1408, comp. angl. de Moscow».

«Голландцы чинятъ наибольшую торговлю въ Россіи, а паче отъ временъ запрещенія англичанамъ. Зри Sav. Dict art. Archangel p. 953, 971, art. Colle de poisson».

«Датчане. Имѣется въ сей землѣ сѣверная компанія, которая торгъ свой имѣетъ на берегахъ Лапоніи, куда она ежегодно корабли свои посылаетъ. Временемъ датчане доходятъ чрезъ... даже и до..., гдѣ довольною прибыль имѣютъ. Оныя же содержатъ корреспонденцію и магазины свои у города, зри Sav. Dict. Comp. Dan. du Nord».

«Французы, шведы, гамбургцы и бремпы имѣютъ свои корреспонденціи и магазины у города. Армяне и персаны торгуютъ съ другой стороны также. Зри Dict. Savary, p. 1008».

«Товары руссійскіе, расходящіеся въ чужіе края, суть слѣдующіе: 1) Мѣха всякіе и кожи всякихъ рукъ, которые приходятъ изъ Лапоніи. Зри Sav. Dict. art... princ. p. 999 et art. Petit gris, Pelleterie, Souris de Mosc. 2) Пенька, которая добротой поставляется третья по итальянской и рижской. Sav. Dict. art. Chanvre, Cordage. Голландцы много ее отбираютъ. Зри ibid. p. 965. 3) Левъ. Голландцы также его

много къ себѣ отвозятъ. Ibid. 4) Клей рыбій единственно почти изъ московской земли приходитъ; какъ его дѣлаютъ, зри Sav. Dict. art. Colle de poisson. 5) Юфть русская, дѣланіе ея приписывается къ Россіи польской. Зри Dict. Sav., Suif. Оной много расходуется въ Мокку. въ Арабіи ко салтанскимъ турецкимъ кораблямъ. Зри тамъ же р. 1097, le Vaisseau. 6) Канаты и верви; дѣланные изъ пеньки кенгисбергской поставляются 20 на 100 лучше, нежели дѣланные изъ пеньки московской. Зри Sav. Dict. p. 1308, art. Cordage, Chanvre. 7) Поташъ. Зри Savary art. Potasse, селитра ibid. 8) Кость, зри Sav. Dict., Peigne, Dent. 9) Ревень въ Россіи водится. Sav. Dict. Reglisse; саассепарель id. 10) Сало говяжье, чего ради последнее предъ другими почитается: Sav. Dict., Suif. 11) Щетина свиная. Зри Sav. Dict. Soye de porc.

«Товары иностранные, которые привозятся, суть: 1) Золото и серебро въ монетахъ, какъ ееники, также и монету мелкую.... Sav. Dict. p. 971 Marchandises. 2) Парчи шелковыя и шерстяныя. 3) Кожи бобровыя изъ Канады, а паче называемыя обычайно бобры московскіе. Sav. p. 1279, art. Chamblé. 4) Всякой мелочной товаръ (Quinquaille). 5) Разныя металлы, какъ то: мѣдь, олово, свинецъ. 6) Пушки и другое ружье и порохъ пушечный. 7) Зеліе всякое, какъ: ладонъ, сѣра, купоросъ, явдиго, а паче приходящее изъ Агры — шаеранъ, зри Sav. p. 1127, Indigo. 8) Вина виноградныя и водки. 9) Масло деревянное и овощъ сухой. 10) Коренья, а паче перецъ. 11) Дерево всякое ради крашенья, а паче ради дѣла юфти. 12) Галунъ и кружева всякія, также золото и серебро волоченое. 13) Рыба соленая разныхъ рукъ, которою надѣляется вся московская земля изъ Норвежін. Между другою и селеди соленыя первой ловли. 14) Шелкъ, или паче изъ Персіи, зри о семъ Sav. art. Soie, или паче л. 1590, гдѣ увидится о намѣреніи, како оный торгъ весь въ руки привлечь и сколько было л. 1590».

VIII.

Переписка по поводу сочиненной кн. Дмитріемъ Кантемиромъ книги Системы магометанской религіи (каб. дѣла, II, № 57, л. 84—86).

Приговоръ святѣйшаго синода о напечатаніи историческаго дѣла, въ немъ же догматы уставы и предавія секты мухаметанскія описуются авторомъ высочайшимъ княземъ Кантемиромъ разсуждающаго.

Требовати надлежитъ отъ сятельствѣйшаго автора, дабы на шлемъ намъ изъясилъ: вся ли и каждое по одному въ дѣлѣ его изображенна, яко известная и твердая ветокмо отъ простолюдства, но и отъ избран-

VII—VIII.

нѣйшихъ Мухамеду послѣдующихъ содержатся и яко истинная исповѣданіемъ ихъ утверждаются? И откуда авторъ о нихъ извѣстися? Отъ писателей ли оныя секты или отъ христіанъ, и кто суть сіи, или оныя, или обою помянны? И аще таковое о свидѣтельхъ писанію покажетъ авторъ, напечатается оное въ началѣ или въ концѣ дѣла.

Аще еже сіе быти не можетъ, требовати надлежитъ отъ автора, да поне засвидѣтельствуетъ писаніемъ, яко нѣкая въ своемъ дѣлѣ не отъ писателей конхъ либо, но отъ сказаній, у махомеданъ въ народѣ употребительнѣйшихъ, всѣмъ же знаемыхъ и пріятыхъ и отъ устъ множайшихъ мужей, въ сектѣ оной знаменитыхъ, пріялъ. И сіе его свидѣтельство, своеручно написанное или подписанное, въ началѣ или въ концѣ дѣла напечатано будетъ.

Сихъ же отъ автора святѣйшій синодъ требуетъ не воуе и не безъ важности, но двухъ ради важнѣйшихъ причинъ, отъ нихъ же первая есть, да не како мухамеданамъ, аще бы что отъ насъ о сектѣ ихъ разславлено было, аки пріятое отъ нихъ, обаче оное ниже предано имъ есть, ниже вѣруется ими, удобный подастся случай жалитися и норицати насъ, яко лживыхъ и безстыдныхъ клеветниковъ, купно же и вопити, яко мы въ недостатку причины и оскуднѣніи явныхъ доводовъ, къ злохитрію уклонилися и, вымысливъ поруганія, супостатомъ доосаждаемъ. Отчего будетъ, что болѣе въ нечестіи своемъ утвердятся и о безумнѣйшемъ своемъ суесловіи, аки о крѣпчайшей и непренебдимѣйшей истинѣ, кичливѣе восторжествуютъ. Наше же званіе есть желати, просити и елико быти можетъ трудитися и пещися о спасеніи всѣхъ, кольми паче блюстися подобаетъ, да не подадимъ соблазнъ непреклонства невѣрнымъ.

Другая требованія причина есть, да не како насъ самихъ и христіанамъ искуснымъ во всякихъ вещехъ мужемъ, аки зѣло къ легковѣрству преклонныхъ, разсужденія же праздныхъ и посмѣянія достойныхъ и легкосердыхъ покажемъ, аще что печатнымъ тисненіемъ обнародствовати повелимъ, хотя о сектѣ по всему безумной и нечестивой, обаче оная отъ своихъ мнѣній то весьма чуждо и по клеветѣ себѣ отъ другихъ вымыслено быти изъясляетъ.

И понеже всѣ изъ типографіи нашей происходящія книги сіе знаменитое въ началѣ имутъ начертаніе, яко по повелѣнію императорскому напечатаны быти глаголются, всячески блюстися намъ подобаетъ, паче же и боятися, да не како сицевая сказанія печатая, яже не имутъ правильнаго свидѣтельства, отъ вѣры исторической далеко отстоятъ, поруганію же и посмѣянію въ мудрости наказанныхъ подложатъ и самого августѣйшаго государя нашего овященному иже ни безчестное оное наведемъ легкости шарованіе, ибо вмѣнится его величество вѣрити и удостовѣрити, яже по повелѣнію его напечатанна читатися будутъ.

VIII.

Сими убо благоволенными причинами подвигшеюся, святѣйшій синодъ обоа изъ вышереченныхъ сіятельнѣйшему автору предлагаетъ требованія, и да на оная отвѣтствіемъ довлесотворити писатель-князь не отягчится, человекѣлюбнѣйше просить. По повелѣнію св. синода подписалъ тогожъ синода совѣтникъ, школь и типографіи протекторъ Гавріилъ, архимандритъ ипатскій.

Отвѣтъ честнѣйшему о. архимандриту и прочая авторъ книжицы Система религіи мухамеданскія реченныя, о господѣ радоватися!

Требованія св. синода, приговоръ изъявляющая, подѣ именемъ честности вашей миѣ поданная, съ должнымъ принявъ почтеніемъ, прочиталъ и отвѣтствую.

На первое святѣйшаго синода требованіе предлагаю, что предреченное дѣло не требуетъ инаго свидѣльства, понеже весь приведенный въ оной книжкѣ текоть довольно и на многихъ мѣстѣхъ свидѣльствуетъ, которыхъ религіи тое возлюбителей доводами утверждается: токмо да повелитъ синодъ тщательнѣйшимъ просмотрѣти окомъ.

На второе требованіе отвѣщаю, что изъ той же книги св. синодъ полное имѣеть довлесотвореніе, ибо понеже все дѣло мое есть изданіе, никоей же вижду належати нуждѣ, чтобъ убѣждался я свои рукописанія повторительными утверждать рукописаніями. Аще же кто мухамеданскаго безумства поборникъ или всю книгу или нѣкія части ея ложны показати предвоспринемъ, такового (Богу споспѣшествующу), обличити готовъ есмь, яко злочитрїя всячески придержитя. Чего ради никако же должно быти, разсуждаю, опасатися христіанъ, имущихъ искусство языковъ и обычаевъ восточныхъ, понеже и они свидѣльствовать будутъ, яко такжде, яже и мы изъявихомъ безумства ихъ, или въ книгахъ мухамеданскихъ чтоша, или отъ самихъ мухамеданъ слышаша; что же сами мухамеданской послѣдующи религіи въ свое защищеніе вымыслити къ тому понудятя, нѣсть мое предугадывати.

На сіе же, будто не безъ опасенія и страху есть, да некако презиратели книжицы сея подѣ щитомъ имени всемогущейшаго монарха нашего принятыя, нѣчто противное и хульное безумно рекли бѣ, покорное предлагаю разсужденіе, что не подобаетъ требовати моего подписанія, но просити тогожде смотрѣльнѣйшаго (*providissimi*) монарха повелѣнія и изволенія, иже миѣ ни что же о томъ вѣдущу, надзрателью типографіи г. Аврамову напечатать оную повелѣлъ. Напоследокъ глаголю, что я по повелѣнію сочинилъ то, что подлинно знати чрезъ двадесять два года экспериенціею прибрѣтша себѣ не щед-

валъ. Напечатается ли же, или ни оное мое издаше, какъ желаніи моего не было, такъ и власти не имѣю. Честности вашей доброжелатель и слуга, авторъ Д. К.

IX.

Прошеніе господаря волоскаго безъ обозначенія года (Каб. дѣла I, № 54, л. 489 — 490).

Собственно-ручными отъѣздки Петра Великаго.

Домъ и деревни нынѣ въ Харьковѣ да-ромъ въ Москвѣ дворъ съ каменными полаты, другой загород-принсканы будутъ болѣе.

1) Дабы ему, господарю, бояромъ и прочимъ ошце-ромъ опредѣлить мѣсто, гдѣ жить и дать ему, господарю, въ Москвѣ дворъ съ каменными полаты, другой загород-принсканы будутъ болѣе. ной; и на пропитаніе дать бы вотчины въ добрыхъ мѣ-отвѣхъ, и гдѣ его пребываніе будетъ, чтобъ былъ гарнизонъ російскій.

2) чтобъ дѣла о какихъ ссорахъ его князя и фамиліи его были подъ судомъ его царскаго величества, а волоховъ бы ему судить самому.

3) Свободно бѣ ему, князю, ѣздить къ Москвѣ и въ нныя города, также и посланнымъ его и сыновей своихъ послать для наукъ въ знатныя города и нныя христіанскія страны.

Свои вещи продать по-вольню, а пошлинъ и пода-тей для образ-ка другихъ снять нельзя.

4) Дабы онъ, князь, и прочіе вещи свои продавали безъ пошлинъ и которые ему, князю, дадутся граждане и крестьяне отъ всякихъ податей были уволены.

Награждать будетъ.

5) При семъ походѣ больше 10 тысячъ ошниковъ из-держали, а данной казны царскаго величества болѣе шести сотъ рублевъ не осталось, того для просить о милости царскаго величества.

6) Быти бѣ ему, князю, въ милости царскаго величества и титулъ свѣтлѣйшаго князя онъ и наследники его да содержать; и если впредь волошское княжество будетъ подъ державою его царскаго величества, чтобъ кромѣ его самого и наследника его иной никто не былъ допущенъ.

Опредѣлить изъ свобод-скихъ нныхъ

7) Чтобъ народу волошскому, который нынѣ за вѣру христіанскую принуждены оставить отечество и ѣдутъ въ

ураинныхъ слободъ. государство російское, которыхъ числомъ мужеска и женска полу больше 4000 душъ, опредѣлить на житье изъ какихъ слободъ или маестностей.

Воздано будеть. 8) Савинъ банъ просятъ особливо за службы свои на гражденія.

Отрывокъ изъ письма Дмитрія Кантемира, отъ 23 ноября 1719 года (Каб. дѣла II, № 41, л. 166—167).

Послѣ благодаренія за дозволеніе жениться:

«Философъ нѣкій арапинъ, вопрошенъ бывъ: отъ кого научился философіи, отвѣща, яко отъ слѣпыхъ. Паки же вопрошенный: но како отъ немущихъ очесъ толь совершенную натуральныхъ вещей достигъ науку? Рече: яко слѣпыхъ подражая, николи же ступилъ ногою, аще не прежде посохомъ дорогу искусилъ. Подобнымъ прикладомъ и азъ, вашего царскаго величества рабъ, сотворихъ, близъ шести лѣтъ въ снисканіи таковыя натуральныхъ вещей науки слѣпототвуя. Таже Богу, яко мню, шествія моя управляюще, сему слѣпотетвованія образу, за милостивѣйшимъ вашего царскаго величества позволеніемъ, конецъ положихъ, и изъ трехъ оятельнаго князя Трубецкаго дочерей, соизволяющимъ родителямъ и самой невѣстѣ, избрахъ рожденіемъ меньшую княжну Анастасію, съ нею же обыкновенный въ семь государствъ брачный оговоръ и твердое постановленіе первѣе приватно, получивъ же милостивѣйшее вашего царскаго величества на то позволеніе, и публично сотворихомъ. Остася убо теперъ, да припадши къ высочайшему ногъ вашихъ подножію, всепрілежнѣйше просити начну, во еже мнѣ сею зимою, послѣ спасителя рождества, какъ возможно скорѣе (понуждаетъ бо послѣдующихъ и извѣстѣйшихъ испытанія желаніе) и въ анатомическую поступити школу, ученія же и тцанія моего желанный конецъ получить. Тѣмъ же, императоре, государю и покровителю всемилостивѣйшій, аще и ничто же заслужившаго, но вѣрнаго раба вашего смиренное не благоволи презрѣти прошеніе. Рцы и будетъ — повели и соизждуся. И елико доселѣ высочайшее вашего царскаго величества милосердіе по своей си натурѣ на мя, убогаго, изліялося, да и впредь возставленіе дому моего непреодолившую въ благодѣтельствованіи же и къ самымъ врагомъ своимъ неутрудимую десницу отъ мене подѣ монаршеское вашего царскаго величества защищеніе благополучно улучившаго, да не отымеши. Азъ же, соизволивъ Богу, по первозимнему сему пути ко отданію всежайшаго моего высочайшему вашему царскаго величества подножію поклона всѣми потщуся силами, пребывая, да въ вѣрности моей послѣднюю крови моей излію каплю. Богъ же да соблюдетъ ваше царское величество въ защищеніе и расширеніе отечества здрава въ

IX.

1

неисчислимыя лѣты. Вашего царскаго величества государя и покровителя всемилостивѣйшаго всеиужайшій рабъ Дмитрій Кантемиръ.

Прошеніе сыновей кн. Дмитрія Кантемира, представляемое послѣднимъ Петру Великому (Кабин. дѣла м. ин. дѣль II кн. № 55, л. 2).

Державнѣйшій и всемилостивѣйшій царь государь! Повеже прежде бывшій у насъ, ниужайшихъ вашего царскаго величества рабовъ, учитель іерей Анастасій Кондонди, который училъ насъ еллино-греческаго, латинскаго и италіанскаго языковъ, высочайшимъ вашего царскаго величества изволеніемъ и повелѣніемъ взятъ во службу вашего царскаго величества, мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ; а наго же означенныхъ языковъ совершенно искуснаго имѣть не можемъ. И тако онаго лишеныи суще, припадаемъ къ высочайшимъ вашего царскаго величества стопамъ и всепокорно просимъ, дабы (аще возможно есть) милостивѣйше соизволилъ повелѣть на нашъ пароль отдать іерея Либерія Колетія, который по указу вашего царскаго величества въ Соловецкій монастырь сосланъ, повеже онъ вышереченныхъ языковъ предовольно искусенъ¹⁾. И когда либо ваше царское величество отъ насъ его востребовать изволитъ, мы всегда готовы его поставить. Вашего царскаго величества, государя нашего всемилостивѣйшаго всеиужайшіе рабы Матвей Кантемиръ. Константинъ Кантемиръ. Сербанъ Кантемиръ. Антіохъ Кантемиръ. 1721 года, во 17 день февраля.

Прошеніе отъ имени. Антіоха Кантемира (Кабин. дѣла, II, № 58, л. 232).

Державнѣйшій и всемилостивѣйшій царь государь! По отлученіи отсюду брата моего во услуги вашего царскаго величества, вѣрно довошу, что я отъ всѣхъ государства сего начальниковъ въ вѣчной имѣюся ненависти, чего ради никакажде мнѣ оутася надежда у оныхъ каковымъ либо получитьи чинъ или достоинство къ довольствованію въ жизни потребныхъ наки воспріяти, отъ которыхъ ихъ ненависти и презрѣнія нынѣ въ крайнюю я пришель нищету. Того ради припадаю къ ногамъ величества вашего монаршескія, всеиужайше прося милости, да благоволитъ мнѣ нѣчто на повседневную мнѣ пищу въ милостину подати, а я донели же живъ буду, обязуюся величеству вашему во воемъ елико могу служить со всякою вѣрностію. Вашего царскаго величества всеиужайшій рабъ Антіохъ Кантемиръ, вмѣсто котораго, по его прошенію, руку приложилъ Дмитрій Кантемиръ. 1721 года февраля 17 дня.

¹⁾ Этотъ Либерій Колетій былъ замѣнанъ въ дѣлѣ о побѣгѣ царевича Алексѣя Петровича за границу, ср. Исторію Петра Великаго, г. Устралова; прилож. къ VI тому, стр. 456.

Прошенія Дмитрія Кантемира къ Петру Великому (Кабинет. дѣла II, № 58, л: 234, 365—366, 582—583).

Державнѣйшій и всемилостивѣйшій царь, государь! Благоволи на ниже писанный меморіаль милостивѣе призрѣти, и императорскую учинити резолюцію:

1.

Десятый уже идетъ годъ, отняли же подъ монаршескою величества вашего протекцію, безъ всякой дознанной службы, бесполезно жизнь провождаю: чего ради тяжчайшее въ мысль приходитъ сумнѣніе, что или я весьма за недостойнаго, или за невѣрнаго имѣюся. Буде за недостойнаго — повели мнѣ, яко недостойному и въ республикѣ не потребному, приватное впредь имѣть житіе, которое ни мнѣ прискорбно, ни другимъ завистно будетъ. Буде же за невѣрнаго счисляюся — не токмо приватнаго житія, но и единаго дохновенія недостойна мене быти самъ признаю и осуждаю.

2.

Счастлива фортуна г. генерала Кантакузина (который прежнимъ провинціи своея достоинствомъ не мнѣ, но моимъ чиновнымъ равенъ былъ) — за десятилѣтнюю уже службу по достоинству и высшаго чина не трудно надѣяться можно. А я доселѣ ни за достойнаго, ни за непотребнаго вмѣненъ и безъ всякой дознанной службы будучи, чего надѣяться впредь или чего отчаяватися могу — незнаю, токмо то предусмотрию, что дѣти мои по мнѣ не ино что наслѣдить имѣють, развѣ мое непотребство.

3.

Братъ мой рожденіемъ большій и племянники иные во Царь-градѣ, иные въ Молдавіи, крайнюю страждуще скудость, едва повсядневную имѣють пищу, и то за мою причину, что вѣрность величеству вашему соблюлъ непорочную. О которомъ (братъ моему) прошедшаго году я покорнѣе просилъ, но никакова отвѣтствія не получилъ. Того ради, по приказу его, наки съ покорностью прошу.

4.

Загороднова двора, о котораго дачѣ тремя именными указами правительств. сенату повелѣно, еще недано.

5.

При Санктъпитербурхѣ мызы, лѣсу и сѣнокосныхъ луговъ не имѣю; и того ради все покупаю за деньги, а домъ содержу по примѣру прежняго моего достоинства и по титулу князя отъ величества вашего милостивѣе данному и, по вся дни въ деньгахъ оскудѣвая, не мало задолжился.

6.

Учитель, котораго я со мною привезъ изъ Молдавіи для ученія

IX.

дѣтей моихъ греческаго, латинскаго и италянскаго языка, нынѣ по указу величества вашего взять въ духовную коллегію. И пожеже на-го въ сихъ языкахъ искуснаго обрѣсти невозможно, ниже я силу имѣю послать дѣтей моихъ въ европскія страны, (то) они съ немалою моею и своею утратою время погубляютъ.

7.

Во время похода вашего величества въ Молдавію (кромѣ тѣхъ, которые куплены за готовые изъ казны величества вашего деньги), я далъ комиссарамъ больше 10,000 воловъ и больше 15,000 овецъ, да 10,000 талеровъ, на которые хлѣбъ въ Буджакѣ, по указу величества вашего, я купилъ, но турки отняли, за которые (хотя въ данныхъ мнѣ величества вашего пунктахъ о награжденіи сими словами подтверждено есть: за утрату, учиненную въ семъ походѣ, награжденіе будетъ впродъ) въ настоящемъ времени ничего не требую, кромѣ малыя нѣкія величества вашего милости, дабы могъ я бѣдному моему помощи брату и двухъ сыновъ моихъ въ европскія страны для наученія послать. Вашего царскаго величества всеицжайшій рабъ Дмитрій Кантеміръ 1721 года, февраля дня.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Вѣстно есть величеству вашему, что амбіція, взыскующая почестей и достоинства единныя тщетныя и недолжныя славы, всячески гнусна есть; хвальна же, которая съ достоинствомъ купно и къ публичной взираетъ пользѣ, чрезъ вѣрныя и похвалы достойныя, государю своему и государству показанныя службы взыскуется и пріобрѣтается. Которою правостию я подвиженъ сущи, къ ногамъ священнѣйшаго величества вашего припадши, всепокорно прошу, дабы на кратчайшія мои супликаціи милостивѣйшимъ благоволилъ призрѣти окомъ.

Въ службу величества вашего, не яко бѣглець или злосчастіемъ изверженъ, названный по манифестамъ величества вашего, ради общія христіанства пользы, съ добротнымъ и добронзвольнымъ пришелъ сердцемъ. Чего ради, оставя отечество и отечественное владѣтельство, братію же и сродниковъ, въ тяжчайшія бѣдства купно съ дѣтьми моими вдатися не усумнѣлся и, еже чловѣкомъ паче всего жаеаемо есть, султанскія чести (о которыхъ еще реку, что между христіанскими князи, оной имперіи подлежащими, первенство имѣя, не посрамлюся) для величества вашего презрѣлъ и ни во что вѣннилъ; въ настоящая же и нмуцадая быти бѣдства веселымъ вдатися сердцемъ готовъ былъ.

Будучи въ Константинополѣ вѣрность, которую общалъ превосходительнѣйшему г. Петру Андреевичу Толстому не нарушилъ, въ чемъ мнѣ Богъ самъ и его превосходительство свидѣтельница. А какъ прибылъ въ Молдавію, прежде и послѣ пришествія величества вашего въ нашу

землю, ту жь ли соблюлъ вѣрность—тебе, государя моего и императора моего, судію и свидѣтеля поставляю.

Въ ономъ величества вашего походѣ и въ самой подѣ Прутомъ акціи, перомъ и мечемъ оструждаяся, словомъ и дѣломъ служилъ и войску величества вашего способствовалъ, елико могъ усердѣйше, паче же и животъ мой готовъ былъ положить, аще бы воля величества вашего и счастье мое допустило.

Потомъ Богу такъ устроившу, по отшествіи оттуду величества вашего, я моею въ сіе священное государство прибытіи, близъ десяти лѣтъ, аще и празденъ былъ, обаче не яко не хотѣлъ, но яко не имѣлъ новелѣній, однако жь яко о томъ всегда жалѣлъ—самъ величество ваше и моя совѣсть свидѣтель быти можетъ.

Намятетьвую, всемилостивѣйшій государь, многократное величества вашего повелѣніе, дабы я въ двери милосердія вашего ошлѣйшею толкалъ рукою, и аще бы чего желалъ, величества вашего высочайшая милость николи же отказала бы; но лютость временъ и воинскія упражненія, а наипаче мое недостойнство, всегда мнѣ молчаніе налагали. Егда же по высокому своему изволенію которую службу мнѣ опредѣляти изволилъ еси, абіе съ веселымъ пріяхъ и пріемлю сердцемъ. Пожалованнымъ есмь доволенъ, о исполненіи же обѣщанныхъ не отчаяваюся, понеже знаю, что слова императорскія туюжде смлу имѣють, что и дѣла, хотя и остается въ неравенствѣ временъ желанное дѣла исполненіе.

Жилъ доселѣ безъ выраженнаго кондиціи моея степени, ибо безъ различія и того ради ниже высшій за добаду себѣ имѣти, ниже иносшій пресумовати можаше. Нынѣ же, всемилостивѣйшій государю, понеже изволяеши каждому подданныхъ своихъ кондиціи его степени назначати и жестоко повелѣвати, да оныя безъ поврежденія чести овято соблюдаемы будутъ и комуждо оное да воздается. По титулу тайнаго совѣтника (который въ табелѣ классовъ рангу генераль-маіора равняется) крайнюю мнѣ обиду быти явственно есть. Чего ради всенокорѣйше прошу величество ваше, аще не первого, то хотя втораго класса степень мнѣ опредѣлити да соизволиши. Аще ли же и сего недостойнъ покажуся величеству вашему, да благовольтъ величество ваше тяжчайшія мнѣ впредь наложить дѣла. Можетъ быть, Богу помоществующе, оныя благополучно исполнивъ безъ глубокой (аще жизнь мнѣ продолжится) старости предъ пріятелими и непріятелими величества вашего достойнѣйшій явлюся. Вашего величества государя всемилостивѣйшаго всенижайшій рабъ Дмитрій Кантемиръ. 1721 г., сентября дня.

Всеяреошлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ все-россійскій, Петръ Великій, отецъ ошечества, государь всемилости-

ІІ.

вѣйшіи! Въ чемъ, и сколько и отъ котораго времени безъ всякаго вѣрности нарушенія я служилъ вашему императорскому величеству, не имѣю что говорить, понеже оное все вашему императорскому величеству больше извѣстно, нежели чтобъ я изчислять хотѣлъ.

Того ради то токмо въ высочайшую величества вашего дерзая привести память, что не мои заслуги, но ваша императорская сама отъ себе произвела щедрота. Многократно мнѣ повелѣно было, чтобъ я отъ императорскаго величества вашего просилъ, чего хочу, благонадежно, а ваше величество что праведно и возможно вамъ есть, не откажетъ. Но понеже мятежныя доселѣ времена больше молчать принуждали; нынѣшній благополучнѣйшій покой такія смиреннѣйшія велитъ произнести словеса: большаго богатства отъ тебе, всемилостивѣйшій и въ своемъ словѣ постояннѣйшій императоре, нищю, понеже елико имѣю тѣмъ и доволенъ есмь, обаче нищю того, чего твоя императорскаго правота (о которой всегда прилежаніе имѣешь) и постоянство (котораго николи же запамятуешь) требуетъ. Благоволи убо, всемилостивѣвшій государю, на нижензъявленное покорнѣйшее мое призрѣть прошеніе.

Мултанскій князь Бранкованъ въ бывшую акцію, обѣщавъ токмо вѣрность (однакожъ не показалъ оной), получилъ отъ вашего императорскаго величества милость и честь кавалера ордна св. ап. Андрея. А я, рабъ вашъ, данную вѣру свято соблюлъ, подвигомъ добрымъ подвизался, и теченіе совершилъ и все елико могъ вѣрно (чему ваше императорское величество могу очевиднаго имѣть свидѣтеля) исполнилъ. Чего убо воспрошу отъ тебе, праведнѣйшій судія и всемилостивѣйшій государю? Воспрошу чего самая твоя правда потребуетъ, то есть вѣроломнаго онаго талантъ, дабы мнѣ вѣрному рабу пожаловать сонзволѣлъ.

Буде же и теперъ еще недостоянъ являюся, всепокорно прошу, дабы таковую новелѣлъ опредѣлить мнѣ службу, которой дѣйство моглобъ вѣкогда такую жъ честь заслужить. Также въ генеральномъ ранговъ постановленіи, въ которомъ классѣ и послѣ которой персонаы мѣсто мое знать имѣю, дабы о томъ всемилостивѣйшимъ вашего императорскаго величества указомъ въ сенатѣ объявлено было. И по оному объявленію, дабы милостивѣйше повелѣлъ дать свой императорскій патентъ. В. и. в. всенижайшій рабъ Дмитрій Кантемиръ. 1722 г. января дня.

Письмо Дмитрія Кантемира къ кабинетъ секретарю Макарову изъ Дмитріевскаго 23 іюля 1723 г. (Каб. дѣла II, № 63, л. 14).

Государь мой Алексѣй Васильевичъ! О слабости здоровья моего, которая день отъ дня прибавляется, а не умалется, не распростра-

IX.

няю, поспеже вижу, что къ кончинѣ ближе идетъ, нежели къ уздравленію; имѣю же крайнюю въ деньгахъ нужду, такъ что буде милостивый творецъ хотя малую подасть крѣпость, то и въ путь отправится нечѣмъ, а ежели кончина живота приспѣетъ, то похоронится нечѣмъ будетъ. Того ради прошу, дабы по своей ко мнѣ благодѣтельской любви въ выдачѣ на сей годъ опредѣленнаго мнѣ жалованья пріятственное показалъ пособіе. По истиннѣ имѣю крайнюю нужду, и въ самыхъ домовныхъ потребахъ исправиться нечѣмъ, и здѣсь, хотя въ деревняхъ за слабостью здоровья живучи, все за деньги покупаемъ. Повторно прошу неоставить сего моего прошенія, за что, аще живъ буду, всеусердно готовъ отслужить. Въ чемъ на пріятственную вашу любовь уповаю, остаюся высокородія вашего всегдашній и доброжелательный слуга Дмитрій Кантемиръ.

Письмо къ Екатеринѣ I семейства Дмитрія Кантемира о кончинѣ его (Каб. дѣла II, № 63, л. 15—16.)

Всемиловѣйшая императрица государыня! Какъ всякое наше благополучіе почерпаемъ отъ неоскуднаго величества вашего милости источника, такъ и въ злоключеніяхъ, бѣдствахъ же и печалѣхъ не иное имѣемъ прибѣжище, токмо величество ваше. Прекратя многословіе, всемирнѣйше припадаемъ къ ногамъ величества вашего, едина — горькое вдовство, другіе же — бѣдное сиротство всемиловѣйшей государыни изъявляюще, ибо сего августа 21 дня по полудни вѣрный величества вашего рабъ, мой сожитель, а нашъ отецъ — князь Дмитрій Кантемиръ, по долговременной своей и многотрудной болѣзни (будучи въ сѣвскихъ деревняхъ), временнаго житія теченіе скончавъ, на вѣчное преселился. Того ради, слезно просимъ величество ваше, да не отриновенны будемъ отъ высочайшія величества вашего милости и да не въ конецъ въ сей горести погибнемъ. О погребеніи жъ тѣла его, которое на сихъ же дняхъ въ Москву повеземъ, всенижайше просимъ доложить императорскому величеству и, какое его величества на то соизволеніе будетъ, милостивѣйше указомъ опредѣлить. Величества вашего всенижайшіе рабы

Матвѣй Кантемиръ.

Константинъ Кантемиръ.

Сербанъ Кантемиръ.

Антиохъ Кантемиръ.

Княгиня Настасья Кантемирова.

Княжна Марія Кантемирова.

Княжна Смарагда Кантемирова.

Въ Дмитревскомъ, августа 22 дня 1723 г.

Собственноручное прошение Антиоха Кантемира къ Петру Великому (Каб. дѣла II, № 69, л. 453).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ все-россійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій!

1.

Крайнее желаніе имѣю учиться, а склонность въ себѣ усмотряю чрезъ латинской языкъ спискати науки, а именно знаніе исторіи древнія и новыя, географію, юриспруденцію и что къ статусу политическому надлежитъ. Имѣю паки и къ математическимъ наукамъ не малую охоту, также между дѣломъ и къ миниатурѣ.

2.

Но понеже вышепомянутыя науки, какъ рачительнѣе снискиваются, такъ и удобнѣе пріобрѣтаются въ знаменитыхъ окрестныхъ государствъ академіяхъ, требуется и нѣкольколѣтнему тамъ пребыванію и денежное иждивеніе, а сиротство мое и крайній въ деньгахъ недостатокъ безъ всякаго моего изъясненія сами собою вашему императорскому величеству довольно вѣдомы суть.

Того ради всеподданнѣйше прошу, да повелитъ высокодержавство ваше мене, нижайшаго, для пріобрѣтенія вышепомянутыхъ наукъ отпустить въ окрестныя государства и для моего сиротства, по монаршему своему великодушію, хотя малое что на тамошнее иждивеніе милостивѣйше пожаловать. Вашего императорскаго величества всеняжайшій рабъ К. Антиохъ Кантемиръ. Подана 25 мая, 1724 года.

